Гісторыя Беларусі ў дакументах, манаграфіях, літаратурных помніках

Верхнее Поднепровье и Белоруссия

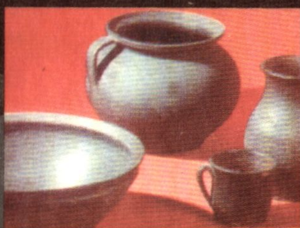

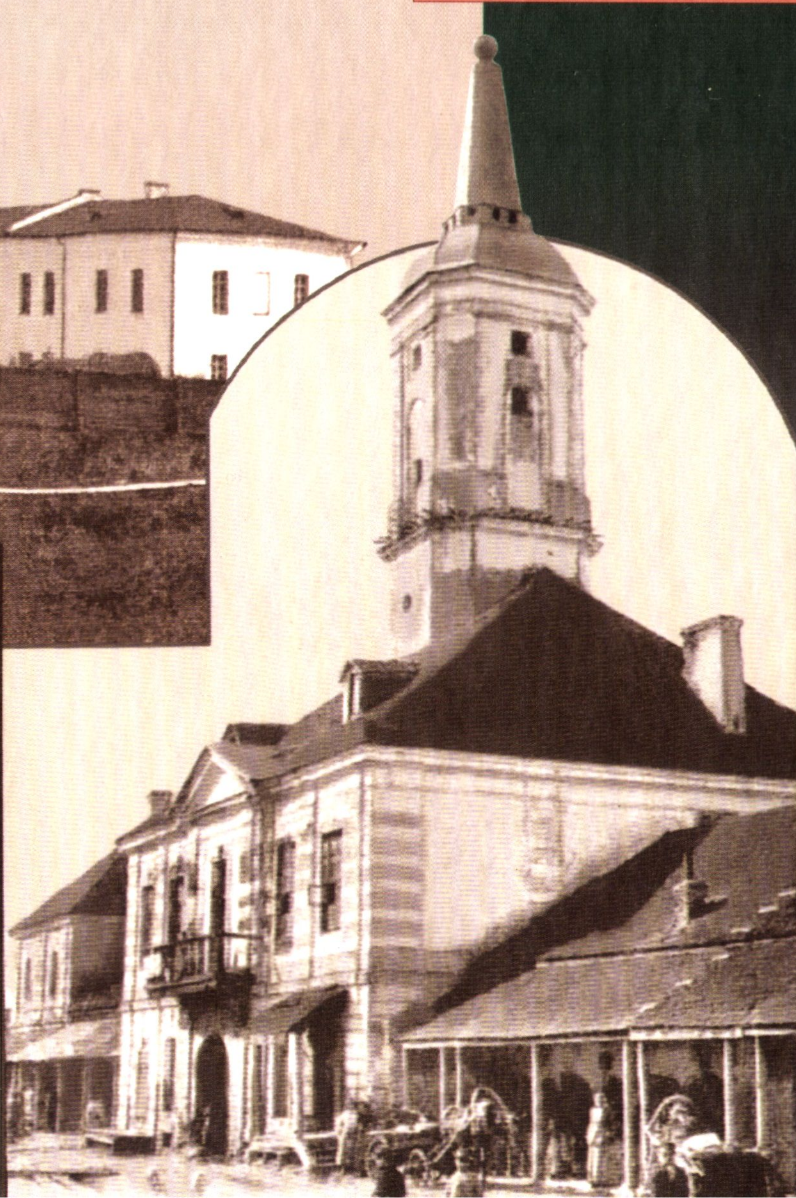

Верхнее Поднепровье и Белоруссия

Гісторыя Беларусі
ў дакументах,
манаграфіях,
літаратурных помніках

Гісторыя Беларусі ў дакументах, манаграфіях, літаратурных помніках

Гісторыя Беларусі ў дакументах, манаграфіях, літаратурных помніках

Верхнее Поднепровье и Белоруссия

Минск
«Беларуская Энцыклапедыя»
2006

УДК 908 (476)
ББК 26.89(4Беи)
В 36

При подготовке иллюстраций был использован экземпляр издания отдела редкой книги, рукописей и старопечатных изданий Центральной научной библиотеки им. Я.Коласа НАН Беларуси, за что приносим благодарность руководству библиотеки и сотрудникам отдела.

В 36 **Верхнее Поднепровье и Белоруссия.** Полное географическое описание нашего Отечества / Сост. : В.П.Семенов (Тян-Шанский, И.В.Довнар-Запольский, Д.З.Шендрик и др. — Мн. : БелЭн, 2006. — 456 с. : илл.

ISBN 985-11-0345-4.

Белорусы...

Кто мы такие? Сколько нам лет-веков, долог ли наш исторический путь, где и когда он начался? Кто были наши предки, как они жили, чем занимались, во что верили, каким богам и силам природы поклонялись? Как отдыхали, веселились, с кем дружили, враждовали? Какими были наши поселения, города, местечки, села, деревни, фольварки, хутора, имения?..

Некогда это издание было настольной книгой каждого образованного человека, ибо давало «полное географическое описание нашего Отечества». История возвращается...

УДК 908 (476)
ББК 26.89(4Беи)

ISBN 985-11-0345-4

Предисловие к девятому тому

Область Верхнего Поднепровья и Белоруссии, состоящая из губерний Витебской, Смоленской, Могилевской и Минской, только восточным своим краем захватывает северо-западный угол Среднерусской возвышенности, орошаемый Волжской и Окской речной сетью, центром же своим лежит в полосе возвышенных волоков между речными бассейнами Черного и Балтийского морей (Днепром с Припятью, Западной Двиной и Неманом), тянущихся параллельно Московско-Брестской железной дороге. К северу от этих волоков местность носит характер приозерной, холмистой, балтийской страны с ее типичным моренным ландшафтом; к юго-западу от волоков тянутся бесконечные, болотистые, малопроходимые, оригинальные низины и трясины Полесья, а к юго-востоку и востоку — широкие, слегка волнистые плоскогорья с ландшафтом среднерусских нечерноземных местностей (Калужской, Московской губ.). Малоплодородная, глинисто-песчаная почва Верхнего Поднепровья и Белоруссии способствовала скоплению здесь лесных богатств и болотных образований, но мало благоприятствовала земледелию, а отсутствие здесь особенно ценных ископаемых богатств не содействовало развитию горных промыслов. С другой стороны, удобное географическое положение рассматриваемой области на великом водном пути из «Варяг в Греки» делало ее важным промежуточным звеном в торговых отношениях севера и юго-запада Европейской России. Вот почему значение территории Верхнего Поднепровья и Белоруссии с самого начала русской истории до наших дней было главным образом политическое, а экономическое значение отдельных пунктов на великом пути «из Варяг в Греки» сводилось больше к складам товаров, поступавших из-за границы в обмен на произведения соседних русских областей и частью местные.

Сначала в Верхнем Поднепровье и Белоруссии шло соперничество двух древних русских центров — южного (лесостепного) Киева с северным (лесным) Полоцком. Когда же Полоцк ослабел в этой борьбе, а затем окончательно обессилел в борьбе с ливонскими немцами, и его значение, как северного русского политического и торгового центра всецело перешло к Новгороду, на здешней же территории предстояла борьба Киева с Новгородом, если бы к этому времени центр южной Руси не перешел уже из Киева далеко на северо-восток — на Суздальскую получерноземную поляну (Юрьево поле), около которой и произошла сначала местная борьба Владимира и Суздаля с новгородским Ростовом, а затем окончательная ее развязка в виде борьбы Москвы с Новгородом. Кровавая лесостепная драма Руси с кочевниками, в борьбе за существование оседлого русского населения выковавшая своеобразный строй Московского государства, почти не коснулась лесистых Верхнего Поднепровья и Белоруссии, и здесь в относительной тиши и вдали от усобиц между севером и югом коренной Руси стал образовываться новый, своеобразный литовско-русский полити-

ческий центр, быстро сблизившийся с соседней польской культурной группой, понемногу сообщившей ему многие свои характерные черты, весьма отличные от восточной — московской славянской группы, ассимилировавшей в свою очередь многие черты строя соседних полуоседлых тюркских государств (казанских и астраханских татар). Когда Москва, наконец более или менее справилась с кочевниками, она не могла не вступить в столкновение с этим родственным, но в то же время во многом принципиально отличным от нее польско-литовско-русским центром, территориально отделявшим ее от Западной Европы. Естественно, произошел «домашний, старый спор славян между собой», — как выразился Пушкин, — в виде продолжительной, кровавой усобицы между двумя великими собирательницами славян на Европейско-Русской равнине — Польшей-Литвой и Москвой с окончательным успехом на стороне последней, — усобицы, затихшей к обоюдной культурной выгоде только во второй половине XIX века. Из всего этого понятно, что политико-этнографический элемент, осложненный к тому же еще присутствием в крае позднейших чуждых насельников — евреев, должен неминуемо играть преобладающую роль в описании Верхнего Поднепровья и Белоруссии, чем и объясняется то обширное место, которое он занимает в настоящем томе.

Редакция считает своим долгом выразить признательность проф. Е.О. Карскому за просмотр приложенной здесь этнографической карточки Верхнего Поднепровья и Белоруссии, а также бар. М.Э. Нольде, В.А. Бальцу и М.А. Круковскому за предоставленные ими в распоряжение редакции фотографии.

В. Семенов.
Март 1905 года.

РОССІЯ.

ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.

НАСТОЛЬНАЯ и ДОРОЖНАЯ КНИГА

ДЛЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. Семенова

И ПОДЪ ОБЩИМЪ РУКОВОДСТВОМЪ

П. П. Семенова и акад. **В. И. Ламанскаго**

Вице-Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВЕРХНЕЕ ПОДНѢПРОВЬЕ и БѢЛОРУССІЯ.

Со 111 политипажами, 37 діаграммами, картограммами и схематическими профилями, 1 большой справочной и 10 малыми картами.

СОСТАВИЛИ:

В. П. Семеновъ.—М. В. Довнаръ-Запольскій.—Д. З. Шендрикъ.— А. К. Кабановъ.—А. П. Сапуновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

1905.

ОТДЕЛ I

ПРИРОДА [1]

ГЛАВА I

Формы поверхности и строение земной коры в пределах Верхнего Поднепровья и Белоруссии

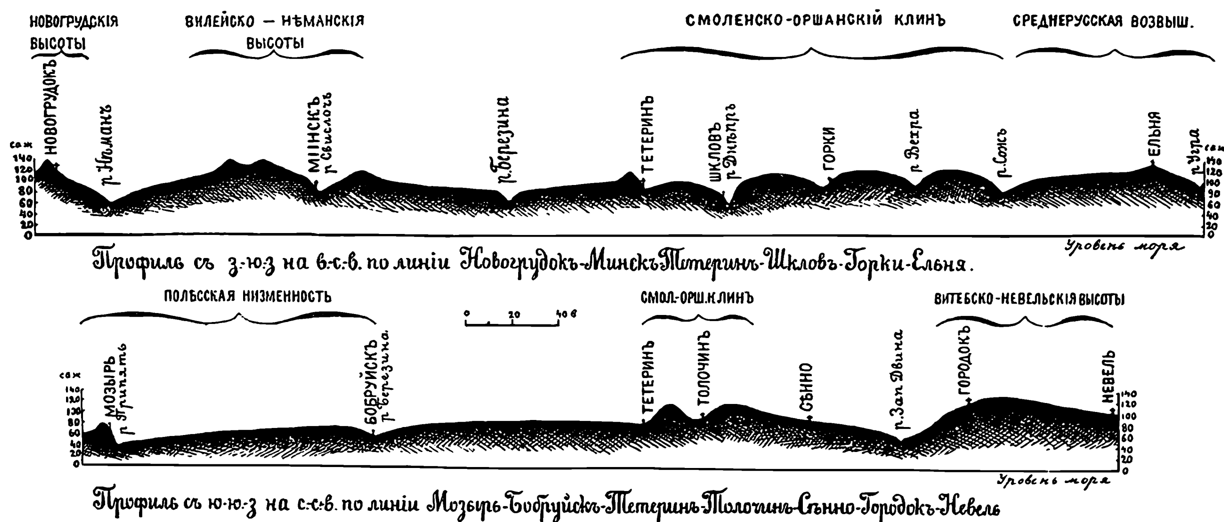
Общая орографическая картина области. — Моренная страна Витебской и северной части Смоленской губернии и Витебско-Невельские высоты. — Оковский лес. — Среднерусская возвышенность и ее отроги в пределах области. — Вилейско-Неманские высоты. — Полесская низменность. — Реки. — Озера. — Болота. — Памятники различных геологических эпох в области. — Полезные ископаемые. — Минеральные источники. — Почвы.

В орографическом отношении Верхнее Поднепровье и Белоруссия представляют в северной своей половине холмистую возвышенность, а в южной — плоскую низменность. В общем, наиболее возвышенной частью рассматриваемой области является Смоленская губерния, так как она занимает западный клин северной части Среднерусской возвышенности, заставляющий Днепр течь до самой Орши в западном направлении. Продолжением этих возвышенностей за Днепром служат Вилейско-Неманские высоты, частью тянущиеся по северо-западной границе Минской губернии, но большей своей частью принадлежащие уже соседней Виленской губернии. Особняком на севере области стоит еще Невельско-Витебская гряда, тянущаяся севернее Витебска в меридиальном направлении. Остальные части Витебской губернии представляют местами полувозвышенные, а местами высокие пространства, переходящие только на крайнем северо-западе области, в Режицком уезде, в окрестностях обширного озера Лубан в Прибалтийскую низменность. К югу от западных отрогов Среднерусской возвышенности и Вилейско-Неманских высот наблюдается постепенный переход к Полесской болотистой низменности, и, наконец, последняя занимает всю южную часть области.

Такова общая орографическая картина рассматриваемого края. Если мысленно проведем линию от Двинска через Витебск на Смоленск, а отсюда на верховья Западной Двины, то севернее мы будем иметь типичную *моренную* страну, ландшафт которой был вкратце охарактеризован в III томе «России» (стр. 2—3), и которая непосредственно переходит в южную часть Озерной области в виде Вязовских, Судомских и Бежаницких возвышенностей (там же, стр. 6). Типичные черты этой моренной страны наиболее резко запечатлелись посередине ее — на территории Витебской губернии, заключающей на всей своей площади более 2 ½ тысяч озер, крупных и мелких. На западе Витебской и на территории северной части Смоленской губернии моренный ландшафт постепенно исчезает, и местность сопровождается значительно меньшим количеством озер. Последние черты типичной моренной страны доходят до самого г. *Смоленск*, где С.Н.Никитин наблюдал два геологических разреза так называемого «озоваго» строения, о чем будет сказано ниже.

В северо-западной части Витебской губернии, в Режицком уезде, там, где возвышенная моренная страна переходит в Прибалтийскую низменность, между понизившимися холмами заметна значительная заболоченность котловин и долин торфяниками, среди которых шведский ученый Натгорст нашел остатки полярной растительности. Далее к востоку — от Режицы на Люцин — местность повышается. В окрестностях последнего города, близ озер Цирманского и Лужи тянется уже высокая, резко выраженная моренная гряда. В Люцинском уезде вообще наибольшей известностью пользуются следующие возвышенности: гора Липовая при дер. Ландваров, гора Замковая при дер. Замковой и гора Золотая к югу от Люцина между дер. Трокшаль и фольварком Новомыслями. Между Люцином и Себежем местность, сохраняя свой морен-

[1] Отдел составлен редакцией.

Профиль съ з.-ю.з на в.-с.-в. по линіи Новогрудокъ-Минскъ-Тетеринъ-Шкловъ-Горки-Ельня.

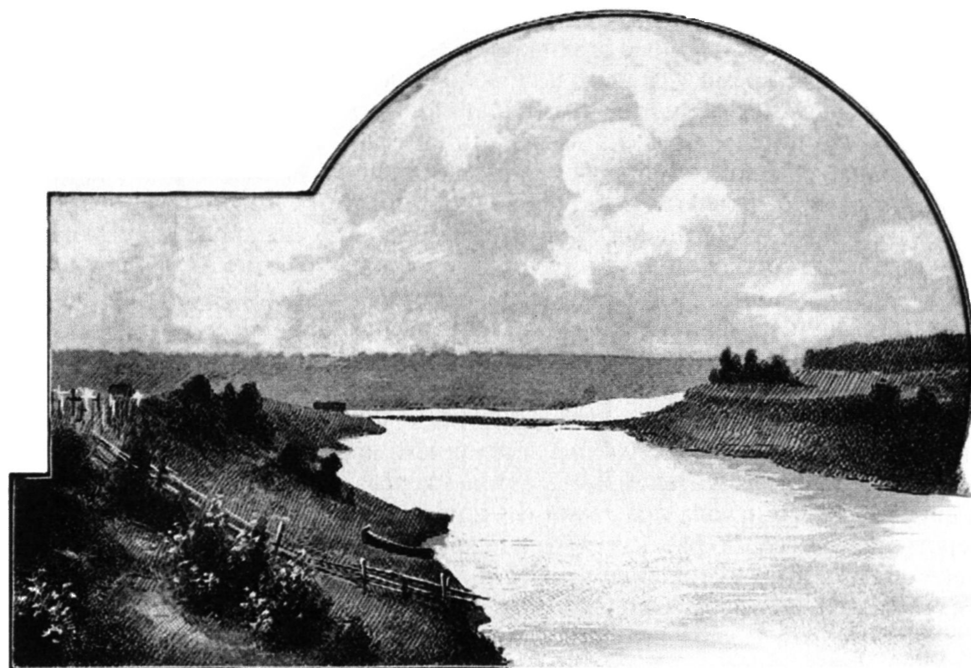
Профиль съ ю.-ю.-з на с.-с.-в. по линіи Мозырь-Бобруйскъ-Тетеринъ-Толочинъ-Сѣнно-Городокъ-Невель

ный характер, понижается, наблюдается преобладание в ландшафте обширных болотных низин, окаймленных береговыми песками и дюнными валами. Близ Себежа местность уже снова имеет облик «изобилующий контрастами высоких холмов, замкнутых озерных и болотных котловин» (Никитин[1]).

В 2 $^1/_2$ версты от Себежа находится известная возвышенность — гора Вздыхалинка. В Себежском уезде можно отметить еще гору Куксину близ дер. Выгородки и гору Замковую при дер. Морозовке. Наконец, в северной части Невельского уезда, по словам того же Никитина, «моренный ландшафт принимает резкие очертания, что, вместе с обилием глубоких озерных котловин, придает стране на далекое протяжение к северу совершенно горный характер. Бóльшая часть этой холмистой страны покрыта сплошным лиственным лесом, представляя довольно редкий в этих частях пример области нетронутых культурой березово-осиновых лесов с редкой елью». В тех же частях Невельского уезда близ с. Рыкшина «глубокие пропасти, долины и котловины сменяются горами с почти неприступными, крутыми склонами. Существующие карты не дают никакого представления об этом горном ландшафте. Высота гор, нигде не измеренная, должна быть очень значительна, так как сама железнодорожная линия (Московско-Виндавская), проходящая у их подножия, поднята выше 100 сажен абсолютной высоты. Тем не менее, все это пространство во всех выемках и разрезах не обнаруживает ничего кроме моренных глин». Невольно напрашивается предположение, не рассказы ли очевидцев об этой моренной, возвышенной и дикой когда-то стране породили представление в старинной географической литературе со времен Птолемея о каких-то цепях гор, протянутых в широтном направлении, с которых будто бы текут Днепр и Волга, сбивавшееся с представлениями о существовании здесь же обширных озер и «palus magna; последние отголоски «цепи гор» в этих местностях как бы остались еще в известном фон-Рооновском представлении об «Урало-Балтийской гряде». Как бы то ни было, но к югу от описываемой Никитиным «горной страны» тянется в меридианальном направлении через города Невель и Городок уже прочно установленная гипсометрической картой Тилло Витебско-Невельская гряда, которую Никитин характеризует так: «Это действительно очень высокая на глаз страна с типичным холмистым моренным ландшафтом, с холмами, по большей части вытянутыми в меридианальном направлении, но с куполообразным очертанием вершин и склонов, лишенных резких форм. На вершинах холмов и в котловинах — обилие валунов на поверхности. Сложение их обнаруживает только одну красно-бурую моренную глину и кое-где по холмам верхневалунные пески; ни один из прилегающих разрезов верховых речных долин коренных пород не обнажает. Есть полное основание заключить, что вся высокая страна сложена из одних только моренных грядовых накоплений. К озеру Езерищу и речке Оболи наблюдается очень отчетливо выраженные террасовидные спуски с этих высот».

К востоку от Невельского и Городского уездов в Велижском уезде местность, пересеченная долиной Западной Двины, понижается и становится более гладкой. К ю.-в. отсюда, по направлению к Смоленску, уже в пределах Поречского уезда Смоленской губернии водораздел между бассейнами

[1] Никитин. Геол. набл. по Московск.-Винд. ж.д. Изв. Геол. Ком., XVII, 1898.

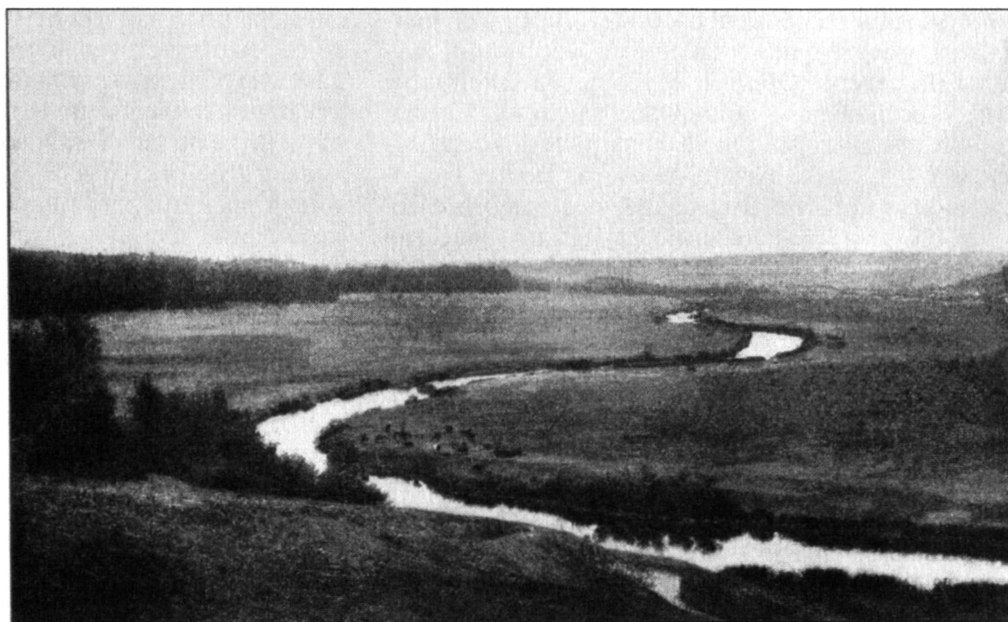

Слияние Межи с Западной Двиі экспедиции по исследованию ист рек Европейской России).

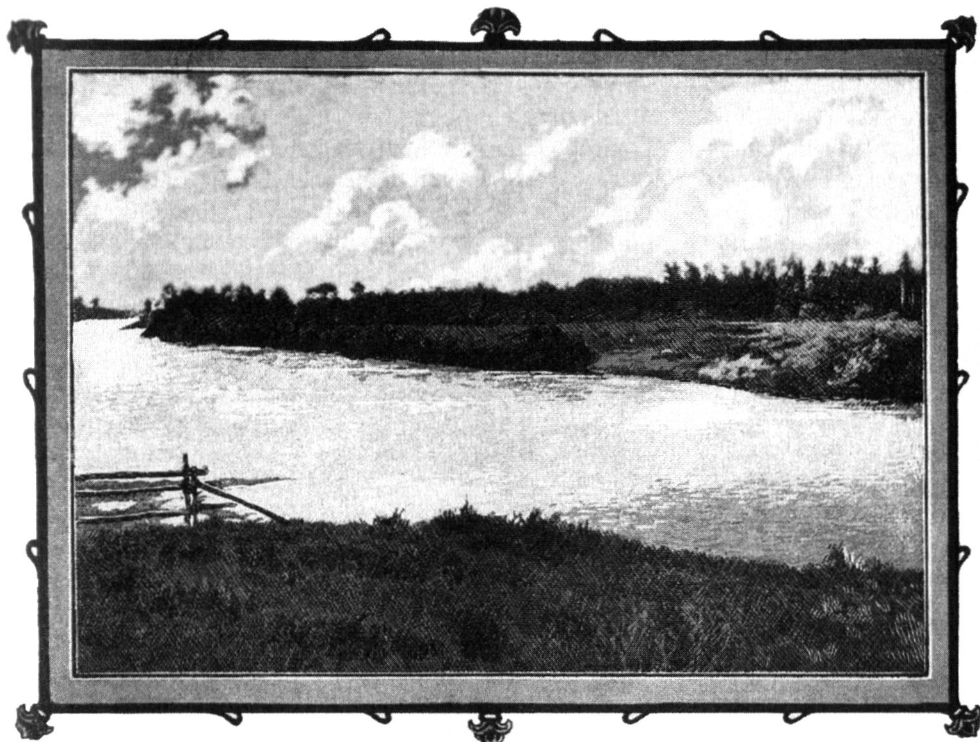
Зап. Двины (р. Касплей) и Днепра (р. Хмостью) «представляется возвышенностью с наивысшими пунктами во всей северо-западной части губернии (Смоленской), в значительной степени пересеченной оврагами и долинами речек и ручьев, с круглыми и плавными поднятиями берегов, равно как и склонов самой возвышенности в каждой детали ее рельефа. В общем, рельеф этой местности принадлежит к тому типу, который принято называть «моренным ландшафтом» (Криштафович). Иная картина представляется наблюдателю еще восточнее, в Бельском уезде, при встрече с так называемым в старину Оковским (Волоковским) лесом, т.е. возвышенной перемычкой между Валдайской и Среднерусской возвышенностями, сложенной из пород девонской и каменноугольной систем. Здесь, по словам Никитина, моренный ландшафт «исчезает совершенно. Исчезают не только резкие очертания холмов, но вместе с тем и озерные котловины. Вся северная часть Смоленской губернии в области бассейна Межи с ее притоками, вместе с прилегающими бассейнами Жукопы на севере, Обши и верховьями Днепра на юге, — есть область обширных, высоких, заболоченных и лесных равнин на сплошном покрове моренного суглинка, в очень немногих местах всхолмленного в пологие, невысокие, закругленные моренные бугры, обыкновенно служащие пунктами поселений и распаханные под пашни». Несколько южнее, в верховьях Днепра, тот же Никитин так характеризует «Оковский лес»: «Все эти гипсометрические особенности страны производят на глаз наблюдателя в общем впечатление равнины слабо и неправильно бугристой и волнистой, с пологими скатами, слабыми, незаметными подъемами по разным направлениям и неглубокими, плоскими болотными котловинами, занимающими нередко большие площади. Рельеф этот не представляет никакого подобия ровному, изрезанному глубокими долинами плато верховьев р. Оки, но он не имеет и такого разнообразия в вертикальном расчленении, какое мы видим, напр., в верховьях р. Волги. Так, здесь нет такого обилия озерных котловин, напротив, на всей площади (верховьев Днепра) имеется лишь два, заслуживающих внимания, небольших озера: Гавриловское и Моховое; следовательно, можно сказать, что озерные котловины не оказывают почти никакого влияния на общий рельеф рассматриваемой местности. Нет озерных котловин — нет вместе с тем и вообще живописных холмов и высоких гряд с крутыми склонами, какие наблюдались нами в верховьях Волги; моренный ландшафт, столь типичный для Волги, здесь отсутствует почти совершенно. Преобладающую роль играет равнина». Никитин объясняет эту разницу «вероятно относительно быстрым отступанием ледника на площади современных верховьев Днепра, отчего материалы моренные не имели времени здесь накопиться в значительном количестве. Основная морена легла ровным и относительно незначительным слоем, и моренный ландшафт почти не получил внешнего выражения». Здесь же, вследствие развития известняков каменноугольной системы, уже можно наблюдать явления карстового характера, вроде нижеследующего, описанного Д.Н.Анучиным: «У дер. Мокруш (Бельского уезда) наблюдается даже интересное явление — исчезновение в известняках речки Поникли. Она упирается в стену, высотой около 2,5 метров, сложенную вверху под слоем растительной почвы, из толстого пласта красной глины с известковыми и кремневыми валунами, а ниже — из

известняка. Крутом в этом месте видны отложения речного ила, обусловленные разливами реки, уровень которой во время весеннего половодья значительно повышается, и она течет тогда по наземному руслу. Но по спаду вод, когда река принимает нормальные размеры, вода ее исчезает перед упомянутой стеной, пролагая себе, очевидно, дорогу в нижних слоях известняка или на границе между ним и подстилающего его глиной. Появляется река снова, по словам местных жителей, у села Поникóль (Поникли́) в виде ключей, образующих небольшое озеро, из которого она уже течет непрерывно до своего впадения в Межу. Подобное же рассказывают о р. Жерди (в Мольнинской волости), показанной на карте сплошным течением, но, по словам местных жителей, исчезающей верстах в двух от своего начала под землей и идущей так версты две; далее, по рассказам, она исчезает еще несколько раз, но уже на более короткие расстояния». Насколько высок «Оковский лес», можно видеть из того, что здесь, в верховьях рек Осуш и Лучесы известны пункты, имеющие до 145 сажен высоты над уровнем моря.

В южной части «Оковского леса» расположен собственно тот Ельнинский узел Среднерусской возвышенности, о котором уже упоминалось во II томе «России» и который приходится на границе смены каменноугольных пород девонскими. Как там говорилось, «эта часть Среднерусской возвышенности характеризуется более или менее правильным, лучеобразным стоком рек последовательно во все стороны за исключением северо-запада, где стоку мешает отходящая отсюда на север Валдайская возвышенность». Действительно, из более значительных рек мы встречаем здесь на небольшом расстоянии друг от друга вершины Сожа, Десны и Угры, растекающихся в разные стороны. Несмотря на свою значительную высоту, Ельнинский узел производит впечатление ровной местности. Близ этого узла, в Юхновском уезде Смоленской губернии, около д. Ржавца и Полян Воскресенской волости также указывают в известняковых образованиях провальные ямы с воронками, в которые уходит вода одного лога, имеющего 8 верст длины и 100 сажен ширины. От Ельнинского узла к западу идет значительный возвышенный клин, наполняющий собой бóльшую часть уездов Рославльского и Красненского Смоленской, Мстиславльского и Горецкого («Гори-Горецкого») Могилевской губернии и отклоняющий течение Днепра к западу до Орши, причем Днепр, прорывая его, образует близ Орши даже небольшие пороги: здесь при д. Кобеляках выступает сплошная скала известняка, называемая Кобеляцким порогом и крепко тормозившая судоходство выше Орши при низкой воде, ныне же частью взорванная. Оторванные Днепром части этого клина продолжаются и несколько западнее его, к верховьям р. Друта (местечко Тетерин, станция Толочин и др.). Наиболее высокие точки оконечности клина лежат в Оршанском уезде близ Веретейского болота и имеют 114—128 сажен высоты над уровнем моря. Клин сложен девонскими породами, покрытыми мощными толщами моренных образований (глин и пр.). К югу от этой водораздельной черты покатость постепенно понижается, переходя в низменную равнину, высотой 70—80 сажен над уровнем моря; только по правому берегу текущих здесь

Тип местности в Смоленской губернии. (По фотографии М. Круковского).

Неман в Минской губернии.

рек находятся более возвышенные места. Наименьшую же высоту эта равнина имеет в своей западной части, по правую сторону р. Днепр, где она постепенно приобретает уже полесский характер. Такой же характер носит и западная часть Гомельского уезда и юго-западная Рогачевского, щедро наделенная болотами и лесами. Только к востоку от Днепра эта равнина делается более сухой и открытой.

Северо-западная граница Минской губернии, как мы уже упоминали выше (стр. 1), идет по Вилейско-Неманским возвышенностям. Эта водораздельная черта между реками Балтийского и Черноморского бассейнов касается нашей области первоначально у северной границы Борисовского уезда, а затем тянется в юго-западном направлении, через уезды Борисовский и Минский. На границе же двух последних уездов она достигает наибольшей своей высоты: здесь находится известная Лысая гора высотой 160 сажен над уровнем моря. Черта эта, отделив здесь истоки р. Неман от рек, впадающих в Припять (Птичья и Случ), постепенно понижается и проходит уже в таком виде через Слуцкий уезд по направлению к Клецку. Отсюда она в виде весьма узкой полосы, высотой не более 80 сажен над уровнем моря, идет через северную оконечность Пинского уезда в Гродненскую губернию, оставляя к северу от себя значительные отдельные высоты в Новогрудском уезде, в особенности близ самого г. Новогрудка (Мендовгова гора и пр.). Нельзя, однако, думать, что эта водораздельная черта представляет собой непрерывный ряд высот, тянущихся в каком-либо определенном направлении. Здесь скорее существуют лишь более или менее значительные группы холмов, покрывающих несколько возвышенные части вышеупомянутых уездов.

К Вилейско-Неманским возвышенностям на северо-восток, в пределах Лепельского уезда Витебской губернии, примыкают отдельные возвышенности: между озерами Лепельским и Лукомльским, на границе Могилевской губернии, называемые горами Катарсы, и между Лепелем и селом Пышно, носящие название Пышногор. Обе эти возвышенности, находящиеся среди целой группы озер, по-видимому, еще моренного происхождения.

Нам остается теперь рассмотреть орографические особенности Полесской низменности, занимающей южную и юго-восточную части Минской губернии. Минское Полесье представляет собой центральную часть той громадной плоскодонной чаши, приподнятые края которой составлены Вилейско-Неманскими высотами, западными выступами Среднерусской возвышенности и Авратынской возвышенностью, которая захватывает собой кроме Минской также и части соседних губерний Гродненской, Волынской и др. Основа дна этой котловины — меловые слои, выходящие наружу со всех сторон ее, тогда как в средней части котловины они встречены на глубине 27—35 сажен, как показывают буровые скважины. Сверху же находятся, чередуясь между собой, пески и болота. Какие же условия создали эту оригинальную местность?

Оказывается, что в доисторические времена и отчасти может быть и в исторические на месте Полесской низменности был огромный водный бассейн, что подтверждается как геологическими данными (береговыми озерными отложениями), так и различными находками вроде якорей и пр. Это обширное озеро образовалось после того, как ледяной покров в конце ледниковой эпохи стал постепенно отодвигаться к северу. При этом масса вод наполнила Полесскую котловину, образовав здесь огромное водное вместилище, питавшееся потоками, которые скатывались с соседних возвышенностей, снося вниз продукты размывания горных пород и отлагая их сверху, причем, естественно, повышалось таким образом дно этой котловины. Несомненно, что скопившаяся вода образовала себе путь в Днепр, но ничтожный уклон местности способствовал и способствует тому, что осадки засоряли русла рек и речек и служили всегда причиной превращения текучих вод в стоячие, а затем и в болота.

Вся площадь собственно Пинского Полесья заключает 2 400 000 десятин из 8 000 000 десятин всей Полесской низменности. Спускаясь с з.-с.-з. в Пинское Полесье, мы сначала попадаем на несколько возвышенный мыс между реками Ясельдой и Пиной, представляющий собой ровную страну, не пересеченную ни одной значительной речкой, почти лишенную болот, сравнительно (для Полесья) густо заселенную и известную под именем Загородье. Загородье у Пинска на протяжении трех последних верст падает сразу по направлению к востоку на десять сажень. К северу от Ясельды до Неманского водораздела (на высоте 68—70 сажен над уровнем моря) и к Щаре тянутся значительные болота. За Щарой местность уже теряет полесский характер, становится холмистой, переходя постепенно в Вилейско-Неманские возвышенности.

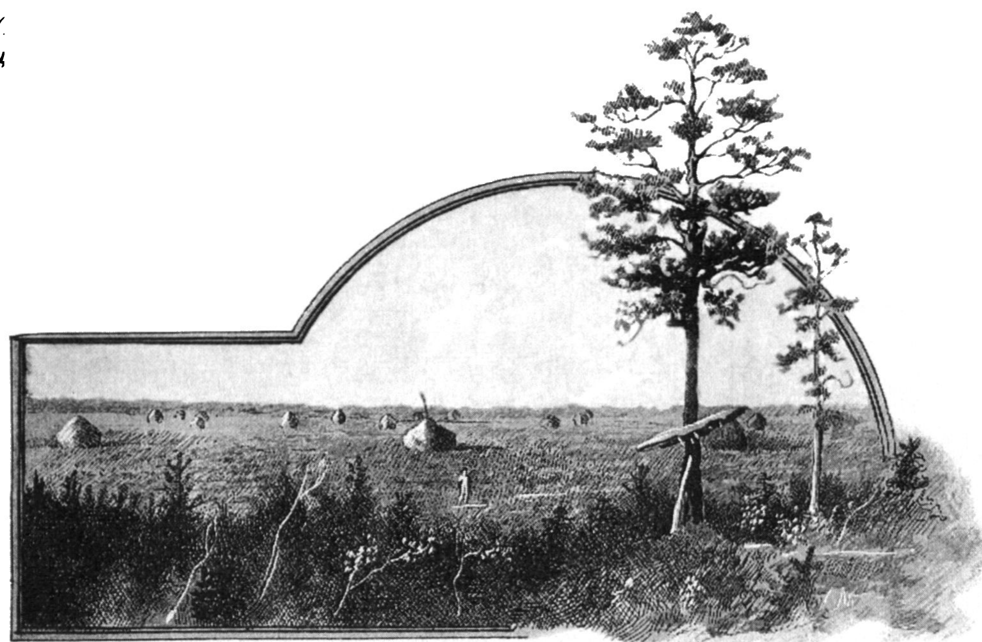
Но гораздо типичнее лежащая прямо против оконечности Загородья низменная местность между реками Пиной и Припятью, носящая название Заречье. Заречье (площадью около 1400 кв. верст) представляет собой «почти горизонтальную, низменную, сильно заболоченную страну, высоты которой колеблются в пределах четырех сажен: от 65 до 61 сажен над уровнем моря. Здесь лежат знаменитые Пинские болота, давшие название всей области Полесья. Эта местность представляет как бы центр, куда стремятся все главные притоки Припяти. Достигнув ее, они почти лишаются уклонов, теряют скорость, прокладывают в слабой почве множество русел, при малейшем повышении уровня воды выступают из берегов и, затопляя громадные пространства, придают местности характер одного огромнейшего жидкого болота. Весной эта местность представляется как бы одним обширнейшим озером, по которому изредка чернеют небольшие островки, приютившие жалкие поселки»[1].

Таким образом, сливающиеся в Заречье реки Пина, Припять, Стырь, Струмень, Стоход и Гнилая образуют одну непрерывную, чрезвычайно сложную, переплетающуюся сеть рек, рукавов и протоков, перемежающихся с бесчисленными болотами и песчаными холмиками. К востоку от Пинска Заречье соединяется с болотами речных дельт Ясельды, Горыни и Цны. Здесь низменные болотистые берега Припяти покрыты на многие версты зарослями камыша и тростника. Как велики здешние болота можно судить по тому, что восточнее р. Случи одно болото, окружающее обширное озеро Князь (или Жид), имеет до 400 кв. верст. «Местность между Припятью и Березиной», читаем мы в том же сочинении, «занимающая с.-в. часть Полесья, сильно изрезана малыми речками и продолговатыми болотами, которые тянутся от Припяти к Березине и Днепру: так, например, следуя направлению рек и болот, можно из р. Припять, поднимаясь по р. Вити, дойти до болота р. Ведрича и по ней спуститься в Днепр, или по Сведи и Жердянке — в Березину. По всей этой местности рассеяны незначительные возвышенные пространства, разделенные упомянутыми речками и болотами». Наконец, близ Березины местность постепенно уже теряет свой полесский характер: количество болот уже не превышает $^1/_{10}$ всего пространства, реки текут в более высоких берегах, болота расположены в верховьях рек, по мелким притокам, или в речных поймах и нередко имеют уже котловинный характер.

Над всем этим царством болот уединенно возвышается Мозырское правобережье Припяти, более сухое и пригодное для жилья и потому сильнее заселенное. Оно обязано своим происхождением наслоению пород третичной системы (эоцена) над меловыми: здесь под лёссом и лежащей под ним красно-бурой валунной глиной и желтоватым слоистым песком наблюдаются уже выходы белых третичных песков с глауконитом. На правобережье Припяти близ р. Горынь встречаются обширные болота, носящие название «гала» и отличные по своему характеру от типичных пинских: в галах мы видим пространства, покрытые кочками и густой травяной растительностью с отдельными кустарниками ив. Так как «гала» занимают более возвышенные места чем типичные пинские болота, то вешние воды реже заливают их. Вследствие отсут-

[1] «Очерк работ Зап. Экспед. по осуш. болот», стр. 26.

Полесский вид в Речицком уезде. (
«Очерка работ Западной экспедиц
осушения болот»).

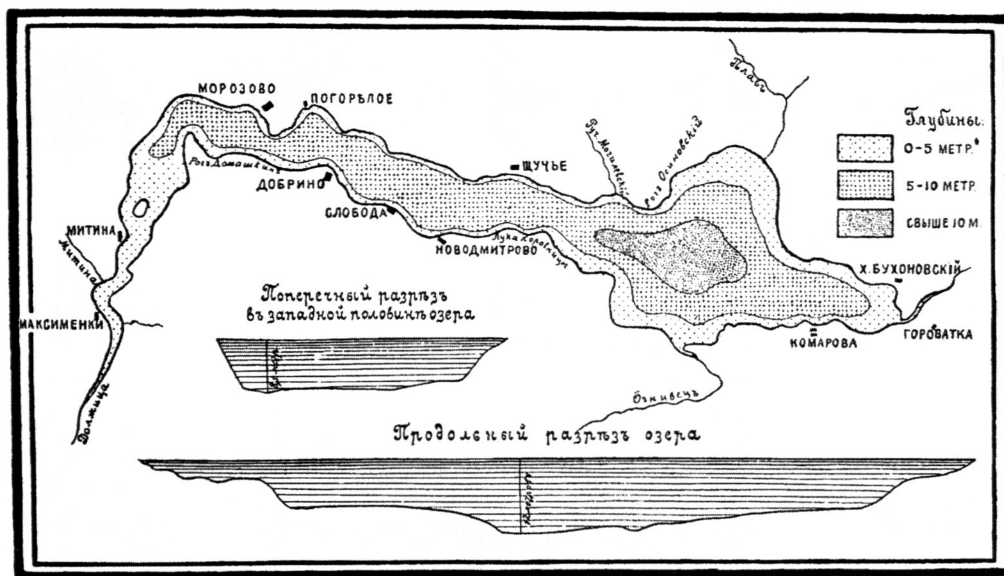

ствия течения, в галах быстро идет образование торфа. Впрочем и некоторые болота северного побережья Припяти восточнее Заречья, как, напр., вышеупомянутые болота, окружающие оз. Князь (Жид), приближаются к типу «гала».

Разнообразие орографических элементов, слагающих поверхность Верхнего Поднепровья и Белоруссии, обусловливает и разнообразие типов здешних водоемов и водных артерий, пока еще мало разработанное в научной литературе. В самом деле, мы здесь видим всевозможные формы рек — от зародышевых рек-протоков между озерами «моренной страны» Витебской губернии, от временно пропадающих карстовых речек Бельского уезда, Смоленской губернии, — до мощных водных артерий Западной Двины, Днепра, Припяти, наконец, до оригинальных полесских рек с их естественными дамбами по берегам (накопленными речными отложениями), через которые переливается полая вода, затопляя окрестные низины и превращая их в жидкие болота. Озера «моренной страны» Витебской губернии несомненно также отличаются от озер верховьев Зап. Двины с одной стороны и еще более резко от болотистых озер Пинского Полесья. Наконец, торфяные болота среди моренных холмов Витебской губернии — далеко не то, что представляют из себя вышеупомянутые «гала» и тем более жидкие пинские болота. Да и в Смоленской губернии существуют разные типы болот (произошедшие из заболоченных озер и самостоятельные — вследствие высокого стояния грунтовой воды). К сожалению, изучение физико-географических особенностей всех этих гидрографических элементов рассматриваемой нами области находится еще только в зародыше. Приводим карточку глубин и профиль одного из немногих изученных здесь озер, именно оз. Щучьего, находящегося в Поречском уезде Смоленской губернии, в системе р. Межа, и исследованного Д.Н.Анучиным.

За неимением точных данных для физико-географической характеристики озер Верхнего Поднепровья и Белоруссии ограничимся перечислением наиболее крупных из них. На крайнем северо-западе Витебской губернии, на ее границе с Лифляндской, уединенно лежит обширное озеро Лубан (площадью свыше 75 тыс. десятин). В Витебской моренной стране среди множества мелких озер мы встречаем такие крупные, как Розно (площадью более 50 тыс. десятин), Освея с большим островом посередине и несколько менее крупные: Себежское, Нешердо (Нещарда, Несчерда), Невельское, Иван и др. В северной части Смоленской губернии к наиболее значительным принадлежит вышеупомянутое оз. Щучье. В северной части Могилевской губернии (Сенненский уезд) наиболее выдаются оз. Лукомльское и Жеринское. Наконец, в Минской губернии — в Полесской низменности — наиболее замечательным является вышеупомянутое оз. Князь (Жид).

Рассматриваемая нами область замечательна тем, что в ней, в Бельском уезде Смоленской губернии, в «Оковском лесу» находится исток р. Днепр. Здесь за исток Днепра принимается болото при д. Клёцевой (Рождественно). Это обросшее лесом торфяное болото, как показала экспедиция по исследованию источников главнейших рек Европейской России, представляет собой заболоченное небольшое доисторическое озеро, из которого начинается слабый, вследствие ровной местности, сток к югу, называемый Днепром. Сток собственно из болота всегда был непостоянным, т.е. в сырое время он представлял и представляет и теперь сплошную слабую струю, а в сухое время раз-

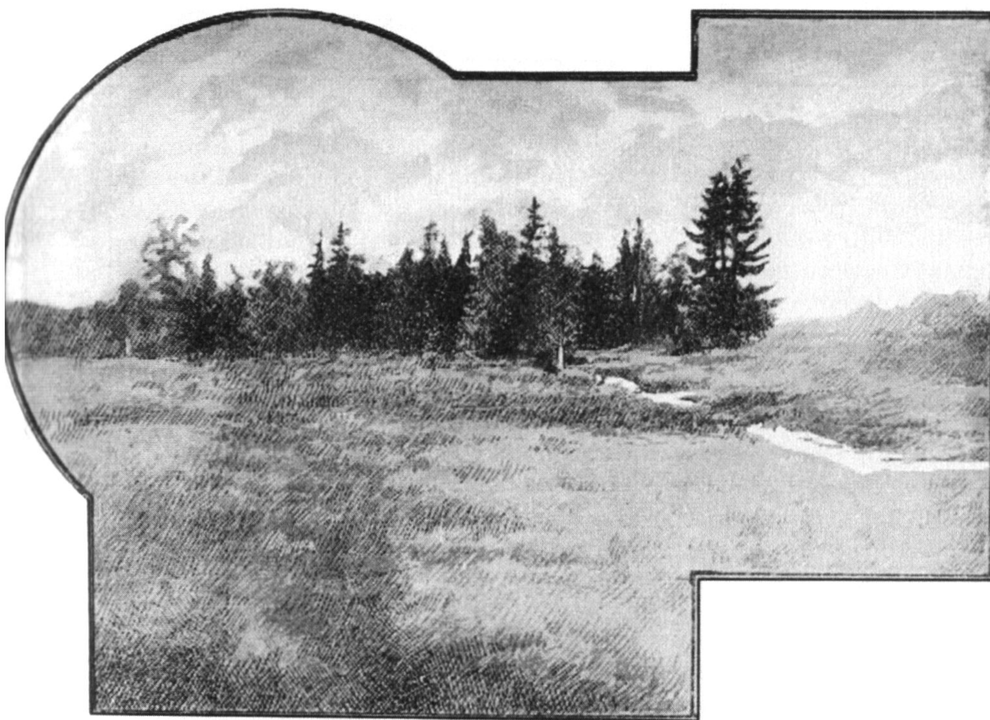
Озеро Щучье.
(По Анучину).

деляется на отдельные плеса, соединенные между собой болотинами. Весьма любопытно, что древние торфяные залежи Клёцевского болота заключают в себе, по определению Натгорста и Андерсена, между прочим семена граба (распространение которого ныне отодвинулось в юго-западную Россию) и вымерших ныне в Европе нимфейных (Brasenia) и показывают таким образом, что через некоторое время после исчезновения здесь ледникового покрова климат Верхнего Поднепровья был значительно мягче и теплее нынешнего. По мнению членов экспедиции, Днепр в своих верховьях ныне питается преимущественно водами своего лесистого и болотистого правобережья; для поддержания в нем достаточного количества воды следует сохранить это правобережье в его неприкосновенности, а на левобережье, несколько более густо заселенном и частью уже обращенном под земледельческую культуру, следует стараться не увеличивать больше пашен, чтобы не дренировать здешних речек и болот, и обратить большее внимание на лесоводство и луговодство.

Реки северных частей нашей области, в особенности «моренной страны», во многих местах порожисты. Так, Западная Двина, не говоря уже о порогах в ее верховье, упомянутых в III томе России (стр. 333) и находящихся близ границ Псковской, Тверской и Смоленской губернии, имеет пороги и значительно ниже, как, напр., 9 порогов на протяжении 5 верст за местечком Крейцбургом (Двинского уезда), носящих общее название Перекориш и представляющих подводные гряды девонских известняков, развитых здесь по берегам реки. Породы той же девонской системы произвели на Днепре вышеупомянутый Кобеляцкий порог выше Орши. Из менее замечательных порогов на Зап. Двине можно указать на Рубу и Копачи в Витебском уезде, на пороги против д. Слобода, фольварка Яновичи и села Митковичи в Лепельском уезде. Пороги, составленные отдельными крупными валунами или их грядами, преобладают в «моренной стране» Витебской губернии, но вместе с тем попадаются иногда и значительно южнее, как, напр., валуны: «Опекун», «Звонец» и «Чертолье» в русле Днепра ниже Орши. Совершенно свободны от порогов, вследствие особенностей геологического строения местности, реки Полесской низменности в пределах рассматриваемой области.

Верхнее Поднепровье и Белоруссия были отчасти или целиком морским дном в большинстве геологических периодов, в которые им была вообще поверхность Европейской России. Но остатки отложений этих периодов здесь вообще довольно редки: на севере — вследствие мощного развития пелены ледниковых отложений, скрывающих нижележащие породы, на юге — вследствие плоской, заболоченной местности без естественных обнажений горных пород, на востоке — вследствие сравнительно слабого размывания здешних возвышенностей, одетых большей частью значительными массами лесов и малодоступных размыванию, а также и из-за непроницаемости для воды здешнего, почти сплошного толстого слоя моренного суглинка, покрывающего коренные породы.

Самыми древними геологическими памятниками в рассматриваемой области являются песчано-глинистые и частью известняковые отложения, найденные А.П.Карпинским близ села Раванич Игуменского уезда и относящиеся к кембрийской и нижнему отделу силурийской системы. Затем по старшинству следуют образования девонской системы, распространенные в северной трети нашей

Исток Днепра из Клецевского болота. (Из «Трудов экспедиции по исследованию источников главных рек Европейской России»).

области, т.е. во всей Витебской губернии, в северной части Могилевской и в западной части Смоленской. Таким образом они служат ложем для «моренной страны» и слагают собой основание западного, Смоленско-Оршанского клина Средне-русской возвышенности. Они состоят частью из доломитов (среднедевонских), как, напр., в обнажениях по Западной Двине, в 10 верстах выше Витебска, частью из известняков, как, напр., в обнажениях по Днепру близ Смоленска и Орши, частью из песчаников с остатками рыб — в Витебской же губернии. Отдельные выходы девонских отложений существуют и южнее Смоленско-Оршанского возвышенного клина, по р. Сож. Эта площадь девонских отложений является связующим звеном между девонскими образованиями Псковской губернии, описанными в III томе «России» (стр. 22, 311, 312) и девонскими отложениями Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской и Тамбовской губерний. («Центральной девонской осью» Мурчисона), описанными во II томе «России» (стр. 22—23, 449, 530) и в I томе (стр. 11).

Следующие за девонскими — отложения каменноугольной системы захватывают весь «Оковский лес» и, следовательно, Ельнинский узел Средне-русской возвышенности, т.е. всю восточную половину Смоленской губернии, причем они главным образом представлены здесь нижним и средним отделами этой системы и только в восточной части Гжатского уезда, близ границы Московской губернии, — также и верхним отделом. Нижний отдел каменноугольной системы в пределах Смоленской губернии сложен из темноцветных слюдистых, нередко сланцеватых глин с редкими песчаными прослойками. Средний отдел каменноугольной системы состоит здесь из известняков с плеченогим Productus gaganteus и другими характерными окаменелостями, перемежающихся с разноцветными глинами. Хоро-
яки этого отдела имеют мес-
е, где, напр., в Мольнинской
ивается исчезновение на время некоторых речек, о чем говорилось выше (стр. 7). Известняки верхнего отдела каменноугольной системы, характеризуемые окаменелой раковиной Spirifer mosquensis, встречаются, как уже говорилось выше, главным образом близ границ Смоленской губернии с Московской. Ни пермских, ни триасовых отложений в рассматриваемой области не имеется, так как она в эти периоды была сушей. Осадки юрской системы здесь сильно размыты и являются лишь весьма редко в виде едва уцелевших, небольших островков глин в Смоленской губернии, напр., под самым гор. Смоленском, а также в Рославльском и Юхновском уездах.

Весьма значительное развитие в нашей области имеют отложения верхнего отдела меловой си-

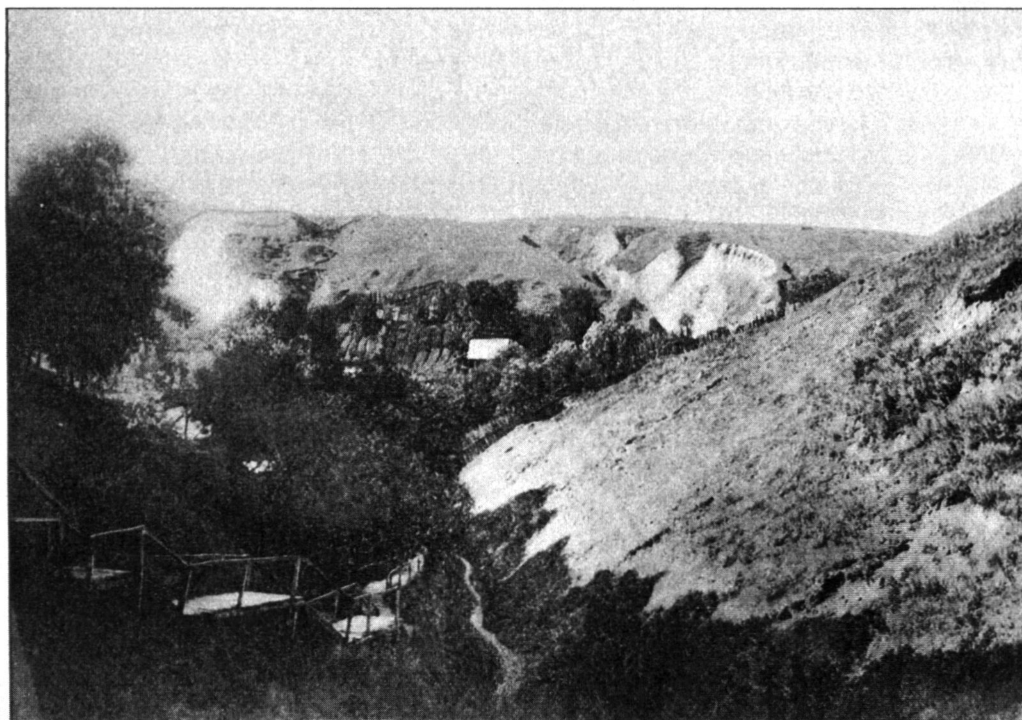

Берег Западной Двины у Витебска.

стемы. Все дно Полесской низменности, как уже было указано выше, выстлано ими. Восточнее, весь пологий склон от Смоленско-Оршанского возвышенного клина по направлению к Черниговской губернии и значительной части Рославльского уезда, состоит также из осадков этой системы. В Могилевской губернии наилучшие разрезы слоев этой системы наблюдается в местечке Гейшин Быховского уезда, в г. Чериков и в селах Мирогощах и Вехрянах Чериковского уезда. Под Полесской низменностью, как показывают буровые скважины, верхнемеловые отложения состоят из довольно рыхлого мела с кремнями и водоупорных былых меловых мергелей. Восточнее Днепра, в Могилевской и южной части Смоленской губернии, кроме этих меловых пород, известны также зеленовато-серые глинистые пески с отростками твердого кремнистого песчаника, принадлежащие к той же системе.

На меловые отложения в южной половине Могилевской губернии (приблизительно до параллели г. Могилев) и южной части Полесья (окрестности г. Мозырь) в виде островков налегают образования третичной системы, переходящие сюда из соседних частей Черниговской и Волынской губерний и относящиеся к самому нижнему отделу этой системы — эоцену. Они являются в указанных частях нашей области в виде глауконитовых песков и белых кварцевых песков с прослойками темной глины, причем нередко эти пласты, налегая на меловые образования, заключают в себе куски мела, вымытого из меловых пород.

Особенного внимания заслуживают мощно развитые в северной половине рассматриваемой области ледниковые образования, слагающие собой весь своеобразный рельеф «моренной страны» — Витебской губернии и северной части Смоленской. Тогда как в восточной части Витебской и в северной части Смоленской губернии развит обычный тип русских ледниковых образований, т.е. толща красновато-бурого валунного суглинка, подстилаемая слоистым нижневалунным песком и покрываемая изредка, местами, сверху неслоистым верхневалунным песком в западной части Витебской губернии наблюдается другой тип ледниковых образований, характерный для восточной Пруссии, Польши и западной России — именно присутствие двух толщ моренных глин, разделенных слоем песка и в свою очередь прикрытых сверху верхневалунным песком, а снизу — нижневалунным. Этот тип ледниковых отложений послужил для известной гипотезы двух оледенений, вызывающей, впрочем, до сих пор много возражений. Ледниковые отложения этого западного типа очень определенно выражены близ г. Режица. Но еще более интересную местность по строению ледниковых образований представляет восточная часть Себежского уезда. Здесь, по-видимому, заканчиваются ледниковые образования западного типа. Восточнее г. Себежа их граница окаймлена широкой полосой песков (верст в 20 шириной), а затем между р. Идрица и Могильным озером появляются мо-

Обнажение горных пород под Мстиславлем. (По фотографии Н.Н. Останковича).

ренные валы, возвышающиеся над равниной сажен на 30 и представляющие собой конечную морену (т.е. валунное скопление отступавшего и на некоторое время остановившегося здесь ледника, окаймлявшее его край). Сам же г. Себеж построен большей частью на так называемом озе, т.е. на вытянутой по направлению движения ледника насыпи с волнообразным изгибом верхнего контура, происхождение которой до сих пор в геологии удовлетворительно не объяснено. Валунные слоистые отложения этого оза неправильно перемежаются и заключают прослойки неслоистого валунного материала. Восточнее только что упомянутых местностей ледниковые образования имеют уже обычный русский тип, т.е. одну толщу валунного суглинка. В Витебской губернии в валунном суглинке иногда наблюдается пестрота, напоминающая отложения пестрых мергелей пермской системы, развитых в восточной России. Эта пестрота зависит от переслаивания валунного суглинка с желтым песком, происшедшего вследствие переработки водой валунного суглинка (осадки ледниковых вод в ледниковую эпоху). Самые южные озовые образования, как мы говорили выше, найдены в Смоленске. Здесь озовые гряды, окутанные валунными суглинками и разрезанные железнодорожной выемкой, имеют направление меридиальное, перпендикулярно к Днепру, и состоят из неправильно наслоенных слоистых валунных песков, гальки и гравия, выклинивающихся как по длине гряд, так и по их ширине. Местами в Витебской губернии, как, напр., по всему южному берегу обширного и ветвящегося озера Иван (в Невельском уезде), среди ледниковых образований развиты высокие дюнные песчаные гряды, покрытые сосновым бором. В расположении озерных островов и кос, состоящих из верхневалунных песков, в Витебской губернии наблюдается преобладание меридианального направления. В Минском Полесье ледниковые образования развиты всюду, но не отличаются особенной мощностью и не представляют ничего замечательного. Они большей частью покрыты новейшими озерными, болотными и речными образованиями. В некоторых местах Полесья, как, напр., против Мозыря на левом берегу Припяти и в окрестностях оз. Князь (Жид), можно наблюдать хорошее развитие дюн, в виде длинных песчаных холмов, покрытых лесом.

Новейшие озерно-болотно-речные отложения Полесской низменности состоят обыкновенно из желтых или мелкозернистых серых песков со слоями ила и серовато-синих аллювиальных глин под ними.

Переходя к полезным ископаемым Верхнего Поднепровья и Белоруссии, заметим, что рассматриваемая нами область в общем весьма небогата ими по той же причине, как и выходами коренных горных пород. Железные руды в каменноугольных отложениях восточной части области, вероятно, встречаются в ограниченном количестве, но они мало известны и не разрабатываются, так же как и железные руды девонской системы в Витебской губернии, намек на существование которых мы видим в развитии здесь местами железистых источников. Несколько более известны болотные железные руды Полесья, встречающиеся преимущественно в его восточной и юго-восточной частях, но обладающие, к сожалению, большим содержанием фосфора. На присутствие их в болотах указывают радужные частицы вивианита. Болотная руда в виде тонкого пласта железной сини попадается в русле Днепра против г. Старый Быхов и известна здесь у плотовщиков и судовщиков под именем «скалы». Болотную руду пробовали разрабатывать в Речицком и Борисовском уезде Минской губернии, но она оказалась плохой и не стоящей выделки; в Борисовском уезде на ней даже работал некоторое время, закрывшийся впоследствии, чугуноплавильный завод в имении кн. Радзивилла. Болотная железная руда и железная охра известны также в нескольких заболоченных местностях Вяземского, Бельского и Духовщинского уездов Смоленской губернии. Незначительные прослои каменного угля указываются в Юхновском уезде Смоленской губернии, близ Калужской границы, в долине р. Угра, в дачах деревень Королевой и Ворошинки. Бурый уголь весьма плохого, впрочем, качества, мощностью в 4 фута, встречен на глубине 5 сажен близ д. Прудок, в 9 верстах от г. Мозырь. Фосфориты («самород») из меловых отложений разрабатываются в д. Сеще и в селе Бельское Рославльского уезда и вообще, по-видимому, довольно широко здесь распространены в отложениях этой системы. Янтарь изредка встречается в синеватой глине около с. Любязь Минского уезда, недалеко от Припяти. Гончарные глины каменноугольной системы близ д. Юдина Бельского уезда (на р. Днепр) разрабатываются для местного кустарного производства. Такие же глины известны в Бельском уезде по течению р. Западная Двина (д. Тамахова), в Вяземском и Сычевском уездах по течению рек Вазузы, Ремежи и Вязьмы. Глины для кафельного производства добываются близ д. Сметанки Горецкого уезда Могилевской губернии, на левом берегу Днепра, верстах в 14 выше Орши, и в пригородной слободе г. Смоленска Рачевке. У г. Копысь из местных глин третичной системы изготавливают терракотовые украшения для печей, каминов и статуэтки. Кирпичное производство, основанное на местных глинах, развито близ местеч-

ка Сверженъ Рогачевского уезда и д. Лебетовка, а также в Гомельском уезде возле д. Унорицы и под Смоленском и Минском. В фольварке Скварск Чаусского уезда найдена огнеупорная глина третичной системы. Огнеупорные же глины известны в Полежакинской волости Дорогобужского уезда Известняки каменноугольной системы для местных нужд (строительных и выжигания извести) добываются кое-где в верхнем течении Днепра, а также при с. Городище Вяземского уезда Смоленской губернии. Известняки и доломиты девонской системы развиты по Зап. Двине в пределах Витебской губернии близ самого г. Витебск, в Бабичской вол. Витебского уезда, под Двинском, в Крейцбургской и Ливенгофской волостей Двинского уезда, в Полоцком и Дриссенском уездах, а также и кое-где вдали от Двины — в Городокском, Себежском и Режицком уездах. Везде здесь они добываются для строительных целей. Известняки разрабатываются и в Могилевской губернии в Сеннинском уезде при с. Плоское, близ Орши, д. Ивановщина, Дубровка, Кобеляки, Пашино, Забегалка и Новоселки на Днепре, Гнездово близ Смоленска; также известно добывание известняка близ м. Дрибин Чаусского уезда, г. Мстиславля, села Гор Чериковского уезда, местечке Чечерск и д. Глыбовка. Известковый туф встречается в Смоленском и Рославльском уездах Песчаники, как строительный материал весьма невысокого качества, разрабатывались прежде возле местечка Лоев Речицкого уезда, но не пользовались особенным спросом за недостаточной их крепостью. В Поречском уезде из валунов делают жернова, тумбы, памятники и пр., а в селе Вонлярове (30 в. от Смоленска) огромный валун послужил для колонн и лестницы местной церкви. В селе Сырокоренье Краснинского уезда зимой извлекают со дна Днепра камни для строительных целей. Охра, годная для производства краски, встречается на р. Сож близ д. Потемкина Краснинского уезда и в Горецком уезде Мел встречается в южных частях Смоленской и Могилевской губерний и добывается во многих местах, напр., близ д. Старая Кочевна Рославльского уезда и др. Торф в рассматриваемой области имеет громадное развитие, но мало эксплуатируется на топливо вследствие обилия лесного материала. Среди здешних торфов можно различить моховой (сфагновый и гипновый), листовой (состоящий большей частью из отмерших листьев ольхи, осины, ивы и березы) и травяные — тростниковый (в глубоких болотах озерного происхождения) и осоковый (состоящий из отмерших частей осоков, зеленых мхов, злаков и др. цветущих трав). Моховой торф особенно распространен в котловинных болотах Витебской и северной части Смоленской губерний, а листовой и травяные — в Полесье. В восточной части Полесья мощность торфяников доходит до трех сажень. Самые мощные отложения торфа встречаются в северо-восточном углу Полесской низменности — в долинах речек Жердянки, Сведи и Вити.

Минеральные источники в рассматриваемой области вообще мало известны. Укажем на железистые ключи близ д. Аделинова в 30 верстах от г. Люцина Витебской губернии, на Подольские железистые воды Режицкого уезда в 20 верстах от того же Люцина, на серно-железистые источники в даче Борковщизна при Судзиловицком имении — в 25 верстах от г. Лепель, на эксплуатирующийся серно-железистый ключ в 1 $^1/_2$ верстах от мест. Креславка Двинского уезда — в имении Поуглянка гр. Платера, наконец на серные воды погоста Аглонь у оз. Череш Двинского уезда и на таковые же в имении Студенец Невельского уезда. Все эти минеральные источники Витебской губернии приурочены, по-видимому, к слоям девонской системы. В Могилевской губернии углекисло-железистые ключи, приуроченные, по-видимому, тоже к слоям девонской системы, встречаются в Оршанском уезде близ местечка Любавич, фольварка Дворица Никуленской волости, в Мстиславльском уезде — близ д. Большая Слобода. Из железистых ключей, приуроченных, быть может, к слоям других систем, можно указать на ключ у д.д. Трошиц и Рудни Рогачевского уезда, ключи близ фольварков Ульянович и Поженок и с. Овсищи Сенненского уезда, ключи близ местечка Тетерина Могилевского уезда и, наконец, у д. Слобода Горской волости Чаусского уезда.

Почвы Верхнего Поднепровья и Белоруссии не отличаются хорошими качествами: это большей частью подзолы и пески, частью супеси и суглинки, а в Полесье в значительной мере болотные почвы. Подзолистые почвы Смоленской губернии, благодаря устройству здесь в с. Батищево покойным А.Н.Энгельгардом образцового хозяйства, изучены весьма подробно. Типичный подзол, развитый на красно-бурых моренных суглинках, представляет собой почву сверху серую, а снизу почти белую, состоящую из массы, мучнистой в сухом состоянии и вязкой во влажном, и притом очень богатой кремнеземом. В подзоле находится нередко более 70% мелкозема в виде кварцевой пыли. Этот мелкозем с жадностью всасывает влагу и удерживает ее продолжительное время, обращаясь в вязкую, тестообразную массу. При высыхании он затвердевает, образуя корку, или обращается в пыль. По бедности химического состава и по физическим свойствам, типичный подзол является одной из самых неплодород-

ных почв и требует большого удобрения. Болотные почвы Полесья представляют собой перегнойно-минеральные образования иловатых или травяных болот и кислых лугов. Широко распространенные в области подзолистые почвы весьма часто при избыточном застое влаги переходят в болотные, которые тогда являются разбросанными среди подзолистых отдельными пятнами. В болотных почвах встречаются весьма часто жилки и стяжения лимонита, ортштейн, вивианит, сернистое железо, а также углекислая и сернокислая известь.

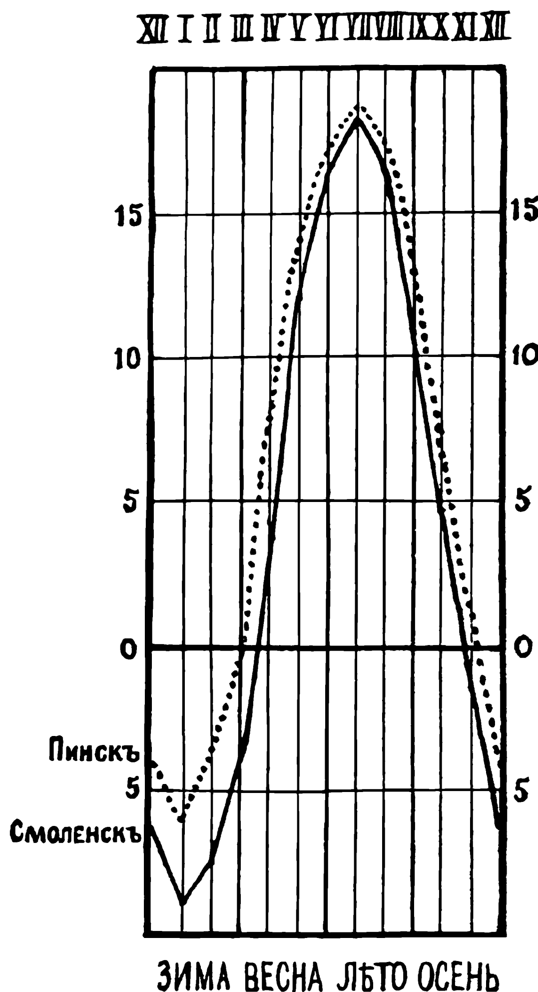
ГЛАВА II

Климат

Переходный характер климата Верхнего Поднепровья и Белоруссии. — Ветры. — Температура воздуха. — Вскрытие и замерзание вод. — Облачность. — Влажность. — Осадки. — Влияние осушения Полесья на климат.

Область Верхнего Поднепровья и Белоруссии уже по самому своему географическому положению должна представлять в климатическом отношении переход от Озерной и Московской промышленной областей к климату юго-западной России, в чем нетрудно убедиться из последовательного рассмотрения здешних характерных особенностей всех метеорологических элементов.

В отношении ветров вся «моренная страна» — Витебская губерния представляет собой еще продолжение климатической полосы Озерной и Прибалтийской областей: здесь наиболее частыми и наиболее сильными являются в течение года юго-западные ветры, а за ними уже идут западные, осенью и зимой замечаются нередко сильные южные ветры, а летом учащаются северные и северо-восточные, причем, в общем, сила ветров наибольшая зимой и наименьшая летом. Остальные же три губернии рассматриваемой области (т.е. Смоленская, Могилевская и Минская) составляют переходный пояс от господства в течение года юго-западных ветров к господству северо-западных и восточных ветров. Здесь процентные отношения за год западных и восточных ветров мало разнятся друг от друга. Число юго-восточных и северо-западных ветров осенью и зимой здесь одинаково и выше процентного количества прочих ветров; весной здесь замечается преобладание восточных и юго-восточных ветров, а летом — западных и северо-западных. Процентное количество северо-западных ветров вообще в течение года в рассматриваемых трех губерниях значительнее, чем в Центральной России и Витебской губернии. Сила западных и сила восточных ветров в Смоленской, Могилевской и Минской губерниях мало чем отличаются друг от друга (вообще здесь ветры сильнее зимой и слабее летом). Безветрие в названных трех губерниях представляет редкое явление.

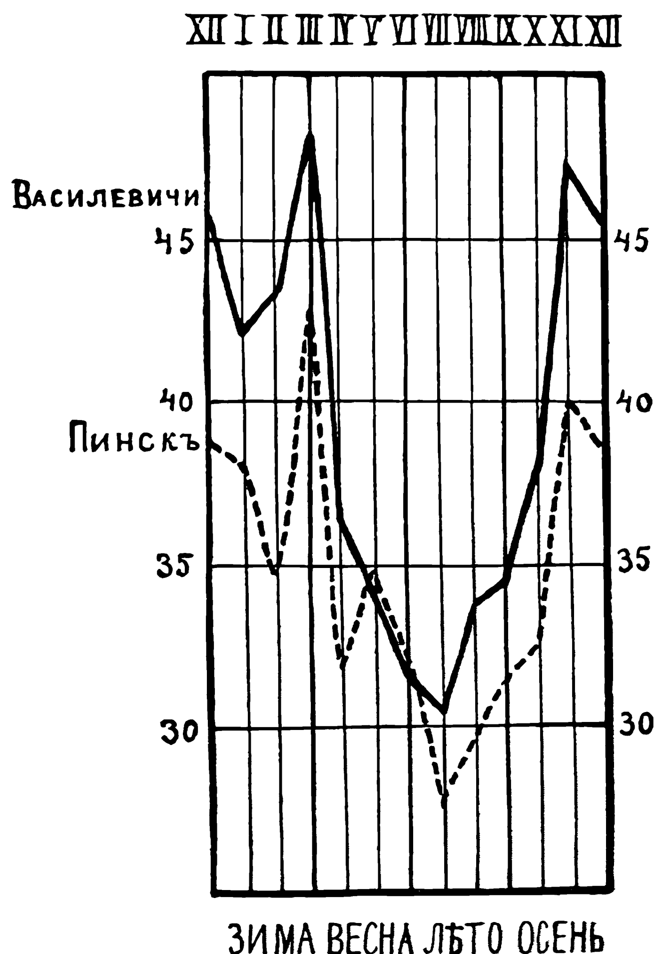
Годовой ход температуры.

Распределение температуры воздуха в различных частях рассматриваемой области может быть представлено в таблице 1[1]:

Таблица 1

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Корсовка (Люцин. уезд Витебской губернии)	-7,2	-7,2	-2.8	4.3	12.2	15.7	18.0	16.4	10.7	5.8	-0.0	-5.1	5.1
Витебск	-7,8	-6,9	-3.2	4.4	11.9	16.2	17.9	16.5	11.4	5.6	-0.4	-5.2	5.0
Смоленск	-9,0	-7,7	-3.7	3.9	12.0	16.1	18.1	16.3	10.9	4.8	-1.5	-6.3	4.5
Горки	-8,9	-7,6	-3.6	4.0	11.9	16.2	17.8	16.4	11.2	5.2	-1.0	-6.0	4.6
Старый Быхов	-7,8	-6,2	-2.2	5.4	12.8	16,8	18.4	17.1	12.2	6.1	-0.1	-5.1	5.6
Василевичи (Речицкий уезд Минской губернии)	-7,0	5,5	-1.4	6.1	13.2	16.9	18.6	17.3	12.4	6.8	0.5	-4.6	6.1
Пинск	-6,0	-4,0	-0.6	7.4	13.7	17.0	18.7	17.3	12.9	6.6	1.0	-4.1	6.7

Из таблицы можно заключить, что рассматриваемая область в отношении температуры распадается на три части: 1) «Оковский лес» и «Смоленско-Оршанский клин» Среднерусской возвышенности, занимающие бóльшую часть Смоленской и северо-восточную часть Могилевской губернии (Смоленск, Горки), т.е. именно Верхнее Поднепровье в узком смысле имеют более суровый, континентальный климат с годовой температурой ниже 5°, одинаковый с климатом юго-западной части Московской промышленной области, именно с Калужской губернией. Здесь наблюдается, как это видно из прилагаемой диаграммы (кривая Смоленска), более суровая зима, чем в остальных частях рассматриваемой области, и почти такое же жаркое лето; 2) часть Прибалтийской низменности (Корсовка), входящая с северо-запада в состав Витебской губ., иметь более мягкий, свойственный этой низменности (Прибалтийскому краю), климат с годовой температурой около 5°, с менее суровой зимой и таким же теплым летом, как и в других частях области; 3) Минское Полесье (Василевичи, Пинск), где проходит северо-восточная граница граба, имеет наиболее мягкий и теплый климат во всей рассматриваемой области, приближающийся к климату юго-западной России. Здесь годовая температура выше 6°. При этом зима, особенно во второй половине, и начало весны (март и апрель) более чем на 3° теплее северо-востока области, между тем как летом соответственная разница в температуре Полесья и верхнего течения Днепра не достигает и 1° (см. кривую Пинска на диаграмме). Средняя температура ноября в Полесье выше 0°, тогда как во всех других частях Верхнего Поднепровья и Белоруссии она ниже 0°. Крайние температуры (абсолютные максимумы и

Амплитуды колебаний температуры по месяцам.

[1] Температура не приведена к уровню моря.

минимумы температуры), наблюдавшиеся в различных частях области, выражаются таким образом (см. таблицу 2):

Таблица 2

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Корсовка													
наим.	-35.0	-37.8	-28.2	-12.2	-4.4	-1.7	4.3	1.8	-3.4	-10.5	-23.7	-32.4	-37.8
наиб.	5.8	4.0	12.0	23.0	27.0	31.2	31.2	33.4	24.5	21.4	13.4	8.8	33.4
разн.	40.8	41.8	40.2	35.2	31.4	32.9	26.9	31.6	27.9	31.9	37.1	41.2	71.2
Василевичи													
наим.	-34.4	-33.6	-30.2	-9.8	-2,6	1.0	4.6	0.6	-3.1	-13.5	-31.2	-35.0	-35.0
наиб.	7.6	9.8	17.9	26.6	31.6	32.8	35.1	34.3	31.2	24.4	16.0	10.6	35.1
разн.	42.0	43.4	48.1	36.4	34.2	31.8	30.5	33.7	34.3	37.9	47.2	45.6	70.1
Пинск													
наим.	-28.9	-25.8	-24.4	-4.6	-2.6	2.5	7.3	4.9	-0.9	-8.4	-23.3	-29.1	-29,1
наиб.	9.1	9.0	18.4	27.2	32.2	34.4	34.8	34.3	30.5	24.2	16.7	9.6	34,8
разн.	38.0	34.8	42.8	31.8	34.8	31.9	27.5	29.4	31.4	32.6	40.0	38.7	63,9

Из таблицы ясно, что наименьшую способность к резким колебаниям температуры обнаруживает юго-западная часть рассматриваемой области с сравнительно мягким климатом (Пинск). По отдельным же месяцам между северной и южной половинами области наблюдается отличие. К середине лета всюду замечаются наименее резкие колебания температуры, а во второй половине зимы и в начале весны они достигают своего максимума. При этом в северной половине области (Корсовка) наивысшая амплитуда колебаний температуры приходится на февраль, тогда как на юге наиболее резкие колебания ее приходятся на март. На юго-западе же замечается еще очень характерный второй максимум колебаний температуры в ноябре. Бóльшая часть рассматриваемой области (и в особенности местности, лежащие в долинах), за исключением своего юго-западного угла (Минского Полесья), повидимому, не гарантирована от заморозков почти круглый год, так как в Горках, т.е. в центре облас-

Наводнение весной в м. Креславка Двинского уезда. (По фотографии В.А. Бальца).

ти, в 1847 году 24 июня старого стиля или 6 июля нового стиля ночью наблюдалась изморозь. Замерзание ртути, т.е. температура ниже -40° никогда не наблюдалось в пределах нашей области.

Находящиеся в связи с наступлением теплого и холодного времени года вскрытия и замерзания рек происходят в таком порядке (таблица 3):

Таким образом, по средней продолжительности незамерзаемости рек можно разделить все Верхнее Поднепровье и Белоруссию на три пояса: 1) северный, состоящий из большей части Витебской и северной половины Смоленской губерний, где незамерзаемость в среднем продолжается менее 240 дней (т.е. менее 8 месяцев) в году, 2) средний, состоящий из западной и южной частей Витебской, почти всей Могилевской, южной половины Смоленской и северной половины Минской губерний, где незамерзаемость продолжается в среднем более 240 и менее 250 дней (т.е. от 8 до 8 $^{1}/_{3}$ месяцев), и 3) южный, состоящий из южной, полесской части Минской губернии и южного края Могилевской (Гомельский уезд), где незамерзаемость в среднем продолжается более 250 дней (около 8 $^{1}/_{2}$ месяцев). Апрельские (по новому стилю) вскрытия рек типичны для северной половины области, а мартовские — для южной (Минского Полесья), ноябрьские же замерзания типичны лишь для северо-восточной части области (северной половины Смоленской губернии).

Облачность в Верхнем Поднепровье и Белоруссии выражается в таких % (таблица 4):

Из таблицы видно, что наиболее низкие места, лежащие в долинах рек или озерных котловинах (Корсовка, Василевичи) имеют и наивысшую годовую облачность, превышающую 70%, а наиболее высокие (Наднеман) имеют годовую облачность, не достигающую и 60% [1]; в этих последних облачность достигает свыше 70% только в конце осени

Таблица 3

Название рек	день вскрытия	день замерзания	среднее число дней, свободных ото льда	Вскрытие		Замерзание		Продолжительность навигации	
				самое раннее	самое позднее	самое раннее	самое позднее	наибольшая	наименьшая
Гжатск у Гжатска	18 IV	20 XI	216	18 III (1836, 78)	1 V (1875)	31 X (1875)	22 XII (1869)	275 (1878)	183 (1875)
Западн. Двина									
у Двинска	3 IV	5 XII	246	4 III (1903)	20 IV (1867)	10 XI (1838)	7 I 1879 (1878)	286 (1869)	216 (1867)
у Витебска	12 IV	2 XII	234	18 III (1871)	12 V (1818)	9 XI (1835)	9 I 1879 (1878)	280 (1869)	201 (1818)
Днепр									
у Смоленска	27 III	27 IX	245	27 II (1836)	11 IV (1859)	16 XI (1859, 60, 62)	20 XII (1836)	297 (1836)	219 (1860)
у Могилева	4 IV	1 XII	241	10 III (1869)	18 IV (1867)	17 XI (1868)	24 XII (1878)	275 (1869)	215 (1867)
у Лоева	31 III	8 XII	252	6 III (1879)	12 IV (1868, 75)	21 XI (1868, 76)	4 I 1870 (1869)	292 (1869)	226 (1867)
Березина									
у Бобруйска	7 IV	5 XII	242	5 III (1903)	18 IV (1865, 67, 70)	7 XI (1871)	19 XII (1877, 78)	266 (1869)	225 (1867, 68)
у Борисова	6 IV	3 XII	241	8 III (1903)	18 IV (1837, 67)	20 XI (1876)	22 XII (1872)	260 (1877)	222 (1867)
Припять									
у Мозыря	27 III	8 XII	256	25 II (1903)	13 IV (1860)	18 XI (1862)	10 I 1879 (1878)	300 (1878)	221 (1860)
Пина у Пинска	27 III	2 XII	250	1 III (1903)	12 IV (1865)	9 XI (1858)	21 XII (1872)	282 (1878)	220 (1858)

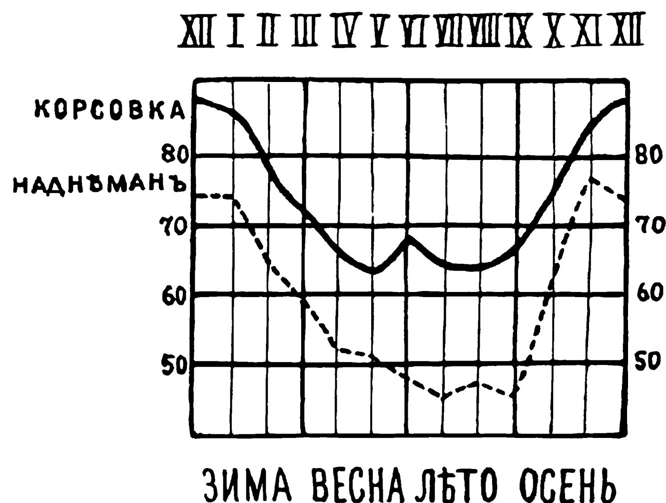
[1] Впрочем сравнительно небольшую облачность в Наднемане нужно отчасти приписать, по-видимому, слишком низкой оценке ее наблюдателем.

Таблица 4

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Корсовка	86	77	72	66	63	68	64	67	64	77	84	87	71
Горки	79	72	67	60	55	55	54	56	57	69	85	81	66
Наднеман (Оттоново) Минск. губерния	74	64	59	52	51	48	45	47	45	62	77	74	58
Василевичи	78	76	72	67	64	66	63	60	57	75	86	84	71
Пинск	77	73	71	60	58	56	55	55	54	71	83	82	66

и в первой половине зимы, а летом не достигает и 50%. Годовой ход облачности, как показывает прилагаемая диаграмма, представляется в следующем виде. Наибольшая облачность наблюдается в нашей области, как вообще в большей части Европейской России, в ноябре (или декабре); затем она довольно равномерно падает до мая, в июне местами замечается небольшое ее повышение (Корсовка, Василевичи) как в средней России. Летние месяцы имеют наименьшую облачность, причем минимум ее на юге области отодвигается с июля на конец лета. Сентябрь по степени облачности ничем не отличается от летних месяцев; к октябрю и к ноябрю облачность возрастает очень быстро (таблица 5).

Число ясных и пасмурных дней подтверждает то, что было сказано выше об облачности высоких и низких мест рассматриваемой области. Прилагаемые на стр. 26 три диаграммы показывают, что сплошная облачная пелена захватывает большее число дней года в северной половине области (Корсовка), чем в южной (Горки, Пинск): разъяснение неба от зимы к лету, сопровождающееся значительным увеличением числа полуясных дней, идет энергичнее в южной половине области. Наибольшее количество вполне ясных дней на югозападе области (Пинск) приходится на сентябрь, тогда как на севере (Корсовка) оно падает на август; при этом количество вполне ясных дней в Пинске в сентябре даже превосходит количество их весной, а в Корсовке в августе оно только сравнивается с количеством ясных весенних дней. Мак-

Годовой ход облачности.

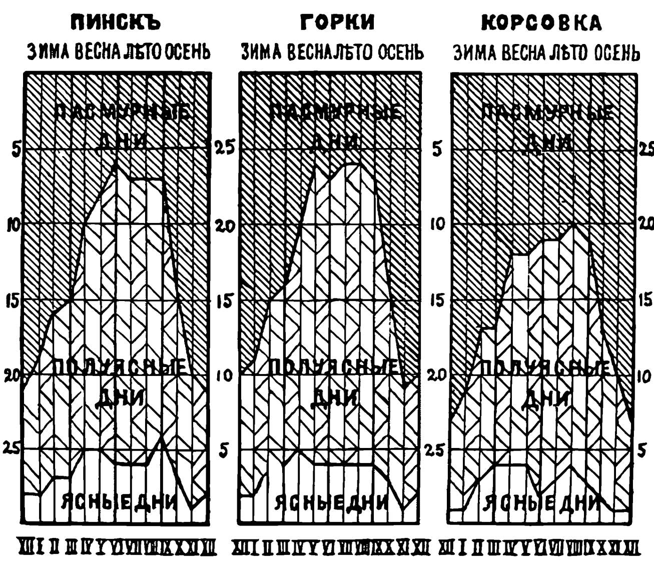
Таблица 5

Число ясных дней													
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Корсовка	1	3	4	4	4	2	3	4	3	2	1	1	32
Горки	2	4	4	5	4	4	4	4	4	3	1	2	41
Наднеман (Оттоново)	3	5	6	7	4	5	5	6	6	3	2	3	55
Василевичи	3	3	3	3	2	1	2	3	6	2	1	2	31
Пинск	2	3	3	5	5	4	4	4	6	3	1	2	42
Число пасмурных дней													
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Корсовка	21	17	17	12	12	11	11	10	11	17	20	23	182
Горки	19	15	14	10	6	7	6	6	7	14	21	20	145
Наднем. (Оттоново)	16	13	11	9	5	3	3	4	5	9	16	17	111
Василевичи	19	16	15	12	9	10	8	8	9	17	22	22	167
Пинск	19	16	15	10	8	6	7	7	7	14	20	21	150

симальное число полуясных дней в южной половине области приходится на конец весны и начало лета (май — Горки и июнь — Пинск), тогда как на севере этот максимум наблюдается лишь в августе, вместе с максимумом вполне ясных дней.

Относительная влажность в различных пунктах Верхнего Поднепровья и Белоруссии такова (в %) (таблица 6):

Относительная влажность рассматриваемой области в общем весьма близка к та́ковой в Озерной области и процента на два-три выше относительной влажности Центральной России. Если мы начертим кривые хода относительной влажности (см. прилагаемую на стр. 27 диаграмму), то заметим, что понижение ее к концу весны (в мае), зависящее от увеличения числа восточных ветров и сравнительно малого количества осадков в это время в Пинске благодаря обширным болотам, его окружающим, менее резко чем в Смоленске, «Испарения такого огромного пространства болот и мокрых лесов», — говорит проф. А.И.Воейков, —

Годовой ход количества ясных и пасмурных дней.

Таблица 6

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Пинск	88	86	82	73	70	71	74	78	80	86	89	89	80
Василевичи	85	85	79	72	68	72	74	78	78	83	89	89	80
Горки	88	84	80	75	68	69	72	76	79	84	90	89	79
Смоленск	85	85	80	77	67	73	76	77	83	87	89	86	80

«гниение в стоячей болотной воде и болотное брожение делали здесь прежде воздух постоянно сырым, способствующим развитию разных болезней, из которых преобладали лихорадка и особенная болезнь, свойственная только Полесью, называемая колтуном, происходящая, главным образом, от болотных испарений»[1].

Испаряемость (т.е. количество испаряемой в год воды в миллиметрах) можно считать для наиболее сухих северных и северо-восточных частей области в среднем от 300 до 400 мм., а для Минского Полесья — от 400 до 600 с лишком; эта последняя испаряемость, несмотря на свою значительность, все-таки сильно уступает таковой на юго-востоке Европейской России, где она колеблется между 700 и 900 с лишком миллиметров.

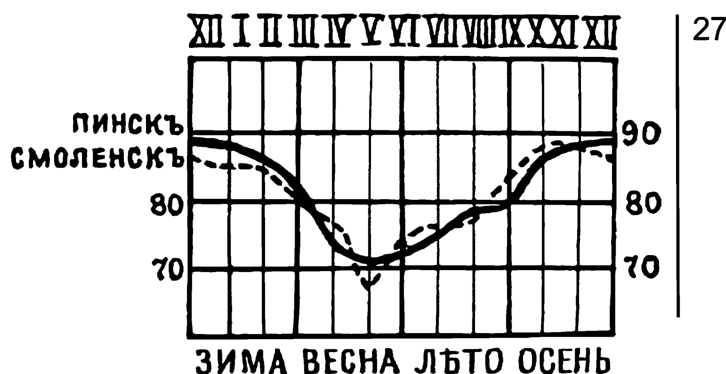
Распределение осадков в Верхнем Поднепровье и Белоруссии представляется в следующем виде (таблицы 7, 8):

По годовому количеству осадков рассматриваемая область ближе всего подходит к Озерной, несколько превышая Московскую промышленную. Осадки в Корсовке и Смоленске несколько больше чем на соседних станциях вероятно вследствие недостаточно продолжительных наблюдений. Рассматривая осадки по временам года, мы видим более медленное увеличение их количества от зимы к весне и к лету на север (Смоленск и Корсовка) и сильное их увеличение от холодного времени года к теплому на юго-западе (Пинск): на севере области летом выпадает осадков лишь в два с небольшим раза больше, чем зимой, между тем как на южных станциях летние осадки почти в четыре раза значительнее зимних. Максимум осадков в большинстве случаев приходится на июль, а наименьшее их количество выпадает почти повсеместно в рассматриваемой области в феврале. Увеличение осадков от зимы к лету идет вообще ров-

[1] Обе эти болезни происходят, по-видимому, не непосредственно от действия на человеческий организм болотных испарений: по крайней мере лихорадка новейшими исследователями приписывается микроорганизму, поедающему на известной стадии своего развития красные кровяные шарики и вносимому в организм человека укусами некоторых видов болотных комаров; колтун вероятно также обязан своим происхождением какому-нибудь микроорганизму, свойственному болотам Полесья и здесь, при известных условиях, попадающему в организм человека.

Таблица 7

	Зима	Весна	Лето	Осень	Год
Корсовка	108	108	227	156	599
Смоленск	106	122	212	172	612
Горки	69	110	206	119	504
Наднеман (Оттоново)	67	103	207	120	497
Стар. Быхов	96	132	214	136	578
Василевичи	59	88	201	121	469
Пинск	65	118	254	144	581

Годовой ход относительной влажности.

Таблица 8

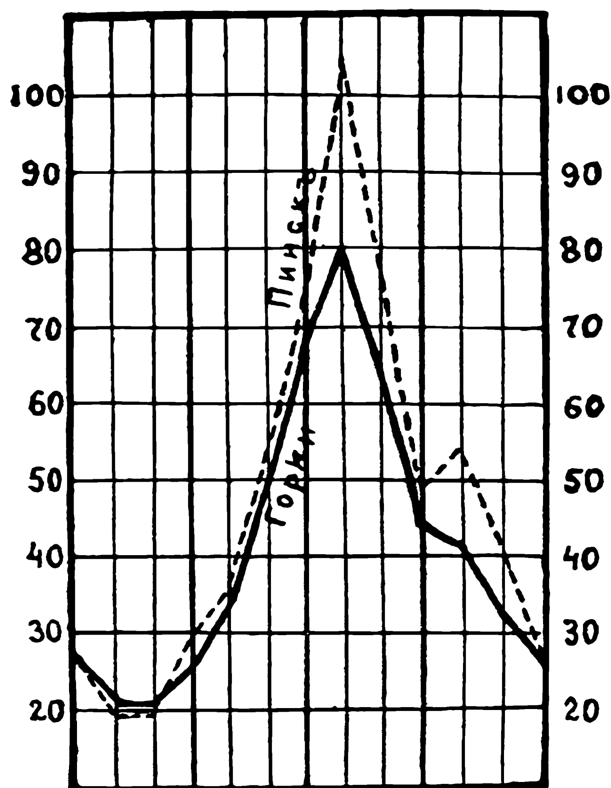
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Корсовка	36	37	24	34	50	72	85	70	69	54	33	35
Смоленск	40	24	42	41	39	77	65	70	59	65	48	42
Горки	21	21	26	34	50	69	79	58	44	42	33	27
Наднеман (Оттоново)	24	13	24	28	51	61	86	60	45	47	28	30
Стар. Быхов	29	25	37	40	55	61	75	78	42	50	44	42
Василевичи	16	15	21	29	38	63	67	71	36	47	38	28
Пинск	19	19	28	36	54	73	105	76	49	54	41	27

нее, чем уменьшение их от лета к зиме: правильность годового хода нарушается при переходе от сентября к октябрю, который в некоторых местностях нашей области даже несколько богаче осадками сентября.

О возможных в описываемой нами области наиболее резких месячных колебаниях осадков можно отчасти судить по тем фактам, что, напр., в Горках за апрель 1845 г. выпало только 6,9 мм, а за июль 1879 г. выпало 198,5 мм.

Повторяемость осадков, т.е. количество дней с осадками по месяцам, представляется в таком виде (таблица 9).

Наиболее резкие изменения по месяцам количества дней с осадками и дней без осадков замечаются на юго-западе области (Пинск) и на севере ее (Режица), а в центре (Горки) эти колебания по соседним месяцам незначительны. В общем, всюду в области можно наметить два максимума количества сухих дней: весенний (колеблющийся в промежутке от января до апреля) и осенний (сентябрь—октябрь). Наибольшее же количество дней с осадками приходится обыкновенно на декабрь, а второстепенный их максимум приходится на июль или август. Годовое количество дней с осадками в Смоленске является, по-видимому, преувеличенным вследствие недостаточной продолжительности наблюдений.

Годовой ход осадков.

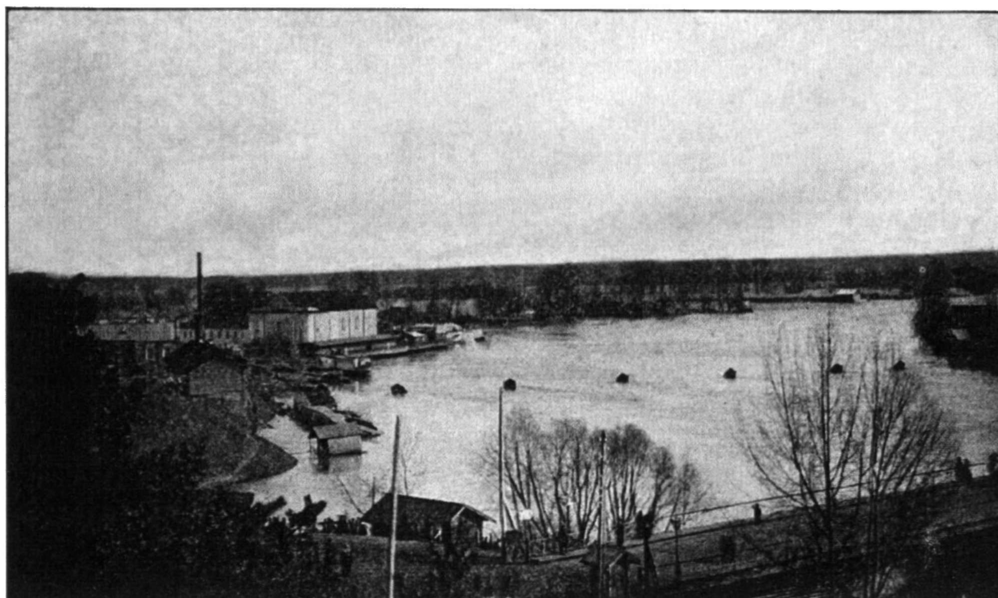
Таблица 9

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Режица	16	9	10	7	12	8	13	13	12	11	12	15	138
Смоленск	18	14	16	12	13	15	15	14	14	17	18	19	185
Горки	10	10	11	11	12	12	14	11	10	11	11	12	135
Наднеман (Оттоново)	13	8	13	9	10	9	12	10	10	12	10	14	130
Стар. Быхов	15	11	13	12	14	13	14	15	9	13	16	17	162
Василевичи	10	8	9	10	11	12	13	12	8	11	11	13	128
Пинск	14	11	14	10	14	13	15	13	12	15	15	17	163

О наибольших количествах осадков, выпадавших за сутки в Верхнем Поднепровье и Белоруссии за период 1886—95 гг., можно судить по тем фактам, что в селе Кошелево Могилевской губернии (бассейн Днепра) выпало однажды 94 мм, а в селе Феликсово Минской губернии (бассейн Немана) выпало однажды 95 мм. Осадки не более 100 мм, характерные для Центральной земледельческой и Южной России, здесь за указанный период времени не наблюдались, что указывает на несколько более умеренный климат по сравнению с черноземной полосой.

Засухи иногда наблюдаются, в особенности в восточной трети области — в Смоленской губернии, но обыкновенно не имеют здесь того губительного влияния, которое они оказывают на растительность Центральной черноземной и Южной России. Н.И.Криштафович так описывает засуху, бывшую в 1897 г. в Духовщинском и Поречском уездах Смоленской губернии [1].

«С апреля месяца, при температуре, доходившей до 40° зноя, не было ни капли дождя. По дорогам на вершок лежала тончайшая пыль, которая при малейшем движении подымалась в виде густых облаков, затеняя собой даже близкие предметы. При сильном же ветре эта пыль заволакивала собой громадные воздушные пространства, представляясь в виде туч и туманов... Непрерывные, многочисленные пожары леса и торфяников наполняли воздух дымом и запахом гари и довершали собой необычайную картину столь продолжительной и сильной засухи... Засуха эта не только не уничтожила растительности и хлебов, но последние дали такой урожай, какого давно не помнят старожилы-хозяева; засуха лишь ускорила созревание зерна и всяких других плодов, как древесной, так и травянистой растительности... Все озера, пруды и др. бассейны, питающиеся родниками и ключами верхнего горизонта местных грунтовых вод, в это лето неоднократно выступали из бере-

Разлив Днепра в Могилеве в 1901 г. (По фотографии Н.Н. Останковича).

[1] Криштафович. Некот. гидрогеол. особенности минувшего лета. Ежегодник по Геол. и Минерал., II, вып. 6—7, 1897.

гов благодаря обильному притоку питающих их вод и требовали столь же неоднократных починок и присыпок плотин и запруд, дабы спасти эти сооружения от прорыва, а бассейны удержать на месте. Между тем, эти же озера и пруды в предыдущие годы, не страдавшие засухой, мелели часто настолько, что заводы и мельницы, пользующиеся их водой, как двигателем, прекращали свою работу и бездействовали по недостатку воды. Реки и ручьи, долины которых углублены ниже верхнего горизонта местных грунтовых вод, наоборот, в это лето обмелели настолько, что местами некоторые из них и вовсе пересохли... Теперь ясно, что вся суть интересующего нас вопроса находится в выяснении источника и причин чрезвычайно обильного скопления воды в верхнем горизонте грунтовых вод. Откуда в этом горизонте столько воды в этом году? Опросные сведения констатируют, как факт, удивительно медленное таяние нынешней весной снежного покрова... Благодаря медленному таянию снежного покрова талая вода успевала вся проникнуть в почву, впитаться в нее и затем медленно спуститься до поверхности водонепроницаемой толщи моренной глины, т.е. до верхнего горизонта грунтовых вод, где она, уже следуя рельефу поверхности этой глины, регулировалась в подземные ключи и родники и поступала в водные бассейны, залегающие в наиболее низких пунктах этого рельефа, на дневной поверхности появляющиеся в виде родниковых озер, прудов и пр. Изобилие грунтовых вод имело в последствии постоянную в течение всего лета тягу влажности и к почвам (испарение), питающим растительность, и последняя, благодаря этому, несмотря на страшную засуху в атмосфере, была в условиях тропического или тепличного растения влажной зоны».

В отношении снежного покрова рассматриваемая область представляет постепенный переход от юго-западных и западных окраин Европейской России, где санный путь очень часто прекращается зимой, к центральным губерниям, в которых снежный покров зимой представляет уже одну из самых характерных черт климата. На юго-западе области, в Пинске, снежный покров в среднем наблюдается 87 дней в году, т.е. менее трех месяцев, большей частью с половины декабря до 10 марта, но нередко при этом совершенно стаивает иногда на 2—3 недели среди зимы, в январе и феврале. Толщина снежного покрова здесь вообще незначительна, достигая наибольшей величины в конце февраля; в марте снег стаивает окончательно, иногда даже в самом начале этого месяца, и лишь в редкие годы он покрывает землю до первой трети апреля. На северо-западе и в центре нашей области (Двинск и Гомель) снежный покров держится около 3 $^1/_2$ месяцев — с начала декабря до последней трети марта и уже гораздо реже исчезает среди зимы, хотя и не бывает особенно глубок. Наконец, на востоке области, в Смоленске, земля бывает под снегом, в среднем, почти 5 месяцев, с половины ноября до средних чисел апреля, т.е. почти так же долго, как и в Московской области. При этом здесь снежный покров достигает значительной глубины (наибольшая величина приходится на половину марта) и почти никогда не сходит в январе, феврале и даже в марте, составляя таким образом необходимую черту зимнего времени. Вот данные, относящиеся к снежному покрову (таблицы 10, 11):

С 1873 г. Минское Полесье подвергается осушению, производимому специальной экспедицией ген. Жилинского: к концу XIX в. здесь было осушено более 2 млн. десятин земли посредством искусственной канализации. Вопрос о влиянии этих грандиозных работ на климат не только рассматриваемой области, но и значительной прилегающей части Европейской России не раз подвергался серьезному обсуждению учеными специалистами и вызывал горячие споры. Здесь будет уместно привести мнение проф. А.И.Воейкова по этому поводу.

«Влияние осушения болот на климат», — говорит проф. Воейков[1], «весьма различно, в зависи-

Таблица 10

	Число дней со снежным покровом																					
	X			XI			XII			I			II			III			IV			Год
	1—10	11—20	21—31	1—10	11—20	21—30	1—10	11—20	21—31	1—10	11—20	21—31	1—10	11—20	21—28	1—10	11—20	21—31	1—10	11—20	21—30	
Двинск	0	0	1	1	2	5	8	8	9	8	9	9	9	9	8	9	7	5	1	1	0	107
Смоленск	0	1	1	2	4	7	9	9	11	10	10	10	10	10	8	10	10	10	7	4	2	144
Гомель	0	1	1	0	1	4	5	7	9	9	9	9	8	9	7	8	7	6	3	0	0	103
Пинск	0	1	0	1	1	4	4	7	8	9	9	8	7	7	7	6	4	3	1	0	0	87

[1] Воейков, Климат Полесья. Приложение к «Очерку работ Западной Экспедиции по осуш. болот», 1899.

Таблица 11

	Средняя толщина снежного покрова (в сантиметрах)																				
	X			XI			XII			I			II			III			IV		
Двинск	0	0	0	0	2	4	5	8	8	11	11	11	13	16	15	12	9	5	1	0	0
Смоленск	0	0	1	1	4	7	9	18	22	29	32	37	42	47	51	53	56	47	31	14	3
Гомель	0	1	1	0	1	3	4	10	12	14	16	16	19	24	25	24	22	15	6	0	0
Пинск	0	0	0	0	1	2	3	9	9	14	15	15	15	17	18	15	12	6	3	0	0

нской губернии работ Западной п»).

мости от того, насколько оно полно. Если канавы проведены на большом расстоянии одна от другой и место болота занял луг (бóльшая часть осушенного пространства в Полесье получила именно такое назначение), то можно думать, что изменение климата будет незначительно. Почва этих лугов влажна, почвенная (грунтовая) вода близка; поэтому во весь растительный период луговые травы и почва испаряют много влаги, может быть даже более чем прежнее болото; следовательно, и влажность воздуха остается большой. В каждую ясную и тихую ночь над таким лугом стоит туман, а в дождливое лето (как, напр., 1891 и 1893 гг.) на нем стоит вода. Иное дело, при осушении более глубоком, посредством густой сети канав, и когда место болот занимают поля. Тогда почвенная вода стоит ниже, почва менее влажна и к концу сухого лета испарение растениями слабо; поэтому и воздух над таким полем, если оно обширно, должен быть гораздо суше, чем над прежним болотом или влажным лугом, занявшим место болота. Иные условия получаются там, где осушено пространство, ранее покрытое мелким лесом. По осушении оно покрывается более густой и роскошной лесной растительностью. Всего
иться на силе (скорости)
будет гораздо менее пре-
ажности воздуха, то в за-
...да, погоды и т.п. влияние ее будет различно. При сильном сухом восточном или юго-восточном ветре влажность в густом лесу, на осушенном пространстве, будет больше чем в редком лесу, на неосушенном, так как последний дает более свободный доступ ветру; при других условиях погоды, вероятно, будет наоборот. Все эти явления еще нуждаются в продолжительных систематических исследованиях, за которые пора уже приняться».

ГЛАВА III

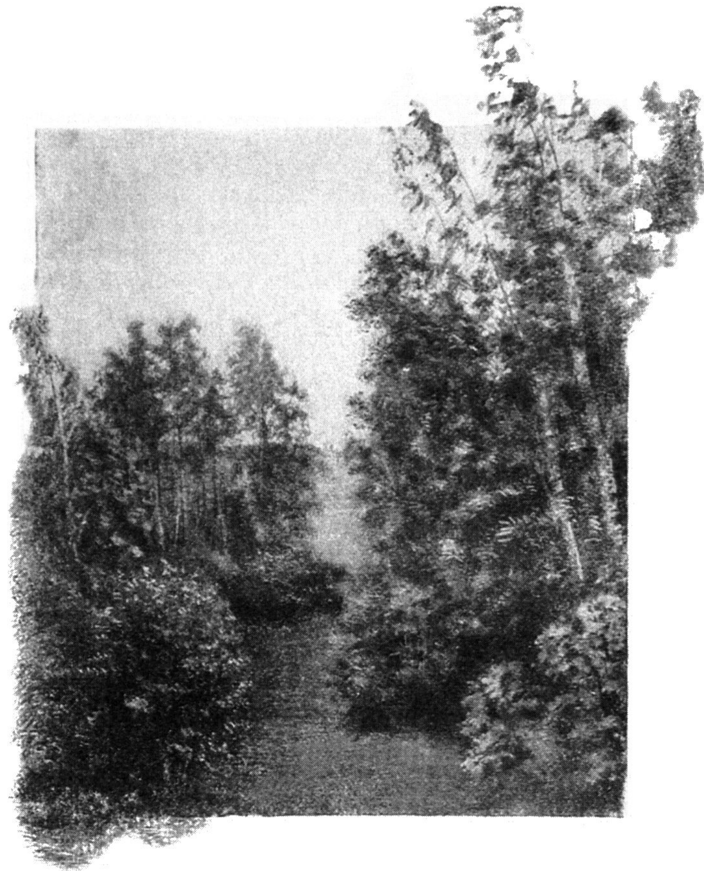
Растительный и животный мир

Растительный покров северной и восточной половины области. — Древесные и кустарниковые породы. — Травяной покров вод, мокрых лугов, лесов, сухих лугов, распаханных и сорных мест. — Общий характер растительного покрова Минского Полесья и покрывающие его болота. — Животное население Верхнего Поднепровья и Белоруссии в прошлом. — Современный состав животного населения: млекопитающие, птицы, гады, рыбы, беспозвоночные.

Верхнее Поднепровье и Белоруссия в ботаническом отношении принадлежат всецело к царству лесов в возвышенных своих частях и болот — в низменных. Если мы посмотрим внимательно на почвенную карту, то легко убедимся, что почти вся область занята почвами северного типа — суглинками, подзолами и супесями или же чистыми песками и болотными почвами. Исключения составляют только два уезда Могилевской губернии — Мстиславский и Климовичский, где развиты серые лесные суглинки Средней России, приближающиеся к чернозему. Это, вероятно, два крайних к северо-западу остатка так называемых «полей», занятых в доисторические времена растительностью луговой степи на тонком слое чернозема, а затем завоеванные лесом и обращенные им в серые суглинки. Таким образом нам предстоит в настоящей главе рассмотреть характер лесного, лугового и болотного покрова описываемой области.

«Моренная страна» — Витебская губерния — по своему ботаническому облику почти ничем не отличается от соседней с ней Псковской губ., растительный покров которой уже выяснен в III томе настоящего издания. Северо-западная часть Витебской губ. близ границ Лифляндской и Псковской покрыта сплошными лесами и подчас весьма обширными болотами, как, напр., болото Стомпа. Здесь, в соответствующих частях уездов Режицкого, Люцинского и отчасти Двинского, замечается сильная заболоченность торфяниками котловин, долин и низин между лесистыми холмами. Торфяники эти, как мы уже говорили выше (стр. 2), заключают в себе близ г. Режица остатки полярной растительности, напр., Dryas octopetala, Betula nana, Polygonum viviparum и др., указывая на их происхождение еще во времена ледниковой эпохи. Никитин различает в режицких торфяниках три слоя: 1) осоковый торф, 2) сплошной торф из одного только мха Amblystegium, 3) древний землистый серовато-сизый торф с разнообразными растительными остатками.

Подвигаясь далее к востоку по Витебской губ., мы попадаем в целый лабиринт небольших озер, холмов — то лесистых, то обезлесенных, пашен и значительных лесных площадей. Последние особенно велики в северо-восточной части Дриссенского и в большей части Полоцкого и Велижского уездов, а также в южной части Себежского и юго-западной части Невельского уезда. Здесь мы видим то сосновые боры на высоких песчаных дюнных грядах, как, напр., у южного берега оз. Иван в Невельском уезде, то те же боры на песчаных равнинах, как, напр. близ оз. Белое в Себежском уезде, то березово-осиновые леса с редкой елью, ныне уже довольно сильно истребленные, как, напр., близ оз. Усвеча и Ашо в Невельском уезде, или же, наконец, острова старого березового леса с примесью то дуба, то ели, как, напр. в окрестностях села Рыкшина того же Невельского уезда. Близ границ

Береговая заросль близ Креславки Двинского уезда. (По фотографии В.А. Бальца).

Великолуцкого уезда Псковской губернии с Невельским Витебской попадаются нередко и почти сплошные лиственные леса из редкого дуба, осины, березы и ясеня.

Смоленская губерния в своей северной части (главным образом восточная половина Поречского и весь Бельский уезд) представляет собой доныне почти сплошные леса, от имени которых и весь высокий водораздел Днепра, Волги и Оки получил в старину название «Оковского» (или Волоковского) леса». Леса эти перемежаются иногда с обширными болотами, как напр., Большой Жаковский мох в Поречском у. или Большой Свичский мох в Бельском у. Здесь вообще наблюдается сплошная картина болот (большей частью не сфагновых), березовых, осиновых, реже смешанных с елью лесов на суглинке и подзоле. Но прежних таежных участков здесь уже весьма мало: по большей части лес разрежен выборочной рубкой и обращением некоторых лесных участков во временные сенокосы (которые меняют свои места и вскоре опять обращаются под мелкий лес), а отчасти и лядинным хозяйством, о котором уже говорилось в III томе «России». Любопытны здесь, так сказать, исторические следы борьбы человека с лесом. Так, проф. Турский для верховьев Днепра отмечает следующее явление: «Предание гласит, что на многих из этих полян, называемых «пустошами», в прежнее время были селения. Напр., на пустоши Починки в 1849 г. была деревня Починки, уже не существовавшая в 1871 г., когда здесь производилась рекогносцировка офицерами Генерального Штаба. На теперешней пустоши «Холмец» во время генерального межевания была деревня Холмецкая, которая и значится на прежних планах. Относительно других пустошей нельзя, конечно, утверждать, что на всех теперешних пустошах были прежде селения, но на многих из них мы встречаем признаки бывших селений, напр., заросшие мхом прудики и остатки колодцев, и во всех таких случаях местные жители утверждали, что тут были селения, причем название той или другой пустоши (напр., Дедова, Захаровка и др.) объясняли названием исчезнувшего селения (Дедовой, Захаровки и др.). Прудики и колодцы мы встречали не только на сенокосных полях (пустошах), но нередко в глухих местах, в настоящее время еле доступных для рекогносцирующего... Во всяком случае некоторые местности в верховьях Днепра, покрытые теперь сплошными лесами и не имеющие вовсе селений, были когда-то заселены. Насколько густо было это заселение, нам выяснить не удалось; но что некоторые леса выросли здесь уже после выселения отсюда жителей, в этом нет никакого сомнения. Местное же предание говорит, что описываемая лесистая местность опустела «во время литовского нашествия», и жители перешли тогда на левый берег Днепра, в теперешний Сычевский уезд, будто бы более лесистый в то время». (Ныне этот уезд значительно более безлесен, чем Бельский). Действительно для Смоленской губернии мы знаем два таких момента ухода жителей «в леса»: это начало XVII в. — смутный период и начало XIX в. — нашествие французов.

Смешанные леса, столь распространенные на подзолистых почвах Смоленской и Могилевской губерний, чаще представляют собой комбинации следующих древесных и кустарниковых форм (X обозначает распространение по лесу в большом количестве экземпляров, а 1 — единичные экземпляры) (таблица 12).

Таким образом, постоянными членами этих смешанных лесов являются ель, береза и осина, а из кустарников почти всегда встречаются крушина, малина и рябина; весьма часты белая ольха и различные породы ив, довольно редка сосна, еще реже орешник, а совсем редки черная ольха, клен, дуб и липа. Смешанные леса в обеих названных губерниях перемежаются на песчаных почвах с полосами сосновых боров. Особенно ценными для строительных целей считаются обширные боры Рогачевского и Чериковского уездов Могилевской губернии. В этой последней — в Рогачевском и в почти безлесном ныне Гомельском уезде проходит еще северная граница граба (Caprinus betulus), так что в г. Гомель можно доставать грабовые дрова. Граб, как было уже указано выше, в весьма древние времена доходил даже до верховьев Днепра, так как его семена найдены здесь в древних торфяниках вместе с семенами вымершего нимфейного Brasenia holsatica. К вышеназванным древесным породам следует присоединить также вяз (Ulmus effusa), ильм (U. campestries), ясень (Fraxinus excelsior), черемуху (Prunus padus), дикую яблоню (Pirus malus), дикую грушу (Pirus communis), серебристый тополь (Populus alba) и редкий осокорь (Populus nigra). Полную редкость в лесах нашей области составляют единичные экземпляры лиственницы (Larix decidua). Из кустарниковых пород, кроме уже отмеченных, можно также назвать: барбарис (Berberis vulgaris), боярышник (Crataegus oxyacantha), бересклет (Evonymus europaea), шиповник (Rosa canina), кизил (Cornus sanguinea), по низким местам калину (Viburnum opulus), разные породы ив (Salix), смородину (Ribes), низкорослую березу (Betula humilis) и др.

Травяной покров Верхнего Поднепровья и Белоруссии представлен несколько более чем 900 видами растений. Из этого числа более всего — около 28% — приходится на флору травяного по-

Таблица 12

	Сосна (Pinus silvestris)	Ель (Abies excelsa)	Можжевельник (Juniperuscommunis)	Осина (Populus tremula)	Береза (Betula alba)	Ольха белая (Alnus incana)	Ольха черная (Alnus glutinosa)	Клен (Acer platanoides)	Дуб (Quercuspedunculata)	Липа (Tilia parvifolna)	Орешник (Corylus avellana)	Рябина (Sorbus aucuparia)	Малина (Rubus idaeus)	Крушина (Rhamnus frangula)	Ива (Salix)
1	1	X	X	X	X	X	—	—	—	—	—	—	—	X	X
2	—	X	X	X	X	1	—	—	—	—	—	X	X	X	—
3	—	X	—	X	1	—	—	—	—	—	—	X	X	X	X
4	1	X	—	X	X	X	—	—	—	—	—	X	X	X	—
5	1	X	—	X	X	1	1	1	—	—	—	X	X	X	X
6	1	X	—	X	X	1	1	1	—	—	X	X	X	X	X
7	—	X	—	X	X	X	—	—	1	1	X	—	—	—	X

крова сухих лугов; к последней приближается (23%) лесная травяная флора; затем травяная флора мокрых лугов и распаханных и сорных мест дает каждая от 17 до 18% общего количества видов травяных растений, а водных и болотных растений дают до 7% каждая флора. Наибольшее разнообразие растительных типов в описываемой области принадлежит травяному покрову лесов и мокрых лугов, представленных здесь более чем 45 семействами на каждую формацию. Этого и следовало ожидать, так как рассматриваемая область в нетронутом своем виде искони была на большей части своей площади по преимуществу царством лесов и мокрых лугов. Затем на сухих лугах и на отошедших под распашку и жилище человека местах живут от 30 до 40 семейств трав на каждой формации, а на болотных и водных пространствах — около 20 на каждой формации. Цветение травянистых растений нашей области весьма характерно отражает в себе ее климатические условия. Так, только 3% всех водных растений цветут здесь весной, до 85% их цветут летом, а около 12% — осенью. Это впол-

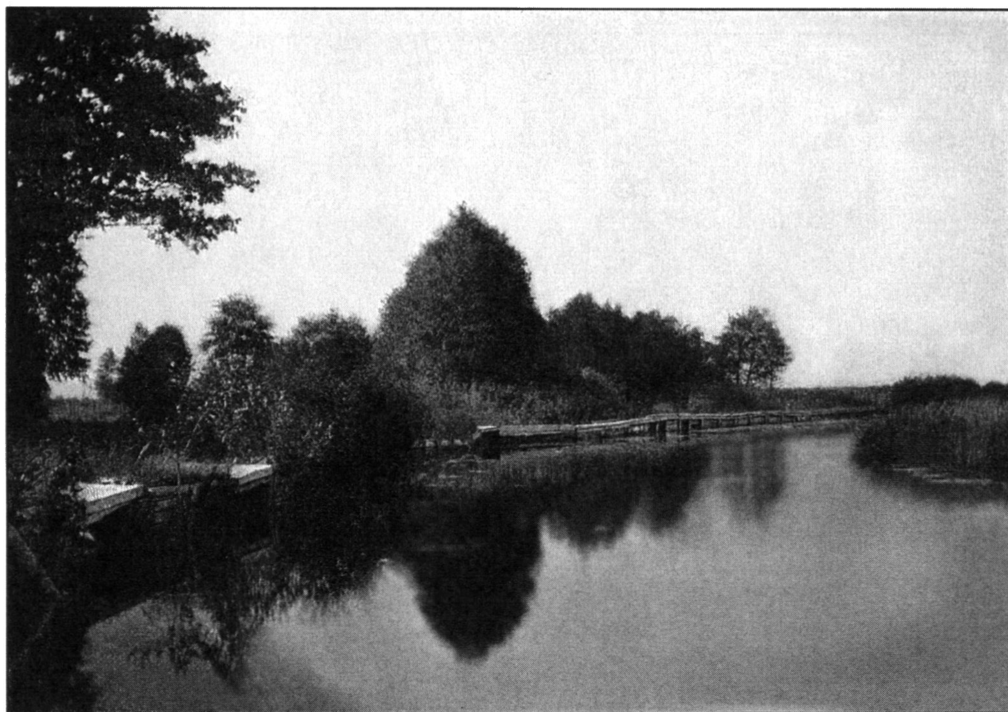

Березовые насаждения на Краснинском большаке. (По фотографии М. Круковского).

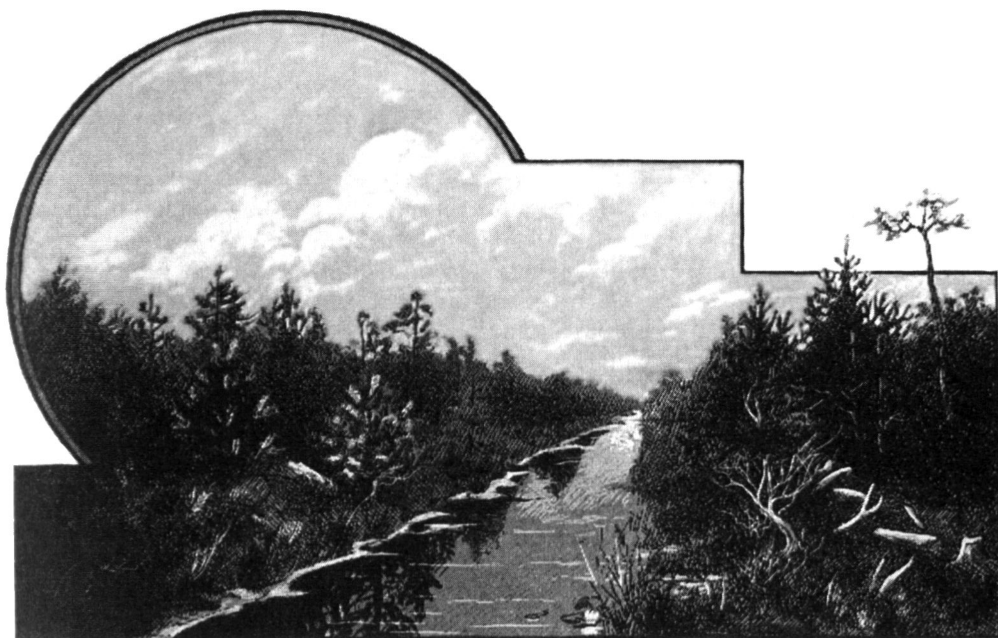
не понятно, так как воды медленно прогреваются весной, вследствие чего цвести здесь могут в это время года по преимуществу лишь растения наименее глубоко сидящие, какими являются, напр., ряски (Lemma) — в поверхностных, уже прогретых солнцем слоях воды. Угодья, наименее подверженные резким переменам температуры в течение суток (смене ночных заморозков и дневного жара), каковыми являются болота и леса с·их медленно и постепенно тающим весной снежным покровом, дают иную картину расцветания растений: и в болотах, и в лесах около 45% всех травяных растений им свойственных, цветут весной и столько же летом, а около 10% выпадает на осень. При этом болота, как находящиеся в низинах и осенью ранее лесов подвергающиеся утренникам, дают возможность в это время года расцвести менее чем 10% своих трав, а леса — более 10% их. Мокрые и сухие луга, как более подверженные суточным колебаниям температуры, дают возможность расцвести: весной — около 30%, летом — около 55%, а осенью около 15% своих травянистых растений. Наконец, разрыхленная почва полей и сорных мест, как наиболее доступная резким суточным переменам температуры, по отношению к цветению дает следующую амплитуду: немного более 15% всех свойственных этим угодьям форм цветут весной, немного более 65% — летом и немного более 15% — осенью. Эта амплитуда по своей резкости наиболее приближается к таковой у водных растений.

Водная флора в большей части рассматриваемой области мало чем отличается от соседних Озерной и Московской промышленных областей. Наиболее богато здесь представлено, по-видимому, семейство наядовых (Najadeae): один рдест (Potamegeton) представлен здесь около 15 видами. Бо́льшая часть представителей водной флоры нашей области широко распространена по всей Европейской России и не представляет ничего замечательного: это кувшинки (Nymphaea alba и Nuphar luteum), стрелолист (Sagittaria sagittaefolia), резак (Stratiotes aloides), красовласки (Calitriche), водокрас или лягушечник (Hydrocharis morsus ranae), речной щавель (Rumex hydrolapathum), камыш (Scirpus lacustris) и пр.

Болотная флора также весьма мало отличается от общеизвестного типа, описанного нами в I и III томах настоящего издания. Торфяные болота в Верхнем Поднепровье и Белоруссии имеют небольшое, сравнительно, распространение; здесь мы видим общеизвестный мох Sphagnum, росянку (Drosera rotundifolia), клюкву (Oxycoccos palustris) и проч. На гораздо шире распространенных в области, в особенности на юго-западе ее, травяных болотах растут обычные: вахта (Menyanthes trifoliata), белокрыльник (Calla palustris), различные виды лютиков (Ranunculus), пушица (Eriophorum), мытник (Pedicularis palustris), белозор (Parnassia palustris), некоторые виды хвощей (Equisetum limosum, E. palustre) и пр. Но особенно здесь развито семейство ситовниковых (Cyperaceae); одних

Река Ола Бобруйского уезда Минской губернии. Тип прибрежной растительности. (По фотографии А.О. Пайон).

ность по осушительному
ской губернии. (Из «Очерка
дной экспедиции по
олот»).

осок (Carex), составляющих основной покров таких болот, здесь встречается не менее 15 видов. Наиболее типичные здешние болота — Минские — подробнее будут охарактеризованы нами ниже.

Мокрые луга (заливные) в нашей области особенно богаты представителями семейства сложноцветных (Compositae), злаков (Gramineae), затем частью лютиковых (Ranunculaceae), крестоцветных (Cruciferae); мокричных (Alsinaceae) и пр. Из злаков мы встречаем здесь, напр., переполевицу (Calamagrostis), лисий хвост (Alopecurus), мятлик (Poa) и пр., из сложноцветных девясил (Inula) и др., из смолянковых (Sileneae) — кукушкин цвет (Lychnis flos cuculi) и пр.

«Нижний горизонт» лесов наиболее богат лютиковыми (Ranunculaceae), мотыльковыми (Papilionaceae), зонтичными (Umbelliferae), сложноцветными (Compositae), губоцветными (Labiatae), орхидеевыми (Orchideae), злаками (Gramineae), папоротниками (Filices) и пр. В хвойных лесах мы встречаем известные нам хвощи (Equisetum silvaticum и hiemale), плауны (Lycopodium), мхи (Polytrichum, Hypnum), лишаи (Cladonia и др.), бруснику (Vaccinium vitis idea), толокнянку (Arctostaphylos uva ursi), чернику (Vaccinium myrtillus), вереск (Calluna vulgaris) и пр.; в лиственных лесах мы видим, напр., различные анемоны (Anemone и Hepatica triloba), чистотел (Chelidonium majus), звездчатки (Stellaria), герании (Geranium), цирцеи (Circaea), грушанки (Pyrola), Петров крест (Lathraea squamaria), копытень (Azarum europaeum), венерины башмачки (Cypripedium), лук (Allium ursinum), купену (Polygonatum), ландыш (Convallaria majalis) и мн. др., из папоротников — орляк (Pteris aquilina), далее Asplenium filix femina, Asplenium filix mas и пр. Из грибов, растущих в лесах Верхнего Поднепровья и Белоруссии, можно назвать следующие съедобные грибы: белый или боровик (Boletus edulis), березовик или абабок (Boletus scaber), красный или подосиновик (Boletus aurantiacus), моховик (Boletus subtomentosus), маслянка или козел (Boletus luteus), козляк (Boletus bovinus), рыжик (Agaricus deliciosus), груздь (Agaricus piperatus), белянка (Agaricus nitidus), волвянка или волнуха (Agaricus cinnamomeus), сыроежка (Agaricus russula), валуй (Agaricus foetens), опенка (Agaricus melleus), лисичка (Cantarellus cibarius) — единственный гриб, употребляемый в пищу евреями, сморчок (Morchella esculenta), булавница или капусыр (Clavaria coralloides) — гриб, растущий обыкновенно на песчаной почве хвойных лесов и достигающий иногда громадных размеров (до 2 арш. в окружности); на гумнах и лугах еще растет шампиньон (Agaricus campestris). Несъедобные грибы: трут (Boletus fomentarius и B. igniarius), мухомор (Agaricus muscarius), морщинник или подпольный гриб (Boletus lacrymans), трутовик разрушительный (Boletus destructor); из полевых грибов, — спорынья или черные рожки (Spermoedia clavus), головня (Uredo sixophila и U. segetum), ржавчина (Uredo rubida), мучная роса (Mucor erysiphe), плесень (Mucor mucedo), из нитчатых грибов — картофельная плесень (Peronospora infectans и Fusisporium solani) и пр.

Сухие луга богаты семействами лютиковых (Ranunculaceae), смолянковых (Sileneae), крестоцветных (Cruciferae), мотыльковых (Papilionaceae), зонтичных (Umbelliferae), сложноцветных (Compositae), колокольчиковых (Campanulaceae), норичниковых (Scrophulariaceae), злаков (Gramineae) и др. Здесь мы видим, между прочим, различных представителей гвоздик (Dianthus), дремы (Silene), зверобоя (Hypericum), мышиный горошек

(Vicia cracca), ромашку (Anthemis), деревей (Achillea millefolium), одуванчик (Taraxacum officinale), называемый здесь «ксендзов плеш», колокольчики (Campanula), вьюнок (Convolvulus arvensis), чеснок (Allium oleraceum), мятлик (Poa annua), тимофеевку (Phleum pratense) и мн. др.

Флора распаханных пространств и сорных мест изобилует в особенности крестоцветными (Cruciferae), сложноцветными (Compositae), губоцветными (Labiatae) и злаками (Gramineae). Здесь уже встречаются характерные для запада России представители мака (Papaver) на полях, затем всюду обыкновенные растения вроде чернобыла и полыни (Artemisia), василек (Centaurea), осот (Sonchus), лебеда (Chenopodium), крапива (Urtica), костер (Bromus) и мн. др.

В ботаническом отношении рассматриваемая нами область может быть разделена на две характерные части, если мы проведем мысленно линию от Двинска на Могилев и Гомель. Ограниченная таким образом северо-восточная часть, состоящая из губерний Витебской, Смоленской и Могилевской, имеет ботанический облик, почти ничем не отличающийся от соседних частей Озерной, Московской промышленной и края Среднерусской черноземной (Брянское нечерноземное полесье) областей. Находящаяся же к юго-западу от этой линии Минская губ. и смежные с ней края Витебской и Могилевской носят уже несколько иной характер, переходный к флоре западной и юго-западной России.

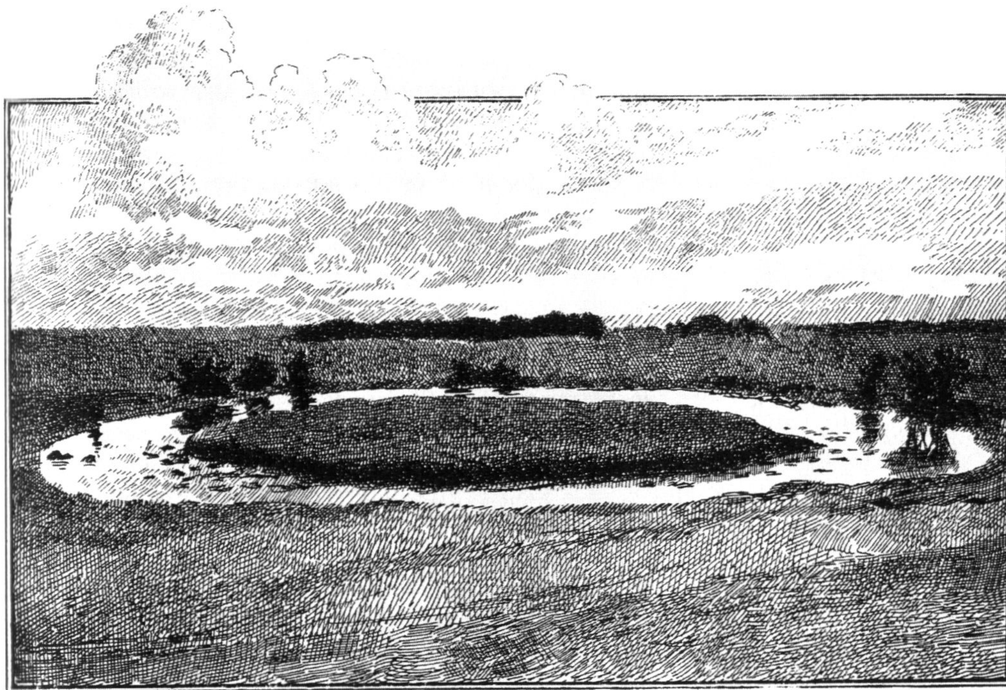
Через северную часть нашей области проходит южная граница распространения полярного растения Linnaea borealis по направлению Витебск—Смоленск—Ельня, соответствуя приблизительно южной границе распространения здесь типичного моренного ландшафта. Несколько севернее ее, почти в том же направлении идет северная граница распространения сливы (Prunus communis), а из оз. Лубани на Дриссу—Могилев и далее, поворачивая на восток, — на Климовичи — идет северная граница распространения терновника (Prunus spinosa).

Флора Минского Полесья представляет много своеобразного. Начнем с того, что северо-восточная граница граба пересекает Минскую губернию несколько севернее верхнего течения Немана и далее идет на Рогачев, вследствие чего почти весь бассейн Припяти в пределах Минской губернии характеризуется, хотя и не особенно частым, присутствием этого дерева. Затем в Минском же Полесье встречено вымирающее здесь растение Azalea pontica, характерное для юга России. Вообще здесь мы встречаемся с представителями многих родов запада и юга России, не идущими далее к северу и востоку, как, напр., с западными Helleborus, Tesdalea, Aldrovanda, Hydrocotyle, Vinca, Litorella, Hydrilla, Isopyrum, или южными Verbena, Elsholtia, Anthericum, Colchicum, Berula. Через Минское Полесье немного южнее границы граба проходят еще северные границы распространения ракитника (Cytisus biflorus) и красивого чужеядного растения омелы (Viscum album).

Наиболее типичной для всего Минского Полесья болотистой местностью является Пинское «Заречье», о котором мы уже говорили в I главе (стр. 10). Чтобы дать читателю краткое и наглядное представление об этой оригинальной в ботаническом отношении местности, позволим себе привести следующие две характерные выдержки. Первая принадлежит польскому писателю Крашевскому[1]:

«Не знаю, — замечает он, — кого бы мне попросить, чтобы ссудил меня пером для описания этой пустыни камыша и лозы. Представьте себе род леса из сплетенного тростника, связанного и спутанного, как волоса в пинском колтуне, леса безграничного и бесконечного, пересекаемого местами ложем реки, которая узенькой ленточкой, как бы извиваясь, пробирается через ряды очерета или камыша. В этих очеретах осенью нет ни комара, ни мухи, ни живой души и не слышно другого звука, кроме шелеста сухих стеблей и листьев». Вторую выдержку заимствуем из «Очерка работ Западной Экспедиции по осушению болот» (стр. 272—273). «Все это пространство (т. е. «Заречье») бывает под водой, и еще в конце июня и начале июля можно на небольших паровых катерах свободно разъезжать по болоту, не следуя руслу какой-либо реки. Все это водное пространство поросло тростником, рогозом, ситником, реже аиром (Acorus calamus), на мелких песчаных местах, как, напр., у г. Пинск; среди тростников узкими лентами извиваются многочисленные протоки, заросшие водяными лилиями, водокрасом, водяной капустой, между которыми плавают свойлоченные отжившие и вегетирующие нитчатые водоросли: вошерии, эдогонии, спирогиры и др.; на стеблях и корнях водяных растений размещаются многочисленные пресноводные губки и мириады диатомовых, от которых стебли тростников и лилий кажутся совершенно бурыми; только посередине протока тянется узкая, чистая полоска воды, с едва заметным течением. Почти ежегодно, весной, направление таких проток изменяется: старые заносятся водяными отложениями, кустами тростника, кочками осок; на их место вода прокладывает себе новые пути, которые также скоро зарастают водоросля-

[1] Заимствуем ее из «Геоботанического описания Полесья» Г.И.Танфильева, стр. 155.

Кольцеобразное блюдце в Полесье. (Из «Очерка работ Западной экспедиции по осушению болот»).

ми. В этих непроходимых дебрях, в тихих омутах, встречаются редкие для Полесья растения: Aldrovanda vesiculosa, Salvinia natans и Trapa natans. По берегам проток, среди тростников и ситников попадаются небольшие полянки — острова, поросшие кочками осок, вейника, луговика и молинии; изредка встречаются островки, покрытые ковром мягкой, кудрявой, ярко-зеленой травы, которая растет обыкновенно на свеженаилованных местах». По словам Танфильева, крестьяне в этих местностях сплошь и рядом косят траву, стоя по пояс в воде, или прямо из лодки. Подобные тростниковые болота в Минском Полесье перемежаются с песчаными гривами, заросшими частью хвойным, частью лиственным лесом. Второй тип болот, встречаемый в Полесье, есть так называемые зыбуны (трясины). Полотно Полесских железных дорог местами идет по таким зыбунам. Зыбуны в Полесье, впрочем, занимают сравнительно весьма небольшие пространства по берегам озер и иногда называются «дрягвой» (от слова дрожать). Образование зыбунов обязано заболачиванию озер болотной растительностью, в особенности, различными видами осок (Carex), Comarum и Menyanthes. В Минском Полесье сильно распространен третий тип болот — травяные торфяники. Особенно обширны они в Выгоновском болоте (близ Выгоновского оз., верховьев р. Щара и Огинского канала), в болотах по течению р. Морочи к юго-западу от Слуцка, в Гричинском болоте (к северо-востоку от ст. Лунинец), в болотах, окружающих оз. Жид (Князь), в Колковском болоте (к северо-западу от ст. Мозыря близ р. Птичи) в болотах по р. Ведричу (у ст. Василевичи) и пр. В травяном торфе этих болот нет возможности различить какие-либо слои: весьма однородный торф здесь состоит из густого сплетения болотных злаков и осок. Травяные торфяники Полесья перемежаются, так же, как и тростниковые болота, с песчаными гривами, поросшими лесной растительностью. Особенной топкостью отличаются распространенные местами в Минском Полесье ольховые торфяники, называемые здесь олесами (ольшанники). Между отдельных ольх растительность бедна: здесь можно встретить немного незабудок (Myosotis palustris), недотрогу (Impatiens noli tangere), водяной перец (Polygonum hydropiper), речной щавель (Rumex hydrolapathum), мокрицу (Stellaria media), белокопытник (Petasites) и омежник (Oenanthe); в то же время каждая ольха стоит на высокой кочке-острове, заросшей густым покровом смородины (Ribes nigrum и R. rubrum), малины (Rubus idaeus), ежевики (Rubus fruticosus), крушины (Rhamnus frangula), бересклета (Evonymus europaeus), таволги (Spiraea ulmaria), мяуна (Valeriana officinalis), веха (Cicuta virosa), хмеля (Humulus lupulus) и мн. др. Говоря о болотах Полесья, нельзя не отметить встречающихся здесь кое-где, описанных Танфильевым оригинальных круглых, небольших блюдцеобразных озерков — болотец, имеющих правильную, кольцеобразную форму, с круглым торфяным островом посередине, отделенных от песчаных берегов полосой воды сажени в 1 $^{1}/_{2}$ шириной. Сфагновые болота имеют в Минском Полесье лишь слабое распространение (небольшими пятнами на песках среди сосновых лесов). Происходит это

вследствие того, что в Полесье очень обыкновенны, продолжительны и обширны речные разливы, препятствующие образованию таких торфяников: последние можно найти лишь там, куда не доходят разливы, а подобных мест здесь мало. Можно указать на сфагновые торфяники к западу от железной дороги Лунинец—Барановичи (напр., к западу от ст. Мальковичи), близ ст. Житковичи и Василевичи Полесских железных дорог и в некоторых других местах. Еще реже встречаются, по-видимому, в Минском Полесье ключевые болота и торфяники. Танфильев, напр., наблюдал их к югу от ст. Доманово Московско-Брестской ж.д. близ с. Любищице, к югу от Пинска и в окрестностях м. Перерова близ р. Припять. Вообще следует заметить, что Минское Полесье, как территория, сравнительно (в геологическом смысле) недавно освободившаяся из-под сплошного водного покрова и доныне постоянно заливаемая на огромные пространства полой водой (см. приложенную ботаническую карточку Верхнего Поднепровья и Белоруссии), не имело возможности образовать сколько-нибудь мощные торфяники: последние, с несколькими ярусами сосновых пней, свидетельствующих о древности их происхождения, встречаются кое-где лишь по окраинам Полесья, представлявшим когда-то берега того обширного водного бассейна, о котором мы уже говорили в I главе (стр. 9). На этом мы закончим описание растительного покрова Верхнего Поднепровья и Белоруссии и перейдем к животному миру рассматриваемой области.

Как во времена доисторические, так и в первые века русской истории Верхнее Поднепровье и Белоруссия, почти сплошь занятые дремучими лесами, лугами и непроходимыми болотами, изобиловали всякого рода зверями и дичью, преимущественно лесной и болотной. Исторические документы говорят нам о широком распространении здесь, между прочим, таких зверей, как зубр (сохранившийся ныне только в Беловежской пуще Гродненской губ.), бобр (ныне почти совсем истребленный здесь), соболь и пр. Еще в XV и XVI в. местные собольи меха продавались в Минске и Новогрудке по 40 штук вместе, а также и горностаевые, партиями от 100 до 250 штук. По свидетельству бар. Мейерберга, посетившего Литву и Белоруссию в конце XVII в., леса между Вильной и Полоцком нисколько не уступали по обилию в них дичи лесам севера и востока России. Но уже в XVII в., по-видимому, замечалось здесь уменьшение количества дичи по сравнению с предыдущими веками, так как правительство Сигизмунда Августа в 1657 г. в «Уставе о волоках» великого княжества Литовского озаботилось тем, чтобы ежегодно к 19 мая представлялись урядниками отчеты с полоцких бобровых ловель. В 32-й статье названного устава мы читаем: «А во всех пущах наших и общих, где прежде крестьяне наши для нас бобров ловили, там и теперь, по прежнему, ловить должны. А если бы где, в реках и озерах наших, бобры показались вновь, то и там крестьяне ловить должны; а за работу брать им пятого бобра или подбрюшек от каждого. А где крестьяне в лесах наших имеют бани, там, при таких банях, отнюдь не должны держать ни скота, ни собак, что́ должны им воспрещать урядник и лесничий». В той же статье несколько далее видны мероприятия для поддержания в лесах и других угодьях, принадлежавших литовскому правительству, возможно большего количества дичи: крестьянам, например, воспрещалось рубить лес в тех местностях, где производились облавы, не дозволялось стрелять косуль и некоторых больших зверей (преимущественно зубров) не только в лесах и близ лесов, но даже и на своих «волоках», под страхом смертной казни. Крестьяне же, закупавшие в лесах покосы, обязаны были ходить на них все вместе, дав предварительно знать о том лесничему, причем они не имели права брать с собой туда ружья, рогатины и собак; было также запрещено иметь сенокосы в таких местах, где производились облавы. Впрочем на своих собственных «волоках» крестьяне могли бить хищников и грызунов, а также ловить птиц и продавать их и без объявления о том властям.

Однако эти меры не имели желаемого действия. В XVIII в. ослабевшая Польша не была уже в состоянии следить на местах как следует за поддержанием звериного населения и регулировать звериный промысел, а русское правительство, в руки которого перешли бывшие литовские земли, было слишком отвлечено массой первостепенных политических задач в рассматриваемой области, чтобы заботиться здесь о зверях и звериных промыслах. Несомненно, что существовали отдельные годы, весьма неблагоприятные для животного населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии. К таким годам можно отнести, напр., 1812-й, когда многотысячной армией Наполеона, хотя об этом и не имеется никаких данных, вероятно было истреблено немало зверей и дичи в губерниях Минской, Могилевской и Смоленской, в особенности при отступлении из Москвы, для удовлетворения голодавших солдат. Затем в 1863 г., во время польского восстания, по распоряжению русского правительства, во многих местах северо-западного края были вырублены значительные участки непроходимого леса, чтобы не дать возможности укрываться в них повстанцам; таким образом немало надежных звериных убежищ было невольно уничтожено.

Современная фауна Верхнего Поднепровья и Белоруссии представляется в таком виде.

Рукокрылые имеют здесь, по всей вероятности, до 13 или 15 представителей, из них 6 общих с Московской промышленной и Среднерусской черноземной областями: это — ушан (Plecotus auritus), кожан вечерний (Vesperugo noctula), кожан малоголовый (Vesperugo pipistrellus) — весьма здесь обыкновенный, придерживающийся хвойных лесов, кожан двуцветный (Vesperugo discolor), нетопырь (Vespertilio Daubentoni) и, наконец, Vespetilio dasycneme. Весьма возможно, впрочем, что и свойственные вышеупомянутым двум областям летучие мыши Vesperugo abramus и Vespertilio mystacinus, водятся в Смоленской губернии. Далее возможно, что в юго-западной части Минской губернии — в пинских болотах — попадается подковонос малый (Rhinolophus hipposideros), встречаемый в юго-восточной Польше и в северной части Киевской губернии. В Минском Полесье довольно обыкновенен в городах и селах кожан горный (Vesperugo serotinus) и на опушках лесов Vesperugo Nathusii. Возможно также, что из Люблинской губ. через западную часть Волынской в Минскую переходят: Synotus barbastellus, Vesperugo Nilsoni и Vespertilio Bechsteini, а из Киевской — Vesperugo Leisleri.

Отряд насекомоядных Верхнего Поднепровья и Белоруссии имеет около 7 представителей. Крот (Talpa europaea) живет во всей области и всюду очень обыкновенен. Танфильев, описывая кочкарники к югу от Слуцка, близ с. Старобина и к востоку от ст. Лунинец близ Кожан-Городка, говорит: «Подобного рода кочки, весьма обычные в Полесье, особенно на песчаных луговинках среди леса, обязаны своим происхождением деятельности кротов, так как можно рядом наблюдать совершенно свежие, только что наброшенные кучки, и кучки, обросшие мхом (Polytrichum) и уже занятые муравьями». Кутора или землеройка водяная (Crossopus fodiens) также весьма обыкновенна в рассматриваемой области по берегам рек и озер. Землеройка обыкновенная (Sorex vulgaris) водится в Верхнем Поднепровье и Белоруссии в лесах, на лесных болотах и в кустарниках. Немного реже попадается здесь землеройка-малютка (Sorex pygmaeus). Возможно, что в южной части Минского Полесья к этим насекомоядным животным еще присоединяются кутора белозубая (Crocidura leucodon) и кутора паукоядная (Crocidura araneus). Еж (Erinaceus europaeus) встречается почти всюду, за исключением самих полесских болот, так как любит сухие, слегка холмистые места, но при этом предпочитает кустарники и сады настоящему лесу.

Лес близ Мариенгаузена Люцинского уезда. (По фотографии В.А. Бальца).

Хищные животные в прежние времена имели в описываемой области не менее 15 представителей, но ныне один из них — дикая кошка (Felis catus ferus), водившийся в Минской губернии, уже более здесь не встречается. Есть указания, что в Витебскую губернию в прежние времена заходила с северо-востока еще россомаха (Gulo borealis), а до XVII в. здесь, по-видимому, водился и соболь (Mustela zibellina). Бурый медведь (Ursus arctos) попадается всюду в области в глухих лесных участках. Холодовский в своей статье «Жилища бобров в Минской губернии» говорит, что «минские медведи довольно смирны». Ф.Ястремский в «Кратком очерке Минской губернии» свидетельствует, что здесь, как и во всем северо-западном крае, количество медведей сильно уменьшилось с 1863 г. — после прорубки здесь огромных просек через самые «медвежьи углы», о чем мы говорили выше (стр. 44). В Витебской губернии в 50-х годах XIX в. медвежья охота сильно процветала. Здесь местами (напр., в Городокском уезде) в одну облаву нередко убивали тогда до 4 медведей, а шкуры их продавались по 3—4 рубля небольшие и по 10—12 руб. большие. Охотники Витебской губернии раз-

личают среди медведей три породы: муравейника, овсяника и стервятника. Барсук (Meles taxus) живет всюду в области, за исключением самих полесских болот, так как предпочитает холмистые глухие леса, но вообще попадается редко. Шкура его употребляется крестьянами на охотничьи сумки. Рысь (Felix lynx) очень редка в Верхнем Поднепровье и Белоруссии и живет здесь, как и всюду, в хвойных лесах. В 50-х годах XIX в. в Суражском, Полоцком, Велижском и Лепельском уездах Витебской губернии рысьи шкурки продавались охотниками по цене от 2 до 5 р., а в Могилевской губернии в 70-х годах уже ценились по 8—10 руб. Зато волк (Canis lupus), чрезвычайно обыкновенен во всей рассматриваемой области. У А.Н.Энгельгардта в его «Письмах из деревни», относящихся к Смоленской губернии, мы находим чрезвычайно живое описание нападений стай волков на собак его имения (1. с., стр. 191—193) в 70-х годах XIX в. Так как волки приносят значительный вред скоту, то они и истребляются здесь по возможности, хотя это истребление совершенно ничтожно по сравнению с их количеством в области. В Витебской губернии существует народная примета, что заметное уменьшение количества зайцев совпадает с годами наименьшего падежа скота, т.е. когда скот здоров и не выбрасывается в виде плохо зарываемой падали на съедение волкам, то последние начинают усиленно истреблять зайцев. В Могилевской губернии различают две породы волков: большой, иначе «конюх» — с серым цветом шерсти, и меньшой, иначе «свинятник» — с темно-желтым цветом шерсти; возможно, что это просто возрастные отличия. Волчья шкура ценилась в 50-х годах XIX в. в Могилевской губернии, в среднем, по 2 р. за штуку. Лиса (Canis vulpes) очень обыкновенна всюду в Верхнем Поднепровье и Белоруссии. Истребление лисиц в Минской губернии производится крестьянами преимущественно отравлением ядом, так как в капкан лиса попадается редко. Стоимость лисьей шкуры на местах добычи обыкновенно колеблется около 5 р. за штуку. Куница лесная (Mustela martes) встречается всюду в больших лесах, охотясь здесь преимущественно на белок, но из года в год попадается все реже. Охотники-крестьяне имеют обыкновение выслеживать ее зимой, хотя охота на нее носит случайный характер. Шкурка ее ценится не менее 8 р. за штуку. Интересно, что в XVI в., при короле Сигизмунде I, с обвиненных в драке между собой жителей Витебска, когда они примирялись при помощи королевских чиновников, бралась в пользу казны «замирщина», т.е. мировая подать «по кунице шерстью». Куница белодушка (Mustela foina) довольно обыкновенна близ хозяйственных построек и охотится за мелкой домашней живностью. Хорек (Foetoris putorius) встречается всюду в области на лесных и полевых угодьях. Шкурка его ценится около 2 р. за штуку. Горностай (Foetorius erminea) редок, а ласка (Foetorius vulgaris) довольно обыкновенна в Верхнем Поднепровье и Белоруссии; на них специально здесь не охотятся, а попадаются оба эти зверя иногда в ловушки, поставленные на хорьков. Выдра (Lutra vulgaris) и норка (Foetorius lutreola) обитают обыкновенно по берегам небольших речек и озер, изобилующих рыбой и раками. В Витебской губернии выдра чаще всего попадается в Невельском, Себежском, Люцинском и Режицком уездах, т.е. в местах наибольшего скопления небольших озер и речек. Выдр ловят глубокой осенью посредством загородок из сетей, которые ставятся поперек маленьких речек, или же стреляют зимой около прорубей. Шкурка выдры ценится около 8—10 руб., а шкурка норки — от 2 до 3 р. за штуку.

Грызуны многочисленны в Верхнем Поднепровье и Белоруссии (до 17 видов). Белка (Sciurus vulgaris) всюду обыкновенна в лесах. Шкурка ее чрезвычайно дешева (зимой продается от 3 до 5 коп. за штуку). Летяга (Pteromys volans) в прежние времена попадалась не особенно редко в хвойных лесах рассматриваемой области, ныне же редка. Три вида: сони-полчок (Myoxus glis), лесная (Myoxus dryas) и мышловка (Myoxus avellanarius) встречаются в лиственных лесах юга области, т.е. в южных уездах Минской и, вероятно, Могилевской губерний. Серая крыса (Mus decumanus) настолько вытеснила черную крысу (Mus rattus), что последняя сравнительно редка. Мыши — домовая (Mus musculus), лесная (M. sylvaticus), полевая (M. agrarius) и малютка (M. minutus) обыкновенны в рассматриваемой области. Полевки: водяная (Hypudaeus amphibius) встречается изредка по берегам рек, полевая (Hypudaeus arvalis) встречается всюду на полях и временами производит опустошения в скирдах хлеба, наконец, рыжая (Hypudaeus glareolus) весьма обыкновенна в хвойных лесах области. Бобр (Castor fiber), прежде всего столь широко распространенный по всему Верхнему Поднепровью и Белоруссии и составлявший здесь доходный промысел, ныне почти совсем истреблен, оставив в воспоминании о себе многочисленные названия рек, урочищ и населенных пунктов, вроде р. Бобр, г. Бобруйск, урочища Бобровня и пр. Еще в 1875 г. Холодовский нашел в устье р. Березина две колонии бобров; одна — из 5 их оригинальных построек, а другая — из 6; кроме того, на противоположном берегу реки находилась еще третья, более обширная колония бобров, в которой, по словам местных жителей, было от 10 до 12

построек. В те же приблизительно времена бобр указывался как большая редкость в некоторых уездах Могилевской губернии, напр., в Быховском, Мстиславльском, Сеннинском и Рогачевском. Наконец, бобры доныне указываются как редкость, по северным притокам р. Припять, в особенности по р. Лань, а также по р. Свислочь. Танфильев во второй половине 90-х годов XIX в. замечает, что «по болотам в окрестностях Погостского озера (к северу от ст. Парохонска Полесских железных дорог) еще и теперь водятся бобры, хотя они и истребляются беспощадно». Евреи платят за шкурку молодого бобра 2 р., за старого 5—8 руб., а за бобровую струю — по 60 коп. за лот. Если бы население почаще вспоминало местную белорусскую пословицу «кали забьешь бобра, ня будзешь мець добра», то бобры не были бы так быстро истреблены. Зайцы представлены в рассматриваемой области двумя видами — беляком (Lepus timidus или variabilis) и русаком (Lepus europaeus). Русак более обыкновенен в южной половине области, а беляк — в северной. Есть указания, что в Горецком уезде Могилевской губернии, в особенности близ заштатного города Копысь, изредка попадается «черный», — вернее темно-дымчатый заяц. Экземпляр этого зайца, убитый в 1869 г., хранится в музее Гори-Горецкого земледельческого училища, а изображение «черного» зайца вошло даже в герб бывшего Копысского уезда. Может быть это тумак (Lepus hybridus или L. tumak), обитающий обыкновенно в полях и степях; сюда же он, быть может, перешел из соседнего Мстиславльского уезда, где, как мы говорили выше (стр. 32), развиты почвы, по составу приближающиеся к чернозему.

Парнокопытные имели в Верхнем Поднепровье и Белоруссии в давние времена не менее 5 представителей, а ныне их сохранилось только 3. Истреблены благородный олень (Cervus elaphus), водившийся здесь до начала XIX в., и зубр (Bison bonasus). Последний, по-видимому, встречался в западной части рассматриваемой области еще в XVIII в., а ныне искусственными мерами сохранен только в Беловежской пуще соседней Гродненской губернии. В старинные времена он, по-видимому, назывался то буйволом (напр., в завещании Владимира Мономаха), то буйтуром или просто туром (отсюда местечко, прежде город Туров Минской губернии, много названий того же корня в Витебской губернии и пр.); в настоящее же время в научной терминологии туром зовется с одной стороны вымерший первобытный бык каменного века (Bos primigenius), а с другой — кавказский горный козел (Capra caucasica). Впрочем, Bos primigenius, известный Юлию Цезарю под именем Bos urus, мог еще изредка встречаться в лесной глуши в языческие времена древней Руси, попав таким образом в русский и польский эпос под именем тура, а затем уже это название, по исчезновении настоящего тура, перешло на зубра. Лось (Cervus alces или Alces machlis) распространен всюду в глухих лесах Верхнего Поднепровья и Белоруссии, хотя ныне уже встречается значительно реже, чем прежде. Насколько лоси были распространены полвека назад, можно судить потому, что из одной Витебской губ. в 1859 г. по р. Западная Двина было отправлено в Ригу 215 пудов лосиных кож на сумму 616 р. и 15 пуд. лосиных рогов на 20 руб. Лосиная невыделанная кожа ценилась в 50-х годах в Витебской губернии от 3 до 5 руб. за штуку, а в начале 80-х годов в Могилевской — от 5 до 8 руб. Косуля (Cervus capreolus) распространена главным образом в лесах Минской губернии и носит также названия дикой козы и сарны. В Могилевской губернии она попадается, но редко, в Гомельском, Рогачевском и Горецком уездах. В Витебской губернии в 50-х годах XIX в. она указывалась в казенных лесных дачах уездов Городокского, Полоцкого, Невельского и Себежского. В те времена здесь каждая убитая косуля ценилась от 1 $^{1}/_{2}$ до 2 р. за экземпляр. Из кожи косули иногда выделывают замшу. Кабан или вепрь (Sus scrofa) нередко встречается в лесах Минской губернии. Весьма возможно, что в прежние времена кабан заходил и в Витебскую губернию, так как здесь существуют в Полоцком и Себежском уездах названия селений Кабаны и более древние наименования Вепричка и Веприще.

Переходя к фауне птиц, мы можем отметить, что хищные птицы имеют здесь не менее 32 представителей. Из орлов в Верхнем Поднепровье и Белоруссии встречаются: беркут (Aquila nobilis), холзан (A. chysaëtos), крикун (A. naevia) и орлан-белохвост (Haliaëtos albicilla); близ больших рек и озер здесь иногда гнездится скопа (Pandion haliaëtos), а в лесах изредка встречается голубоногий крачун (Circaëtus gallicus). Из коршунов здесь мы можем отметить двух: черный коршун (Milvus ater) и красный или королевский коршун (Milvus regalis). Нередко летом в рассматриваемой области можно встретить пчелоеда или осоеда (Pernis apivorus). Из сарычей можно отметить двух представителей: сарыч-канюк (Archibuteo lagopus) и сарыч-сарн (Buteo vulgaris). Из соколов мы встречаем гнездящихся здесь: чеглока (Falco subbuteo), дербника (F. aesalon), копчика (F. vespertinus), пустельгу (F. tinnunculus) и, наконец, красного сокола (F. cenchris). Затем здесь водятся также: два ястреба — тетеревятник (Astur palumbarius) и перепелятник (Accipiter nisus) и три луня — камышевый (Circus rufus), полевой или белый (Circus cyaneus) и луговой (Circus cineraceus), из ночных хищни-

ков — два сирина, случайно залетающих сюда зимой, — обыкновенный (Syrnia ulula) и белый (Nyctea nivea), совка воробьиная (Glaucidium passerinum), два сыча — мохноногий (Nyctale dasypus) и домовый (Athene noctua), серая неясыть (Syrnium aluco), желтая сипуха (Strix flammea), совы — ушастая (Asio otus) и болотная (Asio accipitrinus), и, наконец, житель глухих лесов — филин (Bubo ignavus).

Воробьиными Верхнее Поднепровье и Белоруссия богаты, так как здесь мы встречаем их не менее 95 представителей. Это будут: козодой или, по местному, лежень (Caprimulgus europaeus), башенный стриж (Cypselus apus), три ласточки — деревенская (Hirundo rustica), городская (Chelidon urbica), береговая (Cotyle riparia), сивоворонка или, по местному, сивограк (Coracias garrula), на опушке лесов редкая в северной и довольно обыкновенная в южной части области щурка (Merops apiaster), встречающийся изредка по берегам рек зимородок (Alcedo ispida), приуроченный тоже, главным образом, к южной части области удод (Upupa epops), поползень (Sitta caesia), стенолаз (Certhia familiaris), крапивник (Troglodytes parvulus), встречающаяся на пролете лесная завирушка (Accentor modularis), гнездящиеся в болотах и камышовых зарослях, в особенности в Минском Полесье, камышевка — дроздовидная (Calamoherpe turdoides), тростниковая (C. arundinacea), болотная (C. palustris), камышевая (Calamodyta phragmitis) и, наконец, более редкая камышевка водяная (Calamodyta aquatica). Из певчих птиц в лесах и садах рассматриваемой области мы встречаем: пеночек — желтую (Hypolais icterina), лесную (Phyllopneuste sibilatrix), обыкновенную (Ph. trochilus) и малую (Ph. rufa), пять видов славок: пестрогрудую (Curruca nisoria), серую (C. cinerea), в западной части области славку-пересмешника (C. garrula), всюду втречающуюся славку садовую (Sylvia hortensis) и более редко черноголовую (S. atricapilla), горихвостку (Ruticilla phoenicurus), двух варакушек — весьма обыкновенную белогорлую (Cyanecula leucocyana) и редкую шведскую (C. suecica), встречающуюся лишь на пролете. Соловей восточный (Lusciola philomela) гнездится всюду в области, так же как и малиновка (Erithacus rubicola). Здесь же встречаются три чеккана: попутчик (Saxicola oenanthe), луговой (Pratincola rubetra) и в южной части области — чернохвостый (Pratincola rubicola). Дроздов 6 видов: деряба (Turdus viscivorus), рябинник (T. pilaris), ореховый (T. iliacus), певчий (T. musicus), белозобый (T. torquatus) и черный (T. merula). Корольков два: желтоголовый (Regulus cristatus) и красноголовый (R. ignicapillus). Синиц 6 представителей: долгохвостая (Mecistura caudata), кузнечик (Parus major), черная (P. ater), лазоревка (Cyanistes coeruleus), князек (Parus cyanus), болотная (Poecile palustris) и, наконец, хохлатая (Lophophanes cristatus). Зимой в Верхнем Поднепровье и Белоруссии можно встретить свиристеля (Bombycilla garulla), называемого здесь милушкой. Далее в описываемой области попадаются: 3 мухоловки — белошейка (Muscicapa collaris), черноголовая (M. luctuosa) и серая (Butalis grisola) и 4 сорокопута — серый (Lanius excubitor), малый (L. minor), красноголовый (L. rufus) и жулан (L. collurio). В лиственных лесах, преимущественно недалеко от воды мы здесь встречаем довольно часто обыкновенную иволгу (Oriolus galbula), а на берегах рек и озер — двух трясогузок: желтую (Budytes flava) и белую (Motacilla alba). На высоких деревьях в значительном количестве гнездится лесной конек (Anthus arboreus), а луговой конек (A. pratensis) встречается на лугах и полях. Из жаворонков встречаются 3 представителя: полевой (Alauda arvensis), лесной (A.arborea) и хохлатый (Galerita cristata), а в суровые зимы значительными стаями показывается еще снежный жаворонок (Otocorys alpestris). Скворец (Sturnus vulgaris), сойка или, по местному, кареза (Garrulus glandarius) и сорока (Pica caudata) очень обыкновенны в описываемой области. В больших лесах изредка встречается ворон (Corvus corax); несравненно обыкновеннее его грач (Corvus frugilegus), предпочитающий поля и рощи. Весьма обыкновенны вблизи человеческого жилья серая ворона (Corvus cornix) и галка (C. monedula). Иногда осенью и зимой в рассматриваемой области можно встретить ореховку (Nucifraga caryocatactes). Очень обыкновенны здесь 4 стренатки: просяная (Emberiza miliaria), овсяная или овсянка (E. citrinella), садовая (E. hortulana) и на болотах камышевая (E. schoeniclus). В суровые зимы в Верхнем Поднепровье и Белоруссии можно встретить снежную пеночку (Plectrophanes nivalis). К одним из самых обыкновенных здешних птиц нужно отнести два вида воробья: домашний (Passer domesticus) и полевой (P. montanus). Из остальных воробьиных упомянем следующих птиц, водящихся в описываемой области: зеленушку (Chlorospiza chloris), живущую в лиственных лесах и садах, дубоноса (Coccothraustes vulgaris), зяблика (Fringilla coelebs), вьюрка (Fringilla montifringilla), редкого красного чечета (Carpodacus erythinus), чечетку (Acanthis linaria), появляющуюся здесь зимой, коноплянку (Linota cannabina), чижа (Chrysomitris spinus), щегла (Carduelis elegans), двух клестов — елового (Loxia curvirostra) и соснового (L. pythiopsittacus) и, наконец, снегиря (Pyrrhula europaea).

Лазящие птицы представлены в Верхнем Поднепровье и Белоруссии приблизительно 10 вида-

ми. Весьма обыкновенны в здешних лесах кукушка (Cuculus canorus) и вертишейка (Jynx torquilla). Дятлы имеют здесь 8 представителей: желну (Dryopicus martius) в глухих борах, большого дятла (Picus major), среднего (P. medius), малого (P. minor), белоспинного (P. leuconotus), редкого трехпалого дятла (Picoides trydactylus), зеленого (Gecinus viridis), довольно обыкновенного в северной половине области и более редкого в южной, наконец, седого дятла (Gecinus canus).

Из голубиных птиц известны здесь только 4 вида: витютень (Columba palumbus), клинтух (Columba oenas), обыкновенный или полевой голубь (Columba livia) и горлица (Turtur auritus).

Из куриных мы встречаем здесь обычных для всей северной и средней России 6 птиц: глухаря или, по местному, глушца (Tetrao urogallus), тетерева-косача или, по местному, тетерука (Tetrao tetrix), рябчика (Bonasa betulina), куропатку белую или, по местному, пардву (Lagopus albus), водящуюся в северной половине области, куропатку серую (Perdix cinerea) и всюду обыкновенную перепелку (Coturnix dactylisonans).

Голенастые имеют в Верхнем Поднепровье и Белоруссии около 38 представителей, что и понятно, так как есть такие обширные пространства болот, как Минское Полесье. Из степных голенастых только дрофа (Otis tarda) изредка встречается в южной части Могилевской губернии, именно в почти безлесном Гомельском уезде. Журавль (Grus cinerea) массами встречается здесь на пролете, но редко летом, придерживаясь топких болот. На пролете же встречаются здесь и две ржанки — сивка (Charadrius pluvialis) и тулесь (Squatarola helvetica). Два зуйка — речной (Aegialites minor) и галстушник (Aegialites hiaticula) гнездятся здесь, причем первый из них весьма обыкновенен, а второй редок, а зуек глупый (Eudromias morinellus) встречается лишь на пролете. Весьма обыкновенен на здешних болотах чибис или пигалица (Vanellus cristatus). Из куликов мы можем назвать до 18 представителей, встречающихся здесь. Три песочника попадаются на пролете: песочник малый (Tringa minuta), пестрозобый (Tr. cinclus) и кривоносый (Tr. subarquata). Турухтан (Machetes pugnax), называемый в Гомельском уезде баталионом (от французского названия турухтана batailleur), гнездится преимущественно в северной части области, а в южной чаще встречается лишь на пролете. Очень обыкновенен по берегам рек перевозчик (Actitis hypoleucus). Из 5 встречающихся здесь улитов два гнездятся, именно улит-травяник (Totanus calidris) и черныш (Totanus ochropus), а три встречаются на пролете — улит большой (Totanus glottis), темный (T. fuscus) и прудовой (T. stagnatilis). В больших

Камышовые заросли пинских болот с протокой.

болотах гнездится веретенник (Limosa melanura). На пролете попадаются два кроншнепа: большой (Numenius arquatus) и малый (N. phaeopus); оба они, впрочем, изредка и гнездятся на здешних болотах. Обыкновенен здесь бекас (Scolopax gallinago) и более редок дупель (Scolopax major), но оба в изобилии встречаются на пролете, гаршнеп же (Scolopax gallinula) весьма редко гнездится в северной области, а на пролете встречается нередко. Вальдшнеп (Scolopax rusticola) или, по местному, слонка изредка гнездится в лесах северной половины области, а всюду встречается в значительном числе на пролете. Обыкновенен в западной половине области на крышах человеческих жилищ белый аист или, по местному, бутян (Ciconia alba), а черный аист (Ciconia nigra) изредка встречается там же в лесах. Всюду на озерах и болотах встречается серая цапля (Ardea cinerea), а, по свидетельству Тизенгауза, на пинских болотах также обыкновенна и рыжая цапля (Ardea purpurea). Довольно обыкновенны в болотах Верхнего Поднепровья и Белоруссии выпь (Botaurus stellaris) и волчок (Ardeola minuta). Из голенастых нам остается еще упомянуть всюду весьма обыкновенного коростеля (Crex pratensis), довольно редкого, живущего в глухих

болотах, окруженных лесом, — водяного пастушка (Rallus aquaticus), двух водяных курочек (Porzana maruetta и P. pusilla), зеленоногого камышника (Gallinula chloropus) и, наконец, обыкновенную на здешних озерах и болотах лысуху (Fulica atra).

Водоплавающие птицы, благодаря тем же причинам, что и голенастые, представлены здесь довольно богато, именно не менее чем 37 видами. В пинских болотах в небольшом количестве гнездится баклан (Phalacracorax carbo), а на болотах, озерах и реках Верхнего Поднепровья и Белоруссии вообще гнездятся 4 вида крачек: речная (Sterna fluviatilis), малая (S. minuta), черная (Hydrochelidon nigra) и светлокрылая (H. leucoptera). По течению Днепра в пределах области встречаются чайки — серебристая (Larus argentatus) и хохотунья (Larus ridibundus), а на пролете попадается сизая чайка (Larus canus). На пролете довольно обыкновенен, а гнездится изредка в здешних болотах серый гусь (Anser cinereus), пашенный же гусь (Anser segetum) встречается чаще предыдущего на пролете; нередок на пролете и белолобый гусь (Anser albifrons). Редки на пролете лебеди: шипун (Cygnus olor) и кликун (Cignus musicus). Дикие утки встречаются в Верхнем Поднепровье и Белоруссии в количестве не менее 13 видов. Это будут: кряковная утка (Anas boschas), два вида чирков, или, по местному, чиренков: грязовик или половой (Anas crecca) и голубокрылый или коростелек (Anas querquedula), серуха (Anas strepera), шилохвост (Dafila acuta), широконоска (Spatula clypeata), свиязь (Mareca penelope), 3 нырка (Fuligula ferina, F. nyroca, F. marila), из которых последний встречается лишь на пролете. К ним Тизенгауз присоединяет водящегося в пинских болотах нырка-свирка (Oedemia fusca); наконец, на пролете встречается в значительном количестве чернет (Fuligula cristata). Из водоплавающих, встреченных в Верхнем Поднепровье и Белоруссии, остается еще упомянуть: гоголя (Clangula glaucion), морянку (Harelda glacialis), трех крохалей (Mergus merganser, M. serrator и M. albellus), пять чомг (Podiceps cristatus, P. subcristatus, P. cornutus, P. nigricollis и P. minor) и, наконец, двух гагар — полярную (Columbus arcticus) и краснозобую (C. septentrionalis), встречающуюся здесь реже полярной на пролете.

Пресмыкающиеся Верхнего Поднепровья и Белоруссии встречены в количестве 6 видов, не представляющих, впрочем, ничего типичного. Это — речная черепаха (Emys europaea), попадающаяся на юго-западе описываемой области, ящерица обыкновенная (Lacetra stirpium), ящерица живородящая (L. vivipara), медяница или веретеница (Anguis fragilis), уж (Tropidonotus natrix) и гадюка (Vipera berus) — единственная здесь ядовитая змея, водящаяся в большем количестве в северной половине области, на моховых болотах и на местах, где много черники и брусники.

Земноводные представлены в описываемой области 9 видами. Травяная лягушка (Rana temporaria) очень многочисленна в северной половине области и более редка в южной. Съедобная лягушка (Rana esculenta) изредка встречается в южной части области. Жерлянка (Bombinator igneus) и травянка (Pelobates fuscus) встречаются в Минском Полесье. Жабы: серая (Bufo vulgaris) встречается всюду близ жилья, под камнями, бревнами и пр., а зеленая (Bufo viridis) весьма обыкновенна в лесах, на полях, лугах, огородах, в садах и пр. В рассматриваемой области водятся также два тритона: гребенчатый (Triton cristatus) и обыкновенный (Triton vulgaris).

Рыбы в Верхнем Поднепровье и Белоруссии представлены более чем 40 видами. Здесь водятся: окунь (Perca fluviatilis), судак (Lucioperca sandra), ерш (Acerina cernua); ерш-носач (Acerina rossica), называемый здесь носурой, свойственен рекам Черноморского бассейна, т. е. Днепру и его притокам. Всюду встречаются: бычок (Cottus gobio), колюшки (Gasterosteus pungitius и aculeatus), налим, по местному мень, ментуз, калека или балаб (Lota vulgaris), сом (Sĭlurus glanis), вьюн (Misgurnus fossilis), голец или, по местному, сикла, вертелка (Nemachilus barbatulus), щиповка (Cobitis taenia), пескарь (Gobio fluviatilis), усач или мирон (Barbus fluviatilis), карп (Cyprinus carpio), карась (Carassius vulgaris), горчак (Rhodeus amarus), линь (Tinca vulgaris), подуст (Chondrostoma nasus), красноперка (Scardinius erythophtalmus), язь (Idus melanotus), голавль (Squalius cephalus), елец (Squalius leuciscus). В Днепре, Припяти и Березине попадается еще вырезуб (Leuciscus Frisii) — рыба, свойственная Черноморскому бассейну. Далее следует упомянуть обыкновенных — плотву (Leuciscus rutilus), жереха (Aspius rapax), иначе называемого белезной или конем, и трех уклеек (Alburnus lucidus, A. bipunctatus и Leucaspius delineatus). В Припяти и Днепре изредка попадается чехонь (Pelecus cultratus), синец (Abramis ballerus), сопа (Abramis sopa) и рыбец или, по местному, страдаль (Abramis vimba). Всюду встречаются: лещ (Abramis brama), густера (Blicca bjorkna), гольян (Phoxinux laevis), наконец, столь любимая евреями щука (Esox lucius). В Западной Двине, Немане и др. реках Балтийского бассейна встречается угорь (Anguilla vulgaris), который посредством каналов ныне проникает из системы Зап. Буга в Припять и вообще в Черноморский бассейн; черноморская сельдь (Clupea pontica) доходит изредка по Днепру до Припяти. В последнюю реку для метания икры

иногда заходит из Днепра также осетр (Acipenser Guldenstädti); здесь же изредка попадается и стерлядь (Acipenser ruthenus), заходящая из Днепра, а в Балтийском бассейне — в Немане, Зап. Двине и др. реках изредка встречается речная минога (Petromyzon fluviatilis), ручьевая же минога (Petromyzon Planeri) водится всюду. Для витебских озер и вообще бассейна Зап. Двины указываются еще рыбы: лосось (Salmo salar), хариус (Thymalus ulgaris), корюшка (Osmerus eperlanus), сиги (Coregonus Wartmanni и C. maraena) и быстрянка (Alburnus bipunctatus).

Вследствие обилия лесов, в Верхнем Поднепровье и Белоруссии насекомые преимущественно представлены именно лесными видами. Из вредных насекомых мы здесь встречаем, главным образом, врагов древесных пород, как, напр., жуков-короедов (разных Tomicus), дровосеков, долгоносиков и пр.; известный вред листьям и травянистым растениям приносят некоторые представители листогрызов (Chysomelidae). Так называемая земляная блоха (Haltica) приносит иногда значительный вред льняным посевам; яркую картину опустошений, производимых ей в Смоленской губ., мы находим в «Письмах из деревни» А.Н.Энгельгардта (l. с., стр. 70—79). Среди приносящих вред бабочек здесь тоже выдаются преимущественно вредительницы древесных пород. В 1871 году в Быховском уезде Могилевской губернии значительный вред гречихе и льну принесла бабочка совка-гамма (Plusia gamma). Из двукрылых особенно многочисленны в здешних обширных болотах комары (Culex) и мошки (Simulium).

ОТДЕЛ II

НАСЕЛЕНИЕ

ГЛАВА IV

Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и их культурные успехи

М.В.Довнар-Запольского и Д.З.Шендрика

Остатки каменного века. — Древнерусские племена. — Культура их по археологическим данным. — Особенности быта Полоцкой, Смоленской и Турово-Пинской земель. — Объединение западно-русских племен под властью Литвы. — Культурная сторона объединения. — Особенности политического и социального строя Литовско-Русского государства. — Развитие протестантизма и католическая реакция в XVI в. — Брестская религиозная уния и ее последствия. — Борьба на национально-религиозной почве и ее политические и культурные результаты. — Русская политика в крае в 1860-х годах XIX в. — Оживление интереса к народу в науке и литературе. — Перемена после 1863 года. — Народное образование в крае.

На всем пространстве Верхнего Поднепровья и Белоруссии находятся орудия, принадлежащие каменному веку. Орудия эти бывают двух типов: из неотесанного камня, нешлифованные, относящиеся к древнейшей эпохе каменного века (палеолитической), когда человек подбирал находящиеся на поверхности земли кремни и слегка приспособлял их для своего обихода, и орудия из кремня, хорошо отшлифованные; последние принадлежат уже к новейшей эпохе каменного века (неолитической) и показывают значительный рост культуры. На пространстве Минской губернии находят предметы, относящиеся к обеим эпохам каменного века; напротив, на территории древних кривичей встречаются предметы, исключительно принадлежащие к позднейшей эпохе. Судя по остаткам каменного века можно думать, что население этого времени в одних местах вело бродячий образ жизни, в других — оседлый. Так, к северу от Западной Двины орудия каменного века не встречаются большими группами[1]; напротив, к югу от нее, вблизи доисторического водного бассейна, покрывавшего Полесскую низменность (см. выше, стр. 9), попадается множество орудий на одном и том же месте, что свидетельствует о существовании здесь целых поселков первобытного человека. Люди каменного века имели достаточно орудий для борьбы с животными и охоты за ними (копья, стрелы, топоры), для ловли рыбы, наконец, и для земледелия, напр., серпы, жернова. Они уже вели меновую торговлю с соседними народами, так как среди предметов каменного века встречаются бусы, раковины и орудия, сделанные не из местного материала. Мало того, человек позднейшей каменной эпохи имел некоторые религиозные представления, так как погребал своих покойников и делал для них могилы из каменных плит.

Во многих местностях Европы и Азии каменный век сменился бронзовым; но на территории Западной России предметы бронзового века весьма незначительны и встречаются вместе с железными, что указывает на то, что здесь или население само сразу перешло к употреблению железных орудий, или же вся территория была занята пришельцами, употреблявшими тот же металл.

Иногда ученые историки пытаются прикрепить к данной местности имена народов, упоминаемых у древних географов, начиная с Геродота; так, в область реки Припять помещают геродовских будинов и пр. Но дело не в названии древних племен, географическое прикрепление которых сбивчиво, а сказания о них древних писателей отличаются и краткостью, и легендарностью. Сама территория хранит в себе памятники, дающие более

[1] Что и понятно, так как долговременное пребывание ледника в здешней «моренной стране» не позволило рано основаться здесь первобытному человеку: он, вероятно, проникал сюда изредка, в погоню за зверем и останавливался здесь ненадолго. Ред.

определенный ответ о древних ее обитателях.

Русские племена уже застали в части описываемой области население с довольно высокой культурой. Это были, по всей вероятности, литовцы. Дело в том, что в Подвинье встречаются могильные насыпи, в которых гробы сделаны из каменных плит; такие же курганы изредка встречаются в западной полосе Минской губернии и оттуда переходят в Гродненскую; есть много оснований полагать, что эти каменные могилы литовского происхождения, так как русские славяне не употребляли для могил иных материалов кроме земли и дерева. Затем, многие названия рек и озер в Подвинье — литовского происхождения; наконец, одно литовское племя (галинды или голядь) еще в XII веке жило в восточных пределах Смоленской и в части Калужской губернии. Все это указывает, что до появления славян здесь жили литовцы. Но и литовцы пришли в Верхнее Поднепровье и, по крайней мере, в северное Подвинье, застав эту местность уже заселенную финскими племенами. Факт финских поселений доказывается тем, что названия рек и озер объясняются из финского языка, с суффиксами ва, ма, га, ра, са, ша, за (напр., Вязьма, Обша, Костра, Насва, Протва и др.). Таким образом в Подвинье и в восточном Поднепровье последовательно сменились финны, литовцы и затем уже славяне. Но небольшое пространство между Днепром и Припятью, прорезываемое рекой Березиной, не носит в себе следов ни финских, ни литовских поселений: все названия местностей здесь чисто славянского корня. Очевидно, что поселившиеся здесь славяне не застали никаких насельников.

Территория, занятая в настоящее время четырьмя белорусскими губерниями, в эпоху образования русского государства была населена тремя русскими племенами — кривичами, дреговичами и радимичами. Последнее племя, самое малочисленное, жило по берегам реки Сож. Дреговичи жили по реке Припять, и поселения их заполняли пространство между этой рекой и Днепром на востоке, на севере ограничиваясь линией от Днепра на Минск, и на запад — по линии от Минска через верховья Немана и далее через Пинские болота назад к Припяти. Кривичи занимали все Подвинье, начиная от нынешнего Двинского уезда, по обе стороны реки к ее верховьям (от дреговицких границ на юге и новгородских на севере); от верховьев Западной Двины и Волги границы кривицкого племени шли на юг, захватывая часть нынешней Тверской губернии, западные части Московской и всю Смоленскую и подходя к Днепру по северной части Могилевской.

Процесс этой колонизации был такой. Русские славяне двинулись из своей родины, лежавшей между Карпатами, средней Вислой и верхней Припятью, через Волынь на пространство между Припятью и Днепром. Впереди шли кривичи; осевши рядом с Литвой, они оттеснили ее, быть может, под напором шедших вслед за ними дреговичей. Кривичи не остановились в Подвинье и пошли дальше, основав среди финских племен города Новгород, Псков, Изборск. Уже в историческое время кривицкое племя развило свою колонизацию дальше на восток — на Поволжье; таким образом, оно является одним из основных элементов в образовании великорусского племени (население Пскова, частью Новгорода и западных частей Тверского, Московского и Рязанского княжеств).

О дохристианском периоде истории кривичей, дреговичей и радимичей сохранилось очень мало известий, и о нем можно судить по тем памятникам быта, которые сохранились в могильных курганах. Раскопки прежде всего показывают, что эти племена, несмотря на взаимную близость, имели и свои особые обычаи. Это сказывается в формах погребального обряда. Кривичи предпочитали сожжение своих покойников и в курганах ставили урны с их прахом. Дреговичи погребали покойников в почвенном слое и иногда делали гробы весьма первобытного устройства. Судя по предметам, которые сохранились в курганах, население занималось земледелием, звероловством и торговлей. Вообще это были невоинственные племена, так как находки оружия в курганах представляют большую редкость; мирный человек не считал нужным брать с собой на тот свет оружие. Зато чаще встречаются в курганных находках купцы с весами и с весовым камнем. Предметы курганного периода указывают уже на сравнительно высокую культуру его обитателей. Они занимались земледелием, широко развили скотоводство, им было известно ткацкое ремесло, а бондарное и гончарное пользовались весьма широким развитием. Особенно много встречается украшений, преимущественно состоящих из привозных предметов. Так, шея украшалась ожерельем, состоявшим из бус (стеклянных, сердоликовых, аметистовых, бронзовых, серебряных и др.) и разнообразных привесок; композиция бус отличается затейливостью форм и узоров. Руки и виски украшались кольцами и браслетами; материалом служило серебро, бронза, железо и стекло. Вообще количество и качество украшений было таково, что указывало на сравнительно большую зажиточность населения данной эпохи. Некоторые из предметов получены путем торговли с Кавказом и из других отдаленных местностей, некоторые составляют местное производство, напр., очень красивые бусы филигранной работы из серебра и бронзы. Все это указывает уже

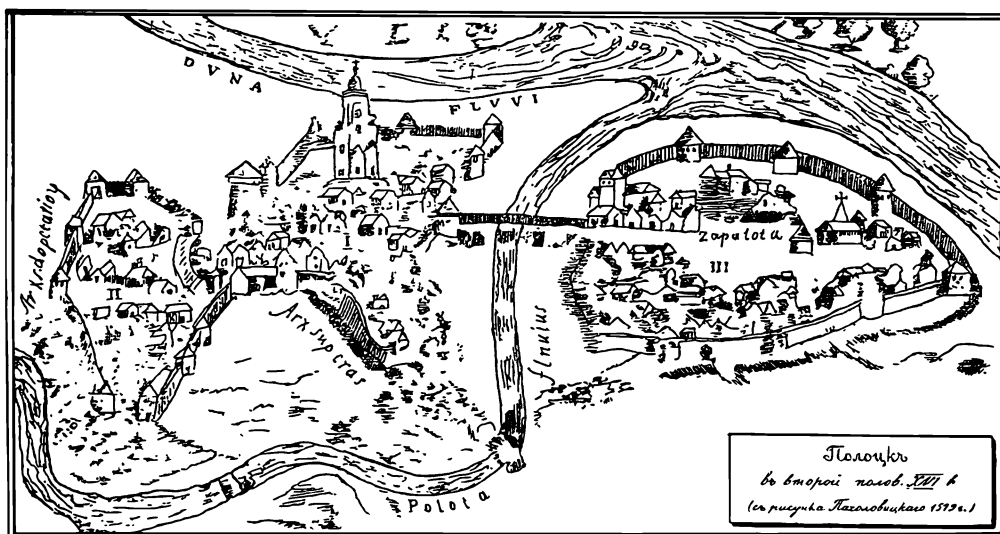
на высокие эстетические запросы тогдашнего обитателя. Вообще сравнение предметов обихода современного белоруса с предметами, употреблявшимися его отдаленными предками, говорит не в пользу современности. «Курганные предметы, — говорит проф. Завитневич, — по своему материалу ценнее, а по форме разнообразнее, затейливее, а иногда даже и изящнее нынешних». Все это понятно, если мы примем во внимание, что рассматриваемую область пересекали великий водный путь «из варяг в греки», по которому шел бойкий меновой торг с отдаленными странами. Интересно, однако, что некоторые предметы обихода, употреблявшиеся в то отдаленное время, белорус сохранил и теперь; такова, напр., форма украшений глиняных сосудов. Еще любопытно следующее. Курганный житель Полесья имел обыкновение носить кожаный пояс с кожаным же мешочком, в котором хранились ножик, огниво, кремень и губка; те же предметы и в таком же мешочке он носит и по настоящее время. Курганные предметы указывают и на некоторые обычаи того времени. Всем известно, что чаши, из которых пьют вино и мед богатыри русского эпоса, называются в былинах «ведрами»; дреговичские курганы показывают, что это не случайная гипербола, так как в курганах встречаются небольшие деревянные ведра с серебряными ручками; эти ведра и служили той «чарой зелена вина», которая употреблялась на пирах. Курганы показывают также, что при погребении употреблялся сложный ритуал, свидетельствующий о развитии религиозных верований. Немые курганы даже в данном случае дают возможность сопоставить тогдашние воззрения с современными верованиями: укажем хотя бы на то, что на могилу покойника приносили в глиняных сосудах огонь с домашнего очага; почитание очага и в настоящее время широко сказывается в мировоззрении белоруса.

Таким образом, уже в эпоху образования русского государства и принятия христианства племена кривичей и дреговичей далеко не были первобытными дикарями.

При объединении первыми киевскими князьями русских племен кривичи, дреговичи и радимичи оказались в зависимости от киевского князя. Но у них были свои племенные князья, подчинявшиеся киевскому. Так, при Владимире Св. в Турове княжили князь Тур, а в Полоцке — Рогволод. Владимир теснее соединил русские племена с Киевом, покорил восставших радимичей, уничтожил племенных князей у дреговичей и полочан. Известен тот повод, который послужил Владимиру для похода на Полоцк и войны с князем Рогволодом: дочь Рогволода, Рогнеда, не пожелала сделаться женой Владимира, и последний напал на Полоцк, убил здешнего князя и пленил его дочь. Вместе с тем Полоцк стал в непосредственную зависимость от киевского великого князя. Владимир, как известно, еще при своей жизни пораздавал уделы своим сыновьям. Так, старшего сына Святополка он посадил у дреговичей в Турове, а сыну от Рогнеды Изяславу отдал Полоцкую землю. В Смоленске Владимиром также был посажен сын его Станислав. Таким образом выделились три крупных центра. Но только Туров и Полоцк с этого времени получили значение самостоятельных княжеств, в Смоленске же княжение Станислава вскоре прекратилось, и до половины XII в. эта часть кривичей не пользовалась самостоятельностью.

История древней Руси, разбившейся по смерти Владимира Св. и сына его Ярослава на уделы, составляет из истории отдельных княжений. Установившаяся в половине XI в. своеобразная жизнь русского общества шла по одному и тому же направлению почти до половины XIII в., когда в жизни Руси совершилась крупная перемена: восточная Русь подпала под татарское владычество, западная Русь постепенно вошла в сферу литовского влияния и объединилась с Литвой. Следовательно, период с XI в. до половины XIII в. составляет первый естественный период в истории древней Руси. Жизнь укладывается в рамки отдельных княжений. Черты политической истории княжений в Полоцке, Турове и Смоленске читатель найдет в другом месте в связи с историей этих городов. Здесь мы наметим лишь некоторые особенности в истории этих земель, преимущественно культурный их строй. О радимичах говорить не приходится, потому что они не образовали самостоятельного государства, и Радимицкая земля по частям вошла в состав соседних княжеств — Чернигово-Северского и Смоленского. Вообще племя радимичей было весьма слабо по своей численности и культурному развитию и было втиснуто среди более сильных соседей; поэтому оно и не получило самостоятельного значения.

Самой интересной является история Полоцкой земли. Она выразилась в своеобразном развитии политической жизни, и первый период ее ознаменовался вековой борьбой с крупнейшими центрами тогдашней Руси — Новгородом и Киевом. Уже преемник Изяслава, его сын Брячислав сделал очень удачное нападение на Новгород и ограбил его. Но особенно прославился Всеслав Брячиславич, занявший полоцкий престол по смерти своего отца в 1044 г. Неукротимая энергия Всеслава, проявленная в борьбе с киевскими князьями, стяжала ему славу чародея, каковым он и охарактеризован в «Слове о полку Игореве» в словах: «Всe-

I Верхний замокъ. II Нижний замокъ. III Заполотье (соб. городъ)

слав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше: из Кыева дорыскаше, до кур, Тьмутороканя: великому Хърсови волкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотьсть позвониша заутренюю рано у святыя Софеи, а онъ въ Кыевъ звоне слышаше. Аще и въща душа въ друзъ тълъ, но часто бъды страдаше. Тому въщий Баянъ и первое припъвку смысленный рече: «Ни хытру, ни горазду, ни пътичю горазду, суда Божия не минути». Современники не умели иначе объяснить его успехов после понесенных им неоднократно поражений. Ему пришлось вынести борьбу почти со всей тогдашней Русью. Всеслав умер в глубокой старости, прокняжив 57 лет. При нем Полоцкое княжество достигло высшего своего развития: вся Русская земля во главе с великим князем не могла справиться с полоцким «чародеем».

Но после смерти Всеслава его княжество начало постепенно падать. Прежде всего оно разделилось на несколько уделов, и это было первой причиной его ослабления. Затем борьба с Киевом не прекратилась. Теперь киевские князья били полоцких поодиночке. В 1116 г. знаменитый Владимир Мономах сильно опустошил Минское княжество, где княжил Глеб Всеславич, отнял два важных города Оршу и Копысь и присоединил их к Смоленской земле, а жителей целого города Друцка пленил и увел в Переяславскую область. Через три года Владимир Мономах захватил и сам Минск, пленив его князя Глеба и уведя его в Киев. Таким образом значительнейшее княжение Полоцкой земли было от нее отнято. Но и на этом борьба еще не закончилась. Преемник Мономаха Мстислав в 1127 г. повел всю Русскую землю на полоцких князей, разгромил их, забрал в плен и выслал в Византию. Правда, через пять лет потомки Всеслава снова появились в Полоччине и, пользуясь наступившими на Руси смутами, возвратили себе свои уделы. Но теперь Полоцкая земля была уже раздроблена и обессилена. Теперь Всеславичи уже и не пытались вмешиваться в общерусские дела. Началась своеобразная эпоха в жизни самой Полоччины. Так печально кончился вековой спор полоцких князей с Киевом и Новгородом. В настоящее время не совсем понятна причина этого спора, столь необычного даже в среде древнерусских усобиц. Но едва ли не самым подходящим объяснением его будет тот факт, что Новгород являлся колонией полоцких кривичей; очевидно полоцкие князья, хорошо помня происхождение богатого и быстро развивающегося города, предъявляли на него свои притязания и делали беспрестанные нападения. Но Новгород находился в сфере влияния киевских князей, сначала Изяслава Ярославича, а потом Всеволода, его сына и внука. Для киевских князей Новгород был также очень важен, как торговый центр и как город, который давал князю большие доходы. Новгородцы также тянули к Киеву вследствие торговых связей. Ясно, что спор был неравен, и Полоцкая земля в результате оказалась разгромленной.

В половине XII в. политическая жизнь Полоцкого княжества оказалась втиснутой в узкие пределы земли. И эта жизнь богата своеобразными особенностями. Мстислав отправил в Грецию пятерых Всеславичей; возвратились в Полоцк, повидимому, из них только трое. Потомство их быстро разрослось, и уже к концу XII в. мы видим Полоцкую землю раздробленной на много уделов. Таких уделов было более десяти, а именно: Полоцкий, Минский, Друцкий, Витебский, Изяславский, Логойский, Слуцкий, Новгородский (Ново-

грудский), Городненский, Клецкий, Свислочский, Лукомльский, Кокенгаузенский и Герсицкий. Между князьями поднялись бесконечные усобицы. Борьба поддерживалась еще вмешательством вечевых собраний. Мелкие пригороды не желали подчиняться центральному городу Полоцку и оспаривали его значение. Вече различных городов изгоняло неугодных ему князей, приглашая на их место других. Таким образом происходила беспрестанная борьба, ослаблявшая землю. Некоторые предприимчивые князья в стремлении добыть себе уделы обратились на соседнюю Литву и здесь основали свои княжества; так появились княжества в Городеле, а также на нижней Двине — в Кокенгаузене и Герсике. Близко сживаясь с Литвой, князья впутывали это воинственное и жадное к добыче племя в свои отношения. Но отсюда же возникла для Полоцкой земли и серьезная опасность: отряды литовцев, приходившие на помощь князьям, начали самостоятельно появляться с целью грабежа. Другая опасность стала угрожать Полоцку со стороны усилившегося к концу XII в. Смоленского княжения. Наконец на западе появился еще опасный враг в лице немцев, захвативших в самом начале XIII в. устье Двины. Так ослабевшее Полоцкое княжество оказалось среди сильных соседей. Смоленские князья на востоке отхватили полоцкие волости, немцы на западе захватили соседние княжества, середина оказалась угрожаемой литовскими набегами. В этой борьбе и в войнах друг с другом погибли потомки Всеслава, и уже к половине XIII в. род их прекратился. Постепенно замирала самостоятельная политическая жизнь в Полоччине.

Но нельзя пройти молчанием то обстоятельство, что жизнь Полоцкой земли способствовала развитию вечевых отношений. Уже при Всеславе влияние веча Полоцкой земли было весьма значительным: только при его поддержке этот князь мог вести борьбу в течение полстолетия. Дробление на уделы дало начало развитию вечевых собраний в пригородах. Городское вече избирало себе князя и заключало с ним «ряд», т.е. договор; оно же изгоняло неугодных ему князей и контролировало деятельность князя. Мало того, вече заключало договоры с соседними землями, напр., с Новгородом, с немцами, даже брало на себя роль судьи в более важных случаях. Одним словом, вече в Полоцке и его пригородах получило такое же широкое значение, так же прочно осуществляло права верховной власти, как это было в Новгороде и Пскове.

Другие два княжества — Смоленское и Туровское не достигли такого общественного развития. По смерти Ярослава Смоленск находился во владении сына его Всеволода, а затем внука Владимира Всеволодовича, но не имел тогда значения самостоятельного княжества. Только в первой половине XII в. Смоленск получил особого князя в лице внука Мономаха Ростислава Мстиславича. Ростислав много сделал для поднятия своего княжества. Он учредил здесь самостоятельную епископию и наделил ее обширными доходами. В политическом отношении при нем княжество было сильным. Поддерживая своего брата Изяслава в знаменитой борьбе против его дяди Юрия Долгорукого, Ростислав, однако, достиг того, что Смоленская земля не подвергалась опустошениям. Ростислав, по своим семейным традициям, был тесно связан с вопросом о киевском великокняжеском престоле и сам в глубокой старости умер на великом княжении. Несмотря на широкие политические задачи, поставленные княжеству первым его основателем, оно не получило серьезного значения, как политическое тело. Это объясняется в значительной мере географическим положением земли: Смоленское княжение находилось среди сильных земель — Новгородской, Суздальской, Черниговской; ему некуда было расширяться, заняться колонизацией. Излишки смоленского населения, правда, уходили, но их уход способствовал только ослаблению княжества, так как направлялся в Суздальскую землю и усиливал соседа. Княжество не было сильно еще и потому, что раздробилось на уделы. Уже четыре сына Ростислава разделили между собой уделы. Несмотря на такое положение вещей, Смоленская земля просуществовала до начала XV в. и пала только под ударами такого замечательного политика и полководца, каким был вел. кн. литовский Витовт. Политическое положение Смоленского княжения к началу XIV в. сделалось очень затруднительным: на востоке вырастала Москва, на западе — Литовское княжество. Тот факт, что Смоленск продержался так долго, объясняется как обширностью его территории, так и рядом других причин. Среди них надо прежде всего указать на характер самих Ростиславичей. Разветвляясь довольно быстро, они, однако, не теряли прочной семейной связи. Междукняжеские усобицы были неизвестны Смоленской земле, так как князья ее жили между собой мирно. Многие смоленские князья отличались большими дарованиями, особенно в военном деле. Поэтому они не довольствовались мелкими уделами в родной земле и искали счастья вне ее, иногда претерпевая различные превратности судьбы. Такова, напр., судьба Рюрика Ростиславича, бывшего князем у черных клобуков в Поросье (на юге Киевской земли), постриженного в монахи и променявшего клобук на великое княжение Киевское. Не менее интересна судьба двух прославленных героев древней Руси,

двух Мстиславов — Храброго и Удалого, отца и сына. Своими подвигами и своей кочевой жизнью они напоминали типы первых князей-богатырей, вроде Святослава, отца Владимира Св.

Вечевая жизнь в Смоленске не получила такого широкого развития, как в Полоцке и Новгороде. Правда, вече и здесь не было безгласным и довольно резко выражало свою волю. Бывали и случаи, когда вече изгоняло неугодных ему князей, но такие факты не часто происходили, так как вообще князья и вече здесь ладили между собой. Но зато на Смоленском вече часто происходила борьба партий. Боярство в Смоленской земле имело большую силу, и между ним и черным людом происходили распри.

История Турова сравнительно с историей Полоцка и Смоленска представляется очень бледной; притом она вообще очень мало известна. Туров играл крупную роль только во второй половине X и в начале XI в. Тогда связи древней Руси с Польшей были очень прочны и интенсивны, а Туров находился как раз на водном пути из Польши в Киев. Кроме того, политика Владимира Св. и Ярослава Мудрого была еще иным образом связана с западными окраинами Руси: она стремилась к удержанию за собой червенских городов, оспариваемых Польшей; наконец, политика обоих князей ставила своей целью походы на ятвягов и др. литовские племена. Все эти причины давали Турову значение важного центра, базиса для военных операций. Вот почему Туров первое время находился во владении старшего из сыновей великого князя киевского. При Владимире Св. здесь сидел старший сын его Святополк, при вел. кн. Ярославе — тоже старшие сыновья — сначала Владимир, а после его смерти Изяслав, при Изяславе — Святополк. Таким образом Туров являлся в X и XI вв. вторым, по своему значению, на Руси городом после Киева, переходным княжением к Киевскому. Но такое его значение продолжалось недолго: обстоятельства на Руси стали складываться так, что центр княжеской политики перешел на юг — в степь, где кочевали половцы, а колонизация направилась на северо-восток; поэтому Литва и Польша временно совершенно исчезли с политического горизонта русских князей. Таким образом упало и значение древнего Турова.

Действительно, по смерти вел. кн. Святополка Изяславича (1113 г.) Туров перешел во владение Владимира Мономаха и его потомства, играя роль лишь придатка к Киевскому княжению. Подверглась раздроблению даже территория Туровского княжества, так как города Клеческ (Клецк), Рогачев и Гродно (в Пинском уезде) перешли во владение линии черниговских князей Ольговичей, а Мозырь перешел окончательно в состав Киевского княжества. Только в половине XII в. в Турове осела самостоятельная княжеская линия в лице кн. Юрия Ярославича (из потомков Святополка Изяславича). Главными центрами княжества явились города Туров и Пинск. Впрочем все это княжение скоро разделилось на ряд мелких уделов. Таковы уделы в Пинске, Несвиже (Минской губернии), в Дубровице и Степани (на Волыни), в Волковыске и др. В XIII в. раздробившаяся на уделы Турово-Пинская область потеряла всякое политическое значение, и князья ее то зависели от Галицкого княжения, то подчинялись власти великого князя Литовского. Последнее свидетельство о самостоятельном князе этой области относится к пинскому кн. Юрию Владимировичу, умершему в самом конце XIII в.

Такова политическая история княжеств, образовавшихся на территории дреговицкого и кривицкого племен. Но они представляют еще и другой интерес. В жизни древней Руси торговые сношения вообще играли огромную роль. Смоленск и Полоцк были важнейшими торговыми городами: они благодаря своему географическому положению являлись как бы дополнением один к другому. Смоленск стоял на великом водном пути «из варяг в греки», соединявшем два крайних восточноевропейских центра торговли — Византию со Скандинавией через Новгород. Полоцк находился на важнейшей артерии того же пути на Двинске, шедшей помимо Новгорода прямо в Рижский залив. К западу и северу от Полоцка открывался рынок для сбыта восточных товаров — в землях прибалтийских латышей и финнов, а за ним — путь в богатые торговые немецкие города. На востоке от Смоленска в древнейшее время лежала на средней Волге торговая Булгария с ее рынками восточных товаров и целый ряд финских племен. Смоленск являлся таким образом центральным торговым пунктом, так как лежал еще между Киевом и Новгородом. В древней торговле Смоленска и Полоцка, как и вообще в древнерусской торговле, есть два периода — период арабско-византийский, древнейший, и период немецкий, позднейший. К концу XI в. торговля с Византией стала претерпевать очень большие затруднения, так как в степи утвердилась Половецкая орда, в XII же веке стала слабеть Булгария; между тем быстро развивавшиеся северные немецкие города получали непосредственный доступ к русскому рынку через устье Двины, где в первые годы XIII в. утвердился Ливонский орден. Эти обстоятельства произвели переворот в направлении торговли, выдвинувший самостоятельное значение Смоленска. Кроме того, на севере рос Новгород, бедный хлебом, и для со-

седнего Смоленска открывался еще и хлебный рынок. Действительно, на пространстве Полоцкой и Смоленской земель находят многочисленные клады византийских и арабских монет VIII—XI вв., свидетельствующие и о древности, и об интенсивности торговли с этими странами. Смоленских купцов можно было встретить и в Суздальской земле, и в Константинополе. В немецкой торговле замечается несколько иное явление: немецкие купцы сами предпочитали приезжать в Смоленск; полочане, впрочем, в большом количестве сами отправлялись в Ригу для торговых целей. Уже в конце XII в. немцы прочно устроились в Смоленске. Здесь жила целая немецкая колония, имевшая свою церковь. Немецкая колония находилась на берегу Днепра и р. Рачевка. Она имела своего старосту и общественный капитал, пускавшийся в оборот подобно банку. Сначала обычай, а затем и заключенные немцами со смоленскими князьями договоры (введение их относится к началу XIII в., к княжению Мстислава Давидовича) определяли взаимные отношения русских и немецких купцов. Договоры заключались с городами Любек, Данциг, Мюнстер, Сест, Бремен, Дортмунд, Гренинг, Брауншвейг, Кассел, о. Готланд и, конечно, с Ригой. В заключении договоров с русской стороны вместе со Смоленском принимали участие и города Полоцк и Витебск. С усилением торговли на устье Зап. Двины в Риге Полоцк заключал многочисленные договоры с рижским купечеством. Самые обстоятельные договоры с немцами и самые интересные — это договоры Смоленска. Первоначальный текст их был выработан при кн. Мстиславе Давидовиче в 1229 г. и затем возобновлялся, иногда с мелкими изменениями, его преемниками в течение целого столетия. Интересно, что над заключением первого договора «страдал», по выражению текста, купец из Касселя некто Рольф и смольнянин Тумаш Михайлович. Эти договоры, или как их чаще называют Смоленская Торговая Правда, состоят из двух частей: из уголовного кодекса, принятого в столкновениях между немцами и смольнянами во владениях обеих договаривающихся сторон, и из постановлений, определяющих торговые обычаи. Так обе стороны пользовались правом беспошлинного ввоза своих товаров. Определены способы провозных пошлин и весовая пошлина. В случае несостоятельности должника первые платежи из его имущества идут немцу в смоленской земле, а русскому — в немецкой, а затем уже удовлетворяются кредиторы из одноплеменников. Даже если князь разгневается на «своего человека», конфискует все его имущество, а самого человека с семьей возьмет в холопство, то и в таком случае долг немцу должен быть выплачен. В случае смерти княжеского или боярского холопа, занявших деньги у немца, заем возвращает лицо, получившее наследство после холопа. Преимущество имел немецкий купец, когда со своими товарами подъезжал на судах к волоку между притоками Двины и Днепра, по торговому пути. Заведующий этим волоком должен был доставить необходимое количество подвод купцам.

Все это свидетельствует о широте торговых сношений Полоцка и Смоленска. Они передавали иностранные товары на Русь и в свою очередь сами вывозили на иностранные рынки продукты местного производства.

Торговля доставляла жителям богатства. В Полоцке и Смоленске было много людей, считавших по тем временам очень богатыми. О богатстве городов можно судить по тем громадным налогам — оброкам и особенно торговым сборам, которые города давали смоленскому князю. Доход его казны, т.е. оброк и торговые пошлины, доходили в первой половине XII в. до 600 000 р., т.е. до суммы, громадной для того времени и для такой небольшой территории, а между тем в течение всего периода мы не слышим жалоб населения на тяготу налогов.

Предметами вывоза по преимуществу были воск, мед и меха пушных зверей, хмель, овчины и некоторые другие продукты. С востока в древнейшее время купцы привозили шелковые и различные узорчатые ткани, предметы украшений — ожерелья, бусы, светильники и т.п. Из Скандинавии привозили мечи, пряжки, топоры и др. изделия из бронзы, серебра, железа и стали, с берегов Балтийского моря — янтарь, из Германии — вина, сукно, инбирь, миндаль, соль и нек. др. предметы.

Торговое значение выдвинуло Полоцк и Смоленск в среде древнерусских городов. Но рядом с торговлей все три крупных города — Туров, Смоленск и Полоцк — выделялись еще и как центры просвещения. В особенности крупная роль пришлась на долю Смоленска, создавшего в стенах своих монастырей целую литературно-просветительную школу. Туров имеет также свое славное литературное прошлое. Меньше всего мы знаем о литературных успехах в Полоцке.

Литература и просвещение в древней Руси развивались вместе с проникновением в народную массу христианских начал и письменности и поддерживались живыми сношениями с Византией. Учреждение епархий и появление монастырей были ступенями в развитии просвещения. В Полоцке и Турове епархии появились очень рано. В Смоленске кафедра явилась позже. Она была учреждена кн. Ростиславом Мстиславичем в 1137 г. Первым епископом был ученый грек Мануил. Хотя

кафедра в Смоленске была образована сравнительно поздно, но и до нее город обладал достаточными по тем временам литературными средствами для получения широкого образования. Это лучше всего видно из биографии одного из интереснейших деятелей древней Руси — Климента Смолятича. По словам летописи, Климент был «книжник», какого не бывало на Руси. Эта характеристика, бесспорно, очень верная. В 1147 г. вел. кн. киевский Изяслав решил сделать его митрополитом, и собор русских епископов посвятил в митрополиты этого схимника, пользовавшегося тогда уже широкой известностью подвижника и ученого богослова. Климент был плодовитым писателем, но до настоящего времени открыто только одно его послание к своему старому другу — смоленскому священнику Фоме. Это послание вскрывает нам кругозор и интересы тогдашнего смоленского образованного общества. Оказывается, что Климент и его последователи допускали иносказательное толкование Священного Писания, опираясь в своих объяснениях на творения Гомера, Платона и Аристотеля. Противного направления держался некто Григорий, тоже смоленский «книжник», придерживавшийся буквы Священного Писания. Обе спорящие стороны читали названных греческих авторов в подлиннике. Зная подобного рода факты, не приходится удивляться и тому, что сообщается в житии преп. Авраамия Смоленского, написанном его учеником Ефремом. Это был иеромонах Успенского Смоленского монастыря, совершавший свои учительские подвиги в конце XII в. Своими блестящими проповедями, касавшимися самых животрепещущих вопросов, Авраамий привлекал к себе все смоленское гражданство. Успех его был так велик, что городские церкви опустели: именитые люди, бедняки и рабы — все находили утешение в беседах преподобного. Но городское духовенство, монахи, даже некоторые из горожан вооружились против Авраамия: «Попы рыкали как волы, завидуя его популярности», — говорит биограф. Пришлось проповеднику претерпеть гонения и поношения; однако большинство граждан было за него, и, сделавшись игуменом Богородицкого монастыря, Авраамий мог спокойно продолжать свою деятельность.

Климент и Авраамий — блестящие звезды на смоленском горизонте. Но они представляли не случайное явление, потому что в Смоленске были школы, а переписывание рукописей и книг находило себе сбыт. Смоленск дал ряд прекрасных литературных произведений, начиная с посланий Климента, биографии Авраамия, написанной Ефремом, и кончая повестью о Меркурии, путешествием Игнатия Смольнянина в Палестину и Константинополь и мн. др.; много литературных памятников, однако, не дошло до нас, напр. Смоленская летопись. Вообще в истории просвещения древней Руси роль Смоленска столь же важна, как и роль старейшего из городов — Киева.

Мы меньше знаем о состоянии просвещения в Турове. Но появление здесь такого блестящего и ученого оратора, каким был епископ св. Кирилл Туровский, бесспорно свидетельствует, что и здесь были доступны средства к широкому образованию. В самом деле, в лице Кирилла древняя Русь имеет выдающегося церковного оратора и знатока византийской литературы. По складу ума, по литературным приемам — это византийский проповедник эпохи наибольшего развития церковного ораторства в Византии. Он обращался к избранному кругу слушателей, так как вся паства не могла бы понять его длинной, построенной на толковании символов, испещренной обширным запасом учености проповеди. Несомненно то, что научная недоступность для народной массы проповедей Кирилла находила, однако, избранных слушателей: в древней Руси читали и ценили русского Златоуста, следовательно, и слушали, тем более, что и при жизни проповедник пользовался огромным уважением и славой; его проповеди расходились даже в южнославянских списках, далеко от скромного города, где была его кафедра. Конечно, литературная манера и литературные вкусы Кирилла, свидетельствуя о его широком образовании, не дают возможности считать его писателем вполне оригинальным. Однако Кирилл обладал огромным талантом, прекрасно владел языком, так что даже и современные нам церковные писатели не считают его отсталым: «Слова Кирилла Туровского, — говорит знаток истории церкви проф. Голубинский, — не имея ничего общего с другими современными ему словами и поучениями, представляют собой совершенно такие же ораторские произведения, как слова современных нам ученых проповедников. Если перевести их на русский язык и сказать, что они принадлежат такому-то современному проповеднику, то разве что самый тонкий знаток дела не будет введен в обман».

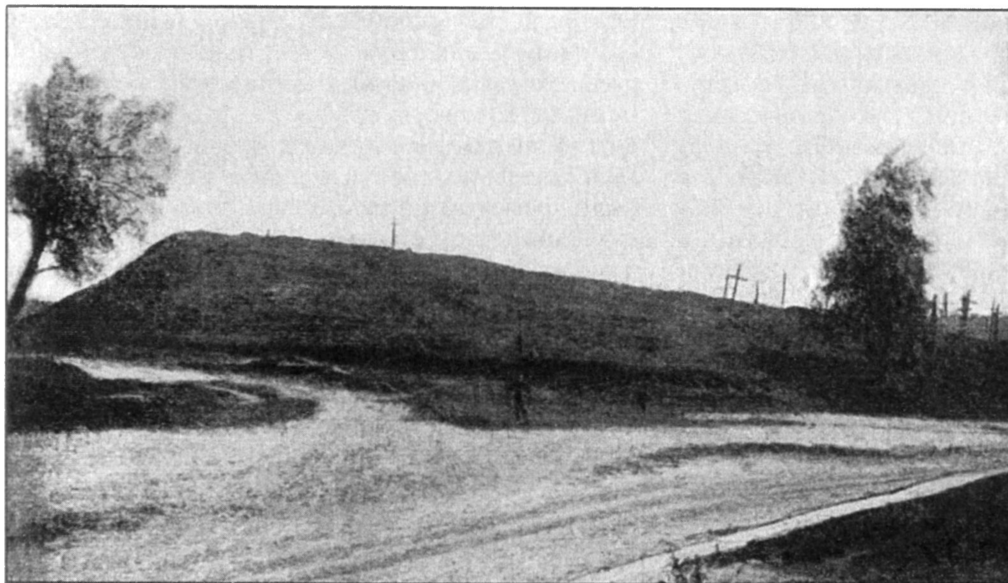
Итак, Туров и Смоленск по своей литературной деятельности высоко стояли в древней Руси. Что касается Полоцка, то о нем мы вообще так мало имеем известий, что трудно сказать о нем что-либо определенное: быть может, наши источники не сохранили сведений о состоянии учености и просвещения в этом центре, столь одиноко стоявшем в древней Руси; но очень возможно и то, что все наличные силы полочан уходили на развитие политической и социальной жизни. Мы видели, что в этом отношении полоцкое общество серьезно

работало. Правда, Софийский собор в Полоцке и некоторые другие церкви служат свидетелями того, что церковное византийское искусство было известно полочанам и витеблянам. С другой стороны, деятельность преп. Евфросинии (в мире Предславы), дочери кн. Святослава Всеславича, внучки знаменитого «чародея», также свидетельствует, что и в Полоцке появлялись лица, деятельность которых была посвящена чтению книг и их распространению в обществе. Княжна Предслава родилась около 1110 г. В юности отличалась красотой и благочестием. Заслышав, что родители желают выдать ее замуж, она убежала в монастырь, где игуменьей была ее тетка, вдова кн. Романа Всеславича. Все старания родителей оказались тщетными, и Предслава приняла монашество. Она посвятила себя главным образом переписке книг. Вскоре Евфросиния основала свой женский монастырь близ Полоцка на уроч. Сельце, подаренном княжне полоцким епископом Ильей. Здесь уже была деревянная церковь Св. Спаса, служившая усыпальницей полоцких епископов. Вскоре монастырь разросся, и на месте деревянной церкви была построена каменная. Затем преп. Евфросиниею был еще основан мужской монастырь Богородицы для подготовки священнослужителей для женского. Год смерти св. Евфросинии неизвестен, но он относится ко времени после 1161 г., потому что в этом году сооружен по ее повелению известный крест для монастыря. Умерла она, вероятно, в Киеве, во время путешествия ее в этот город. Впрочем, житие позднейшего происхождения рассказывает, будто св. Евфросиния умерла в Иерусалиме.

Итак, древние Дреговицкая и Кривицкая земли к половине XIII в., т.е. к концу древнерусского периода, приходили в упадок, будучи ослаблены политически, раздробленные на множество уделов, стиснутые среди счастливо усиливающихся соседей, но зато имели богатый запас культурного наследия. В политическом строе они выработали принцип широкого участия вече, т.е. всего земства, в делах всей земли. На вечевых собраниях ясно обнаруживались два социальных элемента — добрых и малых людей. Добрые и малые,·худшие люди различались по своему экономическому благосостоянию. Это не были еще сословия, так как никакой закон, никакой обычай не закреплял принадлежности данного лица к той или иной социальной ячейке. Но в этом различии, пока чисто бытовом, уже крылись зачатки социальных подразделений и политического неравенства сословий. В таких условиях эти земли входили в литовско-русский период их истории. Но прежде чем перейти к последнему, надо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Мы наблюдаем большую разрозненность земель в отношении политическом, неравенство — в культурном. Между тем земли кривичей, полоцких и смоленских, дреговичей и радимичей, войдя в состав Литовско-Русского государства, очень скоро слились, так что уже в XV в. можно говорить о единой белорусской народности. Чем объяснить этот факт? Литовское правительство, как мы увидим, далеко не способствовало объединительным русским началам, потому что остановилось на принципе децентрализации и областной самостоятельности. Религия не могла явиться таким всемогущим объединяющим элементом, потому что при ее единстве выделились племенные особенности великорусов и малорусов. Правда, религия являлась могущественным связующим звеном, почвой, на которой сходились интересы русских земель. Но было и еще звено — это общность наречия всех трех племен. Различие в говорах очень рано начало сказываться в древней Руси. Уже в XII—XIII вв., при всей скудости местных литературных памятников, выделяются говоры: киевский, галицко-волынский, новгородский и смоленско-полоцкий. Племенная связь полочан и смольнян закреплена общностью их говора. Этот смоленско-полоцкий говор, судя по всем данным, был очень близок к говору дреговичей и радимичей, хотя об их говорах мы очень мало знаем. Этим и объясняется то явление, что три племени выработали с течением времени одно наречие и слились в одно обширное белорусское племя.

Западная Русь слабела и дробилась как раз в то время, когда стали усиливаться ее соседи — сначала Галицко-Волынское княжество при Данииле Романовиче, потом Литва и позже Москва. Галиция, расширив свои пределы в область ятвягов и подчинив своему влиянию Турово-Пинские княжества, не успела, однако, сделаться объединяющим центром и сама вошла в состав Польши в половине XIV в. Смоленск оказался между Литвой и Москвой. Все преимущества были на стороне первой, и она начала быстрое объединение западнорусских земель.

До сих пор в науке остается темным период сложения государства в среде самого литовского племени. До начала XIII в. литовцы жили отдельными племенами; это были мелкие родовые деления. Только хорошо выработанный языческий культ объединял их. Культура их была очень низка. Жили литовцы в глубине своих лесов, не имея даже городов как центров торгово-промышленной деятельности. Сначала литовские князьки-родоначальники являлись в качестве подручников полоцких князей, но иногда и сами совершали смелые набеги на Подвинье и Поднепровье. Литовский народ начал развивать свою энергию под влияни-

Миндовгова гора в Новогрудке.

ем напиравших на него соседей — немцев (Прусского и Ливонского орденов), галицких князей и частью полоцких. Внутри племени под влиянием опасности происходил процесс, ведший к его сосредоточению. В первой половине XIII в. во главе значительного числа Литвы мы видим уже одного князя. Это был Миндовг. Он не довольствовался подчинением себе литовских племен, но подчинил своей власти соседние русские земли, утвердив свою столицу в Новгородке литовском (Новогрудок Минской губернии). Этим Миндовг положил начало политике, которой затем следовали его преемники. Эта политика вытекала из суровой необходимости: для борьбы с Ливонским орденом нужны были силы, а усиление слабой Литвы возможно было только за счет когда-то сильной и обширной, но теперь политически ослабленной Руси. Основатель Литовско-Русского государства и стал на эту точку зрения. К своему новгородскому княжению он присоединил многие города Черной Руси (Гродно, Волковыск, Здитов, Слоним), заставил пинских князей признать свою власть, своих племянников посадил в Полоцке (Товтивилла), Витебске и в некоторых городах Смоленской земли. Миндовгу пришлось выдержать упорную борьбу с орденом, даже принять католичество (которое затем оставил), пришлось оспаривать стремление к сепаратизму своих же подручных князей, и, наконец, он погиб жертвой мести со стороны своих же племянников. Наступившая за его смертью усобица готова была стереть только что народившееся государство, но объединительные начала взяли перевес. Княжение таких замечательных лиц, как Гедимин (1341) и Ольгерд (1377) блестящим образом выполнили задачу, указанную Миндовгом. Они окончательно объединили под своей властью все литовские племена, скрепили с новым государством жмудь, наконец, распространили свою власть на все западнорусские земли. Полоцк с 1307 г. окончательно перешел во власть предшественника Гедимина — Витеня; некоторое время здесь еще сидели подручные князья в качестве правителей (последним был князь Андрей, старший сын Ольгерда, участвовавший в Куликовской битве). Минские князья перешли во власть Литвы в первые годы XIV в.; около того же времени потеряли самостоятельное значение и турово-пинские княжества. Ольгерд женился еще при жизни отца своего Гедимина на единственной дочери последнего витебского князя Ярослава Васильевича и таким путем приобрел права на это княжение. Ольгерд утвердил свое влияние и в Смоленске, хотя окончательное подчинение последнего принадлежит уже Витовту. Лежавшие вне этих пределов княжества, т.е. Волынь, Киев и Чернигово-Северские земли, тоже подчинились и присоединились к Литовско-Русскому государству при Ольгерде.

Таков внешний ход объединения. Дальнейшая внешняя история Литовско-Русского государства в течение полстолетия сложилась таким образом, что государство дважды подвергалось опасности разложиться. По смерти Ольгерда началась борьба вел. кн. Ягайлы сначала с его дядей Кейстутом, а затем с сыном последнего Витовтом, пока последний не успел утвердиться на великом княжении, хотя и считался в номинальной зависимости от короля польского и верховного сюзерена Литвы Ягайлы. Смерть Витовта сопровождалась десятилетним периодом борьбы за великое княжение между Сигизмундом Кейстутовичем и Свидригай-

лом Ольгердовичем, пока, наконец, в Вильне не утвердился малолетний сын Ягайлы Казимир (1440 г.). С этого момента судьба нового государства явно склонилась к тесному его соединению с Польшей. В лице первого Ягайловича Литва получила уже государя, династически связанного с Польшей. Брат Казимира король польский Владислав очень скоро погиб в борьбе с турками, а Казимир Ягайлович одновременно был избран королем польским. После его смерти (1492 г.) литовцы избрали отдельно от поляков Александра Казимировича, а поляки — брата его Альбрехта, но по смерти его Александр объединил оба престола. С этого момента оба государства вплоть до Люблинской унии 1569 г. были объединены личной унией, пока в этом году не последовало окончательного соединения обоих государств.

При таких внешних условиях проходила историческая жизнь западнорусских земель, соединенных с Литвой. Жизнь эта отличается большой сложностью, и нам остается наметить лишь общие черты ее. Прежде всего является необходимым выяснить культурное значение тех начал, которые привнесены были русским элементом в общую государственную жизнь, а затем то положение, которое русские земли заняли в правительственной системе Литовско-Русского государства. Когда Литва подчинила себе русские княжества, то на ее стороне была военная сила. Но литовцы и соседние русские княжения были хорошо ознакомлены друг с другом вследствие предшествующих сношений. Сношения эти были более мирного, чем враждебного характера. Поэтому русское население охотно подчинялось власти литовских князей, которые приносили с собой защиту от сильных соседей и прекращали междоусобную борьбу. К тому же в одних западнорусских землях русский княжеский род прекратился (Полоцкая земля), другие же (Турово-Пинская область, северские княжества) так раздробились, что владетельные их князья превратились в простых вотчинников-помещиков; княжества их утеряли характер государств, превратившись в поместья, иногда очень мелкие. В силу этого литовцы являлись не как завоеватели, но как элемент, вносивший известный прочный правопорядок в народную жизнь. Само объединение Литвы и Руси явилось не следствием завоевания, но добровольного подчинения русских областей Литве. Только Смоленск был завоеван, но и здесь была сильная литовская партия. Литовские князья не вносили ничего нового в жизнь русских областей. Среди громадного большинства литовских язычников было уже немало и православных. Религиозная терпимость являлась основой политики литовских князей. Малокультурные литовцы быстро подчинялись русскому влиянию. Наглядным доказательством этого служит употребление русского языка в государственных актах того времени. Из этого факта ясно, что русский язык был в то время языком высших классов в самой Литве. Действительно, даже и великие князья не только были грамотны на этом языке, но и употребляли его в домашнем обиходе. Удельные князья, получавшие уделы в русских областях, принимали православие, женились на русских, и многие из литовских князей явились горячими поборниками православной веры. Даже среди великих князей православие начало утверждаться: Ольгерд принял его и дважды был женат на русских княжнах (витебской Марии и тверской Юлиании), Витовт, тесть великого князя московского, тоже был православным до перехода в католичество; утверждают, что и ярый впоследствии проводник католицизма Ягайло в молодости исповедывал ту же веру и носил в крещении имя Яков.

В распространении православия среди литовского княжеского дома и в признании государственного значения за русским языком русская народность видела залог своего господства в соединенном государстве. Положение вещей несколько пошатнулось с принятием Ягайлой католичества. Он проявил себя фанатическим его приверженцем и стремился положить начало политическому неравенству в зависимости от различия в вероисповедании, так как, по Городельскому акту унии Литвы с Польшей (1413 г.), все некатолики были лишены права занимать высшие должности в государстве. Но на практике значение законов Ягайлы было невелико. Витовт действовал в этом отношении с большой осторожностью и ставил задачи государственные выше религиозных.

Первые литовские князья не нарушали также установившегося в древней Руси государственного и общественного правопорядка. Миндовг, Гедимин, Ольгерд, Ягайло, несмотря на свои объединительные стремления, не могли отказаться, однако, от удельной системы, выработанной древней Русью. Они оставляли на своих уделах русских князей, довольствуясь признанием со стороны последних вассальной зависимости от великого князя, или сажали на опустелые уделы своих литовских родичей. Таким образом, государство представляло из себя ряд отдельных княжений, подчиненных великому князю. Впрочем, великий князь владел сам обширной территорией, составлявшей его собственный удел; центр этого удела был в Вильне, а отдельные его земли были разбросаны по всему государству. Кроме того, уже со времен Ольгерда великокняжеская политика стремилась к тому, чтобы наиболее крупные города не

составляли уделов. Так, Полоцк, Витебск и Смоленск с их территориями составляли общины, находившиеся в верховной зависимости от великого князя. В этом уже сказалось недоверие к удельной системе. Витовт прекрасно понимал опасность, угрожавшую государству со стороны удельных князей. Поэтому он свою объединительную политику проводил именно в целях ослабления и уничтожения уделов. Множество князей при нем были лишены самостоятельности, и в их уделы посланы великокняжеские наместники. Желая, однако, крепче связать крупные земли с государством, примирить их с непосредственной зависимостью от центрального правительства, Витовт выдал таким областям уставные грамоты. Такие грамоты выданы были им из русских областей Полоцку, Смоленску и Витебску. В основу этих законов, регулирующих местную жизнь, был положен принцип, что «мы (т.е. господарь) старины не нарушаем, а новины не вводим». Действительно, грамоты закрепили собой политический, социальный и правовой порядок, выработанный в этих землях в течение предшествующих веков. Ведь Полоцк и Витебск представляли собой народоправства, в которых всеми делами ведало вече. И теперь собрание добрых и малых людей, всех горожан являлось высшим органом в делах, касающихся местного управления. Оригинальной особенностью древнерусского города было его единение с землей, т.е. с целой областью; город был центром, где на вече принимали участие жители области и города, отчего не существовало строгого различия между городскими и сельскими классами общества. С таким же характером город являлся и в уставной грамоте. Город имел свою казну, городские выборные присутствовали на суде наместника. Нормы уголовного и гражданского права, выработанные обычаем, были закреплены теперь законом. Постановления уставных грамот указывают на высокое политическое развитие древнерусского земства. Так, великий князь гарантировал областям личную безопасность жителей (именно неприкосновенность личности: никто не мог быть лишен свободы и казнен без суда и следствия), свободу женщин, остающихся без опекунов, от принудительных по желанию великого князя браков, право передвижения в соседние области и за границу государства, неответственность семьи за преступление одного из ее членов, сохранение личных привилегий и «чести» шляхетства; в области имущественных прав граждан были подтверждены права владения имуществом, завещания, наследования. Наконец, грамоты обеспечивали старинное процессуальное право, торговый суд, личность и имущество граждан от притеснений со стороны местной администрации и определенные обязательства населения по отбыванию государственных податей и повинностей. По объему и важности обязательств, принимаемых государем по отношению к каждой отдельной области, видно, что земские грамоты были конституционными грамотами отдельных земель. Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская оставались как бы особыми государствами. Они в действительности сохраняли и внешний облик отдельных княжений: в каждой земле сохранялись придворные должности, занимаемые местными уроженцами, напр. должность маршалка, конюшего, ловчего, окольничего, сокольничего, бобровничего, ключника и т.д.: в случае своего приезда великий князь имел полный придворный штат в каждой земле, как это было при удельных князьях. Город даже сам имел сношения, правда, только по торговым делам с соседними государствами и городами, напр. с Ригой и др. В городе был великокняжеский наместник, но он назначался господарем из местного боярства и с согласия всего «поспольства», т.е. всех жителей.

То отношение к западнорусским землям, которое отлилось в законодательстве Витовта, было лишь узаконением политики первых великих князей литовских. Давая письменные гарантии населению земских общин, Витовт, однако, явно стремился к уничтожению удельного порядка, как весьма опасного для центральной власти. С падением удельного княжения падала и местная боярская аристократия, превращаясь из княжеских советников в простых служилых людей великого князя. Правда, этот последний был окружен представителями очень родовитой знати, но эта знать состояла из литовских родов или из княжеских, находившихся уже на службе у великого князя. В важных случаях великий князь созывал совет из своих родственников и вообще из удельных князей. Но в среде этого родовитого круга не было места для боярина какого-нибудь бывшего местного центра. С другой стороны мы отметили, что политика Ягайлы приняла угрожающий характер по отношению к тем, кто не исповедовал католичества. Отсюда возникало в среде русского населения недовольство, с одной стороны, в сфере социальных отношений, с другой — опасение за свободу религии и господства русской национальности. Последнее было особенно сильно еще и потому, что с принятием Литвой католичества в нее начало проникать польское влияние. Этими условиями и объясняется ряд попыток со стороны русского населения удержать за собой преобладающее значение. С другой стороны, создавалось очень своеобразное положение вещей, характеризующее всю последующую историю литовско-русского госу-

дарства. Литовская народность в силу принятия католицизма стала быстро подвергаться польскому влиянию. Русская народность стала соединять с понятием русской культуры и понятие о православной религии; понятия о православном и русском сделались синонимами. Раз вражда переходила на религиозно-национальную почву, то русский элемент мог сделаться весьма опасным для государства: он всегда мог найти себе опору в возраставшей силе соседнего московского государства. Этим обстоятельством весьма осложнялась задача литовского правительства. Оно должно было или примириться с господствующим положением русской национальности, или же вести государство к полному слиянию с Польшей, чтобы найти себе опору в польской национальности. Витовт верно оценил положение вещей и сделал попытку изолировать русскую народность в религиозном отношении, придумав очень остроумный план отделения киевской митрополии от московской. Он созвал собор русских епископов, который избрал особого митрополита в лице Григория Цамвлака для западнорусских земель.

Вот те условия, в которые стало литовско-русское государство с момента первой унии Литвы с Польшей и принятия Литвой католичества (1387 г.). В установившемся положении вещей заметно противоречие: господство русской культуры, выражавшееся в признании русского языка государственным, в закреплении норм местного права и в расширении правовых понятий, выработанных древнерусской жизнью, на весь государственный механизм, наконец, количественное преобладание русской народности: это — одна сторона в положении государства; но этому порядку вещей противоречила другая сторона: малочисленная литовская национальность, идя по пути полонизации, в силу своего господствующего положения оказалась враждебной для русской. Какое же дальнейшее течение приняла история литовско-русского государства и каково было положение в нем русской народности, составившей белорусское племя?

После смерти Витовта (1430 г.) король Ягайло назначил его преемником младшего из Ольгердовичей Свидригайло. Этот князь был известен своей многолетней борьбой с вел. кн. Витовтом. Когда еще в 1392 г. Витебский удел перешел во владение вел. кн. Витовта (до этого времени Витебск находился в пожизненном владении жены Ольгерда Ульяны) и Витовт назначил туда своего племянника Федора Весну, Свидригайло внезапно явился в Витебск, убил Ф.Весну и вокняжился здесь. Витебляне оказали очень энергичную поддержку своему новому князю, но все-таки он не мог удержаться, был изгнан Витовтом и должен был бежать из Витебска. После долгого скитания Свидригайло помирился с Витовтом и получил от него в удел Северскую землю, но оттуда вследствие возникших несогласий снова бежал (после 1403 г.), хотя позже (с 1410 г.) снова появился в Северщине и владел ей до смерти Витовта.

Назначая преемником вел. кн. Витовта столь упорного его антагониста, Ягайло очевидно имел в виду, что новый великий князь будет держаться другой политической программы и не будет пользоваться поддержкой тех элементов, которые так высоко подняли власть Витовта. Дело в том, что, с польской точки зрения, которой руководствовался в данном случае Ягайло, политика Витовта была весьма нежелательной: Витовт, получив великое княжение от Ягайлы, фактически был совершенно независим и от короля, и от Польши; внешняя политика Витовта сделала этого князя могущественнейшим из соседних владетелей, на что с опасением и завистью смотрели поляки. Внутри государства Витовт успел успокоить недовольные элементы, разрушил значительную часть удельного княжья, столь опасного для центральной власти; в деле религии он был довольно безразличен, не давая разгораться религиозной борьбе и фактически не изменяя эдиктов Ягайлы, направленных против схизматиков, т.е. православных. Мало того, Витовт хотел даже возложить на себя королевскую корону, и для коронации его даже был назначен съезд в Луцке на Волыни, но польская дипломатия расстроила все планы престарелого князя Литвы и Руси.

Очень понятно, что такая политика великого князя литовского очень мало согласовалась с его подчиненным положением по отношению к Польше и ее королю: уния, заключенная в Городеле в 1413 г., беспрестанно нарушалась, и опасность полного разрыва была велика. Очевидно, Ягайло назначением великим князем Свидригайлы хотел исправить то, что было потеряно поляками при его предшественнике. Витовт, сын Кейстута, опирался главным образом на центральную часть государства — собственную Литву и Жмудь: здесь знали его отца Кейстута, здесь поддерживали и его сына. Свидригайло, окраинный князь, был хорошо известен в Витебске, Северщине, на Волыни и в Подолии, но совершенно неведом литовцам. Таким образом новый князь должен был опираться хотя и на многочисленный, но малосплоченный окраинный элемент.

Однако все эти расчеты Ягайлы и его польских советников оказались непрактичными. Прежде всего на самого Свидригайло трудно было положиться. Это был человек весьма способный к кипучей деятельности, но малонастойчивый и в силь-

ной мере преданный пьянству. У бывшего удельного князя не хватало такта, требуемого высоким положением государя. У князя, удачно подымавшего восстания многих областей, не доставало умения полководца, ведущего большое войско. Но за этими личными качествами, может быть, и известными Ягайле, выступали условия, по-видимому, совершенно неожиданные для поляков. Свидригайло был действительно весьма популярен среди русского населения. Между тем русские области, особенно наиболее видные элементы их населения, имели много поводов к недовольству настоящим положением вещей. Прежде всего была совершенно ясна опасность, угрожавшая русской народности и исповедуемой ее религии от надвигавшегося полонизма и католицизма. Затем аристократические элементы, преобладавшие в русских областях, удельные князья и бояре были сторонниками полной самостоятельности государства.

Свидригайло оказался очень неподатливым великим князем по отношению к полякам и Ягайле. Одновременно с назначением его великим князем польские гарнизоны заняли Подольскую землю и потребовали уступки Волыни. При первом известии о занятии поляками Каменца Свидригайло пришел в ярость, арестовал находившегося тогда в Вильне короля Ягайло и отпустил его только тогда, когда сделаны были распоряжения о возврате Подляхии. Этот резкий поступок показал равным образом и настойчивость, и бестактность нового великого князя; для поляков сделалось ясным, что от него нельзя ожидать никаких уступок. Свидригайло немедленно собрал большое войско, которое блистало шлемами многих удельных князей, отправился на Волынь и заставил Ягайлу снять осаду Луцка.

Всем этим Свидригайло сильно раздражил поляков и, кроме того, своей внутренней политикой он вооружил против себя значительную часть литовцев. Среди последних нашлись заговорщики, которые во главе с князем Семеном Гольшанским и братом Витовта удельным князем Стародубским Сигизмундом Кейстутовичем напали в городе Ошмяны на Свидригайлу, захватили в плен его семью и провозгласили от имени Ягайлы великим князем литовским Сигизмунда Кейстутовича. Все это было сделано с помощью и по указаниям поляков.

Свидригайло успел спастись в Полоцке. С этого момента (1432 г.) в течение двух лет литовско-русское государство находилось в междоусобной борьбе. Русские удельные князья и крупное боярство стало на сторону Свидригайлы, Литва, Жмудь и Подляхия с преобладающим мелким служилым людом поднялись за Сигизмунда. Хотя на стороне Свидригайлы было значительное численное преимущество, но он делал военные ошибки и потому терял сражение за сражением, пока наконец битва под Вилькомиром не доставила его противнику такого превосходства, что Полоцк, Витебск и Смоленск признали Сигизмунда, а Свидригайло убежал в Киев и здесь утвердился в Киевской и Волынской областях. Создалось довольно неопределенное положение, длившееся до 1440 г., когда в Вильне вновь был совершен государственный переворот; составился заговор с волынскими князьями Чарторыжскими, последствием которого была смерть Сигизмунда. Обстоятельством этим воспользовалась литовская партия и провозгласила великим князем младшего брата короля польского Владислава Ягайловича Казимира. Вследствие малолетства последнего его именем стал управлять литовский вельможа Ян Гаштольд.

Так водворился прочный государственный порядок в литовско-русском государстве. После изложения внешней стороны этого смутного периода в истории государства для нашей цели важно обратить внимание и на внутреннюю сторону тех же событий. Выше уже было указано на то, что Свидригайлу поддерживали преимущественно русские области. У них были свои национально-политические цели в данном случае. Но в этой борьбе вылилось наружу не только существовавшее в государстве национальное различие, тесно связанное с религиозным, но и различие на почве социально-экономической. В войсках Свидригайлы были не только русские, но главным образом русское удельное и служилое княжье, а также и крупное боярство, которыми обиловали русские области. Это боярство, издавна заседавшее в «раде», т.е. думе удельных князей, научилось управлять областями при своих князьях. Рядом с русским княжьем и боярством выступало в рядах Свидригайловой армии и крупное родовитое литовское боярство. Причина, соединившая аристократические элементы обеих народностей, заключалась в политике Сигизмунда Кейстутовича. Последний усвоил себе политику Витовта, но стал проводить ее резче и дальше. Витовт боролся с удельным княжьем, окружая себя почти исключительно чисто литовскими элементами. Но уже при нем ряды земянства пополнялись набором из среды низших классов населения. Сигизмунд Кейстутович пошел дальше в том же направлении. Древний летописец рассказывает, что Сигизмунд отличался крайней жестокостью по отношению ко всему шляхетству, княжью и боярству всех земель как русских, так и литовских, что Сигизмунд даже задумывал извести всех благородных, пролить их кровь и на их место

поднять род хлопский, т.е. крестьянский. Вот та причина, которая сплотила аристократические элементы разнородных областей. Свидригайло не умел отстоять интересы знати. Вот почему аристократические элементы, составившие заговор против Сигизмунда и умертвившие его, не обратились теперь к Свидригайле, но остановились на новом кандидате — Казимире Ягайловиче. Его избрание упрочивало влияние аристократии преимущественно литовского происхождения. Обстоятельства, сопровождавшие вокняжение Казимира, с большой силой отразили социальную борьбу. В Смоленске «черные люди», т.е. низший городской класс, восстали против великокняжеского наместника Андрея Саковича, прогнали его и избили многих бояр; поднялась против нового господаря демократическая Жмудь; поднялась и Подляхия, высказавшаяся за сына Сигизмунда Михаила.

Новое правительство во всех этих случаях поступало очень тактично: оно шло на компромиссы. Казимир подтвердил областям уставные земские грамоты, дарованные еще Витовтом, чем удовлетворили как знатное «посполъство» городов, так и низшие их элементы. Положение удельных князей в первое время не было нарушено, и даже некоторым были возвращены уделы, отнятые Сигизмундом (напр. князю Олельке Владимировичу возвращен Киевский его удел). В религиозном отношении новое правительство было безразлично. Эти действия нового правительства указывали на его стремления удержать «старину» с ее децентрализацией. Но за этими первыми шагами правительство проявило стремление пойти навстречу нарождавшимся новым требованиям жизни. Последние вырабатывались в том смысле, что вместо прежней областной раздробленности перевес брали элементы центростремительные. Борьба между Свидригайлой и Сигизмундом показала, что княжеские и боярские элементы различных областей могут сплотиться, равно как и демократические элементы: на место боярства или мелкого земянства областей Полоцкой, Смоленской, Волынской и пр. выступало боярство или земянство литовско-русское. Правительство Казимира, направляемое литовцами с объединительными стремлениями, очень хорошо поняло значение для государства этих объединительных элементов и сделало важные шаги в соответствующем направлении. В 1457 г. Казимиром была издана жалованная грамота дворянству. В отличие от грамот начала XV в. эта грамота закрепила известные права за шляхетством всего государства, без различия областей, религии и национальности; права, подтверждаемые грамотой, относились к представителям духовенства, к князьям, земянам и даже мещанам. Этот государственный акт таким образом понижал князей и подымал шляхетство.

Существенной стороной жалованной грамоты было обеспечение имущественных и личных прав шляхетства, наряду с дарованием ему некоторых финансовых льгот. Так, обеспечены были для шляхты права владения и распоряжения вотчинными имениями. Крестьяне шляхты освобождены от уплаты государственных податей и повинностей, за исключением устройства мостов и дорог. Расширены права помещика над его крестьянами. Личные права обеспечены статьями, определяющими, что никто не может подвергнуться какому бы то ни было наказанию без надлежащего суда и судебного приговора, что жена, дети или слуги не несут наказания за вину их отца, мужа, господина и что, наконец, всякий имеет право свободного отъезда за границу. Кроме того, грамота дарует некоторые преимущества туземцам: получение должностей и духовных мест принадлежит только уроженцам государства. Также было подтверждено обязательство великого князя не уменьшать границ государства.

Конституция, выданная вел. кн. Казимиром в виде указанной грамоты, легла в основу всего строя литовско-русского государства: вел. кн. Александр, преемник Казимира, внес обязательства, данные Казимиром, в свою конституционную хартию, и в таком виде эта конституция подтверждалась последующими государями.

Вторым государственным актом, выданным Казимиром, был судебник 1468 г. До этого времени обширное государство не имело одного общего кодекса; суд в областях творился на основании местных обычаев; некоторые из них были занесены в земские уставные грамоты. Судебник является кодексом, изданным для всего государства великим князем по совещании с князьями, панами радами (сенаторами) и всем шляхетством на сейме в Вильне. Судебник как кодекс далеко не полон, так как он почти исключительно касается уголовного процесса и права, рассматривая в последней сфере главным образом вопрос о татьбе. Но судебник для нас особенно интересен в том отношении, что и по своей терминологии, и по многим статьям совершенно гармонирует с Русской Правдой: это доказывает силу русского культурного влияния в государстве.

Итак, правительство Казимира, начав с компромиссов, перешло затем к объединительной политике. Эта политика неизбежно понижала удельное княжье и крупное боярство и выдвигала в правовом отношении рядовое шляхетство. Всем этим разрушался как удельный строй, так и вечевая самобытность областей. Казимир даже сделал попыт-

ку активной борьбы с уделами, уничтожив в 1471 г. Киевское княжение, отнятое им у князя Семена Олельковича, и послав туда своего наместника. Этот акт был встречен в среде русской аристократии враждебно, в связи с чем стоит заговор против государя, составленный в 1482 г. и имевший целью возвести на престол Михаила Олельковича. Заговорщики поплатились своими головами. Но сам факт заговора интересен как одно из проявлений аристократической реакции на национальной основе.

Неудачный заговор выражал собой стремления княжья. Стремления эти готовы были в известной мере получить осуществление с переменой великого князя, доставив влияние именно этому элементу. Когда умер Казимир, группы князей Олельковичей, Гольшанских, Мстиславских и др. во главе с князем Михаилом Львовичем Глинским выбрали на престол второго сына Казимира Александра; в Польше же решено было выбрать старшего брата Альбрехта. Сторонники Польши должны были молчать на выборах, потому что многие из вельможных избирателей явились в Вильну с контингентами войск в несколько сот человек (1492 г.).

Тенденции избиравшей Александра аристократии видны из той конституционной хартии, которую выдал этот великий князь. Эта конституция, гарантируя имущественные права шляхетства, доставляла родовитому сенату весьма важные права по управлению государством.

Направление политики нового государя характеризуется сильным влиянием такой выдающейся личности, как князь Михаил Глинский. Это был один из образованнейших людей той эпохи. Молодость свою он провел за границей, сначала в занятиях науками, а затем и в военной службе у императора Максимилиана, у саксонского герцога Альбрехта, побывал, кроме Германии, в Испании и Италии. Образованность соединялась в нем с даровитостью и блестящими военными талантами. М.Глинский, заняв видный пост маршалка дворного и пользуясь личной дружбой государя, старался доставить влиятельное положение русской партии. Он доставил преобладание русской аристократии, но для удельного княжья его режим был очень тяжелым, и некоторые князья бежали в Москву. Поляки возводили обвинения на Глинского в преследовании им чисто личных целей — в желании восстановить для себя самостоятельное киевское княжение. Верность этих слухов трудно проверить. Но, по-видимому, Глинский замышлял государственный переворот, направленный против литовских вельмож. В 1506 г. обстоятельства для Глинского сильно изменились: вел. кн. Александр умер, его место занял младший его брат Сигизмунд, поддержанный чисто литовской партией. Положение М.Глинского пошатнулось, некоторые из его приверженцев лишены были должностей. Тогда Глинский вошел в сношения с московским вел. кн. Василием Ивановичем и поднял со своими сторонниками восстание. Восстание началось в Приприпятье, где у Глинского были огромные имения; сначала он напал на области князя слуцкого и копыльского (потомки киевского Олельковича), затем на города Туров и Мозырь. Осада Минска оказалась для Глинского неудачной. С появлением в помощь Глинскому московских войск восстание перешло к Орше и слилось с общими операциями московских воевод.

Был целый ряд причин неудачи, постигшей восстание Глинского как в близорукой и осторожной московской политике, так и в движениях самого Глинского. Но нельзя не заметить, что главная причина неудачи заключалась в слишком оптимистических расчетах Глинского на сочувствие многочисленного землянства, отчасти остатков удельного княжья. Особенно холодно был принят Глинский в Северо-Западном крае, тогда как в Киевской Руси сочувствие его идеям было гораздо большее.

Восстание Глинского было поднято в интересах русской государственной народности и культуры. Это был последний аккорд национальной борьбы в государстве, запоздалый отзвук вопросов, волновавших общество столетием раньше. К началу XVI в. в значительной мере сгладилась острота вопросов национального, религиозного и социального. Удельное княжье было сломлено; оно было очень малочисленно и захудало материально вследствие уменьшения вотчин за крамолы или вследствие семейных разделов. Оно, по-видимому, не вполне доверяло потомку татарского выходца М.Глинскому. Наконец, к тому времени наросло многочисленное землянство, довольное своими политическими успехами. Для борьбы и обострений материал всегда был готов; впоследствии борьба и вспыхнула, но с половины XV в. и до конца XVI в. таких причин не было благодаря умелой правительственной политике, допускавшей спокойное развитие новых начал социально-политического строя.

В самом деле, в области религиозных вопросов господствовало вполне терпимое отношение к православию, сменившееся при Сигизмунде-Августе индиферентизмом, допустившим развитие ряда протестантских сект. Ограничительные законы Ягайлы относительно занятия православными некоторых должностей имели очень узкое применение и допускали исключения. Наконец и эти законы были уничтожены торжественным актом

1564 г. Да и вообще религиозные вопросы теряли свою остроту еще и оттого, что многие православные фамилии уже в начале XVI в. нередко переходили в католичество.

В национальном отношении положение русского элемента тоже может быть названо вполне удовлетворительным. Русский язык, часто заменяемый в делопроизводстве XIV и первой половине XV в. латинским, сделался господствующим и был признан Статутом языком государственным. В силу конституции Казимира все должности в государстве замещались только литовско-русскими подданными, а в силу отчасти местных уставных грамот, отчасти в силу обычая, должности в областях, как выборные, так и по назначению от короны, замещались землевладельцами данной области — «своею братьею», что конечно гарантировало шляхетскую часть общества от насилий со стороны администрации. Вообще, обособленность земель в отношениях административном и правовом претворила в себе исконную особенность древнерусской жизни — областную раздробленность и самостоятельность. Земля «бытовала» по-прежнему. Только эта «земля», земство изменило свою социальную окраску, превратившись из демократической и бессословной в шляхетскую.

В отношении правовом русская культура также могла себя считать вполне удовлетворенной: русское право, писаное и обычное, нашло себе полное признание в новом государстве. Уголовный процесс и частью уголовное право впервые были сосредоточены в Судебнике Казимира. Но русское право, уголовное и гражданское, полное выражение свое получает в трех статутах, изданных тремя Сигизмундами (в 1529, 1566, 1588 гг.). Закрепив в себе древнерусские начала права и процесса, статуты последовательно вбирали в себя, однако, и все новые черты, сделанные ростом объединенного государства. Так, первый Статут сконцентрировал в себе гражданское и уголовное право и процессы в еще мало затронутом изменениями виде; здесь уже в первых главах положено начало в определении основ права государственного. Второй и третий Статуты, сохраняя первый в частях гражданского и уголовного права, отмечают уже новые нормы права государственного и новый социальный строй, проникнутый шляхетскими тенденциями.

Так закладывались русские основы в жизнь литовско-русского государства. Но не надо забывать, что оно жило не изолированно, что великий князь литовский был королем польским, что общения с поляками по вопросам религиозным, литературным и социально-политическим были очень интенсивны. Это вело к тому, что многие стороны жизни укладывались не без польского влияния. Такое влияние вполне понятно не только ввиду высокого культурного и политического развития Польши этого периода, но также и потому, что социально-политический уклад западнорусских земель представлял много точек соприкосновения с укладом Польши. Это влияние резче всего сказывалось на развитии социально-политического строя государства.

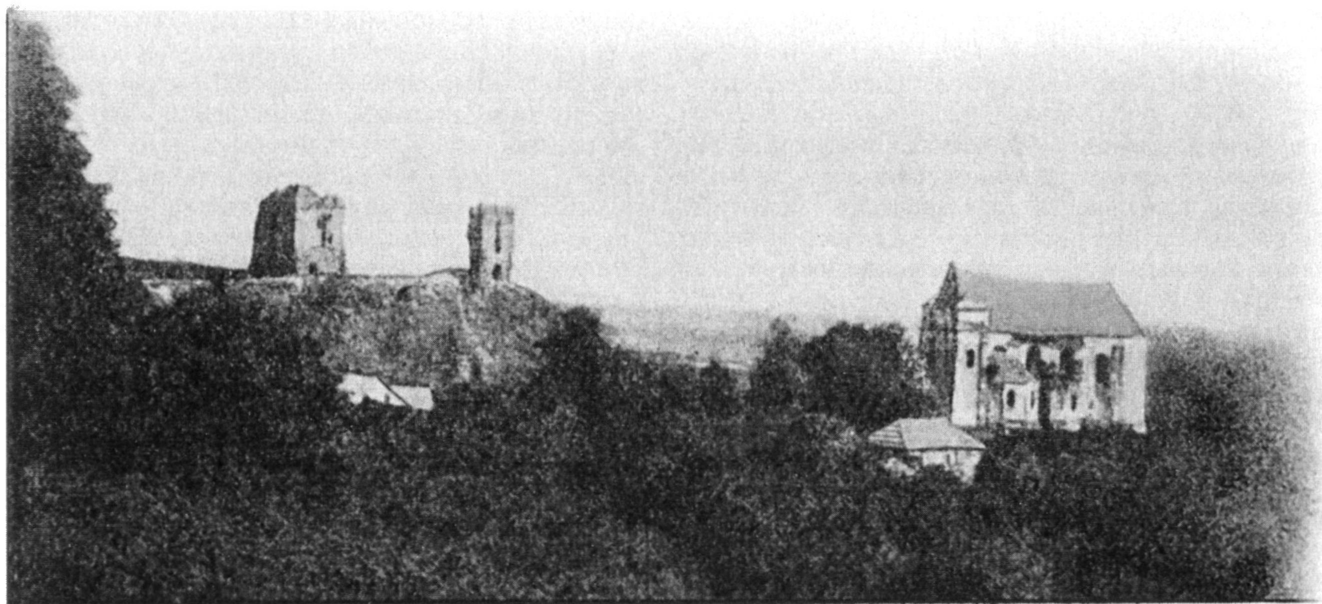
Ни Литва, ни Русь, естественно, не могли остановиться на тех формах социально-правовой жизни, которые были выработаны в древнейший период. Отдельные княжества и племена, соединенные в одно государство, постепенно сливались и вырабатывали новые формы. Центр этой работы приходится на период с половины XV и на весь XVI в. Общий процесс заключался в развитии сословий и в том, что высшее сословие, шляхетство, получало все более и более прав в политической жизни и сделалось господствующим в государстве. Власть великого князя литовского признавалась наследственной, хотя высшее служилое сословие и подвергало избранию этого наследственного государя. При Ягайле власть господаря была уже формально ограничена, так как в изданном им Городельском привилее постановлено, что при великом князе находится рада, т.к. сенат из нескольких высших должностных лиц, по совету с которым господарь решает дела. С течением времени круг господарской рады расширился; вследствие появления новых должностей в раде засели новые местные правители — воеводы, старосты и каштеляны, а также лица центрального управления, как-то канцлер (министр иностранных и внутренних дел), подскарбий земский (министр финансов) и нек. др. Шляхетство не удовольствовалось, однако, контролем над верховной властью при посредстве панов рады, назначаемых и утверждаемых (некоторые воеводы и старосты избирались местной шляхтой) господарем. Так как по привилегии, выданной всему дворянству Казимиром, целое сословие освобождалось от податей в пользу государства, если само оно не выразит согласия на взнос их, то великие князья принуждены были созывать дворянских представителей в тех случаях, когда государство нуждалось в средствах, и испрашивать согласие шляхетства на его обложение. Призываемое на такие съезды или сеймы шляхетство не довольствовалось обсуждением только податного вопроса, но стремилось поставить под контроль сейма весь государственный механизм. Великие князья литовские часто нуждались в деньгах и, желая получить утверждение со стороны шляхты требуемых у нее налогов, делали в ее пользу многочисленные уступки. Так развивалось народное представительство. В половине XVI в. государственная машина была уже в руках сеймовых депу-

татов. В 1564 г. сейм получил и более стройную организацию: перед сеймом государь обязывался созывать сеймики всей шляхты каждого повета; здесь шляхта выбирала своего депутата на сейм и давала ему инструкцию.

Таким образом достигалась демократизация шляхты и поголовное участие ее в государственных делах.

Сословие, которое так удачно стало захватывать в свои руки власть, по весьма понятным причинам стремилось отделить себя от других классов общества. Главным признаком принадлежности к тому или другому классу в древнее время служило занятие. Великие князья литовские очень нуждались в военной силе. Чтобы привлечь на службу новый и новый контингент, они раздавали земли часто с поселенными на них крестьянами, на условиях военной службы. Государство получало возможность и право требовать от созданных им же землевладельцев военной службы, а для последних земля служила материальным обеспечением, жалованьем. И потомки аристократических родов и удельных князей, и всякий сброд получали на этих условиях земли. Класс служилых землевладельцев назывался земянами или боярами; в древнейшее время термин боярина придавался только высокородным и сильным людям, как это было и в древней Руси, но с течением времени это понятие здесь понизилось, и под боярином стали разуметь мелкого служилого человека (в XVII в. даже уже не шляхтича). Взамен этого получил распространение термин «шляхтич», «шляхетство» (польский). Уже в начале XVI в. замечается стремление ограничить понятие шляхетства родовитостью, т.е. принадлежностью к военнослужилому классу в течение нескольких поколений или специальным пожалованием в это звание со стороны представителя верховной власти. К началу второй половины того же столетия это понятие о замкнутой корпоративности шляхетства можно считать уже вполне развитым. Согласно с польским взглядом — шляхтич-рыцарь; его ремесло — военная или придворная служба у государя или у крупных панов. Принадлежность к шляхетству определяется происхождением. Лишение его может произойти за нерыцарские поступки, к которым причислялось и занятие шляхтича торгом или ремеслом. Шляхетство пользовалось широкими политическими правами, местным самоуправлением, преимуществом на суде, личной неприкосновенностью и многими другими привилегиями. Но вся шляхта в теории состояла из вполне равноправных членов; демократизм в среде самой шляхты возводился в основной принцип шляхетской республики. Надо еще заметить, что класс шляхты был очень многочислен. В экономическом отношении он тоже был весьма неодинаков: разница между каким-нибудь крупным магнатом Радзивиллом, Ходкевичем или Воловичем и мелким шляхтичем, собственноручно пахавшим 3—5 десятин земли и не имевшим сносного панцыря или коня, чтобы выйти на службу в конном войске, — была громадна.

По мере выделения шляхетского сословия происходило такое же выделение и двух других сосло-

Развалины старого замка в Новогрудке. (По фотографии Н.Н. Останковича).

вий — мещанского и крестьянского. Для развития мещанского сословия были особые, весьма благоприятные условия. В соседней Польше уже в XII—XIV вв. получило широкое развитие так называемое магдебургское, или немецкое, право. Сущность его заключалась в следующем. Король, или частный владелец имения-города, выдавал городу особую привилегию, которой обеспечивалось прежде всего право суда городской общины над своими сочленами, совершавшими преступление, затем вольности в праве торговли, сборов с торговых и других учреждений, право пропинации, т.е. продажи и производства спиртных напитков и т.д., затем определялись те подати и повинности, которые обязаны были уплачивать горожане. Для городской общины такая привилегия была очень выгодна, так как она избавляла его от вмешательства в суде и управления королевских старост, или владельческих приказчиков, и тем предотвращались разные вымогательства со стороны последних, да и со стороны самих владельцев. Немецким правом этот правопорядок назывался потому, что был заимствован из Германии, а общинный суд производился по законам, выработанным в немецких городах. Власть в городе находилась в руках общинных выборных, иногда при контроле владельца или господаря. Городские ремесленники в свою очередь разбивались на цехи. Немецкое право начало очень быстро распространяться в литовско-русских городах. Господари охотно выдавали привилегии, так как под их покровительство сходилось население, города росли и богатели, принося казне обильный доход. Но переход города на немецкое право сопровождался обособлением чисто городского класса от других: в состав города уже не входило ни боярство, ни окрестное крестьянство, и города замыкались в особую общественную группу.

Очень понятно, что такой же процесс дифференциации происходил и в среде крестьянского сословия. Крестьянство не владело землей на праве полной собственности. Оно садилось на земле землевладельца и за известные повинности и платежи ей пользовались. В древнейшее время вообще понятие полной собственности на землю было плохо развито — лучше сказать, весьма разнилось от современных нам понятий. Крестьянин владел землей, передавал ее по наследству, продавал или закладывал. Крестьяне считали эти земли своими в том смысле, что признавали за собой право на распоряжение землей до тех пор, пока несли условленные повинности. С современной точки зрения такой владелец был только арендатором. Платежи и повинности в древнейшее время не были тяжелы: крестьянин давал чаще продукты земледелия, пчеловодства, иногда работал на помещичьем дворе или пашне. Издельная повинность, барщина, не была тяжела, да и вообще не была даже в большом употреблении, потому что землевладелец лично не занимался своим хозяйством, не пахал пашни, не разводил пчел и т.п., довольствуясь оброками своих крестьян. Кроме того, чувствовался большой недостаток в рабочих руках, почему и невыгодно было назначать большие платежи и повинности: крестьянин мог уйти. Вообще крестьяне пользовались правом свободного выхода. Поэтому они назывались «людьми похожими», «людьми вольными». Но среди многочисленного класса вольных похожих людей появились и люди «тяглые», «непохожие», т.е. люди, отбывающие барщину и не имеющие права уйти с земли помещика. В настоящее время очень трудно сказать с достоверностью, каким образом стало создаваться «непохожее» крестьянство. Уже в грамотах первой половины XV в. есть немало указаний, что известной группе запрещен выход с земли; великий князь, напр., отдает землю служилому человеку и запрещает крестьянам оставлять ее, приказывая в то же время нести все обычные повинности. Разумеется, помещику выгоднее было иметь дело с крестьянином, не имевшим право выхода. Великий князь Казимир в жалованной грамоте всему литовскому дворянству (1457 г.) обязался не принимать на свои земли выходцев из боярских имений. Это уже было ограничение права перехода. Эти ограничения принимали все более угрожающий характер в начале XVI в. Землевладельцы целой области иногда делали постановления, обязательные для всех них; в этих постановлениях ставились различные затруднения крестьянскому переходу. Путем различных ухищрений, — часто путем явно несправедливого решения суда, земянство добивалось признания за своими крестьянами положения «непохожего» крестьянина. Так уничтожался класс вольных людей. Землевладельцы всеми мерами старались закрепостить крестьянство. Шляхтич — воин, защитник государства; он свысока стал смотреть на крестьянина как на существо низшей породы. Но и помимо развивавшегося кастового взгляда была еще очень важная причина, способствовавшая закрепощению. С половины XV в. войны стали реже. Землевладелец имел больше времени для занятий своим хозяйством. Хозяйство в XVI в. оказывалось очень выгодным занятием. Хлеб, лес, пушной зверь, мед и воск, вывозимые из русских областей, находили себе прекрасный сбыт в Германии. Цены с каждым годом стали быстро расти. Землевладельцы прекрасно сообразили, что сдавать земли под оброк крестьянам вовсе не выгодно, лучше вести собственное хозяйство. Земля приобретала громад-

ную ценность. Богатые люди скупали имения у менее состоятельных, сильные люди выпрашивали себе у великого князя огромные поместья. На месте сравнительно небольших имений в руках ловких и сильных людей вырастали огромные латифундии. Крупное землевладение, которое и в настоящее время составляет характерную черту в Северо-Западном крае, получило свое начало именно в XVI в. Громадные имения Радзивиллов, Ходкевичей, Хрептовичей, Соломирецких, Корсаков, Воловичей и многих других знатных фамилий сложились как раз в это время. Таким образом выросли очень крупные земельные имущества. Но для того, чтобы добывать доход из земли, нужны были рабочие руки. Для этого необходимо было, прежде всего, закрепить крестьянина, а затем уже можно было увеличивать его повинности, переводить его с оброка на барщину и т.д. Этот процесс и совершался в течение всего XVI в. Класс вольных похожих людей не был отменен законом, но он почти исчез фактически, и крестьянство превратилось в тяглецов, крепких земле. Создался постепенно взгляд, по которому крестьянин и все его имущество, движимое и недвижимое, принадлежало помещику.

В половине XVI в. правительство задумало произвести обширную реформу крестьянского хозяйства в господарских волостях, т.е. в имениях, принадлежавших короне. Эта реформа имела двоякую цель — поднять благосостояние крестьянства и поставить его в положение, при котором оно могло бы давать больше платежей и отбывать большие повинности в пользу скарба, т.е. казны. Старинные формы крестьянского землевладения создавали большое неравенство крестьянских участков: одна семья владела большим количеством земли, другая — очень ничтожным. Отбывание повинностей и размеры податей совсем не были согласованы с земельными наделами. Правительство Сигизмунда Августа дало крестьянам однообразные по количеству и качеству земли крестьянские участки — волоки (19 $^1/_2$ десятин), назначило однообразные повинности, ввело обязательное трехпольное хозяйство (1557 г.). И в настоящее время во многих имениях Северо-Западного края земли разбиты на волоки и морги: это — наследие очень древнего времени. Новый порядок крестьянского хозяйства, заимствованный из Германии, мог бы сослужить большую службу в экономическом развитии крестьянства. Но в нем была одна сторона, подрывавшая благие начинания: крестьянин рассматривался как малолетний, требовавший самого бдительного надзора со стороны администрации. Кроме того, крестьянин, взявший волоку земли, мог уйти с нее, только заместив себя таким же работником, как и он сам; это было главное требование немецкого права, целиком перенесенное и на Русь. Но отсюда возникла двоякого рода опасность для крестьян: с сокращением количества вольных людей крестьянину фактически некем было заменить себя, если бы он вздумал уйти. С другой стороны, опека мелкой и жадной администрации вела к вымогательству. Таким образом и волочное хозяйство способствовало усилению крестьянской крепости. Помещики очень хорошо это сообразили. Они стали по примеру правительства заводить волочное хозяйство на своих землях.

Укрепление крепостного права сопровождалось крайним ухудшением материального положения крестьянства. Полная зависимость от панов и бедность угнетали это сословие. Уже писатель второй половины XVI в. Гвагнин в следующих чертах характеризует положение местного крестьянства: «народ сельский терпит здесь большие притеснения от владельцев. Если пан разгневается за что-либо на своего подданного, то он его выпорет, ограбит, выгонит из дому, а иногда отнимает от него даже хлеб, так что крестьянин с женой и детьми не имеет и в рот что положить. Подданные отправляют тяжелую повинность ежедневно. Если хлоп имеет нужду к своему пану, то без подарка и не приступай, а если и приступит, то отправляет его к управляющему. За все и везде дай пану, потому что каждое слово свое ценит он золотом. Для пана работают пять дней, а шестой для себя; почти везде работают и в воскресенье, потому что в деревнях никогда не празднуют... Подати и повинности иногда по четыре раза в год. Чинши, платимые панам, обременяют бедный народ». В этой мрачной картине, набросанной наблюдателем, есть много верных черт. Действительно, в большей части владельческих имений уже к концу XVI в. положение крестьян ухудшилось. Работы по три дня в неделю с крестьянского участка были в это время обычным явлением, хотя переходили уже и за эту норму. Об этом можно судить по инвентарям, т.е. по описаниям имений. По тем же инвентарям нетрудно видеть, что крестьяне были бедны скотом, что их участки постепенно уменьшались, тогда как повинности росли. Кроме барщины, крестьяне отбывали еще подводную повинность, сторожевую службу на барском дворе, исправляли мосты, дороги и часто выходили на облавы и пр.; кроме того, платили чинши деньгами и хлебом, давали кур, гусей, баранов и др. мелкие платежи. Трудность в уплате податей и отбывание повинностей затруднялись еще и тем, что крестьянин должен был удовлетворять аппетиты многочисленной и алчной администрации, состоявшей из мелкой шляхты или из евреев. Правда, в это время далеко

не везде еще водворилось столь печальное положение вещей. У крупных панов, а также и в королевских имениях положение крестьян было более сносным и защищенным от вымогательств.

При таком положении вещей крестьянин не мог найти защиты нигде, не мог и оказать активного сопротивления. Зато он искусился в поисках пассивного сопротивления, которое прежде всего выражалось бегством: массы крестьян бежали из Белоруссии на Украину и здесь пополнили собой ряды казачества.

Мы уже видели, что зависимость крестьянина от помещика выражалась не только в том, что крестьянин не мог уйти из владений помещика и платить ему дань, но также и в том, что помещик имел право суда над своим крестьянином, вообще над своим подданным. Это право суда создалось исторически и представляло одну из прерогатив шляхты. Помещичья юрисдикция создавалась постепенно путем издания частных грамот, обычая и постановлений общего государственного характера. Объем ее окончательно определился законом, изданным генеральной конфедерацией 1573 г., которая разрешала помещику наказывать своих подданных во всех случаях по своему усмотрению. Этот неопределенный закон рассматривался землевладельцами как право налагать на крестьян высшее наказание, в том числе и смертную казнь. В действительности виселица составляла принадлежность большого экономического двора.

Таким образом к концу XVI в. крепостное право достигло здесь полного своего развития.

Вглядываясь в историю развития крепостных отношений в Западной России, читатель заметит сходство этого развития с аналогичным процессом в Московской Руси («Россия», т. II, стр. 133—142). Но в нем есть и крупное различие, совершенно обособляющее юридическую сущность крепостного права в обеих половинах Руси. В Московской Руси крепостное право имело государственный характер: служилый человек был таким же крепостным по отношению к государству, как и его крепостной крестьянин по отношению к нему. Боярин был холоп своего государя, но от государя он получал своих холопов — крестьяне для того, чтобы, пользуясь их повинностями, успешно нести службу государству. Отсюда и власть холопа-помещика над холопом-крестьянином определяется той широтой, какую определяет для первого государство. В Литовско-Русском государстве крепостное право развилось на основе идеи, определявшей его в Западной Европе. Помещик был государь на своей территории; всякий на ней живущий являлся подданным владельца (владельческие крестьяне и горожане назывались в Западной России и Польше подданными своего пана). Поэтому широта власти такого помещика над лицом, живущим в его имении, определяется правами самовластного государя: помещик сам издавал законы для своих подданных, судил и наказывал до смертной казни включительно.

Так складывались внутренние отношения в Литовско-Русском государстве. Результат этих отношений сводился к выработке государственного строя, в котором власть переходит фактически к шляхетскому сословию, и к выработке сословного строя с выделением шляхетства и мещанства и с закрепощением крестьянства. К этим результатам привела жизнь объединенного государства. В общем, этот строй значительно разнится от древнерусского, так как многие черты его сходны с польскими. Не следует только думать, что это заимствование было простым подражанием польским порядкам. Напротив, новые условия жизни медленно нарастали в самом государстве, а из Польши брались лишь те черты, которые подходили к жизни Литвы и Руси. В данном случае происходил такой процесс: древнерусские особенности быта развивались и воспринимали черты польского в том случае, если последние находились в соответствии с первыми. В самом деле, мы видим, что в обществе шло развитие сословий; и это неудивительно, потому что в зародыше сословное деление уже было намечено древней Русью. Но устройство городского класса было заимствовано из Польши; это случилось потому, что магдебургское право давало готовую и очень удобную форму сословной жизни, и города сами о ней хлопотали. Мы видим далее развитие понятий о выборном государе, совете при нем, наконец, сейм. В этих новых, по-видимому, явлениях отлились основы древнерусской жизни, где князь призывался населением, был окружен княжеской думой из бояр и где, наконец, совещался с вече. Насколько прочны были основы древнерусской жизни в Литовско-Русском государстве, показывает такой замечательный памятник, как литовский Статут. В основу кодекса, регулировавшего весь правовой строй, легла Русская Правда и обычное русское право.

Когда строй государства уже выработался, он представлял собой много точек соприкосновения с Польшей. Влияние Польши к тому времени успело сильно возрасти, особенно в области литературы, науки, обычаев. Этому сближению литовско-русского общества с польским много способствовал протестантизм, не знавший национальных перегородок. Естественно поэтому, что старинная мечта польской дипломатии видеть Польшу объединенной с Русью и Литвой в одно государство

могла воскреснуть с новой силой. К этому присоединились два внешних обстоятельства: последний Ягеллон, Сигизмунд Август (1544—1572), был немолод и не имел надежды на потомство. Политики польские с боязнью смотрели на это, так как легко могло случиться, что Русь и Литва изберут иного государя, чем Польша. Но и положение Литовско-Русского государства было тяжело: оно в это время (с 1558 г.) несло неудачную, разорительную войну с Иваном Грозным из-за Ливонии. Поляки настойчиво стали добиваться унии обоих государств и успели убедить в необходимости ее короля. Литовцы и русские, надеясь на польскую помощь в войне, были уступчивы. Крупные литовские вельможи выступали против унии, но они не нашли поддержки в мелкой шляхте и даже в некоторых представителях русской знати, вследствие чего уния между обоими государствами была заключена в Люблине в 1569 г.

Правда, указанные черты характеризуют исторический ход всего Литовско-Русского государства, а не одной Белоруссии. Но тем не менее именно здесь они отразились весьма своеобразно. Ведь если присмотреться к этому строю, то получается такая картина: жизнь выработала три сословия, причем сословия эти были резко отделены одно от другого. Шляхетство явно находилось под влиянием польских порядков, города выработали своеобразный строй на немецкой основе, крестьянство оказывалось сильно угнетенным. Общие права, которыми объединилась шляхта разных воеводств, т.е. литовских и русских, сгладили ее национальное различие. Но этим вовсе не было удовлетворено то противоречие, которое создавалось в государстве двумя религиями. Религиозный вопрос пока замолк вследствие индифферентизма в делах религии правительства и общества. Но он не был ничем устранен, улажен и мог всегда возникнуть. А религиозные распри всегда принимают очень острый характер. Так оно и случилось в литовской Руси. Причиной обострения религиозных отношений стало реформационное движение, охватившее Польшу и Литву. В Литовско-Русское государство реформационное движение проникло сейчас после начала его в Германии. Едва ли не первым распространителем нового учения явился здесь придворный проповедник королевы Боны, жены короля и вел. кн. Сигизмунда Старого, итальянец Франциск Липпомани.

Учение Лютера и Кальвина очень быстро нашло многих сторонников как в Польше, так и в Литве и на Руси. Доктор богословия литвин Авраам Кульва своими проповедями увлек виленское городское население. Великие князья Сигизмунд I и Сигизмунд Август не ставили никаких препятствий рас-

Полуразвалившийся костел св. Михаила в Новогрудке. (По фотографии А.А. Кабанова).

пространению новых учений. Вожди протестантизма — Лютер и Кальвин — даже посвящали им свои сочинения и считали их своими покровителями. Католическая церковь как в Польше, так и в Литве не могла оказать сопротивления новым учениям: она имела слабых представителей, слишком преданных светской деятельности, а иногда даже втайне склонных к новым учениям; многие каноники сбросили свои рясы, поженились, стали в ряды протестантских проповедников и умелыми обличителями католического духовенства. Учение Лютера распространялось во всех областях преимущественно в городском классе, шляхта же предпочитала учение Кальвина. В половине XVI века протестантизм в литовско-русских областях получил столь широкое распространение, что современники считали шляхту поголовно протестантской, за исключением самой мелкой, мало чем отличавшейся по своему культурному уровню от крестьянства. Новое учение нашло сильных покровителей в лице крупных магнатов. Особенно сво-

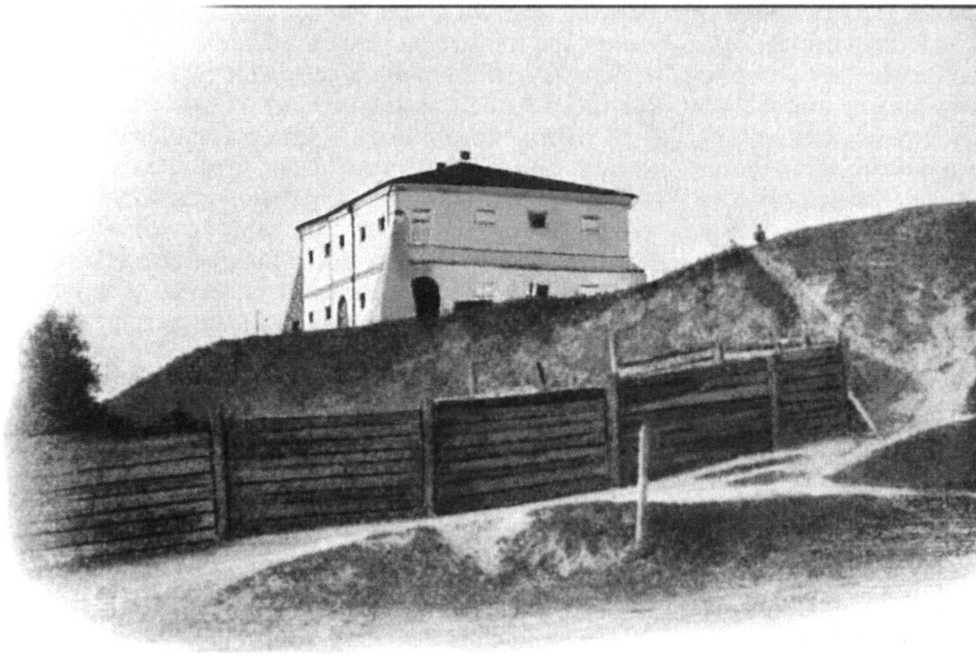
им покровительством кальвинизму выделялась фамилия Радзивиллов и родственная им Кишек. Николай Радзивилл Черный, великий маршал литовский и канцлер, познакомился с учением Кальвина еще в бытность свою за границей. В 1553 г. он открыто оставил католицизм и стал собирать вокруг себя знаменитейших проповедников кальвинизма. В своем городе Несвиже он завел типографию, в которой были отпечатаны катехизис, библия и многие другие книги; переводчиками их и редакторами являлись Симеон Будный (говорят, что он прежде был православным священником), Матвей Кавечинский и др. Правда, по смерти князя Николая Радзивилла (1565 г.) сыновья его перешли снова в католичество, но кальвинисты нашли себе покровителя в Николае Юрьевиче Радзивилле (Рыжий).

Протестантизм, однако, имел и свои слабые стороны. Кроме учения Лютера и Кальвина большим распространением стало еще пользоваться социнианство, или антитринитарианизм. Итальянец Лелий Социн отвергал троичность Божества (отчего его последователи назывались еще унитариями). Гонимый на родине, Л.Социн явился в 1555 г. в Краков и быстро распространил свое учение. Отсюда оно проникло и в русские области Литвы. По смерти Николая Черного кальвинизм здесь стал терпеть сильные поражения. Многие видные проповедники его, в том числе С.Будный и др., приняли учение Социна. Большим подкреплением для социнианства было появление сначала в Витебской области, а потом в Вильне в 1554 г. известного еретика, бежавшего из Москвы, Феодосия Косого с его сотоварищами, так как он, подобно Социну (но независимо от него), высказывался против троичности Божества. Феодосий Косой отличался необыкновенной энергией и увлекал очень многих. По словам одного православного писателя, «восток развратил дьявол Бахметом (Магометом), запад — Мартином-немчином, а Литву — Косым». Фамилия Кишек и Олесницких приняла под свое покровительство унитариев. Появился ряд типографий, где и печатались книги в духе этого учения, напр., в Заславле Минского уезда, в г. Любча Новогрудского уезда; полоцкий шляхтич Василий Тяпинский перевел на белорусское наречие библию и напечатал ее в своей типографии. Расцвет протестантизма в русских областях, казалось, готов был поглотить и православие, и католичество. Однако успехи его оказались скорее внешними.

Прежде всего протестантизм здесь, как и в Польше, распространялся в среде шляхетства и в городских классах. Крестьянство было слишком забито, чтобы паны и проповедники обратили на него должное внимание. В этом уже заключалась слабость нового учения. Но была и еще одна сторона, даже более важная: протестантизм разбивался на множество сект. Кроме широко распространенных учений Лютера, Кальвина и Социна современники насчитывали до 70 и даже до 80 различных сект. Последователи различных учений спорили между собой, переходили из одного в другое и всем этим сильно дискредитировали свое учение в глазах более индифферентной части общества. Неудивительно поэтому, что протестантизм стал так же быстро падать, как раньше рос. С начала второй половины XVI в. в самой Польше замечается значительное охлаждение по отношению к новым учениям. Общество устало в религиозной борьбе. С другой стороны, католическое духовенство обогатилось приливом новых сил, более образованных, деятельных и искренне преданных папе. Во главе реакционного движения стал умный и осторожный дипломат, энтузиаст в деле католицизма, папский нунций Коммендоне. Он быстро успел поднять престиж католицизма и разъединил протестантов. Новые веяния сейчас же отразились в литовских и русских землях. Началось обратное движение; сторонники стали оставлять сектантство и переходить в католичество. Поборники его пошли еще дальше и на помощь себе призвали орден иезуитов, прославившийся уже тогда борьбой с иноверием.

Впервые иезуиты появились в столице государства — Вильне, куда их вызвал виленский бискуп Валериан Протасевич в 1569 г. Приемы деятельности иезуитов хорошо известны. Они показали себя прекрасными проповедниками, быстро проникли в дома магнатов в качестве духовников и домашних наставников, наконец, захватили в свои руки школы. Последнее имело особо важное значение. Сравнительно с существовавшими училищами, католическими и православными, иезуитские коллегии были хорошо поставлены.

Виленский коллегиум, позже академия, привлекал массу учащихся. Вскоре появились коллегиумы в Полоцке, Смоленске (с 1580 г.), Несвиже (с 1584 г.), Мстиславле, Динабурге (с 1582 г.), позже в Витебске (с 1640 г.), Орше (около 1616 г.), Минске и др. городах. Школы диссидентов стали уступать иезуитским и немногие дотянули до половины XVII в. (в Слуцке, Несвиже, Заславле, Новогрудке и др.). При посредстве своих школ и проповедничества иезуиты успели обратить в католичество диссиденствующих магнатов и многих из православных. Четыре сына Николая Черного Радзивилла перешли под влиянием иезуитов в католичество, а один из них, князь Юрий, занял даже по смерти Валериана Протасевича пост бис-

Замок королевы Боны в Рогачеве. (По фотографии Н.Н. Останковича).

купа виленского. За Радзивиллом последовали Сапеги, Ходкевичи и др. Николай Сиротка Радзивилл употребил 5 000 червонцев для того, чтобы отыскать экземпляры библии, изданной отцом его Николаем Черным, и сжечь их рукой палача. В начале XVII в. кальвинизм и другие протестантские учения сделались достоянием небольшой кучки горожан преимущественно немецкой национальности. Высшая родовитая шляхта была поголовно католической: знаменитейшие представители православных фамилий перешли также в католичество, напр., князья Слуцкие, Острожские, Соломирецкие, Пронские, Масальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыны, Глебовичи, Кишки, Сапеги, Воловичи, Тышкевичи, Дорогостайские, Корсаки и многие др. Русские области покрылись кляшторами (монастырями) и костелами. Католицизм, обновленный и укрепленный деятельностью иезуитов, нашел в старинном русском шляхетстве ревностнейших сторонников.

Следя за успехами католичества, не надо забывать, что рост его объясняется не только внутренним содержанием обновленного католицизма, не только культурной слабостью представителей православной религии, но также и тем давлением, которое производило на население правительство Стефана Батория и Сигизмунда III. Оба короля действовали в одном направлении, хотя исходили из совершенно различных побуждений. Стефан Баторий (1574—1586 гг.) обладал обширным политическим умом. Он начал управлять Польско-Литовским государством как раз в тот момент, когда оно было разъедаемо религиозной борьбой, которая нездорово отражалась на политическом строе государства. К религии Баторий относился совершенно индифферентно. Но он держался того убеждения, что для политической крепости государства необходимо водворить в нем религиозное единение. Религия была для него лишь политическим материалом. Баторий прекрасно понимал, что православие отождествлялось в тогдашней Руси с русской национальностью, а католицизм — с польской. Во время выборов короля по смерти Сигизмунда Августа государству грозила большая опасность, так как среди русской шляхты большими симпатиями пользовался московский царь Иван Грозный, русский по национальности и православный по религии: на Москву были обращены взоры крестьянской и мещанской массы. Стефан Баторий понял, что в лице иезуитов он находит прекрасных проводников идеи государственного, религиозного и национального единства и оказывал им могущественную поддержку. Сигизмунд III, его преемник, был далек от таких обширных планов. Он был ревностный католик, воспитанник иезуитов, и действовал из чисто религиозных побуждений. При нем нашел свое осуществление выработанный иезуитами план, главным поборником которого был знаменитый ректор Виленской иезуитской академии Петр Скарга. Этот план заключался в создании моста, который мог бы соединить греческую церковь с римской, и заключался в унии обеих церквей. Мысль об унии не была новой на западнорусской почве. Со времен известного Флорентийского собора эта идея время от времени находила себе сочувствие даже среди православных

иерархов, не говоря о том, что для католического духовенства она была всегда задушевной мечтой. Но теперь благодаря усилению иезуитов, особенно сочинениям Петра Скарги, она была основательно развита и получила широкое распространение. Теперь идея унии находила себе сочувствие как среди православного духовенства, так и среди светских лиц, даже знаменитый патрон православия князь Константин Острожский был склонен к унии, хотя и представлял ее себе иначе сравнительно с тем, как она была осуществлена. Вполне достойные приверженцы православия готовы были видеть в унии обновление церкви. Однако уния их не удовлетворила.

Главными ее деятелями были епископ луцкий Кирилл Терлецкий и епископ владимирский Ипатий Поцей; к ним пристали и некоторые другие, в том числе и сам митрополит Михаил Рагоза. У каждого из них, кроме идейных оснований, были и свои личные расчеты. Летом 1595 года Поцей и Терлецкий подписали вместе с другими обращение к папе о введении унии, отправились в качестве представителей всей церкви в Рим и здесь получили благословение римского престола. Король Сигизмунд III, давно мечтавший об унии и подготовлявший ее вместе со Скаргой, своим декретом объявил о совершившемся соединении церквей и взял подписавших унию епископов под свое личное покровительство. Не доставало, однако, соборного утверждения. По настоянию православных, надеявшихся ниспровергнуть затею епископов, в Бресте в октябре 1596 г. был созван собор. Фактически здесь заседало два собора. Один был составлен православными под председательством львовского епископа Гедеона Балабана и с участием двух представителей от константинопольского и александрийского патриархов; другой собор составлен был униатами под председательством львовского латинского архиепископа Суликовского. Каждый из соборов остался при своем мнении: униаты предали анафеме верных православию, их противники ответили такой же анафемой униатам. Официально уния была объявлена.

Акт унии является величайшим поражением, которое нанесено было не только греческой религии, но и русской национальности в Польско-Литовском государстве. Как бы сильны ни были личные мотивы, руководившие творцами унии, все же она являлась слишком важным актом, имела слишком серьезные последствия для того, чтобы можно было все дело объяснить только личными соображениями нескольких иерархов. В действительности уния была вторым поражением, так как первое нанесено церкви быстро расцветшим протестантизмом и затем обновленным католицизмом. На это были две серьезные причины, коренившиеся в самой церкви: в зависимое положение церкви по отношению к светской власти и глубокое падение ее представителей и служителей.

В Литовско-Русском государстве выработался взгляд, по которому церковные учреждения находились под покровительством светских лиц или целых учреждений, напр., городских общин, братств. Любой шляхтич мог испросить себе право «подавания», т.е. покровительства, патроната над устраиваемой церковью или монастырем; такое же право приобретали городские общины или братства. Великий князь литовский был «подавцей», т.е. патроном всех епархий, множества монастырей и отдельных церквей. Право патроната имело заботу о покровительствуемом учреждении; предполагалось, что это покровительство должно выражаться в материальной помощи, т.е. в наделении землей, доходами, вкладами; духовной жизнью должно было руководить церковное начальство. Но «подавца» имел право избирать настоятелей, хотя посвящение их было, конечно, в руках иерархов. Но и кроме того, право патроната давало возможность вмешиваться во все дела церкви, монастыря или епархии. Отсюда понятно, что назначение на церковные места подвергалось различным случайностям, особенно если вспомнить, что главный патрон церкви, великий князь, был католиком, что паны, переходя в протестантизм или в католицизм, теряли всякое уважение к патронируемому ими православному учреждению. Поэтому во главе епархий, монастырей настоятелями церквей являлись лица, снискавшие милость господаря или пана угодничеством или какими-нибудь светскими заслугами. Вообще, на церковные места смотрели, как на «хлеб духовный», т.е. как на доходную должность. Поэтому на места игуменов и епископов назначали людей светских, часто весьма необразованных. Нередко патроны поступали таким образом, что давали епархию или монастырь светскому лицу семейному и женатому; он считался нареченным игуменом или епископом и управлял паствой при посредничестве викария, оставаясь в мирском звании. Скарбник виленский Стефан Белкевич, впоследствии митрополит Сильвестр, человек необразованный, был настоятелем виленского Троицкого монастыря, за пять лет до смерти митрополита Макария получил великокняжескую привилегию на митрополию, затем был нареченным митрополитом и управлял епархией, оставаясь в светском звании; интересно, что он получил пост митрополита «за верные заслуги» в качестве финансового чиновника. И это вовсе не единственный и не исключительный пример, ког-

да меч воина или перо чиновника доставляли «хлеб духовный». Но не одни заслуги давали духовные места: последние часто также покупались как у великого князя, так и у других патронов церкви.

Эти черты уже с достаточной ясностью доказывают глубокое падение церкви. Памятники того времени переполнены свидетельствами, что отсутствие образования, безнравственность и грубость господствовали в среде низшего и высшего духовенства. «Великое грубиянство и недбалость» священников и низшего духовенства сделались обычным явлением. К этому надо прибавить их необразованность, почти безграмотность. Даже духовный собор 1509 г. жаловался на то, что попы — «бесчинники» — держат у себя наложниц, утаивают перед посвящением тяжкие грехи и т.п. Многие попы и монахи вели бродячую жизнь. О черном духовенстве того времени отзываются тоже очень плохо. Основанный в начале XVI в. Супрасльский монастырь выдавался среди других тем, что в монастыре не держали ничего хмельного, что монахи в нем не пьянствовали, что «ребят в монастыре не держали ни на науку, ни на послугу». Но из Супрасльского монастыря братия разбегалась. Когда в 1534 г. митрополит подыскивал монастырь для исправления недостойного игумена Слуцкого монастыря Симона, он мог остановиться только на том же монастыре, потому что, объясняет митрополичья грамота, «подле которых монастырей корчмы будут, там игумену Симону без питья не прожить». Упадок духовенства весьма тяготил паству. «У нас, — говорится в одном современном сочинении, — ставят митрополита по своей воле, а не по правилам св. отца; веча со псы по полю за заецем, а ныне святительская совершает, а не тако, как св. Василие говорит: дондеже вся степени священническая пройдет, тогда святитель бывает. Они (т.е. древние) сильны словом и делом; сии же — имением и скотом, и конями и стады, селами и повары и красными трапезами, сластолюбия ядением и питием исполнены, и о сих точию днию и нощию беседующе, а о словеснем стаде бессловесни суть, о нем же имуть слово воздати в день он великий судный. Аще ли кто вопрошает их о книгах, то отвещают глаголюще: убози есьмы, не имамы чем книг стяжати. Ходят же не яко убози, но ризы носяще светлы и блещащеся, расширяюще воскрылья, шеи же яко у тельцов, иже на заколение упитанных; ученик много, паче же поваров множество, а другая же студ и глаголати». Знаменитый униатский епископ Игнатий Поцей бросает упрек православному духовенству, что оно состоит из клятвопреступников, двоеженцев, сутяжников, убийц и пр. Протестант Василий Тяпинский жалуется, что вера в современном ему обществе совершенно угасает, что духовенство не получает никакого образования и даже не понимает славянского языка, на котором написаны священные книги. И так со всех сторон — и из среды православных, и из среды отступивших — слышатся одинаковые отзывы. Неудивительно поэтому, что сама паства стремилась к установлению надзора за ее духовными отцами. Братства основывали свои церкви и монастыри, а полоцкое шляхетство выхлопотало себе даже в 1559 г. право контроля над епископом, чтобы предотвратить с его стороны разорение церковных имуществ.

Положение паствы было безотрадно, тем более, что русские люди того времени отличались благочестием и преданностью религии; этими чертами характеризуют многие современники, даже иностранцы, крестьянскую массу и мещанство. Неудивительно поэтому, что из среды светских людей появились лица, которые ставили своей задачей распространение образования. Таким был знаменитый доктор Франциск (Георгий) Скорина. Он был родом, как сам выражался, «из славного града Полоцка» и происходил из богатой купеческой семьи, имевшей торговые дела в Вильне и Риге. В 1504 г. поступил в Краковский университет и в 1506 г. окончил его философский факультет со степенью бакалавра, а затем получил в одном из западноевропейских университетов степень доктора медицины. На некоторое время он поселился в Праге и здесь начал свою деятельность по изданию священных книг в переводе на белорусское наречие. Около 1525 г. Скорина перенес свою деятельность в Вильню и здесь нашел покровительство и материальную поддержку в среде местного богатого купечества. Скориной был издан ряд книг Священного писания в переводе на современный ему язык с предисловиями и примечаниями. В своих предисловиях он раскрывал цель издания: в книгах Св. писания лучшие люди того времени видели не только богословскую мудрость, но и средства к общему образованию. В предисловии к притчам Соломона он говорил: «Эти книги полезно читать всякому человеку, мудрому и безумному, богатому и убогому, молодому и старому; особенно же тем, которые хотят иметь добрые обычаи и познать мудрость и науку. Ибо в этих притчах сокрыта мудрость, как сила в дорогом камне, как золото в земле, как зерно в орехе». Издание свое он посвятил «людям простым, посполитым на пользу и размножение добрых обычаев, чтобы они научились мудрости» и т.д. Таким образом, мы видим, что лучшие люди того времени искали в книгах Св. писания основы нравственной философии. Мало того, тогдашние ученые видели в этих книгах средство

к ознакомлению со всеми тогда известными науками. Вот каким образом говорит об этом Скорина в одном из своих предисловий: «для научения логики, которая учит разузнавать правду от кривды, читай книгу Иова или послание апостола Павла». Для риторики или красноречия он рекомендует книги Соломоновы. «Если ты хочешь знать арифметику, которая учитъ скоро и правильно считать, читай четыре книги Моисеевы. Если же имѣешь предъ глазами геометрію, т.е. порусски землемѣріе, читай книги Іисуса Навина» и т.д. В священных же книгах полагалось знание истории: «если имѣешь желаніе знать о военных и богатырских дѣлахъ, читай книги Судей или Макавейскія».

Деятельность Скорины была, однако, преждевременной из-за слишком низкого культурного уровня общества; только в конце XVI и в XVII в. русские люди взялись за то же дело, забыв о своем почтенном предшественнике.

Итак, положение церкви в XVI в. было весьма тяжелое. Надо заметить, что церковь была в Западной Руси не в худшем положении, чем в Польше и других европейских странах перед реформацией. Но католицизм в Польше, подкрепленный западными единоверцами, успел быстро возродиться и удачно вступил в борьбу с протестантизмом. В такую же борьбу он вступил и на почве литовской и русской. Русская церковь оказалась неподготовленной и потерпела поражение в виде перехода православного и протестантствующего шляхетства в католичество и в форме религиозной унии.

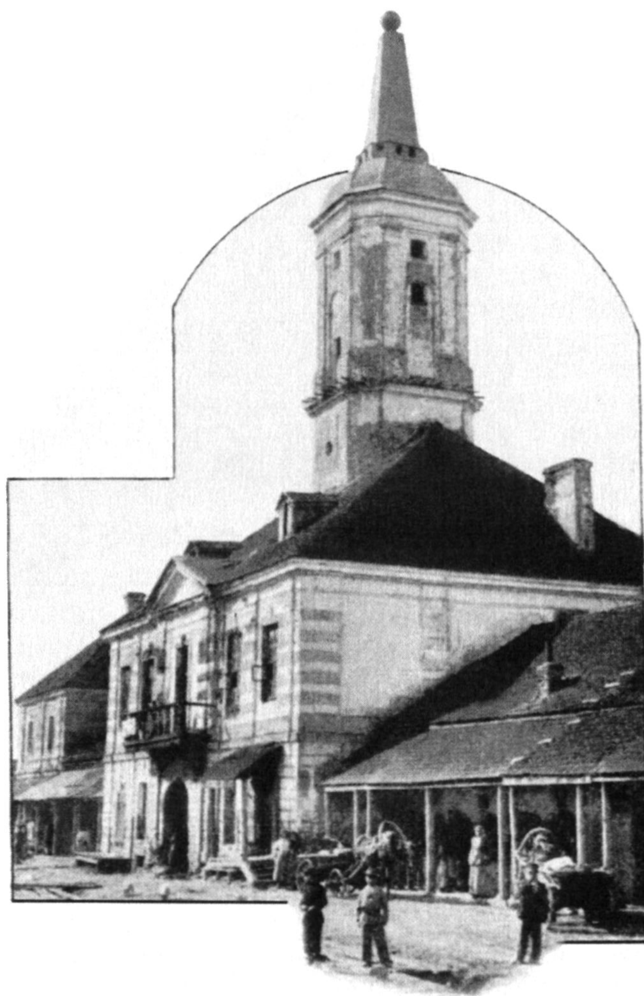
Исторический факт Брестской унии имеет не столько церковное, сколько политическое и национальное значение. Мы видели, что творцы унии придавали ей политическую цель и она дала политические последствия. Дело было не только в том, что православный менял свою религию на католичество или переходил в унию, но и в том, что и то, и другое вносило с собой полонизацию русского населения. Русский шляхтич-католик с религией перенимал польский язык, польские обычаи и порывал всякую связь с родной национальностью. У литовско-русского шляхетства и без того было немало сословной гордости и высокомерия; теперь к этому прибавилась гордость человека, считавшего себя принадлежащим к высшей культуре. Бесправный крестьянин окончательно стал в глазах шляхтича существом низшей породы, «быдлом» (скотом) с его мужицкой верой. Прозелиты католицизма стали гонителями православия. Они оскорбляли религиозное чувство православных и, пользуясь своей силой, издевались над ними; паны насильно заставляли переходить своих крестьян и мещан в унию. Но и положение униатов было весьма незавидно; их ненавидели православные, к ним свысока относились католики и поляки, для которых и униатская вера была такой же мужицкой, несмотря на то, что униаты и в церковном, и в национальном отношении быстро пошли навстречу католицизму и полонизму. Все это создало в государстве невыносимое положение вещей, религиозно-национальную рознь и борьбу, беспрерывно тянувшуюся в течение двух столетий — до самого присоединения русских областей к Российской империи. Русское население, хотя и поздно взялось за защиту своей национальности и религии, но вело борьбу с замечательной стойкостью. Ряды бойцов пополнялись из мещанства и поддерживались крестьянством.

В первое время положение униатской церкви казалось очень прочным. Она одна была признана законной, к ней перешли все привилегии православной и даже еще многое прибавлено декретами Сигизмунда III. Православные епископы объявлены были узурпаторами. После бездеятельного митрополита Михаила Рагозы его место занял энергичный Ипатий Поцей, подготовивший себе преемника в лице столь же преданного делу унии Вениамина Рутского и сотрудника Иосафата Кунцевича, полоцкого архиепископа. Епархии, монастыри и церкви стали быстро переходить в унию. И тем не менее она мало встречала сочувствия в массе. Даже многие из ее деятелей, как напр. Герман Загаровский, архиепископ Полоцкий, и его преемник Гедеон Брольницкий, не переставали сожалеть о своем переходе в унию. Для укрепления унии Рутский, Поцей и Кунцевич задумали преобразование униатского монашества. Все монашество было освобождено из-под власти епархиальных архиереев и составило один монашеский орден Василия Великого (базилиане); оно было подчинено особому протоархимандриту. Главная цель ордена была в установлении своего влияния на светское общество, для чего он должен был захватить в свои руки воспитание юношества. Базилиане очень способствовали сближению унии с католицизмом. Первые базилианские монастыри основаны в Новогрудке и Минске, затем в Полоцке, Могилеве, Мстиславле, Пинске, Смоленске и др. Рутский даже стремился к преобразованию былого духовенства и хотел ввести в него целибат, но мысли эти не получили осуществления. Униаты вообще действовали наступательно. Они подвергали гонению православных. Пинский епископ Паисий и затем Григорий воздвигли ряд гонений на православных в своих епархиях. Рутский ловил монахов, верных православию, подвергал их истязаниям и бросал в темницы. Иосафат Кунцевич столь яростно преследовал православных, силой

отнимал церкви, ловил священников и требовал запрещения всяких сборищ православных под предлогом, что они собираются не для молитвы, но для обсуждения мятежных действий против правительства. Витебляне были выведены им из терпения и убили его в 1623 г., за что жестоко пострадал весь город. Православные пробовали жаловаться на сейме (1625 г.), но безуспешно.

Гонения на православных были настолько сильны, что даже представители литовско-русского правительства начинали понимать всю опасность междоусобной борьбы. Неудивительно поэтому, что при коронации преемника Сигизмунда III, его сына Владислава IV, в 1632 г. православным удалось-таки выхлопотать себе некоторые льготы. Изданы были на сейме так называемые «Статьи для успокоения народа русского». Этими статьями восстанавливалась на легальном основании православная иерархия с митрополитом во главе (избран знаменитый Петр Могила). До этого времени православная иерархия не считалась легальной. Белоруссия была выделена в особую епархию — Мстиславскую, к которой присоединили Могилев, Оршу, Полоцк, Дисну. За православными здесь было признано несколько церквей, а именно: одна в Полоцке, две в Орше (Воскресенская и Ильинская), четыре в Могилеве (Успенская, Троицкая, Воскресенская и Вознесенская) и Спасский монастырь, две в Мстиславле (Троицкая и Спасская); резиденция белорусского архиепископа (избран Иосиф Бобрикович) была назначена в г. Могилев. Другая часть Белоруссии вошла в состав епархии митрополита (митрополит именован киевским и виленским). И здесь православным возвращены многие монастыри и церкви. Королевский декрет 1632 г. послужил обновлению греческой церкви. Паны, оставшиеся верными православию, и городские общины принялись за возобновление церквей и монастырей и постройку новых. Число братии прибавилось в монастырях.

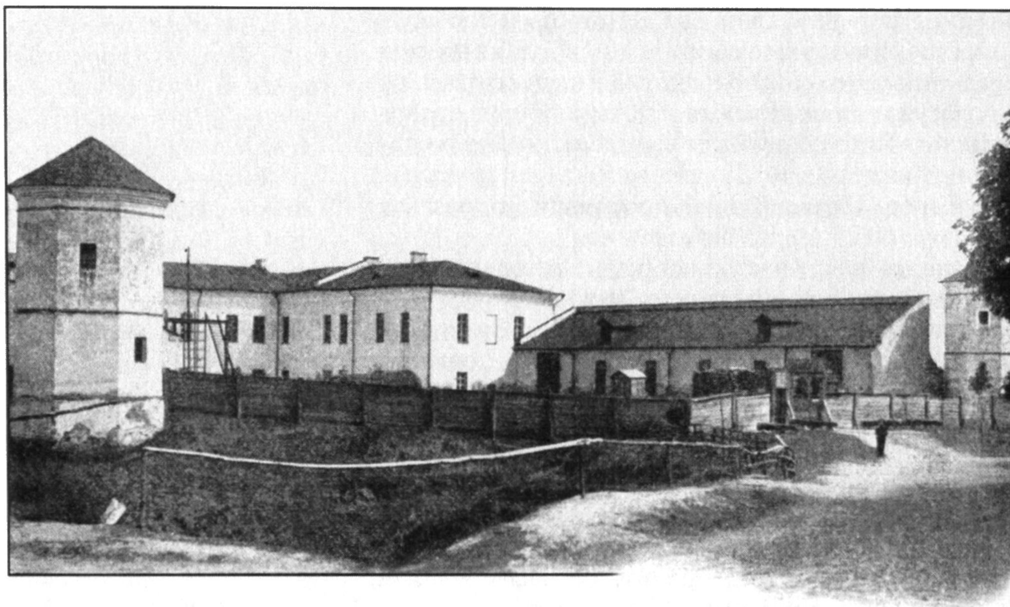
Итак, мы видим, что русский православный элемент нашел в себе силы для борьбы с унией и католицизмом. И эта борьба велась самыми разнообразными способами. В каждом городе, в каждом селе открыто боролись с притеснителями. Но это была борьба не только физическая, выражавшаяся в кровавых уличных схватках, не только юридическая, ознаменовавшаяся массой процессов в судах из-за каждой церкви, монастыря, но и борьба культурная. Культурные силы русская народность почерпнула не в среде отпавшего шляхетства и необразованного духовенства, но преимущественно в городском классе. Само общество, хотя и несколько поздно, взялось за дело религии, потому что было неотделимо от национального; то же общество в XVII в. во время борьбы создало достойный класс духовенства, поборников народа и его религии. Это движение к возрождению в западнорусском обществе составляет интересную страницу в его истории.

Старинная городская ратуша в Шклове. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Причины успехов католицизма и унии не могли остаться скрытыми для мыслящих людей того времени. Ясно, что центр борьбы должен был свестись на почву культурную — школу и книгу. Защита могла быть только в полной солидарности гонимых. Лучшие представители русской народности все это хорошо поняли как раз еще накануне унии. Уже кн. Константин Острожский своим изданием библии (1583 г.), деятельностью своей Острожской академии, школой и типографией наметил способы борьбы. И дальнейшая деятельность православных свелась именно к этим способам.

Школа, типография, подготовка и содержание хороших проповедников и писателей требовали

Дворец Сапеги в городе Быхов. (По фотографии Н.Н. Останковича).

немалых расходов. Панов-магнатов в среде православных почти не было. Всю эту культурную работу приняли на себя западнорусские братства.

Западнорусские братства — явление очень старое, едва ли не коренящееся в обычаях древней Руси. На Руси существовало обыкновение, в силу которого союзы, корпорации соединялись в какие-нибудь праздники; в эти праздники такое братство собиралось в общее собрание, причем готовилась братчина, т.е. медь, распитием которого заканчивалось собрание, а воск отдавался на братскую церковь. По-видимому, под братчиной разумелись союзы для разнообразных целей, в том числе и религиозных; вероятно братский праздник был иногда просто праздником целой сельской или городской общины или цеха. Но к концу XVI в. западнорусские братства, по примеру старейшего из них Львовского, возродились. Главной их целью стал религиозно-национальный союз. Братчики делали в братство известные взносы, собирали деньги, недвижимые имущества. Целью братства было поддержание веры и единение в среде братства. В них не было деления на сословия, и родовитый шляхтич за братской трапезой или на братском собрании ни в чем не имел особых преимуществ перед бедным сапожником. Братства заботились о распространении образования, заводили школы, устраивали типографии. Они поддерживали ученых проповедников и писателей, полемизировавших с униатами или латинянами. Желая иметь духовенство соответственно своему религиозно-нравственному настроению, братства стремились к устройству собственных церквей и даже монастырей, так как право патроната давало им возможность избирать священников по собственному желанию. Братства также стремились к получению от патриарха ставропигии, т.е. освобождения от епископской власти. Братства, таким образом, явились «яко щитъ нѣкий въ помощь самой церкви», как выражается грамота александрийского патриарха Мелетия. Это очень верная характеристика. Но надо заметить, что стремления братств к самостоятельности часто вызывали отпор в среде духовных иерархов.

Старейшие братства (Львовское и Виленское) начали свою просветительную деятельность незадолго до унии, но развитие братств относится главным образом к XVII в. Наиболее известны были в Белоруссии следующие братства: Могилевское, Оршанское, Мстиславское, Слуцкое, Минское, Полоцкое, Витебское, Шкловское, Кричевское и др. Почти при всех этих братствах были школы, а при некоторых, напр. при Могилевском, — и типографии.

Роль братств в борьбе чисто культурная. В лице братств отвечала на посягательства унии, католицизма и полонизма только сравнительно незначительная и лучшая часть белорусского населения. Миллионная масса крестьянства терпела не меньше горожан, конечно даже больше. Притом в данном случае в борьбе переплетались интересы религиозные и национальные с сословными и экономическими. Шляхтич, католик, притом ополяченный, для крестьянина был притеснителем, как помещик. Понятно, что крестьянин очень враждебно относился к помещику. Известно, что на юге эта вражда вылилась в столь серьезное по своим последствиям для Польско-Литовского государства движение, как казацкое, окончившееся отде-

лением Украины. Такого общего движения Белоруссия не знала, потому что здесь польский и шляхетский элементы были очень сильны, а для подготовки к восстанию не было привольных степей, где казак на татарах учился поражать врага и где он мог вовремя скрыться и подготовиться к серьезной борьбе. Но зато всякое движение на Украине тотчас же отдавалось и в Белоруссии. Это создавало серьезное затруднение для военных и дипломатических действий, потому что в тылу польских войск всегда вспыхивало крестьянское движение. Уже Наливайко был сочувственно встречен в Белоруссии, хотя от него и немало досталось местным городам. Восстание Богдана Хмельницкого широкой волной разлилось в Белоруссии. Шляхтич Головацкий с ополчением, составленным в Стародубе, вторгся в Белоруссию и нашел здесь поддержку. Крестьяне соединились в один загон под начальством Небабы и предавали огню помещичьи усадьбы и костелы. Все Поприпятье было в восстании. В Пинске православными произведено поголовное избиение католиков, не были пощажены даже дети и женщины. Страшные опустошения под Могилевом, Мстиславлем и в других городах. С трудом гетман Януш Радзивилл подавил восстание и очистил Белоруссию от казацких предводителей. Присоединение Малороссии к Москве, как известно, окончилось войной Польши с московским царем. Алексей Михайлович направил свои войска в Белоруссию и вскоре уже именовался самодержцем Великой, Малой и Белой России, так как завоевал всю Белоруссию. Поход московских войск весьма облегчился явной поддержкой, которую оказывали им в Белоруссии крестьяне и мещане. Города сами отворяли ворота и встречали воевод как избавителей от угнетений. «Города, писали поляки, угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское. Мужики молят Бога, чтобы пришла Москва».

Таким образом, белорусское население начало усваивать себе взгляд на Московскую Русь, как на единственного избавителя. Московские политики очень хорошо понимали, насколько для них выгодно было такое положение вещей, и старались поддерживать это убеждение в среде западнорусов. Создалось очень опасное для Польско-Литовского государства положение вещей, в виду усиления Москвы и явного ослабления Польши. В мирных трактатах с Польшей московское правительство начало вставлять статьи, регулирующие свободу православной религии. Первая такая статья появилась уже в Андрусовском договоре (1667 г.). При заключении в 1686 г. вечного мира с Польшей московское правительство уже открыто заявило себя патроном православных жителей польских областей: в этом трактате была обусловлена свобода православного исповедания, неприкосновенность епархий и посвящение иерархов от киевского митрополита. Эта статья давала повод русскому правительству вмешиваться во внутренние дела Польши. По настоянию Петра Великого король Август II издал в 1720 г. грамоту, обеспечивающую права Белорусской епархии. И впоследствии русское правительство делало представления польскому вплоть до Екатерины II.

Враждебное отношение белорусского населения и вмешательство в его положение русского правительства делали поляков еще более настой-

Дом Петра Великого в Копыси. (По фотографии Н.Н. Останковича).

чивыми в проведении унии, даже католицизма и полонизма. В сущности гонения не прекращались в течение всего XVII и XVIII вв. и периодами принимали очень резкую форму. Мы знаем уже, что король Владислав IV издал в 1632 г. «статьи для успокоения русского народа». Они имели очень важное значение, но далеко не соблюдались. Уже через три года тот же король, по настоянию папы, уменьшил дарованные им же права православным. В законодательных постановлениях сейма начали все чаще и чаще проскальзывать постановления, очень враждебные для православных. В 1668 г. король Ян Казимир по просьбе униатского митрополита Гавриила Календы издал постановление, которое униаты трактовали, как отменяющее дарованные ранее права православного митрополита. Сейм 1668 г. угрожал отступникам от католицизма и от унии изгнанием из отечества. В 1697 г. польский язык был признан языком государственным, а русский изгнан из официальных актов. В 1712 г. издан закон, согласно которому канцлеру воспрещалось прикладывать свою печать к актам, почему-либо выгодным для некатоликов. Около 1717 г. даже появился проект уничтожения не только православия, но и унии и введения католичества. Конфедерация 1732 г. лишила православных шляхтичей политических прав, запретила процессии православных, а в 1766 г. даже запрещено было говорить на сейме в пользу иноверцев.

И такие постановления издавались в то самое время, когда православие благодаря закону 1632 г. (хотя несколько и измененному) признавалось легальным вероисповеданием и находилось под покровом законов того же государства.

Так запутывались отношения в Белоруссии: у польской партии не было сил и средств совершенно покончить с православием, но и не хватало твердости, гуманности и достаточного сознания государственной пользы для того, чтобы сделать положение православных подданных в государстве сносным, превратить их из врагов в людей, преданных государству, как это было в литовско-русский период. Как всегда бывает, гонения достигли обратной цели. В среде православных появились люди, полагавшие целью своей деятельности защиту православных и обладавшие средствами для борьбы. Таков, напр., был знаменитый архиепископ белорусский Георгий Конисский. Он изучил историю православия в крае, собирал документы, открыл в Могилеве семинарию и типографию, произносил пламенные речи в защиту религии. Георгий Конисский сразу оценил политику Екатерины II и многократно обращался к этой, иностранной для него государыне с поздравлениями от имени Белоруссии и представлениями об облегчении православия. Русское правительство поддерживало Конисского. Известно, что диссиденты, выведенные из терпения, составили в 1767 г. Слуцкую конфедерацию, поддержанную Екатериной II. Это уже было начало политического расчленения Польши. По первому разделу (1772 г.) к России отошли воеводства Мстиславское, Могилевское и часть Полоцкого и Минского, а по второму (1793 г.) — уже вся Белоруссия вошла в состав России. Так закончилась судьба Литовско-Русского государства.

Бросая взгляд на историческое прошлое старых белорусских земель до их соединения с Россией, мы поражаемся двумя особенностями их развития. Русское племя доказало здесь свою живучесть, свою способность к высокой государственной и экономической культуре и в то же время испытало, несмотря на столь блестящие задатки, очень печальную судьбу. В самом деле нельзя отрицать сильного роста кривицкого племени в древнерусский период. В смысле развития образованности Смоленск занял видное место; в деле развития политического, как оно было усвоено древней Русью, Полоцк и Смоленск двигались очень быстро. Может быть, особенности этой жизни, но, вероятнее, внешние условия (Литва и немцы) не дали возможности Полоцку и Смоленску отстоять свою независимость. Но по тогдашним обстоятельствам объединение с Литвой и не могло быть сочтено потерей государственности: великий князь литовский был в то же время князем Полоцка и Смоленска, т.е. таким образом на первое время не был уничтожен суверенитет русских общин. Широкое и успешное развитие торговли свидетельствует о предприимчивости жителей Подвинья и Поднепровья. И последующая история этих земель в составе Литовско-Русского государства наглядно подтверждает прочное предшествующее развитие общественной жизни. Мы видели, что жизнь слагалась в двух направлениях — в смысле выработки сословий и в смысле широкой конституционной жизни. Несмотря на внешнее сходство обоих направлений с развитием Польши, это развитие, естественно, вытекало из древнерусских начал. Сейм, господарская рада — не случайный нарост на политическом теле Литовской Руси: он имел естественного предшественника в древнем вече и древней княжеской думе. Точно так же и сословное расчленение, несмотря на его внешние формы, не является неожиданным. Но здесь, быть может, уместно обратить внимание на то, почему русское общество и даже русская наука (конечно далеко не всегда) считают развитие социального и политического строя Литовско-Русского госу-

дарства не русским, не своейственным русскому духу и заимствованным из Польши. Не будем спорить о названиях, о терминологии: правда, шляхтич — слово польское, но оно водворилось в западной России тогда уже, когда западнорусский земянин, боярин действительно представлял собой нечто отличное от других сословий. То же можно бы показать и на других примерах строя Литовско-Русского государства. Следовательно, дело не в названиях. Тут есть иная подкладка указанного предубеждения. С понятием всего коренного русского мы привыкли соединять понятие, свойственное средневековой московской культуре. Зная московский порядок, зная московских царей, считая Москву носительницей русских идеалов и навязывая Москве органическую, несколько более широкую, чем было в действительности связь с древнерусским прошлым, мы привыкли считать отступление от московского порядка отступлением от русского народного. Это не более как предрассудок, исторически поддерживаемый политической ролью Москвы. История Северо-Восточной Руси, начавшаяся смешением русского племени с финскими и тюркскими инородцами, продолженная особым положением княжеской власти в древний период при Андрее Боголюбском и его преемниках, сопровождавшаяся далее тяжелым напряжением для защиты границ, уложилась таким образом, что здесь многие основные начала древнерусской культуры подверглись искажениям, забвению, — вообще, на Московской почве выросло совсем новое и своеобразное государство и общество. Мы видели, что в Западной России жизнь развивалась спокойнее на старинных русских началах и в меньшей зависимости от таких внешних условий, какие представляли собой периодические вторжения кочевников и пр. Поэтому и выработанная ею культура есть далеко не искажение русских основ, но прямое их продолжение и своеобразное развитие в связи с постоянным общением с Западной Европой. Заимствований с Запада в Литовско-Русском государстве было едва ли более, чем заимствований с Востока в Московском. Это развитие Западной Руси достигает кульминационной точки в XVI в. Кроме общественной стороны оно характеризуется еще широким развитием торгово-промышленной деятельности. Далее Западная Русь приняла и деятельное участие в том широком гуманитарном и научном движении, которое стояло в непосредственной связи с реформационным. Мы видели, что научная высота чисто национальной науки, связанной с древней религией всего края, была весьма невысокой в первой половине XVI в. Но не надо забывать, что деятельность братств уже к концу этого столетия сделала огромные шаги по пути улучшения. Не надо забывать, что часть белорусского общества, уходя в протестантизм и католичество, вместе с тем тоже переживала момент серьезной работы мысли и впитывала в себя лучшие соки общеевропейской культуры. Все это еще раз дает полное основание признать широкий и всесторонний расцвет западнорусского общества в XVI и начале XVII в. Но затем это развитие получило уже ложное направление. Вернее сказать, развитие прекратилось, и все силы обширной страны поглотились борьбой на религиозной и национальной почве. Борьба эта оказалась тем более пагубной, что она сплеталась с интересами социально-экономическими.

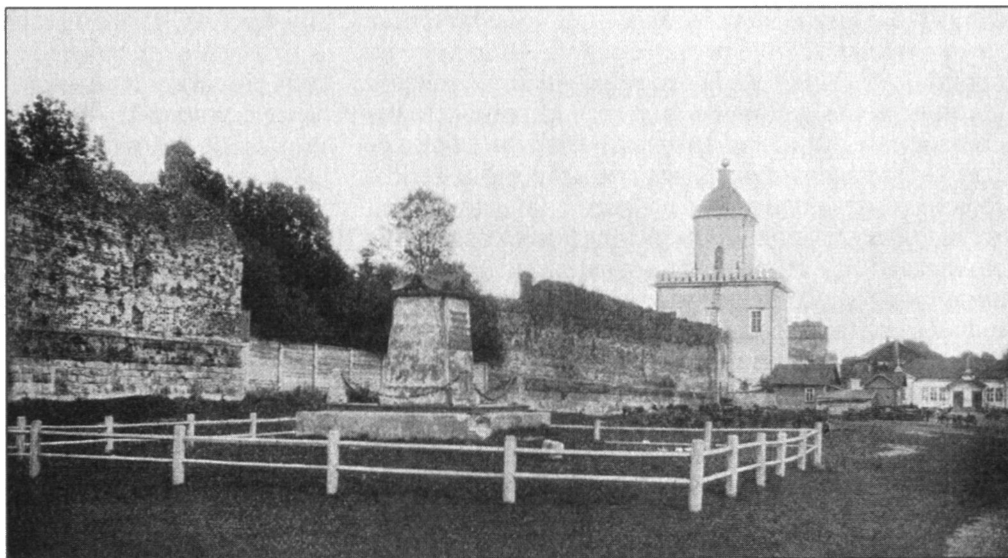
К эпохе разделов Польско-Литовское государство представляло собой совершенно бесформенный, больной организм. Благосостояние края пало. Водворилась анархия. Научный и образовательный уровень общества сравнительно с другими европейскими народами был невысок. И это очень понятно в отношении Белоруссии: обе спорящие стороны все свои умственные силы, все свои способности направили в одну сторону — на вопросы религии и политиканство. Общее развитие задерживалось. Это относится в одинаковой мере как к католикам, так и к православным. В самом деле, та западнорусская православная наука, блестящим представителем которой считается всем известный писатель Лазарь Баранович или Симеон Полоцкий, есть вполне схоластическая наука, застывшая на средневековых спорах, вкусах, приемах и интересах. Видными представителями научного знания противоположной в крае стороны явились иезуиты. Но какие плоды для Западной России, особенно для Белоруссии, где иезуиты свили себе прочное гнездо, принесла их наука? Ответим словами Ярошевича, известного знатока местной истории и права, которого нельзя заподозрить в отрицательном отношении вследствие национальных предубеждений: «Каково бы ни было мнение защитников этого ордена, мы, держась непреложных фактов, смело можем сказать, что иезуиты, с очевидным расчетом на будущее, впитывали фанатизм и нетерпимость в религии и легкое отношение к вопросам моральным; что они затемняли здравый рассудок распространением предрассудков и суеверий; что рядом со всем этим стремились различными способами удержать всякое умственное развитие в столь узких границах; что низкая степень наук совершенно понизила уровень народного просвещения. В период влияния иезуитов вышло немало теологов, которые пером и словом вели борьбу с диссидентами, но прошел век Коперников, Томицких, Карнковских и целой новопольс-

кой школы (т.е. писателей второй половины XVI и начала XVII в. вроде Ореховского, Рея, Модржевского и др.). Сам строй иезуитского ордена не мог иметь полезного влияния на распространение просвещения в народе». Первые иезуиты были в большинстве случаев иноземцы, преследовавшие узкие интересы ордена. При таких условиях и систематической поддержке обскурантизма «иезуиты в конце концов достигли того, что после периода Сигизмунда Августа, столь полного научной жизни, схоластические тонкости заняли место действительного просвещения». Таков был плод иезуитского воспитания.

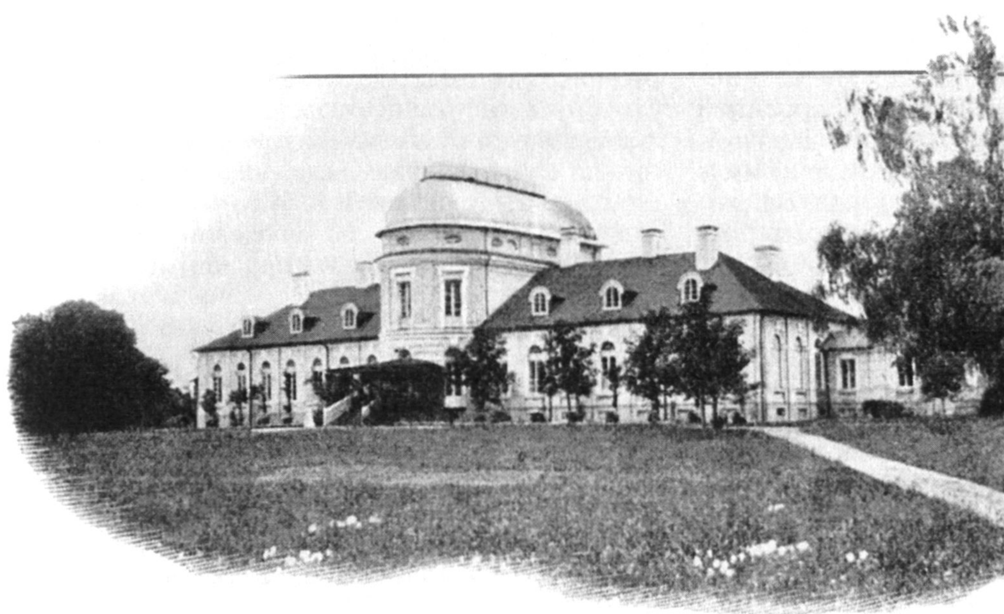
Итак, Белоруссия была присоединена к России ослабленной во всех отношениях. Население ее разделялось на две группы: огромное большинство его состояло из крестьян и мещан, говоривших по-белорусски, принадлежавших к православной или греко-униатской церкви и считавших себя русским народом; другая часть состояла из ополяченного русского же шляхетства с небольшой примесью польских выходцев и частью из городского класса; эта группа говорила по-польски, исповедовала католицизм. К полонизованной части общества по культурным симпатиям и религиозным связям примыкали и греко-униаты. Религиозные распри находились в состоянии обострения.

На первый взгляд перед правительством открывалась задача двоякого рода: или, пользуясь своей громадной силой, оно могло дать преобладание русскому элементу, или же стать на сторону польского. Конечно, возможно было еще выбрать путь поднятия народного благосостояния принятием энергических мер в экономическом направлении. Но Россия, в которой в то время еще усиливалось крепостное право и экономическое развитие находилось в столь же неудовлетворительном состоянии, а формы общественной жизни были во всех отношениях ниже польских, не могла, конечно, сразу усвоить себе политики социальных и экономических реформ. Впрочем важно то, что и в вопросе религиозно-национальном, совершенно ясном в то время, русская политика не выработала определенного взгляда и подверглась постоянным колебаниям вплоть до 60-х годов XIX в. Императрица Екатерина II, отчетливо понимавшая положение вещей, приняла ряд мер, целью которых было подготовить во всех отношениях слияние западнорусского населения с Россией. Она ввела имперские суды, поощряла переход униатов в православие, заботилась о неприкосновенности униатской церкви, чтобы задержать ее слияние с католической, и т.д. Вообще Екатерина II усвоила себе взгляд на Белоруссию как на область, заселенную русским племенем и теперь только воссоединенную с Россией. Местное православное население, особенно духовенство, не только готово было содействовать такой политике, но даже выражало нетерпение, находя и ее меры недостаточно энергичными. В короткий период, по некоторым исчислениям, присоединено было к православию до трех миллионов униатов. Присоединявшиеся — люди искушенные в религиозной борьбе, охотно применяли теперь в своей деятельности те же способы, которыми униаты не так давно загоняли в унию православных. Служебная ревность священников и епископов иногда поэтому переходила через край.

Как известно, отношение императоров Павла и Александра I к политическим вопросам Западного края отличалось совсем другим характером: поддаваясь личным симпатиям, уважением к польской

Памятник Энгельгардту в Смоленске. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Здание дворца и библиотеки гр. Хрептовичей в Щорсах.

культуре, оба императора сделали ряд существенных уступок польскому влиянию. Представители власти в то время взглянули на Белоруссию, как на польский край. Насколько русское общество того времени вообще имело смутные представления о Западном крае, показывают путевые записки ученого академика Севергина. Проезжая по Белоруссии, встречая здесь православные церкви, присутствуя на богослужении в них, Севергин самым серьезным образом считал православных белорусов «схизматиками» и удивлялся, что одежда священнослужителей и их богослужение очень похожи на греко-российское богослужение. Такими же взглядами были проникнуты и высшие правящие сферы.

Император Павел весьма сожалел об участи поляков и относился с большим уважением к Костюшке; к нему нашло даже доступ католическое влияние. В силу всего этого он отступил от политики своей матери в Белоруссии и дал перевес польским влияниям в крае. Ограничил деятельность православных иерархов по обращению униатов в православие и подчинил униатскую церковь в отношении церковного управления латинской. Этими мерами он косвенно способствовал переходу униатов в католичество. При Павле же была проведена и одна очень полезная мера — восстановлено действие Литовского Статута. Эту меру обыкновенно считают тоже актом полонофильства, но это далеко не справедливо: бесспорно, что в правовом отношении законодательство Литовского Статута вместе с последующими сеймовыми постановлениями выгодно отличалось от кодекса, употреблявшегося в то время в России, — Уложения царя Алексея Михайловича с необозримой массой последующих указов, предоставлявших полный простор для судебного произвола; кроме того, Западная Русь в течение веков судилась и устанавливала свои гражданские отношения по Статуту, почему и неестественно было бы заменять его таким несовершенным законодательством, какое практиковалось тогда в остальной России. Надо также отдать справедливость распоряжениям императора Павла I и в том отношении, что он стремился оградить католиков от насильственного совращения их в православие, что очень часто практиковалось при Екатерине II, и таким образом, по существу, стремился установить свободу вероисповеданий. Однако личные отношения императора к католикам (напр. отношения к могилевскому архиепископу Сестренцевичу) и полякам были истолковываемы в смысле поддержки католицизма высшей властью. Положение дел в том же направлении продолжалось и при Александре I. Очень хорошо известно, какие горячие симпатии питал этот государь к Польше. Друг его юности, князь Адам Чарторыйский, один из искреннейших польских патриотов, работавший над восстановлением Польши, и притом в прежних пределах, т.е. с присоединением Литвы и Западной России, был назначен на важный пост попечителя Виленского учебного округа и университета. Это открыло обширное поле деятельности для князя, и под его мощным покровительством в населении Западного края утверждалось польское влияние, особенно при посредстве школ и университета. Возродившийся польский патриотизм начал строить очень широкие планы. И это течение поддерживалось русским правительством: хорошо известно, что Александр I с большим трудом добился на Венском конгрессе восстановления Польши в ее этнографических границах и дал ей широкую конституцию.

У западнорусских приверженцев Польши появилась надежда на соединение их с коренной Польшей, тем более, что управление в Белоруссии совершенно вошло в свою прежнюю колею с господством поляков и польского языка. В Белоруссии особенно энергичную деятельность проявили полоцкие иезуиты. Как известно, папа Климент XIV уничтожил иезуитский орден, что случилось вскоре по присоединении Белоруссии к России. Екатерина II вообще с нескрываемым презрением относилась к членам ордена. Однако она очень ценила их педагогические способности. «Надо сознаться, — писала она к Гримму в 1775 г., — что эти мошенники — отличные люди. Нигде еще не могли устроить что-нибудь подобное их школам, хотя и ограбили их для этой цели». Считая их полезными воспитателями и полагая, что, отринутые католической церковью, иезуиты порвут и с полонизмом и явятся проповедниками планов Екатерины II в Белоруссии, императрица оставила их в Полоцке по-прежнему во главе коллегии и других школ, заведенных ими. Утвердившись, иезуиты, однако, направили свою деятельность исключительно на расширение католицизма. Доклад об их деятельности в 1818 г. кн. Голицына, тогдашнего министра народного просвещения, рисует работу орденских братьев в очень мрачных чертах, так что вскоре (в 1820 г.) они совсем были изгнаны из России. Впрочем, некоторые из них, приняв звание членов других орденов, укрепились в Виленском университете. Вообще, к концу царствования императора Александра I замечается поворот в правительственной политике по отношению к полякам Западного края. Витебский генерал-губернатор кн. Хованский в письме 1824 г. к кн. Голицыну описывал мрачную картину воспитания юношества на чисто польских началах с уклонением от государственного языка. При Виленском университете действовали тайные общества. Кн. Чарторыйскому пришлось оправдываться перед государем.

Такое положение вещей застал император Николай I. Уже с начала своего царствования он принял план благодаря записке столь известного впоследствии архиепископа литовского Иосифа Семашки, постепенного слияния греко-униатов с православной церковью. Польское восстание 1831 г. могло только укрепить государя в этом убеждении, так как униаты поддерживали восставших, и даже многие из учеников Полоцкого коллегиума, бывшего тогда в заведывании монахов базилианского униатского ордена, оказались среди восставших, а сами монахи разбежались. Подобные факты вскрылись и в других местах. Сейчас после восстания, по-видимому, начала мелькать идея обрусения края, тогда еще очень неясная. Правительство смущал широкий расцвет местной школы, находившейся в руках католиков и униатов, и оно начало с уменьшения числа училищ, без замены их, однако, русскими: в 1834 г. число казенных училищ в крае уменьшено наполовину. Далее водворение обрусения выразилось закрытием многих католических монастырей и церквей: в 1832 г. упразднен 191 монастырь из 303. Русский язык вводился в делопроизводство края, вводились русские учреждения, и наконец был отменен Литовский Статут. Русский язык был сделан обязательным в учебных заведениях, и преподавание его расширено. Количество православных епархий увеличилось восстановлением Полоцкой. Снова начались массовые воссоединения униатов с православной церковью. Некоторые архиереи (напр. полоцкий Смарагд) и губернаторы в этом отношении стали действовать столь усердно, что их нужно было останавливать из Петербурга ради опасения раздражить католическое и униатское население. Главная задача правительственной политики находилась в осторожных и умных руках Иосифа Семашки, униатского епископа литовской епархии. План заключался в постепенном сближении греко-униатской церкви с православной, так как с течением времени она сильно окатоличилась. В этом смысле и действовал особый секретный комитет, назначенный государем и душой которого был Семашко. Уничтожено было всякое влияние на дела униатской церкви не только латинского духовенства, но и черного униатского, в сильной мере подвергшегося латинизации. Католики и униаты были разобщены, так как воспрещен был переход из одного вероисповедания в другое. Затем началось внешнее преобразование униатских церквей: устройство в них иконостасов, введение в богослужение служебников московской печати и пр. Упорствующие священники лишились приходов, и некоторые из них отправлены в Курск. Но вообще таких было немного, так как всеми этими мероприятиями, проводимыми с осторожностью, часто путем убеждения священников в неизбежности скорого воссоединения, дело было заранее подготовлено. Одно время даже казалось, что правительство намерено усилить униатов, так как было посвящено несколько новых униатских епископов. То были Василий Лужинский (полоцкий викарный), Антоний Зубко и Иосафат Жарский. Но в число епископов были подобраны лица «не только как надежные деятели в пользу православия, но как оплот от перехода униатов в латинский обряд в случае совершенного прекращения иерархического управления греко-униатской церковью», как писал об униатских епископах в 1843 г. министр внутренних

дел гр. Блудов в докланой записке государю. Колебался только престарелый митрополит Иосиф Булгак и противился Иосафат Жарский, но оба вскоре умерли. Когда все предварительные меры были выполнены, все препятствия устранены, три униатских епископа (Василий, Иосиф и Антоний) составили в Полоцке в 1839 г. соборный акт о воссоединении униатской церкви с православной. На первое время оставлены были многие особенности униатского обряда и даже решено было не воспрещать священникам поминать на ектениях и синодах и папу. Таким образом завершился этот важный акт.

В указанных мероприятиях и заключается сущность русской политики в крае до известных событий 1860-х гг. Эта политика несколько раз отменялась, пока наконец не стала на точку зрения, высказанную еще императрицей Екатериной II. В отношении экономическом и сословном край в этот период находился в таком же состоянии, как и все остальное государство. Крестьянская масса, о православии которой было приложено столько забот, пребывала в крепостном состоянии. Крепостная зависимость здесь была даже тяжелее, чем в других частях России, так как религия и национальность сплошь и рядом отделяли помещика от крепостного. Крестьянское население находилось в очень бедственном состоянии. Очевидцы рисуют его в весьма мрачных красках.

«В Витебской губернии, — сказано во всеподданнейшем донесении 1855 г. главного начальника края, — крестьяне почти не знают хлеба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болезни; нищета страшная, а рядом роскошь помещиков; жизненные силы края совершенно истощились в нравственном и физическом отношении; расслабление достигло крайних пределов». Это весьма компетентный отзыв, исходящий из официального источника. Смоленский помещик Энгельгардт рассказывает в своих записках о страшной бедноте, в которой находилось население Подвинья. Когда баржи с хлебом направились по Двине к Риге, сотни голодающих и полунагих крестьян толпились на берегу реки и на пристанях, прося у судовщиков хлеба; некоторые судохозяева заготовляли для раздачи печеный хлеб, а когда хлеб свозился на берег, голодные крестьяне бросались на него, как звери, причем происходили душераздирающие сцены: мужчины вырывали хлеб у женщин, взрослые — у детей.

Подобного рода отзывы идут от очень многих современников, на которых белорусские крестьяне производили впечатление более тягостное, чем великорусские. Положение белорусского крестьянина ухудшалось еще и тем, что укоренился обычай отдавать крестьян на посторонние заработки. Вот как, напр., об этом рассказывает известный русский эмигрант Николай Тургенев: «Одно из самых возмутительных злоупотреблений замечается в белорусских провинциях (Витебской, Могилевской), где крестьяне так несчастны, что вызывали сострадание даже русских крепостных. В этих провинциях помещики отдавали своих крепостных сотнями и тысячами подрядчикам, которые исполняли землекопные работы во всех концах империи. Эти бедные люди употребляются главным образом на постройку больших дорог и каналов. Помещик берет обязательство поставить такое-то количество людей по условленной плате, а подрядчик обязуется кормить их во время работы. Правительственные инженеры, наблюдающие за работами, не требуют от подрядчика в пользу этих несчастных ничего сверх того, что требуется для поддержания их жизни. Что же касается до денег, которые получает за них помещик, то правительство не вмешивается в это. Эти несчастные провели дороги в окрестностях Царского Села».

Тяжелое положение белорусского крестьянства создавалось веками. Еще во второй половине XVIII в., т.е. до падения Речи Посполитой, это тяжелое положение крестьян обращало на себя внимание более образованной части местного общества. В то время вообще польское общество было занято вопросом об улучшении быта крепостных, раздавались мощные голоса знаменитых Сташица и Коллонтая, взывавших к панам об улучшении положения крестьян.

В кругу тогдашних аболиционистов было и несколько крупных владельцев из Белоруссии. Некоторые из них пожелали ввести в своих имениях гуманные реформы. Таковы были, напр., графы Бржостовские, введшие реформу в своем имении Меречи, переименованном в Павлово. Неизвестно, чем окончились начинания Бржостовских: вероятно, реформы были оставлены в годину бедствий. Особенно интересна реформа, проведенная гр. Иоахимом Хрептовичем в его родовых имениях Щорсы (Минской губернии Новогрудского уезда) и Вишнево (Виленской губернии).

Последний канцлер Речи Посполитой исходил в своих начинаниях из весьма гуманных начал. Он своих крепостных превратил в арендаторов, освободил их от барщинного труда и разных податей в пользу помещика. Крестьяне платили помещику только умеренную арендную плату. Наследники гр. Иоахима дали своим крестьянам и широкое самоуправление. Крестьянская реформа в Щорсах представляет собой единственный пример реформы в крае, произведенной по частной инициативе в конце XVIII в. и дожившей до освобождения

крестьян, несмотря на все невзгоды, пронесшиеся в этом периоде.

С присоединением Западного края к России предположения об облегчении здесь крепостного права вошли в сферу общего крестьянского вопроса, так занимавшего, как известно, правительства Александра I и Николая I.

Александр I высказывал желание уничтожить крепостное право постепенно по губерниям, начав с западнорусских. Эта мысль занимала императора в конце 20-х гг. XIX в., и он даже обратился к литовско-русскому дворянству с предложением освободить крестьян; на это последовал уклончивый ответ — «последовать примеру своих старших братьев — русских».

Были некоторые частные попытки крестьянской реформы, напр. в Динабургском (Двинском) уезде. На основании донесения белорусского губернатора герцога Виртембергского о желании динабургских дворян дать своим крестьянам личную свободу Александр I повелел с этой целью составить особую уездную комиссию для выработки подробного проекта. Проект был составлен, но уездное дворянство на общем собрании отвергло его, и дело на этом остановилось.

При Николае I вопрос об ограничении произвола помещичьей власти в западнорусских губерниях стал подыматься все чаще и чаще, особенно после польского восстания 1831 г. Уже во время этого восстания русские администраторы сообразили, что православные русские крестьяне представляют собой весьма удобный элемент, на который следует опираться в борьбе с поляками и с полонизацией края. В разгаре восстания русский главнокомандующий Остен-Сакен распространял среди крестьян воззвания, призывая их к содействию и заверяя, что они никогда уже не будут принадлежать помещикам. Однако буря пронеслась и крестьяне опять оказались в полной власти помещиков.

Тем не менее в настроении русских губернаторов повсеместно замечалась перемена: они настойчиво обращали внимание правительства на крепостное право, пока наконец не был проведен вопрос об инвентарях. К этому администраторы были побуждаемы установившимися ненормальными отношениями между помещиками и крестьянами. Напряженное положение очень хорошо охарактеризовало в циркулярном предложении уездным предводителям дворянства минского губернатора Доппельмайера (1842 г.). Это предложение, еще нигде не опубликованное, характерно как официальное признание ненормальности тогдашних отношений и как прекрасная их иллюстрация. Губернатор пишет: «В этой губернии почти везде существует какое-то неприязненное расположение крестьян к их владельцам. Вникая в причины сего печального явления, я удостоверился, что неудовольствие поселян к их помещикам возникает иногда от подстрекательства злонамеренных лиц, но чаще всего оттого, что владельцы передают крестьян своих в руки жестокосердных, грубых и корыстолюбивых управителей и арендаторов, которые обременяют их чрезмерными работами, истязают бесчеловечно наказаниями невзирая ни на возраст, ни на пол, ни на болезненное состояние, отказывают во всяком пособии к приобретению необходимых к поддержанию вещей крестьянского быта. Все это делается обыкновенно без ведома и вопреки воли владельца; в некоторых мелкопоместных имениях притеснение происходит прямо от помещиков. В таком положении дел ужасающие и неоднократно повторенные убийства владельцев своими крестьянами и частые донесения по ведомству о происшествиях, что такой-то крестьянин умер, а такая-то беременная крестьянка сронила плод или кончила жизнь вследствие жестокого наказания за маловажные проступки, обратили на себя внимание не только начальства, но и самого государя императора и угрожают поставить минское дворянство у высшего правительства в невыгодное об образе их управления крестьянами мнение, заслуженное только немногими из них». В дальнейшей части циркуляра губернатор предлагает предводителям наблюдать за помещиками, побуждать их к более мягкому обращению с крестьянами и в крайнем случае конфиденциально доносить губернатору. Он предлагает предводителям дворянства напоминать жестоким помещикам о «пагубных последствиях» жестокости.

Но особенно богаты последствиями оказались донесения витебских губернаторов. На вопрос о том, как поднять благосостояние края, витебский губернатор в 1835 г. доносил высшему правительству: крестьяне «изнурены рабством», помещики «ослеплены духом преобладания»; крестьяне не имеют своей собственности, да и не желают ее приобретать по «неуверенности в обладании оною»; для работ на собственных полях у крестьян остается только праздничный день. Белорусский генерал-губернатор кн. Хованский тоже представлял положение крестьян в ужасающем виде. В 1839 г. витебский губернатор Львов в отчете государю за 1839 г., описывая расстроенное экономическое положение губернии, указывал и на причину его, заключающуюся в отягощении помещичьих крестьян несоразмерными повинностями в пользу владельцев, и давал совет — хотя бы в слабой мере обеспечить крестьянскую собственность и свести повинности крестьян к размеру, опреде-

ленному законом, т.е. к трехдневной барщине. Отчет Львова был передан на заключение министров, в том числе и знаменитому в крестьянском вопросе министру государственных имуществ гр. П.Д.Киселеву. В своей записке, поданной государю, гр. Киселев советовал приступить к составлению «положительных инвентарей[1] всем повинностям», которые крестьяне обязаны отдавать своим помещикам. Но так как сразу нельзя было ввести инвентари повсеместно, то Киселев пожелал на основании закона брать под опеку имения помещиков, разоряющих своих крестьян, и вводить здесь немедленно инвентари. Записка у гр. Киселева передали в так называемый комитет западных губерний (это был, собственно говоря, комитет вообще об улучшении участи русских крестьян). Комитет одобрил мысль Киселева, и государь 27 марта 1840 г. положил резолюцию на журнале комитета: «Полагаю, что можно решительно велеть ввести в помещичьих владениях те инвентари, которыми само правительство довольствуется в арендных имениях. Ежели от сего будет некоторое стеснение прав помещиков, то оно касается прямо блага их крепостных людей и не должно отнюдь останавливать благой цели правительства».

Вообще, сама мысль об инвентарях очень понравилась Николаю I, и он весьма торопил с ее выполнением: «Делом сим не медлите, — положил он свою резолюцию на доклад 21 февраля 1841 г., — я считаю его особенно важным, ожидая от сей меры большой пользы».

Однако дело двигалось довольно медленно. Только 15 апреля 1844 г. последовал наконец указ об учреждении в западнорусских губерниях особых инвентарных комитетов под председательством губернаторов при участии нескольких местных чиновников и трех депутатов, избранных дворянством. На обязанности комитетов возлагалось собрание и рассмотрение инвентарей, доставляемых помещиками; только в крайнем случае, если инвентарь не соответствовал бы видам правительства, предоставлялось комитетам право исправить и дополнить его. Главная цель инвентарей — определить отношения крестьян к владельцу, почему инвентари должны были содержать: 1) разделение семейств на тяглых, полутяглых и огородников, с обозначением имущества их вообще и хозяйственных повинностей; 2) расписание уроков на хозяйственные работы с исчислением количества работ на известную меру земли, с определением дневных уроков для тяглых работ; 3) подробные правила о хозяйственных повинностях крестьян. Составленные при таких условиях инвентари предполагалось ввести в действие с утверждения генерал-губернаторов, но на первый раз сроком не более шести лет.

В северо-западных губерниях было тогда два генерал-губернаторства — Виленское (для губерний Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской) и Белорусское (для Могилевской и Витебской), почему работы инвентарных комитетов получили не совсем одинаковое направление, так как главными руководителями их были генерал-губернаторы. Так, в белорусских губерниях было принято правилом для определения крестьянских повинностей считать за основание одну треть дохода с выделенных крестьянам земель. Но со стороны дворянства высказано явное нерасположение к такому порядку и выражено было желание, чтобы повинность крестьян оставлялась по три дня в неделю с рабочей души. Вообще, здесь дело составления инвентарей шло туго, и в большей части имений администрации пришлось самой составить инвентари за счет владельцев. Мало того, когда ввели инвентари в действие, то оказалось, что в составленных инвентарях наделы крестьян землей показаны без соответствия с действительностью, и притом для всех семейств показана равная доходность без соображения с количеством рабочих в них рук; выведенная треть крестьянских доходов оказалась, в переложении на повинности, слишком высокой и не соответствующей действительной доходности крестьянского хозяйства. Так это дело тянулось до 1852 г., когда, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел генерала Бибикова (бывшего киевского генерал-губернатора), в этих губерниях повелено было ввести инвентари на тех же основаниях, которые были утверждены для Киевского генерал-губернаторства в 1848 г., т.е. на основании правил о повинностях, составленных под руководством самого Бибикова. Впрочем, правила 1848 г. были вновь пересмотрены в 1852 г. в Государственном совете, и 14 мая этого года окончательно был утвержден для обеих губерний закон о введении инвентарей. Однако он не имел большого значения ввиду скорой отмены крепостного права.

Что касается Минской губернии, то работа инвентарных комитетов Виленского генерал-губернаторства пошла более плавным ходом. Заметно было только одно: вместо того, чтобы исходить из

---

[1] Инвентари исстари велись в западнорусских имениях. В инвентарях помечались размер надела, количество рабочих душ, платежи и повинности. В древности эти записи имели большое значение, но с развитием крепостного права помещики перестали стесняться обычаев и стали изменять повинности в инвентарях.

уже существующих норм повинностей, губернские комитеты занялись очень сложной работой для выяснения доходов с крестьянских участков, качества земли и пр. По мере проверки инвентарей в губерниях Виленского генерал-губернаторства они вводились в действие начиная с 1845 г. По истечении в 1852 г. первого шестилетнего срока к Виленскому генерал-губернаторству, согласно вышеупомянутому докладу министра Бибикова, применено положение, выработанное для Юго-Западного края, а в 1855 г. общий закон был распространен и на весь Северо-Западный край.

Мы видели, что инвентарные правила, принятые в белорусских губерниях, не могли быть введены; правила, выработанные комитетами Виленского генерал-губернаторства, задуманы были очень сложно, рассчитаны на долгое время и потому оказались малопригодными. В обоих случаях правительству пришлось перейти к правилам 1848 г. Суть этих правил заключалась в более точном обеспечении крестьян земельными наделами и в урегулировании их повинностей. Так, надельная земля, означенная в инвентаре, должна была оставаться в постоянном пользовании крестьян, и она даже переходила в разряд мирской земли, если бы крестьянин не запахивал всего надела. Крестьянские повинности не должны были превышать с тяглого семейства трех дней в неделю мужских и одного женского. Перевод из дворовых крестьян в пахатные был воспрещен. Всякая работа, совершаемая крестьянином для помещика, или оплачивалась деньгами по установленной таксе, или засчитывалась в счет трехдневной барщины. Эти правила были весьма льготными сравнительно с фактическим положением вещей. Известный славянофил Юрий Самарин, хорошо знакомый с положением вещей в Западном крае, так объясняет различие в деятельности комитетов Юго-Западного и Северо-Западного краев: «Единовременно в северной половине Западного края, которая управлялась по другой системе, также возбужден был вопрос об устройстве крестьян, но на других основаниях. Там предполагалось ограничиться проверкой, исправлением и узаконением инвентарей, т.е. отдельных для каждого имения описей, определить в них подворные наделы и повинности; не вводя законодательным порядком общих обязательных правил о самом существе обязательных отношений крестьян к помещикам, предоставить это на местах исполнительным инстанциям, снабдив их обстоятельными инструкциями. Очевидно, здесь вопрос в экономическом и юридическом отношении становился вернее; предъявлялось требование точного соразмерения повинностей с наделами, требование измерения и кадастрации; все это было очень тонко и заманчиво, но задуманная в таких размерах операция должна была затянуться на бесконечный срок и потеряться в подробностях, ускользающих от высшего наблюдения; наконец, при этих условиях успех предприятия должен был почти безусловно зависеть от исполнителей. В Белоруссии и Литве формировались комиссии, разумеется, под влиянием местных польских элементов, возникали вопросы за вопросами, инструкции следовали за инструкциями. Инвентари составлялись, поверялись, вводились и браковались; все дело шло крайне туго и вяло, по нескольку раз переделывалось сызнова и не дало никаких результатов. Быт крестьян не улучшился; местами их положение даже стало хуже; они упали духом, и надежды стали потухать».

Одновременно с работами по введению инвентарей и даже несколько раньше правительством были приняты некоторые более мелкие меры касательно положения крестьян. Так, еще в 1835 г. опубликованы правила об отдаче помещиками белорусских губерний своих крестьян в наем на земляные и другие работы. Этот закон определял, чтобы помещик отдавал в наем по контракту не более половины каждого семейства; затем помещик обязан был внести за отданных подати в казну, обеспечить им приличную одежду и продовольствие; правила определяли качество и количество пищи, продолжительность рабочего дня и количество денег, которые должны идти в пользу самого крестьянина. К сожалению, эти правила не исполнялись. Весьма важна забота центрального правительства об устранении нежелательных посредников в управлении помещиками своих крестьян. В 1840 г. евреям было воспрещено брать на откуп доходы, поступающие от крестьян в пользу помещиков. Для ограждения крестьян от произвола помещичьих управителей постановлено было принимать экономов на службу в помещичьи имения с засвидетельствованием уездных предводителей об их поведении и нравственности; экономам же воспрещалось было подвергать крестьян телесному наказанию. В 1846 г. вопрос о существовавшем среди владельцев в западных губерниях обычае сдавать имения в аренду поднял витебский губернатор в своем отчете об управлении губернией и затем был поддержан во всеподданнейших докладах генерал-губернатора Бибикова. Император Николай I весьма заинтересовался этим вопросом и, как видно из одного его разговора с гр. Киселевым в 1851 г., предполагал совершенно воспретить отдачу в аренду или в управление имений в Западной России: помещик должен был бы лично управлять, а в противном случае управление переходило бы к палате государственных имуществ. Законодатель-

ным путем этот вопрос решен в 1853 г., когда воспрещена была вообще сдача в аренду населенных имений.

Таковы перипетии крестьянского вопроса в трех губерниях — Минской, Витебской и Могилевской. Что касается Смоленской губернии, то здесь крестьянский вопрос сливался с общим ходом освободительных идей в России. Впрочем, к Смоленской губернии специально относятся эпизоды, на которых нам следует остановиться.

Император Николай I, не решаясь начать дело освобождения крестьян по инициативе правительства, задумал поставить дело так, чтобы само дворянство возбудило вопрос, и для этого избрал Смоленскую губернию. В начале 1847 г. смоленское дворянство обратилось через министра внутренних дел к государю с просьбой о разрешении отправить благодарственную депутацию к государю. Обыкновенно государь отклонял эти депутации, но на этот раз решил ей воспользоваться для того, чтобы «келейно» поговорить с представителями дворянства. Свою речь к смоленским депутатам (ими были рославский уездный предводитель дворянства Фонтон-де-Верраион и генерал Шембель) государь вел «как первый дворянин в государстве» и выражал только желание, чтобы дворянство «помогло» государству в деле освобождения во избежание «крутого перелома». Поэтому государь желал, чтобы дворяне «потолковали» между собой о возможности приступить к освобождению на основании закона об обязанных крестьянах, изданного в 1842 г.

Предложение государя произвело целый переполох в Смоленской губернии. Губернский предводитель дворянства кн. Друцкой-Соколинский стал выслушивать мнения дворянства, которые в общем оказались далеко не в пользу освобождения крестьян, и весь переполох окончился подачей государю от имени дворянства записки, составленной в строго консервативном духе. В записке, представленной кн. Друцким-Соколинским, предводитель дворянства объяснял, почему местные дворяне не воспользовались законом об обязанных крестьянах: крестьяне понимают «вольность в смысле естественного права», не имеют понятия о гражданской свободе и, считая землю Божьей, выйдут из повиновения властям и помещикам, если получат личную свободу. Впрочем автор записки довольно откровенно высказывал мнение, что безземельное освобождение крестьян выгоднее для помещиков, чем арендные отношения. Стоя на строгой крепостнической почве, кн. Друцкой старался убедить государя, что в России собственно нет рабства, что, напротив, только на помещиках лежат обязанности по отношению к крестьянам, что крепостной труд в России нужен для развития сельского хозяйства и что свободный труд в европейских государствах развивал промышленность и либеральные идеи, а это весьма опасно для государства. Записки, поданные Друцким-Соколинским в 1848 и 1849 гг., как раз совпали с революционным движением на Западе, после которого в России некоторое время уже не возбуждался вопрос об освобождении крестьян. Смоленские дворяне и, главным образом, их предводитель приписывали заслугу прекращения назойливого вопроса не столько Западной Европе, сколько своим запискам.

Крепостнические тенденции смоленского дворянства, по-видимому, проводились ими довольно усердно на практике. Смоленская губерния занимала одно из видных мест по числу имений, взятых правительством в 1850-х гг. в опеку вследствие жестокого обращения помещиков с крестьянами, по числу же волнений крепостных эта губерния тоже занимала одно из первых мест среди других.

Познакомившись с историей крестьянского вопроса в четырех изучаемых губерниях, мы можем задаться вычислением фактического положения крестьян накануне реформы и изменений, произведенных реформой 1861 г.

Прежде всего познакомимся с численностью крестьянского населения. Крепостные, как известно, разделялись на крестьян, сидевших на земле, и на дворовых людей. Число тех и других, по десятой ревизии, выражалось в следующих цифрах (таблица 13).

В этих цифрах обращает на себя внимание относительно большой процент дворовых в Смолен-

Таблица 13

	Крестьяне		Дворовые		Всего	
	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.
Витебская	208.869	220.824	5.951	5.884	214.820	226.708
Минская	265.305	281.497	7.442	6.987	272.747	288.484
Могилевская	269.975	286.322	7.728	7.455	277.703	293.777
Смоленская	343.433	366.073	23.682	25.332	367.115	391.405

ской губернии сравнительно с остальными. Это понятно, потому что названная губерния по национальности и по строю жизни своего дворянства примыкала к великорусским, где помещики пользовались услугами многочисленной крепостной дворни; в белорусских же губерниях постоянного класса дворовых собственно не было, и под дворовыми здесь надо разуметь в большинстве случаев крестьян, временно приставленных к господским дворовым работам.

Относительно обеспеченности крестьян землей можно судить по той разнице, которая существовала между средним наделом у государственных крестьян и у помещичьих. Положение первых в этом отношении можно было считать достаточно обеспеченным, так как государственные крестьяне получали наделы сообразно с рабочими силами средней крестьянской семьи и сообразно с качествами почвы. За помещичьими же крестьянами, по Положению от 19 февраля 1861 г., оставлены были существующие наделы, если они не превышали принятых Положением высших размеров, установленных для каждого уезда. Но существующие наделы были крайне неравномерны в различных местностях. В более плодородных уездах крестьянские наделы были весьма незначительны, так как здесь в имениях преобладала барская запашка, более выгодная для помещика. В малоплодородных, песчаных и болотистых уездах наделы были очень велики, поскольку помещику было выгоднее получать большой оброк с крестьян вместо собственного хозяйства.

Приведем данные по губерниям о среднем наделе у государственных и помещичьих крестьян (таблица 14):

Таблица 14

Десятин									
	Надел государственных крестьян			Надел помещичьих крестьян					
	На душу:			На тягло:			На душу:		
	угодия	лес	всего	пашня		сенокос		всего	лес
Витебская	3,8	1,3	5,1		6,5			2,8	По усмотрению помещика
Могилевская	3,6	0,9	4,5	6,1		1,2		3,0	
Смоленская	4,9	0,2	5,1	4,8		2,2		3,6	
Минская	5,8	0,8	6,6	3,0—20,0	на двор	1,0—10,0	на двор	4,7	

По повинностям и платежам в пользу помещиков крестьяне разделялись на изделыных, отбывающих барщину, и оброчных. Громадное большинство отбывало барщину. Так, в Могилевской губернии на 262 782 изделыных крестьян приходилось всего 8314 оброчных, в Минской на 275 635 издельных — 7437 оброчных, в Смоленской на 245 908 издельных — 91 619 оброчных; для Витебской губернии сведений не имеется. Существенная разница в процентном отношении оброчных крестьян к издельным в Смоленской губернии объясняется ее особыми условиями, совпадающими с положением нечерноземных великорусских губерний, где оброчная система вообще была всегда самой распространенной. Довольно трудно определить как средний размер оброка, так и средний размер барщины с добавочными платежами и повинностями. По-видимому, господствовал обычай требовать с одного тягла (тяглом считали рабочую пару, обыкновенно мужа и жену) три рабочих мужских дня и три женских. Так было в Могилевской губернии и в белорусских уездах Витебской. Незначительная часть оброчных крестьян платила здесь от 15 до 22 р. со двора в различных уездах.

В Минской губернии господствовало большое разнообразие в отбывании повинностей. Здесь тоже мы встречаем в громадном большинстве имений барщину в 156 дней мужских в год и в 104 дня женских в год со двора, т.е. по 3 мужских и по 2 женских дня в неделю. Но зато рядом с этой ординарной барщиной существовало много имений с большим числом рабочих дней. Кроме того, здесь господствовало много старых повинностей и платежей. Так, имелись еще «сгоны» (обыкновенно по 12 дней в году), были особые строительные рабочие дни, повинности по страже господского дома, поставке подвод и пр. Сверх того, издельные крестьяне платили еще дань, т.е. денежные чинши в размере от нескольких копеек до двух или трех десятков рублей со двора, или давали дань натурой, напр., овсом, гусями, курами, яйцами. Вообще весь строй крепостного хозяйства в этой губернии накануне освобождения во многом еще напоминал собой старину XVI и XVII вв. В Смоленской губернии также господствовал обычай при денежном оброке требовать некоторых дополнительных повинностей и платежей натурой, очевидно только с

тех, которые оставались в селе. Но здесь были и круглые батраки, жившие на господских харчах и все время работавшие на господской пашне, были и фабричные крестьяне.

Эти данные в достаточной мере характеризуют положение помещичьих крестьян накануне их освобождения. Что положение это было неудовлетворительно, легко видеть как из вышеприведенного сравнения поземельных наделов у государственных крестьян и у владельческих, так и из следующих данных. Положение 1861 г. определяло для всего Северо-Западного края размер крестьянских повинностей в 23 рабочих дня, или в три рубля при переходе на оброк, заменяя этой суммой все бывшие повинности в пользу помещика. События 1863 г. привели к более быстрой ликвидации крепостных отношений в более выгодном для крестьян духе. Указами 1 марта, 2 ноября 1863 г. и 28 апреля 1865 г. введен обязательный выкуп с понижением выкупных платежей на 20% против оброка; крестьянам должна была быть отведена вся земля, действительно находившаяся в их пользовании; выкупные договоры, неправильно составленные в 1861—1863 гг., должны были быть исправлены. Кроме Минской губернии эти законы распространились и на Могилевскую, и на восточную часть Витебской, в которых, по закону 19 февраля 1861 г., действовало великорусское Положение, между тем как в так называемых инфлянтских уездах Витебской губернии[1] было введено законом 19 февраля 1861 г. особое, местное инфлянтское положение. Затем последовали распоряжения о наделении безземельных крестьян Северо-Западного края тремя десятинами на семью и об устройстве быта батраков и бобылей инфлянтских уездов Витебской губернии. Все эти меры, осуществленные во время генерал-губернаторства гр. М.Н.Муравьева, способствовали увеличению крестьянских наделов в размере от 25% до 70% и уменьшению повинностей с 16% до 2%. Средний размер после законов 1863 г. выразился в Минской губернии в 5,6 десятины на душу, в Могилевской — в 4,9 десятины, в Витебской до 3,8—4,5 (для западных и восточных уездов). Что же касается Смоленской губернии, то несомненному поднятию уровня благосостояния крестьян, замеченному таким тонким и беспристрастным наблюдателем, как Мэкэнзи Уолас, посетивший ее на протяжении 30 лет в 1870-х и в 1903 гг., а также отмеченному и новейшими официальными статистическими работами по исследованию экономического упадка центральных губерний, способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, при низкой стоимости и малой производительности земель этой губернии в эпоху освобождения крестьян сами помещики не стремились к сокращению существовавших у них достаточно значительных крестьянских наделов, которые и были закреплены за последними уставными грамотами; во-вторых, отяготительные и даже разорительные для крестьян выкупные платежи подвергались в начале царствования императора Александра III двойному понижению: с одной стороны, общему в размере одного рубля с душевого участка (что при бывшем в Смоленской губернии выкупном платеже в 6 р. 40 коп. с душевого участка составило уже свыше 15% понижения), а с другой — еще и несравненно более значительному специальному понижению, доводившему общую сумму понижения выкупных платежей в некоторых уездах губерний до 70%. Ко всему этому, наконец, присоединился и произошедший по доброму примеру таких передовых агрономов, как А.Н. Энгельгардт переход крестьян к выгодной льняной культуре, плужной пахоте, травосеянию и улучшенному скотоводству.

Перейдем к культурной жизни края в период до начала 1860-х гг. Как известно, возрождение польского общества началось как раз в эпоху разделов. Поздно начавшееся возрождение не могло предотвратить политической гибели государства, зато общество, лишенное политической жизни, стало быстро расцветать в отношении культурном. Начался период Мицкевича, Сырокомли. В этом пышном расцвете польской литературы и науки белорусский и литовский края заняли весьма видное место, так как дали польскому обществу лучших представителей этого движения, в том числе Мицкевича и Сырокомлю, уроженцев Минской губернии, и многих др. Нам нет нужды касаться этого движения, происходившего в среде польского общества. Для нас важно, что это движение стоит в близкой связи с белорусской народностью. Все это движение было проникнуто горячими симпатиями к народу, стремлением узнать его историю, ознакомиться с бытом, воспеть или рассказать его житье-бытье. Правда, произведения, рисующие народ, обыкновенно говорили о нем в идиллическом духе, но прорывалась на этом идиллическом фоне и реальная, здоровая струя. Весьма нередко в тогдашних произведениях под именем польского народа описываются белорусы и литовцы, так как тогда даже ученые (напр. знаменитый Линде) считали белорусов, или кривичей, как тогда назы-

[1] Инфлянтскими называются четыре северо-западных уезда Витебской губернии, пограничные с Лифляндией и Курляндией.

вали это племя в польской литературе, отраслью польского племени. Научное изучение края вскоре указало различие между обоими народами. В среде местного культурного польского общества появились писатели, отдавшие свои силы изучению родного края. Бесспорно, многие из них, хотя и воспитанные в польской среде и принадлежавшие к католической религии, по происхождению своему, были белорусами. Они с полным правом называли кривицкое племя своим народом. Многие из этих писателей посвящали свои силы изучению этнографии и истории: гр. Евстафий и Константин Тышкевичи, Зенкевич, Ян Чечот, литовец Нарбут, Киркор, В.Дунин-Марцинкевич и др.; некоторые описывали народный быт в форме беллетристической, издавая свои произведения на польском языке или на белорусском наречии. Широкой научной деятельности весьма способствовал тогдашний Виленский университет, в котором были собраны лучшие силы польской науки. Но и в научных, и беллетристических произведениях этой литературы проскальзывала публицистическая струя: рисуя в идиллической форме картины народного быта, писатели тем самым вскрывали общечеловеческие черты крепостного люда, взывали к гуманности помещиков и тем самым развивали в обществе идею о крестьянской свободе. В этом заключается бесспорно громадная заслуга тогдашних белорусских писателей.

Благодаря поэтической деятельности Марцинкевича белорусская литература в то время стала привлекать к себе внимание и даже получила официальное признание в некоторых виленских официозных изданиях начала 1860-х гг. Даже в некоторых русских журналах (напр. «Маяк») поднимался не раз вопрос о желательности и возможности народной белорусской литературы: в ней тогда видели залог прочного просвещения народной массы. Но 60-е гг. поставили русскую политику в крае в новое положение. Польское восстание, разлившееся и в Белоруссии, дало повод к усилению тех политических принципов, которые с большой осторожностью проводились еще при императоре Николае I. Творцом новой политики явился гр. М.Н.Муравьев. Правда, и освобождение крестьян теперь давало более действительную возможность к усилению в крае русского национального элемента. План гр. Муравьева сводился к подавлению польского влияния, к замене польского языка русским, к усилению великорусского элемента в западных губерниях; в числе этих мер поднятие православия и изменение системы воспитания поставлено было на первый план. Эта политика сделала в крае в самое короткое время громадные успехи. В настоящее время споры и страсти улеглись и общее течение жизни приняло спокойное направление. Но в 60-х и даже 70-х гг. отношения поляков и русских были еще очень обострены. Проводники русской политики весьма недоверчиво относились ко всему польскому, стремились стереть все, напоминавшее Польшу, но вместе с тем они восставали и против какого бы то ни было движения в среде местных народностей. Борьба, бесспорно, невыгодно отразилась на положении края, задержав на некоторое время его развитие. Но в последнее время, когда страсти улеглись, когда история и этнография края сделались предметом серьезных научных изысканий, заметно начинается прочная экономическая и культурная работа.

Внешним признаком культурного роста является развитие школьного дела.

Несмотря на увеличение числа школ в последнее время, наша область все-таки не богата учебными заведениями: высших учебных заведений совершенно нет, средние существуют лишь в более крупных городах, и только низшее образование, хоть и нельзя его назвать блестящим, дает возможность ознакомиться с образовательными средствами края. При этом необходимо оговориться, что статистика начального народного образования как в нашей области, так и в остальной России находится еще далеко не в удовлетворительном положении: правильной и однообразной классификации нет, а многие начальные училища, ничем в сущности не отличающиеся друг от друга, но носящие различные названия, распределены чуть ли не по всем ведомствам, что в значительной мере мешает специальному статистическому исследованию начального народного образования.

К 1 января 1900 г. в нашей области насчитывалось 8266 учебных заведений с 290 324 учащимися. Из прилагаемой таблицы видно, что 1 школа в области приходится на 25,55 кв. верст и 885 чел. всего населения (на 1 января 1900 г.); показатель образования по области равен 3,27; процент девочек ко всему числу учащихся составляет 17,78%.

По отдельным губерниям 1 школа приходится: в Могилевской губернии на 16,67 кв. верст и это min, а в Смоленской — на 32,25 кв. верст — это max; если же проследить, на скольких жителей приходится школа, то получается в Могилевской губернии, на 677 чел. меньше и на 1250 чел. больше в Витебской. Показатель образования наибольший в Смоленской губернии — 4,77, наименьший в Витебской — 3,01; процент девочек ко всему числу учащихся наибольший в Ви-

тебской губернии — 23,28 и наименьший в Могилевской — 13,79.

Число всех учебных заведений и учащихся в губерниях рассматриваемой области представлена в таблице 15.

Такова общая картина народного просвещения в нашем крае. Теперь перейдем в частности к начальному народному образованию Верхнего Поднепровья и Белоруссии.

Здесь существует главным образом два рода школ: одни находятся в ведении дирекций народных училищ и училищных советов, а другие — в ведении епархиального училищного совета; первые разделяются на высшие начальные училища — городские и уездные — и на начальные народные училища (называемые в городах приходскими); вторые — это церковноприходские школы и школы грамоты.

В 1856 г. произведен подсчет числа начальных народных училищ всех ведомств; к 1861 г. в нашей области было 86 школ; в 1869 г. показатель образования в Северо-Западной России равнялся 1,05; к 20 марта 1880 г. количество школ возросло до 929 (таблицы 16, 18).

Дальнейшее движение дела народного образования и современное его положение видны из прилагаемой таблицы на стр. 123 и диаграммы, представляющей наглядно абсолютный рост учащихся в начальных народных училищах за двадцатилетний период, причем необходимо отметить тот факт, что дело церковно-школьного образования развивается достаточно сильно, хотя все-таки далеко еще не удовлетворяет требований населения. Наиболее доступны для народа в настоящее время школы грамоты.

Из губерний нашей области наивысший показатель народного образования благодаря, главным образом, деятельности земства дает Смоленская губерния: он равен 4,44%. Чтобы уяснить какую незначительную часть населения составляют эти 4,44%, мы приведем в относительных количествах результаты исследования грамотности мальчиков и девочек от 7 до 16 лет в Смоленской губернии за 1897/98 учебный год (таблица 17).

Таблица 15

Губернии	Пространство	Население	Число всех учебных заведений	Число учащихся			1 школа приходится на:		Показатель образования	% девочек ко всему числу учащ.
				Мальчиков	Девочек	Всего	Квадр. верст	Жителей		
Витебская	39.688	1.548.339	1.239	35.751	10.842	46.593	32.11	1.250	3.01	23.28
Минская	80.152	2.286.663	2.812	70.816	14.082	84.898	28.50	813	3.71	16.59
Могилевская	42.134	1.820.305	2.689	68.711	10.931	79.642	16.67	677	4.38	13.79
Смоленская	49.212	1.659.349	1.526	63.411	15.780	79.191	32.25	1.087	4.77	19.93
Всего:	211.186	7.314.656	8.266	238.689	51.635	290.324	25.55	885	3.27	17.78

Таблица 16

Губернии	Число училищ к 20 марта 1880 г.	До 1861 г.	С 1861 г. по 1863 г.	С 1864 г. по 1868 г.	С 1869 г. по 1873 г.	С 1874 г. по 20 марта 1880 г.	Без указания
Витебская	168	7	24	105	20	12	—
Минская	353	30	93	128	48	38	16
Могилевская	184	19	20	56	35	51	3
Смоленская	224	30	10	14	36	122	12
Всего:	929	86	147	303	139	223	41

Таблица 17

На 100 дворов			На 100 душ мужского пола			На 100 душ женского пола			На 100 душ населения обоего пола		
Мальчики	Девочки	Обоего пола	Мальчики	Девочки	Обоего пола	Мальчики	Девочки	Обоего пола	Мальчики	Девочки	Обоего пола
27,9	4,2	32,1	9,3	1,4	10,7	8,4	1,2	9,6	4,4	0,4	4,8

Таково положение народного образования в Смоленской губернии. В остальных трех губерниях показатель меньше: в Витебской губернии он равен 2,08%.

Положение женского образования обстоит еще хуже; самый меньший процент девочек ко всему числу учащихся — в Могилевской губернии едва доходит до 13%, другими словами, уровень грамотности девочек в этой губернии почти в 8 раз ниже,

Губернии	Годы	Население	Пространство в кв. верстах	Школы Министерства народного просвещения.				Школы Святейшего Синода			
				Число училищ	Число учащихся			Число училищ	Число учащихся		
					Мальчики	Девочки	Всего		Мальчики	Девочки	Всего
Витебская	1880	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1895	1.458.653	39.688	731	14.461	2.975	17.436	632	10.375	1.863	12.238
	1899	1.548.339	—	430	17.934	4.990	22.924	786	15.669	4.729	20.398
Минская	1880	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1895	2.007.235	80.152	321	18.100	2.817	20.917	1.368	23.810	2.664	26.474
	1899	2.286.663	—	323	22.928	4.427	27.355	1.774	35.071	7.002	42.093
Могилевская	1880	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1895	1.550.586	42.134	248	13.519	2.483	16.002	1.606	34.500	3.584	38.084
	1899	1.820.305	—	256	16.173	3.252	19.425	1.700	24.663	5.486	48.149
Смоленская	1880	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1895	1.606.686	49.212	476	28.986	4.952	33.938	533	13.973	2.082	16.055
	1899	1.659.349	—	506	34.338	6.905	41.243	973	26.096	6.305	32.401

Таблица 19

Губернии	% новобранцев ко всему числу принятых							
	Неграмотных			Грамотных				
	1874—1887	1895	1899	Со свидетельством учебных заведений		Умеющих читать и писать или только читать		
				1895	1899	1874—1887	1895	1899
Витебская	82,81	67,10	57,44	7,87	9,58	17,19	25,08	32,98
Минская	81,03	64,20	59,21	5,79	6,87	18,97	30,01	33,92
Могилевская	85,87	64,04	54,81	7,44	9,02	14,13	25,52	36,16
Смоленская	76,02	51,76	42,48	12,15	13,37	23,98	36,09	44,15

Таблица 20

Губернии	Библиотеки		Книжных магазинов и лавок	Типографий и литографий	Всего
	Самостоятельные	При магазинах			
Витебская	7	19	34	21	81
Минская	—	—	30	18	48
Могилевская	23	11	27	16	77

чем мальчиков; наивысший процент девочек ко всему числу учащихся дает Витебская губерния — 22,44%.

В дополнение к вопросу о народном образовании мы скажем еще несколько слов относительно грамотности новобранцев, поскольку таковая является в известной степени мерилом образования (таблица 19).

Из прилагаемых данных таблицы и диаграммы виден рост грамотности новобранцев по губерниям; наибольший процент их падает на Смоленскую губернию, что вполне понятно, так как губерния

Таблица 18

Всего учебных заведений	Всего учащихся			% девочек ко всему числу учащихся	Школа приходится на:		Показатель образования
	Мальчики	Девочки	Всего		кол-во кв. верст	кол-во жителей	
168	5.943	242	6.185	3,91	—	—	—
1.003	24.835	4.838	29.674	16,00	39,57	1.454	2,04
1.216	33.603	9.719	43.322	22,44	32,63	1.273	2,08
184	13.007	904	13.911	6,50	—	—	—
1.689	41.910	5.481	47.391	11,54	47,46	1.188	2,36
2.097	57.999	11.449	69.448	16,49	38,22	1.090	3,08
353	6.867	543	7.410	7,83	—	—	—
1.848	48.019	6.067	54.086	11,22	22,50	840	3,49
1.956	58.836	8.738	67.574	12,93	21,54	930	3,71
224	7.805	812	8.617	9,42	—	—	—
1.009	42.959	7.034	49.993	14,07	48,77	1.592	3,11
1.479	60.434	13.210	73.644	17,94	33,27	1.122	4,44

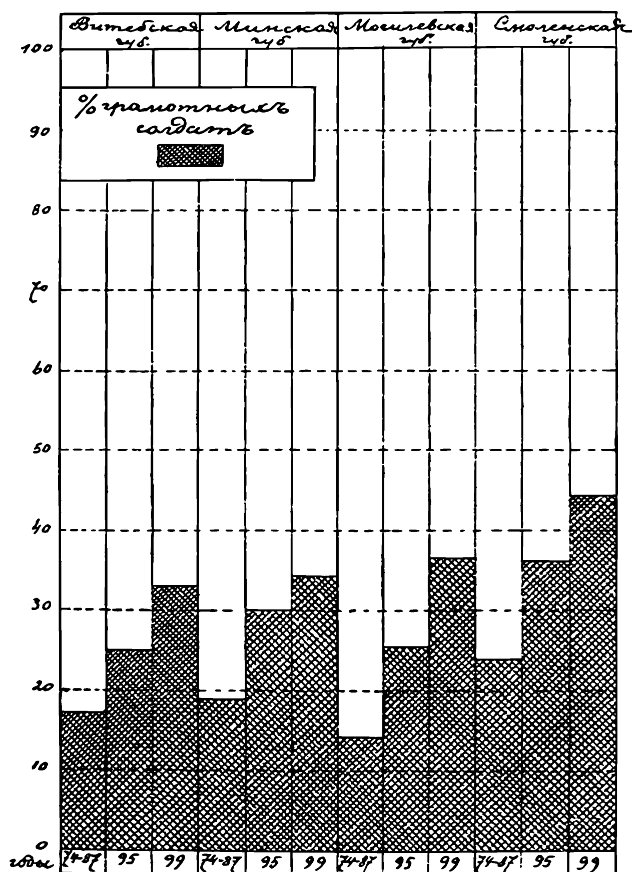
Таблица 21

Губернии	Кол-во учебных заведений	Количество учащихся
Витебская	5	1.911
Минская	8	2.389
Могилевская	6	1.940
Смоленская	6	4.205

имеет и наивысший показатель образования. Что касается лиц со свидетельствами учебных заведений, т.е. пользующихся сокращением срока военной службы, то наибольший процент их приходится также на Смоленскую губернию, а наименьший — на Минскую; наибольший процент неграмотных дает Минская губерния.

Средних учебных заведений в области к 1 января 1900 г. было 25 с 10 445 учащимися; учебные заведения по губерниям распределяются следующим образом (таблица 20).

В заключение прилагаем таблицу библиотек, типографий и книжных магазинов (таблица 21). И здесь наименьшее количество всех этих учреждений приходится на Минскую губернию.

ГЛАВА V

Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура

Д.З.Шендрика и М.В.Довнар-Запольского

Распределение населения по территории. — Сравнительная густота населения. — Рост количества населения во второй половине XIX века. — Естественное движение населения за последнее десятилетие. — Административное деление области, величина и рост городов. — Относительное количество городского и сельского населения, число, частота и людность селений. — Распределение населения по сословиям, полам и вероисповеданиям. — Этнографический состав населения. — Белорусы. — Пинчуки. — Шляхта. — Великорусы-старообрядцы. — Латыши. — Евреи. — Цыгане.

Верхнее Поднепровье и Белоруссия занимают пространство, орошаемое громадной и богатой рекой Днепром и его обильными притоками, так же Западной Двиной, в 210148,6 кв. в., а следовательно составляют почти [1/20] часть Европейской России. На этом пространстве числится, по данным последней всеобщей переписи 1897 года, 6 918 148 человек обоего пола, что составляет 5,6% или немного больше чем 1/20 всего населения Европейской России. Средняя плотность населения в области во время переписи составляла 23,9 душ на одну квадратную версту; эта плотность значительно превосходит среднюю густоту населения всей Российской империи, равную 22,2 души на одну квадратную версту. Что касается затем отдельных губерний области, то плотность населения в них немного отличается от средней плотности. Размер площадей и абсолютные данные количества населения представляются в следующем виде (таблица 22):

Таблица 22

Губернии	Число селений	На 1 селение приходится:	
		Жителей	Кв. верст пространства
Витебская	15.096	58	1,7
Минская	10.634	142	5,9
Могилевская	7.880	186	5,0
Смоленская	11.015	98	3,4

Из этой таблицы видно, что средняя плотность по губерниям выше всего в Могилевской (40,5 на одну кв. версту), ниже всего в Минской губернии (26,9). В нашей области разница в плотности населения по уездам значительна; наибольшая плотность в Витебском уезде — 64 человека на одну квадратную версту и наименьшая — в Мозырском уезде — 14 чел. на одну квадратную версту Прилагаемая здесь карта густоты населения иллюстрирует поуездную плотность; из карты видно, что бóльшая часть площади края не превышает 20—40 человек на одну квадратную версту, меньше чем [1/4] часть ее не превышает 40—60 человек, около [1/9] представляет наименее населенную часть и лишь [1/12] часть является наиболее населенной, т.е. превосходит 60 чел. на одну кв. версту. При этом наименее плотно населенным является Минское Полесье, в особенности Мозырский уезд, и наиболее плотно — старинное кривицкое ядро, т.е. долины Днепра и Западной Двины в месте их наибольшего приближения друг к другу и возвышенный, сухой водораздел между ними. Кроме этого центрального пятна сгущения (продолжающегося от Смоленска и Могилева к юго-востоку — к краю Орловской губернии) замечаются, в силу экономических и исторических условий еще четыре пятна сгущения: 1) Минско-Новогрудско-Слуцкое, возникшее отчасти благодаря сравнительно сухой, возвышенной и удобной для земледелия местности, а отчасти как старинный литовский центр вокруг столицы кн. Мендовга—Новогрудка и Несвижа, 2) Двинско-Режицкое, возникшее на месте экономического и политического соприкосновения белорусов и псковичей с рижскими немцами и латышами, 3) Гомельское, земледельческое на плодородных почвах, возникшее отчасти благодаря гнездам раскола (Ветка), 4) Вяземское (четыре восточных уезда Смоленской губернии), служащее непосредственно западным продолжением московской густой полосы великорусского населения. Если сравнить современную плотность населения с такой же плотностью 50-х годов XIX столетия, то мы заметим значительный прирост населения. Следующая таблица показывает этот прирост в цифрах за пятидесятилетие (таблица 23):

Таблица 23

Губернии	Количество населения				Прирост в % населения с 1851 г.			
	1851 г.	1858 г.	1897 г.	К 1 янв. 1900 г.	1851 г.	1858 г.	1897 г.	К 1 янв. 1900 г.
Витебская	742.811	781.741	1.502.916	1.548.339	100	105,3	202,3	208,3
Минская	935.345	986.471	2.156.123	2.286.663	100	105,5	230,5	244,5
Могилевская	837.535	884.640	1.708.041	1.820.305	100	105,6	203,9	217,3
Вся область	3.585.441	3.754.928	6.918.148	7.314.656	100	107,6	192,9	204,2

Из этой таблицы видно, как велико возрастание населения во всей области. За пятидесятилетний период население в трех губерниях—Витебской, Минской и Могилевской больше чем удвоилось, а в Смоленской увеличилось почти в полтора раза. Меньший прирост в Смоленской губернии в сравнении с остальными тремя губерниями должен быть объяснен отчасти худшими гигиеническими условиями населения (характерная для центральных великорусов наивысшая рождаемость при наивысшей смертности), а затем и неплодородностью почвы (суглинистой, песчаной и болотистой, требующей удобрения, которого, ввиду недостаточного развития скотоводства в губернии, не хватает даже на часть озимых полей, не говоря уже о яровых); благодаря такой почве в этой губернии земледелие часто не оплачивает труд земледельца, последствием чего является настоятельная необходимость заниматься другими промыслами; зачастую из губерний уходят целые семьи на заработки (главным образом в Москву) и многие из них уже не возвращаются обратно, что не может не отозваться на приросте населения. Естественное движение населения за десятилетие в период с 1888 г. по 1897 год в средних числах может быть представлено в таблице 24:

Таким образом, наибольший коэффициент брачности приходится на Смоленскую губернию — 0,9, т.е. равен коэффициенту брачности в России за последнюю четверть минувшего века; наименьший коэффициент брачности падает на Витебскую губернию; что же касается Минской и Могилевской губернии, то коэффициент брачности составляет здесь 8—9 человек на тысячу душ населения. Средняя рождаемость по области составляет 4,66, а в отдельности по губерниям самая высшая рождаемость наблюдается в Смоленской губернии — 5,45 и самая меньшая — в Витебской губернии именно 3,75. Смертность по области выражается средним числом 2,84. Наибольшая смертность имеет место в Смоленской губернии (3,94), затем идет Могилевская, потом Минская и, наконец, Витебская губернии. Естественный в области прирост выражается цифрой 1,82; он менее всего в Смоленской губернии — 1,51 и больше всего в Могилевской — 2,17. В частности, что касается движения населения по городам и уездам, то оно представляется за 1897 г. в таком виде (таблица 25):

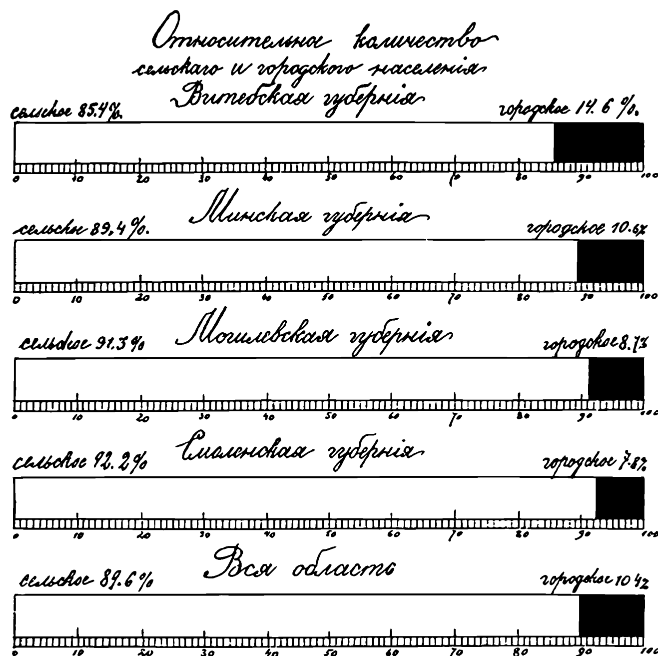
Из этой таблицы видно, что рождаемость в уездах значительно выше, чем в городах, что смертность в уездах больше, чем в городах, что браки чаще, чем в городах, но что вообще прирост населения в уездах значительно выше прироста в городах; этот более высокий прирост объясняется более высоким процентом рождения, несмотря на прочие неблагоприятные условия, как-то громадную смертность в уездах и сравнительно незначительную разницу в количестве браков в уездах по сравнению с количеством таковых в городах.

Таблица 24

Губернии	Число жителей в тысячах	Браков	Родившихся	Умерших	На 100 жителей			
					Браков	Родившихся	Умерших	Прирост населения
Витебская	1.400	10.178	52.520	31.147	0,73	3,75	2,22	1,53
Минская	1.958	16.929	89.551	50.738	0,86	4,57	2,59	1,98
Могилевская	1.521	12.757	73.958	40.872	0,84	4,86	2,69	2,17
Смоленская	1.451	13.078	79.144	57.181	0,90	5,45	3,94	1,51
Вся область	6.330	52.942	295.175	179.938	0,84	4,66	2,84	1,82

Таблица 25

Губернии	Население, приведенное к 1 июля 1897 года			На 1000 жителей родилось			На 1000 жителей умерло			На 1000 жителей браков			Естественный прирост на 1000 жителей		
	В губерниях	В городах	В уездах	В губерниях	В городах	В уездах	В губерниях	В городах	В уездах	В губерниях	В городах	В уездах	В губерниях	В городах	В уездах
Витебская	1.512.157	221.356	1.290.801	40,7	33,4	42,6	23,3	19,4	24,6	7,4	6,9	7,4	17,4	14,0	18,0
Минская	2.170.731	230.108	1.940.623	45,7	35,6	46,9	28,1	25,1	28,5	8,0	8,3	8,5	17,6	10,5	18,4
Могилевская	1.716.678	147.521	1.569.157	45,3	33,9	46,6	27,7	22,8	28,0	7,8	6,4	7,9	17,6	11,7	18,4
Смоленская	1.554.280	118.488	1.435.792	54,4	34,2	55,7	40,7	29,4	41,7	9,0	5,7	9,3	13,4	4,8	14,1

В административном отношении описываемая нами область состоит из четырех губерний; последние делятся на уезды, станы и волости; по отдельным губерниям эти административные деления распределяются следующим образом (таблица 26):

Таблица 26

Губернии	Всех городов	Уездных городов	Станов	Волостей	Сел
Витебская	12	10	38	197	15.096
Минская	12	8	34	202	10.634
Могилевская	13	10	36	145	7.880
Смоленская	12	11	33	266	11.015
Во всей области	49	39	141	810	44.625

Из числа показанных 49 городов — 4 города губернских и 6 заштатных, а остальные — уездные.

По данным переписи 1897 года, из числа городов губернских, уездных и заштатных (таблица 27):

Из городов в нашей области самым крупным является Минск — с населением, по переписи 1897 г., в 91 494 человек. Затем последовательно идут Двинск, Витебск, Смоленск и Могилев, имеющие свыше 40 тыс. жителей, Гомель и Бобруйск — свыше 30 тыс. жителей. Эти семь городов заключают в себе бóльшую часть городских жителей в области, а остальные 42 города составляют значительно меньшую часть. Прилагаемая диаграмма представ-

Таблица 27

Количеств о городов	Количество жителей, тыс.		Всего
	от	до	
15	1	5	52.133
17	5	20	119.477
8	10	10	109.440
2	20	30	48.689
2	30	40	66.891
2	40	50	90.005
1	70	80	72.231
1	—	свыше 90	91.494

ляет наглядно величину городов с населением свыше 10 тыс., но не ко времени переписи 1897 г., а к 1 января 1900 г.

Что касается роста городов, то для первой половины минувшего века мы не имеем почти никаких данных; данные же второй половины показывают громадный рост городов после 60-х годов, что объясняется крестьянской реформой, способствовавшей необыкновенно быстрому развитию производительных сил страны; только г. Могилев представляет исключение: население этого города, колеблясь то в ту, то в другую сторону, не успело значительно подняться; причину этого надо видеть в отсутствии в городе до последнего 1903 года железной дороги.

В прилагаемом графике показан рост губернских городов нашей области.

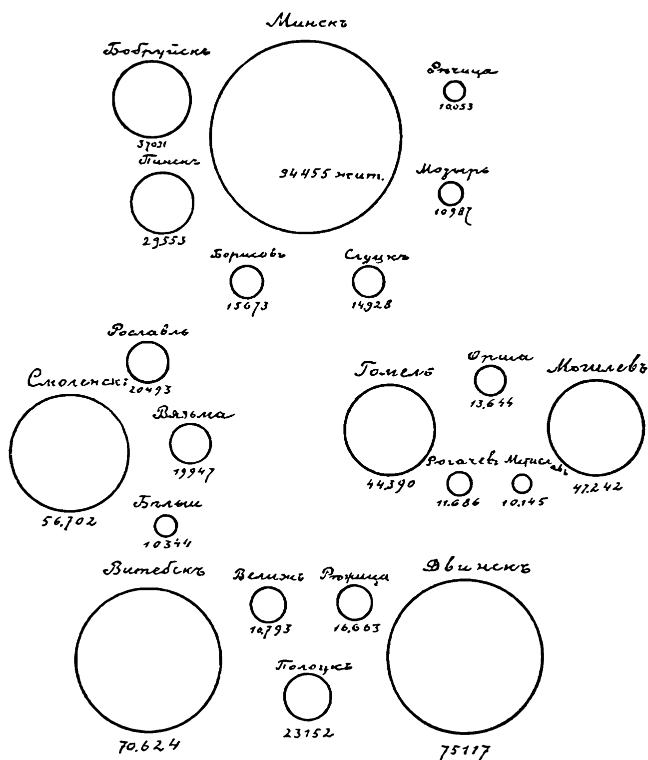
Всего городского населения в области, по данным 1897 г., насчитывалось 716 503 чел. обоего пола, остальная же масса 6 201 645 чел. составляла сельское население. Сравнительное количество сельского и городского населения представлено в диаграмме на стр. 130; из этой диаграммы видно, что городская жизнь (благодаря «местечкам») более всего развита в Витебской губернии, где она достигает 14,6% всего населения губернии; меньше же всего она развита в Смоленской губернии, (7,8%); затем в Минской губернии городское население составляет 10,6% и в Могилевской губернии — 8,7%, а во всей области — 10,4%, в чем нельзя не видеть отличия от земледельческих великорусских и тем более восточных губерний Европейской России.

Всех селений в описываемой области насчитывается около 44 625, которые распределяются между губерниями следующим образом (таблица 28):

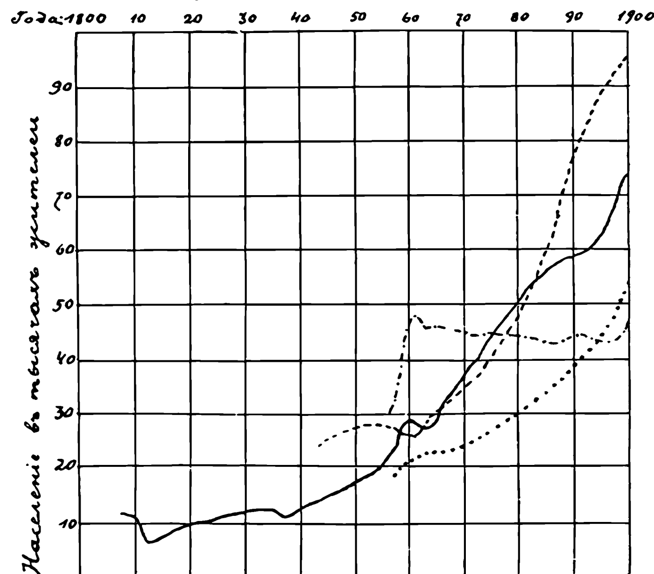
Таким образом, по числу селений первое место занимает Витебская губерния; что же касается людности селений и близости их друг к другу, то они находятся в обратно-пропорциональном отношении; реже всего селения в Минской губернии, где на одно селение приходится по 5,9 квадратную версту, а всего чаще в Витебской губернии, где на одно селение приходится 1,7 квадратную версту. По людности селений рассматриваемая область может быть разбита на две полосы — северную (Ви-

Таблица 28

Губернии	Число селений	На 1 селение приходится:	
		Жителей	Кв. верст пространства
Витебская	15.096	58	1,7
Минская	10.634	142	5,9
Могилевская	7.880	186	5,0
Смоленская	11.015	98	3,4

Сравнительная величина городов по количеству народонаселения.

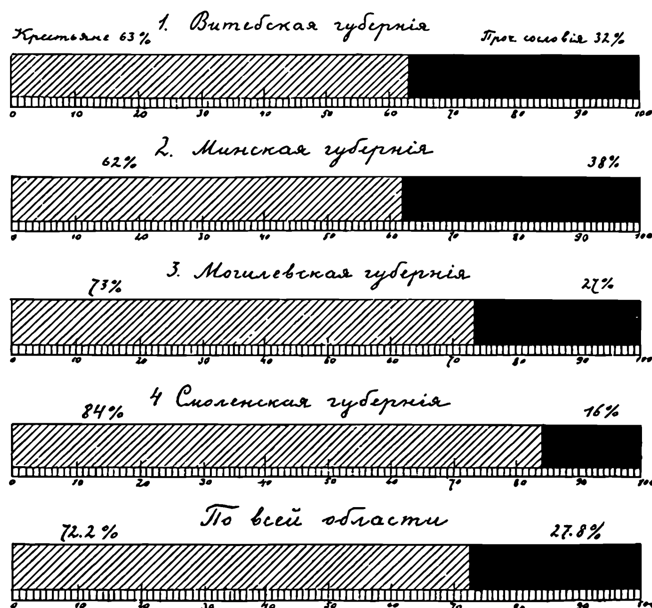

тебская и Смоленская губернии, со значительным участием так называемого «моренного ландшафта» и северным типом хозяйства), обладающую наиболее мелкими селениями, и южную (Минская и Могилевская губернии), обладающую более крупными селениями, составляющими по величине переход к малороссийским.

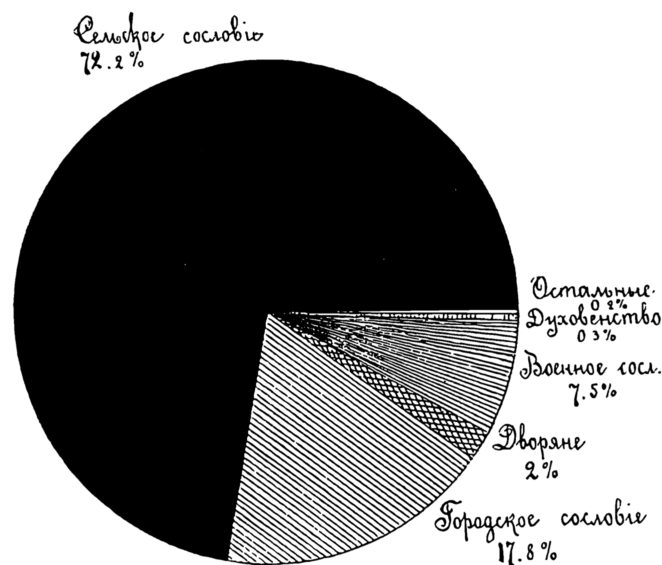
По сословиям население распределяется на две неравные массы; на диаграмме видно́, что преобладающим элементом в области являются крестьяне; они составляют 72% всего населения в крае, и только остальные 28% составляют прочие сословия.

Пропорция крестьян в населении прогрессивно увеличивается в рассматриваемой области с юго-запада на северо-восток параллельно с уменьшением количества еврейского населения (в Минской губернии крестьяне составляют 62% всего населения, а в Смоленской губернии процент крестьян составляет 84% населения). Диаграммы на этой странице показывают более подробное распределение населения по сословиям в нашей области. Общее число крестьян здесь определяется в 4 712 542 человека обоего пола.

По полам население области распределяется на две почти равные части — с незначительным преобладанием женщин: именно женщины составляют 50,7%, а мужчины — 49,3%; при распределении же всего населения в области на городское и сельское отношение между полами дает более значительную разницу, причем в городском населении, как и всюду, преобладает мужской пол, а в сельском заметно преобладание женского элемента.

Количество крестьян по сравнению с прочими сословиями.

Распределение населения по сословиям по всей области.

Указанное распределение показано в диаграмме на стр. 134.

По вероисповеданиям население области, как видно из диаграммы на стр. 135, распределяется на православных, которые составляют наибольший процент — 76,7% (4 947 404 чел.), последователей иудейского исповедания — 11%, католиков 9,4%, раскольников 2,2%, протестантов — 0,6% и прочих исповеданий — 0,1. По отдельным губерниям: православных наибольший процент — в Смоленской губернии, как наиболее великорусской — 97,7%, наименьший — в Витебской, именно 54,9%, в Минской — 70,2 и в Могилевской — 83,4; католиков, наоборот, — наибольший процент в Витебской — 25,4%, наименьший — в Смоленской — 0,3%; в Минской — 10,2% и в Могилевской — 2,9%; иудеев наибольший процент в Минской — 18,5%, а наименьший — в Смоленской — 0,4%; в Витебской и Могилевской губернии их свыше 11%. Раскольников больше всего в Витебской — 6,0%; потом следует Могилевская — 1,6%; Смоленская — 1,5% и Минская — 0,6%; протестантов больше всего в Витебской губернии — 2,3% вследствие примеси латышского населения.

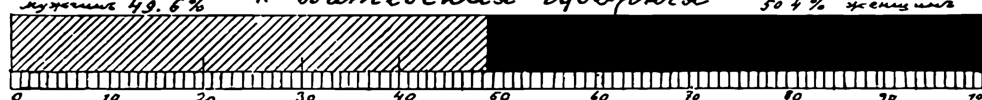
Что касается, наконец, этнографического состава населения нашей области, то, к сожалению, до сих пор данные народной переписи 1897 г. не разработаны настолько, чтобы дать ответ на этот вопрос по всей рассматриваемой области, вследствие чего приходится брать эти данные за различные годы, что, хотя и незначительно, но все-таки удаляет нас от пределов возможной истины в окончательных результатах исследований. Из прилагаемой здесь диаграммы видно, что в крае преобладает белорусский элемент, составляющий 66,3%

I Относительное количество мужчинъ и женщинъ (городского и сельскаго населенія) по всей области

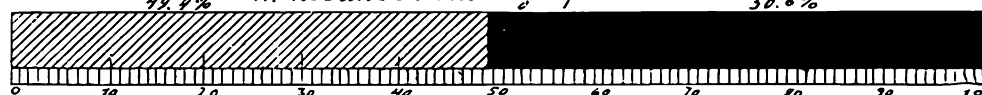

II Относительное количество мужчинъ и женщинъ въ сельскомъ населеніи

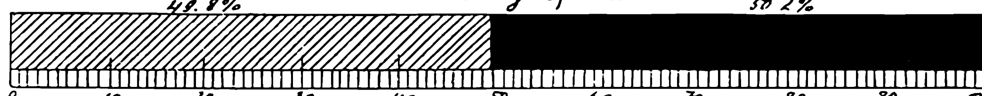
1. Витебская губернія

2. Могилевская губерния

3. Минская губернія

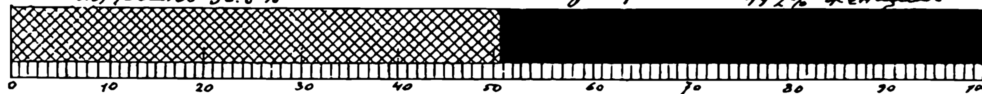

4. Смоленская губерния

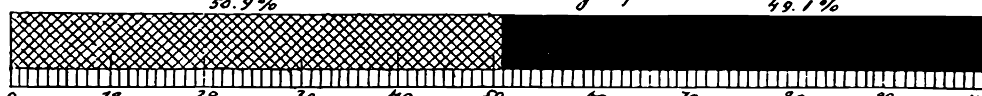

III. Относительное количество мужчинъ и женщинъ въ городскомъ населеніи

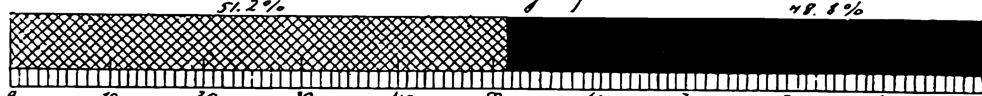
1. Витебская губерния

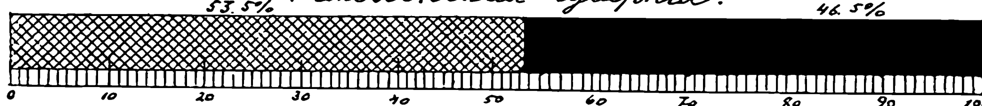
2. Могилевская губерния

3. Минская губернія

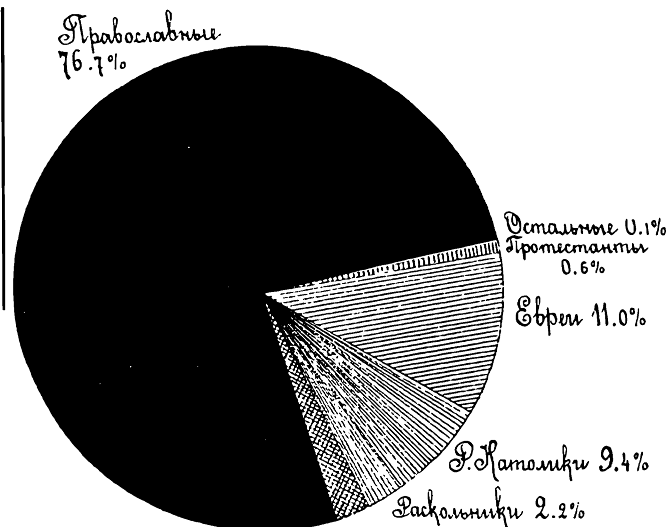
4. Смоленская губернія.

всего населения области, или 4 769 032 чел.; затем следуют великорусы, малорусы, евреи, поляки и латыши. По отдельным губерниям белорусов больше всего в Могилевской губернии (84%) и меньше всего в Смоленской губернии (46,7%); великорусы преобладают в Смоленской губернии, доходя здесь до 42,3%, в то время как Витебская и Минская губернии имеют их не свыше 5%, а Могилевская не доходит даже до 1%; поляков больше всего в Минской губернии — около 12%, а меньше всего в Смоленской губернии — 0,5%; приблизительно такой же процент и евреев в последней губернии; латыши живут только в Витебской губернии и составляют здесь 20% населения, т.е. свыше 300 000 душ. Наконец, небольшими группами живут в Витебской губернии эсты, в Минской — татары, старинные поселения которых находятся в Новогрудском и Минском у.; татары были поселены здесь вел. кн. Витовтом, а в последующее время селились татарские выходцы и пленники. Наконец, по всему краю рассыпаны цыгане. Надо еще заметить, что статистические сведения обыкновенно включают в число белорусов и пинчуков, тогда как они относятся к малорусскому племени. Наконец, в этнографическом отношении представляют собой особый интерес группы белорусской шляхты и великорусов-старообрядцев.

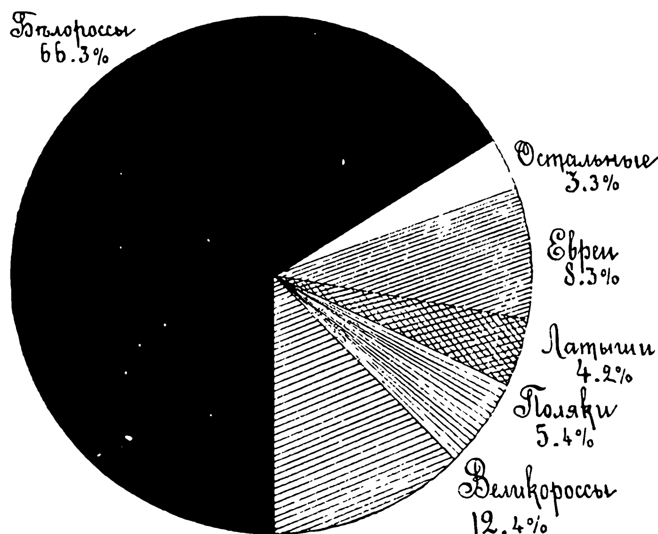
Таков пестрый состав групп населения белорусских губерний. Мы займемся бытом наиболее заметных в крае народностей — белорусов, пинчуков, великорусов — раскольников, латышей, евреев и цыган. Основным элементом являются белорусы, к которым мы прежде всего и обратимся.

Среди деревенской обстановки и занятий пахаря и рыболова белорус еще сохранил много любопытных особенностей как в языке, общем строе мировоззрения, вообще во всем умственном укладе жизни, так и в обстановке внешнего быта. Общий колорит белорусской речи, фигура и одежда

Распределение населения по вероисповеданиям по всей области.

белоруса резко выделяют его из великорусов и малорусов. Белорусское мещанство далеко не так консервативно: в настоящее время национальный белорусский костюм на городском жителе — уже большая редкость. Мещанство более или менее крупных городов быстро утрачивает чистую белорусскую речь, которая подвергается сильному великорусскому влиянию; в иных городах, особенно в Минской губернии, где влияние польского элемента и католицизма было гораздо сильнее, преобладает среди мещанства польский язык. Таким образом, в городах среди местного мещанства слышится или польская речь, или великорусская с сильной примесью белорусской фонетики, что

Распределение населения по этнографическому составу по всей области.

придает речи горожан весьма неблагозвучный колорит. И внешняя обстановка быта городского ремесленника, огородника, мелкого торговца в сильной мере подверглась городскому влиянию. Горожанин уже гнушается богатым запасом белорусских песен и сказок, жадно усваивая солдатскую, фабричную песню или какой-нибудь романс в безобразной переделке. Только еще некоторые основные черты умственного уклада белоруса сохраняются в городском пиджачнике: вера в нечистую силу, в помощь для борьбы с ней знахаря, кое-где скомканное выполнение свадебного, родинного или рождественского обряда напоминает о кровной связи мещанина с окрестными селами. О местной белорусской интеллигенции, подобной, напр., малорусской, речи быть не может, так как ее не существует. Независимо от того, к какому классу общества принадлежит образованный белорус, прошедший среднюю или высшую школу, он охотно оставляет родной край и ищет места на чужбине. Немногие поэтому из окончивших курс в разных высших учебных заведениях возвращаются на родину, да и возвращающиеся редко поддерживают связи с сельским людом. Эти акты, столь обычные для всей России, в белорусских губерниях имеют еще особые причины. В крае отсутствует крупная фабричная и заводская промышленность, а существующая находится в руках немцев и евреев; в крае нет единого крупного центра административного или культурного, который мог бы привлекать к себе образованную молодежь; в трех губерниях отсутствует и земство. В тех же трех губерниях землевладение находится преимущественно в руках поляков; если поляк стремится к административной карьере, он должен искать ее вне пределов своего родного края; если поляк не вышел из сферы польской культуры, то для него естественным центром является Варшава, в крайнем случае Вильна, Киев. Таким образом, три белорусские губернии находятся в особых условиях, не представляющих широкого поля для приложения интеллигентного труда; места же по администрации охотно замещаются выходцами из великорусских губерний в целях обрусения края.

Итак, с настоящим, коренным белорусом можно познакомиться только в его бедной деревне, среди болот и лесов. Мало того, чем глуше эта деревня, чем больше она удалена от города, тем население ее является более интересным для наблюдателя потому, что городские обычаи, влияние школы и церкви начинают проникать в села и нарушают первобытный жизненный уклад их.

По наружности белоруса очень нетрудно отличить от двух других разновидностей русского племени — великорусов и малорусов. Прежде всего,

он среднего роста, скорее приземист; он не так широк и плотен, как великорус. Данные о росте новобранцев, разработанные проф. Д.Н.Анучиным, дают следующие величины среднего роста:

Смоленская губерния	1.634 мм.
Витебская	1.642
Могилевская	1.637
Минская	1.634

Таким образом, рост новобранцев в Витебской и Могилевской губернии можно признать средним, а в Смоленской и Минской — несколько ниже среднего. В частности по уездам наиболее высокий рост новобранцев констатирован Анучиным для Поречского, Красненского и Мозырского уездов, а наиболее низкий — для Пинского, Климовичского, Двинского, Режицкого и Люцинского уездов. Вообще, среди новобранцев рассматриваемой области попадается от 2 до 3% очень высоких. Белорус отличается светлым цветом кожи, а женщины очень часто обладают весьма тонкими чертами лица. Светлые или светлорусые волосы являются преобладающими среди белорусского населения, точно так же как и серый или голубой цвет глаз. Таким образом, у белоруса нет того высокого роста и той стройности, которой обладает малорус, и нет той осанистости, степенности, которая составляет украшение великорусского типа. Несмотря на это, общее впечатление, выносимое при встрече с типичным белорусом, весьма для него благоприятно: в нем заметна мягкость в чертах лица, которую удачно пополняет кроткий взгляд серых или голубых глаз; все это очень хорошо гармонирует с несколько хрупким, на первый взгляд, физическим строением всего организма. Некоторая скулатость, которой отличается физиономия центрального белоруса, также нисколько не портит общего впечатления. Вообще, белорусы представляют собой едва ли не самый чистый тип славянского племени. Это объясняется тем, что белорусское племя в своем историческом прошлом не сливалось с другими народностями, тогда как великорусы, занимая земли финских племен, смешивались с ними, а малорусское племя представляет собой очень пеструю смесь древнерусских племен с тюркскими народностями. Белорусская народность никогда не подвергалась завоеванию неславянского племени; даже татары не пошли глубже Смоленской области, но и здесь они были недолго. Слияние с Литвой, а затем с Польшей не могло повлиять на изменение белорусского типа, так как и из Литвы, и из Польши переходило в русские земли исключительно дворянство, притом вообще в небольшом числе. Конечно, чистота белорусского типа подвергается изменениям по мере приближения к пределам малорусской и великорусской народностей. На пограничье с Литвой и латышами белорусский тип не подвергся изменениям, но на юге и юго-западе Минской губернии весьма заметны следы скрещивания малорусского и белорусского племени, а в Смоленской — белорусского и великорусского, притом настолько сильного, что границы того и другого племени в этой губернии до сих пор окончательно не установлены. Следы скрещивания с малорусами встречаются спорадически: напр., крайний юг Речицкого уезда населен типичными белорусами, но в заприпятской части Мозырского уезда встречаются села с населением малорусского типа, хотя и говорящим по-белорусски. Этот смешанный тип учащается с приближением к границам Пинского уезда и переходит на север от Припяти, протягиваясь по северной окраине этого уезда к Гродненской губернии.

Белорусы отличаются от других двух русских народностей и своим наречием. Белорусская речь слышится далеко за пределами рассматриваемых белорусских губерний: насчитывают 68 уездов, в которых белорусское население или преобладает, или является в значительных группах[1].

Важнейшие особенности белорусской речи заключаются в следующем. Прежде всего, белорусское наречие (как и южно-великорусское) выделяется своим *аканьем.* Оно состоит в том, что всякое неударяемое о или е () выговаривается как *а, я,* т. е. белорус говорит *галава, сяло.* Иногда, впрочем, *а* и *е* произносятся как *ы* и *и*, например: *мылыдая, нисем. О* подвергается еще и другому изменению: под ударением оно в некоторых говорах превращается в двугласное *оу* и *уо*, напр., *дуом* (дом) и т.п. Аканье и яканье белорусского наречия ставит его в связь с южно-великорусскими акающими говорами, но в белорусском наречии есть еще другие особенности. Так, вилв середине слов перед следующими согласными и на конце слова изменяются в *у*, произносимое кратко, вроде как в малорусском наречии. Это очень характерная особенность наречия. Белорусы говорят *шаукавый, дау, воук, братоу.* Такой же очень важной чертой является белорусское *дзеканье, цеканье* и *цоканье.* Первое и второе явление заключаются в том, что мягкие *д* и

[1] На белорусском наречии говорят кроме Могилёвской, Минской, Витебской и Смоленской губерний, за исключением восточной части последней, ещё в следующих губерниях: в большей части Виленской губернии, в северной части Черниговской, в Гродненской (половина), в Сувалкской (Августовский уезд), наконец, отдельные поселения в Курляндской, Ковенской и на западных окраинах Тверской, Калужской и Орловской (в последних трех очень нечисто вследствие метисации с преобладающим родственным великорусским племенем).

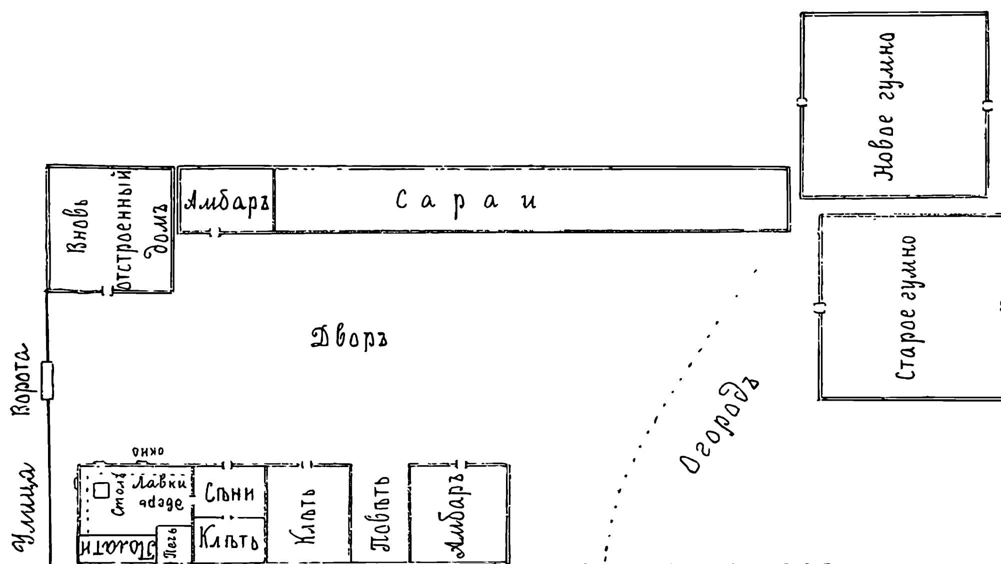
т перед гласными и в конце слова произносятся как *дз* и *ц,* т.е. говорят: *дзед* (дед), *глядзь, циха* (тихо), *биць* (бить). Дзеканье и цеканье составляют общую особенность наречия, но цоканье встречается только в северо-восточном углу белорусской территории, т. е. в пограничных с Псковской губернией частях Витебской (Себежский, Велижский, Витебский и Городокский уезды) и кое-где в Смоленской губернии, именно близ ее границы с Тверской. Оно состоит в замене *ч* через *ц*, т. е. говорят *пцолка* (пчелка), *круцина* (кручина) и т. д. Далее белорусское *р* произносится всегда твердо и не знает после себя мягких гласных (царá, гарачий), и произносится как французское h, т. е. с придыханием, близко к *х*, как в южно-великорусском (ср. «Россия», т. II, стр. 171) и малорусском наречиях. Мягкие согласные перед мягкими (иотированными) гласными удваиваются, напр., *вяселле, спачиванне.* Вместо великорусской группы *жж* белорусы произносят *ждж, ждч, здч*, т. е. говорят: *прыяжджаць, дажджа* (дождя). Белорусское *с* перед следующими согласными выговаривается мягко, напр., *сьпевай.* Наряду с особенностями, которые встречаются в замене гласных и согласных звуков, белорусское наречие знает ряд особенностей, свойственных ему, в окончаниях форм склонений и спряжений.

Белорусское наречие является преемником говора, которым изъяснялись древние кривичи, вероятно, и дреговичи. Этот говор отличался от общерусского языка уже в XIII—XIV вв. Важнейшие нынешние особенности белорусского наречия, напр., *у* вместо *в* и *л, р* твердое, *h* вместо *г* заметны уже в XIV в., цеканье и дзеканье — с XVI в.

При знакомстве с белорусами и их бытом эти беглые замечания о наречии, которые мы привели, будут небесполезны.

Для того, кто не привык к общему колориту края, белоруское село, вся внешняя его обстановка могут показаться малопривлекательными — серенькими, бедненькими. Все серо и даже темно-серо: белый наряд белоруса очень скоро превращается в грязно-серый, построенная из сосновых или еловых бревен изба также скоро темнеет, а соломенная на ней крыша приобретает грязно-желтый оттенок, пока не покроется оазисами темноватой плесени. Окружающие деревню поля и огороды гармонируют с этой обстановкой, так как почва их состоит из суглинка и супеси, иногда с большими пятнами чистого песка. Эта наружная бедность иногда поражает свежего наблюдателя, но тот, кто привык к этой обстановке, кто пригляделся к ней попристальнее, повнимательнее, тот найдет и в ней много привлекательного.

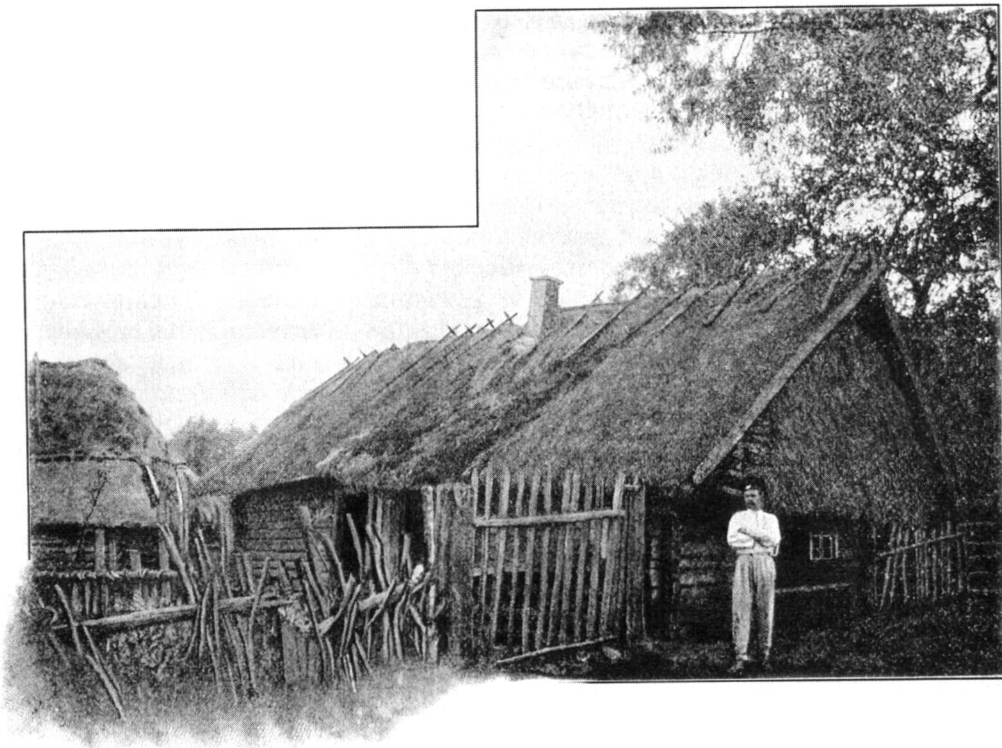
Сельские поселения Белоруссии в общем невелики: село в полтораста—двести изб уже считается очень большим и попадается редко. В Витебской Белоруссии нередко можно встретить деревню в пять—шесть изб. Особенность в расположении селений составляют еще так называемые приселки. Приселок — это один или несколько дворов, выселившихся куда-нибудь на лесную поляну, или на расчищенное лесовище из ближайшего селения; это новый поселок, из которого в несколько поколений образуется настоящая деревня. Появление таких приселок объясняется расположением крестьянских полей: при существующей черезполосице крестьянские поля нередко оказываются вдали от поселений, среди казенных или помещичьих лесов и угодий; разветвляющиеся семьи охотно основывают приселки, избегая неудобств в пользовании полями, разбросанными в различных местах.

План дома и усадьбы богатого крестьянина деревни Краглевичи Телеханской волости (северная часть Пинского уезда).

В белорусской деревне мало зелени, так как сады здесь весьма редки. Зато устройство дворов дышит хозяйственностью. В противоположность живо-

писным малорусским бе⟩
большей частью одино⟩
кое-как полуразваливше
к которой с внутренней
ны несложные сарайчи
крестьянина построен в
в селе большей частью
выстраиваются в одну
улицу. Жилые избы
довольно обширны,
иногда в двадцать—
пятнадцать аршин в
квадрате. Жилое помещение стоит не одиноко: к нему пристраиваются сени, имеющие ту же ширину, что и изба, но несколько у́же ее; непосредственно к сеням примыкает клеть или истопка. Клеть обычно бывает таких же размеров, как и изба. За истопкой в одну линию тянутся хлевы. В богатом хозяйстве хлевы идут вокруг двора четырехугольником, заканчиваясь против избы амбаром, называемым клуней. Между сараями, обыкновенно против ворот, устраивается «поветь» — крытое помещение, с двух или трех сторон запущенное стенами. Здесь лежат сельскохозяйственные орудия, телеги, наколотые дрова и проч. За линией сараев (на стороне, противоположной воротам) тянутся огороды.

Важную часть в хозяйственных постройках представляет гумно. Гумна выстриваются или позади огородов, или, если жилые строения расположены в одну линию, — через улицу, против жилья; в более редких случаях гумна устраиваются вне села. По внешнему виду гумно нетрудно отличить от других построек: оно имеет при невысоких стенках очень высоко приподнятую крышу, образующую широкий навес со стороны въезда. Гумно окружено небольшой лужайкой, за которой тянутся поля или огороды. На пригуменной лужайке в южных уездах рассматриваемой области возвышается еще высокий «пераплот» — два высоких столба, соединенные поперечными жердями, в которые вкладывают снопы для просушки. Гумна бывают вообще весьма солидных размеров. В середине широкой стороны гумно имеет ворота, на противоположной стороне которых находятся тоже ворота, или легко разбираемый простенок. Средняя часть гумна занята «током» — глиняным полом, тщательно утрамбованным; на току происходит молотьба. По обе стороны токовища складывают снопы. На гумне же находится сушильня (евня, рея, осеть — овин). Сушильня представляет собой небольшое строение с выкопанной внутри ямой, в которой раскладывается во время сушки огонь; над ямой сделаны решетки, в которые складывают снопы. Вымолоченный хлеб поступает в закрома «клуни». Как бы ни было велико гумно, но в хорошем хозяйстве оно не вмещает в себя всего сжатого хлеба; поэтому в богатом хозяйстве на пригуменной лужайке встречаются скирды сложенного в снопы хлеба. У богатого хозяина скирды стоят по нескольку лет, составляя его запасный капитал.

К надворным строениям следует еще отнести и баню — «банька, лазня». Впрочем бани встречаются преимущественно в Витебской и Смоленской губерниях, как наиболее близких к северным великороссам — охотникам до бань; да, впрочем, и здесь баня встречается далеко не у всякого хозяина. Белорус большой охотник попариться, но, за отсутствием бани, подобно южному великорусу, прибегает к домовой печи, солидные размеры которой дают возможность в ней попариться. Где строятся бани, там они бывают весьма миниатюрных размеров — до двух сажен длины, в полторы сажени ширины и в сажень высоты, с крохотным предбанником. Витебский белорус очень любит

свою «лазенку», а матери берут туда с собой и грудных детей. Усердно распарив тело веником, белорус охотно бежит «окунуться» в соседнее озеро или речку, а зимой покататься в снегу, чтобы с новыми силами отдаться банному удовольствию.

До сих пор шла речь о хозяйственных строениях. Пора теперь заглянуть и в жилую крестьянскую избу. Белорусская хата всегда строится на улицу, но вход имеет со двора. Крыша ставится высокая и покрывается большей частью соломой, или, реже, драницами; наружная стена крыши, как в старых великорусских избах, стоит отвесно; она украшается иногда резьбой на боковых досках. Из наружных украшений употребительна также и резьба на досках, окружающих окна, особенно тех, которые выходят на улицу. Избы строятся бревенчатые, из соснового или елового дерева. Фундамент не делают, окружая вместо него избу заваленкой («призба»).

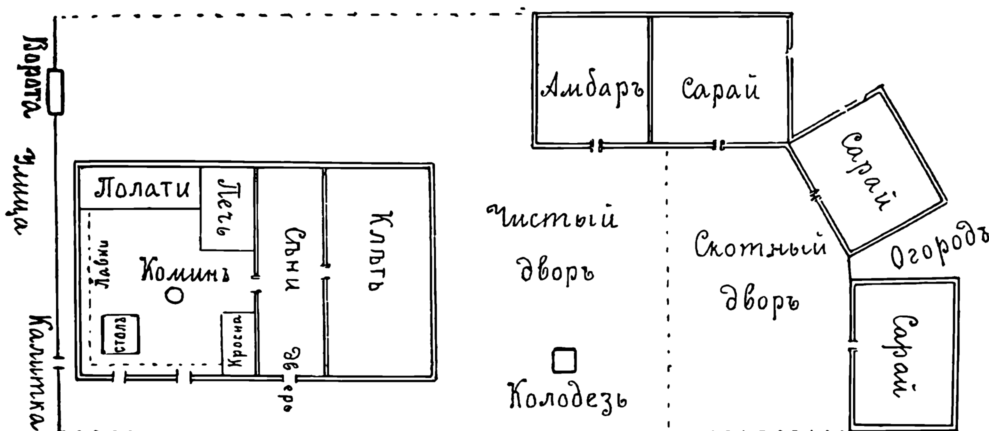
Внутренний вид белорусской хаты соответствует внешнему. Проста хата изнутри, но вся она служит хозяйственным целям. Плохо обтесанные с внутренней стороны бревна кое-как смазываются глиной с мелом. Потолок редко белится. Пол досчатый, или гораздо чаще земляной. Украшений почти нет. Можно указать разве на то, что иконы иногда обвешены полотенцами, вытканными на концах весьма несложными узорами. Изредка можно видеть некоторое изящество в иконах: их тогда бывает довольно много, разной величины, разного содержания и в хороших покупных рамах. Среди икон особенно часто встречается известное лубочное изображение св. Георгия в борьбе со змием. Вот и все те черты обстановки, которые относятся, так сказать, к роскоши, в которой отражается вкус обитателей здешней избы.

Все остальное убранство состоит из стола, стоящего перед скамьями — «лавками» в углу под образами, «лавок» из толстых дубовых досок, тянущихся у двух стен — левой от входа и той, которая против дверей; скамьи неподвижно прикреплены к стенам. Направо от входа находится большая печь, занимающая иногда около четверти всего помещения. Между печкой и стеной находятся «палати» — досчатые нары, на которых спят. Впрочем, встречаются уже и кровати, — большие, на которых спит чуть ли не целая семья. К обстановке избы следует еще добавить, что с левой стороны у дверей вы всегда встретите «кросна» или «верстак», т. е. несложного устройства ткацкий станок. Другой мебели не бывает. Вместо стульев служат небольшие скамьи, хотя иногда можно видеть деревянный стул грубой работы. Надо заметить, что в Витебской Белоруссии над полатями под потолком устраиваются еще другие полати (называемые «полом»). Они делаются несколько уже нижних, причем между печкой и полатями оставляется некоторое пространство. «Пол», полати и печь служат для спанья. На печь и верхние полати забираются старики да дети, или тот, кому хочется погреться. Пространство между полатями (нарами) и земляным полом не остается без употребления: здесь в земляном полу вырывается яма, которая служит погребом. Кроме того, в зимнюю пору под нарами держат телят, ягнят, для чего подпольное пространство ограждается от избы решеткой.

Печь также служит многообразным хозяйственным нуждам, помимо своего прямого назначения. Печи бывают глинобитные или кирпичные. С наружной стороны печь имеет целый ряд «печурок», т. е. углублений, в которые хозяйки кладут лучину и разные хозяйственные принадлежности; в других печурках мужчины сушат онучи, лапти.

Между полом и основанием печи оставляется большое пространство, называемое «подпечьем», в котором находятся куры.

Усадьба крестьянина деревни Углы Дерновичской волости (Речицкого уезда).

Для освещения в старых избах еще встречается особая светильня, называемая «ко́мином». К потолку в середине избы прикрепляется воронка, выплетенная из лозы и плотно обмазанная глиной, имеющая в расширенном конце около [$^3/_4$] аршина и спускающаяся вниз настолько, чтобы не мешать ходить по ней взрослым людям. К «комину» подвешивается жаровня, на которой зажигают лучину. Дым выпускается через трубу, устроенную в потолке и крыше.

Из избы двери ведут в обширные сени, которые также служат различным хозяйственным целям. Во многих домах здесь стоят ручные жернова, тут же вы встретите кадки, ступы и проч. Летом хозяйка выносит в сени свои «кросна», так как в избе ткать очень жарко. Летом же сени служат и столовой для всей семьи. Из сеней дверь ведет в клеть. Она строится довольно прочно, так что при разрастании семьи холодное помещение легко превращается в теплое. Клеть служит для склада хозяйственных припасов и вообще всего добра. О богатом человеке говорят, что у него «полная клеть». Тут стоят «кублы», т. е. кадки со всяким добром, заменяющие собой сундуки и комоды.

Одежда белоруса имеет весьма незатейливый вид. Нижняя часть мужской одежды состоит из рубахи русского покроя, т.е. с косым воротом и весьма узким воротником. Воротник иногда вышивается красной тесьмой. В более полонизованных местностях носят «кывняровую кошулю» с прямым разрезом, широким воротником, который огибает цветной платочек, заменяющий собой галстук. Рубашки носятся навыпуск и неизменно подпоясываются особым поясом. Поверх сорочки одевают «кымызельку» — жилетку из сукна или холста, застегивающуюся металлическими пуговицами или шнурочками. Первая верхняя одежда представляет собой «насов», который бывает двух типов — с низеньким, едва заметным воротником и «кывняровы» — с высоким откладным воротником; тот и другой насов шьется из холста, но насов с коротким воротником делается в талию и с карманами, обшиваемыми синей тесьмой. Напротив, «кывняровый насов» представляет собой собственно балахон с широкими полами, не суживающийся в талии. В Витебской губернии насовы делают цветные, напр., темные, коричневые, синие; впрочем холст, употребляемый на насовы, не имеет сплошной окраски, так как при тканье такого холста белые нитки переметаются с цветными. Насов, заменяющий собой сюртук, не пользуется всеобщим распространением. Зато свитка или сермяга из белого или серого сукна домашнего приготовления может быть признана национальной одеждой белоруса. Сукно, употребляемое на свитки, приготовляется на местных сукновальнях и обычно бывает весьма грубой работы. Свиты имеют точно такой же покрой, как и насовы, причем очень часто рукава и воротники обшиваются тонкой кожей. Тонкой же цветной тесьмой делаются нашивки и узоры на груди. Свита с широким воротником, сшитая не в талию, считается более дорожной одеждой, тогда как свита в талию и с узким воротником употребляется в парадных случаях. Хозяин без свиты может принимать у себя гостей, зайти по делу к соседу и проч. Но отправляясь в церковь, в парадные гости, принимая у себя званых гостей, крестьянин непременно натянет на себя свиту и подпояшется широким и в несколько обхватов поясом, несмотря на летнюю удушливую жару или жарко натопленную печь.

Верхнюю одежду зимой составляет овчинный нагольный тулуп — кожух, который бывает или длинным (для пути) или коротким (для работ около дома). Внешним видом кожуха белорус не интересуется. Если поэтому он хочет принарядиться зимой, напр., едучи на ярмарку в соседнее местечко, отправляясь в церковь, то поверх тулупа он натягивает свиту. Тулуп также обязательно подпоясывается.

Старик-крестьянин Лепельского уезда.

Пояс, как мы видим, в одежде белоруса играет весьма видную роль. Пояс действительно считается украшением, и иногда хороший пояс служит нескольким поколениям. Пояс представляет собой шерстяную ткань из красных или красных и синих ниток с разводами и узорами; ширина пояса очень различна, но доходит до четырех—шести вершков; длина пояса рассчитывается на два или четыре обхвата, и кроме того на концах он украшается бахромой.

Типичный для белоруса головной убор, теперь уже быстро вытесняемый рыночными картузами, — это высокая шапка из того же толстого сукна, из которого делаются свиты; она имеет форму усеченного конуса с завороченными вверх небольшими краями. Такая «маргелка» употребляется как зимой, так и летом; впрочем, в последнее время года иногда носят «брыли», т. е. широкополые соломенные шляпы.

Женская одежда состоит из сорочки, юбки («спадница»), кофточки, застегивающейся у воротника на одну пуговку, с короткими полами, едва доходящими до поясницы, или «китлика» — шнуровки, плотно облегающей грудь и спину и напоминающей корсет без планшеток. Этот наряд дополняется фартуком. Нарядная женская сорочка шьется с широким, гладким воротником, с широкими наплечниками и рукавами, оканчивающимися узкими и тонкими обшлагами. Наплечники, обшлага рукавов и ворот на груди иногда прошиваются цветными нитками. В последнее время «спадницы» все чаще и чаще делаются из ситца, но это новшество еще не распространилось повсеместно. «Старосветская» женская «спадница» делается или из обычного белого холста, или из домашней шерстяной материи. Нарядная шерстяная юбка («андарак») делается из такой же материи, только несколько более грубой, как и мужские пояса, и бывает синего цвета, красного или красного с синим с разводами и узорами. Из такого же сукна лучшего качества делаются китлики. Впрочем, есть местности, где женщины носят всю одежду исключительно из холста, т. е. юбку, шнуровку и даже фартук; только зимой они носят серые или черные шерстяные юбки. Такой наряд женщины преобладает в Пинском уезде и в тех местностях Мозырского уезда, которые прилегают к Пинскому. При белом головном уборе этот наряд является довольно оригинальным.

Верхняя одежда женщин ничем не отличается от мужской, т. е. женщины носят такие же свиты и кожухи, как и мужчины. Поэтому обычно мужчины и женщины носят одну и ту же одежду. Надо только заметить, что свита в парадных случаях является более или менее необходимым одеянием только для старух и пожилых женщин; девушки же и молодые женщины набрасывают свиту только в непогоду, или в холод и снимают ее при входе в избу. Замужние женщины дополняют свой наряд в важных случаях большим платком, который накидывается на плечи.

Зато женский головной убор отличается разнообразием, смотря по местностям, и иногда затейливостью. Девушки, впрочем, не носят никакого головного убора. Девичья коса или спущена, причем концы ее переплетаются «китайками», т. е. ленточками, или же укладываются вокруг головы. Только в ненастье или для дороги девушка набрасывает на голову платок, подвязанный под подбородком. Непокрытая голова — признак девичества. Кое-где еще сохранился старинный девический головной убор — венок из парчевой или какой-нибудь ярко-цветной материи. Венок делается из старого ситечка, лубка или бересты; эта основа обшивается холстом, на который уже накладывается веночная материя. В настоящее время такие девичьи венки составляют уже большую редкость,

и их чаще всего можно видеть на молодой и ее дружках, когда свадебный поезд направляется в церковь, или из церкви.

Самым распространенным головным нарядом замужней женщины является платок, который повязывается следующим образом: на переднюю часть головы накладывается особая настилка из льна, без которой, впрочем, обходятся, если женщина обладает толстой косой; затем повязывается платок, так что он прикрывает верхнюю часть лба и плотно охватывает всю голову; завязывается платок на лбу, причем опорой для узла является указанная подкладка; по обе стороны головы платок образует нечто вроде рогов.

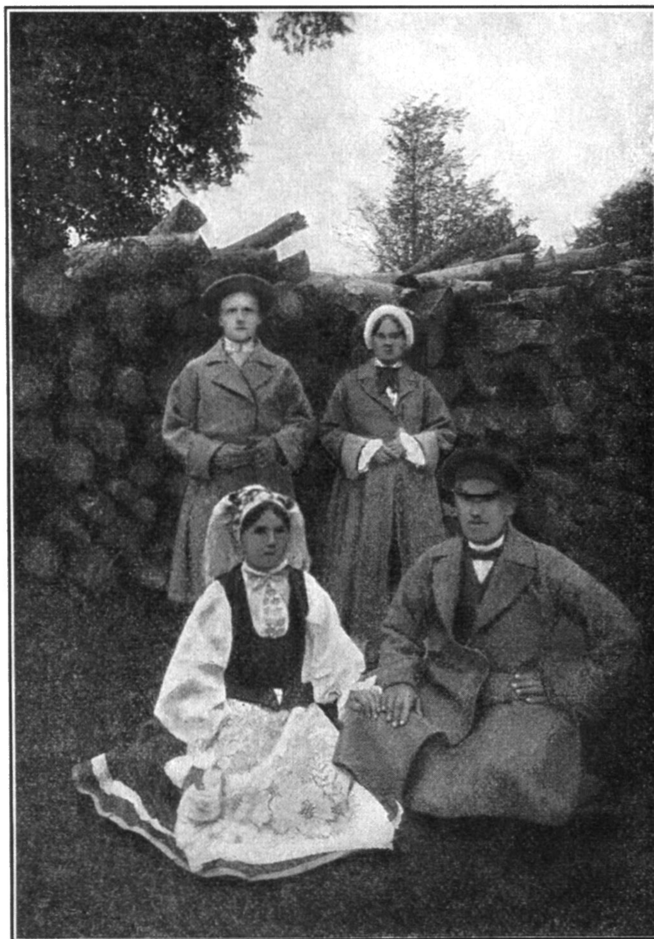
Во многих волостях Полесья женщины до сих пор носят «намитки» — убор, который еще в недавнее время имел весьма широкое распространение. Намитка имеет вид узкого полотенца с прошитыми узорными концами. Весь головной убор строится таким образом: прежде всего на голову плотно укладывают «тканицу» — пасму льна, зашитого в холст; тканица прикрывается чепцом, сверх которого уже повязывается намитка. Способ ношения намитки самый разнообразный и бывает весьма затейливым; но впрочем это разнообразие представляет особенность известной округи и строго держится в данной местности. Так, в одних местностях середина намитки охватывает подбородок, так что спускается с него, и затем концы ее завязываются на середине головы и, свернутые в трубки, ниспадают на плечи. В других местах намитка складывается и плотно облегает подбородок, падая на плечи сборками. Очень характерен головной убор в Давид-Городецкой волости Мозырского уезда. Здесь вместо тканицы под чепец подкладывают ситечки вершка в два — три высотой; очень длинная намитка подвязывается таким образом, что два конца ее торчат на передней части головы в виде рогов, а концы свешиваются на плечи, доходя до пояса.

Остается сказать несколько слов об обуви. Употребление лаптей до сих пор еще пользуется очень широким распространением как среди мужчин, так и среди женщин. «Черевики» (башмаки) употребляются девушками и молодыми женщинами, а более пожилые носят сапоги.

Относительно детской одежды надо заметить, что она по устройству ничем не отличается от одежды взрослых. Впрочем, дети лет до семи довольствуются летом одними сорочками.

От описания внешнего строя белорусского быта перейдем к другим чертам его. На первый план в данном случае надо выдвинуть семейные и междудеревенские отношения. Как известно, в Белоруссии господствует подворная форма крестьянского землевладения, почему интерес обычноправовых отношений сосредоточивается главным образом в семье.

Семья и семейные отношения среди белорусов представляют собой еще много архаичных особенностей. Прежде всего, господствующей формой семейного строя является так называемая большая семья, т. е. такая, которую составляют отец с женатыми сыновьями или замужними дочерьми, или семейная община, т. е. семья, состоящая из неразделенных братьев, дядей с племянниками, сдольников и проч. Выдел сыновей при жизни отца считается еще явлением необычным. Хорошая зажиточная семья понимает значение в сельском хозяйстве большого числа рабочих рук, почему и принимает всяческие меры против разделов. Разделы считаются злом, к которому старики относятся весьма враждебно; но зло это неизбежно надвигается и на белорусскую деревню, прививаясь к молодому поколению. Причину все более развивающихся разделов следует искать не в изменении

Группа белорусов Новогрудского уезда. (По фотографии А.К. Кабанова).

обычноправовых взглядов крестьянства, а в тех экономических условиях, в которое оно поставлено в последнее время. «Обеднение семьи», — говорит один из исследователей (Довнар-Запольский), — малоземельность, неурожаи, часто бывшие в последнее время, трудность найти заработок и между тем довольно значительные подати, обременяющие хозяйственный бюджет крестьянина, — вот общие причины, вызывающие разделы. Следствия разделов не менее хорошо известны. Старшие члены семьи, выделившиеся уже со взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-как; но младшие, обремененные подростками, падают, обессиленные от тяжелого труда, в конце концов бросаются на посторонние заработки, сплав, и все хозяйство приходит в упадок. Внешние причины, вызывающие, по объяснениям крестьян, раздел, выражаются ссорами среди членов семейства. Ивану кажется, что Степан ленив, что он мог бы в один день скосить сенокос, да затянул на другой, а тут пошли дожди, и сено пропало; а Степану, в свою очередь, кажется, что по вине Ивана пала кобыла, целый год кормившаяся соломой с крыши, и т. д. до бесконечности. Всякому кажется, что если бы он один косил, не полагаясь на брата, то дождь не сгноил бы сена, да и кобыла, хоть без сена, а жила бы и т. д. Братья еще кое-как терпят, младший уступает старшему, и тот и другой понимают тяжелое положение хозяина-одиночки. Но женщины сживаются с большим трудом. Они ссорятся друг с другом из-за детей, работы и пр., и если сам хозяин не пользуется достаточным авторитетом, не прикрикнет вовремя, то эти ссоры ведут к разделу: жены пользуются всяким случаем, чтобы возбудить враждебные отношения между мужьями».

Итак, разделы проникают в правовой строй белорусской семьи. Но, несмотря на это, старый строй, т. е. неразделенные семьи являются здесь еще господствующей формой семьи. Народные обычноправовые воззрения более рельефно выделяются в большой семье, так как она держится предписаниями обычая. Иное дело малая семья: здесь личные отношения берут верх над обычноправовыми.

Большие семьи в Белоруссии по количеству членов достигают весьма почтенных размеров, напр., пятнадцати душ, а семейные общины доходят до 25—30, а иногда и 50 человек. В состав семейной общины входят, прежде всего, родственники, напр., неразделенные братья, дядья и племянники, затем лица, пришедшие в общину при посредстве брака, напр., невестки и зятья (примаки), принятые в дом тестя, родственники, или даже не родственники, принятые на условиях сдольничества, наконец, приемыши. Таким образом, в состав семейной общины входят как родственники, так и чужеродцы. Связь, которая в данном случае объединяет тех и других, — это общий труд на общем участке земли. Положение кровных родственников в описываемой семье весьма понятно. Но необходимо выяснить те условия, на которых принимаются в семью чужеродцы.

Сдольники (от слова доля—часть, соучастник) или семьянины приглашаются в семью, в которой отсутствует необходимое количество рабочих рук при достаточном или даже большом земельном наделе: остается вдова с малолетними детьми, не может сама управлять хозяйством и принимает к себе сдольников; захудавший по тем или другим причинам домохозяин подыскивает себе сдольника со здоровыми руками и иногда с хозяйственным инвентарем и деньгами. Сдольник или семьянин, являясь в принимающую его семью, заключает обыкновенно с домохозяином письменное или устное условие. Он занимает положение члена семьи. Если в семье домохозяин сам заправляет хозяйством, то сдольник оказывается по отношению к нему в положении младшего брата, или сына, смотря по разнице в летах; в случае же смерти домохозяина, или отсутствия его в момент приема, сдольник может заменять его место. Принося в семью свое имущество и главным образом свой труд, сдольник и его семья получают и право на движимое и недвижимое семейное имущество. Таким путем безземельный крестьянин приобретает землю.

Другим лицом, принимаемым в семью, является примак. Крестьянин очень неохотно идет в примаки к тестю. «Примачья доля — собачья» — говорят белорусы. Но малоземелье и вообще имущественная захудалость заставляют иногда парня перебраться в семью жены. Здесь его положение сходно с положением сдольника. Примак приносит свой труд, а иногда и движимое имущество. Этот труд дает ему и его семье право на часть общей земли. Наследование примака и его детей после тестя объясняется именно приложением труда к земле, так как, по народным понятиям, дочери при сыновьях не получают права на землю. Вообще положение примака к семье тестя основывается не столько на родственных связях, сколько на имущественных, почему примаки весьма часто заключают с семьей жены формальный договор.

Наконец остается сказать два слова о приемных детях. Народный обычай не знает формального усыновления. Но с другой стороны он различает двоякое положение приемных детей в семье. Приемная дочь или сын только тогда пользуются своими правами, когда усыновление их совершено или при посредстве письменного акта, определя-

ющего их участие в общем имуществе, или при посредстве заявления, принимающего перед сельским сходом, или, наконец вследствие такого же заявления при свидетелях. Принимающий объявляет приемыша «за сына место», или «за дочь». Если эта формула не была употреблена письменно или устно при акте приема, тогда ни сельский сход, ни волостной суд не признают приемыша усыновленным, но простым работником.

Состоит ли большая семья из родственников или из родственников и приемных членов, она управляется одинаковым образом.

Представитель белорусской семьи не носит особого специального названия; это «хозяин» для посторонних, «бацька» для детей и «дядзька» для младших членов семьи. Значение домохозяина прежде всего определяется тем, что он заведует всеми мужскими работами в хозяйстве. Распределение работ делается обыкновенно вечером за ужином. Если приходится начинать какую-нибудь часть хозяйственных работ, напр., посев, жатву, то хозяин за ужином советуется со старшими членами семьи и делает соответствующее распоряжение. Хозяин почти всегда бывает и казначеем в семье: у него хранятся общие деньги, он получает выручку от хозяйственных продуктов, производит платежи и т. д. Впрочем, хранением денег иногда заведует хозяйка. Наконец, хозяину же принадлежит и наблюдение за поведением молодых членов семьи: он понуждает ленивых работать более усердно, следить за нравственностью молодежи, наказывает провинившихся, отпускает на заработки свободных от общих работ, отдает в наймы младших членов семьи, если это оказывается нужным и т. д. Как представитель семьи, хозяин окружен знаками почета и уважения. Он садится за столом на самом почетном месте — на куту, в углу под образами, так что сидеть на куте — синоним хозяина дома; прочие члены семьи по старшинству садятся рядом с хозяином за столом, женщины на противоположной стороне, а хозяйка всегда с краю. Хозяин является представителем и хранителем домашнего благочестия: перед началом еды он творит общую молитву и начинает сам есть, и уже за ним остальные члены по старшинству. Он наблюдает за соблюдением праздников, причем самая почетная роль выпадает на долю хозяина в тех случаях, когда в обрядах выражается почитание умерших предков; во время «дзядоу» (поминальная вечеря), он призывает души умерших «дзядоу—бабак» «на вечеру», отливает им часть пищи на стол, ставит ее за окно на ночь и проч. Во всех этих чертах белорусского хозяина нетрудно узнать великорусского большака, сербского домачина, нетрудно видеть, что на нем отразились черты древнего домовладыки. Впрочем, власть хозяина в семье не бывает деспотической, потому что всякая несправедливость с его стороны по отношению к кому-нибудь из членов семьи, неопытность в работах, неумелое распоряжение имуществом, наконец, пьянство и лень — неминуемо ведут к разрыву семьи, к разделу ее, или к переходу домохозяйства в другие руки, напр., к старшему сыну в семье, или к брату хозяина. Хозяин обязан не только делать то, чего требуют интересы семьи, но и своей личной работой он должен служить примером для остальных членов семьи: в тяжелой крестьянской работе хозяин выступает первым, и взмах косы хозяина определяет скорость работы остальных косарей и т. д. Хозяин не может также произвольно распоряжаться общим имуществом, тем более землей. Вот почему все сколько-нибудь важные имущественные сделки глава семьи совершает с совета и согласия всех членов семьи. Народный обычай выработал целый ряд условий, регулирующих семейные отношения. Этим условиям подвергается не только такой глава семьи, как старший брат, дядя, сдольник, но даже и отец. В этом отношении решения волостных судов представляют любопытные образчики народного взгляда на семью и соотношения ее членов: при разборе жалоб младших членов семьи на своего главаря суд вообще становится на сторону последнего, но весьма нередки случаи, когда суд налагает наказание на жалобщика, младшего члена семьи, за непослушание старшему, но в то же время наказывает и старшего за то, что он не умел внушить к себе должного уважения.

Подобно тому, как хозяин является распорядителем хозяйственных работ, связанных с земледелием, уходом за скотом и пр., хозяйка является распорядительницей домашних работ. Если в семье есть несколько женщин, то хозяйка распоряжается их работами по дому, по огороду, по приготовлению платья, белья. Хозяйкой обыкновенно бывает жена домохозяина; впрочем, в случае смерти домохозяина, когда на его место заступает старший из сыновей, или следующий из братьев, иногда управление домовым хозяйством остается в руках вдовы; при сыновьях это явление обычное. В более сложной семье положение вдовы домохозяина зависит от личных ее качеств. Личные же качества хозяйки дома сказываются и в тех случаях, когда она по смерти мужа занимает его место при взрослых сыновьях или племянниках. Переход власти домохозяина к вдове его не считается правилом, но и нередок, находясь в зависимости от различных житейских условий.

Вообще положение женщины в белорусской семье не может быть названо угнетенным. В хозяйстве она является помощницей своего мужа, а сфе-

Группа крестьянок-белорусок Могилевской губернии. (По фотографии Н.Н. Останковича).

ра домоводства ей принадлежит целиком. Народный взгляд требует, чтобы дети оказывали почтение матери, а младшие члены семьи — хозяйке и вообще старшим женщинам. Мать имеет очень большое влияние на детей: девушки вообще вырастают под непосредственным наблюдением матери, а мальчики находятся на ее же попечении вплоть до 14—15 лет, когда они уже становятся помощниками пахаря. В случае смерти мужа народный обычай предоставляет матери опеку над малолетними детьми. Наконец женщина в белорусской семье обладает своим, отдельным от семейного, имуществом. Такое личное имущество прежде всего складывается из того приданого, с которым женщина переходит в семью мужа; кроме того, женщина имеет свои частные заработки, которые она получает от продажи овощей, льна, полотен, домашней птицы. Этими путями каждая мать копит приданое для своей дочери.

В силу сказанного и отношения мужа к жене в белорусской семье представляют мало примеров жестокости и грубого обращения. В случае взаимных споров народный суд чаще становится на сторону жены и строже относится к мужу. Даже народные песни говорят только о страданиях жены, выносимых ей от мужа-пьяницы, но в них трудно найти такие мотивы, в которых воспевалось бы горе жены вследствие ее подчиненного положения.

Положение женщины ухудшается тогда, когда она остается вдовой с малолетними детьми в неразделенной семье. Жизнь в семье мужа в таком случае оказывается весьма тягостной. Иногда поэтому вдовы уходят с детьми в семью своих родных или к родственникам; в таком случае родные мужа обязаны дать на «воспитание» (так выражаются крестьяне) известное количество съестных припасов. Если же вдова остается в семье мужа, то она оказывается в положении работницы. Престарелые члены семьи тоже находятся в несколько особом положении. Если отец становится очень стар, заправлять хозяйством сам не может, то ведение хозяйства переходит в руки старшего сына. Иногда в таких случаях происходят разделы сыновей. Престарелый отец, чтобы предотвратить раздоры в семье после своей смерти, сам делит их. В таком случае он выстраивает отдельные избы для старших сыновей, а младший остается в отцовской избе. С младшим обыкновенно поселяется и отец. Этот переход отца к младшему из сыновей имеет значение не только потому, что младший менее опытен в хозяйстве, но также и по следующей причине. Отец при дележе земли между сыновьями оставляет небольшой клочок себе; эту землю пашет тот из сыновей, у которого живет отец, а после смерти отца эта земля поступает в раздел между сыновьями. Неудивительно поэтому, что иногда разделенные сыновья спорят о том, у кого должен жить отец. Один из исследователей обычного права передает любопытный судебный процесс, разбиравшийся волостным судом: старшие сыновья силой отняли отца у младшего сына.

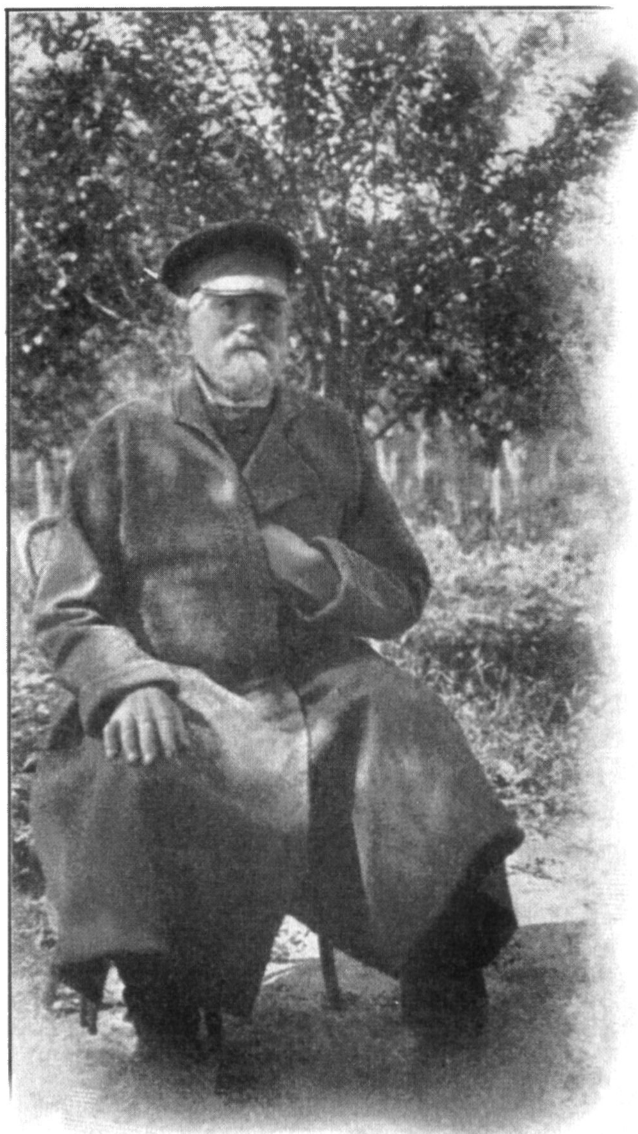
Обзор семейных отношений будет не полон, если не коснуться вопроса о воззрении белоруса на брак. Уже из многого, что говорилось раньше, можно было заключить, что в семейные отношения в Белоруссии проникает одно связующее начало. Этим началом является труд, полагаемый каждым членом семьи. Это особенно рельефно выделяется при образовании сложной сдольнической семьи. В самом деле сдольник получает право на землю в той семье, в которую он был принят. В такое же отношение вступает в семье тестя примак. Во всех этих случаях, очевидно, в основу принимается тот труд, который приносят с собой эти члены семьи. Общий колорит старинных семейных отношений также держится на общем труде. Родственные отношения как бы затушевываются этим трудовым началом, господствующим в семье. То же начало выступает и во взгляде белорусов на брак.

Соображения экономического характера имеют первенствующее значение при заключении браков в семьях старинного покроя. Как парень, так и девушка в большой семье подчиняются тому вы-

бору, который делают старшие. Суть вопроса заключается или в привлечении в семью нового работника, или в том, что семья должна лишиться рабочих рук. Поэтому всегда торопятся с женитьбой старшего сына для того, чтобы привлечь в семью работницу-молодуху; напротив, старшую дочь стараются попридержать год-другой в доме, чтобы воспользоваться ее работой. Не менее важны и другие соображения, когда, напр., при обилии дочерей в семье нужно подыскивать примака, или когда при малоземелье надо отдать сына в примы и т. д. Все это очень важные соображения в крестьянском быту. Те же соображения побуждают иногда родителей заключать сговор относительно брака малолетних детей. Во всех этих соображениях вопрос о приданом в крестьянском быту не играет никакой роли: дело идет только о рабочих руках. Дело в том, что приданое бывает очень незначительно; приданое в виде денег — новшество, практикуемое только у богатых крестьян. Обычно же приданое крестьянской невесты заключается в «кублах», наполненных платьями, холстом, да в нескольких штуках скота. Но при этом «выправа», «посаг» составляет собственность невестки, на которую семья мужа не имеет прав. Вот почему приданое и не играет роли при заключении брака. Если вы поговорите со стариками и старухами, то они вам скажут, что и красота невесты мало нужна для хозяйства, куда требуются только хорошие рабочие руки.

Правда, молодое поколение уже сильно восстает против такого взгляда, и среди него личные симпатии начинают получать преобладающее значение. Это особенно заметно в малых семьях, где весь семейный режим не столь суров, не столь скован традиционными взглядами.

С точки зрения народных юридических взглядов брак обставлен следующими формальностями. После сватовства происходит сговор, так называемые вторые и третьи «запоины». Уже после сватовства отказ считается бесславием для той стороны, которая его получила. Отказ после запоин имеет еще и другую сторону: отказавшаяся сторона должна возместить убытки, понесенные другой стороной; убытки эти заключаются как в расходах на угощение, так и в потере рабочего времени. В глазах крестьян актом, закрепляющим брачную сделку, является вся процедура свадебного ритуала. Церковное венчание является таким образом недостаточным. Среди белорусских крестьян едва ли существует понятие о формальном разводе, но зато практика жизни выработала развод без посредства церкви: неполадившие супруги просто расходятся. Тут возникает только вопрос имущественный. Если обе стороны расходятся добровольно, то жена

Крестьянин 86 лет Новогрудского уезда.

забирает свое приданое, внесенное ею в дом мужа, а муж-примак забирает свое имущество, с которым он явился в дом тестя или вдовы. Если же одна из сторон оставляет другую, то последняя считает себя вправе удержать имущество первой. Оттого в случае споров в волостном суде суд старается установить, кто кого из супругов «прогнал».

Таков строй семейных отношений среди белорусского крестьянства. В эти отношения, как мы не раз видели, проникает объединяющее начало, регулирующее их, именно труд. Крестьянская семья проникнута трудовым началом. Это представляется особенно ясным там, где труд прилагается к земле. Сама земля для белоруса имеет значение по стольку, по скольку в ней прилагается труд пахаря. Оттого мы и встречаем такой взгляд в народ-

ном обычном праве, что право на землю признается за лицом, приложившим к ней свой труд. Отсюда в народном представлении вытекает право на землю сдольника, примака; отсюда же, согласно тому же взгляду, в прежнее время отставные солдаты лишались своего права на часть надела, так как долгое время отсутствовали и не прилагали в семье труда к земле. Таким образом это народное понимание труда и его права на поземе́льную собственность резко отличается от понятия о собственности, установившегося в культурных слоях.

Белорусская деревня по своим понятиям, по общему колориту жизни, в настоящее время не является однородной. В одних местностях господствуют старые обычаи, традиционные взгляды, в других вырабатываются новые жизненные условия. Это разнообразие заметно не только в области юридических понятий, но оно резко бросается в глаза даже при беглом взгляде на внешнюю обстановку жизни крестьянина. Тип старого хозяина — настоящего «жихара» — очень не похож на тип хозяина, уже подвергшегося влиянию городской культуры. Изба и двор «старожитного жихира» отличаются прежде всего консервативной внешностью: вся обстановка представляет собой дело рук членов семьи. Такие нововведения, как керосин, самовар незнакомы в подобной семье. Приемы хозяйства тоже чисто дедовские. Такой «богатырь» уклоняется от деятельности на сходах, от выборных должностей. Зная цену рабочих рук в семье, подобный крестьянин является резким противником разделов. Он не видит и большой пользы в грамотности. Соха и грамота для него являются несовместимыми. Оттого неудивительно, что народная школа в глухих уголках Белоруссии далеко еще не получила права гражданства. Учителям иногда с трудом приходится собирать школьников. Собирание их делается при посредстве волостных правлений и сельских старост. Вот, напр., какие трудности приходилось преодолевать школьным деятелям в одном из таких глухих уголков. Дело касается Мухоедовской волости Речицкого уезда, занимающей глухой юго-восточный угол Заприпятского Полесья: «Трудность собирания мальчиков в школу, — замечает в 1890 году один из наблюдателей (Довнар-Запольский), — доходит до того, что уже записавшихся учеников приходится ловить. Вот какие, напр., затруднения встречал в этом деле настоятель одной из местных церквей, прослуживший одновременно лет около пятнадцати в качестве народного учителя в своем же приходе. Так как школы обслуживают здесь более или менее обширные районы, то в его школьный округ было причислено три деревни, из которых ближайшая стояла за 8 верст, а самая дальняя — верст за 10—12. По установившемуся почти во всей губернии обычаю, при народных школах утверждены интернаты для учеников из соседних деревень. Староста собирает с деревни нужное число продуктов для учеников, проживающих в школе, и свозит их туда. Но из интерната собранные поневоле мальчики нередко самовольно уходят к родителям, которые со своей стороны покровительствуют беглецам; или же, отправившись на праздник домой, ученики не приходят по нескольку недель, пока волость не вытребует их через старосту. Для предотвращения таких побегов почтенному настоятелю пришлось прибегать к таким мерам: он отпускал учеников только на двухдневные праздники, но на второй праздничный день к вечеру сам отправлялся в деревню и забирал с собой своих школьников. Он передавал мне, что кроме постоянных просьб, особенно матерей, не забирать от них детей, ему несколько раз приходилось наталкиваться на такую сцену: мать ложится на порог избы, просит его не забирать сына и таким образом загораживает вход. Даже угрозы не допустить к причастию оказывались недействительными. Такие трудности приходилось испытывать учителю, занимавшему одновременно авторитетное положение священника; каково же обыкновенному учителю?» Но описанный тип старинного крестьянина, равно как и его враждебное отношение к школе, постепенно сменяются. В деревенской среде нетрудно уже встретить и иной тип крестьянского «богатыря». Это человек, не чуждающийся никаких новшеств, сам грамотный или, если сам неграмотен, то во всяком случае понимающий значение школы. В настоящее время жизнь белорусского села быстро меняется, потребность в образовании растет, и печальные явления, описанные выше, с каждым десятилетием отходят в область преданий.

Жизнь деревни меняется, перерабатывается под влиянием двух условий: общего роста культуры и экономических условий. Вообще говоря, белорус в момент освобождения крестьян был поставлен в довольно благоприятные условия, так как размеры наделов можно признать вполне достаточными, даже при не везде благоприятной почве. Но теперь надельная земля оказывается уже не всегда достаточной. Белорус прежде всего пахарь. Раз он чувствует недостаток в земле, он теряется, не умея выйти из затруднительного положения. По натуре довольно пассивный, белорус не отличается предприимчивостью. Это большой недостаток его характера, сложившегося веками под влиянием крепостного права и того, что области торговли и ремесла всегда были для него недоступны вследствие конкуренции такого промышленного и бойкого

элемента, как евреи. Очень возможно, что уменьшение земли при неподготовленности и отсутствии предприимчивости, во многом способствует усилению пагубного порока — пьянства, и без того сильно развитого среди населения. Пьянство укоренилось здесь веками. Уже писатели XVI в. были поражены необыкновенным развитием этого порока в среде западно-русского населения: «Здесь все пьют, — рассказывает один из них (Михалон Литвин), — пьют мужчины, женщины и дети, пьют в праздничное и рабочее время». Как это ни печально, но надо сознаться, что пьянство среди белорусов не уменьшилось с течением времени. Трудно указать хоть одного наблюдателя, случайно ли попавшего в Белоруссию, или живущего в ней постоянно, который не обратил бы внимания на этот порок. Вот напр., в каких мрачных красках описывает один этнограф (г. Янчук) этот порок: «Водка и пьянство — вот второе, после невежества, несчастье белоруса, его разор! И все, кому только нужно, с полным успехом пользуются этой гибельной слабостью белоруса для своих целей. Одна-другая чарка водки, которой деревенский фактор охотно угощает своего соседа крестьянина в счет будущей уплаты, делает то, что нередко часть крестьянского хлеба еще на корню давно продана еврею, или принадлежит ему как плата за выпитую водку и другие долги». И далее автор описывает печальные сцены, которые, к сожалению, хорошо знакомы всякому наблюдателю белорусской жизни: стоит под вечер заглянуть в базарный или ярморочный день на базар любого местечка или городка, чтобы убедиться в поголовном опьянении деревенского люда, привезшего для продажи часто последние крохи; сто́ит выйти на дорогу, ведущую из местечка, чтобы увидеть поголовное движение пьяного люда.

Пьянство, быть может, единственная черта, которая с невыгодной стороны характеризует белорусского крестьянина. В общем же он отличается многими весьма симпатичными чертами. Белорус отличается бережливостью, почти скупостью, расчетливым ведением хозяйства. На работе он отличается замечательной выдержкой, которая так мало гармонирует с его физической хилостью. Оттого белорусы — прекрасные рабочие на таких трудных работах, как гонка плотов, барж, при земляных и мостовых работах. Белорус отличается гостеприимством, склонностью к веселью и доверчивостью, хотя ее можно и не сразу снискать. Отсутствие злопамятности в белорусе резко бросается в глаза всякому, кто с ним сталкивается. Вообще он обладает кроткой натурой. Весьма возможно, что эта черта, плохо понятая поверхностными наблюдателями, создала легенду о приниженности, забитости белоруса. Это мнение широко распространено, но оно далеко не справедливо. Вот, напр., впечатление, вынесенное беспристрастными наблюдателями. «Ходячие представления о типе белорусского крестьянина, — говорит г. Грузинский, — рисуют его неказистым... тщедушным и придавленным тяжелой жизнью в болотистом, бедном краю. Мои личные впечатления были не таковы. Я увидел белоруса крепкого сложения, хотя и худощавым... Но главное, я не заметил и следа угнетенности, забитости. Манера держать себя и говорить, действительно, отличалась от великорусской своей медленностью, сдержанностью, но в ней виделась скорее степенная важность, я бы сказал, задумчивость, не лишенная достоинства. Выразительные физиономии встречаются очень часто, а среди женщин

Летний и зимний народный женский костюм Минской губернии Новогрудского уезда. (По фотографии А.К. Кабанова).

и девушек много прямо красивых лиц». Это характеристика особенно важна, потому что это наблюдение заезжего москвича. Но, спрашивается, почему же создалось, сделалось ходячим вообще невыгодное представление о белорусе? Это объясняется вот чем: в 60-х годах русские публицисты изо всех сил старались представить белорусов самым несчастным, самым угнетенным народом в мире для того, чтобы показать, как тяжело отразилось в крае господство польских помещиков и евреев. Публицисты тогда наговорили много нелепого, много и верного, забывая, что крепостное право укреплялось русскими законами, что оно едва ли легче было и в Великоруссии и что везде оно имело тяжелые последствия. Теперь пора уже русскому обществу отвыкать от этих предрассудков.

При отсутствии предприимчивости белорус, однако, отличается сильно развитым воображением и впечатлительностью. Он охотно уходит в мир мечтаний, воображения. Сто́ит прислушаться к разговору деревенских парней, когда они съедутся на ночлег для пастьбы лошадей: разгоряченные лица целую ночь ведут беседу о всевозможных ужасах, говорят о самых фантастических, недоступных их пониманию предметах. Полет фантазии необыкновенный! И чего только не перескажет собеседнику рыболов, тихо скользящий на своей лодочке-душегубке в ночной тиши по серебристой глади реки: каждый куст в его воображении живет таинственной жизнью. Мельник в тиши наступающего вечера сообщит вам с уверенностью рассказ о жизни духов, населяющих его запруду, и т. д. Этот мир, мир фантазии «отлился» в представлении белоруса, в его сказках, песнях, обрядах. Эта старина в белорусе очень интересна, и к ней мы сейчас перейдем.

Духовная жизнь белоруса имеет целый ряд весьма интересных для наблюдателя проявлений. На мировоззрении белоруса отразились следы отдаленного прошлого. Повсеместно в России еще сохраняются в большей или меньшей степени следы языческих культов и верований. Но белорусу в этом отношении бесспорно принадлежит первенство. Это и в настоящее время еще страна, о которой можно сказать словами поэта: «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит». Природа Белоруссии с ее болотами и лесами наложила свой отпечаток на его мировоззрение. Исторические условия, заключавшиеся в отчуждении сельских классов населения от более культурных, способствовали укреплению в массе различных суеверий, придали им живучесть: эти условия, по существу, в известной мере действуют и в настоящее время, так как школа, церковь и больница далеко еще не получили повсеместного распространения.

Типы крестьян Минской губернии. (По фотографии Н.Н. Останковича).

В воззрениях белоруса нетрудно найти следы древнейших языческих верований, выражающихся в фетишизме. Так, прежде всего, встречаются остатки культа огня. При переходе в новое жилье белорус переносит из старого огонь с очага; без этого нельзя ожидать прежнего довольства. Ни один белорус не плюнет в огонь, боясь получить «вогник» (накожная болезнь, при которой лицо покрывается струпьями). В глухих местах в каждой семье стараются поддержать свой огонь, тщательно загребая уголья в печурку. Домашний огонь одолжают весьма неохотно, а в известные дни, в праздники, во время некоторых сельских работ, хозяйка ни за что не одолжит огня из домашнего очага соседке, так как верит, что за огнем может уйти домашнее благосостояние. Во многих местностях Бобруйского уезда на Фоминой неделе справляют женитьбу «ко́мина». Обряд очень напоминает жертвоприношение огню. К этому времени комин белят, укрепляют зеленью и в зажженный на нем огонь бросают кусочки сала и масла. Вода тоже составляет предмет почитания, в особенности, ключевая. Некоторые источники пользуются особым почитанием. О многих из них рассказывают, как о таких, вода которых излечивает те или иные болезни. Почитание ключей и колодцев дает начало так называемым «прощам». Проща — это ключ или колодец обыкновенно где-нибудь в лесу или над болотом. Сделавшись почему-либо предметом почитания, такое место привлекает к себе многих поклонников, каждый из которых оставляет на проще свое посильное приношение — полотенце, пасму льна; девушки кладут ленточки, или обвязывают ими сруб колодца; деньги бросают обыкновенно в воду. В таких местах вскоре появляется крест, ставят иконы, выстраивают часовенку и приглашают в известные дни духовенство служить молебен. Все приношения, делаемые проще, поступают вследствие этого в пользу причта ближайшей церкви. Камни тоже составляют предмет почитания. Таким почитанием пользуются обыкновенно камни, отличающиеся величиной и какими-нибудь особенностями, в которых крестьяне распознают или человеческую фигуру, или следы человеческой ноги. Белорусы верят, что такие камни иногда обладают сверхъестественными свойствами. В Могилевской губернии рассказывают о камнях-кравцах (кравец—портной): сто́ит положить с вечера на этот камень сукно и сказать ему, что́ надо сшить, а к утру одежда будет уже готова. Некоторые камни пользуются почитанием и привлекают к себе поклонников. В Игуменском уезде близ села Пережира находится два камня на расстоянии друг от друга около ста сажень; один из них называется Демьян, другой — Марья. Еще в недавнее время на поклонение к этим камням стекался люд из отдаленных местностей, потому что ходили слухи о многих исцелениях. Весьма понятно, что, согласно основному складу жизни, белорусы с особенным почтением относятся к земле и к ее производительным силам. При переселениях крестьяне берут с собой узелок с землей из родной усадьбы. Такая земля «для здоровья спользительна. Переедешь в другую сторонушку чужую — там иные климаты, там и вода для нашего брата большую уражду может делать, а как всыпать родной земельки в воду, так никакая земля тебе нипочем» — объясняют смоленские мужики. Отсюда происходит и почитание хлеба. Крошить хлеб, сорить им — большой грех: всякую крошку хлеба, упавшую на пол, следует непременно поднять. Во всех белорусских обрядах хлеб в разных видах играет весьма почетную роль, и во всех этих обрядах сказывается почитание хлеба как символа производительной силы земли. Таковы, напр., обряды, выполняемые во время рождественских святок, и в особенности свадебный ритуал. Центральным моментом свадебного обряда является печение каравая; песни, которые поются в это время, выполняемые тогда же обряды, наконец, изображения из теста, делаемые на каравае, ясно указывают на то, что он является символом плодородия. В этом же смысле в белорусском быту есть множество обрядов, связанных с культом солнца и солнечных божеств.

Культ предков оставил также весьма разнообразные следы в мировоззрении белорусов. Этот культ наиболее рельефным образом выразился в почитании домового. Рассказами о домовом, о его шалостях еще полно белорусское село. Один из новейших исследователей передает рассказ крестьянина, который сам будто бы был очевидцем, как домовой являлся на «дзеды» во время общего ужина. Домового нетрудно видеть; для этого, напр., следует на вечерне в церкви взять зажженную свечу, принести ее горящей же домой и подняться с ней на чердак. Тут будет лежать домовой в виде собаки или голого человека; надо прикрыть домового, и когда он спросит, что нужно, чистосердечно изложить ему свои нужды. Он постарается удовлетворить их. По некоторым указаниям, домовой живет под печкой, отчего он называется также подпечником. Домового также называют хатником или господарем. Этот господарь требует к себе почтения. Чтобы снискать благоволение домового, в некоторых местностях при закладке нового дома отрезают петуху голову и кладут ее под угловой камень. Во время «дзядоу» для домового отливают часть пищи. Если семья живет в мире с «господарем», то он вообще бывает для нее полезен,

предупреждая об угрожающем несчастии, и вообще может быть весьма полезным. Перед крупной бедой домовой в полночь плачет и стонет. Когда нужно умилостивить домового, прибежать к его содействию, во время домашней беды ему делают «относы» — краюху хлеба с солью, завязанную в тряпочку; «относ» кладут на ворота, под поветь, в какую-нибудь печную печурку. «Относы» домовым делаются и в некоторые праздники. Хо́зяин, принеся «относы», становится на колени и обращается с молитвой к домовому. Вот, напр., такая молитва, записанная в Смоленской губернии: «Хозяин-батюшка, частный домовой! Хозяюшка-матушка, частная домовая. Вот я вам хлеб-соль принес — примитя. Можить ион сказал глупые слова, можить ион (больной) весь унизиу, можить ион призвеу ничистоту у хлеви. Praстития яму! Примитя хлебсоль и бирягитя статэк и падворья».

В некоторых местностях домовых приглашают во время заговен и поминальной вечери к общему столу: «Царь-домовой, царица-домовица, с малыми детками милости просим с нами заговлять». Вообще вся усадьба в представлениях белоруса является местопребыванием различных духов. Так, в хлевах и конюшнях живет хлевник; это тот же домовой, но живущий в сарае. Если хозяин или хозяйка не умеют с ним ладить, то он может принести много бед: заездить лошадей, отнять молоко у коров и т. д. В бане живет особый дух — банник. На гумне — гуменник, «евник» (в овине), или осетник. Для знающего хозяина евник очень полезен. Он подметает гумно, от него зависит увеличение количества вымолота из снопов и т. д. Все свои работы усадебные духи делают по ночам и скрываются, как только запоет петух.

Усадебные духи, если и пошаливают иногда, то в общем отличаются благорасположением к хозяину. Но за чертой усадебной оседлости уже начинается деятельность злых духов, с которыми трудно ладить крестьянину. Глухой лес, мрачный в плохую погоду, ревущий и стонущий во время бури, является местопребыванием лесовика. Это ужасное существо, громадного роста, с необычайно сильным голосом и ярко блещущими глазами. Человек боится встречи с лесовиком, так как он или напугает, или даже задушит. Иногда лесовик не позволяет даже въехать в лес: остановятся при встрече с ним лошади, да так и стоят до рассвета. Лесовика можно заметить в лесу по громадной тени. Лесовик кричит, как ночные птицы, воет, как звери, или плачет, как ребенок. У леших есть жены; это души загубленных лешим девушек, которые прокляты были родителями, или подняли на них руку; они «хитаются», то есть качаются на ветвях деревьев. Лесовики иногда вступают в сношения с людьми.

Водяник живет в реках и озерах, в особенности возле мельниц под шлюзами и в омутах рек. Водяные похищают людей, понравившихся им. Похищенные водяным мужчины становятся такими же водяными, а женщины — русалками. Мельники, по общераспространенному мнению, водятся с водяными. Водяной — царь над водой и рыбой. Его некоторые даже видели; он «кашлатый» (косматый), с большой бородой и зелеными волосами. Водяной, однако, не все время живет в воде, так как его гоняет Бог. Так, до Крещения водяной сидит в воде, а потом переходит в лозу, отчего и называется лозовиком, потом он переходит на сушу, в прибрежную траву и только после Спаса снова попадает в воду.

И леший, и водяной — все это разновидности нечистой силы. Вообще, нечистая сила представляется белорусам в самых разнообразных и очень рельефных видах. Что бы ни предпринимал белорус, куда бы он ни отправлялся, везде и всегда он должен опасаться присутствия неведомой для него, но страшной силы. Педставителями ее являются «нечисцики», черти. Белорусы очень хорошо знакомы с чертом, знают доподлинно все проявления его деятельности и способы борьбы с ними. Белорусские представления не знают величественного образа сатаны; белорусский черт вообще мелкотравчатый. По воззрению белоруса, на дне неприступной трясины восседает старший черт и оттуда рассылает подвластных ему чертей, делать зло людям. Черти живут в болоте, и в каждом болоте есть свой старший черт и подчиненные ему младшие. Черт имеет телесный образ: с виду он черный, косматый, на голове имеет два небольших рожка, на ногах и руках — острые когти, сзади — хвост. Впрочем чорт может принимать всевозможные виды. Черта не трудно увидеть; сто́ит, напр., во время сильного вихря плюнуть три раза и сказать: «черт, черт, покажи хвост»; тогда можно заметить вертящегося и производящего вихрь «нячисцика». Черти женятся, имеют детей и живут семьями. Когда подымается вихрь, белорус убежден, что это едет чертова свадьба. Черти живут обществами, любят сходбища и музыку. Черт не прочь также вступить в связь и с женщиной, но от такой связи рождаются разные уроды. Черт все делает для того, чтобы получить душу человека. Делает это он при самых разнообразных случаях. В церкви черт сидит на окне и записывает смеющихся и разговаривающих; записи ведутся на воловьей шкуре. Черт иногда является человеку в разных видах и не прочь подшутить над ним. Впрочем сообразительный мужик может пугать черта и сам над ним посмеяться. Вот какой, напр., по этому поводу передают рассказ. Один путник разложил над болотом огонь и стал

на нем поджаривать на вертеле сало; поджарит сало, помажет им хлеб и ест. Выскочил черт из болота, поймал лягушку и стал ее поджаривать: поджарит лягушку и смажет ей хлеб путника. Последний рассердился и сунул черту сало в зубы так, что у черта зуб выпал. От страха черт бросился в болото, но «старший» прогнал его из болота. Вышел черт на берег и начал стращать путника: будет тебе за то, что ты у меня зубы повыбил. Но человек пригрозил, что от него всем чертям хорошенько достанется. Побежал чертенок в болото, рассказал об угрозах «старшему», но тот приказал черту примириться с путником. Черт не помирился, ушел из болота, поселился под мельницей и стал портить став.

Вообще белорус олицетворяет всякую беду, всякое несчастье. Оттого и болезни он представляет себе в виде злых существ, духов, которые вселяются в человека. Так, подвей (паралич) производит тот дух, который кружится в вихре. Лихорадка, столь обычная в болотистом Полесье, представляется белорусу в образе злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка выходит весной из-под земли и шатается повсюду, пока не наткнется на кого-нибудь, спящего на весеннем солнышке. Она подкрадывается к спящему, целует его и тогда уже не расстается с ним. Оттого белорусы избегают весной спать на открытом воздухе. Лихорадку можно выгнать из человека такими средствами, которых она не любит. Для этого, напр., дают пить настой из полыни; есть и наружное средство от лихорадки: напр., носят на шее освященное пасхальное яйцо, пока оно не высохнет. Лихорадку, как и другие болезни, можно обмануть. Об одном больном рассказывают, что он, ожидая в урочный час свою неотвязчивую гостью, притворился умершим, лег под образами, родным приказал плакать и причитать; пришла лихорадка, поверила и ушла. Лихорадку можно иногда и испугать, напр., ружейным выстрелом над больным, так как лихорадка большая трусиха. Другие болезни тоже поражают человека, являясь в виде духов. В особенности много рассказов ходит о холере. Холера является в село в образе женщины, мужчины или в виде черной коровы. Рассказывают, что когда в одном селе люди начали умирать от холеры, то крестьяне соседнего села решили не пустить к себе непрошенную гостью и устроили караул. Раз ночью караульщики увидели, что из пораженного болезнью села пробирается черная корова. Крестьяне убили ее, и с тех пор болезнь прекратилась во всей округе. Вообще о холере ходит очень много самых разнообразных рассказов.

Смерть в воображении белоруса также представляется в виде особого существа. Смерть «душит людей», однако, она поражает не тех, кого хочет,

Белорусы в зимней одежде. (По фотографии А.К. Кабанова).

но того, кого назначает Бог. Есть множество примет, по которым можно узнать приближение смерти. Напр., станет трещать натопленная печь с левой стороны — умрет хозяйка, затрещит с правой — умрет хозяин; запоет курица петухом — непременно в доме должен быть покойник. Белорусы не имеют сколько-нибудь отчетливого представления о загробной жизни, но зато они знают много рассказов о мертвецах и их явлениях живым людям. Тело покойника, находясь в земле, по представлению белоруса, сохраняет свою чувствительность. Поэтому не следует ложиться на могилу оттого, что можно придавить покойника и нарушить его покой. Не следует также разорять могилы, потому что покойники будут являться во сне и требовать, чтобы разрозненные части их скелета снова были сложены вместе. Если умершему на том свете живется плохо, то он является живым родственникам, чтобы те оказали ему помощь, т.е. помолились бы за него. По покойном не следует много плакать, потому что покойник всюду носит с собой выплаканные над ним слезы; не следует

поэтому отягощать его ношу. Рассказывают, что одна мать очень плакала по своей дочери и хотела ее непременно видеть. Ей посоветовали забраться в церковь ночью в день празднования Всех Святых. Ровно в полночь мать увидела свою дочь, которая с трудом тащила за собой полную бочку выплаканных слез. С тех пор мать перестала оплакивать дочь.

Появление обыкновенного мертвеца редко приносит живым людям какое-нибудь несчастье: человек отделывается только испугом. Гораздо страшнее появление с того света «вупора»; в виде упыря приходят по ночам покойники, которые в жизни занимались колдовством. Тело таких покойников не разлагается, почему и легко узнать упыря, если открыть его могилу. Появляясь по ночам в доме, упыри причиняют зло людям. Иногда, впрочем, упыри являются по ночам к себе домой и выполняют разные домашние работы. Чтобы избавиться от этих посещений, надо вскрыть могилу упыря, отсечь ему голову, а в спину вбить осиновый кол.

Говоря о различных верованиях белоруса, надо отметить еще одно очень распространенное — веру в оборотничество. Белорус твердо убежден в том, что человек может превратиться в какое-нибудь другое существо; есть заклятые люди, которые обратились в камни; колдуны могут прикидываться различными животными, но тверже всего и наиболее распространена вера в превращение людей в волков. Белорус очень отчетливо представляет себе этого рода оборотничество, настолько отчетливо, что нетрудно встретиться с крестьянином, который может вам порассказывать о вовкулаке со слов какого-нибудь лица, будто бы бывшего оборотнем. В одном сборнике белорусских рассказов передается, напр., следующий наивный рассказ. Рассказчик-крестьянин говорит, что будто бы лет пять тому назад он встретился на дороге, в лесу со страшным-престрашным человеком, с покосившимися глазами. Рассказчик спрашивает его: «Отчего ты, человече, такой «повраждонный?» — «Да, брат, будешь «повраждонный», когда несколько лет побегаешь волком.» — «Да разве ты был вовкулаком?» Спутники зашли в соседний кабачок, и бывший оборотень рассказывал о своем несчастье.

Поссорился он со своей соседкой, так как, укладывая крышу на свое гумно, сбросил нечаянно в соседский огород несколько снопов и поломал конопли. Поссорились из-за этого, повздорили, и соседка пообещала за это отплатить. Через неделю поехал рассказчик с кумом на мельницу. На обратном пути стали пасти лошадей. Сделалось ему тошно, нудно и захотелось непременно пролезть через хомут. Пролез, стал волком и побежал. Три года бегал волком один, а на четвертый был наконец принят волками в их сообщество и стал вместе с ними бегать. Раз «апостол Юрий» приказал им съесть рябого коня, так запах предназначенного животного слышен был волкам верст за сто. Бежали они за этим конем сто верст, а других не трога-

Группа крестьян-белорусов. (По фотографии Н.Н. Останковича).

ли, потому что не приказано было. Съели коня и так наелись, что целую неделю есть не хотели. В другой раз захотелось волкам есть. Волки послали в стадо рассказчика. Он подкрался и похитил поросенка. Вдруг его окрикнул пастух: «Эй ты, что же ты взял без спросу?» Так рассказчик и стал, и ни с места, вокруг него — яма. Волки кричат: «Бросай да убегай». Пришел пастух и сказал: «Кинь». Рассказчик бросил, а пастух взял пугу (пастушеский кнут), перегнул ее несколько раз и ударил его двенадцать раз. Слезла с рассказчика волчья шкура, и он сделался человеком, только «повраждон» видом.

В этом наивном рассказе сосредоточена полная теория белоруса об оборотничестве. Из него же видно, что это суеверие поддерживается в народной среде проходимцами, которые за рюмку водки охотно выдают себя за бывших вовкулаков.

Оборотничество бывает добровольное и недобровольное. Чаровник, если ему нужно, может на время превратиться в волка. Для этого колдун отыскивает в лесу осиновый пень, на котором при рубке не положено крестного знамения, хватает зубами за его край и через голову перекидывает на противоположную сторону пня. Иные прибегают к другим способам. Когда такому оборотню надо превратиться в человека, он подходит к тому месту с противоположной стороны и проделывает то же самое. Но в большинстве случаев оборотничество является следствием дурного человека-чаровника. Иногда же оно происходит вследствие заклятия, произнесенного в лихую годину. Чародей чаще всего прибегает к заклятию свадебного поезда, отчего сваты наблюдают, чтобы не обидеть во время свадьбы соседнего знахаря. В Белоруссии ходит много рассказов о превращении чародеями целых свадебных поездов. Превращенные в вовкулаков поезжане с жалобным воем спрыгивают с возов и убегают в соседний лес. По одним рассказам, вовкулаки живут совсем по-волчьи, по другим, — избегают мясной пищи, в особенности несъедобных животных. Утром они умываются, проводя мордой по росистой траве, и даже в весеннюю пору разгребают землю вследствие привычки к пахоте. Оборотни всегда заговариваются на известное количество лет, и никто не обладает средством сократить этот срок, даже самые сильные чародеи. Тут может помочь только случайность, напр., окрик какого-нибудь человека, произнесенный в подходящее время, или же сам вовкулак случайно прошмыгнет под дугой первого экипажа того поезда, который был заговорен, и т. п.

Итак, белорус окружен множеством всевозможных опасностей. Олицетворяя болезни и всякое зло, представляя себе природу, населенную разнообразными духами, большей частью враждебно относящимися к человеку, имея таких же духов в собственной усадьбе и даже в хате, белорус оказался бы в крайне затруднительном положении, если бы он по многим признакам не предугадывал грядущего несчастья, если бы он не знал признаков деятельности того или другого духа, если бы он, наконец, не умел заранее принять соответствующих мер. Но есть целый ряд способов предотвратить несчастье, перехитрить лешего-черта, ту или иную болезнь и т. д. Тут главным образом надо самым тщательным образом следить за всякого рода приметами и остеречься вовремя; если приметы предвещают какое-либо зло, надо распознать, от кого оно исходит. Если несчастье уже случилось, есть ряд способов от него избавиться. Но при этом опять-таки надо знать не только средства, но и виновника несчастья.

Нищенки Смоленской губернии. (По фотографии М. Круковского).

Белорус очень суеверен и обладает очень обширным и сложным кодексом примет и средств для предотвращения несчастий. Он постоянно настороже. Прежде всего человек может предвидеть будущее при посредстве сновидений. Толкование снов играет большую роль. Оно основано или на созвучии слов (напр., видеть муку — предстоит мука, видеть снег — предстоит смех), или на сход-

стве внешних признаков (напр., ягоды, горох во сне предвещают слезы, блин — письмо), или на противоположении признаков различных понятий (видеть ангела нехорошо, видеть беса — к добру, видеть гостей — мертвец будет). Иногда толкование снов повторяет собой приметы и поверья.

Белорус также верит в лихую годину, отчего избегает говорить о здоровье своем или близких людей, вообще о каком-либо благополучии; а если и говорит, то спешит сделать оговорку: «Не у гетым часи, не у гетым рази». Остерегаясь накликать на себя беду, белорус боится сглазу — «уроков», «суроцов». Особенно часто сглазу подвергаются дети и беременные женщины, почему тех и других очень берегут. Порча от «суроцов» сосредоточивается главным образом в голове и груди; поэтому матери высасывают болезнь детей: ежедневно по три раза высасывают глаз и грудь против сердца.

Есть множество средств для того, чтобы узнать порчу; для этого, напр., с банной каменки снимают три раскаленных камня — с вершины, середины и снизу — и бросают в ведро с водой. Если верхний камень шипит больше других, то дитя «осурочено» мужчиной; если шипит больше нижний — женщиной; средний — не определяет пола. Есть возможность предотвратить себя от сглаза, для чего носят в левой поле платья воткнутую острием вверх иголку, толченую соль в шейном платке и т. д.

Для всякого положения человека, для всякого случая в жизни существует ряд примет и средств для того, чтобы предотвратить несчастье или достигнуть желаемого. Жизнь ребенка еще до рождения и после обставлена длинным рядом всевозможных предостережений. Нечего и говорить о том, что вопрос о браке и сама свадебная церемония также необыкновенно богаты приметами. Кто хочет иметь красивую жену, тот должен опоясываться двумя поясами в течение трех пасхальных дней. Для девушки, желающей пораньше выйти замуж, в народе хранится богатый запас средств, которыми можно этого достигнуть, и примет, по которым можно предугадать. Достаточно велик и запас средств для привораживания любимого или любимой. Во время свадьбы опытные сваты и свахи узнают все подробности будущей жизни молодой четы и принимают ряд предосторожностей против порчи молодых.

И вообще в жизни надо остерегаться неосторожных действий, которые могут повлечь за собой большее или меньшее несчастье, в особенности, болезни. Не следует наступать босыми ногами на метлу потому, что могут появиться судороги в ногах; не следует вертеть шапку на кулаке потому, что будет болеть голова; когда пьешь болотную воду, надо помянуть Моисея, и тогда грязная вода не будет вредна; очень полезно носить в кармане четверговую соль, что помогает от боли в животе; надо избегать употребления в пищу почек и мозга животных: от первых человек не растет, от вторых — глупеет. Есть множество и других примет. Разными действиями предотвращается и уничтожается несчастье. Для предохранения дома или другого строения от соседнего пожара нагая девушка или молодуха обегает трижды с полной крынкой молока вокруг горящего строения и бросает крынку в огонь. Скот подвергается всевозможным чарам, почему также уход за скотом обставлен целым рядом действий, имеющих целью предотвратить несчастье, ублажить хлевника, предотвратить чары и т. д.

Вообще, белорус главнейшим образом обращает свое внимание именно на предотвращение тех или других несчастий, или на то, чтобы добиться в том или ином успеха. Охотник умеет заговаривать ружье, мельник умеет ладить с водяным, лесничий — с лешим, обыкновенный хозяин — с домовым; вор обладает рукой убитого им человека, или свечей, вытопленной из жира убитого; шинкарь постарается добыть хоть кусок веревки, на которой повесился человек. Все это — забота о будущем.

Теперь посмотрим, как белорус борется с уже надвинувшейся бедой. Для этого существует множество средств, известных всякому обыкновенному смертному. Если болезнь или что-либо иное произошло от домового, то хозяин дома знает, как его ублажить. Против болезней есть множество ходячих средств. Бельмо можно вылечить печеным яйцом; на больной зуб надо положить кусочек мыла, которым обмыли умершего, или надо съесть мышиные хлебные огрызки; от желтухи помогает питье отвара из клопов; желудочная боль унимается, если кто-нибудь подует на живот больного; боль в спине прекращается, если больной ляжет у порога и кто-нибудь через него переступит. Так как болезнь — дух, то его можно выгнать из больного разными чисто механическими действиями: напр., положив больного у порога животом вниз, надо трижды подпрыгнуть на его спине; иногда прибегают к катанию больного, ставят горшки на живот; последнее делается таким образом: на живот больного кладут дощечку или корку хлеба, зажигают на ней пучок льна и прикрывают горшком; в данном случае происходит то же, что и при ставлении рожков.

Не всегда, однако, белорус знает средство от болезней или от иной беды. Тогда он обращается к людям сведущим, каковыми являются знахари, ведзьмаки, знахарки и ведьмы. В Белоруссии очень много лиц, сведущих в тех или иных сферах колдовства. Мелкие чары могут навести очень многие; они же могут и помочь в неважных случаях. Но

такие ведуны не имеют большого значения, так как рядом с этим существует профессиональное колдовство. Такие чаровники часто пользуются славой, выходящей далеко за пределы села или волости. Они обыкновенно бывают весьма необщительны, живут особняком; большей частью это мельники или лесники по профессии, иногда рыболовы. Окрестные крестьяне выказывают очень большой внешний почет к таким ведзьмакам и даже в разговорах между собой избегают называть их чаровниками, боясь мести. Чародейство — очень старое явление в Северо-Западном крае, и уже свидетельства XVI—XVII веков говорят о многих процессах по преследованию ведьм и чародеев. Тогда их усердно ловили и казнили, добиваясь пытками сознания. Вот любопытное показание половины XVIII столетия — письмо управляющего имением графа Тышкевича к своему пану: «Ясневельможный пан! С возвращающимися крестьянами доношу, что с вашего позволения сжег я шесть чаровниц: три сознались, а остальные — нет. Две из них престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дней они все просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костелов святую воду и буду на ней варить кисель: говорят, непременно все колдуны прибегут просить киселя; тогда еще будет мне работа!»

Профессиональное ведьмачество не дается даром. Чаровник — служитель нечистой силы; он отдал душу черту и от него получает свои силы и знание. Ведьмачество передается от одного ведьмака к другому. Передача эта бывает обыкновенно на смертном одре: ведьмак нашептывает воду и дает ее испить своему преемнику; иногда сила и знание ведьмака заключаются в особой книге, которая, по уверению белорусов, лежит где-нибудь под камнем в глухом лесу. Получив от ведьмака соответствующее указание, его преемник должен найти эту книгу и проспать в данном месте ночь, положив книгу под голову; после этого книга опять кладется на место, а новый ведьмак приобретает всю силу своего учителя.

Сила чаровника заключается в том, что он знает все чары, которые могут принести человеку добро и зло. Настоящий «вялики ведьмак» умеет не только сделать зло, но и исправить сделанное. Ведьмака можно и узнать. Для этого надо припрятать кусочек сыра, который едят на заговенах перед Великим постом, и носить этот сыр в мешочке под мышкой в течение Великого поста. Во время пасхальной заутрени, когда священник будет провозглашать: «Христос воскрес», надо за попом говорить: «У меня сыр есть». Тогда все ведьмаки будут просить сыра, но давать его им не следует. Некоторые ведьмаки обладают умением понимать разговор животных и птиц; для этого они едят соус из ужевого мяса. Одни ведьмаки бывают сильнее в своих чарах, другие — слабее. Иногда ведьмаки меряются своей силой. Вот один такой рассказ. Женился однажды в селе солдат. В том же селе жил великий ведьмак; все звали его на свадьбы, а солдат не позвал. Когда ехал свадебный поезд, ведьмак превратил участников его в вовкулаков. Солдат оказался еще более сильным в чарах: махнул платком — все снова сделались людьми, а у ведьмака на голове выросли рога. На свадьбе все просили солдата, чтобы он простил своего врага. Тот простил и пригласил его к себе на свадьбу. На свадьбе снова заспорили чаровники и стали пробовать свою силу.

Ведьмаки лечат различные болезни обыкновенно посредством нашептывания над водкой или водой. Примешивают иногда в воду порошки и настои из трав. Обыкновенно они отпускают длинные ногти для того, чтобы удобно было носить под ними порошок, который они незаметно бросают в пищу или питье. Чары можно производить не только над теми предметами и лицами, которым хотят сделать вред, но также и над теми, которые имеют с первыми какое-либо соотношение или соприкосновение; очень многие чары производятся над следом человека, для чего берут землю из-под левой пяты следа, скатывают ее в шарики и затем превращают в порошок. Для очарования скота чаровники стараются достать клочок шерсти от скота того хозяина, которому хотят принести вред. Порча хлеба производится при посредстве «заломов» и «завитков»; они делаютсся во ржи и пшенице около времени Ивана Купала, когда хлеб наливается. Переломаная в трех или четырех пучках рожь или пшеница перевивается красной шелковой ленточкой или ниточкой, причем произносятся заговоры. Если крестьянин нашел у себя в хлебе залом (осмотрительные хозяева делают обход своих полей после Купальского дня), то приглашают священника отслужить молебен и тогда вырывают с корнем залом.

В Белоруссии ходит масса рассказов о ведьмах. Белорусы уверены, что ведьмы находятся в любовной связи с чортом, от которого они узнают таинственные свойства некоторых трав и кореньев; к кореньям они подмешивают порошок или жидкость из вываренного лисичьего сердца или кошачьей печени. Когда ведьма выпьет добытую ей чудесную жидкость, она делается легкой, невидимой и может носиться по воздуху. Ведьмы слетаются на таинственное бесовское игрище или шабаш, которые бывают ночью где-нибудь на высокой горе;

холмы, вершины которых покрыты песком и лишены крупной растительности — «лысые горы», — считаются именно такими горами, на которые слетаются ведьмы. Главный шабаш ведьм бывает в самую бурную ночь между Ильиным и Успеньевым днями; эта ночь известна под названьем воробьиной или рябиновой.

Если при жизни ведьма и ведьмак пользуются почетом и достатком, которые доставляет им их ремесло, то белорусы верят, что смерть чародея бывает очень мучительна: нечистая сила не хочет выйти из его тела, а когда выходит, то присутствующие замечают быстро убегающее животное в виде свиньи, поросенка или курицы. Так как крестьяне на косяках дверей и окон выжигают кресты свечей, принесенной с вечерни в чистый четверг, то душа чародея не может выйти через окна и двери; поэтому для облегчения предсмертных мук раскрывают потолок в избе над ложем умирающего или просверливают дыры в стене. При кончине чародеев и погребении их обыкновенно свирепствует страшная буря; чтобы унять ее, надо на дно вырытой могилы опустить осиновый крест.

Все предыдущее изложение ясно показывает, чем занято воображение белоруса и что составляет сущность его мировоззрения. После этого можно не удивляться, что религиозный горизонт белоруса очень не широк; легко также предвидеть, что и религиозные представления подверглись сильному влиянию суеверий. Космогонические представления белорусов носят отпечаток странной смеси библейских сказаний и народной фантазии. Во всех рассказах о происхождении мира фигурируют два существа — Бог и дьявол; Бог сделал для человека полезные предметы, напр., равнину, хлебные злаки, целебные травы, полезных животных; дьявол создал горы, сорные растения и вредных животных. Бог вдунул в человека добрую душу, а черт —злую, отчего человек склонен делать зло. Бог в представлении белоруса является добрым стариком, который когда-то ходил по земле, делая добро хорошим людям и наказывая дурных. Не все узнавали Бога, и потому не все оказывали ему услуги: поэтому одних он наказывал, а жизнь других делал счастливой.

Например, по одному рассказу, Бог шел дорогой и увидел бабу, которая жала жито. Бог попросил бабу показать ему дорогу, но та отказалась за недосугом; за это Бог сделал так, что она никогда не могла управиться в работе. Дальше встретил Бог мужика за сохой; поговорили оба; мужик попотчевал Бога нюхательным табаком и показал ему дорогу. И Бог сделал так, что мужик всегда стал управляться с работой.

Белорус не всегда тверд в вопросе о количестве верховных божеств. Один исследователь, г. Романов, занес в свой сборник такой ответ крестьянина по этому поводу: «Бог его знает, сколько есть богов. Главный, надо полагать, один, а Иисус Христос сын его. Дух Святой — это уже не Бог — это Дух Божий». Апостолы и праздники, по понятиям белорусов, — тоже боги, но меньшие; каждый из них чем-нибудь заведует: Илья заведует громом, св. Юрий заведует зверями и скотом, св. Фрол — лошадьми, отчего ему лошади и «святкуют», т. е. празднуют, св. Николай — нивами, Кузьма-Демьян — «ковальский бог» и т. д. Представление о Боге и святых отличается реализмом. Так, со своими просьбами женщины обращаются преимущественно к Божьей Матери и женским святым. Интересен, напр., такой рассказ. Встречает одна соседка другую и спрашивает: «Куда ты идешь, кума?» — «А вот я иду в костел закупить мшу (обедня) на своего «лютаря» (равнозначаще слову Каин, причем подразумевается муж). — «Так ты, кума, смотри, не ошибись, не закупи мши на Пана Иезуса: они мужчины все одинаковы — друг за друга, как жид за жида, тянут. Смотри не ошибись и закупи мшу Матке Божьей».

Святые, по понятиям белорусов, ходили по земле и являлись людям в человеческом образе. В отношениях друг к другу святые не чужды чисто человеческих недостатков. Ходили когда-то по земле Микола с Юрьем. Встречают они мужичка на пашне, поздоровались с ним и сказали: «Бог на помощь». Мужик ответил. Пошли дальше святые и заспорили о том, кому из них мужик «здравствуй дал». Поспорив, они снова вернулись к мужику и спросили его. Мужик подумал, да и говорит: «Ну, конечно, этому старому» (т. е. Миколе). Тогда св. Юрий стал насылать на мужика всякие беды, потому что рассердился на него, а св. Микола стал предохранять его от бед, насылаемых Юрием. Долго так пробовали они свою силу над мужичком. Наконец Юрий так рассердился, что решил сжечь весь двор мужика со всем его добром. И тут помог св. Микола, научив мужика поставить в Юрьев осенний день св. Юрию самую большую свечу, св. Миколе — меньшую, а всем святым — самую маленькую.

Белорус считает праздники не отвлеченным понятием, но олицетворяет и их. Праздник сам наказывает виновного за нарушение своей святости. Белорусская женщина никогда не засидится за работой поздно вечером в субботу, потому что боится наказания от «святой недельки». По этому поводу ходит множество рассказов, напр., о том, как «святая неделька» испугала засидевшуюся в субботу вечером бабу, прокатившись по хате «трупяй галавой» и т. д.

Итак, все мировоззрение белоруса проникнуто чертями, в которых самым причудливым образом

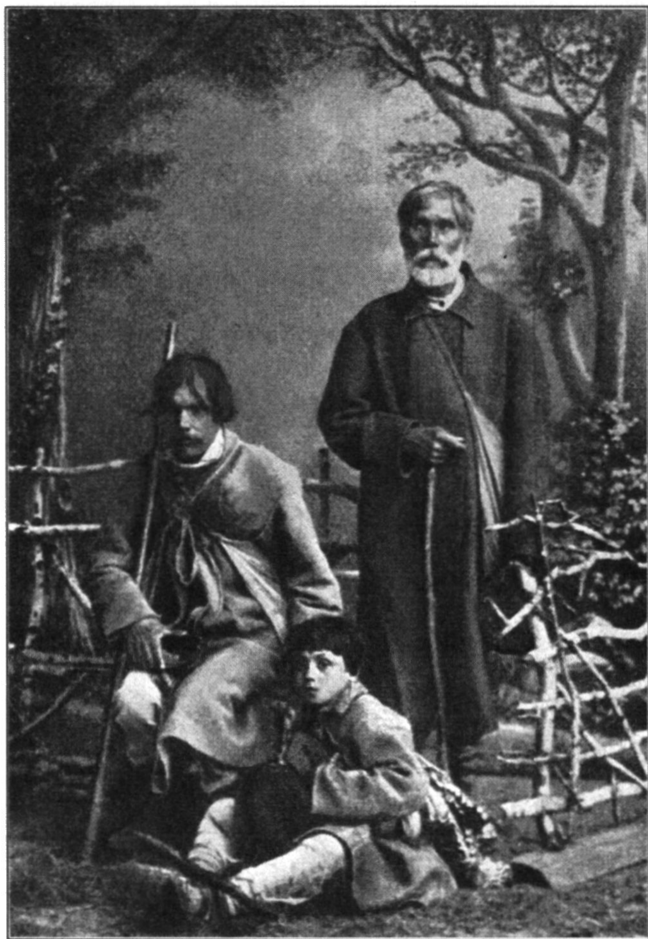

...й губернии.
...).

...среди сложного ритуала, совершаемого его близкими; ...смерти родные будут со... обряды, посвященные ...ам. Это один круг обрядов ...зни. Но рядом с ними существует и другой; это годичный обрядовый круг. Он выполняется из года в год. В нем отразилась трудовая жизнь белоруса, так как, по существу, годовые обряды являются пережитками аграрного культа; даже игры молодежи втиснуты в общий строй обрядовой жизни и являются такой же частью обряда.

языческие верования переплелись с христианскими; на представлениях белоруса отразились очень древние черты языческих верований и понятий; с другой стороны, сказывается и воздействие средневекового литературного репертуара, напр., апокрифов, духовных стихов и пр. К сожалению, до настоящего времени еще далеко не выяснено как наличное богатство белорусских верований, так и их происхождение. Но то, что сказано по этому поводу, далеко еще не представляет всего запаса пережитков глубокой старины, которые сохранились среди населения. Отголоски языческих воззрений на божество, иногда очень отчетливые черты языческих божеств не менее рельефно сказываются в обрядах белорусского крестьянства. Белорус с большим почтением относится к обряду; для него обряд — это акт священнодействия, установленный предками, освященный веками и потому требующий к себе уважения и точного выполнения. Школа и заносы из города, влияние церкви, очень сильное в последнее время, не могут окончательно побороть привычки к выполнению обрядов, достигая лишь того, что обряды выполняются с сокращениями и со стороны молодежи не всегда серьезно. В самом деле, жизнь белоруса изо дня в день обставлена известными обрядностями. Круг обрядов двоякого рода: обряды сопровождают белоруса от рождения, даже еще до появления на свет, и свою многотрудную жизнь белорус за...

В сказанном легко убедиться из беглого знакомства с обрядовой стороной белорусской деревни. Сначала мы раскажем о трех важнейших обрядах, сопровождающих жизнь белоруса, именно об обрядах при рождении ребенка, свадьбе и похоронах.

Народное суеверие обставляет будущую мать целым рядом предписаний, при посредстве которых стараются обеспечить здоровье ребенка. Некоторые из таких предписаний по существу могли бы быть даны в целях гигиены, но, конечно, объяснение их и выполнение отличаются суеверием. Народный взгляд боится «урока», сглаза; это его основная точка зрения. Так, беременная женщина должна избегать встреч с медведем или волком, потому что вследствие испуга младенец может родиться с плешью, «лапкой» на голове, с шерстью дикого зверя, наконец, с лапами вместо рук. Беременной женщине не следует выходить на пожар, потому что если она от испуга схватится за какую-нибудь часть своего тела, то ребенок родится с большим красным пятном в соответственном месте. Нельзя ничего перерубать топором на пороге вблизи кровати беременной, потому что у дитяти будет рассечено ухо или рот или оно родится с шестью пальцами на одной из конечностей. В этом роде длинный ряд предписаний оберегает будущего младенца. Когда приходит время родов, женщина поступает в полное распоряжение бабки-повитухи. Повитуха в селе пользуется большим поче-

Старцы-исполнители духовных стихов.

том, она же является детским врачом, потому что знает, какие детские болезни происходят от сглаза, и знает от болезней заговоры и другие средства. Бабкой может быть женщина, уже переставшая рожать, и наилучшей считается та, у которой детей было много, и они не умирали. Ремесло деревенской бабки, за которое обыкновенно берутся бедные женщины, бобылки, почти всегда соединяется с мелким знахарством. Присутствие повитухи, по существу, очень мало облегчает больную, так как средства, которыми она обладает, заключаются в наговорах и разных символических действиях; некоторые прибегают еще к кое-каким снадобьям из трав, но употребление их не всегда счастливо заканчивается. Появление новорожденного также обставляется бабкой разными заговорами и действиями. При купании ребенка в корыто кладут несколько кусочков хлеба, соли и щетку из свиной шерсти. Родильницу (по местному «породуха») усердно посещают соседки, принося ей различные кушанья. На третий день после родов бывают «взливки» или «узвары», для чего приготовляют закуску, водку и созывают гостей, преимущественно женщин. После хорошей выпивки подгулявшая бабка садится в сани или на воз, остальные же бабы берутся за оглобли и везут повитуху в корчму. Бабка подгоняет их длинной хворостиной. Поднимается шум, пьяный бабий крик, сопровождаемый смехом, понукиванием и остротами. В корчме продолжается пьянство. После обряда крещения, который бывает в церкви или на дому у священника, в доме родителей собираются гости. После угощения подается «бабина каша», которую она приносит с собой. После шутливого предложения бабки отведать ее каши присутствующие кладут монеты на горшок. Деньги поступают бабке. Затем породуха дарит кумовьев и бабку. Обряды при крещении сопровождаются многочисленными песнями, в которых сыплются остроты по адресу «породухи», бабки и в особенности кума и кумы.

Очень интересен свадебный обряд. Родители жениха, остановив свой выбор на невесте, иногда, наведя окольными путями предварительные справки насчет согласия родителей девушки, приглашают сватов. Эту почетную обязанность обыкновенно выполняют родственники жениха, люди почтенного возраста и по возможности уважаемые в селе. Немало бывает выпито водки во время предварительных советов родителей жениха со сватами. Совещания ведутся не о выборе невесты, но о порядке свадебного обряда, приглашения гостей, о будущих расходах и т.п. Когда определится день, в который решат отправляться «в сваты» (наиболее благоприятным днем считается воскресенье), тогда предварительно угощают сватов и производят целый ряд гаданий, чтобы убедиться, насколько благоприятен данный день. Со сватами или со сватом отправляется обыкновенно и отец жениха; с собой они берут бутылку водки и краюху хлеба. Сваты, приехав или придя к дому невесты, становятся под окном и говорят: «Пустите, люди добрые, на ночь!» — «Здоровеньки были, идите в хату!..» — отвечают им. Войдя в избу, сваты ставят на стол бутылку с водкой и кладут краюху хлеба. После предварительных разговоров о посторонних предметах старший из сватов спрашивает у родителей невесты: нет ли у них телушки для продажи, на что им отвечают, что продали бы, если бы были купцы. Такой ответ считается благоприятным, и завязывается деловой разговор. Между сватаньем и свадьбой бывают еще «запоины». На них присутствуют жених и невеста и приглашаются наиболее солидные из родственников обеих сторон. За выпивкой (водку пьют ложками из общей чашки) ведутся переговоры о браке, порядке свадьбы и т. д. В конце попойки невеста дарит сватам, отцу

жениха и самому жениху полотенца. В промежуток между «запоинами» или «змовинами» и днем свадьбы, когда идут приготовления, подруги невесты собираются у нее, проводя время в угощении и в пении песен. В этих песнях изображается грусть молодой девушки, которой приходится оставлять отчий дом и идти к чужим отцу и матери; невеста, сделавшись молодухой, навсегда расстанется с прежней веселой жизнью, с подругами; она не покажется уже на деревенском игрище, в пляске, на деревенской вечеринке; у нее будет суровый муж, злая свекровь. Песни спрашивают невесту, о чем она горюет, почему она проливает горькие слезы: не плачет ли она потому, что ей жаль расстаться со стариком-отцом, со старухой-матерью, с родным подворьем? Но не об этом горюет невеста: она оплакивает свою русую косу «да дзевоцкаю красу». На огороде мята, мак и другие «краски» (цветы) заросли лебедой; почему же девушка их не полет, почему не плетет себе венок? Теперь ей уже не до цветов, потому что приехал жених. Действительно, белорусская девушка начиная со «змовин» много плачет; если она выходит замуж и по любви, то все-таки по традиции она оплакивает свое «дзевоцтво».

Церковное венчание не играет существенной роли среди «вяселля»; иногда оно даже совершается за неделю до выполнения свадебного обряда, и молодые в эти дни каждый живет у своих родителей. При венчании и при следовании в церковь и обратно дружки только заботятся о выполнении разных символических действий для того, чтобы уберечь молодую чету от чар. Богатые свадьбы справляются таким образом, что сначала пир происходит отдельно в доме жениха и в доме невесты, и только вечером жених со своей дружиной отправляется в дом невесты. Вообще, свадебный обряд допускает некоторые варианты, хотя главнейшие моменты его, как напр. посад невесты, каравайный обряд и некоторые другие строго выполняются. Вот, напр., в кратких чертах описание обряда, практикуемого в южной части Режицкого уезда. Здесь «вяселле» совершается после венчания через несколько дней. Утром, в день, назначенный для «вяселля», жених со своей дружиной закусывает. После закуски родители благословляют его вместе с дружиной (называемой боярами) и отправляются за невестой. При выходе поют:

Иванку матка радзила,
У дорогу выпрауляла;
Месяцам абгарадзила,
Зарою падпяразала:
Едзь, дзиця, раджоное,
На сваё суджонае!

Свадебные костюмы крестьян Лепельского уезда.

На дворе у невесты их уже ожидают. Здесь стоит стол, покрытый скатертью, на нем стоит чашка и лежит ложка. Дружина с шумом подъезжает к воротам; их сначала не пускают, торгуются, но наконец впускают. Отец жениха наливает полную чашку водки, а дружок из ложки угощает всех присутствующих. Хор поет:

Чий, чий каравай выше?
Чие дзицятко краше?
Наш, наш каравай выше!
Наше дзицятко краше!

Угощение происходит очень торжественно и чинно. Но чинность прерывается вдруг тем, что одна из свах в вывернутом тулупе обегает всю толпу и скрывается в сенях. Молодежь гоняется за ней с хлыстами и кнутами.

После этого совершается весьма важная церемония. Жених со своей матерью и дружиной подходит к сенечным дверям избы. В сенях за порогом сидят невеста, ее мать и девушки. Обе матери

имеют в руках восковые свечи. Когда сойдутся оба хора, поют:

А чий куонь, а чий куонь,
По загарадью бегае (2),
Да капыцячком, да капыцячком
Крамяни разбивае? (2)
А у крамяни, а у крамяни
Агню даспявае? (2)
Ай у крамяню, а у крамяни,
Дай же нам агню (2)

Запалици, засьвяцици жениху свячу! (2)

При этих словах свечи у обеих матерей зажигают и продолжают:

Приступись свяжечко до мяне, до мяне! (2)
И у цябе свечи, и у мяне свечи (2)
И у цябе дзиця, и у мяне дзиця (2),
Слепемо свечки да купки,
Зведзямо дзетки да хатки,
Да да адньи матки! (2)

Свахи, т. е. матери жениха и невесты, стоя на сеничном пороге, слепливают свои свечи в одну:

Мир за миром миравалися,
Сваха з свахою цалавалися (2)
На летнам марози, на сенничнам парози (2).

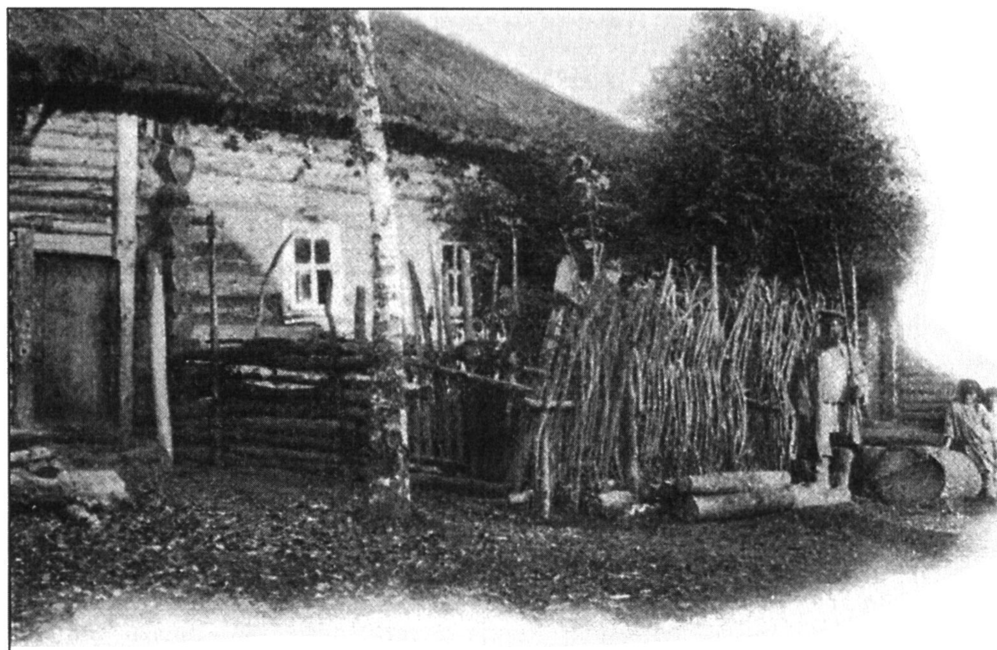
Свахи целуются и входят в хату, за ними невеста с дружками и жених с дружиной.

Дружко поочередно приглашает почетнейших родных и знакомых благословить «князя и княгиню». Молодые стоят посередине избы. После благословения дружко обводит их вокруг стола трижды. Жених садится затем на «куту», невеста — возле него. Тут же рассаживаются отец, мать, дружки и все гости. Вносят каравай, приготовленный еще накануне, украшенный цветами. Отец жениха наливает чашку водкой, а дружко обносит гостей ложкой водки.

После пения нескольких песен и маленькой закуски начинается вторая часть обряда — завивание косы невесты. Избранные свахи — завивальницы становятся на скамейку по обе стороны невесты. Одна снимает венок с головы невесты и расчесывает волосы ей. Другая в это время жирно намасливает их. Затем сваха берет по пряди волос невесты и жениха, скручивает их и продевает через кольцо. Она спрашивает благословения «косы смалици». После троекратного «Бог благославиць» другая сваха той же свечей, которую скрутила на пороге, прижигает трижды волосы молодых, продетые через кольцо. После этого на невесту сейчас же одевают женский головной убор. Раздаются отчаянные рыдания невесты, всхлипывания присутствующих, особенно женщин, и грустное, протяжное пение дружек:

Ой, добры мой отец, што купиу дочце чапец!
А лепшайшая маци, что казала завиваци...
Свахи при завивании поют:
А я табе, сестрычко, завиваю,
Шасцем, доляю апсыпаю;
Ай, будзь здарова як вода,
Будзь богата як земля,
Будзь прыгожа, як рожа! [1]

Жених дарит деньгами
ивальниц. После обеда и
ıцев начинается обмен
ıарками: делят каравай и
одаривают невесту, а
ь ее одаривает родню же-
ка. Затем весь поезд уда-
тся вместе с невестой в

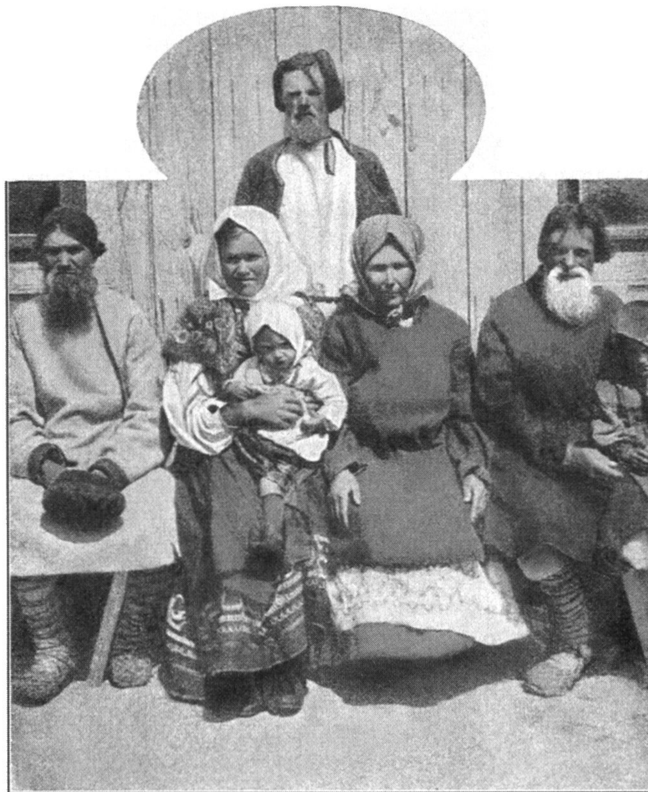
Хата крестьянина средней зажиточности Смоленской губернии. (По фотографии М. Круковского)

[1] Роза.

дом жениха. После закуски молодых ведут спать. На утро следует деление каравая жениха и дарение его. Еще дня три продолжается пир, ходят друг к другу родня жениха и невесты в так называемые «перезвы». Этим свадьба и заканчивается.

В последнее время не всегда исполняется, или исполняется с сокращениями обряд бужения молодых на утро после первой брачной ночи; этот обряд называется «калинкой». Исполняется он таким образом. Дружина молодого утром является в его дом и с песнями будит молодых. В одних местностях «маршалок», т. е. старший дружко входит в клеть, берет рубашку молодой, свертывает ее и, пришпилив к ней красную ленту, вносит в избу. Тут уже собралась свадебная компания. Вскоре с дружками в избу входят молодой и молодая, и тогда начинаеся угощение сладкой водкой. Затем молодой с дружиной едут со сладкой водкой к тестю. Иногда подымают молодых свахи, и они же везут сорочку молодой к тестю. Вообще обряд «калинки» сопровождается диким весельем и пьянством. В песнях, наполненных очень нескромными намеками, прославляется молодая. Зато, если молодая не окажется невинной, все тотчас же расходятся, и празднество прекращается.

Описание свадебного обряда представляет и само по себе непосредственный интерес. Но он интересен еще и в другом отношении. Народ бессознательно выполняет мелочные черты обряда. Но каждый момент обряда имеет длинную историю, являясь остатком бытовой черты, или религиозного верования, восходящего к отдаленному прошлому, часто к первобытной культурной жизни. В свое время каждый момент обряда имел определенный смысл. Для подтверждения сказанного достаточно привести хотя бы несколько пояснительных замечаний. Формы заключения брака в первобытной стадии человеческой культуры сводились сначала к умыканию, похищению невесты, затем к купле-продаже ее. Наша начальная летопись свидетельствует, что эти формы брака господствовали в древнейший период у русских славян. В белорусской свадьбе встречается ряд моментов, которые являются пережитками этих форм брака. Сваты, приходя в дом невесты, ведут сначала торг о продаже им телушки. Дружки не пускают жениха в дом, требуя от него выкуп за невесту. В песнях жених и его дружина изображаются воинами, которые всем полком идут на тестя, воюют с ним и силой отнимают девицу. Когда жених является в дом тестя, его сначала не пускают, и женихова дружина собирается разломать ворота. Даже такой обряд, как расчесывание девичьей косы и одевание женского головного убора, не является случайным: похищенная женщина — раба своего господина, почему и не может носить такого головного убора, какой носят свободные люди; поэтому молодой и одевают женский головной убор, расплетая косу — признак девичества (у других народов замужние женщины бреют голову, как это делалось в древнейшее время и по отношению к рабам).

Крестьяне Смоленской губернии (метисация с великорусами). (По фотографии М. Круковского).

Это бытовые черты. Но свадебный ритуал представляет собой вместе с тем и религиозный акт. Земледелец совершает обряды, которыми он желает умилостивить божества, способствующие плодородию в семье, в скоте, в хлебе. Он тесно связан с душами предков и совершает обряды в их честь. Молодые с обрядами и песнями обводятся вокруг стола, поклоняются печи, домашнему очагу. В этих обрядах отразилось почитание предков. Молодую сажают на посад, т. е. на квашню, покрытую тулупом шерстью вверх: этим желают снискать у божеств богатства и плодородия (в народном представлении — мохнатый — богатый, плодородный). Нечего и говорить, что каравайный обряд представляет собой священнодействие аграрному божеству: каравай есть олицетворение самого божества, которому поклоняются и которое желают умилостивить. Одним словом, в белорусском свадебном обряде отразились очень древние черты верований и быта.

Теперь перейдем к похоронному обряду (похороны по-белорусски называются «хаўтуры»). Погребальные обряды открывают перед нами весьма интересные черты крестьянского быта; от них веет седой стариной, в них мы находим прекрасное подтверждение обычаев наших предков, о которых имеем лишь неясные указания в исторических источниках. Смерть встречает белорусский крестьянин бесстрашно и покорно, с поистине редкой твердостью духа. Об этом единогласно свидетельствуют все наблюдатели. Завещание делается обыкновенно устно, причем умирающий с поразительными подробностями делает свои распоряжения, в которых он не забывает упомянуть малейших обстоятельств настоящей и будущей жизни оставляемых им близких людей. Большей частью тут же делаются и указания на обстановку предстоящего погребения. Многие в среднем возрасте запасаются «смертной рубахой», а некоторые — «домовьем», т. е. гробом, за много лет до смерти. Когда наступает последняя агония, умирающему дают в руки «громничную» или «страстную» свечу, освященную в страстной четверг. В доме воцаряется полная тишина, необходимая (по уверению крестьян) для того, чтобы душа спокойно рассталась с телом. Как только в теле незаметно никаких признаков жизни, в доме поднимается общий плач. Но нужно «обряжать» покойника. Кто-нибудь из старших раскладывает огонь, греет воду, а между тем призываются соседи или знакомые, которые моют и одевают покойника: мужчины — мужчину, а женщины — женщину. Домашние и родственники во все время прибывания покойника в доме не предпринимают никаких работ. Гроб делают также знакомые, или же в некоторых местах лица, которые считают своей обязанностью делать гробы и вообще помогать домашним в погребении. Обыкновенно они делают все даром, считая свое дело христианской обязанностью. Покойника в некоторых местностях моют на соломе, головой к востоку. Солома эта сжигается где-либо на перекрестке. Вообще же воду, употребленную на омовение, выливают в таких местах, где никто не ходит. Лицам, мывшим покойника, непременно дают выпить водки, иначе покойник не будет «приять им». Одевают покойника в чистое летнее платье, ноги обувают в лапти и редко в сапоги, а голову обертывают красной материей или одевают шапку, иногда же кладут ее в гроб, смотря по местности. Девушку и парня одевают как к венцу.

Когда покойника обрядили, его кладут на лавку под образами так, чтобы входящему в избу голова приходилась по левую руку, а ноги по правую, или же — мужчину по правую руку от входа, женщину — по левую. На «покуте» у изголовья кладут кусок ржаного хлеба, но чаще зажигают свечу, вставив ее в насыпанную кучку овса или ржи. Как только покойник обряжен, кто-либо из старших членов семьи отправляется в церковь, чтобы оттуда забрать «прочесу», т. е. крест и хоругви (в Витебской губернии в прежнее время употреблялся еще и колокольчик, которым звонили во время хода похоронной процессии); при этом он извещает причт и дает «на трезвон». Вместе с тем приглашается кто-либо из причта или из грамотных крестьян для чтения псалтыря — «псалтырник», который и читает псалмы до погребения у богатых, или хоть несколько времени у бедных. Одновременно извещаются родственники и знакомые о постигшем семью бедствии и приглашаются на поминальный обед.

Между тем родные и знакомые изо всей деревни один за другим сходятся отдать последний долг покойнику — помолиться, что почти всякий считает своей обязанностью. Женщины выражают свою скорбь плачем, голошениями и причитаниями, причем особенно усердствуют родственницы и люди, близкие к покойнику. Женщины голосят поочередно, одна за другой: наплакавшись вволю, голосящая отходит к толпе, ее место занимает другая и т. д. Причитания, которые говорятся при этом, представляют глубокий интерес. В них оплакивается горе семьи, которую покидает отец, мать или взрослый работник, указывается тяжелое положение вдовы и т. д.; мать в словах, исполненных невыразимой горечи, оплакивает потерю дорогого, любимого дитяти; пересчитываются все хорошие стороны характера умершего, его отношение к семье, соседям, наконец, привычки и т.п. Вообще эти причитания полны трагизма. Нужно заметить, что они не представляют собой, по-видимому, уже готовых, вполне законченных произведений народного творчества, которые, как песни, повторяли бы плакальщицы. Тогда, конечно, такой искусственной постановкой дела нарушался бы истинный, неподдельный трагизм. Плакальщицы знают, очевидно, лишь схему причитания при известных случаях, общие места их, но сами варьируют частности, почему от богатства фантазии и талантливости плачущей зависит форма самого причитания. По этой же причине они разнообразны до бесконечности. В приготовлениях домашних, в посещениях и голошениях родных и знакомых, чтении псалтыря время проходит до погребения. Погребают обыкновенно на второй или на третий день. Особенно интересно последнее выправление покойника из дому. В этой части похоронного обряда наиболее отражаются остатки чисто языческих верований народа. Так, в некоторых местностях окуривают гроб травами, освящен-

ными 24 июня, или в Вербное воскресенье, или же кладут такие травы под подушку. В Новогрудском уезде гроб обматывают несколько раз ярко-красной ниткой. Почти повсеместно кладут в гроб любимые предметы покойника: если он был плотник — топор, если особенно хорошо плел лапти — недоплетенный лапоть и т. д. Бывают даже случаи, когда просят у священника позволения положить скрипку, — предмет особенно дорогой для покойного; если покойный курил табак или нюхал, кладут в гроб люльку (трубку) или табакерку. Кроме того встречаются указания на то, что в гроб кладут хлеб, соль, пиво, водку и пр. Еще оригинальнее следующее. В Новогрудском и Игуменском уездах Минской губернии на голову надевают шапку и в руку дают платок, чтобы покойник не встретился на том свете со знакомыми с непокрытой головой и голыми руками; в карман кладут медную монету, чтобы покойник мог купить себе место на том свете. Монету бросают также и в могилу, если там находят кости раньше погребенных людей, чтобы новый покойник мог купить себе место среди них, иначе раньше погребенные будут его гнать. А в одном случае мы встречаем рассказ, что в гроб положили мыло, оставшееся от омовения, и срезанные при этом ногти; последние будто бы нужны для того, чтобы сделать из них лестницу для восхождения на небо. В Горецком уезде Могилевской губернии кладут еще восковую свечу для освещения пути во время следования на страшный суд. Снарядив таким образом покойника, тело выносят. Существует обычай выносить ногами вперед, иначе все в доме перемрут. При выносе беременные женщины уходят, потому что ожидаемый ребенок может родиться бледным, как мертвец, или же мертвым.

Интересны обряды, с которыми соединено желание, чтобы осиротевшая семья не нуждалась в хлебе. Для этого при выносе кто-либо из родственников или делавших гроб посыпает вслед гроба ячмень, или обсыпают три раза присутствующих, или посыпают хлебными зернами скамьи и пол. Старший в доме тотчас по поднятии покойника садится на то место, где он лежал, чтобы здесь сидели все живые. Покойника непременно везут на кладбище, хотя бы оно было и близко. При этом особенным почетом пользуется везущая гроб лошадь. Вместо повода ее ведут за полотенце или кусок полотна. В Витебской губернии старший в доме целует ее копыта с причитаниями. Предварительно ее кормят на дворе и впрягают только за несколько минут до выноса тела. После погребения на телеге, на которой везли тело покойного, никто не едет; она некоторое время должна оставаться без употребления, и ее непременно ставят оглоблями к улице, а не во двор. Лошадь распрягают на гумне, где она остается, пока не явится надобность выполнить с ее помощью какую-либо хозяйственную работу. В Гродненской губернии кто-либо из старших членов семьи при выносе наливает в миску около гарнца чистой воды, всыпает туда с кварту овса и, обойдя три раза вокруг запряженной лошади, обливает ее этой смесью.

Со двора печальная процессия отправляется на кладбище при всеобщем плаче и соответствующих причитаниях родных. В присутствии священника голошения проходят сдержаннее. Существует обычай, что дочери садятся на гроб и, примкнув к нему головами, плачут во все время пути. Когда процессия проходит по деревне, хозяин дома, около которого проходит процессия, выходит за ворота и набожно крестится; когда кто спит в это время, его будят, а спящему ребенку кладут в изголовье головную щетку, а в ноги нож. Если провозят тело около дома, хозяин которого жил не в ладах с покойным, то он выходит из дому, если желает простить, становится на колени и, взяв немного в руку земли, потряхивает ею и говорит: «Добрый быу человек. Дарую я табе».

После отпевания и засыпания могилы все бывшие на похоронах возвращаются обратно в дом. Хозяин дома и кто-либо из старших входит первым, берет свечу, горевшую на «покуте», ударяет ею крестообразно в косяк двери и бросает ее наотмаш. Бабы собирают овес и бросают его на место, никем не попираемое. Старшая же женщина, войдя в хату, берет горбушку хлеба и, скобля медный грош, говорит, оборачиваясь к двери: «Дзеды, бацьки, матульки, дзядухни, цетухны, примице к себе померщаго нашего бацюхну (или другого кого) и живеци тамоки з им добре, не поспорце»; этим она включает новопреставленного в число умерших родичей. Когда все собрались, начинается похоронный обед, к которому приглашаются все присутствующие.

Садятся за стол по старшинству, причем делавшие гроб занимают видное место. Причт, если он присутствует, пользуется особым предпочтением. Главную роль из блюд играет ячменная каша «куцця». В некоторых местностях существует интересный обычай — приглашение покойника к обеду. Так, в Горецком уезде (Могилевской губернии) присутствующие трижды пробуют кутью, приглашая покойника: «Хадзи куцьцю есци». Вообще верование в то, что после смерти умерший не сразу оставляет семью, весьма распространено. Так, в Витебской губернии распространено верование, что покойник в продолжение сорока дней является в свой и чужие дома и может наносить вред людям, с которыми не дружил при жизни. В Мо-

гилевской губернии под образами ставят чарку с водой, чтобы покойник мог прогнать «смагу». А в Быховском уезде той же губернии полотенце, на котором вели лошадь, везшую его, в продолжение шести недель расстилают под образами на лавке и на него ставят стакан с водой, которая каждый день меняется. Дни поминовения разделяются на «трацины» (третий день), «дзевяцины» (девятый день), «сарачыны» (сороковой, «паугадки» (полгода), «угодки» (год по кончине), затем «прикладзины» — добавочный день ко всем поминовениям. Достаточные стараются во все эти дни отслужить заупокойные панихиды и литургии, менее достаточные отслуживают одну-две. Но зато всякий день поминовения сопровождается «жалобным» столом, к которому приглашаются родственники, все что-нибудь делавшие при погребении и священник. На «жалобный» стол печется «заздароуный» хлеб и варится «сыта» (раствор меда); это необходимые части стола. Если служится литургия, то часть кушаний несут в церковь, а по окончании литургии несут их на могилу поминаемого; «сыту» несут после литии в дом священника, где и делят между присутствующими. Интересно и то, что есть обычай, по которому кто-нибудь из родственников постится с утра от кануна дня поминовения до окончания литургии. Когда соберутся все к «жалобному» столу, священник благословляет «заздароўный» хлеб и первую частичку его дает постившемуся; затем оделяет хлебом всех членов семьи покойного и дает по частичке на каждую семью, участвовавшую на поминках, а иногда и на каждую семью в селе или в деревне.

Конечно, обилие «жалобного» стола зависит от достатка семьи умершего, а также от того, кто из членов семьи умер: поминки по детям и вообще младшим членам не отличаются особой торжественностью и обилием стола и проходят в тесном кругу семьи и близких родственников, но поминки по хозяину и хозяйке стараются, даже и бедные, справлять по всей старине.

Дни общего поминовения покойников, или «дзяды» отличаются у белорусов очень интересными особенностями. Всех «дзядоу» в некоторых местностях насчитывают четыре, — «четырадзяды»: суббота перед масляной неделей, перед радоницей («радоуничные»): понедельник перед днем св. Троицы («траéчные») и накануне дня св. Николая («Микайлауськие»). Каждые «дзяды» сопровождаются обильным ужином; число блюд должно быть не меньше девяти, но обычно их готовят больше. Все домашние должны собраться в доме к этой вечере; если кто в отлучке, то спешит прибыть домой. Интерес «дзядоў» заключается в следующих обрядах. Приготовив кушанья, все сосуды с ними ставят на припечек или на лавку против печи. Затем хозяин зажигает восковую свечу и ставит ее перед иконами, в какой-нибудь сосуд кладет горячих угольев, бросает туда несколько кусочков воска и кадит трижды. Вся семья по знаку домохозяина начинает молиться; молитвы сопровождаются земными поклонами. Начинается вечеря — «дзядованьне». Во время нее хозяин откладывает на стол по три кусочка или ложки каждого блюда. По окончании ужина свечи тушатся хлебной коркой или блином. При столе наблюдают, куда идет дым от потушенной свечи: если вверх, все будет благополучно, если наклонно, и особенно в двери, — в семье кто-либо скоро умрет. Затем хозяйка берет сосуд с остатками пищи и разливает ее на края стола. Остатки кушаний оставляются на столе до утра: души покойников, по крепкому убеждению народа, слетаются ночью ужинать. Конец обряда заключается в том, что хозяин или хозяйка, набрав полную кружку воды, поливают от стола до двери, причем говорят: «Што не доели, не допили, то идзиця на папер на двор». Думают, что произнесением этих слов удалят души из хаты до следующих «дзядоу».

Перейдем теперь к тому обрядовому кругу, которым начинается и заканчивается крестьянский год. Эти обряды начинаются Рождественными Святками, когда закрома земледельца уже значительно уменьшились, и он подумывает о будущем урожае. Эти святки называются «калядой», «калядками» и считаются с вечера 24-го декабря до полудня 7-го января. Обряды, выполняемые в течение коляды, весьма разнообразны и касаются всего строя крестьянской жизни. В эти дни крестьяне три раза справляют сочельник, который называется кутьей, именно вечером 24 декабря, под Новый год (богатая кутья) и накануне Крещенья (голодная кутья). Главным кушаньем во время кутьи является ячменная каша — кутья. «Богатая кутья» называется так потому, что она состоит из скоромных блюд. Она также называется кутьей «святого козлика», потому что козлик, когда Иисус Христос лежал в яслях, своими рожками бросал на него сено, — «штоп дзицятка ня змерзла»; поэтому и обращаются в Васильев день, когда пьют водку: «Святой козлик, святой Василлейко, надзяли Боже здоровейком». Голодная кутья бывает постной. Ужин в каждую кутью отличается обилием. Как перед ужином, так и после него члены семьи занимаются гаданьем. Старшие гадают о будущем урожае, совершают обряды, вследствие которых скот должен вовремя приходить с пастбищ домой, не отбиваясь от стада; выражается пожелание, чтобы хорошо росли огородные овощи, сено. Последнее делается таким образом: после ужина все от-

Деревенская улица Смоленской губернии. (По фотографии М. Круковского).

ходят подальше от стола, хозяин садится за стол, а против него садится жена. Муж спрашивает: «Бабо, чи бачиш ты мене?» — «Не бачу». — «Каб же ты не бачила за гурками, за гарбузами, за капустой свету!» Молодежь гадает о женихах и невестах. В течение праздничных вечеров молодежь ходит по домам с пением колядок, а также с козой. Хождение с козой состоит в следующем: в первый день Рождества Христова вечером собирается человек пять—десять молодых мужчин, выбирают из среды своей деда и так называемую «козу»; этому последнему одевают сделанную из дерева или соломы голову с рогами, подобную козлиной, вывернутый полушубок и отправляются по деревне с колядой. Впереди шествует «дед», он же и спрашивает разрешение у хозяев войти. Последние встречают их с охотой. Колядники входят и начинают петь колядку. В колядке говорится об обстоятельствах рождения Спасителя. Пропев хором перед столом, становятся толпой около лавки; наконец, из толпы выходит дед и велит коз поскакать да повеселить хозяев. Коза выходит, скачет, кланяется хозяину и хозяйке, а в это время поют хором общеизвестную песню: «Го, го, коза, го, го, сива!» и т.д.

После пропения колядок серьезного содержания начинают петь юмористические колядки, которые прерываются шутками и остротами деда (всегда большого остряка) и остальных, сопровождаемые всеобщим смехом. Колядование заканчивается обращением колядников к хозяевам: «Да поклонись (поет козе) гаспадару, гаспадыни, штоб нашу казу дай подарыли: рашато ауса, на верх калбаса, рашато гречки на варенички».

Хозяйка выносит им хлеб, крупу и кусок сала. Дед все это забирает, складывает в мешок, благодарит хозяев, кланяется, и колядники удаляются дальше. Таким образом в ночь они обходят всю деревню; свой сбор обыкновенно продают и собранные деньги, руб. 5—12, отдают в церковь. В некоторых приходах этот обычай уже выведен вследствие усилий местного духовенства. Кроме козы водят еще «медведя»; переодетый медведем парень выделывает разные штуки по приказанию своего вожака. Хождение со звездой также весьма обычно. Накануне нового года с колядкой небольшими группами ходят девушки; содержание колядок, распеваемых ими, составляет надежды на будущий урожай и расхваливание красоты и удальства домашних.

Кроме того, в колядные вечера молодежь обоего пола собирается на игрища и вечеринки. Есть несколько специальных игр, напр., «Женитьба Терешки», «Ящер» и др., которые выполняются именно в это время. Молодежь угощает друг друга на вырученные хождением с колядками деньги. Святочные игры, благодаря большому количеству выпиваемого вина и тому, что они проходят по ночам, и наконец тому, что они обыкновенно пародируют женитьбу, сопровождаются объяснениями, поцелуями и вообще весьма свободными отношениями играющих. Песни и припевки, которые поются в это время, переполнены весьма грубыми, циничными остротами.

Масляница среди белорусских обрядов не играет большой роли, так же как и некоторые великопостные обычаи. Празднование Пасхи сопровож-

дается хождением «волочебников». Собирается большая толпа крестьян во главе с «починальником» и отправляется по домам петь «волочебные» песни. Содержание этих песен обыкновенно бывает таково. В них рассказывается, что волочебники пришли к честному мужу, к богатому дому, и затем описывается богатство, которое они здесь увидели. Богатый, славный «гаспадарь» славится своим двором. Двор подметен павлиньим пером, золотым крылом. В избе стоят тесовые столы; столы застланы зеленой китайкой; на столах стоят серебряные кубки; в кубки налито зелено вино, черное пиво да сладкий мед. В «волочебных» песнях воспевается нива хозяина, желтеющая густой рожью. Хлевы хозяина наполнены добрыми конями. Славному «гаспадарю» помогает св. Юрий, св. Илья и св. Николай. «Волочебные» песни также воспевают доблести отдельных членов семьи, хозяйки, девушки, парня. Все они кончаются напоминанием о том, что «волочебников» надо одарить. Пасхальные праздники у белорусов кончаются «Радовницей», справляемой во вторник на Фоминой неделе. Все село высыпает на кладбище, неся с собой обильные запасы остатков пасхального стола. Семьи располагаются вокруг могил умерших родственников. Часть принесенных яств съедается тут же; часть отдается нищим за поминание душ усопших. В тот день также служат панихиды. К вечеру на кладбище обыкновенно раздаются голошения женщин по умершим.

Пасха своим «волочебничанием» и «радовницей» стоит среди весенних обрядов несколько особняком. Ряд весенних праздников сопровождается кликанием («гуканьем») весны и пением «веснянок». Первую веснянку поют 2-го февраля, затем прекращают пение и возобновляют его 9-го марта, когда зима с летом «сустракается». Веснянки поют в течение всего весеннего времени до Купальского дня. Белорусские девушки обладают очень обширным репертуаром весенних песен. По своему строю коротенькие весенние песенки отличаются от других песен тем, что в середине песни имеют припевы в роде ауканья, что звучит очень красиво, когда песня разносится над широкой гладью разлившейся реки или в лесной чаще. Почти каждый вечер весной девушки несколькими группами выходят на берег реки или озера, или за деревню в поле; когда одна группа пропоет один куплет песни, другая группа подхватывает и поет или другой куплет, или другую веснянку. Содержанием весенних песен служит призыв весны, распускающаяся зелень; другой отдел веснянок говорит о «залетах» молодого парня, казака к девушке, или о сборах девушки замуж, о злом свекре, нелюбом муже и потере девичьей косы. Песни отличаются задушевностью тона и тихой грустью, чему соответствуют музыкальные мотивы.

Пение веснянок прерывается несколькими весенними обрядами, которые касаются или всего села, или же только одной молодежи. Общий весенний сельский праздник — это Юрьев день (23 апреля). Св. Георгий считается покровителем лошадей и вообще рабочего скота, который в этот день обыкновенно выгоняют впервые на пашню. В Белоруссии также очень распространено представление о том, что св. Юрий «отмыкает землю». Уже накануне Юрьева дня хозяин с пастухом выгоняют скот из хлева таким образом: перед хлевным порогом стелят шубу шерстью вверх и завертывают в нее кусок хлеба и яйцо. Скот выгоняют так, чтобы он прошел по шубе; хлеб и яйцо отдается пастуху. На утро, перед выгоном в поле скота животным вытирают подгрудок страстной или обходной свечами (обходная свеча — та, которая горела в церкви в Сретение Господне). Затем хозяин и хозяйка окуривают скот «евангельской» травой (собираемой с того места, где во время крестного хода стоят священники при чтении Евангелия). Затем все село провожает скот до выхода в поле. В этот же день хозяева обходят поля с караваем и освященной вербой, причем в песнях выражается пожелание о том, чтобы св. Юрий «пустил росу» и дал теплое лето. Пастухи после полудня также обходят скот с зажженной головней, горстью соли и освященной водой; все это делается для того, чтобы волки не хватали скот. Девушки в этот день «юрятся», т. е. выбирают себе подругу на весь год.

Дни Св. Троицы сопровождаются обрядами, в которых преимущественно принимает участие молодежь. Эта часть весенних праздников весьма интересна. Накануне Троицына дня сеют коноплю. Это делают обыкновенно к вечеру, так как после посева конопли ничего нельзя делать — иначе конопля не будет удачна. Вечером же под окнами ставят березки и украшают зеленью внутренность избы; пол посыпают аиром (Acorus calamus). В самый Троицын день крестьяне приносят в церковь цветы и травы для окропления их святой водой. Освященная в этот день трава служит для окуривания скота и изб перед грозой. Девушки после полудня отправляются в лес вить венки. Они украшают себя венками, сплетенными из любистика, аира, полыни, буковицы, из веточек березы и черемухи; все эти растения считаются чародейственными, в особенности те из них, которые употребляются при привораживании. Подойдя к реке, девушки бросают венки в воду, и чей венок скорее приплывет к берегу, та девушка раньше других выйдет замуж; если венок потонет, то обладательница его умрет в течение года. На второй день Св.

Троицы девушки, запасшись закуской и водкой, отправляются в лес. Здесь они принимаются с песнями завивать венки. Каждая девушка выбирает две небольшие березки и связывает верхушки их в виде венка, затем с песней проходит под этими венками. В некоторых местностях девушки вьют венки из березовых веточек, сорванных с тех же березок, которые каждая девушка связала, и с песнями идут к реке гадать; в других же местностях девушки пляшут и поют песни вокруг завитых березок. Во всяком случае, завитые березки остаются в течение недели; в воскресенье девушки приходят развивать венок. Хорошей приметой считается, если березки к тому времени не завянут. По выполнении всех эти обрядов девушки поют песни, в которых говорится о том, как красная девица «покумилася, поголубилася с белой березонькой»; в других песнях сравнивается рост и красота молодой березки с ростом и красотой молодой девицы, или говорится о том, что белая кудрявая береза радуется, потому что красные девицы несут ей подарочки; за ними идут к березе с подарочками бабушки и старики; все кланяются березе, потому что она белая, кудрявая и моложавая. Песни, с которыми девушки идут в лес и обратно, говорят об ожидании милой своего милого.

В некоторых местностях Белоруссии сохранился еще один любопытный обычай, приурочиваемый к Троицыну дню. Этот обычай называется «кустом». После обеда собирается компания девушек, выбирают самую красивую, одевают ее в более нарядное платье, волосы украшают множеством лент, на голову кладут большой венок из искусственных цветов и закрывают лицо белой вуалью. Девушки водят «куст» по деревне, останавливаясь перед каждым домом, и поют песни. В песнях встречается припев: «Где куста водили, там пшениченка родила».

Во многих местностях Белоруссии крестьяне верят, что около Троицына дня из воды выходят на сушу русалки; выйдя из воды, они остаются на суше в течение всего лета. Русалки днем ходят по полям и лесам, ночью же качаются на деревьях; крестьяне боятся встреч с русалками, потому что они могут защекотать человека. Особенно опасной является неделя, следующая за Троицыным днем, почему она не называется «русальной». Девушки в течение этой недели собираются по вечерам и поют особые «русальные» песни, а в последний вечер той же недели девушки ходят в лес и вешают на деревья венки из цветов в надежде умилостивить русалок. В Речицком уезде выполняют еще обряд Провожания русалки. Этот обряд исполняется или в Петровские заговены, или в день Ивана Купала. Церемония эта проходит следующим образом: парни и девушки собираются в лесу и раскладывают несколько костров один за другим в ряд; выбрав одну из девушек, наиболее красивую, убирают ей голову венком из цветов и трав и, став по обе стороны ее, поют песни. Украшенная цветами девица называется «русалкой». Пропев несколько песен на месте, девушки вместе с русалкой удаляются к ручью. Здесь они поют и гадают, а затем русалка снимает с себя венок, вешает его на дерево, и вся компания возвращается к кострам. Здесь продолжаются игры и пение.

Весенние праздники заканчиваются шумным Купальским вечером. Канун и день Ивана Купалы справляются в разных местностях Белоруссии с различными вариациями. В Белоруссии очень распространено убеждение в том, что в таинственную ночь с 23 на 24 июня расцветает папоротник; кто найдет этот красно-огненный цветок, тот будет обладать сведениями о зарытых кладах. В эту ночь все деревья и животные разговаривают между собой. Разговор этот можно подслушать, многое можно узнать из него и сделаться знахарем. Нечистой силе тоже очень много работы в этот день; она разъезжает в Купальскую ночь на лошадях, почему крестьяне не выпускают лошадей в эту ночь на подножный корм. В эту ночь ведьма отнимает молоко у коров, принадлежащих неприязненным ей соседкам, почему хозяйки принимают ряд мер против очарования скота. Вечером накануне Ивана Купала молодежь собирается около ржаного поля; здесь зажигают костры; молодежь распевает песни и прыгает через огонь. В некоторых местностях парни выходят группами в поле из села, причем во главе каждой группы шествует парень, несущий зажженное колесо (оно густо обмазывается смолой или дегтем) на высоком шесте. Поодаль от молодежи располагаются люди солидного возраста и проводят время в беседах. В Гомельском уезде к вечеру 24 июня приурочивается еще очень интересный русальный обряд. Девушки выходят из деревни, избирают из своей среды русалку и с песнями вьют венки. Самый большой венок одевают на голову русалке; выбирают также маленькую девочку, которая называется дочерью русалки, и в то же время делают соломенное чучело на подобие человека. Когда все готово, русалка с распущенными волосами остается в одной сорочке, а если она посмелее, то раздевается и донога. Русалка со своей дочерью становится во главе компании с песней: «Поведу я русалочку до бору, а сама вернуся до дому. Проведу русалочку и в темный бор, а сама пойду и в татков двор». Добежав до поля, раскладывают большой костер, бросают в него соломенное чучело, прыгают вокруг костра и поют купальские песни.

За Иваном Купалой следует ряд обрядов, относящихся к жатве. Время жатвы сопровождается массой песен лирического содержания, причем как начало жатвы, так и окончание ее сопровождаются особыми обрядами. Прежде всего совершаются «зажинки». Хозяйка с дочерьми или невестками отправляются на ниву и срезают первый сноп. Этот сноп с песнями несут домой и ставят его на лавке под образами. В дни жатвы крестьяне иногда созывают «толоку», т. е. приглашают соседок помочь в работе. При толоке хозяин обильно угощает пришедших к нему на помощь. Ко времени толоки принаровлены особые «толочанские» песни. Окончание жатвы называется «обжинками» или «дожинками». Из ржи делают венок и крест; одна из девушек одевает венок на голову и идет в дом того хозяина, на поле которого закончили жатву. Девушки идут с песнями, а хозяева устраивают им обильное угощение. На дожинки к каждому хозяину собирается толока, так как все девушки, которые закончили жать у себя, идут помогать соседям. В некоторых местностях существует еще обряд «Завивания бороды». На краю поля оставляют недожатой ржи на сноп. Три девушки, каждая по три раза, обжинают кругом эту рожь, так что остается только несколько колосьев. Тогда все жницы садятся вокруг оставшихся колосьев, и одна из них через полу платья (чтобы земля не была голая), выпалывает между колосьями траву и кладет сюда кусок хлеба с солью. Затем она берет в руки колосья, сворачивает их вместе с хлебом и солью и все это притаптывает к земле. Все жнивные обряды сопровождаются песнями. В этих песнях мы встречаем обращение к широкому полю, к золотистой ниве, к колосистому житу; выражается пожелание, чтобы в поле жито стало густыми снопами. В песнях толочанских и дожиночных жницы обращаются с поздравлениями к славному господарю, у которого родился густой хлеб, выражают пожелание о будущем урожае, или же говорят о предстоящем жницам угощении. Но тяжелое время жатвы наводит жниц на размышление о тяжелой семейной жизни.

Жнивные песни — это чудная мелодия, выливающаяся из женского сердца. В мотивах жнивных песен вы встречаете отголоски самых задушевных мыслей женщины. Длинной чередой проходят перед слушателем отдельные жизненные моменты радости, горя, тревоги, тоски, ненависти и ревности, целая драма разбитой жизни. Белая береза осенью говорит со своей листвой о предстоящей разлуке; девушка говорит с матерью: «Моя матулька, моя родная! Як мы расстанемся!» Придут сваты, возьмут девушку; но она утешает мать, просит не тужить: дочь не забудет о матери. Дочь убивается, горюет, мать обеспокоена, не предчувствует ли мать, что она попадет к злой свекрови? Со слезами дочь объясняет матери, что ее ожидает много оскорблений и горя, много труда в чужой семье. Вообще, горе женщины, переходящей из родной в чужую семью, очень резкими штрихами рисуется в жнивных песнях. Как бы ни работала молодуха, как бы не была скромна в чужой семье, все-таки ей недовольны. Пойдет молодуха на жатву и за работой затянет звонкую песню; услышит свекор эту песню и скажет, что невестка ленива, — оттого и поет; услышит ее голос родной батюшка и скажет: «Милая дочь, много сделала, довольна работой».

Кроме песен, приуроченных к массе обрядов, белорусская народная поэзия весьма богата лирическими песнями. Эти песни приурочены к известным временам года: так, в Петровский пост поют петровские песни, в Филиппов — филипповские и т. д. Но содержание их одинаково. Это лирические песни, посвященные женской доле. В песнях белорусов много красоты и грации. Когда белорусская девушка где-нибудь в лесу или на поляне затянет веснянку, в ее песне отражается ликование весенней природы, тихая радость пробуждающейся весны; любовь и нега неудержимо льется в голосе певицы. Это — гимн весне. В поле во время жатвы раздается тихая, грустная мелодия, способная вызвать у слушателя искренние слезы: это молодуха оплакивает свою горькую судьбу. Но когда жницы возвращаются домой, в особенности после дожинок, то из их груди выливается веселая, здоровая песня, в которой чувствуется довольство после упорного дневного труда. Мотивы песен, приуроченных к другим временам года, выделяются грустным настроением, вполне гармонирующим со словами. Все наблюдатели, изучавшие жизнь белорусской деревни, отмечают любовь белоруса к пению. Музыка белорусских песень отличается и от великорусской, и от малорусской. В белорусской песне нет той широты, размаха, по которым легко узнать великорусский мотив. В белорусской песне нет и той своеобразной «веселой грусти», которой отличается малорусское пение. Мелодия белорусской песни несколько однообразна, заунывна, но мила и грациозна. Вообще, преобладают минорные тона, иногда с мажорным перехватом или окончанием. Только некоторые свадебные песни и некоторые веснянки поются в мажорном тоне. Но преобладающий грустный тон в песне еще не значит, что белорусы не умеют веселиться. Все игровые песни, многие из обрядовых, плясовые отличаются веселым, разухабистым тоном.

Вместе с песней белорус любит и танцы. Несмотря на общий грустный колорит поэзии, танцы

и пение, которым они сопровождаются, отличаются неподдельной веселостью. Из белорусских танцев наибольшим распространением пользуются «лявониха», «мяцелица», «подушечка» и некоторые другие; впрочем, народные белорусские танцы быстро вытесняются переделкой городских.

Танец «Подушечка» состоит в следующем: парни и девушки, взявшись за руки, составляют круг. Один из парней входит в середину, избирает девушку, проплясывает с ней несколько раз в круге, целует ее и бросает, соединяясь с хороводом. Оставленная девушка избирает себе для танца нового парня и т. д. Хоровод в это время поет, мерно подплясывает, двигаясь то вправо, то влево. Танец «Мяцелица» отличается бурным исполнением. Собираются в пары, каждая пара соединена полотенцем или поясом. Как только звучат музыка и песня, начинается настоящая метелица: первая пара, пройдя под полотенцем второй, пропускает ее под свое полотенце, затем то же проделывает с третьей парой, третья со второй и т. д. Одновременно таким образом вертятся все пары, и надо много ловкости, чтобы не быть сшибленным в этой кутерьме. Движение пар сопровождается мерным притопыванием в такт дуды или скрипки. Танцующие все время поют разухабистую песню:

«Курыць, веиць мяцелица,
Чаму старый ня женицца?
Як же яму жаницися?
Усе будуть дзивицися.
Ух, ух, уха-ху!
Янка голова у снягу?
— А як гэта да й ня снег.
Тогда будзець людзям смех!
Ух, ух, уха-ху!
Гэта ж я быу на таку.
— А як гэта да й ня пыл,
То ад дзеуки будзиць тыл.
Ох, ох, оха-хо!
Гэта ж на мне малако.
— А як яго не сатрем,
Каго в танец павядзиом?
Ох, ох, аха-ха!
Гэта ж на мне да й мука,
— А як яна ня сляцицъ,
Кто на старого дай паглядзиць?
Курыць, веиць, закурылась,
Мая дзеука разазлилась.
— А як же ей не разазлицца,
Кали старый да яе масцицца?
А хоць старый — не паганый,
Ящо дужый и румяный.
— А што кому до таго?
Можа я пайду за яго!
Курыць, веиць мяцелица,
Пеуне (верно) старый аженицца.
— А што каму да таго?
Може, я люблю яго».

Вообще, белорус охотно предается необузданному веселью, обладая очень богатым и разнообразным подбором плясовых припевок. Песни, танцы и игры сопровождаются обильным употреблением вина. Любовь к вину, пляска и веселье иногда с большим комизмом описываются в песнях. Вот как белорус подтрунивает над своими же грешками в одной песне, составленной еще в период крепостного права (приводим с сокращениями):

Гей, каб нам быць вясялей!
Гэй, каб нам быць пасмелей!
Пайдзем, браццы, в кабачок,
Выпьем горелки крючок.
Будзем пиць горелку в ряд!
Пили бацьки и дзяды
И мы ступим в их следы:
Ены горя нязнавали,
Горелку добре сцебали (пили залпом).

Далее описывается сам пир:

Дзядзька садзиць, пипку (трубку) курыць,
Пьець горелку, вочми жмурыць;
А дзядзьина (тетка) не уважаець,
Целком чарочки глотаець.
Савка скачець, цешець, цешець,
Уморився, ледва дышець.
Силиван з Бориса шкемиць (смеется),
Пьець горелку, лухту (здор) мелиць;
За язык в малик (затылок) зловив,
Аж лбом дзвери отворив;
Хведос за углом козлы дзере,
А Микита носом оре.
Ци им черци надавали?
Знаць, что мерку перебрали?

Но тут является господский эконом с кнутом в руках и разгоняет всю веселую компанию.

Вместе с пением белорусы очень любят и музы́ку. «Музы́ка» — скрипач — любимый гость на свадьбах и игрищах молодежи. Даже простое появление «музыки» в деревне вызывает к нему всеобщее внимание, и он всегда может быть уверен, что в воскресный день и даже под праздник получит и обильное угощение, и посильное подношение. Кроме скрипачей в старой Белоруссии были еще «дудари». И теперь кое-где их можно встретить с «дудой» в Витебской Белоруссии. Дуда состоит из кожаного мешка, видом своим напоминающего бычий пузырь или бурдюк; в верхнюю часть дуды, образующую небольшую шейку, вставляется деревянная трубочка вершка в четыре длиной («соска»); эта трубочка служит для вдувания в дуду воздуха. Когда через эту трубочку наполнят воздухом дуду,

Крестьяне Смоленской губернии. (По фотографии М. Круковского).

ее запирают особым клапаном или же сворачивают шейку. На нижней части корпуса, противоположной «соске», вставляется другая деревянная трубочка (около 8 вершков длиной) с шестью клапанами на лицевой стороне и одним на нижней; эта трубочка называется «пирабором». В головке этого перебора, которая находится внутри корпуса, вставляется пищик из крепкого пера. Кроме того, в перебор вставляются два «гуки», т.е. длинные трубочки неодинаковой длины, из перебора переходящие в корпус дуды. Сделанная таким образом дуда дает целую октаву звуков простой гаммы. За отсутствием музыки с его скрипкой или дударя с дудой молодежь довольствуется самодельными инструментами из лозовой коры или ствола бузины — «пищиками», «посвирелками», «жулейками».

Особенную категорию музыкантов и песнопевцев представляют собой «лирники». Они, впрочем, известны больше в южной части Белоруссии, и «лира», быть может, занесена сюда под малорусским влиянием. С «лирами» ходят «старцы» — слепцы. В других местностях Белоруссии старцы ходят без «лиры». Белорусских старцев было бы ошибочно принимать за профессиональных нищих, т.е. бедняков, живущих исключительно подаянием. У многих из них есть не только свои избы и наделы земли, но и заведено хорошее хозяйство. Физический же недуг побуждает их ходить со «старцевой торбой». Старцы иногда ходят группами, человека по два-три, иногда же поодиночке. Никакой «кирмаш», т.е. ярмарка, никакой «фест», т.е. храмовой праздник, не обходятся без присутствия многочисленных старцев. Они рассаживаются где-нибудь неподалеку от церкви и распевают свои «старцовские» песни, иногда под однообразный аккомпанемент лиры. Каждая группа старцев окружена толпой внимательных слушателей. К протяжному, заунывному пению старца относятся с большим почтением, так как их песни считаются поучительными. Тут слушатели знакомятся с теми мучениями, которые постигают грешника в аду, с той наградой, которую получают люди богобоязненные и чтущие нищих и т.д. Группы слушателей переходят от одних старцев к другим и с одинаковым умилением, глубокими вздохами и со слезами в десятый раз выслушивают хорошо им знакомый стих. И слушатели не оставляют посильными подаяниями певцов. Более бедные из старцев ходят также и по деревням, в особенности летом. Как только в деревне станет известно о появлении старца, к нему собираются группа за группой слушатели. У каждого старца или у группы их имеется свой «поводырь» — мальчик, которого старцы нанимают для того, чтобы он их водил. Среди старцев встречаются и женщины, но белорусы предпочитают слушать стихи от мужчин. Во многих местностях существуют особые «старецкие» организации. Все старцы известной округи в известном пункте имеют икону, которую считают

своей и в честь которой справляют праздники. Во главе округи стоит особый староста, который получает годовое жалованье. Все старцы данной округи делают известный взнос. В дни празднования избранной иконы все старцы собираются, причем делается проверка их взноса. После обедни устраивается «громадский» обед. Непременной принадлежностью пира бывает мед, приготовляемый самими слепцами. Праздник продолжается несколько дней. В этом «старецком» обычае нельзя не узнать древних братчин, на которые собирались все братчики известного братства, причем медоварение составляло неизменную принадлежность братского пира.

Песни обрядовые, лирические, плясовые, рекрутские, «пьяницкие», наконец, духовные стихи при всем их обилии и разнообразии далеко еще не исчерпывают богатого запаса белорусского народного творчества. К этому следует еще добавить богатый материал народных сказок, пословиц, загадок и заговоров. Но белорусское творчество небогато историческими песнями: их немного, и содержание их исключительно вращается в области прежних крепостных отношений. В прежнее время в Белоруссии были еще известны и былинные (эпические) указания. Теперь же эпос здесь неизвестен. Однако в белорусских сказках и в некоторых песнях сохранялись следы эпических сказаний о князе Владимире Красном Солнышке, Алеше Поповиче, об Илье Муромце с его противниками Идолищем Поганым и Соловьем Разбойником и некоторых др.

Переходим теперь к малорусскому элементу рассматриваемой области, именно к пинчукам.

Пинский уезд рекой Припять резко разделяется на две половины: на Заречье (т.е. южную часть) и Загорье (т.е. северную часть). Деление это соответствует не только топографическим свойствам уезда, но имеет и этнографическое значение, так как жители обеих половин Пинщины имеют некоторые отличительные черты в языке и быту. Пинщина представляет собой местность, подобную которой нельзя найти на материке Европы: она вся покрыта массой речек, озер и болот. В Заречье многочисленные реки и озера, пересекаясь между собой, то сливаясь, то снова разделяясь, соединяются у Пинска и дают начало Припяти. Здесь такое обилие вод, что даже в летнюю пору не всегда и не везде можно проникнуть из одной местности в другую по сухому пути. Сообщение возможно только на лодках. Таким способом перевозится даже почта. Весной же все Заречье представляет собой море воды, среди которого на островках расположены многочисленные селения; есть лишь немного пахотных полей, которые весной не заливаются. Несмотря на это Заречье далеко не безлюдно, хотя многочисленные селения его невелики по размерам. Северная Пинщина представляет иную картину заселения: деревни расположены здесь преимущественно в babприпятской части; к северу от линии, которую можно провести от села Св. Воля на Телеханы, Лошшин, Плотницу и Лунинец, поселения очень редки. Тут расположено менее десятка селений, составляющих Хотыницкую волость. Селения разбросаны по всему этому пространству на далеком друг от друга расстоянии, являясь оазисами среди огромных болот, лесов и лесных зарослей. В центре этих болот лежит село Родзяловичи. Северо-восточная окраина уезда занята знаменитым болотом Гричином, за которым уже в Мозырском уезде лежит болото Ясень с волостью Чучевичи и далее Качай-Болото. Чучевичцы могут сообщаться с соседями только в суровые зимы. Окрестные жители знают много смешных рассказов про чучевичцев; вообще вся эта местность замечательна по первобытности жителей и по дикости природы. Даже в Родзяловичи можно пробраться только зимой, а в летнюю пору сюда ведет небольшая дорога, по которой проезд удобен лишь в сухую погоду и то не без затруднений. Еще оригинальнее село Святница, лежащее у границ Новогрудского уезда: чтобы пробраться к нему летом из волости, нужно объезжать непроходимыми дебрями по соседнему Новогрудскому уезду верст 150, хотя прямым путем оно отстоит от того же села всего верст на 50. Только село Хотыничи соединяется большим трактом с Пинском; тракт этот ведет на Минск.

Населяющий эти местности пинчук по своему физическому строению, по языку и по одежде отличается от белоруса. Во всех этих отношениях он примыкает к жителям Волынского Полесья, следовательно, пинчуки принадлежат к малорусскому племени. Пинчук редко бывает высокого роста, в основном среднего, широкоплеч, плотного сложения. Высокорослые и сухопарые составляют исключение. Лицо пинчука широкое, круглое, со значительно более выдающимися скулами, чем у белоруса. Цвет волос преобладает черный; светлорусых очень мало и встречаются преимущественно среди женщин. Женщины также крепкого сложения, коренасты, круглолицы и большей частью с серыми глазами. Вообще пинчук отличается силой и здоровьем, несмотря на болотистую местность, в которой он живет. Быть может, этому обстоятельству способствуют относительный достаток населения, который можно заметить, проезжая по Пинщине, и обилие мясной пищи, так как дичи и рыбы здесь водится множество, а пинчуки — прекрасные охотники и рыболовы.

Говор у пинчуков в общем принадлежит к малорусскому наречию, точнее — к полесской группе этого наречия; однако на окраинах Пинщины, соприкасающихся с настоящей Белоруссией, говор пинчуков подвергается сильному влиянию белорусского наречия. Заметно и обратное явление: пинский говор вдается клиньями в среду белорусов, и свойственные ему звуки можно слышать в соседних с Пинским селениях Мозырского уезда. Кроме того, пинский говор не отличается устойчивостью; одно и то же слово в различных селениях произносится неодинаково. Важнейшие особенности пинского говора заключаются в следующем. Так, звук ***о***, стоящий под ударением, в Пинщине произносят то как *ы*, то как *э, у* или *и*. Пинчуки говорят *пып* (вместо поп), *Буг* (вместо Бог), *муй* (вместо муй) и т.д. **Е** (**Ѣ**) произносится то как э, напр. *будэ* (будет), *бэроза, бэда,* то как *и*: *бигла, билый, свит*. Общерусское и имеет наклонность к отвердению, почему пинчуки говорят: *мыленький, пысала, волык*. Наоборот, ***ы*** иногда произносится как *и*, напр. *вирвала*, *випросила*. Звук ***а*** в некоторых случаях подвергается изменениям в *я* — *росяя* (вместо русая), в *ы* («*крыски*» — краски или цветы), «*пуствыла*» (паствыла, пасла). Среди согласных встречаем группу **дж** (ходжу), но и несмягчаемое **д** (ходю). Встречается удвоение некоторых согласных перед последующим *j*, напр. *браття, веселле*. **Р** всегда произносится твердо, как в белорусском и малорусском наречиях. Другой плавный ***л*** перед следующими согласными переходит в ***в*** или в полугласное *у*, напр. *вовк, доуга*. Что касается белорусского «цеканья» и «дзеканья», то оно слышится очень редко и то в окраинных селах, смежных с белорусскими. ***Г*** всегда произносится мягко, как французское *h*. Немало интересных особенностей встречается и в формах спряжения и склонения, напр. именительный множественного *попове, ангелье*; формы глаголов *бератимеш, обидатыму, пойдэтэ* и т.д. Таковы главные особенности пинского говора.

Перейдем теперь к описанию быта пинчуков.

Одежда пинчука проста. Головной убор мужчин состоит из барашковой шапки, которая летом заменяется соломенной шляпой местной работы с широкими полями. Иногда носят также войлочные широкополые шляпы немецкой работы. Черная или коричневая свитка белорусского покроя, красный пояс, облегающий талию в несколько обхватов, наконец, «курта» — небольшая коротенькая курточка до пояса — вот и весь костюм пинчука. Женская одежда состоит из длинной сорочки с широкими рукавами, расшитыми узорами, домотканой, красной или синей суконной юбки, надеваемой обыкновенно по праздникам; в будние дни женщины носят холщовую юбку — «сподницу», поверх ее набрасывают «куртку» почти такого же покроя, как и мужская, но с вырезом на груди. Головной убор замужних женщин состоит из «намитки», надеваемой самым разнообразным способом. Вся одежда, таким образом, составляется из домашнего материала.

Общий вид пинской деревни мало чем отличается от белорусской. Обилие лесного материала сказывается на размере построек: избы вообще обширны, и двор у хорошего хозяина обнесен рядом основательно сделанных построек. Домашняя жизнь пинчука носит очень мало следов городской культуры, особенно в глухих селениях. Все предметы домашнего обихода сделаны руками обитателей избы: не только самовар и керосиновая лампа составляют здесь большую редкость, но в доме пинчука не всегда найдете даже жестяную кружку, которую заменяет дедовский деревянный ковш. Хороший хозяин-пинчук неохотно обращается даже к соседней мельнице, которую заменяют ручные жернова. Как видим, обстановка пинчука отличается еще большим консерватизмом, чем обстановка белоруса. Это тем более замечательно, что часть мужского населения Пинщины ежегодно отправляется на сплав.

Пинчуки — незаменимые плотовщики для тех плотов, которые идут вверх по Припяти. Плоты эти представляют собой корабельный лес, клепку и вообще дорогие сорта леса, который приготовляется в Верхнем Поднепровье и идет по Припяти и каналам на Западный Буг и Вислу в Данциг. Такие плоты устраиваются в виде длинных полос, каждая из которых поручается известной партии пинчуков. Несколько человек тянут на бичевках плоты, идя по береговой тропинке, а двое или трое, стоя на плоту, отталкивают концы его от берега. Если на речном берегу нет удобной тропы, то все плотовщики гонят дерево при посредстве шестов («елин»). Работа эта очень трудная, требующая не только навыка, но и громадной физической силы. Неудивительно поэтому, что крепкий, здоровый пинчук является незаменимым бурлаком. Жители соседних уездов, вообще привычные к сплавной работе, из года в год работающие на дровяных плотах и на речных судах, не годятся, однако, для плотов, идущих вверх по Припяти.

Но зато тяжелая работа пинчука требует сильного подкрепления, которое плотовщик находит в водке. Одно из непременных условий контракта, заключаемый плавщиками с их хозяином, — известное количество водки, которое он должен отпускать еженедельно.

Кроме того, когда требуется усилить работу, когда на реке свирепствуют бури и противный ве-

тер мешает движению вверх по реке, приказчики немедленно прибегают к раздаче водки для усиления работы. Вообще вся обстановка сплава такова, что неминуемо развращает пинчука, приучая его к злоупотреблению спиртом. Редкий работник приносит из сплава домой какие-нибудь жалкие остатки из своего летнего заработка: все обыкновенно пропивается в пути. Пьянство ведет за собой буйство. Скромный, смирный в домашней обстановке пинчук является буйным и сварливым во время сплава. Когда плоты приближаются к какому-нибудь прибрежному городку или местечку, всегда можно наблюдать любопытную картину: базарные торговки запирают свои лавчонки, снимают товар с ларей и поспешно удаляются: всем хорошо известны привычки пинчука, который под влиянием выпитой водки начинает буйствовать.

Малочисленные местные блюстители порядка не в состоянии ни прекратить буйства, ни предотвратить его. Иногда поэтому принимаются особые меры, вовсе не допускающие пинчуков в город или местечко. Но тогда происходит повальное пьянство на плотах. Печально, но случаи убийства и падения пьяных в воду довольно обычны среди плотовщиков. Привычка к пьянству, приобретенная на плотах, переносится и в семейную обстановку. Вот почему пьянство среди пинчуков является очень распространенным злом, которому подвержены не только мужчины, но и женщины и дети. Сплав и пьянство заражают селение, даже целые волости. Мужчины отбиваются от земледельческих работ, сдавая их на руки женщинам, которые не всегда умеют справиться с делом. Вообще надо заметить, что одни села крепко держатся земледелия, а из других многие уходят в сплав. Наблюдатели очень хорошо подметили, как постепенно привычка к сплаву проникает в то или иное село. Сначала необходимостью отхожего заработка соблазняются бобыли и бедняки, потом на сплав начинает уходить молодежь из более зажиточных семейств. Сплав мало-помалу ведет к обнищанию более или менее устойчивых хозяйств, и все село уходит на летние заработки; крепко держатся только сельские богачи. Проезжая по Пинскому уезду, нетрудно отличить деревню с чисто земледельческим характером от деревни, где преобладает уход на сплав: относительная зажиточность и довольство, хорошо возделанные поля, старательно обстроенные дворы бьют в глаза, в одном случае, бедность и почти нищета — в другом.

Духовная жизнь пинчука богата своеобразными особенностями. Старинный ритуал обрядовой жизни охраняется здесь свято, хотя в этом отношении замечается меньше формализма, чем у белорусов. Пинчук так же хорошо знаком с нечистой силой и ее служителями, как и белорус, но и в данном случае пинчук отстал от белоруса, так как далеко не склонен в такой крайней степени к суеверию, каким отличается белорус. Но есть одна сторона, которая в духовном облике пинчука необыкновенно привлекает всякого, кто попадает в Пинщину, — это его лирические песни. Музыкальность составляет выдающуюся черту в характере пинчука. Он обладает громадным запасом песен, преимущественно лирического содержания. Превалирующий мотив лирических песен — грустный, заунывный, оставляющий на душе тяжелое впечатление. Преимущественно поют женщины всех возрастов, а мужчины — только в молодости; степенные мужики — не охотники до пения. При этом преобладает любовь к хоровому пению. В летний вечер под праздник и в праздничный день молодежь целого селения высыпает на улицу и распевает хором песни. Так ходят и поют до рассвета. Звучные голоса далеко разносятся по полям и лугам и будят ночную тишину леса. Многие певцы и певицы обладают прекрасными голосами, звучными и сильными. К песне пинчук относится с особенной любовью, вполне серьезно, с глубоким чувством, и грустный мотив песни вызывает и в певцах, и в слушателях тихое, грустное настроение. Пинчук любит не только пение, но и музыку. Впрочем музыкальный инструмент, который распространен в пинских селах, нельзя признать особенно мелодичным. Пинчуки делают трубы из вербовой коры; трубы эти имеют иногда весьма почтенные размеры, напр. в 8—10 четвертей длины. Делаются они из вербы таким образом: весной выбирается верба, по возможности без сучков и ветвей, распаривается, и тогда делается продольный разрез коры; когда ствол извлечен, кора обвязывается во многих местах лозовыми прутьями; заливаются малейшие дырочки смолой и вставляется в узкий конец мундштук, после чего труба готова. Впрочем звук, извлекаемый из такой трубы, груб и слышен верст на пять; выдуть звук непривычной грудью очень трудно, но деревенские парни разыгрывают на них песни различных мотивов, конечно наиболее простых. Иногда составляется небольшой оркестр из таких труб.

Действительно, лирика пинчука обладает в общем весьма приятным колоритом. Нельзя сказать, чтобы она была вполне оригинальна по содержанию: среди песен много таких, варианты которых легко найти в репертуаре белорусских или малорусских песен; но тем не менее общий колорит песен привлекателен.

Ряд песен посвящен доле женщины: в них отразились горе и радости пинчука. «Милый» в них конечно играет первенствующую роль. Вот девуш-

ка песней зовет своего милого «казака сердэйко», зовет его:

Пребувай до мэнэ, до моей хаты,
То я тэбэ упустю, щоб нэ чула маты.

Наконец приходит милый и своей игрой дает девушке понять, чтобы она вышла в вишневый садочек. Девица полна мыслями о своем милом; она для него свою «головушку чеше и косу плэтэ»; она любит «молойчика», не наглядится на него, не нагуляется с ним. Поглощенная любовью, она собирается побороть все встречающиеся на пути препятствия. Милый не может прибыть к ней «за лихими ворогами», и девица поет:

Я вороги потопчу под ноги, круту гору перескочу, —
Оддай мене, маты, за кого я сама схочу!

Таких «ворогов», разлучающих влюбленную пару, немало. Сестра удерживает брата от поездок к милой, прячет седло и предостерегает брата от увлечений:

Бо тая деука не умее жаты,
Ни вышиваты, тылко косу чесаты:
— Ой, расты ж, кэса, нижэ пояса,
То я буду чесаты.

Или вот еще помеха: милого забрали в солдаты, и девушка

Плакала, рыдала, слезы утырала
Своей русою косою, правою рукою.

И мать остерегает сына от излишних увлечений. Об этом говорится, напр., в одной очень милой по содержанию и прекрасной по мягкому мотиву песне:

Де ты, хмелю, зыму зымовау, що не распускауся?
Де ты, сыну, ночь ночовау, що не разуваюся?
— Зымовау я, зымовау у лузи на тычини,
Ночавау я, ночовау у славное деучины.
— Нэхороше, сынку, робыш, што по ноче ходыш:
Скаржилыса малодыци, що ты шкоду робыш.
— Ох, робыу я, моя матко, и буду робыты:
Було мэнэ, моя матко, у сем лет оженыты.
— Ой, я ж тебе, мой сыночку, дай нэ боронила;
Було тобе оженытысь, скоро я родыла.

Не всегда девственная любовь кончается так, как хотелось бы молодой парочке. Чуткое сердце девицы подмечает что-то неладное: «не по правде козак живет со своею девчиною». Предвидя разрыв, она делается грустной. Казак приехал; девица отвела его коня, сама ведет казака в светлицу, коня кормит овсом, сеном, а казака поит медом, вином. И все-таки ее черные очи заплаканы. На вопрос казака девица объясняет причину ее грусти:

— Ой, жаль же мне полюбощи,
Що нэ живэм по щиросты.

«Тихо, тихо Дунай несет свои воды, еще тише девица косу чешет: плыви, коса, средь зеленых лугов, пусть загрустит зеленый луг, пусть заскорбит зеленый лес». Проходит пора первой, молодой любви, и грустное воспоминание томит девицу. Но нередко песня намекает и на иной конец молодого увлечения: милая покинута своим возлюбленным в тяжелую минуту; она обманута, она опозорена.

Песен, изображающих горе покинутых и обманутых женщин, очень много; они рисуют весьма разнообразными красками этот момент и проникнуты неподдельным лиризмом. Милый к другой ходит, а девица идет в «коморушку» и в горе бросается на белую пуховую постель:

Тую ложу рученьками обняла,
Постэль белу слезонькaми облила,
Што на ручках малэнькая детына.

Не всегда милый по собственному желанию принужден оставить свою милую; не всегда и она может соединиться со своим «дружком». Проходит веселая пора «девоцтва», беззаботная весна жизни, когда едва лишь успела расцвести «девоцкая краса», едва лишь «росая (русая) коса» выросла до пояса. К родителям невесты начинают ходить сваты. «Напрасно просит отца и мать, — говорит парень девице, — не отдадут за меня: у тебя отец и мать богаты, а я бедный сиротина». И девица боится из бедной семьи попасть в богатую: неприглядно положение бедной невестки в богатой семье: ее будут упрекать свекор и свекровь.

Но проходит веселая пора девичества. Коса девицы уже расплетена, намитки покрыли «желтые волосы». Молодуха живет на «чужой чужине», далеко от родной матери. В чужой семье молодая женщина терпит горе. Где ее счастье, о котором так недавно она мечтала? Где доля?

Ой, доля моя, доля! где ты, доля, поделася?
Чи ты у огни згорела, чи ты у лузи затопилася?

Горе молодой женщины так велико, что вся природа отзывается на ее страдания:

Ой, я бором ленула (летела),
Усе боры поздригалы (содрогнулись),
Боры здрогнулы, луги затонулы.
Боры здрогнулы, що тонэньки голосочек,
А луги затонулы от дрибнэньких (частых)
слезочек.

Но в чем причина горя? Молодая женщина лишена ласки матери. В чужой семье все смотрят на нее недоверчиво, требуют от нее непосильной работы. Свекровь ее не любит, задает ей трудную работу. Между тем милый далеко, на Украйночке, и не знает о трудном положении своей милой.

Молодая женщина мечтает о свидании с матерью: ей она поведает свое горе, с ней вместе и поплачет. Замечательно, что песни никогда не говорят об оскорблении, вообще о грубом обращении мужа с женой. Правда, супружеские отношения не проходят без волнений. Муж сделался задумчивым, он не замечает ласк своей жены, сделался неразговорчивым. Подозрение закрадывается в любящую душу. «Меня муж не любит!» — с горем восклицает женщина. Теперь для нее начинается новый ряд волнений. Проходит молодость, подрастают дети. Но и тут новое горе: сына берут в солдаты, и старуха мать заливается горькими слезами.

И так шаг за шагом песни воспевают перипетии женской судьбы. Лирика женских песен может служить образцом лирики пинчуков. Мотивы ее чрезвычайно разнообразны: среди угрюмой природы теплится непосредственно поэтическое чувство народа.

Из более мелких этнографических групп Белоруссии заслуживает внимания шляхта.

Белорусская шляхта многими особенностями выделяется из массы белорусского крестьянства. Происхождение этой шляхты не одинаково. В период самостоятельности Речи Посполитой ее военнослужилое сословие было весьма многочисленно и разбивалось на несколько групп по своему экономическому и правовому положению. Масса дворянства, относящаяся к шляхетскому сословию, жила как на собственных землях, так и на землях, принадлежавших королю польскому и великому князю литовскому, или на землях крупных собственников. Эта мелкая шляхта была очень многочисленна. Она пользовалась широкими правами господствующего сословия и обязана была военной службой, но по своему материальному положению не выделялась из крестьянства, так как владела небольшими клочками собственной земли или землей по милости панов и местных правителей — старост и воевод. С переходом в русское подданство часть этой шляхты успела доказать свое шляхетское происхождение и была причислена к русскому дворянству; не успевшая же представить доказательств, должна была приписаться к мещанскому сословию или же попасть в разряд государственных крестьян. Однако эта шляхта не забыла о своем происхождении и по настоящее время выделяет себя из окрестного крестьянства. Кроме того, белорусская шляхта имеет еще и другое происхождение. В польско-литовском государстве был обширный класс военнослужилых людей низшего разряда. Это так называемые панцирные бояре. Они владели землями и обязаны были военной службой. Правительство охотно раздавало на окраинах крестьянам земли на условиях панцирной службы, т.е. службы в пехотном войске. Таким образом заселялось пограничье, и масса панцирного боярства была поселена в пределах нынешних Витебской, Смоленской и Могилевской губерний. Отдельные гнезда этого боярства получали от великих князей литовских и королей польских подтверждения на панцирную службу. Панцирные же бояре Витебской земли владели очень обширными привилегиями, выданными им еще в начале XVI в.; по этим привилегиям панцирные бояре пользовались следующими правами: местная администрация не могла их наказывать без суда; они не несли никаких крестьянских повинностей, будучи обязаны только военной службой; с королевского разрешения могли передавать свою землю другим; наконец, имели право владеть городскими домами и проч. Все польские короли подтвердили права витебских панцирных бояр. В 1772 г., когда Витебская Белоруссия была присоединена к России, панцирные бояре попали в разряд дворцовых крестьян. Однако в 1780 г. они добились сенатского решения, согласно которому панцирные бояре были оставлены при своих землях и привилегиях, но на них была наложена подушная подать в размере 1 руб. 20 коп., как с казаков, и им было повелено ведаться судом в верхних и нижних расправах. Однако Сенат определил, чтобы бояре представили доказательства о своем происхождении, а не доказавшие были записаны в государственные крестьяне. Несмотря на многочисленные жалобы весьма немногие из бояр воспользовались своими правами: в половине XIX в. только несколько десятков человек считались панцирными боярами; остальные же в количестве около $11^1/_2$ тысяч душ записаны в государственные крестьяне.

В польско-литовском государстве был еще один класс населения, потомки которого по настоящее время считают себя шляхтою. Это — путные бояре или путные слуги, употреблявшиеся для почтовой службы в военное и мирное время и в случае надобности несшие пехотную службу в войске; наконец, были еще служки, несшие службу при замках. Панцирные бояре, путные слуги и служки в польский период занимали середину между крестьянством и шляхетством, но панцирная служба считалась более почетной, так как не была соединена с крестьянскими повинностями. Многие из панцирных бояр за отличие на войне получали шляхетство.

В настоящее время потомки всех названных разрядов считают себя бывшей шляхтой и неохотно сливаются с крестьянством и мещанством. Конечно, это отличие имеет только бытовой характер, так как шляхта приписана к крестьянским или

мещанским обществам. Бывшую шляхту легко отличить от крестьян. Прежде всего, она в сильной мере подверглась полонизации. В шляхетском селе где-нибудь под Новогрудком или Игуменом слышится польская речь с сильной примесью белорусской; напротив, заднепровская и подвинская шляхта говорит по-белорусски, но с сильной примесью польского языка. Громадное большинство шляхты исповедывает католичество, меньшинство — православие. Польское влияние отразилось на одежде и привычках шляхтича. Шляхтич сбривает бороду, одевается в черный или серый суконный кафтан, на голове носит картуз польского покроя. Шляхтянка носит кофту и юбку из ситца, одевается в пальто старинного покроя. Хата шляхтича в общем сходна с белорусской; отличается она от последней большим размером и тем еще, что имеет чистую горенку. В горенке найдется голландская печь, стены оклеены обоями или оштукатурены и выбелены, на стенах висят лубочные картинки и зеркальце. Нечего говорить о том, что шляхтич не чуждается предметов городской обстановки: самовар, керосиновая лампа, фаянсовая посуда и другие предметы обихода, ситец, фабричное сукно и т.п. составляют необходимое дополнение деревенских изделий. Вообще шляхтич живет более зажиточно, чем крестьянин. И это вполне понятно, так как шляхтич-земледелец имеет больше земли, чем крестьянин. Предки нынешней шляхты в польско-литовский период получали за свою службу весьма значительные для крестьянского хозяина наделы земли: надел каждой «путной» службы (т. е. службы одного человека) определялся в две «волоки», т. е. в сорок десятин, а панцирные бояре получали от трех до десяти волок. Наконец, шляхта не знала тяжелой крепостной зависимости. Поэтому в настоящее время хозяйство шляхтича имеет достаточное количество земли. Правда, есть и малоземельная шляхта, но она снимает землю в аренду у соседних помещиков. Хуже положение той шляхты, которая вышла из чиншевиков, сидевших на панских землях. Многие из них, не имея собственных земель, занимаются арендой. Надо еще заметить, што шляхтич менее склонен к рутине, чем его сосед-крестьянин. Поэтому в способах ведения шляхтичем хозяйства всегда заметны некоторые улучшения. Поле обрабатывается лучше, рациональнее, скот — улучшенной породы и хорошо вскормлен, на огороде овощи принаровлены для потребностей соседнего местечка или города. Наконец шляхтич лучше осведомлен о потребностях и состоянии соседнего рынка и умеет этим пользоваться.

Будучи культурнее своего соседа-крестьянина, шляхтич не только хорошо осознает значение грамотности, но проявляет стремление к тому, чтобы дать лучшее образование своим детям: в последнее время значительная часть шляхетской молодежи проходит гимназии и университеты. Однако сырая масса бывшего шляхетства, выделившись из крестьянства по общему строю своего мировоззрения, сохраняет еще многие черты последнего. Крестьянские обычаи и обряды, равно как и песня, господствуют и в шляхетской среде. На всем этом, однако, сказывается сильное польское влияние. Лица, близко сталкивавшиеся с шляхтичем-земледельцем, отдавая ему во многом предпочтение перед крестьянином, отмечают и не совсем симпатичные черты в характере шляхтича. Близость к польским панским дворам внесла в среду шляхтича-земледельца некоторые особенности. Шляхтич выделяет себя из крестьянства, очень гордится своим полудворянским происхождением и свысока относится к крестьянину, но зато усердно раболепствует перед высшими.

В настоящее время трудно указать количество бывшей шляхты, так как она приписана к другим сословиям. Шляхта живет или отдельными семьями в деревнях, или хуторами, или же целыми селениями. Ряд таких селений встречается в Мстиславском уезде: ряд шляхетских деревень идет по Сожскому водоему; такими же деревнями усеяно течение р. Друть. В Минской губернии шляхетские поселения большими группами находятся в Новогрудском, Игуменском и Слуцком уездах.

Северо-восток рассматриваемой области (окраина Витебской и восточная половина Смоленской губерний) занят великорусским населением, точную границу которого с белорусским вследствие их смешения здесь еще не представляется возможным установить при современном состоянии знаний; впрочем, в последнее время работы проф. Карского способствовали развитию этого вопроса. Кроме того, отдельные несмешивающиеся с белорусами великорусские поселения (раскольников, бежавших сюда из Московского государства в XVII в.) спорадически встречаются и в других местностях рассматриваемой области (напр. знаменитая Ветка в Гомельском уезде и многое др.).

Подъезжая со взгорья к какому-нибудь белорусскому местечку или к уездному городку, путник видит одну и ту же картину: куча разбросанных по кривым улицам, а иногда и вовсе без улиц жалких домишек, покосившихся, грязных, без дворов и хозяйственных строений. Это дома еврейской бедноты. На фоне этих хат вырисовывается небольшое число лучших и по-хозяйски обстроенных домов. Однако при самом въезде в городок иногда можно встретить подряд несколько домов, представляющих собой контраст с общим видом местечка и

даже контраст с преобладающим типом построек. Большая деревянная изба срублена по-великорусски, с косящатыми окнами, украшенными резьбой великорусских образцов; высокий тесовый забор окружает весь двор; ворота и калитка облицованы затейливой резьбой; на воротах восьмиконечный крест. За забором виднеются хозяйственные постройки, амбары, сараи, столь же основательно сделанные. Неизменная принадлежность двора — колодезь. Двор усыпан песком, кругом чистота, необычная для коренных жителей края; за двором виднеется фруктовый сад. Это — жилище великоруса-старообрядца.

Богатый старообрядец устраивает свой дом на русский купеческий лад. Его дом состоит из нескольких комнат, хорошо обставленных мягкой мебелью. В доме устраивается отдельная «моленья», вся уставленная, за исключением задней стены, образами в богатых окладах; в углу постоянно теплится лампада. В сельских поселениях дворы старообрядцев более подходят к крестьянским, хотя все-таки резко выделяются своими великорусским типом, размерами, резными карнизами, наконец, разделением дома на две половины — жилую и чистую; в жилой, сходной по устройству с белорусской избой, живет семья, занимаясь хозяйственными работами. В чистой половине — пол крашеный, столы, стулья, голландская печь и в углу двуспальная кровать, завешенная коленкоровым или ситцевым пологом. В комнате расставлены сундуки с ценным платьем и вещами. Здесь помещаются хозяин и хозяйка. Эта же комната служит для приема гостей. В обоих помещениях много икон, особенно в чистой комнате. Везде чистота и опрятность безукоризненные. Следует добавить, что великорусская баня является неизбежной принадлежностью старообрядческого двора.

Вообще, великорусы-старообрядцы совершенно не сливаются с белорусами и как в языке, так и во всем домашнем обиходе твердо держатся своей национальности. Старообрядца легко отличить от белоруса и по одежде. Городские купцы и ремесленники носят длиннополый кафтан, двубортный жилет, наглухо застегнутый, шаровары суконные, плисовые или бумажные — в сапоги, наконец, картуз на голове.

Одежда великорусов-крестьян состоит из русской рубахи, ситцевой или холщовой, носимой на выпуск, широких шаровар и поддевки без рукавов. Одежда женщин — как горожанок и поселянок,— одинакова: носят сарафаны из материи ярких цветов, на голове небольшие шелковые платочки, зимой — шубки на заячьем, беличьем или лисьем меху или меховые салопы. Девушки не носят сарафанов, заменяя их белой рубашкой, юбкой и передником, не покрывают также головы, заплетая волосы в одну косу. И в пище старообрядцы сохранили свои привычки: щи, квас и чай являет-

...ообрядцы Двинского ... (По фотографии ... Останковича).

ся любимыми предметами потребления. Впрочем, в постные дни чай пьют с медом, так как сахар считается скромным кушаньем, поскольку очищается золой из пережженных костей. Употребление табака, курение и нюхание его строго воспрещается. При этом нельзя не отметить у старообрядцев одной симпатичной черты: они очень мало употребляют спиртных напитков, а многие и вовсе не пьют.

Обряды и обычаи старообрядцев отчасти обусловливаются религиозными их особенностями, отчасти заключают в себе черты, свойственные великорусской национальности.

Самые интересные обрядовые особенности относятся к свадьбе. Родители жениха при посредстве сватов ведут переговоры с родителями невесты. Согласие на брак дают не только родители невесты, но и сама девушка, так что решающий голос принадлежит ей. У многих брачная церемония весьма упрощается: у последователей поповщины родители жениха и невесты благословляют молодых хлебом-солью; затем следует свадебная пирушка, после которой брак считается заключенным. Если появится признаваемый старообрядцами поп, то супружество венчается хотя бы на третьем или четвертом году совместной жизни. У беспоповцев Гомельского уезда предбрачные молитвы прочитываются уставщиком, затем следует благословение молодых родителями жениха и невесты; молодые кладут земной поклон своим родителям, и брак считается заключенным. В Оршанском уезде совершается довольно сложная свадебная церемония. Гости-мужчины собираются в дом жениха, а женщины — к невесте. Отец жениха обводит его вокруг стола, потом, поставив за столом, благословляет иконой. Перед женихом ставится тарелка, в которую все, начиная с отца, кладут деньги, кто сколько может; так происходит «даренье жениха». После пирушки жених с гостями отправляется в дом невесты. Здесь уже совершены те же обряды, какие выполняются в доме жениха. Отец и мать невесты встречают жениха с иконой и хлебом-солью. После пира, оканчивающегося танцами, жених собирается увозить невесту. Отец невесты берет ее за руку и передает жениху со словами: «Смотри, берешь ты ее хорошую, здоровую, береги ее!». Молодые молятся перед иконами, кланяются отцу и матери, отвешивают глубокий поклон на все четыре стороны и с гостями отправляются в дом жениха. Здесь продолжается брачный пир, после которого брак считается заключенным.

Передают еще об одном любопытном обычае, который переносит нас в глубь великорусских губерний; этот обычай практикуется у старообрядцев Витебской губернии. Выбор невест происходит тут на базаре какого-нибудь городка или местечка. Перед Рождественским постом и на Масляной неделе в базарные дни в городок приезжают нарядно одетые девушки и парни. Девушки, взявшись за руки, небольшими группами прогуливаются по базару и улицам; у каждой из них в руке имеется небольшой платочек. Парни тоже гуляют группами и высматривают себе невесту. Если парню приглянется девушка, он останавливается и вступает с ней в разговор; если девушка желает стать женой подошедшего парня, она подает ему конец платочка. Держась за концы платка, парочка отдаляется и, прогуливаясь, ведет разговор о заключении брака. Когда парень и девушка условятся, они заявляют о своем согласии родителям; те продолжают дальнейшие переговоры и назначают день свадьбы.

Свадебные обычаи старообрядцев, обрядовая сторона которых столь бледна сравнительно с белорусским «вяселлем», представляют наиболее любопытную черту их быта. Вообще же старообрядцы мало обращают внимания на обрядовую сторону и им совершенно незнакома та масса суеверий, которой проникнуто мировоззрение их соседей — белорусов и латышей.

Итак, старообрядцы-великорусы белорусских губерний резко выделяются из соседних народностей, сохранив свой национальный тип, язык и свою приверженность к «старой вере». И это понятно, так как они не сливаются со своими соседями. Заключение браков между великорусами-старообрядцами и белорусами — чрезвычайно редкое явление; только женщины в редких случаях выходят замуж за белорусов, мужчины же проявляют больше консерватизма. И по своим занятиям великорус отличается от соседей. Среди старообрядцев, живущих в селах и деревнях, громадное большинство занято земледелием, но вообще они не имеют неизменной склонности к земледелию, охотно меняя его на другие промыслы. Из старообрядцев выходят очень дельные торговцы, иногда весьма богатые, и ремесленники; многие занимаются подрядами; среди живущих в городах большинство занимается садоводством и огородничеством. Ведя трезвую жизнь, отличаясь природной сметкой, физической крепостью, имея опору в случае материальной нужды у своих единоверцев, старообрядец является прекрасным работником, торговцем и подрядчиком, заслуживающим всеобщее доверие. В Западном крае к старообрядцам относятся с большим уважением, как к деловым людям, хотя и не всегда их долюбливают. По сравнению с торговцем и ремесленником-евреем старообрядец отличается гордостью и недоступностью. Он не продаст гнилой товар за свежий по дорогой цене, раз назначив цену товара, неохотно ее

сбавляет; столь же неохотно открывает мелкий кредит. Во всех этих отношениях еврей податливее. Впрочем, несмотря на конкуренцию евреев, старообрядцы очень хорошо устраивают свои торговые и ремесленные дела.

В настоящее время поселения старообрядцев разбросаны в различных местностях Белоруссии, но наиболее густо они живут в Витебской и особенно в Могилевской губерниях. Так, в Витебской губернии их насчитывают более 100 000 душ; большинство их живет в Режицком и Двинском уездах. Старообрядцы этой губернии принадлежат преимущественно к двум сектам — *филипповцев* и *федосеевцев*. Могилевская губерния — старинное гнездо старообрядства; здесь они живут в Гомельском, Сенненском, Рогачевском и Могилевском уездах, а в остальных — небольшими группами. Они принадлежат к *поповщинской* секте по преимуществу. Могилевские старообрядцы делятся на *ветковское* согласие (или *ветковщину*) и *епифаньевщину*; оба согласия очень мало отличаются друг от друга. Ветковцы перекрещивали всех переходивших в их согласие, в том числе и попов; впрочем, впоследствии они стали довольствоваться при переходе в их согласие чтением молитв от осквернения. Ветковцы имеют свое священное миро, сваренное им знаменитым ветковским расколоучителем Феодосием. Ветковцы принимают иконы, писанные и неединоверными художниками, сообщаются в пище и питье с православными, не подвергаясь за это эпитемии. За отсутствием церквей ветковцы венчают в клетях и избах; за отсутствием попов миряне или монахи сами причащают верующих запасными дарами. Епифаниево согласие ничем не отличается от ветковщины, но последователи его признают расколоучителя Епифания, бывшего в Ветке в XVIII в. истинным епископом, молятся за него в своих часовнях и ходят для поклонения на могилу его в Киеве. Селение *Ветка* на р. *Сож* является старинным центром раскола. При царе Алексее Михайловиче в 1669 г. московский поп Косьма с несколькими семействами ревностных приверженцев старой веры бежал в Стародуб. Но в 1682 г., когда последовал указ царей Ивана и Петра Алексеевичей возвратить изпод Стародуба беглецов на их прежние места, раскольники во главе со священниками Косьмой и Стефаном перешли польскую границу и поселились на р. Сож на землях пана Халецкого. Так образовалась знаменитая Ветка. Здесь были построены раскольничьи церкви, были и епископы, сюда тысячами стали стекаться приверженцы старой веры. Несмотря на двукратную «выгонку» в 1735 г. и разорение в 1764 г. русскими войсками ветковского поселка, сюда продолжали стекаться раскольники, и Ветка продолжала процветать, сохраняя значение центра поповщинской секты. В Могилевской губернии впервые появилось и единоверие. Как известно, одним из первых проводников идеи единоверия был стародубский раскольничий монах Никодим. Вследствие его хлопот в 1784 г. был издан именной Высочайший указ о поставлении попов для отправления службы по старопечатным книгам. В 1794 г. в *Спасовой слободе* в Гомеле была построена единоверческая церковь, существующая и по настоящее время. В 1797 г. к единоверию присоединился и *Чонский* Успенский монастырь, находящийся на р. Сож в 10 верстах от Гомеля; монастырь существует и в настоящее время.

Православное великорусское население северо-восточной окраины Витебской и восточной половины Смоленской губернии сильно смешивается с белорусским, представляет мало типичных черт, составляя переход от белорусских к псковским, московским и калужским великорусам. К тому же оно весьма недостаточно исследовано этнографически.

На северо-западе рассматриваемой области в Витебскую губернию из соседнего Прибалтийского края переходят поселения *латышей.*

Латышское племя представляет собой принявшую в себя некоторое количество финской (эстонской) крови отрасль литовского, как известно, весьма родственного по языку и быту славянскому. Латыши живут почти сплошной массой в трех уездах Витебской губернии (Режицком, Люцинском и Двинском) и, кроме того, отдельными поселками встречаются и в других уездах той же губернии. Основным местом поселения латышского племени является Лифляндская губерния Витебские латыши очень мало отличаются от своих прибалтийских собратий; впрочем, они подверглись в значительной мере полонизации благодаря прежнему господству поляков и влиянию католического духовенства; кое в чем на них сказывается и белорусское влияние. Но вообще, латыши неохотно сходятся с русскими (в латышских селах живет много раскольников-великорусов).

Латыши, как и их соседи-эсты, представляют собой редкий пример племени, подпавшего еще в XIII в. иноземному владычеству и с тех пор в течение нескольких столетий находившегося в суровой крепостной зависимости от иноплеменников. Зависимость, в которой находились латыши у немецких баронов, а потом у польских панов, была очень тяжелой и угнетающим образом действовала как на материальное состояние подвластной народности, так и на духовное. Исследователи, изучавшие быт витебских латышей в период освобождения крестьян от крепостной зависимости,

единогласно указывали на крайнюю бедность их быта: курная изба с одним маленьким стеклянным окошечком, неприхотливость в пище вследствие ее недостатка, бедность в одежде. Даже в сильные морозы латыши носили кафтаны из «хряща» (это не что иное, как мешок, к которому пришивались рукава). Даже в латышских песнях сохранилось еще воспоминание об этом плачевном наряде. Вот как, например, говорит одна из них: «Бог в помощь, курляндка! Ты полощешь угольные мешки? — С ума ты сошла, лифляндка! Это братнины праздничные рубашки!».

Крепостное право, столь ненавистное латышам, оставило следы в их поэзии. Коротенькие песенки-четверостишия латышей говорят о злых господах, которые не позволяют делать крестьянину больших запашек, чтобы пахарь не разбогател, или говорят о господине, который завидует хорошо взошедшей ниве крестьянина. Иногда песенки вспоминают о тяжелой барщине. Вот два таких четверостишия:

«Совсем заходит солнышко,
Предлагая нам святой вечер,
А суровые господа предлагают нам работу,
Не дают святого вечера».

***

«Ой, люди, не смейтесь,
Что я иду на господскую барщину:
Гонят меня господа, я должен идти,
Обливаясь горькими слезами».

Сильное влияние католического духовенства сказалось на латышах в том, что все население отличается необыкновенной религиозностью: латыш не пройдет мимо креста или распятия, которые в большом числе стоят на дорогах и при въездах в селение, без того, чтобы не сотворить молитвы с коленопреклонением; возвращаясь с работы, латыши останавливаются у креста и хором поют молитвы. В прежнее время влияние духовенства выражалось главным образом в той зависимости, в которую ксендз старался поставить свою паству; духовенство также старалось вывести среди населения языческие обряды и еще в XVII в. пыталось заменить языческие празднества праздниками в честь христианских святых. Развивая религиозность, духовенство приучало население к грамотности, так что уже писатели 1860-х гг. говорят, что среди латышей, как мужчин, так и женщин, почти нет безграмотных. В прежнее время грамотность не шла далее чтения молитв, но с освобождением от крепостной зависимости она явилась основой быстрого культурного развития латышского племени, опередившего во многом русское крестьянское население и показавшего, как быстро благодаря одной лишь всеобщей грамотности стираются следы долговременного рабства и исчезает бедность. Центром латышской культуры являются Лифляндская и Курляндская губернии, где издаются газеты и журналы на латышском языке и имеются ученые общества, посвященные изучению народности. Витебские латыши, правда, в этом отношении еще несколько отстали от своих северо-западных собратий.

Наружность латыша весьма близко подходит к одноплеменным с ним литовцам и пруссам: они среднего роста, имеют русые волосы, светлые глаза и нередко очень правильные и довольно тонкие черты лица. При первом знакомстве латыш кажется несколько скрытным, недоверчивым, но стоит ближе с ним познакомиться, чтобы узнать его очень симпатичные племенные черты. Латыш отличается гостеприимством, кротким отношением к окружающим и редкой чистотой в нравственном отношении. Песня латыша отличается глубиной чувства и нравственностью: от нее не дышет грубой оргией, чем нередко выделяются песни соседних народностей — эстов и белорусов. Латышей считают способным народом, хотя и не особенно предприимчивым. Подобно белорусу легко отступает при трудных обстоятельствах, отличаясь пассивной покорностью; в этой черте сказывается влияние многолетней крепостной зависимости.

В последнее время внешняя обстановка жизни витебских латышей быстро преображается. Курная изба, столь характерная еще для 1860-х гг., заменилась избой русского типа под влиянием соседних раскольников. Редко встречается и особая латышская кухня; раньше она была весьма распространена; устраивалась таким способом: деревья длиной в две-три сажени ставились стоймя в круг, имеющий сбоку небольшое отверстие, служащее дверью; посредине этого шалаша раскладывался огонь, над которым висел котел. Чем ближе к белорусским поселениям, тем заметнее изменяется общий вид латышского поселка. Лифляндский латыш предпочитает селиться особняком, витебские же латыши живут, как и белорусы, небольшими селениями.

Среди витебских латышей исчезает и старинная национальная одежда: ее заменяет сермяга, по покрою сходная с белорусской. Только цветной камзол с откладным воротником выделяет латыша от его соседей; в праздник латыш идет в костел в длиннополом суконном кафтане и в шляпе с широкими полями. Женщины в праздник одевают цветные платья со складками, цветной корсаж и на голову повязывают косынку, из-под которой у девушек свешивается коса. Таким образом, праздничный костюм латышей дороже, наряднее и затейливее, чем у их соседей белорусов.

В пище латыш сохранил старинные свои привычки. Любимым напитком является пиво домашнего приготовления. Любимое кушанье — «путра», представляющая собой смесь молока, картофеля, каши, сыра, иногда с прибавлением рыбы. Мясная пища употребляется преимущественно по праздникам. В обычное же время латыши очень много потребляют овощей — капусты, репы, свеклы. В приготовлении хлеба латыши до сих пор сохранили старинные приемы. Вымолоченную рожь, непросеянную и неотделенную от половы, сушат в печах, мелют на ручных жерновах; только отделив просевом на редком решете большие соломинки, выпекают из такой муки хлеб, на вид он отвратителен и неприятен на вкус. Тем не менее так пекут хлеб не только бедняки, но и состоятельные крестьяне отчасти по привычке, отчасти по укоренившемуся предрассудку, будто мякина полезна для желудка.

Мировоззрение латыша в его обрядах и сопровождающих их песнях сохранило много остатков языческих верований. Распространенные среди латышей обряды частью напоминают обряды, сохранившиеся у славянского племени, частью очень близко подходят к литовским; кроме того, резко бросается в глаза смесь остатков язычества с христианскими понятиями. Отсутствие оригинальности в пережитках старинного мировоззрения латышей объясняется их родством с литовцами и общностью древних языческих воззрений; сходство латышских обрядов со славянскими, точнее с русскими, находят себе объяснение в том, что языческая религия русских славян, литовцев имела много общих черт; без сомнения, соседство с белорусами не оставило и следа в латышской обрядности.

У латыша-земледельца и по настоящее время в обрядах резче всего бросаются в глаза пережитки древних аграрных культов. Так, весенний Юрьев день считается у латышей праздником пастухов, т.е. днем, когда при посредстве различных обрядов можно предохранить скот от волков, когда пахари совершают различные обряды для того, чтобы снискать благоволение божества к начинающимся земледельческим работам. У витебских латышей Юрьев день известен под названием «Юсенев день». Самым любопытным моментом этого праздника является заклание жертвенного петуха. Сначала петуха обносят вокруг каждого коня, затем закалывают его в конюшне под яслями и кровью его обрызгивают двери; иногда кровью принесенной жертвы обрызгивают овес и этим овсом кормят лошадей. Жертвенный петух съедается всей семьей. В честь «Юсеня» поется много песен; они, между прочим, объясняют и цель заклания петуха в честь «Юсеня»:

Латыш Крейцбургской волости Двинского уезда.

«Юсеню, заколол я петуха с девятью хохлами,
Чтобы росла рожь да жито, а лошади отъедались...»

Так латыш молит «Юсеня», чтобы тот покровительствовал ему самому, его лошадям, его пашне. Вообще, «Юсень» латышских обрядов является такой же мифологической фигурой — покровителем лошадей, вообще скота, божеством весенней зелени, как и русский Егорий. Само слово «Юсень» родственно великорусскому «Овсеню», которому поются песни под Новый год.

Иванов день и у витебских латышей сопровождается такими же верованиями, как и у русских славян: верят в то, что солнце играет в этот день, ищут клады, верят в чудодейственную силу цветущего папоротника. Связь Иванова дня с земледелием выражается, например, в следующем обряде. Хозяйки сгоняют весь свой скот в одно место в поле и пекут праздничный пирог, называемый «караша». Затем наливают в ямочку немного пива и водки как жертвоприношение празднуемому божеству. В этот день поют много ивановских песен. Впрочем, у ла-

тышей нет обычая зажигать ивановские огни в отличие от русского и финского населения.

Последний земледельческий праздник «Руденжи» совершается в конце лета, когда весь хлеб уже собран. Заключается, главным образом, в семейном ужине. Не так давно еще этот праздник сопровождался следующей любопытной подробностью: когда стол был уставлен яствами, пол от стола до дверей застилался простыней, а в печку втыкалась лучина. Тогда домашние говорили: «Войди, мой боженька, в хату по белой простыньке». Хозяин и хозяйка отправлялись в хлев и обходили скот с тарелкой творога и ведром пива. Интересно, что на обряде Рождественских святок у витебских латышей сказывается сильное влияние соседних белорусов. Кроме гаданий и игр, приуроченных к этим святкам, здешние латыши поют еще «колядки», что не встречается у балтийских латышей.

Обрядовый и годичный круг празднеств латышской народности сопровождается почитанием аграрных божеств. Очень древние верования сказываются и в тех обрядах, которые сопровождают важнейшие моменты в жизни латыша — рождение, брак и смерть. В родильных и крестильных обрядах большую роль играет «Лайма», или «Декла», богиня судьбы, доля. Лайма считается покровительницей вообще женщин и в особенности родильниц. Декла плетет судьбу человека и в особенности определяет брак девушки. Вот как, например, о ней говорят в песнях:

«Ох, Деклиня, ох, Лайминя,
Ты не одинаково делала:
Одному назначила легкий век,
Других ты заставила горько плакать».

Свадебный обряд латышей носит в себе черты старинных бытовых и религиозных особенностей. В старину у латышей практиковался обычай похищения невест. Такой способ умыкания, вышедший из употребления в настоящее время, оставил следы в песнях. Песня рассказывает, что молольщица-девица замолчала в жерновой комнате. Мать идет посмотреть и возвращается в слезах, она торопит своих сыновей оседлать добрых коней и бежать в погоню за девицей. Они гонятся и в конце третьей сотни миль встречают сто пляшущих красавиц: они пляшут той сестрице, которую в эту ночь увели. Братья входят в комнату и находят свою сестру. Они зовут ее домой, но она отказывается ехать: ей понравился пахарь этой земли.

В настоящее время после сговора свадебное празднество начинается в четверг перед тем воскресеньем, в которое назначено венчание. В этот четверг пьют «большое пиво» в доме невесты. В пятницу жених и невеста уходят на исповедь. Вечером в субботу сват с женихом и дружками направляются в дом невесты и после пирушки с песнями и различными обрядами отправляют приданое невесты в дом жениха. В воскресенье утром обряд начинается расчесыванием и расплетанием невестиной косы. Каждый присутствующий чешет ей голову; затем подруги плетут косы, причем поют песни, выражающие сожаление невесты об ее девичестве, родном доме, красивом венке, которого она уже не будет носить. Затем в доме невесты собираются и остальные гости и справляют «первый погост»: дружка приглашает всех присутствующих одарить невесту. После «первого погоста» невестин поезд отправляется в церковь, где ее встречает жених со своими поезжанами. После венца оба поезда отправляются в дом молодого. Здесь начинается свадебный пир, сопровождаемый двумя важнейшими обрядами — одеванием чепца и дарением молодых. Все отправляются в клеть. Молодая садится на стул у сундука с приданым. Молодой подходит к ней и хочет снять венок. Она плачет, не дает венка; получив обещание подарка, позволяет мужу снять венок. Тогда подходит сват и пробует надеть молодой свою шапку; то же проделывает невестин брат, но она сбрасывает их шапки. Тогда подходит мать молодого и одевает ей чепец. Молодые угощают присутствующих пивом и сыром. Затем все переходят в избу, где по приглашению дружки собирается «второй погост», во время которого присутствующие дарят молодых. Свадебное торжество продолжается еще и в понедельник. Молодую приглашают к исполнению различных домашних работ. Куда бы она ни явилась для работы, она везде оставляет по пояску. Мать жениха и молодуха отправляются топить баню. Молодуха кладет на каменку поясок. Пояски же она оставляет на припечке, на порогах хлевов и т.д. В этих подарках нетрудно видеть следы жертвоприношения со стороны молодухи домашним божествам.

Третий важный момент в жизни человека — смерть и затем похороны — у витебских латышей не обставлены сложными формальностями и отличаются некоторыми оригинальными чертами. «Похороны у крестьян-латышей, — замечает один местный житель, — совершаются безо всякой религиозности и мало чем отличаются от свадьбы». Как только кто-нибудь умирает, тело одевают (мужчинам одевают шапку) и сейчас же выносят в клеть или в погреб[1], где оно лежит несколько дней, иног-

[1] Этот обычай распространен и у финнов.

да более недели. За это время извещают родственников покойного и идут приготовления к похоронам. Приглашенные съезжаются к назначенному дню, привозя с собой водку, пиво, булки, мясо. Приехавших прежде всего угощают обедом, а затем вносят покойника в комнату. Кто-нибудь из церковного причта говорит надгробную речь, после чего все присутствующие прощаются с покойником, и гроб выносится из избы. Гроб ставят на телегу или на сани, смотря по времени года. Оригинально, что как телега или сани, так и лошади украшаются зелеными ветками и лентами; на гроб садятся ближайшие родственники или дети. На кладбище угощают родственников и всех присутствующих вареными бобами, пивом и водкой. После похорон вся процессия возвращается домой в самом веселом расположении духа, с шумом и песнями; в дом приглашается музыка и начинаются танцы. У богатого крестьянина похоронное празднество продолжается два-три дня. В последний день хозяйка варит на обед капусту, как бы тем напоминая гостям, что все съедено. В некоторых местностях, когда похоронная процессия возвращается домой, молодые люди сламывают еловые ветви и бьют ими оставшихся дома, причем приговаривают всем молодым людям: «не умирать, не умирать, в могилах нет места!». А пожилым людям говорят: «умереть, умереть, в могилах много места!». Участники похоронного поезда иногда надламывают ветви на деревьях в том предположении, что покойник повесит на сучьях свое платье до судного дня. В прежнее время латышский похоронный обряд отличался еще некоторыми любопытными особенностями. Было в обычае класть в гроб топор и деньги; деньги — для того, чтобы покойник мог заплатить тому, кто его перевезет через реку перед раем; в руку покойнику еще клали лучину, чтобы он имел свет в темноте смертной ночи. Совершалось также и жертвоприношение петуха: как только процессия тронется, кто-нибудь из присутствующих закалывал петуха и бросал его на землю; участники процессии переступали через петуха, который потом съедался; латыши верили, что душа петуха превратится в лошадь для усопшего и облегчит странствования в том мире.

Особенностью Белоруссии по сравнению с более восточными великорусскими областями является присутствие здесь значительного количества евреев, так как через край проходит известная, установленная законом «черта еврейской оседлости».

Евреи проникли в Северо-Западный край из Польши. Уже при Витовте брестские евреи получили привилегию, обеспечившую их правовое и имущественное положение; с течением времени эта привилегия была распространена на всех евреев, живших в пределах Литовско-Русского государства. Главное занятие евреев составляли торговля, отдача денег в рост, откуп податей, хотя были и евреи-землевладельцы. Почти поголовные практические способности всей еврейской массы к перечисленным выше отраслям, необыкновенное умение пользоваться психическими слабостями каждого отдельного представителя нееврейского населения, притом крайняя «всемирная» сплоченность и плодовитость евреев, освященные их религией, — все это, как в древние времена в Египте, Вавилоне, а впоследствии и в Испании, вызывало в Белоруссии ропот населения, а богатства отдельных евреев — зависть. Появилось то двойственное отношение к евреям, которое так метко охарактеризовано Пушкиным в словах «проклятый жид — почтенный Соломон», и, естественно, народился «еврейский вопрос», сопровождавшийся колебаниями политики по отношению к евреям то в одну, то в другую сторону. Великий кн. Александр издал даже закон, согласно которому все евреи были изгнаны из государства, а имущество их конфисковано. Впрочем, закон этот вскоре отменили, и евреи снова появились в пределах государства. Согласно своим привилегиям еврейские «зборы» (впоследствии кагалы) жили особой жизнью, имели право суда над своими сочленами, были обложены особыми от других горожан еврейскими податями. Богатство евреев делало то, что правительство часто налагало на них очень большие подати. Среди них было много капиталистов, к которым охотно прибегала великокняжеская казна, когда требовались займы. Но кроме торговли евреи отдавались и занятиям, связанным с наукой: среди докторов и аптекарей в городах большей частью мы до сих пор встречаем евреев. Принятие евреем христианства открывало ему путь к шляхетству и высшим должностям. В истории Литовско-Русского государства известен пример такого крещеного еврея Авраама Езофовича Ребичковича, сначала заявившего себя дельным администратором и финансовым агентом и потом возвысившегося, при Сигизмунде I, до поста подскарбия земского, т.е. министра финансов, и члена господарской рады. Положение евреев в польско-литовский период не изменилось, так как они по-прежнему были выделены в особые кагалы. Но отношение к ним христианского общества в общем оставалось крайне враждебным.

С переходом в русское подданство евреи были оставлены при своем кагальном управлении. Их положение регулировалось особыми узаконения-

ми. В 1820 г. было запрещено евреям держать христианскую прислугу. В 1827 г. они обязывались особыми законами нанимать рекрут. Законом 1833 г. право жительства евреев было ограничено только городами и местечками. Закон 1844 г. уничтожил кагальное устройство. Последующими узаконениями даны права евреям на образование, ограничен их процент в учебных заведениях края и точно определены места их поселения.

Евреи, населяющие в настоящее время белорусские губернии, принадлежат к двум сектам — *мленашмами* и *хаседимской*. Последователи первой секты строго придерживаются священных книг Ветхого Завета и устного закона, заключенного в книгах Талмуда. Начало этой секты относят еще к тому периоду, когда евреи жили в Палестине, именно фарисеев считают родоначальниками секты талмудистов. До XII в. все евреи в Европе держались Талмуда, но в это время у них появилось сектанство и было положено начало секте, называвшейся *кабалой* (кабала значит предвзятие). Из этого мистического учения в начале XVII в. возникла секта хаседимов; основателем ее был еврей Бешт родом из Подольской земли, объявивший себя вдохновенным истолкователем Талмуда («цадиком» — чудотворцем). Он ввел в еврейские обряды восторженный мистицизм: молитва должна быть восторженная, страстная, соединенная с определенными движениями тела, хлопаньем в ладоши. Бешт учил, что всякий израильтянин имеет две души — добрую и злую; первая пребывает в мозгу, вторая — в левой стороне сердца. Так как обе души непрестанно борются между собой, то человек должен молиться, чтобы добрая душа брала перевес над злой. Во главе хаседимов стоят *цадики*. Каждый цадик имеет известный округ, в котором пользуется большим почетом. Сан цадика обыкновенно считается наследственным. Цадики не связаны с кагальной иерархией, а также и друг с другом: каждый из них действует независимо от других. Их влияние на евреев обусловливается ученостью и удачным выполнением пророчеств. Цадик — вдохновенный пророк, весь погруженный в кабалистическую мудрость. Ни один правоверный еврей не сделает сколько-нибудь важного шага в своей жизни без совета цадика; каждый совет оплачивается. Для хаседимов цадик заменяет раввина. Вот как описывает отношение правоверных к своим цадикам один путешественник, побывавший в 1890 г. в центре хаседимизма — в Пинском уезде. Этот уезд населен самыми правоверными евреями; еврейский элемент здесь настолько силен, что в самом Пинске не с каждым евреем можно объясниться по-русски: многие евреи довольствуются знанием только своего жаргона, так как им мало приходится сталкиваться с иноверцами.

«Пинский уезд является важнейшим религиозным центром еврейства, к которому тянет значительная часть Минской, Волынской и Гродненской губерний. Центры эти — местечки Любашев и Столин, в южной части уезда, где живут их раввины, или «цадики». Все евреи разделяются на несколько сект, но любашевский и столинский раввины имеют наибольшее число приверженцев, особенно столинский. Есть, впрочем, и сектанты, ездящие к своим раввинам в Царство Польское. К сожалению, мне не пришлось побывать у столинского раввина, так как обстоятельства заставили меня выехать из уезда уже тогда, когда я был всего в 40 верстах от этой столицы еврейства, и потому то, что я узнал о нем, передаю со слов лиц, лично знающих раввина и не доверять которым нет основания. Столинский раввин еще молодой человек лет двадцати двух, года три или четыре тому назад занявший свой пост после смерти отца. Он редко, как и его отец, объезжает свою паству. Рассказывают про замечательное религиозное воодушевление евреев во время таких объездов: евреи приготовляются ко встрече его постом и усиленными молениями; когда он подъезжает к местечку, выпрягают лошадей и сами везут его карету, другие с религиозным благоговением бросаются к колесам и целуют их на ходу; таким образом, поездка раввина — целое триумфальное шествие. В самом Столине он окружен не меньшим вниманием. Штат состоящих при нем евреев доходит до ста человек; все это закаленные фанатики, но не все из них могут зреть лицо его, а только более приближенные. Раввин живет в огромном деревянном дворце, построенном недавно. Прежний дворец столинских раввинов сгорел; пожар случился в ночь, когда вся секта праздновала обрезание первенца, будущего наследника раввината. Собравшиеся из разных мест почитатели собрали тотчас же 50 тысяч руб. и в несколько месяцев воздвигли новый роскошный дворец. Раввин редко показывается из своих покоев. Приходящие к нему за советом ждут доступа по нескольку дней, проводя время в молитве. Съезжаются к нему его почитатели за самыми разнородными советами. Мало кто начинает, особенно в молодости, идти по той или иной профессии, не испросив предварительно его совета и благословения. Про личность самого раввина евреи говорят, что он «ужасно умный, день и ночь читает Библию». Но приходилось слышать отзывы более интеллигентных евреев, а также и русских, знающих его; все единогласно утверждали,

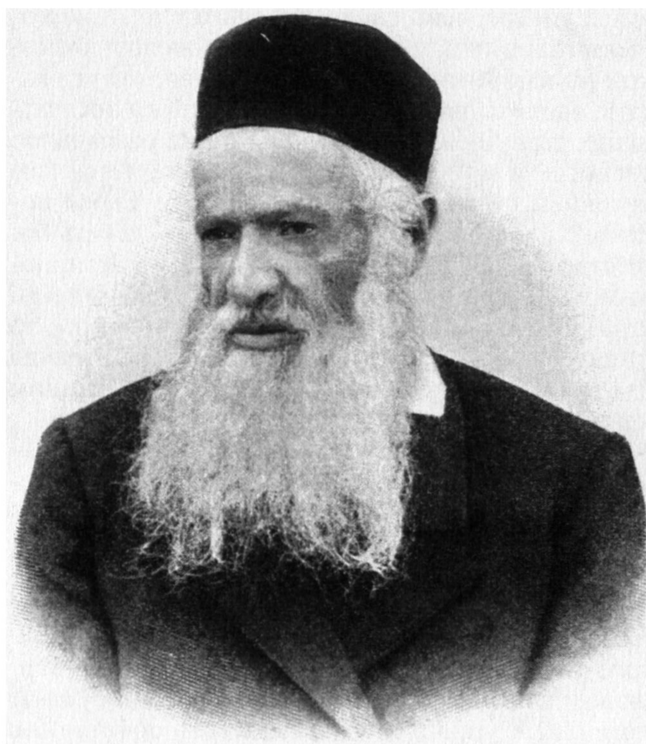
что раввин — человек с образованием, владеет иностранными языками, читает и знает далеко не одну Библию и весьма тяготится своим положением. «Несчастный он человек!» — воскликнул один полуинтеллигентный еврей, рассказывавший мне про него. Мать нынешнего молодого раввина, как говорят, женщина с большим образованием; она владела большими имениями на Волыни, но по смерти своего мужа продала их и уехала за границу, где и поселилась. Добавлю еще, что когда пришлось теперешнему раввину в 1889 г. отбывать воинскую повинность, евреи за тридцать тысяч купили квитанцию и таким образом не допустили своего религиозного главу маршировать среди солдат».

Надо заметить, что цадиков почитают не одни их приверженцы — хаседимы, но и раввинисты: необразованная масса из секты раввинистов обращается и к своим раввинам, и к цадикам, смотря по авторитету последних. Несмотря на деление на секты, между евреями не замечается религиозного антагонизма. Это объясняется не только сплоченностью евреев, но также и тем, что сектанство вовсе не способствует разделению евреев по основным религиозным верованиям и в обрядовом отношении: Ветхий Завет и Талмуд для всех служит общей основой. Можно заметить, что раввинисты проявляют гораздо более склонности к новшествам и в последнее время к сионизму, охотно оставляют предрассудки и упорно стремятся к общеевропейскому образованию. Хаседимы же под влиянием цадиков весьма суеверны.

Все мировоззрение еврея проникнуто глубокой религиозностью. Евреи очень суеверны, преисполнены массой предрассудков, но и само суеверие находит подтверждение и объяснение в религии, собственно в толковании ее, находящемся в книгах Талмуда. Всякое действие еврея связано с религией; домашний и общественный строй находятся в непосредственном подчинении религиозным требованиям; даже одежда имеет связь с религией. Мы, конечно, говорим о правоверной массе еврейства, а не о евреях, выдвинувшихся из массы вследствие полученного ими образования; об этой же массе и дальше будет речь.

В общественной жизни еврейская масса не представляется единой: одни пользуются в еврейской общине большим почетом, другие — меньшим. Положение в своей среде каждого еврея обусловливается тремя факторами: происхождением, ученостью и богатством; последний фактор — производный.

Евреи по происхождению делятся на три разряда: *каганов*, *левитов* и *израилей*. Первые два разряда ведут свое происхождение от третьего сына патриарха Иакова—Леви, каганы — от старшего его сына Рувима, израили — от остальных его сыновей. У евреев в настоящее время нет священников, потому что жертва Богу может быть приносима только в иерусалимовском храме. Раввин — духовный глава, но каганы и левиты пользуются некоторыми прерогативами древних священников. Например, каганы благословляют народ в синагоге, приглашаются первыми для чтения Пятикнижия, за ними левиты, а затем уже израили; каждый израиль обязан выкупить своего первенца мужского пола (это относится и к животным) у кагана и т.п. Затем евреи различают несколько степеней религиозной учености: «высокоученых», из которых избирают раввинов, «ученых» и «отличных», из которых назначаются учителя и резники, «книжников» и «сведущих» — весьма многочисленный класс лиц, могущих принимать участие в совещаниях по религиозным делам; остальные называются «неучами». Впрочем, и они умеют читать и кое-как писать по-еврейски, так как грамотность обязательна для каждого еврея. Ученость же заключается в знании священного писания и умении толковать его согласно книгам Талмуда. Знание иногда поразительно: знают не только наизусть Пятикнижие, но и страницы, на которых расположены главы, и по скольку раз в той или другой

Тип еврея Могилевской губернии. (По фотографии Н.Н. Останковича).

главе употреблено слово Иегова и т.п.; говорят, бывают знатоки, которые, если проколоть булавкой на какой-нибудь странице слово, могут сказать, какие слова проколоты булавкой на последующих страницах. Однако деление на разряды по учености и по происхождению регулируется еще делением по материальному достатку. Евреи почтительно относятся к богачу, умение нажить богатство считают также проявлением мудрости; поэтому неученый богач непременно будет отнесен к разряду «книжников», а если он «книжник», то попадет в «высокоученые»; для богатого израиля сделают предпочтение в синагоге перед нищим каганом.

Евреи живут тесно сплоченным обществом — «кагалом». В настоящее время кагальное управление юридически не существует (упразднено законом 19 декабря 1844 г.), но фактически оно существует и в настоящее время и имеет весьма важное значение в жизни евреев. Отдельные кагалы имеются во всех городах и местечках, но, кроме того, в Вильне, Шклове, Бердичеве, Одессе и Варшаве и некоторых местечках находятся окружные кагальные управления. Кагал есть собственно мирская сходка, но он имеет своих выборных должностных лиц, например кагального раввина, который разрешает религиозные сомнения, заведует синагогой и по совещанию с почетнейшими членами решает различные административные дела. Сверх того, кагалом избирается бет-динь, т.е. судилище, к которому обращаются тяжущиеся по самым разнообразным делам. Хотя в городах существуют назначаемые правительством казенные раввины, но они только ведут книги — метрические, брачные и бракоразводные; все же религиозные обряды и суд творит кагальный раввин с почетнейшими членами общины. В прежние времена кагал имел очень большое значение в еврейской среде, а размер налагаемых им наказаний доходил до смертной казни включительно, как об этом свидетельствуют судебные расследования в половине XIX в. В настоящее время влияние кагала далеко не так сильно и ограничивается преимущественно чисто религиозными вопросами.

Кроме кагала еврейская община делится еще на общества, имеющие религиозные и благотворительные назначения. Так, очень распространены общества или братства погребения умерших. На обязанности членов этих братств лежит содержание кладбищ, охранение их и погребение умерших; братчики погребают бедняков даром, но на свои расходы требуют от родственников богатого покойника больших сумм, почему богатые евреи часто вступают в пререкания с братчиками. Кроме того, существуют братства посещения больных, братства для снабжения хлебом бедных, братства одевания нагих, общества для раздачи беднякам денег в долг без процентов, общества для обучения бедных детей (Талмуд-Тора) и многие другие. Всякое такое братство имеет избираемых братчиками старшин, казначеев и счетчиков (для ревизии).

В настоящее время еврейское общество признается законом как имеющее компетенцию по сбору и расходованию налогов, взимаемых с евреев на удовлетворение нужд еврейского общества (по закону 1844 г.). Таких сборов два: коробочный и свечной. Первый взимается с убоя скота на кошер, с резки птиц на кошер; идет на пополнение государственных податей за бедных евреев, на содержание синагог, больниц, богаделен, на постройку и починку общественных зданий, на содержание раввинской комиссии ученых евреев при правительственных учреждениях. Свечной сбор используют исключительно на содержание особых еврейских училищ.

Частный быт евреев проникнут предписаниями, будто бы основанными на требованиях религии.

Еврея очень нетрудно отличить от других национальностей по его своеобразному типу. Но в Западном крае еврей выделяется среди других национальностей по своему костюму. До 1845 г. евреи носили особый костюм, но с этого года им было приказано носить общеевропейское платье. До сих пор, однако, еврейская масса держится старого покроя одежды, хотя и несколько измененного. Евреи не бреют бороды; гладко остригая волосы на голове, они оставляют на висках длинные пряди волос — «пейсы». По требованию религии они могут молиться и произносить имя Бога только с покрытой головой (восточный обычай), постоянно имея при себе легкую скуфейку («ермолку»). По требованию Талмуда евреи не могут носить одежды, изготовленной из шерсти и льна. Вот почему евреи-простолюдины носят длинные сюртуки из шелковой или атласной материи («лапсердаки»), с широким черным поясом. Черная бархатная шапочка, кожаные туфли и высокие чулки, в которые вкладываются панталоны, дополняют костюм правоверного еврея. Кроме того, под верхней одеждой евреи носят кусок какой-нибудь материи с вырезкой для головы; к четырем углам этой материи прикреплены шелковые шнурки с узелками (цицес). Во время молитвы еврей наворачивает «цицес» на указательный палец левой руки и целует его. Эта материя одевается и на покойника, но один «цицес» отрезается и вот для чего: если покойник, бродя на том свете, подумает, что он жив, то, заметив отсутствие одного «цицеса», может удостовериться в

своей смерти. Во время утренней молитвы все совершеннолетние евреи навязывают на левую руку выше локтя и на лоб два кубических ковчега величиной в полтора вершка каждый — «тефилины». Они состоят из листков пергамента, на котором начертаны слова из Священного писания. Сверх того, женатые евреи во время молитвы покрывают голову и плечи «талесом» — шерстяной материей. По Талмуду, надевание «талеса» равняется шестистам тринадцати хороших поступков: сам Бог показался Моисею покрытый «талесом». К обрядовой одежде надо еще отнести сорочку с длинными рукавами и широким воротом («китель»): ее дарит невеста жениху; еврей дважды в жизни одевает эту сорочку — во время свадьбы и после смерти.

Еврейки носят европейские платья, но замужние бреют голову и заменяют природные волосы париком. Талмудистский закон требует, чтобы замужняя женщина брила голову, потому что коса — лучшее украшение женского пола, и женщина должна быть лишена ее, чтобы никого постороннего не ввести в искушение.

Масса религиозных формальностей относится к пище евреев: Талмуд строго определяет, что должен употреблять правоверный израиль. На питании евреев отразились, с одной стороны, условия жизни на востоке, с другой — вкусы дальнего средневековья. Евреи поглощают массу пряностей и острых кушаний, например, редьку, чеснок, лук. Кухня подчинена правилам Талмуда. Так, на основании его предписания (не вари козленка в молоке его матери) еврей вовсе не употребляет мяса в соединении с молоком и молочными продуктами; даже молочная посуда не используется для мясной пищи. Моисеев закон воспрещает евреям употребление свинины. Евреи не едят дичи потому, что все, что не зарезано священным ножом узаконенного резника, считается падалью. Само зарезывание дозволенных к употреблению в пищу животных обставлено рядом религиозных обрядностей. Если случается какое-нибудь сомнение при осмотре внутренностей зарезанного животного, то обращаются к раввину. Талмуд не запрещает евреям употребление водки, так как составители Талмуда ее не знали; виноградное же вино разрешается употреблять только такое, которое приготовлено самими евреями. Это предписание объясняется тем, что вино было главным предметом языческого жертвоприношения; поэтому евреи остерегаются употреблять вино, которым иноверцы могли принести жертву своему Богу. Кроме того, он ставит ряд требований, по которым в известные праздники приготовляются определенные кушанья. Так, в праздник «пейсаха» евреи питаются опресноками, приготовляемыми из пшеницы, сжатой и свезенной под крышу в течение одного дня и притом не подмоченной. Для ужина в пятницу вечером, когда начинается праздник субботы, и для обеда в субботний день приготовляются также особые кушанья. В субботний день евреи не готовят пищи, для чего обед, приготовленный накануне, ставится до начала «шабаса» в печь, устье которой замазывается глиной; таким образом, хотя огонь продолжает тлеть в печи и в шабас, но Бог его как бы не видит.

Тип еврейки Могилевской губернии. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Обрядовая сторона еврейской жизни не менее тесно связана с религией. Впрочем, еврейские обряды не отличаются сложным ритуалом. При рождении ребенка бабка принимает меры, чтобы нечистые духи не могли проникнуть в комнату, где находится родильница: для этого она развешивает талисманы — листы бумаги, исписанные различными кабалистическими изречениями. Если новорожденный — мальчик, то в течение недели каждый вечер в комнату родильницы собирают мальчиков, и они читают молитвы, а затем совершается обрезание новорожденного. При рождении девочки никаких обрядов не совершается.

Продолжение рода евреи считают очень важным. Поэтому еврейская молодежь очень рано вступает в брак — мужчины на восемнадцатом году, а девушки — на шестнадцатом. Заключение брака зависит исключительно от воли родителей; в недавнее время молодой впервые видел свою жену после венчания (невеста венчается с покрытым лицом). Теперь, говорят, молодежь протестует против таких браков. У евреев существует особый класс сватов, которые ведут списки юношам и девушкам, сами делают предложение родителям и берут на себя все заботы о браке, получая взамен известное вознаграждение. Когда переговоры закончены и написан брачный акт, в котором точно обозначается условие приданого, начинаются свадебные торжества. В субботу, предшествующую дню венчания, жениха приглашают в синагогу для чтения Пятикнижия; затем у него в доме бывает пирушка. В ту же субботу вечером женщины собираются в доме невесты. Заправилой свадебного торжества является «весельчак» (бадхан) — профессиональный распорядитель на свадьбах. Он импровизирует стихи. Всякая гостья обязана протанцевать с невестой (у евреев мужчины и женщины танцуют отдельно). Накануне свадьбы женщины провожают невесту в баню, где она должна обмыться в особо устроенной для женщин теплой купальне. В день венчания женщины снова собираются в доме невесты и танцуют с ней по очереди. «Весельчак» говорит свои стихи, состоящие из различных наставлений будущей жене. Затем невесту усаживают посреди комнаты в ожидании прибытия жениха. Между тем «весельчак» с музыкой отправляется к жениху с подарками от невесты, которые состоят из покрывала, одеваемого евреем во время молитвы («талес») и смертной рубашки («китель»). Жених с дружками является к невесте. Здесь молодые получают благословение от старших родственников и затем отправляются к венчанию. Акт венчания происходит под балдахином во дворе синагоги или же вообще вблизи ее. Молитвы читает раввин, но его обязанность может исполнить и любой еврей в присутствии десяти других. После венчания молодым дают на одной тарелке бульон, называемый «золотой суп». Затем начинается пиршество.

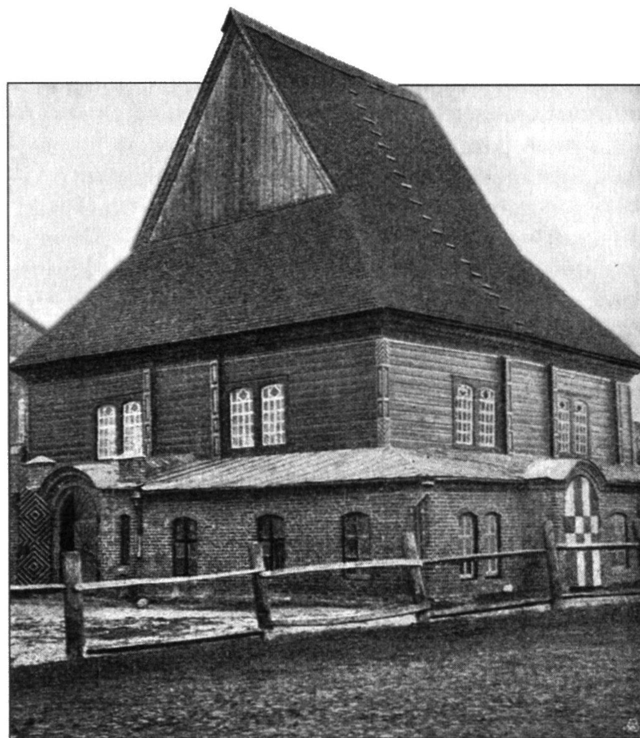
Хотя евреи очень дорожат семейной жизнью, но разводы совершаются очень просто: муж пишет жене разводный лист по установленной формуле. Жена, желая развестись, должна явиться к раввину и указать ему причины, по которым она требует развода; раввин может дать ей развод. Несмотря на такую легкость развода, еврейское супружество расходится очень редко — только при существовании действительно важных поводов. У евреев сохранился еще один обычай очень древнего происхождения. По библейскому закону, деверь обязан жениться на жене умершего брата, если у нее нет сына: род израиля не должен иссякнуть. И в настоящее время невестка должна получить от деверя отпускную («халицу»), если он не желает или не может на ней жениться, например, когда он женат (у древних евреев существовало многоженство). Обряд выдачи «халицы» отличается большой сложностью и приносит вдовам много хлопот и расходов. Сам акт совершается во дворе синагоги и состоит в разувании невесткой правой ноги деверя; затем она плюет около него, произнося установленные формулы. Положение вдовы бывает очень затруднительно, когда деверь не достиг тринадцати лет и одного дня: только с этого момента он считается совершеннолетним и может выдать «халицу». Вдова должна ждать совершеннолетия, так как она не может вступить в брак без «халицы».

Смерть и погребение евреев обставлены весьма несложными обрядами. Как бы ни был беден еврей, он все-таки в опасную минуту составляет завещание, в котором даже самые незначительные крохи уделяет на благотворительные цели и непременно на похоронное братство. Долг повелевает окружающим напомнить об этом опаснобольному. Когда опасность становится слишком очевидной, окружающие переменяют имя умирающего, чтобы ввести в заблуждение злых духов; когда замечены признаки агонии — окружающие громко читают молитвы, переполненные священными выражениями, которых боятся нечистые духи. Для удостоверения в том, что покойник не дышит, ему кладут на уста перышко: если оно не шевелится, то это считают признаком, что жизнь прекратилась. Тогда покойника раздевают и кладут на пол; евреи убеждены, что если мертвец долго полежит на кровати, то смерть пристанет к мебели и увлечет когонибудь из оставшихся в живых. Омовение тела и одевание его производится членами погребального братства. Покойника одевают в сорочку с длинными рукавами, зашитыми на концах, и в такие же длинные брюки, зашитые внизу наглухо; затем одевают «китель» — смертную сорочку и «талес», покрываясь которым покойник как бы молится. Близкие в знак траура надрывают отвороты верхнего платья.

Праздники евреев приурочены или к воспоминанию событий, описанных в Библии, или к памяти исторических событий в жизни еврейства. Некоторые из этих праздников обставлены особыми обрядами. Например, праздник «кущей» посвящен воспоминанию о получении Моисеем закона на Синайской горе и отмечается в сентябре. В

воспоминание о былой кочевой жизни всякий еврей устраивает на своем дворе досчатую палатку. Праздник «кущей» оканчивается десятым днем, который называется «иом-кипур», т.е. днем очищения от грехов. Накануне евреи ходят на берег озера или реки, молятся и стряхивают в воду свои грехи; это делается для того, чтобы предстать чистыми к судному дню. По народному представлению белорусов, в этот день черт должен унести одного из евреев, не успевшего очиститься от грехов. Весь день «иом-кипура» евреи проводят в синагоге, беспрестанно читая молитвы. К вечеру раздаются звуки рога, и молящиеся восторженно восклицают: «На будущий год в Иерусалиме!» Этим кончается праздник. В воспоминание о бегстве евреев из Египта евреи питаются опресноками — «мацою», убежденные в том, что во время трапезы в этот праздник (пейсаха, пасхи) дом каждого еврея посетит пророк Илия, для чего при чтении особой молитвы открывают на несколько минут дверь.

Несмотря на то что религиозные предписания регулируют каждый шаг еврея, народная масса весьма склонна к суеверию и разного рода предрассудкам. Предрассудки в значительной мере вызываются стремлением согласовать деспотические требования Талмуда с житейскими условиями. Отсюда происходит крайне казуистическое толкование его предписаний. Еврей не может дать денег под проценты своему единоверцу; чтобы обойти такое требование, евреи пишут условия, по которым дающий деньги и занимающий их собираются вести совместно какое-либо предприятие, от которого уже заимодавец должен получить известный процент. В доме еврея в субботу не может быть разведен огонь. Если у него есть христианская прислуга, она ставит самовар; но хозяин должен ее спросить: «для кого ты это делаешь», та отвечает: «для себя». Вся семья спокойно пьет чай: огонь разведен иноверцем для себя. Закон не запрещает еврею в праздник брать в руки бумажные деньги, а металлические берет полой своего платья. Бывают и более комические случаи обхода талмудических предписаний. Талмуд не запретил ездить в праздник на пароходах, потому что не знал их; передвижение же по сухому пути запрещено. Рассказывают, что один еврей, которому нужно было перед шабасом проехать в соседний город, забрался в вагон с ведром воды. Когда наступил шабас, еврей присел над ведром, всунув в него обе ноги. Пассажиры, обеспокоенные и странным видом еврея, и расплескивающейся водой, потребовали от него объяснений. Еврей упорно отмалчивался. В дело вмешался кондуктор, и тогда еврей умоляющим голосом произнес: «Я не еду, я плыву».

Еврейская синагога. (По фотографии Н.Н. Останковича).

У евреев есть свои знахари и знахарки — «ваалшемы». Они произносят заклинания, изгоняют нечистых духов, дают талисманы с халдейскими надписями. Евреи утверждают, что еврейские знахари отличаются от христианских тем, что пользуются помощью чистых духов, а христианские — нечистых.

Занятия евреев чрезвычайно разнообразны. Большая часть промышленности и торговли Белоруссии находится в их руках. Ни поляк, ни белорус не проявляют такой склонности к торговым и ремесленным занятиям. Поэтому занятия торговлей, промышленностью и ремеслами почти монополизированы в руках еврея, и такой порядок вещей поддерживается в течение нескольких столетий, почти с самого начала их поселения в Северо-Западном крае. Благодаря этому отдельные евреи обладают громадными капиталами; вековыми традициями, принесенными ими еще при переселении в Белоруссию из других стран; в их среде развился навык к накоплению и сбережению капиталов. Тем не менее еврейская масса очень бедна. Сфера деятельности и само приложение труда, несмотря на всю их коммерческую изворотливость, являются чрезвычайно стесненными. Еврея-бедняка нельзя упрекнуть в лености: он трудолюбив, настойчив, изворотлив, всегда способен попробовать счастья в каком-нибудь

новом предприятии, легко передвигается из одного места на другое в поисках работы или прибыли; очень осведомлен, благодаря еврейской сплоченности, в настроении рынков. Еврея нельзя упрекнуть в расточительности, так как скупость и расчетливость составляют основную черту его характера; среди них, наконец, нет и пьяниц. Таким образом, еврей обладает всеми данными, которые способствуют увеличению его богатства. Кроме того, он умеет сводить свои потребности до минимума, так что еврейский бедняк в этом отношении может протянуть руку своему собрату — китайскому кули. Один хороший знаток еврейства так определяет потребности еврейской семьи: «Насущного пропитания еврейскому семейству нужно так мало, что если определить оное цифрой, то результат будет в глазах читателя неимоверный. Можно ли, например, представить, что для семейства, состоящего из 4—5 душ, кладут в суп $^1/_4$ фунта говядины, и этот кусочек хозяйка разрезает еще на маленькие кусочки, разделяя его всем членам семейства? Что в субботу бедный еврей варит на всю семью $^1/_2$ фунта мелкой плотвы? Все это действительно так делается. Семейный еврей, имея доходу рубль или полтора в неделю, бывает счастлив в свою субботу... Даже и более зажиточный еврей чрезвычайно умерен в существенных потребностях питания».

Крайняя умеренность в пище, даже, скорее, излишнее воздержание от нее, производит неблагоприятное действие на организм. Того, кто был хотя бы проездом в белорусских городах и местечках, не могут не поразить еврейские лачужки и нездоровые лица их обитателей.

С коренными жителями белорусами и поляками евреи в будничной жизни умеют до поры до времени отлично ужиться. Белорус-крестьянин и поляк-помещик давно уже привыкли к их повседневным услугам; еврей прекрасно изучил характеры того и другого и умеет пользоваться их слабостями, поэтому очень хорошо известны и те нарекания, которым подвергаются евреи и которые приводят к периодическим гонениям на них. Провести еврея в коммерческом деле считается у нееврейского поселения нередко верхом сообразительности и удается лишь в исключительных случаях.

Переходим к рассмотрению последнего этнографического элемента описываемой области — *цыган.*

Цыгане пришли в Западную Россию, вероятно, через Польшу. О времени их прихода нет достоверных сведений, но уже в XIV в. они по всей видимости кочевали в пределах Польши. В 1501 г. цыганский войт Василий получил от короля Александра грамоту, согласно которой цыганам разрешалось кочевать в пределах Польши и иметь свой суд. С начала второй половины XV в. в Польше последовало несколько постановлений сейма об изгнании цыган из пределов государства; впервые такой закон вышел в 1557 г. Постановления сеймов, многократно подтверждаемые, не привели, однако, к окончательному выселению их из Польши. Хотя в пределах Литвы цыгане упоминаются еще в начале XVI в., но польские законы об их изгнании бесспорно содействовали переходу их из Польши на территорию Литовско-Русского государства. В Польше в XVI в. цыган считали эфиопами, выходцами из Африки. Впрочем, в настоящее время известно, что язык, на котором говорят цыгане, — индусский, а родина их — северо-западная часть Индии; цыгане сравнительно недавно оставили свою родину, именно в конце X в. нашей эры, и из Индии через Персию и Армению пришли в Европу, где появились в начале XIV в. Они очень скоро разбрелись по разным странам Западной Европы.

Интересно, что цыгане, насколько известна история их в Западной Европе, остались и поныне на той же ступени культуры, с теми же привычками, родом занятий, с какими они впервые появились в Европе. Уже в XVI в., по имеющимся сведениям, цыган очень недолюбливали в Западной России за их склонность к воровству и чародейству. Те же особенности цыганского быта давали повод европейским государствам изгонять цыган и даже избивать их. В пределах Литовско-Русского государства вели кочевой образ жизни, занимались конокрадством, знахарством и не сливались с другими народами страны. Они имели своих старших, которые назывались войтами, воеводами. В 1671 г. польское правительство сделало попытку приучить цыган к оседлой жизни и дало им административное устройство; избираемый ими самими начальник получил название «цыганского короля».

И в настоящее время цыгане четырех белорусских губерний ведут бродячий образ жизни, несмотря на существующие распоряжения об избрании ими постоянного местожительства. Зимой живут отдельными семействами, напросившись «в соседи» к кому-нибудь из крестьян. С ранней весны небольшими группами составляют табор и отправляются кочевать. Великорусского типа кибитка с кожаным верхом, нагруженная домашним скарбом, и несколько лошадей составляют все богатство цыганской семьи. Женщины и маленькие ребятишки, грязные и полунагие, наполняют кибитку; на облучке садится глава семьи, а парни, если есть свободная лошадь, едут верхом. Выбрав

где-нибудь место для остановки, удобное для кормления лошадей, цыгане разбивают свои шатры, и вся семья отправляется по соседним деревням на промыслы; остается только кто-нибудь для охраны имущества и наблюдения за лошадьми. Промыслы белорусских цыган те же, что и всех других: женщины занимаются выпрашиванием подаяний гаданием и мелким воровством, мужчины — лечением лошадей и другого скота, знахарством и конокрадством. Цыгане — очень ловкие воры, почему крестьяне их весьма побаиваются; крестьянин готов на всякие уступки, лишь бы не поссориться с цыганом.

Среди белорусских крестьян ходит множество рассказов о проявляемой цыганами находчивости при воровстве и обманах. Смоленские крестьяне даже рассказывают о том, как цыган обманул св. Георгия Победоносца.

Один цыган будто бы встретился со св. Георгием, когда тот ехал на дивном коне с золотыми и серебряными подковами. И стал цыган жаловаться ему, Георгию Победоносцу, на свою горькую участь. Тот отнесся к жалобе цыгана с большим вниманием и передал ее Богу. Бог внимательно выслушал Георгия Победоносца, а потом сказал: «Народ этот — вор, таким он был, таким и останется, и не стоит за него заступаться. А где ж подкова на твоей лошади? Ведь ты, разжалобившись, и не заметил, как цыган ее снял во время разговора».

«Мужик кучу веить, а цыган кала кучи руки греить» — говорит белорусская пословица. Неудивительно поэтому, что крестьяне побаиваются цыган. Последние иногда обладают таким значением в волости, что даже оказывают влияние на выборы волостного и сельского начальства.

Цыгане вообще туго сливаются с другими народностями. Исследователи их быта отмечают характерную черту в том, что крестьянка, вышедшая за цыгана замуж, очень скоро «прицыганивается»: «больше бойся прицыганку, чем цыгана» — говорит пословица. Но зато цыганка, вышедшая замуж за мужика, вполне оказывается подходящей к крестьянскому быту; и цыган, попадающий в крестьянскую семью, оказывается вполне пригодным к работе.

По религии, цыгане распадаются на православных и католиков. Они вообще не отличаются религиозностью; в Белоруссии распространена поговорка, известная и в других местностях: на вопрос, какой ты веры, цыган отвечает: «а тебе какой надо?». Цыгане говорят на своем особом цыганском языке с большой примесью белорусских слов.

Особенность цыган выражается в том, что они в известной округе составляют одну общину. Члены такой общины крепко связаны, помогают друг другу в воровстве и распределяют похищенное; если неотразимые улики падают на всю общину, то по ее решению кто-нибудь один берет на себя всю вину и старается выгородить остальных. У цыган в известных округах есть свой глава, которому остальные беспрекословно повинуются; «старший» запрещает своим подчиненным трогать того или другого крестьянина или помещика, возвращает похищенное владельцу, если это находит выгодным, и т.п.; иногда старшие за всех своих ручаются перед полицией или помещиками, и к этим обязательствам в Белоруссии относятся с большим доверием. В подобных случаях старший берет со своих подчиненных присягу; цыгане уверяют, что такая присяга тяжела, неотразима и ненарушима: они клянутся самым дорогим для себя предметом — своими детьми, которые тут же присутствуют.

Цыгане носят одежду, отличную от белорусской. Мужчины переняли великорусскую одежду — рубаху с косым воротом, широкие шаровары, поддевку. Женщины кроме рубахи и ситцевой юбки яркого цвета надевают сверху «капу» — кусок шерстяной или бумажной материи, сшитой сверху так, чтобы свободно входила голова; она лежит на плечах, прикрывая почти до земли левую половину туловища; голову повязывают платком яркого цвета на манер турецкой чалмы.

Бездомная жизнь цыган не способствовала выработке сложного обрядового ритуала. Их обряды очень просты, а если и осложняются, то лишь обрядами, заимствованными у крестьян. Цыгане не выполняют обрядов, соединенных с праздниками: согласно белорусской поговорке, у цыгана тогда праздник, когда он сыт. Родины, похороны и свадьба служат для цыганской семьи прекрасным поводом к сбору подаяний. Цыган приглашает крестьянина в кумовья и угощается за его же счет; на подаяния же цыгане хоронят своих покойников и женят молодых.

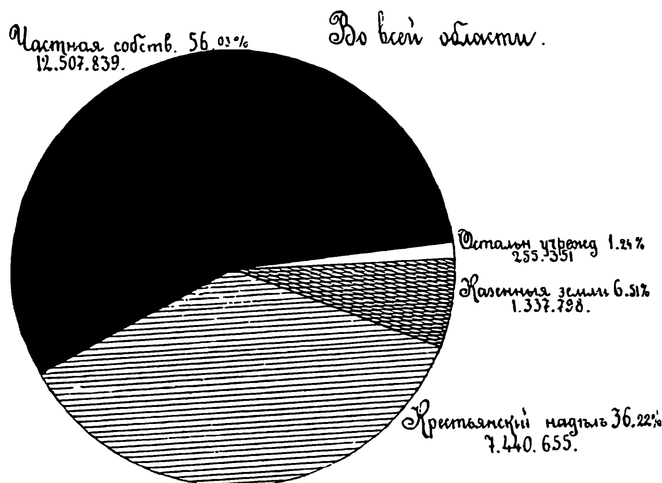
ГЛАВА VI

Промыслы и занятия населения

Д.З.Шендрика

Количество поземельной собственности, принадлежащей крестьянам, казне, частным владельцам и остальным учреждениям, и распределение частновладельческих земель по сословиям. — Размеры частной собственности. — Распределение частновладельческих земель по исповеданиям. — Задолженность частновладельческих земель. — Крестьянские надельные земли. — Размеры крестьянского двора и крестьянской надельной земли. — Распределение земли по угодьям и посевам. — Результаты земледельческого производства и продовольственный вопрос. — Местные промыслы: огородничество, садоводство, хмелеводство, пчеловодство, скотоводство, коневодство, овцеводство, свиноводство, птицеводство. — Лесные промыслы и лесная торговля. — Рыболовство. — Промысловые охоты. — Горнодобывающая промышленность. — Кустарные промыслы. — Фабрично-заводская промышленность. — Отхожие промыслы.

В области Верхнего Поднепровья и Белоруссии главным занятием населения является земледелие, но результаты этой деятельности не удовлетворяют даже насущных потребностей населения. Причина такого положения вещей заключается, с одной стороны, в малоблагоприятных климатических и почвенных условиях, а с другой — в первобытных приемах обработки земли, особенно в среде крестьянского населения, обладающего весьма незначительными размерами земельных участков, затем в отсутствии стремлений к большему разнообразию возделываемых растений, к введению разных технических производств, одним словом, в отсутствии того, что называется интенсивной системой хозяйства. Указанный недостаток средств к удовлетворению потребностей населения восполняется в нашей области подсобными занятиями в свободное от земледельческих работ время, причем население частью занимается кустарными промыслами, частью поступает в качестве рабочих на немногочисленные местные фабрики и заводы, наконец, значительная часть его уходит на разные заработки за пределы области (отхожие промыслы).

Землевладения по всей области.

В частности, что касается фабрично-заводской промышленности, то наша область небогата фабриками и заводами, зато местные промыслы играют здесь значительную роль как источник заработков благодаря множеству сплавных и судоходных рек и рыбных озер, а также обилию лесов как строевых, так и дровяных.

Так как все-таки главным источником благосостояния населения является земля, то на *распределении* поземельной собственности мы прежде всего и остановимся.

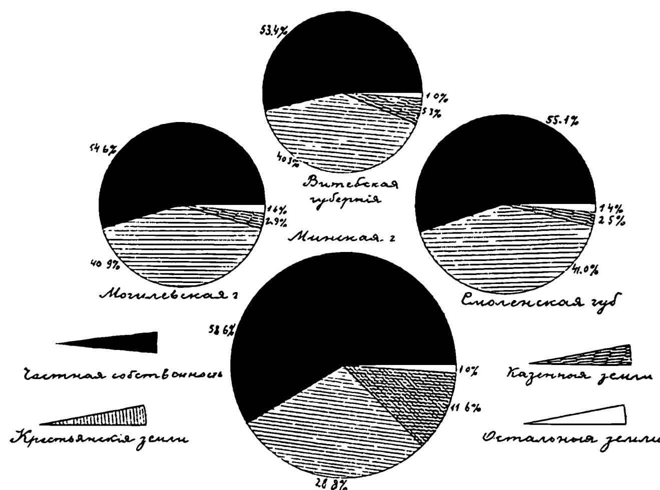
Вся площадь Верхнего Поднепровья и Белоруссии, по результатам обследования 1887 г., составляет пространство в 20 541 643 десятины, причем наибольшую площадь в 7 712 592 десятины (37,5% всего пространства) занимает Минская губерния, затем следуют Смоленская — 4 824 325, Могилевская — 4 189 322 и Витебская — 3 815 404 десятины. Означенное количество земли находится во владении различных разрядов *собственников*, частных собственников: надельных крестьян, казны и прочих учреждений, причем *частные* собственники занимают большую часть пространства — 56,03%; затем следуют крестьяне, земли которых составляют 36,22% всего пространства; казна занимает 6,51% всего пространства; остальные 1,24%, или 255 351 десятину, составляют земли, принадлежащие прочим учреждениям.

Таблица 29

Губернии	Земли								
	Частн. собствен.	%	Крестьян. наделы	%	Казен. земли	%	Остальн. земли	%	Общий итог
	В десятинах								
Витебская	2 038 588	53,4	1 531 764	40,3	203 388	5,3	41 664	1,0	3 815 404
Минская	4 524 374	58,6	2 218 345	28,8	893 331	11,6	76 542	1,0	7 712 592
Могилевская	2 287 774	54,6	1 711 965	40,9	120 809	2,9	68 774	1,6	4 189 222
Смоленская	2 657 203	55,1	1 978 581	41,0	120 270	2,5	68 371	1,4	4 824 325
Во всей области	11 507 839	56,03	7 440 655	36,22	1 337 798	6,51	255 351	1,24	20 541 643

Что же касается каждой губернии в отдельности, то преобладающим в каждой из них опять-таки является частное землевладение, доходя в Минской губернии до 58,6% пространства губернии, в Смоленской — до 55,1%, в Могилевской — до 54,6% и в Витебской — до 53,4%; второе место занимает крестьянский надел, а именно: в Смоленской губернии — 41,0%, в Могилевской — 40,9%, в Витебской — 40,3% и меньше всего в Минской — 28,8%; казенных земель больше всего в лесистой и болотистой Минской губернии — 11,6% и менее всего в наиболее сухой Смоленской — 2,5%; земли, принадлежащие другим учреждениям, не превышают 1,6%. Для более ясного и наглядного представления помещена таблица распределения поземельной собственности и диаграмма как относительно всей области, так и относительно отдельных губерний (таблица 29).

Наибольшее количество земли, находящейся в личной собственности, принадлежит *дворянам*; из общей суммы 11 508 тыс. десятин дворяне владеют 9418 тыс. десятин, что составляет 81,8%; затем следуют купцы, занимающие 7,1%, или около 813 тыс. десятин; потом крестьяне, занимающие 6,6%, или около 755 тыс. десятин, далее — мещане, занимающие 3,7%, или около 425 тыс. десятин, и, наконец, остальные 97 тыс. десятин, или около 0,8% всех частных земель, принадлежат прочим сословиям. Распределение земли по отдельным губерниям представляется несколько в ином виде: земли дворян составляют наибольший процент, а именно: в Минской губернии — 93,4%, в Витебской — 82,4%, в Могилевской — 82,3% и меньше всего в Смоленской — 61,3%. Другие же сословия распределены по губерниям довольно неравномерно: купцы владеют наибольшим количеством земель в Смоленской губернии — 17,8%, а в Минской земли их составляют только 2,7%; в Витебской губернии земли купеческого сословия составляют 6,6%, а в Могилевской — 3,6%. Наибольший процент личных крестьянских владений принадлежит крестьянам Смоленской губернии — 15,7%, в Могилевской их земли составляют 8,1%, в Витебской — 4,4% и менее всего в Минской — 1,4%. Мещанское владение еще менее значительно: наибольший процент этого владения не превышает 5%, а именно: в Витебской губернии он равен 5%, в Могилевской — 4,8%, в Смоленской — немного менее 4,5% и меньше всего в Минской губернии — 2,1%. На долю остальных сословий земли приходится: в Витебской губернии — 1,6%, в Могилевской — 1,2%, в Смоленской — 0,7% и в Минской — 0,4%. Таким образом, видно, что дворянское владение более всего процветает в Минской губернии и в период времени с 1877 г. по 1887 г., т.е. за 10 лет, несколько даже увеличилось: с 93,1% возросло до 93,4%, в то время как в тот же период дворянское владение в остальных трех губерниях уменьшилось, особенно в Смоленской, где процент дворянских

Распределение земель по владениям.

земель в 1877 г. равнялся 79,8%, а в 1887 г. — 61,3%, т.е. уменьшился на 18,5%; это сокращение дворянских владений в Смоленской губернии отразилось на увеличении владений купеческого сословия с 11,0% до 17,8% и с 5,7% до 15,7% крестьянских владений; в Могилевской губернии оно также отразилось довольно значительно на увеличении крестьянского владения в тот же период: в 1877 г. крестьянские личные владения составляли 3,1%, в 1887 г. возросли больше, чем вдвое, и составляли 8,1%; в Витебской губернии их количество за десятилетний период также почти удвоилось, но главным образом за счет прочих сословий, владения которых уменьшились с 3,7% в 1877 году до 1,6% в 1887 г.

По размерам частное землевладение распределяется соответствующим образом (таблица 30).

Из таблицы видно, что по количеству владельцев в Верхнем Поднепровье и Белоруссии преобладает мелкое землевладение: лиц, владеющих землей в размере до 50 десятин, насчитывается 71%; затем следует среднее землевладение (от 50 до 1000 десятин) — 24% и, наконец, крупное землевладение доходит до 5%; это же преобладание мелких и средних владельцев проходит и по отдельным губерниям, причем Могилевская дает наименьший процент лиц, владеющих средним размером земли. По количеству имеющей земли преобладает в области крупное землевладение (свыше 1000 десятин, или почти 75,5% всей частновладельческой земли); среднее землевладение занимает 22% и мелкое — 3,6%; наибольший процент крупных владений в Минской губернии — 86,1% и наименьший в Смоленской — 55,7%; средних и мелких владений менее всего в Минской губернии. Средний размер частного землевладения в области, согласно данным 1887 г., равняется 308,5 десятинам, колеблясь между 489 десятинами в Минской и 194,5 десятинами в Смоленской губерниях. Наиболее крупными землевладельцами являются купцы и дворяне; наибольший средний размер купеческих владений в Минской губернии, где он равен 1445,1 десятинам; в этой же губернии и наибольший средний размер дворянских имений — 886,5 десятин; наименьший размер купеческих владений в Могилевской губернии — 770,9 десятин, а дворянских — в Смоленской — 357,4 десятин; средний размер мещанских имений в Витебской губернии составляет 99,3 десятин (это наибольший размер); наименьший размер в Могилевской губернии — 26,2 десятин; наконец, размер личных крестьянских владений наибольший в Витебской — 85,3 десятин и наименьший в Минской губернии — 36,8 десятин.

По исповеданиям владельцев, распределение частного землевладения, согласно данным последних лет, представлено в трех белорусских губерниях в таблице 31.

Из нее видно, что общая площадь земли всех частных владельцев в Витебской, Минской и Могилевской губерниях составляет 9 100 849 десятин и что в настоящее время в нашей области преобладает частное землевладение лиц православного исповедания как по количеству владельцев, так и по количеству земли; именно почти половина всего пространства — 4 465 309 десятин (49%) принадлежит православным лицам; свыше $^2/_5$ (41,3%) пространства занимают лица католического исповедания, и только 9% владений приходится на долю прочих исповеданий; что же касается Смоленской губернии, то число владельцев римско-католического исповедания в ней весьма незначительно.

Чтобы покончитѣ с вопросом о частном землевладении в нашей области, скажем еще несколько слов о его задолженности. Учет задолженности русского землевладения был произведен впервые в 1856 г., и ко времени приостановления выдачи ссуд (1859 г.) из бывших государственных кредитных учреждений процент заложенных крепостных

Таблица 30

Губернии	% общего числа владельцев				% общего числа земли у владельцев		
	Количество владельцев	Мелких (до 50 дес.)	Средних (от 50 до 1000 дес.)	Крупных (свыше 1000 дес.)	Мелких (до 50 дес.)	Средних (от 50 до 1000 дес.)	Крупных (свыше 1000 дес.)
Витебская	5723	60,1	33,1	6,8	3,1	24,4	72,5
Минская	9114	70,8	22,8	6,4	2,1	11,8	86,1
Могилевская	10 783	79,0	16,7	4,3	5,3	21,4	73,3
Смоленская	14 040	70,0	26,6	3,4	5,2	39,1	55,7
Во всей области	39 660	71,2	24,0	4,8	3,6	22,0	74,4

Таблица 31

Губернии	Число владельцев	%-ное отношение	Количество в десятинах	%-ное отношение	Число владельцев	%-ное отношение	Количество в десятинах	%-ное отношение	Число владельцев	%-ное отношение	Количество в десятинах	%-ное отношение	Число владельцев	Количество в десятинах
	Православные				Рим-католики				Прочие исповедания				Всего	
Витебская	6244	—	832 018	41,8	2545	—	781 978	—	1144	—	374 475	—	9933	1 988 471
Минская	10 869	—	2 147 349	45,1	4550	—	2 187 961	—	612	—	426 845	—	16 031	4 762 155
Могилевская	11 232	—	1 485 942	63,3	2722	—	787 905	—	163	—	76 376	—	14 117	2 350 223
Итого	28 345	70,7	4 465 309	49,0	9817	24,5	3 757 844	41,3	1919	4,8	877 696	9,7	40 081	9 100 849

определялся по нашим губерниям следующими размерами:

в Могилевской	71,0
в Витебской	69,0
в Смоленской	69,9
в Минской	60,4

С освобождением крестьян от крепостной зависимости в сельском хозяйстве произошел коренной переворот: оно было поставлено уже в зависимость от вольнонаемного труда и усовершенствованных орудий. Для организации хозяйства на новых началах и ведения его при новых условиях потребовались новые денежные средства и в особенности новые приемы, не всем одинаково доступные. В течение первого пореформенного десятилетия помещики получали значительные суммы, причитавшиеся им как выкупной платеж, но этого было для них недостаточно, и как только открылись новые земельно-кредитные учреждения, они стали в них массами закладывать имения. Ссуды кредитными учреждениями выдавались в размере, не превышавшем 50% оценки имения, и были недостаточны: все чаще и чаще стали поступать заявления о выдаче дополнительных или краткосрочных ссуд; благодаря этому спросу на кредит вскоре, в 1871—1872 гг., появился целый ряд акционерных земельных банков, последствием чего стало громадное увеличение числа задолженных имений и количество принятой в залог земли.

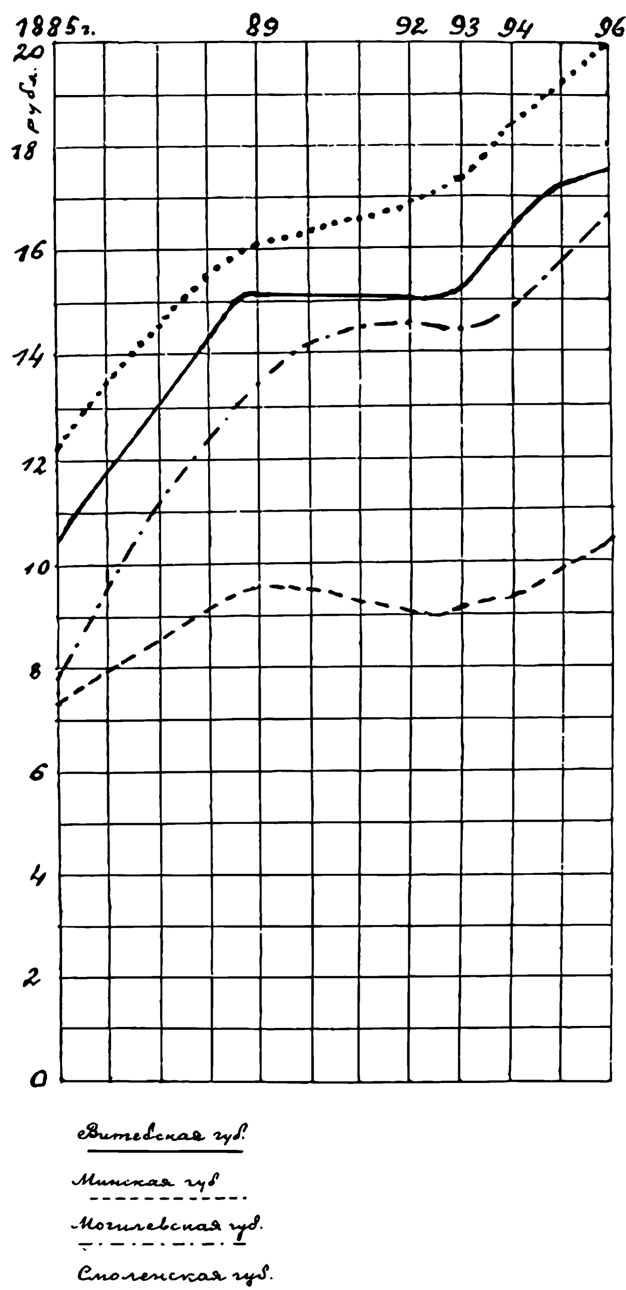
В последовавшие затем 5—7 лет процесс задолженности развивался медленнее благодаря высоким ценам на хлеб (1877—1879 гг.) и значительному вывозу зерна за границу. В 1885 г. количество заложенных имений возросло. В 1886 г. начал действовать государственный дворянский земельный банк, а к 1889 г. процесс задолженности землевладения принял вторично громадные размеры и повлек за собой расширение количества задолженных владений и значительно большую, чем прежде, задолженность прежних. При такой задолженности правильное ведение хозяйства делалось невозможным; отсюда произошел переход земли из одних рук в другие; начался он с первых же годов пореформенной жизни, но в последние годы мобилизация земель достигла высоких размеров, причем дворянское владение сократило свою площадь, а за его счет выросли землевладения других сословий. Постепенное уменьшение дворянских имений за двадцатилетний период с 1877 по 1897 гг. представлено в прилагаемой таблице; в этот период дворянские владения по области уменьшились с 82,5% до 68,0%; по губерниям уменьшение резче всего сказалось в Смоленской губернии, где в настоящее время дворянские владения составляют 49,4% частного землевладения (таблица 32).

Таблица 32

Губернии	1877 г.	1887 г.	1897 г.
Витебская	83,5	82,4	64,3
Минская	93,4	93,4	79,4
Могилевская	89,5	82,3	70,0
Смоленская	79,3	61,3	49,4
Во всей области	82,5	81,8	68,0

Из общего числа крепостных в нашей области по IX ревизии — 1 173 252 душ было заложено 792 822 души, или 67%, в сумме 49 915 161 руб. К 1 января 1894 г. задолженность еще больше возросла, достигнув 64 190 044 руб., т.е. увеличилась на 28,6%.

Движение задолженности частного землевладения в нашей области за 35 лет представлено в таб-

Рост задолженности частного землевладения на 1 десятину в1885—1896 гг.

лице. Из нее видно, что только в одной Смоленской губернии долг современным кредитным учреждениям уменьшился, причем уменьшение выразилось 26,6%, а в остальных трех губерниях он увеличился. Более всего возрос долг в Минской губернии, где увеличение составило 97,1%; потом следует Витебская — 57,8% и, наконец, Могилевская — 25,5%.

Что касается размеров задолженности частного землевладения, то количество закладываемых земель по всей области и по всем кредитным учреждениям все более и более возрастает: в Могилевской губернии за 11 лет оно больше чем удвоилось.

Из графика видно, что на одну десятину земли в 1896 г. падало долга в рублях: больше всего в Смоленской губернии 20,2 руб., затем следуют Витебская — 17,43 руб., Могилевская — 16,68 руб. и Минская — 10,32 руб. В 11-летний период в Минской и Смоленской губерниях %-ное отношение заложенной земли к общему количеству частного землевладения больше чем удвоилось, а в остальных двух губерниях приближается к удвоению. Таблицы 33 и 34 подтверждают сказанное.

Средняя сумма ссуды на 1 десятину за тот же период времени по всем кредитным учреждениям также сильно возросла, почти удвоилась. Параллельно задолженности землевладения идет и повышение продажных цен земли. Движение цены 1 десятины земли распределено по губерниям в таблице 35.

Перейдем теперь к *крестьянскому надельному* землевладению. Результатом крестьянской реформы явилось наделение крестьян землей. Среднее количество земли на одну ревизскую душу выразилось следующими цифрами по губерниям: в Витебской — 4,5 десятин, в Минской — 5,3 десятины, в Могилевской — 4,9 десятины и, наконец, в Смоленской — 4,4 десятины; но при этом необходимо заметить, что владельческие крестьяне получили в надел земли меньше, чем крестьяне государственные и удельные.

В таблице 36 показано надельное землевладение крестьянских обществ [земель удобных] у кресть-

Таблица 33

Губернии	Общее количество земли в личной частной собственности	% отношение заложенной земли к общему количеству частного землевладения в период с 1885 по 1896 г.					
		1885	1889	1892	1893	1894	к 1896
Витебская	1 924 196	29,4	36,8	43,1	45,9	47,3	50,0
Минская	4 280 227	28,2	29,3	53,2	45,5	58,0	59,0
Могилевская	2 204 932	28,3	31,1	44,6	45,5	47,8	47,0
Смоленская	2 391 050	28,1	25,4	31,9	33,9	34,4	35,0

Таблица 34

Губернии	Долги бывшим кредитным учреждениям				Выкупная ссуда (капитальный долг) к 1 янв. 1902 г. в руб.	Долги современным кредитным учреждениям					Увеличение или уменьшение долгов современных против прежних	
	Число душ бывших крепостных по IX ревизии	Число душ в заложенных помещичьих имениях		Сумма долгов к 1859 г. в руб.		Общее кол-во земли в личной частной собственности	В том числе принадлежащей потомственным дворянам	Количество заложенной земли к 1 янв. 1894 г.		Сумма долгов к 1 янв. 1894 г.	Увеличение	Уменьшение
		Число душ	% отношение			Десятины	Десятины	Сумма долгов в руб.	% отношение		Рубли	Рубли
Витебская	218 707	150 972	69,0	8 858 979	21 678 809	1 924 196	1 767 631	909 801	47,3	13 976 743	5 117 764 57,8 %	—
Минская	288 336	174 048	60,4	10 844 075	12 782 910	4 280 227	3 983 722	2 482 897	58,0	21 368 913	10 524 838 97,1 %	—
Могилевская	287 889	203 524	71,0	11 709 976	25 561 723	2 204 932	1 544 581	1 053 699	47,8	14 701 173	2 991 197 25,5 %	—
Смоленская	378 320	264 278	69,9	18 502 131	34 874 985	2 391 050	1 326 390	822 552	34,4	14 143 215	—	4 358 916 26,6%
Всего:	1 173 252	792 822	67,6	49 915 161	94 898 497	10 800 405	8 662 324	5 268 949	48,8	64 190 044	18 633 799	4 358 916

Таблица 35

Губернии	По данным министерства земледелия и государственных имуществ				По сведен. дворянских и крестьянских банков
	60 гг.	70 гг.	1883 г.	1884 г.	
Витебская	16	27	39	47	36
Минская	13	20	30	38	43
Могилевская	10	14	25	28	36
Смоленская	11	33	32	39	46

ян бывших государственных, удельных и владельческих после реформы. Из нее видно, что среднее количество земли на один двор и на одну ревизскую душу крестьян бывших государственных и удельных значительно выше количества на один двор и одну ревизскую душу крестьян бывших владельческих; если же принять во внимание, что число владельческих крестьян почти в 5 раз превышало число крестьян двух других разрядов, вместе взятых, то станет понятно, что у значительного большинства крестьян в нашей области в настоящее время земли (при современных способах хозяйствования) недостаточно для прокормления семьи.

Для наглядности мы приводим средние количества удобной надельной земли, приходящейся на сельскую семью, считая ее в среднем в 6 душ, а также средние количества пахотной надельной земли на душу мужского населения ревизского и наличного. Из таблицы 37 видно, что количество пахотной земли на душу мужского наличного населения весьма незначительно.

Что касается распределения надельной земли по размерам владения, то наибольший процент собственников-крестьян составляют крестьяне, владеющие количеством от 3 до 5 десятин — 52,1% по области; затем идут крестьяне, владеющие количеством от 5 до 8 десятин, — 31,4%; потом владеющие свыше 8 десятин составляют 12,2% и, наконец, владеющие до 3 десятин — 4,3%. По отдельным губерниям размер землевладения показан в таблицах 37, 38.

Надельные земли крестьян рассматриваемой области находятся и в общинном, и в подворном владении с некоторым, впрочем, преобладанием общинного — 55,5%. В Смоленской губернии общинное землевладение составляет 95,9% (очень большой процент великорусского населения тому

Таблица 36

Губернии	Всех крестьян					Бывш. госуд. и удельных					Бывш. владельческих				
	Число дворов	Число душ	Количество земли в тыс. десят.	Среднее на:		Число дворов	Число душ	Количество земли в тыс. десят.	Среднее на:		Число дворов	Число душ	Количество земли в тыс. десят.	Среднеет на:	
	в тысячах			двор	рев. душу	в тысячах			двор	рев. душу	в тысячах			двор	рев. душу
Витебская	93,6	283,9	1294,0	13,8	4,5	27,3	72,9	437,1	16,0	6,0	66,3	211,4	856,9	13,0	4,1
Минская	105,9	339,6	1826,2	17,2	5,3	18,2	53,6	355,5	18,5	6,6	87,7	286,0	1470,7	16,7	5,1
Могилевская	126,0	305,8	1500,9	11,9	4,9	15,1	41,4	237,9	15,7	5,7	110,9	264,4	1263,0	11,4	4,8
Смоленская	150,2	426,7	1891,9	12,5	4,4	34,2	99,7	582,2	17,0	5,8	116,0	327,0	1309,7	11,3	4,0

Таблица 37

Губернии	Среднее количество удобной над. земли на семью из 6 душ	Среднее количество надельной удобной земли на 1 душу мужского пола		Среднее количество надельной пахотной земли на 1 душу мужского пола	
		Ревизскую	Наличную	Ревизскую	Наличную
Витебская	8,3	4,9	2,8	4,0	2,3
Минская	9,3	5,7	3,8	4,3	2,3
Могилевская	8,0	4,9	2,9	4,0	2,2
Смоленская	9,3	4,4	3,0	3,2	2,2

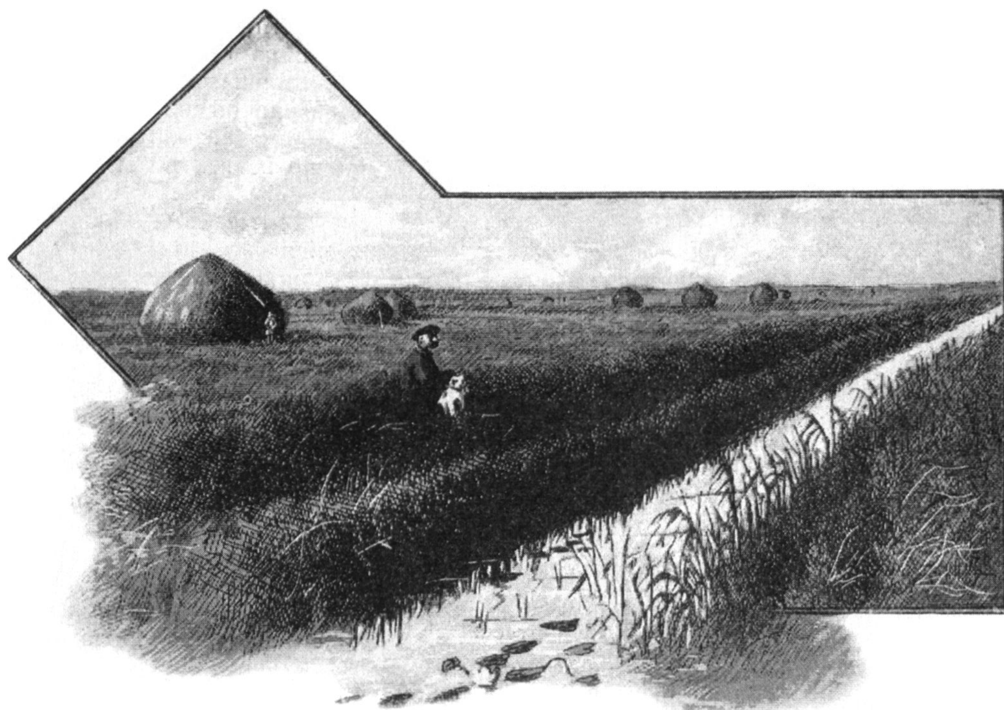
причиной), в Могилевской — 83,8%; в Витебской почти $^{2}/_{3}$ земель находится в подворном владении, а в Минской в подворном владении почти вся земля (около 96%), в общинном же — не более 56 000 десятин.

Перейдем теперь к распределению земель по *угодьям.* Земель, пригодных для сельскохозяйственного пользования, т.е. *пахотной*, *сенокосной*, *огородной*, под *садами* и проч., насчитывается в нашей области свыше 9 миллионов десятин, или 45,5% всего пространства области, а собственно обрабатываемая площадь немного превышает $^{1}/_{4}$ того же пространства (27,8%) и равняется 5 702 067 десятинам; по губерниям же наибольшая площадь земли возделывается в Смоленской губернии — 1 505 141 десятина (31,2%); затем следуют Могилевская — 1 269 214 десятин (30,3%), Витебская — 1 117 217 десятин (29,3%) и, наконец, Минская — 1 810 495 десятин (23,6%). Постоянными сенокосами, выгонами и пастбищами богаче других также Смоленская губерния, где угодья этого рода достигают 18,5% всей площади, т.е. 890 763 десятины; второе место занимает Витебская — 13,9%, т.е. 531 115 десятин, затем Могилевская — 13,6%, т.е. 467 535 десятин, и, наконец, Минская — 12,4%, т.е. 960 903 десятины. В последней четверти XIX в. количество сенокосов, выгонов и пастбищ в Минском Полесье зна-

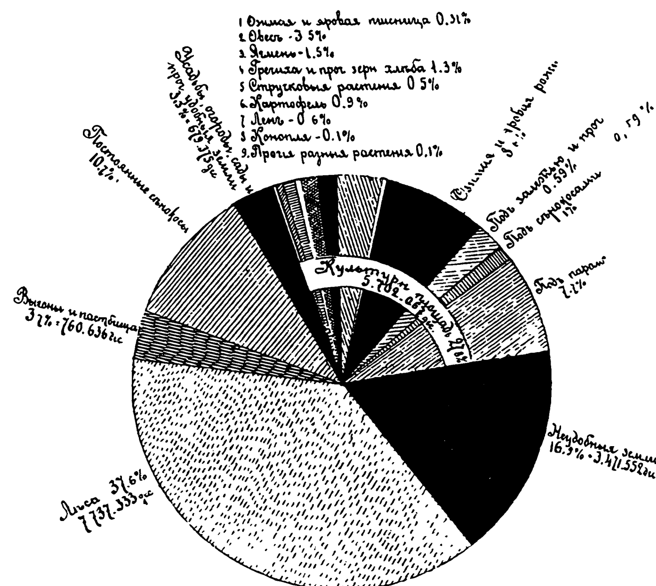
Таблица 38

Губернии	% отношение крестьянских землевладений			
	от 0 до 3 дес.	от 3 до 5 дес.	от 5 до 8 дес.	Свыше 8 дес.
Витебская	4,6	55,4	35,2	4,7
Минская	6,8	31,4	32,9	28,9
Могилевская	2,0	50,4	44,3	3,0
Смоленская	3,0	71,0	17,0	8,4
Вся область	4,3	52,1	31,4	12,2

чительно увеличилось благодаря обширным осушительным работам, произведенным экспедицией ген. Жилинского. *Неудобных* земель больше всего в Минской губернии — 21,9% всего пространства, т.е. 1 690 136 десятин, а меньше всего в Смоленской — 9,2%, т.е. 446 165 десятин, в Витебской — 17,8% и в Могилевской — 15,6%. Такое сравнительно незначительное количество неудобной земли в Смоленской губернии объясняется, во-первых, тем, что эта губерния обладает наименьшим количеством болот, во-вторых, отчасти тем, что вследствие плохой почвы здесь была распахана и часть неудобных земель. Наибольшую площадь в нашей области занимают *лесные* угодья. По данным 1887 г., все лесное пространство ее составляло 37,6%, или 7737 тыс. десятин. К 1897 г. оно уменьшилось до 7471 тыс. десятин и распределяется между губерниями следующим образом: больше всего лесов приходится на Минскую губернию — 38,7% (2,888 тыс. десятин); затем идут Смоленская — 23,6% (1765 тыс. десятин), Могилевская — 20,5% (1534 тыс. десятин) и Витебская — 17,2%. Из общего числа лесного пространства приходится, согласно переписи 1897 г., на жителя десятин: меньше всего в Витебской губернии — 0,85, а затем в Могилевской — 0,89, в Смоленской — 1,13 и в Минской — 1,33. В показанном числе лесов казенные леса составляют 11,6% по области, а по губерниям больше всего казенных лесов в Минской губернии — 17,48% (504 тыс. десятин) и меньше всего в Смоленской — 4,87% (86 тыс. десятин); наконец, на 1 кв. версту приходится десятин всего леса по губерниям: в Витебской — 32, а в остальных — по 36.

Далее взаимное соотношение некоторых угодий в хозяйствах частновладельческих и крестьянских далеко не одинаково: у крестьян пахотные земли составляют гораздо больший процент, чем у частных владельцев, а леса и неудобные земли — наоборот. В крестьянских хозяйствах в среднем по области пашни составляют 53,8%, или 4 003 597 десятин всех земель крестьянских, колеблясь по губерниям между 51,5% (в Минской губ.) и 57,0% в (Смоленской), в то время как в частновладельческих хозяйствах в среднем по области пахотные земли составляют только 13,8%, в одной лишь Могилевской губернии поднимаются до 15,0%. Лесные угодья в частновладельческих хозяйствах составляют большую часть их владений: средний по области процент равен 52,3; между тем в крестьянских хозяйствах он составляет только 8,8% всего про-

Распределение земли по угодьям и посевам в Верхнем Поднепровье и Белоруссии.

На жатве. (По фотографии А.М. Кабанова).

странства крестьянских земель, причем наибольший процент лесов в Смоленской губернии, именно 10,6%, а наименьший — в Витебской, именно 5,8%. Наконец, неудобные земли в частном владении в среднем по области составляют 21,1%, а в крестьянском — 9,7%; наименьший процент в последнем — в Смоленской губернии, где он достигает 5,6%, т.е. 110 688 десятин.

Что же касается собственно пахотных земель, то в крестьянских хозяйствах обработке их подвергается относительно большее количество, чем в хозяйствах частновладельческих, и это вполне понятно, так как крестьяне менее обеспечены землей; в крестьянских хозяйствах в среднем под посевами находится 63,0% из всей их пахотной земли, а в частновладельческих — только 55,5%, остальные же 44,5% находятся под паром, залежами и проч.

В *посевном* отношении культурная площадь нашей области распределена следующим образом. Главнейшими зерновыми хлебами здесь являются рожь, овес, ячмень и гречиха. Под посевами ржи (озимой и яровой) занято 1 655 398 десятин, или 47,9 % всей засеваемой площади; затем засеваемая овсом площадь составляет 728 217 десятин, или 21,0%, *ячмень* — 315 373 десятины, или 9,1%, *гречиха* — 254 747 десятин, или 7,4%; что касается остальных зерновых хлебов, то они составляют только 2,3%; в их числе 1,7% (59 863 десятины) составляет площадь под посевами *пшеницы*.

Из *корнеплодов* в области повсеместно разводится *картофель*, занимая площадь в 202 580 десятин (5,8% всей посевной площади); из *стручковых* растений — *горох* и *чечевица* занимают 67 602 десятины (1,9%); из *технических* растений сеются *лен* и *конопля*. Под лен отведена площадь в 118 998 десятин (3,4%), под коноплю — 0,5%, и только 0,7% составляет площадь прочих растений — *рапса*, *табаку*, кормовых трав и др.

Прилагаемая на стр. 163 диаграмма представляет наглядно распределение земель в области по угодьям и посевной площади между культурными растениями.

Хотя земледелие в нашей области и составляет главное занятие населения и основной источник его благосостояния, однако сельское хозяйство стоит здесь сравнительно на низкой степени развития. Улучшения разного рода, при всей их желательности, не могут быть применяемы отчасти вследствие отсутствия свободных капиталов и дешевого кредита, а отчасти из-за недостатка агрономического образования; поэтому усовершенствование земледельческих орудий, удобрение, более рациональные севообороты — все это имеет место только иногда у арендаторов и крупных помещиков; у мелких же землевладельцев и в сельских обществах сельскохозяйственные улучшения прививаются медленно и слабо. В небольших частновладельческих имений, а также в сельских обществах до сих пор существует старая *трехпольная* система хозяйства, и только в последние годы некоторые землевладельцы в своих имениях начали вводить *четырехпольную* систему с травосеянием.

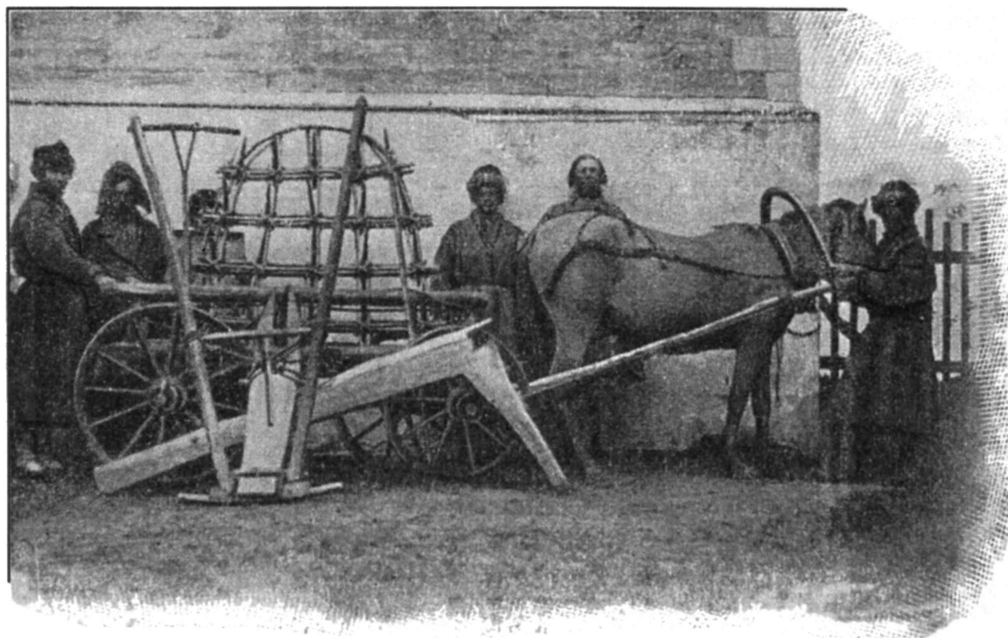
Кроме трехпольной системы обработки земли в нашей области развита специальная система хозяйства — так называемое «лядное» или «лядинное» хозяйство. Громадные участки земли из-под старого векового леса отдаются крестьянам в аренду на шесть или более лет с тем, чтобы последние очистили землю от пней, превратили ее в пахотное поле и выстроили необходимые хозяйственные постройки; арендная плата невысока, составляя 2—4 руб. с десятины. Крестьяне берут охотно такие ляды в аренду и расчищают землю под посев хлеба, чаще всего под лен; в результате получается плодородная почва, не требующая лет 10—12 никакого удобрения благодаря прежнему многолетнему естественному удобрению листьями. В Могилевской губернии такие ляды сделались главным источником дохода для владельцев этих имений, а взять ляды на разработку среди крестьян находится много охотников. Лядное хозяйство с посевами льна в Смоленской губернии очень выразительно описано А.Н.Энгельгардтом в его «Письмах из деревни». В последнее время развитие винокуренного и крахмального производств в крае вызвало к жизни новую форму четырехпольной системы обработки земли. Помещики, недалеко от имений которых находятся винокуренные и крахмальные заводы, начинают вводить у себя четырехпольную систему полеводства, причем четвертое поле засевается не клевером, а картофелем на продажу. Наконец, встречаются в крае *переложная, многопольная*, *однопольная* и *двухпольная* системы. Переложная система практикуется у многоземельных, многопольная — в более крупных имениях, однопольная и двухпольная — у малоземельных. Так, в двух волостях Бобруйского уезда Минской губернии встречаются исключительно однопольная и двухпольная системы и только у крестьян.

В отношении *почвы* все пространство, занимаемое областью, представляет собой малоплодородную, глинистую, песчаную или подзольную, нередко болотистую местность. В Витебской губернии господствующая почва — глинисто-песчаная; в некоторых же местах встречается тяжелоглинистая, а также супесь; эта последняя — самая плодородная в губернии; торфяники попадаются на высохших болотах и вблизи озер. В Минской губернии почва больше песчаная, суглинистая и болотистая, реже глинистая; на юге и в центре губернии преобладает болотистая почва, на востоке — песчаная, а на северо-западе — суглинистая. В Могилевской губернии в северной части почва глинистая и суглинистая, а в южной — легкая песчаная и супесчаная; встречаются здесь также хрящеватая и каменистая, а также болотистая почвы. В Смоленской губернии наиболее преобладают почвы суглинистая в северо-западной части и песчаная — на юго-востоке, а между ними расположены полосы супесей; менее распространены каменистая и еще реже чисто глинистая (только на вершинах холмов) почвы. Подзол в этой губернии чаще всего развит на небольшом протяжении. Более плодородными уездами являются здесь Краснинский и отчасти Смоленский, Духовщинский и Дорогобужский.

Что касается *удобрения* пахотной земли в нашей области, то лишь незначительный процент ее удобряется. В Минской губернии в среднем у крестьян и помещиков из всей пахотной земли удобряется только около 25%, а в Могилевской губернии — всего 18,2% у землевладельцев и 18% у крестьян.

Обработка земли в частновладельческих крупных хозяйствах производится плугами, а у мелких арендаторов, помещиков и крестьян орудием обработки прежде были сохи простого деревянного устройства с двумя железными сошниками и деревянные бороны, но в настоящее время и в крестьянскую среду начал проникать плуг и постепенно вытеснять прежнюю соху. Среди прочих земледельческих орудий молотилки, так же как и веялки, изредка встречаются уже и у более зажиточных крестьян, но жатвенные машины даже в наиболее крупных имениях еще представляют редкость.

В частности по губерниям обработка земли представляется в следующем виде. В Витебской губернии очень редко встречаются плуги в крестьянских хозяйствах; в Минской губернии только в одном Слуцком уезде большинство крестьян обрабатывает землю плугами, а в других уездах остается господствующей прежняя соха. В Могилевской губернии плуг появился еще до освобождения крестьян от крепостной зависимости, но распространение его было слабо. Встречаются здесь плуги разных систем; в 1882 г. в Могилеве открыт склад плугов. Наибольшее распространение плуга замечается в северных уездах — Оршанском, Сенненском и Горецком, менее — в Могилевском, Гомельском и Чаусском, а в остальных пяти уездах почти не встречаются. В Смоленской губернии в последнее время почти все население производит обработку земли плугами; благодаря деятельности А.Г.Павлова и С.Ф.Шарапова, владельцев местных мастерских, некоторых уездных земств, а также наплыву из Риги плугов крестьяне ознакомились с разными видами плуга и начали сознательно относиться к работе, достоинствам и недостаткам этих орудий. Павлов и Шарапов прежде всего постарались выработать типы

Земледельческие орудия крестьян Лепельского уезда.

плугов, применимых в сельском хозяйстве, что им и удалось. Результатом деятельности Павлова явился приобретший в настоящее время обширную популярность плуг, известный под маркой «С», а со стороны Шарапова — 27 типов разных плугов. Доступные цены дают возможность каждому не бедному крестьянину приобретать их: 4 руб., 5 руб. 50 коп., 7—8 руб. и дороже, смотря по величине. В настоящее время эти плуги распространены особенно в восточных уездах губернии. В Смоленской губернии выделываются также бороны, веялки и молотилки; все эти земледельческие орудия встречаются изредка и у зажиточных крестьян.

Средняя урожайность главнейших хлебов с одной казенной десятины на крестьянских надельных и частновладельческих землях в нашей области по отдельным губерниям представляется в следующем виде (в четвертях) (таблица 39).

Из этой таблицы видно, что наибольший урожай зерновых хлебов дает Смоленская губерния, Могилевская — наибольший урожай картофеля; меньше других урожай картофеля в Витебской. В Минской и Могилевской губерниях урожай ржи меньше, чем в двух других; наконец видно, что урожай у крестьян везде ниже урожаев частновладельческих имений, что объясняется более высокой техникой полеводства у помещиков в сравнении с крестьянами.

Колебания средней урожайности важнейших зерновых хлебов ржи и овса представляются графикой на стр. 168, причем колебания эти выражены в отношениях к среднему за 11 лет (с 1883 до 1893 гг.), принятому за 100.

Далее для характеристики урожайности нашей области на стр. 167 приведена диаграмма, показывающая средние сборы (за вычетом семян) на крестьянских надельных и частновладельческих землях за 10-летний период (с 1892 по 1901 гг. включительно) ржи, пшеницы, овса, ячменя, гречихи и картофеля. Характерным для нашей области является то обстоятельство, что здесь больше всего собирается картофеля как в частновладельческих, так и в крестьянских хозяйствах; в первых картофель разводится или для собственной надобности, или же для продажи главным образом на винокуренные заводы; для крестьян же картофель

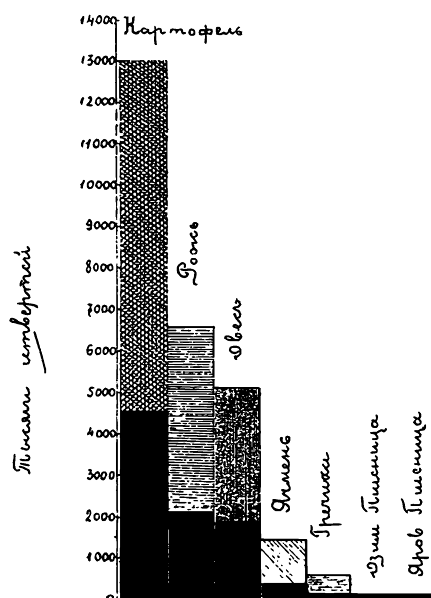
Таблица 39

Губернии	Рожь озим.		Пшеница озим.		Овес		Ячмень		Гречиха		Горох		Картоф.	
	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.
Витебская	5,5	4,4	5,1	4,4	7,7	7,0	6,2	5,1	3,6	3,1	5,0	4,0	43,4	38,2
Минская	4,4	3,8	5,0	4,5	6,0	5,5	5,0	4,5	3,5	3,0	4,0	3,5	44,7	37,2
Могилевская	4,8	4,2	5,5	5,0	8,2	7,7	5,5	5,0	4,0	3,5	5,0	4,0	55,5	46,7
Смоленская	6,6	5,1	6,3	5,0	9,3	7,9	6,5	5,4	4,9	4,3	5,0	4,0	50,0	40,0

является суррогатом хлеба ввиду недостаточности последнего для удовлетворения жизненных потребностей.

Из зерновых хлебов больше всего собирается в области так называемого «продовольственного» хлеба, т.е. *ржи* и *пшеницы*, всего 6868 тыс. четвертей, в том числе ржи на крестьянских надельных землях 4437 тыс. четвертей и на частновладельческих — 2171 тыс. четвертей и пшеницы на крестьянских 152 тыс. четвертей (что составляет 3,3% всего сбора у крестьян) и на частновладельческих — 108 тыс. четвертей; затем следуют: овес — у крестьян 3195 тыс. четвертей, у частных владельцев — 1905 тыс. четвертей, ячмень — соответственно 974 тыс. и 477 тыс. четвертей; гречиха — соответственно 360 тыс. и 182 тыс. четвертей.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса об обеспеченности сельского населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии *продовольственными* средствами. На продовольствие всего сельского населения области, считая его по данным переписи 1897 г., — около 6292 тыс. человек, требуется, при средней норме на душу 12,12 пудов, продовольственного хлеба, т.е. ржи или пшеницы, 76 266 тыс. пудов. В действительности же продовольственные средства определяются в среднем за год в 4589 тыс. четвертей, какова сумма при переводе на пуды (на основании среднего веса четверти хлеба за 12 лет) составляет 39 093 тыс. пудов, т.е. оказывается, что на одну душу сельского населения приходится 6,31 пуда продовольственного хлеба вместо 12,12 пуда, указанных в норме. Следовательно, сельское население нашей области не дополучает ежегодно почти половины того количества хлеба, которое необходимо только для поддержания жизни. Этот недостаток восполняется преимущественно картофелем, количество которого у крестьян (8620 тыс. четв.) превышает почти вдвое количество продовольственного хлеба. При переводе этой суммы картофеля (8620 тыс. четв.) в пуды, а затем в рожь (1 пуд картофеля — 0,19 пуда ржи[1]) мы получим 13 103 тыс. пудов этого суррогата хлеба. Это число вместе с продовольственным хлебом сельского населения составляет 52 196 тыс. пудов, т.е. в таком случае на одну сельскую душу приходится уже в области 8,42 пуда продовольственного хлеба; что касается остальных 24 072 тыс. пудов, составляющих 31,56% всего продовольственного хлеба, то таковые должны быть в части приобретаемы за пределами области, а в части восполняются другими суррогатами кроме названного уже картофеля, а

Средние сборы хлѣбовъ у крестьянъ [верхъ столбиковъ] и у частныхъ владѣльцевъ [низъ столбиковъ] за 10 лѣтъ /съ 1892 г. – 1901 г. вкл./

именно ячменем, отрубями, жмыхами и пр. В наших губерниях крестьяне очень часто питаются хлебом, в который входит решительно все, что собирается в поле. Зерно не отвеивается, мука не очищается и не отсеивается. Этот хлеб носит местное название «*родилки*».

Если затем взять все продовольственные зерновые хлеба, производимые в области как у крестьян, так и в частновладельческих имениях, то приблизительный учет потребностей в хлебе всего населения в области выразится таблицей 40.

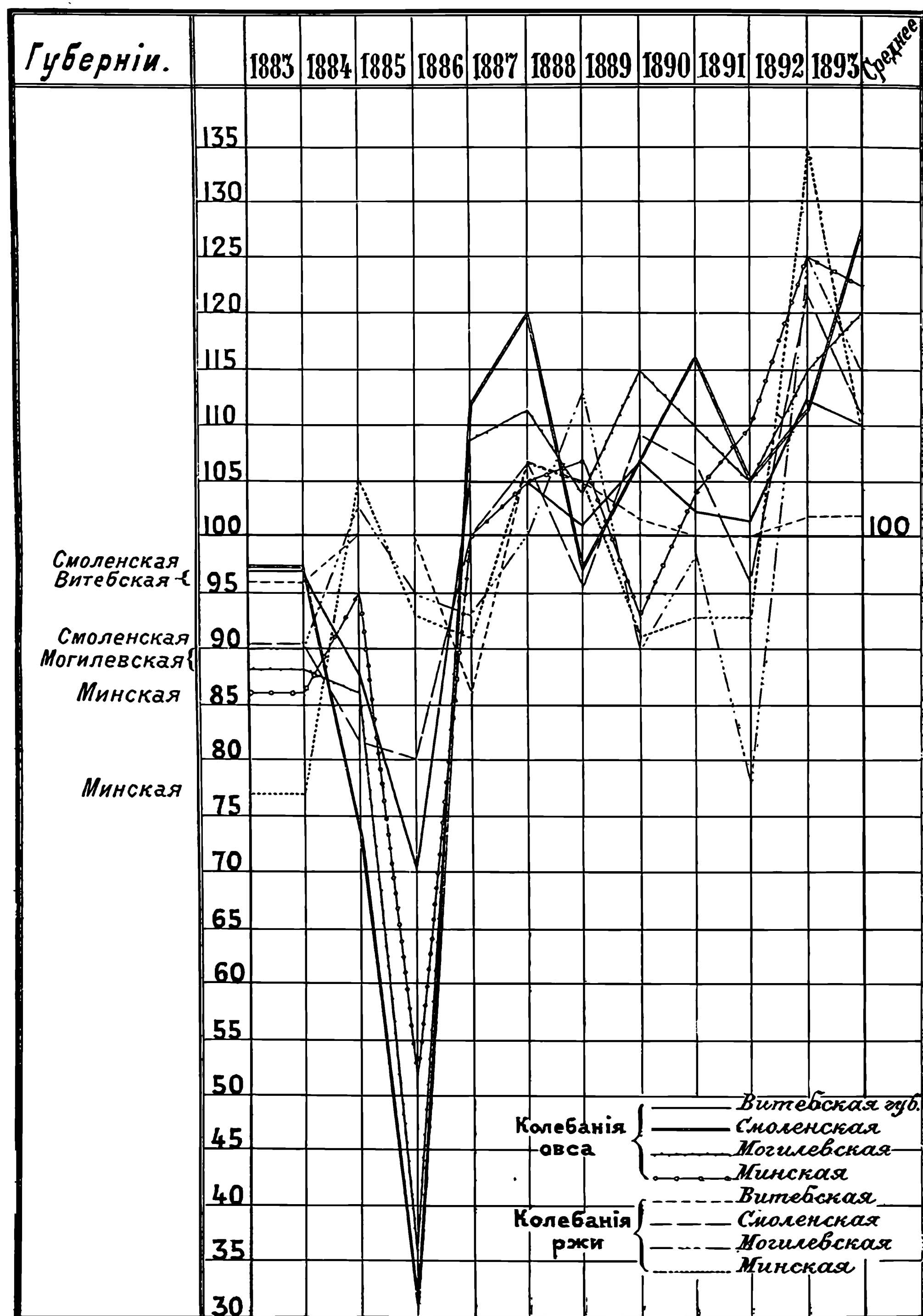
Таблица 40

Губернии	Чистый сбор продовольственных хлебов на всех землях области в тысячах пудов	Избыток (+) или недостаток (—) по сравнению с тем, что требуется для продовольствия всего населения	
		В валовых цифрах (тысячи пудов)	В среднем на наличную душу (в пудах)
Витебская	10 035	—7181	—4,8
Минская	17 414	—8719	—4,1
Могилевская	14 504	—6198	—3,6
Смоленская	16 584	—2215	—1,4
По всей области	58 537	—24 313	—3,5

[1] По нормам, принятым в Германии.

Из этой таблицы видно, что во всех наших губерниях как в надельных, так и в частновладельческих хозяйствах производится продовольственного хлеба значительно меньше, чем его надо для потребности всего населения, причем недостаток хлеба на одну душу всего населения в области выражается 3,5 пудами, а по отдельным губерниям: в Витебской — 4,8, в Минской — 4,1, в Могилевской — 3,6 и в Смоленской — 1,4 пуда. Таким образом, лучше чем в других поставлен продовольственный вопрос в Смоленской губернии; общий же недостаток продовольственного хлеба доходит до 24 313 тыс. пудов.

Кроме зерновых хлебов в нашей области немаловажную роль играют и некоторые торговые растения. Таковыми, главным образом, являются раз-

Колебания урожая ржи и овса по отдельным губерниям.

водимые во всех губерниях *лен* и *пенька*; из этих культур льносеяние более всего распространено в Витебской и Смоленской губерниях, из которых первая принадлежит к району моченцового льна, а вторая — сланцевого; разница между этими двумя районами заключается в том, что для получения льна в первом лен-сырец вымачивается в особо для этого устроенных мочильнях, а во втором лен-сырец выстилается на луга и подвергается влиянию росы.

Культура пеньки сосредоточена главным образом в губерниях Могилевской и Смоленской. Количество волокна и семян льна и пеньки, собранных в 1900 г., а также посевные площади их представляются в таблице 41.

Главнейшие пункты отправления льна: Витебск (в 1899 г. отправлено 1178 тыс. пудов), Вязьма (970 тыс. пудов), Сычевка (869 тыс. пудов), Двинск (329 тыс. пудов), Гжатск (300 тыс. пудов) и Дрисса (238 тыс. пудов).

Огородничество и *садоводство* в прежнее время нигде в России не стояли на высоком уровне. Во время крепостного права почти во всяком имении при господской усадьбе имелись значительные сады и огороды, а в более богатых — парки и оранжереи; первые никогда не велись на рациональных началах и обыкновенно были в заведывании у доморощенных садовников, мало сведущих в садовом деле; вообще сады имели целью удовлетворение ближайших потребностей владельцев, и лишь избытки привозились в город на продажу. После отмены крепостного права садоводство и огородничество сразу и быстро пришли в упадок. Во многих местностях у большинства землевладельцев сады и огороды были сокращены до возможных пределов, оранжереи и парки заброшены. Только крупные землевладельцы могли оставить свое садоводство в прежнем виде. Кроме того, садоводство удержалось еще только там, где оно велось и во время крепостного права так сказать на коммерческой основе, т.е. вблизи больших городов, в некоторых крестьянских селениях и проч.

Громадный толчок к развитию садоводства и огородничества дало проведение сети железных дорог, так как эти отрасли промышленности находятся в зависимости от железных дорог как по условиям производства, так и по условиям сбыта его. Почти все сырые продукты огородничества и садоводства принадлежат к числу легко и скоро портящихся, а поэтому требуется быстрая и спокойная перевозка, которой железные дороги вполне удовлетворяют; с другой стороны, и условия производства значительно облегчаются железными дорогами благодаря тому же свойству железных дорог, так как растения, а особенно без корней, как черенки, прививки и проч., могут выдерживать только краткосрочную перевозку. Таким образом, благодаря железным дорогам явилась возможность разведения садов и огородов во всех местах, где не препятствуют тому климат или почвенные условия. В настоящее время вследствие проведения железных дорог в последние 15—20 лет совершился полный поворот к лучшему в этих отраслях промышленности как в техническом, так и экономическом отношениях; насколько быстро развивается в России садоводство и огородничество, у нас нет цифровых данных, но вообще о росте этой отрасли промышленности можно судить по развитию существующих торговых заведений и появлению из года в год новых.

Затем садоводство и огородничество принадлежат к самым интенсивным хозяйствам: они требуют значительной предварительной затраты; кроме того, ведение дела без специальных знаний и опыта невозможно; отсюда понятно, что это дело и не может пока высоко стоять в России при недостатке капиталов, незначительном еще спросе на продукты, выходящие из числа насущных питательных средств, и при весьма слабом распространении садоводственных знаний вследствие почти полного отсутствия даже начальных садоводственных школ, а также вследствие того обстоятельства, что

Таблица 41

Губернии	Посевные площади в десятинах		Сбор льна		Сбор пеньки	
	Лен	Пенька	Волокно	Семена	Волокно	Семена
			Общий сбор в пудах	Чистый сбор (за вычетом семян) в пудах	Общий сбор в пудах	Чистый сбор (за вычетом семян) в пудах
Витебская	52 660	2 325	861 604	463 291	41 517	33 385
Минская	22 211	5 759	535 394	522 299	158 625	104 014
Могилевская	24 228	18 709	464 753	462 356	325 379	253 721
Смоленская	72 627	28 624	1 226 120	825 494	476 394	418 777
Всего по области	171 726	55 417	3 089 871	2 257 400	1 001 915	809 897

этот род промышленности находится преимущественно в руках иностранцев, которые мало заинтересованы в передаче знаний своим русским служащим. Теперь перейдем к описываемой нами области, оговорившись только, что все сказанное раньше о садоводстве в России относится к большей части ее и неприменимо только к Крыму и отчасти к Кавказу, где садоводство в значительной степени развито вследствие весьма благоприятных климатических условий и составляет главное занятие жителей.

Огородничество в описываемом районе не составляет особой отрасли промышленности населения, и огородные овощи разводятся в размере, удовлетворяющем собственные потребности производителей; только излишки обыкновенно сбываются на месте. Исключение из этого составляют подгородные селения, где огородничество является промыслом. В Витебской губернии огородничество носит промышленный характер в подгородных местностях Режицкого, Лепельского и Двинского уездов. В этом последнем уезде разводят для продажи репу и брюкву на полях, а капусту и огурцы в огородах. Подгородные крестьяне Режицкого уезда разводят с выгодой ранние овощи, получая навоз из города, да и в самом Режицке существует несколько огородов, владельцы которых занимаются исключительно производством овощей на продажу. В селе Посини Люцинского уезда для некоторых ремесленников огородничество является побочным занятием. Разводимые крестьянами овощи относятся к самым простым сортам и зачастую не отличаются доброкачественностью вследствие незнакомства с лучшими способами культуры и за недостатком хороших семян. Землевладельцы пользуются отчасти семенами своего производства, а отчасти выписывают их из Риги, Петербурга и Москвы. Огородные семена сбываются преимущественно ранней весной по ярмаркам, продаются гарницами, стаканами, щепотками. Парниковая выгонка ранних овощей мало практикуется и притом исключительно для удовлетворения собственных потребностей хозяев. Разводятся в Витебской губернии овощи: капуста кочанная белая, коломенская и греческая пудовая, красная, ранняя и поздняя, цветная, брюква разных сортов, морковь, картофель голландский и французский, свекла желто-красная, круглая, египетская, репа желтая, редька желтая, майская и ранняя черная, редис разных сортов, салат, ранний картофель, лук, огурцы, хрен, петрушка, сельдерей, цикорий, бобы, фасоль, горох, мак разных сортов и некоторые коренья. Что касается урожайности овощей, то сведений о таковых не имеется, так как на огородничество обыкновенно мало обращается внимания, и на одной гряде разводится одновременно капуста, огурцы, редька и т.п. В Могилевской губернии промысловое огородничество также развито во многих местностях Гомельского, Черниковского, Мстиславского, Рогачевского уездов, а также около Могилева; оно здесь составляет специальное занятие городских мещан, евреев и старообрядцев. Иногда вблизи городов и местечек овощи для продажи разводятся также некоторыми крестьянами и помещиками; последние, впрочем, сами этим делом не занимаются, а сдают годные под огороды земли в аренду промышленникам. Так, в Гомельском уезде Ветковской волости жители арендуют землю у окрестных землевладельцев и отчасти у крестьян, специально разводят некоторые овощи, главным образом, капусту, свеклу и огурцы, в меньшем количестве — фасоль и картофель, и продают их в городах и местечках. В Рогачевском уезде Давской волости почти у всякого помещика старообрядцы нанимают под огороды по 2—3 десятины с платой от 50 до 70 руб. за десятину и разводят на них огурцы, капусту, бураки и фасоль. В Черниковском уезде владельцы и крестьяне также сдают свои огороды по 40—60 руб. за десятину специалистам-огородникам из старообрядцев, а иногда евреям. В Мстиславском уезде огородничеством занимаются пришлые огородники из Калужской губернии, староверы из Гомельского уезда, а также евреи. Главнейшими центрами промысла в Мстиславском уезде являются г. Мстиславль, местечки Каслевичи, Казимирова Слобода, Монастырщина, Шамово, Кадино и Татарск и окрестности этих пунктов. Землевладельцы и некоторые крестьяне Горецкого уезда сдают в аренду евреям под капусту и огурцы землю со свежим навозом с платой от 75 до 150 руб. за десятину. Наконец, вблизи Могилева мещане имеют заливные огороды при Днепре и занимаются разведением огурцов на продажу, причем дело-то доведено до такого совершенства, что в ближайших к городу местностях огурцы на крестьянских и землевладельческих огородах не возделываются. На домашних огородах крестьяне высевают овощи лишь в самом незначительном количестве; главные овощи на крестьянских огородах — капуста, бураки, картофель и отчасти огурцы, а из второстепенных — фасоль, репа, редька, хрен, лук, чеснок, подсолнух и мак. Посевные семена покупаются крестьянами и некоторыми землевладельцами у огородников; продажа семян в довольно значительных размерах существует в местечке Ветка и на ярмарках в Гомеле и Могилеве. Землевладельцы нередко выписывают семена из Москвы, Петербурга, Риги и Варшавы. Средняя выручка с десятины под огурцами у старообрядцев-огородников доходит до 350 руб. Про-

дукты огородничества сбываются исключительно в пределах губернии.

В Смоленской губернии для домашнего обихода овощи разводятся почти во всех хозяйствах, хотя иногда у местного населения (в Духовщинском и Смоленском уездах) и не достает овощей своего производства на удовлетворение потребностей. В большинстве случаев огородничество составляет здесь побочное занятие крестьян, землевладельцев и разных мастеровых. Огородниками являются часто евреи из ближайших городов, но обыкновенно этой отраслью занимаются великорусы из соседних уездов Калужской губернии. Пришлые огородники остаются здесь до осени, а затем уходят на родину. В Гжатском и Сычевском уездах арендная плата составляет от 100 до 150 руб. за десятину, причем навоз под огород идет от владельцев; в Ельнинском уезде аренда от 40 до 60 руб. за хорошо удобренную землю; в Вяземском средняя годовая плата составляет около 75 руб. за десятину. Крестьяне для себя разводят большей частью одну лишь капусту, реже — лук, редьку, брюкву и проч.; огородники же и землевладельцы — всевозможные овощи, как-то капусту местную, греческую, коломенскую и сабурскую, огурцы местные, муромские и вязниковские, морковь простую и воробьевскую, свеклу кормовую и столовую, красную и черно-красную салатную, брюкву кормовую и столовую, а также репу, редьку, редис, тыкву, лук, чеснок, салат, петрушку, фасоль, сахарный горох и другие, а также пряные растения. Из подгородных сел Смоленской губернии капуста и огурцы сбываются иногда в Москву; обыкновенно же производимые огородные продукты находят сбыт в пределах губернии. Землевладельцы и огородники пользуются отчасти своими семенами, отчасти выписывают их, а иногда получают через посредство Смоленского общества сельского хозяйства. С половины десятины при хорошем урожае огородники получают до 12 четв. огурцов, до 3000 кочней капусты и четверти три свеклы и продают их на месте производства, а частью в ближайшем городе или на ярмарках; крестьяне и землевладельцы сбывают только излишки овощей в урожайные годы. Цены на овощи сильно колеблются в зависимости от урожая. С одной десятины, засаженной капустой, выручается в Сычевском уезде до 300 руб. Производством для сбыта семян занимаются только огородники и садовники. Продажа семян происходит весной на рынке в городе, а также и по деревням; гораздо большее значение имеет выращивание капустной рассады для продажи крестьянам и другим лицам. В Смоленской губернии у землевладельцев имеются парники, но они содержатся обыкновенно только для своего хозяйства; выгоняют чаще всего капустную рассаду, редис, огурцы, салат, арбузы и цветную капусту. В Сычевском уезде во многих имениях имеются оранжереи и теплицы; избыток некоторых овощей и фруктов продается в Москве.

В Минской губернии огородничество распространено почти повсеместно. Особенно же выделяются города Игумен и Слуцк, местечко Петриково Мозырского уезда, Туров, Давид-Городок, Буряз и Великое Мелешево. В Минске разводят на своих огородах на продажу капусту, салат, брюкву, морковь, редис, редьку, петрушку, свеклу. Крестьяне подгородных селений Минского уезда также занимаются этим промыслом, сбывая свои произведения в городе. Жители Бобруйска, владея незначительным количеством пахотной земли, сбывают огородные продукты на месте; здесь же находят сбыт и огородные продукты жителей соседних селений. В Игуменском уезде, при малой плодородности земли, а также вследствие невозможности производить частое удобрение за неимением достаточного количества скота, об огородничестве как о специальной отрасли хозяйства нельзя говорить. В Мозырском, Новогрудском и Пинском уездах огородничеством в виде особого промысла также мало занимаются. В Пинском уезде находят более постоянный сбыт огурцы, покупаемые местными крестьянами, а в Речицком — фасоль, лук и чеснок. В Слуцком уезде огородничество развито больше в городах и местечках; по деревням же сеются главным образом семена продуктов, необходимых в крестьянском быту. Семена обыкновенных овощей или домашнего производства или покупаются на ярмарках и у пинских семеноторговцев-разносчиков, или выписываются из Риги, Варшавы, Москвы, Вильны и проч.

Садоводство с промышленной целью в описываемой области существует в незначительных размерах и распределено неравномерно; больше всего оно процветает в Минской губернии, так как сравнительно мягкий климат последней наиболее благоприятен для разведения фруктов. Надо заметить, что и в этой губернии чисто промышленные сады представляют редкость. В большинстве случаев сады встречаются в усадьбах помещиков и занимают не более 2—3 десятин; служат также непременной принадлежностью и украшением усадьбы всякого более или менее зажиточного крестьянина. Кроме домашнего обихода фрукты из этих садов поступают на продажу. Сады большей частью занимают не более 2—3 десятин.

В Витебской губернии садоводство достаточно развито. Почти у каждого помещика имеется фруктовый сад. В 70-х годах XIX в. здесь начали разво-

дить сады с коммерческой целью. Более значительные по величине сады (до 10 дес.) встречаются в Режицком уезде. В губернии разводят яблони, груши, сливы, вишни. Из яблок — преимущественно сорта антоновка, кальвил, титовка, поскольку хорошо сохраняются. Сбыт фрукты находят отчасти на месте, отчасти высылаются в Петербург на продажу. В некоторых помещичьих имениях кроме образцовых садов имеются и питомники плодовых деревьев. Так, в имении Лукишки П.Ф.Коссова Витебского уезда, в 1 версте от Витебска, имеется питомник, в котором разводится до 60 разных сортов фруктовых деревьев — груш, яблонь, слив и вишен. Ежегодный отпуск из питомника достигает 3000 деревьев пятилетнего возраста. В имении Межа В.Н.Глинского Городокского уезда, в 65 верстах от Витебска и вблизи почтовой станции Усвяты, ведется обширное садоводство, причем из фруктов и ягод приготовляется вино. В имениях Ивановск и Столяницы В.И.Володковича, в 60 верстах от станции Ловша Риго-Орловской железной дороги, есть питомники яблонь и груш, причем посадный материал частью продается. Наконец, в имении Галяны Анны Карловны Энгельгардт Режицкого уезда, в 33 верстах от станции Режица и 24 верстах от станции Антонополь Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги, есть также питомник плодовых деревьев с продажей их в небольшом количестве. Надо заметить, что довольно суровый климат Витебской губернии мало способствует процветанию садоводства.

В Могилевской губернии садоводство в последнее время начало сильно развиваться. Сады имеются у помещиков, особенно в уездах Гомельском и Быховском, и в городах Могилев, Гомель, Чериков, Мстиславль и др., а также у более зажиточных крестьян. Сады с исключительно промышленной целью встречаются редко. Помещики и горожане сдают часто сады в аренду, составляя таким образом нередко значительные оброчные статьи. Фрукты губернии сбываются в Москву, Петербург и даже за границу. Среди крестьян также замечается стремление к разведению фруктовых деревьев, и в последнее время зачастую можно видеть, что они продают даже свои фрукты на рынках.

Ввиду развития практических знаний по садоводству, а также огородничеству при народных училищах ежегодно устраиваются садики, питомники и огороды, и число таких опытных питомников быстро возрастает. В 1891 г. они существовали при 72 училищах; кроме того, в Горках при земледельческом училище есть фруктовый сад и питомник, снабжающий хозяев всего Западного края лучшими сортами фруктовых деревьев; есть здесь также и несколько частных садовых заведений. Как на образцовое садоводство в этой губернии можно указать на имение. Заболотье С.С.Лазаревой Оршанского уезда, в 7 верстах от Орши: при помещичьей усадьбе имеется громадный фруктовый сад в 10 дес. с сортами яблонь — антоновкой, апортом и титовкой.

Что касается Смоленской губернии, то здесь некогда садоводство процветало. Известен исторический факт: по приказанию Петра Великого губерния посылала из своих садов в Ригу семена грушевых и дулевых деревьев. В 1849 г. ввиду развития садоводства и огородничества между государственными крестьянами в казенных селениях, при сельских училищах было предпринято разведение садов и огородов. По собранным бывшим смоленским губернатором Хмельницким сведениям, в 1835 г. во всей губернии было 16 405 садов и 214 оранжерей, причем в садах насчитывалось яблоневых деревьев 851 041, вишневых — 249 913, сливовых — 61 294, грушевых — 54 916 и кустов — до 228 521. В настоящее время садоводство находится в упадке. Главным образом сады имеются у помещиков, а у крестьян эта отрасль сельского хозяйства заметна в некоторых селах Сычевского, Гжатского, Вяземского и Краснинского уездов, населенных великорусами; вообще же наиболее развито садоводство в г. Вязьма и в юго-западной полосе губернии, вблизи границы Могилевской губернии. Разводятся преимущественно высокого качества яблоки, а также груши, сливы и вишни. Яблоки отправляют на продажу в Москву. Образцовое садоводство и питомники имеются в следующих имениях: Преснецово И.Н.Познякова Гжатского уезда, в 14 верстах от станции Уваровка Московско-Брестской ж.д., — небольшой питомник яблонь (до 60 сортов) и сибирского кедра: Кощин княгини М.В.Оболенской Смоленского уезда, в 12 верстах от станции Рябцев Риго-Орловской ж.д., в 23 верстах от г. Смоленск, — питомник плодовых деревьев, из которого продаются деревца преимущественно зимних сортов; Юшинская экономия графини Е.А.Плюклер при с. Юшин Сычевского уезда, в $1\,^1/_2$ верстах от станции Сычевка Ржево-Вяземской ж.д., в 3 верстах от г. Сычевка — питомники яблонь, дуба, лиственницы, роз, а также оранжереи. Кроме того, в пригородных селах вблизи Вязьмы образовался особый промысел — продажа окулированных деревьев.

В Минской губернии садоводство распространено повсеместно и составляет необходимую принадлежность почти всякого хозяйства от крестьянина до крупного землевладельца, но характера промысла оно почти не имеет, а главным образом идет на удовлетворение собственных надобностей. С промышленной целью сады здесь, как и в Ви-

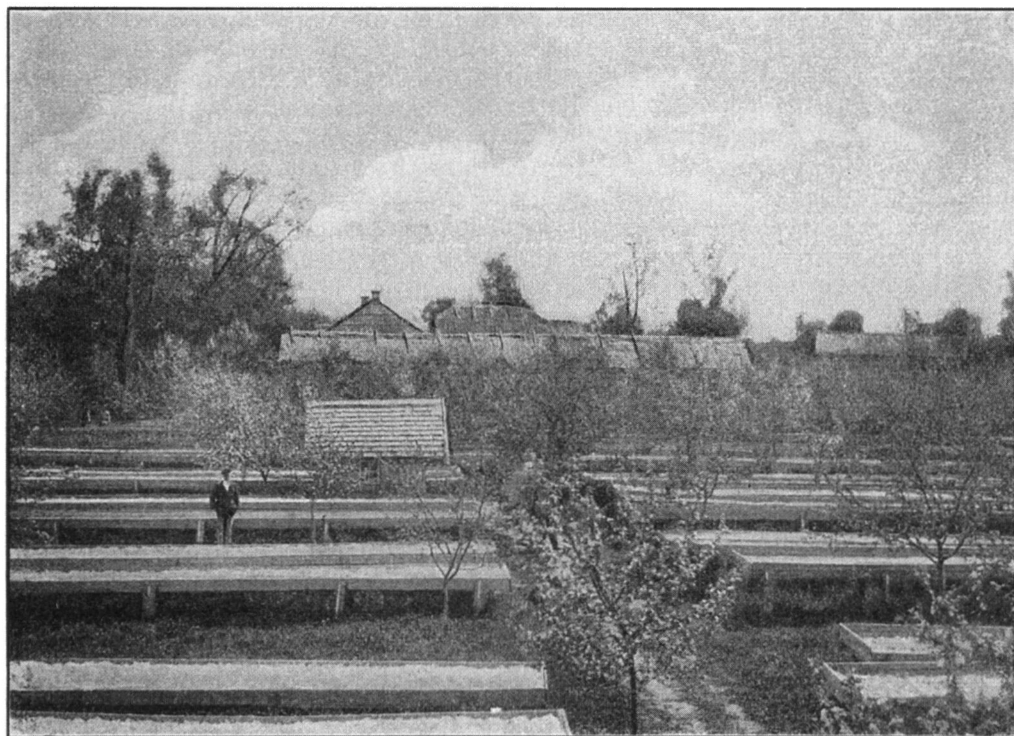
тебской губернии, начали возникать только с 70-х гг. XIX в. Особенность садоводства в этой губернии заключается в том, что местные садоводы стараются развести возможно больше разнообразных сортов фруктовых деревьев, не сообразуясь с климатическими и почвенными условиями, вследствие чего на плодовые деревья, которые могут быть с большей пользой культивированы, они не обращают должного внимания. В Слуцке и Слуцком уезде очень хорошо произрастают грушевые деревья и дозревают груши, называемые «бэрами»; при более заботливом отношении можно было бы достигнуть улучшения этого сорта груш и поднять тем самым промышленное значение садоводства. По отдельным городам и уездам Минской губернии у нас имеются следующие сведения. В Минске садоводством занимаются 2 лица, имеется до 100 садов, принадлежащих частным владельцам и сдаваемых евреям в аренду. В Минском уезде сады большей частью есть у зажиточных владельцев, причем также сдаются в аренду преимущественно евреям. Без отдачи в аренду ведется обширное садоводство в имении Станьково графа К.Э.Чапского, у него имеются питомники плодовых деревьев, из которых продается до 4000 деревьев ежегодно. Фрукты, производимые в Минском уезде, сбываются на месте, и только из местечка Кайданово небольшое количество их вывозится в Минск на рынок; было продано фруктов вместе с ягодами в 1899 г. в этом уезде на 1700 руб. В Бобруйском уезде в 1895 г. разведением садов занято было только пять лиц, имевших под садами по 3—5 десятин. Кроме того, большие и малые сады имеются у всех домовладельцев, живущих на окраинах города, разводятся преимущественно яблоки; фрукты сбываются в сыром виде на месте, а в урожайные годы антоновка отправляется в Петербург и Москву на продажу. Вообще же нужно сказать, что промышленников-садоводов по Бобруйскому уезду нет. В самом городе есть школа плодоводства и хмелеводства, открыта в 1896 г. вместо Петровичской школы 2-го разряда; и при ней питомник декоративных растений и хмельник. В 1899 г. в Бобруйском уезде было продано фруктов на 1800 руб. В Борисовском уезде в 20 имениях имеются сады, которые сдаются в аренду евреям; от продажи фруктов выручено 15 000 руб. В Новогрудском уезде более 200 человек занимаются садоводством, причем выручка от продажи фруктов доходит до 20 000 руб.; часть фруктов отправляется в Вильну, Варшаву и Москву. В имении Щорсы того же уезда гр. М.А.Хрептовича-Бутенева, в 50 верстах от станции Городея Московско-Брестской ж.д., и в имении Басин гр. Ус. Мих. О'Рурк, в 33 верстах от станции Новоельня Полесской ж.д. имеются питомники яблонь и груш, служащие преимущественно, для пополнения собственных садов. Фрукты из садов Пинского уезда сбываются в Пинск, а также вывозятся в Брест и Варшаву. Разводятся яблони, груши, сливы, вишни, местами персики, абрикосы и виноград. Из садов Мозырского уезда фрукты имеют сбыт в Киев и Кременчуг; садоводство поддерживается у помещиков Иер. Кеневича, Ковалевской, кн. Радзивилла, Юл.Кеневича, Людв. Норейко и Ленкевича. В Игуменском уезде, в фольварке Одын, в 20 верстах от станции Руденск Либаво-Роменской ж.д., ведется довольно обширное садоводство; разводятся яблони, груши, сливы, вишни, а также в виде опыта кизил и шелковица; саженцы продаются. В г. Речица имеется до 50 садов и в уезде — до 500 садовладельцев. В Слуцком уезде садоводство почти везде ведется, особенно в самом городе. О сорте груш, называемых «бэрами», мы уже упоминали. По последним уездам продано фруктов в 1899 г.: в Пинском — на 6000 руб., в Речицком — на 25 000 руб., в Игуменском — до 9000 руб.

Что касается *хмеля* как культурного растения, то в нашей области он почти вовсе не выращивается; исключение составляют очень немногие местности, в том числе города Слуцк в Минской губернии и Горки в Могилевской. Кроме того, как упомянуто выше, в Бобруйске есть школа хмелеводства с хмельником, а в предместье города — один хмельник, принадлежащий частному лицу.

Пчеловодство в описываемой области особенного значения не имеет и относительно более развито в Смоленской и Минской губерниях, особенно в последней, где оно является уже значительным подспорьем в домашнем обиходе сельского хозяйства. Немногие помещики ведут правильное занятие этим промыслом. Крестьяне занимаются пчеловодством самым первобытным образом — в обыкновенных ульях-колодах, причем ульи ставятся на деревьях в ближайших помещичьих лесах и остаются без всякого присмотра.

В Смоленской губернии бортное пчеловодство играло в прежние времена большую роль, и города Вязьма, Дорогобуж и Рославль вели значительную торговлю медом и воском. В настоящее время пчеловодство в упадке; добываемые здесь мед и воск сбываются в ближайшие уездные города, в особенности в Вязьму; мед идет на пряничные заводы, а воск — на воскобойные.

В Минской губернии более всего развито пчеловодство в Пинском, Мозырском и Бобруйском уездах; в 1899 г. насчитывалось колод с пчелами: в Пинском уезде — до 30 000 ульев, продано меду до 2000 пудов и воску до 350 пудов; в Мозырском —

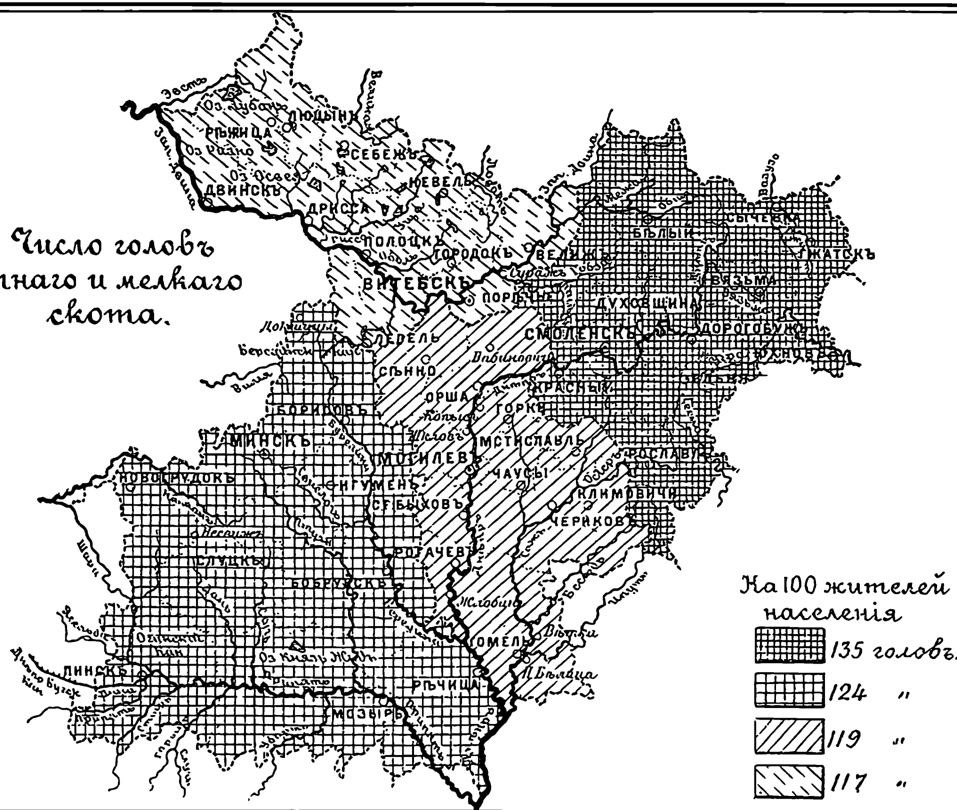

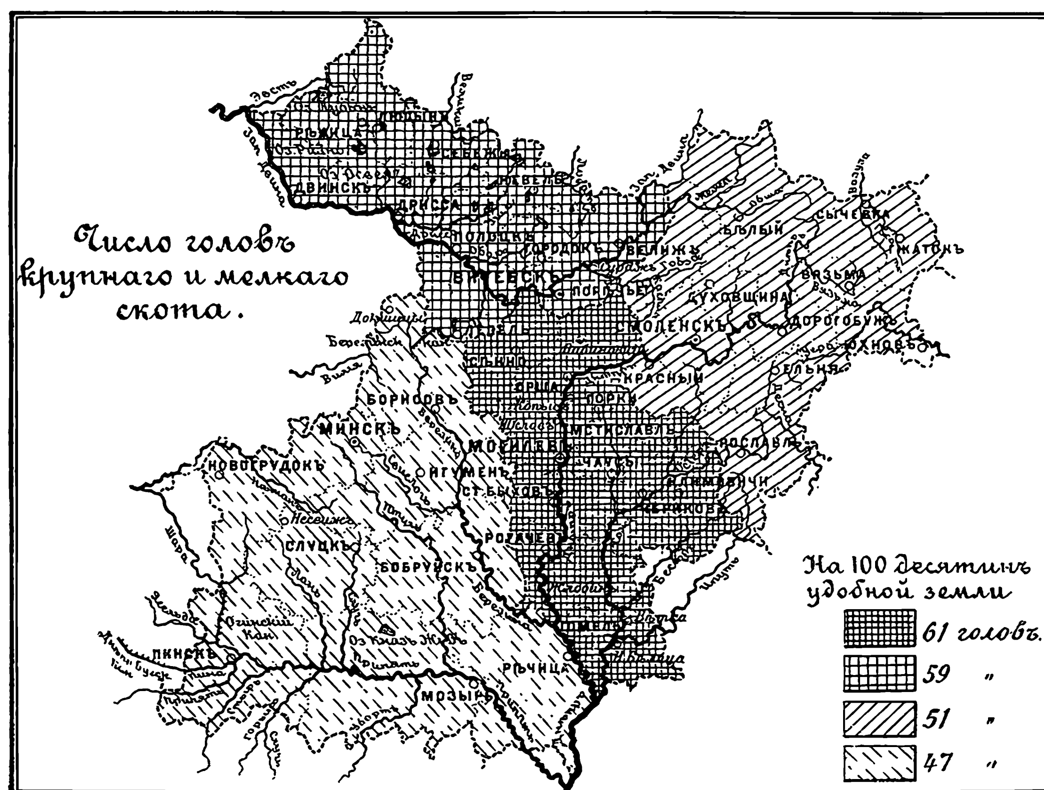
Беление воска на солнце на епархиальном свечном заводе в Буйничском монастыре близ Могилева. (По фотографии Н.Н. Останковича).

до 15 000 колод и до 5000 пчеловодов, собрано меду и воску до 4000 пудов, продано того и другого на 20 000 руб.; в Бобруйском — колод до 11 000, занималось пчеловодством до 2400 лиц, добыто меду до 1600 пудов и воску до 380 пудов; в Речицком — колод до 10 000, добыто до 3000 пудов меду и до 150 пудов воску; в Слуцком уезде — до 5000 ульев и до 1800 пчеловодов, добыто меду до 1800 пудов и воску до 450 пудов; выручено от продажи того и другого 14 500 руб.

Перейдем теперь к *скотоводству*. Наша область в общем небогата лугами, так как большинство площадей находится еще под болотами. На 1 десятину пахотной земли приходится луговой: в Минской и Смоленской губерниях — немного более $^1/_3$ дес., а в Витебской и Могилевской еще меньше, т.е. от $^1/_6$ до $^1/_5$. Вследствие этого и скотоводство, хотя и распространено повсеместно в области, как отдельная отрасль сельского хозяйства с промышленной целью представляет собой явление довольно редкое. Скот служит в нашем крае главной рабочей силой и в то же время дает необходимое удобрение. Количество голов скота, приходящееся на 100 жителей и на 100 десятин удобной земли, представлено картограммами на стр. 175.

Крупный рогатый скот у крестьян принадлежит к мелкой местной породе, не отличающейся ни мясными, ни молочными качествами. Несмотря на заботы правительства и земства в Смоленской губернии об улучшении скотоводства, в крестьянских хозяйствах ощутительных результатов пока не заметно. Причину этого надо видеть отчасти в недостатке корма у крестьян, а отчасти в отсутствии надлежащего ухода за скотом. Лучше дело обстоит во владельческих имениях, где можно встретить кровный рогатый скот альгаусской, симментальской, голландской, швицкой и других пород. В Витебской губернии выдается имение Зайково Е.Н.Чебышева Городокского уезда, в 75 верстах от Витебска. Здесь уже более 25 лет разводится рогатый скот вильстермаршской породы; в последнее время было свыше 125 голов; телята продаются на племя, а бракованный скот откармливается и идет в Петербург на продажу. В имении Меж того же уезда В.Н.Глинского также разводится скот вильстермаршской породы; ежегодно поступает в продажу до 40 телят. В имениях Иванск и Смолянцы Лепельского уезда В.И.Володковича разводятся метисы альгаусской и швицкой пород с продажей бычков. В имении Текленвиль А.С. фон Вальтинь Полоцкого уезда, в 16 верстах от станции Ловша Риго-Орловской ж.д., разводится рогатый скот — помесь ангельской и голландской пород, с продажей телят; в имении Стерняны Ф.А. фон Геймана Режицкого уезда — чистокровный рогатый скот ангельской породы. В Минской губернии, в фольварке Одын

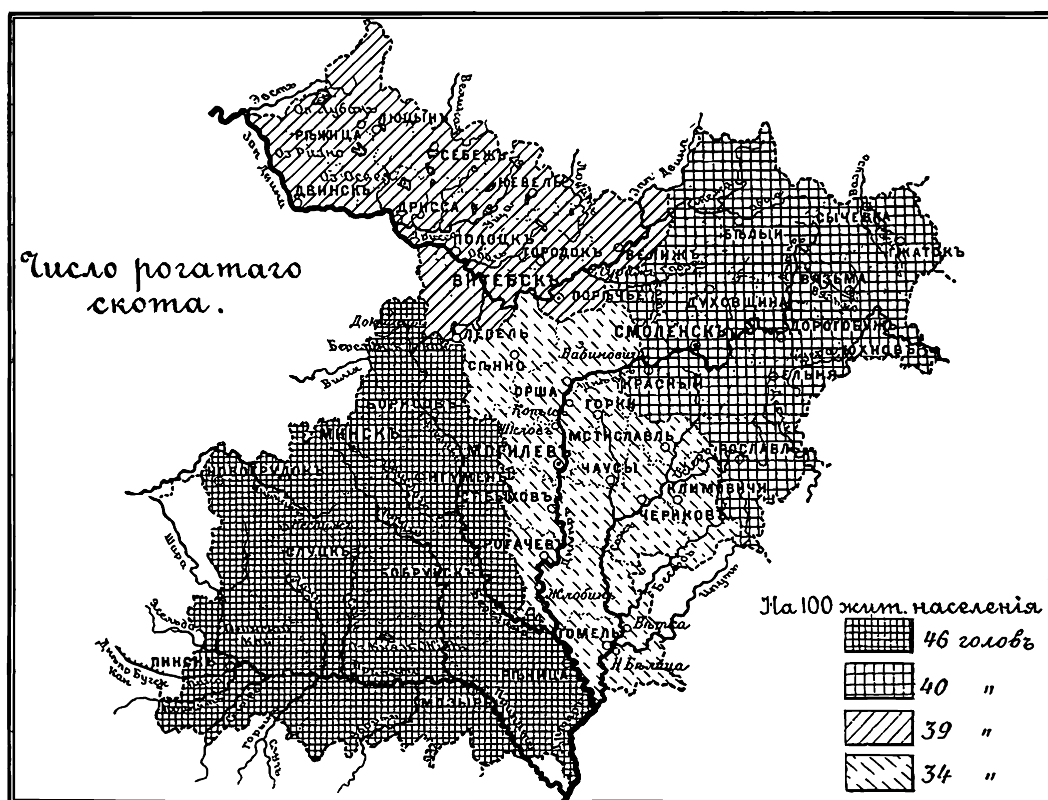

Число головъ крупнаго и мелкаго скота.
ЛЮЦЫНЪ
РѢЖИЦА
СЕБЕЖЪ
НЕВЕЛЬ
ДВИНСКЪ
ДРИССА
ПОЛОЦКЪ
ГОРОДОКЪ
ВЕЛИЖЪ
ВИТЕБСКЪ
ПОРѢЧЬЕ
БѢЛЫЙ
СЫЧЕВКА
ГЖАТСКЪ
ВЯЗЬМА
ДУХОВЩИНА
СМОЛЕНСКЪ
ДОРОГОБУЖЪ
ЮХНОВЪ
ЛЕПЕЛЬ
СѢННО
ОРША
КРАСНЫЙ
ГОРКИ
БОРИСОВЪ
МИНСКЪ
МСТИСЛАВЛЬ
МОГИЛЕВЪ
РОСЛАВЛЬ
НОВОГРУДОКЪ
ИГУМЕНЪ
ЧАУСЫ
КЛИМОВИЧИ
СТ. БЫХОВЪ
ЧЕРИКОВЪ
РОГАЧЕВЪ
СЛУЦКЪ
БОБРУЙСКЪ
ГОМЕЛЬ
ПИНСКЪ
РѢЧИЦА
МОЗЫРЬ
На 100 жителей населенія
135 головъ.
124 „
119 „
117 „

Число головъ крупнаго и мелкаго скота.
ЛЮЦЫНЪ
РѢЖИЦА
СЕБЕЖЪ
НЕВЕЛЬ
ДВИНСКЪ
ДРИССА
ПОЛОЦКЪ
ГОРОДОКЪ
ВЕЛИЖЪ
ВИТЕБСКЪ
ПОРѢЧЬЕ
БѢЛЫЙ
СЫЧЕВКА
ГЖАТСКЪ
ВЯЗЬМА
ДУХОВЩИНА
СМОЛЕНСКЪ
ДОРОГОБУЖЪ
ЮХНОВЪ
ЕЛЬНЯ
ЛЕПЕЛЬ
СѢННО
ОРША
КРАСНЫЙ
ГОРКИ
БОРИСОВЪ
МИНСКЪ
МСТИСЛАВЛЬ
МОГИЛЕВЪ
РОСЛАВЛЬ
НОВОГРУДОКЪ
ИГУМЕНЪ
ЧАУСЫ
КЛИМОВИЧИ
СТ. БЫХОВЪ
ЧЕРИКОВЪ
РОГАЧЕВЪ
СЛУЦКЪ
БОБРУЙСКЪ
ПИНСКЪ
РѢЧИЦА
МОЗЫРЬ
На 100 десятинъ удобной земли
61 головъ.
59 „
51 „
47 „

Л.М.Ельского Игуменского уезда, разводятся разные метисы; в имении Станьково графа К.Э.Чапского Минского уезда — чистокровный рогатый скот швицкой породы, в имении Сенница графа Торчинского того же уезда — чистокровный скот голландской и холмогорской пород и в известном имении Щорсы графа М.А.Хрептовича-Бутенева — рогатый скот голландской породы. В Могилевской губернии в имении Тыклино М.Г.Запольского Мстиславского уезда содержится стадо рогатого скота в 100 голов, образовавшееся из смешения пород тирольской, голландской и альгаусской, известное под названием тыклинского. В имении Заболотье С.С.Лазаревой Оршанского уезда, в 7 верстах от Орши, разводится рогатый скот альгаусской и голландской пород и в имении Толочино В.В.Славинского Оршанского и Сеннинского уездов образовалось постепенно, путем подбора лучших телят, полученных от альгаусских производителей, большое стадо хорошего рогатого скота; в г. Горки при земледельческом училище есть рассадник кровного рогатого скота. В Смоленской губернии — в имении при селении Староселье графов Мальковских Бельского уезда имеется крупное стадо местной породы, а также заводится симментальский скот; при селении Холмы графов Уваровых того же уезда разведен крупный рогатый скот местной и ярославской пород; в имении Масолово графини Е.П. Уваровой, в 14 верстах от станции Издешков Московско-Брестской ж.д., разводятся метисы местной породы с симментальской; в имении Бессоново В.А.Дрызлова Вяземского уезда содержится крупный рогатый скот местной породы и действует Бессоновская молочная школа; в Гжатском уезде, в имении при селе Пресневцово И.Н.Познякова, в 14 верстах от станции Уваровки Московско-Брестской ж.д., разводится крупный рогатый скот местной породы, улучшенный кровью пород голландской и симментальской; в имении Пречистом В.П.Муромцева того же уезда, невдалеке от Гжатска — крупный рогатый скот местной и ярославской породы, здесь же находится Пречистенская школа скотоводства, маслоделия и сыроварения. Образцовое скотоводство ведется в имениях Тяполово Порецкого, Кощино Смоленского, Липицы Сычевского уездов и в некоторых других.

Количество рогатого скота на 100 жителей в нашей области показано в картограмме ниже.

Правильного молочного хозяйства в нашей области нет, за исключением немногих благоустроенных имений; в большинстве же случаев молоко идет на домашние нужды: если же продается, то в виде масла, сметаны, творога на месте или на ближайших рынках; крупные имения, впрочем, сбывают масло большими партиями и за преде-

лами области. Витебская губерния очень бедна молочным хозяйством. В Минской губернии, в Игуменском уезде, как почти и во всех других, помещики редко ведут сами молочное хозяйство, а большей частью отдают своих коров в «пакты», т.е. в аренду евреям, а последние добывают масло, сыр и продают масло по 8 руб. за пуд. В более крупных имениях Новогрудского уезда, как Щорсы графа Хрептовича-Бутенева и Уша князя Святополк-Мирского, молочное хозяйство ведется в обширных размерах; здесь на выделываемый швейцарский сыр расходуется более 350 000 ведер молока. В Речицком уезде молочное хозяйство сосредоточено в руках евреев, которые в помещичьих усадьбах устраивают «пакты» и платят аренду за молочных коров. У помещиков Слуцкого уезда встречаются голландские и тирольские коровы, но сами не ведут молочного хозяйства, а предпочитают сдавать молочных коров в аренду, получая за лето по 8—10 руб. за голову. Выделываемые в «пактах» простые и голландские сыры имеют сбыт в Варшаву, Вильну и другие города. В Могилевской губернии в помещичьих имениях также распространена отдача коров в аренду с платой 10—15 руб. за голову летом на прокорм владельца. В 1900 г. в губернии существовало 8 имений с сыроварнями, производительность их равнялась 24 тыс. руб. Некоторые крупные имения сбывают масло в Одессу, Москву и Киев. В Смоленской губернии дело молочного хозяйства обставлено лучше, чем в остальных. Здесь довольно развито и сыроварение, но сосредоточено исключительно в трех уездах — Бельском, Порецком и Краснинском. В последнее время насчитывалось всех сыроварен до 75, из них приблизительно $^{2}/_{3}$ более крупных, остальные — мелкие и еще не вполне установившиеся. Сыроварни эти могут быть разделены на три категории. К первой категории можно причислить сыроварни, перерабатывающие от 15 до 35 тыс. ведер молока, ко второй (средние) — от 10 до 15 тыс. ведер, мелкие — ниже 10 тыс. ведер. Крупные сыроварни вполне установились: молоко добывается в них или хозяйственным способом, или скупается в мелких и даже крестьянских хозяйствах. Так, в имение Плющево Вяземского уезда графа Кардо-Сысоева доставляется большое количество молока соседними хозяйствами, а в имении при д. Касково Дорогобужского уезда сыроварня имеет только трех поставщиков, поставляющих 1000 ведер, а главное ее основание — сборное молоко; в этой сыроварне молочное хозяйство ведется более десяти лет (с 1890 г.). Также давно существует и сыроварение в Бессоновском имении. Что касается затем средней группы сыроварен, то можно указать на имение Верховье Бельского уезда; это последнее состоит из некрупных имений, которые еще долго будут оставаться в зависимости от главного пункта, к которому принадлежат. Мелкие сыроварни существуют в Краснинском, Бельском и Порецком уездах; перерабатывается здесь молока не больше 3000 ведер в год. Варится в них обыкновенно бакштейн или голландский сыр. Кроме вышеупомянутых сыроваренных школ в имении Шаптаново Н.А.Плещеева Рославльского уезда, в 6 верстах от станции Стодолище Риго-Орловской ж.д., есть также низшая сельскохозяйственная школа, подготовляющая сведущих лиц по сельскому хозяйству, а в частности и по молочному делу. Из Смоленской губернии вывозятся молочные скопы и сыр преимущественно в Москву.

Коневодство также мало развито в нашей области; только в Могилевской губернии дело обстоит несколько лучше, чем в других. Местная белорусская порода лошадей у крестьян мелка, невзрачна и слабосильна, так что не всегда даже можно было вскормить ее слабый приплод, и многие хозяева убивали родившихся животных. Такое положение вещей давно уже обратило внимание на себя. Кроме плохого ухода здесь были и другие причины — главным образом отсутствие хороших производителей. В 1889 г. была образована особая комиссия, которая выяснила при помощи волостных старшин и сведущих крестьян, что на расходы по улучшению коневодства необходимо единовременно до 45 000 руб., а на годичное содержание жеребцов и на жалованье конюхам — до 18 000 руб. Соображения эти были объявлены на сельских сходах, и крестьяне признали несомненную пользу и необходимость устройства при волостных правлениях конских дворов с предоставлением каждому крестьянину приводить сюда бесплатно свою кобылу. На единовременные расходы было собрано денег по 55 коп. с надела с крестьян Могилевского, Быховского, Горецкого и Чаусского уездов, в общем около 45 тыс. руб., и на ежегодное содержание жеребцов по 22 коп. с надела, что составило около 18 тыс. руб. На них куплено в Воронежской и Тамбовской губерниях около 100 жеребцов и построено в упомянутых уездах по несколько случных пунктов. В 1891 г. такие же дворы устроены в Сенненском и Оршанском уездах; впоследствии продолжалась постройка дворов. К 1 января 1900 г. существовали уже конские конюшни во всей губернии с числом жеребцов-производителей 430. В целях наглядного выяснения результатов, принимаемых к улучшению коневодства мер и делаемых успехов, а также для поощрения крестьян устраиваются

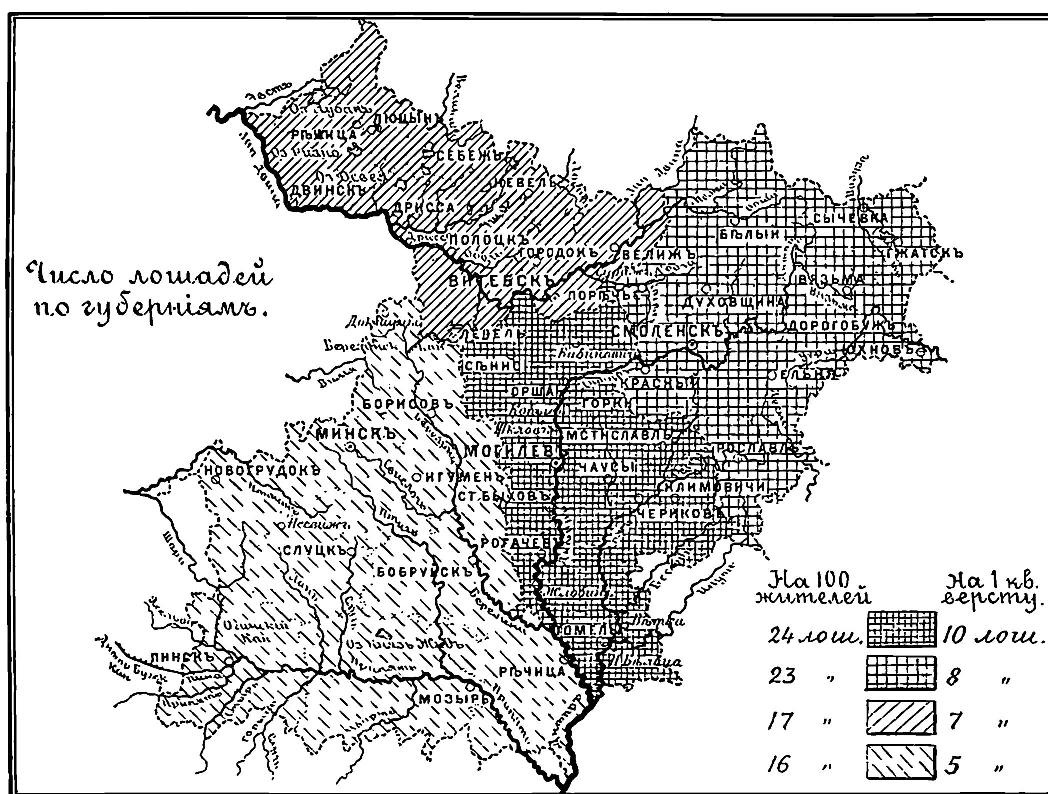
ежегодно выставки крестьянских жеребят (в 1900 г. их было пять).

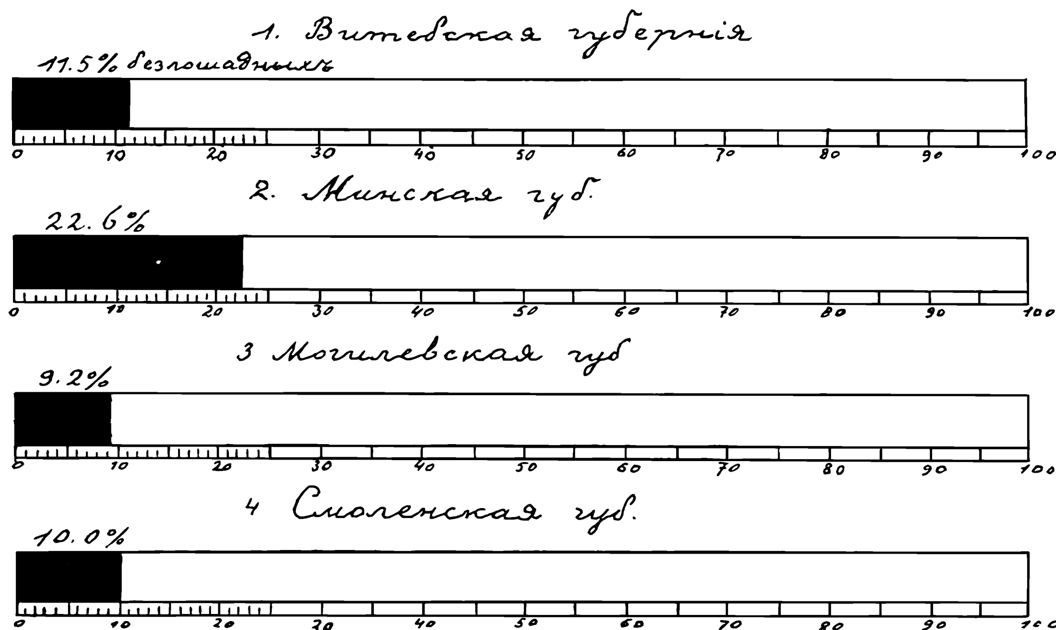
Прилагаемая ниже картограмма показывает нам число лошадей на 100 жителей и на 1 кв. версту. Главная масса лошадей принадлежит повсеместно крестьянскому населению. Во всей области количество крестьянских лошадей достигает 7 200 940 голов, что составляет 79% всего количества; по губерниям наибольший процент дает Смоленская — 85%, а наименьший Минская — 69%. Могилевская губерния близко подходит к Смоленской — 82%, в Витебской — 75%. Хоть основная масса лошадей находится в руках крестьянского населения, однако все-таки остается много и безлошадных дворов. Число их составляло по области 13% общего количества крестьянских дворов, а по губерниям, как видно из прилагаемой диаграммы, наибольшей величины процент безлошадных дворов достигает в Минской губернии 22,6% и наименьшей в Могилевской — 9,2%.

Если сравнить данные этой диаграммы с данными 1888 и 1891 гг., то окажется, что количество безлошадных дворов к 1894 г. увеличилось в Витебской губернии на 1,3%, в Могилевской — на 0,4% и в Смоленской — на 0,3% и уменьшилось только в Минской губернии.

Торговля лошадьми производится главным образом на ярмарках; важнейшие из них в Витебской губернии — в местечках Яновичи в день сошествия Св. Духа и Освея 24 июля и в г. Люцын, куда приводится свыше 1500 голов из Калужской, Тверской и Курской губерний, в Минской же не превышает 1000 голов. В Минске конная ярмарка бывает на 10-й неделе после Пасхи. Бывают также во всех уездных городах и многих местечках. В Могилевской губернии конные ярмарки проходят в местечках Шклов и Шамов, Гомеле, Мстиславле, Чаусах, Черикове. В Гомеле бывает 3 ярмарки; на первой из них продаются и заводские лошади. Сбываются лошади в Могилев, в Витебск, в Минскую губернию и Царство Польское. В Смоленской губернии конная ярмарка проходит в Смоленск-Вознесенском, продолжающаяся пять дней. Продаются здесь преимущественно упряжной и рабочий сорта. Затем ярмарки бывают в других городах: Ельне, Дорогобуже, Вязьме, Гжатске и Красном.

Овцеводство в нашем крае ничтожно как по количеству голов, так и в качественном отношении. К 1 января 1902 г. числилось овец в крае 2 434 723, из которых до 50 тыс. штук тонкорунных; по количеству и качеству овец выше всех стоит Минская губерния. Тонкорунные овцы разводятся в уездах Минском, Игуменском, Новогрудском, Режицком и Слуцком, а шерсть их сбывается в Белостоке и Варшаве. Продано было в 1899 г. шерсти в Минском уезде на сумму 10

тыс. руб., в Игуменском — до 6 тыс. руб., в Новогрудском — до 100 тыс. руб., в Пинском продано на фабрику града Скирмунта в Поречье на 8 тыс. руб., в Речицком — на 10 тыс. руб. и в Слуцком — на ту же сумму.

Свиноводство в последнее время начало развиваться. Оно служит существенным подспорьем сельскому и городскому хозяйствам, так как значительная часть свиней отправляется за границу по довольно выгодным ценам. В настоящее время разведением свиней занимаются не только крестьяне, но и помещики.

Птицеводство в крае распространено повсеместно, хотя разведение домашних птиц составляет второстепенную отрасль. Тем не менее оно служит подспорьем в хозяйстве, доставляя как для удовлетворения хозяина, так и для сбыта на сторону мясо, яйца, перья и прочие продукты. Из птиц разводят главным образом кур, притом обыкновенной крестьянской, очень мелкой и выносливой породы, не требующей особенно ухода. В нашей области, изобилующей водами, разводится много водяной птицы, гусей и уток; встречаются и индейки.

В Минской губернии в 1899 г. продано было: в Минском уезде птицы на сумму 8000 руб.; в Бобруйском домашней птицы до 13 500 штук, в Игуменском — до 10 000 кур и до 8000 гусей, в Новогрудском поступило в продажу до 51 тыс. гусей, до 4 тыс. кур, до 2300 уток и до 1200 индюков, в Речицком продано гусей до 11 тыс. штук, кур до 7 тыс., уток до 1 тыс. и индеек до 1000 штук и в Слуцком — домашней птицы до 50 тыс. штук.

При прогрессивно увеличивающемся среди крестьянского населения малоземелье и отсутствии в больших размерах фабричной промышленности свободные рабочие силы вынуждены изыскивать себе средства к жизни в занятиях различными промыслами. Из промыслов важное экономическое значение имеют те, существование которых находится в зависимости от лесов, рек, озер и проч.

В нашей области *лесные промыслы* благодаря, с одной стороны, обилию лесов, а с другой — множеству сплавных и судоходных рек составляют большое подспорье в крестьянском хозяйстве, хотя, к сожалению, в этом промысле крестьяне являются только рабочими, а хозяевами — исключительно евреи. Лесной промысел состоит главным образом в рубке леса и в обделке его, доставке из лесных дач к пристаням сплавных рек и станциям железных дорог, в сплаве леса и постройке судов. К лесным же промыслам относят обыкновенно гонку смолы и сидку дегтя, но мы упомянем об этом промысле ниже.

Рубка или *валка* леса производится обыкновенно топорами. Пила и другие более усовершенствованные орудия до последнего времени почти не использовались. У срубленного дерева обрубаются сучья и верхушка, и колода вывозится из леса к берегу сплавной реки; если же сваленное дерево должно получить известную форму, то его обделы-

вают в четырехугольные брусья с острыми или тупыми краями.

Сдача леса покупщикам или чаще всего их представителям производится, смотря по уговору, или здесь же в лесу, или на так называемых в Минской губернии «румах» или «катищах», т.е. в том месте, куда свозится лесной товар для дальнейшей отправки его по реке. При приеме леса доверенные на это лица по освидетельствовании его кладут клейма особым молотом с вырезанными на нем буквами фамилии купца. Это клеймение дерева называется «отбыванием» (без него дерево считается бракованным). Рубка леса начинается с осени, а доставка его к пристаням сплавных рек и станциям железных дорог производится в зимнее время, с выпадением снега, гужом на салазках, которые подставляются под толстый конец бревна, а тонкий тянется по снегу. Количество впрягаемых лошадей зависит, конечно, в каждом данном случае от размера и тяжести перевозимого дерева, а также от дальности пути и состояния дорог; вообще число их бывает от одной до двенадцати. Всю зиму вплоть до весенней распутицы и вскрытия рек продолжается возка леса. Таким образом, рубка и вывоз леса составляют осеннее и зимнее занятие населения.

В Витебской губернии рубкой леса занималось в 1899 г. 7400 чел.; заработок их достигал 136 800 руб., а вывозом леса — 7320 человек с заработком в 247 035 руб. Наибольшее количество лиц, занимающихся рубкой, дает Лепельский уезд — 3200 чел.; и наибольший заработок — 90 800 руб. В Минской губернии рубкой и доставкой леса к пристаням и станциям железных дорог занималось 67 400 чел.; наибольшее количество рабочих дают уезды Бобруйский, Борисовский и Мозырский, наименьшее — Новогрудский.

В Могилевской губернии количество лиц, занимающихся рубкой, заготовкой и возкой лесов, достигает 60 000 чел., причем в среднем приходится заработка на взрослого работника с лошадью и помощником около 20 руб. в зиму.

В Смоленской губернии крестьяне лесистых местностей также находят заработок в заготовке, вывозке и сплаве леса; но в Смоленской губернии этим промыслом занимается сравнительно незначительное число лиц.

Дальнейшее движение лесного материала совершается или по водному пути, или по железным дорогам. Первое значительно дешевле второго. Сплав леса на небольших речках, которые к половине мая уже становятся мелкими, начинается ранней весной. Здесь лес идет «россыпью», т.е. отдельными штуками, но впрочем чаще связывается по нескольку колод вместе, и уже в таком виде эти колоды спускаются в реку. Сплоченные отдельные штуки носят различные названия; самые меньшие называются в Днепровском бассейне «*торками*», потом следуют «*клейны*», «*тафли*», «*гребенки*» и «*пленицы*», по рекам Бобр — «*лавы*», Лучоса — «*глейны*». Связываются бревна с помощью поперечных «жоростей» или скрученных дубовых или лозовых хомутов.

В таком виде сплавляется лесной материал по небольшим речкам в северных частях Минской, Могилевской и Смоленской губерний; по мере же выплавки из малых речек колоды соединяются в «пленицы», а затем в плоты. *Плот* составляется из 2 «плениц», каждая из которых имеет от 25 до 30 саженей длины и от 5 до 6 саженей ширины и заключает в себе до 170 колод. Если вода глубока и плоту не грозит посадка на мель, то на него накладывают еще разных лесных материалов от 60 до 80 колод, так что в плоту может быть до 450 бревен. Плот состоит из одного или двух рядов колод; количество рядов зависит от размеров сплавляемого леса и количества воды; нижний ряд колод всегда кладется поперек, а верхний — вдоль струи воды. Плот погружается в воду не более одного аршина, а выдвигается из воды не более, как на вершок. На каждой «пленице» устраивается из дерева, чаще всего елового, помещение длиной от 3 до 4 аршинов и аршина в два шириной; в нем сохраняется пища и одежда рабочих.

12—20 плотов составляют *гонку*, в которой числится от 5 до 10 тыс. колод; дров же в гонке, смотря по размерам леса, может быть от 500 до 1500 кв. саженей. При каждой гонке всегда есть особый плот с домиком; он имеет красивую крутую крышу и бывает длиной от 4 до 5 сажен, шириной до 3 сажен и высотой около 1 $^1/_2$ сажен; состоит из двух половин: в одной находится печка с трубой для приготовления пищи приказчикам и съестные припасы, а во второй помещается хозяин или его приказчик. На каждый плот требуется не более пяти человек, и необходима лодка. На каждой гонке имеются приказчики, дубовики, распоряжающиеся проводом плотов, гребцы и рабочие, которые приготовляют себе пищу на плотах.

При хорошей погоде гонка движется довольно быстро, проходя в день от 50 до 60 верст. На ночлеги плоты останавливаются в более открытых местах, а в случае бури — там, где застигнуты ею; при этом сплавляющие всегда стараются причалить плот к берегу. Расходы по сплаву одного плота до Екатеринослава составляют приблизительно 800 руб., а до Херсона — свыше 1200 руб. Из Могилевской губернии до Екатеринослава плоты самостоятельно идут около 2 месяцев, до Херсона — от 3 до 4; барка — около 1 $^1/_2$ месяца, а берлина — от 5

до 7 недель; берлины обыкновенно ведутся на буксире, что сокращает время на 1 $^{1}/_{2}$ недели. Плоты приходят по Зап. Двине в Ригу при хорошей погоде из местечка Бешенковичи в 2 недели, из р. Бобр — не менее, как в 3 месяца, из р. Лучоса — более чем в 1 месяц, из местечка Чашники по Ульянке — в 3—4 недели. Кроме плотов сплав производится и на судах, причем на последних сплавляются премущественно мелкие и обработанные лесные материалы доски, тес, деготь, скипидар, рогожи, циновки и, наконец, дрова; последние получаются скорее в месте назначения и ценятся выше, чем плотовые. Количество лиц, занимающихся *сплавом*, в 1899 г. в Витебской губернии составляло около 10 300 человек, причем общий заработок их простирался до 190 120 руб.; наибольший заработок падает на Лепельский уезд, доходя здесь до 103 тыс. рублей. В Минской губернии сплавом занималось 17 800 человек, распределяясь следующим образом: в Минском уезде — 70 человек, получавших от 30 до 50 коп. поденно, в Бобруйском — 3250 человек с платой в лето 18—50 руб. каждому, в Борисовском — 1800 человек с платой 18—35 руб. в лето каждому, в Игуменском — до 2000 человек, заработавших за лето 28 300 руб., в Мозырском — до 3200 человек, которые получали поденно 50—60 коп., помесячно 10—15 руб. и за весь период 45—100 руб.; в Новогрудском уезде 900 человек за 5 летних месяцев получили до 50 руб. каждый; в Пинском сплавщиков насчитывается до 2000 человек, из которых старший «дубовик» получает за «сходку» 150—200 руб., лоцман — 3 руб. 60 коп. — 6 руб. в неделю и «сходчик» — по 2 руб. 50 коп. — 3 руб. 50 коп. в неделю; в Речицком уезде сплавом занималось 3500 человек, причем заработная плата достигала за доставку до места назначения рабочему 20—40 руб., атаману — 80—100 руб., младшему «дубовику» — 100—200 руб., старшему — 200—300 руб.; в Слуцком уезде сплавом леса занималось 300 человек, получавших 4—5 руб. в неделю. В Могилевской губернии сплавлено было лесных грузов 31 015 тыс. пудов.

Следующий и последний лесной промысел есть *судостроение*. Постройка судов, хотя и занимает в зимнее время значительное число рук, но нигде почти не составляет исключительного промысла жителей. Больше всего развито судостроение в Минской губернии, но мы о нем будем еще говорить в отделе путей сообщения, а теперь скажем о лесной торговле в нашей области.

Иску́сственные водные системы — *Березинская*, *Огинская* и *Днепровско-Бугская* (последняя находится в пределах Гродненской губернии), соединяют бассейн Днепра с бассейнами рек Западной Двины, Немана и Вислы и дают возможность нашей области сбывать лесные материалы в порты Балтийского моря, а вниз по Березине, Припяти и Днепру отправляются громадные транспорты леса на юг России — в города Херсон, Кременчуг, Киев, Екатеринослав и Одессу. Торговля лесом с балтийскими портами главным образом с Ригой через посредство Западной Двины, а также с заграницей ведется издавна, причем рижские купцы в большинстве случаев являются только представителями заграничных фирм. Торговля же с нижнеднепровскими городами возникла только в начале XIX в. Отношение древесных пород в торговле обусловливается спросом разных рынков на известные лесные сортименты. В этом отношении наша область поставляла на рынки следующие сорта леса в обделанном виде: в Ригу и за границу преимущественно дуб, сосну и отчасти ель, спрос на которую увеличился с развитием в Риге лесопильных заводов и с уменьшением предложения крупного соснового леса, запас которого значительно истощился. На рынки городов южной России сплавлялся лесной товар в необработанном виде, причем в Херсон, а отчасти и в Одессу отправлялся исключительно большемерный лес, а в Киев, Кременчуг и Екатеринослав — более мелкий лесной товар. В настоящее время из Северо-Западного края вывозится в Ригу и за границу (в Мемель и Данциг) обделанный лесной материал в виде брусьев с острыми или тупыми краями, носящих название *слиперов*, *швелей*, *мауэрлатов*, *балок*, а также клепка и весьма редко так называемый мачтовый лес, т.е. сосна самых крупных поперечников. Такая сосна в настоящее время представляется большой редкостью, так как старых лесов осталось мало, а более молодые сосны вырублены были раньше достижения ими надлежащего возраста. Длина мачты должна доходить до 90 футов. Колоды менее длинные носят и другие названия. На мачты идет отборное дерево, которое независимо от роста должно иметь и другие качества — смолистость и проч.; сосна, имеющая сухую вершину и гнилые сучья, на мачту не годится. Обделка мачты происходит в два приема: первый состоит в очистке дерева от сучьев и коры и производится на месте рубки, второй прием — в более чистой обделке, называемой «*опуцовкой*»; эта вторая обделка производится на берегу реки, и для нее требуются уже опытные рабочие. Исключительно этой обделкой занимались во второй половине XIX в. крестьяне в окрестностях местечка Холопеничи Борисовского уезда Минской губернии. Мачты доставляются главным образом в Ригу. В Могилевской губернии еловый лес длиной в 15—18 саженей при 3—4 вершках в верхнем отрубе признается мач-

товым для берлин. *Брусья*, приготовляемые для отпускной торговли, должны быть определенной длины, начиная с 18 футов; отесываются они с четырех сторон или в острый кант и тогда называются английскими, или в тупой с обзоем, называясь голландскими. Брусья же меньших размеров в торговле с Ригой носят название *мауэрлатов*, из сосны и ели длиной от 2 до 4 саженей называются «чертовками» в Могилевской губернии, а в торговле — «*норвежскими капбалками*»; они идут в Рижский порт на распилку на лесопильные заводы. *Шлипера* (в Минской губернии — шнипера, в Могилевской — слипера) представляют собой небольшие брусья, чаще из сосны, редко из ели, изготовляемые в четырехгранном или круглом виде. *Шпалы*, *полушпера*, *швели* — сосновые брусья такой же длины, как и шлипера. Иногда шлипера и шпалы заготовляются в виде большемерных острокантных брусьев и имеют особые названия: *полторачка*, *двойка*, *тройка* и *чвертка*. *Ванчес* есть дубовый острокантный брус, у которого четвертая грань остается в коре неотесанной. В Минской губернии ванчесы выделываются в местах, лежащих по Припяти, откуда на судах транспортируются до Борисова, затем укладываются на плоты, идущие в Ригу, или же по зимнему пути перевозятся до местечка Чашники, откуда сплавляются по Улле и Зап. Двине. Из Пинского уезда ванчесы на особых плотах сплавляются в Мемель и Данциг. *Полуванчес*, или *василек*, — ванчес меньших размеров. *Клепка* приготовляется из дуба и имеет различные размеры, смотря по потребностям рынков, на которых сбывается. Изготовляемая в Минской губернии клепка бывает четырех сортов: первый называется *пиповкой*, второй — *оксентовкой*, третий сорт называется *полуторкой* и последний — *платками*. Клепка считается на копы. Из Игуменского, Бобруйского и Борисовского уездов клепка доставляется в Ригу отчасти на плотах, а отчасти идет сухим путем до Чашников, а оттуда уже сплавляется плотами. Из других же уездов сплавляется лес на судах до г. Борисов, потом сухим путем перевозится до Чашников и, наконец, по рекам Улла и Зап. Двина. В уездах, лежащих по Припяти, связывается в особенные плоты и отправляется в Мемель и Данциг. В 1899 г. с верховьев Зап. Двины было отправлено в Ригу для дальнейшей отправки за границу 12 600 гонок.

Выше мы сказали, что с нижнеднепровскими городами велась по преимуществу торговля необработанным, крупным лесом, т.е. в виде бревен, столбов, колод и проч., но в последнее время в условиях лесной торговли Северо-Западного края с югом России произошел значительный переворот: количество сплавляемого круглого леса заметно уменьшилось, а за его счет увеличился привоз леса в обделанном виде и различных изделий из него. В прежнее время (лет 15 тому назад) получаемый в нижнеднепровских городах лес разрабатывался на местных лесопильнях и поступал в продажу на местные рынки. Торговля достигла широких размеров, так как независимо от строительства в это же время возникли на юге России крупные горные предприятия в Донецком районе, и потребность в готовом лесе сильно возросла. Этот спрос на готовый лес вызвал постройку лесопилен в городах южной России: в Киеве насчитывалось 5, в Черкасах — 7, в Кременчуге — 14, а в Екатеринославе — 19. Некоторое время спустя, по мере осушения пинских болот экспедицией ген. Жилинского, рубка леса в среднем Поднепровье усилилась, и в нашей области также начали возникать лесопильни сначала с целью разработки лесных материалов для отправки за границу, а потом и на юг России. Ясно, что рост лесопильного дела и ежегодное увеличение отпуска разработанного леса должны были вызвать сокращение сплава вниз по Днепру необработанного, круглого леса. Другой причиной, тормозившей развитие разработки лесных материалов в Северо-Западном крае, была неуравновешенность железнодорожных тарифов, представлявших особые льготы для переправки леса из низовых приднепровских городов. В 1896 г. с понижением тарифов разработка и распилка леса в Северо-Западном крае значительно возросли, а равным образом и увеличилась отправка разработанного леса на юге России. Помимо этого, благодаря тому же понижению тарифа в южную Россию начали проникать лесные материалы и из почти девственных лесов верховьев Волги, Камы и их притоков. Таким образом, непосредственное приобретение потребителями южных городов России необработанного леса в Северо-Западном крае сделалось на юге обыкновенным явлением, и местное лесопильное дело начало постепенно падать несмотря на то, что спрос с юга нисколько не уменьшился. В 1900 г. положение дела обострилось: в южных городах цены на лесной обработанный материал не соответствовали ценам сырого материала и были ниже цены минувшего года, а с другой стороны, цены на подвозку лесов в местностях, расположенных по Днепру, Припяти, Сожу и другим сплавным рекам, поднялись на 10%. Ясно стало, что торговцы лесом торгуют себе в убыток. Кризис был, казалось, неизбежен, но в конце концов дело коекак уладилось благодаря отчасти долгосрочному (на 12 и даже 15 месяцев) кредиту, открытому торговцами лесом своим покупателям. В навигацию 1900 г. было сплавлено по Днепру всего 2557 пло-

тов круглого леса, в 1895 г. — 3317, в 1894 г. — 3690 плотов. Таким образом, сплав круглого леса уменьшился против 1893 г. на 766 плотов, т.е. на 30%, а против 1894 г. — на 40%. Впрочем, на сокращение сплава в 1900 г. в некоторой степени мог повлиять и ранний спад воды на Днепре. 1901 г. был также неудачным для сплава: екатеринославский пожар уничтожил 12 июня на время местную лесную торговлю, и так как лесные склады в преобладающем большинстве не были застрахованы, то многие из торговцев лесом сделались несостоятельными, и сплавной караван 1901 г. нашел здесь очень слабый сбыт на лесные материалы; лесопромышленники верховьев Днепра и его притоков вернулись с убытками. На Гомельской ярмарке, происходившей в 1902 г., спрос на лес немного оживился, и цены несколько окрепли, что произошло оттого, что ярмарка началась в то время, когда о вывозке к сплавным пристаням леса вследствие бесснежной зимы не было возможности и думать.

Количество прибывших и отправленных в 1897 г. дров и лесных строительных материалов по водным путям сообщения (на судах и плотах) по каждой губернии отдельно представлено в таблице 42.

Из таблицы видно, что главная масса как дровяного, так и строевого леса сплавляется вниз по Днепру; первая между губерниями по сплаву — Минская, затем следует Могилевская по сплаву дров и Витебская по сплаву строевого леса; меньше других сплавляется лес из Смоленской губернии. Вверх же по рекам сплавляется больше всего строевого и дровяного леса из Минской губернии, а затем следует Витебская; сплавляет она, впрочем, исключительно дровяной лес.

Несмотря на большое обилие рек и озер в нашей области, рыболовство прежде всего служит для собственного потребления и только в некоторых местах является подсобным или главным промыслом. В этих последних случаях участники его составляют иногда для лова артели. Лов производится весной и даже круглый год, а по преимуществу во время икрометания, когда рыбу легче поймать. Хищнические способы рыболовства очень распространены и сводятся к отравлению рыбы кукельваном, ловле их во время метания икры, использованию густых сетей, вылавливающих молодую рыбу и самой икры. Население занимается рыболовством в качестве самостоятельных рыбаков, артелей, рабочих за плату и, наконец, из части улова. Рыба имеет сбыт главным образом на местных рынках.

В Витебской губернии ловля рыбы производится преимущественно в озерах. Рыбы здесь довольно много, хотя в последнее время количество ее уменьшилось вследствие вырубки лесов и практикующейся мочки льна в реках и озерах. Главнейшие породы озерных и речных рыб следующие: сом, судак, карась, линь, подуст, селява, угорь и т.д. Также ловится много раков. Лов в озерах производится в большинстве случаев круглый год: в одних — от замерзания до вскрытия, в других — от вскрытия до замерзания, а также с ранней весны до лета. В период весеннего рыболовства 1900 г. в лове числилось 118 хозяев и 125 рабочих. Для ловли рыбы употребляются лодки и «душегубки» (челноки); число их было в весеннее рыболовство 1900 г. — 215, а число орудий рыбной ловли — 19 неводов, 320 сетей и 178 прочих. Неводами ловится рыба только в больших озерах; настоящий невод вяжется длиной в 200—300 саженей (каждое крыло в 100—150), шириной в 1 $^1/_2$ саженей и имеет очки, уменьшающиеся по мере приближения от кляшников к корме, от 1 $^1/_2$ до $^3/_4$ вершка в квадрате, сама же корма вяжется гуще. У береговых крестьян обыкновенно бывают невода самого незначительного размера, называемые иногда «подволоками». Сети употребляются для ловли мелкой рыбы, вяжутся из толстой нитки и в вертикальном положении растягиваются на ночь на воде. К верхней части сети привязывается поплавок, а снизу — грузки из глины или камня. Эта сеть называется «стоячей». Другой вид такой же сети, называемый «плывучей», употребляется только на больших реках. Эта сеть движется течением, поддерживаемая двумя рыбаками в двух лодках за веревки, привязанные к сети; длина ее

Таблица 42

Губернии	Дров				Лесных строительных материалов			
	Отправлено в тысячах пудов		Прибыло в тысячах пудов		Отправлено в тысячах пудов		Прибыло в тысячах пудов	
	вверх	вниз	сверху	снизу	вверх	вниз	сверху	снизу
Витебская	350	2765	2069	350	1	40 534	462	—
Минская	16	12 747	564	1164	5460	57 896	3944	645
Могилевская	—	6712	22	—	—	32 364	1276	—
Смоленская	—	666	—	—	—	23 214	—	—

доходит до 50 арш., а ширина — до 2 арш. На Зап. Двине рыба ловится в особенные сети, называемые «плавунами», похожими по устройству на подволоку, бывают с кормой и без нее. Улов рыбы в весенний период рыболовства в 1900 г. вообще был незначителен. Часть добываемой рыбы сбывается в сыром виде на местных рынках главным образом еврейскому населению; кроме того, вывозится в Витебск, Полоцк, Двинск, Невель, а также в Белосток, Варшаву, Ковно, Смоленск и даже в Петербург. В 1899 г. в Витебской губернии количество лиц, занимавшихся рыболовством как промыслом, доходило до 552, а общий годовой заработок их достигал 66 270 руб., причем по количеству рыболовов выше других уездов стоял Невельский (185 рыболовов с заработком 7500 руб.), а по количеству заработка — Двинский (34 900 руб. при 55 рыболовах).

В Минской губернии рыболовством занимается население для собственного потребления; но в некоторых местах, особенно на Полесье, улов рыбы, составляя для некоторых землевладельцев и крестьян предмет немаловажного дохода и постоянных зимних занятий, делается особенным промыслом. Рыболовство развито в Мозырском уезде по Припяти, Горыни, Ствичи и Уборти и в некоторых озерах, а также в Пинском уезде. В озере Князь, или Жид (в Мозырском уезде), ловится огромная масса рыбы, за которую выручается до 10 000 руб., а жители Пуховичей, Ляховичей, Князь-Озера и Дьяковичей постоянно промышляют ловлей рыбы. Прочие озера также рыбообильны, хотя и не в такой степени, как озеро Князь. Ловлей и сушением раков занимаются жители д. Вышевичи и многих других местностей. Принимавших участие в рыбной ловле насчитывалось в весенний период (апрель—май) 1900 г.: хозяев — 145, рабочих — 32 человека; рыбный лов в некоторых местах продолжается до замерзания, в иных производится исключительно зимой. Число судов, употребляемых в ловле (лодки и ботики — душегубки), доходило до 110 штук; ловля производилась также и с плотов. Число орудий ловли достигало 435 штук, в том числе 17 неводов, 28 сетей, а затем бредни, нереты, сачки, жаки. Бредень представляет собой небольшой невод длиной с кормой и крыльями обыкновенно не более 10 саженей; используется в мелких водах, так как с ним бродят по воде. Ловится им рыба следующим образом: два человека, растянув крылья и пройдя некоторое расстояние, складывают их вместе и выходят с бреднем на берег; плетется довольно густо. Сачок имеет вид мешка из сети, растянутого отверстием наполовину обруча с диаметром в сажень. Ловля рыбы производится ночью со свечой, чтобы видеть берег, к которому подставляют сачок, так как последний может зацепиться за камни и кусты, и вся рыба уйдет. Рыбаки тихо подставляют мешок посредством шеста с привязанным обручем к кустам у берега и, болтая шестом воду, выгоняют сонную рыбу, которая второпях попадает в сачок. Жак представляет собой довольно сложный снаряд; состоит из двух усеченных конусов, растянутых основаниями на обруче, к которому с двух противоположных сторон приделаны два крыла. Жак напоминает бредень, отличаясь от него только тем, что в бредне вершина кормы заделывается наглухо, а в жаке она открыта и может быть собираема и распускаема. Кроме того, в корме жака есть еще один постоянно открытый мешок, который наверху суживается так, что если растянуть жак, то между наружным и внутренним мешком образуется пространство, в которое и попадает рыба. Вершина жака стягивается веревкой, концы ее связываются, а затем веревка надевается на кол, вбитый под водой в землю. Таким же образом надеваются и крылья жака на два шеста, вколоченные в дно озера или реки, и снасть растягивается так, чтобы концы крыльев образовали свободный вход для рыбы шириной около сажени. Пройдя между крыльями, рыба попадает во внутренний конус кормы, потом входит через сделанное в вершине отверстие в пространство между этим конусом и наружным и оттуда уже не может выйти. Длина каждого крыла достигает около сажени, очки — $^{3}/_{4}$ вершка; жаком ловится рыба разных сортов, кроме мелкой. Жаки ставятся в основном весной во время разливов и реже летом по мере прибывания воды и обращаются вершиной вверх по течению, так как рыба идет весной в этом направлении. Нерет — тот же жак без крыльев; употребляется для ловли рыбы во время разлива по лугам.

Продано было всей рыбы в 1899 г. на 122 000 руб.; в том числе больше всего выручено в Мозырском уезде — 40 000 руб., в Пинском — 3500 руб.; менее всего — в Минском и Слуцком, именно на 500 руб. в каждом. Рыба частью потреблялась самими рыбаками, а частью сбывалась по местным рынкам и уездным городам; отборная же отправлялась в Варшаву и Брест-Литовск. Ловимая в полесских реках и озерах рыба солится и коптится в так называемых «курницах» и сбывается торговцам. Занимаются приготовлением копченой рыбы главным образом жители Кожан-Городка и Давид-Городка. Из хищнических способов ловли особенное внимание обращает практикуемая повсюду в Минской губернии отрава рыбы кукельваном, особенно в Пинском, Мозырском и Борисовском уездах; в д. Муровка Новогрудского уезда практику-

ется усиленная ловля во время метания икры, а в Витупкицкой волости — посредством запруд во всю ширину реки.

В Могилевской губернии рыбный промысел также не составляет важной торговой статьи. Кроме весьма незначительного копчения и маринования селявы, рыба впрок не приготовляется, да и в свежем виде вывоз ее ограничивается незначительной частью Витебской губернии, примыкающей к обильному рыбными озерами Сенненскому уезду, и несколькими озерами Оршанского; все эти озера находятся в аренде. Из озер отчасти казенных, отчасти частных назовем Чернянское и Езерское Могилевского уезда, Годулевское, Кузнецкое и Сапежинское Быховского, Городное и Негово Рогачевского. Вывозится также рыба в Смоленск и через Рогачевский уезд в соседние места Минской губернии. Рыболовством занимается население в Могилеве (по течению Днепра от Могилева до Рогачева, добывается в год рыбы от 1 $^{1}/_{2}$ до 2 тыс. пудов), Орше, Копысе, Быхове, Рогачеве, Гомеле и в прибрежных местечках. В ловле принимал участие в весенний период 1900 г. 161 человек, из которых 61 в качестве хозяев, а 100 в качестве рабочих. Кроме обыкновенной рыбы — окуней, ершей и проч., здесь ловится селява в озере Селява (Сенненского уезда), *стынка* в озере Соро; *осетры*, *стерлядь* и *белуга* попадаются в нижней части Днепра и Сожа; *сомы*, *карпы* и *верезуды* — редко; в Западной Двине и речке Пороща ловится *минога*; *угри* встречаются только в протекающей по северной границе губернии Западной Двины и ее притоках (в Сенненском и Оршанском уездах). Лов рыбы начинается в июне, а в некоторых местах — с начала мая до начала июня; кое-где, впрочем, лов производится в феврале и марте. Для ловли используются обыкновенные лодки; из орудий лова — сети, бредни, жаки и проч. (всего 226). Часть выловленной рыбы закупается скупщиками-евреями и развозится по ближайшим уездным городам. Из хищнических способов здесь распространена отрава кукельваном в селах Дубровской волости Горского, Быховской волости Быховского и Лукомльской волости Сенненского уездов. Раки водятся также в реках и озерах; различают два сорта: «добрый рак» и «кравец». «Добрый рак» крупнее и имеет гладкую кожу, а «кравец» мельче, с кожей светлой и зеленоватой; первый вкуснее второго. Ловлей раков городские жители не занимаются, а добывают их деревенские дети. О сушении и другом приготовлении раковых шеек в Могилевской губернии и помину нет. Немалое количество раков попадается в рыболовные снасти при ловле рыбы; продаются они по 60 штук, что составляет копу; в Могилеве копа раков стоит копеек 20—30. В последнее время евреи организовали значительный вывоз раков за границу. Наконец, не можем не упомянуть о рыборазводном заведении в Могилевской губернии, устроенном в 1878 г. помещиком В.А.Титовым в имении Смольяны Оршанского уезда исключительно для разведения карпов как рыбы, соответствующей местным почвенным условиям. Для устройства этого заведения в Смольянах речка, протекающая по долине, отведена к одной стороне в правильный канал, огражденный дамбами: долина поперек разделена дамбами на три бассейна, сообщающиеся водосливами с каналом, в котором особо устроенным шлюзом регулируется уровень воды. Вся площадь бассейна составляет 22 десятины и служит для карпов различных возрастов. В искусственном подкармливании карпов нет покамест никакой надобности; сбыт рыбы обеспечен одинаково как для местного потребления, так и для более отдаленных пунктов благодаря близости железной дороги, поскольку Смольяны находятся в 12 верстах от станции Коханово Московско-Брестской ж.д.

В Смоленской губернии так же, как и в других лов рыбы имеет целью главным образом собственные потребности, и лишь в немногих местах рыболовство является подсобным промыслом. Производится в Днепре, Вазузе и других реках, а также по озерам (в Духовщинском и Краснинском уездах); в некоторых местах рыбу, особенно щуку, ранней весной стреляют из ружей (в уездах Духовщинском, Бельском и Краснинском). Наиболее развито рыболовство в Порецком уезде, богатом озерами; жители села Каспли — известные рыболовы, а жители сел, расположенных по берегам Днепра (в Смоленском уезде), почти все занимаются рыболовством. В рыболовстве преимущественно принимают участие хозяева, причем иногда у них есть два-три работника. Лов рыбы производится во многих местах весь год, в некоторых — со вскрытия рек до замерзания и от начала апреля до конца мая. Для ловли используются душегубки, долбленные из дерева, и обыкновенные лодки, называемые досчанками; есть также небольшие паромики, заменяющие лодки (в Дорогобужском уезде). Здесь, впрочем, рыба ловится больше на бродах неводами и так называемыми заездками, т.е. перегородками реки. Всех орудий рыбной ловли в весенний период 1900 г. было 61 невод, 83 сети и прочих, носящих местные названия, — 93. Рыба сбывается на местных рынках; только незначительная ее часть отправляется в Смоленск и в уездные города Рославль, Гжатск, Сычевка и Духовщина. Среди причин

уменьшения рыбы в Смоленской губернии, кроме указанных выше во всей области, отметим «заездки», т.е. перегораживание реки перед ломкой льда, попадающего в расставленные сети (в Юхновском и Сычевском уездах). Затем неблагоприятно действует на рыбу обмеление рек после вырубки лесов (в Краснинском уезде) и спуск в Днепр заводских и фабричных отбросов (в Смоленском уезде).

Промысловые охоты в нашей области вполне утратили свое прежнее значение для массы населения; встречаются лишь спортсмены из среды интеллигенции или полуинтеллигенции, а крестьяне охотятся только в свободное время в виде отдыха; реже как средство добычи пищевых продуктов. Лишь для отдельных лиц из среды крестьян, особенно пригородных сел, или городских обывателей — мещан охота играет роль промысла, т.е. является побочным источником дохода; однако число таких лиц весьма незначительно. Наряду с охотой ведется здесь совершенно особая ее форма — тайный промысел или браконьерство, дошедшее в некоторых местах до невозможных размеров и мешающее правильному развитию охотничьего хозяйства. Население Северо-Западного края, не имеющее права держать без особого разрешения у себя оружие, привыкло охотиться тайно в любое время года и хищнически истребляет птиц и животных. Объектами промысловой охоты в нашей области являются главным образом *зайцы*, *дикие утки*, *тетерева*, *глухари*, *рябчики*, *бекасы* и некоторые другие мелкие породы птиц. Но при этом надо заметить, что количество их с каждым годом значительно уменьшается.

Состояние промыслово-охотничьей фауны в наших губерниях в настоящее время представляется в следующем виде. В Витебской губернии количество зайцев и птиц значительно уменьшается вследствие хищнической и несвоевременной охоты, истребления лесов и уничтожения яиц и выводков пастухами и детьми. В Минской губернии количество животных, кроме волков, также уменьшается по тем же причинам. В Могилевской вырубка и расчистка лесов способствовала уменьшению промыслово-охотничьей фауны, а свирепствовавшая в 1893 г. оспа поубавила зайцев. В Смоленской губернии тетерева и рябчики уничтожаются промышленниками.

Кроме названий фауны в нашей области некоторое случайное промысловое значение имеют *волки*, истребление которых поощряется в любое время года ввиду вреда, приносимого ими хозяйству. Иногда обращают на себя внимание *лоси*, главным образом водящиеся в Витебской и Минской губерниях, *дикие козы*, *куницы* и *лисицы*, обитающие повсеместно, *бобры*, еще сохранившиеся кое-где в Минской и Могилевской губерниях, наконец, встречающиеся в крае *медведи*, *дикие кабаны* и *барсуки*. Специально промысловой охоты на всех этих животных, впрочем, не существует, а на бобров в последнее время охота воспрещена.

Область Верхнего Поднепровья и Белоруссии сравнительно бедна *минеральными богатствами*; встречаются здесь главным образом торф, известь, огнеупорная глина, железная руда и проч.

Торфом богаче других Минская и Могилевская губернии. В первой губернии огромные пространства торфа и торфяных болот находятся в юго-восточной ее части — в Минском Полесье; в окрестностях с. Василевичи, в 39 верстах от Речицы, находится самый глубокий в Полесье торфяник. В Могилевской губернии торфа также много: в Рогачевском уезде большей частью под лесами и сенокосами. В этой губернии торф служит удобрением и топливом; в северной ее части — в Оршанском уезде торф можно найти во многих болотах. Кроме того, встречается он в уездах Сенненском, Чаусском, Черниковском и Быховском. В Смоленской губернии торфяные образования распространены главным образом в уездах Бельском и Порецком, где пласты его достигают до 2—3 аршинов и тянутся на протяжении до 20 верст. В Витебской губернии торф встречается спорадически. Везде торф эксплуатируется.

В окрестностях Смоленска и в Рославльском уезде имеется неэксплуатируемый *известковый туф* (пористые, ноздреватые отложения углекислой извести из известковых источников). Известковые залежи разрабатываются в Минской губернии в Игуменском, Минском, Борисовском и Бобруйском уездах. В Могилевской известняки встречаются во многих уездах, например в Сенненском уезде при селе Плоское и в Оршанском недалеко от Орши на берегу Днепра (слой извести достигает до 2 саженей толщины и находится на глубине 3—5 саженей). Из камней, добываемых ежегодно, обжигается до 200 тыс. пудов извести; вообще оршанская известь славится и имеет сбыт за пределы губернии. В восточной части известняки эксплуатируются около Мстиславля, в Чаусском уезде при местечке Дрибин и в Черниковском уезде при селе Гора, а в западной — вблизи местечк Чечерска и деревни Глыбовка. В Смоленской губернии обжигание извести производится в Смоленске, в Бельском уезде и в селе Городище Вяземского уезда. В Витебской губернии по течению Зап. Двины встречаются доломитизированные известняки, годные для эксплуатации и добываемые во многих местах для строительных целей.

Огнеупорная глина эксплуатируется в Смоленской губернии в Дорогобужском уезде при деревнях Молодилово и Мартиновка; глина эта двух цветов — белого и синего. Годная для гончарного промысла глина эксплуатируется в Вяземском уезда по течению рек Вазуза, Ремежа и Вязьма и в Бельском по течению Зап. Двины. В этой же губернии, в юго-западной части Рославльского уезда, на границе Орловской эксплуатируются *меловые* залежи (около д. Старая Кочевна добывается мел, идущий на стеклянные заводы).

Болотная *железная руда* эксплуатируется кое-где в Могилевской губернии в уездах Сенненском, Оршанском, Черниковском, Быховском, Мстиславском и Рогачевском; в Минской болотная руда добывается кое-где в южной половине губернии, а также в уездах Борисовском, Игуменском и Бобруйском.

Из прочих минералов отметим эксплуатируемые в Бобруйском уезде Минской губернии залежи *кремнистого песчаника*, в Могилевской — *валуны* (преимущественно гранитные) в Сенненском, Могилевском, Климовичском и Мстиславском уездах, употребляемые здесь на ремонт шоссе. В Смоленской губернии добываются *фосфориты* в д. Сеща и в селе Бельское Рославльского уезда; наконец, в этой же губернии эксплуатируется и *охра* (д. Потемкин).

Теперь перейдем к *обрабатывающей* промышленности нашей области: к мелкой — кустарной и крупной — фабрично-заводской, а также скажем несколько слов об отхожих промыслах.

Кустарные промыслы при всем своем разнообразии могут быть разделены на следующие группы: 1) по обделке дерева, 2) по обработке металлов, 3) по обработке минеральных веществ, 4) по обработке животных продуктов, 5) по обработке волокнистых веществ и 6) смешанные производства.

Промыслы по *обработке дерева* распространены повсеместно в нашей области, но в настоящее время переживают кризис в виде все увеличивающейся дороговизны леса. Преобладающее большинство кустарей не в состоянии заниматься в широких размерах древоделанием и доставлять свои изделия на более крупные рынки: вынужденные пользоваться спросом местного населения, устанавливающего весьма низкие цены на изделия из дерева, они не находят выгодным для себя этот промысел, и последний постепенно падает.

Из видов древоделия прежде всего мы остановимся на *экипажном производстве*, т.е. на изготовлении телег, саней, возков, полозьев, колес и пр. По последним данным (к 1 января 1900 г.), в Витебской губернии приготовлением телег и саней занималось 1122 кустаря; заработок их достигал до 20 860 руб.; наибольший заработок падает на Двинский и Режицкий уезды. В Минской губернии в Игуменском уезде от продажи саней и колес выручено было около 4000 руб. Тележный промысел в Могилевской губернии изготовляет следующие изделия: колеса, дуги, повозки, телеги, сани, оглобли. Колеса выделываются весьма многими тележниками: большинство же из них сами для себя делают и колеса, но рядом с этим в уездах Могилевском, Горецком, Оршанском и Гомельском независимо от тележного существует исключительно колесный промысел. Производством дуг занимаются также тележники. Несколько лет тому назад только один кустарь в Любовичской волости в д. Дуньки занимался исключительно дужным промыслом. Большинство кустарей изготовляли простые телеги для работ, но впрочем, чаще по заказу; выделываются в этой губернии и лучшие повозки, а также тарантасы. Сбыт этих изделий обеспечен; продажа производится в соседних местечках и городах на торжках и ярмарках. Кустарей насчитывается до 2000 чел. с годичным заработком в 50 000 руб. В Смоленской губернии санным производством занимаются кустари по преимуществу в уездах: Бельском — в Будинской волости, в деревнях Дубровная, Черепови, Бычарники — 380 душ, в Батуринской волости в деревнях Пожелица и в Верхне-Манькинской волости в Лукашино, Шабурино и Колышно — около 150 душ; в Рославльском уезде — в деревнях Жичаговка, Смиргаевка, Пустая Буда и пр. Краснозаборовской и Каталинской волостей — всего до 75 человек. Кустари в этом уезде занимаются промыслом более систематично, чем в других местах губернии, и имеют возможность периодически вывозить свои произведения в Ельню, где покупают их калужские и вяземские скупщики. При этом замечается особый спрос на небольшие легкие тележки, отличающиеся более изящной отделкой. В Ельнинском уезде кустарей насчитывается около 65 человек, в Дорогобужском — около 45 человек — в деревнях Городок, Леонтьево и Подонок; в остальных уездах сравнительно небольшое количество лиц занимается этим промыслом. Изделия находят сбыт в городах Белый, Ельня, Рославль, Дорогобуж, Мглин (Черниговской губернии) и пр. Колеса простые и тарантасовые изготовляются главным образом в уездах Дорогобужском, Бельском, Сычевском и Ельнинском; всех кустарей насчитывается около 200 чел. Санным и колесным промыслами вместе занимаются в деревнях Егорьевской волости Ельнинского уезда — Волково, Леоново, Бобылево и Скоково до 85 чел. Ободья для колес гнут в Гжатском, Рославльском и Бельском уездах преимуще-

ственно в последнем; в деревнях Можайк, Перевоз и Колесники этим промыслом занимается до 50 человек. Изготавливают полозья для саней около 80 кустарей: в Дорогобужском уезде, в Самцевской волости, в Леонькове и Никитках — до 45 чел., в Юхновском и Рославльском — остальные; сбываются в Рославле, Дорогобуже и Вязьме.

Затем отметим производство мелкой домашней утвари — кадок, ведер, ушатов, бочек, боченков и пр., или так называемый *бондарный* промысел, которым занимаются только осенью, зимой и весной, т.е. в свободное от полевых работ время. В Витебской губернии бондарным промыслом занимается в последнее время около 120 кустарей с годовым заработком в 1 $^1/_2$ тыс. руб. Встречается он и в двух уездах — Витебском и Велижском. В Минске выделкой разной посуды занимается около 56 чел. В Речицком уезде выручено от продажи бондарных изделий до 20 000 руб. В Слуцком выделкой деревянной посуды занимаются крестьяне в местностях, изобилующих лесом; в Мозырском бондарный промысел существует в волостях Дяковичской, Житковичской, Копатковичской и др. В Могилевской губернии бондарный промысел есть во всех уездах; насчитывается кустарей-бондарей до 2000; общий заработок доходит до 40 тыс. руб. Наибольшие заработки бондари имеют в городах и местечках, где кроме выделки новых изделий они занимаются и починкой старых. В Смоленской губернии производством мелкой утвари занято около 188 кустарей и сосредоточено главным образом в уездах: Сычевском — 42 чел., Ельнинском в деревнях Николаевка, Болотово и др. — до 62 чел., Бельском — в Клевцах, Рябиновке, Осиновке и др. — около 35 чел. и только отчасти в Рославльском и Дорогобужском уездах.

К древодельным промыслам надо отнести также и изготовление *деревянных земледельческих орудий* — сох или плах, как их называют в Могилевской губернии, а также борон, лопат и разных принадлежностей для обработки полей. В Минской губернии этими изделиями более всего занимаются кустари в Дяковичской, Житковичской и Копатковичской волостях Мозырского уезда; в Могилевском уезде — до 30 чел., зарабатывая 800—900 руб. в год. Деревянные лопаты выделываются в Бельском уезде Смоленской губернии — в Покровской волости в д. Фотино Николо-Ветлицкой волости и в селе Досугово Краснинского уезда. Работой этой заняты в общем 24 кустаря.

Столярно-плотниций и *токарный* промыслы также существуют в нашей области; более развиты столярный и плотничный промыслы, а токарный встречается сравнительно редко. В Витебской губернии число столяров доходит до 675 чел. с общим годовым заработком в 20 860 руб., число плотников — до 2255 чел. с общим годовым заработком в 121 830 руб. Наибольший годовой заработок приходится на Двинский уезд, а затем на Режицкий; в Лепельском этими промыслами кустари не занимаются. В Минской губернии в Бобруйском уезде изготовлением шкафов, комодов, диванов, столов и пр. занимается 80 столяров, выручающих до 5300 руб. в год. Плотники встречаются в Минском уезде (около 150 чел.); в Мозырском в волостях Копатковичской, Слободо-Скрыгаловской, Хорской и Михайловской плотники занимаются постройкой и приготовлением оконных рам, дверей, столов и пр. Токарей в Минском уезде насчитывается 9 чел.; они занимаются выделкой разных изделий из корельской березы; в Бобруйском продается местных токарных изделий на сумму 700 руб. В Могилевской губернии выделываются самые разнообразные предметы столярного искусства, преимущественно шкафы, комоды, столы, кровати, стулья и проч. В Могилеве несколько местных мещан занимаются выделкой чемоданов различной величины и формы; промысел этот занесен сюда, вероятно, случайно. Изготовление чемоданов имеет в виду местные потребности, и большей частью делаются они по заказу; изредка вывозятся на рынок, где раскупаются торговцами; заработок всех кустарей доходит до 1 $^1/_2$ тыс. руб. Со столярным промыслом тесно связан плотничий промысел, и если спрос незначителен на столярные изделия, то столяры обращаются к плотническому мастерству и занимаются постройкой домов, сараев, мостов и проч. В прежнее время столярный промысел получил большее развитие, а теперь многие столяры перешли к другим занятиям. Потребности же в столярных изделиях удовлетворяются городскими ремесленниками. Токарный промысел в Могилевской губернии незначителен: число токарей — около 100 чел. с заработком до 3000 руб. в год. Существует только в 7 уездах. В Смоленской губернии столярное производство мало развито; число лиц, занимающихся им, достигает более 40; в Сычевском уезде в селах Селезнево, Медведка и Семенчиха числится до 20 столяров и плотников; в деревнях Мулино, Гренево и др. Юхновского уезда насчитывается до 15 кустарей, а в Гжатском и Дорогобужском — и того меньше. Значительно выше стоит здесь токарный промысел (посуда, ложки, веретена и проч.). *Ложкарное* производство развито в Краснинском уезде, особенно в деревнях Грязновка и Тумковка; здесь до 60 кустарей исключительно занимаются изготовлением ложек. Изготовлением *посуды* занимаются токари в Юхновском и Духовщинском уездах. В Бельском, Рославльском, Ельнинском и Гжатском уездах токарей насчиты-

вается до 50 чел. *Веретена* для пряжи выделываются в д. Духи Мерлинской волости Краснинского уезда. Произведения эти сбываются на местных рынках — в селах Поречье, Ярцево Духовщинского уезда, Кикино и Климов Завод Юхновского. Приготовлением этих изделий в губернии занято всего 210 чел. Чтобы покончить с древоотделочным промыслом нашей области, нам придется назвать еще несколько мелких промыслов, которые распространены не повсеместно, а только встречаются в той или иной губернии.

Щепной промысел существует в Смоленской губернии, но им исключительно занимаются только кустари Сычевского уезда в Материнке, Лосеве, Медведке, Боршевке, Мостище, Рыси и некоторых других селах. Число лиц достигает свыше 300 чел. Материалом служат сосновая и еловая дрань, идущая на крыши, а также на короба. Приготовляемые изделия имеют сбыт в Сычевке и Вязьме.

Гонтовый промысел существует в Могилевской губернии. Материалом для гонта служат сосна, ель и осина. Работа производится вдвоем, так как дерево приходится распиливать на части. В сутки два рабочих приготовляют 15—16 коп гонты. Сбыт изделий производится на месте.

Своеобразным затем промыслом является *обработка липовой коры*, т.е. собственно ее лубового слоя; небольшие стволы идут на приготовление лыка, а более крупные — на приготовление *мочала*; из лыка плетутся лапти и выделываются решета, а из мочала ткутся рогожи. Эти промыслы преимущественно развиты в Могилевской и Минской губерниях, хотя встречаются и в других. Промышленность эта существует в форме кустарного промысла только в Городецкой, Чигиринской и Тихачевской волостях Рогачевского и в Чиботовичской волости Гомельского уездов.

Рогожным промыслом в Рогачевском уезде занимаются и женщины; занято этим промыслом до 500 чел., зарабатывающих свыше 12 тыс. руб. в год. Вообще же всех кустарей, занимающихся упомянутым ремеслом, в Могилевской губернии насчитывается свыше 1 $^{1}/_{2}$ тыс. человек, общий заработок которых доходит до 20 тыс. руб.

Решета выделываются в Могилевской и Смоленской губерниях. В Могилевской промысел существует в следующих волостях: Дробинской, Городецкой и Черневской Чаусского уезда, Тимоновской, Хотинской, Костюковичской и Бельнковичской Климовичского уезда и в некоторых волостях Оршанского, Сеннинского, Быховского и Рогачевского уездов. В Смоленской губернии решета производятся в Юхновском уезде в деревнях Лошево, Припудово и Сенцовске Воскресенской волости и в Ельнинском уезде в Новой Рудне, Шульговке и др. Всех промышленников в обоих уездах насчитывается до 75 чел. В последнем же изготовляются и гребни для пряжи, имеющие сбыт в соседних уездах.

Корзиночное производство развито в Смоленской и Минской губерниях. В Смоленской этим промыслом занимаются кустари Духовщинского, Юхновского и Вяземского уездов, всего до 100 человек. В первых двух уездах корзины плетутся из ивовых прутьев и сбываются в Духовщину и в селах Пречистое и Климов Завод. Главным же поставщиком корзин на рынок являются д. Клистово Духовщинского уезда (до 40 кустарей) и Руносовская волость (деревни Малое-Васильево и Синяково; 12 кустарей); в Вяземском уезде выделываются круглые корзины из еловой и сосновой драни; первые сбываются в Вязьму и Гжатск — в магазины для упаковки товаров, вторые покупаются на сельских базарах. В Минской губернии в Минском уезде плетутся корзины из древесного корня и имеют сбыт в Минске, а в Пинском уезде — из лозы. В Мозырском уезде в местечке Лахва корзины плетутся из корня ракиты, из которого также делаются коробки, оплетаются экипажи и бутылки.

В Могилевской и Смоленской губерниях в некоторых местах население занимается изготовлением берд (подвижных гребней), необходимых при ткацком производстве; в первой берда приготовляются в Радомльской волости Чаусского, в Роднянской и Тимоновской волостях Климовичского, в Краснобудской и Носовичской волостях Гомельского, а также в некоторых местах Горецкого и Оршанского уездов. В Смоленской губернии в д. Елисеенка Егорьевской волости Дорогобужского уезда насчитывается занимающихся изготовлением берд 75 чел. (в том числе 25 подростков), а в Духовщинском число их доходит до 200 чел. Это ремесло сосредоточено главным образом в Николовской волости в деревнях Данилово, Парашино, Петрищево и Рубцово. Берды делаются из тростника, ели и березы; изделия эти развозятся нередко и по другим губерниям, например, в Могилевскую и Витебскую. В упомянутой выше д. Елисеенка за зиму приготовляется до 300 берд на сумму от 50 до 75 руб.

Из промыслов по химической обработке дерева достаточно развиты в области *смолокурение* и *сидка дегтя*. Материалом для производства служит сосна. В Витебской губернии гонкой смолы и сидкой дегтя занималось в 1899 г. около 336 чел. с заработком 6980 руб. в год; больше всего кустарей было в Невельском уезде — 123, потом в Витебском — 52, в других значительно меньше. В Смоленской губернии в Узвозской волости Дорогобуж-

ского уезда жители занимаются сидкой дегтя; более всего кустарей в селах Боярщино — 48, Макарово — 22, Баушкино — 15, Село — 18, Попково — 21, Котово — 20 и в остальных — около 10 или и того меньше; всего же кустарей числилось 247 чел. В Минской губернии гонка смолы и сидка дегтя наиболее распространены в уездах Борисовском, Мозырском, Речицком и Бобруйском; в других смолокурни встречаются редко. Сидко́й дегтя занимаются очень немногие и то главным образом для домашнего употребления; в Могилевской губернии гонкой смолы занимаются только для домашней надобности. Деготь сбывается в соседних селах на ярмарках, а также вывозится в Дорогобуж. Вместе со смолокурением связано и выжигание угля. В Витебской губернии *выжиганием угля* занято около 117 кустарей с заработком в 2980 руб.

Вторую группу составляют промыслы по *обработке металлов*. К ним можно отнести *кузнечный* и *слесарный*, а также изготовление *сельскохозяйственных металлических орудий*.

Кузнечный промысел развит повсеместно и состоит в изготовлении разного рода домовых принадлежностей (топоров, ножей, заступов, вилок и пр.), в оковке городских экипажей и ковке лошадей. Больше всего кузнецов и слесарей приходится на Витебскую губернию; число их доходит здесь до 1120 чел. с общим заработком в 125 060 руб. Из показанного числа кузнецов и слесарей больше всего в Двинском уезде — 252 чел. с заработком свыше 40 тыс. руб. Затем следуют Люцинский и Себежский уезды. Далее в Минской и Могилевской губерниях количество кустарей доходит до 1000 чел. в каждой. В Минской заработок незначителен — до 40 тыс. руб. В Могилевской губернии ежегодный заработок превышает 80 тыс. руб. В Смоленской губернии кузнечный промысел встречается в Наувинской волости Духовщинского уезда — в селах Стариково, Дуброво и Ляхово, в Ельнинском — в с. Липово и в Юхновском — в с. Емельяново; здесь кустари изготовляют много мелких изделий, которые продаются на месте производства или же в Ельне. В Дорогобужском и Юхновском уездах приготовлением этих же изделий занимается до 20 чел.; в Ельнинском хотя и существует кузнечно-слесарный промысел, но кустари являются не поставщиками, а главным образом занимаются ковкой лошадей и обивкой повозок.

Что касается кустарного производства *орудий* и *машин*, то оно развито в следующих уездах Смоленской губернии: Гжатском, Сычевском, Дорогобужском, Юхновском, Вяземском и Духовщинском; наибольшее же число кустарей приходится на Сычевский, Гжатский и Дорогобужский уезды. В первом из них преимущественно приготовляются льносеялки благодаря развитию в нем льноводства, а в двух последних уездах — исключительно плуги различных типов. Вообще же в губернии выделываются железные бороны, окучники, веялки-сортировки, льномялки, изготовляемые в селе Тесово Сычевского уезда, изредка сортировки, молотилки, конные приводы, кроме того, и шерстобитные машины; последние выделываются в Ельнинском уезде в деревнях Биберово и Луки Волково-Егорьевской волости и сбываются в Ельне и Дорогобуже. Из более крупных мастерских назовем несколько. В Духовщинском уезде в селе Леоново Сущевской волости и в г. Духовщина изготовляются плуги; в селе Сустово выделываются плуги. В Дорогобужском уезде в селе Фолитское изготовляются веялки-сортировки, в д. Клестово — то же. В самом Дорогобуже изготовляются веялки и сортировки. В Вяземском уезде в с. Сосновка делаются плуги и бороны, в селе Ольхово Осташковской волости — конные молотилки, веялки и сортировки. Главным материалом, употребляемым на производство орудий, являются железо, сталь, чугун, дерево и топливо. Более зажиточные кустари покупают материал за наличные деньги, но большинство берет в долг обыкновенно у торговцев, причем последние, открывая кредит, ценят дороже материалы, а принимают изделия дешевле сравнительно с существующими ценами. В большинстве случаев кустари делают плуги на заказ. В Гжатском и Сычевском уездах в последнее время уменьшился спрос на земледельческие орудия, что вполне понятно, так как крестьяне этих уездов уже успели запастись плугами. В Дорогобужском же, напротив, спрос растет, так как плугами обзавелось не более $^1/_3$ уезда; здесь особенно востребованы плуги братьев Милеевых. Относительно кустарного производства плугов надо сказать, что в настоящее время оно переживает тяжелый кризис; в восточных уездах кустари уже нуждаются в более отдаленных рынках, а в Дорогобужском и Духовщинском уездах могут сбываться в частях уезда, отдаленных от места производства, так как ближайшие успели уже обзавестись плугами. Для облегчения такого положения дорогобужское земство пришло на помощь кустарям: устроены при волостях склады с плугами и веялками, взятыми на комиссию, и продажа производится на следующих условиях: при покупке допускается рассрочка для покупщика, а кустарь при такой сделке сразу получает всю сумму за проданные орудия.

Из кустарных промыслов по *обработке минеральных веществ* мы упомянем о гончарном, стеклянном, кирпичном и каменотесном производствах. Гончарный промысел распространен в Мин-

ской, Могилевской и Смоленской губерниях. В Витебской гончарным промыслом занимаются кустари только Витебского уезда в незначительном количестве: к 1 января 1900 г. их насчитывалось 31 с общим заработком в 2700 руб. В Минской губернии количество гончаров составляет свыше 500 хозяев и 115 рабочих; вырабатывают они до 30 000 руб. в год. По уездам гончарным промыслом занимаются: в Минском — 40 кустарей, выручивших за свои изделия до 4000 руб., в Бобруйске — 9 с заработком до 1600 руб., в Бобруйском уезде — 55 с заработком 3350 руб., в Игуменском — 120 гончаров с заработком 4500 руб., в Новогрудском выручено от продажи гончарных изделий 8200 руб., в Пинском — 200 семейств из жителей местечка Городно выделывают разную глиняную посуду, за которую получают до 3500 руб., в Слуцком этим промыслом занимается до 30 человек с заработком 2000 руб., в Борисовском и Мозырском уездах также часть населения занимается гончарным промыслом. В местечке Чернявка Борисовского уезда двумя кустарями выделываются из глины игрушки и разная посуда; сумма производства достигает 1700 руб. В Могилевской губернии количество гончаров превышает 1200 чел.; они получают за свои изделия до 30 тыс. руб. в год; в этой губернии гончарным промыслом занимаются и женщины, правда, в незначительном количестве. В Смоленской губернии гончарный промысел занимает одно из крупных мест по количеству сел, где он производится. В Юхновском уезде выделывается разная посуда в селах Андреевка и Стенники Батуринской волости и в селе Камышино Молочаевской волости. В Ельнинском уезде гончары существуют в некоторых селениях Докудаевской волости, сбывающие часть своих изделий в г. Ельня, а также в Духовщинском, Рославльском и Краснинском уездах. При этом надо заметить, что спрос на гончарные изделия в последнее время здесь значительно уменьшился, так как выделываемая местная посуда по качеству настолько плоха, что даже не соответствует обыкновенным требованиям населения; вообще этот промысел падает.

Кирпичное производство значительно развито в Витебской губернии; промыслом этим занималось к 1 января 1900 г. 660 кустарей с заработком 108 000 руб. По количеству кустарей первое место занимает Лепельский уезд с 240 чел., вырабатывающими в год 72 000 руб.; в Дриссенском и Невельском кирпичного производства почти не существует. В Смоленской губернии в Юхновском уезде кустари села Андроново Мочаловской волости приготовляют кирпичи хорошего качества, которые находят сбыт исключительно на месте. Обработкой кирпича в Вяземском уезде занято 19 дворов; приготовляется из огнеупорной глины, добываемой в Середманской волости около д. Кулешова и отправляется в Вязьму. Кирпич-сырец и обожженный сбывается в Ельне и Дорогобуже.

Стеклянное производство развито только в Витебской губернии; число занимающихся этим промыслом составляет 230 кустарей (в том числе 20 женщин); заработок их в год достигает 14 тыс. руб.

Обделкой камня, главным образом мельничных жерновов, кустари занимаются в Витебской и Могилевской губерниях. Больше всего развит этот промысел в Двинском уезде, где занимаются им 1030 кустарей и зарабатывают в год 155 200 руб. В Могилевской губернии обделкой камня занимаются десятка два кустарей с заработком свыше 1000 руб., преимущественно в двух уездах — Оршанском и Сенненском, богатыми диким камнем. Теска камней производится только в свободное от хозяйственных занятий время. Этот промысел все больше и больше падает, так как годные для househeски камни выбираются и количество годного материала уменьшается.

Кожевенное производство и *скорняжный* промысел в нашей области мало развиты и не составляют заметного промысла. В Витебской губернии все кожевенное производство сосредоточено в Лепельском уезде, где насчитывалось к 1 января 1900 г. 40 кустарей с заработком 3250 руб.; выделкой же овчин занимаются кустари во всей губернии, кроме Дрисенского уезда. Число кустарей, занимавшихся выделкой овчин, к 1 января 1900 г. составляло 330 человек, а заработок их равен был 22 600 руб. в год. В Минской губернии только в Слуцком уезде встречается выделывание кожи, причем преимущественно этим промыслом занимаются татары; 25 человек зарабатывало в последнее время до 3750 руб. в год. В Могилевской губернии скорняжный промысел существует исключительно для удовлетворения местных потребностей, а поэтому ограничивается почти везде заказом, и нет ни одного поселения, где скорняки скучивались бы; полдесятка скорняков в селе — большая редкость (обыкновенно 1—2 человека). По уездам скорняки распределяются также неравномерно: наибольшее число их приходится на Сенненский уезд, наименьшее — на Горецкий, а в Чериковском уезде их почти нет. Все кожи выделываются в белый цвет; дубление здесь очень мало практикуется и притом только в одном Гомельском уезде. В Оршанском, помимо обработки овчин, в деревнях Микулинской волости — Ольховка, Чурилово и Мартвино скорняки занимаются выделкой так называемой «сыромяти». Промыслом этим в губернии занимается до 400 человек с общим заработком в год до 10 000 руб.

Крестьяне-каменщики, исправляющие улицу в Смоленске. (По фотографии Н.Н. Останковича).

В Смоленской губернии кожевенное производство встречается в Ельнинском уезде в Чамове, Селидьбе, Авдееве, Лядах, Кукуевке, Лемяховке и др. деревнях; выделанная кожа сбывается в Ельню, Дорогобуж, Рославль и по сельским ярмаркам; но в любом случае и здесь кожи выделываются главным образом по заказу. Выделка овчины встречается в Духовщинском уезде в волостях Наувинской и Узвозской, а также в Кубаровской и Никоновской в селах Петрищево, Гришиково, Данильево, а также в селе Абрамовка Мочаловской волости Юхновского уезда (всего 55 человек), а затем еще в Озеречне Морозовской волости Вяземского уезда. Существует также и выделка сыромятных кож, но только в двух волостях Вяземского уезда — Городищенской и Мороловской. Большинство кожевников работают по заказам местного населения; кустари же Юхновского уезда благодаря близости уездного города вывозят свой товар в базарные дни в г. Юхнов. Скорняжный промысел распространен также, хотя в незначительных размерах, и в Сычевском уезде.

Сапожный промысел наиболее развит в Витебской и Могилевской губерниях; его развитию способствуют обилие материала, изготовляемого местными кожевенными заводами, и основанный на неотложной нужде спрос на обувь. Этот спрос с развитием потребностей должен увеличиваться, а поэтому будущность данного промысла надо считать обеспеченной. Число всех кустарей в Витебской губернии доходит до 1050 человек с годовым заработком в 118 тыс. руб. По количеству кустарей и по общему заработку выше других уездов стоит Двинский, в котором 260 кустарей зарабатывают 36 000 руб.; меньше всего их в Полоцком, где заработок за год составляет 1300 руб. В Могилевской губернии сапожный промысел существует во всех уездах, наиболее же распространен он в Рогачевском: 200 кустарей имеют заработок до 20 тыс. руб. Годичный же заработок по губернии доходит в последнее время до 80 тыс. руб. В Минской и Смоленской губерниях сапожный промысел незначителен.

Шорное и *седельное* производства существуют в ограниченном количестве в Витебской и Минской губерниях. Занятие кустарей состоит в починке старой и приготовлении новой конской сбруи; шорные изделия в нашей области — самые простые. В первой губернии числилось шорников к 1 января 1900 г. 96 человек с общим заработком в 8 тыс. руб., причем в Дриссенском уезде их нет. Седельное производство ведется только в Городокском, Двинском и Режицком уездах с общим заработком в 870 руб. В Могилевской губернии шорный промысел существует во всех уездах, кроме Горецкого. Кустари-крестьяне работают сами без помощи наемной прислуги, посвящая этому промыслу только оставшийся у них от домашних занятий досуг. Работа производится большей частью по заказу, а на рынки поставляется очень редко. Всех кустарей насчитывалось в губернии свыше 100

человек с общим заработком до 10 тыс. руб. Вообще, относительно этого промысла надо сказать, что он очень мало развит, так как крестьяне сами изготовляют хомуты, чересседельники, шлеи, уздечки и пр.

Наряду с кожевенным производством существует *клееваренный* промысел. При очистке кож с них соскабливается масса, из которой потом делается столярный клей. Это производство во всех уездах очень мало развито.

Следующую группу промыслов составляет *тканье полотна*, *выделка сукна* и *валяльный* промысел; сюда же может быть отнесена и *ческа шерсти*. Все они встречаются в нашей области. Тканье полотна существует в Минской, Могилевской и Витебской губерниях. От продажи холста выручается в Мозырском уезде до 2000 руб. Кроме того, здесь приготовляются узорчатые цветные материи для собственных надобностей. В Новогрудском уезде выделкой полотна из льна и пеньки занимается большая часть уезда, но на продажу поступает только излишек; продается холста на 3000 руб. В Слуцком уезде полотно ткут почти в каждой семье; в Тимковичской, Грозовской и Телядовичской волостях кустарями выделываются узорчатые скатерти и полотенца.

В Могилевской губернии разведением и обработкой льна и пеньки занимаются крестьяне во всех уездах; равным образом и приготовление изделий из этих материалов также повсеместно существует. Это производство практикуется не как кустарный промысел, а исключительно для домашнего употребления. Пряжа поступает в продажу или идет на изготовление полотна. Полотно продается или в суровом виде, или в выбеленном. Кроме того, в этой губернии почти повсеместно кустари занимаются выделыванием веревок и рыбных сетей; материалом для веревок служит пенька, очищенная от кострицы, а для сетей — нити пеньковые. Работа обыкновенно производится по вечерам и «досветьям». Чтобы свить веревку в 15 саженей, необходимо употребить часов шесть, а сеть длиной в 24 аршина и шириной 1—2 $^1/_2$ аршина не может быть сделана менее, чем дней в 5—6. Сети выделываются почти всегда по заказу в Могилевском уезде исключительно в Шкловской волости в селах на Днепре и в Тетеринской волости в селах на р. Друть.

В Могилевском уезде пеньковым промыслом занимается до 800 чел. с заработком в год свыше 2000 руб. Пеньковое производство в последнее время начало приходить в упадок: спрос на веревки и сети значительно уменьшился. Приготовление веревок вытесняется заводскими изделиями, а выделка сетей и неводов уменьшается, так как рыболовство делается менее прибыльным. В Витебской губернии тканьем полотна занимается 31 кустарь с годовым заработком в 2700 руб.

В Смоленской губернии тканье холста развито только в Дорогобужском уезде во всех деревнях и селах Вышегорской волости.

Евреи-сырьевщики за выделкой кож. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Выделка сукна из шерсти распространена в губерниях Минской, Могилевской и Смоленской. Крестьяне из шерсти собственных овец ткут себе сукно главным образом для своих потребностей, но некоторая часть производства идет и на продажу. В Минской губернии крестьяне и мещане выделывают простое сукно из шерсти. В Бобруйском уезде также выделывается сукно, но очень незначительная часть его идет в продажу. В Мозырском уезде от продажи сукна выручено было в 1895 г. около 180 руб. Кроме сукна здесь ткут из шерсти узорчатые цветные материи для юбок. В Новогрудском уезде продано сукна в 1899 г. на 2350 руб. В Речицком кроме сукна выделываются также и ткани, причем выручается от продажи 3000 руб. В Слуцком уезде также встречается выделка сукна. В Могилевской губернии почти во всех селениях производится крестьянское сукно; у всякого более или менее зажиточного крестьянина-домохозяина имеется несколько овец, и шерсть обращается исключительно на домашние потребности. И только как редкий пример случается, что крестьяне в досужее время занимаются суконным мастерством как промыслом. Делом этим занимаются исключительно женщины; наемных рабочих никогда не бывает, а помощниками работ служат члены семьи женского пола. Выделка сукна производится во время, свободное от прочих занятий. Сукно крестьянское приготовляется преимущественно белого цвета и выделывается или из чистой шерсти, или же худшего сорта с примесью льняной нитки. Одна мастерица в течение рабочего дня, считая его в 10 часов, может выткать 5 аршин сукна; заказов кустари не имеют и сбывают товары лишь на ближайших рынках. Сбыт во всякое время обеспечен, так как этих изделий на рынок поставляется немного. В Смоленской губернии сукно из овечьей шерсти выделывается женщинами-ткачихами в Дорогобужском уезде; здесь в зимние месяцы заготовляется главным образом для местного потребления около 12 тыс. аршин крестьянского сукна.

Ческа овечьей *шерсти* производится в Смоленской губернии в селах Яново, Княжино и др. Вышегорской волости Дорогобужского уезда и в деревнях Крутиково, Красное и пр. Хмарской волости Ельнинского. Промыслом занято в обоих уездах 11 чел.

Валяльный промысел существует в губерниях Витебской, Могилевской и Смоленской. Материалом для валяльных изделий служит мягкий животный волос — шерсть овечья, короткий коровий и конский волос, козий подшерсток, шерсть кролика, белки и пр. Промысел этот в наших губерниях сводится исключительно к производству обуви и шапок. В Витебской губернии существует валянье валенок, но размеры его незначительны: им занимаются 47 человек с заработком в 2128 руб. В Дриссенском, Лепельском и Люцинском уездах этот вид ремесла отсутсвует. В Могилевской губернии в большинстве местностей существует валяльный промысел в двух видах — кустарный и отхожий; второй предпочитается первому, так как при нем нужен капитал для приобретения материалов для изделий. Наибольшее развитие промысла замечается в Чаусском уезде, но здесь кустари скучены только в одной Дрибинской волости. В Гомельском уезде развито шапочное производство. Из отдельных поселений, в которых больше всего развито валяльное производство, назовем д. Поташно Дрибинской волости, д. Старый Дрибин, местечко Шклов и село Гордуны Носовичской волости. В Смоленской губернии он составляет занятие многих кустарей Сычевского уезда, а именно: приготовлением обуви занимаются в Пимовской волости (деревни Каурово, Кошелево, Волковня), а также в Хотьковской и Бехтеевской волостях; всего занято промыслом до 70 человек. Затем в Юхновском уезде в д. Ведерники Дубровской волости занимается 27, в Дорогобужском — 5 человек, а также встречается изредка этот промысел в Гжатском и Краснинском уездах. Обувь приготовляется большей частью для местных жителей по заказу, но кустарями Юхновского и Сычевского уездов иногда поставляется и на рынок.

Шляпы валяные изготовляются в селе Юрьево Богородицкой волости Ельнинского уезда, а также в Сычевском уезде. Изделия имеют сбыт только на месте.

Портняжный промысел развит только в двух губерниях — Витебской и Могилевской, и то в первой не во всех уездах. В Витебской губернии число кустарей к 1 янв. 1900 г. составляло 964 человека (в том числе 36 женщин) с заработком в год 87 060 руб., т.е. в среднем около 90 руб. на каждого. Больше всего этот кустарный промысел развит в Двинском уезде, а затем в Люцинском и Городокском, а в Дриссенском и Лепельском он вовсе не существует. В Двинском уезде в среднем на одну душу приходилось заработка в год 135 руб. В Могилевской губернии портняжный промысел весьма распространен. Еще в XVI в. Могилев поставлял уже в Москву готовое платье; в начале XVII в. здесь был «кравецкий цех», получивший в 1636 г. королевскую привилегию, подтвержденную и дополненную в следующем году. Позже промысел развивался под влиянием крепостного права: помещики отдавали своих крепостных в обучение мастерству; обученные ему крепостные занимались шитьем одежды для дворовых людей; с отменой крепостного права мастера стали самостоятельно

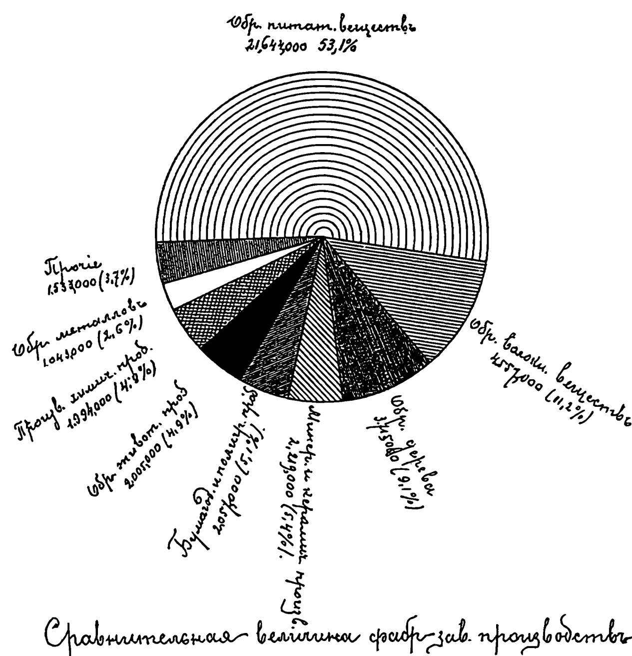
заниматься своим промыслом. В настоящее время промысел этот практикуется преимущественно в отхожей форме, и только в местечках и многолюдных селах некоторые кустари, главным образом евреи, принимают заказы и работают у себя на дому. Портняжничество существует во всех уездах. Количество заработка в последние годы доходило до 80 тыс. руб., а число кустарей — до 2000 чел.

Наконец, к числу так называемого смешанного производства могут быть отнесены следующие отрасли: *малярный* промысел в Витебской губернии, где число кустарей составляет 82 души с годовым заработком в 5000 руб.; *иконостасное производство* в Рогачевском уезде в д. Бабичи Покотской волости и в местечке Ветка Гомельского уезда, а также *окраска тканей*, *вязание серебром* и пр.

Фабрично-заводская промышленность имеет в общем незначительное развитие в Верхнем Поднепровье и Белоруссии. По официальным данным, к 1 янв. 1900 г. числилось в нашей области 6047 фабрик и заводов с общей суммой производительности 40 767 тыс. руб. и с 36 235 рабочими. В диаграмме представлены суммы производительности по отдельным губерниям . Из нее видно, что первое место по размерам фабрично-заводской промышленности занимает Минская губерния — 20 390 тыс. руб., затем следуют Смоленская с производительностью больше чем вдвое меньшей — 8780 тыс. руб., Могилевская — 7498 тыс. руб. и, наконец, Витебская — 4099 тыс. руб.

Для удобства обозрения фабрично-заводской промышленности Верхнего Поднепровья и Белоруссии мы разделим все производство по материалам обработки на следующие группы: 1) по обработке питательных продуктов, 2) волокнистых веществ, 3) дерева, 4) животных продуктов, 5) металлов, 6) минеральные и керамические, 7) бумагоделательные и полиграфические, 8) химические и 9) прочие производства.

Величина производства в рублях по каждой группе изображена в диаграмме. Как видно из нее, наибольшей величины в нашей области достигло производство *питательных* продуктов: сумма производительности их превышает сумму производительности всех остальных групп, составляя 21 644 тыс. руб., т.е. 53,1% всего производства в области. На втором месте — группа производств по обработке *волокнистых* веществ; сумма производительности этой группы составляет 11,2% всего производства. Третье место занимает производство по обделке дерева — 9,1%; четвертое — керамическое — 5,4%; пятое — бумагоделательное и полиграфическое производство; далее следуют две одинаковые по величине группы — обработка животных продуктов и химическое производство — по 4,9% каж-

дое; последнее место занимает производство по обделке металлов — 2,6%. Такого порядка групп мы и будем придерживаться в дальнейшем изложении.

По отдельным губерниям в нашей области фабрики и заводы, обделывающие питательные продукты, распределяются следующим образом (таблица 43).

Самым крупным представителем рассматриваемой группы производств является *винокуренное* с суммой производительности в 15 352 тыс. руб., что составляет 70,9% производства по губернии и 37,6% всего производства в области. Эта промышленность существует во всех губерниях, но необыкновенно высокого размера она достигла в Минской: сумма производительности составляет 13 629 тыс. руб. (88,8%); остальные же 1723 тыс. руб. приходятся на три другие губернии, а именно: на Могилевскую — 982 тыс., на Смоленскую — 455 тыс. и на Витебскую — 286 тыс. руб. Из уездов Минс-

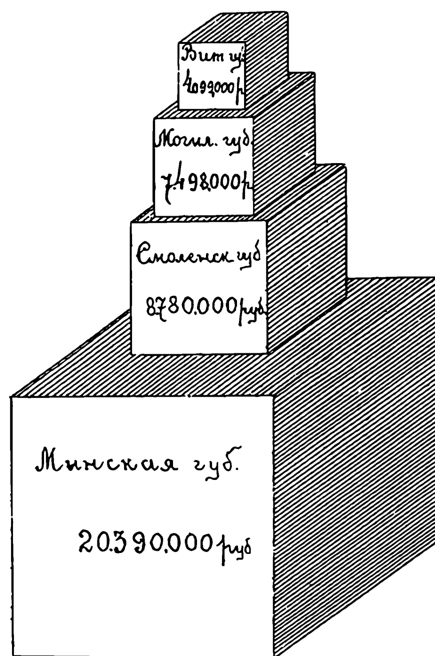
Таблица 43

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производительности в тыс. руб.	% к производству губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	492	1295	31,6	1284
Минская	233	15 226	74,6	1703
Могилевская	2203	2958	39,4	4187
Смоленская	1088	2165	24,6	2832
Всего	4016	21 644	53,1	10 007

кой губернии более всего развито винокурение в Речицком уезде (сумма годового производства 2718 тыс. руб.), затем в Слуцком (1997 тыс. руб.), в Бобруйском (1954 тыс. руб.), Новогрудском (1583 тыс. руб.), в Пинском (1163 тыс. руб.) и в Минском (1083 тыс. руб.); в остальных уездах производство по каждому не превышает 1 млн. руб. В Могилевской губернии по винокуренной промышленности первое место занимает Рогачевский уезд с производительностью в 148 тыс. руб.; в Смоленской и Витебской губерниях более развито винокуренное производство в следующих уездах: в первой — в Ельнинском и Дорогобужском и во второй — в Лепельском.

Главнейшими материалами для данного промысла в нашей области служат зерновой хлеб всякого рода и картофель. Все винокурение сосредоточивается исключительно в руках помещиков. Из некоторых более крупных винокуренных заводов в нашей области назовем следующие: в Минской губернии в Новогрудском уезде графа О'Рурк в имении Вселюб, графа Хрептовича-Бутенева в Щорсах, в Слуцком уезде Войниловича в селе Урведзь; в Могилевской губернии в Оршанском уезде Славинского в имении Толочин; в Смоленской губернии в Дорогобужском уезде Яншина в селе Николо-Кремяны и Рудневой в селе Николаевское.

Наряду с винокуренной промышленностью развиваются *дрожжевое*, *ректификационное*, *водочное* и *винокуренно-дрожжевое* производства, достигающие суммы 763 тыс. руб. Из них дрожжевое встречается в Минской губернии (371 тыс. руб.), ректификационное — в Витебской и Минской (269 тыс. руб.), водочное — в Смоленской (75 тыс. руб.) и винокуренно-дрожжевое — в Могилевской (48 тыс. руб.). Из числа заводов по этим производствам укажем в Минской губернии в Бобруйске дрожжево-винокуренный завод Рабиновича с производством свыше 50 тыс. руб., в Могилевской губернии в Рогачевском уезде спиртоочистительный завод Войнич-Сяноженского и водочный Мадульского в Смоленске.

Сумма фабр. заводскихъ производствъ по губерниямъ

Пивоваренное и *солодовенное* производства встречаются: первое — во всех губерниях, а второе — только в Смоленской губернии и достигают суммы производства: пивоваренное — до 910 тыс. и солодовенное — до 11 тыс. руб. Первое место по пивоваренному производству принадлежит Витебской губернии — 294 тыс. руб.; затем следуют Смоленская — до 284 тыс., Могилевская — 176 тыс. и Минская — 156 тыс. руб. Материалами для пивоварения служат ячмень и хмель; часть ячменя пивоварами приобретается на месте, но предпочитается выписывать этот продукт из других губерний, главным образом из малорусских. Хмель обыкновенно выписывается из других мест и из заграницы, так как в нашей области почти не производится. Первое место между всеми пивоваренными заводами без сомнения принадлежит заводу Ф.Леккерта, построенному в Могилеве на Московском предместье; ежегодное его производство достигает до 250 тыс. ведер. Другой завод той же фирмы находится в Гомеле. *Медоваренные* заводы существуют только в Минской и Могилевской губерниях, достигая здесь суммы производства до 24 тыс. руб.

Второе место в группе питательных продуктов занимает *мукомольное* производство. Общая сумма его производительности достигает 2005 тыс. руб., что составляет 9,2% всего производства группы питательных продуктов, 4,9% всего фабрично-заводского и 0,8% общей суммы мукомольного производства всей России, считая таковое в 254 040 тыс. руб. Мукомольное производство существует во всех наших губерниях и выше других стоит в Минской — 774 тыс. руб. (38,6%). Второе место занимает Могилевская губерния — 706 тыс. руб. (35,2%), третье — Витебская — 333 тыс. руб. (16,6%) и последнее — Смоленская — 192 тыс. руб. (9,6%). Из более крупных мельниц со средней годовой производительностью в 60 тыс. руб. можно отметить в Витебской губернии в Двинске мельницу Коварского с 28 рабочими, в Минской в Бобруйске — Гальберштама, в Минске при урочище

Серебрянка — Гуревича и Бейлина и в местечке Любоничи Бобруйского уезда — Фарбера; в Могилевской губернии в имении Раздор Климовичского уезда — Коносевича и в Могилеве — Шура, в Смоленской губернии в г. Смоленск — Малеванова и в Рославльском уезде вблизи д. Козловки Эпштейна.

С мукомольным производством связано *круподерное*, достигающее 88 тыс. руб.; выше всего стоит оно в Могилевской губернии (71 тыс. руб.). Круподерные заводы встречаются в Быховском, Гомельском уездах и в г. Горки.

Третье место в группе питательных продуктов занимает производство растительных масел; производительность этой отрасли промышленности достигает в области 1687 тыс. руб., что составляет около 7,8% всего производства группы питательных продуктов и 4,1% всего фабрично-заводского производства. Эта группа производства существует во всех губерниях, но наивысшего развития достигает в Смоленской губернии. Сумма производительности в этой губернии равна 857 тыс. руб. (50,7%); затем следуют Могилевская — 393 тыс. руб. (23,3%), Витебская — 250 тыс. руб. (14,8%) и Минская — 187 тыс. руб. (11,1%). Из более крупных маслобойных заводов назовем в Смоленске два — Зеликина и Шварца, в Вяземском уезде завод торгового дома «Девкин А. С-ья» (со 100 рабочими), в Гомеле Могилевской губернии завод Шварца, в Витебске завод фирмы «Бр. Левины» и в Минской губернии в Щорсах завод графа Хрептовича-Бутенева.

Далее следует *сыроваренное* производство; оно развито в Могилевской и Смоленской губернии и достигает 259 тыс. руб. В первой из них к 1 янв. 1900 г. числилось 10 сыроварен (из которых 5 находилось в Гомельском уезде) с производством до 28 тыс. руб., а во второй — до 100 сыроварен с производством до 231 тыс. руб. В Смоленской губернии отметим в Дорогобужском уезде в селе Бражин сыроварню губернского земства, в селе Успенское — Никифорова, в селе Николаевское — Руднева и в селе Бараново — фирмы «Шутин Г.И. наследн.». В Витебской губернии в Режицком уезде существует *стерилизационно-молочный* завод с производительностью в 15 тыс. руб.

Из остальных производств по обработке питательных продуктов отметим *крахмальное*, *паточно-крахмальное* и *паточное*; 24 завода этих групп существуют во всех губерниях. Сумма производительности их достигает до 265 тыс. руб., что составляет 1,2% производства по губернии и 0,6% всего производства по области. Наибольшая сумма производительности — до 136 тыс. руб. — падает на Могилевскую губернию, причем в показанном числе заключаются две суммы: производительность собственно крахмальных заводов — 128 тыс. руб. и паточно-крахмальных — 8 тыс. руб. В Минской губернии сумма производительности крахмальных заводов равна 20 тыс. руб., а паточных — 80 тыс. руб. В Витебской губернии сумма производительности паточных заводов достигает 18 тыс. руб., а в Смоленской — до 11 тыс. руб. Материалом для крахмального производства служит главным образом картофель, а для паточного — крахмал.

Булочное и *хлебное* производства более всего развиты в Витебской губернии; производительность их достигает здесь 133 тыс. руб.

Кондитерское, конфетное и пряничное производства встречаются в Смоленской, Могилевской и Витебской губерниях (43 тыс. руб.), колбасное — в Могилевской (23 тыс. руб.), производство изюмного вина — в Витебской и Могилевской (25 тыс. руб.), крупчатое (до 17 тыс. руб.), фруктовых вод (до 14 тыс. руб.), наконец, уксусное — в Витебской и Могилевской (7 тыс. руб.).

Переходим ко второй наиболее крупной группе производств — обработке *волокнистых веществ*. Сумма производства этой группы по области достигает 4557 тыс. руб., распределяясь по губерниям следующим образом (таблица 44).

Первое место в этой группе занимают *бумагопрядильное* и *бумаготкацкое* с суммой производительности в 3975 тыс. руб., что составляет 87,2% производства по губернии и 9,8% всего производства в области. Это производство, можно сказать, исключительно существует только в Смоленской губернии. Прядильным и ткацким материалом служит хлопчатая бумага. До последнего времени в нашей области, как впрочем и во всей России, изготовлялась исключительно пряжа низких и средних номеров (не свыше семидесятого); теперь, однако, началось производство и более высоких номеров. Лучшая пряжа преимущественно выделывается из

Таблица 44

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производит. в тыс. руб.	% к производит. губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	9	12	0,3	33
Минская	2	343	1,6	445
Могилевская	114	181	2,4	639
Смоленская	159	4021	45,8	4457
Всего по области	284	4557	11,2	5574

египетского хлопка, грубая — из смеси азиатского хлопка с угарами, и, наконец, на среднюю пряжу идет обыкновенный американский хлопок. Более всего вырабатывается низких номеров, которые требуются для изготовления миткаля, поступающего в продажу или в беленом виде под названием отбеленного миткаля и коленкора, идущего на белье, или же в крашеном (коленкор, цветной кумач), или, наконец, в набивном (крето́н, ситец) виде. Между существующими в Смоленской губернии фабриками первое место занимает бумагопрядильная и ткацкая фабрика под фирмой «Т-во Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А.Хлудова». Фабрика находится в Духовщинском уезде, в селе Ярцев-Перевоз; производительность ее превышает полтора миллиона рублей. Остальные производства по обделке волокнистых веществ в нашей области сравнительно незначительны: *шерстокрутильное* производство в Минской губернии достигает лишь 230 тыс. руб., *шерстяное* в Смоленской — свыше 10 тыс. руб.; *суконное* развито в Минской и Могилевской. В первой в Пинском уезде в имении графа Скирмунта находится известная доброкачественностью произведений суконная фабрика; сумма производительности сукна достигает здесь 118 тыс. руб. Выше суконного стоят канатное и веревочное производства; производительность их равна 124 тыс. руб., причем наибольшая — 97 тыс. руб. — падает на Могилевскую. Из канатных фабрик в Могилевской губернии назовем в г. Пропойск 2 крупные — Ноткина и Мовнина, в м. Виток 7 канатных фабрик различных лиц, в Рогачеве — 6. *Льно-* и *пенькотрепальные* фабрики встречаются только в Могилевской губернии; производительность их доходит до 62 тыс. руб.; более крупные из них — льнотрепальная Марголина в Гомеле, пенькотрепальная Кляуза в местечке Студенец и Гугель в местечке Ляды; последние две вырабатывают каждая свыше чем на 20 тыс. руб. Ваточные фабрики встречаются в Смоленской губернии в Юхновском уезде; производительность их доходит до 19 тыс. руб.; войлочные — до 10 тыс. руб. и чулочные — до 5 тыс. руб.; находятся они в Могилевской губернии.

Третью наиболее крупную группу фабричной промышленности в области составляют *древообделъные* производства; сумма производительности по ним равна 3715 тыс. руб. и распределяется по губерниям, как показано в таблице 45.

На первом плане в этой отрасли промышленности стоит *лесопильное* производство с суммой производительности в 3191 тыс. руб., что составляет 87,5% древоиздельного производства по области и 3,1% этого производства в России, считая его в 102 897 тыс. руб. По губерниям наивысшая сумма

Таблица 45

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производит. в тыс. руб.	% к производит. губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	24	321	7,8	364
Минская	57	2186	10,6	1799
Смоленская	59	422	5,6	632
Могилевская	121	786	9,0	1198
Всего по области	261	3175	9,1	3993

производительности приходится на Минскую — 1912 тыс. руб. (59,9%), затем в Смоленской она равна 760 тыс. руб. (23,8%), в Могилевской — 327 тыс. руб. (10,3%) и меньше всего в Витебской — 192 тыс. руб. (6,0%). Число всех лесопилен достигает 117; из них 30 лесопилен имеют средний оборот в 50 тыс. руб. Отметим в Минской губернии в Речице две лесопильни Залкинда и Когана, в Речицком уезде в д. Красновка — Южно-Русского лесопильного общества, в Мозырском уезде в имении Дорошевичи — лесопильню Г.И.Кеневича; в Дорогобужском уезде Смоленской губернии в имении Ивановское — Московского лесопромышленного т-ва; в Могилевской в Гомельском уезде в имении Горичевка — т-ва «Жемчужников А.А. и Брискер Л.И.», наконец, т-ва Надеждинской фабрики.

Второе место в группе по обработке дерева занимает производство деревянных сапожных гвоздей с суммой производительности в 175 тыс. руб. Сосредоточено оно исключительно в Минской губернии в Борисовском уезде (Сутина в местечке Смолевичи и Теплица в местечке Плещеницы), а также в Пинском и Игуменском уездах, причем в Борисовском производство это достигает 162 тыс. руб.

Затем следует производство по *сухой перегонке дерева*. Кроме непосредственного употребления дерева для построек и разных изделий оно служит еще и сырым материалом для получения целого ряда продуктов посредством химической обработки: древесная клетчатка или целлюлоза, используемая как писчебумажная масса, и продукты сухой перегонки, а именно уголь, уксусная кислота, деготь, смола, древесный спирт и скипидар. Сухая перегонка дерева состоит в процессе накаливания дерева в закрытых сосудах без доступа воздуха и ведется, когда собирается не только уголь, но и жидкие продукты, например деготь. Получение же собственно древесного угля чаще, однако, производится с участием воздуха, но при условии регулирования его таким образом, чтобы полное горение

было невозможно, а действие его сводилось лишь к развитию тепла, необходимого для обугливания. В нашей области результатами сухой перегонки являются три вида продуктов — уголь, смола из осмола, редко скипидар и деготь. Уксусная кислота и древесный спирт получаются в незначительном количестве и весьма нечистыми вследствие плохой обстановки самого производства по сухой перегонке дерева. *Угольное*, *дегтярное*, *скипидарное* и *смолокуренное* производства существуют во всех губерниях, но общая сумма их производительности не достигает значительной цифры — именно составляет всего 134 тыс. руб., из которых 68 тыс. руб. приходится на Минскую губернию, 60 тыс. руб. — на Могилевскую, 5 тыс. руб. — на Смоленскую и до 2 тыс. руб. — на Витебскую. В Минской губернии встречаются все названные виды этого производства; в Витебской и Смоленской распространено главным образом дегтярное, в Могилевской — смолокурно-скипидарное (38 тыс. руб.) и углеобжигательное (до 21 тыс. руб.); заводов в области насчитывается до 124. Из более выдающихся фабрик сухой перегонки дерева назовем: в Минской губернии в Бобруйском уезде в д. Росстани Х.Т.Белоуса и в д. Горожи Эвенчика, в г. Борисов Данишевского, в Игуменском уезде в селе Богушевичи Х.Зальдовича; в Могилевской губернии в Оршанском уезде в имении Заболоты Дышлевского (древесный спирт, смола и скипидар), в Смоленской губернии в Дорогобужском уезде в селе Озерищи углеобжигательный завод Розинга.

Далее рассмотрим производство *древесной массы*, служащей материалом бумажного производства; на древесную массу употребляется преимущественно дерево еловое, сосновое и осиновое, благодаря, с одной стороны, своей дешевизне, а с другой — тому обстоятельству, что древесина этих пород легка и мягка. По способу обработки древесная масса разделяется на механическую и химическую (целлюлозу), причем они идут на бумагу чаще всего только как подмесь к массе из тряпья. Эта отрасль промышленности главным образом сосредоточена в Витебской губернии (в Двинском уезде в местечке Ливенгоф, фабрика Маносзона) и в Могилевской.

Из других производств упомянем производство *спичечной соломки* и *коробок*; оно существует в Минской (в Мозырском уезде в Кимбаровке фабрика Дворжеца) и в Могилевской губерниях.

Рогожное производство сосредоточено главным образом в Могилевской (Ловьянова в Гомеле) и в Смоленской губерниях и достигает 17 тыс. руб.

Следующая группа — *минеральное* и *керамическое* производство с суммой производительности в 2219 тыс. руб. Распределение этих отраслей промышленности по губерниям представляется в таблице 46.

Таблица 46

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производительности, тыс. руб.	% к производит. губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	229	369	9,1	1436
Минская	17	372	1,8	836
Могилевская	197	650	8,9	1699
Смоленская	170	828	9,1	2200
Во всей области	683	2219	5,4	6180

Первое место в группе минерального и керамического производства занимает *кирпичное*, достигая до 749 тыс. руб., что составляет 33,8% всего производства этой группы и 1,8% производства по области. Кирпичное производство распространено во всей области, но наивысшей производительности достигает в Смоленской губернии, доходя до 363 тыс. руб. (48,5%), т.е. составляет около половины всего кирпичного производства в крае. Меньше других по производству кирпича Могилевская губерния — около 103 тыс. руб., при этом в Минской и Смоленской преобладают более крупные заводы, а в Витебской и Могилевской — мелкие. В Минске в урочище «Добрые Мысли» завод Каплана и Варгафтига, в урочище «Бигуровке» Слепяна, в Бобруйске Розенберга и в селе Альбрехтово Пинского уезда Скирмунта. В Смоленской губернии в Смоленске существуют два крупных завода — один Карева и Жилинского, другой Игнатьева. В качестве материала для кирпича в нашей области служат главным образом глина и известь с песком (известковые кирпичи).

Стекольное производство существует во всех губерниях и оценивается около 677 тыс. руб. Наибольшего развития оно достигло в Смоленской губернии (около 239 тыс. руб.), потом следуют Могилевская (211 тыс. руб.), Минская (125 тыс. руб.) и Витебская (102 тыс. руб.). Из крупных стекольных предприятий необходимо назвать известный завод акционерного общества Мальцевских заводов в Смоленской губернии, в Рославльском уезде в селе Щеткино, сумма производительности которого достигает до 100 тыс. руб., а число рабочих — 164; второй крупный завод Соколова находится в селе Тростино. В Могилевской губернии крупный завод Магидсона находится в Климовичском уезде при хуторе Осиновка. На стеклянных

фабриках выделываются следующие изделия: бутылки, посуда столовая, посуда аптекарская и химическая, принадлежности освещения, листовое и зеркальное стекло. На первом месте по стоимости годовой выработки стоят бутылки, а затем листовое стекло и посуда; зеркальное же сравнительно мало развито.

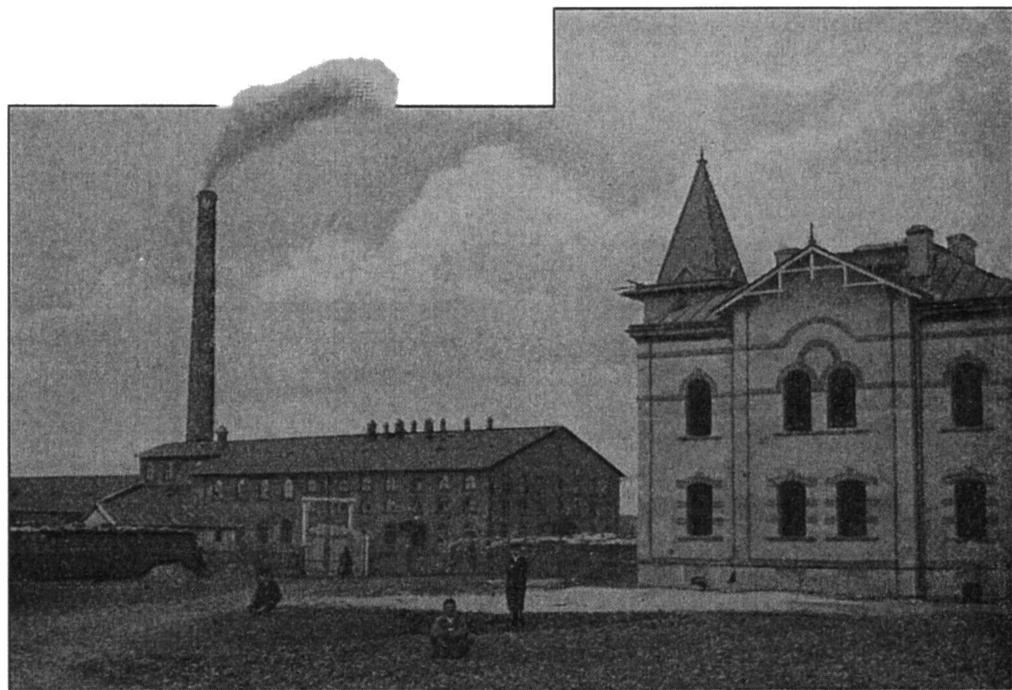
Кафельное (изразцовое) производство оценивается в 590 тыс. руб. Эта отрасль промышленности имеется во всех губерниях, но большая часть суммы производительности приходится на Могилевскую (320 тыс. руб.). Особенно богат кафельными заводами г. Копысь; здесь насчитывается 14 заводов, и есть довольно крупные, как например Альперовича, Гинзбурга, Гуревича, Песельника и др. Второе место занимает Минская губерния (103 тыс. руб.); потом следуют Смоленская (84 тыс. руб.) и Витебская (около 80 тыс. руб.). Изразцы делаются из глины, причем одна из сторон — наружная — поливается глазурью, которая потом заплавляется в особом обжиге. Изразцы и кафли употребляются главным образом для постройки комнатных печей как облицовочный материал.

Из прочих производств *хрустальное* встречается только в Смоленской губернии; производительность его достигает 135 тыс. руб. Единственный во всей области хрустальный завод находится в Рославльском уезде в селе Мариинское и принадлежит И.А.Соколову; число рабочих — 572.

Известковые заводы встречаются в Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях. Сумма производительности их достигает 41 тыс. руб. *Гончарное* производство существует в Витебской и Могилевской — всего на 13 тыс. руб. *Мозаичное* производство в Минской губернии достигает 9 тыс. руб. и *костопальное* в Могилевской — до 4 тыс. руб.

Следующую группу производств составляют *бумагоделательное* и *полиграфическое* производства. Ценность их составляет 2057 тыс. руб. По губерниям они распределяются следующим образом (таблица 47).

Первое место в группе бумагоделательных и полиграфических изделий занимает *писчебумажная* промышленность; сумма ее производительности достигает 1460 тыс. руб., что составляет 71% всего производства данной группы и 3,6% всего производства по области. Все писчебумажное производство сосредоточено на одной фабрике князя Паскевича в Могилевской губернии, в Гомельском уезде, в селе Добруш, в 26 верстах от Гомеля. По достоинству своему, по своим размерам и обширному производству, а также по своему техническому устройству не уступает первоклассным фабрично-заводским учреждениям не только в России, но и в Западной Европе. Кроме тряпья, составляющего основной материал для изделий фабрики, она приобретает еще солому пшеничную, ржаную и основное дерево. Солома и дерево перерабатываются на отдельных заводах, древесномассном и соломенномассном, и доставляются с заводов на фабрику. Из этих материалов выделываются самые разнообразные сорта писчебумажных изделий: бумага почтовая, писчая, книжная, печатная и проч., а также альбомная, бюварная и пр. Все аппараты и механизмы приводятся в действие силой пара и воды; для производства имеется 4 паровые машины, а кроме того, фабрика пользуется и громадной силой р. Ипуть. Управление фабрикой находится в руках опытных специалистов из технологов-химиков, а также из опытных мастеров и механиков;

Картонная фабрика Кривошеина в Шклове. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Таблица 47

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производит., тыс. руб.	% к производству в губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	3	172	4,2	151
Минская	13	255	1,3	356
Могилевская	37	1601	21,3	1132
Смоленская	2	29	0,3	47
Всего по области	55	2057	5,1	1686

всех рабочих числилось к 1 янв. 1900 г. 835 чел. Сбыт изделий фабрики весьма обширен благодаря близости станции железной дороги. Торговля изделиями ведется с Москвой, Одессой, Варшавой, Киевом, Харьковом, Кишиневом, Бердичевом, Вильной, Минском, Могилевом, Гомелем и другими. Производительность фабрики возрастает: в 1890 г. сумма производительности равнялась 900 тыс. руб., в 1893 г. доходила до 1 $^1/_2$ миллиона, в 1899 г. (как видно из вышеизложенного) — до 1460 тыс. руб. и в 1900 г. — свыше 1600 тыс. руб. В последний год число рабочих увеличилось до 900 человек.

Второе место в данной группе занимает *картонное* производство, оцениваемое в 228 тыс. руб. Картонные фабрики встречаются во всех губерниях, кроме Минской. Более всего развито в Витебской губернии (в Витебске завод Киммеля с производительной суммой в 70 тыс. руб.), достигая в общем 172 тыс. руб.

Третье место занимает *типо-литографское* производство, оцениваемое в 220 тыс. руб. Затем следуют производства: *обойное* и крашеной бумаги с производительностью в 50 тыс. руб. в Минской губернии (в Минске — обойные фабрики Хаютина и Шифмаловича), *папиросных гильз* с суммой производительности в 37 тыс. руб. в Минской и Могилевской (в первой — в Новгороде гильзовая фабрика Шомовича, во второй — в Могилеве Певзнера), производство *бумажной массы* на 26 тыс. руб. в Минской губернии, *фотографическое* — до 18 тыс. руб., *переплетное*, оцениваемое в 15 тыс. руб., и, наконец, *оберточно-бумажное* (в Смоленской) — до 31 тыс. руб.

Материалом для производства бумаги служат льняное тряпье и древесная масса, добываемая механически, а также целлюлоза (клетчатка), добываемая химически, и иногда соломенная масса, причем для изготовления лучших сортов бумаги льняное тряпье незаменимо. Древесная же масса и целлюлоза представляют материал для средних и низших сортов бумаги, а также картона и обойной бумаги. Что касается древесной массы, то условия производства ее чрезвычайно благоприятны в России благодаря обилию хвойного и лиственного леса и дешевизны его; на севере и северо-западе (в том числе и в губерниях нашей области Витебской, Могилевской и отчасти Минской) начали возникать древесномассные заводы, и добываемые ими продукты служат суррогатом тряпья.

К следующей группе производств принадлежит *обработка животных продуктов*. Ценность этой отрасли промышленности в рассматриваемой области определяется в 2005 тыс. руб. и распределяется по уберниям следующим образом (таблица 48).

Первое место в этой группе по величине производства занимает *кожевенная* промышленность, достигающая до 1244 тыс. руб., что составляет 62% производства по губернии и 3,5% всего производства по области. Развита во всех губерниях, но на первом месте стоит Могилевская с производством в 583 тыс. руб. (47,1%), затем Витебская — до 246 тыс. руб. (19,8%), Смоленская — 210 тыс. руб. (16,8%) и менее всего Минская — 202 тыс. руб. (16,2%). Материалом для производства служат кожи домашних животных — крупного рогатого скота, овец и лошадей; цель производства — превратить сырые шкуры в обработанную кожу, годную для пользования; это изменение сырой кожи и составляет предмет кожевенного производства. В нашей области выделываются следующие изделия: подошвенные кожи, юфть, коневые, телячьи и выростки. Число всех заводов — 379, из них в Минской губернии только 9, из чего видно, что преобладают крупные заводы; больше же всего заводов в Могилевской губернии. Из выдающихся заводов назовем: в Могилевской губернии в Гомельском уезде в местечке Поддобрянка — Герчи-

Таблица 48

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производит., тыс. руб.	% к производству в губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	184	437	10,7	1053
Минская	13	491	2,8	421
Могилевская	208	700	9,3	533
Смоленская	127	378	4,3	462
По всей области	532	2005	4,9	2469

кова, в Витебске — Шалыта и в Двинске — Грилихеса, в Смоленске — Певзнера, в Вязьме — Батенина и в Минской губернии в Минском уезде два завода Авг. и Александра Имрот. В связи с кожевенным производством находится и *обделка овчин*; в Витебской губернии свыше 30 промышленных заведений занимаются исключительно выделкой овчин; сумма их производительности достигает до 35 тыс. руб.

Второе место в группе обделки животных продуктов занимает производство *стеариновых свечей*; производительность его достигает 240 тыс. руб. Стеариновое производство сосредоточено в трех губерниях — Минской (170 тыс. руб.), Могилевской (68 тыс. руб.) и Витебской (2 тыс. руб.). Сырыми материалами для получения стеарина служат пальмовое масло, свиное и всякое иное сало, кокосовое масло и проч., но преимущественно идет сало. Из заводов отметим в Минской губернии в Пинском уезде в имении Альбрехтово один завод, он же и единственный в губернии под фирмой «Элиасберг, Рабинович и К°».

Третье место занимают *мыловаренные* заводы с суммой производительности в 225 тыс. руб. Мыловарение производится во всех губерниях, причем наибольшая сумма производительности приходится на Минскую (110 тыс. руб.). Число всех мыловаренных заводов в области — 58; из них только 2 завода — Блимовича и Данижевского — находятся в Минской губернии (оба в Минске); второе место по производительности занимает Витебская (73 тыс. руб.), но здесь заводы мелкие; всех заводов в этой губернии насчитывается до 34. Сырыми материалами мыловаренного производства, с одной стороны, служат твердые жиры, жирные масла животного и растительного происхождения, олеиновая кислота (олеин стеариновых заводов), а также канифоль, с другой — щелочи.

Четвертое место в группе занимают *воскобойные* заводы и заводы *восковых свечей* с суммой производительности до 188 тыс. руб. Эта отрасль промышленности встречается в Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях. В Витебской существует один завод восковых свечей (40 тыс. руб.), в Смоленской имеется 20 таких же заводов (141 тыс. руб.) и один воскобойный (5 1/2 тыс. руб.), а в Могилевской — один воскобойный (500 руб.). Кроме свечей из воска, особенно в прежнее время, выделывались цветы и фрукты для украшения комнат.

Остальные производства идут в следующем порядке — *щетинное* в Витебской губернии достигает 27 тыс. руб., *салотопенное* в Витебской, Минской и Смоленской губерниях (17 тыс. руб.), *кровяные* (альбуминные) заводы в Витебской и Могилевской (8 тыс. руб.) и в Могилевской — *шорное* и *седельное* производства (8 тыс. руб.), *кишечноочистительное* (7 тыс. руб.) и *клееваренное* (до 4 тыс. руб.).

Следующую группу производств составляют *химические* производства с суммой производительности в 1994 тыс. руб. По отдельным губерниям это производство распределяется так, как показывает таблица 49.

Самым крупным представителем данной группы производств является *спичечная* промышленность, оцениваемая в 1729 тыс. руб., что составляет 86,6% всего производства по губернии, 4,7% всего производства по области и 45,7% всего спичечного производства в России, считая его в 3784 тыс. руб., т.е. наша область выделывает почти половину всего количества спичек, производимых в России. Спичечное производство имеет место во всей нашей области, но особенно развито в Минской и Витебской губерниях. В первой из них сумма производительности равна 769 тыс. руб. (44,5%), а во второй — 563 тыс. руб. (32,5%); остальные 23% составляют производительную сумму двух других губерний — Смоленской (249 тыс. руб.) и Могилевской (148 тыс. руб.). В прежнее время (до 1888 г.) во всей России спички производились главным образом фосфорные; производство же бесфосфорных едва составляло 20%. В 1888 г. спичечное производство сделалось источником государственных доходов, а в 1892 г. последовало изменение в прежней системе акциза в том смысле, что фосфорные спички были обложены (ввиду крайне вредного действия фосфора на здоровье рабочих) акцизом в двойном размере. Количество бесфосфорных спичек достигло в последние годы до 80% всего производства спичек. На спичечных фабриках допускаются к работе женщины и дети, и число их достигает 45%. Всех спичечных заводов в области к 1 янв. 1900 г. насчитывалось 11; более крупные из них: в Минской губернии в Пинске — Гальперна и Гиршмана, в Мозыре — Дворжеца, в Могилевс-

Таблица 49

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производит., тыс. руб.	% к производству в губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	83	691	16,8	937
Минская	5	806	3,9	1840
Могилевская	9	171	2,2	321
Смоленская	43	326	3,7	637
Всего по области	140	1994	4,9	3735

кой губернии в Гомеле — Виттенберга, в Смоленской в Вяземском уезде в д. Ямская Слобода — два завода Ельчинского.

Второе место в группе занимают производства *сургучное*, *синельное*, *лаковое*, *олифное*, *политурное* и проч. с общей суммой производительности около 185 тыс. руб.; из них наибольшая сумма производительности по сургучному, лаковому и политурному производствам приходится на Витебскую губернию; лак, олифа и политура в Минской губернии достигают суммы производительности до 37 тыс. руб. Синельное производство более развито в Витебской и Смоленской губерниях, менее — в Могилевской, а в Минской этой отрасли промышленности совсем нет.

Затем следуют *красильные* заводы с производством в 78 тыс. руб.; встречается в Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях. Оно достигло наибольшего развития в Смоленской губернии (73 тыс. руб.) благодаря существованию здесь бумажно-ткацкого производства (Ярцево). Наконец, производство *эфирного масла* в Могилевской губернии и *поташное* в Витебской весьма незначительны и в своей совокупности не достигают даже 2 тыс. руб.

Металлическое производство в нашей области существенного значения не имеет и составляет наименьшую группу производств. Сумма металлической производительности достигает 1043 тыс. руб., а по губерниям распределяется следующим образом (таблица 50).

Таблица 50

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производит., тыс. руб.	% к производству в губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	9	230	5,6	605
Минская	7	265	1,3	450
Могилевская	11	525	7,0	274
Смоленская	4	23	0,3	170
По всей области	31	1043	2,6	1355

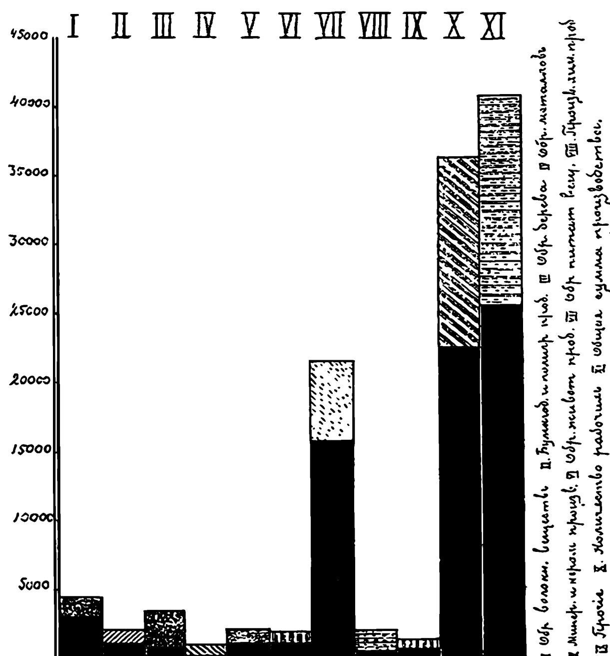
Наибольшую ценность в этой группе представляет собой *проволочно-гвоздильное* производство (441 тыс. руб.). Единственный во всей области проволочно-гвоздильный завод находится в Могилевской губернии, в Оршанском уезде, в имении С.С.Лазаревой; количество рабочих на нем достигает 98 человек. Производства *машиностроительное* и *механические* по устройству земледельческих и сельскохозяйственных орудий достигают суммы производительности 205 тыс. руб.; машиностроительное и механическое производства развиты в Минской губернии (в Пинске завод О'Бриен де Ласси с производством в 17 тыс. руб.), а производство сельскохозяйственных и земледельческих орудий — в Могилевской и Смоленской (в Вяземском уезде фабрика земледельческих орудий Квапиля). *Игольное* производство существует в Витебской губернии. Эти изделия выделываются в имении Ликсно графа Платера-Зибера, на единственной фабрике по этой отрасли производства в нашем крае; в этой же губернии в Двинске существуют три пуговичные фабрики (100 тыс. руб.) — Лурье, Шацкеса, Виттенберга и Штейна. Из других производств *чугунолитейное* существует в Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях (72 тыс. руб.). *Судостроительное* производство, *петельное* и *скобяное*, а также *свинцовых листов* (4 тыс. руб.) действуют в Минской губернии.

Наконец, последнюю группу составляют все те производства, которые не вошли в предыдущие группы. Сумма производительности их определяется в 1533 тыс. руб. и распределяется по губерниям так, как показывает таблица 51:

На первом месте стоит *табачное* производство, достигающее 893 тыс. руб. Оно существует во всех губерниях, но выше других в этом отношении стоит Минская с производством в 415 тыс. руб. (46,5%), затем следуют Витебская (234 тыс. руб.), Смоленская (211 тыс. руб.) и Могилевская (33 тыс. руб.). Материалом для этого производства служит табак в сыром виде. На фабриках он подвергается механической и химической обработке; выпускается в двух сортах: курительный и нюхательный. Табачное производство есть одно из тех производств, где женский труд занимает солидное место (свыше 50%) и где также принимаются дети. Из табачных фабрик назовем следующие: в Минске, Пинске — Гринцмана, Розенштейна и Соловейчика, в г. Витебск — завод Колбановского (более 100

Таблица 51

Губернии	Число фабрик и заводов	Сумма производительности, тыс. руб.	% к производит. губернии	Число рабочих на фабриках и заводах
Витебская	12	572	13,9	321
Минская	10	446	2,1	374
Могилевская	15	290	3,9	433
Смоленская	8	225	2,6	108
Во всей области	45	1.533	3,7	1236

тыс. руб.) и в Смоленске — Рыжикова (25 тыс. руб.), в Вязьме — Гайдукова (32 тыс. руб.).

Нефтяное производство сосредоточено в Витебской губернии (312 тыс. руб.), *сенопрессовальное* — в Минской и Могилевской (247 тыс. руб.), как наиболее богатых поемными лугами. Из сенопрессовальных фабрик отметим: в Могилевской губернии в Гомельском уезде в селе Борхово т-во Франкомб и Макдональд. *Экипажное* производство (53 тыс. руб.) существует во всех губерниях, но выше других стоит это производство в Могилевской (фабрика Кропоткина в имении Никольское Чериковского уезда). Последними отметим производство по *выделке очков* в Витебске (25 тыс. руб.) и *колесной мази* в Могилевской губернии (3 тыс. руб.).

Чтобы закончить обзор фабрично-заводской промышленности в нашей области, мы прилагаем на стр. диаграмму увеличения за семилетний период (с 1893 по 1899 г. включительно) производительности отдельных групп производств, общей суммы производительности и числа рабочих. Первые 9 столбиков (I—IX) показывают рост производительности групп, X-й — рост числа рабочих и XI-й — рост общей производительности по области, причем производительность в 1893 г. по всем группам производств, число рабочих и общая производительность по области изображены черной краской (низ столбиков), а прирост к 1 янв. 1900 г. показан штрихами и клеточками (верх столбиков). Всматриваясь в диаграмму, можно заметить, что общая производительность и производительность по всем группам, а также число рабочих сильно возросли за указанный выше период. Это увеличение, выраженное в относительных числах, представляется в следующем виде:

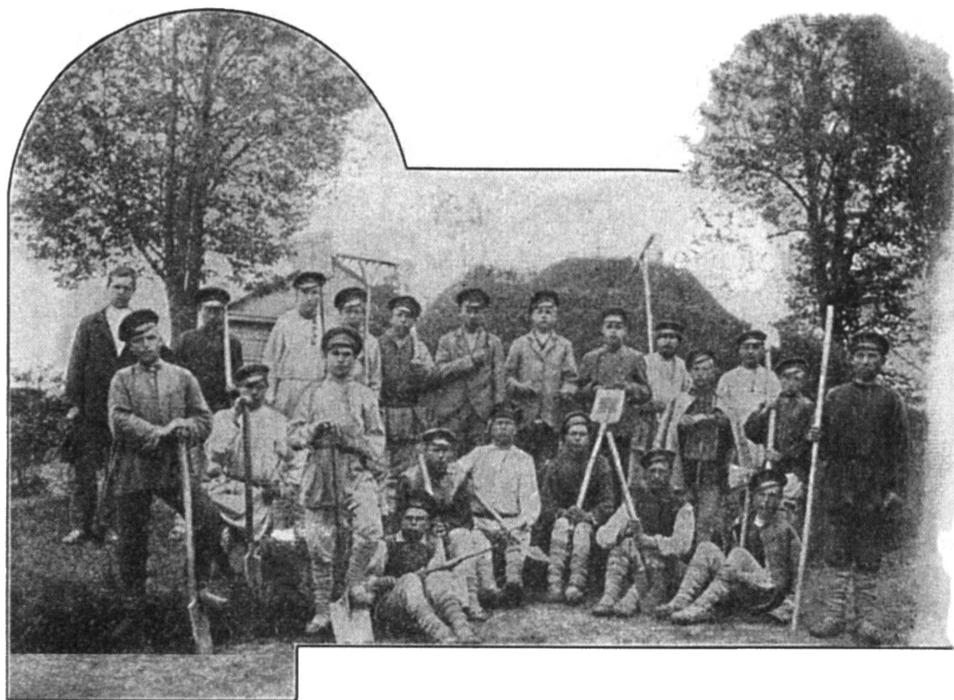
Базарный рынок по субботам в Смоленске. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Группы производств	Увеличение производительности, в %
Обделка волокнистых веществ	42,7%
Бумагоделат. и полиграф. производство	91,0%
Обделка дерева	283,4%
Обделка металлов	166,1%
Минеральн. и керамич. производства	107,7%
Обделка животных продуктов	62,8%
Производство питательных продуктов	36,6%
Химическое производство	243,8%
Прочее производство	77,4%
Увеличение по области всех производств вместе	61,7%

Что касается увеличения числа рабочих, то оно выразилось за тот же период — 61,7%, т.е. количество рабочих возросло более чем в полтора раза. Из групп производств возросли следующие: по обделке дерева (283,4%), химическое производство (243,8%) и обработка металлов (166,1%).

Увеличение производительности первой группы неразрывно связано с развитием *лесопильного* производства в области: в 1893 г. число лесопильных заводов достигало до 50 и производительность их оценивалась в 452 тыс. руб., а в 1899 г. число заводов увеличилось уже до 116, сумма же производительности возросла до 3191 тыс. руб., т.е. разница между этими двумя суммами 2732 тыс. руб., или свыше 99% всего увеличения группы по обделке дерева за период с 1893 по 1899 г. Второе значительно увеличившееся производство — *химическое*; увеличение его должно быть отнесено главным образом насчет спичечного производства этой группы. Производительность последнего в 1893 г. оценивалась в 417 тыс. руб., а в 1890 г. она достигла 1729 тыс. руб., так что разница между двумя суммами производительности выразилась в 1312 тыс. руб., которые составляют около 93% всего увеличения этой группы производств за период с 1893 по 1899 г. Увеличилась также, хотя и не в такой степени, как первые два производства, *обработка металлов*; увеличение ее относится главным образом к двум отраслям этого производства — машиностроительному и проволочно-гвоздильному: новые машиностроительные заводы возникли только в названный период в Минской и Могилевской губерниях; общая сумма производительности их оценивается до 200 тыс. руб., а проволочно-гвоздильное производство дает разницу в производительности между 1893 и 1899 гг. свыше 250 тыс. руб. Эти две суммы составляют 450 тыс. руб., т.е. около 69% всего увеличения группы за семилетний период. Из прочих производств по увеличению производительности выше других стоят минеральное и керамическое производство (107,7%), затем следуют бумагоделательное и полиграфическое (91,0%), прочие производства, не вошедшие ни в одну группу (77,4%), затем обработка животных продуктов (62,8%), обработка волокнистых веществ (42,7%), самый меньший прирост в группе производств дает выделка питательных продуктов (36,6%).

Отхожие промыслы в нашей области занимают довольно видное место. Местами отхода являются главным образом обе столицы и Донецкий бассейн. Виды отхожих промыслов весьма разнообразны. Как на более выдающиеся из них, можно указать в нашей области на земляные работы по линиям вновь строящихся и ремонтируемых железных дорог, на работы на фабриках и заводах в крупных городах, а также на каменные, плотничные и другие работы. К числу отхожих промыслов относят иногда и занятие сплавом леса, но удобнее считать его вместе с лесным промыслом, что выше мы и сделали. По отдельным губерниям число лиц, занимающихся отхожими промыслами, довольно значительно. В Витебской губернии в 1898 г. ушло на заработки 18 943 мужчины и свыше 1700 женщин; часть ушедших занималась

земляными работами по линиям строящихся дорог. Многие уходят на фабрики и заводы и на службу в Петербург. Заработок от отхожих промыслов достигал 91 1/2 тыс. руб. В Минской губернии занято было в 1899 г. ремонтом на железных дорогах свыше 6 тыс. человек; в Игуменском уезде заработок отхожих промышленников равнялся 10 500 руб., в Новогрудском — 500 руб., в Пинском уезде рабочие получали от 50 коп. до 1 руб. в день, в Речицком — 40—60 коп. в день, в Бобруйском — от 50 коп. до 1 руб. и в Борисовском — от 30 до 40 коп. В Могилевской губернии более развит отхожий промысел в виде ухода на заработки в качестве земледельческих рабочих, чернорабочих в городах, домашней прислуги и проч. Кроме того, существует здесь также отхожий промысел для копания корней, трепанья пеньки, добывания камня, извозный и некоторые другие. Добывается камень в Гомельском и отчасти в Чериковском и Рогачевском уездах и доставляется в пределы Могилевской губернии на Московско-Брестское и Петербургско-Киевское шоссе; плата за кубическую сажень камня достигает 45—50 руб. В Смоленской губернии отхожими промыслами занимается значительная часть населения. В этом отношении она значительно превосходит Витебскую, Минскую и Могилевскую. В 1899 г. число лиц, взявших паспорта на пять лет, годовых и полугодовых, доходило до 117 161 чел., в том числе 89 420 мужчин и 27 741 женщина. Из отхожих промыслов в этой губернии назовем нагрузку вагонов в уездах, где вблизи проходят железные дороги, работы по очистке пути и проч. Часть уходит в столичные и другие города, где нанимается прислугой или поступает в мастерство, а часть, владеющая специальными знаниями, как например дорогобужские каменщики и плотники или юхновские землекопы — (*«граборы»*) на каменные, плотничьи и земляные работы в другие губернии. Значительная часть населения Сычевского и Гжатского уездов уходит в Москву на работы на фабриках, заводах, а из Рославльского — в Екатеринославскую губернию и в область войска Донского на работы на металлургических заводах, а также занимаются добычей каменного угля и руды. Быт смоленских «граборов» картинно описан А.Н.Энгельгардтом в его «Письмах из деревни».

ГЛАВА VII

Пути сообщения

А.Н.Сапунова и Д.З.Шендрика

Исторический очерк путей сообщения. — Современные водные пути. — Днепр с притоками и искусственные водные пути. — Зап. Двина. — Административное деление Днепра. — Типы грузовых деревянных судов. — Судостроение. — Размеры современного судоходства. — Пароходство. — Размеры грузового движения по водным путям. — Фрахты. — Главнейшие грузы и их ценность. — Грунтовые дороги. — Шоссейные дороги. — Железные дороги. — Грузовое движение по железным дорогам. — Главнейшие грузы на железных дорогах. — Относительная длина главнейших путей сообщения.

В истории развития путей сообщения в нашем крае можно указать три важнейших периода: 1) с древнейших времен до присоединения Белоруссии к России, 2) с конца XVIII в. до проведения шоссейных и железных дорог (40—60-е гг. XIX в.) и 3) до настоящего времени.

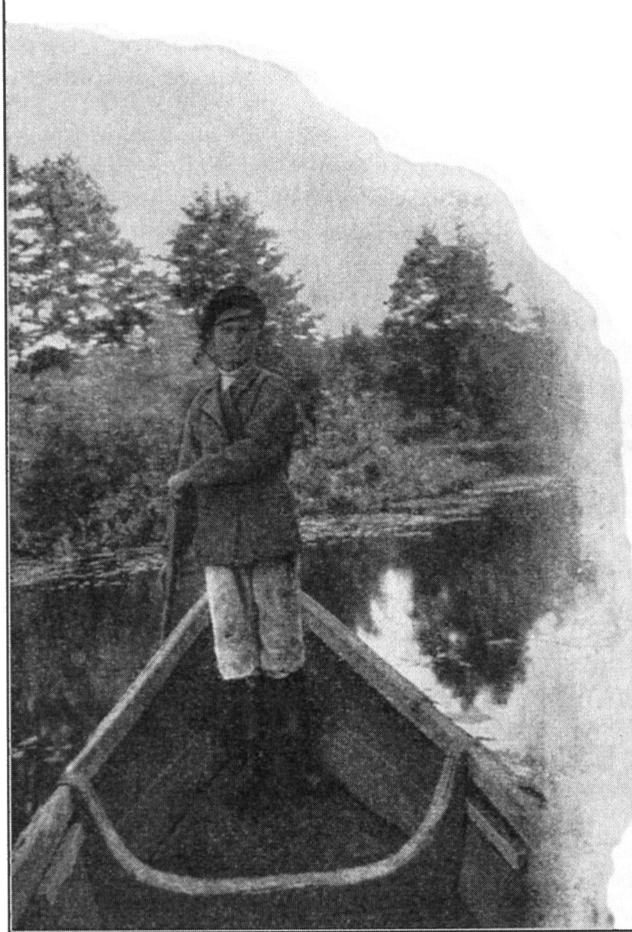
Древнейшими путями сообщения у нас, как и везде, были *водные*. Страна наша обладает в этом отношении превосходными путями сообщения, и одна из древнейших торговых дорог от Балтийского моря к Черному — «из варяг в греки» — пролегала именно здесь. Первые письменные известия о Днепре, древнем Борисфене относятся к V в. до Р.Х. В то время южная часть нынешней России по берегам Черного моря была заселена греческими колониями, в которых промышленность и торговля были значительно развиты; вот эти-то колонии в половине V ст. и посетил Геродот. Результаты личных наблюдений и рассказы очевидцев изложены в «Мельпомене» (так назвал Геродот четвертую книгу своей истории). Изложение таково, что нельзя не верить, что Геродот сам был очевидцем многого: он описывает русло Днепра, называет несколько южных его притоков, перечисляет жителей на обоих берегах Борисфена, сообщает сведения о торговых сношениях на Днепре и выражает свой восторг перед необыкновенным богатством и величием рек древней Скифии.

Кроме Геродота многие последующие историки и географы, греческие и римские, также оставили кое-какие сведения о Днепре, но нового ничего не сказали, и только в X—XI вв. после Р.Х. появляется ряд ценных известий у византийских писателей, а главным образом у императора визан-

тийского Константина Багрянородного в его сочинении «Изложение государственного порядка». В названном сочинении император Константин Багрянородный говорит уже не о Скифии, а о новом славяно-русском государстве, центром которого служит г. Киев, расположенный на берегу Днепра; по верхнему и среднему течению Днепра расселились славяне, а в южных пределах печенеги, половцы и другие кочевые племена. По берегам Днепра возникли города и крепости, выстроены были торговые склады, а вместе с тем и движение по нему возросло. Возникли сношения между новым славяно-русским государством и Византией: проводником этих сношений был Днепр, по которому сплавлялись произведения нового государства. В этом же сочинении Константин Багрянородный описывает торговый путь, пролегавший от верховьев Днепра в Черное море до Константинополя, и при описании указывает города, крепости и пристани на реке.

В руссских летописях впервые появляются известия о Днепре только в XII в. Из них видно, что на пространстве, занимаемом рекой, поселились славяне, пришедшие из-за Дуная, причем Днепр и его притоки служили границами, отделявшими различные славянские племена друг от друга и отдельные удельные княжества. Верховья Днепра разделяли княжества Полоцкое и Смоленское, Березина была границей между Полоцким и Киевским, а Сож — между Черниговским и Смоленским княжествами. Из городов и пристаней в верхнем течении Днепра в летописях упоминаются: Смоленск, древнейший город в земле кривичей с пристанью Смядынь (1015 г.), Рогачев (1180 г.), а на притоках Днепра — Припяти — Мозырь, Туров, Пинск, на Соже — Чечерск и др.

Из летописей же мы знаем, что Варяжский водный путь, называемый летописцем «путь из варяг в греки», тянулся через весь материк России и соединял Балтийское море с Черным. Это имело громадное значение для русской земли, так как благодаря были возможны сношения ее, с одной стороны, с северо-западной, а с другой — с юго-восточной Европой. Днепр был одним из звеньев этого пути. Этим путем ходили из Новгорода в Киев Аскольд и Дир. Впоследствии название Варяжского пути удержалось только за северной частью, а среднее и южное течение Днепра получили название «греческого пути». Средоточием северной части Варяжского пути был г. Смоленск, а сам путь простирался из Балтийского моря через Неву, Ладожское озеро, р. Волхов, озеро Ильмень, р. Ловать, волоком к р. Усвят, притоку Зап. Двины, потом по Зап. Двине, по ее притоку Каспля, опять волоком к Днепру и затем по его верхнему течению.

На старом русле Немана. (По фотографии А.К.Кабанова).

Кроме торгово-промышленных путей на самом Днепре существовали также торговые пути из Днепра в систему Волги, где русские вели торговлю с камской Болгарией. Следующий рассказ летописца подтверждает сказанное: в 985 г. кн. Владимир со своим родственником Добрыней и новгородцами ходил на судах Волгой на камских болгар. Путь его, конечно, точно указать мы не можем: он мог идти по р. Валуза, притоку Волги, близко подходящему к притокам Днепра, или же по Десне, которая верховьями притока Болвы подходит к Угре, а рекой Снежеть сближается с Ресеитой, правым притоком Жиздры. Кроме того, вблизи был еще один путь по р. Сож из Днепра в волжскую систему — путь на «Радимичи».

На притоках Днепра Припяти и Березине, без сомнения, также велись торговые сношения: из Припяти путь пролегал в систему р. Неман, а из р. Березина — в систему Зап. Двины. Найденные в Зап. Двине обломки больших судов древней постройки свидетельствуют о сравнительно очень отдаленном судоходстве по этой реке. Земля Полоц-

кая, точно так как и Киев, упоминается в древнейших скандинавских сагах, что о глубокой древности торгового движения по Западной Двине и Днепру.

Товары Западной Европы могли обмениваться на товары восточные самой кратчайшей и прямой дорогой — через Зап. Двину, Касплю, Днепр, Вязьму и Москву. Это направление восточной торговли ясно обозначается монетными кладами, состоящими из арабских диргемм; этот монетный след проходит от устья Западной Двины до среднего течения р. Москва.

На первых же страницах летописи говорится: «Двина идет на полунощье и внидет в море Варяжское. Тем же и из Руси может ити по Двине в Варяги...» Это описание пути по Двине ясно указывает, что путь этот был знаком и древней Руси. Действительно, «грозные» полочане, известные в древности предприимчивостью и энергией, хорошо умели пользоваться этой дорогой: лучшим доказательством тому служили колонии полочан по Двине вплоть до Балтийского моря; нельзя также не упомянуть и о так называемых «борисовых» камнях в Двине, свидетельствующих о том же.

Кроме путей водных, конечно, были и дороги *сухопутные*. Несомненно, существовали дороги из различных местностей Полоцкой земли в Ливонию ввиду оживленных взаимных торговых сношений. Из Полоцка, например, пролегал путь, по всей вероятности, не только по правому берегу Двины, но и по левому. Таким путем шел князь Андрей Полоцкий к Динабургу в 1375 г. Этим же путем воспользовался в 1656 г. царь Алексей Михайлович во время своего похода под Ригу. Напротив, король Стефан Баторий шел в 1579 г. по правому берегу Зап. Двины. Гейденштейн, секретарь короля, пишет: «Войска, отправленные вперед к Полоцку (из Вильны), переправились чрез Двину под Дисною по мосту, устроенному на лодках... По мере удаления от Двины движение стало иногда замедляться сплошным лесом... Венгерской пехоте приказано было топорами проложить путь».

Интересно также описание пути, по которому шли войска Батория из Витебска через Сураж в Велиж. «Замойский, — пишет Гейденштейн, — построив наскоро мост на Каспле, прибыл в Сураж; здесь в ожидании прибытия орудий, которые тащили вверх по Двине, он дал войску отдых и пробыл один день, совещаясь о дальнейшем походе (в Велиж). Ему предстояло два пути, лежащие по той и другой стороне Двины; если идти по задвинской дороге, то придется дважды переправляться через Двину; по сию сторону Двины был другой путь, но по нем можно было идти лишь поодиночке; после Витовта, 160 лет тому назад, никто по нем не проводил войска; но Замойский все-таки решился идти по этому пути. Он приказал рубить топорами лес. Затем следовала работа не легче первой: места болотистые или пересеченные оврагами выравнивать или мостами, или настилками и фашинами... Место близ верховья казаки и поныне называют «*Витовтовым мостом*»: по преданию, в этом месте по наведенному мосту Витовт некогда переправил свое войско. Здесь немедленно был сделан мост на очень широком болоте...»

До сих пор сохранились близ Полоцка следы дороги Ольгерда. «Шлях» этот, по указанию местных жителей, тянулся из Полоцка через задвинские леса, мимо мызы Рудни, через Ушачу, через им. Бездедовичи, мимо Медвежьего озера на Чортов мост, через Бохонковую гору по направлению к местечку Глубокому (Виленской губернии). Следы этой дороги ныне явны только по заросшим просекам в лесах, по отлогим спускам на оврагах, ручьях и речках, по весьма заметным прорезам гор и т.п. Народное предание, сверх того, указывает на места в реках и болотах, на которых некогда существовали мосты и гати. Что действительно это была большая дорога и служила главнейшим сообщением Литвы с Русью, на это имеются и письменные доказательства, именно грамота Батория, в которой сказано, что починять мосты и поправлять дорогу, идущую через сел. Бездедовичи на Чортов мост, в Вильну, обязано все Полоцкое воеводство. Дорога эта известна у местных жителей также под именем «Витова шляха».

Из Полоцка в Новгород было несколько дорог, одна из которых проходила сначала рядом с р. Ловать, от Великих Лук поворачивала на юго-запад и проходила чрез г. Еменец (близ Невеля). Другой путь — это путь князя Брячислава в 1021 г.: он шел из Новгорода к Судоме, притоку Шелони, пересекал эту реку и затем направлялся прямо на юг, к Полоцку. Дорога из Витебска в Новгород направлялась от Усвята на Великие Луки и дальше так, как идет тракт и в настоящее время. Этим путем ехал великий князь Александр Невский в 1246 г. Из Витебска в Псков дорога пролегала, по всей вероятности, на г. Еменец, а потом пересекала р. Великая, как она идет и теперь. На Еменец же шла дорога и из *Друцка*: этой дорогой ходили на Друцк новгородцы в 1181 г. Направление пути из Полоцка в Москву в древнейшие времена неизвестно, хотя такой путь несомненно существовал, на что указывают торговые сношения обоих городов. В 1563 г. царь Иван Грозный шел на Можайск, Торопец, Великие Луки и «дорогу перед собою велел чистить; а под наряд по рекам мосты делать к городу к Невлю велел же... а от Невля и до Полотцска, понеже бе та дорога лесна и тесна». В «Книге

Большому Чертежу» сказано: «от Великих Лук до Невля 60 верст. От Невля 20 верст город Озерище. Полотск от Озерища 100 верст». Между Полоцком и Смоленском велись все время весьма оживленные торговые сношения. Сообщения производились и сушей, и водой: волоки шли от Каспли к Днепру. Камень с надписью 1171 г. на теперешней дороге из Орши в Минск указывает, что эта дорога существовала уже в древние времена. Из Друцка в Смоленск дорога проходила через Оршу; этой дорогой шел в 1127 г. на Друцк князь Ростислав Мстиславич. Владимир Мономах во время похода 1078 г. прошел от Смоленска к Логойску через Лукомль.

Из Полоцка в Киев путь пролегал, конечно, и водой, и сушей. Первый из них — по направлению теперешней Березинской системы, о которой будет сказано ниже. Путь сушей тянулся параллельно берегу Днепра, пересекал Припять, Березину, затем по левому берегу последней до водораздела между Сергучом и Ессой, откуда принимал северное направление. Дорога из Полоцка в Чернигов совпадала с указанной дорогой из Полоцка в Киев. Из Друцка в Чернигов вели два пути; один шел сначала Друтью, потом у Рогачева переходил к Днепру и у устьев Десны поворачивал к последней; другая дорога держалась сначала берега Днепра, но у Рогачева сворачивала на северо-запад и тянулась параллельно р. Друть. Путь из Друцка в Переяславль был тот же, что и в Чернигов, только р. Десна не входила в него. Из описания событий 1158 и 1161 гг. видно, что существовал путь из Друцка в Слуцк. Кроме того, были, конечно, пути сообщения внутренние, между городами Полоцкой земли. Из Полоцка в Витебск кроме водного пути по Двине дорога проходила также по правому берегу реки. Из Полоцка в Друцк в настоящее время есть несколько дорог в этом направлении, но какая древнейшая — сказать трудно. Из Полоцка в Минск была большая дорога; теперь тут несколько дорог, одна из которых направляется на Ушачи, Лепель, Борисов, Смолевичи, другая — на Камень, Лепель и дальше, как и первая. Из Полоцка была дорога в Изяславль; в настоящее время здесь есть также несколько дорог, между прочим на Ярково и Раково.

Новая эра в развитии наших путей сообщения наступила со времен присоединения Белоруссии к России. Общую картину «екатерининских дорог» дает один из современников. «Перевалившись в новоприобретенный Белорусский край, — пишет Добрынин, — мы удивились, увидя бесконечную аллею, по которой ехали, усаженную с обеих сторон по два ряда березками, и спешили добежать ее конца; но к большому нашему удивлению и путевой радости узнали, что эта была большая почтовая дорога, прорезанная правильно, по распоряжению и повелению белорусского государева наместника графа З.Г.Чернышева... Теперь известны уже во всей империи белорусские большие дороги. И хотя они в последующие времена довольно изменились, однако же вида и основания своего не потеряли. Смотря на проезжаемый нами сосновый лес, на новопостроенные почтовые дома, на исправную почтовую упряжку и хороших лошадей, которых нам везде запрягали расторопно, не говоря наперед даже ни о прогонах, ни о подорожной, на обмундированных в куртки зеленого цвета почтальонов с медными на касках со лба гербами, а с затылка номерами, на прочные и даже красивые во всю широту дороги мосты, — я столько был прост, что даже и не помыслил, что все видимое нами есть плод деятельности и образованного вкуса главнокомандующего российского графа Чернышева».

Точное понятие о главнейших путях сообщения в конце XVIII и начале XIX в. дает «Дорожная карта Российской империи всем почтовым и проселочным проезжим дорогам, способным для кратчайшего проезда всякому вообще, а паче нужным для провозу товаров торгующему купечеству и прочим промышленникам. Сочинено в 1809 г.». На карту по объяснительным знакам нанесены города, местечки, крепости, редуты, села, слободы, деревни, заводы, почтовые станции; но так как масштаб карты мал (60 верст в дюйме), то на самом деле на ней имеются только города, местечки и крупнейшие населенные пункты. Из дорог на карте обозначены главные почтовые дороги, губернские, уездные и большие проезжие. Главных почтовых дорог было в то время в России не особенно много. Они расходились из Петербурга (5 дорог) и из Москвы (7 дорог) и соединяли столичные города между собой и с губернскими городами. Губернских дорог было также немного. Они вероятно представляли во время составления карты остатки древних дорог, соединявших некогда губернские города между собой и не вошедших потом в состав линий магистральных. Таковы, например, дороги из Смоленска в Чернигов, из Чернигова в Минск, из Вильны в Ковну и некоторые другие. Гораздо больше было дорог уездных. Такими дорогами назывались те, которые соединяли уездные города между собой, не входя в состав ни главных дорог, ни губернских. Наконец, все остальные дороги, находившиеся между менее значительными пунктами, носили название больших, или по-белорусски «*шляхов*», «*битых*» дорог. Все эти дороги и нанесены на карту.

Рассмотрим эту карту. Главные дороги нашей области были следующие: Петербурго-Киевская

входила в нашу область, именно в Витебскую губернию из Псковской; последней станцией в этой губернии были Великие Луки. У нас дорога пролегала на Сеньково, Серуты, Чурилово, Усвят, Шершнево, Нижний Бор, Сураж, Гапоновщину, Витебск и Половичи; затем дорога входила в Могилевскую губернию и шла на Бабиновичи. Из Витебска же проходила главная дорога в Ригу правым берегом Двины на Старое Село, Куриловщину, Дубовики, Островляны, Полоцк, Гамзелеву, Прудники, Дриссу, Чурилово, Придруйск, Креслав, Плокшу, Динабург, Кируб, Авсеново, Ливенгоф, Трепенгоф, Глазманек (Глазманку) — последнюю станцию этой дороги в Витебской губернии. Из Придруйска дорога разветвлялась еще на Вильну и Псков. В Псков дорога простиралась на Замошье, Ляхово, Себеж, Дуброву, Лыкошково, а далее на Опочку, Остров и Псков. Кроме того, через Витебскую губернию проходила главная дорога из Петербурга в Смоленск: от станции Усвят (Петербурго-Киевской главной дороги) на Юровы Нивы, Велиж, Коряки, а затем входила в Смоленскую губернию, где первой станцией был г. Поречье. Губернских дорог в Витебской губернии было очень мало. Из Полоцка пролегала дорога в Себеж (Гамзелева—Сивошино—Клястицы—Долосцы—Рудня—Себеж, где она соединялась с главной дорогой в Псков). Из Суража существовал путь в Велиж (ст. Верховье—Велиж, где она примыкала к главной Петербурго-Смоленской дороге). Уездные дороги были следующие. Из Витебска в Невель (станции Боровляны— Городок—Москалевка—Рудня), а оттуда на Сеньково, где она соединялась с главной Петербурго-Киевской дорогой; из Витебска в Лепель (Бешенковичи—Бочейково—Камень—Лепель). Из Динабурга имелся путь в Режицу (станции Василевка—Каменец—Розентово—Режица) и Люцин, а оттуда в Себеж (ст. Понизовье—Заситино—Себеж). Большие проезжие «шляхи» проходили следующим образом. Из Витебска в Оршу и Сенно Могилевской губернии; из Велижа на Кресты в Торопец Псковской губернии. Из Полоцка пролегал путь в Невель, а оттуда одна дорога направлялась в Себеж, а другая — в Опочку. Из Полоцка была дорога в Лепель, оттуда — в Могилев. Из Полоцка существовал путь также в Вильну через Докшицы. Из Полоцка (левый берег Двины) имелась дорога также в Дисну, Друю, Динабург и Якобштадт. Из Себежа шла дорога к станции Розентово (где соединялась с уездной дорогой из Динабурга в Режицу). Из Люцина — в Опочку (где он соединялся с главной дорогой в Псков). Из Режицы имелась дорога к станции Трепенгоф (станция главной Полоцко-Рижской дороги).

Петербурго-Киевская дорога входила также и в Могилевскую губернию, как и нынешнее Петербурго-Киевское шоссе, из Витебской. Последней станцией в Витебской губернии были Половичи. Далее дорога тянулась на Бабиновичи, Орехи, Оршу, Александрию, Шклов, Добрейку, Могилев, Кутню, Рабовичи, Пропойск, Глинку, Литвиновичи, Вороновщину, Чечерск, Шепетовичи, Особин, Костюково, Белицу, Песочную Буду и входила в Черниговскую губернию, где первой станцией была Добрянка. Интересно, что этот старый путь, имея общими пунктами Витебск, Оршу, Могилев и Белицу, в промежутках между ними нигде не совпадает с нынешним шоссе. Дальше на юг эта дорога шла на Чернигов, Козелец и Киев, а на север — на Витебск, Полоцк, Дриссу, Придруйск, где разветвлялась на Вильну, Динабург и Псков. Другая ветвь этой дороги из Витебска шла на Сураж, Усвяты и Боровичи, где соединялась с первой ветвью и далее к Петербургу. Московско-Брестская главная дорога входила в Могилевскую губернию из Смоленской, где последней станцией на ней был г. Красный. На территории Могилевской губернии размещались станции: Ляды, Козьяны, Дубровно, Орша, Коханово, Толочин, Малявка, Крупки. Дальше дорога шла на Борисов, Минск, Несвиж, Слоним, Кобрин и Брест. Могилевско-Житомирская дорога начиналась в Могилеве и имела следующие станции: Дашковка, Ст. Быхов, Тощица, Рогачев, Жлобин и Мормоль. Дальше эта дорога шла на Мозырь, Овруч и Житомир. Губернских дорог в Могилевской губернии почти не было. Лишь на юго-западе небольшую часть губернии пересекала дорога из Чернигова в Минск на Речицу—Жлобин—Бобруйск — Игумен. По ней Бобруйск, еще не бывший тогда крепостью, и мог только сообщаться с Рогачевом и Могилевом. Уездные дороги в то время были следующие. Из Могилева была дорога в Мстиславль (через ст. Брыли, Сухари, Сусловка, Рясна и Быстрица); из Мстиславля эта дорога шла на Смоленск через Мазыки и Хославичи. Сенненская дорога, отделявшаяся от главной Петербурго-Киевской в Шклове, проходила Сенной и дальше, через Бешенковичи и Островну на Витебск и Невель, а оттуда на Сеньково, где снова соединялась с Петербурго-Киевской главной дорогой. В пределах Могилевской губернии были почтовые станции Шклов, Староселье, Коханово, Обольцы, Сенная, Павловичи, откуда до Бешенкович считалось 13 верст. Из Могилева шла дорога в Чериков (через станции Петровичи, Чаусы и Рыминка; из Черикова направлялась в Мстиславль (через Кричев и Лобковичи); из Кричева от этой дороги отделялась ветвь в Климовичи. Дубровенская дорога отделялась от главной

Московско-Брестской в местечке Дубровно и тянулась на север к станции Орехи, а отсюда уже простой большой дорогой в Витебск. «Большие» дороги, или «шляхи», были следующие: из Сенно в Оршу, Лепель, Витебск и в Смоленск; из Копыси в Шклов и Оршу; из Шклова в г. Красный Смоленской губернии; из Шклова же в Мстиславль (через Чернявку, Рясну и Быстрицу) и в Круглое; из Дубровны в Мстиславль; из Могилева шли четыре «шляха»: один пролегал в Лепель (через Головчин, Круглое, Алуты (Авхуты) и Крупки), а оттуда через Минскую губернию в Лепельский уезд; другой путь вел в Игумен и далее по губернской дороге в Минск; третий — в Свислочь-Минский; четвертый — в г. Красный и далее главной дорогой в Смоленск.

Из Мстиславля кроме упомянутых выше «шляхов» — Шкловского и Дубровенского — шли: один — в г. Красный, другой — в г. Рославль (через Петровичи и Дубровку); третий прорезывал Мстиславский уезд по направлению от Смоленска в Сураж, откуда проходила дорога в Киев. Это был, по-видимому, древний путь князей смоленских в Северщину. Из Кричева дорога шла в Чаусы, из Климович в Сураж (через Милославичи), из Кричева в Сураж, из Черикова в Сураж (через Моластовку и Буду Курбацкую в Черниговскую губернию), из Черикова в Новый Быхов (через Рогальню, Пропойск и далее через Добрый Дуб). Из Рогачева пролегали четыре «шляха»: в Толочин, параллельно границе 1772 г., проложенный, очевидно, после первого раздела в целях стратегических; другой — из Рогачева на станцию Поболово Минской губернии; третий вел из Рогачева в Новое Место Черниговской губернии (на Годиловичи, Башицу и Чечерск); четвертый «шлях» проходил из Жлобина в местечко Белица. Из Белицы, кроме Жлобинского «шляха» и главной Петербурго-Киевской дороги, вели три «шляха»: один — в Лоев-Городок (нынешний Лоев) Минской губернии и далее в Чернобыль и Киев; другой — в Новое Место Черниговской губернии; третий прорезывал часть бывшего Белицкого уезда, идя из Нового Места в Добрянку. Путь этот, очевидно, был проложен старообрядцами, населившими в конце XVII в. оба эти пункта; теперь он забыт.

Все вышеуказанные дороги существуют отчасти в виде больших трактов, отчасти в виде проселочных путей. В настоящее время многие из них с проведением шоссе и особенно железных дорог утратили свое прежнее значение.

Длина всех водных путей Верхнего Поднепровья и Белоруссии определяется ныне в 9470 верст и распределена по губерниям следующим образом (таблица 52).

Главную часть протяжения водных путей составляют реки Днепр и Зап. Двина с их притоками. Эти две реки и были главными древнейшими путями нашей области. Река Днепр, берущая начало в Бельском уезде Смоленской губернии, на одном из наиболее возвышенных пунктов так называемого встратину Оковского или Волоковского леса, из болот у д. Клецево, на высоте 829,5 фут. над уровнем моря, течет сначала небольшим ручьем и только со 190-й версты, у сел. Елисеевка Дорогобужского уезда становится судоходной. До этого места Днепр течет чрезвычайно извилисто в направлении с севера на юг, а невдалеке от Дорогобужа круто поворачивает на запад и в направлении от востока к западу протекает до Смоленска, за которым сохраняет широтное направление, и у д. Кобеляки, находящихся в 6 верстах выше г. Орша, порожистым руслом поворачивает на юг. Длина реки от Дорогобужа до Орши составляет 323 версты, а прямое расстояние между городами равно 175 верстам, следовательно, на 1 версту приходится в среднем до 420 сажен извилин. Начиная от Орши Днепр течет на юг и удерживает это направление до Киева, причем от Орши до Могилева и Рогачева течет по меридиану, а ниже Рогачева изменяет южное направление на юго-западное, доходя до впадения р. Сож, где уклоняется к юго-западу, но близ устья Припяти снова принимает меридиональное направление и доходит так до Киева. В этой части на каждую версту прямого течения приходится в среднем около 350 саженей извилин.

Общее падение от Дорогобужа до Орши на протяжении 323 верст составляет 84 фута, что дает в среднем на версту 3 $^{1}/_{2}$ фута, а от Орши до Киева на протяжении 728 верст — 224 фута, что состав-

Таблица 52

Губернии	Длина водных путей				
	Сплавных		Судоходных в обе стороны	Итого	В числе судоходных пароходных
	Исключительно для леса в плотах	Для груженых судов			
Витебская	1247	115	819	2181	516
Минская	1445	796	1556	3797	1229
Могилевская	426	4	986	1416	774
Смоленская	1159	406	511	2076	—
Всего	4277	1321	3872	9470	2519

ляет в среднем на одну версту 3,6 дюйма. Расход воды у Смоленска в ноябре равен 0,58 саженей при расходе воды 3,24 куб. саженей в секунду; у местечка Дубровна (немного выше Орши) расход воды в июне достигает 8,97 куб. саженей, а скорость течения — 0,32 саженей в секунду; расход воды у Могилева равен 5,9 куб. саженей в июле, а ниже устья Березины — 55,62 куб. саженей в июне; скорость течения в те же сроки у Могилева достигает 0,3 саженей и ниже устья Березины — 0,43 саженей. Ширина Днепра разнообразна: от Дорогобужа до Орши река сначала течет в открытой долине до 3 верст ширины, потом у д. Шевелевая (ниже Дорогобужа) суживается до $^1/_2$ верст, при впадении р. Вопь снова значительно расширяется, а далее за Смоленском опять суживается до 1 версты, доходя до Орши. Между Оршей и Шкловом ширина Днепра также незначительна. Здесь он протекает между крутыми и обрывистыми берегами; потом до устья Березины долина реки расширяется, а от устья ее до впадения Припяти достигает 4—5 верст ширины. Что касается, наконец, глубины Днепра, то она весьма неравномерна: во многих местах между Дорогобужем и Смоленском с 15 и более футов она вдруг падает до 1 $^1/_2$—2 футов. За Смоленском происходит то же самое; кроме недостаточной глубины здесь встречаются еще гранитные валуны, которые далее до Орши, смешиваясь с глыбами песчаников, загромождают сильно русло реки: у Орши глубина изменяется в пределах от 1 $^1/_2$ до 4—5 саженей, но на мелях доходит до $^3/_4$ арш.

Судоходство по Днепру обыкновенно начинается от впадения в него Осьмы (вблизи Дорогобужа Смоленской губернии на 1918-й версте от устья), а в годы большого половодья — и выше на несколько десятков верст. От Дорогобужа до Орши судоходным Днепр бывает весной, когда тают снега, а иногда и летом от проливных дождей. Далее небольшой участок от Орши до Могилева на протяжении 85 верст имеет весьма оживленное судоходное и пароходное движение во всю навигацию; от Могилева до впадения Березины судоходство и пароходство продолжаются также всю навигацию, но с большими препятствиями: мелководные места затрудняют здесь движение, и при сильном мелководье рейсы пассажирских пароходов нередко прекращаются. Буксирные пароходы зачастую перетягиваются через мели на канатах и якорях. От впадения Березины Днепр делается многоводным и удобным для судоходства; здесь судоходство продолжается во всю навигацию. От устья Березины до местечка Лоев (до впадения Сожа) ходят суда и пароходы самых разнообразных размеров и типов, а от Лоева вниз до Киева сильно увеличивается движение пассажирских пароходов, так как к нему присоединяется движение их из Припяти. Всех пристаней на Днепре в пределах нашей области насчитывается свыше 60, из них от Дорогобужа до Орши существуют только 2 заслуживающих внимания пристани — Смоленск и Дубровна, а затем следуют из более значительных пристаней Орша, Копысь, Шклов, Могилев, Старый Быхов, Рогачев, Жлобин, Речица и Лоев.

Всех притоков Днепра, известных и измеренных, насчитывается в нашей области до 56, но между ними важное значение имеют лишь три — Березина, Припять и Сож, из которых первые два служат началом искусственных водных систем Березинской и Огинской, соединяющих Днепр с Балтийским морем.

Березина берет начало в Борисовском уезде, на границе Минской и Виленской губерний, и течет сначала к северо-востоку, потом впадает в озеро Мядель, по выходе из которого направляется на восток до местечка Верхнее Березино, а потом течет на юг и впадает в Днепр в Речицком уезде ниже местечка Горваль. Протяжение ее составляет 590 верст; сплавной Березина делается от впадения Прони, выше Верхнего Березино, куда свозится зимой строевой лес для сплава. Настоящее же судоходство по реке начинается от Борисова и производится до впадения Березины в Днепр около Горваля, т.е. на расстоянии 353 верст; но и на этом расстоянии встречаются затруднения в летнее время: мели, частые извилины, колоды в фарватере реки и пр. Общее падение на протяжении Березины от впадения в нее р. Сергуч до устья (437 верст) равно 20 саженей, что составляет около 0,046 саженей на 1 версту. Ширина реки различна: до устья Сергучского канала она колеблется от 2 до 15 саженей, ниже Борисова доходит до 22 саж., а далее возрастает до 25—55 и 70 саженей. О скорости течения ее можно сказать, что оно медленное и увеличивается только во время половодья.

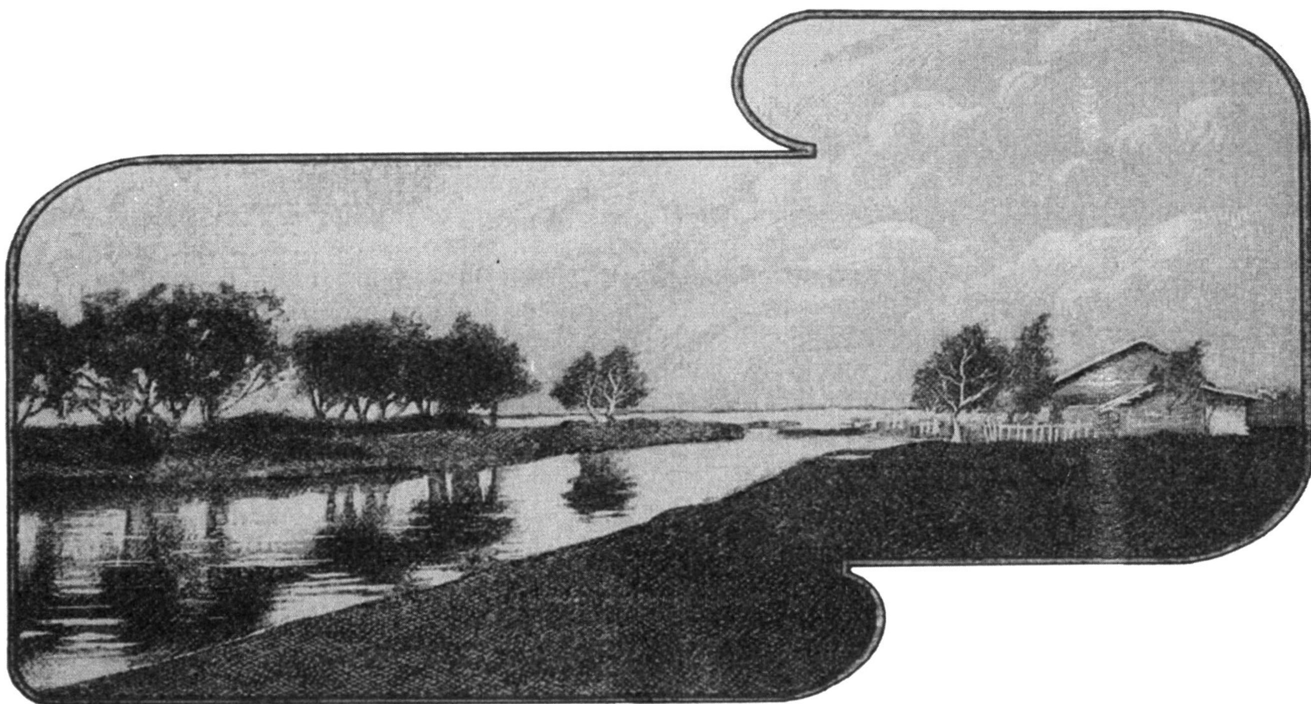
Река Березина имеет большое значение в военном и торговом отношении: неприступность берегов, местами очень крутых, поросших лесом, а в других местах низменных и болотистых, покрытых кустарником, параллельное Днепру направление реки, пересекающие ее большие дороги, подчас значительная глубина — все это делает ее выгодной оборонительной линией. В военной истории России Березина памятна переправами двух великих полководцев — Карла XII и Наполеона. Что касается торговли по Березине, то таковая относится к давно минувшим временам; при Сигизмунде Августе уже составлен был проект соединения Березины с рекой Вилия. Главная отрасль торговли есть торговля лесом, сплавляемым по всей Березине, начиная от впадения в нее Прони.

Искусственная Березинская система соединяет воды Днепра с водами Западной Двины. Главной целью постройки канала было облегчить провоз леса из северной части Минской губернии в Ригу; работы по проведению его начались в 1797 г. и окончились в 1804 г. Направление этой системы следующее: Березина—оз. Пелик—Сергучевский канал—р. Сергуч—соединительный канал—озера Манец, Плавье, Берешта—р. Берешта—Веребкинский канал, р. Есса—оз. Проша—1-й Лепельский канал—Лепельское озеро—2-й Лепельский канал—р. Верхняя Улла—Чашникский канал—р. Улла; всего от г. Борисов на Березине до местечка Улла на Двине считается 231 верста. Мысль о проведении Березинского канала возникла за много времени раньше его построения: еще в конце царствования короля Сигизмунда III существовал проект соединения бассейна Днепра с бассейном Немана. Варшавским сеймом 1631 г. назначены были комиссары для осмотра местности и составления сметы расходам, но по неизвестным причинам предприятие не было осуществлено. Березинская система находится ныне в неудовлетворительном состоянии: в половодье насыпи каналов прорываются, и производящийся всякий год ремонт не достигает своей цели. С 1805 по 1817 гг. по Березинской системе кроме сплава леса производилось и судоходство: ходили барки, полубарки, байдаки и лодки, нагруженные хлебом, солью, крупой и проч. В 1817 г. судоходство прекратилось, так как в Борисове после сожженного в Отечественную войну моста построен был мост без подъема и с таким отверстием, что могли проходить под ним только плоты. Так продолжалось до 1834 г. С этого времени судоходство выше Борисова совершенно прекратилось, и проходит только один лес, сплочиваемый в плоты и идущий в Ригу, и еще оттого, что обмелели реки и особенно озера Манец и Плавье. В 1843 г. система была несколько улучшена: вместо прежнего в Борисове построен подъемный мост, углублены каналы, перестроены шлюзы, но это оказалось только полумерой, очень мало улучшившей дело. В настоящее время по системе ходят только плоты строевого леса, нагруженные клепками, ванчесами и проч., причем связывается не более 2—25 бревен при длине до 30 саж. Осадка в воде плота не должна превышать 8 вершков; взводятся плоты рабочими посредством упирания шестами и захватывания крючьями за кустарники заросших бичевников.

Часто случается, что плоты вследствие мелководья рек, по которым сплавляются, запаздывают и, не попав на Уллу до спада воды, приходят в Ригу только в навигацию следующего года. Березинская система может быть разделена на две части: до озера Манец — водную, а далее до Уллы — сплавную. Весь лес гонится из нижних частей Березины; что же касается ее верховьев и мест, лежащих по Березинской системе, то здесь годных для эксплуатации лесов осталось уже очень мало.

Второй в рассматриваемой области крупный приток Днепра — Припять. Начало берет он в Волынской губернии, в северо-западной части Владимир-Волынского уезда, близ села Гупола. От верховьев до Пинска течение реки направляется преимущественно с юго-запада на северо-восток; у Пинска Припять круто поворачивает и течет по широтному направлению до Мозыря, а далее поворачивает на юго-восток и впадает в Днепр. Из общей длины Припяти приходится на Минскую губернию 547 верст. Ширина реки в верхнем течении доходит от 1 до 3 сажен, дальше — до устья Ясельды — до 20 сажен, до устья Случи — 20—35, между устьем Случи и Мозырем — 40—60, ниже — до 100 и к устью — до 150—200 сажен. Глубина в верховьях достигает 2—10 футов, а в более глубоких местах — до 30, дальше же держится около 2—5 футов. Скорость течения в среднем колеблется от 3 до 4 футов в секунду. Падение воды на большей части реки достигает 2,9 дюйма на 1 версту и редко доходит до 4,5 дюйма; среднее падение составляет около 3,3 дюйма на версту. Продолжительность навигации по Припяти — около 8 месяцев, причем полая вода продерживается около двух месяцев. Судоходство производится как сплавное, так и взводное. В Минскую губернию Припять входит, как сплавная река, судоходной же становится от устья Пины на протяжении 471 версты. Пароходное сообщение совершается от Пинска вниз. Из пристаней важнейшие — Пинск, Мозырь, Петриково и Туров. Препятствиями для судоходства являются извилистость течения, корчи и мели. В 1880 г. были произведены большие работы по выправлению русла, а с 1878 по 1891 гг. — сплошная расчистка реки от корчей и колод; все эти меры несколько облегчили судоходство. Главные грузы, идущие по Припяти, — лесные.

Огинский канал находится в Пинском уезде Минской губернии и служит для соединения бассейна Днепра с бассейном Немана. Проведен он между Ясельдой (притоком Припяти) и Щарой (притоком Немана) и проходит через два озера — Вулька и Выгоновское. Первое лежит в 30 верстах от устья канала Ясельды, а второе — в верхней части канала; длина последнего вместе с озерами достигает 52 верст, без них — 48 верст. Мысль о соединении бассейнов Днепра и Немана принадлежит гетману Огинскому, который в начале второй половины XVII в. устроил на свои средства канал, названный по его имени. В 1797 г., при имп. Пав-

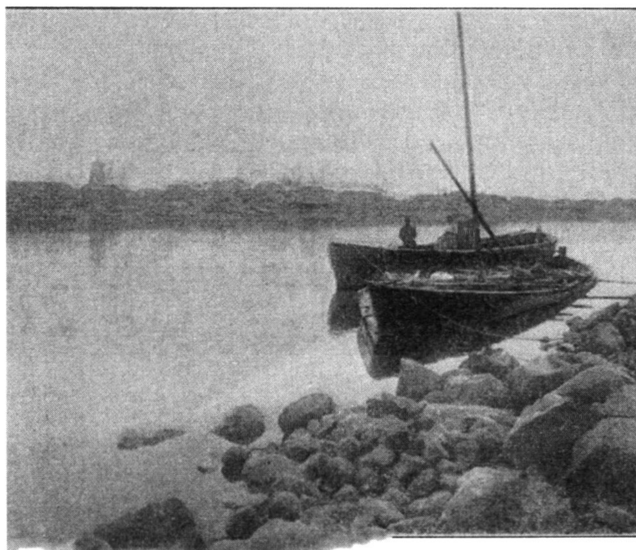
ле I, канал был возобновлен, а судоходство по нему было открыто в 1804 г. В настоящее время сплав по Огинскому каналу производится только весной; для прохода всего канала до р. Щара требуется для плотов 10—20 дней, для барок — 5, для лодок достаточно и 3 дня. Начиная от соединения Ясельды с Пиной по всей Огинской системе суда идут только на шестах или бичевой. На канале имеются две пристани — Телеханы и Огинская. Сплавляется главным образом строевой лес, дубовые брусья и клепка.

Сож, приток Днепра, берет начало недалеко от Смоленска, течет в южном направлении, орошая Смоленский, Краснинский и Рославльский уезды Смоленской губернии, Мстиславский, Чериковский, Климовичский, Быховский, Рогачевский и Гомельский уезды Могилевской и край Городнянского уезда Черниговской губернии. Длина его достигает 552 верст; из них в верхней части от местечка Рославичи (415 верст от устья), где река преграждена мельничной плотиной, начинается сплав по реке, а от местечка Кричево (Могилевской губернии) — судоходство (на 332-й версте). Протекает Сож по долине шириной от 1 до 4 верст, большей частью болотистой. Падение реки на всем протяжении составляет около 38 саженей, а в пределах нижнего судоходного участка, от местечка Пропойск до устья — 9,30 саженей или 0,038 сажен на версту. Ширина ее колеблется между 15—70 саженями, а глубина — между 7—20 футами. Берега крутые и извилистые. От Пропойска ходят пароходы (с 244-й в.), но правильное пароходное сообщение существует только от Гомеля до устья (у местечка Лоев), хотя и на этом участке есть много трудных мелей, как у Ново-Белицы, уроч. Раковая Лоза, у пристани Велчуга, уроч. Кривой Дуб, на 21-й в. от устья; эта последняя мель особенно затруднительна, так как Сож здесь разделяется на несколько рукавов. Более значительные пристани на Соже — Гомель, Вешка, Пропойск, Чериков и Кричев; последние три преимущественно лесные: из них отправляется до 14 250 тыс. пудов лесных материалов, что составляет около 90% всех грузов по р. Сож.

Западная Двина принадлежит к Балтийскому бассейну. Она берет начало из оз. Охват-Жаденья (см. «Россия», т. III). Отсюда Западная Двина течет на юг, до впадения в нее Межи в Велижском уезде, а затем направляется на юго-запад и, сделав крутой поворот, достигает у местечка Бешенковичи Лепельского уезда своей самой южной точки, после чего течет в северо-западном направлении до устья. Таким образом, по отношению к нашей области Западная Двина составляет сначала границу Смоленской губернии с Псковской, затем входит в Витебскую губернию, потом протекает по границам Витебской и Могилевской, затем снова через Витебскую губернию выходит и течет границей сначала между Витебской и Виленской губерниями, а далее между Витебской и Курляндской и, наконец, уходит в Лифляндскую губернию. За оз. Охвать-Жаденья Западная Двина достигает до 8

саженей ширины; у Витебска ширина реки увеличивается до 50 саженей, а дальнейшая средняя ширина ее в пределах нашей области колеблется между 80—150 саженями. Во время разлива ширина реки значительно увеличивается, достигая до 600 саж. Глубина вначале достигает $^1/_2$ аршина, а далее, за Витебском, колеблется между $^3/_4$ аршинами и 3 саженями. Абсолютная высота средних уровней вод равняется в Витебске (на 560-й версте от устья) — 59 сажен, в Полоцке (430 верст) — 50 саженей, в Двинске (260 верст) — 40 сажен. При низких водах количество протекающей воды в одну секунду у Витебска достигает 6,5 куб. саженей, а у Двинска — 14,5 куб. саженей. Вся длина Западной Двины — 920 верст; из них 630 приходится на Витебскую губернию. От истоков до выхода из пределов Смоленской губернии Двина в общем несудоходна (хотя, впрочем, в Смоленской губернии весной сплав леса и производится). В районе порогов судоходство производится только во время половодья, а от р. Торопа (в Псковской губернии) оно возможно в весеннее время для судов без груза, а для нагруженных — только от р. Межа, но до Велижа судоходству мешает быстрота течения и пороги числом до 7; из них более опасны Крест, Пушкарские (немного выше Велижа), Витебские, Быстрые и пр. Ниже по реке идут также пороги, расположенные группами: от г. Дисна (Виленской губернии) до Двинска — так называемые Дисенские (тянущиеся на расстоянии 2 $^1/_2$ верстах) и у Креславки — Креславские; вторая — от Двинска до Якобштадта и третья — от Якобштадта до Румеля (вне пределов нашей области). Кроме того, затрудняется также судоходство мелями. Из важнейших пристаней в системе Западной Двины в Витебской губернии отметим города Велиж, Сураж, Лепель (при Березинском канале), Полоцк, Двинск, Витебск и местечко Бешенковичи, а в Смоленской губернии на притоках Западной Двины — Белый (на Обше) и Поречье (на Каспле).

Весь Днепр, за исключением притоков Припяти и Березины, находится в ведении окружного управления в Киеве, которому подчинено все, что касается судоходства по реке, и все лица, заведующие работами и судоходством. В судоходно-административном отношении Днепр разделен на дистанции — более или менее значительные протяжения от 200 до 700 верст длиной. Дистанции находятся в ведении особых чиновников, которые проводят регистрацию судов и грузов и наблюдают за установленным ограничением размеров сплавляемых судов, за должным числом рабочих и правильным отвалом и причалом судов на пристанях. В нашей области самая верхняя дистанция находится в Могилеве; протяжение ее от верховьев до Рогачева равно 780 верстам; вторая дистанция в Речице с протяжением в 135 верст (от Рогачева до моста полесских железных дорог), третья — в Лоеве с протяжением в 228 верст (от моста полесских железных дорог до устья Припяти). Затем на реке Березина имеются две дистанции: одна — в Борисове, другая — в Бобруйске, на р. Сож — в Гомеле и на Припяти — в Мозыре.

Западная Двина у Двинска. (По фотографии В.А. Бальца)

По описанным выше рекам и их притокам ходят *плоты* и *суда*. О плотах мы сказали уже раньше. Что же касается типов судов, то они весьма разноообразны. Главные типы грузовых деревянных судов днепровского флота следующие: барки, люзы, гончаки, берлины или баржи, лайбы и лодки, а по Западной Двине ходят струги, полуструги, а также лайбы.

Барка представляет собой большое судно, имеющее от 20 до 25 сажен длины и около 7—8 сажен ширины, без крыши и мачт; используется оно только для сплавного судоходства. На барках перевозятся латы, клепки, ободья, гонт и проч. Строится преимущественно из елового дерева с осиновыми или сосновыми крюками в основе; постройка ее обходится от 1000 до 2500 руб.; снабжается барка двумя или тремя якорями весом от 10 до 15 пудов, причем при каждом из них полагается около 60 саженей каната. Без груза барка осаживается в воде на $^3/_4$, а с грузом до 2 $^1/_2$ аршина и подымает от 40 до 60 тыс. пудов. При хорошей погоде она проходит до 80 верст в день. На барке имеется особо устроенный в передней части горн, где рабочие приготовляют для себя пищу. Рабочие получают от 25 до 50 руб. каждый за время плавания до Херсона. При продаже лесного материала продаются и барки.

Люзы — большие деревянные плоскодонные суда с отношением ширины к длине приблизительно 1:4; ширина их доходит до 7 саженей, а длина — до 30 саженей; назначение — перевозка строевого и поделочного лесного материала, строятся на одну навигацию.

Гончаки — большие широкие суда без палуб; строятся на 8—10 навигаций; длина их доходит до 30 саженей, а ширина — до 7 саженей. Эти суда при полной осадке поднимают до 80 тыс. пудов и служат главным образом для перевозки дров, угля, мела, камня и проч.

Берлины, или баржи, имеют от 15 до 25 саженей длины и от 12 до 15 арш. ширины и также, как барки, представляют плоскодонные суда. Сверху берлины обыкновенно устраивается навес; строятся они из елового дерева с дубовыми крюками в основе и обходятся с оснасткой от 5000 до 8000 руб. Эти суда прослуживают от 10 до 12 лет. Крыша у них двускатная, а внутреннее помещение разделено на 5 частей: чердак, каюта, служащая помещением для хозяина (она находится в кормовой части судна), два отделения для товаров и особое отделение посредине между ними для стока воды, называемое *вулялой*. Каюта состоит из двух отделений; в одном из них устраивается печь. Берлина имеет одну мачту елового дерева и при ней две реи: одна — для большого паруса, а другая — для малого, называемая «*бычком*». Парусов бывает от 2 до 4. При каждой берлине от 2 до 4 якорей и при них от 5 до 8 кругов канатов каждый в 65 саженей. Берлина имеет осадки в воде без груза до 8 вершков, а с грузом — от 26 до 34 вершков; наибольшие из них поднимают от 40 до 50 тыс. пудов. Вниз по течению движутся посредством шестов и парусов, а против течения — на парусах, шестах, завозом якоря (в половодье при быстром течении) и, наконец, бичевой — тягой; вниз по течению они проходят в день до 50 верст без парусов и до 100 с парусами, а вверх — по 30 без парусов и по 60 на парусах. Служащие на берлине — лоцман, водолив и рабочие, число которых зависит от того, идет ли судно вверх или вниз; в первом случае достаточно 6 человек, а во втором — от 20 до 50, смотря по количеству грузов. На берлинах, как и на барках, имеется горн, на котором рабочие приготовляют себе пищу. Рабочие получают плату понедельно от 2 до 4 руб., а лоцман — до 10 руб. на хозяйских харчах. Описанный тип судна большей частью имеет меньшие размеры: от 12 до 20 саженей длиной и от 2 1/2 до 3 1/2 саженей шириной с грузоподъемной силой от 10 до 20 тыс. пудов. Это наиболее распространенный тип грузовых судов на среднем течении Днепра и его притоков.

Лайбы и *лодки* — средние и малые суда без крыши. Лайбы строятся с двумя будками — одной для рабочих в передней части судна, а другой — для хозяина — в задней. Длина их — от 10 до 12 саженей, а ширина — не более 2 саженей, но бывают и меньше. Подъемная способность — от 1500 до 5000 пудов. Строятся они из елового дерева и бывают плоскодонные и круглые. Стоимость лайбы — от 150 до 500 руб. Мачта и парус составляют принадлежность лайбы. На лайбах преимущественно перевозятся известь и камни. Движутся они веслами, шестами и на парусах. Скорость вниз по течению в день без парусов при благоприятной погоде доходит до 50 верст, с парусами — до 70 верст; против течения без парусов — 3 версты, а с парусами и до 50 верст. По течению вниз для лайбы достаточно 1—3 человека, а против — от 2 до 8 человек. Пища готовится рабочими на берегу. Плата рабочим такая же, как и на берлинах.

Струги представляют собой один из видов барки; длина их — 17—18 саженей, ширина — 5 1/2 сажени, вышина — 9 четвертей. Подъемная способность струга доходит до 12 000 пудов при осадке на 5 четвертей, так что в небольших речках ими можно пользоваться только весной. Стоимость его колеблется от 700 до 900 руб. Для сплава струга требуется около 30 рабочих, не считая кормчаго и детины[1]. Число стругов из года в год все более и более уменьшалось, и в настоящее время они имеются только в Смоленской губернии и сплавляются из Белого и Поречья. Лучшие струги строились прежде в Витебске и Велиже. Путь от Белого (на Обше) до Риги совершается в 15—20 дней, от Поречья (по Каспле) — в 14 дней.

Полуструги — это струги более мелкого размера. Наконец, существовали прежде в нашей области еще *шкуны* — плоскодонные суда наподобие стругов, но прочнее последних. Размеры больших шкун: длина — 18 саженей, ширина — 5 саженей и вышина — до 9 четвертей. Местами постройки их были города Велиж и Витебск. В настоящее время шкуны не строятся.

Судостроение в нашей области встречается по всем губерниям. Постройка *непаровых* судов производится или в постоянных верфях, или же во временных, т.е. там, где встречается надобность в постройке их. Из таких постоянных верфей можно отметить по Днепру Дубровну, Могилев и Бобруйск, по Березине — Лоев, по Сожу — Ветку и Гомель, по Припяти — Давид-Городок.

[1] Детина — помощник лоцмана на струге.

В пятилетний период с 1892 по 1896 гг. построено было в нашей области 1812 различных типов непаровых судов с подъемной способностью в 18 275 273 пуда и первоначальной стоимостью в 17 540 768 руб., что в среднем составляет в год по области 362 судна с подъемной силой в 3 655 054,6 пудов и первоначальной стоимостью 308 153,6 руб. По губерниям же за то же пятилетие среднее число построенных судов, их подъемная способность и первоначальная стоимость выразились в следующих цифрах (таблица 53):

Таким образом, по количеству непаровых судов первое место занимает Минская губерния. Здесь же оказывается и наибольшая их подъемная способность и первоначальная стоимость. Последнее место занимает Смоленская губерния. Количество построенных судов в Могилевской меньше, чем в Витебской, но подъемная способность и первоначальная стоимость выше в Могилевской, что объясняется постройкой в этой губернии более крупных судов.

Таблица 53

Губернии	Количество построенных судов	Подъемная способность, пуд.	Первоначальная стоимость, руб.
Витебская	114	469 920,0	31 312,4
Минская	167	1 779 410,0	175 860,6
Могилевская	56	1 226 204,6	92 449,6
Смоленская	25	177 520,0	8541,0

В 1897 г. непаровых судов было построено в нашей области 336 с общей подъемной силой в 2 929 050 пудов и стоимостью в 244 630 руб. Постройка судов между губерниями распределилась следующим образом (таблица 54).

Таблица 54

Губернии	Количество судов	Подъемная способность, пуд.	Первоначальная стоимость, руб.
Витебская	90	432 450	25 850
Минская	189	1 601 500	136 030
Могилевская	53	867 100	81 550
Смоленская	4	2800	1200
Всего	336	2 929 050	244 630

Таким образом, наибольшее количество непаровых судов построено было опять-таки в Минской губернии. Местами постройки были: мест. Лоев, г. Речица (по Днепру), мест. Петриково, д. Балажевичи и г. Мозырь (по Припяти), мест. Давид-Городок (по Горыни), мест. Березино, г. Борисов (по Березине), мест. Столбцы (по Неману) и некоторые др. Затем в Витебской губернии местами постройки были: г. Витебск, мест. Бервино и некоторые другие (по Западной Двине), а также мест. Усвяты (по Усвяче). В Могилевской губернии суда строились в деревнях Поповка, Наст, в Могилеве и мест. Дубровна (по Днепру), в селах Волчугово, Дятловичи, в д. Шарпиловка, в мест. Ветка, Кричеве, Гомеле и на некоторых других притоках (по р. Сож). В этой губернии в 1897 г. было построено судов меньше, чем в Витебской, но подъемная их способность и первоначальная стоимость выразились в больших цифрах, чем в Витебской губернии. В Смоленской построено было 4 судна, все в г. Поречье (по Каспле).

Что касается затем видов судов, то в Минской и Могилевской губерниях преобладает постройка берлин и барок, в Витебской — лайб и лодок, в Смоленской — лайб.

Паровые суда — пароходы в показанный выше пятилетний период (1892—1896) строились только в Минской губернии; всего было построено 14 железных судов, в том числе 13 колесных и одно винтовое. Первоначальная стоимость их с машинами и котлами обошлась в 178 000 руб. Из показанного числа паровых судов было пассажирских 6, товаро-пассажирских 2, буксирных 1, служебных 4 и буксирно-пассажирский 1; последний построен в 1896 г. в имении Альбрехтово (Пинского уезда) на заводе графа Скирмунта, а первые 13 — в разное время в Пинске на заводе графа О'Бриен-де-Ласси. По данным 1897 г., в области было построено 4 паровых судна: в Минской губернии в Пинске два пассажирских, оба железные с подъемной способностью в 330 и 500 пудов; первоначальная их стоимость с машинами и котлами обошлась в 12 000 руб. Одно судно было построено на заводе графа О'Бриен-де-Ласси, а другое, большее, — на заводе графа Скирмунта. В Витебской губернии, в г. Витебск, на заводе Клейберга построено также 2 паровых судна, оба железные с подъемной способностью в 1800 пудов каждое. Первоначальная стоимость обоих вместе с машинами и котлами обошлась в 30 000 руб.

Что касается затем размеров современного *судоходства* по рекам области Верхнего Поднепровья и Белоруссии, то данных, относящихся исключительно к ней, нет, а есть данные, относящиеся к бассейну Днепра выше порогов и к бассейну Западной Двины. В этих пределах нам и приходится ознакомиться с размерами современного судоходства в нашей области, орошаемой почти исключительно названными выше реками и их притоками.

По данным переписи 1895 г., *паровой флот* бассейна реки Днепра выше порогов состоял из 164 судов (162 железных и 2 деревянных) и по Западной Двине из 104 (103 железных и 1 деревянное); в числе 164 судов Днепровского бассейна числилось 79 судов пассажирских, 11 товаро-пассажирских, 45 буксирно-пассажирских, 17 буксирных и 12 служебных, а в числе судов, плававших по бассейну Западной Двины, было 34 пассажирских, 16 товаро-пассажирских, 2 товарных, 45 буксирных и 7 служебных; в тех же общих числах было колесных судов в бассейне Днепра 146 и в бассейне Западной Двины 25 и винтовых на Днепре и его притоках 18 и на Западной Двине 79. Подъемная способность в пудах всех паровых судов бассейна Днепра равнялась 583 815 пуд., а Западной Двины — 288 149 пуд.; общее число номинальных сил всех судов, плававших по бассейну Днепра, доходило до 6410 и по бассейну западной Двины — до 2493; количество груза в пудах, принятого на буксире против течения, в Днепровском бассейне доходило до 3 791 500 пуд., а по Западной Двине — до 1 211 204 пуд. Количество пассажиров, принимаемых в определенный момент всеми пассажирскими пароходами, в бассейне Днепра исчислялось в 44 030, а по бассейну Западной Двины — в 8663; число служащих на всех пароходах было на Днепре — 1 673, а на Западной Двине — 507; наконец, первоначальная стоимость в рублях всех паровых судов определялась по бассейну Днепра — 4 926 252 руб., а по бассейну Западной Двины — 1 799 500 руб.

Топливом паровых судов в нашей области служат почти исключительно *дрова* и *каменный уголь*; в навигацию 1895 г. в бассейне Днепра было сожжено 18 084 куб. сажен дров, а остальные 74 судна пользовались каменным углем; общее количество использованного каменного угля в навигацию достигло 2 378 905 пудов; по бассейну р. Западной Двины 14 судов пользовались дровами, причем сожжено было их 2220 куб. сажен в навигацию, 89 судов — каменным углем в сумме 1 116 915 пудов и 1 судно — нефтяными остатками (до 250 пудов в навигацию).

Число *непаровых* судов значительно больше. Непаровой флот бассейна Днепра (выше порогов) составлял в 1895 г. 844 суда, а в бассейне Западной Двины — 673; в первом были более распространены берлины (627), лодки (65), лайбы (60), гончаки (36) и барки (21), а затем встречались и другие виды судов в незначительных количествах; во втором бассейне преобладали лайбы (415) , а затем следовали лодки (231) и барки (27); подъемная способность всех непаровых судов бассейна р. Днепра равнялась 12 427 450 пудов, а бассейна Западной Двины — 2 015 900 пудов. Первоначальная стоимость судов Днепровского бассейна определялась в 1 262 671 руб., Западно-Двинского — в 160 041 руб.; наконец, число служащих на судах Днепровского бассейна доходило до 5186 человек, а на Западной Двине — до 2665.

Пароходство по Днепру возникло в первой половине XIX века, т.е. приблизительно одновременно с возникновением пароходства вообще в России. Первый пароход, появившийся на Днепре, принадлежал князю М.С.Воронцову и был построен в имении его Мошнах Киевской губернии в 1823 г.; целью построения парохода было буксирование барок; позже пароход этот был переведен через Днепровские пороги в Херсон. В 1835 г. составилась первая пароходная компания, и построенные ею 2 парохода совершали рейсы по Днепру до 1846 г., служа преимущественно для перевозки камней при постройке Киевской крепости. С 1846 г. по Днепру ходили пароходы Мальцева, а немного времени спустя (1850 г.) начал плавать пароход «Висла» Пусловского между Кременчугом и Пинском; в 1857 г. возникло «Русское общество пароходства и торговли». Оно содержало рейсы между Александровском и Херсоном (ниже порогов), а образовавшееся в 1858 г. «Общество пароходства по Днепру и его притокам» содержит срочные пароходные рейсы на Днепру выше порогов; это последнее общество обладает значительным количеством пароходов как пассажирских, так и буксирно-товарных и буксирных. Еще позже образовалось «Второе общество по Днепру и его притокам»; это общество также действовало в пределах Днепра выше порогов и некоторое время конкурировало со своим предшественником. В настоящее время оба эти общества держат в нашей области следующие рейсы: от Киева через устье р. Припяти до Гомеля, через устья р. Припяти и Березины до Рогачева и Могилева, а также через устье р. Припяти и Чернобыль (Киевской губернии) до Мозыря и Пинска. По р. Сожу между Гомелем и Пропойском ходят пароходы «Рассвет», «Чикаго», «Восход» и «Донец»; по р. Стырю от Пинска до Старокони ходят пароходы «Сокол» и «Нешава», по рекам Струменю, Стырю и Стоходу от Пинска до Любешова — пароходы «Пинчук» и «Струмень». Пароходство по Днепровскому бассейну производится в нашей области по Днепру и пяти его притокам; по Днепру пароходство начинается от Орши, по Березине — от Бобруйска (протяжение до устьев 142 версты), по Сожу — от м. Пропойска (244 версты), по Припяти — от устья р. Ясельды (471 верста), по Ясельде — от р. Пины (21 верста) и по Пине — от Пинска (14 верст).

Попытка учредить постоянное пароходство по Западной Двине возникла еще в конце первой по-

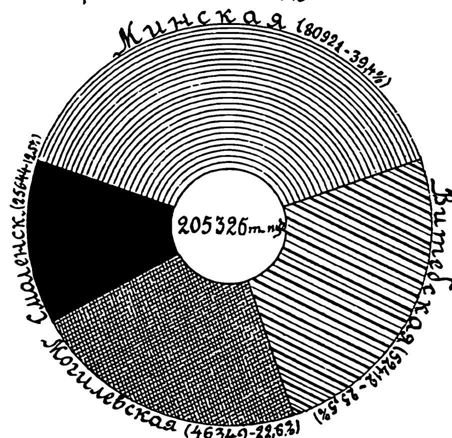
ловины минувшего столетия, но осуществлена не была, и только в 1892 г. две компании устроили пароходное сообщение между Витебском и Велижем до Бешенковичей и Уллы; в настоящее время по басссейну Западной Двины ходят пароходы от Витебска через Велиж до села Устья и от Витебска через Полоцк в Двинск. От Витебска до с. Устья пароходство принадлежит Р.Эману; здесь ходят пароходы «Двина», «Торопа», «Двинск», «Витебск», «Каспля» и «Межа»; от Витебска до Двинска пароходство принадлежит З.Гиндину и Л.Рахмилевичу; по этой водной линии ходят пароходы «Гигант», «Атлет», «Надежда», «Герой», «Силач», «Борец» и «Друя».

Размер грузового движения в описываемой области представлен в таблице 54. В ней показаны только те реки, на которых отправляемое количество грузов в навигацию 1897 г. превышало один миллион пудов грузов; прочие же небольшие речки с меньшим количество грузов показаны в общих суммах под названием остальных незначительных рек. Грузооборот речных систем описываемой области достигал 205 326 тыс. пудов; в последнем числе заключается и вес всех плотов, отправленных и прибывших, с грузом на них, равным 170 143 тыс. пудов, что составляет 82,9% всего грузооборота в области.

Ценность всего грузооборота достигала 28 042 тыс. руб.; в это же число входит и объявленная ценность всех плотов с грузом на них — 11 769 тыс. руб., что составляет 42% ценности всего грузооборота. В грузовом движении наибольшее участие принимают реки Днепр, Березина, Западная Двина, Сож, Припять, Неман, Межа, Птичь и озеро Себежское. С пристаней в пределах нашей области отправляется более 5 млн. пудов разных грузов в навигацию. По данным 1897 г., по Днепру было отправлено 2276 тыс. пудов груза (12,2 % всего отправленного количества грузов), а прибыло 2596 тыс. пудов (14,2% всего прибывшего груза); второе место занимает р. Березина, по которой было отправлено грузов 22 333 тыс. пудов (11,8%), а прибыло 3516 тыс. пудов (19,3%). По Западной Двине было отправлено 21 996 тыс. пудов (11,8%) и прибыло 5187 тыс. пуд. (27,4%). По Сожу было отправлено 15 465 тыс. пуд. (8,2%) и прибыло 2194 тыс. пудов (12,0%). По Припяти было отправлено 10 415 тыс. пудов (5,6%) и прибыло 276 тыс. пудов (1,5%); по Неману было отправлено 9,519 тыс. пудов (5,1%), прибыло 328 тыс. пудов (1,8%); по Меже было отправлено 6165 тыс. пудов (3,3%); по Птичи было отправлено 5729 тыс. пудов (3,1%) и прибыло 1 тыс. пудов и, наконец, по озеру Себежскому было отправлено вниз 13 888 тыс. пудов (7,4%).

Из отдельных губерний первое место по отправлению грузов занимает Минская губерния, отославшая со своих пристаней 71 097 тыс. пудов (38,0% всех грузов отправления по области), затем следуют Витебская — 47 200 тыс. пудов (25,2%), Могилевская — 43 156 тыс. пудов (23,1%) и Смоленская — 25 643 тыс. пудов (13,7%); таков же порядок занимаемых губерниями мест и в прибытии грузов, с той только разницей, что в Смоленскую губернию прибыла лишь 1 тыс. пудов груза, т.е. такая незначительная сумма, которая не имеет места в указанных ниже в относительных числах данных, касающихся прибытия всех грузов области; в остальных же трех губерниях прибытие грузов представляется в следующем виде: в Минскую губернию прибыло 9824 тыс. пудов (53,9%), в Витебскую — 5212 тыс. пудов (28,6%) и в Могилевскую — 3193 тыс. пудов (17,5%). На диаграмме представлен весь грузооборот области по губерниям.

Фрахты на перевозку грузов по рейсам бассейна Днепра в пределах нашей области довольно высоки и почти вдвое превосходят своими размерами фрахты бассейна ниже порогов Днепра; причину этого обстоятельства надо видеть в незначительности самих партий грузов, а отчасти и в том, что движение грузов в нашей области весьма часто является местным и производится на небольших участках водных путей; кроме того, размеры фрахтов зависят и от многих других причин; от времени года, состояния пути, количества свободных судов и проч. По имеющимся сведениям, в навигацию 1891 г. средняя плата за перевозку 1000 пуд. груза в бассейне р. Днепра выше порогов на одну версту колебалась в зависимости от времени года от 17 до 37 коп.; в 1892 г. фрахты колебались в июне от 5 до 19 коп., а осенью (в октябре) — от 15 до 36 коп. Вообще, самые высокие фрахты бывают в осеннее время. По данным 1897 г., в нашей области наивысший средний (навигационный) фрахт на

Губернии и реки	Число судов с грузом				Число плотов	
	Отправлено		Прибыло		Отправлено	Прибыло
	Вверх	Вниз	Снизу	Сверху	Вниз	Сверху
Витебская						
Зап. Двина	692	3020	592	3030	3349	539
Озеро Себежское	—	—	—	—	1959	—
Болупа	—	—	—	—	488	—
Овсяница	—	—	—	—	354	—
Усвять	—	33	—	—	469	—
Сария	—	—	—	—	221	—
Улла	—	34	15	4	234	1
Остальные незначит. реки	—	4	18	—	982	—
	692	3091	610	3034	8056	540
Минская						
Днепр	77	157	124	305	34	63
Березина	162	238	205	174	2244	447
Неман	—	149	—	2	1528	22
Припять	119	457	174	52	286	—
Птичь	—	10	2	—	278	—
Случь	—	—	—	—	280	—
Уборть	—	9	—	—	186	—
Лоша	—	—	—	—	466	—
Горынь	—	113	4	—	143	—
Есса	—	—	—	—	298	—
Усса	—	—	—	—	257	—
Оросса	—	—	—	—	48	—
Остальные незначит.реки	85	2269	1482	76	1411	41
	443	3404	1991	609	7459	573
Могилевская						
Днепр	60	662	191	72	525	—
Сож	207	796	534	17	551	72
Березина	1	47	—	—	129	—
Лучеса	—	—	—	—	351	—
Оболенка	—	—	—	—	278	—
Остальные незначит. реки	—	—	—	—	157	—
	268	1505	725	89	1991	72
Смоленская						
Днепр	—	—	—	—	—	—
Межа	—	5	—	—	1583	—
Обша	—	15	—	—	944	—
Каспля	—	54	—	—	391	—
Ельша	—	—	—	—	575	—
Велеса	—	—	—	—	246	—
Присмары	—	—	—	—	280	—
Зап. Двина	—	—	—	—	346	—
Остальные незначит. реки	—	—	—	—	1 508	—
Всего:	1403	8074	3327	3732	23 279	1185

Таблица 55

Все грузы на судах, на плотах и в плотах					
Количество в тысячах пудов				Объявленная ценность в тыс. руб.	
Отправленных		Прибывших			
Вверх	Вниз	Снизу	Сверху	Отправленных	Прибывших
845	20 018	498	4689	2219	3442
—	13 888	—	—	568	—
—	2327	—	—	217	—
—	1861	—	—	119	—
—	1448	—	—	109	—
—	1443	—	—	57	—
—	1195	11	11	124	22
—	4175	3	—	354	8
845	46 355	512	4700	3767	3472
87	2502	235	1361	411	312
3685	15 445	399	3117	1530	639
—	9519	—	328	1921	14
1254	9161	264	12	734	342
—	5729	1	—	338	1
—	2725	—	—	219	—
—	2616	—	—	239	—
—	2400	—	—	462	—
—	1749	55	—	119	—
—	1353	—	—	105	—
—	1152	—	—	236	—
—	1106	—	—	91	—
1326	9288	3915	137	2153	1244
6352	64 745	4869	4955	8558	2552
69	20 218	764	235	2028	1025
32	15 433	734	1460	2955	1081
—	3103	—	—	187	—
—	1852	—	—	165	—
—	1145	—	—	96	—
—	1304	—	—	85	—
101	43 055	1498	1695	5516	2106
—	—	1	—	—	1
—	6165	—	—	435	—
—	3680	—	—	289	—
—	3139	—	—	306	—
—	2278	—	—	149	—
—	1790	—	—	112	—
—	1490	—	—	147	—
—	1133	—	—	84	—
—	5968	—	—	548	—
7298	179 798	6880	11 350	19 911	8131

хлебный груз на версту с 1000 пудов по бассейну Днепра доходил до 49,5 коп. (из Жлобина в Могилев), а по бассейну Западной Двины — до 19,04 коп. (из Чашников в Ригу), самый же низкий по последнему бассейну — до 10,51 коп. (из Усвята в Ригу).

Из более крупных пристаней отметим пристани отправления и назначения с суммами свыше полумиллиона рублей (таблица 56).

Главнейшим грузом на реках нашей области являются *лесные* строительные материалы и *дрова*; количество всего отправленного леса, по данным 1897 г., достигало 176 359 тыс. пудов, что составляет свыше 94% всего отправляемого груза по области: количество прибывшего лесного груза в том же году равнялось 57% всего прибытия грузов по области; другие же грузы, как хлеб, рыба, соль, нефть, каменный уголь, как отправляются, так и прибывают в незначительных размерах. Пунктами отправления для леса и дров являются Полоцк — 564 млн. пуд., Рогачев — 5,9 млн., Пропойск — 4,6 млн., Кричев — 2,6 млн., а пунктами прибытия — Пинск — 1,7 млн., Бобруйск — 1,6 млн. и Гомель — 162 млн.; для хлеба пунктом по прибытию служит Пинск, куда прибывает свыше полумиллиона пуд. (в 1897 г. — 522 тыс. пудов), а пунктом по отправлению являются Бешенковичи (293 тыс. пудов). Что касается остальных грузов, то суммы отправления и прибытия их еще более незначительны.

Таблица 56

Пристани отправления	Тысячи руб.	Пристани назначения	Тысячи руб.
Гомель	1460	Гомель	1252
Пинск	1096	Пинск	1211
Витебск	672	Могилев	636
Рогачев	527		
Пропойск	554		

Перейдем теперь к сухопутным средствам сообщения — *грунтовым, шоссейным и железным дорогам*, оговорившись при этом, что нет никакой возможности учесть, хотя бы даже приблизительно, расходы на грунтовые дороги, которые содержатся почти исключительно натуральными расходами сельских обществ; равным образом и передвижение грузов по грунтовым дорогам не поддается учету; но оно весьма значительно, так как грунтовые дороги часто являются подъездными путями к станциям и пристаням. Все названные здесь дороги по их подведомственности распределяются: 1) на дороги министерства путей сообщения, содержимые на средства казны, и 2) на дороги министерства внутренних дел, содержимые земскими учреждениями, где они существуют (в нашей области земство существует только в Смоленской губернии), а где нет их — распорядительными комитетами; к ведению же министерства внутренних дел относятся и проселочные дороги, содержимые владельцами земель, по которым они пролегают.

Грунтовые дороги разделяются на почтовые, торговые, проселочные и полевые. Первые три дороги в губерниях Витебской, Минской и Моги-

Краснинский тракт — «большак» Смоленской губернии. (По фотографии М. Круковского).

Дорога близ Креславки. (По фотографии В.А. Бальца).

левской состоят в ведении распорядительных комитетов, а в уездах органами наблюдения за устройством и исправным содержанием дорог являются уездные дорожные комиссии. Содержатся дороги почти исключительно натуральной повинностью крестьян и мещан и выдачей помещиками, а иногда казной, лесных материалов для мостов, гатей и прочих сооружений; в Смоленской же губернии это дело поставлено несколько иначе: здесь важнейшие дороги, мосты, паромы, гати содержатся земством, на что назначаются ежегодные сметные суммы; менее же важные сооружения содержатся и исправляются, как и в остальных трех губерниях, крестьянами и землевладельцами. Что же касается проселочных и полевых дорог, то они содержатся владельцами земель, через которые проходят дороги, а надзор за исправным содержанием этих дорог лежит на обязанности местной полиции.

По сметам за трехлетие (1896—1898) ежегодное ассигнование в Витебской губернии на дороги, находящиеся в ведении распорядительного комитета, составляло 347 167 руб., т.е. на 1 жителя 17 коп. В Минской губернии, по последним данным, всех грунтовых дорог, кроме проселочных, числилось 5655 верст; проселочных дорог в Минской губернии числится 31 327 верст. По смете на трехлетие (с 1896 г. по 1898 г.) сметное ассигнование на дороги составляло 225 181 руб., или 12 коп. на 1 человека. В Могилевской губернии всех грунтовых дорог насчитывается до 16 955 верст, считая в этом числе и проселочные дороги; на содержание их по смете земских повинностей (трехлетие 1896—1898 гг.) ассигновано 14 237 руб. В Смоленской губернии грунтовых дорог насчитывается до 2288 верст.

Количество всех шоссейных дорог в пределах нашей области доходит до 1659 верст.

В Витебской губернии пролегают части четырех шоссейных дорог. Петербургско-Киевское шоссе идет от Витебска по направлению к Петербургу через города Городок и Невель и от Витебска к югу до границы Могилевской губернии и далее на Оршу. Петербургско-Варшавское шоссе — от Двинска до границы Псковской губернии через Режицкий и Людинский уезды; Смоленское или Орловско-Витебское шоссе — от Витебска до границы Могилевской губернии. Все эти шоссейные дороги находятся в ведении министерства путей сообщения.

Минскую губернию перерезает в направлении от востока на запад Московско-Варшавское шоссе, проходя через города Бобруйск и Слуцк и юго-западную часть Новогрудского уезда. Шоссе состоит в ведении министерства путей сообщения.

В Могилевской губернии пролегают части Петербургско-Киевского, Московско-Варшавского, Могилевско-Бобруйского и Орловско-Витебского шоссе. Киевское шоссе начинается от ст. Дыманова (на границе Витебской губернии), проходит че-

рез города Оршу и Гомель, а затем уходит в Черниговскую губернию, пересекая уезды Оршанский, Горецкий, Могилевский, Быховский, Рогачевский и Гомельский всего на расстоянии до 930 верст. На этом расстоянии имеется 240 мостов. Киевское шоссе на пути своем пересекается судоходными реками Днепром и Сожем — первым в г. Орше, где существует паромная переправа, а вторым — недалеко от Гомеля. Московско-Варшавское шоссе идет через губернию в направлении на юго-запад восточной границы Смоленской губернии (ст. Шумаха) до границы Минской губернии (ст. Токарка) и проходит мес. Кричев, г. Чериков, мес. Пропойск и г. Рогачев и уезды Климовичский, Чериковский, Быховский и Рогачевский. Шоссе это пересекается в Кричеве Сожем и в Рогачеве Днепром; на Соже построен мост, а в Рогачеве устроена паромная переправа. Могилевско-Бобруйское шоссе пролегает от Могилева через уезды Могилевский и Быховский к ст. Качеричи (граница Минской губернии). Витебско-Орловское шоссе проходит по северо-восточной части Оршанского уезда на протяжении 58 верст. Первые три шоссе состоят в ведении министерства путей сообщения, а последнее содержится на счет сумм губернского земского сбора и находится в ведении губернского распорядительного комитета.

В пределах Смоленской губернии пролегают следующие шоссейные дороги: Орловско-Витебская от границы Оршанского уезда к Орлу (через Смоленский и Рославльский уезды), Смоленско-Соловьевская — до Соловьева—Перевоза (в Духовщинском уезде) и Московско-Варшавская (через города Юхнов и Рославль и их уезды). Все дороги находятся в ведении министерства путей сообщения.

Выше мы сказали, что количество всех шосссейных дорог в пределах нашей области исчисляется в 1659 верст; это количество распределяется по губерниям, как показано в таблице 57.

Таблица 57

Губернии	Всего верст	На 1 кв. версту площади приходится шоссейных дорог в саженях	На 1 жителя приходится шоссейных дорог в саженях
Витебская	357	4,62	0,14
Минская	280	1,75	0,07
Могилевская	705	8,37	0,23
Смоленская	317	3,22	0,40
По области	1659	3,95	0,12

Через область Верхнего Поднепровья и Белоруссии в настоящее время пролегают части следующих *железных дорог*: Петербургско—Варшавской с ветвью от ст. Пыталова до границы Лифляндской губернии, Риго—Орловской, Московско—Брестской, Либаво—Роменской и ветвь этой последней Осиповичи—Старые Дороги, затем Полесских, Московско-Виндавской, Сызрано-Вяземской, Новоторжской (ветвь Николаевской жел. дороги), Богоявленско-Смоленской, Петербургско-Витебской, вся Витебско-Жлобинская и часть вновь строящейся Бологово-Седлецкой (через Полоцк).

Самая старейшая из железных дорог нашей области *Петербургско-Варшавская*; постройка ее началась правительством в мае 1852 г., причем работы производились под управлением инж.-ген. Э.И.Герстеда. Участок от г. Острова (Псковской губернии) до Двинска был открыт в конце 1860 г.; из него пришлось на Витебскую губернию около 132 верст (считая от ст. Корсовки до Двинска). Проходит железная дорога по Двинскому, Режицкому и отчасти Люцинскому уездам. С 1894 г. эта дорога перешла в казну. Она имеет два пути и перерезает Зап. Двину, через которую у Двинска построен железный мост длиной в 121 сажень о трех пролетах на металлических быках; самая высшая точка дороги — 82,7 саженей над уровнем Петербургской станции — лежит на 449-й версте между станциями Антонополь и Рушоны. Важнейшие станции Петербургско-Варшавской жел. дороги — Двинск и Режица. Не доходя еще до пределов нашей области, Петербургско-Варшавская ж.д. отделяет от себя у ст. Пыталова (Псковской губернии) ветвь в северную часть Люцинского уезда через мес. Мариенгаузен к ст. Сита (близ границы Лифляндской губернии). Риго-Орловская железная дорога проходит через Витебскую губернию по уездам Витебскому, Полоцкому, Дриссенскому и Двинскому на расстоянии 369 верст, а затем через угол Оршанского уезда Могилевской губернии входит в Смоленскую и здесь идет по уездам Смоленскому, Ельнинскому, Порецкому и Рославльскому, направляясь к Брянску и Орлу. Часть дороги от Риги до Двинска была открыта для пользования в 1861 г. (бывшая Риго-Динабургская ж.д.). На всем своем пути между Ригой и Двинском Риго-Орловская железная дорога следует долиной р. Зап. Двины; у Двинска дорога проходит по гласису крепости, пересекает Петербургско-Варшавскую железную дорогу, проходит под ней в пролет моста и имеет станцию у нового предместья Двинска; здесь же она сопрягается ветвью с Петербургско-Варшавской дорогой. Дорога построена в два пути. Работы производились под руководством английского инженера Гокшау. Участок от Двинска до Полоцка открыт в 1866 г. (бывшая Динабургско-

Витебская ж.д.). Этот участок за ст. Двинском переходит Варшавское шоссе в уровне рельсов, затем направляется по правому берегу Зап. Двины, проходит близ г. Дриссы, пересекает р. Дриссу на 110-й версте, идет мимо г. Полоцка, переходит на 170-й версте р. Оболь и приближается к г. Витебску с западной стороны, где пересекается с дорогами Петербурго-Витебской и Витебско-Жлобинской. Мостов каменных и металлических на этом расстоянии до 40; из них самые большие — через реки Дриссу, Сарановку, Серянку, Полоту, Сосницу и Сволну.

Здесь мы на время отвлечемся в сторону от Риго-Орловской железной дороги и, чтобы покончить с железными дорогами Витебской губернии, скажем несколько слов о Московско-Виндавской дороге, построенной в 1900 г. и открытой для всеобщего пользования в конце того же года. Московско-Виндавская железная дорога входит из Псковской губернии в Витебскую близ села Сокольников и по гористой местности через города Себеж и Люцин направляется на Режицу, где пересекается с Петербургско-Варшавской ж.д., а отсюда направляется на ст. Крейцбург Риго-Орловской ж.д., по пересечении с которой проходит мостом через Зап. Двину близ Якобштадта и далее направляется по Курляндии через Митаву и Туккум на Виндаву. Эта же дорога, пройдя к востоку от Сокольников через Псковскую губернию, затем, по пересечении верхнего течения Западной Двины, прорезает северную часть Бельского уезда Смоленской губернии и входит в Тверскую, направляясь ко Ржеву. Перерезывающая Московско-Виндавскую у Сокольников Петербургско-Витебская ж.д. направляется на юг через города Невель и Городок, вдоль Невельско-Городокской возвышенности к Витебску, а отсюда, по пересечении Зап. Двины, начинается уже Витебско-Жлобинская ж.д., о которой см. ниже. В Невеле Петербургско-Витебская ж.д. пересекается строящейся Бологово-Седлецкой ж.д., которая направляется отсюда на северо-восток на Великие Луки, а на юго-запад на Полоцк, где пересекает Западную Двину и, пройдя некоторое расстояние по северной части Лепельского уезда, уходит в Виленскую губернию. Таким образом, Западная Двина у границ Витебской губернии пересечена железными путями четыре раза, да один раз у границ Смоленской губернии.

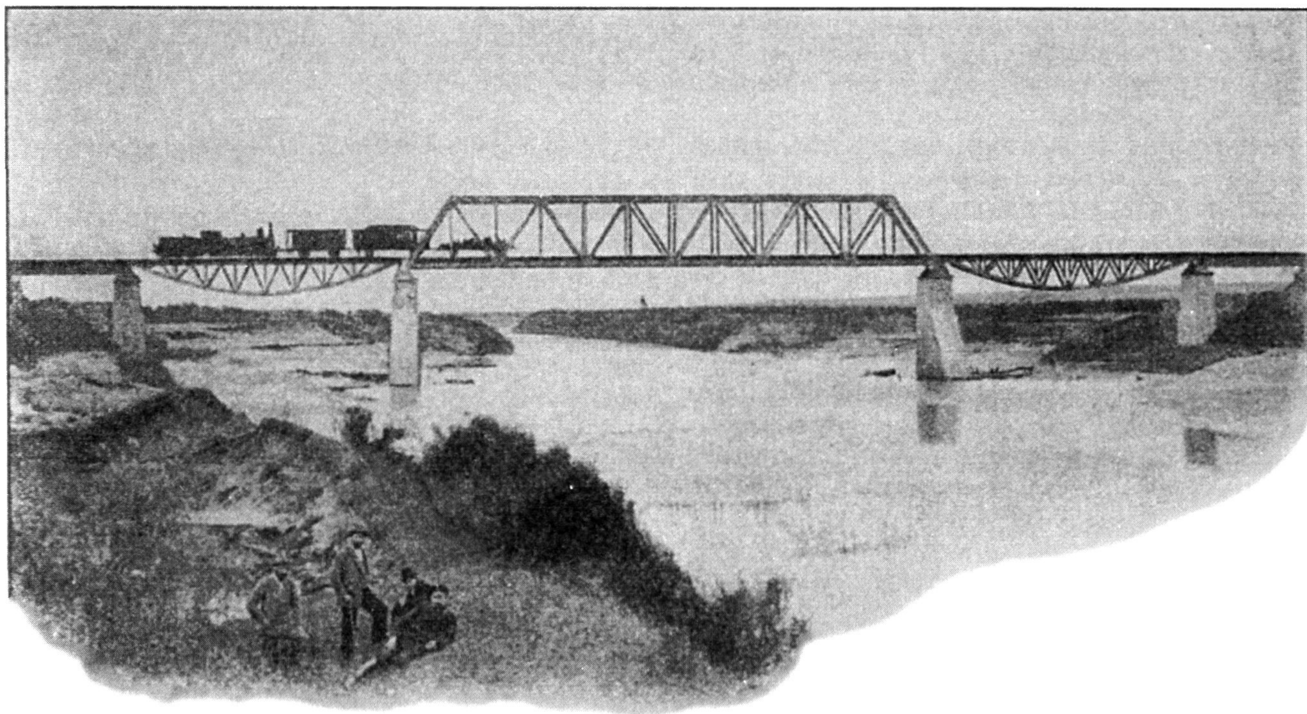
Возвращаясь к *Риго-Орловской* железной дороге, заметим, что с южной стороны Витебска она соединяется с Витебско-Двинской частью дороги, на второй версте переходит Зап. Двину, затем пересекает несколько незначительных речек и входит в Могилевскую губернию, прорезывая северо-восточный уголь Оршанского уезда, а затем — в Смоленскую, где между ст. Куприным и Гнездовым пересекается с Московско-Брестской ж.д., затем идет по правую сторону Днепра, проходит через г. Смоленск, встречаясь здесь с Богоявленско-Смоленской и снова с Московско-Брестской ж.д., близ Шеина Острога пересекает Днепр и затем идет на юго-восток, проходит через г. Рославль и через несколько станций уходит за пределы области в Орловскую губернию, пройдя таким образом Оршанский уезд Могилевской губернии и Смоленский, край Ельнинского и Рославльский уезды Смоленской. Что касается исторических данных описанного сейчас участка, то в 1865 г. был заключен уступочный договор по постройке его английским подданным баронетом Пито, но договор не состоялся и был прекращен по неуспеху собирания капитала и образования общества. После этого Орловское земство обратилось к правительству с просьбой о даровании ему уступочного договора на тех же основаниях, какие были предоставлены и баронету Пито, но с уменьшением основного гарантированного капитала до 6 миллионов фунтов стерлингов (вместо 6 582 500 фунт. стрел.). Постройка дороги была разрешена земству.

Перейдем теперь к *Московско-Брестской* железной дороге. В 1866 г. по представлению наместника Царства Польского о необходимости проведения железной дороги из Москвы в Варшаву повелено было произвести исследование этого пространства, причем исследование от Варшавы или Брест-Литовска до Смоленска поручено было распоряжению наместника, а от Смоленска до Москвы — министерству путей сообщения, но смоленская земская управа успела исходатайствовать о дозволении земству произвести между Москвой и Смоленском изыскания, что и было разрешено в начале 1867 г. Московско-Брестская железная дорога пролегает в нашей области по трем губерниям на расстоянии 711 верст, а именно: по Смоленской — по Смоленскому, Духовщинскому, Дорогобужскому, Вяземскому, Сычевскому, Гжатскому уездам, затем переходит в Могилевскую, проходит по северной ее части через уезды Оршанский и Сенненский, а потом уходит в Минскую и здесь идет через Борисовский, Минский и Новогрудский уезды, откуда и выходит за пределы области. Наибольшее протяжение этого пути приходится на Смоленскую губернию — 303 версты, затем на Минскую — 251 верста и на Могилевскую — 157 верст. В Вязьме Московско-Брестская ж.д. пересекается с Новоторжской ветвью Николаевской ж.д. и с Сызрано-Вяземской ж.д., в Смоленске — с Риго-Орловской и Богоявленско-Смоленской, недоходя до Катыни — снова с Риго-Орловской, в Орше — с Витебско-Жлобинской, в Минске — с

Либаво-Роменской, в Барановичах — с Полесскими. Московско-Брестская дорога проходит на всем своем пространстве по малоплодородной местности и так как не вполне совпадает с главнейшим движением хлебных грузов из центральных и юго-восточных губерний к портам, то для перевозки хлеба имеют значение только отдельные ее участки, например, между Вязьмой и Смоленском; между тем строевой и поделочный лес и дро́ва составляют главный груз этой дороги; по снабжению Москвы и ее окрестностей лесом и дровами она далеко превосходит прочие железные дороги; в последнее десятилетие, особенно со времени заключения торгового тракта с Германией (1893), транзитное движение пассажиров и ценных грузов возросло: по этой дороге из Германии и Австрии идут в Москву различные ткани, пряжа, металлические изделия и проч. Стратегическое значение описываемой дороги также значительно — это ближайший путь из Средней России к среднему течению Вислы, где имеются укрепленные пункты, совпадающие со знаменитым путем Наполеона I в Москву. В 1895 г. Московско-Брестская железная дорога перешла в казну.

Либаво-Роменская железная дорога пролегает через две губернии — Минскую и Могилевскую и прорезает их в направлении с северо-запада к юго-востоку; в первой губернии она прорезает Минский, Игуменский и Бобруйский уезды, а во второй — юго-западную часть Рогачевского и Гомельский; протяжение дороги в нашей области — 374 версты, из которых на Минскую губернию приходится 227 верст, а остальные 127 падают на Могилевскую. Дорога проходит через Минск и Бобруйск (где пересекает р. Березину), а в Могилевской губернии через Жлобин и Гомель; в Жлобине дорога встречается с отходящей на север отсюда Витебско-Жлобинской ж.- д. и пересекает Днепр; в Минске она пересекается Московско-Брестской ж. д., а в Гомеле — Полесскими ж. д. и пересекает р. Сож, уходя затем в Черниговскую губернию. Концессия на постройку дороги была выдана главному обществу российских железных дорог в 1856 г., но последнее не имело средств на постройку ее, и линия была построена гораздо позже инженером фон-Мекком и выкуплена казной в 1891 г. Движение открыто было от Вилейки (Виленской губернии) до Гомеля в конце 1873 г. Местность, по которой проходит дорога, большей частью ровная. Главное назначение Либаво-Роменской ж. д. — передвижение малороссийских земледельческих грузов к Балтийскому морю. От Либаво-Роменской ж. д. на юго-запад от станции Осиповичей (между Минском и Бобруйском) проходит небольшая лесная ветвь до Старых Дорог (расположенных на Московско-Брестском шоссе) на протяжении 40

ча).

верст. Отходящая на север от ст. Жлобина недавно открытая Витебско-Жлобинская ж. д. идет по правому берегу Днепра на Могилев, далее в Орше пересекается с Московско-Брестской ж. д. и затем в Витебске примыкает к Петербургско-Витебской и Рижско-Орловской ж.д.

Полесские железные дороги пролегают в Минской и Могилевской губерниях; в первую входят участки Брестско-Гомельский, Вильно-Ровенский и Барановичи-Белостокский с общим протяжением в 556 верст и в Могилевскую — Гомельско-Брянский и Гомельско-Брестский с общим протяжением в 86 верст. Брестско-Гомельский путь пересекает поперек, почти пополам, Припятское Полесье, т.е. Пинский, Мозырский, Речицкий и Гомельский уезды, а Гомельско-Брянской линией пересекается Гомельский уезд. Брестско-Гомельский участок Полесских железных дорог, пройдя г. Пинск, встречается при ст. Лунинце с Вильно-Ровенским участком, в Речице — с Днепром, а в Гомеле — с Гомельско-Брянским участком и Либаво-Роменской ж.д. Вильно-Ровенский путь из Вильны доходит до западной границы Новогрудского уезда и, пересекая юго-западную часть его, сходится в Барановичах с Барановичско-Белостокским участком и с Московско-Брестской ж. д., а далее направляется на юго-восток, входит в Слуцкий уезд, отсюда спускается на юг и через Пинский уезд, где встречается при Лунинце с Брестско-Гомельском участком и пересекает Припять, выходит из пределов области. Наконец, через западную границу Новогрудского уезда входит в Минскую губернию и проходит на незначительном расстоянии по Новогрудскому уезду до ст. Барановичей — линия Полесских ж. д. Барановичи—Белосток. Постройка Жабинкско—(Брестско)—Пинского участка Полесских дорог начата была в 1882 г., а прочие участки — в 1883 г. Полесские дороги местами идут через так называемые «зыбуны». Все участки построены в один путь; при постройке имелись в виду стратегические соображения, и особых выгод не ожидалось от этих дорог. Между тем доходность их ныне достигла значительной высоты и имеет тенденции возрастать; чистый доход от прибыли в 1896 г. превысил 5 млн. руб. Полесские железные дороги сооружены правительством и находятся в ведении казны.

Сызрано-Вяземская железная дорога, открытая для пользования в 1870 г., входит с юго-востока в Смоленскую губернию и проходит на протяжении 67 верст через уезды Юхновский и Вяземский до ст. Вязьмы Московско-Брестской ж.д.; ст. Вязьма служит узловым пунктом железных дорог Сызрано-Вяземской, Московско-Брестской и Новоторжской. Последняя (ветвь Николаевской ж. д.) входит в Смоленскую губ. с севера от Ржева и идет на протяжении 85 верст через богатые льном Сычевский и Вяземский уезды до ст. Вязьмы. Главное на-

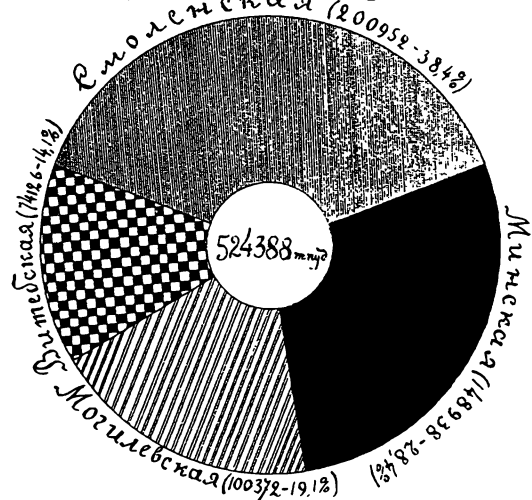
значение Сызрано-Вяземской ж. д. — перевозка земледельческих грузов из центральных и юго-восточных черноземных губерний через Смоленск к прибалтийским портам.

Наконец, последняя железная дорога в нашей области — *Богоявленско-Смоленская*. Она с юго-востока из Калужской губернии входит в Ельнинский уезд и затем в Смоленский, где пересекает Днепр. Эта дорога была построена в 1899 г. обществом Рязанско-Уральской ж.д.; на Смоленскую губернию приходится 100 верст этого пути. Ближайшим поводом к возникновению проекта сооружения указанной железнодорожной линии послужили затруднения, с которыми встречалось движение грузов, главным образом хлебных, направляющихся с линий общества Рязанско-Уральской ж.д. из-за Козлова к Риге, Либаве и к западной сухопутной границе; назначение ее — отчасти разгрузить перегруженную параллельную ей Сызраньско-Вяземскую линию и отчасти дать новый прямой выход на северо-запад хлебным грузам южных частей Рязанской и Тульской губерний, что она и выполняет с полным успехом.

Общее протяжение всех рельсовых путей в нашей области составляет 3054 верст, которые распределяются по губерниям как показывает таблица 58.

Из таблицы видно, что по количеству рельсовых путей беднее других Могилевская губерния. Относительно этой последней надо заметить, что железные дороги, прорезая до недавнего открытия Витебско-Жлобинской ж. д. лишь окраины губернии, привлекали к ним всю торговую и промышленную деятельность, между тем как центр губернии, лишенный хороших путей, оставался менее развитым в торговом и промышленном отношениях.

Проведение новых путей, отчасти еще незаконченных, как видно из примечения к таблице, ставит Витебскую губернию на второе место после

Минской по абсолютной длине железных дорог и на первое место по отношению к пространству и населению. Могилевская же губерния и с присоединением новых путей является пока все еще последней по абсолютной длине железных дорог и по отношению их к населению, хотя резкая разница между ней и соседними губерниями до известной степени теперь сглаживается; по отношению же к пространству железные пути Могилевской губернии в самое последнее время даже опережают Минскую.

Грузооборот главнейших грузов, учитываемых нашей сводной железнодорожной статистикой, именно хлеба, соли, нефти и ее продуктов, каменного угля, дров и лесных строительных материалов, по губерниям рассматриваемой области представлен здесь в диаграмме. Из нее видно, что на

Таблица 58

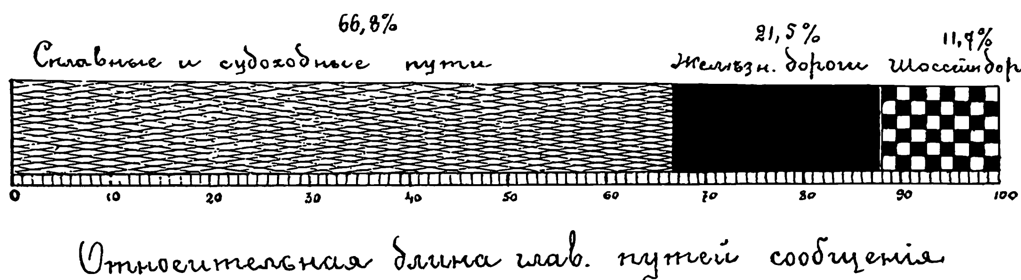
Губернии	Число верст жел. путей	На 1 кв. версту площади приходится ж. д. в саженях	На 1 жителя приходится ж. д. в саженях
Витебская	701[1]	9,07[1]	0,27[1]
Минская	1074	6,70	0,28
Могилевская	452[1]	5,36[1]	0,14[1]
Смоленская	827	8,40	0,29
Всего по области	3054[1]	7,26[1]	0,24[1]

[1] С присоединением только что открытых и строящихся железных дорог цифры эти изменяются следующим образом:

Витебская	971	12,06	0,32
Могилевская	682	8,09	0,20
Всего по области	3554	8,45	0,25

первое место следует поставить Смоленскую губернию, а на последнее — Витебскую; Минская и Могилевская занимают середину. Если мы обратимся к отдельным железным дорогам по их грузовой деятельности в пределах нашей области, то увидим, что бойчее всех в конце 1890-х годов здесь оказывалась Московско-Брестская линия (145 млн. пудов); далее шли Риго-Орловская (118 млн. пудов), Полесские (113 млн. пудов), Либаво-Роменская (88 млн. пудов), Сызрано-Вяземская (31 млн. пудов), Петербургско-Варшавская (21 млн. пудов) и, наконец Новоторжская (9 млн. пудов). Более всего рассматриваемая область отправляла по железным дорогам хлебов (58 млн. пудов), затем лесных строительных материалов (46 млн. пудов) и дров (38 млн. пудов). Главным грузом по прибытию в область был хлеб с юго-востока (77 млн. пудов). Для дров и лесных строительных материалов наиболее крупными пунктами отправления являлись: для дров — Смоленск ($9\,^{1}/_{2}$ млн. пудов) и Дорогобуж ($1\,^{3}/_{4}$ млн. пудов); для лесных строительных материалов — Гомель (6 млн. пудов), Осиповичи Либ.-Ром. ж. д. (около 4 млн. пудов), Двинск (2 млн. пудов), Вязьма и Смоленск (каждый около 2 млн. пудов), Лунинец (около $1\,^{1}/_{4}$ млн. пудов), Речица и Минск (каждый более 1 млн. пудов).

Приводимая здесь диаграмма дает взаимное соотношение различных способов сообщения в пределах Верхнего Поднепровья и Белоруссии без самоновейших, частью только что открытых, частью еще недостроенных железнодорожных линий (Петербургско-Витебской, Витебско-Жлобинской и Бологовско-Седлецкой). Но если мы и прибавим к диаграмме общую длину этих последних в рассматриваемой области (около 500 верст), то картина взаимоотношения различных способов сообщения изменится очень мало; все-таки будут решительно преобладать водные пути (9470 верст), среднее место будут занимать железные пути (3554 версты) и последнее место придется на долю шоссейных дорог (1659 верст).

Отдел III

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ МЕСТА И МЕСТНОСТИ

Глава VIII

Железнодорожные линии, расходящиеся от Москвы, и некоторые примыкающие к ним линии

А.К.Кабанова, А.П.Сапунова и Д.З.Шендрика

Московско-Брестская ж.д. Ржево-Вяземская ж.д. Сызрано-Вяземская ж.д. — Богоявленско-Смоленская ж.д. Ветвь Барановичи-Белосток. Московско-Виндавская ж.д.

Московско-Брестская железная дорога, переходя на 122-й версте от Москвы за ст. Бородиным и полуст. Колочью (см. «Россия», т. I, стр. 337) в Смоленскую губернию, пересекает пополам Гжатский уезд. Первая станция в 8 верстах от границы Московской губернии — Уваровская, грузящая до 1700 т. пудов, преимущественно дров и немного лесных строительных материалов. При станции находится почтовое отделение, а близ нее два небольших кирпичных завода: один — Косарева и Панкова, а другой — Волкова.

Местность вокруг этой и следующих станций довольно густо населена (сравнительно для Смоленской губернии); нередки селения от 200 до 400 жителей; так, к северу в 7 верстах от Уваровки находится село Вешки с населением в 300 человек, в котором бывает ярмарка. При земском училище этого села находится недурно составленная библиотека; особенно хорош отдел естествознания и истории; лубочных изданий почти нет. Невдалеке отсюда расположена значительная по населению деревня Лусоси (более 400 жителей). Верстах в 15 от Уваровки расположена дер. Казакова, в которой находится русская вышивальня А.К.Рихао. На юг от Уваровки проходит Московский тракт, на котором расположено значительное селение (более 200 душ) Гриднево. Здесь арриергард русской армии под начальством графа Коновницына 23 августа 1812 г. выдержал бой с наступавшей великой армией и отступил далее к границе Московской губернии. Восточнее Гриднева по тому же тракту расположена Колоцкая слобода при монастыре того же имени. Слобода эта расположена в 3—4 верстах от полустанка Колочь, находящегося уже в пределах Московской губернии. Это значительное для здешней местности селение (450 жителей) расположено на р. Колоче. Ежегодно 9 июля здесь происходит ярмарка, а ежедневно — базары. Древность этой слободы засвидетельствована Ростиславовой грамотой (1150). По-видимому, она в XII в. была средоточием Колоцкого стана. Монастырь, расположенный также на р. Колоче, основан в 1413 г. князем Андреем Дмитриевичем. Под Колоцким монастырем и слободкой не раз происходили бои в памятную отечественную войну. Арриегард графа Коновницына, отойдя после Гридненского боя к Колоче, 24 августа здесь вторично отразил врага. Знаменитый Бородинский бой происходил непосредственно за Колочью; на левой смоленской стороне ее оставались резервные французские войска. Однако и здесь под монастырем разыгрался один эпизод этого боя, правда не имевший прямого значения, но косвенно повлиявший на ход общего сражения. Кутузов откомандировал на ту сторону Колочи кавалеристов гр. Уварова и казаков Платова, атака которых оказалась как нельзя более кстати, так как Наполеон только что перед этим хотел двинуть в бой резервы и между прочим гвардию. На юг от Гриднева, верстах в 7 от Уваровки, расположено село Власово, жители которого занимаются разведением садов, а еще южнее от Уваровки, верстах в 13—14 находится в верховьях р. Протвы незначительное по населению село Мокрое (более 100 жителей), важное тем, что в нем устроены богадельня, больница и лесопильный завод Богдановых и Смолякова, в котором при одном паровом двигателе работает до 40 человек; тут же находится конский завод Александрова.

Следующая остановка, после пересечения мостом верховьев р. Москвы, есть полустанок Сычики, а затем в 20 верстах от Уваровки следует ст. Ба-

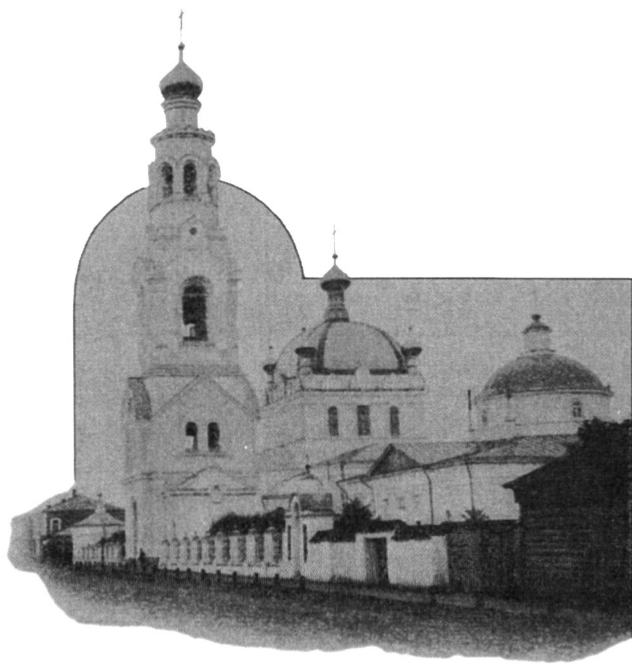
тюшково, грузящая до $^1/_2$ млн. пудов, преимущественно дров и немного лесных строительных материалов. При Сычиках находится лесопильный завод Богданова, располагающий 40 рабочими.

На юге от полотна проходила, как мы уже видели, старинная большая Московская дорога; здесь же, на этом участке, она, перейдя полотно, идет уже на север от него. На южной части тракта лежит дер. Дровнино с церковно-приходской школой, где имеется рукодельный класс. В этом классе обучают кройке простых вещей. Около Дровнина проходит р. Москва, в этом месте уже довольно широкая; через нее переходят по 10-саженному мосту, лежащему по тракту. Невдалеке от этого места лежат и истоки р. Москвы, при деревнях Старкове и Поповке в 5—7 верстах от Сычиков. Здесь р. Москва в истоках называется Коноплевской вплоть до дер. Твердики, а на север от полотна, в двух верстах от Сычиков, она называется Москворецкой Лужей. Далее на север р. Москва известна уже под своим именем. Верстах в 8—10 к северо-западу от Батюшкова расположено село Глинка — весьма древнее, встречающееся еще в грамоте князя Ростислава Мстиславича под именем «Вышнее Глинско»; под этим же именем оно встречается в духовной вел. князя Дмитрия Донского 1389 г.; теперь здесь происходит ярмарка. Еще севернее, в 20 верстах от Батюшкова, находится бумаготкацкая фабрика Прохорова с десятью рабочими; она расположена в дер. Клевцове.

Продолжая путь по Гжатску, мы остановимся на полустанке Колесниках.

В 10 верстах на север от полотна здесь расположено село Петропавловское, где бывает ярмарка. Переходя на юг от полотна, мы в 5—6 верстах от полуст. Колесников встречаем дер. Ветцы (300 жителей), упоминаемую в Ростиславовой грамоте, где она является средоточием отдельного Ветцкого стана; прямо на юг отсюда расположена дер. Дятлова, в 5 верстах от которой лежат владельческие хутора Изобильный и Братья; здесь более 3 $^1/_2$ тысяч десятин удобной земли; система хозяйства семипольная. На речке Чернавке, приток Гжати, находятся при этих хуторах две водяные мельницы. Еще далее на юг, в самом южном углу Гжатского уезда расположена дер. Скугарево (300 жителей) с винокуренным заводом Муравьева, работающим при одном паровом двигателе. В деревне есть приходская школа.

За Колесниками железный путь в 19 верстах от Батюшкова достигает г. Гжатска. Станция его грузит около $^1/_2$ млн. пудов преимущественно дров. Гжатск, уездный город с 1776 г., находится на некогда судоходной р. Гжати. В настоящее время на ней нет правильного сообщения, но о старом ее значении свидетельствуют остатки запруд и вырытое, как говорят старожилы, для спуска воды озеро. Основание Гжатской пристани относится к петровскому времени. При построении Петербурга Петр Великий был озабочен доставкой к нему за-

Гжатск. Собор на Волоколамской площади. (По фотографии Н.Н. Останковича).

пасов, главным образом хлебных. Между другими местами, годными для эксплуатации с этой целью, он остановился и на берегах Гжати; местность эта была покрыта лесом; здесь расположены были лишь две деревушки Таранчаево и Капорцы. По преданию, Петр сам посетил намеченную местность. Здесь до времени имп. Екатерины II стоял его домик, называемый Дворцовым, но вслед затем был продан на снос. Устроив пристань, Петр распорядился населить ее. Однако, несмотря на указ царя, на всевозможные льготы торговцам, охотников оказывалось мало. Тогда Петр прибег к радикальному средству. «Языки», доносчики, по тайному предписанию, стали доносить на того-другого из богатых купцов, и мнимо виновных не раньше выводили из ямы, чем они согласятся поселиться на Гжатской пристани. Таким образом, в два года тут расселились до 20 семейств из Твери, Калуги, Вереи и проч. Сообразно с тем развилась и торговля. В 1717 г. уже прибыл в Петербург первый гжатский хлебный караван на 50 барках. Местность Гжатска, сама по себе ровная, интересна по живописным, тенистым берегам Гжати. Река делит город на две части; в лучшей находится базар и соборная церковь, недавно ремонтированная и очень красивая для уездного города; вид на нее с полотна, при проезде в поезде, весьма красив. Вымощены только лучшие улицы города (Смоленская, Калужская, Московская и Петербургская). В городе есть женская прогимназия и очень хороший, тенистый городской сад. Население города достигает 6 тысяч душ.

На север от города в 10—12 верстах, на Зубцовском тракте, при р. Гжати, расположено сел. Пречистое. В селе две церкви, около которых собирается ярмарка. Близ села лежит имение В.П.Муромцева, при котором находится Пречистенская школа скотоводства, сыроварения и маслоделия. Против сел. Пречистого близ д. Воскресенской Зубцовский тракт пересекается р. Гжатью; переправляются через нее в брод или на плотах; отсюда тракт и течение Гжати расходятся. На восток от Пречистого, в 12 верстах от Гжатска, находится самое большое село уезда Клушино (860 жителей) при речке Дубне, приток Гжати; здесь бывают три небольшие ярмарки. Здесь брат царя Василия Ивановича Шуйского князь Дмитрий потерпел в 1610 г. поражение от польского гетмана Жолкевского вследствие неожиданной измены наемных немецких отрядов, находившихся при московском войске. Далее на север, почти рядом, на р. Гжати находятся две пристани (Гжать бывает судоходна лишь в половодье и то не на всем протяжении) Лагочиха (360 жителей) и Орлово. На северо-востоке от них находится село Самуйлово при р. Кривушке; в нем есть больница, земская школа с хорошо подобранной библиотекой и сыроваренный завод; два раза в год здесь собираются ярмарки. Самуйлово находится на другой большой дороге в Старицу (Тверской губернии), начинающейся несколько южнее, при д. Артемках. Дорога эта идет на северо-восток и под д. Крутой пересекается р. Яузой, притоком Гжати. Верстах в 4 отсюда на северо-западе при д. Носовых Малых находятся любопытные развалины старинного укрепления князей Тархан-Моуравовых. К северу от ст. Орловой на Зубцовском тракте, где он после перехода через Яузу около села Казаринова круто поворачивает на запад, находится значительное, лежащее при Яузе село Карманово; кроме ежедневных базаров 6 августа здесь происходит значительная ярмарка (привоз товаров достигает до 30 тыс., а продажа — до 25 тыс. руб.). В селе находится сыроваренный завод кн. Голицына, производящий сыра на сумму до 7 тыс. руб.; здесь же помещается почтово-телеграфная контора, сообщающаяся с г. Гжатском по проселочному тракту. Разойдясь с Зубцовским трактом, р. Гжать, значительно забирая на запад, у д. Песочни образует границу Сычевского уезда на очень небольшом, однако, пространстве, а потом и Тверской губернии. На юге от г. Гжатска в 12 верстах мы находим значительное имение Никольское (3500 десятин). В имении этом содержится большой огород, засаженный огурцами (более 2 $^1/_2$ десятин).

За Гжатском мы через 8 верст достигаем небольшой ст. Красицкой, последней в пределах Гжатского уезда.

Здесь мы упомянем лишь о селе Вырубове, отстоящем недалеко от станции и ведущем торговлю юфтью с Ригой и Петербургом. В имении, находящемся тут же, ведется главным образом лесное хозяйство. Десятин в этом имении более 3 тысяч. В селе имеется министерская школа с очень хорошей библиотекой. Возможная полнота, безусловная разборчивость в выборе (лубочные издания попадаются в незначительном количестве) составляют выгодную сторону библиотеки. В школе обучают и ремеслам и, по отзыву учителя, учащиеся весьма рады этому, применяя на практике свои знания.

Прежде чем перейти в смежный Сычевский уезд, мы скажем несколько слов об общем характере Гжатского уезда. Площадь его достигает 3448 кв. верст. Поверхность уезда представляет из себя плоскую возвышенность с суглинисто-песчаной почвой, довольно плодородной. По посеву уезд относится на северо-западе к льняному району, где он граничит с Сычевским, и к овсяно-льняному на юге, переходя в своей юго-восточной части к чисто овсяному району. По угодьям земли распределены так: пахотной — 141 тыс. десятин, сенокосной и пастбищ — 103 780 десятин, лесной — 78 061 десятина, остальной удобной — 10 819 десятин и неудобной — 17 002 десятины. В уезде развито травосеяние (главным образом клевер). Заводов и фабрик до 214 с 420 рабочими при производстве на 200 тыс. руб. Кустарная промышленность не развита, зато значительны отхожие промыслы. Скотоводство сильно страдает от похищения скота хищными зверями. Население уезда вместе с городским достигало 102 300 чел. по переписи 1897 г. Сел и деревень с населением свыше 200 человек немало (более 30).

Сычевский уезд весьма немного захватывается Московско-Брестской железной дорогой. На этом небольшом участке на 9-й версте от Красицкой находится станция Сергиево-Ивановская, грузящая всего около 10 тыс. пудов почти исключительно лесных строительных материалов.

На севере, верстах в 6 от этой станции, в пределах Сычевского уезда находится село Баскаково (230 жителей) с церковью, имеющей несколько приделов; в селе две школы — земская и церковно-приходская, в которых нередко происходят чтения с туманными картинами. Тут же верстах в 10 от ст. Сергиево-Ивановской к северо-западу, на большой Сычевской дороге находится самое значительное селение в уезде Спасское (более 700 жителей) с земской школой. Ближе к станции, где Московско-Смоленский тракт достигает самой отдаленной точки от полотна на участке от Гжатска до Вязьмы, уже в Вяземском уезде, при р. Сеже и Любигости расположено известное в истории село Царево-Займище (500 жителей). Село это в 1610 г. выдержало осаду поляков. Гетман Жолкевский, высланный королем Сигизмундом против войска князя Дмитрия Шуйского, осадил здесь 14 июня воевод князей Елецкого и Валуева. Однако село это сдалось лишь после поражения русских под Клушиным. Царево-Займище известно и в истории отечественной войны 1812 г.; здесь едва не произошло сражение с Наполеоном, и здесь Кутузов принял начальство над войсками от Барклая-де-Толли.

Продолжаем путь по Московско-Брестской ж. д., поворачивающей от Сергиево-Ивановской станции на юго-запад. Перейдя в Вяземский уезд, мы останавливаемся на полуст. Туманове, на 9-й версте от Сергиево-Ивановской.

На юге отсюда верстах в 8 расположен важный торговый пункт уезда — село Успенское-Собакино на р. Каковенке (260 жителей), на базарах и ярмарке которого сбываются сельские произведения — хлеб, лен, пенька и скот. В этом селе есть богодельня, училище и две церкви. В 2 верстах отсюда, в Успенской волости находится д. Сосновка, в которой существуют паровая мельница и склад сельскохозяйственных изделий С.Ф.Шарапова. Мастерская Шарапова — лучшая в уезде (их всего 4); она изготовляла со дня открытия (1878) плуги, а недавно начала готовить бороны и веялки-сортировки. Мастерская работает не для одной Смоленской губернии: она принимает заказы издалека (Кавказ, Сибирь). В мастерской же производятся кузнечные, слесарные, столярные и малярные работы.

Следующая остановка на железной дороге есть ст. Мещерская (в 15 верстах от Туманова), грузящая около 100 тыс. пудов преимущественно дров.

Между этими станциями Московско-Смоленский тракт неподалеку от Мещерской подходит к полотну. Южнее ст. Мещерской верстах в 5 находится село Федорское, довольно населенное (260 жителей). Вся местность между Федоровским, Царевым-Займищем и Спасским на юго-востоке от Федоровского была свидетелем вонных действий в 1812 году. Русские соединенные армии, расположившись несколько на восток отсюда и имея главную квартиру в Царевом-Займище (17 августа), как уже было сказано выше, встретили приехавшего главнокомандующего Кутузова, который не принял боя под Гжатском, не найдя выгодной выбранную Барклаем позицию. На обратном пути французов как раз в этой местности и на запад от Федоровского разразился Вяземский бой, в котором войска маршалов Даву и Нея подверглись нападе-

нию с разных сторон. Кутузов, не зная о действительном состоянии неприятельской армии, стоял с главной квартирой в 27 верстах от Вязьмы под Дубровкой. Действующие же войска расположены были так: с юга у Спасского стоял авангард Милорадовича, а между Царевом-Займищем и Федоровским расположились полки Ермолова и Платова. Бой, начавшийся в местности между Федоровским и Максимовкой (несколько южнее), кончился уже в Вязьме. В нем принимали участие и партизаны Сеславина и Фигнера. К востоку от Федоровского верстах в 8 находится село Спас-Телепнево (370 жителей) на р. Менке, напоминающее именем своим известного любимца вел. кн. Елены Глинской, князя Телепнева-Оболенского. В селе этом есть богадельня и конный завод А.Я.Липскерова; на юго-запад от Телепнева верстах в 3, на той же р. Менке, находится крупная дер. Менка (450 жителей), а еще далее на юго-запад — одно из крупнейших для здешних мест селений — вышеупомянутая Максимовка, имеющая более 600 жителей. В расстоянии 5—6 верст к юго-западу и к юго-востоку отсюда находится деревня Соколово и Козлово Озеро (410 жителей); первая из них лежит всего верстах в 6 от Вязьмы; в старое крепостное время эти деревни были известны своим рукавичным промыслом.

За Мещерской железный путь достигает полуст. Комягина, а затем г. Вязьмы, где пересекается с Ржевско-Новоторжской и Сызрано-Вяземской железнодорожными линиями. Ст. Вязьма Московско-Брестской ж. д. грузит около 100 тыс. пудов лесных и земледельческих грузов.

Вязьма — самый замечательный из уездных городов Смоленской губернии расположена на низменных и отлогих берегах рек Вязьмы и Бебри. Сам город мало живописен и чрезвычайно труден для ориентировки: старинные узкие и кривые улицы с различными закоулками запутывают прохожего. Отчего произошло название города — трудно решить; есть несколько версий: или от низкой «вязкой» местности и от растущих здесь в изобилии вязов, или же от финского племени «весь», или же, наконец, от слова «вязать», так как р. Вязьма, составляя часть древнего волокового пути, связывала бассейны верхней Волги, верхней Оки и Днепра. Есть свидетельства о весьма древнем происхождении Вязьмы. В житии преп. Аркадия, местного уроженца, есть указание на существование города еще в XI веке. Но по летописям, город становится известным с 1239 г., когда вел. князь Ярослав Всеволодович отдал его в удел кн. Андрею Владимировичу Долгорукому. По-видимому, Вязьма была значительным уделом; в 1300 г. смоленский кн. Александр Глебович был разбит наголову кн. Андреем Вяземским под Дорогобужем; можно предположить, что Дорогобуж в то время находился в Вяземском уделе. Но не одно политическое значение ставило Вязьму на положение важного города; не менее важно было ее торговое значение, которое развилось вследствие благоприятных условий. В силу особого положения речки, теперь даже не сплавной, а прежде, по крайней мере до XVI века, судоходной, а также благодаря тракту из Литвы в Москву, на котором лежала Вязьма, этот последний город стал скоро выдающимся торговым центром. Как политическое, так и торговое значение привлекали к Вязьме сильных соседей. В 1403 г. вел. князь литовский Витовт после неудачного приступа к Смоленску, где заперся смоленский князь Юрий, решил взять раньше Вязьму, чтобы оттуда поразить врага. Посланный туда племянник его кн. Лугвений завладел Вязьмой без кровопролития, пленив защитника ее кн. Ивана Святославича, брата Юрия. Вязьма подчинилась Литве. Изгнанный Витовтом местный вяземский князь Симеон Мстиславич бежал в Торжок, куда также укрылся и побежденный Витовтом смоленский князь Юрий Святославич. Вслед затем в Торжке произошла описанная в I томе «России» (стр. 236) драма между Юрием и Симеоном из-за супруги последнего Ульяны. Князья московские Василий I и II пытались взять Вязьму у Литвы, но попытки их не имели успеха. Гораздо настойчивее действовал Иван III. Его стремление имело успех: русское войско под начальством кн. Даниила Щени и кн. Василия Патрикеева взяло Вязьму. Государь пожаловал город бывшим князьям его, приказав им служить Москве. С этих пор Вязьма стала московским уделом, хотя литовцы усиленно ее добивались как путем переговоров, так и войной. Но Вязьма была достаточно важна, чтобы уступить ее по договору, и достаточно сильна, чтобы взять ее силой. Полякам и литовцам не удалось захватить Вязьмы даже в тяжелые годы для всей России вообще, а для Вязьмы в частности. Во время малолетства Ивана Грозного, когда правила мать его вел. кн. Елена Глинская, Вязьма сильно терпела от своеволия известного любимца правительницы кн. Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского. Дворня князя грабила по городу, не видя никакого удержу; на город напал страх и уныние. Спасителем граждан явился преп. Герасим, основатель Болдина монастыря, который путем увещания, не взирая на побои и надругательства, добился полного раскаяния разбойников. При Грозном Вязьма была приписана к опричине; она приобрела еще больший вес: в ней и около нее поселились первые сановники государства — князья Василий Васильевич Шуйский, Борис Годунов и др. Вооб-

Вязьма. (По фотографии Н.Н. Останковича).

ще, царствование Грозного, как и его преемников Федора и Бориса, было временем расцвета Вязьмы. Город был верен своим государям и самозванца признал лишь по смерти Бориса. В Вязьме останавливалась по пути в Москву Марина Мнишек. С этого времени и началось смутное время для Вязьмы. Вязьмичи склонились было на сторону тушинского вора, но после очищения города смоленскими воеводами послали свой отряд на защиту Москвы. Но в 1608 г. мы видим Вязьму вновь в руках литовцев. Некий ротмистр Плюшка захватил ее и, засев накрепко в городе, предпринимал набеги на Дорогобуж и Смоленск. Во время одного из набегов он был взять в плен, и воеводы князья Барятинский и Ададуров очистили Белый, Дорогобуж и Вязьму от тушинцев. Но уже в 1611 г. один из польских отрядов, высланных Сигизмундом из-под Смоленска, вновь занял Вязьму. Она стала местом отправления польских войск. В 1612 г. отсюда двинулся гетман Ходкевич. Немало претерпела Вязьма от поляков в смутное время: по ней прошли отряды различных польских и казачьих войск, разоряя, поджигая, грабя. Однако, несмотря на все эти несчастья, у вязьмичей нашлись еще силы ополчиться против врагов родины, когда туда пришла грамота-воззвание Сергиевской лавры. Назад к России Вязьму вернул уже при Михаиле Федоровиче, в 1614 г., кн. Дмитрий Михайлович Черкасский. Дальнейшие действия показывают, что Вязьма была по прежнему важна для обеих сторон. Князь Сулешов оставил там отряд для осады, стольник кн. Пронский из нее «промышлял над литовскими людьми», которые стояли под Дорогобужем. Но вскоре, при походе Владислава, Вязьма впустила его без боя, так как воеводы ее, князья Пронский и Белосельский, бежали из нее, а третий кн. Гагарин должен был уступить, так как из города бежали все ратники. Дальнейшее движение Владислава было однако задержано ропотом войска, не получавшего жалованья. Владислав перезимовал в Вязьме и лишь в июне 1618 г. двинулся к Москве. По последовавшему затем Деулинскому перемирию Вязьма отошла к России. Здесь происходило возвращение пленных — митрополита Филарета, боярина Шеина и др. в обмен на поляков. 2 июня Вязьма торжественно встречала митрополита Филарета. Наступивший мир не принес Вязьме полного спокойствия: нужно было очистить местность от разбойников, нужно было наблюдать за соседями, недавними врагами. И то и другое ставило Вязьму как бы на военное положение. Однако дальнейшей войны не возгорелось, и по Поляновскому миру Вязьма была подтверждена за Россией. В начале царствования Алексея

Михайловича мир был подтвержден, но вскоре малороссийский вопрос осложнил положение. В 1658 г. в Москве стали готовиться к войне, а в феврале к Вязьме был отпущен наряд с Далматовым-Карповым. 18 мая выехал в Вязьму сам царь. В Вязьме, куда приехала и царица, царь прожил до 10 февраля, выжидая прекращения мора в Москве. Вторично царь был в Вязьме в 1655 г., когда здесь было назначено собрание войск. В это время в Вязьме был и партриарх Никон. Однако Вязьма в эту войну совсем не пострадала; одно время, в 1671 г., к ней подходило войско поляков, но так как обстоятельства изменились в пользу русских, то поляки удалились. Как для всей Смоленской губернии, так и для Вязьмы ее боевая деятельность прекратилась с Андрусовского перемирия и возобновилась в 1812 г. 16 августа 1812 г. Вязьму покинули русские войска, а жители зажгли город. Наполеон, вступив в город, остановил грабеж. Когда великая армия отступала, под Вязьмой был дан бой. Убытки города были значительны (свыше 5 млн. руб.).

Город разделен р. Вязьмой на две части — восточную и западную; последняя же разделена р. Бебреей еще на две части — северную и южную. Лучшая часть города простирается на юг от Бебри; в ней находится: соборная и семь приходских церквей, женский Аркадиевский монастырь, присутственные места, каменный гостинный двор, построенный имп. Екатериной II, корпус с торговыми лавками и лучшие дома. Здесь же происходят еженедельные торги по средам, пятницам и воскресеньям. В первой части находятся мужской Предтечев монастырь, три приходские церкви и «выезды» (входы трактов в город от Смоленска и Духовщины). Во второй находятся четыре приходские церкви и выезд от г. Белого; эта часть занята преимущественно кожевенными заводами. Северная часть с Калужской дороги имеет два въезда — Старый и Новый; в ней расположено пять приходских церквей; она богата садами и огородами. Кроме названных четырех въездов к городу примыкает еще Московский тракт, а в одной версте от города с Московским соединяется Сычевский тракт. Лучшие улицы в Вязьме — Смоленская, Московская, Бельская и Калужская; все они вымощены камнем, а в 1854 г. устроено в городе шоссе на средства вяземских купцов Нероновых; оно идет от церкви святого мученика Никиты по Подболотной улице до церкви Воскресения Христова. На реке Вязьме имеются четыре деревянных моста — Сусленников, Смоленский, Зуевский и Фроловский, на Бебрее же — один Егорьевский, тоже деревянный. Выше Фроловского моста на Вязьме и на Бебре находятся две мельницы, исторически известные: первая вместе с рыбными ловлями принадлежала некогда Борису Годунову, а вторая была пожалована царями Иваном и Петром Алексеевичами посадскому человеку Сидору Колесникову. Город некогда был обнесен земляной крепостью; следы ее видны и теперь. По преданию, она имела 8 башен, из которых уцелела только одна. В городе находится немало фабрик и заводов, из которых наиболее крупные фабрики спичек «Надежда» Ельчинского (158 рабочих) и братьев Хохловых (175 рабочих). Значительны также маслобойные заводы братьев Хохловых, наследника Лютова и В. и А.Лютовых. Кроме того, существуют табачные фабрики, заводы винокуренные, кожевенные и особенно много льнообделывательных заведений.

Город Вязьма занимает видное место в торговом отношении. Товары отсюда идут в Ригу. Главные предметы торговли составляют рожь, овес, ячмень, пшеница, льняное семя и волокно, конопляное масло и волокно, сало, сальные свечи, кожи, юфть, пенька и др. Выделяется также торговля железом и рыбой, железом и чугунными изделиями для внутренних потребностей; она снабжает шесть городов Смоленской губернии — Дорогобуж, Смоленск, Духовщину, Поречье, Красный и Белый, а кроме того, Могилев и Витебск. Небогатые купцы и мещане торгуют вяземскими пряниками, а также разводят садовые присадки и осенью развозят их по городам и селениям для продажи. Ярмарка в городе одна — Заговенская, или Фроловская горка; начинается она с 26 мая и продолжается до трех дней; продаются преимущественно лошади. На еженедельные зимние базары свозится в огромном количестве хлеб не только из Смоленской губернии, но и из соседних; сюда же свозят медь и воск; первый идет на пряничные, второй — на воскобойные заводы. В древности Вязьма вела торговлю с Тверским княжеством, Новгородом, Москвой и Суздальской областью; кроме того, она торговала с Литвой и югом России. За границу вывозили медь, воск, лен и пеньку; внутренняя торговля шла бойко; предметами торговли служили лес, деревянные изделия, кожи, разные меха, хлеб, сало и соль. После 1812 г. торговля значительно пала: садоводство прекратилось совсем, пчеловодство стало в пятнадцать раз меньше прежнего, торговля лошадьми и рогатым скотом уменьшилась вдвое, а салом и сальными свечами — в четыре раза. Новое возрастание торговых оборотов началось с проведением через Вязьму железных дорог. Среди достопримечательностей города отметим собор Свято-Троицкий, раньше во имя Николая Чудотворца, но в 1635 г. переименованный в Троицкий. Вместо старого деревянного собора в 1674 г. был выстроен новый каменный; в нем хранится икона

Иверской Божьей Матери (копия с московской). Мужской Предтечев монастырь основан в 1542 г. преподобным Герасимом в благодарность за успокоение города от буйных дворовых князя Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского. На месте женского Аркадиевского монастыря, находящегося на левом берегу Вязьмы близ собора, в 1661 г. был образован мужской Верхне-Спасский монастырь, но в 1860 г. его уже не существовало. В 1779 г. старинный Ильинский женский монастырь в Вязьме был уничтожен, и монахиням его было дозволено в 1790 г. построить богодельню при церкви Спаса Всемилостивого и здесь образовать общину; в 1812 г. постройки общины были сожжены, а в 1814 г. возобновлены. В 1832 г. община была обращена в монастырь. Вчисле учебных заведений Вязьмы упомянем мужскую и женскую гимназии, учительскую семинарию, духовное училище и 13 частных школ. В городе есть больница. Жителей в Вязьме насчитывалось около 16 тыс. человек. К городу Вязьме примыкает Ямская слобода, довольно густо населенная (560 жителей). В ней находится спичечная фабрика и кирпичный завод С.А.Ельчинского (годовое производство 720 тыс. кирпичей). Спичечных фабрик в Ямской слободе всего две; одна, большая, принадлежит собственно Ельчинскому, другая, П.И.Музылева, арендуется Ельчинским. На первой работают исключительно шведские спички (в 1900 г. производство их составило 59 тыс. коробок), а во второй работают серные спички (в 1900 г. 11 тыс. коробок). При заводах работает паровая мельница. Тут же находится Подмонастырская слобода (340 жителей), в которой также есть спичечная фабрика братьев Хохловых; здесь готовят спички обоих родов — серные (в 1900 г. 8 тыс. коробок) и шведские (в 1900 г. 19 тыс. коробок).

В двух верстах от Вязьмы по Сычевскому тракту лежит дер. Крапивня с маслобойным заводом братьев Лютовых, открытым в 1898 г. Он при 36 рабочих и при 4 прессах с паровым двигателем в 45 сил имеет 546 тыс. руб. валового оборота (1900—1 г.г.). При заводе работает паровая мельница.

Вязьма — узловая станция. Кроме Брестской дороги, местности по которой мы выше описывали, от нее начинаются еще две дороги: Ржевско-Новоторжская и Сызрано-Вяземская.

Ржевско-Новоторжская линия, направляясь на Ржев и Лихославль (через Торжок), идет прямо на север, сначала параллельно р. Вязьме вверх ее течения и параллельно Сычевскому тракту. Первая станция Касня находится в 23 верстах от Вязьмы при одноименной речке и грузит до 60 т.п. дров и лесных материалов. На полдороге к ст. Касне железный путь проходит мимо нового Села (460 жителей); в нем находятся богодельня, больница, школа и две церкви. Верстах в 15 от ст. Касни на северо-востоке и всего верстах в 8 к северо-западу от вышеупомянутой (на Моск.-Брестской ж. д., стр. 348) ст. Туманова находится при р. Касне сел. Шуйское, напоминающее названием своим знаменитый род князей Шуйских. Ко времени Ивана Грозного, когда Вязьма сильно разрасталась, в ней и около нее стали селиться родовитые бояре, передавая иногда свое фамильное имя вотчинам. Таково, по-видимому, и происхождение названия сел. Шуйского. В волости этого села, при дер. Овинцах существует паровая мельница Петрова. На западе и северо-западе от ст. Касни верстах в 25, около большой дороги из Вязьмы в г. Белый находится сел. Григорьевское с почтово-телеграфным отделением. В нем расположены заводы А.Г. Лукошиной — винокуренный и конский. Винокуренный завод значительно совершенствуется: за двадцатилетие (1879—98) производство его поднялось на 83%. Такие результаты достигнуты почти полным переус-

тройством завода и пристройкой к винокурне ректификационного отделения. Завод, не довольствуясь собственным засевом, скупает у окрестных крестьян немало сырья — ржи и картофеля. Годовая производительность завода за трехлетие 1898—1901 гг. достигала 22 360 ведер сорокаградусного спирта. В этом же селе существует сыроварня, работающая на московские фирмы. На конском заводе разводят главным образом упряжные породы и рысаков. Южнее, близ большой дороги в Белый, верстах в 18 от ст. Касни на юго-западе расположена дер. Мартюхина, недалеко от которой начинается известная р. Вазуза, приток Волги. Южнее истоков Вазузы, верстах в 8 к юго-западу от Мартюхина, около большой дороги из Вязьмы в Духовщину находится дер. Годуновка, по преданию принадлежавшая Борису Годунову. Исторически известно, что Годунов был крупным, может быть самым крупным землевладельцем в России, и вокруг Вязьмы были его поместья, так что предание это имеет по-видимому свое основание.

Возвращаемся к станции Касне. Выйдя верст через 8 за Касней, из Вяземского в Сычевский уезд, железная дорога минует Александрину платформу, получившую свое название от лежащего верстах в 7 отсюда к западу, за Вяземско-Сычевским трактом, села Александровского с паровой мельницей кн. Лобанова-Ростовского. Верстах в 5 на юго-запад от Александриной платформы, на Вяземско-Сычевском тракте лежит с винокуренным заводом и ярмаркой. За Александриной платформой железный путь постепенно сближается с долиной р. Вазузы и достигает своей следующей станции Дугина в 48 верстах от Вязьмы, грузящей до 50 тыс. пудов дров и лесных материалов. Здесь находится почтовое отделение.

Дугино соединяется проселочной дорогой верст в 12 длиной со значительным сел. Тесовым, расположенным на р. Касне при Гжатско-Сычевском тракте и представляющим собой одно из самых значительных и замечательных сел во всем Сычевском уезде. Около него находится минеральный источник, выделяющий водную окись железа. Здесь расположено крупное имение княгини Мещерской того же имени. В имении этом есть значительный конный завод для упряжных, рабочих и полурысистых пород. Тут же расположены льнообдельные заведения и винокуренный завод. В Тесове есть почтово-телеграфное отделение. К северу от Тесова верстах в 5 на р. Касне лежит сел. Никола-Низ, или Милюково. Здесь в 1846 г. родился в семье священника известный почвовед проф. В.В.Докучаев (ум. в 1903 г.). Река Касня послужила материалом для первой геологической работы Докучаева (1869). Восточнее, верстах в 10 от Тесова, лежит значительное для уезда село Заболотье (500 жителей). На расстоянии 7—12 верст от Дугина к юго-западу близ д. Липицы и Грива на Вазузе расположены старинные городки. В этих окрестностях, несколько восточнее, в XII—XIII вв. существовал г. Былев. По большой дороге от Сычевки в Белый, в 15 верстах от Дугина на з.-с.-з. лежит село Воскресенское (450 жителей); в нем находится почтовая станция.

Приближаясь за ст. Дугиным к Вазузе, железный путь на 22-й версте от Дугина достигает уездного города Сычевки. Станция его грузит до 120 тыс. пудов лесных материалов и очень много пеньки, льна, льняного семени, пуха и пера. Город Сычевка ограничен реками Вазузой и Лосьминой; через первую переправляются на пароме, через вторую — на плотах, а летом иногда они так мелеют, что переходимы в брод. Город имеет прямые широкие улицы, из которых главная, мощеная, проходит сквозь всю Сычевку от Вяземской к Зубцовской заставе. Лучшая часть находится посредине города, где расположен собор. Торговля в городе проходит довольно бойко. Отпускают перо, пух, пеньку и лен. Базарными днями летом является восресенье, а зимой — пятница; кроме того, существуют две ярмарки: 9-го мая однодневная Никольская и Рождественская с 8-го сентября, продолжающаяся три дня. В городе есть женская прогимназия и прядильная школа. Жителей 5 тысяч. До обращения в город в XVIII веке Сычевка была дворцовым селом.

В двух верстах от города находится Сычевско-Казанский заштатный мужской монастырь, основанный купеческим сыном Григорием Боушевым и купцом Дмитрием Суровым в 1864 г. Северо-западный угол Сычевского уезда в значительной мере населен раскольниками; среди сел, населенных ими, особенно важно, как центр учения сел. Бехтеево, находящееся верстах в 20 к з.-ю.-з. от Сычевки. Верстах в 35 к з.-с.-з. от Сычевки, уже в Бельском уезде, недалеко от его границы с Сычевским, при дер. Клецевой находится исток р. Днепра, описанный нами выше. Верстах в 5 к северо-востоку от Клецевой находится исток известной р. Обши.

Ржево-Вяземская железная дорога, перейдя под Сычевкой мостом через деревню Вазузу, верст через 12 за городом вступает в Ржевский уезд Тверской губернии, направляясь через станцию Осугу ко Ржеву.

Теперь опишем в общих чертах Сычевский уезд, осмотренный нами при проезде, частью по Московско-Брестской, частью по Ржево-Вяземской ж.д. Пространство уезда составляет 2559 кв. верст. Все оно малолесно и в восточной половине уезда плоско; небольшие холмы тянутся в западной и южной части уезда, по водоразделу притоков

Днепра и Вазузы; у села Тарбеева расположены наивысшие холмы. Почва уезда представляет собой главным образом суглинок, местами переходящий в супесь и подзол. Леса, преимущественно дровяного, в уезде 35 300 десятин; из них 1549 десятин принадлежит крестьянским обществам. По угодьям земли разделяются так: 47,7% пахотной, 3,5% усадебной и огородной земли, 26,9% под лугами, 5,8% под выгонами и 16,1% под лесом, зарослями и проч. Жителей в уезде всего 104 300 человек; из них бывших государственных крестьян — 37 058 и бывших владельческих — 61 103. По религии население делится на православных (89 500), раскольников (14 750) и иноверцев (50).

Возвращаемся к Вязьме. На юго-восток проходит от Вязьмы еще железнодорожная линия Сызрано-Вяземская. Собственно по Вяземскому уезду она почти не проходит (всего каких-нибудь 8 верст); главным же образом она касается Юхновского уезда, север которого пересекает. Линия идет от Вязьмы до первой своей станции Исакова прямо на восток и с этой станции понемногу поворачивает к юго-востоку. В пределах Юхновского уезда мы встречаем станцию Исаково, в 24 верстах от Вязьмы, грузящую около 20 тыс. пудов лесных материалов.

На юго-западе от этой станции верстах в 30, на большой дороге из Вязьмы в Юхнов и около нее расположены селения: Большие Ермаки, западнее их — Волста, а южнее — Вешки; все они очень близки одно от другого и значительны по населению (более чем 400 жителей). Несколько южнее Вешек тракт пересекается р. Волстой под так называемой Марвиной горой; летом речку переезжают по мосту на сваях, осенью и весной мост разводят и едут в обход, на юг, через деревни Деменино и Свиридово. Севернее по тракту расположено значительное для этих мест селение Скобелево (Лосминое с 400 жителей). Верстах в 8 к юго-востоку от Вешек, по направлению к Юхнову тракт при селе Знаменском пересекает р. Угру, приток Оки, долгое время бывшую границей московских и литовских владений. В XIV веке ее звали «поясом самой Пречистой Богородицы». Здесь же в еще более древнее удельное время проходила северная черта Черниговского княжества (под селом Волстой по одноименной речке). Еще южнее, верстах в 15 от Вешек, находится село Городище с конным заводом графа Храповицкого. Близ этого селения следует искать остатки древнего города Ховрача, существовавшего в XII—XIII вв. Севернее Городища, верстах в двух от него, в дер. Елецке находится винокуренный завод И.Ф.Ястребова, дающий в год не более 4000 ведер 40-градусного спирта.

Продолжая путь по Сызрано-Вяземской ж.д. на восток, у самой границы Калужской губернии мы останавливаемся на ст. Темкине с почтово-телеграфным отделением, грузящей до 70 тыс. пудов лесных материалов.

Около станции расположены селения Ржавец и Поляны (в 2 верстах к западу от Темкина). Местность у этих деревень замечательна воронкообразными углублениями (провалами) в горном известняке. Направляясь отсюда на юго-запад, мы встретим верстах в 17 от Темкина винокуренный завод Е.М.Соленова, доставляющий в год средним числом до 14 000 ведер сорокаградусного спирта; он находится при имении Кобелев на Угре. На противоположном берегу р. Угры расположено село Рупосово, до 1777 г. бывшее уездным городом, но после его присутственные места были перенесены в Юхновскую подмонастырскую слободу (ныне Юхнов). Верстах в пяти от Рупосова, если держаться принятого нами юго-западного направления, проходит уже упомянутый нами Юхновско-Вяземский тракт. Мы оставили его на переправе через р. Волсту; недалеко оттуда на тракте расположено упомянутое нами выше село Знаменское (325 жителей), в котором находятся некоторые земские учреждения уезда, министерская школа и почтовая станция. Верстах в 8 отсюда, на юго-запад вверх по

Угре расположено село Желанье (400 жителей); на юге от Желанья, близ хут. Полнышева, находится сельскохозяйственная школа, а у дер. Михайловской — винокуренный завод наследника Д.Ястребова с годовой выкуркой 12 тыс. ведер сорокаградусного спирта. Отправляясь далее по тракту, мы переправляемся через р. Сигосу под дер. Якимцевой; верстах в 4 к югу от Якимцевой расположено село Губино с 500 жителями. Следуя от дер. Якимцевой далее по тракту, достигнем сначала села Слободки (до 600 жителей) также с почтовой станцией (всего в 7 верстах от Рупосова), а далее — село Климова Завода, где есть министерская школа. К з.-ю.-з. от последнего верстах в 15 лежит село Подсосонье (500 жителей), а еще далее, верстах в 10 за Подсосоньем, среди обширной лесной площади — село Бородино, где расположены два завода князя Юсупова, гр. Сумарокова-Эльстон — картонная фабрика с 60 рабочими и лесопильный завод при 34 рабочих. В Подсосонской волости можно упомянуть следующие наиболее крупные селения: Иванцово (475 житлей), Леоново (520 жителей) и Песочню (470 жителей).

Сызрано-Вяземская ж. д. за Темкиным тотчас же входит в Медынский уезд Калужской губернии (см. «Россия», т. I, стр. 330—331) и на протяжении двух перегонов (станции Износки и Мятлевская) еще идет вдоль границы Юхновского уезда, который здесь вдается узким клином по р. Угре в Калужскую губернию.

На полпути между Темкиным и Износками, вправо от железной дороги, верстах в трех, в Юхновском уезде лежит село Воскресенск с 2 ярмарками — мясопустной (в субботу перед масляницей) и словущей (13 сентября). К юго-западу от Воскресенска верстах в 7 лежит село Ильенки (350 жителей), а к юго-востоку, верстах в 8 — Извольск (450 жителей).

При ст. Мятлевской Сызрано-Вяземская ж. д. пересекает Московско-Варшавское шоссе, по которому в 30 верстах от станции, за р. Угрой лежит уездный город Смоленской губернии Юхнов.

Юхнов, обращенный в уездный город из подмонастырской слободы в 1777 г., расположен по обоим берегам р. Купавы при впадении ее в Угру. Сам город находится на левом, а предместье его — Солдатская Слободка — на правом берегу р. Купавы. Через город проходит Московско-Варшавское шоссе, по которому и расположены лучшие здания. В городе находится заштатный Казанский мужской монастырь. Ярмарок в городе две: Казанская трехдневная с 8 июля и Ильинская (20 июля) однодневная. Торговля выражается в сплаве леса и скупленного сырья по Угре в Оку. В Юхнове насчитывается всего 2 тыс. жителей.

В 3 верстах к северо-западу от Юхнова на Угре находится дер. Суковка (520 жителей), в министерском училище которой преподают ремесла. В 10 верстах от Юхнова находился город Опаков (ныне сел. Опаково с 400 жителей), известный с XV в. и ставший с XVII в. простым селом после многих литовских и татарских набегов. В расположенной в 10 вер. к юго-западу от Юхнова дер. Блиновой существует бумагооберточная фабрика Ф.Ф.Андерсона. К западу от Юхнова, верстах в 20 расположено село Семижа (до 450 жителей). На юг от Юхнова, близ Калужского тракта, можно еще упомянуть селения: д. Пречистую (520 жителей), село Ольхи (470 жителей) и дер. Плоское (870 жителей). Уже на самой границе Калужской губернии, на восток отсюда, на Угре, стоит еще село Алоньи (Оленьи) Горы (450 жителей).

Занимая 3 598 кв. верст, Юхновский уезд вообщем довольно ровен: почва его глинистая, по берегам Угры — песчаная. Лесов сохранилось немного. Жители (с городским населением 124 270) занимаются хлебопашеством; отхожие промыслы также развиты: юхновские землекопы («граборы») известны на всю Россию.

Возвращаемся к Московско-Брестской железной дороге, оставленной нами в Вязьме. За г. Вязьмой железный путь переходит мостом р. Вязьму и направляется к западу. Первая остановка от Вязьмы — Гредякино, а затем идет станция Сапегино (в 21 версте от Вязьмы). Станция эта названа по имени близлежащей деревни, которая в свою очередь заимствовала свое наименование, по-видимому, от знаменитого польского военачальника Сапеги. Станция грузит свыше 1300 тыс. пудов дров и отчасти лесных строительных материалов.

На юг и юго-запад отсюда по Вяземско-Дорогобужскому тракту расположены селения: Поляново (8 верст), Семлево (14 верст) и Зарубежье (26 верст). Первое из них известно по Поляновскому миру, заключенному здесь между Москвой и Польшей в 1634 году. Второе из них представляет собой значительный торговый пункт; здесь местные крестьяне сбывают свои изделия — хлеб, овес, пеньку и скот. Зарубежье, находящееся в Дорогобужском уезде, когда-то служило рубежом владений Московского и Польского государств. Такое значение оно получило по Поляновскому миру.

За ст. Сапегиным железный путь достигает ст. Алферова, грузящей свыше 300 тыс. пудов дров и леса.

К северо-западу от Алферова, верстах в 2, при д. Уверовой, находится небольшой склад сельскохозяйственных машин И.Д.Якушкина. Верстах в 12 к северу от Алферова при д. Осташковой (Никольском) на р. Вязьме расположен конный завод С.А. Ельшанского. К югу от Алферова верстах в 7 находится село Бессоново, при котором существу-

ет в имении В.А.Дрызлова школа скотоводства, сыроварения и маслоделия (производящая русско-швейцарский сыр и сливочное масло на московские фирмы Бландова и Чичкина) и винокуренный завод, открытый в 1868 г. и доселе работающий конной силой. Годовая производительность его за трехлетие 1898—1901 гг. достигла 10 140 ведер сорокаградусного спирта. От Бессопова к югу верстах в 6—7 расположено на Вяземско-Дорогобужском тракте вышеупомянутое село Зарубежье, а к юго-западу от Зарубежья по тракту и близ него находится целая группа селений. Первое из них, верстах в 10 от Зарубежья, Славково, имеет конный завод М.Е.Константиновича. Отсюда прямо на запад верстах в 3, в имении Ковалево находится лесопильный завод братьев Левыкиных. Южнее этих селений расположено значительное для данной местности село Самцово (более 550 жителей), а к юго-западу — Абрамово (около 450 жителей).

За Алферовым Московско-Брестская железная дорога достигает ст. Издешкова, грузящей до 2700 тыс. пудов дров и леса.

К северу от Издешкова верстах в 8, на р. Дыме, приток Днепра, находится село Городище, имеющее более 400 жителей.

За Издешковым верстах в 5 железный путь достигает полуст. Митина, а затем, пройдя еще версты 4, переходит мостом р. Днепр и вступает из Вяземского в Дорогобужский уезд.

Площадь Вяземского уезда составляет 2722 кв. версты; местоположение возвышенное, почва суглинистая и иловатая, местами супесчаная, редко где каменистая. По посевам Вяземский уезд относится к наиболее льняным в губернии, особенно север его; южная часть относится уже к овсяно-льняному району; в уезде также развито травосеяние. По угодьям земли распределяются так: пахатной — 92 057 десятин, сенокоса и выгонов — 6593 десятины, лесной — 49 437 десятин, остальной удобной — 9483 десятины, неудобной — 17 158 десятин. Крестьянам принадлежит 113 333 десятины, обычный надел — 4 десятины. Удельных и казенных земель — 512 десятин, монастырских — 249 десятин, церковных — 2 288 десятин, городских — 1 850 десятин, разных учреждений — 25 десятин, частновладельческих — 136 471 десятина; из них 70% принадлежат дворянам. Население уезда вместе с городским составляет 106 700 душ обоего пола. Большинство жителей — великорусы; есть и белорусы. Промышленность несколько развита; фабрик и заводов — до 150, с производством — до 1300 тыс. руб. при 1085 рабочих.

Первая остановка Московско-Брестской ж. д. в Дорогобужском уезде есть полуст. Дурово.

На с.-с.-в. от Дурова верстах в 7—8 мы встречаем имение Батищево наследников А.Н.Энгельгардта, известное на всю Россию своим образцовым хозяйством, разведенным А.Н.Энгельгардтом, знаменитым ученым агрономом и практическим сельским хозяином (1832—93). Будучи профессором лесного института, А.Н.Энгельгардт в начале 1870-х годов удалился в свое имение. Энгельгардт создал целую систему хозяйства для нечерноземной полосы и приобрел громкую известность ученого практика, напечатав несколько специальных научных работ по агрономии и всем известные «Письма из деревни», где живо и талантливо описывает свой деревенский быт. В имении заведен образцовый скот: норвежские лошади, голландский крупный рогатый скот, оксфордские овцы и иоркширские свиньи. Вблизи отсюда, верстах в 6 к с.-в. находится село Николо-Погорелое, в котором работает значительный винокуренный завод г-жи Рудневой с годовой производительностью в 27 тыс. ведер спирта.

Верстах в 20 к с.-з. от Дурова при д. Ржавке находится лесопильный завод Московского лесопильного товарищества, располагающий 70 рабочими.

За Дуровым Московско-Брестский железный путь, перейдя мостом р. Вопец, приток Днепра, в 9 верстах от Дурова достигает ст. Дорогобужа, грузящей до 2700 тыс. пудов дров и леса.

К с.-з. от ст. Дорогобуж, верстах в 12, при селе Николо-Кремянском (Никольском) на р. Вопце расположен винокуренный завод А.Е.Янина с производительностью в год до 26 тыс. ведер сорокаградусного спирта. На юг от ст. Дорогобужа отходит 25-верстная почтовая дорога в уездный город Дорогобуж, отстоящий от Смоленска в 83 верстах. Посреди города протекает р. Днепр, которая вместе с двумя другими речками Ордынкой и Дебрею делает Дорогобуж одним из самых красивых городов Смоленской губернии. Особенно красив он бывает весной, во время весеннего разлива Днепра, если смотреть на него с левого нагорного берега реки. Существование Дорогобужа засвидетельствовано еще для XII века уставной грамотой, данной смоленской епархии в 1150 г. Здесь говорится, что с него в пользу епископа идут «три гоны короткие, а почестья гривна, а пять лисиц». В 1300 г. под Дорогобужем происходил бой князя Александра Глебовича и князя Андрея Вяземского. Дорогобуж был в это время удельным городом. Сведения о нем в XIV в. впрочем незначительны. Он представлялся городом, ведшим значительную торговлю с Тверью. С конца XV в., в разгар московско-литовских войн, Дорогобуж начал играть роль боевого пригорода Смоленска. В 1499 г. боярин Юрий Зах. Кошкин взял Дорогобуж и, соеди-

нившись с Даниилом Щеней, под Ведрошей (ныне незначительный ручей) разбил литовское войско гетмана князя Константина Острожского (14 июля 1500 г.). Ущерб литовцев был весьма значителен. По миру 1500 г. Дорогобуж на шесть лет был оставлен за Москвой, но, как видно, московское правительство полагало оставить его навсегда за собой: в 1505 г. великий князь Иван III завещал Дорогобуж своему сыну Василию, как и другие города своей державы. Война 1508 г. не оставила в покое Дорогобужа. Поляки под начальством Станислава Кошки заняли Дорогобуж, укрепили его, но вынуждены были удалиться при приближении московского войска. Русские стали строить новый деревянный город. По перемирию Дорогобуж остался за Москвой. В Дорогобуже, при взятии Смоленска, останавливался великий князь Василий Иванович; здесь к нему прислали изменников князя Михаила Глинского и епископа Варсонофия. Но с этой победы попытки поляков захватить Дорогобуж не прекратились. В 1580 г. от него был отбит польский полковник Филон Кмита. В 1608 г. к Дорогобужу подступил ротмистр Чиж с 1000 солдат, рассылая переметные письма со смольнянином Иваном Зубовым. Письма эти имели успех. Воеводы князья Барятинский и Ададуров должны были оставить город и отойти к Смоленску. Но, оправившись тут, они двинулись на мятежные города и взяли Дорогобуж, Белый и Вязьму в июле 1609 г. По смерти Скопина-Шуйского Дорогобуж вновь отошел к полякам, однако поход в 1613 г. князя Черкасского и Бутурлина освободил город. В 1616 г. Гонсевский занял местность между Смоленском и Дорогобужем; однако дальнейшие движения его были неудачны: ни русским не удалось прорваться к Смоленску, ни полковнику Чаплинскому подойти к Дорогобужу. Город сдался лишь самому королю Владиславу. По перемирию 1618 г. Дорогобуж отошел к Польше. Он твердо держался ее, несмотря на убеждения вязьмичей. В 1632 г. московские «резвые» люди под начальством Сухотина и Лесли захватили Дорогобуж. Здесь помещался главный провиантский склад армии Шеина, а потому захват Дорогобужа одним из польских отрядов привел Смоленск к сдаче. Дорогобуж и по миру 1654 г. остался за поляками, но, взятый русскими без боя в 1654 году, он по вечному миру 1686 года отошел к России. Боевая деятельность Дорогобужа замерла до 1812 г. Французы, заняв город 13 августа этого последнего года, зажгли его. На обратном пути 26 октября здесь засел маршал Ней, но был выбит после ожесточенного боя ген. Милорадовичем. Ней отступил и вновь зажег город; однако густой снег спас город от пожара. Дорогобуж понес от французов до миллиона убытков. В городе лучшая часть расположена на левом берегу, где находятся земляное укрепление с валом в 180 сажен, собор, присутственные места и провиантские магазины. На этой стороне имеется 8 церквей, соляные магазины, лавки и постоялые дворы. На другой стороне расположены все церкви. Сообщение жителей через Днепр совершается по плавучему мосту. Фабрик и заводов в городе более 30, но все они незначительны. В городе есть женская прогимназия, богадельня и больница. Население города достигает более 6600 человек.

Верстах в 10 к с.-з. от Дорогобужа, вниз по р. Днепру, расположено село Бизюково. Здесь около 1621 г. был основан Крестовоздвиженский монастырь: в 1688 г. он был приписан к патриаршему дому, а в 1803 г. братия его была переведена в Екатеринославский Григорьевский монастырь. К западу от Дорогобужа верстах в 10, по Смоленской большой дороге, при р. Уж, расположено довольно значительное для этих мест село Усвятье, имеющее 325 жителей. К с.-в. от г. Дорогобужа верстах в 9, вверх по р. Днепру, в селе Молодилове, находится винокуренный завод братьев Катиновых; он производит до 9 тыс. ведер спирта. На восток от Дорогобужа, по Вяземскому тракту, верстах в 13, невдалеке (всего верстах в 4) от села Абрамова, находится Болдинский Свято-Троицкий мужской монастырь, основанный в 1528 г. преп. Герасимом. Мощи святого покоятся в церкви Живоначальной Троицы. Вокруг монастыря имеется каменная стена с четырьмя башнями. Кругом монастыря расположена подмонастырская слобода при р. Болдинке. В ней насчитывается до 200 жителей.

За ст. Дорогобужем Московско-Брестская ж.д. достигает полуст. Вышегор, а затем выходит из Дорогобужского уезда в Духовщинский.

Верстах в 6 к ю.—ю.-в. от Вышегора при д. Быковой имеется сернистый ключ. Верстах в 5 к ю.-з. от Быковой долина Днепра замечательно живописна при селе Засиж.

Дорогобужский уезд занимает возвышенную площадь в 3 357 кв. верст, прорезанную верхним течением р. Днепра. Почва суглинистая и супесчаная, а в долине Днепра имеются пойменные иловатые почвы и пески. По посевам 50% посевной площади приходится на рожь, 25% — на овес, 9% — на ячмень, 3 ½% — на лен и 2 ½% — на коноплю. Пахатной земли в уезде насчитывается 101 351 десятина, выгонной и сенокосной — 66 136 десятин, лесной — 138 625 десятин, остальной удобной — 9272 десятины, неудобной — 21 238 десятин. Крестьяне владеют 145 739 десятинами, удельных и казенных земель — 11 836 десятинами, церковных — 3065 десятинами, частновладельческих — 171 213 десятин (в том числе около 68% дворянских). На-

селение уезда вместе с городом достигало в 1897 г. 106 700 жителей и состояло из белорусов и великорусов. Фабрично-заводская промышленность уезда незначительна. Развиты кустарные промыслы — бондарный, кожевенный и др.; немало народа уходит также в отхожие промыслы — на каменные и плотницкие работы и пр.

Первая станция Московско-Брестской ж.д. в пределах Духовщинского уезда есть Михайловская (21 верста от Дорогобужа), грузящая до 700 тыс. пудов дров и лесных строительных материалов. Близ станции находится конный завод князя Друцкого-Соколинского.

Верстах в 12 к с.—с.-в. от ст. Михайловской у дер. Новоселок встречается ряд курганов. Севернее этой деревни, недалеко от границы Бельского уезда, в 1812 г. вице-король Евгений Богарне, шедший на соединение с ген. Виктором, потерял при переправе через р. Вопь вследствие столкновения с атаманом Платовым, почти весь свой обоз и артиллерию (64 пушки).

Следующая остановка за дер. Михайловской — полуст. Милохово, а затем железный путь, перейдя мостом через р. Воп, приток Днепра, достигает большой ст. Ярцева (16 в. от Михайловской). Станция эта, грузящая много мануфактурных товаров и до 1 $^{1}/_{2}$ млн. пудов дров и лесных строительных материалов, замечательна по находящейся здесь Ярцевской мануфактуре тов. Хлудова, производящей на 2 $^{1}/_{2}$ млн. рублей при 4200 рабочих. При фабрике имеется частная библиотека, а в селении — телеграфная контора и хорошо обставленная министерская школа.

Верстах в 2 от Ярцева к с.-в., при д. Хатыни производились археологические раскопки. В том же направлении, верстах в 10—12 от станции, расположено село Скачково с 500 жителями и тремя ярмарками и Приселье, имеющее также около 500 жителей Скачково находится на р. Царевич, приток Вопи. Вверх по р. Царевич, при селе Бортники, расположен лесопильный завод П.И.Щербакова, а еще выше, при дер. Уваровой и Плешкове имеются курганы. Село Бортники было известно еще в XII—XIII вв.

От Ярцева отходит к с.-з. большая 18-верстная дорога на уездный город Духовщину. Эта дорога верстах в 4 от Ярцева оставляет вправо (верстах в 2) от себя имение Городок с кожевенным заводом Н.Н.Соколова, а верстах в 14 от Ярцева проходит мимо села Третьякова, замечательного по находящемуся около него ряду курганов.

Духовщина расположена на реках Царевиче и Фоске. В XVIII в. Духовщина была дворцовым селом сначала Смоленского, а позднее Касплинского уезда, но с 1777 г. стала уездным городом. Ручей Фоска (Хвостец) делит город на две части: в одной, лучшей, мы встречаем собор во имя Смоленской Божьей Матери Одигитрии и присутственные места, другая значительная церковь — Сошествия Св. Духа находится на противоположной стороне Хвостца. Город представляет из себя правильный четырехугольник, сторона которого не более версты с четвертью. Торговля города развита незначительно, главным образом идет передаточная торговля малороссийского табака из Смоленска в Торопец. Ярмарок в городе две: Сборная однодневная, в пятницу на первой неделе великого поста и Ильинская двухдневная в ильинскую пятницу и субботу. Кроме того, существуют и еженедельные базары. В городе есть две больницы и, кроме обычных школ, женская прогимназия. Жителей в городе 3000.

Верстах в 3 от Духовщины к с.-з., при дер. Зимнице есть минеральный источник, содержащий сероводород и небольшую дозу железа. Верстах в 5 к западу от Духовщины при селе Воронине существует лесопильный завод Я.Д.Соколина, а верстах в 12 от города в том же направлении при дер. Алферовой — винокуренный завод А.Е.Гесселя. Верстах в 12 севернее Алферовой, в Поречском уезде, при дер. Аболонье есть винокуренный завод Е.В.Дентель, вырабатывающий до 4 тыс. ведер спирта в год.

От ст. Ярцева Московско-Брестский железный путь уклоняется к югу. Здесь мы прежде всего встречаем полуст. Присельскую, а затем ст. Каменку, где железная дорога пересекает мостом р. Хмость, приток Днепра, и скрещивается с большой Дорогобужско-Смоленской дорогой. Ст. Каменка грузит более 1 млн. пудов лесных материалов и дров.

К западу от ст. Каменки идет на Смоленск шоссе, а к востоку оно продолжается до пересечения Днепра у села Соловьева, откуда уже идет на Дорогобуж большая дорога. Против Соловьева верстах в 3, в Дорогобужском уезде, на Днепре, лежит село Свирколучье (Свирковы Луки), где некогда существовал Рождественский мужской монастырь, упраздненный в 1764 г. Свирковы Луки были известны еще в XII—XIII в.в. К ю.-з. от Соловьева верстах в 10, в имении Мореве есть паровая мельница Герн.

При ст. Каменке железный путь переходит из Духовщинского уезда в Смоленский и, продолжая некоторое время свое южное направление, достигает полуст. Пересветова и отсюда поворачивает на запад к ст. Духовской (15 верст от Каменки), где и сближается с Богоявленско-Смоленской железной дорогой. Ст. Духовская грузит до 15 тыс. пудов хлебных грузов. От Духовской обе железные дороги идут параллельно друг другу в весьма близком расстоянии на запад и сближаются с Днепром близ Шеина Острога, где на Московско-Брестской линии рас-

положена полуст. Колодня. Отсюда обе железные дороги направляются непосредственно в Смоленск, причем вскоре за Колодней к ним присоединяется еще и третья линия — Риго-Орловская.

Местность между Колодней и Смоленском замечательна по целому ряду полуразвалившихся старинных окопов и редутов и по связанным с ними историческим воспоминаниям; не говоря уже о Валутиной Горе близ Колодни, замечательной по сражению 1812 г., и о Шеином Остроге, или Шеиновке, служившем в 1634 г. главным станом боярина Шеина, мы близ впадения в Днепр р. Стабны встречаем Богданов Холм (Богдановку), где в 1635 г. был аванпост короля Владислава, а в 1654 г. отсюда царь Алексей Михайлович наблюдал за осадой Смоленска русскими войсками. Непосредственно отсюда царь перешел на Девичью Гору, где и происходили его предварительные переговоры с сословными представителями Смоленска. Гора эта находится на правой стороне Днепра и соответствует расположенной на другой стороне реки Молодецкой Горе. Предание гласит, что еще в языческие времена на первой собирались на игрища девицы, а на второй — молодцы. Здесь также происходила в 1633 г. стычка русских и польских отрядов. Между р. Колодней и берегами Днепра стояли редуты короля Владислава, а на так называемой Скавронской, или Жаворонковой горе располагался гетман Христофор Радзивилл.

Смоленск является крупным железнодорожным узлом для линий Московско-Брестской, Риго-Орловской и Богоявленско-Смоленской. Нагрузка собственно Московско-Брестской станции Смоленска не особенно велика (всего только каких-нибудь ½ млн. пудов); главные же нагрузки происходят на станциях Риго-Орловской (до 15 млн. пудов) и Богоявленско-Смоленской ж.д. При этом преобладающее значение имеют хлебные и лесные грузы.

Смоленск наряду с Киевом и Черниговом — один из самых древних русских городов. Русская летопись знает его с самого начала; однако то значение, которое она, по-видимому, готова приписать ему, считая его главным городом кривичей в самое древнее, еще доисторическое время, должно, кажется, считать преувеличенным. Наоборот, присматриваясь к другим, частью также летописным указаниям, частью указаниям иностранных источников, например, норвежским сагам, можно предполагать, что Смоленск в то время самостоятельного значения не имел, а был лишь пригородом более старого Полоцка. Положим, Смоленск был известен еще имп. Константину Багрянородному под именем «Милиниска», но это происходило, вероятно, потому, что император знал путь по Днепру в Балтийское море через Волхов, а не через Зап. Двину, на котором как раз и стоял неизвестный, по-видимому, автору одного из первых известий о славянах Полоцк. Вообще, этот военно-торговый путь совершенно определяет начальную историю Смоленска. Теснее всего он связан как раз с городами великого пути — Киевом на юг и Новгородом на север. Для Новгорода Смоленск был прямо необходим: всякое недоразумение между этими городами тяжело ложилось на жителях Новгорода. Смоленск питал Новгород; оттуда везли многие предметы первой необходимости и хлеб в обширных размерах. Поддержать правильные сношения со Смоленском для новгородцев было вопросом чрезвычайной важности; поэтому они и хлопотали о занесении в договор с королем польским Казимиром статьи о свободной торговле со смольнянами. Также чрезвычайно важными для города были сношения его с западом — Ригой и островом Готландом. В Смоленске мы видим прочную оседлость западных немецких купцов; у них была здесь своя церковь во имя Богородицы и свой двор. В XIII веке сношения эти усилились. Мы встречаем здесь несколько иноземных дворов, целую немецкую слободу, весьма обширную, по Днепру и р. Рачевке. О значении и размерах этой торговли свидетельствует дошедший до нас чрезвычайно важный памятник — договор князя Мстислава с Ригой и Готландом в 1229 г. Торговля Смоленска не ограничивалась, конечно, сношениями с его северными соседями; она шла и на юг через Киев в Византию, и на восток — в страны булгар и хазар. Нужно предположить, что эта более ранняя торговля была вытеснена позднейшей немецкой. Однако Смоленск, поставленный в столь благоприятные для торговли условия, не был городом исключительно торговым: основное значение для него имело также земледелие. Об этом можно судить по тем результатам, которые имели место в Смоленске во время голодовок 1230 г. и особенно 1438 г.; это страшные страницы в смоленской истории. Голод, соединяясь с моровым поветрием, косил людей: в 1230 г. город потерял 24 тысячи своих граждан (это одно говорит о значительности и населенности его). В 1438 г. несчастье носило еще большие размеры. Собаки пожирали мертвых, люди в великий пост питались звериной, или, наконец, детьми. Так страшно местный неурожай может отражаться лишь в стране земледельческой, питающейся в значительной мере своим хлебом. В политической истории мы находим Смоленск на первых же шагах жизни русского государства. Он упоминается летописью уже при описании похода Аскольда и Дира на юг под 865 г. Далее Олег подчинил его и оставил там своих посадников. При

этом мы встречаемся с обычным в истории древней Руси фактом: древний город тянет за собой всю свою окрестность, городовую область. Город является маленьким государством. Так было и со Смоленском: покорив его, Олег тем самым покорил всю область Смоленскую. Смоленск этого времени был уже значительным городом. Аскольд обошел его на своем пути, так как город был «велик и мног людьми». Но все же при разделе земли русской между сыновьями святого князя Владимира Смоленск еще не принимался в расчет: в нем все еще сидели лишь княжеские посадники. Правда, летописи более новых списков называют кн. Станислава Владимировича самостоятельным князем Смоленским, но известие это мало достоверно. Впервые своего вполне самостоятельного князя Смоленск получил уже от Ярослава в 1054 г. Поставленный здесь кн. Вячеслав Ярославич и все последующие князья до 1125 г. особой роли не играли. Они появлялись в Смоленске, по обычаю, со своей дружиной, но не селились в самом городе. Это было небезопасно: вечевые города древней Руси почти всегда ссорились с князьями, и занять местность, изолированную от влияния горожан, было необходимо для князей. Они так и сделали, устроив на западе от города свой «город княжой». Центром всей этой местности была р. Смядынь. Расположение этой местности было крайне выгодно для князей; они имели возможность перехватить торговые пути с юга из Киева и Чернигова и в этом имели большой перевес при своих спорах со смольнянами. Действительным создателем смоленского могущества был кн. Ростислав Мстилавич, внук Мономаха (1125—1160). При нем в 1137 г. Смоленск объединился в отдельную епископию. Христианство в Смоленске распространялось довольно туго; это видно уже из того, что смольняне позволили убийцам Глеба совершить свое кровавое дело. Говорить же утвердительно о времени принятия христианства не приходится, хотя в одной летописи и указывается дата — 1013 г. Ко времени же основания отдельной епископии в Смоленске относится постройка многих каменных церквей, чем особенно прославился кн. Ростислав. Собственно от него и пошла ветвь князей смоленских. Сын его кн. Роман (1160—1180) был известен заботой о просвещении и заводил школы, где обучали латинскому и греческому языкам. Его преемник кн. Давид Ростиславич (1180—1197) заботился более о своей резиденции — княжой местности: он был в ссоре со смольнянами. Дальнейшая история Смоленска представляет собой обычные усобицы; смольняне воевали с западом — Полоцком, с севером — Новгородом и отчасти с югом — северской и киевской землями.

В XIII веке Смоленску начали грозить враги уже более опасные, чем свои же братья-князья. Уже в первое десятилетие этого века начались набеги литовцев; они грабили Смоленскую землю, особенно Торопецкую волость (тогда относившуюся к Смоленску). В 1238 г. по восточным окраинам княжества прошли татары, а на следующий год они решили завладеть самим Смоленском. Татары подходили к городу южной Ельнинской дорогой. В 24 верстах от Смоленска их задержали широкие болота Домомостья. Здесь ночью напал на них блаж. Меркурий и с небольшим отрядом многих перебил. Испуганные татары, увидев с рассветом малочисленность врага, стали теснить св. Меркурия. Смольняне все вышли в «поле» за город и, не дожидаясь помощи из волостей, в ожесточенной схватке отразили врага. Здесь близ города пал блаж. Меркурий, «страстотерпец смоленский», как зовут его старинные месяцесловы. Вскоре он был причислен к лику святых. Граждане смоленские считали его патроном города, веруя, что «праведник и по смерти являет граду во время напасти защищение и заступление».

Таким образом, смольняне избегали на время татарской неволи. Но другая беда ждала город. Объединившаяся к тому времени Литва стала сильно теснить Западную Русь. Известный кн. Миндовг послал своих родственников для покорения русских областей; его завоевательные стремления увенчались успехом; одному из его племянников, Ердзовиду, удалось взять Смоленск, но удержаться так он не мог, так как на помощь Смоленску пришел кн. Суздальский Ярослав Всеволодович. Это был знаменательный момент для истории Смоленска. Здесь впервые определилось двухстороннее положение Смоленска между центрами-собирателями — Литвой и Москвой, преемницей Суздаля. В частности, помощь Ярослава Суздальского привела вновь назначенного кн. Всеволода Мстилавича к некоторой косвенной зависимости от Орды. Об этом можно судить по тому, что преемник его кн. Глеб Ростиславич помог великому кн. Ярославу Ярославичу в 1270 г. против Новгорода, а в 1274 г. по приказанию хана пошел против Литвы вместе с другими русскими князьями. С этого времени значение Смоленска как самостоятельного торгового центра пало; он интересовал соседей лишь как стратегический пункт. Удельные князья приобрели силу; в 1300 г. вяземский кн. Андрей разбил под Дорогобужем кн. Александра Глебовича; по всей вероятности, Дорогобуж в это время вошел в границы Вяземского удела.

В это время Литва все ближе и ближе подходила к Смоленску. Антагонизм двух народностей сгладился; литовцы подпали под влияние более

совершенной культуры славян. Между Смоленском и Литвой завязались дружеские сношения. Князь Гедимин заключил со смоленским кн. Иваном Александровичем союз против татарского хана; при Ольгерде смоленский князь звал себя «младшим братом» литовского. Но несколько позднее мы видим смоленского кн. Святослава Ивановича в рядах Дмитрия Донского на Куликовом поле. Здесь окончательно намечается будущая судьба Смоленска. Он становился между двух огней, между двух враждующих сторон. И Литва, и Москва старались захватить его и воспользоваться им как сильной пограничной крепостью. Мысль эта ясна уже у Ольгерда. Он приближался к Смоленску и захватил Мстиславль, расположенный на юго-запад от Смоленска. После его смерти князь смоленский Святослав Иванович, воспользовавшись возникшими усобицами, вступил в пределы Литвы. Он осаждал безуспешно Оршу, затем перешел к Мстиславлю, страшно разоряя сельчан. На помощь городу пришли литовские князья Скиргайло, Витовт и другие; они не только отбили смольнян от Мстиславля, но даже, разбив, гнались за ними до Смоленска и взяли с него после храброго сопротивления откуп. Князем был оставлен младший сын Святослава Юрий на весьма тяжелых условиях (сам Святослав пал под Мстиславлем). Этот Юрий известен нам по своей драме с кн. Ульяной Вяземской («Россия», т. I стр. 236 и т. II стр. 410). Князья смоленские с этого времени стали как бы наместниками литовскими, во всяком случае их ставленниками; так, например, вскоре после того, как литовский великокняжеский стан упрочился в 1393 г. за Витовтом, последний свел Юрия со смоленского княжения и назначил туда брата его Глеба. Юрий временно удалился к своему тестю великому кн. Олегу Рязанскому. Эта перемена вызвала в Смоленске недовольство в той части населения и дружины, которая симпатизировала прежнему князю. Этим решил воспользоваться Витовт. Он со значительным войском появился в окрестностях Смоленска под предлогом похода на татар; здесь он хитростью заманил к себе всех бывших в городе князей и арестовал их. Литовцы стали жечь посады, а 12 сент. 1395 г. Смоленск сдался без боя. Витовт оставил тут наместником кн. Ямонта и удалился восвояси. Но и эти успехи Витовта оказались непрочными. Как известно, в 1399 г. при Ворскле Витовт потерпел страшное поражение от хана Едигея. В этом бою погибли и наместник смоленский Ямонт, и бывший кн. Глеб Святославич. Смольняне воспользовались этим, вызвали к себе из Рязани бежавшего туда кн. Юрия Святославича и вновь сделали его, несмотря на противодействие своего наместника кн. Романа Брянского, князем смоленским. Под его началом некоторое время Смоленск сохранял свою самостоятельность. Витовт подступал к Смоленску с большим войском и пушками, заводил сношения с партией, враждебной кн. Юрию, но взять Смоленск ему удалось лишь тогда, когда оттуда удалился кн. Юрий, уехавший в Москву к вел. кн. Василию Дмитриевичу за помощью. Витовт воспользовался этим случаем и быстро подошел к Смоленску, окружил его, прекратив подвоз припасов. Смольняне, не дождавшись князя, сдали город 24 июня 1404 г., а Юрий, не получив помощи, был назначен великим кн. Василием Дмитриевичем наместником в Торжок и после своей драмы с кн. Ульяной в 1405 г. удалился вновь во владения своих рязанских родственников, где и умер в монастыре. Смоленское великое княжество обратилось в зависимую область великого княжества Литовского. Мало было покорить Смоленск — нужно было и укрепить его за собой. Для этого великие князья употребляли двоякие меры: прежде всего они старались обезвредить город, лишить его враждебных элементов, главным образом высшего сословия — князей и бояр, приверженцев бывшего кн. Юрия. Но не менее старались они и привязать население. Они развили целую систему льгот: прежде всего льготы эти касались торговли. Литовскую эпоху, по справедливости, можно считать расцветом смоленской торговли. Правда, к этому времени былая бойкая торговля с немцами заглохла. Зато льготы смольнянам по внутренней торговле, льготы, наконец, иностранным купцам притягивали торговых людей из литовских земель — Полоцка, Дорогобужа и др., а равно и из заграницы — из Твери, Москвы и проч. Кроме того, что изменился характер торговли, расширялась и территория ее в городе. Окрестности Смядыни, княжая местность, по-прежнему сохранили свое торговое значение. Но, как видно, былая рознь населения и правительствующего класса в это время значительно уменьшилась, так как образовались и другие торговые пункты: стал торговать сам город; на Днепре, при впадении р. Кловки, при вновь построенном Троицком монастыре, образовался «Гостин двор литовский» для склада товаров. Кладка этого монастыря — литовская. В восточной части города, где прежде, в эпоху самостоятельности Смоленска, было весьма немногочисленное население, теперь оно сгустилось: здесь также развилась торговля близ построенного в это же время Духовского монастыря, окруженного каменной оградой.

Несмотря, однако, на мягкое отношение и веротерпимость литовского правительства, русская народность Смоленска невольно тянула к родной по национальности Москве, и недовольство литов-

ским владычеством вскоре перешло в открытый бунт. Смольняне воспользовались временем после смерти великого кн. Сигизмунда Кейстутовича до избрания Казимира; нужно заметить, что как сам Сигизмунд, так и его наместник кн. Андрей Сакович отличались корыстолюбием, что и вызвало восстание. Бунт этот в начале увенчался полным успехом. Сакович принужден был бежать, а смольняне предложили быть воеводой русскому князю Андрею Дмитриевичу Дорогобужскому; когда же тот отказался, они призвали к себе уже государем на смоленское княжение мстиславльского князя Юрия Лугвениевича. Юрий явился в Смоленск, присоединил к нему Витебск и Полоцк, но при приближении литовского войска бежал в Москву. Смоленск был усмирен. Эти внутренние беспорядки, однако, были неопасны для сильной Литвы; с несравненно большим опасением прислушивалась она к тому, что говорилось в Москве. А там уже открыто говорили об единстве Руси; великий кн. Иван III уже высказывал притязания на все русские земли — отчину его по предку Владимиру Святому, и, между прочим, и на Смоленск. Все это принудило литовское правительство озаботиться средствами обороны. Оно укрепило древний земляной город, перевело туда «двор господаря», забрасывая «княжье место», т. е. бывший княжеский городок. Место это прежде принадлежало епископу; ему взамен дали берега р. Большой Рачевки, где и была учреждена архиерейская слобода. Здесь же были устроены амбары для склада запасов. Укрепления литовцев были частью земляные, частью только деревянные (по Днепру). По укреплениям были расположены башни, а подземных ходов («подслухов») не было. Для того времени подобное укрепление можно было считать весьма сильным. Это оказалось и на деле. Замок уступил натискам великого кн. Василия III Ивановича лишь после трех приступов. Первые два похода русского войска (в декабре 1512 г. и в сентябре 1513 г.) были неудачны. Литовцы храбро отражали неприятеля, заделывая за ночь все разрушенное днем москвичами. В 1514 г. большое русское войско с 300 пушками подошло к городу. Убийственная канонада сделала свое дело; деревянные стены по Днепру разрушались. Население Смоленска принудило воеводу сдаться, и 1 августа Василий III торжественно вступил в город. Итак, Смоленск до 1514 г. находился под властью Литвы, с 1514 же года впервые перешел к Москве. Покоренный Василием III Смоленск почти тотчас же выдержал новую осаду. Завоевательные стремления Василия III не ограничились Смоленском; он двинулся далее, но, встреченный у Орши войском литовского гетмана кн. Константина Острожского, был разбит. Острожский подошел к Смоленску; он надеялся взять его благодаря связям, которые имел в Смоленске еще до его завоевания. Но заговор был раскрыт, и наместник московский кн.
уйский круто поступил с
пиками: он повесил заго-
ков по укреплениям и
ал к ним подарки, полу-
ими перед тем от вели-
. Василия. Напрасно кн.
кский подступал штур-
ороду, напрасно разорил
ности; кн. Шуйский от-
я в нем. Эта осада послу-
роком для русского пра-
ства, которым оно и не
нуло воспользоваться.
ыразилась в Смоленске
кая партия, вследствие
еликий князь распоря-
выслать колеблющийся

опавловская церковь в
енске. (По фотографии
Останковича).

элемент населения в Москву, заменив его новыми людьми из Москвы. Насколько тяжел был для Литвы захват Москвой Смоленска видно из тех попыток, которые делала первая, чтобы отвоевать его. В 1535, 1564, 1579 гг. сюда подходили польско-литовские войска, безуспешно осаждали город и сжигали посад. Это привело к перенесению торгового центра. Пристани на Смядыне и Кловке были неудобны по причине беззащитности; кроме того, к этому времени окрестные леса были уже настолько вырублены, что эти речки обмелели. Не удовлетворял торговым потребностям и «Литовский гостин двор» у Троицкого монастыря. Для торгов нужна была прежде всего защита: и вот они разместились прямо перед пушками крепости в предместье, перед замком города за Днепром, куда перенесли и гостиный двор. В начале XVII в. местность эта была многолюдной и называлась «Городенскою сотней». Заняв Смоленск, московское правительство озабочено было улучшением его укреплений.

Правительство царя Федора Ивановича решило окружить город каменной стеной, что и было исполнено уже при Борисе Годунове под присмотром городового мастера Федора Васильевича Коня. Через 9 лет этой стене пришлось выдержать тяжелую осаду. Король Сигизмунд III, пользуясь смутным временем на Руси, решил вернуть Смоленск Литве. В Смоленске в это время сидели воеводами Михаил Борисович Шеин и Петр Иванович Горчаков; они, узнав о намерениях короля, заранее приняли меры к обороне крепости; спалили посад, расписали население по башням и по воротам как боевую силу. В 1610 г. 16 сент. Сигизмунд окружил Смоленск, но встретил энергичное сопротивление, несмотря на то, что время для Москвы было весьма неблагоприятным и ждать оттуда помощи было невозможно. Мало того, не было даже опытных ратных людей; только благодаря личной энергии Шеина удалось собрать войско со всех станов и волостей тогдашнего Смоленского уезда и обучить его ратным приемам. Всего войска у Шеина набралось до 2 $^1/_2$ тысяч человек при 170 орудиях. Сигизмунд брал и количеством, и превосходством. Он привел с собой около 30 тысяч войска. Невыгодным условием для осажденных было и то, что в стенах смоленских скопилось до 80 тысяч народа, что увеличивало «тесноту» осады. И действительно вскоре начал ощущаться недостаток в весьма важных продуктах, например, в соли. Одним словом, все выгоды были на стороне осаждающих. По монастырям засели поляки, разместив там свои батареи, которые вначале действовали крайне неудачно; некоторым из них даже пришлось замолчать под меткими выстрелами ратников Шеина. Русские изредка делали удачные вылазки. Первый приступ короля был 23 сентября. Во главе польской колонны шел известный своей храбростью мальтийский кавалер Новодворский; ему удалось взорвать ворота, но некоторое замешательство в среде самих же поляков дало возможность осажденным оправиться, и они отразили врага. Также были отражены и следующие приступы 26 и 27 сентября. Убедившись, что взять город приступом почти невозможно, Сигизмунд начал действовать иначе: он окружил город, обстреливая его днем и ночью. Кроме этого, он решил прибегнуть к подкопам. Но Смоленск, ввиду устраиваемых Шеином «слухов», был гарантирован от подобных случайностей; русские слышали подкопы врагов и с успехом мешали их работе. Так проходила зима в безуспешной осаде. Вся надежда смольнян, равно как и всей России, лежала на молодом кн. Скопине-Шуйском. Но 23 апреля его не стало. Войско, посланное на помощь осажденным, было разбито при Клушине гетманом Жолкевским. События затем шли чрезвычайно быстро: 11 сентября 1610 г. под Смоленск прибыло из Москвы посольство с условиями избрания королевича Владислава в цари московские для утверждения их Сигизмундом. Но сам Сигизмунд думал иначе: он решил сам захватить себе московскую корону и принуждал смольнян присягать и Владиславу, и себе. Этого же он требовал от послов; те не соглашались, за что были взяты под стражу и отосланы в Польшу. А между тем Шеин все еще держался. 21 ноября 1610 г. поляки пошли напролом, взорвав башню и до 10 сажень стены. Но и этот приступ не удался. Шеин по прежнему крепко держался в Смоленске; он отвергал всякие попытки к сдаче и, между прочим, приказания верховной боярской думы. В 1611 г. московские дела несколько поправились. Сообразно с этим Сигизмунд сократил свои требования; он согласился, чтобы смольняне присягнули лишь Владиславу и впустили в Смоленск небольшой гарнизон. Но смольняне не согласилиь и на это, хотя в городе начался мор, и люди умирали тысячами. Наступил июнь, двадцатый месяц осады. Полякам удалось подкупить боярского сына Андрея Дедешина, который указал им в восточной части стены слабое место, где стена строилась осенью наскоро. Сигизмунд направил туда свои пушки; стена рухнула, и 3-го июля в полночь поляки проникли в город. Начался бой на улицах. Особенно жестоко дрались на Родницкой улице; здесь пало несколько тысяч служилых людей. Улица названа поэтому Резницкой. Воевода Шеин был взят в плен после ожесточенного сопротивления. С ним были высланы в Польшу архиепископ Сергий и другой воевода Горчаков. Этой осадой Смоленск вновь был возвращен Литве после почти столетнего мос-

ковского владычества; но для русской истории эта осада имеет общее чрезвычайно важное значение: Сигизмунд, задержавшийся у Смоленска и раздраженный упорным сопротивлением Шеина, совершенно забыл о Москве, которая собственно и служила целью его похода. Это дало возможность земским элементам России собраться, оправиться и стряхнуть с себя всю тяжесть «московской разрухи». Смоленск спас Москву, а вместе с тем и всю Россию.

После погрома 1611 г. Смоленск оправился не скоро. Несмотря на то, что Сигизмунд поправил стены, засыпав пролом полукруглым валом — «королевской крепостью», и даровал всевозможные льготы для переселенцев, Смоленск населялся туго. Уже во время осады в лагере Сигизмунда было порядочно лиц, выразивших желание поселиться на новом месте. Из Литвы сюда привлекали разные земельные и торговые привилегии. Все эти меры к концу царствования Сигизмунда совершенно пересоздали Смоленск. Он стал походить на обычный западнорусский город с немецким городовым устройством. Совсем другого рода политики держались Сигизмунд и его преемник по отношению к церкви. Последовательно Смоленск стал обращаться в униатско-католический город. В нем был устроен иезуитский кляштор; кроме иезуитов в городе подвизались доминиканцы, а затем еще базилиане, специально назначенные для обращения православных в унию. Епископами стали назначаться униаты, притеснявшие православных. Католики получили преобладание в самом городе, на Соборной горе, устроен был кафедральный костел и резиденция бискупа смоленской епархии.

Теперь настало время для Москвы отбирать Смоленск. И действительно, вскоре за походом Сигизмунда в 1612 г., когда он дошел до Волоколамска, новоизбранный русский царь Михаил Федорович Романов решил отобрать все утраченное в смутное время. Московское войско под предводительством кн. Дмитрия Черкасского, взяв ряд городов, подошло к Смоленску, но взять его не могло, так как на помощь к осажденным подошел королевич Владислав. Князь Черкасский отступил к Москве; за ним вослед двинулся и Владислав. Этот поход кончился Деулинским перемирием (1618). Смоленск остался за Польшей, но Москва выхлопотала для православных завоеванных областей особого православного архиепископа. В 1632 г. московское правительство решило воспользоваться благоприятным временем. В Польше настало бескоролевье по смерти Сигизмунда. К предпринятому походу москвичи готовились 9 лет. Русские закупали в Швеции военные снаряды, нанимали вспомогательные войска. Русские войска обучались военным приемам иностранными офицерами. В апреле значительная армия более чем в 32 тыс. чел. двинулась к Смоленску, покоряя лежащие по дороге города. 6 декабря русское войско окружило Смоленск. Во главе войска стояли знаменитый Шеин, отпущенный по Деулинскому перемирию, и воевода Измайлов. Войска разместились вокруг Смоленска со 158 пушками. На месте нынешней Шейновки (Шеина Острога) и далее, почти до Дресны, расположен был главный стан Шеина. Но кроме того, было понастроено весьма много редутов и бастионов, в которых засели русские и иностранные полки. Особенно хорошо был укреплен лагерь ген. Лесли, расположенный в поле между городом и Чертовым рвом. Окружив стены со всех сторон, русские стали бить в них ядрами и сделали приступ. Положение осажденных было критическое. На помощь им вышел из Вильны гетман кн. Радзивилл с 3000-ым войском. Из его войска отдельные отряды пытались проникнуть в город, что некоторым и удавалось. Появление гетмана и опасение увидеть вскоре вновь избранного короля Владислава принудили Шеина к приступу. 29 апреля русские войска, взорвав башню, двинулись в пролом, но были отбиты поляками. Все лето 1633 г. прошло в бесплодной стрельбе. Гетман перенес свой лагерь из Красного в Лубно, а потом еще ближе — на Глушицу. 3 сентября прибыл король Владислав с 14 тыс. войска, потом подошли еще 6 тыс. Осажденные, узнав о приходе короля, воспрянули духом. 7 сентября король начал свои действия и настолько удачно, что принудил отряд полк. Матисона оставить острог и перейти в главный лагерь Шеина. До 1200 поляков проникли в крепость. К концу месяца король при помощи запорожцев принудил кн. Прозоровского оставить свои укрепления и уйти в стан Лесли. А 3 октября все полковники, зажегши свои укрепления, собрались у Шеина и засели в его окопах. В стане пошли неурядицы. Ген. Лесли застрелил полковника Сандерсона и не допустил Шеина судить себя. Планы Шеина не приводились в действие; ему отказывали в повиновении; ничего не оставалось, как сдаться. 19 февраля 1634 г. были подписаны условия капитуляции, а 1 марта москвичи вышли из окопов. Из-под Смоленска отпущенные русские войска двинулись к Вязьме. В Шеиновом Остроге по распоряжению короля был поставлен над умершими русскими каменный столб в память победы. Шеин, как известно, был по возвращении в Москву казнен вместе с Измайловым, а остальные более родовитые были сосланы. Вскоре после неудач короля под Белым, на речке Поляновке, был заключен «вечный мир», по которому Смоленск все же остался за Польшей.

В царствование Алексея Михайловича возникли новые войны с Польшей. В 1654 г. была присоединена Малороссия. Сам царь вышел в поход и 5 июня был уже близко от Смоленска. В середине августа был произведен первый неудачный штурм крепости, но дальнейшая осада шла столь удачно, что 10 сентября начались переговоры о сдаче, а 23 она уже и произошла. Первым делом московского правительства было обеспечить за собой Смоленск. Оно было во всех отношениях в более благоприятных условиях, чем некогда находилось польско-литовское. Городское и окрестное население было главным образом русское. Оставалось лишь ввести русские порядки. Это и сделали; магдебургское право было отменено, введены русские уложения, сама область была названа воеводством (первым воеводой был Гр. Гав. Пушкин). Правительство приняло меры и к возобновлению православия. Кафедральный костел был переделан в православный собор, иезуитский кляштор — в женский Вознесенский монастырь; все униатские и католические храмы были преобразованы в православные. Царь Алексей озаботился также и об укреплении крепости. Он решил сделать ее исключительно крепостью, ради чего и выслал из нее всех торговых людей. Сюда стали посылаться целые стрелецкие полки. Торговая и промышленная жизнь начала развиваться в предместье, которое стало как бы новым городом. По договору 1686 г. (26 апреля), Смоленск окончательно перешел к России и в значительной степени потерял свое стратегическое значение. Однако великая северная, а затем отечественная война вновь выдвинули его на первый план. Опасения, что Смоленск может стать главным пунктом военных операций, принудили Петра Великого заняться его укреплениями. В 1706 г. на правом берегу Днепра был построен кронверк, чтобы прикрыть крепостной мост. Под днепровскими башнями были устроены пороховые погреба. Но Карл XII, как известно, не пошел на Смоленск, а направился в Малороссию.

Последним тяжким испытанием для Смоленска был год отечественной войны. Здесь, по предположению имп. Александра I, две русские армии должны были отразить Наполеона, не допуская его до Москвы. Но предположение это не было исполнено, так как главнокомандующие Барклай-де-Толли и Багратион не рискнули дать тут сражения, боясь быть обойденными Наполеоном. Однако надежда на бой под Смоленском и уверение главнокомандуюших, что будут приняты все меры к охранению жителей, привели к тому, что жители стали удаляться из города лишь с 4 августа. А 4 же числа появились и французы. Первый натиск врага был отбит Паскевичем, Ставицким и Цыбульским. В три часа пополудни начался новый приступ; это был день рождения Наполеона, и генералы хотели сделать ему сюрприз взятием Смоленска. Но ген. Коновницын отбил их с уроном. Еще до рассвета 5 числа русские войска стали отступать. Прежде начала движение армия Багратиона, Барклай же стоял на правом берегу Днепра, выслав на левый для смены сражавшихся корпуса Дохтурова, дивизии Лихачева и Канцевича и полк Неверовского. В 3 часа утра французы начали нападение. Во главе шли польские дивизии Понятовского. В 8 часов утра Дохтуров и Лихачев сделали вылазку и прогнали врага из слободок. Наполеон, полагая, что вся армия, перейдя мосты, примет сражение, выжидал, а к двум часам дня совсем отошел от крепости. Но вскоре ему стали доносить об отступлении армии Багратиона. Проверив сам это донесение, он решился обойти армию, но не мог найти брод через Днепр. Этим была решена судьба Смоленска. В 3 часа дня по знаку Наполеона густые ряды французов двинулись на восточную и южную части крепости. До 250 орудий в то же время обстреливали стены; в городе начались пожары, много способствовавшие неприятелю. Благодаря им войска Понятовского прорвались в Рачевку, достигли стен, но, не имея с собой лестниц, были отброшены с большим уроном. Маршал Ней овладел Солдатской слободкой, но не решился атаковать королевскую крепость, считая ее сильнейшей. Русские были вытеснены также и из Офицерской слободки. В 5 часов маршал Даву по приказанию Наполеона атаковал Молоховские ворота, но встретил здесь контратаку Коновницына и принца Евгения Виртембергского. Русские, несмотря на убийственный огонь, штыками выбили неприятеля из занятых позиций. Видя неуспех атак, Наполеон распорядился подвести к стенам гаубицы и, стреляя из них разрывными снарядами, зажег город во многих местах. Горели крыши башен, присутственные места, кадетский корпус, вся Молоховская улица, многие окрестности. В полночь Дохтуров стал очищать Смоленск. 6 числа началось выселение смольнян. Наполеон въехал в Смоленск. Лично он, проехав на следующий день в собор, успокоил находившихся там смольнян, но солдаты его принесли много вреда городу. Особенно пострадали храмы; только некоторые из них были спасены; так, историк Смоленска Никиф. Адриан. Мурзакевич не допустил до осквернения Предтеченскую церковь. Наполеон позаботился о Смоленске; он думал сделать его складом запасов для армии, поэтому и оставил тут комиссаром по продовольствию Сиова. Во главе города стояли гражданский (Вилль-де-Бланш) и военный (Коленкур, Шарпантье, Жомини) губернаторы. Кро-

ме того, был учрежден муниципалитет, т.е. общественное управление из 10 членов, приневоленных, а потому и крайне неретивых граждан Смоленска. Но ни муниципалитет, ни провиантные чиновники не могли действовать. Недоброжелательство и мародерство французских солдат мешали введению порядка. Население местами бунтовало, устраивало партизанские отряды. Некоторые из партизан были схвачены французами, и один из них помещик Бельского уезда Шубин был расстрелян. В это же время погиб и подполковник Павел Иванович Энгельгардт, помещик с. Дягилева Духовщинского уезда. В конце октября великая армия появилась вновь в Смоленске. 28 октября въехал в него Наполеон и по прежнему остановился на Блонье в губернаторском доме. Положение армии было безвыходное. Провианта в Смоленске не оказалось; это повело к беспорядочной, далеко неравномерной раздаче порций по отрядам. Наполеон в гневе распорядился расстрелять провиантского чиновника Сиова. 1 ноября ввиду появления на горизонте казаков началось отступление великой армии из Смоленска. 2 числа выступил сам Наполеон со своей старой гвардией. По его поручению остававшийся в арьергарде Ней, выдержав атаку драгун и казаков, затем поспешно отступил, подожгши город во многих местах и взорвав 9 башен. После ухода французов в Смоленске осталось много народа — больных и просто отставших; когда после ухода французов начали подсчитывать убытки, то оказалось, что всего сгорело 45 каменных строений, 1 568 деревянных, 69 лавок каменных и 248 деревянных. Убытки исчислялись в 600 тыс. руб. Жители Смоленска и соседних селений назвали это время «годом разорения» и в разговор часто от него ведут летосчисление. Первой заботой возвратившихся граждан была уборка трупов; их спускали в реку, жгли за стеной города, закапывали рядами, пересыпая известью. Второй заботой граждан было приведение в порядок церквей; церкви в городе вообще наиболее пострадали: пришлось частью реставрировать их, частью, напр., образа заменять новыми. За отсутствием средств починка и возобновление церквей шли медленно; некоторые можно было открыть лишь в 1816 г. (Свирская церковь). На помощь жителям, объединившимся и разорившимся, пришел имп. Александр I, учредивший «комиссию в Смоленске для жителей, коим должно быть назначено пособие в виде подаяния» и раздавший таким путем более 85 тыс. руб. Но несмотря на это, благосостояние Смоленска не поднималось; еще в 1830 г. всюду виднелись незастроенные пепелища. Сильно поправился город в губернаторство Николая Ивановича Хмельницкого, который выхлопотал у имп. Николая I льготы и средства для города. При нем были улучшены пожарные части, устроены три каланчи, выстроено много каменных зданий, расширены улицы, на некоторых устроена мостовая, устроено много мостов, урегулировано освещение, устроено новое здание дворянского собрания. Эти постройки привлекли население к городу и оживили его торговлю. Население стало заметно расти. Если до разорения можно было полагать в Смоленске до 15 тыс. жителей, а по сведениям 1845 г., их было всего 13 370, считая тут же лиц временно проживающих в городе и регулярные войска, то дальнейший прирост населения выразился в следующих цифрах: в 1856 г. — 14 $^1/_2$ тыс., в 1852 г. — 21 400, в 1881 г. — 29 800, в 1890 г. — 40 тыс., в 1897 г. — 46 900, в 1901 г. — 57 000 жителей. После 1812 г. Смоленск потерял совершенно свое стратегическое значение и не мог вернуть своего прежнего торгового значения, несмотря на схождение в городе нескольких железных дорог. Жизнь его главным образом в прошлом.

В настоящее время Смоленск с его 58-тысячным населением есть один из красивейших городов Средней России. Холмистая местность, р. Днепр и бесчисленные сады города — его лучшее украшение. Местами открываются действительно прекрасные виды; для примера можно указать редкий по гармоничной красоте вид, открывающийся путнику, идущему из центра города, с Соборной улицы, на Днепровский мост.

Город во всю длину свою пересекается р. Днепром; по обе стороны в него втекают речки Смядынь, Риливка, Чуриловка, Родницкий и Зеленый ручьи, Рачевка Большая и Малая — с левой стороны; Шклянная, Городянка, Ильинский и Крупошанский ручьи — с правой. Знаменитые Смоленские стены находятся за Днепром, если идти от вокзалов. И теперь еще ряд башен украшает ее. Стены эти были воздвигнуты на месте старых польских земляных укреплéний при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове; собственно говоря, последний был истинным создателем их. Трудно определить начало постройки этой стены; закончена она была в 1602 году, после упорной пятилетней стройки. Построенные стены удивляли не только своей прочностью, но и красотой. В них был устроен ряд ворот, и 38 башен возвышались над ними. В этих башнях устроены были в три яруса бойницы — подошвенного, среднего и верхнего боя; а в самой стене между башнями были устроены амбразуры тоже для боя. По обеим сторонам стен располагались зубцы, поддерживавшие кровлю. Таким образом, вся стена представлялась высокой и широкой галереей, вход в которую был из любой башни. Стена эта тянулась на большом

протяжении (приблизительно на 5—7 верст) при более чем двухаршинной ширине и пяти — семиаршинной высоте. До нашего времени она сохранилась далеко не вся. Ей пришлось выдержать много разрушительных осад и штурмов; но до первого раздела Польши в 1773 г., когда вся Белоруссия отошла к России, и Смоленск таким образом потерял свое стратегическое значение, — до этого времени крепость поддерживалась, а иногда и серьезно ремонтировалась. До нас дошла даже полная смета предполагавшихся поправок при царях Иване и Петре Алексеевичах — смета, составленная мастером Гурием Вахромеевым. Действительное же разрушение крепости началось с XIX века. Несчастный для Смоленска 1812 год был особенно гибельным для его стен. Из 30 башен, сохранившихся до того времени, остались лишь 21; остальные 9 были взорваны французами. Дальнейшее разорение выразилось в разборке стен, кирпичем которых смольняне пользовались для своих нужд. В особо широких размерах практиковалась эта разборка при губернаторе-поэте Ник. Ив. Хмельницком, при котором срыли до 50 сажен стены. С 1844 г. начались попытки (не приведшие до сих пор к окончательным результатам) поддержать стену в том виде, как она стояла в древности.

Вся крепость пересекается Троицкой улицей и, как продолжение ее, Большой Благовещенской. Несколько налево от нее находится Сенная площадь. На этой улице около Одигитриевской находится здание женской прогимназии. На северной стороне стены ныне башен не существует; тотчас же около стены, где теперь проходит Армянская улица, в старину находилась площадь Торжище с церковью св. Фрола и Лавра; по-видимому, это Торжище было главным образом конное, так как означенные святые считаются покровителями лошадей. Площадь эта в долитовскую пору была гораздо больше, захватывая большую часть Соборного холма. При Федоре Алексеевиче на площади находился кружечный двор, где продавались пития. Вся эта местность часто подвергалась археологическим раскопкам. Интереснейший из кладов, найденных здесь, представляет собой большое собрание так называемых чешских грошей и слитков серебряной гривны. Интересен также ряд кожаных кружков, нанизанных один на другой и от долгого лежания в земле легко разламываемых, как гнилое дерево. Это, как предполагают, татарские кожаные деньги.

На западе от Армянской идет Немецкая улица. Теперь на Немецкой улице у самой стены находится ремесленное училище, открытое в 1878 г. Рядом с ним помещается открытое в 1879 г. двухклассное женское городское училище. Неподалеку расположена богадельня для старух. На запад от Троицкой улицы протекает Смолитов ручей, или Родник; около него проходит улица, называвшаяся Родницкой; но после резни, происшедшей здесь при взятии Смоленска в 1611 г., она была переименована в Режицкую. В древнее время, при вечевом устройстве города, местность между Смолитовым и следующим за ним к западу ручьем Пятницким называлась Пятницким концом. Кончанский приходский храм стоял близ теперешнего ремесленного училища; там при раскопках находят следы древнего кладбища; можно полагать, что здесь, как вообще при церквах св. Параскевы Пятницы, были торги. Наверху, почти у устья Пятницкого ручья, находилась церковь св. Николая Полутелого, упоминаемая в грамотах 1489 г. С устройством стены она оказалась вне ее; по имени церкви как раз и названа была одна из башен, Никольская, взорванная в 1812 г. французами. Приход этого храма доходил до немецкого кладбища у Большой Казанской улицы. Отсюда начинался Богословский приход. Храм Богослова на Вражке ныне стоит в развалинах. Он был построен кн. Романом Ростиславичем в 1180 г. и украшен «златом и финифтом». Около него находятся развалины какого-то здания, может быть, греко-латинского училища, основанного тем же кн. Романом. Западнее протекает р. Чуриловка; при устье ее тоже находится каменная церковь, остатки которой случайно открыты в 1885 г. При раскопке здесь были найдены замурованные скелеты, один над другим. Здесь оказалось также много предметов — гранитные камни, печные кафели и пр. Все это хранится в смоленском историко-археологического музее. Еще западнее, там, где в настоящее время среди редких улиц взор останавливается на грустных развалинах, — некогда кипела жизнь. Эта местность есть древний Княжой город. Перейдя Чуриловку, мы входим в его предместье. Приблизительно на полпути до следующей р. Риливки (или, как ее звали в 1812 г., Попова рва) находятся развалины храма Козмодемьянского монастыря, построенного в 1146 г. кн. Ростиславом Мстиславичем; в 1634 г., как можно судить по картине и описанию Шеиновой осады, храма этого уже не было. У храма было найдено древнее кладбище и небольшой, обитый серебром, гроб. Недалеко от этого храма, во дворе мещанина Годунова, были найдены висячие свинцовые печати с рельефными изображениями (они находятся в историко-археологическом музее в Смоленске). Далее, на перекрестке Малой Свирской улицы и Свирского переулка находится храм св. Михаила Архангела, называемый Свирской церковью. Храм этот был некогда придворным; построен он был кн. Давидом Ростиславичем и в свое время отли-

чался редкой красотой. При литовцах он стал монастырским храмом. Несколько попорченный, в 1634 г. он был восстановлен поляками и прекрасно сохранился до нашего времени. В этом храме чрезвычайно интересна икона Богородицы, отразившая на себе все виды иконописи — византийской, польской и московской. На левой стороне этой иконы есть надпись уставом, доселе не разобранная. Подобные, весьма большие иконы находятся и в других местах (в Гжатске, Дорогобуже и др.). Из многих редких как по древности, так и по святыне предметов упомянем о прекрасно сохранившейся гробнице храмостроителя кн. Давида. По образцу этой Свирской церкви строился и холодный Успенский собор. По ту сторону р. Смядыни находился Борисоглебский монастырь. Речка Смядынь замечательна в истории тем, что на ее берегах было совершено убийство святого кн. Глеба; в то время, как передают летописи, место это было пусто. Но потом на этом месте мы видим густое население; здесь находятся места погребения князей Смоленска — Давида Ростиславича и сына его Изяслава. Здесь помещались пристань и Немецкая слобода, а во время литовского владычества — православное братство для борьбы против униатов. Монастырь этот служил стоянкой для войск Сигизмунда III, а потом, при осаде Шеина, — для маркитантов кн. Прозоровского. Около монастыря находится священный колодезь, на том месте, где было совершено убийство святого кн. Глеба. Еще западнее на Кловке в литовскую пору находился Гостин двор литовский, а за р. Ясеневой — «Господаря загородный двор»; еще же дальше, за Кловкой, по направлению к г. Красному, располагались укрепления Китти, полковника шеиновых войск. На юге от Смядыни находился Спасский монастырь. Построенный в XIII и XIV вв., он был впоследствии переделан поляками в иезуитский костел. Здесь также были расположены лагеря Сигизмунда и Геина (стан Губерта).

И Режицкая, и Большая Благовещенская улицы упираются в Малую Вознесенскую. Как раз на углу последней находится Мариинская женская гимназия, открытая в 1861 г. Малая Вознесенская с продолжением своим Большой Вознесенской отделяет северо-западную часть крепости. Как раз там, где Малая Вознесенская переходит в Большую, находится Вознесенский женский монастырь, преобразованный царем Алексеем Михайловичем из иезуитского кляштора. В нем училась грамоте мать Петра Великого царица Наталья Кирилловна Нарышкина; благодаря этому одно время монастырь пользовался пособием от казны. Построение каменного двухэтажного храма относится к 1692—94 гг. Говорят, что Петр Великий, приехав в Смоленск, чтобы казнить мятежных стрельцов, распорядился из десятерых девять бить кнутом, а десятого вешать, но игуменья Вознесенского монастыря Марфа Рыдвинская вымолила им прощение. Петр, довольный сам подобным исходом, по ее просьбе построил церковь, пожертвовав на нее деньгами и железом, и подарил ей многие церковные предметы. Около монастыря находится женская семинария с образцовой Вознесенской школой.

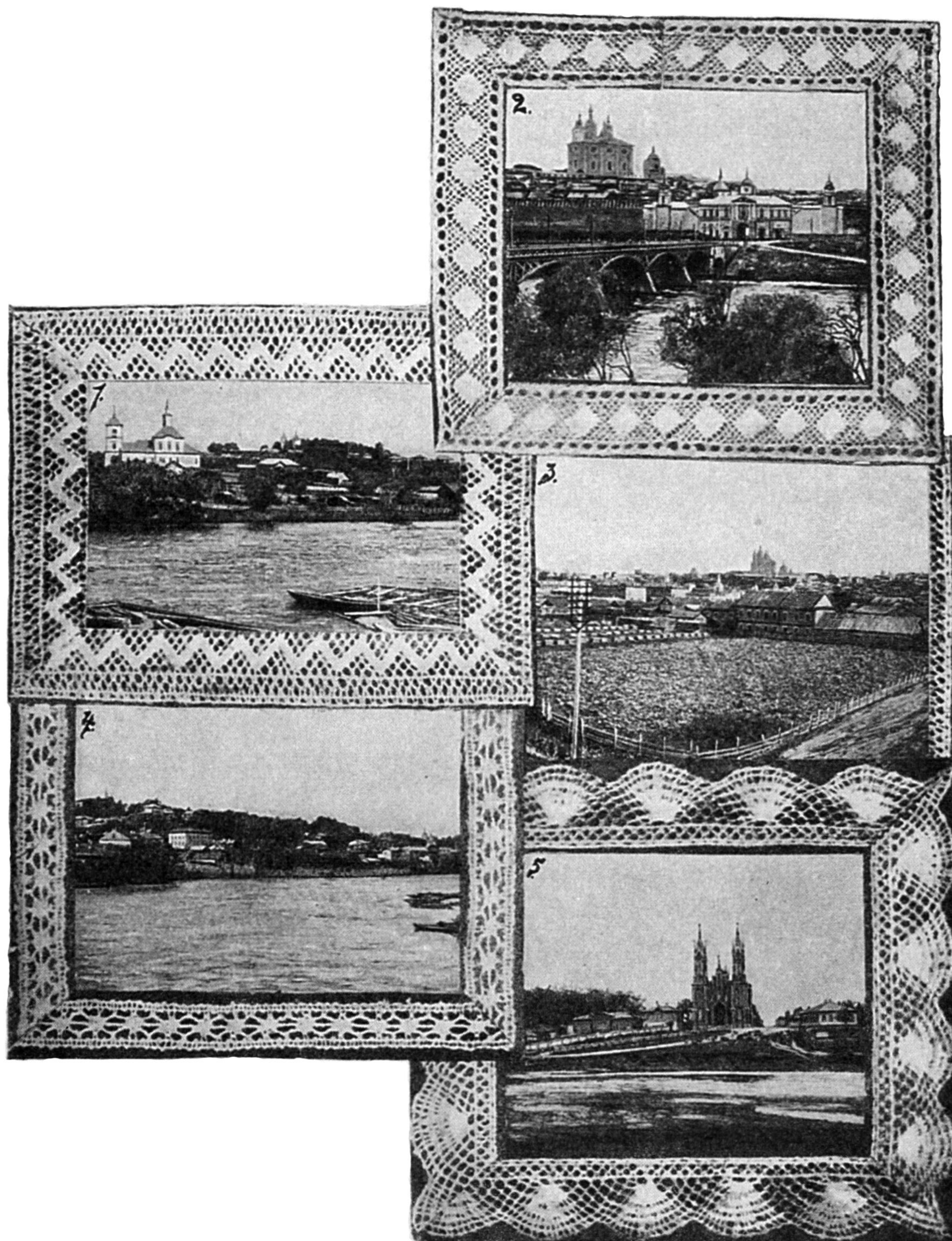
От Армянской улицы начинается Соборная Гора. Попасть туда со стороны Днепра можно через Днепровские (Фроловские), ныне Богородицыны ворота, башня которых была одна из самых высоких и красивых. В 1728 г. верх башни был разобран, и на ее месте построена деревянная церковь: до тех пор, как говорят, там висел набатный колокол, прежде бывший, вероятно, вечевым. Во вновь построенной церкви был помещен образ Богородицы; эта чудотворная икона сама по себе весьма замечательна. Писана она в Москве, прислана Борисом Годуновым и помещалась прежде в особо сделанной нише в стене. Так как она прославилась чудесами, то в 1812 г. войска взяли ее и повсюду носили с собой. В 1794 г. на месте деревянной церкви был заложен каменный храм, но еще в 1812 г. он не был готов. Здесь был Наполеон; приказав поднять две пушки, он отсюда лично распоряжался ими, желая заставить замолчать одинокую русскую батарею, закрывавшую отступление армии. Храм этот был освящен в 1814 г. Соборная гора далее переходит в Большую Благовещенскую. Называется она так потому, что на ней находятся оба собора города: холодный Успенский и теплый Благовещенский. Первый выстроен в 1772 г., хотя указ об его заложении вместо польского костела последовал еще в 1672 г. Теперь собор имеет пять глав, причем средняя значительно возвышается над другими; в ее отверстии в хорошую погоду можно любоваться видами Смоленска и его окрестностей на протяжении 25 верст. В этом храме находится чудотворный образ Божьей Матери Одигитрии, чтимый по всей России. Кроме того здесь есть иконы Иерусалимской (подновленной в 1618 г.) и Владимирской Божьей Матери, писанные в XVII в. Кроме того, здесь же находится крайне ветхий и весьма древний образ святого кн. Феодора Ростиславича. На том месте, где сейчас находится Благовещенский собор, до 1708 г. был небольшой деревянный храм «на Архиерейских воротах», разобранный и в 1712 г. замененный новым большим храмом, который, пока строился Успенский собор, считался кафедральным. В 1781 г. епископ Парфений разобрал его и переслал в село Сверчково, а на его месте построил новый

каменный и теплый. Рядом с соборами находится колокольня, на которой висят колокола в 1000, 450 и 65 пудов; кроме того, здесь висит старинный, еще польский колокол 1634 г. в 31 пуд 30 фунтов весу. Тут же на Соборной горе помещается храм Иоанна Предтечи, одно время служивший теплым собором. В этом храме есть замечательный по живописи образ Нерукотворенного Спаса.

Рядом с Соборной горой, налево, если идти от Днепра, расположен Троицкий монастырь, преобразованный из Троицкого училищного кляштора царем Алексеем Михайловичем. Прежде, до XIX в., он был резиденцией архиереев; поэтому в нем находится архиерейская усыпательница, где покоятся три первых смоленских епископа. В монастыре есть небольших размеров икона Иверской Божьей Матери весьма старой живописи. Если идти от соборов к Днепру, то по дороге встречается церковь Благовещения.

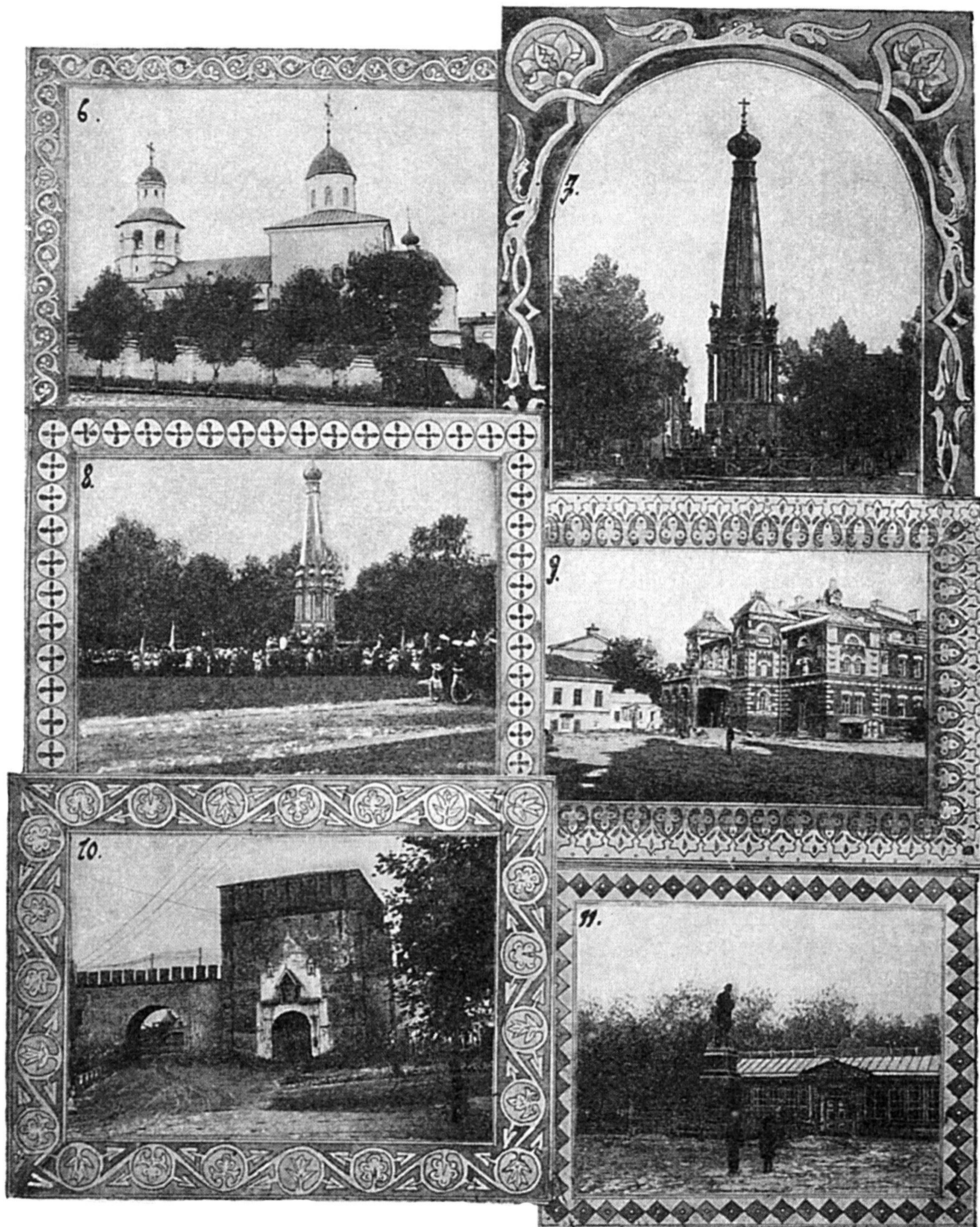
Северо-восточная часть крепости, по которой протекает Зеленый ручей, с юга ограничивается Козловской горой. Самая близкая к восточной стене улица — Покровская, а за ней идет Георгиевская и затем Спасская. На Спасской находится храм Спаса Преображения, а рядом с ним — мужская семинария, которая до 1891 г. помещалась в Авраамиевском монастыре. При семинарии открыта образцовая церковно-приходская школа. К югу от Козловской горы юго-восточная часть крепости пересекается на две части Большой Одигитриевской улицей, поперек которой проходят улицы Никольская и Кадетская. На Одигитриевской находится храм Божьей Матери Одигитрии; тут же рядом, в доме Купеческого общества, помещается клуб Общественного Собрания. По стене в этой части тянется Авраамиевская улица, названная так по монастырю, некогда величайшей святыне Смоленска. Монастырь этот основан епископом Игнатием, который на этом месте, прежде бывшем за валом, построил церковь во имя св. Игнатия Богоносца, а потом во имя Богородицы Положения честные ризы и пояса. Здесь образовался монастырь, который прославился, когда вступил туда преп. Авраамий. Преп. Авраамий по смерти родителей своих решился постричься и выбрал для этого монастырь Богородицы, «что в Селище», в 6—7 верстах от Смоленска (теперь там есть церковь). В этом монастыре, по-видимому, была богатая библиотека, которой пользовался Авраамий. Получив сан священства от еп. Игнатия, святой Авраамий стал говорить проповеди, к чему он был хорошо подготовлен. Проповеди его привлекали массы слушателей и вызвали зависть даже у игумена. Преподобный должен был удалиться в маленький монастырь Честного Креста (ныне этот монастырь не существует, находился он на Садках). Здесь слава его как проповедника еще увеличилась. Монастырь, бедный, нуждающийся во многом, стал богатым благодаря средствам, приливавшим к нему от почитателей Авраамия. Но и тут достигла до него клевета завистников. Еп. Игнатий принужден был вызвать его на суд; решение епископа было неблагоприятно для святого; он должен был перестать проповедывать и удалился в Богородицын монастырь, но впоследствии Игнатий снял свое запрещение. Слава святого особенно усилилась, когда после его молитв прекратилось бездождие. Началось поголовное паломничество в Селищенский монастырь, что было неудобно по отдаленности монастыря. Это вызвало переход святого в монастырь Положения ризы, где вскоре он и был назначен настоятелем. Уже по кончине преподобного монастырь стал называться его именем. Место вокруг него оживилось; здесь провели дорогу из Москвы и ввели весь монастырь в черту вала; его захватила и стена Бориса Годунова. Мощи преподобного стояли в монастыре до 1611 г.; поляки же, захватив, скрыли их где-то. В монастыре поселились доминиканцы. Одно время монастырь, разрушенный (после 1637 г.), перешел в частные руки, но при Алексее Михайловиче был восстановлен. Вместо деревянного храма ныне стоят там два каменных — Введения во храм и двухэтажный Преображения и в честь св. Авраамия. В стене этого храма видно засевшее там французское ядро. При монастыре имеется духовное уездное училище. До 1891 г. в монастыре помещалась духовная семинария (ныне переведенная на Спасскую ул.), в которой в половине XIX в. воспитывался уроженец Смоленской губернии покойный проф. В.В. Докучаев, по признанию всех европейских ученых — основатель современного направления науки почвоведения, окончательно приведенного в блестящую, строгую систему его талантливейшим учеником проф. Сибирцевым, также умершим. На восточной стене крепости, начиная с крайнего западного пункта, мы встречаем следующие башни и ворота: Маховая, или Моховая («махать», «мох»); теперь здесь помещается губернский архив. Вокруг этой башни расположен сад Общества трезвости. За упомянутой башней, на месте взорванной в 1634 г. Шеином башни, был насыпан поляками земляной бастион, названный крепостью Кавалье, где при Петре Вел. был устроен пороховой погреб. Далее сохранилась так называемая Евстафьевская, или Брикарева башня, где устроен резервуар для городского водопровода. Водопровод, стоивший городу 100 тыс. руб., устроен был городским головой А.П.Энгельгардтом, ставшим впоследствии известным архангельским губернатором и затем

Смоленскъ.

1. *Вид из-за Днепра на церковь Воздвижения (вдали историческая церковь Гурия, Симона и Авивы).* 2. *Вид с Днепра на ворота Богоматери, церковь и кафедральный собор.* 3. *Общий вид на левую сторону города.* 4. *Вид с Днепра на Казанскую и Богословскую горы.* 5. *Костел.*

Смоленскъ.

6. *Вознесенский женский монастырь на Вознесенской горе.* 7. *Памятник 1812 г.* 8. *Шествие вольного пожарного Общества у памятника 1812 года во время празднования 25-летнего юбилея Общества.* 9. *Городской театр.* 10. *Никольские ворота.* 11. *Памятник композитору Глинке.*

товарищем министра земледелия. Еленевские, теперь названные Никольскими, ворота находятся против Никольской улицы. Здесь до 1812 г. помещалась деревянная церковь Николая Чудотворца, а над самими воротами, в нише — образ Спасителя, теперь перенесенный в собор. Следующие башни идут с запада на восток: Зимбулка, Шембелка, прежде называвшаяся Долгочевской, Воронина, Белуха или Заалтарная, названная так по своему нахождению за алтарем деревянной церковки по имени Положения ризы Пресвятой Богородицы, построенной преп. Авраамием в XIII в., а в 1611 г. сожженной поляками, причем находившиеся в ней мощи куда-то исчезли. Затем идут Авраамиевская с теперь уже заложенными воротами и Городецкая, называемая также Орлом или Веселухой. Под горой у этой башни находится небольшой городок, называемый Орловым укреплением, к которому Шеин делал приступ 25 дек. 1632 г. Веселухой она названа от красивого, «веселого» местоположения. Позднякова башня, или Роговка, следующая за Городецкой, замечательна также по Шеиновой осаде. К ней русские вели минную галерею, следы которой сохранились и доселе у самой подошвы башни. Следующая — Лучинская башня, неправильно называемая Веселухой. В 1870 г. она была исправлена на средства строителей Московско-Брестской ж.д., причем наверху ее была сделана ошибочная надпись «Веселуха». Исправленная с целью любоваться с нее видом Смоленска, она вскоре пришла в ветхость и теперь стоит в полном запустении.

Юго-западная часть крепости — одна из самых населенных. Здесь между Кирочной и Кадетской улицами находится прямо против дворянского собрания сад Блонье, в котором воздвигнут памятник композитору Мих. Ив. Глинке, бессмертному творцу «Руслана» и «Жизни за Царя», уроженцу села Новоспасского Ельнинского уезда. Изображен он на памятнике с дирижерской палочкой в руке; на пьедестале помещается надпись «Глинке — Россия 1885 г.». На другой, нелицевой стороне, начертаны даты рождения и смерти. В венке по сторонам поименованы некоторые произведения Глинки. Памятник окружен решеткой из нот. Клуб благородного собрания находится в саду же, в большом доме, воздвигнутом губернатором Сосновским. В нем есть просторный зал, пригодный для танцев, спектаклей и концертов. Библиотека клуба весьма обширна для провинции. Недалеко, на углу Кирочной и Дворянской ул., находится и военное собрание, где также устраиваются танцевальные вечера и спектакли. Сад Блонье прежде служил плац-парадом. Еще во время имп. Екатерины II он был обсажен березками. В 1830 г. плац-парад был перенесен на другое место, а здесь был распланирован сад — теперь любимое место прогулок смольнян. В древности место это называлось Оболонье, как вообще все места в старых городах, расположенных между двумя валами. Вокруг Блонья расположены все здания присутственных мест; здесь в здании городской думы находится публичная библиотека с бесплатным кабинетом для чтения. В этом же здании помещается историко-археологический музей, основанный местным преподавателем истории С.П.Писаревым, автором работ по смоленской истории. Около же Блонья находится и мужская гимназия, основанная в 1804 г. Здесь получил свое первоначальное образование (прошел шесть классов) известный исследователь Центральной Азии ген. Ник. Мих. Пржевальский, уроженец Порецкого уезда (1839—1888). Рядом находится Александровское реальное училище и первое городское шестиклассное училище, при котором существует воскресная женская школа. Из улиц этой части крепости нужно упомянуть пересекающиеся между собой Королевскую и Ильинскую, на которой находится церковь св. Илии на углу у Блонья, Почтамтскую и Большую Дворянскую; здесь помещается детский приют ведомства имп. Марии для девочек.

Западная часть стены менее обильна башнями. На самом юге, где прежде стояла безымянная четырехугольная башня, взорванная в 1812 г., ныне за стеной находится памятник знаменитому партизану подполковнику Павлу Энгельгардту, расстрелянному в 1812 г. французами. До 1836 г. здесь стоял небольшой каменный памятник, поставленный вдовой почившего, но с 1836 г. воздвигнут чугунный, который в 1885 г. был значительно приподнят над могилой. Если идти с востока на запад, то мы последовательно будем встречать следующие башни: Донец за домом земства, Топинскую у Губернаторского проезда, после названную Громовою, Бублейку и Копытецкую. Прямо к западу обращена Гуркина башня, названная так по имени Гурия Вахрамеева, присланного в 1692 г. для поправки стены. Близ нее находится земляная насыпь — Королевская крепость — сооружение поляков после их победы 1611 г. Теперь за этой крепостью расположен Лопатинский сад — любимое увеселительное место смольнян. Здесь видны остатки городского вала литовского периода. У самой крепости на плац-параде находится памятник 1812 г., поставленный в 1835 г. Памятник чугунный весом в 414 пудов. Внизу круглый, он кверху идет уступами, на которых высятся 16 колонн. На самом верху помещается пирамида с крестом. По сторонам стоят французские пушки. Севернее Гуркиной башни, рядом с провиантски-

ми магазинами и против Тупого переулка, на Казанской улице, находилась еще до 1830-х годов башня, славная в русской истории. Здесь знаменитый русский воевода боярин М.Б.Шеин ждал в 1611 г. подступавших врагов. Он энергично оборонялся против них и сдался лишь по настоянию своей семьи. Башня после этого называлась Шеиновской.

Кроме крепости заднепровская часть города мало населена. Между Днепром и стенами идут на западе Богословская улица (на юг от которой тянется Богословская Казинка), на востоке — Рачевская, Набережная улица, Новая и Окопная. Местность левее, ближе к стенам, теперь называется по имени речки Рачевкой, а прежде называлась Духовским предместьем (от монастыря св. Духа, теперь лежащего в развалинах). Здесь, уже за слободкой, где прежде были Шеиновы окопы, по которым и улица получила свое название, находится церковь Спаса на Окопах; замечательная своим чудотворным и весьма древним образом Умиления Богородицы, относящимся к 1103 г. Правее же, от Большой Рачевки до Малой, тянулась Архиерейская слободка, возникшая в литовский период; здесь, уже за Малой Рачевкой, находятся остатки храма на месте теперешнего архиерейского огорода. Со слободкой прежде граничило село, данное великим кн. Александром литовским супруге своей Елене Ивановне, где находятся до сих пор остатки каменного храма; еще восточнее раскопаны были гр. Уваровым и г. Щипиллою стены и колонны деревянного храма, который, как можно заключить по некоторым признакам, был разрушен еще в долитовский период.

Речка Рачевка окружена Заречной и Загородной улицами. На юге расположены древние слободки. На востоке лежит Офицерская, в которой по порядку с севера на юг идут Потемкинская, Константиновская, Большая Никольская, Задняя и Запольская улицы[1]. В этой слободке находится училище для слепых. Пересекают же их с востока на запад Александровская улица, Мейгравское шоссе и, наконец, Старая Рославльская дорога. С востока Офицерская слободка окаймлена Чертовым рвом (т. е. рвом черты, городской границы), продолжением р. Рачевки. Перед ним находятся бани Засковой, а далее на север — кирпичный завод Корева. По другую сторону Рославльского шоссе мы видим другой распланированный участок — Солдатскую слободку. Здесь с севера на юг идут Большая Энгельгартовская, Солдатская, Всесвятская и Новая Всесвятская улицы. Между этими участками расположена Молоховская площадь. На ней находится открытая в 1896 г. по образцу частных заграничных студий рисовальная школа кн. М.К.Тенишевой, землевладелицы Смоленской губернии. Занимаются там исключительно живописью и рисунками карандашем. Школа эта при желании готовит в московскую школу живописи, ваяния и зодчества или в академию художеств. На Молоховской площади по средам и субботам происходит базар, сравнительно малолюдный, а накануне Вознесения начинается Вознесенская ярмарка, продолжающаяся около недели. Предметами торга на ней являются лошади и экипажи. Еще южнее, между Киевской дорогой и Рославльским шоссе проложены Костельная и Новая улицы.

Вокзалы Московско-Брестской и Риго-Орловской ж.д. расположены рядом, через улицу, на окраине города. Полотно железной дороги пересекает всю длину верхней, северной части города. На север почти параллельно полотну тянется Витебское шоссе; от него идут Донские и Моховые улицы, заканчивающиеся Георгиевской. В этом районе находится значительный, со многими техническими усовершенствованиями кафельный завод Будникова с 79 рабочими.

Еще выше Георгиевской расположены военный лагерь и земская больница с помещением для душевнобольных и родовспомогательным отделением; при больнице находится богадельня для стариков. Верхи Моховых и Георгиевской улиц расположены на Покровской горе. Немного далее на востоке полотно пересекается Старо-Петербургской, а еще далее, у набережной Ильинского ручья, — Ново-Петербургской улицами. Первая переходит в Первую Покровскую, а вторая — в Проворскую улицу, на конце которой находится пивной завод акционерного общества.

Далее к северу от полотна уже нет улиц, если не считать Нижних и Верхних садков за Крупошевским ручьем. На конце Верхних Садков, у церкви св. Гурия, Симона и Авива находятся развалины монастыря Св. Креста, где проповедывал преп. Авраамий.

Еще восточнее полотно пересекается Московским шоссе — продолжением Ново-Московской улицы. Перейдя полотно по Ново- или Старо-Петербургской улицам, мы по ним через Базарную площадь достигаем моста (Старо-Петербургская улица здесь называется Никольской). На Базарной площади находится Гостиный двор. Здесь по средам и субботам бывает еженедельно людный базар: зимой торгуют свиными тушами, а осенью — гу-

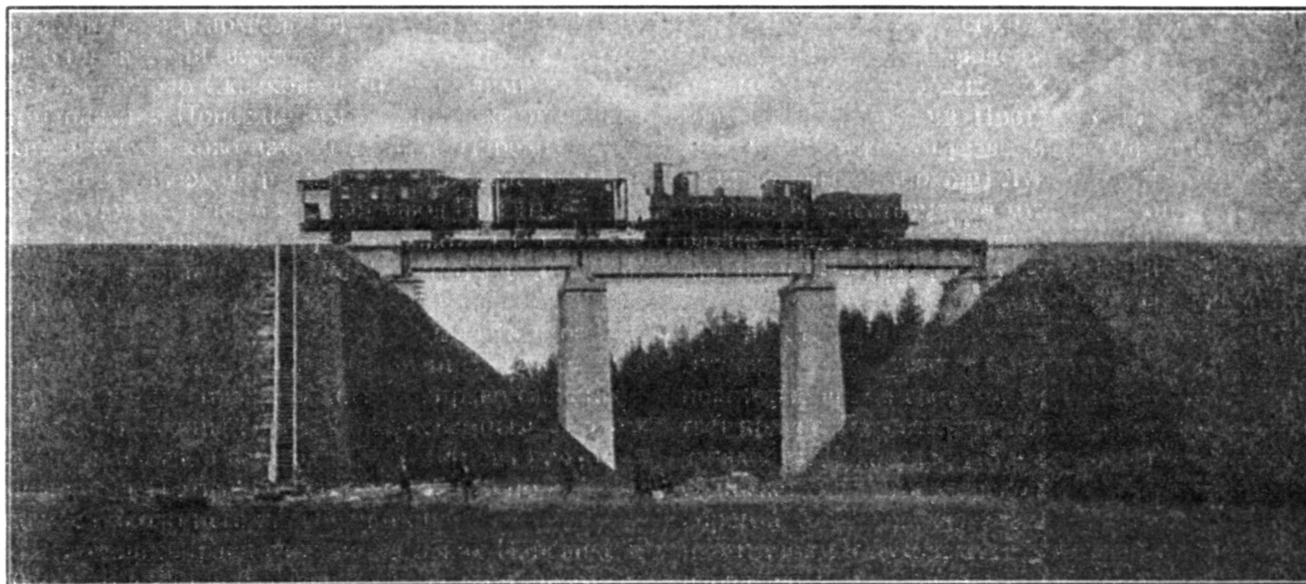
[1] Название первой напоминает о знаменитом деятеле екатерининского царствования кн. Г.А. Потемкине, уроженце Смоленской губернии.

сями. С 6 декабря по 7 января тут идет Никольская ярмарка, на которой сбывают главным образом мелкий товар. Вся эта местность называется Торговой; здесь находится второе городское училище. На восток и на запад от Базарной площади начинаются очень длинные улицы — Ново-Московская на востоке и Петропавловская на западе, дальше которой идет еще Шклянная. Несколько севернее Петропавловской, у вокзалов, находится самый древний из смоленских храмов в память апостолов Петра и Павла. Основан он в 1146 г. князем-строителем Ростиславом в местности, тогда называвшейся «княжеским тетеревятником», где жили изгои. Литовцы окружили храм стеной, называя всю окрестность Огородом. Ограда эта была разрушена Сигизмундом III, а впоследствии построена новая. Храм подвергся сильному изменению. Многое пристроено униатским епископом Кревзой (1625—37). Колокольня, а равно и верхний этаж (храм великом. Варвары) выстроены в 1753—57 гг. на средства купцов Сысоевых и Кремницына. В 1812 г. церковь сильно пострадала от пожара: главы ее были сорваны, а колокола обрушились.

Между этими улицами и набережной р. Днепра (с запада на восток Петропавловская и Нижне-Рыбацкая набережные) тянется ряд небольших улиц и переулков, доходящих до самого полотна железных дорог. Западная часть этой местности называется Петропавловским приходом, а восточная — Ямщиной; здесь на Старо-Московской улице находится катушечная фабрика Герарди со 110 рабочими.

В Смоленске с Московско-Брестской ж.д. сходятся проходящая через него Риго-Орловская и отходящая к в.—ю.-в. Богоявленско-Смоленская линия общества Рязанско-Уральской ж.д. Так как первая линия будет рассмотрена нами ниже, в IX главе, то здесь мы опишем лишь Богоявленско-Смоленскую линию, принадлежащую Смоленской губ. на протяжении 117 верст.

Богоявленско-Смоленская ж.д. идет от Смоленска в выемках первые верст 12 в восточном направлении сначала до Шеина острога параллельно Риго-Орловской и Московско-Брестской ж.д., а затем параллельно последней в очень близких расстояних от нее; здесь в 8 верстах от Смоленска находится первая небольшая ст. Строгань, недалеко от ст. Колодни Московско-Брестской ж.д. Приблизительно около ст. Духовской Московско-Брестской линии Богоявленско-Смоленская линия начинает понемногу уклоняться к ю.-в. (тогда как Московско-Брестская уклоняется здесь круто на с.-в.), направляясь к Днепру. За Строганью идет полуст. Конец, а за Концом железный путь пересекает р. Днепр при ст. Приднепровской (31 в.), грузящей до 40 тыс. пудов главным образом лесных грузов, и проходит по краю обширного торфяного болота, а затем погружается в лесное пространство и верстах в 10 от Днепра около ст. Добромина, грузящей свыше 900 тыс. пудов лесных материалов и дров, вступает в Ельнинский уезд, где за полустанком Клоковым достигает станции Совкина (57 верста), грузящей свыше 1 1/2 млн. пудов преимущественно лесных грузов.

Мост через болото на Богоявленско-Смоленской железной дороге близ города Елец. (По фотографии Н.Н. Останковича).

При ст. Совкине расположен лесопильный завод Розенцвейга.

К с.-з. от Совкина верстах в 8—10 расположены деревни Колзаки с лесопильным заводом В.М.Левыкина, вырабатывающим досок на 18 $^1/_2$ тыс. руб. в год, и Волобаева с винокуренным заводом Вантропова. К западу от Совкина верстах в 6 лежит д. Рудлово с конным заводом С.В.Щербакова, а верстах в 12 на ю.-з. от Совкина — село Балтутино с 700 жителей, церковью, волостным правлением, почтовым отделением (на тракте из Ельни в Починок) и двумя ярмарками в год. На запад от Балтутина верстах в 10 расположен при д. Жигаловой винокуренный завод Гальцова с производством до 7 тыс. ведер в год, а на восток от Балтутина лежит близ тракта обширное болото верст 6—7 в поперечнике. На юг от Балтутина верстах в 5, при селе Ханине находится винокуренный завод Богушевского (бывш. Захарьина) с произв. 12 тыс. ведер спирта в год.

За Совкиным верстах в 8 следует полустанок Нежода, а далее железный путь достигает уездного города Ельни (76 верст), расположенного в верховьях р. Десны. Станция Ельня грузит до 1360 тыс. пудов преимущественно лесных материалов и дров.

Имя города Ельни, расположенного при р. Десне и р. Погибельке, встречается в уставной грамоте смоленской епископии 1150 г. («урока три гривны и лисица»). В летописи под 1447 г. говорится о том, что сторонники великого кн. Василия Темного князья Ряполовские, Страга-Оболенский и другие, собравшись в г. Пацыни (село Рославльского уезда), поспешили оттуда в Тверь. В Ельне они встретились с двумя татарскими царевичами Касимом и Эгубом (Якубом), которые, как оказалось, были также сторонниками Василия. Отсюда они уже вместе пошли к Твери. С 1499 г. Ельня потерпела обычную судьбу смоленских городов. Боярин Юрий Зах. Кошкин взял ее и присоединил к Дорогобужскому округу, но, по договору 1503 г., она, отходя от Дорогобужа, оставленного за Москвой, перешла снова к Литве. Это издревле укрепленное место, по актам 1634 г., имело острожек, следы которого видны и доселе. В XVII веке Ельня была дворцовым селом, доставлявшим к царскому двору лосей из обширных лесов южной половины Ельнинского и смежной части Рославльского уездов. В 1776 г. Ельня была переименована в уездный город, а в 1797 г. перечислена в заштатные, территория же ее уезда распределена между Дорогобужским, Рославльским и Юхновским, но в 1862 г. она вновь стала уездным городом. В 1812 г. Ельня ознаменовалась важным событием. При проходе французов жители скрылись в лесах, так что французы проходили по совсем покинутому месту. Здесь расположился на зимние квартиры маршал Ожеро, но был разбит и капитулировал отрядам партизан Фигнера, Давыдова, Сеславина и полкам гр. Орлова-Денисова. Этот факт особенно важен в истории отечественной войны тем, что он являлся первой сдачей французского отряда. Вообще же убытки города от французов были невелики, тогда как по уезду они простирались до 4 млн. рублей. По восточной стороне р. Десны расположены лучшие здания города со Спасо-Преображенским собором, построенным в 1795 г. Заречная часть обстроена хуже. Фабрик и заводов в Ельне немного, ярмарки две: одна, Сборная, неважна, но значительна вторая — Ильинская, на которую привозят товаров на сумму до 35 тыс. руб., а продают менее трети. Жителей в г. Ельне насчитывается 2 тысячи.

Верстах в 7 к с.-з. от Ельни при селе Дорогинине и верстах в 5 к западу от города при селе Леонидове расположены винокуренные заводы. Верстах в 22 к югу от Ельни по Рославльскому тракту при р. Десне лежит с. Новоспасское, известное тем, что здесь же в 1804 г. родился и потом подолгу проживал гениальный русский композитор М.И.Глинка, получивший свое первоначальное музыкальное развитие под впечатлением концертов оркестра дяди, наезжавшего сюда к отцу Мих. Ив. гостить со своими крепостными музыкантами из соседнего имения. При селе Новоспасском расположен винокуренный завод Юрасова. К ю.-з. от Ельни, верстах в 15, при селе Мутище расположен лесопильный завод Долгорукова. Верстах в 13 южнее Мутища, при селе Бутырки имеется лесопильный завод Суйковой, а верстах в 3 южнее Бутырок при селе Мятки — два винокуренных завода О.И.Бычковского и А.Г.Забелина; последнй производит до 9 тыс. ведер спирта в год. Верстах в 10 к ю.-в. от Мяток при селе Николаевском (Никольском) расположен винокуренный завод Рудиевой.

За Ельней Богоявленско-Смоленский железный путь идет по незаметному на глаз водоразделу между реками Десной и Угрой. Здесь посередине водораздела находятся полуст. Колошино и Жегложки. За этой последней остановкой железный путь пересекает мостом р. Угру в ее верховьях и достигает станции Коробец (97 верст), грузящей до 1350 тыс. пудов преимущественно дров и лесных строительных материалов.

К с.—с.-в. от Коробца верстах в 11 лежит довольно значительное для этих мест селение Сось (550 жителей). Верстах в 5 севернее его при селе Мархоткине на р. Угре имеется большая водяная мельница Ерина; в Мархоткине есть министерская школа со специальным преподаванием пчеловодства. К с.-в. от Мархоткина — верстах в 14, уже в пределах

Дорогобужского уезда лежат рядом друг с другом селения Семенково и Буда. В первом из них находится винокуренный завод Ковалевского, а в другом — завод сухой перегонки дерева Барышникова.

За Коробцом находится полустанок Теренино.

Верстах в 10 к с.—с.-в. от Теренина при селе Замошье прежде существовала суконная фабрика Сомовой.

Далее Теренина, за ст. Павлиновой (113 в.), грузящей до 930 тыс. пудов преимущественно лесных грузов, рассматриваемый железнывй путь на 117-й версте переходит в Калужскую губернию, направляясь к местечку Спас-Деменскому.

Верстах в 2 к ю.-з. от Павлинова, при д. Березове расположен лесопильный завод Н.В.Шварца, а верстах в 20 далее по тому же направлению, при селе Коханахе (на границе Калужской губернии) — лесопильный завод Клеева. Верстах в 15 от Павлинова к с.-в. при д. Холмахе имеется винокуренный завод М.З.Черномордика. На востоке от Холмов, верстах в 15, при д. Заворонье находится значительная мельница Иванова. Верстах в 6 к северу от Заворонья, при д. Всходахе имеется конный завод Лесли и заведение для сухой перегонки дерева Ощевского-Круглика. Верстах в 3 к с.-з. от Всходов, при д. Дракиной расположена обширная мельница Сорокина.

Ельнинский уезд занимает площадь 4319 кв. верст и расположен в верховьях рек Десны и Угры, в том Ельнинском узле Среднерусской возвышенности, о котором говорилось во II томе «России». Поверхность его высокая и большей частью ровная. Угра сплавна. Почва суглинистая и супесчаная; местами имеются небольшие торфяники. Под лесом 168 799 десятин, под пашней — 132 720 десятин, под лугами и вытоками — 75 932 десятины, под остальной удобной — 11 071 десятина, под неудобными землями — 38 889 десятин. Главные полевые культуры — рожь (50%), овес (29%) и лен (2 $^{1}/_{2}$%). Население уездов равнялось в 1897 г. 142 250 душ обоего пола. На это количество населения имеется только 30 начальных школ. Крестьянский надел составляет 154 148 десятин, а частновладельческие земли — 257 745 десятин, из которых до 65% принадлежит дворянам. Фабрично-заводская промышленность слабо развита в уезде (340 тыс. руб. при весьма мелких предприятиях с 724 рабочими). Так как главное занятие поселения — земледелие — не прокармливает его, то сильно развиты отхожие промыслы (главным образом чернорабочие на водных и железных путях), а также лесной.

Вовзратимся к Смоленску.

Прямо на север от Смоленска идет Петербургский тракт. Верстах в 10—15 от города он расходится; ветвь на западе идет в г. Поречье, на востоке — в г. Духовщину. Вот тут-то, недалеко от этого распутья, лежит село Стабня и д. Покорново с винокуренным заводом Гернгросса в 25 тыс. ведер ежегодного производства. На север отсюда, по дороге в Поречье, лежит имение Мощенки с паровой мельницей Яскольд-Клепацкого. Пространство к с.-в. от Смоленска между Петербургским трактом и Московским шоссе было свидетелем обходных операций русских и французских войск в 1812 г. Русские армии Барклая и Багратиона, решившись оставить Смоленск, двинулись сначала в обход на север двумя колоннами. Первая под начальством ген. Дохтурова, взяв более северное, а значит и более обходное направление, шла до села Стабни по тракту, а далее направилась через Сущево и Пружище (в северо-восточном направлении) к Соловьевой переправе на Днепр. Другая колонна шла ближе к нынешнему Московскому шоссе: она во главе с ген. Тучковым доходила до Крохоткина, верстах в 10—12 от Смоленска, и повернула оттуда на юго-восток к селу Лубину на Московской дороге. Но французы были ближе к Лубину. Вскоре между ними завязался бой. Прежде всего Ней двигался в северо-восточном (и более восточном, чем вторая колонна русских войск) направлении и наткнулся под д. Гедеоновщиной на соединенные отряды принца Евгения Виртембергского и барона Корфа; последние отступили перед войсками Нея. К войскам Нея присоединилась конница Мюрата и Гюдена и некоторые полки Жюпо. Под Валушиной горой за р. Строганью (в 1 версте от ст. Колодни нынешней Московско-Брестской ж.д.) их встретил русский арьергард, оставленный тут для прикрытия движения главных сил; подоспевшие части генералов Тучкова и Ермолова приняли бой, который и разразился 7 августа на пространстве между Валутиной горой и Лубиным, доходя на юг до д. Заболотья, где стояли конные войска гр. Орлова-Денисова. Конница Гюдена перешла через Строгань и, потеряв смертельно раненого генерала, атаковала русскую пехоту. Делу французов помешала нерешительность генерала Жюно; напрасно маршалы Мюрат и Ней просили его поддержать своей колонной атаку; он отговаривался тем, что не получал ни инструкций, ни приказаний Наполеона. Французы потеряли до 9 тыс., русские до 6—7, в том числе взятого в плен ген. Тучкова III. Этот бой имел большое значение: он дал возможность русским отступить к Днепру.

Возвратимся к Порецкой большой дороге. Перейдя из Смоленского уезда в Духовщинский, он оставляет к западу верстах в 7 от села Сырокоренские Липки, около которых, равно как и у близлежащего села Доманова (верстах в 3 от дороги), рас-

сыпаны древние земляные городки. За Домановым верстах в 7 Порецкая большая дорога поворачивает на с.-з., а верстах в 11 далее переходит из Духовщинского уезда в Порецкий, входит в обширное лесное пространство и, сблизившись с р. Касплей, достигает в 79 верстах от Смоленска уездного города Поречья.

Реки Каспля и Гобза делят г. Поречье на три части. Лучшая часть расположена на юге от р. Гобзы; тут находятся присутственные места и собор. За Касплей расположены амбары для складов товаров, отправляемых в Ригу. Через Касплю переходят по плавучему мосту, через Гобзу — по простому. На Каспле находится пристань, сообщающаяся с Ригой. В городе торгуют пенькой, хлебом, салом, кожами и льном; здесь собирается одна ярмарка Пятницкая, начинающаяся с десятой пятницы по Пасхе, семидневная. Поречье — поселение древнее, но в актах встречается лишь в XV веке. Оно то отходило, то вновь присоединялось к Литве. В 1499 г. его заняли русские, но по перемирию оно отошло к Литве; то же случилось и при великом кн. Василие III. С 1514 по 1611 г. Поречье принадлежало Москве и подвергалось вместе с ближайшей волостью Щучьей литовским набегам. В 1554 г. Поречье было на границе с Литвой, поэтому долгое время левый берег Каспли назывался литовским. Впоследствии здесь была устроена таможня, а при имп. Елизавете — монетный двор, упраздненный в 1763 г. В 1812 г. жители Поречья явились первыми партизанами; особенно отличился среди них мещанин Минчезенов. Убытка от нашествия французов как уезд, так и город потерпели сравнительно не особенно много — до 1 $^1/_2$ млн. руб. вследствие того, что уезд остался в стороне от главного движения французов. Жителей в Поречье 6 тысяч.

Верстах в 18 к востоку от Поречья при имении Дуброве есть крахмальный завод Н.И.Милетинской. Верстах в 15 к северу от Поречья при селе Заборье имеется винокуренный завод Рачинского с производством до 10 тыс. ведер спирта в год. К с.-в. от Заборья, верстах в 28, при д. Гласковой расположен винокуренный завод Х.П.Потемкина с производством до 24 тыс. ведер в год. К западу от Поречья, верстах в 6 при д. Дубашах имеется паровая мельница И.В.Нелидова, а верстах в 8 далее по тому же направлению при им. Боярщине — паровая мельница Рачинского. Верстах в 13 к ю.-з. от Боярщины, при д. Бельской есть мельница Фетуэр. К с.-з. от Бельской, при д. Храпуны р. Касплья выходит из Порецкого уезда в Витебскую губернию, и здесь на реке имеются пороги (каменные гряды), затрудняющие судоходство по Каспле. Верстах в 8 от Поречья к ю.-з. при д. Хотьеве расположена ватная фабрика и винокуренный завод П.А. Гедеонова. За Хотьевым верстах в 13 в юго-западном направлении лежит д. Жечицы, или Жидчичи, при р. Черпейке, близ границы Витебской губернии. Деревня эта отличается своей древностью, так как упоминается в Ростиславовой грамоте XII века. К ю.— ю.-в. от Хотьева, верстах в 10, при д. Исакове расположена мельница Г.С.Кацунова.

Обращаемся к оставленной нами в Смоленске Московско-Брестской ж. д. Проехав Смоленск, мы долгое время едем по Брестской дороге почти рядом с полотном Риго-Орловской, причем Бресткая располагается к северу, а Орловская — к югу. Но близ д. Ерши полотно Бретской дороги, пересекая полотно Орловской, уходит к югу, расходясь с последним, круто поворачивающим на северо-запад. Вскоре после этого пересечения следует станция Катынь (20 верст от Смоленска), грузящая около 500 тыс. пудов преимущественно дров, и за ней почти тотчас же полустанок Вонлярово при пересечении железной дороги со Смоленско-Витебским шоссе.

Верстах в 1—2 от этих станций на Днепре и р. Катыновке расположено село Катынь с паровой мельницей В.Н.Вонлярского. И в Катыни, и в Вонлярове, в имении г. Вонлярлярского находятся заведения, изготовляющие масло и сыры; их арендуют Бландовы и Витвер. На юг от Катыни местность у д. Уфимья весьма живописна благодаря глубоким оврагам. В имении Рожанове (Рязанове), отстоящем верст на 12 к ю.-в. от Катыни, находится лесопильный завод И.М.Богданова, где работают до 20 рабочих. Около Рожанова проходит большой тракт из Смоленска в Красный, представляющий собой старую польскую дорогу — «польский шлях». В этой местности был бой в 1812 г. при отступлении великой армии, когда гр. Ожеровский атаковал неприятельский отряд и совершенно разбил его. От д. Корытни (стоящей на тракте в Краснинском уезде) прямо на юг отделяется большая дорога на г. Мстиславль Могилевской губернии. Здесь, верстах в 3—7 от Карытни в имении Григоркове находится винокуренный завод. Также прямо на юге по тракту, верстах в 6 от Григоркова расположена большая водяная мельница и спиртоочистительный завод Ю.В.Печковского при д. Осиновке. Далее, южнее по тракту, верстах в 17 от Осиновки, на р. Руже, находится самое населенное село в Краснинском уезде Досугово (750 жителей). В этом селе бывает значительная ярмарка в день Св. Духа, на которой торгуют пенькой и хлебом, пересылаемыми на Порецкую пристань. На той же р. Руже, верстах в 5 к ю.-в. от Досугова, находится селение Носково, при котором есть два завода — винокуренный Е.В.Телегиной и конный

А.И.Михайловского. Завод Телегиной дает в год 13 тысяч ведер сорокаградусного спирта. От Корытни тракт, следуя на ю.-з., направляется к г. Красному. Здесь, верстах в 12 от Корытни, тракт оставляет верстах в 7 к северу от себя на Днепре село Сырокоренье (365 жителей), около которого существует водяная мельница А.О.Кирсанова. При отступлении великой армии в 1812 г. близ Сырокоренья бродил с ничтожными и обессиленными частями своего корпуса брошенный Наполеоном на произвол судьбы бесстрашный маршал Ней, отбивался здесь от обступившего его неприятеля и благодаря туману проскользнул через ряды русских войск.

Красный, уездный город в 46 верстах от Смоленска, стоит при слиянии рек Свиной и Мереи, через которые переправляются по деревянным мостам. Местность ровная; лишь с одной стороны город ограничен неширокими, но глубокими и крутобережными долинами названных речек. Это один из весьма древних городов; в XII в. мы находим его уже существующим и тесно связанным с историей Смоленска. «Красен», как его тогда называли, в 1165 г. достался кн. Роману, племяннику великого кн. Ростислава; по-видимому, с этих пор он был удельным городом, пока не подпал под власть Литвы. Дальнейшая история его выразилась в борьбе Москвы с Литвой. Покоренный Москвой после 1514 г., он остался за Москвой по договору 1534 г., но Деулинское перемирие утвердило его за поляками. Такая же участь постигла его и в период войн царя Алексея Михайловича; взятый русскими в конце 1633 г., он по Андрусовскому перемирию остался за поляками. Все эти войны, захваты и разорения так обездолили город, что в 1667 г. мы видим его уже дворцовым селом; но сражения XVII в. не были для него последними. Красный был свидетелем еще двух сражений в 1812 г. 2 августа Наполеон дал здесь сражение Неверовскому, а 4 ноября здесь разразился страшный Краснинский бой. Отбитый от Малоярославца (12 октября), Наполеон принужден был при отступлении перейти на разоренную уже Смоленскую дорогу, однако все время держался по возможности юга, полагая при первом случае отойти от разоренного края, но Кутузов зорко стерег его, преграждая южные пути. Под Красным стояли корпуса Жюно и Зайончека, когда подошел туда Наполеон с гвардией и корпусом вице-короля Евгения, разбитым под Духовщиной. К пятому числу сюда должен был подойти со своим корпусом Даву, а к шестому — арьергард маршала Нея, выбитый из Дорогобужа. Бой четвертого числа выразился в столкновении Милорадовича, высланного Кутузовым с корпусом вице-короля Евгения, на которого напали русские, пропустив войска самого императора. Разбив неприятеля, Милорадович взял в плен до 1 ½ тыс. солдат и всю артиллерию. На другой день уже сам Наполеон атаковал главную русскую армию, но удачные движения русских частей — диверсия и тыловой натиск Милорадовича, разбившие войска маршала Даву, а также обходные движения к Красному ген. Тормасова — решили сражение. Наполеон отступил к Орше, покинув на произвол судьбы корпус Нея. Шестого числа в отчаянном ночном бою Ней пробился сквозь русскую армию при Сырокоренье. Разбитый наголову храбрый маршал спасся лишь благодаря туману. Этот трехдневный бой доставил русским до 26 тыс. пленных (из них 6 генералов), 116 пушек и почти весь обоз. В память этого боя под Красным находится чугунная колонна, подобная смоленской. Сам город в настоящее время незначителен. Торговлю ведет он главным образом с Поречьем, перепродавая туда пеньку, хлеб и другие сельские товары. Ярмарок в городе три: в день сошествия Св. Духа, продолжающаяся три дня, Петропавловская (29 июня) однодневная и также однодневная Успенская (15 августа). Церквей в городе четыре. Жителей 3 тысячи.

К западу от Красного отходит тракт на Оршу. На этом тракте, верстах в 16 от Красного, уже в Горецком уезде Могилевской губернии, на самой его границе с Краснинским уездом Смоленской расположено местечко Ляды, имеющее свыше 8 тыс. жит. (в том числе около половины — евреи). В 1772 г. оно уже было известно как бойкий торговый пункт, а в 1780 г., с 31 мая на 1 июня, здесь останавливались во время путешествия на ночлег имп. Екатерина II и имп. Иосиф II. Здесь в 1812 г. при наступлении Наполеон оттеснил отряд ген.-майора Оленина и вслед затем наступил на Красный. Русская армия находилась по другую сторону Днепра; дорогу охранял лишь незначительный отряд ген. Неверовского, который со своей пехотой отступил к Смоленску, отбиваясь от стремительных атак конницы Мюрата; этому помогла и сама дорога («Краснинский большак»), густо засаженная аллеями берез по краям и неудобная для действий конницы. На обратном пути великой армии Наполеон, разбитый под Красным, должен был здесь, по преданию, идти пешком. В прежние времена, особенно с половины XVII в. Ляды славились своими ярмарками, но ныне они незначительны. Главные предметы торга местечка — пенька, лен и пр. Верстах в 15 к ю.-з. от Ляд, также на границе Могилевской губ. со Смоленской, в пределах Горецкого уезда, расположено довольно значительное местечко Баево.

Верстах в 3 к ю. от Красного, при р. Свиной, расположено село Сорокино, небольшое по коли-

честву жителей, но имеющее важное значение по своим ярмаркам (8 июля и 1 октября). Тут же в версте находится тоже довольно значительное для Смоленской губернии село Буяново (450 жителей). На ю.-з. от Красного, верстах в 11—12, на большой дороге в Горки, недалеко от границы Могилевской губернии, находится село Зверовичи (600 жителей), в котором также есть ярмарка. Крестьяне этого села занимаются садоводством; сады их считаются лучшими во всем уезде. К ю.-в. от Красного, верстах в 15, по Мстиславской большой дороге, лежит село Палкино с конным заводом М.А.Краевского. Верстах в 6 от Палкина далее по той же дороге находится село Сусловичи, тоже достаточно крупное для этих мест (600 жителей), а за ним тоже верстах в 6 — вышеупомянутое село Досугово. К ю.-з. от Досугова идет большая дорога на местечко Татарск Могилевской губернии. Эта дорога, немного не доходя границы Могилевской губернии (верстах в 15 от Дорогобужа), оставляет верстах в 5 к западу от себя историческое село Андрусово, о котором будет сказано ниже.

Возвращаясь к железной дороге у полустанка Вонлярова, мы можем отметить, что за этой остановкой, в 13 верстах, железный путь выходит из Смоленской губернии в Могилевскую.

Покидая Краснинский уезд, скажем несколько слов для его общей характеристики. Всей земли в уезде 237 000 десятин. Местность довольно высокая, волнистая. Почва уезда супесчаная и суглинистая с подпочвенными слоями мергеля, что делает ее наиболее плодородной во всей губернии. Под реками находится в общей сложности 2152 десятины, под болотами — 2494 десятины. Площадь леса в 1892 г. была 12 031 десятина в руках крестьян, 57 391 десятина — у частных собственников, 8456 десятин — у казны и 1485 десятин — у города. Вообще же, у крестьян под пахатью 82 426 десятин, под огородами, садами и усадьбами — 5828 десятин, под лугами — 15 700 десятин, под выгонами и пастбищами — 2974 десятины. Сумма частных владений выражается в следующих цифрах: 25 755 десятин пахотной, 17 282 десятины лугов, 1756 десятин огородов, усадеб и проч., 3604 десятины выгонов и пастбищ. Главные посевы — рожь (48%), овес (28 $^1/_2$%) и ячмень (7 $^1/_2$%). Общая численность населения с городским достигает свыше 103 200; главное занятие жителей — земледелие, отчасти садоводство и маслоделие. Фабричная промышленность развита очень слабо.

Войдя в Оршанский уезд Могилевской губернии, Московско-Брестская ж. д. через 7 верст достигает станции Гусина, расположенной при впадении в Днепр р. Березины, в 23 верстах от Катыни, и грузящей до 700 тыс. пудов дров и лесных материалов. За Гусиным железный путь идет параллельно течению Днепра в очень близком расстоянии от реки и в 21 версте от Гусина достигает станции Краснаго, грузящей до 1 $^1/_2$ млн. пудов, из которых большая часть приходится на долю дров и лесных материалов.

Верстах в 17 к с.—с.-з. от станции Краснаго при большой дороге из Орши лежит местечко Любавичи, бывшее уже в 1784 г. местечком и имеющее более 2 $^1/_2$ тыс. жителей, в том числе евреев более 1 $^1/_2$ тыс. В 1812 г. здесь две недели стоял со своим корпусом французский маршал Груши. В прежнее время здесь была лучшая в губернии ярмарка (Крещенская, с 6 января по 6 февраля), на которую привозилось разного рода товаров на сумму 1 $^1/_2$ млн. руб. и съезжались не только русские купцы, но и иностранные; теперь ярмарка упала. В Любавичах две православных церкви, из которых одна каменная и три еврейских молитвенных дома. Местечко ведет мелочную торговлю и скупку хлеба и леса. Верстах в 12 к з.—ю.-з. от станции Краснаго находится местечко Росасна. Оно лежит на левом берегу р. Днепра при р. Росасинке и имеет до 1300 жителей, в том числе до 400 евреев. Местечком Росасна значится с 1772 г. В 1812 г. Росасну занимали французы; здесь из разобранных домов французы навели четыре моста через Росасинку для прохода армии. Наполеон не оставался в местечке, а поместился в шатре среди леса и провел здесь ночь с 1 на 2 августа; и ныне указывают место, где стоял шатер императора. В Росасне имеется одна православная церковь и один еврейский молитвенный дом. Торговля местечка преимущественно мелочная. Близ соседней д. Ивановщины на берегах Днепра разрабатываются известняки.

В 23 верстах за ст. Красным Московско-Брестский железный путь достигает ст. Осиновки, грузящей до $^1/_2$ млн. пудов дров и лесных материалов.

Верстах в 8—9 к югу от станции Осиновки расположено местечко Дубровна, имеющее более 8 $^1/_2$ тыс. жителей, в том числе евреев до 5 тыс. Лежит оно на левом берегу Днепра и при р. Дубровенке и Свинке, а небольшая часть местечка расположена на правом берегу Днепра. Через Дубровну шел прежде почтовый тракт из Орши на Смоленск. Дубровна известна с XVI в., когда она была уже городом и принадлежала Глебовичам, «графам на Дубровне». В 1514 г., когда русские вступили в здешний край, жители просили великого кн. московского Василия III взять их к себе на службу во время похода на Литву; после несчастного для русских сражения под Оршей Дубровна была опять присоединена к Литве. В 1535 г. Дубровна была выжжена кн. Шуйским; той же участи подверглась она в 1562, 1563 и 1580 гг. В Северную войну и

шведы, и русские проходили через Дубровну. Проходили здесь и французы в 1812 г. После Глебовичей Дубровна принадлежала Сапегам; некоторое время она принадлежала кн. Меньшикову, а затем опять Сапегам, у которых ее купил кн. Потемкин, часто навещавший Дубровну; от Потемкина Дубровна перешла к кн. Любомирским. Николай Глебович основал в 1630 г. в Дубровне костел бернардинов, но по просьбе Потемкина вместо них здесь были помещены пиары из Витебска. Кн. Любомирский удалил их и поместил ксендзов ордена латранов. В 1773 г. Дубровна была назначена уездным городом, но была таковым только до 1777 г., а с этого года стала местечком. В 1780 г. имп. Екатерина II и имп. Иосиф II проезжали 31 мая через Дубровну, где и были устроены для них триумфальные ворота. В местечке есть гора «Городок»; на ней стоит каменный, аршина 1 $^{1}/_{2}$ вышины, крест; здесь, по преданию, была некогда церковь. В Дубровне 3 церкви, почта, народное и еврейское училища, волостное правление и становая квартира. Крестьяне Дубровны занимаются земледелием, а евреи — торговлей и ремеслами, главным же образом выделкой еврейских талесов.

За Осиновкой Московско-Брестская ж.д. сближается с Петербургско-Киевским шоссе и Витебско-Жлобинской ж.д. и в 24 верстах от Осиновки достигает станции Орша, грузящей свыше 1 млн. пудов строительных материалов и много хлеба.

Орша расположена по обоим берегам Днепра и р. Оршицы, в 2 $^{1}/_{2}$ верстах от станции Орша, с которой соединена предместьями. Расположение Орши представляет прекрасную панораму со стороны еврейского кладбища, расположенного на правой, нагорной стороне р. Оршицы, откуда открывается значительное число церквей и каменных домов и вид на Днепр, протекающий между высокими берегами; берега Оршицы обсажены деревьями. Город Орша существовал уже в XII в., так как в 1116 г. кн. Вячеслав, сын Владимира Мономаха, взял «Решу и Копысь». Но еще раньше, в 1067 г., упоминается урочище «на Рши», где во время войны с киевским кн. Изяславом знаменитый «чародей» кн. Всеслав Полоцкий коварным образом был взят в плен. В половине XIII в. Орша вошла в состав Литовского государства. Русские неоднократно пытались возвратить обратно Оршу; так в 1386 г. князья смоленские овладели Оршей, но вскоре принуждены были возвратить ее Литве. В 1500 г. великий кн. литовский Александр укрепил Оршу деревянной стеной и возобновил старинный каменный замок, находившийся при ус-

Общий вид Орши из-за Днепра. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Богоявленский монастырь в г. Орше. (По фотографии Н.Н. Останковича).

тье р. Оршицы. В 1501 г. русские овладели Оршей, но по договору она была возвращена обратно. В 1508 г. русские воеводы осаждали город, но должны были отступить при появлении войск под начальством самого короля. С присоединением Смоленска в 1514 г. Орша была сделана пограничной крепостью Литвы и с этого времени подвергалась еще более частым нападениям русских, именно в 1534, 1535, 1563 и 1580 гг.; в 1564 г. русские потерпели вблизи города сильное поражение. Во время самозванцев, когда Польша принимала также деятельное участие в делах России, Орша сделалась центром сбора польско-литовских войск, отправлявшихся к Москве. В 1605 г. грамотой, данной Лжедмитрием, дозволялось русским купцам беспрепятственно производить торговлю с жителями Орши. В 1611 г. Сигизмунд III освободил ее жителей на четыре года от взноса всяких податей, а в 1620 г. город получил магдебургское право, каким пользовался Могилев; тогда же была дана городу печать с изображением креста, а ниже его — полулуния. В 1654 г. русские овладели Оршей и занимали ее до 1661 г., когда она снова была захвачена литовцами. В начале XVIII в. город терпел от передвижения войск во время Северной войны, а через сто лет, в 1812 г. 6 июля Орша была занята французами, при отступлении которых город сильно пострадал от пожара. По возвращении Белоруссии к России в 1772 г. Орша была назначена провинциальным городом Оршанской провинции, а в 1797 г. — уездным городом. План города утвержден в 1778 и 1848 г., новый герб дан в 1781 г.: «в голубом поле пять стрел, потому что сей город построен еще древними скифами, которые таковыми орудиями похвально действовали». Орша играла немалую роль и в борьбе православных против унии и католичества. В течение XVII и XVIII в. здесь возникло много католических монастырей, именно иезуитов в 1604 г., францисканцев в 1612 г., бернардинов в 1650 г., тринитаров в 1714 г., базилиан в 1774 г., кроме того, два женских — базилианский и мариавитский. Все они были упразднены в XIX в., и для католиков оставлен был только один костел. Православные со своей стороны строили храмы и монастыри. Известный ревнитель православия Стенкевич основал в 1623 г. Богоявленский мужской монастырь, а в 1631 г. им же и его матерью, рожденной кн. Огинской, был основан женский Успенский монастырь. Монастыри эти носят название Кутеинских, так как находятся на р. Кутеинке; в 1656 г. последний монастырь посетил царь Алексей Михайлович. В 1612 г. Орша состояла из двух городов — деревянного и каменного; деревянный с одной стороны был обведен деревянным острогом, с другой — прилегал к р. Днепру; каменный находился между р. Днепром и Оршицей. В списке народов литовских (Воскресенск. лет., 240) сказано: «Рша камень». Еще ныне заметны остатки валов, особенно в углу, образуемом впадением р. Оршицы в Днепр; место это известно под именем замка королевы Боны.

В настоящее время Орша делится на три части по своему топографическому положению: одна из них расположена по левую сторону Днепра, другая, лучшая, — между Днепром и Оршицей, третья — по правую сторону р. Оршицы; первые две сообщаются между собой посредством паромной переправы через Днепр, а вторая и третья — посредством поставного моста через Оршицу. В городе три православные церкви, из которых две каменные, и мужской Покровский монастырь, в котором есть одна каменная церковь; наконец, в городе расположены римско-католический каменный костел, еврейская синагога и до 10 еврейских молитвенных школ.

Несмотря на удобное местоположение (шоссе, две железные дороги, р. Днепр), Орша отличается от других уездных городов Могилевской губернии относительной бедностью своей жизни. В Орше бывает одна в году незначительная ярмарка 9 мая. Разного рода промышленных заведений в городе насчитывается более 40 с более чем 200 рабочих. Жителей в Орше до 15 тысяч, в том числе евреев свыше 7000. Доходы города достигают свыше 19 000 руб. В Орше с Московско-Брестской ж.д. пересекается недавно открытая Витебско-Жлобинская и от города начинается вниз по Днепру посто-

янное товаро-пассажирское пароходство. Пристань Орши представляется одной из самых значительных днепровских пристаней в рассматриваемой области, грузящей много хлеба и леса.

Из Орши идет на юго-восток почтовый тракт 40 верст длины в уездный город Горки. В 10 верстах от Орши, верстах в 4 к югу от тракта, остается село Пугляи, где расположен своеобразный памятник героя 1812 г. ген. Алексея Петр. Мелиссино, которому принадлежало это село. Мелиссино был убит при Дрездене и там же похоронен в общей могиле. Жена его, не найдя его тела, соорудила в пугляевской церкви памятник; здесь в особом ящике хранится все, что можно было найти после смерти храброго генерала. Верстах в 30 далее дорога достигает уездного города Горок.

Горки (или Гори-Горки), расположенные при слиянии рек Прони, Копылки и Поросицы, уже в XVII в. были местечком и состояли последовательно во владении кн. Друцких, Горских и Сапег; Казимир Сапега в 1656 г. по духовной передал Горки кн. Мирскому, от которого они перешли впоследствии к Сологубам, а потом в казну. Во время войны за Малороссию Горки были заняты русскими, а в Северную войну, в 1708 г. в окрестностях города стоял Меньшиков с войсками; здесь их осматривал Петр I. Существует предание, что Петр, будучи в Горках, читал в Георгиевской церкви «Апостол» и на книге, по которой читал, сделал об этом собственноручную подпись; этой книги, однако, не сохранилось. После поражения Левенгаупта под Лесной Карл XII окопался в местечке Горы, в 14 верстах от Горок, и ждал известий от Мазепы; окоп существует и поныне. В 1812 г. через Горки проходили французские отряды. В 1861 г. местечко Горки было сделано уездным городом вместо г. Копыси, который оставлен заштатным, причем в составе нового уезда были отведены части уездов Могилевского, Оршанского и Копысского. В 1863 г. польские мятежники под начальством Топора вторглись в город в ночь на 23 и 24 апреля, разграбили казначейство, сожгли 52 обывательских дома и убили 12 солдат местной команды. В Горках существовал Гори-Горецкий земледельческий институт с правами высшего учебного заведения; вследствие принятого студентами участия в мятеже институт в 1864 г. был закрыт в Горках. В настоящее время здесь есть земледельческое училище, оно обладает учебной фермой, механическим заводом для изготовления земледельческих машин и орудий, конным заводом, фруктовым садом и старинным парком с превосходными липовыми аллеями. Здесь же имеются таксаторские классы. Церквей православных в городе четыре (из которых 2 каменные), еврейских молитвенных домов семь. Жителей около 7000, в том числе евреев до 2 ½ тыс. Разного рода промышленных заведений в городе насчитывается около 30 с более чем 120 рабочими. Доходы города достигают 6 ½ тыс. руб.

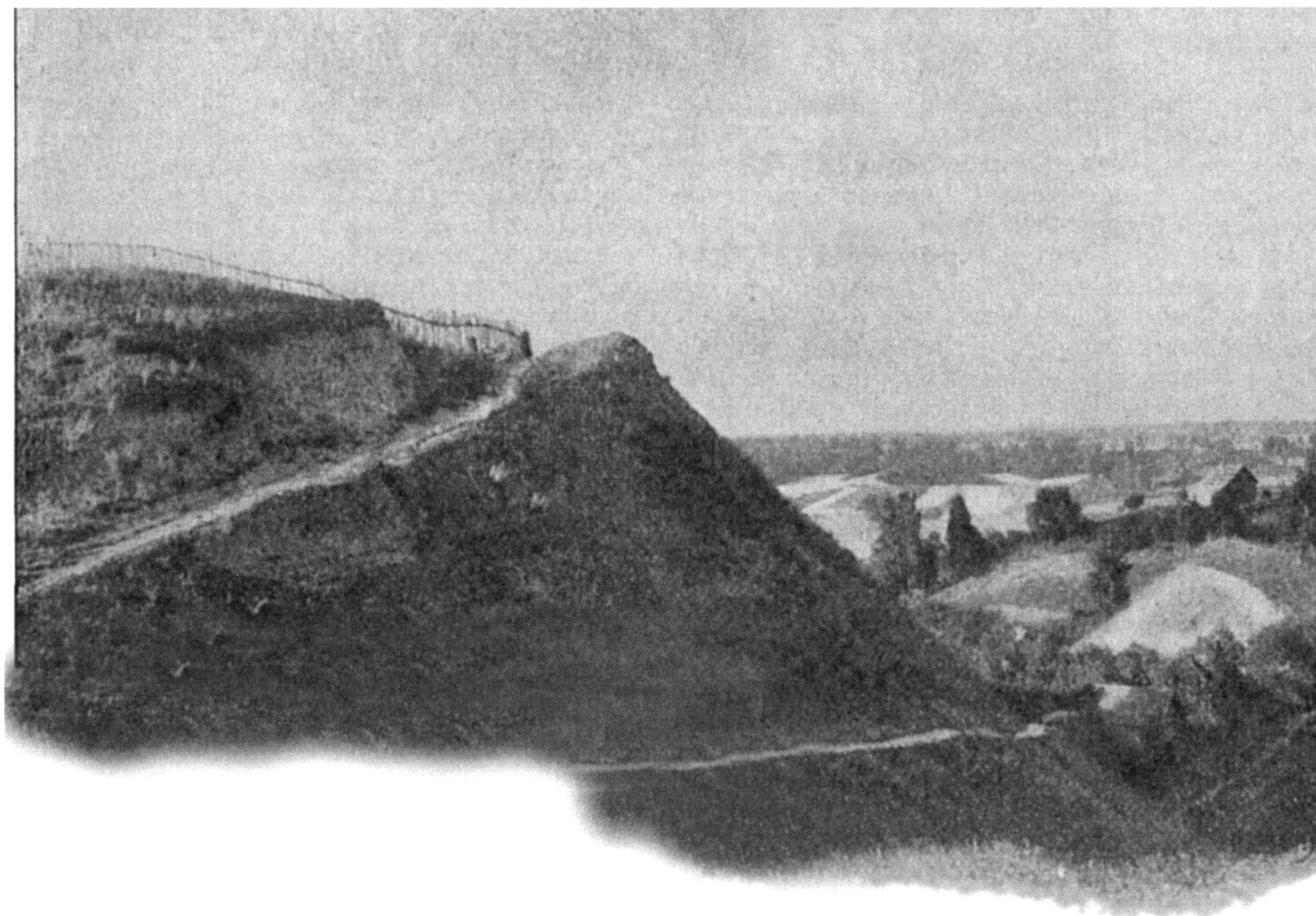
Покровский монастырь в г. Орше. (По фотографии Н.Н. Останковича).

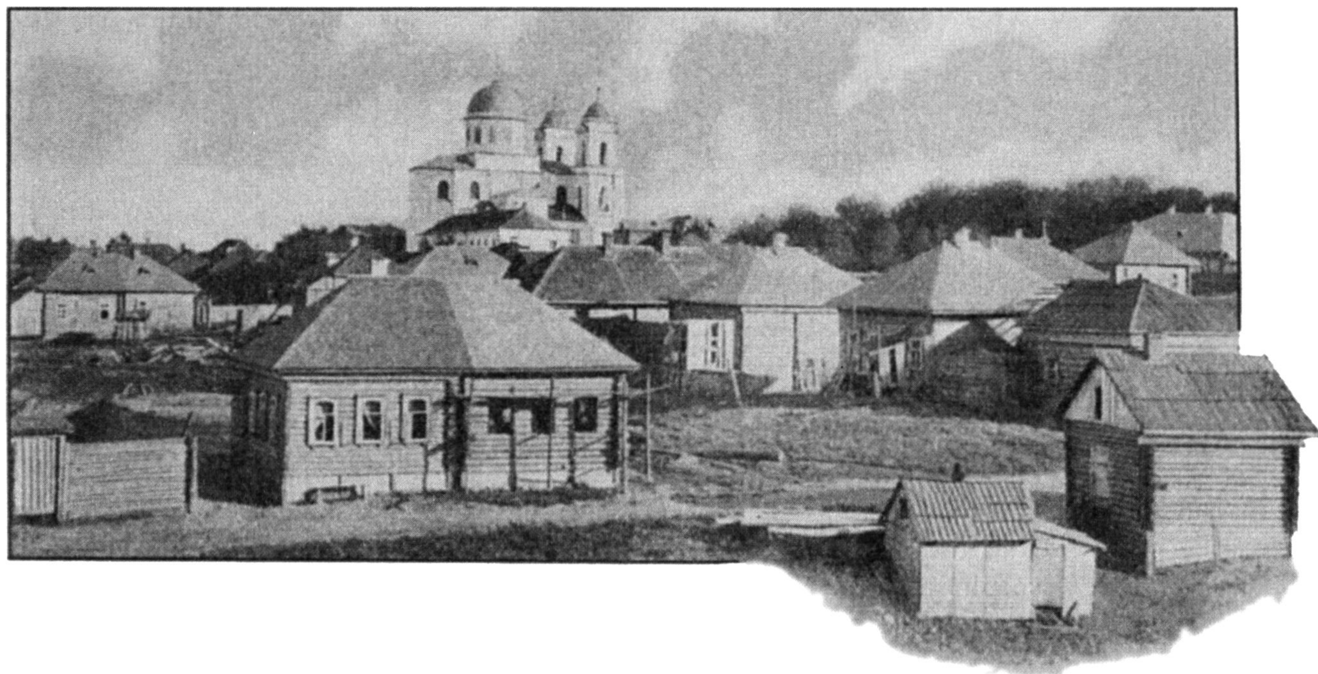
К югу от Горок, верстах в 20, при р. Проне и речке Голыше, в Чаусском уезде, расположено местечко Дрибин, имеющее до 1200 жителей, в том числе до 900 евреев. В 1784 г. Дрибин показан в числе местечек. Местные крестьяне выделывают печные изразцы и разную деревянную посуду; но главный их промысел — шерстобитство или шаповальство; хорошо разработан их условный язык «катрушницкий лемезень». Евреи ведут мелочной торг. В местечке есть православная церковь и два еврейских молитвенных дома, народное училище и волостное правление. К юго-востоку от Дрибина, верстах в 13—14, при р. Вербовке, на бывшем почтовом тракте из Могилева в Мстиславль расположено местечко Рясна, имеющее свыше тысячи жителей, в том числе более половины евреев. Рясна сделалась известной с 1335 г., когда она была сожжена русскими войсками. В 1430 г. Рясна была причислена к владениям великого кн. Свидригайлы. В 1499 г. король Александр утвердил Рясну в числе прочих владений за кн. Михаилом Жеславским, принявшим титул кн. Мстиславского. В начале XVI в. Рясна была сделана поветовым городом Мстиславского княжества. Во время Северной войны, в 1708 г., здесь стояли русские войска. В

XVIII в. здесь была учреждена иезуитская миссия с фундушем гр. Поцея. В 1863 г. польские инсургенты под начальством Топора были в местечке и сожгли все дела и бумаги. В Рясне есть православная каменная церковь и каменный костел, еврейская синагога и молитвенный дом, народное училище, волостное правление и почтовое отделение. В 12 верстах от Рясны на юго-запад находится Радомль, или Радомля, когда-то довольно большой город; полагают, что Радомль был в древности столицей радимичей, сидевших по берегам Сожа и его притокам. В начале XVI в. Радомль, принадлежавший к княжеству Мстиславскому, отдан был кн. М.И.Мстиславским сыну Федору. В Радомле есть очень древнее городище.

К северо-востоку от Горок, в 16 верстах, при р. Мерее и ручье Людном, лежит местечко Романово, имеющее более 1 тыс. жит., в том числе евреев свыше 800. Здесь находится каменный крест с надписью «Борис»; одни (кн. Дондуков-Корсаков) относят его к XII в., другие (г. Романов) на основании правописания «Барис» думают, что он позднейшего времени. В местечке есть одна каменная православная церковь и один еврейский молитвенный дом, два народных училища, волостное правление и почтовое отделение. Торговля местечка носит главным образом мелочной характер. К северу от Романова, верстах в 8—9, около границы Смоленской губернии, лежит небольшое местечко Баево.

За Горками почтовая дорога продолжается в юго-восточном направлении на г. Мстиславль и, перейдя тотчас за Горками в Чаусский уезд, верстах в 14 от Горок, достигает местечка Гор, расположенного при речке Быстрой и имеющего менее тысячи жителей, большей частью евреев. Местечко это известно с начала XVI в. Оно принадлежало к Ряснинскому повету и в 1508 г. по грамоте кн. Михаила Ивановича Мстиславского было причислено к существовавшему здесь монастырю Никольскому-Нагорному. На окраине местечка находится высокий квадратный редут, вершина которого покрыта липовой аллеей; по преданию, здесь был укрепленный лагерь Петра I в 1708 г.; сохранились здесь и остатки каменного фундамента. Жители местечка ведут мелочную торговлю. В Горах есть две православных церкви, еврейская молитвенная школа, училище и волостное правление.

положено село Шавнево. При раскопке городища здесь был найден серебряный клад великокняжеской эпохи (серьги, пряжки, браслеты и гривны византийской работы); часть их в настоящее время хранится в Московском историческом музее, куда доставлена г. Романовым. Оставив за собой местечко Горы, вышеупомянутая почтовая дорога входит в пределы Мстиславского уезда. Здесь она проходит в 5 верстах от известной в археологическом отношении д. Студенок, где были найдены серебряные рубли — слитки времен Владимира Святого.

В Мстиславском уезде, верстах в 13—14 от Гор, на рассматриваемом почтовом тракте, находится небольшое местечко Шамово. К северо-востоку отсюда, верстах в 15, на границе Смоленской губернии, расположено местечко Татарск на речке Городне, имеющее более 1 $^{1}/_{2}$ тыс. жителей, в том числе евреев более 1 тыс. По местному преданию, Татарск получил свое название от происходившего здесь некогда сражения с татарами; около местечка находятся курганы. Жители местечка занимаются скупкой хлеба и льна, а также и мелочной торговлей. В Татарске есть церковно-приходская школа и почтовое отделение. На северо-запад от Татарска, верстах в 8, вниз по течению той же речки Городни, на границе Смоленской губернии, расположено небольшое местечко Кадино, а в 2 верстах к востоку от местечка Кадина, в пределах Краснинского уезда Смоленской губернии, лежит историческое село Андрусово, где было в 1667 г. заключено известным московским дипломатом боярином Ордын-Нащокиным знаменитое перемирие. Собственно переговоры начались 30 апреля 1666 г. Полномочный посол московский окольничий Афеан Лаврент, Ордын-Нащокин с товарищами дворянином Богданом Нащокиным и дьяком Григорием Богдановым съехались в Андрусове с польскими комиссарами Юрием Глебовичем, старостой жмудским и их товарищами. Несмотря на уступки поляков (Смоленска и Динабурга), несмотря на прекращение действий на всей военной линии, мир, как это выяснилось 18 июня, заключить было невозможно, вследствие чего стали вести переговоры лишь о перемирии, но и это долго не удавалось. Царь уступал Полоцк и Витебск, но твердо стоял за Динабург и Малую Лифляндию. Поляки не уступали Украины. Наконец, на тридцать первом съезде послов 13 января 1767 г. было заключено перемирие на 13 лет. Этому сильно помогли и движение войск гетмана Дорошенко, и щедрые подкупы московского правительства. Порешили на следующем: к королю отходили Витебск и Полоцк с несколькими уездами, Динабург, вся Ливония, Украина по западной стороне Днепра, а через два года и Киев. Смоленское воеводство, равно как Черниговское и вся правобережная Украина, отходили к царю. Запорожцы становились под покровительство и Москвы, и Польши. Но по существу своему, перемирие это важно было не столько своими территориальными уступками Польше, сколько своим гравственным значением. Польша как опасная соперница Москвы перестала существовать. «Андрусовское перемирие, —говорит С.М.Соловьев, — было полным успокоением, совершенным «докончанием». Россия покон-

чила с Польшей, перестала ее бояться... Таким образом, Андрусовское перемирие служит также одной из граней между древней и новой Россией»[1].

Возвращаемся к Шамову. В 30 верстах от этого местечка лежит уездный город Мстиславль, расположенный на правом берегу р. Вехры. Мстиславль показан в числе городов Смоленского княжества уже в уставной грамоте кн. Ростислава Мстиславича 30 сент. 1150 г.; город обязан был вносить дань лисицами. В 1156 г., когда князья черниговские составили союз против Юрия Долгорукого, Изяслав Давидович «стояще у Мстиславля сътвориша мир с сыновьями своими». В 1180 г. Мстиславль являлся столицей удельного княжества; первым его удельным князем был Мстислав Романович, который, по летописи, будто бы построил Мстиславль и назвал его по своему имени; вероятно, в это время город был лишь укреплен валами. В 1196 г. кн. Мстислав Романович, сделавшись смоленским князем, присоединил к Смоленскому княжеству и свой Мстиславский удел. В 1359 г. Мстиславлем овладел великий кн. литовский Ольгерд, а в 1377 г. Мстиславль достался в удел сыну Ольгерда Лугвению Семену, родоначальнику князей Мстиславских, угасших в XVII в. Попытка смоленских князей в 1386 г. возвратить обратно Мстиславль осталась без всякого успеха. В состав Мстиславского княжества входили нынешний Мстиславский уезд, часть Чериковского и большая часть Чаусского. По смерти Лугвения Семена Мстиславское княжество перешло к его сыну Юрию, а затем к сыну Юрия — Ивану, оставившему после себя двух дочерей, одна из которых вышла за кн. Михаила Жеславского (Заславского); за ними грамотой короля в 1499 г. были утверждены и удел Мстиславский, и титул кн. Мстиславских. От этого брака произошли два сына Василий и Федор; первый умер еще при жизни отца, а второй в 1526 г. отъехал в Москву, где внук его кн. Федор Иванович играл важную роль при царе Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. Князь Михаил в 1527 г. усыновил польского королевича Сигизмунда, впоследствии короля Сигинзмунда Августа, которому по смерти Михаила и достался Мстиславский удел. В 1528 г. Мстиславль поступил в число королевских волостей и управлялся старостами, а в 1569 г. был сделан главным городом Мстиславского воеводства. В 1634 г. королем Владиславом IV дано было Мстиславлю магде-

Общий вид Мстиславля с Троицкой горы. (По фотографии Н.Н. Останковича).

[1] Соловьев. «История России с древ. вр.», III.

ним щита. В 1654 г. царь Алексей Михайлович овладел всей Белоруссией; Мстиславль был взят Трубецким, который при этом «многих польских и литовских людей в том городе побил и живых поймал»; эту сечу предание отметило именем «Трубецкой резни», а потомки граждан, уцелевших от нее, до сих пор слывут в народе «недосеками». Царь Алексей Михайлович принял титул кн. Мстиславского. В 1661 г. поляки опять овладели Мстиславлем. В 1772 г. после первого раздела Польши Мстиславль был назначен провинциальным городом Могилевской губернии; в 1776 г. староство Мстиславля было пожаловано смоленскому наместнику, а в 1777 г. Мстиславль был назначен уездным городом. В 1787 г. 18 января в 7 час. утра город посетила имп. Екатерина II во время путешествия в Тавриду; к ее приезду был выстроен деревянный дворец (сгоревший в 1858 г.). Могилевский архиепископ Георгий Конисский приветствовал здесь императрицу своей известной речью. План города утвержден в 1778 г., а герб дан в 1781 г.; в гербе изображена лисица, «каковыми зверьми окрестности сего города весьма изобилуют». Наиболее укреплена была северо-восточная сторона Мстиславля; в некоторых местах укрепления и до сих пор хорошо сохранились; в особенности обращают на себя внимание «Замок» и «Девичья гора». «Замок» находится вблизи римско-католического костела, отделяясь от него, а также от Троицкой и Кладбищенской гор весьма широкими и глубокими рвами; это — земляная насыпь круглой формы и больших размеров, на вершине которой устроена тоже круглой формы площадь, обнесенная по окраинам небольшим земляным валом вышиной в 3 аршина. «Девичья гора», или «Городок», расположенная на восток от замка, в полуверстном расстоянии от него, состоит тоже из земляной, круглой формы насыпи, но гораздо меньших размеров. «Нетрудно, — говорит г. Голубовский, — под именем Девьяго городка открыть скрывающийся Дивий город — место священное: недаром тут явился в христианскую эпоху св. Илья, заменивший собою старого Перуна». Кроме того, около города, на пространстве 10 верст, тянется природный ров, носящий название «Телячий Ров», окаймляющий южную часть нынешней загородной части и упи-

рающийся в р. Вехру с западной стороны. Предание говорит, что Мстиславль имел когда-то более 30 тыс. жителей, а сам городок простирался до сказанного рва. Достоверно известно, что прежде здесь было значительно больше церквей; ныне нет упоминаемых в актах церквей Ильинской, Никольской, Преображенской, Богословской и Афанасьевской, нет и римско-католических монастырей бернардинского и кармелитского. Теперь город вместе с принадлежащими к нему слободами Форштадтской, Заречной и Пословской простирается в длину на 2 $^1/_2$ версты, а в ширину на 1 $^1/_2$ версты. Мстиславль часто терпел от пожаров; особенно гибельны были пожары в 1858 и 1863 г. Церквей православных в городе 7 (из них три каменные), римско-католический каменный костел (здесь возле хор находится картина, изображающая взятие Мстиславля Трубецким), еврейская каменная синагога и 9 еврейских молитвенных домов. Из деревянных церквей особенно интересна церковь бывшего Тупичевского монастыря, построенная еще в 1641 г. Тупичевский Свято-Духовской монастырь был основан в конце XVI в. Такое название монастыря произошло от урочища Тупичевщины, где еще раньше был построен храм на месте явления иконы Божьей Матери, находящейся и поныне в этом монастыре. Мстиславль исстари славился особым промыслом, известным под именем кубрачества, т. е. хождения по России с просительными книжками для сбора подаяния на церкви («грош в ящик, пятак за сапог»). В 1780 г. в Мстиславле насчитывалось 858 жителей (купцов и мещан) и 521 еврей; церквей православных было 6, униатская 1, православный монастырь, католические монастыри бернардинов и кармелитов, иезуитская коллегия, еврейская молитвенная школа, домов 683 (118 еврейских). В настоящее время в Мстиславле жителей около 10 $^1/_2$ тысяч, в том числе евреев более 6 тысяч. Разного рода промышленных заведений в городе насчитывается 18 с 35 рабочими. Доходы города превышают 13 тыс. руб.

Верстах в 8 от Мстиславля к северу находится Пустынский Успенский монастырь, основанный в 1380 г. родоначальником князей мстиславльских Лугвением Семеном Ольгердовичем. По той же дороге, верстах в 27 дальше, на границе Смоленской губернии, расположено небольшое местечко Монастырщина.

Возвращаемся к Московско-Брестской ж.д., оставленной нами в Орше. За Оршей в 22 верстах железный путь достигает ст. Коханова, грузящей до 800 тыс. пудов, из них дров и лесных материалов 600 тыс. пудов и хлеба 200 тыс. пудов. Лежащее тут же одноименное местечко расположено при р. Соколянке и на почтовом тракте из Орши в Сенно. Коханово имеет около 1200 жителей, в том числе около 800 евреев. В местечке есть православная церковь, еврейская молитвенная школа, народное училище, сельская лечебница, становая квартира, почтово-телеграфное отделение и волостное правление. Коханово скупает много хлеба и леса, а также ведет торг предметами первой необходимости.

В 8 верстах к востоку от Коханова, у д. Дятловки, расположенной около полотна железной дороги, в стороне от почтовой дороги, в 1792 г. был найден большой камень округлой формы, немного выпуклый, имеющий в длину 4 аршина 8 вершков и в ширину 3 аршина 11 вершков. Во всю длину камня высечен шестиконечный крест и вокруг него крупными славянскими буквами надпись: «В лето 6679 (1171) мая, в 7-й день доспен кресть сий: Господи! Помози рабу своему Василию в крещении, именем Рогволоду, сыну Борисову» (кн. Рогволод некоторое время княжил в Полоцке). Над этим древним памятником в 1803 г. построена крестьянами деревянная церковь во имя св. Бориса и Глеба. К юго-востоку от Коханова, верстах в 6, расположена д. Голошевка. Здесь имеется древний каменный крест близ озера и много курганов, в которых находят бронзовые литовские головные уборы.

К северу-западу от Коханова идет почтовый тракт длины верст 40 на г. Сенно. По этому тракту верстах в 15 от Коханова расположено местечко Обольцы при р. Оболянке, имеющее свыше 700 жителей, в том числе более половины евреев. По всей вероятности город «Облче», помещенный в перечне литовских городов в Воскресенской летописи, и есть теперешнее местечко Обольцы. В 1387 г. король Ягайло основал здесь первый в Белоруссии костел; костел этот, перестроенный в 1809 г., существует в настоящее время не в местечке, а в одной версте от него, в селе Старые Обольцы. В 1430 г. Обольцы значились в числе литовских городов. В XVI в. король Сигизмунд Август дал Обольцы вместе с соседними смольянами бежавшему из Москвы кн. Андрею Курбскому, который уступил их Сангушке. В Обольцах имеется православная церковь, еврейский молитвенный дом, школа грамоты и почтовое отделение. Местечко ведет по преимуществу мелочную торговлю. Верстах в 14 к востоку от Обольцев лежит местечко Смольяны, имеющее свыше 2 $^1/_2$ тыс. жителей (в том числе до 2 тыс. евреев), известное с конца XV в. как вотчина кн. Бельских; в 1501 г. король Александр подарил Смольяны своей супруге Елене Ивановне, в 1522 г. Смольяны были отданы кн. Константину Острожскому, а после — кн. Курбскому, бежавшему в Литву. Курбский, не желая жить близ русских границ, променял Смольяны на Ковель Сангушке. Позднее здесь жила некоторое

время королева Бона, замок которой был разрушен русскими во время Северной войны в 1708 г., следы замка видны еще близ костела. Местечком Смольяны состоит с 1678 г. по привилегии королевы Боны. Здесь есть 2 православные церкви, костел, народное училище, сельскохозяйственная и церковноприходская школы, лечебница и почтовое отделение. Смольяны ведут скупку хлеба и леса, а также мелочную торговлю.

За Обольцами тракт переходит в Сенненский уезд и верстах в 23 от них достигает уездного города Сенно (иначе Сенной и Сенное). Этот город расположен при оз. Сенно, на впадающей в него небольшой безыменной речке. Время основания Сенна неизвестно, однако он принадлежит к числу старинных городов. Все сведения о нем ограничиваются лишь тем, что в XVI в. он не раз подвергался разорениям от русских, особенно же в 1535 г. от воеводы кн. Горбатого. В 1773 г. местечко Сенно (Сенное) было назначено уездным городом. В 1780 г. Сенно посетила имп. Екатерина II, «Дорога между Сенною и Шкловом, — писала императрица, — местами очень живописна и похожа на английский парк». План города утвержден в 1778 г., а в 1781 г. дан герб: «в зеленом поле две золотые косы в знак изобилия сеном, от которого сей город и название свое получил». В 1803 г. в городе существовали францисканский каменный монастырь и при нем училище, а также православная деревянная церковь во имя пророка Илии; жителей числилось 860 мужского пола (евреев 480), домов — до 600, большей частью деревянных, ветхих. В настоящее время разного рода промышленных заведений в городе насчитывается 6 с 12 рабочими; жителей свыше 2200, в том числе евреев около 2000 чел. Доходы города достигают более 2600 руб. в год. В г. Сенно есть две православные церкви (из которых одна каменная) и римско-католический костел, в котором находятся мощи св. Фортуната, перенесенные из Рима в 1772 г. по ходатайству кн. Огинских.

В 19 в. станцией Коханово Московско-Брестская ж.д. достигает станции Толочин и затем переходит из Оршанского в Сенненский уезд. Станция Толочин грузит до 800 тыс. пудов лесных материалов и до 200 тыс. пудов хлеба. Расположенное близ станции местечко Старый или Русский Толочин, имеющее до 1800 жителей (в том числе евреев до 1300), существовало уже в половине XV в. (упоминается в 1433 г.). В XVII в. Толочин принадлежал Сапегам, от которых перешел к Шемиотам. Лев Сапега в 1604 г. основал здесь костел, школу и больницу для бедных. Во время войны за Малороссию Толочин неоднократно был занимаем русскими войсками. В 1783 г. в нем была учреждена таможня. В 1812 г. при отступлении французов ген. Карпов взял здесь 600 человек пленных. Базилиане в начале XIX в. (1804—07 гг.) имели здесь уездное училище, для которого в их монастыре содержалось пять монахов. В местечке есть каменная православная церковь, каменный костел, четыре еврейских молитвенных дома, становая квартира, два волостных правления, два народных училища и почтово-телеграфное отделение. Толочин бойко торгует хлебом и лесом.

Верстах в 7—8 к югу от Толочина расположено в Могилевском уезде, на правом берегу р. Друти, местечко Друцк, имеющее до 300 жителей (в том числе более 50 евреев). Это один из древнейших белорусских городов. В летописи Друцк упоминается с конца XI в., именно в 1092 г., по поводу чудесных явлений в Полоцке: «се же знаменье поча быти от Дрьютьска». Упоминается он и в поучении Владимира Мономаха. Сначала он принадлежал к Полоцкому княжеству, потом к Минскому, а некоторое время составлял особый удел. Друцк был главным невольничьим рынком в Белоруссии. В 1116 г. сыновья Владимира Мономаха князья Давид и Ярополк разорили Друцк, взяли в плен жителей и поселили их в новопостроенном г. Желни. Но Друцк вскоре оправился. В 1158 г. здесь княжил Глеб Ростиславич, к которому бежал из Полоцка Рогволод Борисович. В 1180 г. город был снова выжжен кн. Святославом Черниговским, которому помогали новгородцы. В конце XII в. Друцк, борясь с главными городами земли Полоцкой, подчинился протекторату князей смоленских. В половине XIII в. Друцк был завоеван литовцами; однако в нем были еще и свои князья (например, в 1340 г. кн. Иван), владевшие Друцком до 1508 г., когда три брата, кн. Друцкие, отъехали в Москву. С тех пор княжеский дом разделился на две линии: Друцких-Соколинских (от им. Сокольня, в 20 верстах от Друцка) и Друцких-Любецких (от Любеча Гродненского). Друцк и его окрестности часто были разоряемы, например, в 1509, 1514, 1524, 1535 гг. и др. В настоящее время это бедное и малолюдное местечко. Следы земляного вала и глубокого рва сохранились до сих пор на острове озера, через которое протекает р. Друть. Здесь же находится величайшее в Белоруссии городище. В Друцке ныне имеется одна православная церковь с церковно-приходской школой и еврейский молитвенный дом. Местечко ведет незначительную мелочную торговлю.

К югу от Друцка, верстах в 11, на р. Друти, находится небольшое местечко Круглое, а верст 9 далее, на правом берегу р. Друти, лежит местечко Тетерин, имеющее до 1900 жителей (в том числе евреев до 500 чел.). Упоминается Тетерин в числе городов еще в

XVI в. В 1430 г. он был причислен к владениям великого кн. Свидригайлы при возведении его на литовский престол, а в 1501 г. записан в пожизненное владение за кн. Еленой Ивановной. По преданию, в 1708 г. шведские войска разрушили мост через Друть и уничтожили плотину, носящую и ныне название «Шведской». По присоединении Белоруссии к России местечко это было конфисковано и отдано гр. Салтыкову. В самом местечке есть старинное городище. В Тетерине имеется православная церковь, еврейский молитвенный дом, волостное правление и народное училище. Торговля местечка преимущественно мелочная. В окрестностях Тетерина есть два железистых источника.

К западу от Тетерина верстах в 13 находится местечко Шепелевичи, лежащее на р. Ослице и имеющее свыше 900 жителей (в том числе до 150 евреев). Известны Шепелевичи с 1655 г., когда здесь проходили войска гетмана Радзивилла. В Шепелевичах есть церковь. Местечко ведет небольшую мелочную торговлю. К юго-западу от местечка, верстах в двух, находится оз. Хитемля, имеющее в окружности 1 $^{1}/_{2}$ версты, вода которого считается целебной, помогающей от накожных сыпей и золотухи. К северо-западу от Толочина идет большая дорога в Сенненский уезд. Верстах в 10 от Толочина, на этой дороге, находится село Плоское, при котором разрабатываются местные выходы известняков. Верстах в 12 за Плоским, на той же дороге расположено небольшое местечко Овчуга, а верст 13 далее — местечко Черея при оз. Черее, имеющее до 1900 жителей (в том числе евреев до 1500). Известность этого местечка, некогда столицы Черейского княжества, начинается с XV в.; она принадлежала кн. Пеструцким, из которых кн. Михаил Иванович в 1433 г. был утоплен в Витебске великим кн. Свидригайлой. Пеструцкие основали близ Череи в 1454 г. мужской монастырь, известный под именем Белоцерковского. Лев Сапега, которому досталась по наследству Черея, возобновил монастырь в 1599 г., построил в нем каменную церковь и обеспечил содержание монастыря; монастырь был упразднен и обращен в приходскую церковь в 1834 г. На острове Черейского озера некогда был базилианский монастырь. В 1708 г. здесь была зимняя квартира Меньшикова. В 1812 г. Черея была занята в течение шести месяцев французскими войсками. В местечке две православные церкви, из которых одна каменная, римско-католический костел, еврейская молитвенная школа, церковно-приходская школа, становая квартира и почтово-телеграфное отделение. Черея ведет преимущественно мелочную торговлю.

Верстах в 12 далее по тому же тракту расположено местечко Лукомль на р. Лукомле, в 2 верстах от Лукомльского озера, имеющего в окружности до 50 верст. Местечко имеет до 1300 жителей, в том числе до 700 евреев. Лукомль известен с конца XI века: Владимир Мономах сжег его в 1078 г. в отмщение знаменитому «чародею» — полоцкому князю Всеславу. В XIV и XV вв. Лукомль играл важную роль в усобицах потомков Гедимина; в эту пору он был укрепленным замком: в 1386 г. кн. Андрей Ольгердович мог овладеть им только после долгой осады и отчаянного штурма. Впоследствии Лукомль был столицей особого удела; из князей его упоминается в летописях кн. Иван; он дал клятву королю Казимиру убить или отравить великого кн. московского Ивана III, прибыл с этой целью в Москву и поступил на службу к великому князю; но умысел его был раскрыт, и кн. Иван Лукомльский был сожжен в клетке на берегу р. Москвы. В 1563 г. русские войска почти совершенно уничтожили город и увели множество жителей в плен. В 1708 г. здесь зимовали русские войска. В 1812 г. Лукомль пострадал от проходивших здесь французских войск. Местечком Лукомль состоит с 1784 г. В местечке видны следы замка, а в окрестностях — курганы. В Лукомле имеется православная деревянная церковь, упраздненный католический костел, еврейский молитвенный дом, народное училище и волостное правление. Местечко ведет незначительную мелочную торговлю.

В 22 верстах от Толочина на Московско-Брестской ж.д. около границы Смоленского и Минского уездов расположена станция Славяны (верст 6 проезжая одноименное селение), грузящая до 100 тыс. пудов хлеба и до 400 тыс. пудов лесных материалов. Далее, верстах в 12 от станции Славяны, железный путь при платформе Бобр оставляет верстах в 4 к северу село Бобр, а в 24 верстах от Славян достигает расположенного при р. Бобр, на границе Минской губернии и при бывшем Минском почтовом тракте местечка Крупки, имеющего до 800 жителей (в том числе большую часть составляют евреи). Станция Крупки грузит свыше 200 тыс. пудов главным образом лесных материалов и дров и отчасти хлебных грузов. В XVII в. Крупки принадлежали кн. Сангушкам и тогда уже считались местечком. В 1686 г. княгиня Феодора Сангушко подтвердила прежние права евреев на пользование землей без платы чинша и на учреждение торга. В Крупках есть православная церковь, 3 еврейские молитвенные школы, церковно-приходская школа и почтово-телеграфное отделение. Местечко ведет по преимуществу мелочную торговлю.

За Крупками Московско-Брестская железная дорога переходит в Борисовский уезд Минской губернии, где в 15 верстах от Крупок достигает стан-

ции Бояры или Приямина, грузящей до 250 тыс. пудов большей частью дров и лесных материалов.

В 4 верстах к северо-западу от нее, при старой Борисово-Оршанской дороге, лежит довольно большое село Лошница (130 дворов) с гористыми окрестностями, еще в недавнее время очень богатыми лесами. В селе на крутой горке возвышается небольшая красивая Михайловская церковь, построенная в 1816 г. О происхождении села Лошницы исторических сведений нет. «Самое древнее событие», — говорит П.Шпилевский в своем путешествии по Полесью и Белорусскому краю,[1] — «совпадающее с историей появления Лошницы, местное предание возводит к концу XIV или к началу XV века, именно ко времени княжения Витовта. Говорят, будто какой-то древний князь Вит (а по другим Виток) проходил многочисленным войском через леса нынешней Лошницы и, будучи застигнут во время ночи сильной бурей, велел воинам расчистить лес и устроить ночлег на высокой горе близ ручья, и будто воины вырыли на верхушке горы яму, обложили ее кожами и таким образом устроили для Вита ложе (постель), в память чего гору назвали Ложницей, а ручей или речку Ложей». Лошницкие старожилы указывают место ночлега или ложа близ р. Лоши, на горе, лежащей за кладбищем, которая до сих пор называется Витогорьем. Таким образом, Шпилевский, отождествляя слово Вит с Витовтом, приходит к заключению, что предание о походе Вита или Витовта не противоречит историческим данным, так как известно, что Витовт в конце XIV в. предпринял поход из Вильны в Оршу против кн. Свидригайлы, и что поход этот не мог быть сделан иначе, как через земли Борисовского уезда; кроме того, вблизи поселений Начи и Крупки сохранились следы старой дороги, называемой «Витовкой», а недалеко от дер. Массалаи, принадлежавшей Л.Радзивиллу, сохранился небольшой колодезь, известный в народе под именем «Витоваго» колодезя. Этот поход Витовта, а равным образом названия «Витовка» и «Витовский» колодезь наводят на мысль, что действительно была какая-то связь между селом Лошницей и Витовтом, причем возникает вопрос, существовала ли Лошница до княжения Витовта, или появилась позже, и кто был ее основателем; вероятнее всего полагать, что здесь за много лет, а может быть и за несколько столетий существовали уже поселения и притом поселения эти были славяно-русские, что видно не только из названия «Лошница» и других ближайших поселений со славяно-русским названием, как Логойск, Нача и пр., но и из того еще, что ни здешняя религия, ни язык, ни нравы, ни народные поверья ничего не имеют общего с тем же Литвы и Польши, а навязанная позже уния была отвергнута жителями Лошницы и других поселений Борисовского уезда значительно раньше, чем в других землях Западной Руси. Затем, что касается названия села Лошницы, то Шпилевский все же полагает, что слово это произошло не от слова «ложе», сохранившегося в предании, а от белорусского слова «лоша», т. е. лось, что очень правдоподобно, так как в местности, где находится Лошница, водились кроме других зверей в громадном количестве лоси. Наконец, собственно исторические данные относительно Лошницы появляются только в XVI—XVII вв.: в 1618 г. село принадлежало Льву Радзивиллу, а из грамоты короля Сигизмунда, данной в 1627 г., видно, что Лошница была местечком и даже городом, в котором производилась торговля по субботам. В 1812 г. Лошница была свидетелем отступления французской армии к Борисову 25 ноября; здесь была квартира Наполеона, и по настоящее время указывают место, где он ночевал.

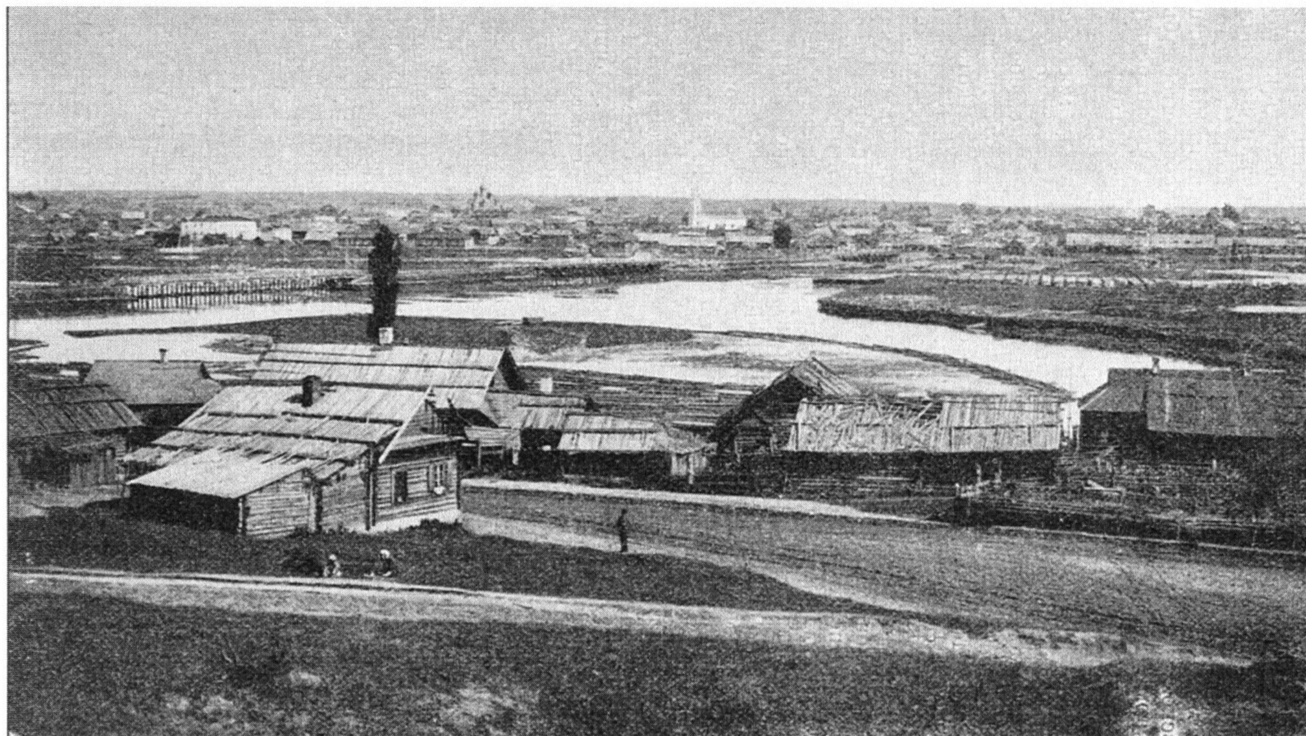
Верстах в 7 от села Лошницы на север, по дороге из Лошницы в Холопеничи, раскинуто село Ратутичи с бывшей униатской деревянной Покровской церковью, построенной в 1784 г. помещиком Гузовским. Окрестности села лесисты, лугов имеется в изобилии. На северо-востоке от Ратутичей, верстах в 20, у границы Могилевской губернии, расположено небольшое местечко Холопеничи с Успенской деревянной церковью, построенной в 1828 году гр. Хрептовичем. Местечко это сделалось известным с конца XVII в. В 1703 г. владельцем Марцианом Халецким были построены здесь деревянный костел и каменный монастырь для доминиканцев. От Халецких оно перешло к гр. Хрептовичам. Гр. Иоаким Хрептович, известный подканцлер Великого княжества Литовского, в 1783 г. предоставил местечку много всевозможных льгот, и с этого времени оно начало быстро заселяться, но отсутствие сплавных рек и хороших путей сообщения мешало развитию его, и Холопеничи никогда не процветали; впрочем, после первого раздела Польши, когда Белоруссия отошла к России, Холопеничи до 1793 г. были местом сеймиковых собраний шляхты из оставшейся при Польше части Оршанского и Брацлавского уездов. Это обстоятельство несколько подняло местечко, но ненадолго; после второго раздела местечко упало. В окрестностях местечка много гор; между ними славится Золотая гора. Далее на северо-запад, верстах в 13 от местечка Холопенич, у р. Ессы, на почтовой дороге в Полоцк, лежит грязное местечко

[1] Современник, 1854 г. Ноябрь. «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю».

Краснолуки; некогда оно принадлежало гр. Хрептовичам, а в последнее время — Приборам. В местечке есть православная Свято-Духовская деревянная церковь. Кроме того, в местечке есть водяная мельница. Река Есса впадает в Витебской губернии в Лепельское озеро.

На юге от ст. Бояры, у р. Начи, притока Бобра, лежит село Сморки с Успенской деревянной церковью, построенной в 1852 г. Река Нача сплавна на протяжении 10 верст. Село связано с воспоминаниями о событиях 1812 г. Южнее села Сморк, верстах в 4 от него, лежит село Велятичи, некогда принадлежавшее к королевским имуществам, а в последнее время — казенное. Надо полагать, что это село — одно из очень древних поселений в земле кривичей. По словам Шпилевского, в сохранившихся здесь преданиях и песнях упоминается о древних князьях, татарских битвах и особенно о курганах — волотовках или волотоках; это — древние земляные копцы, которые заменяли некогда у славян нынешние верстовые столбы. И по настоящее время вблизи Монастырского леса есть поляна, называемая Волотковым полем; поляна эта обведена рвом, а почва поляны имеет вид черноватой глины, что дает основание предполагать, что здесь было когда-то каменное строение. Село Велятичи раскинуто на довольно значительном возвышенном месте, опоясанном с двух сторон небольшой речкой и разделенном на две части небольшим притоком, который, сходясь с речкой, образует из одной части села островок; на этом островке находится небольшая деревянная церковь, называемая Монастырком. Стоит она на невысокой горе и окружена с одной стороны рекой, а с прочих — болотистым лесом. В этой церкви находится чтимая чудотворная икона Божьей Матери, явившаяся, по преданию, очень давно на горе, где ее увидели иноки, пришедшие из Киева в Велятич. К этой чудовторной иконе стекается масса окрестного народа, особенно в дни так называемой «молодиковой недели», т. е. первого после новолуния воскресенья. Построена эта церковь прихожанами, и при ней есть кладбище. Замечательна дорога, ведущая к Монастырку: она вся завалена была деревянными досками с изображениями разных органов человеческого тела, как головы, рук, ног, а также хозяйственных животных; это объясняется существованием поверья, что если у кого болит рука или нога или падает скот, то брошенное изображение спасает от страданий человека и прекращает болезни и падеж скота. Кроме названной церкви, здесь есть и другая церковь — Преображенская деревянная, построенная в 1851 г., затем волостное правление и сельская школа. Местность вокруг села носит полесский характер.

За станцией Бояры Московско-Брестская ж.д. проходит мостом через р. Березину немного южнее уездного г. Борисова и у этого города, в 22 верстах от Бояр, имеет железнодорожную станцию, грузящую до 1 млн. пудов лесных и хлебных грузов. Расположен г. Борисов на высоком левом берегу р. Березины, недалеко от впадения в нее реки Цхи, и занимает довольно красивое местоположение. По мнению одних историков, Борисов был основан в 1102 г. князем полоцким Борисом Всеславичем, а по мнению других, построен Ярославом I, великим кн. киевским, в 1032 г. Второе мнение, кажется, надо считать более правдоподобным. Впервые Борисов упоминается в летописи по случаю войны великого кн. Мстислава, сына Мономаха, с полоцкими князьями; в 1125 г. Мстиславль сделался великим князем Руси и, не будучи в состоянии самостоятельно вести войну с половцами, обратился к соседним княжествам, а главным образом к кривичам за помощью, но последние отказались от участия в войне. Когда война с половцами была окончена, Мстислав, чтобы отомстить кривичам, соединился с союзными князьями и двинул войска в кривицкий город Изяславль; по пути укрепленный уже в то время Борисов был разрушен. Потом город, по всей вероятности, вместе с другими полоцкими владениями, состоял в зависимости от Великого княжества Киевского; так продолжалось до конца XII в.; к концу же этого века вследствие ослабления Руси борьбой удельных князей Борисов перешел во власть Литвы, а потом и Польши и впоследствии, как город, лежащий на границах Руси и Литвы, был свидетелем многих военных движений этой эпохи и часто подвергался опустошениям. После смерти Витовта в 1430 г. началась усобица между Ягайлой, Свидригайлой и Сигизмундом, окончившаяся в 1431 г. опустошением Борисова. В 1500 г. Борисов был местом приготовления к войне с Москвой великого кн. литовского Александра, который требовал от московского великого кн. Ивана III возвращения ему отпавших вследствие жестокого обращения с православными русских городов (Чернигова, Стародуба, Новогрудка и др.), но получил отказ и начал делать нападения на соседние области русского государства. Посланное Иваном III в Брянске войско сожгло город; это обстоятельство сильно поразило Александра, и он послал кн. Острожского с весьма значительным войском в Смоленск, причем кн. Острожский должен был соединиться с отрядом воеводы Станислава Кишки, а сам прибыл в Борисов для приготовления к дальнейшей войне. Несколько дней спустя он вышел из Борисова, чтобы быть ближе к армии кн. Острожского, но получил неприятную новость о полном поражении

Река Березина у г. Борисова. (По фотографии Н.Н. Останковича).

своих войск при д. Лопатиной. Тогда Александр отступил в Борисов и после переговоров возвратился в Литву. Четырнадцать лет спустя произошла война между московским великим кн. Василием Ивановичем и литовским Сигизмундом I. Русские взяли Смоленск и двинулись к Минску. Узнав об этом, Сигизмунд быстро отправился также в Минск, а оттуда в Борисов, где и устроил сбор и смотр своим войскам, которых насчитывалось до 33 000. Войска великого кн. Василия Ивановича были разбиты благодаря измене московского князя Михаила Глинского. В 1542 г. Борисовский замок был подарен королем Сигизмундом Августом виленскому воеводе Яну Глебовичу и причислен к воеводству виленскому. В 1563 г. в Борисове было назначено староство, а также были даны некоторые муниципальные права жителям, подтвержденные и расширенные последующими королями. К концу XVI в., в период войн Ивана Грозного со Стефаном Баторием, последний проходил с войсками через Борисов и Борисовский уезд. В 1654 г. Борисов был занят русскими войсками в числе прочих городов и находился во власти их до 1662 г., когда они вследствие отсутствия провианта не могли держаться более в городе. Во время войны Петра Великого с Карлом XII Борисов был занимаем и русскими, и шведскими войсками. Борисову пришлось сыграть в начале XIX в. крупную стратегическую роль. Уже в 1811 г. было ясно, какой оборот примет политика Европы, и имп. Александр I предвидел, что Наполеон не удержится от войны с Россией. В виду этого он сделал распоряжение приготовляться к войне; приготовления эти состояли в укреплении трактов, ведущих в столицы России, и некоторых городов, расположенных по Московскому тракту; одним из них и был Борисов. На правом берегу Березины, перед мостом, были насыпаны окопы для двадцатитысячного русского войска. Все эти работы были закончены к весне 1812 г. Маршал Даву занял в конце июня Борисов, а затем двинулся далее на восток. В первых числах октября 1812 г. стали долетать слухи до Борисова о поражениях французских войск, и действительно Наполеон с позором отступал от Москвы, теснимый русскими войсками со всех сторон, и спешил в Смоленск, а главным образом в Борисов, рассчитывая на помощь поляков и на громадные запасы провианта в Борисове, которые были захвачены французами еще при наступлении, после занятия Борисова войсками маршала Даву. Дошедшие до Наполеона в начале ноября сведения о занятии Минска русской дунайской армией и о взятии русскими Витебска навели его на мысль двинуться к Минску, овладеть им и расположиться за р. Березиной на зимних квартирах. Получив эти сведения, он послал предписания польскому генералу Домбровскому защищать мостовое прикрытие в Борисове, губернатору Минска Брони-

Собор и базарная площадь в г. Борисове. (По фотографии Н.Н. Останковича).

ковскому отступать на соединение с Домбровским к Борисову, маршалу Удино — соединиться с ними обоими, а ген. Виктору — прикрыть Борисов, Вильну и Оршу таким образом, чтобы, когда французская армия расположится на Березине, Виктор мог бы пройти к верхнему течению Березины и обеспечить виленскую дорогу. В двадцатых числах ноября произошла всем известная несчастная переправа великой армии через Березину у Борисова, при которой неприятельские войска не были окончательно уничтожены только вследствие недостаточной распорядительности адмирала Чичагова. После перехода неприятеля через Березину Борисов был совершенно разрушен и во многих местах сожжен; улицы были завалены трупами, дома наполнены ранеными, больными и пленными; озлобленное население города жестоко мстило пленным, загоняя последних в хлева и моря их голодом, отчего пленные часто сами зажигали хлева и гибли в огне; некоторые из пленных, впрочем, попали в лучшее положение и потом расселялись по северо-западным губерниям.

Город не имеет никаких достопримечательностей, кроме остатков батарей, построенных фран-

ю время нашествия На-
. Эти остатки возвыша-
правом гористом берегу
іны и служат местом гу-
я публики, так как в го-
никаких садов; другим
естом для гулянья слу-
г через Березину. Мест-
а которой расположен
оская и покатая к р. Бе-
а в северной части нахо-
большие возвышенности, которые закрывают собой город. Посреди города расположен громадный рынок, занимающий свыше 2300 кв. сажен. На этом рынке сходятся почти все улицы города; более замечательные из них Минская, получившая название от столбовой
в Борисов; она ведет от
а р. Березине. Московс-
я от дорог Московской и
епельская, Полоцкая на
месте дороги, которая вела к г. Полоцку (от этой дороги остались только следы). Полынская улица, проходящая по месту, где было когда-то озеро, заросшее полынью. Шведская, памятная расположением шведского обоза в 1708 г. Юридическая, Монастырская, Слободская и пр. Население города, по переписи 1897 года, составляло около 15 тысяч душ обоего пола, причем большую часть населения (свыше 10 тысяч) составляли евреи; католиков насчитывается до 900, остальные — православные. Городской земли — 4150 десятин. Торговля и промышленность в Борисове незначительны и почти исключительно сосредоточены в руках евреев. Торговля ограничивается сбытом местных товаров и покупкой хлеба, смолы, дегтя и леса, которые затем отсылаются или по железной дороге в Варшаву (хлеб), или в Москву, или сплавляются по Березине и Днепру вниз — в Кременчуг, Екатеринославль, Киев, или по Березинскому каналу и Зап. Двине (дубовые клепки). Снизу в Борисов главным образом привозится соль, просо, сало и пр. Выше Борисова берлины уже не ходят, но небольшие плоты сплавляются по Березинскому каналу в Ригу. Фабрик в Борисове 7, а именно: лесопильный завод, 2 изразцовые фабрики, 2 пивоваренных завода, табачная фабрика и спичечная. Число постоянных рабочих на указанных фабриках достигает 700 человек. Ярмарок еже-

годно в Борисове бывает две: Васильевская — 1 января и «Десятуха», т. е. на десятой неделе после Пасхи. В городе есть соборная церковь, костел, больница на 15 кроватей, двухклассное городское училище, начальная школа и низшая лесная школа, а также несколько еврейских школ. Бывшая здесь раньше соборная деревянная Воскресенская церковь сгорела во время пожара в 1867 г.; вместо сгоревшей церкви и был построен нынешний каменный собор. Католический костел находится на Минской ул.; он построен борисовским старостой Адамом Казановским в 1642 г., причем доходы костела были обеспечены имением Ратутичами, выделенным из Борисовского староства, а Владислав IV, король польский, утвердил этот дар; в 1806 г. был построен на том же месте новый каменный костел; он был окончен в 1823 г. В этом костеле каждую пятницу совершается заупокойная литургия за души короля Владислава IV и основателя костела Адама Казановского. Около костела находится городская больница на 15 кроватей. На берегу р. Березины возвышается двухэтажное каменное здание — тюрьма; она окружена стеной, а с городом соединяет ее деревянный мост. На этом месте был некогда замок, и до настоящего времени сохранились следы окопов и обводного вала. Во время Борисовского староства замок был перестроен старостой Огинским и обращен в здание старостинской администрации; просуществовал он до начала XIX в. По свидетельству сторожилов, здание было деревянное на каменном фундаменте с одними воротами. От замка на Хоругвью улицу был небольшой мост. В начале минувшего века в замке находилось управление радзивилловскими имениями, а потом он некоторое время служил местом собрания дворян при выборах. Наконец, этот замок по распоряжению правительства был переделан в тюрьму. На другой стороне реки, в некотором расстоянии, на взгорье, поднимаются укрепления, о которых мы уже упомянули; в настоящее время они заросли сосновым лесом; эти укрепления были построены в 1811 г. При переходе французских войск через Березину ген. Домбровский из окопов укрепления защищал мосты. Ниже укреплений находится поселок Слобода и вместе с тем пристань, где останавливаются суда, плавающие по Березине. Слобода соединялась с Борисовом несколькими деревянными мостами, из которых один, по преданию, находится именно на том месте, где в 1812 г. отступившие французы перешли Березину. Доходы города в 1899 г. превышали 57 $^{1}/_{2}$ тыс. руб.

Верстах в 8 от Борисова к северо-западу, на правом берегу р. Березины, при впадении в нее р. Бродни, расположено при большой дороге из Борисова в Зембин село Большой Стахов; в окрестностях села почва холмистая, много лесов и лугов.
было занято корпусом
е два дня было местом
цу отступавшей фран-
Чичагова и казаками
лина. На левом берегу
езины, против Б.Ста-
расположено село Ма-
тахов; оно также было
должение трех дней
битвы во время от-
ения французской
. В 9 верстах от Бори-
невдалеке от местечка
ахова, у р. Бытчи, ле-
ритока Березины, ле-

Борисов. Костел на Минской улице. (По фотографии Н.Н. Останковича).

жит село Бытчи или Бытча. 13 ноября 1812 г. Бытчу окружил маршал Удино, закрывая тыл припертой к Березине армии Наполеона. В селе есть Троицкая церковь, сельская школа и волостное правление.

В 13 верстах от Борисова, вверх по р. Березине, на левом берегу ее, расположено село Студенка, памятное трехдневной переправой через Березину французских войск во время отступления Наполеона из Москвы в 1812 г. Все это село во время переправы наполеоновских войск по приказанию Наполеона было разобрано на постройку мостов на Березине, которая в этом месте имеет ширину от 30 до 35 сажен и глубину от 7 до 12 футов. В 24 верстах к северо-западу от Борисова, недалеко от р. Гайны, лежит местечко Зембин; оно расположено на старом виленском тракте, среди лесов и болот, вследствие чего население его страдает от лихорадок. По последним данным, в местечке числится до 700 душ, причем преобладают в населении евреи; здесь есть православная церковь, костел, еврейский молитвенный дом и сельская школа. Церковь недавно перестроена и находится на месте прежней Михайловской церкви, построенной помещиком Фр. Сержпутовским в 1811 г. на месте еще более ранней сгоревшей церкви. Евреи местечка Зембин занимаются мелкой торговлей, а мещане — земледелием. Местечко Зембин — одно из древнейших поселений Северо-Западного края; здесь в окрестностях сохранилось много доисторических курганов и городищ, но сведений, относящихся исключительно к местечку, нет; известно только, что в XVII в. оно принадлежало к роду Саковичей, а потом перешло к Хрептовичам. Окрестности местечка памятны походами шведов в 1708 г. и французской армии в 1812 г., разбитой при переправе под Борисовом 27—28 ноября. Первую ночь после этой переправы, столь неудачной для французских войск, Наполеон, направляясь в Вильну, провел в Зембине. Местечко Зембин и его окрестности после этого похода обратились в пустыню.

По дороге из Зембина в местечко Верхнее Березино — верстах в 22 к северу от Зембина, в местности гористой, живописной, богатой лугами, у р. Мрая, лежит село Мстиж с православной Крестовоздвиженской церковью, построенной в 1786 г. помещиком И.Слизнем. Здесь был костел, обращенный позже в каплицу. Происхождение села неизвестно. Один из владельцев Слизней собрал здесь великолепную библиотеку — свыше 7000 томов. Местечко Верхнее Березино лежит в северной части Борисовского уезда, верстах в 40 от Мстижа и в 133 верстах от Борисова, при дороге из Лепеля в Докшицы. В местечке есть православная церковь, а с XVII в. здесь был бернардинский костел во имя Св. Троицы, построенный помещиком К.Пацом; в 1832 г. этот костел был упразднен. Верстах в 12 от местечка Верхнего Березина на юго-восток, у границы Витебской губернии, лежит д. Осетище вблизи озера Ольшечка; при этой деревне имеется замечательное замковище, называемое здесь городищем; оно расположено на холме круглой формы вышиной в 16 сажен и окружено четырьмя рядами валов и рвов. Верстах в 7 к югу от Осетища, на границе Витебской губернии, находится известная Березинская система каналов, соединяющая р. Березину с р. Уллой и сооруженная в конце XVIII и в начале XIX в. ген. Фрейгангом и де-Витте на основании проекта польского помещика Чацкого.

В северной же части Борисовского уезда, верстах в 27 на запад от местечка Верхнего Березина, около границы Вилейского уезда Виленской губернии, лежит при большой дороге заштатный город Докшицы. Докшицы никогда не занимали видного места в истории, а поэтому и сведения о них весьма скудны; в XV в. Докшицы были местечком, а в XVI в. принадлежали к роду Кишков. В конце XVII в. епископ жмудский Станислав Кишка построил здесь католический костел и назначил на его содержание фольварок Турки, обязав священнослужителей содержать небольшую школу и учителя; в половине того же XVII в. Докшицы были заняты русскими войсками, а затем переходили то к шведам, то к русским, то к полякам, пока, наконец, в 1708 г. не были разграблены и сожжены; при этом сгорел и костел и был снова возобновлен только в 1745 г. Герб города утвержден в 1796 г. На нем изображены в зеленом поле, внизу щита по углам два натурального цвета холма соответственно действительному положению округа; из холмов извиваются два источника, означенные серебром, и составляют реки, текущие в разные стороны; эти реки — Вилия и Березина, соединяющие в торговом отношении Балтийское и Черное моря. Вблизи г. Докшиц, в болотах действительно берет начало р. Березина. Докшицы были присоединены к России в 1795 г. и на основании учреждений о губерниях были назначены уездным городом Минского наместничества, а затем при издании штатов Минской губернии были исключены из числа уездных городов и остались заштатными. В настоящее время в Докшицах есть православная церковь, очень древняя, католический костел, синагога и волостное правление; по переписи 1897 г., население города достигало 3650 человек; большую часть населения составляют евреи, а остальную часть — православные и католики почти в равных долях; торговля города незначительна и сосредоточена

почти исключительно в руках евреев, торгующих зерном, солью и пр. Городские доходы, по данным 1899 г., достигали более 2 тыс. рублей.

Возвращаемся к Московско-Брестской железной дороге, оставленной нами у Борисова.

На 19-й версте от станции и г. Борисов лежит ст. Жодино, грузящая до 100 тыс. пудов дров и лесных материалов; вблизи станции у р. Поджодинка, левого притока р. Плисса, расположено село Жодино с Петропавловской деревянной церковью и школой. В 20 верстах от Жодина находится последняя станция Московско-Брестской ж.д. в пределах Борисовского уезда — Витгенштейнская, грузящая до 700 тыс. пудов преимущественно лесных грузов.

В 1,5 верстах от этой станции у р. Плисса, при старой почтовой Минско-Борисовской дороге раскинуто местечко Смолевичи. Жителей здесь 600 чел. обоего пола, причем большую часть населения составляют евреи. Еврейское население, кроме нескольких богатых купцов, торгующих лесом, занимается мелкой торговлей, а христиане — главным образом земледелием. Местность возвышенная; ручьи, вытекающие из здешних лесов, текут одни на север, другие на юг. Почва урожайная; в окрестностях много лесов и богатые залежи извести. В смолевичских лесах выделываются так называемые английские брусья, которые сплавляются по Березине в Кролевец, а также вырабатываются в значительном количестве смола и скипидар. В местечке есть Николаевская церковь, деревянная, построенная в 1508 г. кн. Константином Острожским, сельская школа, больница и пивоваренный завод, славившийся когда-то очень хорошим пивом. Вообще же, местечко это довольно грязное, деревянное, хотя, впрочем, есть несколько хороших зданий, как здание почтовой конторы, дом этапной команды, две мельницы и упомянутая выше церковь. В XVI в. Смолевичи принадлежали кн. Константину Острожскому и были тогда уже местечком, что видно из привилея короля Сигизмунда, данного в 1508 г.; в том же году кн. Константин Острожский построил здесь церковь св. Николая, существующую поныне. Возле этой церкви указывают возвышение из камней и обгоревшего кирпича и говорят, что здесь был замок одного из смолевичских старост, но сгорел в 1819 г. Впоследствии Смолевичи перешли к Радзивиллам, составляли одно из лучших владений их и славились смолокурнями. Радзивиллы позволили селиться в Смолевичах промышленным людям свободных состояний, преимущественно евреям. Это обстоятельство отражается и ныне на значительном количестве евреев в местечке. В 1626 г. Христофором Радзивиллом был отпущен отсюда лесной материал на постройку в Минске Рождество-Богородичной церкви. В последнее время местечко перешло к кн. Витгенштейнам, а потом к кн. Гогенлоэ. Окрестности местечка были свидетелями прохода французской армии в 1812 г.; в Смолевичах в указанном выше замке помещался фураж, предназначенный для кормления корпусов Даву и Богарне. Местечко по открытии железной дороги не только не выросло, но даже в значительной мере потеряло свое прежнее значение.

К северо-западу от Смолевичей лежит замечательное по сохранившимся в нем остаткам древних памятников местечко Логойск (Логожск, Логожеск). Это древнее славяно-русское поселение, прежде бывшее в Полоцком княжестве, потом в Минском уезде Минского воеводства, а в настоящее время состоящее в Борисовском уезде, расположено среди пущ и лесов на р. Гайна. Местность лесистая, почва урожайная; в окрестностях Логойска известны месторождения извести, различные сорта глины, камня, железной руды, много родников и ключей, из которых железные и серные источники 40—50 лет тому назад славились своими лечебными свойствами от паралича, ревматизма и нервных болезней; в настоящее время эти источники находятся в запустении. Жителей в местечке, по последним данным, 1180 человек обоего пола, из них 685 евреев. Эта цифра населения сравнительно с цифрой населения в 50-х годах XIX века значительно уменьшилась: в то время здесь было более 1500 жителей. В местечке имеется 2 православные приходские церкви; из них Богоявленская деревянная построена в 1752 г. Начало этого прихода скрывается в глубокой древности. В 1505 г. татары разорили и сожгли эту церковь и логойский замок, принадлежавший кн. С.А.Чарторийскому; 26 лет спустя Василий Тышкевич, воевода подляшский, восстановил эту церковь; в 1631 г. Юрий Васильевич Тышкевич, по истреблении церкви пожаром, построил в имении Сельце церковь для православных логойских монахов, а в 1752 г. Антоний Тышкевич, епископ жмудский, построил в замке Богоявленскую церковь для униатского монастыря, им же, кажется, построенного. В 1834 г. эта церковь поступила в ведение православного белого духовенства, а с 1845 г. была сделана приходской. Сохранился в церкви один из древних колоколов, на котором вычеканена надпись 1745 г., из которой видно, что он принадлежал логойскому братству. В местечке есть костел, синагога, 2 молитвенных еврейских дома, училище, кожевенный завод, водяная мельница и более десятка лавок; была здесь также фабрика бумажных и льняных изделий, основанная К.Тышкевичем в 1837 г., и литейный завод. Как местечко Логойск

замечателен своими торгами по воскресным дням, существующими на основании изданного в 1673 г. привилея короля Михаила Корибута. Кроме того, в местечке бывают по 2 раза в году ярмарки. Окрестности Логойска носят следы глубокой древности: громадное количество остатков валов, курганов и прочих сооружений ясно говорят, что Логойск был местом древних кровопролитных войн; известным же местечко стало только с XII в., и было уже в то время одним из укрепленных городков Полоцкого княжества. Весьма часто подвергалось оно нападениям киевских и южно-русских князей. Название его происходит, вероятно, от слов лог, логовье, ложбина, долина, так как оно лежит в долине между возвышенностей. Логойск занимал большое пространство, был сильно укреплен, окружен высокими валами и имел великолепный каменный замок, а вокруг него были расположены малые замки. Обо всем этом свидетельствуют отчасти сохранившиеся следы замков, валов, курганов, а отчасти и местные предания, характерные названия урочищ, и наконец, обнаруженные в курганах различные вещи и орудия. Так, вокруг Сельца, предместья Логойска, встречаются остроконечные возвышенности, обведенные канавами и обложенные камнем и кирпичем, а вокруг Логойска находятся продолговатые валы, поросшие лесом, и курганы, растянутые то цепью, то кругами или полукругами. Эти курганы носят различные названия языческих, татарских, шведских могил или могилищ, смотря по тому, с какой эпохой связано предание, живущее в народе, о том или другом кургане. Часть курганов (около 200) была разрыта гр. Тышкевичем и Киркором; найденные здесь предметы — мониста, кольца, браслеты и пр. относятся ко времени не позже XI в.; они хранятся в логойском архиве, устроенном гр. Константином Тышкевичем. Из остальных редкостей в архиве находятся два старых меча с позолоченными изображениями Стефана Батория, знамя, отнятое у шведов, и сабля Петра Великого, затем до 200 картин итальянской живописи и коллекция древних этрусских ваз. На пространстве, которое занимал некогда старый замок, еще в начале XVIII в. был громадный великолепный замок, а вокруг него небольшие замки, раскинутые на протяжении семи верст; ныне этот замок не существует, и сохранились только основания его, а место замка поросло лесом. Что касается времени основания Логойска, то первое известие о нем, как сказано выше, относится к XII в. В 1128 г. Логойск был жертвой раздора между князьми полоцкими и киевскими и достался Изяславу, а в 1186 г. княжил здесь кн. Василько Володарович. Значительно позже, когда Литва уже была во власти Гедиминовичей, Владислав Ягайло отдал Логойск своему брату Скиргайле, а потом он перешел к Витовту. Последний расширил укрепление и отдал город своему племяннику кн. Андрею Владимировичу. Впоследствии Казимир Ягеллончик подарил Логойск на вечное время кн. Александру Чарторыйскому. В 1505 г. Логойск был совершенно разрушен татарской ордой хана Махмета-Гирея, причем жители его были вырезаны, а сыновья кн. Семена Чарторыйского взяты в плен. При разгромлении и сожжении замка погибли и все документы, а потому в 1508 г. Сигизмунд I подтвердил прежний дар кн. Семену Чарторыйскому. В 1517 г. с выходом замуж дочери Семена Чарторыйского за подляшского воеводу Василия Тышкевича, Логойск перешел в род Тышкевичей; в 1531 г. Василий Тышкевич возобновил разрушенный татарами замок, устроил здесь свое постоянное место жительства и, как православный, построил здесь Богоявленскую церковь, украсив ее дорогими иконами, а в подвале отделил место для гробниц православного рода Тышкевичей. Найденный здесь в склепе большой надгробный камень, имеющий высеченную надпись: «Во истину преставился Остафей Васильевич Тышкевич 1558 г.» находится в настоящее время в Виленском музее. Перед смертью Василий Тышкевич завещал Логойск своему сыну Юрию с тем условием, чтобы он переходил из рода в род всегда старшему сыну; но Юрий, умирая, не сделал этого распоряжения, и местечко было разделено поровну между братьями. С этого времени Логойск потерял свое значение, Тышкевичи обеднели, а к тому же через несколько лет Логойск вместе с замками и Богоявленской церковью был сожжен шведами. Тогда Тышкевичи решили продать развалины и земли местечка. Приобрел Логойск жмудский епископ Тышкевич и потом в отстроенном виде передал своему родственнику, также Тышкевичу, который был католиком и основал здесь базилианский монастырь. В конце XVII в. в Логойске поселились иезуиты, вследствие внушений которых Викентий Тышкевич построил здесь костел, и с этого времени началось обращение жителей Логойска сначала в униатство, а потом и в католичество. В 1834 г. монастырь был упразднен.

К западу от местечка Логойск расположено древнее поселение Гайна у реки того же названия. Жителей в селе 520 человек, сельская школа и несколько лавок. Население занимается исключительно земледелием. В 1793 г. в Гайне родился польский поэт Игнатий Шидловский. Прежде Гайна была местечком и принадлежала князьям литовским, а в настоящее время считается селом. В селе есть Михайловская церковь, деревянная, построенная в 1816 г. прихожанами на месте прежней,

сгоревшей в 1806 г. Здесь издревле был католический храм, принадлежавший к числу первых семи святынь, построенных Ягайлой на месте языческих жертвенников, а королева Ядвига одарила его утварью. Этот храм просуществовал четыре века, а в 1788 г. был выстроен новый Фаддеем Букатом, суфраганом жмудским. Речка Гайна берет начало возле местечка Гайна и течет на протяжении 90 верст, причем сначала направляется на восток, но, приняв с правой стороны р. Усяж ниже сел Антополь и Сутоки, круто поворачивает на северо-восток и впадает в Березину с правой стороны против фольварка Кричин в 2 верстах выше д. Веселово. До села Антополя долина реки узка, а далее расширяется до 4 верст и имеет болотистую почву, труднопроходимую; здесь же дно реки усеяно камнями, препятствующими сплаву; на реке есть мельницы. На берегах р. Гайна, близ р. Рудка, прежде находился завод, выплавлявший железо из добывавшейся здесь железной руды. Сплав по реке в прежнее время был значителен: отсюда сплавлялись мачты, полумачты и строевой лес. С уменьшением лесов сплав сделался ничтожным; пунктом, с которого начинается весною сплав леса, можно считать Антополь, находящийся в 45 верстах от устья. На притоке Гайны Усяже сплав леса весною производится на расстоянии 28 верст. При дороге из Логойска в Докшицы при р. Малке, впадающей в Громницу, лежит небольшое местечко Плещенница; отстоит оно от Борисова в 50 верстах. Жителей здесь 415 чел.; преобладающее население — евреи, занимающиеся мелкой торговлей. Церковь, бывшая униатская Св. Троицы, существует с 1817 г. и построена на средства Софии Тышкевич. Почва довольно урожайная, лесов достаточно. Имение принадлежит гр. Тышкевичам. Местность эта была заселена искони: окрестности Плещенницы покрыты могильными насыпями отдаленной древности, как это доказывается находимыми в них различными предметами — бронзовыми украшениями, оружием, глиняными урнами и пр. В 1812 г. Плещенница была свидетелем битвы вице-короля итальянского Евгения Богарне 10 ноября при отступлении французских войск; в тот же день Наполеон со всем своим штабом ночевал здесь после памятной Березинской переправы. Верстах в 6 далее, при дороге из местечка Логойск через Плещенницу до Докшиц, лежит у р. Корговица местечко Околово. В 1700 г. местечко принадлежало Свирским, потом Воловичам, а затем было куплено ген. Станиславом Кербедзом. До последнего времени не было здесь православной церкви; бывший же здесь деревянный костел архангела Михаила, построенный М.Воловичем, был упразднен в 1843 г. Местечко грязное, населенное почти исключительно евреями.

Борисовский уезд занимает площадь в 8905 кв. верст с населением в 241 тыс. душ (25 жителей на кв. версту) и расположен в системе р. Березина. Почва к востоку от Березины преимущественно песчаная, к западу — главным образом супесчаная. Леса занимают около 4% площади уезда (405 тыс. десятин), пашни — 22% (197 тыс. десятин), луга и выгоны — 12% (114 тыс. десятин), болота и пески — 19 $^1/_2$% (167 тыс. десятин). Главные занятия жителей — лесные промыслы и земледелие.

В 20 верстах от ст. Витгенштейнской по Московско-Брестской железной дороге расположена уже в Минском уезде ст. Колодищи, грузящая до 400 тыс. пудов лесных материалов. За Колодищами в 17 верстах железный путь достигает ст. Минск, грузящей более 1 млн. пудов хлебных и лесных грузов и расположенной при пересечении с Либаво-Роменской железной дорогой у одноименного губернского города.

Минск (в летописях Меньск, Менеск, Минеск) расположен на обоих берегах р. Свислочь при впадении в нее рек Крупка и Степня, а прежде также исторической речки Немиги, русло которой уже высохло и сделалось одной из худших улиц в той части города, которая носит название Рыбного Рынка. Следы реки Немиги сохранились и до настоящего времени: это небольшой ручей, который в половодье бывает многоводным и бурным, а кроме того и грязным, так как пополняется потоками, впадающими в него со всех сторон. Одно из таких сильных наводнений случилось весьма недавно — 20 марта 1901 г. и причинило большие убытки населению этой части города[1]. Дождь начался с вечера и шел всю ночь. Везде было заметно сильное наводнение, но особенно грандиозно оно было на р. Немиге; в 6 часов утра Рыбный Рынок, начиная от угла Ново-Романовской улицы, затем небольшая часть этой улицы до угла Школьной — все это было залито водой, которая проникла в магазины и подвальные квартиры, встречающиеся здесь очень часто.

Минск — древний русский город в Северо-Западном крае, но время его основания точно неизвестно. Первые же летописные известия об этом городе относятся к 1-й половине XI в., когда Минск принадлежал внуку кн. Изяслава Владимировича полоцкому князю Всеславу Брячиславичу — знаменитому «чародею». В 1066 г. Всеслав Брячиславич неожиданно напал на Псков и разграбил Новгород; в отмщение ему великий кн. киев-

[1] Вит. Губ. Вед. 1901 г. № 77.

ский Изяслав с братьями своими Святославом черниговским и Всеволодом переяславльским двинулся на землю полоцкую и осадил город Минск. Всеслав же Брячиславич был в это время под Псковом. Узнав об осаде города, он возвратился к Минску, но последний был уже разграблен, причем Всеслав Брячиславич коварно был захвачен в плен и отвезен в Киев. Это событие описано в «Слове о полку Игореве». Всеслав «разбише славу Ярославу, скочи велком до Немиги с Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоц живот кладут, вьют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костьми русских сынов». Минск, однако, быстро оправился, когда Всеслав, освобожденный от плена, снова начал владеть им; вскоре, впрочем, в 1084 г., Минск вторично подвергся опустошению и был разрушен до основания: «Не осталось в нем, — говорит летопись, — ни челядина, ни скотины». Разрушение города было произведено Владимиром Мономахом в отмщение тому же Всеславу Брячиславичу за сожжение Смоленска. Всеслав умер в 1101 г.; ему наследовало шесть сыновей его, Полоцкое княжество раздробилось. Кн. Глебу Всеславичу достался Минск; с этого времени Минск сделался столицей особого удельного княжества, а Глеб Всеславич — первым его князем. Однако, с одной стороны, давняя вражда князей рода Ярославичей к роду Изяслава Полоцкого и стремление Ярославичей расширить владения, а с другой стороны — строптивость нрава и властолюбие Глеба окончились падением Полоцка, а Минск в это время имел свою внутреннюю вражду между Всеславичами и не раз привлекал к себе князей киевских, черниговских и пр. В начале княжения Глеба вооружились на него кн. Олег, Ярополк и Давид и осадили Минск, но успеха не имели. В 1115—1116 гг. Владимир Мономах сам пошел на Минск и приготовился к продолжительной его осаде, но Глеб покорился и таким образом удержал за собой Минск. В следующем году во время нападения на дреговичей Глеб сжег г. Слуцк, принадлежавший тогда Ярославичам; Владимир Мономах снова двинулся на Минск, взял и опустошил несколько городов, и Глеб вынужден был умолять его о мире. Вскоре затем кн. Глеб напал на Смоленск, но был разбит, взят в плен и отведен в Киев, где и умер в том же году, а Минск достался его сыновьям. В 1129 г. с изгнанием многих князей полоцких из их родовых владений Минское княжество было присоединено к Киевскому и вместе с Полоцким отдано было великим кн. Мстиславом сыну своему Изяславу; впоследствии, однако, вследствие раздоров князей киевских и черниговских между собою полоцкие князья вновь утвердились в своих владениях. В 1146 г. Изяслав, сын Мстислава, сел на великокняжеский престол, а в Минске по воле его княжил сын Глеба Ростислав. С 1151 г. Ростислав, по изгнании из Полоцка Рогволода, зятя Изяслава, был призван жителями Полоцка к управлению городом, против чего великий кн. Изяслав ничего не имел, а Минск достался второму сыну Глеба Володарю, но ненадолго. В 1158 г. Ростислав был изгнан полочанами, а место его занял снова Рогволод, и это было поводом к новой продолжительной войне. Ростислав жестоко отомстил полочанам при помощи брата Володаря, разорив совершенно страну, а Рогволод, со своей стороны, осадил Минск и, хотя не мог его взять, все-таки успел довести Глебовичей до заключения мира, после чего Володарь добровольно уступил Минск Ростиславу, а сам поселился в Городке. Еще два раза Рогволод пытался отнять у Ростислава Минск, а потом задумал отнять и у Володаря Городок. Но ни то ни другое ему не удалось: он должен был возвратиться в Полоцк, так как полочане призвали к управлению кн. Святослава Васильковича.

После смерти Ростислава Минском владел Володарь. Таким образом, в течение XII в. Минск не имел спокойствия и переходил из рук в руки потомков Глеба, постоянно враждовавших между собою. После смерти Володаря, который больше всех других князей сопротивлялся Литве, Минск подпал под власть этой последней, но, вероятно, потомки прежних русских князей удерживались здесь еще довольно долго, так как в летописи в начале XIV в. упоминается о минских князьях, которые, без сомнения, были в совершенной зависимости от литовских князей. Так, минский князь Федор Васильевич с Василием, кн. полоцким, приезжал в 1326 г. в Новгород от имени литовского князя Гедимина для заключения мирных договоров. Этот год обыкновенно и считается годом окончательного присоединения Минского и других северо-западных русских княжеств к Литве. После этого присоединения к Литве Минск потерял свое прежнее значение. Дальнейшая история Минского княжества, т.е. с конца XII в. и в течение всего XIII в., стала в высшей степени темной, и трудно в ней разобраться, так как летописи упоминают о Минске изредка и вскользь. Но, кажется, можно считать вероятным, что после смерти кн. Володаря, сына Василька, владельцем Минска стал наиболее выдающийся из литовских князей — Миндовг, затем сын его Гинвил и внук Борис. В XIII в. Минск подвергся нападению кочевников под предводительством Койдана, которые, впрочем, были разбиты наголову. В XIV в. Минск находился во владении князей из дома Гедимина, а великий кн. Ягайло отдал его брату своему Скир-

гайле. В XV в. Минское княжество входило в состав польско-литовских владений; в 1413 г., при составлении Городельского акта о соединении Литвы с Польшей, Минск был назначен главным городом Минского воеводства, самого обширного, так как в состав его входили и нынешние Мозырский и Речицкий уезды; со времени Городельского акта возобновился и рост города. В 1441 г. великий кн. литовский Казимир Ягеллончик включил г. Минск в число городов, пользовавшихся особыми привилегиями, а преемник Казимира Александр Ягеллончик грамотой 1496 г. дал Минску «на вечные часы право немецкое, которое зовется майтборское» (магдебургское)[1]. В то же время королева Елена, супруга короля Александра и дочь Ивана III, великого кн. московского, записала на Вознесенскую церковь в Минске соседнее с Минском село Тростенец, что было затем подтверждено королем Александром. Вообще в это время Минск был сильным и богатым городом: две большие дороги через Минск — северная через древний Логожск (ныне Логойск), Борисов, Оршу, Смоленск в Москву и юго-восточная — через Слуцк на Волынь и далее к Царьграду, а на запад через Брест и далее — были главными артериями Минска и способствовали обогащению города. Здесь привозились богатые товары из отдаленных мест и завязывались торговые сношения. Из сохранившихся росписей разных сборов, особенно так называемой «ордынщины», видно, что Минск вносил очень большие суммы в казну. В 1505 г. Минск был сильно опустошен татарами, причем, последними была занесена и моровая язва. Не успело пройти это бедствие, как началась война между Польшей и Россией. В 1508 г. русские войска осадили Минск и в течение войны не раз опустошали окрестности города. Чтобы поднять упавшее благосостояние города король польский Сигизмунд Август в 1552 г. расширил прежние права города, разрешил ярмарки, а также пожаловал городу мельницу на р. Случь и пригородные земли и леса на три мили в окружности, но все эти меры мало достигали своей цели, так как им препятствовали, с одной стороны продолжительные войны XVI в. между Польшей и Россией, а с другой — начавшиеся внутренние беспорядки в Польше и волнения вследствие стремления поляков распространить религиозную унию в Минском воеводстве. 9 октября 1596 г. постановления известного Брестского собора об унии были прочитаны в Минске в церкви св. Николая епископом Гермогеном. Однако эта уния была встречена православными всех сословий с неудовольствием и ропотом, и, когда впоследствии архимандирт Минского Вознесенского монастыря Паисий Саховский, бывший на соборе, начал распространять унию в Минске, то дворяне и остальные жители Минского воеводства собрались в 1611 г. в Минске и составили акт, что они с древних времен в лице своих предков имели святую веру, крещение, духовных пастырей и все церковные предписания от константинопольского патриарха, что в свободе и правах вероисповедания они были утверждены и русскими, и литовскими князьями, и польскими королями и что не хотят принимать унию, а желают оставаться по-прежнему в послушании константинопольскому патриарху. Этот акт был подписан 52 лицами более влиятельных фамилий. Несмотря на все это уния начала быстро распространяться в Северо-Западном крае и, конечно, в Минске, где в конце концов оставался православным только Петропавловский мужской монастырь (в настоящее время Екатерининский собор). Распространению унии способствовало, с одной стороны, то обстоятельство, что до 1720 г. униатам предоставлялось исповедывать свой прежний символ веры, а с другой — польское правительство обещало униатским епископам право заседания в сенате наравне с католическими епископами, мирянам же — государственную службу в Польше и Литве. Все это сильно соблазняло униатов, и многие из них начали переходить в католичество. Позже и униаты, почувствовав свою силу, начали теснить православных, отнимая у них церкви и монастыри. Так, в Минске прежде всего был отнят в унию православный Свято-Духовский монастырь, потом Вознесенский монастырь был присоединен со всеми угодьями к Виленскому Троицкому униатскому монастырю; к этому же монастырю присоединен был и Козьмодемьяновский монастырь, были также отняты земли у Воскресенской церкви и отданы под мечеть татарам, а при Свято-Духовском монастыре была учреждена униатская семинария, и все духовенство было подчинено ведению Свято-Духовского униатского монастыря.

В начале XVII в. в литовских владениях появились иезуиты и началась при их содействии уси-

[1] Магдебургское право заключено в сборнике, появившемся в конце XIII в. и образовавшемся из «Магдебургского городского права шеферов» вместе с «Саксонским зерцалом», «Швабским зерцалом» и нек. др. сборниками права. Оно послужило основанием гражданского и уголовного законодательства, а также судоустройства и судопроизводства в средневековой Германии, откуда вместе с немецкими колонистами проникло в Польшу. В конце XIV в., после первой унии Литвы с Польшей, магдебургское городское право начало распространяться и в литовско-русских городах, причем польское правительство смотрело на распространение этого немецкого права, как на средство полонизации, и охотно выдавало его городам. Вопрос о том, какие из памятников магдебургского права применялись в литовско-русских городах, спорен.

ленная постройка храмов. В Минске впервые появились иезуиты в 1657 г., и в период с 1600 г. по 1770 г. в одном Минске было построено 11 монастырей со школами и иезуитскими коллегиями. Все это оказывало сильное содействие католичеству в распространению унии. Когда в 1619 г. по воле короля Сигизмунда III минский воевода Петр Тышкевич и Иларион Баранович, наместник униатского митрополита Иосафата Рутского, пытались отнять соборную церковь в Минске и воспрепятствовать окончанию Петропавловского монастыря, чтобы тем совершенно уничтожить православие, то им противодействовали многие лица — кн. Януш Тышкевич, Федор Стеткевич, кн. Александр Огинский, Георгий Скумин Тышкевич и некоторые другие. Что касается братств, то в одном Минске насчитывалось их семь: соборное госпитальное при замковой церкви Рождества Богородицы, Воскресенское, Крестоносное, св. Михаила, св. Николая, св. Иоанна Крестителя и св. Анны; при братствах были устроены школы, богадельни и типографии; в последних печатались сочинения против унии. Эти братства играли громадную роль в борьбе с унией; православные дворяне и остальные сословия, руководимые братствами, делали большие пожертвования и основывали монастыри и церкви, подчиняя их Киево-Печерской лавре или Виленскому Свято-Духовскому братству, которое стояло во главе всех братств, так как в Минске православной епархии не существовало с 1632 г. Во время войн царя Алексея Михайловича с Польшею за Малороссию Минск был взят русскими под начальством воеводы кн. Хворостина в 1654 г. и долго оставался во власти русских, претерпев вторично моровую язву. В конце XVII в. сеймовой конституцией было постановлено, чтобы главный литовский трибунал (высшая судебная инстанция) имел свои заседания через каждые два года в продолжение двадцати недель в Минске. Таким образом Минск был сравнен с городами Вильно и Новогрудком и получил значение резиденции высшей судебной инстанции края. Это обстоятельство значительно подняло город, но ненадолго; в начале XVIII в. начался снова упадок города: он несколько раз был осаждаем то русскими, то шведами и всякий раз уплачивал победителям громадные налоги, а кроме того, главный трибунал позже был переведен в г. Гродно. При имп. Екатерине II Минск и вся Белоруссия были присоединены к России. По присоединении Минска и Минской губернии в Российской империи жителям г. Минска объявлен был ген.-аншефом Кречетниковым манифест, которым жители освобождались от платежа окладных доходов по 1 января 1795 г. Воссоединенные от Польши земли были преобразованы в три наместничества — Минское, Изяславское и Брацлавское, утвержден был состав наместничеств и назначен минским наместником ген.-поручик Т.И.Тутолмин. В 1796 г. при имп. Павле I Минское наместничество было переименовано в губернию; в этом же году был утвержден и прежний герб г. Минска, изображающий в голубом небе Божию Матерь, окруженную ангелами, с присоединением к нему государственного герба, а также был назначен на минскую православную кафедру епископом Иов Потемкин. В 1798 г. в Минске была открыта римско-католическая епархия, первым епископом которой был Иаков Дедерко. В бытность его епископом папа Пий VI прислал в Минск мощи св. Фелициана, находящиеся и ныне в римско-католическом Мариинском монастыре. В том же году имп. Павел посетил Минск вместе с великим кн. наследником Александром Павловичем. В 1799 г. архиепископом Иовом была построена домовая Успенская церковь на месте, где теперь находится архиерейский дом. В 1802 г. Минск посетил имп. Александр I и был здесь на балу, устроенном дворянством в зале дома Гейдукевича на углу Соборной площади и Школьного переулка. В 1805 г. благодаря заботливости губернатора Карнеева был разведен губернаторский сад, названный теперь городским. В то же время было положено основание и другому скверу, получившему в 1870 г. название Александровского. В 1812 г., 26 июня, Минск был занят французскими войсками. Заняв Вильну, Наполеон стремился разъединить русские армии; с этой целью он отправил маршала Даву с пятидесятитысячным корпусом на Минск, который должен был преградить войскам Багратиона пути, ведущие к первой русской армии. Узнав об этом, Багратион 23 июня двинулся также на Минск и 24 июня был уже у местечка Мир, но дальнейшее движение было опасно, так как у Минска уже были сильные неприятельские отряды, через которые не было почти никакой возможности пробиться к городу. Губернатором минским в то время был П.М.Добринский. Он не предполагал, что неприятель с такою быстротою двинется на Минск, и только 24 июня, почти в виду неприятеля, были приняты меры к высылке из Минска ценного казенного имущества в более безопасные места, а чиновникам губернатор предложил оставить город. В городе поднялась страшная суматоха: спешно грузилось казенное имущество; дела правительственных учреждений было решено отправить в Чернигов водою, но при общей сумятице увезти удалось немного; денежная же казна была отправлена в Речицу, избранную местом временного пребывания губернатора. Из Речицы денежные суммы должны были быть отправлены отчас-

ти в Смоленск, а главным образом в речицкое уездное казначейство для сдачи их в бывшую здесь казенную палату. Бывший в Минске в то время преосв. Серафим, узнав 24 июня о приближении неприятеля, в тот же день, в 11 час. вечера, забрав самое ценное из архиерейской церкви, выехал в Смоленск с соборным духовенством, священником Екатерининской церкви и консисторскими чиновниками. Соборное же имущество было вывезено на четырех повозках, архиерейский дом был поручен двум старцам-иеромонахам. Губернатор вместе с губернским прокурором и некоторыми другими чинами правительственных учреждений отправился сначала в Борисов, а потом в Речицу, где и оставался до освобождения Минска. Все русское население Минска поспешно спасалось бегством, а крестьяне со своим имуществом скрылись в лесах или бежали внутрь России, опустошая все на своем пути, по которому потом прошли французские войска. Что же касается поляков, то они не думали бежать из города и спокойно, с радостью ожидали французов, видя в них своих будущих освободителей, и те учреждения, где преобладал польский элемент, никаких мер к отправлению из Минска не предпринимали, а напротив, приготовлялись к торжественной встрече французов. По выезде из города русских чиновников они организовали временный совет для охраны магазинов с провиантом и спокойствия жителей. Председателем совета был избран президент первого департамента минского главного суда Л.Каминский, а членами были президент второго департамента того же суда Ходзько и минский уездный предводитель дворянства И.Монюшко, а также члены городского магистрата. Благодаря заботливости членов этого совета минские магазины не были сожжены и достались неприятелю, который здесь нашел до 7500 пудов муки, много овса и 15 000 фунтов пороха; кроме того был захвачен неприятелем также большой запас лазаретного имущества. Маршал Даву занял Минск 26 июня и был торжественно встречен поляками. Квартира ему была отведена на Высоком рынке (ныне Соборная площадь) в доме, примыкавшем к костелу. Эта площадь была украшена в то время зданием ратуши, иезуитской коллегией, униатским монастырем и православным собором. В течение двух дней войска корпуса Даву успели придвинуться к Минску и запрудили город, но, впрочем, в Минске оставался только генералитет, а войска расположились в окрестностях. 28 июня было назначено торжественное богослужение в костеле по поводу успехов французских войск и освобождения Минска от русского владычества. После этого богослужения Даву произвел смотр войскам. Первоначальный французский губернатор Минска ген. Барбанегр был переведен в Борисов, а его место занял ген. Брониковский. По мысли Наполеона, Минск должен был играть роль центрального склада провианта и сборного пункта больных, раненых и отсталых. Согласно этой мысли приступили к устройству магазинов и складов в Минске для продовольствия, причем воспользовались прежними магазинами и частными зданиями. Затем маршалом Даву был устроен в Минске госпиталь на 200 человек. Самым подходящим зданием для госпиталя была мужская гимназия, кроме гимназии были заняты под лазареты собор, Екатерининская церковь, здание присутственных мест, острог, монастыри и много частных домов. Предпринимая все это, французы рассчитывали на поддержку населения, и хотя местное население отозвалось на словах, но пожертвования шли вяло, и положение больных французских солдат в госпитале было далеко не завидное. С переходом Минска в руки поляков наступило для города торжество католицизма: проявлением этого торжества было переселение епископа Иакова Дедерко в помещение минского православного епископа, а домовая Успенская церковь была переделана в костел. После занятия в конце 1812 г. Минска русскими епископ не выезжал из дома и даже обращался в 1813 г. с просьбой к главноуправляющему делами иностранных исповеданий о предоставлении архиерейского дома для постоянного местожительства католического епископа, но просьба его была отклонена. Однако и после этого он не торопился выезжать из Минска и выехал только в мае 1814 г.; против него было начато дело, но епископ Дедерко оправдывался тем, что он лишь оберегал дом и церковь от поругания. Дело тянулось 25 лет, и только в 1837 г. взысканы были с него деньги за вещи, взятые им из архиерейского дома.

7 октября Наполеон увидел, что дело проиграно, и выступил из Москвы, а в начале ноября его армия после целого ряда поражений, голодная, преследуемая русскими войсками, в беспорядке подходила к границам Минской губернии. В то же время с юго-запада — от Бреста двигалась дунайская армия Чичагова к Минску, и можно было думать, что в пределах Минской губернии закончится кампания взятием Наполеона в плен. Необыкновенно велико было удивление населения Минской губернии и Минска, когда вблизи Несвижа появился русский передовой отряд гр. Ламберта, а за ним двигались и главные силы армии Чичагова. Так как в Минске не было еще известно о поражении Наполеона и его бегстве из Москвы, то и сам Брониковский не поверил донесениям о появлении неприятеля в тылу и принял появившиеся войска за партизан, рассчитывая, что он легко

справится с ними. Между тем в Минске войск почти совсем не было: был здесь лишь седьмой виртембергский полк, несколько польских и других иностранных полков и незначительное количество войск из вновь сформированных в Литве — всего немного более 5000 солдат, причем большая часть их была новобранцами. Все эти силы Брониковский выслал к Несвижу под начальством Косецкого; отряд Косецкого, двинувшийся к Несвижу, был разбит 1 ноября гр. Ламбертом под Новым Свержнем, и русские войска заняли местечки Мир и Столбцы, а отряд ген. Кнорринга—Несвиж. Гр. Ламберт преследовал Косецкого, отступавшего в Минск, и 3 ноября под Кайдановом и Муравщизной разбил его и опрокинул к Прилукам и Минску. Косецкий с сотней солдат бежал к Минску. Таким образом высланный из Минска отряд был разбит, и возвращение Косецкого в Минск привело в ужас население. Между тем Наполеон, получив достоверные сведения о намерении русских взять Минск, предписал маршалу Удино занять Борисов и поспешить в Минск. Сюда же должен было прибыть и ген. Домбровский из-под Бобруйска; однако оба эти движения были неудачны: войска Чичагова опередили Домбровского в Минске и маршала Удино в Борисове. Но Домбровский не имел представления о положении Минска и, оставив на пути дивизию, прибыл в город. Здесь он убедился, что опасность велика, и возвратился к своей дивизии, а затем направился через местечко Березино к Борисову, чтобы защитить хоть этот город. Ген. Брониковский с остатками горнизона также выступил из Минска и двигался к Борисову. Смятение населения в Минске было ужасным. Поляки и сам Брониковский бежали, не успев захватить с собою ни ценного имущества, ни даже необходимых вещей, и вскоре соединились с Добмровским, а затем потерпели полное поражение в Борисове. После бегства Брониковского из Минска город был занят отрядом гр. Ламберта, а на следующий день прибыли пехота авангарда, резерв и главная квартира Чичагова, остальные же войска расположились в окрестностях Минска. Чичагов оставался здесь до 8 ноября для отдыха и снабжения войск провиантом. Заняв путь неприятеля, он решил, что его дело сделано, и дал даже секретное предписание гр. Ланжену захватить в плен Наполеона, но это ему не удалось. Между тем 9 ноября авангард Удино подошел к Борисову и оттеснил передовые войска Чичагова, а 13 ноября Шварценберг получил приказание двинуть свою армию к Минску. В следующие три дня Наполеон совершил переход через Березину и, потеряв здесь до 50 тыс. войска, успел уйти с жалкими остатками прежней армии, причем надеялся предупредить русские войска в Минске, как видно из бюллетеня в Молодечно. Однако он должен был изменить свой план вследствие расположения преследовавшей его русской армии. Еще 20 ноября Наполеон выдвинул свой авангард от Слонима к Несвижу, а также направил значительные силы к Минску, но уже 23 ноября, поручив армию Мюрату, уехал из Сморгони по Виленской дороге в карете с известным Коленкуром. Со взятием русскими Минска французско-польское правление упразднилось, большая часть лиц, принимавшая участие во временном управлении, бежала. В Минске было учреждено временное военное положение и временным военным губернатором был назначен К.Б.Кнорринг. 17 ноября находившийся в Речице гражданский губернатор Минска П.М.Добринский возвратился в Минск, и ему было приказано заняться восстановлением в Минске прежнего положения, а затем позаботиться о продовольствии армии. После ухода войск Наполеона Минск представлял картину полного разрушения: особенно пострадали казенные учреждения, православные церкви, католические и униатские монастыри, где были магазины, лазареты и пр. Так, Екатерининская церковь была занята лазаретом, кладбищенская церковь была обращена в пороховой склад, иконостасы были поломаны, церковные вещи разграблены. Вообще, нашествие французов дорого обошлось Минску: убытки, причиненные городу неприятелем, были по тому времени велики, достигая почти 254 000 руб. ассигнациями, а сверх того и русскими войсками нанесено было убытков 118 000 руб.; затем в Минске за время кампании было убито и пропало без вести 35 000 человек; от разлагавшихся трупов распространялись различные болезни. В 1817 г. назначен был исполняющим должность губернатора в Минске В.И.Гецевич; он заботился о развитии торговли в губернии и привлекал в Минск стороннее купечество с целью устранить в торговле еврейскую монополию, причем предоставлял приглашаемому купечеству льготы. Позже, в 1819 г., в Минске кроме парафиальной приходской школы существовали пятиклассное дворянское училище, семиклассная семинария, минско-могилевская римско-католическая семинария и женские пансионы. В следующем году были высланы иезуиты из России и закрыта в Минске иезуитская школа, существовавшая с 1650 г.; результатом изгнания иезуитов было взятие в казну бывших иезуитских имений. В 1825 г. была построена в Минске тюрьма — обширное здание, обнесенное каменной стеной, с четырьмя башнями по углам. Оно имеет вид замка и первоначально носило название «Пищаллинского замка» от имени строителя Пищалло.

1 декабря 1830 г. вследствие польского мятежа Минская губерния была объявлена на военном положении и подчинена кн. Н.А.Долгорукову, виленскому генерал-губернатору. Губернатором же минским в период с 1831 по 1835 г. был А.Ф.фон Дребуш. В первый год его управления в Минской губернии отозвалось польское восстание. Губернатор предпринимал благоразумные меры к усмирению восстания. В том же году достигла высшего напряжения и холера, занесенная несколькими годами раньше в пределы Минской губернии, для борьбы с холерой устроены были лазареты в городах и селах. 31 июля того же года были объявлены правила секвестра имений, принадлежавших лицам, участвовавшим в восстании, а также учреждена для этого губернская комиссия в Минске. Позже были отменены польские названия присутственных мест и должностей. В следующем году было снято военное положение с Минской губернии и введен в делопроизводство русский язык. В 1835 г. было утверждено имп. Николаем I положение о месте жительства евреев, причем Минск был обозначен в черте еврейской оседлости. В период с 1835 по 1838 г. минским губернатором был С.И.Давыдов. Он проявил особенную заботливость о городе по устройству пожарной части и мостовой. В 1838 г. минский монастырь бонифратров со всем его имуществом был передан в ведение приказа общественного призрения, упразднена ликвидационная комиссия в Минске по конфискованным имениям повстанцев 1831 г. и началось издание «Минских Губернских Ведомостей». В 1839 г. состоялось воссоединение униатов с православной церковью, о котором говорилось в IV главе настоящего тома. С 1836 по 1839 г. минским городским головою был купец Л.В.Дельпац, который предпринял нивелировку площади, носившей раньше название Нового рынка, где теперь Александровский парк. Это пространство имело вид четырехугольника, заросшего травой и усеянного ямами и оврагами. На свои собственные средства Дельпац сравнял поверхность площади и обсадил ее кленами, липами и тополями. На этой площади до 1840-х годов по воскресеньям производились торги, а затем они были перенесены за город, на площади же во время ярмарки (контрактов) устраивались временные лавки, в которых находились различные товары, привозимые из других городов, и туземные, как сукно фабрик Скирмунта, Слотвинского и др., обувь из Минска, хлопчатобумажные материи фабрики гр. Тышкевича в Логойске и пр. В то же время некоторые более крупные и предприимчивые землевладельцы, как Павликовский, Лукашевич и др., начали устраивать в Минске магазины с колониальными товарами, иностранными винами и различными металлическими изделиями с целью продавать товары по умеренным ценам, но им это не удалось, так как конкуренция евреев расширила свою торговлю настолько, что предпринимателям других национальностей осталось только закрыть свои магазины. Таким образом и торговая деятельность евреев в Минске достигла высокого процветания. В 1840 г. были присоединены к минской епархии состоящие в Минской губернии церкви литовской и белорусской епархий, епископ стал называться минским и бобруйским. В том же году было упразднено в западных губерниях, а в том числе и в Минской, действие литовского статута. Затем был назначен здешним епископом известный своей деятельностью по воссоединению униатов епископ брестский Антоний Зубко, а также переведена в Минск из Слуцка православная духовная семинария, преобразованная в 1817 г. из духовного училища, построенного слуцким архимандритом М.Пашкевичем.

В 1844 г. устроен был в Минске небольшой театр в каменной ратуше, помещавшейся на нынешней Соборной площади, и открыта школа для начального образования девиц бедного состояния. В 1846 г. были изданы в Минске особой книгой грамоты и акты Минской губернии, собранные по распоряжению губернатора А.В.Семенова. Затем на Захарьевской улице была построена лютеранская церковь на месте сгоревшей в 1835 г. такой же церкви. В следующем году был назначен на управление Минской епархией преосв. Михаил Голубович, один из выдающихся деятелей воссоединения униатов с православной церковью в 1839 г. В том же 1848 г. был построен госпиталь, а через два года на месте сгоревшего храма была закончена постройка нынешнего каменного собора с чудотворной иконой Божьей Матери. В 1851 г., при управлении губернией Ф.Н.Шкляревичем, заботившимся об устройстве города, была расчищена площадь перед присутственными местами и губернаторским домом от развалин бывшей здесь старой ратуши. При нем же была перенесена из Минска в д. Крупцы Воскресенская церковь на место издревле существовавшей часовни с иконой Крупецкой Божьей Матери. В 1856 г. Александр II посетил Минск и пробыл здесь три дня. В 1859 г. последовало в Минске открытие губернских и уездных комитетов по улучшению положения помещичьих крестьян. В 1862 г. в Минске произведены манифестации, послужившие началом второго польского восстания, в следующем же году в Минской губернии было введено военное положение, а также приняты меры для скорейшего прекращения обязательных отношений между помещиками и временнообязанными крестьянами путем выкупа наделов

при содействии правительства. В том же году, в первых числах апреля, началась кампания против повстанцев Минской губернии, окончившаяся 4 сентября. В 1867 г. был утвержден устав минского общественного собрания (клуба); в 1868 г. с Минской губернии снято военное положение, но г. Минск оставался еще до 1870 г. на военном положении. В период с 1871 по 1874 гг. открыты были для движения две железные дороги — Московско-Брестская и Либаво-Роменская с общим протяжением в Минской губернии в 495 верст; обе дороги проходят через Минск, перекрещиваясь в этом городе. В этот же период времени был устроен Александровский сквер (на месте прежнего Нового рынка), открыт минский коммерческий банк, устроен городской водопровод и открыто минское общество взаимного кредита. В 1876 г. учреждены были в Минске вольное пожарное общество и минское общество сельского хозяйства, праздновавшее свое двадцатипятилетие в 1901 г. В 1878 г. при минской тюрьме была устроена церковь, а в следующем году окончена постройка каменного здания женской гимназии и открыт отдел имп. российского общества садоводства. В 1880 г. в доме дворянского собрания организована первая выставка садоводства, цветоводства и огородничества, в том же году открыто реальное училище, а в 1881 г. отделение государственного банка. 11 июня того же года произошел в Минске большой пожар, и город понес убыток в 6 млн. руб. Причина пожара отнесена к поджогу, но кто именно поджег — неизвестно. В период с 1882 по 1885 г. были открыты городское общество взаимного страхования, минский окружный суд и устроен сквер на Соборной площади. Доход города в 1885 г. был равен 128 000 руб. В 1886 г. при минском губернаторе кн. Н.Н.Трубецком было открыто отделение крестьянского банка, а в 1888 г. начата постройка театра, открытого в 1890 г. В 1889 г. в Минске торжественно отпраздновалось пятидесятилетие воссоединения униатов с православной церковью. В следующем году была построена городская скотобойня и железные ряды на Нижнем базаре; в том же году появилась в Минске конно-железная дорога, открыты новый водопровод и отделение Петербургско-Азовского коммерческого банка, а также освящено новое здание городской думы и открыт городской ломбард. В 1893 г. введено новое городовое положение и открыты две школы — воскресная и трехклассное училище для детей железнодорожных служащих. В следующем году приступили к устройству электрического освещения в центре города. В 1895 г. в Минске было уже три сети конно-железных дорог: от Брестского вокзала до окружного суда, от окружного суда до места, где прежде был завод Фрумкина, и от Виленского вокзала до того же здания окружного суда. В 1901 г. в Минске происходила имевшая большой успех юбилейная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка Северо-Западного края.

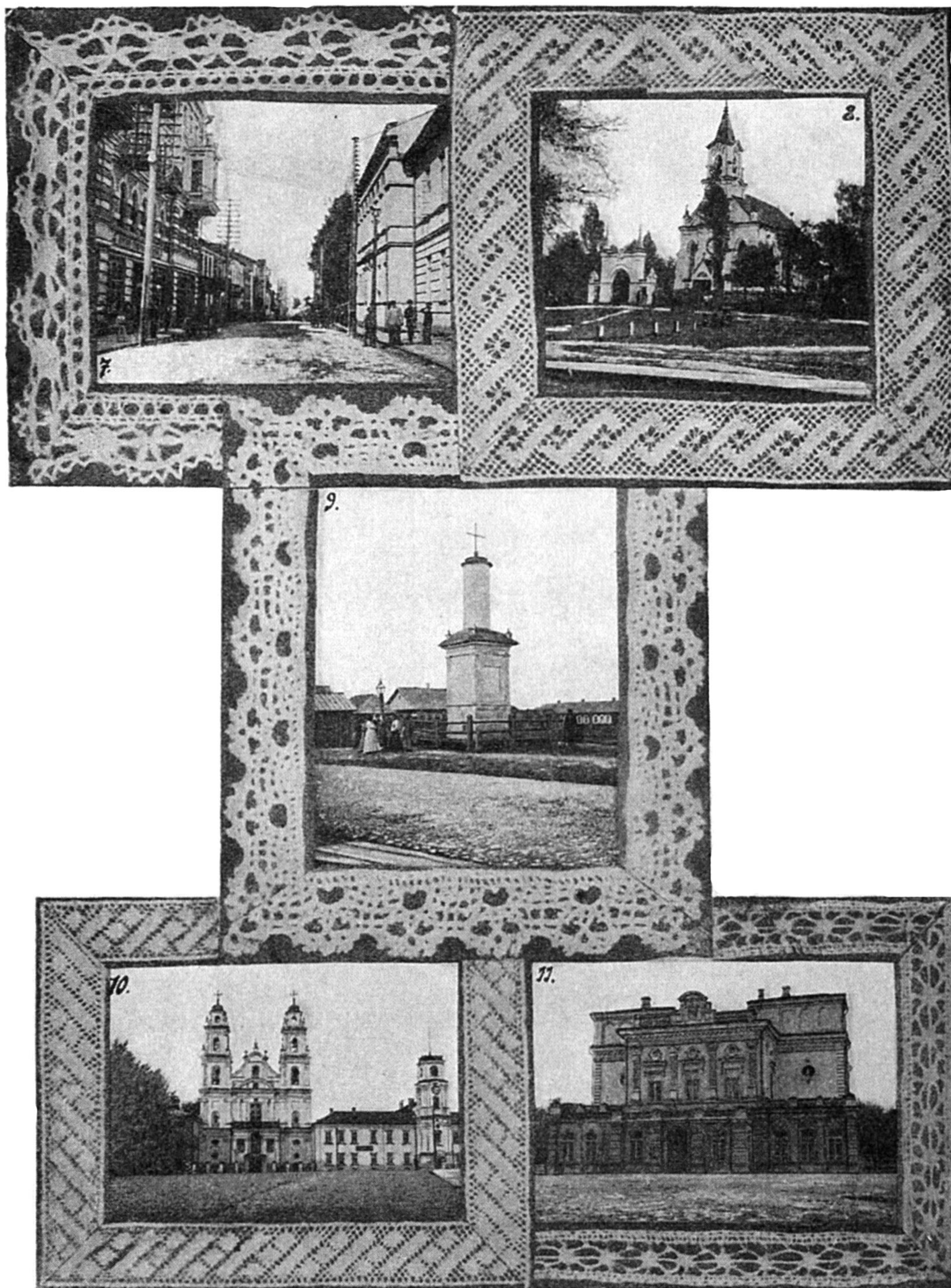
Центр Минска расположен в непривлекательной местности, на равнине или даже низменности, а края его раскинуты на возвышенностях и крутизнах, благодаря чему со всех сторон представляют красивый вид, особенно с Борисовского въезда, недалеко от бывшего предместья Комаровки, в последнее время вошедшего в состав города. Отсюда открывается панорама холмов и пригорков с возвышающимися на них высокими зданиями и незначительными домиками самых разнообразных форм. Прежде всего открываются аллеи городского сада в Минске, потом здания на так называемом прежде Новом рынке, а теперь на углу Александровского сквера, Архиерейская церковь с архиерейским двором; затем выступает Соборная площадь, называвшаяся прежде Высоким рынком; на ней виднеются православный собор, костел и губернаторский дом. Далее от Соборной площади, направо, город как бы разрывается и тонет в долине Низкого рынка, закрытого Троицкой базарной площадью. Наконец, вдали от Троицкой площади блестит серебром р. Свислочь, опоясывая собою части так называемого Татарского Конца и кладбище Сторожевку. Часть города, называемая Низким рынком, есть, вероятно, первоначальное поселение Минска, из которого потом образовался город. В начале XVI в. нынешний Низкий рынок назывался Старым рынком, как это видно из актов Минской губернии; кроме того, в народе и до последнего времени Низкий рынок Старым Местом, т.е. старым городом. Наконец, самым лучшим доказательством древности этой части города служат остатки валов в нынешнем Низком рынке над р. Свислочью между Татарским Концом и Троицкой горой — нынешней Троицкой базарной площадью. Эти остатки носят название Замчищ в устах местного населения. Очевидно, что здесь некогда был замок, укрепленный валами. В состав Низкого рынка входит и нынешнее Татарское предместье. Раньше город находился на перекрестке двух почтовых дорог — Виленско-Бобруйской и Борисовско-Новогрудской и до половины минувшего века был незначительным городом с небольшим количеством населения. Так, в 1856 г. здесь насчитывалось 24 тыс. жителей; в последующем город начал улучшаться, но достиг значительной величины только со времени проведения железных дорог Московско-Брестской и Либаво-Роменской (1871—1873 гг.). За полстолетие население города возросло больше чем в три раза,

Минскъ.

1. *Преображенский женский монастырь.* 2. *Памятник Александру II.* 3. *Рыбный базар на Немиге.* 4. *Екатерининский собор.* 5. *Общий вид с Троицкой горы.* 6. *Кафедральный собор.*

Минскъ.

7. *Губернская улица.* 8. *Костел на Золотой горе.* 9. *Памятник по случаю прекращения эпидемии.* 10. *Кафедральный костел.* 11. *Городской театр.*

промышленность и торговля также сильно возросли, и в настоящее время это самый крупный город Белоруссии. Жителей в городе, по данным переписи 1897 г., числится 91 $^1/_2$ тыс. человек, в том числе православных 21 тыс., католиков 15 тыс. и евреев 50 тыс.; остальные составляют прочие религии, между прочим, и магометанскую, так как здесь издавна живут татары. В городе есть православный кафедральный собор и соборная церковь, одна приходская церковь, девять домовых, одна кладбищенская, одна приписная и два монастыря.

Петропавловский кафедральный каменный собор построен на месте Свято-Духовской древней церкви и был одной из старинных православных церквей в Северо-Западном крае. Основание его относится к XVI в. В начале XVII в. при нем был монастырь; позже, в половине XVII в. он вместе с монастырем был обращен в унию, а потом, в конце XVIII в., снова был воссоединен с православной церковью, в 1799 г. назначен кафедральным собором, а в 1850—57 гг. был перестроен. Здание древнего монастыря при церкви сохранилось и до сих пор. Новое здание построено в готическом стиле и замечательно своим изяществом и простотою; построен этот собор в три света с 58 окнами под четырехскатным высоким куполом со 160 окнами и изображением пророков. В соборе три алтаря, иконостас красный с золотом в четыре яруса, на стенах фресковые изображения и чудотворная икона Божьей Матери, принадлежащая к древнейшим произведениям. Св. Владимир поместил, согласно преданию, именно ее в Десятинной церкви в Киеве, где она находилась более пятисот лет. В XV в., во время татарских набегов на Киев, последний был разграблен, а икона была лишена украшений и брошена в Днепр; через некоторое время она, по преданию, явилась в городе Минске на р. Свислочь, против замка; замеченная 13 августа 1550 г. жителями по необыкновенному сиянию, она была поставлена в замковой церкви Рождества Богородицы, а отсюда в 1616 г. перенесена в монастырскую Свято-Духовскую церковь, на месте которой находится Петропавловский кафедральный собор. В 1852 г. икона была облечена в новую серебряную ризу.

Екатерининская каменная соборная церковь принадлежит также к старинным церквам. Эта церковь переименована по желанию имп. Екатерины II из Петропавловской церкви и названа Екатерининской соборной церковью. Построена эта церковь в 1611 г. и до 1795 г. была монастырской. Православных монастырей в городе два: Свято-Духовский мужской по Мало-Монастырскому переулку и Спасо-Преображенский женский на Преображенской улице. В более отдаленные времена количество монастырей в Минске было гораздо значительнее. Так как владетелями нынешней Минской губернии были, как увидим ниже, князья из дома св. Владимира, принявшего крещение, то само собой разумеется, что в минских пределах было распространено христианство. Из древних монастырей, бывших в г. Минске, назовем Вознесенский мужской в части, называемой теперь Троицкой горой, вблизи р. Свислочь, на левом ее берегу. Первые сведения о нем имеются с XV в., из которых видно, что он существовал и в XIV в. Мужской Петропавловский монастырь был расположен при Юрьевской ул., вблизи р. Свислочь, где ныне находится упомянутая выше Екатерининская церковь; время основания ее совпадает с возникновением унии; Николаевский мужской в замке упоминается в 1514 г.; также упоминаются Козьмо-Домиановский мужской, Свято-Духовский мужской и женские Петропавловский, Свято-Духовский и Троицкий.

Костелов в городе три; из них два приходских — Троицкий и Мариинский — и один на кладбище Кальварии; кроме того, в предместье города, называемом Золотой Горой, есть небольшая каплица во имя св. Роха — замечательное по своей художественности здание. В Кальварийском костеле находится образ молящегося Спасителя, написанный художником И.Дателем. Образ поставлен в престольном алтаре храма, под алтарем похоронен и сам художник. В Мариинском костеле находятся мощи св. Фелициана, присланные папой Пием VI.

На Захарьевской улице находится лютеранская церковь — здание весьма красивое; построена церковь в 1846 г. На Татарской улице есть новая каменная мечеть, построенная в 1901 г. на месте старой, и на Замковой улице — великолепная еврейская синагога. Из других более выдающихся зданий назовем губернаторский дом на Соборной площади. Это двухэтажное здание помещается рядом с католическим кафедральным костелом. Здесь же, напротив губернаторского дома, находятся присутственные места и Петропавловский собор. Архиерейский дворец расположен на углу Александровского парка и имеет великолепный сад. Мужская гимназия помещается на Губернаторской улице, женская — на Подгорной, духовная семинария — на Александровской в собственном доме, городская дума — на углу Губернаторской и Юрьевской улиц. Из частных зданий на углу Подгорной и Скобелевской находится замечательный по своей архитектуре дворец гр. Чапского, он раньше принадлежал Гаусману, теперь в нем помещается общественный клуб.

Местами развлечений и прогулок в Минске являются Городской сад и Александровский сквер.

Городской сад расположен над рекою Свислочью. Основан он благодаря стараниям губернатора Карнеева (1796—1806 гг.), обладает прекрасными тенистыми аллеями и состоит из лиственных и еловых деревьев. В саду построен летний театр и циклодром. Александровский сквер имеет вид четырехугольника, он устроен в 1872 г. На украшение сада посадкою деревьев и разбивкою цветников много положил труда и собственных денег бывший в то время вице-губернатором М.П.Дараган. Посередине сада находится бассейн с фонтаном, в этом сквере построен городской зимний театр.

Из учебных заведений в Минске имеются упомянутые мужская и женская гимназии и семинария, реальное училище на Захарьевской улице, духовное училище на углу Койдановской улицы и Соборной площади, уездное училище, женское училище духовного ведомства — на Широкой улице, четырехклассное городское — на Подгорной улице, школа ремесленников на Ново-Московской, трехклассная школа начального образования бедных девиц — на Захарьевской улице, три приходских училища с женскими сменами на Александровской, Раковской и Белоцерковской улицах. Три частных учебных заведения: начальная школа для детей обоего пола, двухклассное училище для девочек и трехклассное женское училище, училище для глухонемых и заикающихся еврейских детей, семь еврейских училищ, талмудтора на Школьной улице и хедера. Мужская гимназия существует с 1805 г., а женская построена после 1866 г. При мужской гимназии есть домовая церковь во имя св. Дмитрия Ростовского.

Больниц в городе, по данным 1899 г., десять с 508 кроватями. Число пользовавшихся больных — 6240, стоимость содержания больниц — 93 700 руб. Богаделен и благотворительных обществ в 1899 г. числилось в городе 7, в том числе две богадельни, два благотворительных общества, дом трудолюбия, приют для подкидышей и детский приют. В Минске есть водопровод, конно-железная дорога и электрическое освещение в центре города, а на окраинах еще остается керосиновое.

Перейдем теперь к торговле и промышленности г. Минска. В настоящее время Минск — торговый и довольно богатый город. Лежит он на перекрестке двух железных дорог — Московско-Брестской и Либаво-Роменской и ведет главным образом отпускную торговлю, причем почти вся торговля сосредоточена на отправке хлеба и лесных материалов по железным дорогам. По обеим дорогам отправляются строевой и поделочный лес и дрова в южные города России, преимущественно в Кременчуг, Екатеринослав и Одессу, а также на Либаву и Варшаву. Хлеб же идет через Минск на Либаву для дальнейшего следования на заграничные рынки. В последние годы, особенно со времени заключения трактата с Германией (с 1893 г.), транспортное движение пассажиров и грузов значительно повысилось на Московско-Брестской железной дороге благодаря скорым поездам, устроенным между Москвой и заграничными городами Берлином и Веной через Минск. В Москву по этим дорогам через Минск идут металлические изделия, химические товары, различные сорта пряжи, ткани и проч. Фабрично-заводская промышленность Минска также значительно возрасла, особенно в последние десятилетия: по данным 1899 г., в г. Минске числилось 47 заводов и фабрик с количеством рабочих 1640 человек. Больше всего развито в Минске винокуренное производство, табачное и дрожжевое, кожевенное, типо-литографское, машиностроительное, мыловаренное, пивоваренное и мукомольное. По сравнению с 1890 г. в десятилетний период число фабрик и заводов возрасло незначительно, увеличившись лишь на 5 фабрик, между тем как их производительность, а также число рабочих на них возрастало весьма быстро, а именно производительность города увеличилась почти в 4 ½ раза, а количество рабочих — в 3 ½ раза. Доход города в 1898 г. был равен 509 тыс. руб.

Возвращаемся к Московско-Брестской железной дороге.

За Минском, верстах в 7 железный путь оставляет верстах в 2 ½ к востоку от себя на Несвижской большой дороге с. Сенницы с двумя церквами. Одна из них построена в 1789 г. Село принадлежало в XIX в. Торчинским. Верстах в 4 далее по той же дороге лежит почтовая станция Прилуки. Некогда Прилуки составляли вотчину кн. Огинских; были здесь две православных церкви Успенская и Троицкая и православный монастырь. Последний был построен Анной Тышкевич, урожденной Огинской. От Огинских Прилуки перешли к Ивановским. В балладе известного польского писателя XIX в. Одынца, современника Мицкевича, воспевается заколдованный замок в Прилуках. Из этого замка впоследствии Оттон Горватт, в род которого перешли Прилуки, устроил великолепный дворец в готическом стиле, а также развел большой сад и устроил оранжерею. Верстах в 7—8 к юго-востоку от Прилук, при большой торговой Минско-Слуцкой дороге у р. Птичь лежит местечко Самохваловичи. В начале XVIII в. оно принадлежало богатому роду Халецких, а при выходе замуж Анны Халецкой перешло в качестве приданого к кн. Альбрехту Радзивиллу вместе со смежным имением Крупицей. Потом имение переходило из рук в руки, а в 1878 г. было куплено Пановым. Ме-

стечко населено почти исключительно евреями, которые занимаются торговлей и огородничеством.

Московско-Брестская железная дорога верстах в 15 от Минска пересекает верхнее течение р. Птичь, притока Припяти, а затем в 20 верстах от Минска на водоразделе Птичи и Немана достигает ст. Фаниполь, грузящей более 300 тыс. пудов дров и лесных материалов.

Верстах в 17 за Фаниполем железный путь проходит мимо местечка Койданова; расположено оно на возвышенностях недалеко от р. Узденка, при р. Нетечь. В XII в. местечко было известно под именем Крутогорье и считается одним из древних в крае. В настоящее время в Койданове имеется православная Покровская церковь, костел, евангелическая церковь и три молитвенных еврейских дома, а также почтовая станция, паровая мельница и два завода — винокуренный и шерстобитный, наконец, аптека. В Койданове производится сортировка скупленной шерсти, которая отсюда отправляется в разные места России. Местечко замечательно тем, что вблизи него татары были дважды разбиты, именно в 1241 г. войсками под начальством кн. Скирмунта и в 1249 г. кн. Мендовгом. В последней битве начальствовал над татарами полководец Койдан. С этого времени и Крутогорье было переименовано в Койданов. До начала XV в. Койданов был собственностью князей литовских, а затем король Сигизмунд Август отдал его Николаю Радзивиллу Рудому. В последующее время в XVII и XVIII вв. Койданов был часто разоряем и в особенности был сильно разорен казаками в 1655 г. Укрепленный замок на возвышенном месте был перестроен Радзивиллом Рудым в евангелический храм.

В 25 верстах от Фаниполя железный путь достигает ст. Негорелой, грузящей более 200 тыс. пудов наполовину хлеба, наполовину дров и лесных материалов.

От ст. Негорелой в 18 верстах на северо-запад при реках Сула и Перекла, притоках Немана, лежит м. Рубежевичи, имеющее ныне 500 жителей и принадлежавшее в старину Слуцкому княжеству. Оно расположено в гористой, живописной местности, богатой проточными водами. Название местечка Рубежевичи получили в XIV в. Это поселение первоначально, в XII в. было пограничным Литвы, что подтверждается, с одной стороны, гористым положением местности, очень удобным для заселения, а с другой — самим славянским словом «рубеж» — синонимом слова «граница». Когда потом границы Литвы изменились, Рубежевичи потеряли свое значение укрепленного городка и вошли в состав Великого княжества Литовского как часть Койдановского поместья. В 1550 г. король Сигизмунд Август подарил в вечность Николаю Радзивиллу Рудому Койданов, и тогда же Рубежевичи вошли в состав вновь возникшего графства Радзивиллов. Местечко это, будучи резиденцией владельцев, достигло высокой степени процветания: население его достигало свыше 2000 чел. Затем значительно позже Рубежевичи перешли в качестве приданого за единственной дочерью Доминика Радзивилла Стефанией к Витгенштейнам, во владении которых и находились еще в XIX в. Была здесь униатская церковь, которая просуществовала до половины XVIII в., эта церковь сгорела и не была возобновлена. Костел, выстроенный на средства Радзивиллов, просуществовал до 1866 г. В этом же году священник Антоний Свибода торжественно принял православие, и костел был переделан в православную церковь. В эту церковь в 1867 г. Александр II прислал богатую икону Казанской Божьей Матери. В последующее время местечко пришло в упадок, и в настоящее время не сохранилось даже следов прежнего его значения. В местечке есть церковь, переделанная из костела, церковная школа, открытая в 1866 г., и два молитвенных еврейских дома; ярмарки бывают здесь 9 мая, 29 июня, 15 августа, 8 сентября и 6 декабря.

Недалеко от местечка Рубежевичи у р. Сулы находится небольшое бывшее радзивилловское село Жидовичи. В окрестностях села расположено много доисторических валов и курганов. В лесистых болотах возле Жидовичей берет начало правый приток р. Сулы— Погребица. На северо-запад от местечка Рубежевичи, верстах в 13, влево от старой почтовой дороги в селе Ивенец, расположено местечко Слободка Рубежевицкой волости, с православной церковью, в местности холмистой с крупно-песчаной, но довольно урожайной почвой. Мещане—евреи местечка занимаются мелкой торговлей и огородничеством. Село Ивенец расположено к северу от Рубежевичей, верстах в 23, при р. Волма, притоке р. Ислочь, у старой почтовой дороги из Минска в г. Ошмяны (Виленской губернии); жителей здесь насчитывается около 2000 чел.; есть православная церковь и два костела; однажды в год, в день Св. Троицы, бывает здесь ярмарка, а базары — по воскресеньям. Известность этого местечка начинается с XIV в., когда оно было отдано великим кн. Витовтом племяннику его кн. Андрею Владимировичу. Впоследствии Ивенец перешел к Сологубам, здесь некогда был монастырь францисканцев и кальвинский собор. На з.—ю.-з. от села Ивенец верстах в 5, у самой границы Виленской губернии, лежит местечко Камень. В XVI в. оно принадлежало Забрезинским, которые

в 1522 г. основали здесь костел. В XVII в. местечко досталось Юдицким. Далее от села Ивенец на север, невдалеке от границы Виленской губернии, при старой почтовой дороге из Минска в Ошмяны, находится село Першаи, бывшее некогда столовым имением виленских епископов. Перешли Першаи к Радзивиллам после 1795 г., а потом — к Тышкевичам. Юрий Радзивилл, кардинал и епископ виленский, сделал пожертвование в 1600 г. на постройку здесь приходского костела, который был перестроен Тышкевичами под названием костела св. Юрия. В селе есть сельская школа, в населении преобладают евреи, ведущие мелкую торговлю. Почва песчаная, лугов, лесов и крупного зверя много.

К юго-востоку от ст. Негорелая верстах в 18, в Игуменском уезде лежит местечко Узда. Расположено это местечко у р. Уздянки, впадающей в р. Уссу. Жителей в Узде более 1600 чел., причем большую часть их составляют евреи, но есть также и татары, занимающиеся выделкой кожи. Православная церковь св. Петра и Павла существует здесь с XVI в. В 1840 г. владелец местечка Фаддей Завиш построил в Узде на месте прежней деревянной прекрасную каменную церковь. Кроме того, в местечке есть сельское училище, магометанская школа, синагога, мечеть, деревянный костел и почтово-телеграфная станция. Узда в XVI в. принадлежала диссидентам Кавечинским, которые в соседней д. Кухтики имели кальвинский храм. Когда Кавечинские возвратились в лоно католической церкви, то и храм этот был обращен в католическую каплицу. Позже местечко перешло к Завишам. В 1798 г. Казимир Завиша построил большой деревянный костел в форме креста с башней. Этот костел существует и в настоящее время. Верстах в 4 к юго-востоку от Узды, близ деревень Заболотье и Борок, находится исток р. Неман. Верстах в 12 к юго-востоку от Узды расположено местечко Лоша при одноименной реке, с бывшей униатской церковью и еврейским молитвенным домом. В XVII в. Лоша принадлежала кн. Головчинским, а в XIX в. — Грабовским-Топорчикам. В окрестностях местечка водится много дичи и встречаются лоси и медведи. При Минско-Слуцкой почтовой и Игуменско-Слуцкой военно-коммуникационной дорогах расположено к северу от местечка Лоши село и корчма Миколка с бывшей униатской церковью св. Николая. У церкви находится громадный дуб, почитаемый издавна и по настоящее время окрестными жителями. Об этом дубе сохранилось предание, что под ним зарыт клад. В храмовые дни 9 мая и 6 декабря здесь собираются массы окрестного люда. В окрестных селениях есть смолокурни и терпентинные заводы, существующие здесь с незапамятных времен.

Затем по Московско-Брестской железной дороге в 25 верстах от ст. Негорелое лежит последняя в Минском уезде ст. Столбцы и местечко того же имени. Расположено местечко Столбцы вблизи границы Новогрудского уезда, на правом берегу р. Неман, на котором имеется пристань, известная по сплаву леса, ржи и пеньки. В Столбцах есть почтовое отделение и насчитывается 2370 чел. жителей. Здесь расположены Аннесная каменная церковь, построенная в 1825 г. кн. Чарторыйским, и училище. На Немане производится паромная переправа. Окрестные жители занимаются выжиганием извести. Со станции Столбцы отправляется хлебных грузов до 60 тыс. пудов, до 40 тыс. пудов лесных материалов, а с пристани отправляется вниз по Неману всех грузов, считая в том числе и плоты, до 200 тыс. пудов.

Немного южнее Столбцов (верстах в трех), на левом берегу р. Неман, вблизи устья р. Уса, на почтовой дороге из Минска в Варшаву раскинут Новый Свержень — торговое местечко бывшего Несвижского майората и место склада сырых товаров, сплавляемых в Кенигсберг. Начиная от этого местечка, Неман становится судоходным; ширина его здесь при нормальном уровне воды имеет до 18 сажен, глубина — до 3 футов, грунт дна — песчаный. По Неману ходят из судов барки, полубарки, боты, а также ложки и плоты; суда — плоскодонные и приводятся в движение вниз по реке шестами, а вверх — бичевой. Берега Немана несколько возвышены и большею частью песчаны, вследствие чего весною разливы реки бывают неширокими. По реке вывозится лес, лен и пенька. Жителей в Новом Свержне — сыше 1000 чел. Местечко называется Новым Свержнем в отличие от Старого Свержня, который находится на другой стороне Немана против Нового. Основание местечка восходит к XV в. Оно принадлежало Радзивиллам и издавна служило для складирования лесных товаров, льна и пр. Много раз оно подвергалось опустошениям, сначала от татар, затем от шведов, наконец не избежало такой же участи и в 1812 г., когда французские войска отступали. Между местечками Новый Свержень и Могильно (в Игуменском уезде), верстах 7 от первого, расположено при впадении р. Турчанки в Неман небольшое бывшее радзивилловское местечко Николаевщина с церковью, переделанной после 1866 г. из костела, построенного еще Радзивиллами. На Немане у Николаевщины находится брод, а для переправы в большую воду имеются малые плоты. Местечко Могильно лежит при р. Неман на границе Минского и Игуменского уездов. Здесь насчитывается свыше 900 жителей. В местечке есть православная церковь, еврейский молитвенный

дом, школа и волостное правление, а также больница. Через Неман измеется перевоз. В 1235 г. под Могильно произошла жестокая битва из-за обладания литовской Русью между южнорусскими князьями киевским, владимирским и друцким, с одной стороны, и князем литовским Рингольдом, с другой. Последний наголову разбил войска южнорусских князей и возвратился в Новогрудок с богатой добычей. По покорении Северо-Западной Руси Могильно сделалось собственностью литовских князей. Витовт в XIV в. отдал местечко одному из князей в частное владение. Впоследствии оно перешло к кн. Кобринским и в XIX в. находилось во владении кн. Витгенштейнов. Окрестности местечка безлесны, почва песчаная. Весною в прежнее время у местечка устраивалась временная пристань для вязки плотов. К ю.—ю.-в. от Могильно, верстах в 7, в самом углу, образуемом границами Минского, Слуцкого и Игуменского уездов, расположено местечко Песочно. Здесь насчитывается около 900 чел. жителей. В местечке есть православная Покровская церковь приходская и еще другая — кладбищенская. В 1743 г. кн. Михаил Радзивилл, каштелян виленский, делая пожертвования в Новом Свержне на доминиканцев, обеспечил таковые имением Песочным и некоторыми другими. Местечко это некогда принадлежало к княжеству Слуцкому и составляло наследие кн. Олельковичей. Затем в качестве приданого за Софией из рода Олельковичей оно перешло к Радзивиллам, а в 1823 г. — к Онуфрию Иодко, впоследствии игуменскому маршалку. Имение при Песочне состоит из нескольких фольварков, один из которых переходит на другую сторону Немана и называется Наднеманом. Здесь есть дворец, построенный над самым Неманом, с обширным садом и парком. В имении ведется образцовое хозяйство и есть метеорологическая станция. Ниже местечка устроен паром, а также первая пристань на р. Неман, откуда весною во время разлива Лоши, Турии, Вилы и других речек сплавляется много леса, который транспортируется в Мемель. Население кроме земледелия занимается также сплавом леса и постройкой мелких лодок. Местечко с окрестностями представляет лесистую и живописную местность. О древности его можно судить по находимым на берегу Немана остаткам разного рода кремневых и каменных орудий доисторического времени.

От станции Столбцы Московско-Брестская железная дорога, направляясь на юго-запад, по пересечении близ Столбцов мостом р. Неман, входит в пределы Новогрудского уезда. Первая станция в уезде Городея, в 22 верстах от Столбцов, грузящая свыше 700 тыс. пудов хлеба. Эта станция имеет очень важное значение, так как лежит в плодородной местности Новогрудского уезда, благодаря чему сделалась пунктом сосредоточения торговли земледельческими продуктами, главным образом зерном. В настоящее время даже такие крупные города, как Варшава, имеют здесь своих постоянных агентов. Кроме железной дороги через станцию Городея проходит также почтовый тракт, соединяющий Слуцк через Несвиж и Мир с Новогрудком. Близ станции лежит у почтового тракта с. Городея с урожайной почвой. В последнее время оно принадлежало гр. Брохоцким.

На севере, в 10 верстах от станции Городея, по почтовому тракту из Несвижа (Слуцкого уезда), лежит село Семаково. Почва в окрестностях села Семакова урожайная. Население занимается кроме земледелия столярным ремеслом.

В 16 верстах к северу от ст. Городея, по Новогрудской почтовой дороге у р. Миранки, правого притока Уши, находится древнее местечко Мир, расположенное в местности гористой, безлесой, но урожайной. Местечко построено почти исключительно из дерева. Жителей здесь насчитывается до 2900. В Мире есть 2 православные церкви, 2 католические часовни, магометанская мечеть, синагога, несколько еврейских молитвенных домов, сельские училища — мужское и женское, станция на почтовой дороге Несвиж—Лида и становая квартира. В настоящее время Мир представляет собою самое обыкновенное, грязное местечко, но в прошлом его были и светлые моменты. Оно было населенным и торговым пунктом и имело укрепленный замок, развалины которого сохранились и по настоящее время. Первоначальная история местечка неизвестна, а предание об основании его ливонскими рыцарями едва ли правдоподобно. Достоверно же известным Мир делается только с XIV в., когда он принадлежал роду Иллиничей, а название его показывает, что, очевидно, поселение это было местом заключения мира или перемирия двух каких-то племен и, может быть, даже Литвы и Руси. Первое упоминание о Мире относится к 1395 г., когда ливонские рыцари, поддерживая Свидригайла в борьбе с Витовтом, разрушили в числе других городов и Мир. Затем в 1434 г., когда на литовском престоле сидел Сигизмунд Кейстутович, он подарил Мир Сенке Гедеголдовичу. Впоследствии, переходя из рук в руки, местечко сделалось собственностью рода Иллиничей, ныне угасшего. Один из них, Юрий Иллинич, начал заниматься упорядочением своего наследства, покупкой соседних волостей, а может быть, уже и начал обустраивать местечко, но татарские набеги в 1505—06 гг. мешали его начинаниям. Кто, собственно, построил в Мире замок, остатки которо-

го сохранились и до наших дней, — неизвестно; был ли его основателем упомянутый выше Юрий Иллинич, умерший в 1520 г., или сын его, или внук его, — неизвестно, но во всяком случае достоверно только то, что в начале XVI в. был уже здесь великолепный укрепленный замок в готическом стиле с пятью башнями. Юрий Иллинич расширил свои владения и оставил своим наследникам громадное имущество. Один из них, Щенсный Иллинич, после смерти сонаследников считался единственным владельцем имущества и умер в 1540 г., оставив наследником своего сына Юрия, опекуном которого был могучий в то время и славный родственник его по матери кн. Николай Черный Радзивилл. Последний в роде Юрий Иллинич умер бездетным и завещал Мир сыну своего опекуна Николаю, известному под прозвищем Сиротки. Таким образом, в 1569 г. Мир перешел к Радзивиллам несвижской линии, а при установлении майората, который Николай Радзивилл с братьями учредил на оставшееся после отца наследство и который был утвержден сеймом в 1589 г., Мир сделался одним из имений Несвижского майората, и жители местечка получили разные привилегии и льготы. После этого Мир в продолжение нескольких веков (1549—1813 гг.) принадлежал майоратным владельцам Несвижа, которых было семь: Николай Радзивилл Сиротка, Александр Людвиг, Михаил Казимир, подканцлер литовский, Карл Станислав, канцлер литовский, Михаил Казимир, воевода виленский и гетман литовский, Карл Станислав, воевода виленский, обыкновенно называемый Пане Коханку, и последний — Доминик, по смерти которого Мир как приданое за дочерью его Стефанией, вышедшей замуж за кн. Витгенштейна, перешло в род Витгенштейнов, во владении которых и находилось в XIX в. Во время кн. Михаила Казимира, третьего майоратного владельца Мира, в 1655 г. Мирский замок был осажден и взят шведами, которых собрал сюда известный авантюрист Богуслав Радзивилл, конюший литовский, будучи обижен своим родственником Михаилом Казимиром. Второй раз, в 1706 г., шведы опять напали на Мир и сожгли замок. После шведских войн замок был реставрирован, и до 1794 г. в нем проживали владельцы Радзивиллы. Это обстоятельство сильно подняло Мир, а во время князя Карла Пане Коханку, который жил здесь после первого брака, местечко достигло наивысшего процветания. В 1785 г. в этом замке торжественно и пышно был принимаем Карлом Станиславом король Август, возвращавшийся из Несвижа. В 1794 г. Мир был осажден русскими войсками, и замок был разрушен. Во время Отечественной войны 1812 г. Мир был ознаменован жаркой битвой казаков Платова с ариергардом короля Вестфальского, спешившего в Новогрудок. При этом был взорван и старинный Мирский замок.

При ближайшем рассмотрении развалин замка можно прийти к заключению, что он был построен в разные эпохи. Здесь заметны влияния трех архитектур: пять башен и стена между ними — самые древние; потом была пристроена к средней башне оборонительная стена в форме полукруга и, наконец, при северной и восточных стенах замка также были пристроены во время Николая Радзивилла Сиротки два крыла о двух этажах с каменными косяками в окнах и дверях. Эти два крыла имели в себе до 40 комнат, великолепно украшенных лепными работами. Под этими двухэтажными постройками были еще в замке помещения, а под последними — погреба. Первый этаж был со сводами, а второй — без сводов; на южной стороне замка внутри его находились постройки для служащих, а снаружи, между башнями, при главных стенах — длинные и узкие пристройки для конюшен и разных складов. Капитальные стены замка необыкновенно широки (свыше 3 аршин) — красные из очень хорошего, гладкого кирпича, с бойницами, из которых осталось на востоке и на юге по пяти, а на западной стороне одна бойница. На четырех углах также были надстроены башни с прочными стенами и таким образом приспособлены, чтобы из них можно было стрелять во всю длину замка. Из башен сохранились во всей своей первоначальной чистоте только две — юго-западная и средняя, над воротами замка. И они действительно являются прекрасным образцом средневековой постройки укрепленных замков; остальные же башни подверглись значительным изменениям в последующее время. Наверху башни украшены нишами, оштукатуренными в белый цвет, который при темно-красной окраске кирпича производит чрезвычайный эффект. Возвышаются они на 4—5 этажей над землею, причем каждый этаж вооружен бойницами. В некоторых бойницах есть отверстия для метания камней на осаждающих. Первые два или три этажа замка были квадратными, а остальные — восьмиугольными. Замок окружен высоким валом, уже во многих местах совершенно разрушенным. В местечке также был приходский костел св. Николая Чудотворца, каменный, в готичес-

[1] Слово воты происходит от латинского слова votum, что значит обет; в случае утери или кражи вещи изображение ее делалось из серебра и привешивалось к иконе с уверенностью, что вещь будет найдена или возвращена. Была также уверенность, что, если болит рука или другая какая-либо часть тела, то надо проделать то же самое — и больной выздоровеет. Такие «воты» встречаются в настоящее время в католических костелах.

ком стиле, с одной башней, построенный в 1594 г. В этом костеле находилась чудотворная икона св. Антония, патрона утерянных вещей. Вся икона была увешана так называемыми «вотами»,[1] изображающими лошадей. Эти «воты» имели свою причину: окрестности Мира богаты лугами, и коневодство здесь процветало, но вместе с коневодством было здесь развито и конокрадство. В 1860 г. костел был обновлен, а через три года обращен в православную церковь. Был здесь и другой костел, построенный в 1700 г. Карлом Станиславом Радзивиллом. По упразднении унии он также обращен в православную церковь. Во время Радзивиллов, особенно Карла Станислава Пане Коханку, устроившего в Мире свою резиденцию, местечко достигло в торговом отношении высокого процветания, причем торговля велась евреями. Здесь были богатые еврейские магазины с заграничными шелковыми материями и разного рода галантерейными мелочами. Слава о них далеко распространилась в окрестностях, так что вошло даже в обычай: если барышня собиралась замуж, она ехала в Мир. В настоящее время ничего этого уже не осталось. Кроме евреев с незапамятных времен здесь жили цыгане, исповедовавшие католичество. Мир сделался главным местом жительства их во время майоратных владельцев Радзивиллов. Здесь же происходили и выборы цыганского старшины, или короля, который имел право следить за поведением цыган и воспрещать торговлю тем, которые не имели постоянного местажительства. Цыгане занимались ремеслами, а больше всего — кражей и барышничеством лошадей. Последним цыганским королем был некто Марцинкевич, умерший в 1790 г. О нем осталось в народе много разных рассказов с фантастической и анекдотической подкладкой. После смерти его цыганское общество прекратило свое существование, и после 1794 г. цыгане совершенно разошлись. С уходом цыган евреи взяли барышничество лошадьми в свои руки. Кроме того, в Мире есть и татары, поселившиеся здесь еще со времен, кажется, Витовта, в числе нескольких семейств. Они занимаются главным образом кожевенным производством и имеют небольшую деревянную мечеть в Мире. Некогда Мир славился конскими ярмарками; эти ярмарки и в настоящее время происходят два раза в год — 9 мая и 6 декабря.

Дальше, по той же почтовой дороге в 12 верстах от Мира, в местности холмистой, безлесой, с почвой, годной для произрастания пшеницы, раскинуто местечко Турец. Население местечка свыше 1000 чел.; христиане занимаются земледелием, а евреи — мелкой торговлей; есть несколько лавок. В местечке находятся каменная церковь, построенная на месте прежней Покровской церкви, еврейский молитвенный дом и почтовое отделение. Турец — очень древнее поселение. В XIV в. оно было уделом кн. Владимира Ольгердовича, а в конце XIV в. — собственностью Ходкевичей. Севернее местечка, у границы с Виленской губернией, у рек Неман и Уша раскинуто небольшое местечко Еремичи. В местечке есть церковь, волостное правление и два еврейских молитвенных дома. Население почти исключительно евреями, занимающимися мелкой торговлей. Христиане же занимаются сплавом. Далее по почтовому тракту, верстах в 11 за Турцом, лежит небольшое местечко Кореличи, весьма древнее, у р. Рутица, в безлесой, но довольно красивой местности. Местечко принадлежало когда-то литовским князьям, а в XIX в. находилось во владении кн. Витгенштейнов. В местечке есть церковь (бывшая униатская), почтовая станция и волостное правление. Постройки деревянные, жители занимаются земледелием, евреи — мелкой торговлей. Кореличи и его окрестности имеют очень плодородную почву и богаты лугами, очень хорошо произрастает здесь пшеница-сандомирка. Лет пятьдесят тому назад был здесь сахарный завод, упраздненный впоследствии за недостатком дров. Относительно истории этого местечка известий сохранилось немного: находясь в богатой местности, при дороге, ведущей в самое сердце Литвы и до границ Польши, местечко это часто было свидетелем военных походов и сборным пунктом разных войск. В 1395 г., когда Свидригайло вел войну с Витовтом, по его просьбе ливонские рыцари под предводительством Юнгингена, шедшие походом на Мир, остановились в Кореличах. В 1505 г. крымские татары совершенно опустошили Кореличи, в 1655 г. шведы, идя на Мир, также не пощадили местечка. В 1705 г. Петр Великий, проезжая из Гродно в Москву, прибыл в Кореличи 21 декабря, пышно был принят здесь Карлом Станиславом Радзивиллом, канцлером литовским, ярым сторонником Августа II. В отмщение ему шведы в 1706 г. опустошили окрестности Несвижа, Мира и Корелич. В 1784 г. через Кореличи проезжал король Станислав Август, возвращаясь из Несвижа, а в 1812 г. в Кореличах перебывали войска французские, русские и польские.

К с.—с.-в. от Корелич, верстах в 8, при р. Неман лежит у границы Виленской губернии местечко Щорсы с плодородной почвой. С древнейшего времени оно принадлежало знаменитому белорусскому роду Хрептовичей и замечательно своим великолепным каменным дворцом, роскошным садом и богатейшей библиотекой во дворце, собранной владельцем, известным ученым археологом канцлером гр. Иоахимом Хрептовичем. В библио-

теке есть много редких книг и рукописей; одних только польских названий насчитывается до 6000 томов. В Щорсах две церкви: одна — кладбищенская, а другая — каменная во имя св. великомученика Дмитрия, прежде униатская, а ныне православная. В ней хранится образ св. Дмитрия, перенесенный сюда, как говорят, из Москвы во время грабежей самозванцев, в период 1605—12 гг. При церкви сохранилось рукописное евангелие 1545 г. владельца имения Щорс Богдана Мартыновича Хрептовича. В царствование имп. Александра I в Щорсах было устроено ланкастерское училище для крестьянских детей, которое находилось в ведении священника. В имении ведется образцовое хозяйство. Из Щорсов есть дорога в Лаврышев. Это в настоящее время два села, невдалеке расположенные одно от другого на обоих берегах р. Трепяченки, у долины р. Неман, в местности безлесой, но плодородной и богатой лугами. Население занимается земледелием и сплавом. В Лаврышеве с древнейших времен был монастырь, в который около 1265 г. поступил в монахи кн. Войшелк Миндовгович, уступив Новогрудок усыновленному им Шварку Даниловичу. В Лаврышеве перед Брестской унией была православная семинария брестской митрополии. Около 1600 г. монастырь был переделан в базилианско-униатский, в 1836 г. был обращен в униатский, а в 1839 г. — в православный приход.

Верстах в 13—15 к ю.—ю.-в. от ст. Городея на р. Уше, притоке Немана, расположен заштатный город Несвиж. Об основании Несвижа сохранилась следующая легенда: некогда на месте нынешнего города была весьма высокая гора, настолько крутая, что взобраться на нее было невозможно, а поэтому она и получила название Невидимой горы — Nieswiez gory. Затем случилось сильное наводнение, и гора эта была разорвана, так что вместо одной горы образовалось несколько холмов. Во время этого наводнения сюда занесены были водою несколько судов, а также дом с жильцами. Отсюда здесь и появились первые поселенцы. Легенда эта, конечно, не дает нам никаких сведений о доисторическом состоянии города. На основании же данных первоначальной истории можно прийти к заключению, что Несвиж еще перед XIII в. был укреплением кривичей и столицей княжеского удела и находится в зависимости от княжеств — то Волынского, то Киевского, то Галицкого, то Полоцкого. Летописец заносит в свою летопись следующее событие, касающееся Несвижа: в битве с татарами на Калке в числе убитых был и кн. Федор Несвижский. Значит, Несвиж и в то время был уже княжеством. В половине XIII в. Несвижский удел был в обладании Литвы. Однако, кажется, что династия прежних князей владела им на ленном праве. К концу XIV в. князья несвижские Григорий и Иван дали присягу на верность Ягайле и Ядвиге, а в 1430 г. удел находился во владении Федора Корибутовича, внука великого кн. литовского Ольгерда, потом перешел к потомкам Федора — Даниилу, Василию и др. Под конец XV в. Несвиж без сомнения был отделен от династии, владевшей им на ленном праве. Это видно из того, что в 1492 г. король Александр отдал его за услуги Петру Яну Кишке из Цехановца вместе с некоторыми другими поместьями. Кишки устроили в Несвиже на свои средства первый костел в честь Св. Духа. Интересен факт, что в это время была здесь православная церковь Рождества Богородицы, существовавшая с незапамятных времен и неизвестно кем построенная. В 1513 г. дочь Станислава Кишки, Анна, вышла замуж за Яна Радзивилла, названного Бородатым, каштеляна полоцкого, и в качестве приданого внесла в род Радзивиллов Несвиж вместе с Олыкой и половиной Лахвы. По смерти ее Несвиж сделался собственностью Радзивиллов Яна и Николая, известного впоследствии под названием Черного. Последний в 1547 г. выпросил себе у имп. Карла V княжеский титул римского государства. Этот титул Сигизмунд Август на сейме 1549 г. утвердил, после чего кн. Радзивилл стал писаться князем на Олыке и Несвиже. Во время же Николая Черного, состояшего в родстве с королем, благодаря женитьбе последнего на его сестре Варваре и сделавшегося воеводою виленским, а также маршалком и канцлером Великого княжества Литовского, Несвиж приобрел известность, так как сильным владельцем были легко выпрошены для него разные привилегии и льготы. Будучи ярым противником унии Литвы с Польшей, Николай Черный открыто отступил от католической церкви и принял «гельветское» исповедание (кальвинизм). Это последнее обстоятельство сильно отразилось на Несвижском уделе: Николай Радзивилл отнимал у католиков костелы и отдавал их протестантам. В разгар этого реформационного движения в Несвиже появилась типография под управлением Даниила Лещица, и здесь Кржишковский вместе с Матеем Кавечинским издали на народном белорусском языке в 1562 г. «Катехизис» Симона Будного и другие произведения для народа в духе нового направления, а позже и польскую библию, переведенную Будным. Таким образом Несвиж сделался очагом новаторских идей, которые, проходя разные фазы своего развития, в конце концов подошли под так называемое «социнианское» учение.

Со смертью Николая Черного в 1565 г. произошли громадные перемены: сыновья его Нико-

лай, Юрий, Альберт, Станислав, хотя и были воспитаны в вере отца, однако более сочувствовали католической религии, и когда Николай, известный под именем Сиротки, опасно заболел, то одному католическому духовному лицу легко удалось убедить его возвратиться в лоно католической церкви. Вскоре после выздоровления Сиротка принялся за уничтожение реформаторской работы своего отца, а последователи реформации были повсюду вытеснены. Приходский костел вместе с типографией был отдан в распоряжение иезуитов, для которых Сиротка выстроил коллегию и одарил ее несколькими имениями. Иезуиты усердно занялись уничтожением реформаторства, сжегши публично на рынке все произведения реформаторской эпохи. В 1584 г. Николай Сиротка построил в Несвиже великолепный замок, существующий и доныне, а также им была открыта при иезуитской коллегии школа. Пять лет спустя было положено основание иезуитской базилики, в подземельях которой должен был почивать прах князей многих поколений. В 1593 г. эта базилика была окончена и освящена и существует по настоящее время, составляя действительно украшение города. До времени кн. Николая Сиротки город был незначителен. Сиротка поднял его, выписав из-за границы лучших ремесленников, купцов и промышленников, затем исходатайствовал у короля Стефана Батория привилей, уравнивавший несвижских мещан с мещанами Литвы и Польши, укрепил за мещанами Несвижа навсегда безо всякой платы городские усадьбы, а также отдал им в собственность все пивные и винокуренные заводы, солодовни и пр. под условием известных ежегодных денежных взносов на больницу, школу и пр. Затем постановил, чтобы мещане управлялись так называемым «саксонским правом». Тогда же были установлены здесь еженедельные торги и две годовых ярмарки на Троицу и перед рождественскими праздниками. Вообще, Сиротка был действительным основателем величия г. Несвижа. В 1586 г. город получил от короля Стефана Батория герб, изображавший разделенное надвое золотое поле; с одной стороны поля виднелся выходящий до половины из середины черный орел с распростертым крылом на щите, а с другой — снизу вверх десять полос, голубые и красные попеременно. Сироткой и его женой были построены в Несвиже два монастыря: один в 1590 г. — женский бенедиктинский, а другой в 1598 г. — бернардинский. Вследствие законов 1566 г. ленная собственность на Литве упала, а шляхта могла свободно распоряжаться своими земельными имуществами и раздроблять их, разделяя и распродавая. Князь Сиротка, опасаясь, чтобы следствием этого закона не произошло падения радзивилловского богатства, а затем и умаления влияния дома Радзивиллов на судьбы края, войдя в соглашение с братьями Станиславом и Альбрехтом, исходатайствовал у короля Стефана Батория в 1586 г. привилей на установление на вечное время трех майоратов — Несвижского, Олицкого и Клецкого с тем, чтобы по прекращении какой-либо линии имения сливались в один майорат. Олицкий майорат просуществовал до 1614 г., а потом достался Михаилу Казимиру, владевшему Несвижским майоратом. Последним несвижским майоратным владельцем был кн. Доминик Радзивилл, умерший в 1813 г. После его смерти оба майоратные имения, т. е. Олицкое и Несвижское, перешли к Антонию Радзивиллу из линии майоратных владельцев Клецка, а в 1874 г. произошло соглашение между Антонием, майоратным владельцем Несвижа, и кн. Леоном, таким же владельцем Клецка, по которому Клецкий майорат вошел в состав Несвижского.

Таким образом наследство Сиротки по истечении почти 300 лет слилось в один Несвижский майорат, заключающий в себе около 7600 волок пространства, 8 местечек, около 128 фольварков и более 8 лесничеств. В 1616 г. умер Сиротка, ему наследовал сын его кн. Ян Юрий Радзивилл, каштелян троцкий. Последний торжественно принимал в Несвиже королевича Владислава IV, ехавшего в Москву. Вступив на польский престол, Владислав подтвердил прежние права Несвижа, прибавив и некоторые новые. Это было уже при Альбрехте, владевшем Несвижем после Яна. Альбрехту же наследовал брат его Александр — послушное орудие в руках иезуитов. В его время произошла война короля Яна Казимира с русскими. Несвиж не избежал нападения русских войск, и хотя крепость взята не была, но город был опустошен совершенно. В 1659 г. отряд русских войск из армии кн. Хованского опять осадил Несвижский замок и город вторично подвергся опустошению. После каждого из этих опустошений город получал разные льготы. Один из следующих майоратных владельцев был кн. Михаил-Казимир, женатый на Екатерине Собесской, сестре короля Яна III. После его смерти вдова его управляла майоратным имением и издала очень полезный устав для купеческого сословия, утвержденный на сейме 1681 г. На основании этого устава в Несвиже производилась четырехнедельная ярмарка, известная под названием Михайловской и продолжавшаяся с 25 августа по день св. Михаила (в начале ноября). Сын Екатерины Радзивилл в 1692 г. освободил городских крестьян от крепостного права и дал им права, одинаковые с мещанами. В 1706 г., 14 августа, шведы под предводительством Карла XII, мстив-

шего владельцу Несвижа кн. Карлу Станиславу Радзивиллу, стороннику короля Августа II во время спора его с Лещинским из-за польской короны, взяли город и совершенно разорили его вместе с крепостью, оставив только костел. Вероятнее всего, что город не был бы взят, так как осажденные держались крепко, но отсутствие изменнически задержанного Мазепой отряда оказалось гибельным для города. В течение двадцати лет после этого нападения Несвиж оставался в разрушенном виде, так как Радзивиллы принимали в это время весьма деятельное участие в делах Речи Посполитой и не могли сосредоточить своего внимания на Несвиже. В 1726 г. вступил в майоратные права старший сын Карла Станислава — Михаил Радзивилл. Обладая огромными средствами, Михаил вскоре совершенно восстановил город, построил монастыри и костелы, завел фабрики и заводы, укрепил замок, устроил архив и собрал громадную библиотеку, картинную галерею и коллекции по разным отраслям науки и искусства. После Михаила, когда в Несвиже жил Карл Радзивилл, известный под именем Пане Коханку, город еще более украсился. Карл Радзивилл жил весьма роскошно и устраивал часто в Несвиже великолепные празднества, но, будучи сторонником саксонского дома, вооруженно выступил против сторонников Понятовского и затем должен был бежать за границу. Потом он возвратился и принял участие в Барской конфедерации. Несвиж был взять русскими и все его укрепления разрушены, а Карл опять удалился за границу. Это было в 1768 г. Несколько лет спустя он возвратился и поселился в Несвиже, обустроил его и зажил с прежней пышностью. В 1785 г. он торжественно принимал у себя короля Станислава Августа, отправлявшегося в Гродно на сейм.

После смерти Карла в 1792 г. Несвиж перешел к кн. Доминику Радзивиллу, но в том же году при открывшихся военных действиях в Польше был взят русскими войсками штурмом, окончательно потерял значение и был присоединен к России. Доминик жил так же пышно, как и его отец, гости почти не оставляли замка. Вследствие этого город обогащался новыми гостиницами, «заездами», магазинами и пр. В 1812 г. Доминик принимал участие во французской кампании, а в 1813 г. умер. После его смерти с разрешения имп. Александра I Несвижский майорат был отдан кн. Антонию Радзивиллу из прусской линии Радзивиллов. Затем в 1835 г. в Несвиже была упразднена доминиканская школа, в которой обучался польский поэт Сырокомля, а пожары 1836 и 1843 гг. довели город до упадка, и он не был в состоянии оправиться. В последнее время Несвиж был во владении прусского генерала кн. Антония Радзивилла, кажется, при нем замок был обновлен и доведен до возможной пышности. До 1795 г. Несвиж официально считался владельческим местечком, затем был назначен уездным городом, а в 1796 и 1802 гг., при издании штатов Минской губернии, в числе уездных городов не был упомянут. В городе есть одна православная Преображенская церковь, находящаяся с 1846 г. в зале несвижской городской ратуши, так как бывшая здесь ранее церковь сгорела в 1836 г. В прежнее время в Несвиже были еще Георгиевская и Пречистенская церкви. Последняя была построена в 1577 г. Николаем Радзивиллом. В городе имеются два костела, одна синагога и 7 еврейских молитвенных домов, учительская семинария (с 1809 г.) и начальное при ней женское училище, а также еврейское училище. Жителей в Несвиже числится 8850 чел. В населении преобладают евреи (до 5000 чел.), свыше 2000 чел. православных и свыше 1000 — католиков, остальные составляют прочие исповедания. В сословном отношении преобладают мещане (до 6000 чел.), затем идут крестьяне (свыше 1000 чел.). Христианское население занимается главным образом земледелием, а евреи — торговлей и факторством. Городские доходы достигают 7 тыс. руб. Знаменитый своими воспоминаниями в прежнее время, Несвиж теперь самый обыкновенный городок и ничего замечательного не представляет кроме небольшого архива с незначительным количеством книг и рукописей (не имеющих, впрочем, значения для местной истории) и портретного зала, в котором заслуживают внимания мраморная доска с надписью о победе короля Яна III Собесского над турками в 1683 г. и портрет княжны, дочери тверского князя, а потом жены одного из Радзивиллов. В последнее время в замке помещалось управление ординацией, а княжеская семья приезжала сюда только на несколько летних месяцев.

В архиве замка сохранился инвентарь 1659 г., в котором имеются данные о величии, красоте и богатстве замка в XVII в. При замке были две часовни — одна, построенная Сироткой, а другая, сооруженная Михаилом Казимиром Радзивиллом для помещения в ней иконы Божей Матери в воспоминание о победе короля Яна над турками. Кроме того, в состав замка входили словолитня и плавильня. Замок был окружен со всех сторон водой озер Паненского и Пионерского и каналов, разделялся на две части — дворец и крепость. Дворец состоял из 12 громадных залов, из которых каждый имел свое название. Здесь была кунсткамера с редкими произведениями искусств и художеств, арсенал с 84 щитами, 30 бронзовыми рыцарскими доспехами, большим количеством различной аммуниции, охотничьих принадлежностей и ружей, хра-

нилище древностей с гетманскими булавами, маршальскими посохами Радзивиллов, слитки серебра, найденные при раскопках в Несвижской округе, нумизматическая коллекция, разные орнаменты и пр. Было и другое хранилище — тайное, о котором никто не знал, кроме Радзивиллов и их верных слуг. Сохранилось предание, что здесь были скрыты громадные массивные серебряные фигуры двенадцати апостолов, богатый архив, в котором хранилось много писем европейских монархов, а также важные документы, касавшиеся истории Западной Руси, особенно Белоруссии, Литвы и Польши. Кроме того, здесь были подлинные дипломы, привилеи, грамоты, данные князьями литовскими, а особенно Владиславом Ягеллоном русским церквам на владение землями. Был здесь, наконец, подлинный акт унии и булла папы Урбана XII, касающаяся устройства в Западной России униатских церквей. Куда это все девалось — неизвестно. Замечательная была также библиотека, украшенная большими грудными фигурами древних философов, сделанными из фаянса на фабрике кн. Радзивиллов в Свержне. В библиотеке было до 20 000 томов на разных языках (в том числе и на белорусском); большая часть книг принадлежала к началу XVII в. Как на редкую книжку в библиотеке надо указать на следующее название: «Спорка меж униятами и католиками папскими», в которой доказывалось, что никакая булла не может превратить унию в католицизм, так как уния ближе к греческой церкви, чем к католической. Особое отделение составлял портретный зал, происхождением своим он был обязан кн. Сиротке. Здесь были портреты выдающихся лиц Литвы и Польши: Ивана Грозного и всех Радзивиллов, жен их и породнившихся с домом Радзивиллов, а также иконы, мифологические картины и разные произведения итальянской и фламандской школ. Что касается крепости, то это было значительное укрепление, обведенное стеной и снабженное огнестрельными орудиями. При укреплении находился гарнизон, а также тюрьма. В народе сохранилось предание, что между замком и Михайловской горой были обширные подземелья, которые служили для жителей Несвижа убежищем во время нашествия татар, а потом шведов. Действительно, следы подземелий кое-где сохранились.

Возвращаемся к Московско-Брестской железной дороге. В 19 в. за Городеей находилась ст. Погорельцы, грузящая около 300 тыс. пудов хлебных грузов.

Верстах в 6 к востоку от станции на р. Словенка, притоке р. Уша, расположено местечко Снов. Окрестности местечка слегка холмисты, безлесны, с хорошей почвой для пшеницы. В местечке находится становая квартира, волостное правление, церковь, переделанная из костела, а также церковь св. Петра и Павла с 1836 г. каменная, построенная на средства Казимира Рдултовского. Местечко имеет около 50 дворов, почти исключительно еврейских, и до 400 жителей. В Снове сходятся несколько торговых дорог, идущих от Несвижа, Полонечки и Столович. Снов принадлежал некогда Радзивиллам, а потом перешел во власть Рдултовских. Конюшни Рдултовских славились своими лошадьми. В конце XVIII в. один из Рдултовских построил здесь громадный дворец в 100 комнат. Во время Барской конфедерации Снов был разрушен. Король Станислав Август, приезжая в Несвиж в 1785 г., ночевал в Снове 15 сентября и с большим парадом был приветствован кн. Карлом Радзивиллом Пане Коханку. В 1812 г. 9 ноября здесь произошла горячая стычка между отрядом капитана Рокасовского из дивизии Домбровского и казаками. В 1854 г. Снов с фольварками Нижний и Верхний Снов купил бар. Густав Гартит, женившийся на княжне Любецкой. Имение заключает в себе 2672 десятины земли. Винокуренный и пивоваренный заводы, мельницы и пр. делают имение весьма доходным. Дворец Рдултовских занимает только небольшую часть, а остальное пустует.

В 10 верстах к северу от ст. Погорельцы, по дороге из м. Снов в Мир, в 21 версте от последнего лежит небольшое местечко Ишкольдь, принадлежавшее в более давнее время Ильиничам, потом — Радзивиллам, а в последнее время — Витгенштейнам. История этого местечка связана с судьбой местечка Мир, так как местечко входило в состав так называемого Мирского ключа. Здесь был некогда католический костел, переделанный, по преданию, из языческого капища. В 7 верстах от местечка Ишкольдь лежит при р. Змейке, левом притоке Уши, незначительное местечко Полонечка. Жителей здесь более 500 чел. В местечке есть костел св. Юрия, построенный в 1751 г. епископом-суфраганом Жалковским. Принадлежало местечко прежде Дусяцким-Рудоминым, а в последнее время — Радзивиллам. В конце XVIII и в начале XIX в. в Полонечке жил Маций Радзивилл, что способствовало росту местечка. Дворец его славился роскошью и богатством, а празднества, устраиваемые им, прямо кажутся легендарными. После смерти Мацея местечко досталось сыну его малолетнему Константину, над которым опекунами были его родственники по матери Ходкевичи, и потеряло весь свой прежний блеск. Во дворце имеется богатая библиотека, архив и масса произведений искусства, а также коллекция монет. Местность вокруг местечка малолесная, немного холмистая, почва плодородная.

Недалеко от Полонечки, на северо-западе (верстах в 8), в самом центре Новогрудского уезда, у р. Сервечи, притоке Немана, находится небольшое местечко Цырино с церковью, сельской школой и волостным правлением. В местечке и его окрестностях ведутся разработки мела. Местечко было когда-то старостовом и принадлежало Неселовским. Севернее Цырина, верстах в 10, у той же р. Сервечи находится село Любаничи, которое славится своими травами, самыми лучшими в уезде. Местность гористая, безлесная.

К югу от ст. Погорельцы, верстах в 5, лежит местечко Своятичи. Раньше оно принадлежало Обуховичам, а в последнее время — гр. Чапским. Жителей здесь 600 чел. В местечке есть царковь св. Николая, а до 1868 г. был и костел, есть также ветряные и водяные мельницы. В XVII в. владельцы Своятичей Обуховичи имели здесь громадные табуны породистых лошадей. Верстах в 2—3 от Своятичей к западу, в местности малолесной с плодородной почвой, у небольшой р. Ведьмы, притока Щары, лежит местечко Станиславово, называвшееся раньше Ведьмой, с кладбищенской церковью.

За Погорельцами, верстах в 12, Московско-Брестская железная дорога пересекает р. Щара и проходит мимо незначительного местечка Крашина; местечко это расположено у р. Щара, в местности плоской, безлесной, с илистой почвой. В местечке есть костел во имя Божьего Тела, деревянный, построенный ксендзом Матушевским.

В 22 верстах от станции Погорельцы лежит узловая станция Барановичи при одноименном селении. Здесь Московско-Брестская железная дорога пересекается с двумя линиями Полесских железных дорог — Вильно-Ровенской и Барановичско-Белостоцкой. Станция Барановичи грузит до $^1/_2$ млн. пудов главным образом хлебных грузов.

Отходящая на запад от станции Барановичско-Белостоцкая линия Полесских железных дорог принадлежит рассматриваемой области всего на протяжении 18 верст. Верстах в 5 от Баранович эта линия оставляет верстах в 2 к северу от себя по р. Мышанке, притоке Щары, местечко Новая Мышь, построенное из дерева, с Преображенской деревянной церковью, костелом, католической часовней, сельской школой, больницей, синагогой и волостным правлением. Жителей здесь насчитывается свыше 1000 чел. с преобладанием евреев. В местечке бывает несколько ярмарок, на которых главным предметом торговли служат продукты и скот. Почва в окрестностях хорошая, местность безлесная. До XVI в. местечко принадлежало Польше, а в 1568 г. король Сигизмунд Август в награду за военные подвиги пожаловал его Яну Ходкевичу, старосте жмудскому, позволив ему в то же время носить титул графа, который получил для себя и потомства отец его Иероним, будучи послом у имп. Карла V. Отсюда Ходкевичи начали называться графами на Мыше, Шклове, Быховце и Глуске. Затем местечко переходило из рук в руки, а в последнее время находилось во владении Неселовских. Здесь был когда-то замок, называемый Ходкевичским, но теперь, кажется, и следов от него не осталось, так как Новая Мышь не раз во время казацких набегов была уничтожена и местечко потеряло свое прежнее значение. В 1784 г. король Станислав Август по пути из Пинщины в Несвиж посетил в Новой Мыши 14 сентября владельца Иосифа Неселовского. В 18 верстах от Баранович при ст. Жеребиловка, грузящей до 100 тыс. пудов хлебных грузов, железный путь выходит в Гродненскую губернию, направляясь к ст. Слоним. К северо-западу от ст. Жеребиловка, верстах в 3, у самой границы Слонимского уезда Гродненской губернии, на безымянном притоке р. Исса лежит небольшое местечко Полонка. Жителей здесь до 2000, есть православная церковь, часовня и еврейский молитвенный дом. Местечко известно историческими событиями: в 1506 г. во время короля Александра гетманы литовские Станислав Кишка и Михаил Глинский разбили здесь наголову крымских татар, а в 1660 г. коронный гетман Стефан Чарнецкий вместе с гетманом Павлом Сапегой одержали победу над русской армией под предводительством кн. Хованского, кн. Трубецкого, Нащокина, Змиева и Щербатова. Последний при этом был убит, а кн. Хованский и Трубецкой ранены. В Полонке некогда были доминиканцы, которым в 1680 г. Стефан Бржуховский, слонимский земский судья, построил здесь монастырь. Существовал здесь также кальвинский собор. Местность холмистая и лесистая.

В 10 версах. от ст. Барановичи на севере, у р. Щара, при дороге из Несвижа в Слуцк лежит местечко Столовичи, или Стволовичи. Здесь две православные церкви, одна переделанная из прежнего костела, а другая Успенская, обе построены владельцами Радзивиллами, католический костел, молитвенный еврейский дом, две ярмарки и школа. Столовичи сделались известными только с XIV в. Первоначально они были собственностью великих князей литовских и Витовтом или, что вероятнее, королем Казимиром Ягеллончиком были пожалованы Немире Резановичу. В XVI в. местечко перешло к кн. Николаю Радзивиллу Сиротке, сын которого Сигизмунд Карл, получивший образование в Италии, вступил в рыцари мальтийского ордена и в 1609 г. с разрешения гросмейстера ордена учредил в Столовичах командорство ордена, просуществовавшее здесь до времени правления короля

Станислава Понятовского. Сигизмунд Карл привез из Италии на родину и свою любовь к архитектуре и другим искусствам. В 1639 г. он построил в Столовичах великолепный костел и при нем домик с прекрасной фигурой Божьей Матери, искусно сделанной из дерева. В 1868 г. этот костел был переделан в православную церковь и статуя Божьей Матери осталась при церкви. Когда-то местечко славилось своими конскими ярмарками. Местность плоская, малолесная, почва урожайная. Это местечко памятно по удачному делу Суворова против гетмана Михаила Огинского, начальника коронных польских войск. Несмотря на значительное превосходство, поляки были окончательно рассеяны и сам предводитель Михаил Огинский едва избег плена. После второго раздела Польши в 1793 г. Столовичи были назначены уездным городом Столовицкой земли, а в 1795 г. Столовичи опять стали местечком. Река Щара образуется из соединения двух ручьев, сливающих волны от местечка Столовичи. Один из этих ручьев вытекает из небольшого озера Колдычева (около 4 верст в окружности). Вблизи оз. Колдычева лежит село Заосье. Говорят, что это село было местом рождения великого польского поэта Адама Мицкевича. По почтовой дороге из местечка Столовичи в г. Новогрудок, в 5 верстах от оз. Колдычева, расположено у р. Сервеки местечко Городище. Жителей здесь насчитывается до 750 чел. В местечке есть две православные церкви, синагога, пять еврейских молитвенных домов, сельское училище, богадельня, кирпичный завод, более десятка лавок и две ярмарки. До 1831 г. Городище принадлежало Людовику Пацу. Расположено оно в прекрасной и плодородной местности, на горе, а внизу за речкой находится двор с обширным садом и въездной аллеей. За костелом на скате горы видны старый дом священника, осененный плакучими березами, а дальше за рекой, на горе, в зеленой дубраве — приходское кладбище. По другую сторону, на западе, в полуверсте от местечка, находится довольно высокая гора, окруженная валом. Невдалеке виден довольно высокий курган, поросший можжевельником и терном. В нескольких верстах от местечка есть еще местность, называемая Окопами, представляющая двор с господскими постройками, окруженный земляным валом и рвом. К какой эпохе и к каким обстоятельствам надо отнести эти остатки сооружений — неизвестно, без сомнения здесь была древняя крепость.

В 21 версте от ст. Барановичи, при ст. Лесная, грузящей до 200 тыс. пудов дров и лесных материалов, Московско-Брестская железная дорога выходит из Минской в Гродненскую губернию, направляясь к ст. Доманово, расположенной при р. Щара.

К ю.—ю.-в. от ст. Лесная, верстах в 30, начинается Огинский канал, имеющий около 50 верст длины и соединяющий р. Щару, приток Немана, с р. Ясельдой, притоком Пины (Днепровский бассейн). Канал этот был прорыт в 1770—1784 гг. владельцем местности гетманом литовским кн. Михаилом Огинским и с 1795 г. перешел во власть России. Канал проходит через оз. Выгоновское и имеет 9 шлюзов и 1 бейшлот.

Вторая линия, идущая от Москвы и пересекающая рассматриваемую область в широтном направлении, есть Московско-Виндавская, входящая в Бельский уезд Смоленской губернии между станциями Оленино и Мостовая. Последняя расположена на р. Березе в 291 версте от Москвы.

К ю.-в. от ст. Мостовая, в 10 верстах, на той же р. Березе, составляющей здесь границу Ржевского уезда Тверской губернии и Бельского уезда Смоленской губернии, расположено село Татево, заслужившее себе всеобщую известность по долголетней здешней народно-педагогической деятельности бывшего профессора ботаники московского университета С.А.Рачинского. На юг от Мостовой, приблизительно верстах в 15, местность по р. Лучесе около села Шопотова и деревнях Заборье и Баево курганами и городищами. Верстах в 10 восточнее Баева, при д. Кострицы, находится лесопильный завод М.У.Розенгейма. На востоке от Кострицы, верстах в 15, в верховьях р. Лучесы, при селе Новосельске находится самый крупный в уезде стеклянный завод Ю.С.Нечаева-Мальцева с 200 рабочими при двух паровых котлах. Завод основан в 1859 г. и производит посуду, оконное и богемское стекло. Кроме стекольного на заводе существуют гончарное, мукомольное и лесопильное отделения, а также ремонтная мастерская. На ю.-з. от Новосельска, верстах в 12, находятся в селе Покрове на р. Обше два лесопильных завода Д.Я.Козлова. На той же р. Обше, верстах в 5 к ю.-з. от Покрова, расположено село Верховье. Местность эта, по преданию, была предназначена для построения города, но приготовленный материал уплыл, унесенный половодьем в Обшу, на берегах которой и построен был г. Белый. С Верховья во времена царей Федора Ивановича и Бориса Годунова брали известь для строившейся смоленской стены. На ю.-в. от Покрова, верстах в 17, недалеко от границы Сычевского уезда, расположены истоки р. Днепр у деревень Клецево и Аксюнино. Тут же, еще несколько восточнее, начинается и р. Обша, приток Межи, крупная судоходная река.

Следующая за Мостовой станция Нелидово Московско-Виндавской железной дороги находится от нее в 22 верстах при р. Меже, которую здесь и пересекает мостом железная дорога.

Истоки р. Межа находятся отсюда верстах в 25, верст на 10 севернее д. Перевоз. К ю.-в. от Перевоза верстах в 8 находится село Поникли и одноименная речка, упомянутая нами выше, по поводу карстовых явлений. К югу от Нелидова, верстах в 20—25, при Бельском тракте, р. Межа стекается с Березой и Лучесой. Здесь между деревнями Власово, Поисово и Антипово лежит группа озер.

Верстах в 45 от Нелидова по тому же тракту, на р. Обше, лежит уездный город **Белый**. Белый делится р. Обшей на две части: северную — по правому, луговому, берегу, и южную — по нагорному. В древности город назывался также Богородицыным, но название это за ним не удержалось. Белым, или Белою, как знают его древние акты, он, по преданию, называется от реки Белой. Передают, как мы упоминали выше, что материал для постройки города был заготовлен как раз там, где находится с. Верховье, но весеннее половодье снесло его в Обшу, и в том месте, где остановилось снесенное, решили построить город. Исторически этот город встречается в летописи XIV в. После смерти смоленского князя Ивана Александровича Ольгерд занял его вместе со Ржевом и Мстиславлем. С тех пор до 1493 г. Белый принадлежал Литве, но великий кн. Иван III возвратил его Москве. В 1506 г. при великом кн. Василие III здесь были построены укрепления кн. Лобаном-Ряполовским. Этот факт многие считают основанием самого города. В дальнейшей истории Белый является крепостью, прикрывавшей Псковскую и Тверскую области. Поляки добыли крепость, но неудачно: в 1508 г. Белый был сожжен королем Сигизмундом II, но удержать его поляки не могли. Около столетия Белый оставался верен московскому правительству, но в 1608 г. подчинился Тушинскому вору, который передал его пану Олесницкому. Увещевания смоленских воевод или не достигали или не действовали на бельчан. В июле 1609 г. кн. Барятинский и Ададуров освободили Белый. Белый выслал дружину кн. Скопину-Шуйскому, но в этом же году город был взят поляками и казаками, которые и держались в нем под начальством велижского старосты, несмотря на приступы русских и немцев под начальством кн. Скопина-Шуйского. Позднее сюда были присланы и жили здесь некоторое время кн. Дмитрий и Иван Шуйские, братья царя Василия. Уже в царствование Михаила Федоровича Романова в первый поход русское войско под начальством кн. Черкасского и Бутурлина осадило Белый и взяло его, но по Деулинскому перемирью он опять перешел к полякам. Вновь взял его кн. Прозоровский лишь в 1632 г., и здесь русские выдержали осаду самого короля Владислава. Осада эта была весьма печальна для поляков; из их строя выбыло до четырех тысяч ратников, среди раненых находился сам король. Несмотря на эти успехи русских, Белый был вновь уступлен полякам по Поляновскому миру, только солдатам, купечеству и духовенству разрешено было выйти из него. В войну 1654 г. русские взяли его и удержали за собой по Андрусовскому перемирию, а в 1686 г. навсегда присоединили к России. С этих пор боевая жизнь города прекратилась, он даже перестал быть городом и назывался селением Бельская Переправа, однако торговое значение его постепенно разрослось. Пристань на Обше стала принимать к себе товары из Смоленской, частью даже из Орловской и Калужской губерний. В виду этого в 1769 г. Белый стал уездным городом Киевского наместничества, а с 1776 г. был отписан к Смоленскому. Французы в 1812 г. не дошли до города, обманутые, как говорят, каким-то сметливым мужиком, сказавшим, что в городе стоят казаки. Вообще, французы почти совсем не тронули уезда; в нем есть такие захолустные околотки, где и не знают о них. Бельчане, как и другие жители Смоленской губернии, высылали милицию для обороны отечества. В настоящее время город живет главным образом речной торговлей. На Обшинской пристани грузообороты достигают нескольких миллионов пудов. Торгуют с Россией овсом, пенькой и лесом; немало способствуют торговле и подвозные грунтовые пути — Смоленский (он же и почтовый), Вяземский, Сычевский и Торопецкий (он же от ст. Нелидово). В городе есть несколько ничтожных фабрик и заводов. Ярмарок в городе две — Богоявленская (с Богоявления до 13 января) и Петровская однодневная (29 июня). Церквей в городе 5, из них замечателен собор во имя Св. Троицы, построенный в 1789 г., с чудотворной иконой Черниговской Божьей Матери. Сам по себе город скучный и тихий, образование в нем поставлено недурно (прогимназии мужская и женская, духовное и городское училища), до 1805 г. в Белом был кадетский корпус. Население города достигает свыше 7000 жителей.

Из Белого к ю.-в. отходит большая дорога, разветвляющаяся к юго-восточному углу Бельского уезда на Дорогобуж и Вязьму. Верстах в 45 от Белого, западнее большой дороги верст на 9, расположена д. Тетериха с лесопильным заводом гр. Игоря Ал. Уварова, а на расстоянии 10—15 верст от Тетерихи к юго-западу — у деревень Новики и Фитино — лесопильный завод Гаврилова и Зафрена. Между разветвлениями большой дороги на Дорогобуж и Вязьму, верстах в 60 от Белого, расположено село Княжино (Андреевское). Около него сходятся три уезда — Сычевский, Бельский и Вяземский. Близ него протекает р. Днепр, само же

оно стоит на р. Вязьма. Местность здесь отличается хлебородием и прекрасными пастбищами, разводятся лен и главным образом пенька. В 1769 г. село Княжино было населено и приписано к землям знаменитого князя Г.А.Потемкина-Таврического, а после его смерти оно было отписано к Бодинскому монастырю. В селе есть церковь имени апостола Андрея Первозванного и собирается Андреевская ярмарка (известная более под именем Андрияновской).

На юго-западе от Белого, верстах в 3, при тракте в Смоленск и д. Поповке стоит паровая мельница Н.И.Кусакова. По тракту из Белого на Смоленск, идущем через Духовщину, мы упоминаем две деревни — Демехово (верстах в 17 от Белого) и южнее ее Новоселки (верстах в 33 от Белого). Между ними находится значительное болото Свитский Мох (около д. Свиты) 15 верст в длину и 5 верст в ширину. Болото это тянется на 6 верст и по тракту, где поэтому проведена бревенчатая гребня. В версте от Демехова находится Красногородская пустынь при оз. Лосминном. Время основания этой пустыни неизвестно. Новоселки известны тем, что до них доходили в 1812 г. французы.

На западе и юге от Новоселок мы встречаем северную часть Духовщинского уезда в виде узкой полосы, врезающейся между Порецким и Вельским уездами. Здесь замечательные болота, значительные по своим размерам — у д. Тавровой вплоть до границы Порецкого уезда (болото занимает 30 квадр. верст) и при д. Руцкой, занимающее еще большее пространство (47 верст в окружности). На юго-восток от этого болотистого пространства лежит верстах в 20 южнее Новоселок село Петрово с винокуренным заводом Богушевского, дающим до 9 тыс. ведер в год сорокоградусного спирта, и пивовренным Юргенса, арендующего его у Богушевского, пива завод дает 36 тыс. ведер и 320 ведер меда.

Поверхность покидаемого нами Духовщинского уезда представляется ровной, с небольшими волнообразными возвышенностями, прорезанными болотистыми низинами, составляющими, в общем, до 23 тыс. десятин. Почва уезда неплодородная, каменистая, а местами представляет собой суглинок или супесок. Крестьянской надельной земли насчитывается в уезде 180 500 тыс., частновладельческой — 162 600 десятин, из них 64% в руках дворян. По угодьям земли распределяются так: 118 500 десятин пахотной земли, 72 000 десятин сенокоса и пастбищ, 146 500 десятин леса, 10 000 дес. остальной удобной земли и 29 000 десятин неудобной. Население уезда достигает 126 500 душ (вместе с городским) и имеет смешанный характер великорусский и белорусский, преобладают православные. Отхожие промыслы в уезде значительны.

В 23 верстах от Нелидова по Московско-Виндавской железной при р. Ущице расположена ст. Земцы.

На ю.-в. от станции, верстах в 4—5, лежит село Дрогачево, при котором находится лесопильный завод Ш.Л.Данкина. На юге от Дрогачева, верстах в 8, лежит д. Жаровня, а на ю.-з., верстах в 15 от Жаровни, — д. Залужье. Близ обеих деревень тянется ряд небольших озер; из них наибольшие Чертоус, Орехово и Жарки. К ю.-з. от Залужья, верстах в 20, уже в Порецком уезде при р. Меж, расположена Ордынская пустынь, построенная в 1720 г. смоленским шляхтичем Поплавским. К востоку от пустыни растянулось верст на 15 в длину и верст на 10 в ширину известное болото Жаковский, или Жарковский Мох. К югу от Ордынки, верстах в 20, лежит исследованное проф. Д.Н.Анучиным и упомянутое нами выше длинное Щучье озеро длиной до 12 верст и шириной — от $^1/_2$ в. до 2 верст, обильное рыбой.

К западу от ст. Земцы, верстах в 12, Московско-Виндавский железный путь пересекает р. Западную Двину и входит в Торопецкий уезд Псковской губернии.

Площадь Бельского уезда заключает 9675 кв. верст. В уезде весьма много болот и особенно лесов, они занимают почти половину всей площади. Поэтому едва ли не самым существенным ресурсом населения является рубка и сплав леса. Население уезда относительно невелико — 167 000 душ, т.е. на квадратную версту приходится 17 человек. Среди него заметно ощущается стремление переселяться на Амур и в Закавказье. По сословиям вся земля распределяется так: 203 000 десятин крестьянского надела, 30 000 казенных, 8900 десятин церковных и городских, 628 000 десятин частновладельческих, лишь с небольшим преобладанием дворянского земледелия (52,5%). По угодиям же цифры показывают следующее: пахотной земли 133 700 десятин, сенокоса и пр. 123 300 десятин. Главные полевые культуры — рожь, овес и ячмень; травосеяние не распространено, отхожие промыслы тоже.

Пройдя по Псковской губернии около 120 верст и минуя здесь станции Западная Двина, Торопа, Жижица, Кунья, города В. Луки, Гущино и Ново-Сокольники, Московско-Виндавский железный путь снова вступает в рассматриваемую область, именно в Невельский уезд Витебской губернии у села Сокольники после пересечения с пограничной р. Удрая, притоком Ловати.

Первая станция Московско-Виндавского пути в пределах Витебской губернии Маево лежит в 22 верстах от узловой станции Ново-Сокольники.

Верстах в 1 $^1/_2$ — 2 к с.-з. от Маева расположено упомянутое нами в I главе по поводу орографических особенностей здешней гористой местности село Рыкшино.

Верстах в 12 за Маевым железная дорога опять входит в пределы Псковской губернии и, пройдя здесь верст 8, снова входит в Витебскую губернию, но уже в Себежский уезд, где и достигает, при пересечении с Петербургско-Киевским шоссе, ст. Пустошки, в 26 верстах от Маева.

К с.-в. от Маева, верстах в 11, несколько западнее шоссе, расположено волостное с. Езерище при одноименном озере, населенное потомками «панцирных бояр».

Следующая за Пустошкой ст. Идрица находится в 19 верстах от первой при одноименном озере.

Верстах в 10—17 к с.-з. от станции при д. Кицково, Малюзино и Могильно и верстах в 8 к ю.-з. от станции при д. Горы находятся курганные кладбища. То же встречается и близ села Малахи, верстах в 30 к ю.-в. от Идрицы. На стоящем в верстах в 20 от Идрицы по дороге к Малахам обширном оз. Свибле находится каменная моренная гряда, как бы разделяющая озеро пополам и носящая народное название Чертов мост, с этой грядой связана местная легенда о происшедшем здесь сражении между какими-то двумя племенами.

Верстах в 18 от Идрицы Московско-Виндавская железная дорога пересекает большую дорогу, идущую из г. Остров на Полоцк, а в 26 верстах от Идрицы достигает гор. **Себежа**. Этот уездный город расположен на значительном возвышении, так называемом озе, почти со всех сторон окруженном водами Себежского озера; только с южной стороны перешеек незначительной ширины соединяет город с материком. Себеж существовал уже в начале XV в.: великий кн. литовский Витовт на пути к Дриссе в походе против псковичей взял и сжег их пригород Себеж. Затем Себеж подпал под власть Литвы. В 1535 г. воевода кн. Василий Шуйский, желая предупредить движение короля Сигизмунда к Смоленску, вступил во владения Литвы и распорядился построить на Себежском озере крепость. Использование этого дела было поручено Бутурлину. Город был заложен в Петров день, а окончен 25 июля. Посланный сюда архиепископ Макарий освятил церковь Усекновения главы св. Иоанна Предтечи и нарек имя новому городу Иван-Город- на-Себеже. Король Сигизмунд велел киевскому наместнику Немире взять и разрушить крепость. Немира собрал до 20 тыс. войска и подступил к городу. Осада была неудачная, русские делали вылазку, осажденные попятились на озеро, лед обломился, и множество литовцев и поляков погибло, а остальные, преследуемые русскими, потеряли знамена и пушки. Великий кн. Елена Глинская в память этой славной победы велела соорудить в Себеже церковь Св. Живоначальныя Троицы. В 1560 г. Себеж пострадал от сильного пожара, то же было в 1562 г. По договору 1570 г. Себеж достался русским, но в 1579 г. король Стефан Баторий захватил его. По договору 1582 г. Себеж перешел в руки русских, но, по Вяземскому договору, вновь достался полякам. В 1654 г. войска царя Алексея Михайловича овладели городом. Русские воеводы доносили, что в Себеже «окольного города 704 сажени, а город Кремль («Крем») имеет в окружности 78 сажен; кремлевский вал высотой 16 сажнь, а вал окольного города 9 сажен; в окольном городе 4 ворот». По перемирию 1678 г. русские должны были возвратить Себеж Литве с уплатой 200 тыс. рублей, с тем, однако, чтобы жители православного исповедания не подвергались никакому угнетению. Договором 1686 г. Себеж был утвержден за Польшей. В 1705 и 1707 гг., во время Северной войны Себеж был занят русскими войсками. 1772 г., по присоединении к России, Себеж был назначен уездным городом Полоцкой провинции Псковской губернии, в 1777 г. вошел в состав Полоцкой губернии, в 1796 г. оставлен за штатом, а в 1802 г. вновь назначен уездным городом Витебской губернии. В 1812 г. корпусом Витгенштейна на высотах впереди Себежа были устроены шанцы, состоявшие из вала и рва, с намерением воспрепятствовать неприятелю проникнуть к Пскову и Петербургу. Это полуразрушенное земляное укрепление сохранилось еще на берегу озера западной части города. В 1780 г. в городе было жителей-христиан 360 и 550 евреев. В 1781 г. городу был дан герб; план утвержден в 1778 и 1829 гг. Городской земли в Себеже числится 1000 десятин, в черте города — 33 десятины. Город разделяется на 31 квартал. Главнейшие продукты местной торговли — кожа и лён. В Себеже собирается шесть ярмарок в течение года. Торговля и промыслы находятся преимущественно в руках евреев. Разного рода промышленных заведений в Себеже до 20 с более чем 30 рабочими. Церквей в Себеже две, из них одна каменная, одна часовня каменная, костел каменный, еврейских молитвенных домов деревянных четыре; обывательских домов до 550, из них менее 50 каменных. Жителей в Себеже насчитывается до 4 тыс., в том числе евреев до 2300 чел. Доходы города достигаеют 9 $^1/_2$ тыс. руб. в год.

Верстах в 5 к ю.-в. от г. Себежа за Себежским озером при д. Черне находится курганное кладбище.

Верстах в 20 за Себежем Московско-Виндавский железный путь, имея направление к с.-з., выходит из Себежского в Люцинский уезд.

Себежский уезд занимает площадь 3184 кв. версты с населением 95 тыс. душ (29 жителей на кв. версту). Поверхность уезда высокая, сильно волнистая, изобилующая так называемыми ледниковыми отложениями — моренными валами, озами и пр., с массой извилистых, живописных озер между ними и сравнительно небольшим количеством рек. Почва большей частью супесчаная и только к западу от Себежа суглинистая. Под лесами около 35 $^{1}/_{2}$% (110 тыс. десятин), под пашней — 27 $^{1}/_{2}$% (86 тыс. десятин), под лугами 16 $^{1}/_{2}$% (51 тыс. десятин), под песками и болотами 20% (3 тыс. десятин). Главные полевые культуры — овес, лен, рожь. Фабрично-заводская деятельность развита крайне слабо.

Первая станция железного пути в Люцинском уезде называется Розеновской. Она расположена в 25 верстах от Себежа.

Верстах в 13 к северу от станции, при д. Синозерье, расположенной в Себежском уезде на границе его с селом Люцинским, известно курганное кладбище, а верстах в 12 к югу от ст. Розеновской, у д. Посини, есть группа курганов. Верстах в 19 к ю.-з. от Посини, на границе Люцинского и Юриссенского уездов, у села Полищина, известен древний могильник. Верстах в 18 к ю.-з. от ст. Розеновская при селе Аделинове находится упомянутые нами в I главе минеральные воды.

В 30 верстах от ст. Розеновская железная дорога достигает уездного города **Люцина** (Лучин, Лудзен, Луйцен, Лужа), расположенного при оз. Большая и Малая Лужа. Замок Люцин был построен магистром ливонского ордена Веннемаром Брюггеноэ. Люцин был только второстепенным замком Розиттенского фохтства и делил все исторические судьбы его: в 1559 г. Люцин был отдан в залог Польше, в 1661 г. окончательно присоединен к ней, в 1577 г. им овладели русские, в 1582 г. он был возвращен Польше. В 1772 г., по присоединении к России, Люцин был назначен уездным городом Полоцкой губернии, в 1796 г. — Белорусской, а в 1802 г. — Витебской. В 1782 г. городу был дан герб, план города был утвержден в 1778 г. и в 1842 г. Городской земли при Люцине имеется 820 десятин, в том числе под городом более 100 десятин. Город разделяется на 26 кварталов. В северо-восточной части города, на расстоянии ста сажен от оз. Большая Лужа, находится деревянный римско-католический костел. Севернее костела, саженях в 60 от перешейка, разделяющего озера Большая и Малая Лужа, на возвышенном месте высятся остатки каменных стен древнего замка. В 1827 г. последовало Высочайшее повеление о сохранении развалин «древнего замка Люции». Позднейшие постройки сильно изменили вид местности, на которой стоял замок. В последнее время, именно в 1892 г., были произведены Романовым и Сизовым раскопки Люцинского городища, давшие весьма богатые результаты. Разного рода промышленных экспедиций в городе насчитывается около 10 с более чем 30 рабочими. Церковь (каменная) в городе одна, деревянный римско-католический костел, две католических каплицы — одна каменная и одна деревянная, каменная протестанская кирха, еврейских молитвенных домов деревянных 6, одна деревянная синагога. Жителей в Люцине насчитывается около 6 тыс., из них евреев боле 4200. Домов каменных более 30, деревянных около 700. Доходы города превышают 10 тыс. рублей.

От Люцина к югу, верстах в 8, при оз. Пыле имеется древний могильник.

От Люцина Московско-Виндавский железный путь поворачивает снова на запад и, обогнув южный берег обширного Цирманского озера, по которому тянется высокая резко выраженная моренная гряда, вступает в Режицкий уезд, где и достигает, в 22 верстах от Люцина, уездного города Режицы, описываемого нами ниже. В Режице Московско-Виндавский путь пересекается с Петербургско-Варшавской железной дорогой.

За Режицей Московско-Виндавская железная дорога через 25 верст достигает станции при местечке Велионы.

К северу, отсюда верст в 20, на границе Витебской и Лифляндской губерний, среди обширных болот лежит очень крупное оз. Лубань, или Лубане (упоминавшееся нами в I главе), в глубокую старину называвшееся Mare. На берегах озера находят орудия каменного века. Лубанское озеро входит в систему р. Эвеста, видного правого притока Западной Двины.

Оставляя к северу верстах в 8 м. Варкляны, железная дорога на полпути к следующей станции проходит мимо села Стерняны, около которого известна группа курганов. Следующая за Велионами станция Борх (в 31 версте) — последняя в Режицком уезде. Далее путь переходит в Двинский уезд и, обогнув с юга незначительное оз. Болеонь, в 33 верстах от Борха достигает м. Крейцбурга, описанного ниже, где пересекается с Риго-Орловской железной дорогой, а затем, перейдя севернее г. Якоштадта мостом р. Западную Двину, уходит в Якобштадский уезд Курляндской губернии, направляясь далее на Митаву, Туккум и Виндаву.

Глава IX

Пути, расходящиеся от Петербурга и Риги

А.П.Сапунова и А.К.Кабанова

Петербургско-Варшавская железная дорога с Купровской ветвью. — Петербургско-Витебская, Бологое-Седлецкая и Витебско-Жлобинская железная дорога и Днепр вниз от Орши. — Риго-Орловская железная дорога и Зап. Двина

Петербургско-Варшавская железная дорога входит в Люцинский уезд Витебской губернии из Островского уезда Псковской губернии верстах в 12 за станцией Пондерами, перейдя мостом р. Утрою, левый приток р. Великой. Но еще раньше Пондер у предшествующей им станции Пыталово, отделяется в северную, покрытую почти сплошным лесом, часть Люцинского уезда Купровская ветвь.

Эта ветвь, перейдя р. Кухву (левый проток р. Великой), достигает еще в пределах Островского уезда своей первой станции Марачево в 8 верстах от Пыталова, а затем, перейдя мостом р. Ладумку, левый приток Кухвы, вступает в Люцинский уезд, где и достигает, в 19 верстах от Пыталова, местечка Мариенгаузен (Марингус, Влех, Флейн), расположенного при одноименном озере. Мариегаузенский замок был построен архиепископом рижским Иоганом Фехте в 1293 г. на небольшом, не более двух десятин, продолговатом островке озера, который был перерезан у стен замка глубоким рвом, наполнявшимся водой. Развалины замка и следы рва сохранились поныне. Замок был возобновлен в 1509 г. архиепископом Линде. В 1577 г. русские взяли и разрушили замок, а жителей его увели в плен. В 1559 г. Мариенгаузен достался Польше и составил особое староство. В 1598 г. замок был возобновлен, а во время Северной войны окончательно разрушен. К России Мариенгаузен был присоединен в 1772 г. Императрица Екатерина II пожаловала Мариенгаузенское староство гофмаршалу Елагину. В местечке имеется костел, лечебница, аптека и приемный покой. Главное занятие жителей Мариенгаузена составляет торговля. Жителей обоего пола в местечке до 150, из них евреев до 30. Домов здесь насчитывается 24. За Мариенгаузеном Купровская ветвь переходит через р. Вяда (приток р. Великая) и далее, загибаясь к западу, достигает ст. Купрова около верховьев р. Болута (система р. Эвста). К югу отсюда, верстах в 12, лежит обширное болото Стомпа. Повернув от Купрова к юго-западу, ветвь следует параллельно р. Болута вниз по ее течению, в некотором

от
о-
о-
с-

В Корсавке. (По фотографии В.А. Бальца).

ком снова на северо-запад, ветвь в 63-й версте от Пыталова достигает своей конечной станции Сита, расположенной при одноименной реке (система р. Эвста) на самой границе Лифляндской губернии.

Первая станция Петербургско-Варшавской железной дороги в пределах Людинского уезда Витебской губернии (в 4 верстах от границы Псковской губернии) — Корсовка, грузящая до 200 тыс. пудов дров и лесных материалов и расположенная при р. Утрое.

Верстах в 12 к северу от станции Коровки, при большой Мариенгаузенской дороге у д. Пунцлево, также как и близ самой станции Корсовки, имеются древние могильники.

Люцинский уезд занимает длинную, узкую, вытянутую с севера на юг площадь у северо-восточной границы Витебской губернии, равняющуюся 4600 кв. верст, с населением в 129 тыс. человек, т.е. 27 человек на кв. версту. Петербургско-Варшавская железная дорога приблизительно делит уезд на две части — северную, ровную, болотистую, и низменную, прилегающую к р. Эвсте, и южную, более сухую, возвышенную и холмистую. Почва в уезде преобладает супесчаная; изредка местами встречаются чистые пески, а также суглинки; обширные торфяники развиты преимущественно в северной половине уезда. Под лесом около 42% площади (194 тыс. десятин), при этом северная половина уезда покрыта почти сплошными лесами. Под пашней 88 тыс. десятин (19%); под лугами и выгонами, равно как и под болотами и песками, почти столько же. Главное занятие жителей — земледелие, а фабрично-заводская промышленность ничтожна.

За Корсовкой железный путь переходит в Режицкий уезд и в 16 верстах от нее достигает станции Ивановка, грузящей до 60 тыс. пудов дров и лесных материалов.

Верстах в 8 к северо-западу от станции, у д. Жоготь, и верстах в 7 к ю.-в. от станции, у д. Дярвы (Дярвиши), находятся древние могильники.

Верстах в 8 за Ивановкой железная дорога оставляет в 1 версте к северо-западу с. Кульнево-Ильзенберг.

В полуверсте от мызы Ильзенберг, на высокой горе, построен храм над могилой героя 1812 г. ген. Я.П.Кульнева, прах которого был перенесен сюда в 1832 г. Первоначально он был погребен у д. Соколища, при впадении р. Нищи в Дриссу.

В 25 верстах за Ивановкой железный путь достигает станции Рыжицы, расположенной у одноименного города, при пересечении с Московско-Виндавской железной дорогой, и грузящей до 30 тыс. пудов хлебных грузов. **Режица** (в ливонских летописях Розиттене, Резица) — уездный город, расположен при р. Режице. Город считается основанным ливонскими рыцарями, именно фохтом Вильгельмом фон Шауэрбургом в 1285 г. Но, судя по славянскому названию, весьма вероятно, что еще до появления здесь рыцарей эта местность была укреплена деревянною стеною, а рыцари возвели лишь каменные стены. Замок неоднократно подвергался нападениям. Сначала к нему подступали латыши и литовцы, а потом русские, поляки и шведы. В 1559 г. Ливонский орден, истощенный войной с русскими, отдал «Розиттень» в залог Польше, к которой он был окончательно присоединен в 1561 г. В 1567 г. город был взят русскими. Той же участи подвергся он и в 1577 г., когда часть города была разрушена, причем находившаяся там евангелическая церковь была уничтожена. В 1582 г., по мирному договору, Режица была возвращена Польше. В 1626, 1656 и 1660 гг. в Режице стояли шведские гарнизоны. В 1660 г. Режица была возвращена Польше, а в 1772 г. присоединена к Росии. В 1773 г. Режица была сделана уездным городом Двинской провинции Псковской губернии, в 1777 г. отделена к Полоцкой губернии, в 1796 г. оставлена заштатным городом Белорусской губернии, а в 1802 г. вновь назначена уездным городом Витебской губернии. В древнее время Режица была красивым и обширным городом, но уже в начале XIX в. город пришел в совершенный упадок. «Режица, — говорится в одном документе 1808 г., — городишко жалкий, в нем только одна улица, нет ни одного мастерового, никаких ярмарок; еврей — голова, еврей — бургомистр. Жителей там 754 человек, из них 565 евреев». В настоящее время, с проведением железной дороги, Режица несколько оживает. Остатки бывшего замка сохранились и поныне. Укрепления находились на высоком и довольно крутом пригорке, омываемом с двух сторон р. Режицей, с других же сторон — глубоким рвом, который наполнялся водой из той же Режицы, и таким образом замок представлялся как бы стоящим на острове. Весь замок был построен из огромных булыжных камней, и кирпич употреблялся только для заполнения промежутков между камнями. С развалинами Режицкого замка соединено множество преданий. Самая распространенная легенда о трех сестрах — Розалии, Люции и Марии, по имени которых будто бы и названы замки Режица (Розиттень), Люцин и Мариенгаузен. Разного рода промышленных заведений в городе 16 с 50 рабочими. Церквей две, из них одна каменная и каменная часовня. Есть одна деревянная раскольничья молельня, каменный костел, деревянный протестантский молитвенный дом и еврейских молитвенных домов — каменный один, а деревянных десять. Жителей в Режице насчитывает-

ся 25 000, из них евреев 13 000. Строений в городе более 2100. Доходы города достигают 20 тыс. руб.

Верстах в 15 к югу от Режицы, около нынешней д. Вышкогорье, на берегу обширного оз. Разно, на высокой горе стояло некогда окруженное валами и рвом деревянное укрепление, на месте которого орденские рыцари возвели более укрепленный замок Волькенберг. В хрониках не встречается непосредственных упоминаний об этом замке, несмотря на то, что уже в 1263 г. в одном документе названа в качестве свидетеля некто Теодорих «comendator de Wolkenberg». Затем на одном документе 1271 г. имеется печать комтура с надписью: «S. Comendatori Wolkébg». Вероятно, это комтурство пришло в упадок после основания Динабурга.

За Режицей, в 18 верстах по Петербургско-Варшавской железной дороге находится станция Антонополь, грузящая до 100 тыс. пудов наполовину хлебных, наполовину лесных грузов.

Режицкий уезд менее, чем соседний Люцинский, вытянутый в длину с с.-з. на ю.-в., занимает площадь 3582 кв. версты с населением 128 тыс. душ (35 человек на кв. версту) и северной своей частью спускается в низменность обширного оз. Лубана, а южной — поднимается на всхолмленную возвышенность. Под лесом около 20½% площади (67 тыс. десятин), и он сосредоточен наиболее сплошной массой в северной части уезда; под пашней 31% (102 тыс. десятин), под лугами и выгонами 22% (72 тыс. десятины), под болотами и песками 11½%, (44 тыс. десятин). Почва супесчаная и суглинистая. В северной части уезда близ оз. Лубана развиты обширные торфяники. Главное занятие жителей — земледелие; фабрично-заводская деятельность развита весьма слабо.

За Антонополем, верстах в 16, близ группы довольно значительных озер, из которых можно отметить Фейманское, в 1 версте к северу от полотна, и Рушону, в 4 верстах к югу от полотна, железный путь переходит в Двинский уезд, где и достигает, в 25 верстах от Антонополя, станции Рушоны, грузящей до 150 тыс. пудов лесных материалов и до 50 тыс. пудов хлебных грузов.

К с.-з. от ст. Рушоны, верстах в 17, расположено торговое местечко Прели, а верстах в 12 к ю.-в. от Рушон, при оз. Череше, лежит погост Аглонь, упомянутый нами вначале по поводу нахождения здесь серного источника.

За станцией Рушоны, в 14 верстах, лежит станция Вышка, грузящая до 20 тыс. пудов лесных и хлебных грузов.

Местечко Вышки лежит верстах в 6 к ю.-в. от станции при оз. Вышки и при большой дороге из Двинска на Люцин, близ р. Дубна. Местечко это было известно уже в начале XVI в. Замечательно оно впоследствии было лишь тем, что здесь жили брат и сестра имп. Екатерины I, которые в 1725 г. были вызваны в Петерубрг. Главное занятие жителей — мелкая торговля. Жителей в Вышках насчитывается 920 обоего пола, из них евреев до 700. Домов в местечке насчитывается 204.

За станцией Вышки, в 23 верстах, железный путь достигает станции Двинск, лежащей при одноименном городе на пересечении с Риго-Орловской железной дороги и грузящей по Петербургско-Варшавской железной дороге только немного более 50 тыс. пудов хлебных и лесных грузов, так как главная нагрузка, достигающая 1 млн. пудов, производится по пересекающейся здесь с ней Риго-Орловской железной дороге. **Двинск** (Duneburg, Nowenene, Невин, Борисоглебск, Динабург) — уездный город Витебской губернии и крепость, расположен при р. Зап. Двина и оз. Щунь. Изобилие усовершенствованных путей сообщения (Зап. Двина, Петербургско-Варшавская, Риго-Орловская ж.д. и Петербургско-Варшавское шоссе) придает Двинску особое значение и характер. Город расположен в низине, на совершенно ровном месте. Вид города красотой далеко не отличается и представляет собой громадную кучу домов, однообразие которой несколько скрашивают возвышающиеся главы собора и башни костела. Нынешний Двинск основан в 1582 г. польским королем Стефаном Баторием, перенесшим сюда замок, находившийся прежде в 18 верстах выше, именно там, где ныне расположено селение Старый Замок. Другие же приписывают перенесение крепости Ивану Грозному, полагают, что царь, взяв в 1577 г. старый Динабург, нашел более выгодное место для укреплений и велел насыпать здесь земляное укрепление. Король же Баторий перенес сюда и город, находившийся у старого замка. Древний же Динабургский замок основан в 1275 г. магистром Ливонского ордена Эрнестом Рассбургом. Князья полоцкие и литовские враждебно смотрели на вновь возведенный замок и всеми силами старались его разрушить. Едва окончена была постройка, как литовский князь Тройдень напал около 1377 г. на замок, но спустя четыре недели отступил. Более удачным было нападение 35 лет спустя: литовцы взяли и разрушили замок, который был снова восстановлен. С падением Ливонского ордена в 1561 г. Динабург был присоединен к Польше. В 1566 г. Сигизмунд Август назначил Динабург главным городом инфлянтского воеводства, которому был дан и новый герб — в красном поле белый гриф, держащий в правой лапе обнаженный меч и имеющий на груди шифр короля Сигизмунда Августа — S.A. В 1577 г. во время войны Ивана Грозного со Сте-

дро-Невский собор в
. (По фотографии В.А.
.

фаном Баторием русские войска, во главе которых находился сам царь, овладели между прочим и Динабургом, некоторое время царь проживал в этом городе. В следующем году поляки взяли обратно Динабург. Вследствие столь многократных нападений замок пришел в упадок и, как уже было сказано, Динабург был около этого времени перенесен на то место, где он находится ныне.

Новый Динабургский замок, так же как и старый, не раз видел под своими стенами врагов. Как прежде орден, так теперь Польша никогда не могла спокойно владеть им. Так, в 1600 г. герцог зюдерманландский, ворвавшись с войском в «Инфлянты», осадил Динабург. Два раза польское войско отражало неприятеля, но, наконец, все-таки замок был взят штурмом. Король шведский Густав Адольф также пытался в 1626 г. овладеть Динабургом, но был отражен смоленским воеводой А.Гонсевским. В том же году Гонсевский основал костел и коллегию иезуитов в Динабурге (костел был перестроен в 1746 г.). Скоро Динабург увидел под своими стенами русских: в 1656 г. он был взят царем Алексеем Михайловичем и переименован в Борисоглебск. В 1667 г., по договору в Андрусове, Динабург в числе прочих городов был возвращен Польше, за которой он остался по Оливскому трактату, заключенному со Швецией в 1660 г. В 1671 г. были исправлены стены замка. В 1700 г. саксонское войско, осаждавшее Ригу, имело в Динабурге зимние квартиры. В 1710 г. замок был разоружен и пушки вывезены в Вильно по причине свирепствовавшей в городе мировой язвы, от которой вымер почти весь гарнизон. В 1772 г. Динабург был присоединен к России и указом от 9 декабря того же года назначен провинциальным городом Двинской провинции, входившей в состав Псковской губернии. 22 марта 1777 г. Динабург был назначен уездным городом Полоцкой губернии, а в 1796 г. при образовании из Полоцкой и Могилевской губерний Белорусскую Динабург по-прежнему был уездным городом. Таким же он остался и при образовании Витебской губернии в 1802 г. Из следующих событий, свидетелем которых был Динабург уже по присоединении его к России, отметим следующее. В 1795 г. он был сожжен польскими конфедератами, бывшими под начальством кн. Огинского, тогда сгорел здесь и архив. В 1811 г. русское правительство взяло себе коллегиум и иезуитские имения в Динабурге и обратило их в крепость, причем обязалось выдавать в продолжение десяти лет иезуитам по 30 тыс. руб. Воспитанники коллегиума были переведены к Креславку, куда переместились также их начальники и наставники; динабургский костел был обращен в военную соборную церковь. Иконостас в нем сооружен в 1828 г. на средства, пожертвованные имп. Николаем I. В отечественную войну Динабург был одним из тех пунктов, где помещались главнейшие военные заготовки, магазины, парки и склады. Тогда начали деятельно укреплять его и устроили тет-де-поп на левой стороне Зап. Двины, но окончить работы, к несчастью, не было времени. Французы заняли его без боя 20 июля. Французский ген. Рикорд зарыл все укрепления Динабурга и затем, оставив этот

пункт, перешел обратно за Двину. С 1820 по 1823 г. динабургские присутственные места по случаю распространения крепостных построек, значительно стеснивших город, находились в м. Креславка. В 1826 г. был утвержден новый план форштадта динабургской крепости, причем последовало Высочайшее повеление об отпуске из казны 50 тыс. руб. ассигнациями без процентов на десять лет для пособия беднейшим жителям в переносе ими на вновь указанные места своих домов. В том же году было открыто движение по шоссе. Часть этого пути была положена по специально устроенной для защиты города от затопления при разливах Двины дамбе, простирающейся на шесть верст. В 1831 г., 13 октября, к ведомству динабургского коменданта, по части полицейской, было причислено находящееся на левом берегу р. Двины, возле гласиса предмостного укрепления, курляндское местечко Гривка. Жителями его были оставлены однако все те права, которыми они пользовались на основании положения Курляндской губернии. В настоящее время Двинск представляет собой крупный, оживленный город с 90 тыс. жителей, в том числе до 50 тыс. евреев, имеющий большое торговое значение по торговле мануфактурой, лесом и льном. Город сильно укреплен крепостью-складом. В Двинске насчитывается 7 православных храмов, один единоверческий, 2 часовни, 2 раскольничьи молельни, костел, каплица, кирха, 2 синагоги и 35 еврейских молитвенных домов. В городе есть реальное училище, женская гимназия, 7 низших школ и несколько еврейских. Двинск имеет более 60 промышленных предприятий с более чем 1500 рабочих. Доход города достигает 375 тыс. руб. При Двинске Петербургско-Варшавская железная дорога переходит мостом р. Западная Двина, а затем входит в Иллукстский уезд Курляндской губернии, направляясь к ст. Калькунаме.

Петербургско-Витебская железная дорога, войдя верстах в 8 за станцией Ново-Сокольниками в Невельский уезд Витебской губернии, достигает верстах в 15 от Ново-Сокольников станции Изочи, а затем огибает верст через 20 от границы с северо-запада обширное ветвистое оз. Иване, верстах же в 40 от Ново-Сокольников достигает г. Невля, где пересекается со строящейся Бологово-Седлецкой железной дорогой и Петербургско-Киевским шоссе.

Невель, уездный город, расположен при Невельском озере и по обоим берегам р. Еменка. Вид на Невель с шоссе весьма недурен: влево высится Успенский собор, рядом с ним — костел, вправо — маковки Преображенского монастыря. Городские дома спускаются почти до самого уровня прекрасного озера и протекающей через него р. Еменки. Окрестности Невеля упоминаются уже в XII в., именно в 1187 г. говорится в летописях о пограничном полоцком городе Еменце (ныне село, в 15 верстах от Невеля). В духовной Ивана Грозного Невель упоминается в числе городов, основанных в его царствование. По всей вероятности, Грозным была построена только крепость, сам же город существовал уже ранее. Находясь на границе, Невель часто переходил из одних рук в другие. В 1562 г. им овладели после ожесточенной битвы русские, в 1580 г. Невель был взят поляками, причем деревянный замок частью был взорван, частью сожжен. В 1582 г. по мирному договору Невель был возвращен России. Затем он вновь достался Литве. В 1623 г. Сигизмунд III пожаловал Невелю магдебургское право «применяясь к принятому в Смоленске порядку», причем городу были даны печать и герб — Давид, стоящий с мечом над убитым Голиафом. В последний раз магдебургское право было подтверждено в 1766 г. королем Станиславом Августом, подлинная грамота которого сохранилась и поныне. В 1649 г. король Ян Казимир пожаловал Невельское староство в потомственное владение гетману литовскому Радзивиллу, отдавшему его в приданое своей дочери, жене пфальцграфа Нейбургского и Рейсского. В 1654 г. Невель был взят русскими войсками, но в 1678 г. возвращен Польше. В 1705 г. Невель посетил царь Петр I, причем он обратил внимание на возможность соединения р. Еменки, притока Ловати, с р. Оболью, впадающей в Зап. Двину. Этой мысли, однако, не суждено было осуществиться. В 1721 г. игумен Невельского православного монастыря и православные невеляне обратились с челобитной к Петру Великому: «Изволь подать нам бедствующим совет и помощь и защитить нас от льва рыкающего» (под которым разумелось польское правительство). В 1772 г. Невель как местечко был присоединен к России, в 1773 г. оно было сделано уездным городом Полоцкой провинции Псковской губернии. В 1777 г. Невель вошел в состав Полоцкой губернии, в 1796 г. — в состав Белорусской, а с 1802 г. состоит в Витебской губернии. План Невеля утвержден в 1778 г. и 1839 г. Невельский замок находился на возвышенности, вдающейся в озеро, при устье р. Еменки. Местность эта и теперь называется Замком. Следы вала и рва, отделявшего замок от города, заметны и поныне. Часть города, лежащая на правом берегу р. Еменки, разделяется на 29 кварталов, а часть, лежащая на левом берегу той же реки, — на 8 кварталов. Ярмарки в Невеле происходят 6 января и 20 июля, продолжаясь по две недели, но по оборотам они не особенно значительны. Разного рода промышленных заведений в городе насчитывается до 25 с 170 рабочими. Церквей

каменных в городе две, монастырь один, часовен 4. Есть римско-католический каменный костел и одна деревянная каплица, 5 каменных еврейских молитвенных домов и 9 деревянных. В Невле насчитывается до 14 тыс. жителей, из них евреев 8 тыс. Строений в городе около 1500. Доходы города превышают 20 тыс. рублей.

В Невеле, как мы выше упомянули, с Петербургско-Витебской железной дорогой пересекается строящаяся Бологово-Седлецкая. Эта последняя, с одной стороны направляясь к северо-востоку от Невеля к Великим Лукам, проходит в 7 верстах от Невеля мимо с. Иванова. Село это было подарено Екатериной II И.И.Михельсону за его действие против Пугачева. В 1805 г., когда Михельсон был военным губернатором в Витебске, он соорудил в Иванове каменный храм, существующий и поныне. В этом же храме, под алтарем в склепе, покоится и прах Михельсона, скончавшегося в 1807 г. в Бухаресте. В притворе храма находится мраморный бюст Михельсона. Далее Бологово-Седлецкий железный путь, обогнув с юго-востока вышеупомянутое оз. Иван, выходит верстах в 25 от Невеля в Великолуцкий уезд Псковской губернии и направляется к г. Великие Луки. С другой стороны Бологово-Седлецкая железная дорога направляется к юго-западу — в Полоцк. Эта линия идет сначала верст 40 по водоразделу рек Уша и Оболь, а затем, войдя в Полоцкий уезд, направляется по долине р. Полоты к уездному г. Полоцку, где пересекается с Риго-Орловской железной дорогой и р. Западной Двиной. За Полоцком, верстах в 18, перейдя р. Ушачу, железный путь входит в северную часть Лепельского уезда, а отсюда, пройдя мимо местечек Ветрино и Ореховно, уходит в Виленскую губернию.

В верховьях р. Полота близ линии железной дороги лежит село Ситно, на крутом юго-западном берегу оз. Ситно, при выходе из него р. Полоты, в 48 верстах от Полоцка. В 1563 г. русские построили здесь укрепление. В декабре 1566 г. поляки хитростью овладели укреплением и сожгли его. Русские построили укрепление вновь, но и оно по приказанию короля Стефана Батория было разорено 4 августа 1579 г. К северо-западу от Ситна, верстах в 25—30, в северной части Полоцкого уезда за р. Ушачей, лежит село Нещерда, (Нещорда, Несцерда). Близ этого селения, на мысе, далеко вдавшемся с восточной стороны в обширное оз. Нещедра, за деревней, находится городище. По взятии Полоцка царем Иваном Грозным в 1563 г. здесь было построено воеводой Шереметьевым укрепление. 13 декабря 1579 г. поляки под предводительством воеводы полоцкого Дорогостайского взяли и сожгли укрепление. Эта местность и в настоящее время носит название Городок. Здесь же, на пригорке между соснами, находится «княжеская могила». О ней существует такое предание: «Когда-то сильный князь, побуждаемый надеждой получить богатую добычу, подступил к замку с войском, ворвался в него, истребил жителей и расположился в нем с дружиной, но Отец Небесный вскоре наказал изуверов, проливших кровь неповинных: дружина вымерла от чумы. Князь, испуганный знамением гнева Господня, зарыв свое богатство в горе, поспешил основать город, однако, пораженный чумой, скончался. Над его могилой и насыпан курган». Крестьяне выкапывали здесь мелкие серебряные монеты, стеклянные бусы и обломки древнего оружия.

За Полоцком, к югу от Бологово-Седлецкой железной дороги, в Лепельском уезде, на расстоянии 10—25 верст от линии, расположены следующие достойные внимания местечки и селения. Ближайшее — местечко Воронеч при р. Ушаче и оз. Воронече. В 1563 г. Воронеч упоминается в числе псковских пригородов, занятых Иваном Грозным. В 1579 г. король Стефан Баторий занял его, но при заключении мира возвратил России. В смутное время Воронеч был снова занят поляками и присоединен к России только в 1793 г. Здесь есть одна церковь и народное училище. Жители-христиане занимаются хлебопашеством, евреи — торговлей. Обывателей в Воронече насчитывается до 300 обоего пола, в том числе евреев до 90. Домов в местечке 17.

К югу от Воронеча, верстах в 17, лежит местечко Ушачи при одноименной реке. В 1624 г. Ушачи принадлежали полоцкому стольнику Кленовскому, а в 1672 г. — Радиминскому-Фронцкевичу, который поселил здесь базилиан. Затем Ушачи принадлежали Щитам, Жабам и гр. Плятеру. По разделении Белоруссии в 1772 г. Ушачи остались за Польшей и были сделаны главным городом особого повета. Здесь собирались сеймики. По присоединении к России в 1793 г. Ушачи были оставлены за штатом. В 1812 г. здесь некоторое время стоял гр. Витгенштейн. В окрестностях местечка Ушачи имеется много курганов. В местечке одна церковь, римско-католическая каплица, 4 еврейских молитвенных дома, народное училище и аптека. Главным занятием жителей-христиан является хлебопашество, а евреев — торговля. Здесь есть незначительные кожевенные и горшечный заводы. Жителей в Ушачах свыше 1300 обоего пола, в том числе евреев 1200. Домов в местечке 171.

На юго-западе от местечка Ушачи, верстах в 10, при им. Судзиловичи, имеется серно-железистый источник. Верстах в 17 к западу от Ушачей лежит местечко Кубличи при оз. Краснице. В 1812 г.

французский корпус маршала Сен-Сира под начальством Леграня из Полоцка двинулся к Ушачам. Граф Витгенштейн приказал Штенгелю от Дисны через Ореховно следовать туда же. Около м. Кубличи Штенгель напал на арьергард баварских войск, отбил часть обоза, знамен и 100 человек взял в плен. В Ушачах он соединился с гр. Витгенштейном. В Кубличах есть одна церковь, народное училище, церковноприходская школа и два еврейских молитвенных дома. Занятиями жителей-христиан являются хлебопашество и ремесла, а евреев — торговля. В местечке есть два небольших кожевенных завода. Число жителей в Кубличах составляет более 1800 душ обоего пола, в том числе евреев свыше 1600. Домов здесь насчитывается 128.

От Невеля Петербургско-Витебская железная дорога направляется на юг, параллельно Петербургско-Киевскому шоссе, по гребню Витебско-Невельской возвышенной гряды, к г. Городку. Обогнув оз. Невельское, железный путь проходит мимо вышеупомянутого старинного села Еменец и вступает в Городокский уезд.

Невельский уезд занимает возвышенную, покрытую холмами и озерами площадь в 3398 кв. верст с населением в 113 тыс. душ, т.е. 30 жителей на кв. версту. Леса здесь занимают 31% всей площади уезда (98 тыс. десятин). Под пашней 28% (87 тыс. десятин), под лугами и выгонами 16,5% (52 тыс. десятин), а под песками и болотами 24% (76 тыс. десятин). Почва, за исключением песчаного юго-западного угла, преобладает супесчаная, а близ Невля — суглинистая. Главное занятие жителей — земледелие и отчасти лесные промыслы. Фабрично-заводская деятельность развита весьма слабо.

Войдя верстах в 13 за Невелем в Городокский уезд, железный путь проходит западнее оз. Езерища, пересекая исток из него р. Оболи, а затем мимо расположенного при озере местечко Озерища (Езерища), где и имеет свою станцию Езерище. На одном из островов этого озера, против местечка, с которым остров соединяется узким, не более десяти сажен, перешейком, покрываемом весенними водами, находится древнее городище. Оно занимает северную оконечность острова, и в нем сохранилась до сих пор часть вала. В 1565 г. укрепление Езерище было взято русскими, а в 1579 г. — поляками, которые его сожгли. В 1616 г. оно снова было укреплено озерищенским старостой Соколинским. С 1580 г. озерищенское староство принадлежало Грохольским, затем — кн. Соколинским, кн. Огинским, кн. Понятовским и Соллогубам. В начале XIX в. Озерище принадлежало герцогу Александру Виртембергскому, витебскому генерал-губернатору. Верстах в двух от деревни находился прекрасно устроенный господский двор (называемый замком) — любимое летнее местопребывание герцога. Озерищенское староство приносило дохода более 11 тыс. рублей.

Верстах в 5 к востоку от Озерища, при д. Дуброве, имеются курганные группы.

За Озерищем Петербургско-Витебский железный путь, следуя вдоль гребня той же возвышенности параллельно Петербургско-Киевскому шоссе, достигает своей ст. Бычихи, а далее, верстах в 60 от Невеля, достигает уездного г. Городка.

Городок расположен при реках Нещерда и Горожанка (приток р. Оболь). Город расположен на возвышении, господствующем над окрестностями. На правом болотистом берегу р. Горожанки сохранились остатки городка, имеющего вид четырехугольного земляного укрепления. На обрыве левого берега заметны следы каменного фундамента, вероятно, от этого древнего городка город и получил свое название. Впервые Городок упоминается в 1650 г. по поводу возвращения православным жителям Ильинской церкви, захваченной униатами. В 1777 г. Городок был возведен в ранг уездного города. В 1778 и 1846 гг. последовало утверждение плана города. Городку принадлежит земли 1830 десятин, в том числе собственно в черте города до 214 десятин. Городок разделяется на 41 квартал. Торговля Городка совершенно ничтожна: ярмарок здесь не бывает. Разного рода промышленных заведений здесь 10 с 25 рабочими, церквей каменных 2, часовня и один еврейский молитвенный дом. Жителей около 6 $^{1}/_{2}$ тыс., из них евреев до 4 $^{1}/_{2}$ тыс. Домов в городе насчитывается 835. Доходы города превышают 15 тыс. руб.

Верстах в 30 с лишком к с.-в. от Городка расположено при р. Оболь село Козянь, при котором имеется городище. В 1563 г. царь Иван Грозный по взятии Полоцка построил здесь замок, взятый королем Стефаном Баторием 22 июля 1570 г. Верстах в 13 к с.—с.-з. станция Козьяна при фольварке Горах находится древнее селище со множеством орудий каменного века.

За Городком, верстах в 4, Петербургско-Витебская железная дорога выходит из Городокского в Витебский уезд.

Городокский уезд, имеющий площадь, равную 3107 кв. верстам, с населением в 113 тыс. душ, т.е. 34 человека на кв. версту, расположен своим центром на значительной Витебско-Невельской гряде, служащей водоразделом здешних рек и падающей на западе и востоке. Леса занимают в уезде 37 $^{1}/_{2}$% всей площади его (114 тыс. десятин), причем на возвышенном водоразделе их очень мало, а сосредоточены они почти сплошными массами в западной и восточной частях уезда, где расположено

наибольшее количество озер и протекает наибольшее количество рек. Под пашнями 28% площади (85 тыс. десятин), под лугами и выгонами 19 $^{1}/_{2}$% (59 тыс. десятин), а под болотами и песками 15% (46 тыс. десятин). Почва в высокой центральной части уезда суглинистая, а в восточной и западной частях преобладает супесчаная. Главные занятия жителей — земледелие и отчасти лесные промыслы. Фабрично-заводская промышленность развита весьма слабо.

Далее железный путь достигает ст. Лосвиды при одноименном озере и селении. Лосвидская волость богата курганами. За Лосвидой железный путь достигает верстах в 30 от Городка ст. Витебск, где пересекается с Риго-Орловской железной дорогой.

Витебск (Видьбеск), губернский город, расположен по обоим берегам р. Западной Двины и впадающей в нее р. Витьбы. Город со всех сторон представляет прелестную панораму; но особенно красив он с моста Риго-Орловской железной дороги.

Достоверных указаний о времени основания Витебска не имеется. По мнению Беляева, Витебск основан полочанами. По преданию же, записанному в «Летописи г. Витебска», город основан св. Ольгой. Название свое Витебск получил, конечно, от р. Витьбы, вьющейся между оврагами при впадении в Двину. В летописях впервые упоминается о Витебске под 1021 г. (6529 г.) по поводу борьбы кн. полоцкого Брячислава Изяславича, внука св. Владимира и Рогнеды, с вел. кн. киевским Ярославом. Борьба окончилась миром, по которому Ярослав уступил Брячиславу два города — «Въсвячь (ныне Усвят) и Витбескъ». Первым удельным князем витебским упоминается Давид, княживший около 1107 г. Затем Витебск на время перешел во владение смоленских князей. Из отрывочных летописных известий видно, что около 1165 г. в Витебске княжил кн. Давид, сын великого кн. Ростислава, отдавший прежнему кн. витебскому Роману два смоленских города. В 1175 г. Давид передал Витебск кн. Всеславу Васильковичу из рода Всеславичей. Когда же в 1181 г. последний снова сделался полоцким князем, то отдал Витебск своему брату Брячиславу. На дочери этого князя был женат св. благоверный князь Александр Невский. В 1245 г. Александр посетил Витебск и взял отсюда своего сына, гостившего у своей бабушки, вдовы Брячислава. В это-то время он имел блистательное дело с литовцами под Усвятом. С конца XII в. северо-западные русские области постепенно переходили в руки литовских князей, и только Витебский удел Полоцкого княжества сохранял некоторую независимость до начала XIV в. Около половины XIII в. Витебск был завоеван Ердзвилом, сыном литовского кн. Рингольта. Но власть литовских князей упрочилась здесь не сразу: в 1264 г. в качестве владетеля Витебска договор с Ригой заключил литовский кн. Гердень; но уже в следующем году такого же рода договор заключен был от имени кн. витебского Изяслава. С 1281г. по 1297 г. Витебск признавал власть князей смоленских, а к концу того же столетия удельным кн. витебским был Михаил Константинович. Последним витебским кн. был Ярослав Васильевич, внук по матери Даниила Галицкого. В 1318 г. Ярослав выдал за литовского кн. Ольгерда Гедиминовича единственную дочь свою Марию. Ольгерд со своей супругой до смерти Ярослава жил в Усвяте. После же смерти Ярослава, в 1320 г., Витебское княжество перешло к Ольгерду, который, вступив на великокняжеский престол, присоединил его к Литве и отдал своему сыну Андрею. Затем Витебск достался в удел сыну Ольгерда от второй его супруги Ульяны, княжны тверской, Ягайлу (в православии — Яков, в католичестве — Владислав). По смерти же Ольгерда, в 1377 г., Ягайло сделался великим князем литовским. В 1393 г. скончалась великая кн. Ульяна, пожизненная владелица Витебского княжества. Еще при жизни своей она уступила его младшему сыну своему Свидригайле. Но Ягайло назначил туда своего наместника, ловчего Федора Весну. Свидригайло с помощью ливонских рыцарей овладел Витебском. Весна был сброшен с замковой стены и утонул в Двине. Недолго, однако, Свидригайло господствовал в Витебске: Витовт по поручению Ягайла взял Витебск. Но Свидригайло в 1396 г. вновь овладел Витебском. Витовт в другой раз взял город и в оковах отправил Свидригайла к королю Ягайлу. После смерти Витовта, когда началась усобица между Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутовичем, жители Витебска сами отворили ворота Свидригайлу. Вступив в город, он прежде всего отомстил своим врагам, приверженцам Сигизмунда: кн. Михаила Пеструцкого велел завязать в мешок и бросить в прорубь на Двине, а кн. Симона Ольшанского велел сбросить с Замковой горы в Двину. Около того же времени «князь Свидригайло пойма митрополита Герасима в г. Смоленске, и окова твердо железы, и спровади в Витебск, и держав на крепости 4 месяци, сожже огнем июля 26 (1435 г.) за толику вину, что перевет на него держал к князю Жидимонту». Герасим был сожжен на большом камне, лежавшем над самым берегом Двины у подошвы Замковой горы; камень этот назывался «жидовским». Свидригайло недолго продержался в Витебске. Михаил, сын Сигизмунда, простоял шесть недель под Витебском, но замком овладеть не успел. Однако в следующем 1436 г. храбрые защитники Витебска

должны были покориться Сигизмунду. В XV в. город был в цветущем состоянии, и население его было значительно, что доказывается грамотой короля Казимира Ягайловича, данной в Бресте в 1441 г., по которой Витебск считался в числе пятнадцати значительнейших городов Великого княжества Литовского. Около 1444 г. Витебску была дана уставная грамота, которой предоставлялось право суда над провинившимися согражданами, право свободной торговли в пределах Великого княжества Литовского и пр. Кроме того, великий князь обязался «давати (витеблянам) воеводу по старому, по их воле». Этот «привилей» подтвердили сын Казимира Александр в 1407 г. и Сигизмунд I в 1509 г. В 1479 г. у короля просили покровительства два брата великого кн. московского Андрей и Борис Васильевичи. Казимир назначил им жительство в Витебске. В следующем году они возвратились в Москву. Казимир два раза посетил Витебск. Сын его Александр зимой 1495 г. посетил Витебск вместе со своей супругой Еленой Ивановной. Около 1506 г. было учреждено Витебское воеводство, первым воеводой был Юрий Глебович. Витебск и его волости как пограничные были театром почти беспрерывной борьбы. В 1516 г. русские напали на Витебск, после чего окрестности и город были обращены в пепел, самый замок был в большой опасности. В 1519 г. московские воеводы подступили к Витебску, выжгли предместья, взяли внешние укрепления и убили множество людей. В 1534 г. кн. Борис Горбатый опустошил все окрестности Витебска, но город уцелел. В 1536 г. кн. Горенский и Барбашев выжгли посад Витебска, взяли множество пленников и всякой добычи. В 1562 г. кн. Курбский выжег предместья Витебска. В 1568 г. Шереметьев, Бутурлин и Сабуров осадили Витебск; жители скрылись в замке; воевода Пац отбил осаждающих, и они отступили. За разные заслуги, оказанные жителями Витебска во время этих войн, Сигизмунд III дал 17 марта 1597 г. этому городу магдебургское право и подарил городу собственный загородный дворец Лукишки с принадлежащими к нему деревнями и с перевозом на р. Лучесе, установил ярмарку в день Петра и Павла и даровал герб: «в блекитном (голубом) полю образ Спаса Збавителя, и притом зараз трохи нижей меч голый червоны, што ся мает розуметь кровавый». «Жидове теж, — говорится далее в грамоте, — в том месте нашом Витебском нияких оседлостей, водлуг давного звычаю, мети не мают». В 1602 г. казацкий атаман Дубина с большой силой напал на Витебск. Граждане не только прогнали казаков с большим уроном, но успели захватить самого атамана с двенадцатью его товарищами, вывели их на «Заручайские волотовки» и там посадили на кол. В 1605 г. витебская дружина из 500 человек под начальством гражданина Марка Ильича Лытки внезапно напала на русские войска под Феллином (в Лифляндии) и одержала победу. За это Лытка был возведен в дворянское достоинство и получил фамилию Феллинского. 22 ноября 1654 г. боярин и воевода В.П.Шереметьев после 14-недельной осады приступом взял Витебск, который в 1667 г. по мирному договору в Андрусове был вновь возвращен Польше. Видя бедственное положение граждан после войны и желая снискать к себе их расположение, король Ян Казимир грамотой от 28 мая 1667 г. освободил витеблян в течение четырех последующих лет от всяких государственных податей и даровал им вечную амнистию за 13-летнюю приверженность московскому царю. В 1701 г. здесь помещался генеральный штаб и часть русских войск. Петр Великий несколько раз посетил Витебск. В «Летописи г. Витебска» записано: «19 февраля 1701 г. царь Петр Алексеевич въехал в Витебск с небольшой силой, но стройно; остановился у бурмистра Зафатая; дал возможность видеть себя почти всему народу; на третий день выехал из Витебска в Биржу». На возвратном пути 14 марта он также посетил Витебск: «Отужинав у Зафатея, выехал в Смоленск». В 1705 г., пробыв четыре дня в Витебске, Петр Великий отправился в Полоцк. Витебские граждане держали сторону Станислава Лещинского, возведенного на трон польским Карлом XII, и тайно послали находившемуся в Белоруссии шведскому войску семь тысяч талеров. Петр Великий приказал казакам поджечь город со всех сторон. Капитан Соловьев 28 сентября исполнил приказ и сжег «замки, город, ратушу, лавки, Узгорье, Заручевье, четыре костела, двенадцать церквей, а с Заречья взял выкуп 600 талеров битых». С тех пор Витебск обеднел, народонаселение в нем уменьшилось, торговля упала. В 1772 г. Витебск был присоединен к России и причислен как провинциальный город к Псковской губернии; в 1777 г. он отошел к губернии Полоцкой, а в 1796 г. был сделан губернским городом Белорусской губернии. Наконец, в 1802 г., когда эта губерния была разделена на две — Могилевскую и Витебскую, Витебск был сделан губернским городом последней. 17 июня 1802 г. проездом из Могилева Витебск посетил имп. Александр I.

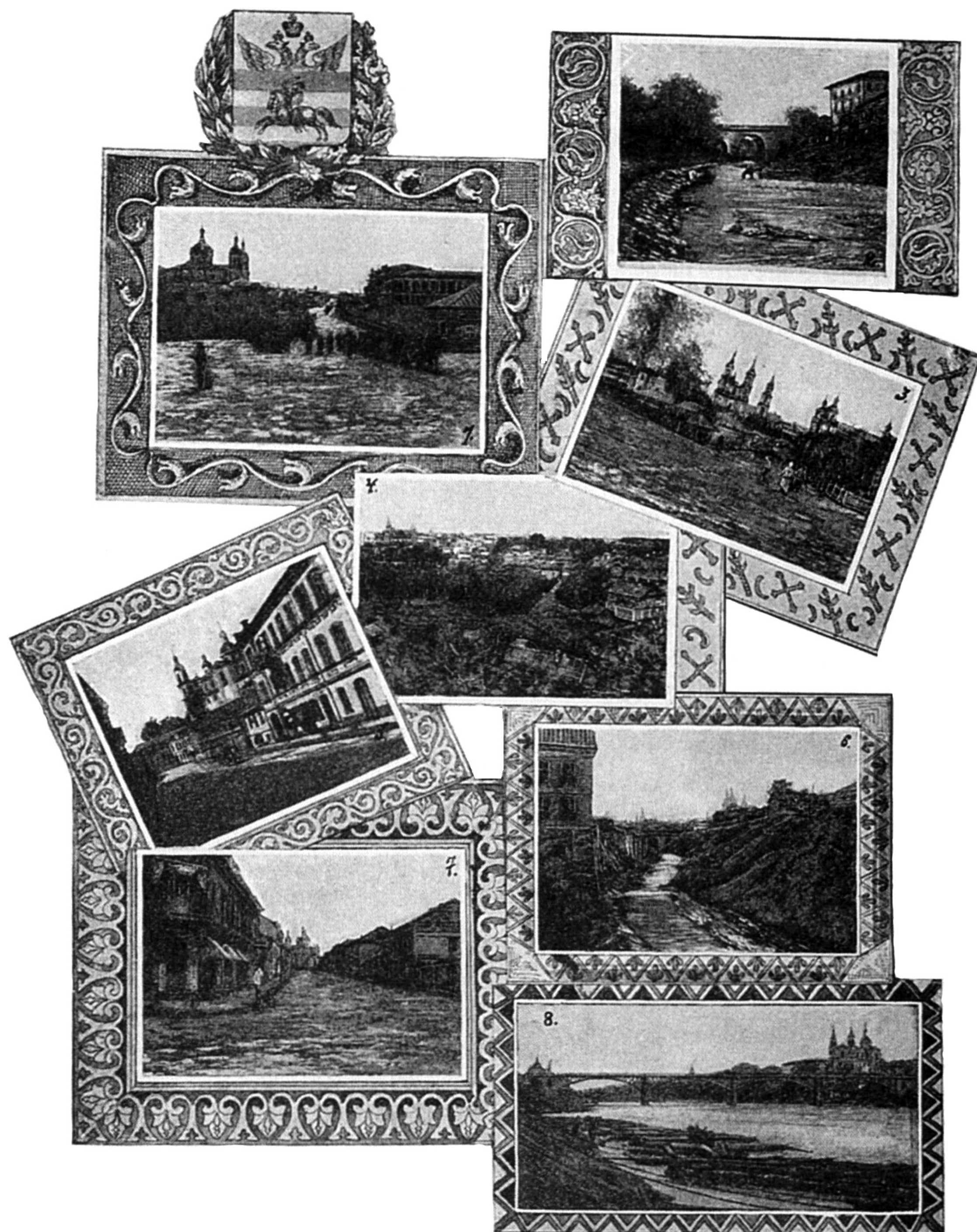
В отечественную войну Витебск был свидетелем важных военных событий. Во время движения 1-й западной армии под начальством Барклая-де-Толли из укрепленного лагеря при г. Дриссе на соединение с кн. Багратионом Наполеон решился преградить ей путь и 12 июля из Бешенкович устремился на Витебск. Барклай-де-Толли, несмотря на слабость своих сил, хотел вступить в сражение при

Витебске, но, получив донесение от кн. Багратиона, что он направляется к Смоленску, переменил план и ночью на 16-е число двинулся туда же. Ночь с 14 на 15 июля Наполеон провел в 15 верстах от Витебска, у д. Куковячино, близ большой дороги, в палатке. На рассвете 16-го начали вступать в Витебск французские полки и выстроились по сторонам Заручевской, Замковой и Смоленской улиц. Наполеон остановился по дороге против Лукишек, в версте от города. Сойдя с лошади, он сел при большой дороге и, спустив ноги в канаву, смотрел на проходившие мимо него войска. Ровно в 7 часов утра Наполеон въехал в город среди своих маршалов и генералов. Он ехал шагом на буланой лошади между двумя рядами войск, приветствовавших его громогласными кликами. Проехав за Смоленскую заставу, Наполеон проскакал по Петербургской дороге версты три и, осмотрев местность, возвратился в отведенный ему дом. Войдя в комнату, он отстегнул свою шпагу, бросил ее на стол, покрытый развернутыми картами России, и сказал: «Я здесь остановлюсь, ознакомлюсь с местностью, соединю корпуса моей армии, дам ей отдохнуть и устрою Польшу. Военные действия кампании 1812 года окончены; будущий год окончит остальное». Затем, разместившись в генерал-губернаторском дворце, Наполеон ежедневно ездил верхом по городу и за город, почти всегда в семь часов пополудни. Ознакомившись с городом, он принял меры к временному укреплению его на случай атаки. Были сооружены баррикады: на Заручевье — у еврейской синагоги, на Задунавье — перед мостом близ Смоленской заставы и в Заречной части — возле церкви св. Симеона, окна которой были превращены в амбразуры для стрельбы из орудий, помещенных внутри храма. На Двине построены были три моста; лес, железо, канаты и другие материалы для этой постройки французы забирали, где находили. Для устройства перед дворцом площади было сломано несколько деревянных домов и стены строившейся каменной Преображенской церкви. На этой площадке в шесть часов утра в присутствии Наполеона ежедневно бывал развод. Дороговизна на все продукты была ужасная: фунт пшеничной муки стоил 80 коп., штоф церковного вина — 15 руб. и т.д. Жителям строго было воспрещено держать у себя оружие. Большая часть жителей оставила город, только евреи остались все. Рассказывают, что евреи одинаково приветствовали как французов, так впоследствии и русские войска. «Хвала Богу, что наши пришли», — так говорили они и тем, и другим. Предположениям Наполеона относительно зимовки в Витебске не суждено было осуществиться: 1 августа Наполеон выехал в карете в Смоленск вслед за своей армией. Витгенштейн, взяв Полоцк, решился овладеть и Витебском. С этой целью 24 октября был послан ген. Гарпе, который и занял Витебск. Сколько бедствий вытерпел город в «разоренный год», видно из следующего: в начале 1812 г. в Витебске было 6708 жителей мужского пола, а в 1813 г. — всего 2415 человек мужского пола. Материальные потери были также громадны: общий итог убытков равнялся 1 687 740 руб. В 1831 г. холера появилась в Витебске. Жертвой холеры сделался и вел. кн. Константин Павлович; великий князь прибыл в Витебск из Варшавы 3 июля, а 15 числа того же месяца скончался. 22 октября 1839 г. из Могилева прибыл в Витебск наследник Александр Николаевич и пробыл здесь сутки. В 1855 г. 7 июля в 4 часа пополудни разразился над Витебском страшный ураган, причинивший жителям убытка до 73 тыс. рублей. Пожаром, происшедшим от удара молнии, была сожжена древняя деревянная церковь св. Иоанна Богослова. 1861 г. памятен Витебску по множеству пожаров, происходивших большей частью от поджогов: пожар с 12 на 13 июля уничтожил целый квартал, прилегающий к Смоленской улице, а пожар с 15 на 16 октября истребил лучшие дома Подвинской улицы. Весной 1863 г. несколько молодых канцелярских чиновников и гимназистов, выйдя из Витебска, пытались присоединиться к начавшим формироваться в губернии шайкам инсургентов, но скоро были задержаны. Вообще, волнение лишь в слабой степени коснулось Витебска; тем не менее город был объявлен на военном положении. В 1866 г., 1 октября, было открыто движение по Двинско-Витебской железной дороге. В 1867 г., 16 марта, последовало открытие постоянного моста через р. Двину. В 1868 г., 19 ноября, было открыто движение по Орловско-Витебской, ныне Риго-Орловской железной дороге. В 1875 г., 29 апреля, было введено городовое положение в Западном крае и в том числе в Витебске.

Религиозная жизнь Витебска интересна не менее, чем его политическая жизнь. Появление христианства здесь надо отнести к тому же времени, когда появилось оно в Полоцке, находившемся всегда в тесной связи с Витебском, т.е. еще ко временам св. Владимира. По прекращении династии дома св. Владимира Витебск достался литовскому кн. Ольгерду, женатому на дочери последнего князя витебского Марии, «для которое ж, — говорится в литовской летописи, — кн. Ольгерд охристился в русскую веру». В угоду же своей супруге Ольгерд «построил две каменные церкви в греческом стиле: одну в Нижнем замке (Благовещенскую церковь), а другую — в поле за ручьем, или Замковым рвом (церковь Св. Духа)». В 1413 г. любимый ученик Гуса Иероним Пражский был в Витебске, где

публично заявлял, что вера православная «будет и есть совершенная, и русские хорошие христиане». Великие князья литовские не раз подтверждали свободу православного исповедания. В таком положении находилось православие до появления в Белоруссии иезуитов. Необходимо, однако, сказать прежде несколько слов о появлении в Витебске протестантизма и о судьбе его. Витебляне и полочане вели постоянные торговые сношения с Ригой, Кенигсбергом и другими городами, а потому, естественно, реформация проникла в наши города в первые же годы распространения ее в Пруссии и Ливонии. Но не одним этим путем проникала к нам реформация. Андрей Венгерский в своей «Истории славянской церкви» говорит: «Около 1552 г. из России пришли в Белоруссию три греко-российских монаха: Феодосий, Артемий и Фома; они остановились в Витебске, начали сперва из домов, а потом и из церквей выбрасывать иконы и учили поклоняться только одному Иисусу Христу. Возмутившийся народ и православные священники выгнали их из города». Проповедь этих сектантов не осталась, однако, без последствий: ею соблазнились некоторые из шляхты и мещан, которые, вызвав из Польши кальвинских пасторов, построили в Нижнем замке деревянный «збор» (кирху), дом для пастора, училище и богадельню. Но все эти здания во время войны Яна Казимира с Россией были разобраны и употреблены на укрепление Верхнего замка. Кажется, после этого кальвинский сбор в Витебске уже не был восстановляем. Успехи протестантизма остановили иезуиты, они же нанесли тяжелый удар и православию. Первая попытка к водворению католицизма в Белоруссии была сделана королем Ягайлом. Достоверно известно, что уже в начале XV в. в Витебске существовал францисканский монастырь. Впрочем, католицизм не пустил в нашем городе глубоких корней и даже во второй половине XVI в. едва влачил свое существование: папский легат Антоний Поссевин нашел в Витебске только одного католического ксендза, дряхлого летами и при смерти больного. Небольшое число католиков состояло из польских выходцев, живших здесь по делам службы или торговли. Католицизм в Витебске успешнее стал водворяться только с учреждением в нем иезуитского коллегиума в 1640 г. В конце XVI в. возникла уния (в 1596 г., на соборе в Бресте). Киевский митрополит Михаил Рагоза и пять епископов, в том числе и архиепископ полоцкий Герман, торжественно признали главенство папы. С этого времени началось преследование православных. Но никогда гонения на православных не были так настойчивы и суровы, как при архиерее Иосафате Кунцевиче. Гонения эти вызвали со стороны несчастных жителей Витебска кровавое мщение. Все православные церкви в Витебске были запечатаны. Канцлер литовский Лев Сапега написал Кунцевичу красноречивое письмо, в котором предсказывал возмущение жителей, если им не будут возвращены их церкви. Предсказание Сапеги исполнилось очень скоро. Кунцевич явился в Витебск, чтобы утвердить здесь унию во что бы то ни стало. 12 ноября 1623 г. он служил обедню. В это время протодиакон архиепископа ударил православного священника, тайно переправлявшегося через Двину для совершения богослужения в шалаше, связал его и запер в архиерейской кухне. Народ взволновался. Ударили в набат. Толпы народа бросились к архиерейскому дому, ворвались в келью Кунцевича, только что возвратившегося из церкви, и с криком «бей папежника, душехвата» бердышем рассекли ему голову, потом вытащили его на двор и тут, заметив в нем еще признаки жизни, добили выстрелом из ружья. Тело его было сброшено с крутого берега в Двину, где рыбаки, привязав к нему камни, отвезли вверх по Двине к месту, называемому Песковатик, и там бросили его в глубину реки. Только на третий день, когда народное волнение несколько утихло, тело Кунцевича было вытащено по приказанию каштеляна замка и отослано на лодке в Полоцк, где и погребено в Софийском соборе. В 1624 г. папа Урбан VIII признал Иосафата блаженным; папа Пий IX 2 мая 1865 г. причислил его к лику святых. Жестоко был наказан Витебск за это убийство, в котором принимали участие жители Орши, Могилева, Полоцка и Вильны. Следственная комиссия постановила следующий приговор: «74 человека казнить смертию; лишить город магдебургского права, а так как возмущение началось по сигналу ратушного и некоторых церковных колоколов, то все эти колокола отнять и вылить из них колокол с надписью о сем злодеянии; здание ратуши разрушить; Пречистенскую церковь мещане должны великолепно отстроить собственным иждивением». Смерть Кунцевича не только не послужила к облегчению участи православных, но, напротив, вызвала еще более суровые меры к искоренению православия. Большая часть граждан была, наконец, совращена в унию. Тем не менее еще в 1721 г. в Витебске было «весьма много дизунитов (православных), явных и тайных». Лишь только Белоруссия возвратилась под скипетр единоверной императрицы в 1772 г., как открылось повсеместное желание униатов возвратиться в лоно прародительской веры. Наконец, в 1839 г. совершилось общее и окончательное воссоединение униатов с православной церковью. 10 мая этого года совершилось в Витебске и самое торжество воссоединения: митрополит киевский Филарет,

Витебскъ.

1. *Вид от костела на Каменный мост и Николаевский собор.* 2. *Река Витьба.* 3. *Улица и Успенский собор.* 4. *Вид с Духовной горы на город.* 5. *Вид от Николаевского собора на Смоленскую улицу, костел и Воскресенскую церковь.* 6. *Вид на реку Витьбу Надвинской улицы.* 7. *Замковая улица.* 8. *Мост через Западную Двину.*

епископ полоцкий Исидор и оршанский Василий совершили в Успенском соборе литургию, по окончании которой с амвона был прочитан указ Св. Синода со словами имп. Николая I «благодарю Бога и принимаю».

Древнейшая часть г. Витебска находится между реками Витьбой, Двиной и ручьем, т.е. это та самая местность, где впоследствии появились два замка — Верхний и Нижний. Затем город распространился по правой стороне р. Витьбы, именно на взгорье, в угол, при впадении этой речки в Двину. Уже в самом начале XV в. здесь была Успенская церковь: находящаяся в той же местности Воскресенская церковь построена тоже на месте одной из древнейших. Здесь же находился и Гостиный двор. Эта местность носила (да и теперь носит) название собственно города («место»). Но та часть «Узгорья», где находится церковь Иоанна Богослова, не была заселена еще и в XVI в.: «тая церковь Божая на поли стоит за местом», — так сказано в документе 1522 г. Самая же церковь — одна из древнейших, она построена кн. Ульяной, второй супругой Ольгерда. Задунавье в конце XVI в. было уже заселено. Западная часть Заручевья была заселена довольно рано, но восточная часть его не была заселена даже и во второй половине XVIII в. Однако и здесь уже в половине XV в. была церковь, построенная Ольгердом. Что касается Задвинья, то прежде всего была заселена южная часть его, которая носит название Руси. Но и в северной части уже в половине XV в. существовала церковь во имя пророка Илии, построенная королем Казимиром. Ни о числе жителей в Витебске, ни о числе домов в нем нет никаких сведений до половины XVII в. В 1641 г. в Витебске за исключением замков было 1 010 усадеб, из которых ни одна не принадлежала евреям. Через сто лет, в 1667 г., заселенных участков было всего 226. Причина этого кроется отчасти в беспрестанных нападениях русских, отчасти в опустошительных пожарах. Особенно город пострадал после погрома 1708 г., о котором сказано выше. В 1784 г. жителей в Витебске было 8450 обоего пола в том числе евреев 1760. Первое известие о замках витебских относится к началу XIV в., хотя, безо всякого сомнения, замок здесь существовал гораздо раньше. По словам Стрыйковского, «Ольгерд укрепил Верхний замок каменной стеной и башнями и украсил этот замок палатами». Здесь же находилась «древняя деревянная, на каменном фундаменте, церковь» во имя св. архангела Михаила (где теперь здание гимназии). Замок Ольгерда сильно пострадал во время осады его в 1396 г. Витовтом, который, «овладев после четырехнедельной осады Нижним деревянным замком, установил пушки у каменной церкви (Благовещенской), беспрестанно днем и ночью громил каменные стены Верхнего замка». Во второй половине XVI в. замки, сильно пострадавшие и от частых осад, и от времени, были возобновлены. В 1576 г. король Стефан Баторий объявил благодарность жителям Витебска за то, что они «забудовали того замку часть немалую, на самых шанцах и приступе неприятельском, от р. Двины, межи вежами новозабудованными, Успенской и Пречистенскою». Описание этого возобновленного замка оставил нам ротмистр витебского замка Гванини (во второй половине XVI в.): «В Витебске, — пишет Гванини, — два весьма обширных и благодаря удобному положению, весьма укрепленных замка; один из них, расположенный на равнине и обширностью равный городу, называется Нижним замком; другой, Верхний замок, находится на довольно возвышенном холме. Оба эти замка укреплены башнями и стенами, которые построены из дуба и наполнены землей и камнем». Во время осады Витебска Шереметьевым, в 1654 г., замки были почти разрушены. Русские старались, по возможности, исправить их. В то же время упоминается о третьем замке в Витебске, Узгорском, окруженном деревянными стенами. Напрасно любопытствовал бы кто-либо взглянуть теперь на остатки витебских замков. Скоро и Замковая гора, часть которой уже снесена при постройке гимназии и окружного суда, перестанет существовать, а с ней исчезнет и последнее напоминание о грозном некогда витебском замке.

По местоположению Витебск может быть разделен на три части; на столько же делится он и в административном отношении. Первая, или Узгорская, часть занимает возвышенность между р. Зап. Двиной, р. Витьбой, ручьями Дунаем, Песковатиком, Сутоками и глубоким оврагом. Вторая, или Заручевская, часть лежит в отношении первой на юг; границы ее — с севера р. Витьба и ручей Дунай, с юга — ручей Безыменный, с востока — ручьи Драничный и Гапеев, а с запада — Двина. Предместье Задунавье отделяется от остального Заручевья глубоким оврагом; местность между Двиной, речкой Витьбой и ручьем занимали некогда Верхний и Нижний замки. Третья, или Завдинская, часть расположена на правой стороне Двины, во всю длину Узгорья и Заручевья. Южная ее часть называется «Русь», северная — «Присмушки».

В Витебске почти не осталось памятников древности, сохранились только старинные названия частей города (Узгорская, Заручевская и др.) и некоторых улиц (Замковая и др.). Наиболее замечательны в городе следующие храмы: 1) храм Благовещения, перестроенный Ольгердом в 1-й половине XIV в. По преданию же, записанному в витебс-

кой летописи, эта церковь построена еще св. кн. Ольгой; проф. Павлинов, исследовав каменную кладку церкви, пришел к выводу, что церковь первоначально построена в X веке; 2) Ильинская деревянная церковь, построенная в 1-й половине XVII в. на месте древней, существовавшей в 1-й половине XV в.; 3) величественный Успенский собор. Он начат постройкой в 1743 г. базилианами. Архитектором его был итальянец Фонтани. Храм окончен в конце XVIII в. при содействии русского правительства. Из зданий замечателен губернаторский дом, известный под именем «дворца». Построен он в конце XVIII в. В нем с 1811 по 1821 г. жил витебский военный губернатор герцог Александр Виртембергский. В 1812 г. в нем поместился Наполеон, в 1831 г. здесь же скончался великий кн. Константин Павлович. Обращают на себя внимание и следующие сооружения: здание окружного суда, здание гимназии, здание женского училища духовного ведомства и др. В 1895 г. в Витебске было открыто при архиерейском доме епархиальное церковно-археологическое древлехранилище. Вообще, в городе насчитывается 32 православных храма, 4 часовни, 2 единоверческих храма, 2 костела, каплица, кирха, 3 синагоги и 58 еврейских молитвенных домов, жилых зданий 650 каменных и 7200 деревянных, свыше 2000 торговых помещений, 2 театра, 3 типолитографии, 8 книжных магазинов, 4 библиотеки для чтения, 3 еврейские книжные лавки, свыше 75 промышленных заведений более чем с тысячью рабочих, мужская и женская гимназии и около 20 низших школ, не считая еврейских училищ.

Жителей в Витебске свыше 81 тыс., из них евреев до 40 тыс. Еще в конце XVI в. евреям было запрещено жить в Витебске, да и в инвентаре 1641 и 1667 г. о них вовсе не упоминается. Евреи проникли в Витебск главным образом после его присоединения к России. В 1765 г. евреев в Витебске насчитывалось 667 человек обоего пола; в 1784 г., при общем населении города 9640 человек, их было 1760 (18%), а в 1884 г., при населении 48 200 человек — 24 170 (50%). В настоящее время большая часть торговли и промышленности Витебска находится в руках евреев; им же принадлежат и лучшие дома в городе на лучших местах, тогда как коренное белорусское население более ютится по окраинам.

С древних времен Витебск вел довольно значительную торговлю. Уже в 1229 г. Витебск упоминается в торговом договоре смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой. В последующие века он вел торговлю с той же Ригой, Кенигсбергом и другими городами. В настоящее время торговля Витебска не отличается ни особыми размерами, ни особой оживленностью. Более видное место занимает торговля лесом и льном, которые отправляются в Ригу и за границу. Вся остальная торговля (находящаяся почти исключительно в руках евреев) носит характер рознично-мелочной. Доходы города простираются до 180 тыс. руб. в год.

Верстах в трех от г. Витебск, на правом берегу р. Зап. Двина находится первоклассный мужской Свято-Троицкий Марков монастырь. Основателем этого монастыря считается «земянин» Марк, но когда именно жил он — неизвестно. В «Жалобе рижского магистрата витебскому князю Михаилу Константиновичу», относящейся к концу XIII в., упоминается о монастыре близ Витебска; по всей вероятности, это и был Марков монастырь. С течением времени марковское общежитие неизвестно по каким причинам уничтожилось, а его церковь была обращена в приходскую. Приход, однако, продолжал именоваться Марковым и пользовался особенным значением; это видно из того, что в 1576 г. настоятель Маркова прихода протопоп Феофан (Богдан) Рпинский (1588 г.) был возведен королем Стефаном Баторием в сан архиепископа полоцкого. В самый разгар гонений на православных с целью принудить их к унии была восстановлена Маркова обитель. Восстановителями были литовско-русские вельможи кн. Лев Самуил Богданович Огинский со своей супругой Софией и пан Севастиан Мирский. В 1633 г. они построили своим иждивением деревянную церковь и монастырские кельи, а в 1636 г. наделили этот монастырь двумя населенными имениями. Марков монастырь, однако, всегда (хотя униаты и пытались в 1751—52 гг. насильно завладеть им) был достоянием православных. Сын Льва Самуила, кн. Симеон Карл, хотя и совращенный уже в латинство, в 1687 г. подтвердил во всей силе дарственные записи, данные отцом его. Мало того, он построил новые монастырские кельи и соборный храм Св. Троицы (освящен 31 мая 1691 г.), так как почти все здания монастыря были уничтожены в 1690 г. пожаром. Храм Св. Троицы существует и поныне. Особенно чтимая святыня монастыря — икона Казанской Божией Матери. По одним известиям, этой иконой патриарх Никон благословил игумена Маркова монастыря Каллиста при посвящении его в 1657 г. в епископы полоцкие, по другим сведениям, икона эта была пожертвована монастырю царем Алексеем Михайловичем.

Верстах в 2 ниже Маркова монастыря, у д. Забежье, посредине Двины, лежит огромный камень с глубоко вырезанным шестиконечным крестом, но без надписи. Камень виднеется только в малую воду.

В одной версте от Витебска находится имение Лукишки, некогда загородный королевский дворец, подаренный Сигизмундом III Витебску. Ныне

имение принадлежит гр. Косову. От Витебска к западу проходит большой тракт (113 верст) на г. Лепель. Верстах в 15 от Витебска этот тракт входит в Сенненский уезд Могилевской губернии и здесь верст через 7 достигает местечка Островна, расположенного при озере того же названия. Островно известно с XVI в., когда король Сигизмунд Август построил здесь костел. Местечком Островно состоит с 1784 г. До 1812 г. в местечке, по словам старожилов, была значительная торговля. Здесь было 120 каменных лавок и ежедневно происходили значительные базары. В 1812 г. местечко было совершенно разорено французами. С тех пор торговля его упала и базары прекратились. Была здесь каменная ратуша, ныне совершенно уже уничтоженная, а при ней каменная башня с часами, которая сохранилась и поныне. Высота ее достигает 14 сажен, а четырехугольное основание — 16 квадр. сажен. В местечке Островно существуют две православные церкви, из которых одна каменная, а также волостное правление, народное училище и одна еврейская молитвенная школа. Жителей в местечке насчитывается до 500, большей частью евреев, которые ведут мелочную торговлю. Верстах в 15 за местечком Островно большая дорога снова входит в Витебскую губернию, именно в Лепельский уезд, и, пройдя верст 12, достигает м. Бешенковичи, лежащего на высотах крутого левого берега р. Зап. Двины. Уже в половине XV в. здесь было значительное поселение: король Казимир построил здесь церковь во имя пророка Илии. В XVII в. Бешенковичи принадлежали Сапегам. Казимир Лев Сапега получил 4 октября 1634 г. от короля Владислава IV для Бешенковичей грамоту на магдебургское право. Тот же Казимир Лев в 1650 г. построил здесь костел. В конце XVII и в начале XVIII в. Бешенковичи принадлежали кн. Огинским. Казимир Огинский, воевода виленский, в память пребывания в Бешенковичах имп. Петра I построил деревянную церковь для православных. В марте 1708 г. здесь собирался военный русско-польский совет. В 1812 г., 12 июля, прибыл в Бешенковичи Наполеон. Тотчас по прибытии он приказал навести мост из понтонов через Зап. Двину. Легкая кавалерия пущена была на другой берег вплавь. В Бешенковичах Наполеон пробыл три дня. В усадьбе до сих пор сохранилась комната, в которой он жил, в том виде, в каком она была в 1812 г. В 1821 г., 16 сентября, имп. Александр I посетил Бешенковичи и произвел здесь смотр гвардейскому корпусу, в воспоминание чего здесь воздвигнут гр. И.Хрептовичем памятник. На правом берегу Двины, по дороге в Витебск и доныне еще видны французские окопы с полузаплывшим рвом. На большой площади местечка расположен каменный гостиный двор с 60 лавками, предназначенными собственно для купцов, приезжающих сюда на Петропавловскую ярмарку, продолжающуюся с 29 июня по 21 июля. Бешенковичи с каменной мостовой имеют весьма приличный вид и походят на город, особенно во время ярмарки, обороты которой достигали в прежнее время 100 тыс. руб. Здесь есть почтовая станция и телеграф. В местечке две церкви, один костел, 6 еврейских молитвенных домов, два народных училища, одна церковноприходская школа, аптека и приемный покой. Население Бешенковичей достигает 4500 душ, в том числе евреев свыше 3 тыс. Жители-христиане занимаются промыслами (кровельным, мыловаренным, гончарным и др.), евреи — торговлей. Домов в местечке — свыше 500, почти исключительно деревянных.

За Бешенковичами, верстах в 10, большая дорога пересекает р. Свечу, приток Уллы, при одноименном селении. Верстах в 6 к северу отсюда расположено имение Стрижво (Стрежов) у оз. Стрижев. На полуострове этого озера был насыпан большой курган и построен замок. В 1151 г. этот город был выделен в особый удел. Кн. Рогволод Борисович, завладев Полоцком, отдал Стрежов кн. Всеволоду Глебовичу.

За Свечей большой Лепельский тракт пересекает р. Уллу у почтовой ст. Бочейково.

К югу от Бочейкова, верстах в 17, лежит местечко Чашники. Местечко это расположено также при р. Улле. Вблизи Чашников, на полях Иванских, в 1564 г. русские войска под начальством кн. Шуйского были разбиты поляками, сам Шуйский был убит. В 1567 г. русские под начальством воеводы кн. Палецкого вторично были разбиты здесь поляками, состоявшими под начальством гетмана Сангушка. В 1580 г. король Стефан Баторий принимал здесь присланного с письмом от царя Ивана Грозного. В 1708 г. в Чашниках происходил совет фельдмаршалов Меньшикова и Шереметьева относительно дальнейших военных действий. В 1812 г. авангард корпуса кн. Витгенштейна ворвался в Чашники и принудил ген. Леграна отступить, после чего кн. Витгенштейн укрепился здесь. Укрепленный замок Чашницкий находился на правом берегу р. Уллы, там, где впоследствии было устроено католическое кладбище. Окрестности Чашников усеяны множеством курганов. В местечке имеются две каменные церкви и девять еврейских молитвенных домов, два народных училища, сельский врач, лечебница и аптека. Главные занятия жителей — торговля, ремесла и хлебопашество. Жителей в Чашниках насчитывается до 4900 душ обоего пола, в том числе евреев до 3800. Домов в Чашниках каменных 48, деревянных 703.

В полупути от почтовой станции Бочейково до Лепеля по тракту, соединяющему Витебск с Лепелем, находится почтовая станция Камень, в 12 верстах от которой на северо-восток лежит село Суша. Село это расположено на полуострове между оз. Островки и Чемерица, соединенными узким протоком и составляющими оз. Суша. Здесь же находится древнее городище. В 1566 г., по указу царя Ивана Грозного, был построен в имении кн. Острожских замок Суша, или Копие. В 1579 г. этот замок был взят и разрушен поляками. В настоящее время местность, где был замок, застроена крестьянскими домами. В расположенном верстах в 5 к востоку от Суши имение Сокорове, недалеко от оз. Поло, до сего времени сохранился каменный, высеченный из гранита древний крест: длина его достигает 1 аршин 4 вершка, ширина — 13 вершков. На кресте грубо высечена славянскими буквами надпись: «1569 (АФЕФ) ту п (а) ло оу поле С (200) жвнр (жовнер—воинов) во Хрсту. Поствил по битв... по за...» К северу от Суши, верстах в 15—17, лежит с. Красный (Красное), на перешейке между оз. Островитом и Плюсном. Здесь был замок, взятый русскими в 1564 г. В 1579 г. 31 июля Красный был взят обратно поляками. Часть окопов заметна и поныне. От Красного идет к северо-востоку пятнадцативерстная дорога в местечко Улла, расположенное на берегу р. Зап. Двины, при впадении в нее р. Уллы. Некогда оно принадлежало Кишкам, а затем Жабам. По взятии Полоцка в Улле на полуострове, образуемом реками Двиною и Уллою, царь Иван Грозный велел построить в 1566 г. замок. В 1568 г. король Сигизмунд Август сделал большие приготовления к войне с царем, собрав до 100 тыс. войска. Значительная часть этого войска под начальством гетмана Ходкевича направлена была к замку в Улле. Но Ходкевич должен был отступить. Грозный царь насмешливо писал ему: «Слышах твое велеразумие и храбрость под Уллою и дивихся: и то храбрски еси учинил». Шумные приготовления к войне кончились таким образом ничем, и война эта была в насмешку прозвана «Петушьей». В том же 1568 г. 20 сентября гетман Роман Сангушко взял замок посредством ночной хитрости. В 1654 г. русские войска взяли Уллу и сожгли ее укрепления. Доныне еще сохранились здесь на берегах обеих рек валы, окружающие угол земли между двумя реками. Сохранился и вал, тянущийся с южной и восточной стороны этого угла: вал этот называется Баториевым шанцем. Замковая котловина заключает в себе более $^1/_2$ десятины. На месте древнего замка ныне возвышается православная церковь. Прежде в Улле было, по-видимому, три православные церкви. Костел доминиканский основан в Улле Лукомским в половине XVII в. и упразднен в 1832 г. Из инвентаря «города» 1764 г. видно, что в то время в Улле было 10 главных частей города. В них дворов было 187, жителей до 600, в том числе евреев до 20 душ. В местечке в настоящее время одна православная церковь, костел, два еврейских молитвенных дома, два народных училища, одна церковноприходская школа и аптека. Население Уллы достигает до 2 $^1/_2$ тыс., в том числе евреев 1600. Жители-христиане занимаются ремеслами и сплавом леса, а евреи — торговлей; имеются небольшие кожевенные и другие заведения. Домов насчитывается свыше 200, в том числе свыше 30 каменных.

Верстах в 18 от Камня по большому тракту, в юго-западном углу Лепельского уезда, лежит г. **Лепель**. Он расположен на южном песчаном берегу Лепельского озера, между реками Ульянкой и Ессой (из которых первая вытекает из Лепельского озера, а последняя впадает в него). Первоначально Лепель находился там, где ныне селение Старый Лепель. Селение это становится известным с 1439 г., когда Михаил, сын вел. кн. литовского Сигизмунда Кейстутовича, подарил его витебскому костелу. Король Сигизмунд I в 1541 г. передал этот фундуш виленскому капитулу. В 1563 г. русские, взяв Полоцк, сожгли и Лепель, а затем основали там укрепление и содержали довольно сильный гарнизон. Но в том же году укрепление это перешло в руки поляков. В 1568 г. король Сигизмунд Август повелел выстроить здесь укрепленный замок. В 1568 г. Старый Лепель, возвращенный королем Стефаном Баторием виленскому капитулу, был продан им Льву Сапеге. Сапега уже владел окрестными землями и деревнями, между прочим и селением Белым, которое впоследствии стало известно под именем Белый, или Новый Лепель. Сапега построил здесь церковь и костел, а в 1609 г. и Старый, и Новый Лепель были отданы во владение виленскому бернардинскому женскому монастырю св. Михаила. В 1772 г., по присоединении Белоруссии к России, Лепель остался за Литвой, так как он находился на левом берегу р. Зап. Двина, которая на некотором протяжении была признана государственной границей, и только при втором разделе Польши, в 1793 г., Лепель был присоединен к России. В 1802 г. он был назначен уездным городом Витебской губернии. 20 апреля 1805 г., по Высочайшему повелению, «местечко Лепель, виленскому бернардинскому женскому монастырю принадлежащее, которое включает в себе до 274 душ монастырских крестьян и в котором находится уездный город со всеми теми крестьянами, причислить в казенное ведомство и обратить оное в уездный город, перечислив и жителей того местечка в мещанское состояние, а окруж-

ные земли в городской выгон; бернардинскому же монастырю взамен того производить из казны ежедневно получаемый ныне с того местечка доход, сколько онаго, по действительному рассчету, окажется». В 1812 г. через Лепель проходили французы, причинив городу немало вреда. В 1831 г. Лепельский уезд более других принимал участие в восстании поляков. Но гр. М.Н.Муравьев, командированный в Лепель, быстро восстановил порядок. Укрепленный замок стоял там, где ныне церковь. Торговля Лепеля крайне слаба; не способствует развитию ее и Березинский канал. Лепель разделяется на 30 кварталов. В пределах города на р. Ессе, соединяющей озеро Лепель с озером Прошей, устроено 2 плотины, а на р. Ульянке — 3 плотины и 2 шлюза. Земли городской 2100 дес., в том числе под городом 339 десятин. Разного рода промышленных заведений в городе насчитывается 14 с 29 рабочими. Церквей в Лепеле две, из которых одна каменная, четыре часовни, римско-католический каменный костел и восемь еврейских молитвенных домов деревянных. Жителей в Лепеле насчитывается свыше 7 тыс., из которых евреев свыше 4000 обоего пола. Строений каменных в Лепеле 10, деревянных 800. Доходы города простираются до 24 400 руб.

В 15 верстах от Лепля, над р. Толпянкой, близ дороги из г. Лепеля в местечко Чашники, лежит имение Городенец и при нем урочище, называемое Замчищем. Замчище находится на холме; еще и поныне здесь сохранились остатки окопов и рва.

Возвращаемся к Витебску. Вверх по р. Западной Двине от Витебска существует пароходное сообщение до г. Велижа. Параллельно этой части течения Двины, сначала (до Суража) на довольно значительном расстоянии от реки, а затем близ самой Двины идет и почтовый тракт на Велиж. В 9 верстах к северу от Витебска, при Двине, вверх по ее течению, находится село Лужесно, некогда принадлежавшее кн. Огинским, ныне же приобретенное Витебским обществом сельских хозяев с целью устроения здесь образцовой фермы и земледельческого училища. Здесь имеется древнее городище. В им. Каховке, в 11 верстах от Витебска, на берегу р. Лужесянки, на невысоком холме, расположено до тридцати курганов; между ними есть и каменные могилы. В 1891 г. гр. Романовым были произведены здесь раскопки, причем исследовано три кургана и две каменные могилы; последние представляют несомненное сходство с финскими.

Велижский почтовый тракт направляется из Витебска сначала на заштатный г. Сураж (40 верст от Витебска). Верстах в 30 от Витебска эта дорога оставляет верст в 7 к югу от себя значительное местечко Яновичи.

Сураж (правильнее Сурож) расположен на возвышенности, по обоим берегам рек Западная Двина и Каспля. Главная часть города находится на левой стороне Двины и на правой Каспли. Здесь в XVI в. существовало поместье Сапег. В этой пограничной с русскими владениями местности, лежащей притом при судоходных реках Двине, Каспле и Усвяче, король Сигизмунд Август и велел в 1563 г. построить укрепленный замок, названный Сурожем. Заботясь о заселении города, Сигизмунд Август предоставил в 1570 г. сурожским мещанам те же права и вольности, какие даны были витебским мещанам, наделил их землей, прилегавшей к городу на сем верст со всех сторон и пр. В 1616 г. Сураж был сожжен русскими, а в 1654 г. снова сдался русским. В 1667 г. по договору он был возвращен Литве. При присоединении к России в 1772 г. Сураж был назначен в 1777 г. уездным городом Полоцкой губернии; 21 февраля 1778 г. (и 5 мая 1839 г.) был утвержден план города. В 1796 г. Сураж вошел в состав Белорусской губернии, 20 февраля 1802 г. он был причислен к Витебской губернии. В 1812 г. Сураж служил квартирой вице-королю итальянскому Евгению. В 1866 г. Сураж был обращен в заштатный город с присоединением его к Витебскому уезду. Несмотря на дарованные в 1570 г. широкие права и льготы, развитие Суража всегда шло медленно: в 1667 г. в нем было только 60 домов, в 1780 г. здесь была одна деревянная церковь, домов мещанских 100, еврейских 10, мещан-христиан 328 и евреев только 6 душ мужского пола. В 1808 г. один из ревизоров белорусских училищ писал: «Сураж — вполне несчастный город: нет в нем ярмарок, даже и подвоза не бывает; городской доход его составляет 860 руб. 32 коп., а расход обыкновенный — 621 руб. 48 $^3/_4$ коп.». Действительно, город никогда не имел и не имеет и теперь ни торгового, ни промышленного значения. Ныне северная часть города, расположенная по правую сторону Двины, между ручьями Ратьвиным и Ананьевым, разделена на 8 кварталов и имеет 6 улиц. Юго-западная часть города, находящаяся на левом берегу Двины и левом берегу Каспли, разделена 5 улицами на 10 кварталов. Наконец, юго-восточная часть города, главная, расположена по левой стороне Днепра, по правой стороне Каспли и по правой же стороне впадающей в Касплю р. Суражки. Эта часть города имеет две площади и разделена 11 улицами на 33 квартала. При устьях р. Каспли и ручье Суражке устроен через р. Касплю плавучий мост. Церквей православных деревянных в городе насчитывается 2, есть каменная часовня и еврейских молитвенных домов 5. Домов каменных 11, деревянных 446. Лавок каменных 8, дере-

вянных 61. Жителей 4400 душ, в том числе евреев свыше 1400. Доходы города достигают 4500 руб.

Верстах в двух выше Суража по Зап. Двине лежат Дречилуки (Дрычилуки, Driчелуки) — имение, часть некогда обширного имения, принадлежавшего в XVI в. кн. Друцким-Соколинским, а затем канцлеру литовскому Льву Сапеге. В XVII в. оно принадлежало Саковичам.

В 22 верстах от Суража и в 18 от уездного г. Велижа, при почтовом тракте из Витебска в Велиж, лежит им. Верховье. В 1580 г. Замойский из Суража двинулся под Велиж. «На другой день, — пишет Гейденштейн, — войско дошло до местности, называемой Верховье, где некогда стояла деревня. Место близ Верховья казаки и поныне называют «Витовтовым мостом». По преданию, в этом месте по наведенному мосту Витовт некогда переправил свое войско. Здесь в продолжение нескольких часов сделан был мост на очень широком болоте».

Вверх по Двине, в 40 верстах от города Суража, находится уездный город **Велиж**. Он расположен по обоим берегам р. Западной Двины, при впадении в нее слева р. Велижки, а справа — ручья Черного. Город, составляющий четырехугольник, расположен на довольно значительной возвышенности. Велиж упоминается впервые в конце XIV в. как город псковский. Следовательно, и основан он, по всей вероятности, псковичами же. В первой половине XVI в. он был в запустении, но в то же время существовала Велижская волость, которой владели великие князья московские. В 1536 г. великий кн. Иван Васильевич и мать его Елена повелели «поставить город в Торопецком уезде, на Велижском городище, городе Велиж». Николай Радзивилл сжег город, но не мог взять замка. 5 января 1569 г. поляки, сделав нечаянный набег из Витебска, сожгли Велиж, который вскоре был снова отстроен. Во время войны Ивана Грозного со Стефаном Баторием в 1580 г. Велиж достался в руки поляков. Историк короля Батория Гейденштейн пишет: «Велиж был некогда весьма многолюдным городом; он будто бы получил свое название от своей обширности: жители и доселе еще указывают на обширные рвы как на следы прошлого величия... Велиж занимает довольно обширное пространство и укреплен 9 башнями; с юга и востока его омывает Двина, с севера — какой-то ручей, который там же, ниже замка, через озеро впадает в Двину; со всех сторон, особенно с запада, замок окружен глубочайшими рвами». По миру 1582 г., Велиж был уступлен Польше. 20 марта 1585 г. Стефан Баторий возвел Велиж в староство, считавшееся богатейшим, и пожаловал ему герб: в голубом поле золотой крест, а под ним обнаженный меч. Кроме того, король Баторий предоставил жителям гор. Велижа разные права и льготы. 4 октября 1654 г. царь Алексей Михайлович послал жителям Велижа грамоту с убеждением сдать город без кровопролития. В начале следующего года Велиж был уже в руках русских. В 1667 г. по Андрусовскому миру Велиж остался за Россией; но в 1678 г. царем Федором Алексеевичем он вместе с Невелем и Себежем был возвращен Польше. По присоединении Белоруссии к России в 1772 г. Велиж был назначен уездным городом Витебской провинции Псковской губернии. 21 марта 1777 г. он отошел в состав вновь образованной Полоцкой губернии. 22 февраля 1778 г. (и 11 июня 1837 г.) последовало Высочайшее утверждение плана города. Велижу в то время принадлежало земли более 9700 десятин, в том числе собственно в черте города 164 десятины. Во время путешествия имп. Екатерины II в 1787 г., государыня прибыла из Усвята в Велиж 11 января вечером и ночевала во дворце. В 1796 г. Велиж был отчислен ко вновь учрежденной Белорусской губернии. Наконец, 27 февраля 1802 г. Велиж был назначен уездным городом Витебской губернии. В 1812 г. имп. Александр I во время проезда через Велиж слушал литургию в Николаевской церкви и пожертвовал на церковь тысячу рублей. В 1831 г. в Велиже появилась холера, причем большая часть заболевавших умирала. 21 октября 1861 г. пожар истребил лучшую часть города и жители понесли громадные убытки. Велиж — издревле православный город. Но в 1772 г. в Велиже почти все жители были уже униатами и воссоединились с православной церковью в 1839 г. Велижане с древнейших времен имели торговые сношения с Ригой. Струги перестали ходить в Ригу только в 1887 г., теперь ходят оттуда лайбы. Главные предметы торговли — хлеб, льняное семя и лес. Торговые промыслы в Велиже развиты вообще довольно слабо, хотя несколько более, чем в других уездных городах Витебской губернии. Главнейшие ярмарки бывают на второй неделе великого поста и 20 июля, продолжаются они две недели. Велижане занимаются хлебопашеством, кроме того, они хорошие плотники. Прежде здесь строилось значительное количество барок, а ныне строятся лайбы. Мещане велижские издавна известны как лучшие сплавщики и кормщики. Этот последний промысел особенно развит здесь, что видно из следующей песни:

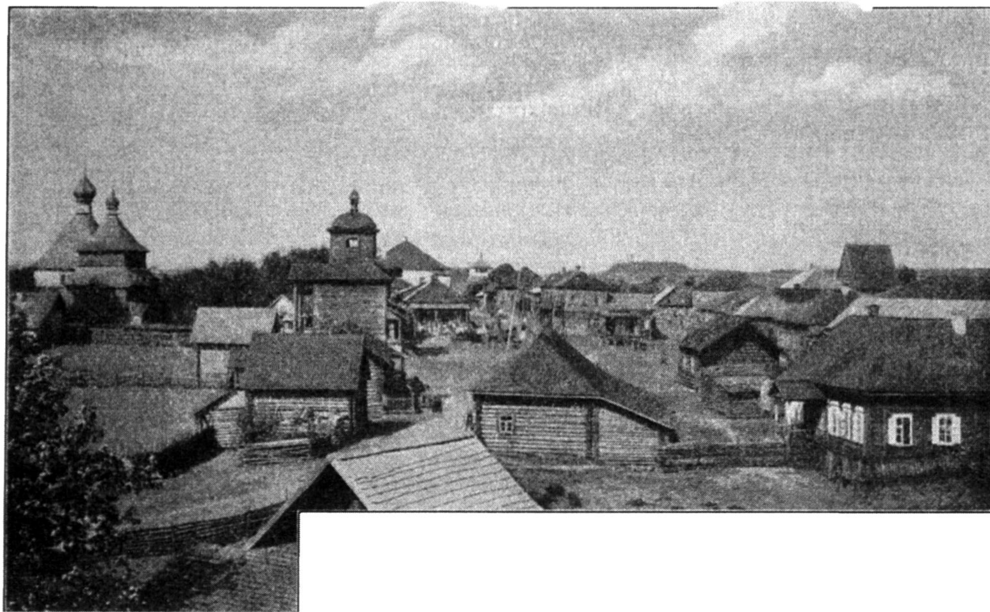
«За горами, за долами,
Все велижские мещане,
Дети-молодежь,
Дома не найдешь.

В зимнюю пору кой-где бродят,
На весну они в расходе.
Который куда,
В разны города:

Кто на лодку, кто на барку,
А кто тянет молча лямку...»

Часть Велижа, расположенная по правой стороне р. Двины, разделена на 21 квартал. В южной части, около городского окопа, находится место бывшего замка, занимающее пространство 1 1/4 десятины. Юго-западная часть правой стороны города известна под названием Усвятского предместья. В северной части левой стороны, за окопом, по правую сторону р. Велижки, расположено предместье Торопецкое, в южной части, за окопом города — Витебское предместье, а в восточной части — предместье Смоленское. Православных церквей в Велиже 7 каменных и 4 деревянные, часовен 4 каменные, 3 деревянные, костел каменный и каменная каплица, еврейских синагог деревянных 7 и 10 молитвенных домов. Разного рода промышленных заведений в городе 28 с 60 рабочими. Строений каменных 100, деревянных 2400; лавок и магазинов каменных 80, деревянных 186. Жителей 17 000, в том числе евреев более 2200. Доходы города превышают 100 000 руб.

К северо-западу от г. Велижа, верстах в 40, расположено местечко Усвят (Всвячь, Свячь, Усвет, Uswiat, Oswiat) при р. Усвяче и оз. Усвяте. Это одно из древнейших поселений не только Витебской губ., но и всей Белоруссии. В летописях впервые оно упоминается под 1021 г. уже как город, отданный великим кн. киевским Ярославом Мудрым кн. полоцкому Брячиславу Изяславичу. В 1226 г. кн. Ярослав Всеволодович разбил близ Усвята литовцев, положив на месте до двух тысяч. В 1245 г. великий кн. Александр Невский посетил Витебск, откуда взял своего сына. Ехал он с малочисленной дружиной и близ Усвята встретил литовскую рать; но неприятель был разбит и рассеян. В начале XIII в. Усвят, принадлежавший к Витебскому княжеству, был присоединен к Литве: дочь последнего витебского кн. Ярослава Васильевича Мария вышла замуж в 1318 г. за литовского кн. Ольгерда. До смерти кн. Ярослава, в 1320 г., Ольгерд со своей супругой жил в Усвяте. В 1510 г. король Сигизмунд I жаловался московскому великому кн. Василию, что русские отняли у него волости Витебскую, Усвятскую и пр. В 1563 г. царь Иван Грозный овладел Полоцком, а в 1566 г. «поставлен бысть город Усвято» на городище «Межеве». В 1580 г. Усвят был взят королем Стефаном Баторием. Король Владислав в 1633 г. исправил Усвятский замок. В 1654 г. воевода Стрешнев «город Усвято осадил накрепко». Замок через неделю сдался. Но со стороны собственно посадских жителей русские встретили радушный прием, за что жителям «по указу великого государя и по грамоте, лесу пашенного и непашенного велено владеть от города на все четыре стороны по пяти верст», кроме восьми уволоков пахотной земли, которыми они уже владели. В то время в Усвятской волости насчитывалось жителей 1260 человек и 301 двор. В самом же городе жителей было 483 человек, а дворов 148. По Андрусовскому миру, в 1667 г. Усвят был возвращен Польше и только в 1772 г. присоединен опять к России и пожалован кн. Вяземскому. В 1787 г., 11 января, имп. Екатерина II прибыла в Усвят, где обедала в доме генерал-прокурора кн. Вяземского. 11 сентября 1805 г. Усвят посетил имп. Александр I, воспоминанием об этом служит икона Вознесения Господня, принесенная императором в дар Усвятскому храму. В 1812 г. Усвят заняли французы, храм Преображения Господня был обращен в конюшню. Особого вреда французы, однако, не причинили местечку. В 1831 г. через местечко следовала печальная колесница с телом скончавшегося в Витебске (15 июня 1831 г.) великого кн. Константина Павловича. Усвятское староство принадлежало Гричиновичу (1548 г.), Кишке (1554 г.), затем Глебовичам, кн.

Друцким-Соколинским, Сапегам (Ян Петр Сапега в 1611 г. приезжал из-под Москвы в Усвят), Рудоминам, Тизенгаузенам, Огинским, Мнишкам, кн. Чарторыйским, а по присоединении к России — кн. Вяземскому, гр. Зубову, Энгельгардту, кн. Юсупову, кн. Потемкину, гр. Рибопьеру, Дурасову, Идену, Бальфуру, Аршидстиаду (последние три англичане), гр. Шувалову. Ныне имение Усвят принадлежит шталмейстеру Родзянко. В Усвяте довольно развито кожевенное производство. В прежнее время усвятчане вели значительную торговлю с Ригой, сплавляя туда кожи и зерновой хлеб. Ныне торговля несколько пала и перешла в руки евреев: последние богатеют за счет обедневших христиан, как, впрочем, и везде в Белоруссии. В Усвяте имеются две церкви, из которых одна каменная, мужское и женское училищи, сельский врач и лечебница. В Усвяте в настоящее время 8 кожевенных заводов. Главное занятие жителей — земледелие. Жителей насчитывается свыше 3500 душ обоего пола, в том числе евреев до 700. Домов каменных в местечке 2, деревянных 684. В окрестностях м. Усвята встречается много курганов, валов и городков.

К северо-западу от г. Велижа, у д. Пушкари, к юго-западу у д. Сивца и в особенности к северо-востоку, вверх по Двине, у деревень Устье (против впадения р. Межи), Паньково, Хухово и Боровое имеются древние курганы и городища. При этом про городище у Панькова существует в народе поверье, что из-под него «ключ течет порохом». К северо-востоку от Борового, верстах в 20, по большой торопецкой дороге существует небольшое м. Ильино. В волости этого местечка, у с. Огрызкова, на р. Бысовой, есть древнее городище.

Велижский уезд, занимающий площадь в 3900 кв. верст с населением в 102 тыс. душ (т.е. 26 жителей на кв. версту), расположен в верхнем течении р. Западная Двина и по ее притокам Меже и Усвяте. Поверхность уезда довольно высокая, волнистая. Почва суглинистая, подзолистая и супесчаная, около устья Межи обширное распространение имеют пески, всюду встречаются значительные площади торфяников. Под лесом 46% всей площади (176 тыс. десятин), под пашней — 14% (53 т. д.), под лугами и выгонами 13 $^1/_2$% (50 т. д.) и под болотами и песками 26% (99 т. д.). Главное занятие жителей — земледелие, в котором видную роль играют посевы льна. Большим подспорьем населению являются и лесные промыслы. Фабрично-заводская деятельность развита весьма слабо.

Возвращаемся к Витебску. От Витебска на юг отходит продолжение Петербургско-Витебской железной дороги, именно линия Витебск—Жлобин. После пересечения р. Западной Двины у Маркова монастыря мостом верстах в 1 $^1/_2$ ниже моста Риго-Орловской железной дороги Витебско-Жлобинская линия направляется параллельно Петербургско-Киевскому шоссе и, пройдя платф. Могучаго в 21 версте от Витебска, достигает у границы Витебского, Сенненского и Оршанского уездов ст. Замосточье. Войдя в Могилевскую губ., Витебско-Жлобинский железный путь достигает в 39 в. от Витебска ст. Богушевской.

В окрестностях этой станции, у села Любашкова Витебского уезда имеются остатки древнего городка и у его подножия — курганное кладбище.

Витебский уезд, имеющий площадь в 2861 кв. версту, с населением в 177 тыс. душ (т. е. 38 жителей на кв. версту), расположен по течению р. Зап. Двины между устьями рек Каспля и Усвяча. Местность высокая, волнистая. Под лесом 34 $^1/_2$% всей площади (92 тыс. десятин), под пашней 31% (82 т. д.), под лугами и выгонами 19 $^1/_2$% (52 т. д.), а под болотами и песками 14 $^1/_2$% (38 т. д.). Почва песчаная и суглинистая, севернее устья Каспли имеются обширные песчаные пространства. В уезде есть несколько озер. Главное занятие жителей — земледелие и льноводство. Фабрично-заводская деятельность сосредоточена в Витебске и его ближайших окрестностях.

Верстах в 20 от ст. Богушевской к востоку, при Зеленом озере и вытекающей из него р. Лучесе, на песчаной, плоской возвышенности, лежит заштатный город **Бабиновичи**. Еще во времена польского владычества Бабиновичи считались местечком и были жалуемы королями разным лицам. Близ города, на левом возвышенном берегу р. Лучесы, находится древнее городище. В 1777 г. Бабиновичи были назначены уездным городом, в 1796 г. оставлены заштатным городом, в 1802 г. сделаны поветовым городом, а в 1840 г. снова оставлены заштатным. План города утвержден в 1778 г., а в 1781 г. дан герб: в голубом поле две мачты с флюгерами, ибо находящиеся в окрестностях сего города леса весьма изобилуют мачтовыми деревьями. В 1812 г. Наполеон I, разделив свои войска в Витебске на три армии, сам остался при средней и держал путь через Бабиновичи. Отсюда он направил свои войска по совершенно глухой дороге в м. Росасну, где соединился с армией Даву. Бабиновичи издавна служили складом леса, который сплавляется по Лучесе и Западной Двине в Ригу. В городе насчитывается до 1200 жителей (в том числе евреев 550). Евреи занимаются мелкой торговлей, а остальное население — большей частью земледелием. В Бабиновичах есть церковь, церковно-приходская школа, мещанская управа и почтово-телеграфное учреждение.

За станцией Богушевской, на 58-й версте от Витебска, железный путь достигает станции Стаек, а далее, сблизившись с Петербургско-Киевским шоссе и Московско-Брестской железной дорогой, достигает на 78-й версте от Витебска г. Орши, где и пересекается с этим железным путем. Описание Орши нами дано при Московско-Брестской железной дороге.

За Оршей Витебско-Жлобинский железный путь следует течению Днепра и на 103-й версте от Орши достигает заштатного города Копыся. **Копысь** расположен на левом берегу Днепра, против бывшей станции Александрии (местечко Оршанского уезда), находящейся на правой стороне Днепра. Копысь — один из древнейших городов Могилевской губернии; он существовал уже в XI веке: в 1059 г. здесь умер известный епископ новгородский Лука Жидята на пути из Киева в Новгород. До начала XII в. он вместе с Рьшей (Оршей) принадлежал Полоцку, но в 1116 г. Владимир Мономах отнял его. Население этого города было невелико, так как «полюдия» с него бралось всего 40 гривен. Но здесь был перевоз через Днепр, с которого князь получал 100 гривен. Как приднепровский и пограничный город он имел таможню (бралась торговая дань). Здесь же были устроены и постоялые дворы (бралась корчемная дань). В XVI в. Копысь принадлежал кн. Острожским, от которых перешел к Радзивиллам. В XVI и XVII вв. Копысь подвергался частым опустошениям то от поляков, то от москвитян, то от казаков. В это время здесь был довольно сильный замок на месте древнего городища доисторических времен. В Северную войну русские войска окопались под Копысью в ожидании шведов. Позиция была выбрана и укреплена под личным надзором Петра I. Домик, в котором, по преданию, жил Петр I, сохранился и доныне. В 1812 г. Копысь был занят французским отрядом. Через Копысь же в октябре 1812 г. шел Кутузов с главными силами. Еще в 1777 г. Копысь был назначен уездным городом Могилевской губернии, в 1796 г. оставлен заштатным, в 1802 г. переименован в поветовый, а 26 декабря 1861 г. снова оставлен заштатным. План города утвержден в 1778 г., а герб — в 1781 году: черный сидящий заяц в зеленом поле, каковых редких зверьков в окрестностях сего города изобильно. Христофор Радзивилл устроил здесь кальвинский сбор; кирха существует и доселе. Здесь расположен самый древний храм во всей Могилевской губ. Церквей православных три, деревянная лютеранская кирха и еврейская синагога. При городе находятся три изразцовых завода. Жителей в Копысе насчитывается до 3700, в том числе евреев до 1 $^{1}/_{2}$ тыс. Доходы города достигают 4 $^{1}/_{2}$ тыс. рублей.

Верстах в 10 к западу от Копыся лежит м. Староселье, при р. Березовке, отличающееся довольно красивым местоположением. В XVII в. оно принадлежало Сапегам. В 1656 г. Казимир Сапега передал Староселье своей племяннице Нарушевич, от которой оно перешло во владение протестантского духовенства. Во время войны за Малороссию Староселье было разорено русскими войсками. В 1812 г. Кутузов прибыл сюда с главной квартирой 13 ноября и на другой день выступил далее. В окрестностях местечка много курганов. В Староселье имеется волостное правление, две православные деревянные церкви, каменный костел, народное училище и еврейская молитвенная школа. Жителей здесь насчитывается более 1100, в том числе евреев более 600, часть которых ведет мелочную торговлю. К востоку от Копыся, в Горецком уезде, на Петербургско-Киевском шоссе, верстах в 10, находится д. Застенок. Здесь в августе 1901 г. был найден громадный клад — более 1200 восточных монет, начиная с VI в., отосланный в археологическую комиссию в Петербург.

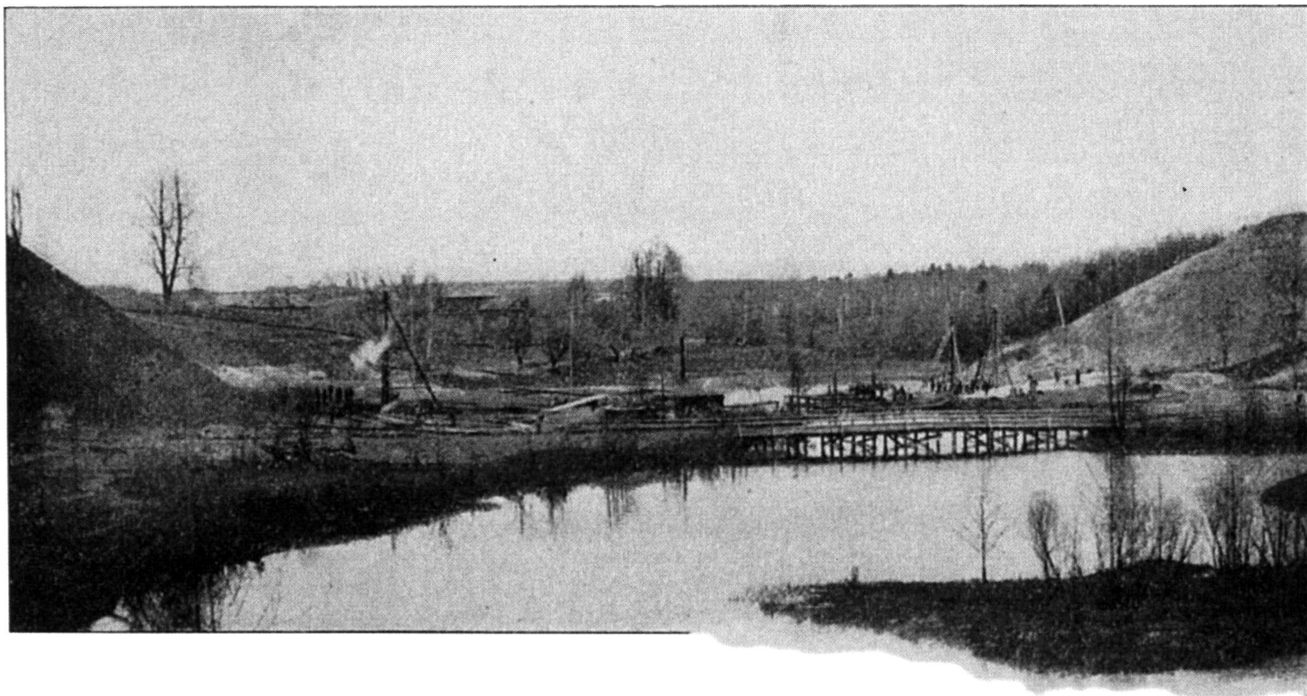
Витебско-Жлобинский железный путь верстах в 10 за Копысью переходит из Оршанского уезда в Могилевский.

Оршанский уезд занимает площадь почти исключительно по правую сторону Днепра, равную 4815 кв. верст с населением 189 тыс. душ (39 жителей на кв. версту). Лесная площадь составляет 43 $^{1}/_{2}$% всей площади уезда (202 тыс. десятин), пашня — 23 $^{1}/_{2}$% (108 т. д.), луга и выгоны — 14 $^{1}/_{2}$% (67 т. д.), а болота и пески — 18 $^{1}/_{2}$% (86 т. д.). Почва в западной половине уезда преобладает супесчаная, а в восточной — песчаная с торфяниками. Главное занятие жителей — земледелие; значение имеет льноводство, а близ Днепра на поемных лугах — скотоводство. Фабрично-заводская и кустарная промышленность развита очень слабо.

За Копысью, в 10 верстах (в 113 верстах от Витебска), железный путь достигает местечка Шклова. **Шклов** упоминается впервые в 1535 г., когда он был выжжен кн. Шуйским. С XVI в. Шкловская волость, подаренная королем старосте Ивану Ходкевичу, составляла графство в роде Ходкевичей (графы на Шклове и Мыши). Иероним и Карл Ходкевичи, бывшие протестантами, основали здесь кальвинский сбор. В 1592 г. Александр Ходкевич передал его доминиканам, для которых построил каменный костел, закрытый в 1840 г. В 1563 и 1580 гг. Шклов был разорен русскими войсками. В 1654 г. кн. Трубецкой одержал здесь победу над гетманом кн. Радзивиллом. В следующем году Шклов был разграблен казаками, а в 1708 г. разорен Левенгауптом. В 1762 г. Шклов получил от короля Августа III привилегию на учреждение ма-

гистрата и печать с изображением висящего безмена — следовательно, город был торговый. Евреи жили в Шклове отдельно от христиан, и эта часть называлась «еврейской половиной». В 1668 г. Шклов был опустошен страшным пожаром, после чего большая часть жителей стала строиться на левом берегу р. Шкловянки, именно там, где ныне расположено местечко. В 1682 г. здесь был основан женский Успенский монастырь. Оставленное жителями прежнее селение называется ныне Старый Шклов. В 1661 г. было основано шкловское православное братство, а в 1682 г. Синявский, которому тогда принадлежал Шклов, построил Воскресенский монастырь, упраздненный в 1847 г. Последним игуменом его был известный Орест-летописец. От Ходкевичей Шклов перешел к Синявским, а от них — к кн. Чарторыйским. Имп. Екатерина II купила Шклов у кн. Адама Чарторыйского за 450 тыс. руб. и подарила его сначала в 1773 г. Потемкину, а потом, в 1778 г., Зоричу. Могила Александра Ходкевича уцелела доныне в кладбищенском костеле, куда набальзамированный труп его был перенесен из закрытого костела в 1840 г. В 1773 г. Шклов был назначен уездным городом Могилевской губернии, но был таковым только до 1777 г. К концу XVIII в., именно к тому времени, когда Шклов принадлежал генералу Зоричу, относится цветущее состояние города, и Могилев в сравнении со Шкловом не имел значения; о нем говорили: «Могилев, что около Шклова». Зорич устроил здесь и содержал на свой счет кадетский корпус, в котором обучалось до 300 воспитанников. Затем корпус перешел в казенное ведомство и в 1801 г. был переведен в Гродно, в 1807 г. — в Смоленск и, наконец, в Москву, где и был назван первым кадетским корпусом. Во время путешествия Екатерины II в Крым, по дороге в Могилев 23 мая она имела ночлег в Шклове, из Могилева императрица и имп. Иосиф II 30 мая еще раз посетили Шклов. О великолепии шкловских празднеств в это время дает приблизительное понятие то обстоятельство, что только на отделку дворца к торжествам было истрачено 4000 червонцев. Развалины бывших зданий Зорича в 1885 г. были разобраны и проданы на кирпич. В последнее время Шклов принадлежал бывшему министру путей сообщения А.К.Кривошеину. Во время процветания Шклова торговый оборот его простирался на сумму более 50 млн. руб. Хотя торговые обороты Шклова и весьма сильно пали, но и теперь еще представляются довольно значительными благодаря сплаву по Днепру. Главные предметы вывоза — лес, пенька и картон. В торговле имеют значение также хлеб, красный и меховой товар. В Шклове находится картонная фабрика. На обширной базарной квадратной площади Шклова над каменными лавками возвышаются две башни. На одной башне в прежнее время были часы, в ней помещался архив шкловского графства. В Шклове собираются две ярмарки: на Сборницу (вторая неделя поста) и Девятник (9-я неделя по Пасхе). При местечке есть пристань на р. Днепр. Около Шклова, при Оршанской заставе, находятся два каменных столба и вал от озера до Днепра; эта застава была устроена специально для взимания «провянтового» сбора, т.е. пошлин за ввозимый и вывозимый товар. Церквей православных в Шклове 4 (из

которых одна каменная), римско-католический костел, 2 еврейские синагоги и 17 молитвенных еврейских домов. Жителей в местечке насчитывается до 7200 чел., в том числе евреев до 6700. В Шклове находятся становая квартира, мещанское управление, волостное правление, народное училище, церковноприходская школа, два еврейских училища и почтово-телеграфная контора.

Верстах в 11 к от в.—ю.-в. от Шклова, за Днепром и Петербургско-Киевским шоссе расположено село Фащевка. Кн. Чарторыйский около 1765 г. основал здесь костел и миссию иезуитов, результатами деятельности которых является сплошь католическое население в пяти окрестных селениях, между тем как все остальное население — православное. Верстах в 22 к западу от Шклова, при селе Тубышках, находится могила известного ген. М.Г.Черняева; местный храм реставрирован Черняевым.

В 14 в. от Шклова Витебско-Жлобинская железная дорога, несколько уклоняясь от течения Днепра, достигает станции Лотвы (127 верст от Витебска), а еще через 19 верст (на 146-й версте от Витебска) достигает губернского города Могилева.

Могилев живописно расположен на холмистом, волнообразном пространстве по обоим берегам Днепра и впадающей в него р. Дубровенки. В особенности красив Могилев со стороны Днепра: «Храмы и лучшие здания группируются вдоль высокого берега; прямо перед глазами зрителя красуется Спасо-Преображенская церковь, архиерейский дом и главный корпус духовной семинарии; за ними высится колокольня Братского монастыря и горят кресты Воскресенской церкви. Немного левее видна башня городской ратуши и фасад здания губернского правления, за которым зеленеет крыша губернаторского дома. Правее от Спасской церкви, вдали, привлекают внимание утопающие в садах здания богоугодных заведений; а за ними эта сторона города как бы убегает, извиваясь в зелени, в синеющую лесом даль — возвышенности Мышаковки. В низине этой живописной картины, между обрамляющей ее рекой и нагорным ее берегом виднеется красующаяся среди массы небольших деревянных домов шестиглавая древняя Николаевская церковь. Вдали, по другую сторону Днепра, виднеется Святое озеро, из которого стремится в направлении против течения Днепра р. Кочеряга, орошая пространные луга, окаймленные лесистыми холмами».

Ни о времени заложения города, ни о происхождении его наименования точных указаний нет. Предание гласит, что на месте нынешнего Могилева был некогда дремучий лес, служивший приютом разбойничьих шаек. Один из атаманов их назывался Могилой, другой — Гвоздем. Последний ютился в местности, сохранившей и поныне название Гвоздовка. Могила же скрывался в недоступных чащах высокого берега Днепра. Оба атамана сложили свои буйные головы в урочище, получившем название Могилы, или Могилок. Но это предание и интересно только как предание. На самом

же деле местность, где ныне находится Могилев, была обитаема еще в доисторическую эпоху. В урочище Городщизна гр. Романов нашел поселение человека каменного века палеолитического периода с массой кремневых орудий, пережженных костей, черепков и пр. Отсюда человек перешел на р. Дубровенку, памятником чего осталось древнее городище в урочище Пелагеевка, называющемся и поныне Змеевкой. При впадении р. Дубровенки в Днепр в садах домовладельцев еще до половины 1880-х годов сохранялись курганы. При уничтожении их были найдены предметы, относящиеся к обыкновенному, уже славянскому погребальному обряду, это серебряные кольца, стеклянные и золоченые бусы и пр. В XII в. Могилев находился под властью витебских князей, которые назначали сюда своих наместников. Затем Могилев разделил участь Витебска и вместе с ним отошел к Литве. В конце XVI в. Могилевское староство с укрепленным замком составляло одну из королевских волостей, управляемых старостами. Это староство с волостью принадлежало в начале XVI в. пожизненно Елене Ивановне, супруге короля Александра. По ее смерти староство было отдано Георгию Деспоту-Зеновичу, а после смерти его снова вошло в состав королевских имений. Такого было положение Могилева до 1526 г., когда могилевский замок ввиду увеличившегося населения стал называться городом. В 1561 г. король Сигизмунд Август даровал городу малое магдебургское право, а король Стефан Баторий в 1577 г. — полное, освободив мещан от власти и суда воевод и каштелянов, причем пожаловал Могилеву и герб: в голубом поле каменная башня с русской вокруг герба надписью: «Печать места Могилевского». В следующем 1578 г. король дозволил построить ратушу и школу для обучения детей, назначил две ярмарки (в день св. Илии и св. Стефана) и еженедельные торги по пятницам, улицы же повелел мостить камнем.

Король Сигизмунд III в 1588 г. еще более расширил права Могилева: уволил город от дачи подвод кому бы то ни было, исключая королевских гонцов и посланников; освободил граждан от крепостных работ с тем однако, чтобы они чинили крепостную ограду; в замке дозволил иметь частным лицам кладовые, где бы они могли прятать свои товары во время неприятельского нападения; перед годовыми праздниками позволил гражданам варить 15 пудов меду с тем, чтобы воск цехи отдавали в церкви на свечи; разрешил мещанам иметь отдельный от церковного перевоз или мост, а до его постройки дозволялось бесплатно переезжать реку на церковном перевозе; уничтожил подать, которую граждане вносили от судных дел; запретил взимать излишние против устава пошлины и мыто с могилевских купцов, производивших на р. Днепр рыбную ловлю и торги до Черкас; наконец, Спасский монастырь от полоцкого епископа был отобран и отдан в заведывание могилеских граждан со всеми принадлежавшими к нему имениями и угодьями. Благодаря этим льготам Могилев быстро разросся и разбогател, чему немало способствовало также его выгодное положение на большом водном пути. В XVI и XVII вв. он вел крупную торговлю с Москвой, Украиной, Ригой, Данцигом, Кенигсбергом, Лейпцигом и другими городами. Но богатый Могилев претерпевал и тогда, и после много бед и напастей, благодаря именно его положению на большом пути между Москвой и Вильной; он подвергался нападениям как проходивших здесь войск, так и набегам разных удальцов. В 1515, 1519, 1536 и 1564 гг. на Могилев нападали русские войска. В 1590 г. казацкий атаман Матюшка Гультай сделал нападение на Могилев и нанес много вреда городу. Спустя всего 5 лет, в 1595 г., напал на город Семен Наливайко. Это нападение особенно памятно Могилеву: уходя, казаки сожгли значительную часть города; тогда же сгорели две церкви — Благовещения и Рождества Богородицы; всех же церквей в городе было тогда 8. Были по временам и внутренние непорядки. В 1610 г. мещане возмутились против магистрата и не хотели слушать его определений и распоряжений, перестали платить городские повинности и составили свой особенный магистрат. По звону особого вечевого колокола они собирались на площадь для совещаний. Король повелел отсечь головы пятерым главным зачинщикам — Ивану Харьку, Никите Мильковичу, Максиму Ялбишову, Гавриле Ивановичу и Михайле Чеботарю; казнь была совершена в Могилеве, на Ильинской горе, близ Успенской церкви. Нельзя не отметить следующего известия «Варкалабовской летописи» под 1607 г. о Лжедмитриии II: «Того ж року 607, месеца мая, после семое суботы ишол со Шклова и з Могилева на Попову гору (Суражского уезда Черниговской губернии) якийсь Дмитр Иванович, менил себе быти оным царем московским, который первей того Москву взял и там же оженився. Бо тот Дмитр Нагий был напервей у попа шкловского, дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришел, также у свящ. Федора Сосиновича Никольского у селе дети учил. А сам оный Дмитр Нагий мел господу у Могилеве у Терешка, который проскуры заведал при церкви святого Николы...»

С конца XVI века началась вековая борьба православия и русской народности с унией и полонизмом; Могилев с честью вышел из этой борьбы. Полоцкий архиепископ Герман Загорский, принявший унию, вздумал в 1599 г. посетить Могилев

с намерением ввести там унию; но могилевцы заявили, что они не признают его более за своего владыку и не впустят «отщепенца» в город. Также поступили они и с Иосафатом Кунцевичем: затворили городские ворота и расставили на башнях пушки. Побуждаемые к переходу в унию, могилевцы заключили между собой в 1602 г. союз твердо пребывать в своей вере. Когда все православные церкви, по настоянию Кунцевича, были запечатаны, православные собирались и отправляли службу в шалашах; только в 1633 г. церкви, по повелению короля Владислава IV, были вновь растворены. В том же году на земле, подаренной городу кн. Огинскими, в то время православными, могилевское братство приступило к постройке церкви Богоявления Господня, оконченной в 1636 г. Во время войны России с Польшей, при царе Алексее Михайловиче, могилевцы в 1654 г. сдали свой город русским войскам добровольно; в следующем году в Могилев прибыл сам царь Алексей Михайлович и подтвердил жителям все их права и вольности. На возвратном пути из-под Риги в 1656 г. Алексей Михайлович пробыл в Могилеве две недели. Недолго, однако, Могилев оставался в русских руках. Когда поляки начали одерживать верх над русскими, могилевцы стали помышлять о том, чем бы им умилостивить короля; думали, думали и наконец решили вырезать русский гарнизон. По совету бургомистра Леоновича, каждый домохозяин должен был вынуть кремень из ружья квартировавшего у него «москаля» и приготовиться к их избиению. В заранее назначенный день, 1 февраля 1661 г., рано утром на рынке поднялся крик. Тотчас же зазвонили в набитный колокол, и из ратуши выбежал Леонович с «палачевским мечем», а за ним и все члены магистрата с саблями в руках; при криках: «пора, пора!» они бросились на безоружных стрельцов и начали их рубить. Стрельцы были перебиты, но дорого продали свою жизнь; тела убитых зарыли на Самусевой горе. Пленных воевод отослали в Варшаву к королю, который не только простил могилевцам их измену (в 1654 г.), но сравнил их в правах с виленскими мещанами, а членов магистрата за храбрость пожаловал дворянством. Городу он дал новый «герб»: в голубом поле три башни; в средней из них открытые двери, где вооруженный рыцарь с мечем в руке, а вверху — литовский всадник. В 1681 г. в Могилеве водворились иезуиты, а в 1686 г. речицкий ловчий Федор Ржевусский основал бернардинский монастырь. Во время великой Северной войны Могилеву пришлось играть видную роль. В 1706 г. русским войскам, находившимся в Литве, велено было собраться к Могилеву на царский смотр. 22 июня утром царь Петр Алексеевич прибыл из Орши на байдаке и остановился в урочище, называемом Грабеж, близ р. Дебри. Когда царь вышел из байдака, магистрат поднес ему на серебряном вызолоченном блюде большой пирог, а на другом — большой ситный хлеб. Но царь, не принимая на берегу этих приношений, приказал явиться с хлебом на квартиру, а сам, сев на лошадь, поскакал к войску с большой свитой. После смотра царь направился к городу, и когда он из Никольской улицы поворотил на Перекрестинскую (ведущую от Костерни к присутственным местам), граждане приветствовали его залпом из орудий, расставленных на угловом бастионе, а затем началась пальба по всем бастионам; когда же он подъехал к Олейной браме, то последовал залп из пушек, бывших возле ратуши. Царь был доволен этой стрельбой и, обратясь к свите, сказал: «право, изрядно!» Проехав рынок, он зашел в Братскую церковь, где игумен Трацевич служил молебен. Из церкви царь Петр проследовал к ген. Бауру, квартировавшему у бургомистра Антошкевича, и лишь только сошел с лошади члены магистрата с поклоном поднесли ему хлеб-соль. Царь был очень доволен и принял магистрат благосклонно. Евреи также пришли к царю с хлебом и привезли в чан живого осетра, но он на них и не посмотрел, а только приказал принять от них хлеб. После обеда, под вечер, на пути от Баура царь заехал к ген. Кикину, в дом Казановича (в нынешнем Лютеранском переулке); хозяин с хозяйкой встретили царя с хлебом-солью и поклонились в ноги. Когда царь спросил об их имени, хозяин со смущением и запинаясь ответил: «Федор Казанович». Государь вспомнил случившееся в 1661 г. и, потрепав Казановича по плечу, сказал: «не бойся, я знаю, что при твоем батюшке здесь москвитян выбили, но ведь тогда война была, а Москва была дурна». Затем царь снова поехал к полкам; простившись с ними, он сел на свой байдак и отправился по Днепру в Киев. В 1708 г. в Могилеве, по выражению хроники, «все как в горшке кипело» — приближались шведы. 6 июля 1708 г. Могилев занял Карл XII. Очевидец пишет: «Король шведский был молодой человек, не более тридцати лет, высокого роста, тонок, с продолговатым лицом, рябоват (ospowaty), с большим носом, плечист, острижен под гребенку и, сколько раз мы его видели, в одном костюме: штаны и камзол лосиные, а верхнее платье суконное, синее, отороченное по краям галуном; ездил не на особенно щегольской лошади». Шведская кавалерия расположилась по берегу Днепра, а пехота — на высотах от города до Буйницкого монастыря и далее до м. Буйнич; между городом и монастырем на возвышенном месте стоял шатер короля, почему-то место и до сих пор называется Карловой долиной. Король, не доволь-

ствуясь продовольственными и денежными контрибуциями, сам объезжал церкви и осматривал серебряные ризы на иконах и другие ценные вещи; евреи открыли королю, что все более ценное духовенство успело спрятать; тогда король повелел выдать все ценные церковные вещи, угрожая в противном случае разграбить и сжечь город. Жители выдали спрятанное церквами серебро, которого оказалось более девяти пудов; это серебро в шведском обозе было перечеканено на монету. Собираясь переходить за Днепр, шведы безо всякого разбора, где только находили у кого продовольственные припасы, все забирали в свой обоз; магистрат содержался под строгим караулом. 14 августа «сатана» — так прозвали могилевцы Карла XII, — переправился на левую сторону Днепра и ночевал в лагере вод горой, на месте, известном и поныне под именем Шведской смены. Пребывание шведов обошлось Могилеву в 507 512 битых талеров. Но еще горшее бедствие ждало Могилев: город, разграбленный шведами, в один день почти весь обратился в прах и пепел; уцелели только следующие церкви: Воскресенская дальняя, Борисоглебская, Пречистенская, Ильинская и Покровская; уцелело и все Луполово. По одной версии, сам Петр Великий приказал сжечь Могилев, чтобы шведы не имели в нем опорного пункта; другая же версия гласит, что это было в наказание Могилеву за то, что он кормил шведов; возможно и третье предположение: калмыки и татары могли сжечь город на собственный страх, для грабежа... После пожара многие из жителей совсем покинули город и перекочевали в Украину. Лишь в 1709 г. Могилев получил от Петра Великого дозволение строиться и кроме того грамоту на освобождение жителей от налогов и податей. С тех пор Могилев уже не претерпевал таких сильных бедствий. В 1772 г. Беларусь, а вместе с ней и Могилев, были навсегда присоединены к России. В 1773 г. в Могилеве была учреждена римско-католическая епархия. В 1778 г., 4 июня, в Могилеве было открыто наместничество, и он был назначен губернским городом. В 1780 г. в Могилеве состоялось знаменитое свидание имп. Екатерины II с имп. Иосифом II. Один из современников так описывает Иосифа II: «офицер в зеленом гарнизонном мундире, росту среднего, лица немецкого, причесан в одну пуклю с косой». Император под именем графа Фалькенштейна прибыл в Могилев 21 мая в 9 часов утра. На другой день в 7 ч. утра он отправился пешком в костел иезуитов, где молился, стоя на коленях. 23 мая в 11 ч. утра колокольный звон и гром пушек, расставленных по городскому валу, возвестили жителям о приближении императрицы к Могилеву. В триумфальных воротах ее встретили члены магистрата и в знак верноподданства поднесли городские ключи — золотой и серебряный. Католический архиепископ в полном облачении встретил императрицу при кармелитском костеле, а знаменитый православный епископ Георгий Конисский — при соборной церкви Св. Спаса, где государыня слушала литургию. Из церкви она отправилась в Шклов, во дворец, где ее ожидал император. Во время пребывания высоких гостей съезд вельмож и дворян был так велик, что все дома в городе были заняты приезжими, а в приемный день одних карет у дворца стояло до трехсот. 29 мая императрица с императором отправились к деревянной церкви Воскресения Христова и там, в память своего пребывания в Могилеве, заложили первый камень церкви Св. Иосифа. В тот же день в 3 часа высокие гости в карете выехали из Могилева еще раз в Шклов. 2 октября 1781 г. Могилев посетил кн. Павел Петрович с супругой Марией Федоровной. В 1797 г. Могилев был назначен уездным городом Витебской губернии, а в 1802 г. снова стал губернским городом. В том же году 15 июня в 6 час. пополудни прибыл в Могилев имп. Александр I, а 16-го, осмотрев на Луполовском поле фанагорийский полк, выехал после обеда в Петербург. Мирное течение дальнейшей жизни Могилева нарушено было нашествием французов в 1812 г. 8 июля авангард корпуса Даву вошел в Могилев. Появление французов было совершенно неожиданно даже для могилевских властей: губернатор гр. Толстой едва успел уехать из города. В городе было устроено французское правление, и бывший уездный предводитель дворянства Венцлавович назначен был мэром г. Могилев. Жители насильно были приведены к присяге на верность Наполеону; присягнул и епископ Варлаам (Шишкацкий). Французы позволяли себе разные кощунства, и могилевцы смотрели на них с нескрываемой ненавистью. Поздней осенью в Могилев стали доходить слухи, что Наполеон идет обратно из Москвы и уже перешел Смоленск. 8 ноября ночью французы сожгли на базаре свой обоз, а 12 ноября гр. Ожаровский занял Могилев русскими войсками, принудив неприятеля ретироваться. Таким образом Могилев на этот раз уцелел от погрома. Восстание поляков в 1831 г. коснулось и Могилевской губ., но здесь бывший в то время могилевским губернатором М.Н. Муравьев энергично и быстро организовал противодействие шляхетскому восстанию; главнокомандуюдщий армией в крае признал, что именно «Муравьев удержал вверенную ему губернию от мятежа». В 1839 г. наследник цесаревич Александр Николаевич, проезжая через Могилев, заболел и провел здесь целых шесть недель. Дом, где он пребывал в это время, есть ны-

нешний дом дворянства. В 1839 г. Могилев принимал участие в «торжестве православия». Из дальнейших событий уже мирного характера можно отметить проведение через Могилев шоссе в 1848—56 гг., постройку театра в 1886 г., реального училища, общины Красного Креста в 1895 году, народного дома в 1900 г., наконец открытие железной дороги.

В настоящее время еврейский элемент в Могилеве значительно превышает христианский. Вся торговля, промыслы и ремесла перешли в руки евреев; по количеству и качеству домов, богатству капиталов и численности обывателей Могилев из русского христианского вполне превратился в еврейский город. Необходимо поэтому сказать несколько слов, когда же и каким образом проникли они в Могилев, и каково положение их было в прежнее время. В самом начале XVII в. евреи уже были в Могилеве, хотя в небольшом числе. Грамотой 1626 г. короля Сигизмунда III было повелено изгнать из города, т.е. рынка, евреев и, отведя им участок земли за замком, дозволить строиться и возводить пивоварни и бани только на той улице, где помещалась их молитвенная школа, при Днепре, на Школище. Владислав XV в 1646 г. запретил могилевским гражданам отдавать евреям в наем дома как в городе, так и в предместье. В 1654 г. царь Алексей Михайлович вовсе запретил евреям жить в городе, повелев половину еврейских домов отдать в распоряжение городского управления, а другую — занять под квартиры стрельцов, три же лучшие дома оставить для жительства воеводы, канцелярии и приказных. Но повеление царя должно быть не было приведено в исполнение, по крайней мере во всем его объеме; это видно из нижеследующего события, случившегося в том же году. Некто Поклонский, войдя в город с шайкой праздных бродяг, приказал евреям готовиться к переселению в Литву. Многие евреи собрались со своими пожитками, деньгами и дорогими вещами, запрятанными в одежду, в девичьи косы и хлеб; но когда они зашли за Печерск, Поклонский велел их всех перебить. Но не одни невзгоды терпели евреи в Могилеве; был и на их улице праздник. В 1699 г. прибыли из Саксонии евреи, братья Вениамин и Симон, давшие взаймы королю Августу, не любившему почему-то Могилев, несколько миллионов наличных денег. По королевскому предприсанию, этим евреям отдан был в содержание замок с экономией, с которых они собирали всякие доходы и деньги несколько лет, пока не выбрали всю сумму с процентами. Разумеется, все пособники их были евреи. «Могилев, — пишет местный хроникер, — долгое время не забудет нашествия этой саранчи». Не перечисляя дальнейших распоряжений правительства относительно евреев, следует сказать, что до 1772 г. местное христианское население успешно боролось с пришлым еврейством и не давало ему хода. Но с конца XVIII в., когда знатнейшие граждане выселились из города, еврейство мало-по-малу начало забирать в свои цепкие руки город, пока не забрало его совсем.

Первые точные данные о доходе с Могилева и его волости относятся к тому времени, когда могилевское староство принадлежало Елене Ивановне, супруге короля Александра. В Метрике Литовской записано: «На память, што хаживало платы за Могилева за небожчице королевое ее милосты, за Жигмунта первшего. Дани грошовей пятдесят рубли трыдцать коп грошей шероких, бобров сто осмдесят, куни полтарста, чатери рубли грошей бобровщизны, уезджаго дают побору дани грошовей куниц и бобров трыццать рублей петдесят коп грошей шероких, а старец серебряный (т.е. сборщик с волости денег) дает на год по пятнаста коп грошей шероких, а три рубля восковых грошей идет з волости, а миодовенный старец (сборщик меда) десять коп грошей шероких на год, а миодовой данины идет сорок уставов через дву, а до Киова десять уставов, а шкотского сребра дают на трети год завжды место и волость осмдесят рублей грошей шероких, а цивунщизны уставил Павел Фетко писарь на место и волость осмдесят коп грошей шероких...» По смерти Елены Ивановны Могилев с волостью был отдан в 1514 г. в содетржание Георгию Деспот-Зеновичу, с доходом в 1030 коп грошей литовских. В какой степени росло благосостояние города, показывает то обстоятельство, что в расписании, утвержденном королем Августом III, Могилев платил подводного налога 1800 злотых, тогда как Полоцк и Витебск вносили каждый только по 655. В тарифе гиберны 1667 г., утвержденном в 1700 г., положено от Могилева 8708 злотых, т.е. такой большой суммы, какой ни с какого другого города не показано.

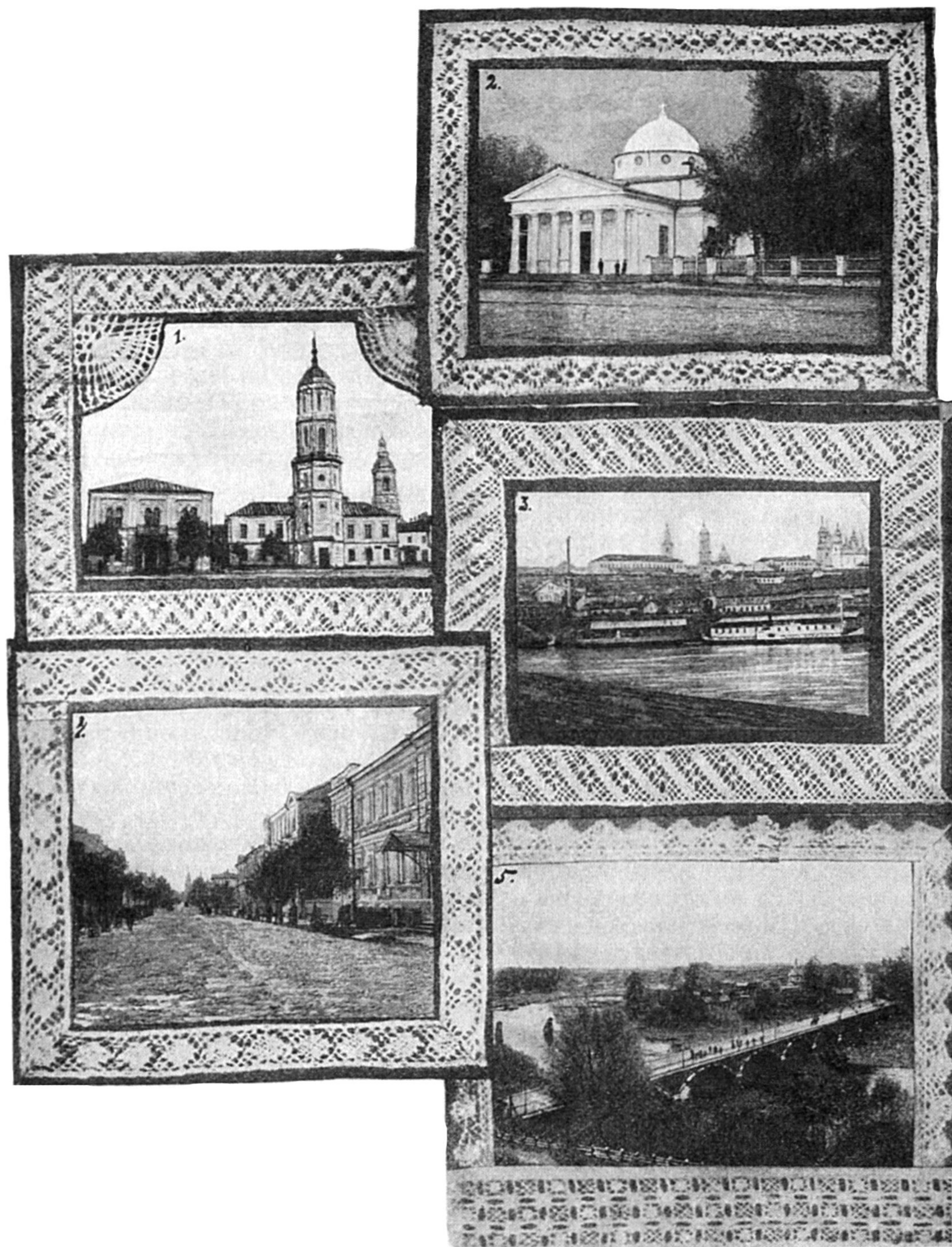
О числе жителей Могилева мы находим мало данных. В тарифе, составленном на съезде под Ольккениками в 1700 г., в Могилеве показано только 577 домов. В 1783 г. жителей в Могилеве (обоего пола) насчитывалось христиан 6752, евреев 2588 душ. Город в то время имел, со включением места, заселенного обывателями, 5745 десятин В 1859 г. жителей в Могилеве насчитывалось до 25 тысяч, из них 11 450 евреев; домов было 2833, лавок 923, церквей 29, 2 монастыря православных, католических костелов 4, синагог и школ 34. Развитию своей торговли Могилев был обязан разным льготам, которые давали ему короли. Отметим важнейшие. Король Ян Казимир в 1664 г. повелел, чтобы сборщики пошлин не нарушали прав могилев-

ского купечества, которому было дозволено производить торговлю в окружности города на 24 мили безпошлинно, с ограничением, только чтобы купцы платили от воза по 2 $^1/_2$, а от короба, носимого пешеходом, — по $^1/_2$ гроша. Король Михаил жалованной грамотой 1672 г. предоставил в пользу граждан города продажу питей (кабак) на вечные времена. В том же году было подтверждено, чтобы могилевских купцов и мещан не судить ни в каких судебных местах кроме их ратуши. Благодаря таким льготам благосостояние Могилева увеличилось, так что в нем возникли торговые сношения с Москвой, Украиной, Ригой, Кенигсбергом, Данцигом, Лейпцигом и др. городами. Торговые обороты города простирались до 10 млн. руб. В нем появились разные ремесленники, главным образом слесари; разнообразные произведения, а также лесной товар, отправлялись в вышеуказанные города; в обмен Могилев получал разные ткани, сласти и напитки. Несмотря на огромные контрибуции польских, русских и шведских войск, граждане не допустили до упадка ни городских промыслов, ни своей коммерческой деятельности, которая тогда, до конца XVIII в., вся была в руках христиан. Хотя с конца XVIII в. еврейство начало быстро усиливаться, а город беднеть, однако еще до 1835 г. в Могилеве осталось более десяти христианских торговых домовб ведщих крупную торговлю с Ригой, Данцигом, Кенигсбергом, а в самом городе немало лиц занималось мелким лавочным торгом и ремеслами.

В конце XVI в. в Могилеве не было еще никаких укреплений кроме замкового острога. Замок был деревянный. Затем Могилев был укреплен тремя земляными валами — вокруг замка, вокруг централной части города и вокруг всего поселения. Во второй половине XVIII в., незадолго до присоединения Могилева к России, начата была постройка каменного замка, пониже нынешнего губернаторского дома, но стены предполагавшегося строения не были выведены; остатки фундамента и по сие время видны на пешеходной дорожке, ведущей с Быховской улицы на «вал». В центральном городском валу были устроены ворота — брамы: 1) Королевская, одетая внутри черным мрамором, с мостом через ров, возле бывшего иезуитского костела, а ныне — Воскресенской церкви; брама эта постоена в 1660 г., 2) Ветряная брама тоже с мостом, на Ветряной улице, возле духовной семинарии, 3) Олейная, имевшая наверху большую икону Пресв. Богородицы, — недалеко от ратуши, у здания нынешнего губернского правления; эта брама построена в 1646 г. и названа Олейной потому, что возле нее сидели торговки, продававшие конопляное масло (олей), 4) Малая брама для пешего схода по лестнице к р. Дубровенка; отсюда к цитадели по валу была каменная стена с амбразурами между толстых четырехсторонних столбов. Кроме стен вокруг замка город от Самусевой горы на запад до р. Струшня был обведен рвом и валом; следы их сохранились по Завалью и до настоящего времени, в виде так называемого Полевого вала. В 1780 г. Могилев был разделен на четыре части: первая состояла из замка, обведенного высоким земляным валом и степной; вторую составлял так называемый город, тоже окруженный валом; третью составляли предместья Задубровенское, Шкловское и Виленское, в свою очередь обведенные земляным валом, называвшимся Полевым. Впоследствии все три предместья вошли в черту города, за которой появились новые предместья, а именно: Завалье — за Быховскими воротами, по шоссе, ведущему из Могилева в Бобруйске, Ледково — влево от дороги из Могилева в м. Шклов, Мышаковка — по левому берегу ручья Дебри, Никольское — на правом берегу Днепра, занимающее всю луговую часть, лежащую между ручьями Дебрей и Школищем (пароходная пристань). На левом берегу Днепра находились два предместья: Троицкое — по обе стороны шоссейной дороги из Могилева в Чериков, у Днепра, а далее — к Черниговской браме — предместье Луполово, названное так потому, что здесь жили и живут кожевники (кожелупы). Троицкое предместье и Луполово составляли четвертую часть города. В 1808 г. был срыт вал между бывшим иезуитским костелом (ныне Воскресенская церковь) и семинарией, отделявший укрепленный центральный город от большой, нагорной его части, причем уничтожены были и остатки брам Королевской и Ветряной, а бывшие перед валом рвы были засыпаны. Тут был устроен рынок для дров, а гр. М.Н.Муравьев развел сквер. При Муравьеве же была скопана и Кавалер-Гора — главная возвышенность в бывшей цитадели. Когда же устраивалось в Могилеве в 1845—50 г. шоссе с Луполова на Бобруйск, инженеры срыли весь оставшийся у прибережной дороги вал и провели расширенный въезд на гору; на самой же горе (самый замок, в доисторичепскую эпоху — городище) в последнее время, при губернаторе Дембовецком, был разведен обширный городской сад, откуда открывается превосходный вид на Днепр и окрестности. В 1870-х годах были срыты и части Полевого вала.

В настоящее время Могилев делится на три части: 1) все пространство верхнего города с предместьем, лежащем на левом берегу р. Дубровенка, 2) часть города от Ильинской горы до Дубровенки, 3) Заречная сторона, состоящая из предместий Троицкого и Луполова, а на правом берегу — Николь-

Могилевъ.

1. *Ратуша с восьмиугольной башней (1679 г.).* 2. *Кафедральный собор Св. Иосифа Обручника.* 3. *Общий вид из-за Днепра.* 4. *Днепровский проезд.* 5. *Вид с вала городского сада на предместье Луполово.*

щина. Лучшие улицы в Могилеве — Большая Садовая (бывшая Ветряная), Дрепровский проспект прежде Шкловская улица), Малая Садовая (прежде Зеленая) и Быховская. На первой из них находятся — архиерейский дом, построенный еще знаменитым Георгием Конисским, и Спасо-Преображенская церковь, сооруженная старанием того же Георгия Конисского на средства, пожертвованные имп. Елизаветой Петровной.

Из других достопримечательностей города заслуживают внимания кафедральный собор св. Иосифа, Николаевская церковь, ратуша, театр, Община милосердия, Братский монастырь с обширным величественным храмом Богоявления; монастырь построен, как было упомянуто, в 1633—36 гг. на земле, подаренной кн. Огинским, тогда еще православным; он выстроен в смешанном итальянском стиле XVI века; колокольня в монастыре о четырех ярусах представляет собой самое высокое здание в городе. Главные святыни монастыря — часть мощей (кость от руки) преп. Афанасия Афонского и чудотворная икона Божией Матери, весьма чтимая народом. Собор во имя св. Иосифа Обручника был заложен имп. Екатериной II и имп. Иосифом II в память их свидания здесь. Построен он в греческом стиле; внутри весь собор отделан искусственным мрамором; живопись в храме превосходная, писанная по заказу самой императрицы, знаменитым проф. Боровиковским. Наибольшие драгоценности собора составляют частицы от животворящего креста Господня, частицы мощей св. Иосифа Обручника и великомученика Пантелеймона, а также икона Казанской Божией Матери, присланная в дар имп. Александром II в 1867 г. Городская ратуша построена в 1679 г. В 1780 г. Городская ратуша построена в 1679 г. В 1780 г. имп. Иосиф с вершины этой башни любовался окрестностями города.

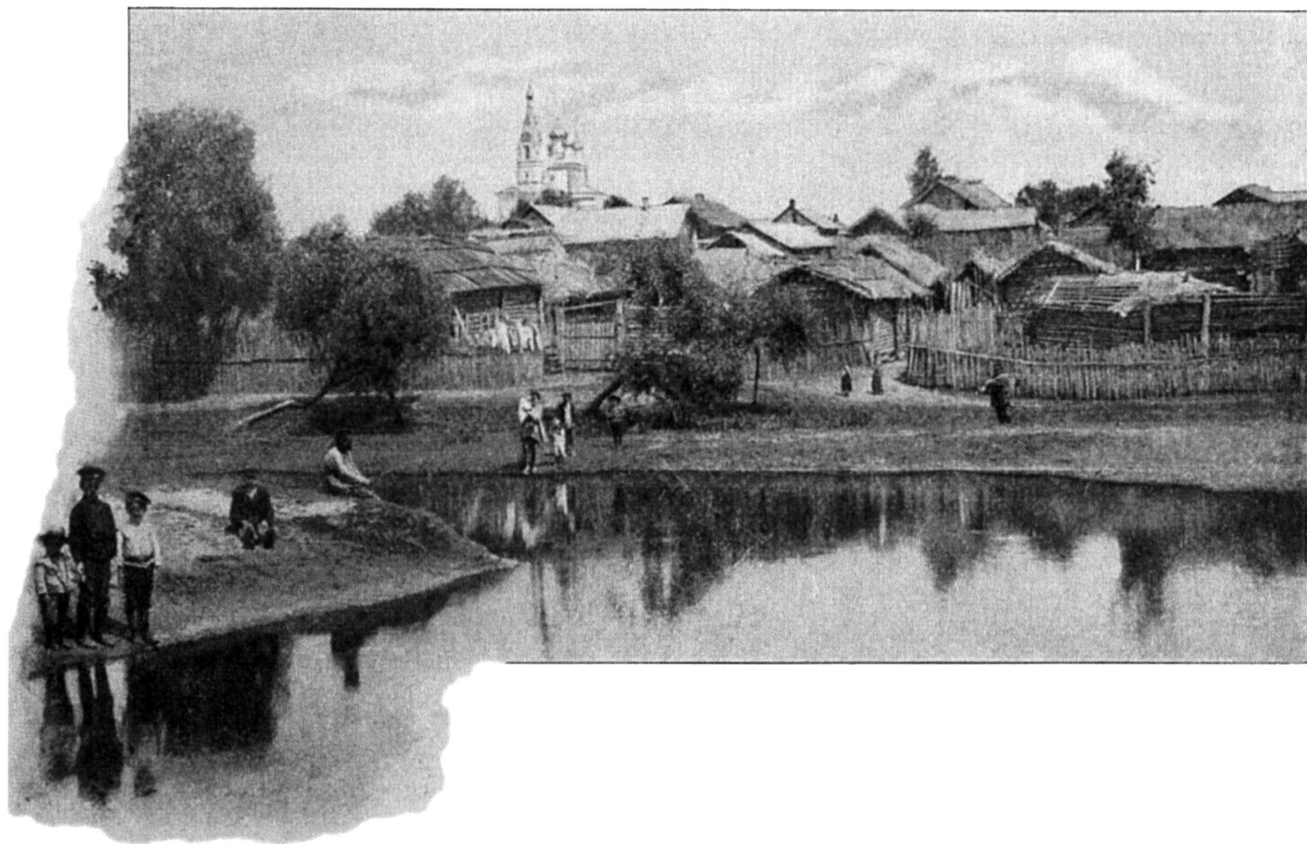
При обозрении Могилева нельзя не отметить музея при местном статистическом комитете. Из предметов исторического отдела здесь следует упомянуть: 1) большое резное золоченое кресло, обитое дорогой парчевой материей с изображением на сиденье и обеих сторонах спинки государственного герба с вензелем имп. Екатерины II; кресло служило в зале поместнического дома троном, с которого наместники принимали поздравления в высокоторжественные дни; 2) грамоту короля Сигизмунда III на пергаменте, на польском языке, собственноручно подписанную королем, которой утверждается фундуш, пожалованный литовским канцлером Львом Сапегой устроенному им в своем местечке Черее костелу св. Михаила Архангела; 3) нумизматическую коллекцию и 4) коллекцию предметов, найденных при раскопках курганов в Могилевской губ. в 1892 г. Кроме того в музее находятся разные образцы произведений сельского хозяйства, сельской промышленности, образцы местных производств — фабрично-заводских, кустарных и пр. В Могилеве имеется пять рынков. Из публичных зданий важнейшие, кроме указанных, нижеследующие: губернаторский дом с особым садом, губернское правление, казначейство, архив, где помещается музей и библиотека статистического комитета, гимназия мужская с общей квартирой для учащихся, гимназия женская, реальное училище, богоугодные заведения, община Красного Креста, сироткий дом. Кроме упомянутых гимназий и реального училища в Могилеве имеются — семинария, одно городское, четыре приходских училища, духовное училище, семь церковно-приходских школ, два частных учебных заведения (женское и для детей обоего пола), детский приют ведомства имп. Марии, фельдшерская и повивальные школы, 10 еврейских учебных заведений различных наименований и 114 еврейских хедеров (малых начальных школ). Число жителей в Могилеве достигает 46 600 чел., в том числе православных 19 тысяч, римско-католиков 2800, протестантов 200, евреев 24 тысячи, магометан 200 душ. Всего в городе насчитывается 29 православных церквей, 3 костела, 2 синагоги и 36 еврейских молитвенных домов. Библиотек в Могилеве 4, типографии и фотографии — по 3. Домов каменных в городе 354, деревянных 3864; лавок каменных 412, деревянных 484. Жители христиане, кроме привилегированных сословий и служащих, занимаются главным образом огородничеством, садоводством, рыболовством, выделкой кожи и конопляного масла (олея), гончарными работами и отчасти другими ремеслами. Главная торговля и большая часть ремесел впрочем находятся в руках евреев. Фабрик, заводов и других промышленных заведений в Могилеве около 220 с 790 рабочими. Главным предметом торговли Могилева служат кожи, сало, медь, воск и поташь, конопля и зерновой хлеб. Доход города в 1900 г. составлял 127 600 руб.

Вер. в 7 к с.-с.-в. от Могилева лежит село Полыковичи — пункт, привлекающий десятки тысяч народа к целебному ключу, в 8-ю, 9-ю и 10-ю пятницы по Пасхе. В начале XVIII в. здесь было имение и замок Синицкого, которые в актах XVII в. упоминаются под именем Полуйковичи. Вер. в 13 к с.-з. от Могилева лежит м. Княжицы или Княжичи, расположенное на левом берегу р. Лохва, при бывшем виленском тракте. В 1501 г. оно было отдано пожизненно Елене Ивановне, супруге короля Александра, откуда вероятно и происходит его название. В 1535 г. Княжицы были выжжены

воеводой кн. Шуйским. Некогда здесь был костел и кляштор доминикан, основанный Константином Пацом; в 1872 г. костел был обращен в православную церковь. Теперь в местечке существуют две православные церкви и еврейский молитвенный дом. Число жителей достигает 800 человек, в том числе 560 евреев. Торговля преобладает мелочная. В Княжицах имеются волостное правление, народное училище и школа. Вер. в 18 за Княжицами по тому же тракту при р. Вабича расположено м. Головчино. Некоторые историки утверждают, что Головчино есть древний белорусский город Голотическ, где в 1071 г. знаменитый полоцкий князь Всеслав был разбит Ярополком Изяславичем, кн. владимиро-волынским и туровским; новейшие историки Белоруссии впрочем отвергают это мнение. В начале XVI в. Головчино принадлежало королеве Елене Ивановне, дочери Ивана III и супруге короля Александра; затем оно перешло к кн. Ряполовским, а далее — к кн. Головчинским, которые основали здесь кальвинский сбор; впоследствии Головчино находилось в цветущем состоянии: в нем, будто бы было до 15 христианских храмов и до 100 кузниц. В 1654 г. здесь произошла битва между русскими и поляками под начальством Радзивила, причем Головчино было сожжено; той же участи подверглось оно и в 1708 г., когда Репнин был разбит шведами на берегу р. Вабича. Ныне в местечке насчитывается до 1300 жителей, в том числе евреев до 600. Торговля преобладает мелочная. В местечке есть церковь и школа. Верстах в 16 к ю.-з. от Головчина лежит местечко Белыничи, расположенное на левом берегу р. Друть. Белыничи известны с конца XVI в.; когда Лев Сапега основал здесь монастырь ордена кармелитов. В 1624 г. его сын Карл украсил драгоценными камнями местную чудотворную икону Божией Матери и обложил серебром алтарь; в 1760 г. кармелиты построили здесь каменный костел, обращенный в 1876 г. в православный мужской монастырь. Затем местечко принадлежало кн. Огинским, от которых перешло к кн. Радзивиллам и Витгейнштейну. Некогда здесь была типография, причем печатались исключительно молитвенники и проповеди. Чудотворная икона византийского письма привлекает огромные массы народа. В Белыничах насчитывается свыше 2100 жителей, в том числе до 1300 евреев. Торговля преобладает мелочная. В местечке находится мужской монастырь, церковь, сельская лечебница, народное училище, почтово-телеграфное отделение, волостное правление, становая квартира и мещанская управа. В 12 в. от Могилева к западу у д. Брусневичи находистя массивный каменный четырехконечный крест, грубо изсеченный из красного гранита. Вышина креста — 1 1/2 аршина, ширина по крыльям — 1 аршин, толщина стенок — от 6 до 8 вершков. Лицевая поверхность креста более или менее гладкая. На кресте следующие начертания: в верхней конеч-

аискось, небольшой че-
е его славянские циф-
ли «ИВАН».
направляется почтовая
ный город Чаусы. Эта
верст 12 по Могилевс-
цит в Чаусский уезд.
аусы расположены при
е Баса, впадающей
зи города в р. Проня.
ый город расположен
равом, гористом берегу
ася, а предместье его
чье — над ручьем Сво-
ока, образующем рукав
. По преданию, здесь
гда кочевали цыгане, и
ыганского слова «чеус»
«чевс», означающего
р, и произошло будто

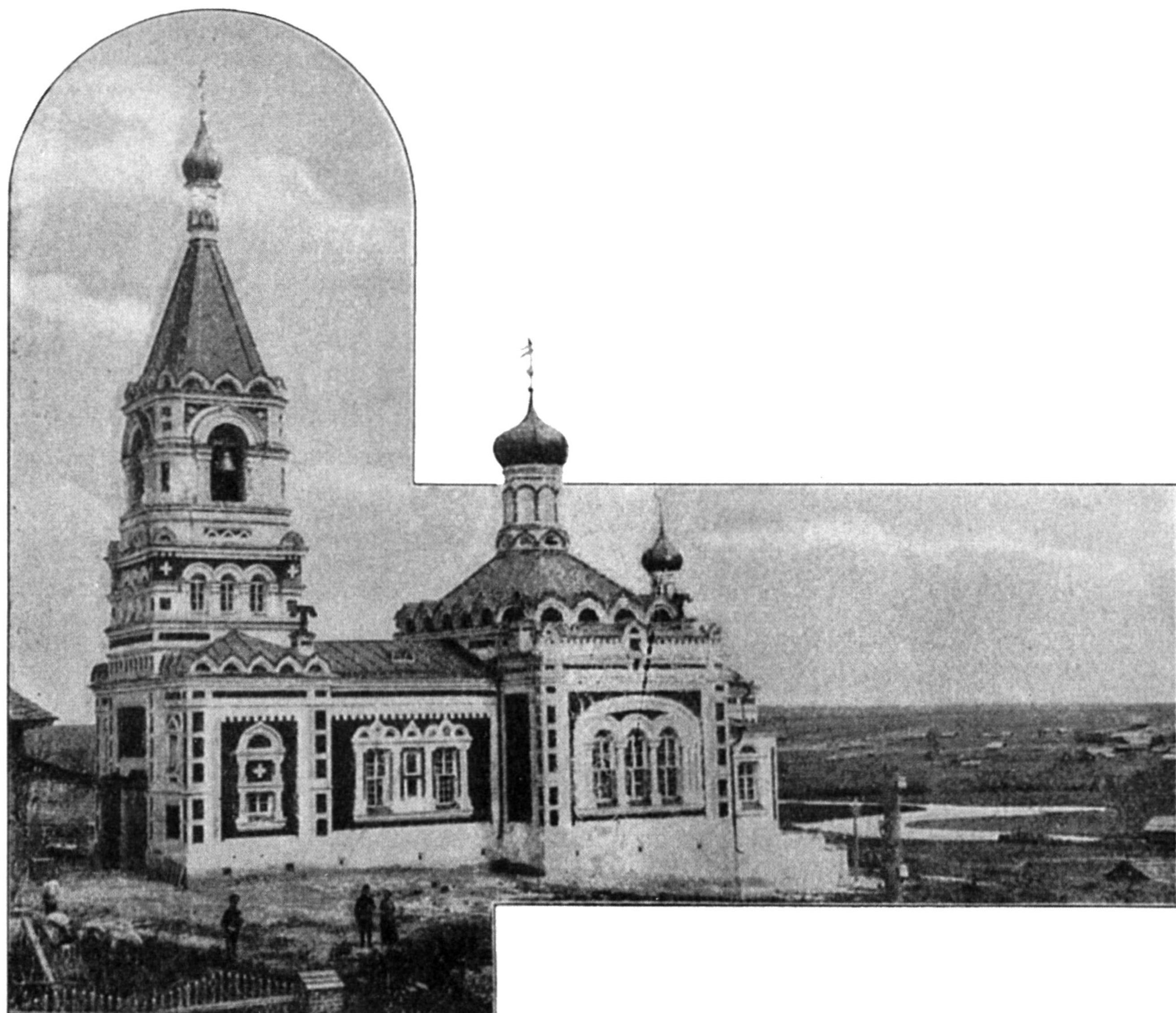
бы название Чаус. Чаусы, как село, существовали уже в XVI в. При Чаусской Георгиевской церкви хранятся следующие старинные документы: грамота Стефана Батория, данная в 1581 г., в которой Чаусы названы селом; грамота короля Владислава IV на магдебургское право (следовательно Чаусы тогда уже были городом); привилегия 1659 г., данная церкви на восемь уволок земли и подписанная Яном Сапегой. В 1654 г., когда русские войска шли в Могилев, жители Чаус в числе 800 человек присоединились добровольно к русским; несмотря на это Чаусы были разграблены казаками. В 1708 г. Карл XII с войском переправлялся при Чаусах через Басю и Проню. В 1777 г. Чаусы были назначены уездным городом. План города утвержден в 1778 г. Чаусы были назначены уездным городом. План города утуержден в 1778 г., а в 1781 г. дан герб: «в красном поле шпага, положенная крестообразно с мечом, соединенные лавровым венком, в память славной победы, одержанной над шведами в окрестностях сего города, под Лесным». В 1780 г. Чаусы были в следующем состоянии: «в нем кармелитский монастырь каменный, греческая и униатская церковь и жидовская школа; мещан его составляло 702 да 355 жидов; в семь городе бывает ярмарка». В 1803 г. здесь были «кармелитский каменный монастырь с училищем, в коем 40 маль-

401, все деревянные». Остатки рва, окружавшего город, и земляной насыпи сохранились в некоторых местах доселе. Вблизи города на левом берегу Баси есть много курганов. В настоящее время в Чаусах церквей православных 4 (из которых каменных 2), две еврейские синагоги и 7 молитвенных школ. Разного рода промышленных заведений в городе 34 с 86 рабочими. Жителей до 6 тысяч, в том числе евреев 3250. Город владеет до 4900 десятин земли. Доходы города составляют до 5 $^{1}/_{2}$ тыс. руб.

К ю.-з. от Чаус вер. в 13 расположено с. Головенчицы. Сюда в 1740 г. была перенесена из д. Лесная церковь, построенная Петром I в память известной победы; церковь существует доселе.

От Чаус почтовая дорога продолжается на ю.-в. в г. Чериков. Пройдя верст 18, она вступает из Чаусского уезда в Чериковский.

Чаусский уезд, расположенный в системе р. Проня, притока Сожа, и занимающий площадь в 2168 кв. верст, отличается довольно значительной лесистостью: леса составляют 42 $^{1}/_{2}$ % площади уезда (91 тыс. десятин). Пашни занимают 27 $^{1}/_{2}$ % (59 т.д.), луга и выгоны — 16 $^{1}/_{2}$ % (36 т.д.), пески и болота — 13 $^{1}/_{2}$ % (29 т.д.). Почва представляет чередование суглинистых, супесчаных и песчаных полос. Население уезда достигает 90 тысяч душ (40 жителей на кв. версту). Главное занятие жителей — земледелие; большое значение имеют также лес-

ные промыслы. Фабрично-заводская деятельность развита весьма слабо.

Уездный город **Чериков** расположен на правом берегу р. Сож, на Московско-Варшавском шоссе, в 87 верстах от Могилева. В конце XVI в. Чериков считался в числе королевских волостей. В 1604 г. он получил наименование города. В 1708 г. Карл XII стоял здесь, окопавшись, некоторое время. В 1773 г. Чериков был обращен в уездный город. План его был утвержден к 1778 г., а в 1781 г. дан герб: «могилевский герб, с отличием золотые титлы: ибо сие место всегда подсудно было Могилеву». В 1787 г. имп. Екатерина II проезжала через Чериков 20 января. В то время в городе числилось более 3000 жителей, 300 обывательских домов, 2 православные церкви и еврейская школа; в 1803 г. в Черикове были две православные церкви, римс-

В 24 верстах к востоку от Черикова по Московско-Варшавскому шоссе, на границе Климовичского уезда расположено местечко Кричев. Оно лежит на правом берегу р. Сож, при впадении речки Кричевки, или Кривиченки, в 111 верстах от Могилева. Кричев под именем Кречют упоминается еще в уставной грамоте кн. Ростислава Мстиславича, данной им смоленской епархии в 1157 г. По народному же преданию, Кричев в незапамятные времена носил имя Кривичев и был основан кривичами. До сих пор сохранились следы его укреплений в виде городища на возвышенном берегу Сожа. Природная малая доступность местности для нападений была еще усовершенствована руками человека. Была сделана высокая насыпь и проведен ров, сообщавшийся с р. Сож. По всей вероятности„ на том месте, где некогда стоял идол Пе-

руна, на крутом берегу Сожа, возвышается церковь св. Ильи. Здесь существуют подземные ходы: из окраины замка в подземелье проведен был ход в реку со сводом из прочного кирпича, сохранившийся и поныне. В половине XVI в. Кричев был завоеван великим кн. Ольгердом и присоединен к княжеству Мстиславскому. С конца XV в. Кричев переходил под власть то московских, то литовских князей. В 1653 г. городу было даровано магдебургское право. В 1708 г. Карл XII переправлялся здесь через Сож со своей армией. Здесь же стояло лагерем и русское войско с Петром I во главе. Место, где был расположен лагерь Петра, известно и ныне под названием Петрова луга. В половине XVIII в., с 1740 по 1743 г., в Кричеве происходило народное смятение: «Мещанин Карпач и воском торговавший купец Вощила, вознамерившись истребить всех евреев, которые их, по причине своих откупов, без малейшего сожаления изнуряли, воздвигнули большую часть крестьян против правителей и евреев...» В конце концов против них предприняты были энергические действия: Вощила спасся бегством, но Карпач был пойман, обшит в медвежью кожу и затравлен собаками. По присоединении к России Кричевское староство было пожаловано имп. Екатериной II кн. Потемкину. 19 января 1787 г. посетила Кричев имп. Екатерина II и здесь ночевала. Церквей православных в местечке 5, римско-католический костел, первоначально основанный еще в 1628 г. королевой Боной, с фундушем в 2 тыс. талеров. На месте старого костела, сгоревшего в 1855 г., построен нынешний. Жителей в Кричеве до 6 тыс. душ, в том числе евреев более 2100. Местечко торгует хлебом, пенькой, льном и мелочным товаром. В Кричеве два народных училища, волостное правление, становая квартира, мещанская управа и почтово-телеграфное отделение. К с.-з. от Кричева, верстах в 25, расположено довольно значительное местечко Малятичи.

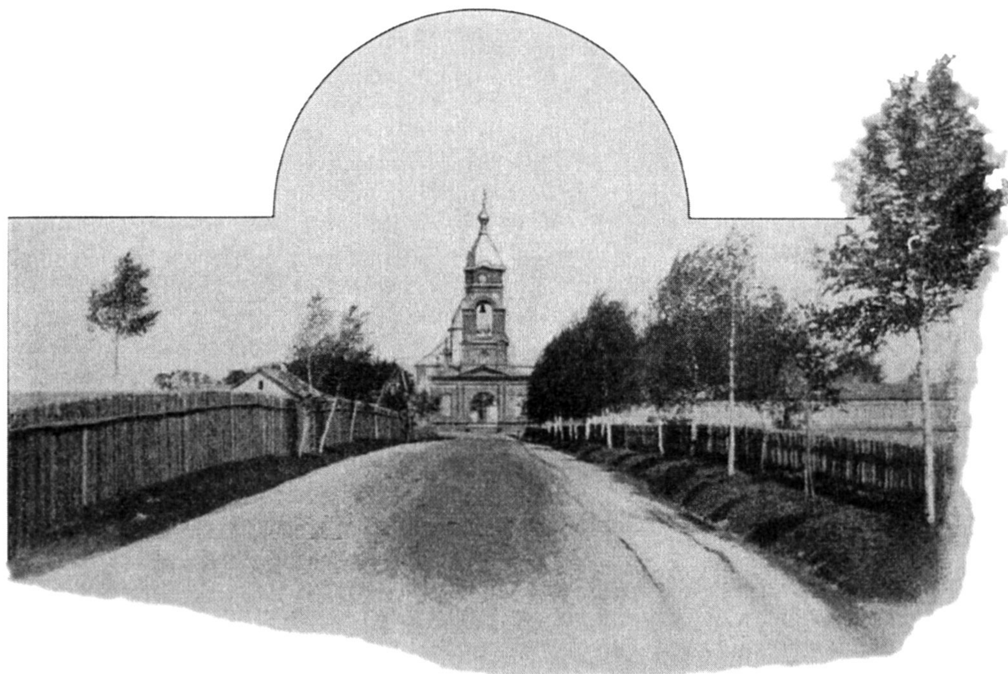
Чериковский уезд, занимающий площадь в 4080 кв. версты с населением в 152 тыс. душ (37 жителей на кв. версту), расположен в системе р. Сож и обладает значительной лесной площадью, в особенности к югу от Сожа. Всего под лесом в уезде числится 159 тыс. десятин (40% площади), под пашней 119 тыс. десятин (30%), под лугами и выгонами 60 тыс. десятин (15%), под песками и болотами 62 тыс. десятин (15 1/2%). Почва к северу от

Сожа суглинистая, по долине его пойменная, а к югу от реки песчаная. Основное занятие населения — земледелие. Большое значение имеют также лесные промыслы и сплав по р. Сож.

К ю.-з. от г. Черикова по Московско-Варшавскому шоссе, уже в пределах Быховского уезда, на самой его границе с Чериковским, расположен заштатный город **Пропойск**. Он лежит на правом берегу р. Сож при впадении в него р. Прони. Окрестности Пропойска получили известность со времени Владимира Святого. Здесь, на берегу р. Песчанки (Пищаны), впадающей в Сож в 7 верстах от города, воевода Волчий Хвост в 984 г. разбил радимичей («пищаньци волчья хвоста бегають»). Прупой, или Пропошеск, упоминается уже в половине XII в., именно в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича, данной им смоленской епархии в 1150 г. В то время это был малонаселенный город («полюдия» шло всего 10 гривен), представлявший собой первый смоленский этап на р. Сож у черниговских границ, на пути из среднего Поднепровья на Смоленск. Здесь были постоялые дворы княжеские. В 1387 г. Пропойск упоминается в числе городов, принадлежавших Киеву и отданных Скиргайле, кн. троцкому и полоцкому. В 1430 г. Пропойск был причислен ко

йницкий женский монастырь из Могилева. (По фотографии Н.Н. Останковича).

владениям Свидригайла. С конца XV в. Пропойск, находясь близ московских границ, часто терпел разорения, хотя в договорах и делалось условие, чтобы в мирное время Пропойска «ничем не зацепляти». В 1511 г. Пропойск получил королевскую грамоту, по которой жителям его предоставлялось вносить все подати прямо в казну. В то время он считался королевской волостью и управлялся старостами. По присоединении Беларуси Пропойск был пожалован кн. Голицыну. На пути в южный край в 1787 г. императрица Екатерина II обедала здесь в доме князя Голицина и вырезала на липе в саду свои инициалы. Некогда здесь существовал пансион для благородных девиц, который по воле имп. Александры Федоровны, останавливавшейся в Пропойске в 1828 г., был переведен в Пипенберг. Старый владельческий летний дом расположен на весьма крутом и живописном берегу р. Сож и окружен прекрасным парком. В Пропойске сохранились городище и курганы, еще не исследованные. Пропойск — первая по сплаву пристань в Могилевской губ. Здесь же есть заводы для производства изразцов и два канатных, народное училище, церковноприходская школа, почтово-телеграфное отделение, становая квартира, а также две православные церкви, из которых одна, во имя Рождества Пресвятой Богородицы, построенная кн. Голицыным, имеет великолепный иконостас. Жителей в Пропойске 3400 из них более 1 $^{1}/_{2}$ тыс. евреев.

Верстах в 12 км к северо-западу от Пропойска находится д. Лесная. Здесь в 1708 г., 28 сентября, русские войска под начальством самого Петра I одержали победу над шведами, совершенно истребив корпус Левенгаупта, и забрали неприятельский обоз при переправе его через р. Лесную (ныне Титовка). Вместо запроектированного памятника, на который по ходатайству Е.Р.Романова было ассигновано 100 тыс. руб., решено выстроить церковь-школу. Вблизи Лесной находится д. Глинка — место переправы вплавь через р. Сож Левенгаупта после поражения его при Лесной.

Возвращаемся к Витебско-Жлобинской железной дороге. Выйдя из Могилева, он в двух верстах от города проходит мимо Буйницкого Свято-Духовского женского монастыря. Основан он в 1633 г. по завещанию кн. Богдана Стеткевича-Соломирецкого. В 1708 г. он был разорен войсками Карла XII. В 1835 г., по причислении к нему находящегося в Быховском уезде Варкалабовского монастыря, был обращен в женский монастырь второго класса. Теперь Варкалабовский монастырь опять отделен от Буйницкого. Вблизи Буйницкого монастыря находится мыза Пипенберг на высоком берегу Днепра. В конце XVIII в. Пипенберг принадлежал Пассеку. В 1828 г. имп. Александра Федоровна повелела перевести сюда из Пропойска учебное заведение для бедных девиц, впоследствии институт, существовавший до 1865 г., когда он был переведен в Могилев и преобразован в женскую гимназию. Ныне здесь сохранились только развалины бывшего института. В 7 верстах от Могилева железный путь проходит мимо местечка Буйничи. Оно лежит на правом, высоком берегу Днепра, вблизи Бобруйского шоссе. В начале XVI в., по записи кн. Алексея Львовича Толочкова, Буйничи были приписаны к Киево-Печерскому монастырю. В северную войну окрестности Буйничей были заняты шведскими войсками. Местечко это принадлежало Сапегам. По присоединении Беларуси к России Буйничи были конфискованы и подарены имп. Екатериной II белорусскому наместнику

Общий вид города Старый Быхов от Днепра. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Пассеку. Здесь же жил некоторое время, во время опалы, католический архиепископ Сестренцевич. Жителей в Буйничах было 300, в том числе более 100 евреев. В шести верстах за Буйничами железная дорога проходит мимо д. Салтановка. Здесь произошло сражение передового отряда русских войск под начальством ген. Раевского с корпусом Даву. Свое название деревня получила от владельца Салтана. В окрестностях ее есть много курганов. Верстах в 4 за Салтановкой Витебско-Жлобинский железный путь выходит из Могилевского в Быховский уезд.

Могилевский уезд, занимающий площадь в 3010 кв. верст с населением 157 тыс. душ (52 жит. на кв. версту), расположен большей частью по правобережью Днепра и по течению параллельного ему притока Друти. Под лесом в уезде около 47% всей площади (128 тыс. десятин), причем он распределен неравномерно (большие безлесные пространства тянутся около Тетерина, Головчина и Белыничей). Под пашней в уезде около 26% всего площади (70 тыс. десятин), под лугами и выгонами — 15 $^1/_2$ % (42 тыс. десятин), под песками и болотами — 11 $^1/_2$ % (31 тыс. десятин). Через центр уезда с северо-запада на юго-восток тянется полоса суглинков; к северо-востоку она переходит в супеси, а к юго-западу — в пески. По Днепру идет полоса пойменных почв. Главное занятие жителей — земледелие. Фабрично-заводская промышленность сколько-нибудь развита только в Могилеве и Шклове.

Войдя в Быховский уезд, железный путь достигает ст. Дашковки (на 168-й версте от Витебска), а верстах в 14 за Дашковкой проходит мимо вышеупомянутого Варкалабовского монастыря. В 25 верстах за Дашковкой (на 193-й версте от Витебска) железная дорога достигает уездного города Старый Быхов.

Быхов, именующийся Старым, в отличие от местечка Нового Быхова, расположен на правом берегу Днепра при впадении в него р. Мокранки. Быхов известен как город, принадлежавший к Киевскому княжеству уже с XVI в. В 1430 г. он упоминается в акте возведения Свидригайла на литовский престол. Быхов принадлежал к числу королевских волостей, и в 1568 г. он упоминается в акте возведения Сидригайла на литовский престол. Быхов принадлежал к числу королевских волостей и в 1568 г. был пожалован Яну Иерониму Ходкевичу, который с тех пор стал именоваться графом на Быхове. В 1610 г. литовский гетман Карл Ходкевич укрепил Быхов, и с того времени он считался одной из сильных крепостей в Беларуси. От Ходкевичей Быхов перешел к Сапегам. Лев Казимир Сапега еще более укрепил Быхов. В период казацких войн Быхов играл выдающуюся роль. В 1648 г. казаки неоднократно пытались овладеть городом, но безуспешно. В 1655 г. Быхов выдержал долговременную осаду казацкого атамана Золотаренки; наконец, Богдан Хмельницкий приказал ему «оставить курятник». В награду за такую стойкость король Ян Казимир грамотой от 31 мая 1655 г. освободил Быхов на 20 лет от податей и повинностей. Впоследствии Быхов все-таки был взят казаками, но они дорого поплатились за это: Золотаренко при проходе через город был убит. В 1659 г. русские воеводы в течение 30 недель осаждали Быхов и, наконец, взяли его, но вскоре он был взят обратно поляками. В 1676 г. сейм освободил Быхов от платежа податей в течение 10 лет. В Север-

остел в Старом Быхове. По фотографии Н.Н. станковича).

ную войну Быхов подвергся новым бедствиям. Владелец Быхова Сапега стал на сторону Станислава Лещинского и Карла XII. Быхов был взят польскими войсками под предводительством Синицкого. В 1706 г. Петр I на пути в Киев был в Быхове. Царский байдак подошел к городу 23 июня при громе орудий. Царь пригласил к себе Синицкого и долго беседовал с ним, уговаривая его не изменять Августу II. Но Синицкий вскоре перешел на сторону Карла XII. Тогда русский ген. Боур взял Быхов, а Синицкий был сослан в Сибирь, пушки же быховские отправлены в Киев. По присоединении к России Быхов в 1773 г. был назначен уездным городом, в 1796 г. обращен в заштатный, а в 1802 г. снова назначен уездным. В 1780 г. здесь находились замок Сапеги, каменный католический монастырь, построенный в 1765 г. и две деревянные церкви (православная и униатская). В 1831 г. Быхов поступил в казенное ведомство, так как Сапега принимал участие в мятеже поляков. Каменный дворец Сапеги, так называемый замок, долгое время был в запустении, но в 1870-х годах был отремонтирован. Теперь здесь помещается тюрьма. Земляные укрепления Быхова существуют доселе. В 1850-х годах было еще и двое каменных ворот. План города утвержден в 1778 г., а герб — в 1781 г.: в нижней части щита в красном поле изображены две пушки, положенные крестообразно, «...каковых, самых древних, в сем городе находится много», — говорится в описании герба. Действительно, и до сих пор здесь сохранилось до 10 пушек. В Быхове церквей православных три (из которых одна каменная), римско-католический костел, синагога и до 10 молитвенных еврейских домов. В городе бывают три незначительные ярмарки в году. Из промышленных заведений здесь можно отметить кожевенный завод, 3 круподерни, 2 маслобойни, 4 ветряные мельницы, мыловаренный завод и 4 чулочных заведения. Всех же промышленных заведений здесь 32 с 53 рабочими. Жителей в городе около 7000 душ обоего пола, в том числе евреев до 3400. Доходы города достигают 5300 руб.

К юго-западу от Старого Быхова, верстах в 27, по дороге в местечко Велены Минской губернии, на правом берегу р. Друти, лежит село Чигиринка. В XVI в. оно входило в состав Озеранского имения Киево-Печерской лавры. Здесь весьма развит рогожный кустарный промысел, к сожалению, в последнее время попавший в еврейские руки.

Верстах в 20 за Старым Быховом железная дорога оставляет верстах в 5 к востоку от себя местечко Новый Быхов на р. Днепр.

В XVI в. Новый Быхов принадлежал Ходкевичам, а потом Сапегам. В XVII в. при Ходкевичах здесь был кальвинский сбор. В августе 1654 г. он был взят атаманом Золотаренко. В течение войны русских с поляками Новый Быхов несколько раз переходил из одних рук в другие. В 1812 г. здесь кн. Багратион переправился на левый берег Днепра для соединения с Барклаем-де-Толли. В 1825 г. имп. Александр I на пути в Таганрог оста-

новился в Новом Быхове и ночевал во дворце Сапеги. Государь производил смотр войскам на площади, для чего были снесены на время бывшие там лавки. Он посетил также вновь отстроенную каменную церковь. В виду затруднительного сообщения по обыкновенной дороге через обширные луга во время разлива Днепра Сапега построил для проезда государя земляную насыпь на пространстве более версты, эта насыпь в настоящее время почти уничтожилась. Здесь существуют остатки городища, много курганов и находятся орудия каменного века. В Новом Быхове имеются две православные церкви (из которых одна каменная) и еврейский молитвенный дом. Здесь более 3400 жителей (в том числе более 700 евреев), церковь, церковно-приходская школа и волостное правление.

На юго-востоке от Нов. Быхова, верстах в 13, лежит в Рогачевском уезде местечко Журавичи на р. Болотнянка, на Петербургско-Киевском шоссе, в 7 верстах от Московско-Варшавского шоссе. Некоторые местные исследователи (Без-Корнилович и Дембовецкий) говорят, что в 1651 г. король Ян Казимир приезжал сюда для поклонения чудотворной иконе. Но это недоразумение: король ездил не в Журавичи, а в Жировичи (Гродненской губернии). Журавичи в 1784 г. были уже местечком. Здесь собираются в году четыре ярмарки, но в последнее время обороты их незначительны. В Журавичах есть православная церковь, костел, еврейский молитвенный дом, народное училище и становая квартира. Жителей в местечке более 3200 душ, в том числе евреев более 1700. Близ Журавич и за д. Обидовичи (3 версты от Нового Быхова, на шоссе) имеется множество курганов, в них находят каменные орудия.

Не доходя версты три до следующей ст. Тощицы, Витебско-Жлобинский железный путь переходит из Быховского уезда в Рогачевский.

Быховский уезд, занимающий площадь в 4106 кв. верст с населением 126 тыс. душ (31 житель на кв. версту), расположен так же, как и Могилевский, по течению Днепра и параллельного ему притока Друти. Под лесом в уезде 40% (152 тыс. десятин), под пашней 27 $^{1}/_{2}$ % (105 тыс. десятин), под лугами и выгонами 14 $^{1}/_{2}$ % (54 тыс. десятин), под песками и болотами 18% (69 тыс. десятин). Почва в северной части правобережья Днепра супесчаная, в южной — песчаная, а на левобережье Днепра в северной и южной третях — суглинистая, в средней трети — песчаная. Местами встречаются тростниковые болота. По Днепру и Друти тянутся полосы пойменных почв. Главные занятия жителей — земледелие, лесные и судовые промыслы. Фабрично-заводская деятельность развита слабо.

Войдя в Рогачевский уезд, железный путь на 216-й версте от Витебска достигает ст. Тощицы.

Верстах в 15 к югу от нее находится на Днепре местечко Свержень, получившее название местечка в 1784 г. В окрестностях Сверженя, вблизи Днепра, находятся курганы, давно уже разрытые крестьянами. В них найдены каменные орудия — топоры, копья и стрелы. В Сверженe есть православная каменная церковь, еврейский молитвенный дом, народное училище и становая квартира. Жителей в Сверженe насчитывается до 1150, в том числе евреев свыше 800. В 6 верстах от Сверженя к востоку, возле д. Юдич, находится городище, занимающее до трех десятин. С одной стороны его имеется ров, а с трех сторон — три земляных вала, один выше другого. Окоп покрыт ныне лесом. В окрестностях Юдича много курганов.

В 24 верстах от Тощиц по железной дороге (240 верст от Витебска) лежит уездный город Рогачев на правом берегу Днепра, при впадении в него р. Друти, на Московско-Варшавском шоссе. В окрестностях города много курганов, в которых находят предметы дохристианского периода. Название Рогачев происходит от слова «рог»: при соединении двух рек — Днепра и Друти образовался угол, по местному — рог. В летописях встречается впервые в 1142 г., когда киевский кн. Всеволод Ольгович отдал его, в числе других городов, брату своему Игорю. В XIII в. Рогачев принадлежал уже Литве. В 1492 г. русские воеводы «засели и повоевали» Рогачев. С этих пор Рогачев неоднократно переходил из одних рук в другие, причем его опустошали; особенно сильно опустошен он был русскими в 1535 г. и татарами в 1562 г. В XV в. Рогачев принадлежал к уделу кн. пинских. По завещанию последнего пинского кн. Федора Ярославича, Рогачев поступил в число королевских владений и управлялся старостами. Терпел Рогачев много и в XVII в. В 1772 г. он был назначен провинциальным городом Могилевской губернии, и тогда же повелено было устроить в нем крепость, но повеление не было приведено в исполнение. С 1777 г. Рогачев состоит уездным городом. План города утвержден в 1778 г., а в 1781 г. ему был дан герб: в нижней части щита изображен «черный бараний рог в золотом поле, означающий имя сего города». У одного из современников мы находим краткое описание Рогачева в 1777 г.: «Приблизившись к городу, мы увидели обыкновенную деревню... Я прошел и обошел раза три город и всегда видел те же мужицкие хижины и жидовские корчмы, погруженные в вечную грязь и навоз. В пустом замке, заросшем высокой травой, одна униатская церковь, а среди города, на песчаном бугру, — другая; на возвышенном берегу Днепра базилианский,

деревянный, старый кляштор и баталионная малая церковь. Все сие публичное здание, бедное и ветхое, кроме баталионной церкви, построенной вновь скорой рукой, наподобие *амбара* с окнами, которые кроме новости ничего не имела. Храмы сие дополняются прихожанами из деревень, а для жидовской синагоги довольно и городских иудеян; одни только виды дают сему месту преимущество пред другими городами...». В настоящее время Рогачев небольшой, но довольно чистенький городок. Вокруг занимаемого провиантским магазином каменного здания, составлявшего одно из строений бывшего замка, до настоящего времени существует земляной вал — остатки прежних укреплений. В городе имеются две православные церкви (из которых одна каменная), римско-католический деревянный костел и 7 еврейских молитвенных домов. Разного рода промышленных заведений в Рогачеве насчитывается 36 со 173 рабочими. Жителей в городе насчитывается около 11 800 человек, в том числе евреев 7149. Доходы города достигают 27 750 руб.

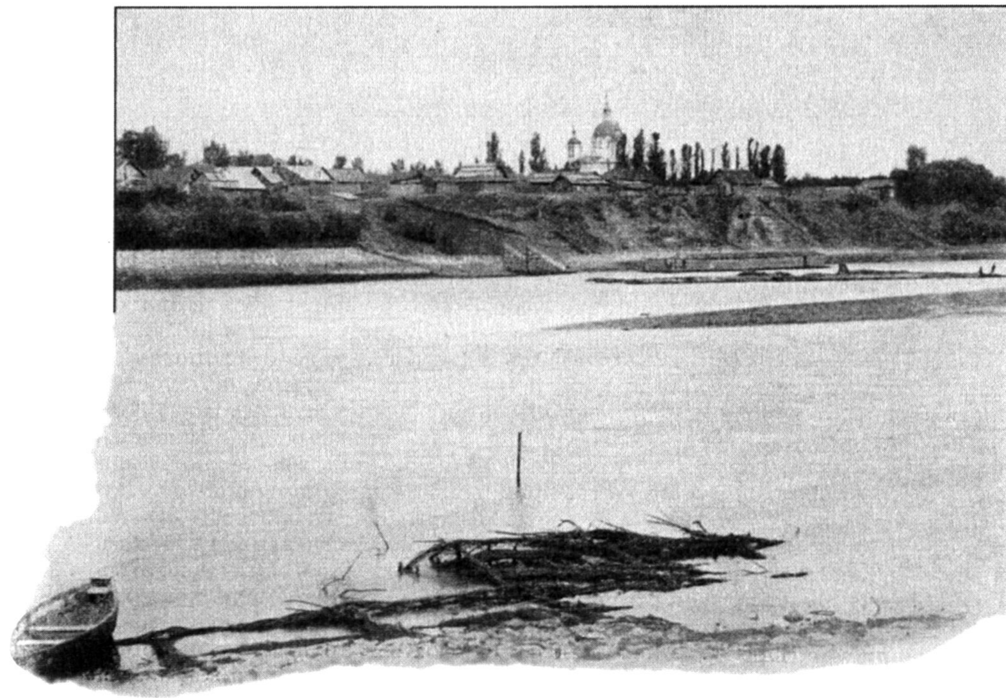
К северо-западу от Рогачева, верстах в 22, на р. Друти лежит село Озераны. Здесь было имение Киево-Печерской лавры в XVI в., затем оно было отнято на унию, а по присоединении Беларуси конфисковано в казну. С 1790 г. здесь существует приходское училище с общежитием для дворянских детей, крестьянские же дети — приходящие. Средства на содержание училища отпускаются казной.

Верстах в 7—8 за Рогачевом Витебско-Жлобинская железная дорога проходит мимо расположенного на Днепре села Лучина. Некоторые ученые полагают, что это древний Лучин, существовавший в XII в. Лучин составлял личное владение кн. Рюрика Ростиславича, полученное им от отца его. Когда кн. Рюрик покинул Новгород в 1172 г. и возвращался с семьей в свои южные владения, переданные на время его брату кн. Давиду, здесь в Лучине родился у него сын Михаил Ростислав. В память этого события князь построил здесь церковь св. Михаила и самый город подарил новорожденному. Как с города пограничного и притом лежавшего на водном пути, с него шло князю мыто и «корчмити», т.е. дан с корчем, устроенных в нем. Из этого видно, что он служил торговой и таможенной станцией. Здесь ныне известно более 100 курганов и 2 городища.

За Лучином железный путь, следуя параллельно Днепру, достигает в 25 верстах от Рогачева (в 265 верстах от Витебска) своей конечной ст. Жлобин, где и присоединяется к Либаво-Роменской железной дороге.

Переходим к крупной магистрали, перерезывающей нашу область с с.-з. на ю.-в., именно к Риго-Орловской.

Риго-Орловская железная дорога, следуя от Риги, вступает в Двинский уезд Витебской губернии в двух верстах за станцией Штокмансгоф и здесь проходит мимо местечка Глазманка (Трентельберг), расположенного верстах во ста от Двинска, при устье р. Эвста. Это местечко принадлежит бар. Корфу. В 1626 г. шведский король Густав-Адольф, соединившись с войсками Горна, разбитого при Ликсне и преследуемого поляками, переправился здесь через Эвст. При переправе под королем ядром убило коня, разорвало седло и пистолеты. Король упал с лошади, шведы отступили. В местечке в настоящее время есть лютеранская кирха и аптека. Жители занимаются мелочной торговлей. Есть здесь кожевенный завод. Жителей в Глазманке 2540, в том числе евреев 2300; домов и лавок каменных 15, домов деревянных 305.

Общий вид г. Рогачева. (По фотографии Н.Н. Останковича).

Перейдя мостом р. Эвсть, железный путь далее, в 16 верстах от Штокмансгофа, достигает ст. Крейцбург, где пересекается с Московско-Виндавской железной дорогой. Станция грузит около 50 тыс. пудов хлеба и лесных материалов и расположена против г. Якобштадта Курляндской губернии Крейцбург (Krystziejmes-pile, Cruceborch, Крыжбор, Крушбарк) представляет собой прекрасно обстроенное местечко Двинского уезда. В 1237 г. здесь построен был замок епископом рижским Николаем I. В 1561 г. он достался Польше. В 1577 г. Крейцбург был взят Иваном Грозным. В 1660 г., по Оливскому договору, Крейцбург остался за Польшей. В 1772 г. Крейцбург был присоединен к России. В 1585 г. король Стефан Баторий отдал Крейцбург Николаю Корфу, что подтвердил и король Сигизмунд III в 1589 г.: в роде Корфов (Schmysing) местечко остается поныне. Близ замка находится великолепная, в готическом стиле, кирха, построенная в 1849 г. В настоящее время в местечке находятся лютеранская кирха и аптека. Население занимается торговлей. Жителей в Крейцбурге 4420, в том числе евреев 3910. Домов и лавок каменных 15, домов деревянных 126.

В окрестностях Крейцбурга замечательны следующие пункты: д. Дрейманы Крейцбургской волости, в 11 верстах от Крейцбурга. Здесь находят костяки, оружие, топоры и копья; им. Дубена в 5 верстах выше Крейцбурга по Зап. Двине; некогда здесь был замок, упоминаемый в 1348 г.; д. Гравaны Крейцбургской волости, в 3 верстах выше Крейцбурга; здесь сохранились развалины какого-то замка. Близ Крейцбурга по Двине находятся известные пороги Перекориш.

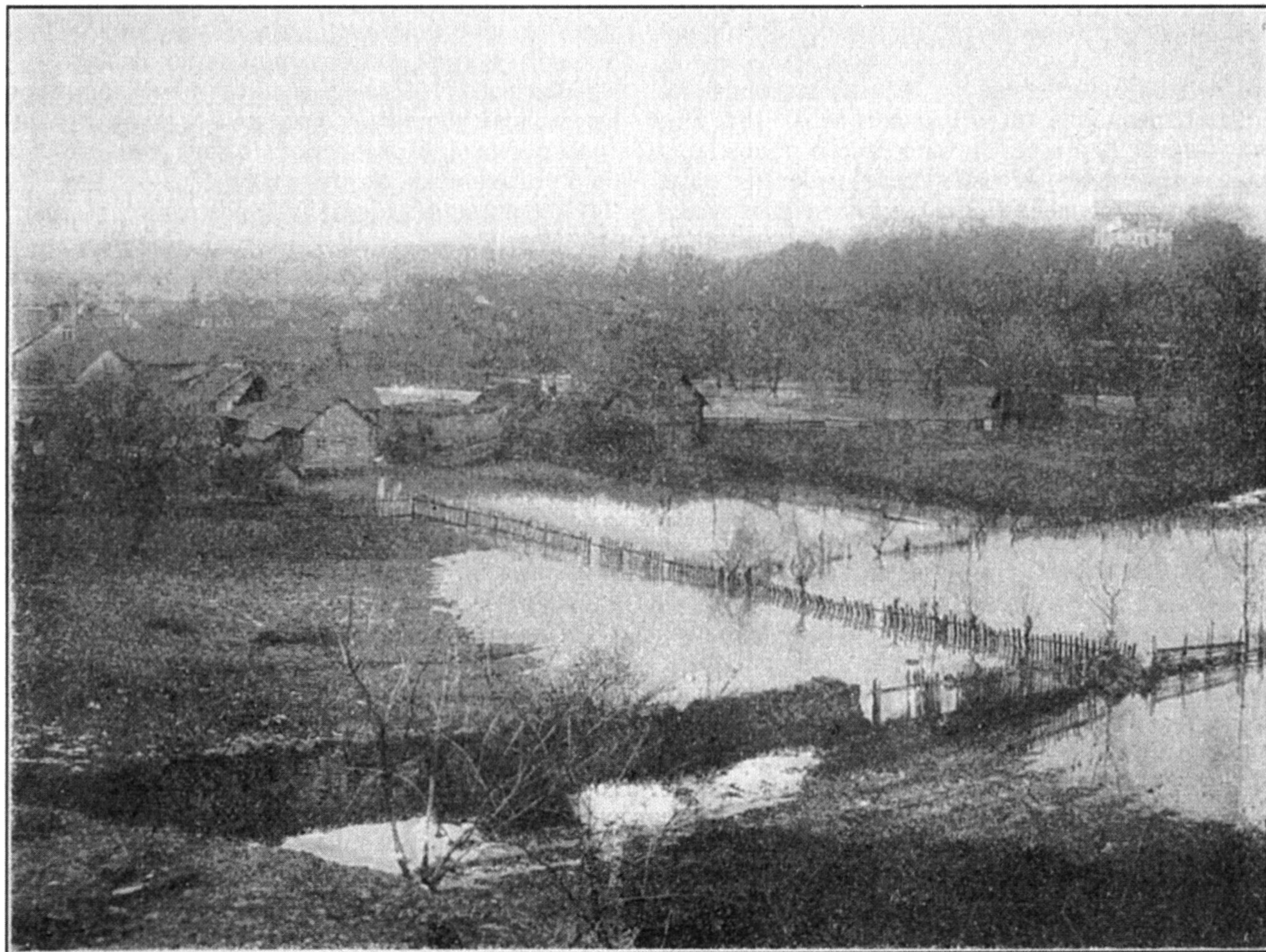
В 16 верстах за Крейцбургом Риго-Орловская железная дорога достигает ст. Треппенгоф, грузящей всего до 15 тыс. пудов дров и хлебных грузов. В 11 верстах далее находится станция Ливенгоф, грузящая до 100 тыс. пудов хлебных и лесных грузов, расположенная при одноименном местечке (иначе Ливенмуйжа), при впадении р. Дубны в Двину. Основано местечко в 1533 г. известной фамилией Ливень, а ныне принадлежит бар. Корфу. В местечке находится приходский костел во имя архангела Михаила, основанный в 1678 г. Поцеями и вновь отстроенный в 1880 г. бар. Корфом. В местечке есть обширный стеклянный завод и два небольших завода для производства древесной массы, а также аптека. Жителей 2950, в том числе евреев 2450; домов и лавок каменных 23, домов деревянных 387. За Ливенгофом, в 10 верстах, находится станция Царьград, грузящая до 15 тыс. пудов лесных материалов и хлебных грузов.

Верстах в 3 от станции Царьград находится место Герсика (Gercike) — древнего русского города, составлявшего княжество, находившееся в зависимости от Полоцка. В начале XIII в. в Герсике княжил удельный кн. Всеволод. В 1206 г. принимал участие в походе князя полоцкого Владимира против немцев. «Так как Герсик, — пишет хроникер Генрих, — всегда был как бы дьявольской сетью для всех жителей на этой стороне Двины, крещеных и некрещеных, король же Герсика Всеволод всегда враждовал и вел войны с рижанами и не хотел заключать с ними мирных договоров, то епископ (рижский) и двинул свое войско на его город». Это было в октябре 1209 г. Русские выступили им навстречу, но, не выдержав натиска, бежали в город, а за ними ворвались туда и немцы. Всеволод «бежал через Двину к кораблям». Немцы захватили в плен его супругу и ограбили город. «И собрали они, — продолжает Генрих, — много добычи, снося со всех углов города одежду и серебро, и пурпур, и сгоняя скот во множестве; взяли из церквей колокола и иконы, и прочие вещи, и серебро, и золото во множестве. На другой день по опустошении всего они приготовились к отступлению и зажгли город. И когда король с другого берега Двины увидел пожар, то громко возопил и, рыдая, говорил: «О, Герсик, любезный город, о наследство моих отцов! О, непредвиденное разорение моего народа! Ах, не родиться бы мне лучше на свет, чем видеть пожар моего города и истребление моего народа». Всеволод должен был признать над собой власть рижского епископа, получив от него Герсик на ленных правах. Замок вновь был отстроен. В 1212 г. у Герсика произошло свидание епископа Альберта с полоцким кн. Владимиром. Так как Всеволод не исполнял своих обязательств перед епископом, то последний не раз посылал рыцарей для наказания Всеволода, причем Герсик подвергался разорениям, особенно в 1215 г., когда, кажется, был убит и сам кн. Всеволод. С этого именно времени Герсик запустел. В документах 1255 и 1256 г. Герсик называется уже не замком, а «горою» и местом бывшего замка; в 1359 г. также упоминается «гора» Герсик; с половины XIV в. о Герсике уже нигде больше не упоминается. Из грамоты, данной герсицкому князю епископом Альбертом, видно, что в его области кроме Герсика находились еще города Алтона, Зеезове и др. Герсик ученые искали в разных местах — то в Крейцбурге, то в Штокмансгофе. Гр. Борх первый указал его настоящее положение, именно на месте имения Шлосберг Двинского уезда, в 48 верстах ниже Двинска, в 3 верстах от станции Царьград. Деринг всесторонне исследовал этот вопрос и пришел к тому же заключению. Но самым ясным доказательством правильности такого предположения служит то обстоятельство, что и доныне тут находится уро-

чище между рвом «Ручай» и ручьем «Исток», известное у народа под именем «Герзак» или «Бирзак». Замковая гора (Pilskalus) расположена в южной части усадьбы, близ жилого дома, и состоит из холма с крутыми боками и ровной вершиной, окруженной земляным валом. Поверхность холма представляет неправильный овал или, точнее, продолговатый и закругленный треугольник, самый больший поперечник которого, с востока на запад, достигает 310 футов, а наименьший равен 274 футам; окружность вала равна 950 футам. Западную часть Замковой горы омывает ручей Исток, южную и юго-западную — р. Двина, а с севера и северо-востока она окружена рвом. Здесь находят бронзовые гривны, бубенчики, браслеты, железные топоры, ножи и пр.

За Царьградом Риго-Орловская железная дорога, оставляя к востоку тянущееся параллельно ей верст на 15 болото, носящее характерное название Морошницы, а к западу — Двину, достигает в 16 верстах от Царьграда станции Ницгаль, грузящей до 120 тыс. пудов главным образом леса, а отчасти и хлебных грузов. Расположенное при станции одноименное имение Nitczegale castrum (по-латышски Niejdzgals, Nidzyaii) упоминается в ливонских хрониках уже в 1254 г. В 16 в. от Ницгаля железный путь достигает ст. Ликсны, грузящей до 5 тыс. пудов лесных и хлебных грузов и расположенной при одноименном имении, лежащем при впадении р. Ликсны в Двину. В XIV ст. здесь жили кунторы динабургские. Под Ликсной в 1626 г. польский смоленский воевода Гонсевский разбил шведского генерала Горна. В 1770 г. лифляндский воевода Иосиф Зиберг построил здесь великолепный замок и костел, существующие и поныне.

Близ Ликсны, у перевоза через р. Зап. Двину к г. Иллуксту (Иллукшт) Курляндской губернии, находится большой древний камень с высеченным на нем крестом. На полупути от Ликсны к Двинску на р. Зап. Двина находится известное имение гр. И.Г.Плятера-Зиберга Погулянка (8 тыс. десятин), сообщающееся с Двинском посредством специаль-

Местечко Креславка Двинского уезда. (По фотографии В.А. Бальца).

ных пароходов. В имении в вековом сосновом бору устроено кумысо- и водолечебное заведение и лесная климатическая станция для слабогрудых, неврастеников и страдающих подагрой, болезнями сердца, ревматизмом и женскими болезнями. При имении есть метеорологическая станция, глазная лечебница, бактериологическая лаборатория, аптека, грязевые ванны и дезинфекционная камера. Погулянка охотно посещается больными.

За Ликсной, в 14 верстах, Риго-Орловский железный путь достигает г. Двинска, описанного нами выше, где и пересекается с Петербургско-Варшавской железной дорогой.

В 16 верстах за Двинском Риго-Орловская железная дорога достигает станции Иозефово, нагрузка которой ничтожна.

В 2 $^{1}/_{2}$ верстах от станции Иозефова на юго-запад, на р. Зап. Двина находятся при селе Старый Замок развалины старого Динабургского замка. Еще в начале XIX в. развалины древнего замка были ясно видны. Но местные крестьяне разбирали камни и кирпичи и продавали подрядчику, доставлявшему материал на постройку Двинской крепости. Остатки же стен, несмотря на Высочайшее повеление (31 декабря 1836 г.) охранять все остатки древности, были проданы за 300 руб. Динабургский замок вследствие своего положения был построен, по-видимому, сразу из камня, даже и внешние укрепления. В замке жил особый наместник гросмейстера ливонского ордена — комтур, или командор.

Верстах в 11 за Иозефовым находится полуст. Малиновка; за нею, верстах в 7, железный путь минует д. Людвиково, известную по своему древнему могильнику, а в 23 верстах от Иозефова достигает станции Креславки, грузящей свыше 10 тыс. пудов хлебных грузов.

Местечко Креславка (Краславль, по-латышски Крослава) расположено на р. Зап. Двина при устье р. Краславка, верстах в 5 к ю.—ю.-в. от станции и представляет собой одно из древнейших поселений Витебской губернии. По преданию, здесь некоторое время жила кн. Рогнеда Горислава. В 1558 г. Креславка была отдана гросмейстером ливонского ордена Фюрстенбергом Энгельбрехту Плюмперу. В 1569 г. Креславка была передана Михаилу Бруннову, канцлеру герцогства Курляндского, что подтвердил король Сигизмунд III в 1603 г. В 1636 г. Креславка была продана Вольфу. В 1676 г. она перешла к Коссам, за которыми и была утверждена королем Яном III в 1681 г. В 1725 г. владельцами Креславки явились Чапские, которые продали ее в 1729 г. за 14 000 талеров Яну Людвигу Платеру, в роде которого местечко и оставалось до последнего времени. В 1676 г. иезуит Юрий Вольф поселил здесь иезуитов и построил обширный деревянный костел. Уже при Людвиге Плятере, первом из этого рода владельце Креславки, она являлась одной из красивейших и превосходно застроенных местностей. На самой высоте правого берега Двины он построил великолепные палаты, а на береговой крутизне раскинул прекрасный сад, простиравшийся до самого местечка, в котором на площади, застроенной вокруг каменными домами, воздвиг здание ратуши с башней, построил гостиный двор, госпиталь и при нем монастырь сестер милосердия. Он же воздвиг великолепный костел, который предполагалось сделать кафедральным собором инфлянтской католической епархии, об учреждении которой была уже получена булла папы с назначением Креславки епископской резиденцией; политический переворот, однако, помешал осуществлению этого плана. В 1757 г. здесь была основана католическая семинария под руководством ордена миссионеров. Семинария существовала до 1842 г., когда была перенесена в Могилев. Мисионеры же содержали здесь уездное училище; оно помещалось в здании бывшей библиотеки, большом двухэтажном доме. Из Варшавы Л. Плятер выписал ремесленников. Креславка славилась своими превосходными изделиями: ковры, бархат, сукна, ситцы, разного рода оружие, экипажи, золотые и серебряные изделия. Четыре ярмарки доставляли возможность сбыта этих изделий в Россию и Польшу. С 1809 по 1822 г. здесь находились присутственные места, переведенные из Динабурга; предполагалось даже купить это местечко в казну. В Креславке ныне одна православная церковь, великолепный костел, построенный в 1775 г., с мощами св. Доната, каменная еврейская синагога и три молитвенных дома, две больницы, раскольничья молельня, народные мужское и женское училища, церковноприходская школа и еврейское двухклассное училище. Из промышленных предприятий местечка заслуживают внимания щетинный завод, кожевенные заводы и др. Жителей в Креславке 8025, в том числе евреев 4215. Домов и лавок каменных 60, деревянных домов 800.

Верстах в 12 за станцией Креславка по Риго-Орловской железной дороге находится полустанок Бальтин, а в 19 верстах от Креславки железный путь выходит из Двинского уезда в Дриссенский.

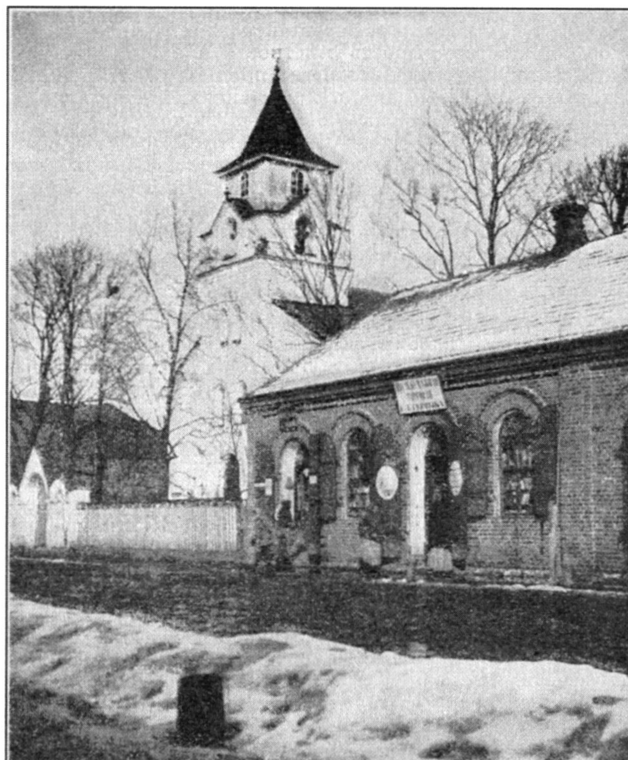
Двинский уезд, расположенный на правом берегу р. Зап. Двина, занимает площадь в 3860 кв. верст с населением в 239 тыс. душ (61 житель на кв. версту). Лесная площадь составляет в нем 31 $^{1}/_{2}$% всей площади (122 тыс. десятин), пашня — 32% (124 т. д.), луга и выгоны 24 $^{1}/_{2}$% (95 т. д.), болота и пески — 11 $^{1}/_{2}$% (44 т. д.). Почвы в северной поло-

вине уезда преобладают супесчаные, песчаные и торфяные, в южной — суглинистые. Главное занятие жителей — земледелие; в Креславской волости развито кожевенное производство, а по Двине — также судовые промыслы и рыболовство.

В 25 верстах от Креславки железный путь достигает станции Бальбиново, грузящей до 100 тыс. пудов хлебных грузов. От этой станции проходит к ю.-з. 10-верстная почтовая дорога к местечку Придруйску и г. Друй Виленской губернии.

Местечко Придруйск лежит на правом берегу Двины в Дриссенском уезде, против г. Друи. История его тесно связана с историей Друи. До 1500 г. оно принадлежало слугам Полоцкого замка, а с начала XVI в. — Сапегам. Местечко тянется с в. на з. по правому берегу Двины версты на две. В нем имеется каменная церковь, находящаяся на месте древней, построенной Сапегой, костел, построенный в 1670 г. на месте древнего, основанного тоже Сапегой в 1633 г. (на одном из колоколов костела сохранилась надпись 1619 г.). Летом 1892 г. здесь была произведена раскопка древнего могильника, давшая ценные результаты.

За Бальбиновым, верстах в 12, находится полуст. Георгиевск, а далее, в 25 верстах от Бальбинова. — станция Дрисса, грузящая более 50 тыс. пудов хлебных грузов и расположенная верстах в 3—4 к северу одноименного уездного города.

Костел в Дриссе. (По фотографии В.А. Бальца).

Дрисса (Дрысь, Дриза) расположена при впадении р. Дриссы в Двину. В XIV в. на береговой высоте, в самом углу, между реками Двиной и Дриссой, было укрепление, сожженное в 1386 г. кн. Андреем Ольгердовичем. Затем о Дриссе как о волости литовской упоминается в трактате 25 марта 1503 г. между королем Александром и московским в кн. Иваном III. В 1547 г. в Дриссе была учреждена «камора» (таможня). Возобновленный по повелению короля Сигизмунда Августа Дриссенский замок был взят войсками Ивана Грозного. Стефан Баторий взял обратно Дриссу, и только в 1772 г. она окончательно возвратилась к России. В 1777 г. Дрисса была сделана уездным городом Полоцкой губернии, с 1796 г. — Белорусской, а с 1802 г. — Витебской. В 1808 г. один из ревизоров училищ писал: «Весенний разлив часто затопляет весь город; домов малое количество; сырость местности и крайнее неудобство для жителей простирается до того, что правительство предполагает перевести город в другое место. Жителей в нем — купцов христианских 4, купцов еврейских 6, мещан христианский 203, еврейских 684; всего 900 человек; годовой доход города 1 390 р. 4 $^{1}/_{2}$ к., а расход 1 194 р. 51 $^{3}/_{4}$ к.» В 1812 г. здесь был укрепленный лагерь и главная квартира армии Барклая-де-Толли. Но на военном совете, в присутствии имп. Александра I, эту позицию решено было оставить, после чего армия двинулась к Витебску. В 1855 г. город сильно потерпел от разлива Двины и Дриссы. В 1878 г. Дрисса снова потерпела от наводнения. В настоящее время Дрисса разделяется на 28 кварталов. Восточная и южная части города во время половодья иногда затопляются водой. Торговля самая незначительная. Православных церквей в городе 2 (из них одна каменная), каменный римско-католический костел, 8 еврейских молитвенных домов, обывательских домов каменных 25, деревянных 525; магазинов и лавок каменных до 70, деревянных 82; разного рода промышленных заведений 14 с 30 рабочими. Жителей в Дриссе насчитывается до 5 750, в том числе евреев до 3 тысяч. Доходы города достигают 6 тыс. руб.

В 30 верстах к с.-в. от Дриссы лежит местечко Дриссенского уезда Освей (Освея); оно расположено на южном берегу обширного Освейского озера, при бывшем почтовом тракте из Полоцка в Режицу. Освей впервые упоминается в договоре между королем Александром и вел. кн. московским Иваном III в 1503 г. В 1505 г. тот же король отдал Освей воеводе полоцкому Станиславу Глебовичу. Позже Освей перешел к Кишкам, которые в 1600 г. продали его Льву Сапеге. В 1616 и 1633 гг. русские взяли и сожгли Освей. В 1749 г. Освей достался Гильзену, воеводе минскому, а в 1786 г., после

смерти Иосифа Гильзена, — Шадурским. На наследников возложена была обязанность содержать 60 бедных учеников в забельской гимназии доминикан и в освейском приходском училище. Затем этот фундуш в 1836 г. был переведен в витебскую гимназию. В Освее имеется одна православная церковь, римско-католический костел, четыре еврейских молитвенных дома, народное училище и лечебница. Главные занятия жителей — хлебопашество и торговля. Жителей обоего пола в Освее насчитывается 3 700, из них евреев 1 900. Домов каменных в местечке 16, деревянных 314.

За станцией Дриссой железный путь отступает от Зап. Двины. Верстах в 12 за станцией Дриссой на Риго-Орловской железной дороге расположен полустанок Сволна, при одноименной реке, приток р. Дриссы. За Сволной, верстах в 6, железный путь оставляет верстах в 2—3 к западу от себя местечко Волынцы.

Волынцы (Забелы) расположены на правом берегу р. Дриссы. Некогда эта местность носила название Окатевщины и принадлежала церкви св. Николая в Полоцком замке. Король Стефан Баторий отдал ее иезуитам. В это-то время местность и стала называться Волынцами от живших там поселян-волынцев. Затем местечко Волынцы достались Забельским-Щитам, построившим здесь в 1716 г. доминиканский костел. С этого времени доминикане завели здесь училище, возведенное в 1811 г. на степень гимназии. По закрытии гимназии в Забелах-Волынцах в 1836 г. фундуш Гильзепа-Шадурского из Волынцев был переведен в Витебскую гимназию, где на этот счет воспитывалось сорок учеников. В местечке Волынцах имеется одна православная церковь, римско-католический костел, еврейская молитвенная школа, церковноприходская школа и сельский врач. Главные занятия жителей — торговля и хлебопашество. Жителей в Волынцах 1 250, в том числе евреев 850. Домов каменных в местечке 2, деревянных 137.

Перейдя верстах в 9 за Сволной мостом р. Дриссу, Риго-Орловский железный путь затем, в 16 верстах от Сволны, достигает ст. Борковичей, грузящей до 170 тыс. пудов главным образом хлебных грузов. От Борковичей к юго-западу идет 12-верстная почтовая дорога на уездный город Виленской губернии Дисну, описанный в X томе «России» и расположенный на Зап. Двине.

Верстах в 5 ниже г. Дисны (Виленской губернии) почти посредине р. Западной Двины (на отмели), ближе к правому берегу, между д. Наковниками на правом берегу и корчмой Осиновкой на левом, лежит так называемый Борисов камень. Высота камня около 2 3/4 аршина а окружность около 15 аршин. Этот камень по преимуществу известен под названием «Писаника», а также «Борисоглебского». В 1818 г., когда производилась очистка русла Двины от камней, затруднявших судоходство, камень взрывом был расколот пополам вдоль, причем была сорвана верхушка его. Надпись, кроме верхней части, однако не была повреждена. Часть верхушки была найдена впоследствии. Надпись на камне надо читать так: «Ника. Господи, помози рабу своему Борису». В 2 верстах от этого камня, на самой середине р. Двины, между деревней Болотками с правой стороны, а с левой — имением Повянушкой, лежит самый большой из Борисовых камней. Поверхность камня, сероватого гранитного валуна, довольно гладка и ровна. Камень этот виден только во время самой малой воды. Подставка креста представляет полушар с каким-то неясным изображением внутри, по всей вероятности, черепа, часто изображаемого у подножия крестов. Надпись сделана искуснее, чем на остальных камнях, и, за исключением некоторых уничтоженных временем букв, читается легко. Ее надо читать так: «ИС. ХС. Ника. Господи, помози рабу своему Борису». Еще так называемый Борисов камень, красноватого гранита, лежит у левого берега Зап. Двины, почти рядом с третьим, близ впадения в Двину реч. Повянушки. В 1879 г. по поручению гр. Уварова М.Ф.Кусцинский доставил этот камень в Москву в археологический музей. Ныне же камень находится в историческом музее. На этом камне иссечен четырехконечный крест на полукруге. Надпись очень хорошо сохранилась, но смысл ее загадочен. Иссечение креста и надписи на этом камне следует отнести к более позднему времени, чем надписи на остальных камнях: и форма креста, и самая надпись совсем иного характера. Надпись на этом камне некоторые читают так: «Сильный, храбрый, Борис свят». Вернее, кажется, читает ее проф. Петров, а именно: «Сулибор крест свят»; следовательно, крест иссечен каким-то Сулибором, а не Борисом.

Верстах в 15 к в. — с.-в. от села Борковичей, при р. Дрисса, на большой дороге из Полоцка в Себеж, расположена в Полоцком уезде д. Сивошино, или Сивошин Перевоз. Здесь, на крутом берегу р. Дрисса, на небольшом возвышении был воздвигнут в 1830 г., по повелению имп. Николая I, изящный памятник, обнесенный железной решеткой в воспоминание того, что на этом месте в 1812 г. ген. Я.П. Кульнев был смертельно поражен ядром, оторвавшим ему обе ноги. На памятнике выгравирована часть известных стихов, посвященных Жуковским Кульневу: «Где Кульнев наш, рушитель сил»... и пр. Близ той же дороги в Себеж, к с.-з. от Сивошина, верстах в 3 лежит село Соколище. Здесь, при впадении р. Нищи в Дриссу, в углу,

образуемом слиянием этих рек, русские в 1566 г. построили сильно укрепленный замок Сокол. Он был окружен деревянной стеной с 11 башнями, валом и рвом. 11 сентября 1579 г. после отчаянного сопротивления замок был взят поляками, причем он сгорел до основания. В 1812 г. здесь временно был погребен герой отечественной войны генерал-майор Я. П. Кульнев, убитый, как мы только что говорили, в 1 версте отсюда, у Сивошина. Впоследствии тело его было перенесено и погребено в селе Ильзенберг-Кульнев, в 11 верстах от г. Режицы.

Верстах в 20 к северу от Сивошина по Себежской большой дороге лежит в Дриссенском уезде, на р. Нище, село Клястицы. Здесь находится памятник в честь победы 18—19 июля 1812 г. войсками гр. Витгенштейна над французами, состоявшими под началом маршала Удино.

Возвращаемся к Риго-Орловской железной дороге. Верстах в 9 за Борковичами находится полустанок Адамово, последний в пределах Дриссенского уезда.

К ю.-з. от Адамова, верстах в 8, расположена д. Кушлики. В 1661 г., 3 ноября, здесь были разбиты русские войска под начальством кн. Хованского и Нащокина. На другой день битвы в легерь прибыл польский король. Доныне сохранились здесь ясные следы окопов. Около 1597 г. имение Кушлики составляло одно из старост Полоцкого воеводства. С того времени Кушликами владели кн. Соломерецкие, Нарушевичи, Войны, Щиты, Шпаковские, Яблонские, Гильзены, наконец, на основании привилегии короля Августа III, данной в 1760 г., — Корсаки. Здесь же, у д. Якубово, начинается граница так называемых инфлянтских уездов Витебской губернии. В 1660 г., по Оливскому договору, большая часть Ливонии, а именно города Рига, Дерпт, Венден, Вольмар, Феллин, Пернава и Валк отошли к Швеции. С этого времени здешняя часть Ливонии стала известна у поляков под именем Инфлянт Шведских. Полякам же досталась другая, меньшая часть прежней Ливонии, состоявшая из древних войтовств рыцарей — Динабургского, Режицкого, Люцинского и округа Мариенгаузенского. Эта часть Ливонии и стала с тех пор называться Инфлянтами Польскими, составлявшими воеводство Инфлянтское, которое с 1677 г. стало именоваться княжеством.

Дриссенский уезд, расположенный по правую сторону р. Зап. Двины и по нижнему течению р. Дриссы, занимает площадь в 2 569 кв. верст с населением 98 тыс. душ (38 жителей на кв. версту). Почва его суглинистая и супесчаная. Леса составляют около 34% площади уезда (90 тыс. десятин) и сосредоточены преимущественно в северо-восточной части его, пашня составляет 31 $^1/_2$% (83 т. д.), луга и выгоны 20% (53 т. д.), болота и пески — 14% (37 т. д.). В северной части уезда расположено обширное Освейское озеро с довольно значительным островом. Главное занятие жителей — земледелие; промышленность развита слабо.

За полустанком Адамово, верстах в 8, при полустанок Боровуха Риго-Орловский железный путь снова сближается с р. Зап. Двиной. Пройдя за полуст. Боровуха верст 15, железная дорога достигает станции Полоцк, при одноименном городе и на пересечении со строящейся Бологово-Седлицкой железной дорогой. Ст. Полоцк грузит до 1 $^1/_2$ млн. пудов преимущественно хлебных грузов.

Полоцк (Полтеск, Palteskja, Polocia, Polocium, Ploskow), уездный город Витебской губернии, расположен при впадении р. Полоты в Зап. Двину. Это один из древнейших русских городов. О древнейшей истории собственно города Полоцка не дошло подробностей. В литовских летописях говорится: «Город Полотеск и мужи полочане вечем ся справовали, как великий Новгород». Ученые полагают, что Полоцк — колония Новгорода, а потому и все новгородские порядки усвоены Полоцком: грамоты полоцкие носили форму грамот новгородских, соборный храм и в Новгороде, и в Полоцке носили одно название св. Софии, и пр. В древних скандинавских сагах задолго до Рюрика находятся известия о Полоцке (Palteskja) как о богатом и сильном владении, имевшем своего государя, находившегося в некоторой зависимости от Новгорода. Упоминается о полоцком кн. Пальтесе (Paltes), который находился под рукой новгородского кн. Квиллана (Kvillanus). Наш древнейший летописец под 862 г. говорит: «(Рюрик) раздая мужем своим грады, новому Полотск... Перьвии насельницы полотьски кривичи». В 980 г. в Полоцке появился самостоятельный кн. Рогволод, который «пришел из заморья»; у него была дочь Рогнеда. Св. Владимир, искавший руки Рогнеды, получил отказ и подступил с войском к городу. Рогволод и его два сына были убиты, а Рогнеда силой взята замуж. Впоследствии Владимир, удалив от себя Рогнеду-Гориславу, которая хотела его убить, и сына Изяслава, дал им в удел Полоцк. Таким образом, Изяслав является родоначальником полоцкого княжеского рода. При сыне его Брячиславе началась продолжительная борьба полоцких князей с киевскими. Брячеслав умер в 1044 г. Ему наследовал знаменитый князь-чародей Всеслав, упоминаемый в «Слове о полку Игореве» (см. выше). Всеслав также боролся с киевскими князьями; о страшной его битве над р. Немигою (близ Минска) также упоминается в «Слове о полку Игореве» (см. выше). Кн. Всеслав успел не только сохранить

свою вотчину, но значительно распространил ее пределы. При преемниках Всеслава борьба между Изяславичами и Ярославичами продолжалась. Наконец в 1127 г. великий кн. киевский Мстислав Владимирович со всеми подвластными ему князьями напал на полоцкие земли; взяв Полоцк в 1129 г., Мстислав назначил туда князем своего сына Изяслава, а князей полоцких с женами и детьми отправил в ладьях в Византию. Недолго были киевские князья в Полоцке: в 1132 г. полочане на вече решили изгнать их и призвать Василька Рогволодовича, возвратившегося из Константинополя. С 1160 по 1180 г. в Полоцке княжил Всеслав Василькович; любимый князьями, он умел ладить с вечем. С конца XII в. в дела Полоцкого княжества начали вмешиваться князья литовские. О первых столкновениях князей полоцких с литовцами также упоминается в «Слове о полку Игореве».

Двина болотом течет к полочанам
Грозным, под кликом поганых.
Один Изяслав Василькович
В шлемы литовские острым
мечом позвонил и, затмивши
Славу деда Всеслава,
прикрытый стальными щитами,
Пал на кровавой траве под ударами
сабель литовских;
Слег на кровать и сказал:
«Князь, дружину твою удалую
Крыльями птицы одели,
а звери кровь нализали!»
Ни Брячислава с ним не было,
ни Всеволода: один он
Выронил пышно-жемчужную
душу из храброго тела
Сквозь золотое свое ожерелье.
Поникло веселье;
Смолкли печальные песни...

Но литовские князья долго не могли утвердиться в Полоцке. В конце XII в. кн. полоцким стал Борис. Двум сыновьям своим Борис дал в удел Двинскую область. По смерти Бориса полоцким кн. явился Владимир (1216 г.). Этот князь сначала позволил немцам, основавшимся при устье Двины, обращать в христианство ливов, бывших в зависимости от полоцких князей, но после долго боролся с быстро возраставшим могуществом архирижского епископа. Последним князем полоцким из дома Изяслава Владимировича считают Брячислава, господствовавшего над княжествами Полоцким и Витебским. Брячислав жил в Витебске. Затем в Полоцке княжили уже князья литовские; первым таким князем был Товтивил, племянник вел. князя литовского Мендовга. Товтивил был в родстве со святым великим кн. Александром Невским: он был женат на дочери кн. полоцкого и витебского Брячислава, сестре супруги благоверного князя. После убиения Товтивила в Полоцке князем явился Эрден, или Герден, от которого сохранилась грамота о заключении им в 1264 г. договора с ливонским гросмейстером. Затем, как видно из другой сохранившейся грамоты, которую относят к 1265 г., князем в Полоцке был Изяслав. Товтивил или один из его преемников, приняв крещение, подчинил Полоцк верховной власти рижского архиепископа. Но впоследствии рыцари ливонского ордена, враждовавшие с архиепископом, уступили за денежное вознаграждение верховное право на Полоцк великому князю литовскому, за что папа Климент V в 1309 г. сурово укорял рыцарей. Воспользовавшись приобретением этого права, литовский кн. Витень подчинил себе Полоцк в 1307 г. С этого времени Полоцк находился в управлении Воина, брата Витеня и Гедимина. Любко, сын Воина, погиб в 1341 г. в стычке с рыцарями, а затем Полоцк перешел, вероятно, после смерти самого Воина, во владение кн. Андрея Вингольта, старшего из сыновей Ольгерда Гедиминовича (около 1343 г.). Когда Ягайло сделался вел. кн. литовским, Андрей открыто восстал против него. Благодаря содействию дяди своего Кейстута Ягайло отнял у Андрея Полоцк. Андрей бежал в Псков, а оттуда в Москву. Полоцк был отдан кн. Андрею Горбатому, сыну Кейстута; но затем Ягайло назначил туда Скиргайла. Впоследствии кн. литовский Витовт окончательно уничтожил самостоятельность Полоцка, обратив его в воеводство. Из грамоты Казимира Ягайловича 1441 г. видно, что Полоцк был в то время одним из главнейших литовских городов. В 1450 г. король Казимир посетил Полоцк. В 1456 г. он дал Полоцку уставную грамоту. В ней король приказывал, чтобы бояре, мещане, городские дворяне и все поспольство жили в согласии и чтобы городские дела решали вместе согласно, по старине, и сходились бы все на том месте, где прежде издавна сходились. В 1470 г. король Казимир со своей супругой прожил целую неделю в Полоцке. В 1495 г. прибыла в Полоцк дочь вел. кн. московского Ивана III Елена, невеста вел. кн. литовского Александра. Великая княжна была встречена с большим почетом в 1 1/2 версты от города; она направилась прямо в Софийский собор, где ее встретил архиепископ со всем духовенством и благословил ее крестом. Затем великая княжна села в «тапкану» (колесницу) и поехала в приготовленный для нее дворец. На другой день она слушала обедню в церкви св. Софии; после обеда Елена Ивановна отправилась в Вильну. С начала XVI в. великие князья московские старались всячески овладеть Полоцком. В 1517 г. король Сигизмунд I прибыл в Полоцк и лично осмотрел городские ук-

репления. В следующем году русские снова осадили Полоцк, но воевода Гаштольд принудил их отступить. Наконец, в 1563 г. Иван Грозный с большим войском и «нарядом» подступил к Полоцку. 31 января город был осажден, а 15 февраля сдался. Воевода полоцкий Довойна и епископ Арсений были отосланы в Москву: «А которые были в городе жили люди жидове, и князь великий велел их и с семьями в воду речную вметати, и утопили их». Иван Грозный принял титул князя Полоцкого. Защиту Полоцка царь вверил кн. Петру Шуйскому, повелев ему исправить все городские укрепления. После молебна в Софийском соборе 26 февраля Иван Грозный выступил из Полоцка. Но спустя 17 лет, 30 августа 1579 г., после неимоверных усилий Полоцк был взят королем Стефаном Баторием. Добыча, найденная в Полоцке, обманула ожидания осаждавших; самую драгоценную часть ее составляла библиотека, содержавшая в себе много летописей и творений св. отцов греческих в славянском переводе: все это погибло. В 1580 г., 12 июля, король Стефан Баторий присутствовал при заложении в Полоцке иезуитского коллегиума. По договору 1582 г. Полоцк остался за Польшей. В 1600 г. в городе и его окрестностях был большой голод, а после — моровая язва; в одном Полоцке умерло до 15 тыс. человек. В 1633 г. русские овладели городом, большая часть которого сгорела. В 1654 г. войска царя Алексея Михайловича вступили в Белоруссию. «Города, писали поляки с театра войны, — угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское... Мужики молят Бога, чтобы пришла Москва». 17 июля Шереметьев приступил к Полоцку и вступил в него почти без боя. В 1656 г., 5 июля в субботу, прибыл в Полоцк царь Алексей Михайлович. При въезде в город он встречен был жителями и духовенством; игумен Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич говорил царю речь. 9 июля в присутствии государя была освящена церковь Преображения Господня, построенная еще в XII в. преп. Евфросинией, кн. полоцкой; 13 июля был освящен Софийский собор. Пробыв в Полоцке 10 дней, тишайший царь выехал к войску под Ригу. Из-под Риги 12 октября Алексей Михайлович вторично посетил Полоцк. По миру, заключенному в 1667 г., Полоцк был возвращен Польше. В 1705 г., 12 июня, прибыл в Полоцк имп. Петр Великий и остановился в кельях Спасо-Евфросиниевского монастыря, принадлежавшего тогда иезуитам. В Полоцке он пробыл до 12 июля. Во время этого пребывания Петра I в Полоцке в Софийском соборе разыгралась известная сцена: четыре базиалианских монаха были убиты; император издал по этому поводу особый мемориал. В 1772 г., 28 мая, Полоцкое воеводство было присоединено к России, переименовано в провинцию и вошло в состав Псковской губернии. Из белорусских провинций, вошедших в состав Полоцкой губернии, было повелено 24 августа 1776 г. составить Полоцкую губернию, губернским городом которой 22 марта 1777 г. был утвержден Полоцк. 10 января 1778 г. эта губерния была переименована в наместничество. В 1793 г. к Полоцкому наместничеству были присоединены нынешний Лепельский уезд и часть Полоцкого, лежащая по левой стороне Двины. В 1796 г. Полоцк как уездный город вошел в состав Белорусской губернии, наконец в 1802 г. он вошел в состав Витебской губернии. В 1778 г., 3 ноября, было повелено учредить для Полоцкого наместничества главное народное училище. В 1780 г., 9 мая, имп. Екатерина II посетила Полоцк. Три дня пробыла здесь императрица с многочисленной свитой из русских и поляков. «С тех пор, как я здесь, постоянный куртаг», — писала государыня. 12 мая Екатерина II отбыла из Полоцка. В 1780 г. цесаревич Павел Петрович с супругой Марией Федоровной по пути за границу пробыли в Полоцке три дня, 27—29 сентября. Имп. Александр I три раза был в Полоцке — в июле 1802 г., в октябре 1807 г. и в октябре 1812 г. В январе 1812 г. иезуитский коллегиум был переименован в академию и ей предоставлены все права университетов. В отечественную войну маршал Удино занял 14 июля Полоцк; затем его сменил маршал Сен-Сир. В руках французов Полоцк оставался по 8 октября, когда после трехдневного боя гр. Витгенштейн взял город. 26 августа 1850 г. в присутствии наследника цесаревича Александра Николаевича был открыт памятник в честь воинов, павших при взятии Полоцка.

Полоцкая православная епархия после туровской древнее всех в Северо-Западном крае. Христианство, без сомнения, утвердилось в Полоцке уже при кн. Владимире ; есть известие, что храм св. Софии на Верхнем замке построен или кн. Владимиром, или Изяславом. Учреждение полоцкой епархии относят к 992 г. В летописях первым из полоцких епископов упоминается Мина, посвященный в этот сан в 1105 г. Внучка знаменитого кн. Всеслава Евфросиния, в мире Предслава, основала два монастыря близ Полоцка — Спасский и Богородицкий. В 1173 г. она отправилась в Иерусалим и там скончалась. Мощи ее почивают ныне в киевских пещерах. В Спасском монастыре доныне сохранился храм, построенный преп. Евфросинией, и драгоценный крест ее, сделанный, по всей вероятности, в Полоцке. К тому же времени надо отнести и основание Борисоглебского, или Бельчицкого, монастыря за р. Двиной, над р. Бельчицей. Этот монастырь построен, быть может, еще

кн. Борисом Всеславичем (1128 г.), которого литовские летописи называют Борисом Гинвиловичем. Существующая ныне в этом монастыре Борисоглебская церковь построена не позже XIII в., Мирно насажденное православие в Полоцке мирно же продолжало и свои благотворные завоевания. Князья литовские, сталкиваясь с русскими, принимали крещение и православное исповедание. В 1511 г. Сигизмунд I приказал именовать полоцких владык архиепископами. Полоцкие иерархи и в прежнее время назывались иногда архиепископами, иногда же только епископами или владыками полоцкими. Лука (1488—1503) первый, кажется, стал именоваться полоцким и витебским, а преемники его — архиепископами-владыками полоцкими и витебскими, а затем и мстиславскими, хотя, без сомнения, эти земли уже с древнейших времен входили в состав полоцкой епархии. Иван Грозный, взяв Полоцк, «учинил в своей отчине град Полоцку у Софеи Премудрости Божии архиепископью». Архиепископом был назначен Трифон, бывший епископ суздальский, а прежний архиепископ Арсений был отослан в Москву. Архиеп. Трифон и его преемники титуловались архиепископами полоцкими и великолуцкими и состояли в подчинении московскому митрополиту. Но в то же время польские короли назначали для полоцкой же епархии со своей стороны архиепископов, зависевших от киевской митрополии; они титуловались архиепископами полоцкими, витебскими и мстиславскими и управляли той частью полоцкой епархии, которая оставалась за Литвой. Стефан Баторий отнял Полоцк у русских, архиеп. Киприан, закованный в цепи, был сослан, король назначил епископом бывшего владыку витебского Феофана Рнинского. Ни в Полоцке, ни в Полоцком воеводстве не было еще в то время ни одного костела. Король вызвал иезуитов и отдал им все православные церкви и монастыри с отчинами и имуществом их. Появление католицизма в Полоцке надо отнести к началу XV в. В 1406 г. вел. кн. литовский Витовт уступил немецким купцам в Полоцке плац для построения костела. Но католицизм долго не находил последователей из местных жителей. Лучшим доказательством этого служат следующие слова иезуита Ростовского: «Во всей Полоцкой области считалось (в конце XVI в.) не более 10 дворян, исповедывавших католические догматы; в самом же городе (Полоцке) их было и того меньше». В таком же печальном положении был здесь и кальвинизм. Полоцкий кальвинский «збор» принадлежал к числу древнейших в Литве; он был построен в первой половине XVI в. «Збор» этот и все принадлежавшие к нему строения были деревянные и во время войны короля Яна Казимира с Россией были сожжены до основания. «Збор» существовал до 1660 г.; плацами и прочим имуществом, принадлежавшим кальвинистам, завладели иезуиты. В конце XVI в. появилась уния. Но в самое трудное время борьбы православных с униатами оплотом первых всегда являлась Богоявленская обитель. С присоединением Белоруссии к России униаты массами принимали свою прародительскую веру. 30 апреля 1833 г. была восстановлена древняя полоцкая православная епархия. В 1839 г. «отвергнутые насилием воссоединены любовью».

Первые более или менее точные описания города и замков полоцких мы находим у Гейденштейна, современника и историка короля Стефана Батория. «Полоцк, — пишет Гейденштейн, — состоит из двух замков — Верхнего, лежащего на возвышенном месте, и Нижнего, или как его называют москвитяне, Стрелецкого (arx sclopetariorum), — и города Заполотья. Город некогда стоял на левой стороне Полоты внизу холма». По другим сведениям, город собственно уже с древнейших времен был расположен там же, где и во второй половине XVI в., т.е. за Полотой. Город, или Заполотье, в XVI в. со всех сторон был окружен деревянной стеной и глубоким рвом; улицы были узки, кривы; дома — низкие, деревянные, крытые дранью и даже соломой. Городские поселения тянулись вверх по течению Полоты до местности, известной некогда под именем Сельца (Спасо-Евфросиниевский монастырь). Длинный деревянный мост на сваях у самого почти устья Полоты соединял город с Верхним замком. Замок был обведен стеной с семью башнями, из которых восточная, каменная, известная под именем Красной, или Королевской, отличалась от прочих своими размерами и великолепием. На Верхнем замке находился соборный храм св. Софии, несколько церквей и монастырей, а некогда и княжеские терема. В 1563 г., при взятии Полоцка Иваном Грозным, замки, разумеется, сильно пострадали, но затем немедленно были исправлены. Во время штурма короля Стефана Батория замки снова сильно пострадали. В 1647 г. возобновленный замок был приведен в оборонительное состояние. Воевода Шереметьев, взяв Полок, послал государю в 1655 г. подробные сведения о полоцких замках. Верхний замок был укреплен «тыном стоячим из соснового лесу» с 9 башнями (Красная, Проезжая, Гуська, Рождественская, Башня-фортка, Новая, Воеводская, Мошна, Боярская). В окружности замок имел 668 сажен. Нижний замок был окружен «рублеными тарасами». Здесь было 7 башен (Варварская, Мироновская, Ложная, Ильинская, Скарбная, Невельская, Кабыльчина). В окружности Нижний замок имел 1 117 сажен. Посад (Задвинье) был ок-

Полоцкъ.

1. *Спасо-Евфросиньев монастырь.* 2. *Улица в Полоцке.* 3. *Общий вид Полоцка с Западной Двины.*

ружен рвом и укреплен «надолбами»; в окружности посад имел 340 сажен. Имп. Екатерина II поручила генерал-инженеру Бауру осмотреть местности Полоцка, Сенна, Могилева, Быхова, Рогачева, Будилова и Толочина и доложить ей, какие из них можно укрепить. Баур донес 7 ноября 1780 г. следующее: «Надежнейшей и твердой крепости в Полоцке нельзя построить, а на берегу Двины для малого числа людей сделать большое каменное укрепление». Но этого укрепления сделано не было. В 1812 г. «город, окруженный двойным палисадом и глубоким рвом, был отлично приспособлен к обороне». В настоящее время, кроме еще заметных валов Нижнего замка, от полоцких замков ничего не осталось.

Полоцк, некогда игравший весьма видную торговую роль, в настоящее время почти не выделяется из числа средних уездных городов. «Берега Двины серебряные, а дно ее золотое», — говаривал царь Иван Васильевич. Говоря так, покоритель Полоцка, конечно, имел в виду торговое значение реки; прекрасно понимали это и полочане. Еще до нашествия немцев полочане вели торговлю с остр. Готландом. Затем центром торговли стала Рига. В 1229 г. смоленский князь Мстислав Давидович заключил торговый договор с Ригой, в договор был включен и Полоцк. Здесь уже в начале XV в. существовала немецкая торговая контора. Торговые сношения между Ригой и Полоцком происходили летом по Двине, а зимой — по сухопутной дороге. Главным из привозных товаров были соль, шерстяные изделия, полотно, разного рода металлы, сельди, вино. Вывозились воск, меха, шкуры, кожи, сало, зола и деготь, наконец лен и пенька. Затем, начиная с XVII в., торговля Полоцка начала клониться к упадку. Ни о числе жителей, ни о числе домов в древнем Полоцке нет никаких сведений. В XVI в. он был богаче Вильни и в нем считалось более 100 тыс. жителей. В конце XVIII в., именно в 1780 г., в Полоцке было всего 360 деревянных домов и ни одного каменного. Мещан-христиан было 437, евреев 478, да кроме того незначительное число дворян и чиновников. В 1810 г. мещан-христиан было 4 332 (из них католиков более тысячи, лютеран 120, старообрядцев 300), евреев 3531. В 1817 г. всех жителей обоего пола считалось в Полоцке 3.340 чел. Частые нападения русских, особенно усилившиеся с начала XVI в., а также разного рода физические бедствия способствовали тому, что из обширного и богатого города Полоцк превратился во второстепенный, каким он и является в настоящее время. Так, в 1566 г. много народа умерло от чумы, умер от нее и архиеп. Трифон. Лишась священников, церкви оставались без службы. В 1600 г. в городе и его окрестностях был большой голод, а затем язва, причем умерло до 15 тыс. жителей. С 1741 по 1746 г. в Полоцке свирепствовал голод, причем умерло много людей. От холеры, свирепствовавшей в 1831 г., умерло 569 чел. Не менее гибельны были пожары. О пожаре, уничтожившем многолюдный посад у подошвы замков во время осады Полоцка Иваном Грозным, сказано выше. Во время осады Полоцка королем Стефаном Баторием русские, потеряв надежду защитить город (Заполотье), вынесли оттуда все и подожгли его. Пожары 1709, 1738, 1750, 1753 и 1770 гг. также сильно содействовали уменьшению населения Полоцка. Во время погрома 1812 г. много домов в Полоцке было повреждено ядрами, многие совсем разрушены, другие сожжены. В 1837 г. пожар истребил до 300 обывательских домов, кроме казенных. Сильный пожар 1848 г. истребил лучшую часть города. В 1862 г., 6 июля, сгорело 155 домов, в том числе 24 казенных, а город потерпел убытки до 500 тыс. руб. От этого пожара город и до сих пор не оправился: многие дома остаются еще в развалинах. Часть Полоцка, расположенная по левую сторону Двины, разделена на 25 кварталов. Юго-западная часть города, расположенная по правым сторонам Двины и Полоты, разделена на 10 кварталов; это — Заполотье. Наконец, часть города по правой стороне Двины и по левой р. Полоты разделена на 96 кварталов; здесь, вблизи устья рек Двины и Полоты, находился прежде замок.

В Полоцке, несмотря на более чем тысячелетнюю его историю, так же как и Витебск, почти не сохранилось памятников древности, и только названия некоторых частей города указывают на его бывшее величие. В Верхнем замке находится прекрасный Софийский собор. Нынешний собор построен в 1750 г. на месте древнего, только весьма незначительная часть древнего храма вошла в состав нового. Но особенного внимания заслуживает храм Христа Спасителя, находящийся в Спасо-Евфросиниевском монастыре, на окраине Полоцка. Храм этот сооружен преп. Евфросинией, кн. Полоцкой (1173 г.) и сохранился почти в первоначальном виде. На площади, прямо против Николаевского собора (бывший иезуитский костел) и кадетского корпуса, в 1855 г. открыт памятник событиям 1812 г. Из зданий города следует упомянуть кадетский корпус, открытый в 1835 г., и учительскую семинарию, открытую в 1872 г. Православных церквей и соборов в Полоцке имеется 3 каменных, монастырь каменный, единоверческая церковь каменная, раскольничья молельня деревянная, костел каменный, кирха лютеранская каменная, еврейских молитвенных домов 5 каменных и 18 деревянных. Учебные заведения — кадетский кор-

пус, учительская семинария, мужское духовное училище, начальная женская школа и др. Домов каменных 156, деревянных 1 403, магазинов и лавок каменных 226, деревянных 272. Разного рода промышленных заведений 34 с 98 рабочими. Жителей в Полоцке свыше 23 тыс., в том числе евреев 10 200. Доходы города простираются до 35 $^{1}/_{2}$ тыс. рублей.

В 5 верстах ниже Полоцка, почти у самого левого берега Зап. Двины, близ двух оврагов, известных под названием Прорыток, против мызы Гераквиль, лежит большой камень с надписью XII в. Камень — полевой шпат красноватого цвета. Поверхность его вследствие выветривания весьма неясна. Камень этот известен у народа под именем «Бориса» или «Бориса-Глеба». Надпись на нем читается так: «ХС. Ника. Господи, помози рабю своему Борису». Кн. Борис, упоминаемый в этой надписи — по всей вероятности, Всеславич, умерший в 1128 г. В 5 верстах выше Полоцка по Зап. Двине находится Струня — некогда летнее жилище бывших униатских архиепископов. Епископ Смогоржессий построил здесь церковь с двумя башенками у ворот и 12 небольшими круглыми часовнями, находящимися в каменой с зубцами стене, окружающей церковь. В церкви покоится прах униатского архиепископа Ираклия Лисовского (1809 г.), знаменитого предшественника митрополита Иосифа Семашки. Здесь сохранился обширный каменный дом с плодовым садом и рощей. Теперь в нем помещается тюрьма.

За Полоцком, верстах в 16, по Риго-Орловской железной дороге находится полустанок Горяны, за который железный путь отступает от Двины и в 33 верстах от Полоцка пересекает р. Оболь при одноименной станции. Станция Оболь грузит до 50 тыс. пудов лесных материалов и хлеба. За Оболью в 12 верстах находится станция Ловша, грузящая около 5 тыс. пудов лесных грузов и хлеба, а за Ловшей в 10 верстах — станция Сиротино, — последняя в Полоцком уезде, расположенная в 7 верстах южнее одноименного местечка и грузящая до 75 тыс. пудов хлебных грузов.

Полоцкий уезд, расположенный большей своей частью по правобережью Зап. Двины и только небольшей частью переходящий в левый берег этой реки, занимает площадь в 4187 кв. верст с населением 142 тыс. душ (33 жителей на кв. версту). Леса занимают в нем 38 $^{1}/_{2}$% всей площади (147 тыс. десятин), пашня — 24 $^{1}/_{2}$% (94 т. д.), луга и выгоны — 13% (49 т. д.), а болота и пески — 24% (91 т. д.). Почва в южной части уезда преимущественно глинистая и подзолистая, а в северной встречаются пески и моховые торфяники. Основное занятие жителей — земледелие со льноводством. Имеют некоторое значение промыслы, связанные с судоходством по Двине, отчасти лесные и отхожие вообще. Промышленность почти не развита в уезде.

Перейдя в Витебский уезд, Риго-Орловская железная дорога сначала проходит через полустанок Язвино, а затем в 19 верстах от Сиротина достигает станции Старое Село, где снова сближается с Зап. Двиной. Станция Старое Село грузит свыше 50 тыс. пудов лесных и хлебных грузов. За Старым Селом, пройдя полустанок Княжицу, в 19 верстах от Старого Села железный путь достигает губернского города Витебска, где пересекается с Петербурго-Витебской и Витебско-Жлобинской ж.д. Станция Витебск грузит до 200 тыс. пудов лесных и хлебных грузов. Миновав Витебск и перейдя мостом р. Западную Двину, Риго-Орловская железная дорога верстах в 11 за Витебском достигает полуст. Заболотинки. Далее, верст через 11, она выходит из пределов Витебского уезда в Оршанский уезд Могилевской губернии

Витебский уезд, расположенный по обоим берегам Зап. Двины, тотчас за впадением в нее р. Каспля и Усвята, занимает площадь в 2861 кв. версту с населением 101 тыс. душ (26 жителей на кв. версту). Волнистая его поверхность севернее Зап. Двины покрыта несколькими группами небольших озер. Леса занимают около 34 $^{1}/_{2}$% площади уезда (92 тыс. десятин), пашни — 31% (82 т. д.), луга и выгоны — 19 $^{1}/_{2}$% (52 т. д.), пески и болота — 14 $^{1}/_{2}$% (38 т. д.). Почва суглинистая и супесчаная, а в северо-восточном углу — песчаная. Главное занятие жителей — земледелие со льноводством. Некоторое развитие имеют судоходные и связанные с ними промыслы по Двине. Фабрично-заводская промышленность, за исключением самого Витебска и его ближайших окрестностей, мало развита.

Первая станция в пределах Оршанского уезда Могилевской губернии по Риго-Орловской губернии — Крынки, в 24 верстах от Витебска. Станция эта грузит до 80 тыс. пудов лесных и хлебных грузов. За Крынками, верстах в 9, находится полуст. Бобровка, а в 22 верстах — станция Шебекино, грузящая до 400 тыс. пудов хлебных и лесных грузов и расположенная при крупном торговом местечке Лёзне.

В 10 верстах за Шебекином Риго-Орловский железный путь достигает полустанок Знаменской, а в 18 верстах — станции Рудни, расположенной при р. Березине, Витебско-Смоленском шоссе и одоименном местечке и грузящей до 175 тыс. пудов лесных и хлебных грузов. В 1812 г. здесь произошла значительная стычка между казаками Платова и французами под начальством Себастиана. В местечке существуют две православные церкви, из

которых одна каменная. В церкви во имя Рождества Богородицы находится икона Божией Матери, явившаяся в 1687 г. и известная под именем Руднянской. Празднество ей совершается 12 октября. Жителей в местечке Рудня насчитывается до 3 тыс., в том числе евреев более 2 тысяч. В местечке есть народное училище, волостное правление и почтово-телеграфное отделение.

К северу от Рудни, верстах 10, при оз. Голибае, лежит местечко Микулин, или Городище. Оно расположено недалеко от границ Витебской и Смоленской губернии в живописной местности, на горе, окруженной с двух сторон озером, и на древнем городище, почему и называется в народе Городищем. В 1430 г. Микулин был причислен ко владениям Свидригайла. В XVII в. он состоял в Витебском повете и служил сборным пунктом польских войск, отправлявшихся к Москве. В 1720 г. здесь построил кн. Огинский бернардинский костел, существующий ныне в виде каплицы. Жителей в Микулине насчитывается до 1700, в том числе до 800 евреев. В местечке есть православная церковь, народное училище, церковноприходская школа и волостное правление.

Верстах в 12 за Шебекином по Риго-Орловской железной дороге находится полустанок Б. Плоская, а в 228 верстах — станция Голынки, грузящая 360 тыс. пудов лесных и отчасти хлебных грузов и находящаяся на самой границе Оршанского, Смоленского и Порецкого уездов.

К северо-востоку от станции Голынок, верстах в 27—30, расположено в пределах Порецкого уезда Смоленской губернии довольно значительное Касплинское озеро. Около него лежит очень важное село Каспля. Отсюда известная река того же имени становится сплавной. Каспля в глубокой древности играла весьма важную роль: она стояла на великом водном пути, соединявшем Днепр через Двину с Балтийским морем. Ростиславова грамота 1150 г. знает ее как важный торговый пункт, весьма выгодный для княжеской казны («а в Каспли 100 гривен, а из того епископу взяти 10 гривен»). И после Каспля не раз упоминается в актах древности как центр волости. Доселе близ села видны земляные насыпи — следы укреплений, построенных в 1609 г. боярином Шеиным. При учреждении наместничества в Смоленске Каспля была сделана городом, но впоследствии город был перенесен в Поречье.

Площадь Порецкого уезда равна 5 097 кв. верст. Здесь размещаются, как показала перепись 1897 г., 133 800 жителей. Северная часть уезда особенно болотиста, по поверхности ровная, в то время как южная — очень холмистая. Почва в значительной степени болотистая, отчасти подзольная, усеянная валунами, которые употребляются жителями для всевозможных каменных изделий (жернова, памятники). Несмотря на присутствие торфа, он не добывается. Орошение в уезде обильное (реки Каспля и Межа, обе отчасти судоходные, много озер). Вообще под реками, озерами и болотами (большей частью покрытыми лесом) находится до 11% всей площади (59 000 десятин). Леса, преимущественно хвойного, немало: 325 111 десятин казенного, 110 582 десятины принадлежащего частным владельцам, 3040 десятин — монастырям, городу и пр., 5307 десятин — крестьянским общинам; это составляет около 47% площади всего уезда. Правильного лесного хозяйства почти нет. В уезде заметно усиление крестьянского землевладения [с 1884 по 1896 г. крестьяне приобрели 11 641 десятину, в то время как дворяне с 1877 по 1887 г. потеряли 38 915 десятин (22%)]. Значительно возрастает также землевладение других сословий — купцов и мещан (60%). Крестьянское хозяйство во многих местах мало совершенствуется, но в некоторых деревнях чувствуется стремление к усовершенствованным сельскохозяйственным орудиям и к пользованию искусственных удобрений. Скотоводство незначительно; слабы также и промыслы, как отхожие, так и кустарные. Фабричная промышленность ничтожна.

Следующая полустанция Риго-Орловского железного пути в пределах Смоленского уезда — Лелеквино, а далее станция Куприно, находящаяся в 20 верстах от Голынок. Станция грузит до 200 тыс. пудов дров. Верстах в 5 за Куприным Риго-Орловская железная дорога у д. Ерши пересекается путепроводом с Московско-Брестской железной дорогой и далее идет параллельно ей. Следующая станция — Гнездово (в 9 верстах от Куприна) грузит до 15 тыс. пудов лесных материалов.

Местность вблизи Гнездова и Куприна не раз подвергалась археологическим исследованиям. Здесь было разрыто около 150 курганов гг. Сизовым и Соколовым. Особенно интересен оказался большой могильник, богатый всевозможными предметами (немало вещей из серебра, большой норманский меч, хранящийся в историческом музее в Москве и др.). Могильник этот относится, повидимому, к X в. В нем можно наблюдать все признаки сожжения, хотя, по всей вероятности, предметы, подвергшиеся ему, были перенесены на другое место, где и были закопаны. При оз. Куприне лежит с. Лодыжицы (в древности Лодейницы). Здесь, по всей вероятности, жители готовили ладьи для перегрузки товаров с Днепровского волока (сравн. Лодейное Поле в Олонецкой губернии). По актам XVII в. мы находим здесь церковь Рож-

дества Богородицы, а в волости — имени архангела Михаила.

В 12 верстах далее Гнездова Риго-Орловская железная дорога достигает губернского города Смоленска (описание см. выше), где и пересекается с Московско-Брестской и Богоявленско-Смоленской железными дорогами.

За Смоленском Риго-Орловский железный путь пересекает мостом р. Днепр и достигает верстах в 10 от Смоленска полустанок Дреснинской.

Село Дресна, находящееся недалеко от полустанка, упоминается еще в Ростиславовой грамоте как загородное владение епископов смоленских. В военном отношении эта местность замечательна рядом батарей, которыми поляки преградили Шеину отступление к Москве. Близ Дресны, на юго-восток и на юго-запад, за рославльской и даже за старой мстиславльской дорогой, лежат два селения, названия которых говорят об их происхождении. Это во-первых Районовка и Рай — так в древности назывались загородные дома князей. К юго-западу от Районовки мы встречаем с. Богородицкое, где находился Богородицын-Селищенский монастырь — место пребывания св. Авраамия.

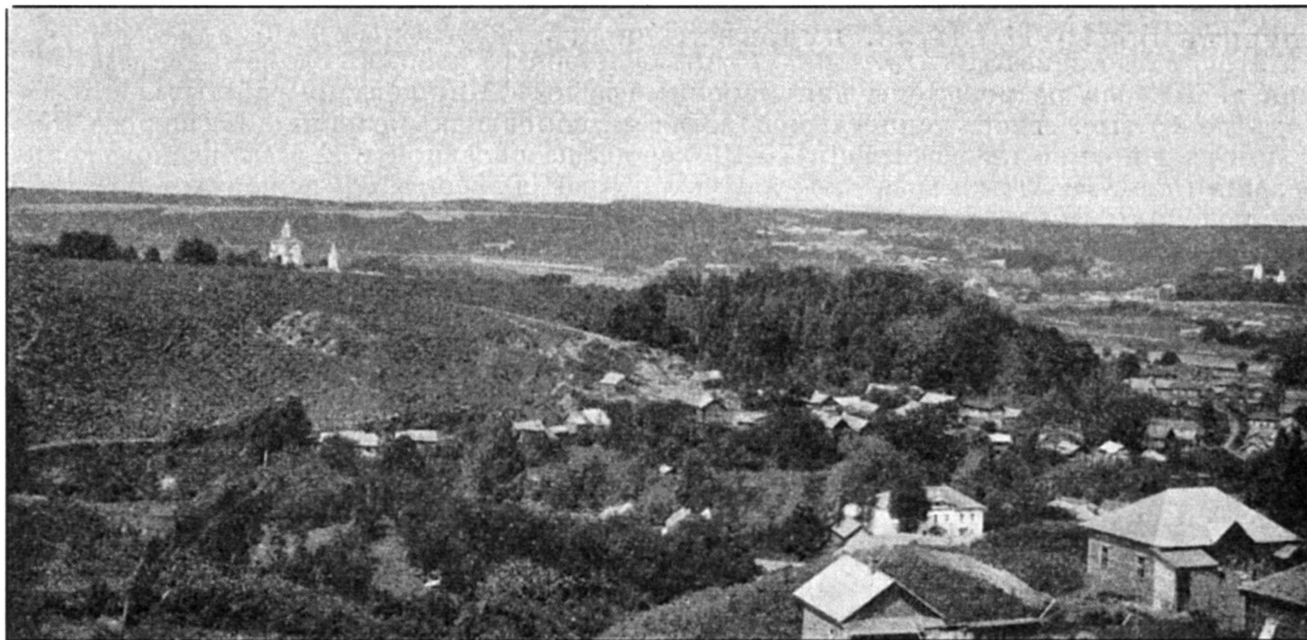
Следующая за Дреснинской полустанок — Тычинино (верстах 9).

К западу от полустанции лежит д. Войновщина (древняя Войщина), где еще в удельную эпоху смольняне встречали своих врагов с оружием в руках. Это был один из передовых охранных постов Смоленска. Западнее Войновщины, верстах в 10, при селе Сож, находятся истоки р. Сожа.

За Тычининим железная дорога в 29 верстах от Смоленска достигает станции Рябцево, грузящей более 400 тыс. пудов дров.

Верстах в 7 к в. — с.-в. от станции на Днепр расположено очень древнее село Верхние Немыкары. На ю.— ю.-в. от Рябцева, верстах в 3, мы упомянем д. Долгомостье, несколько раз встречаемое в исторических памятниках. Так, в житии св. Меркурия указано, что здесь проходили татары, а в XVIII в. мы застаем здесь населенное место с церковью во имя св. великомученика Георгия. На восток, в 3 верстах от Долгомостья, при д. Арефьино, производились значительные раскопки г. Сизовым. Все курганы оказались с признаками сожжения на насыпной земле; вместе с жженными костями найдено немало предметов гончарного и металлического производств. Верстах в 12 к ю.-з. от Рябцева, при р. Сож, находится селение с оригинальным названием Коркодиново. По-видимому это была одна из вотчин кн. Коркодиновых. Верстах в 20 к ю.-з. от Коркодинова, в Красинском уезде, лежит село Сумароково. Оно, по-видимому, привлекало к себе в древности значительное и смешанное население, о чем можно узнать по курганам, в которых заметны разные виды погребения. Верстах в 3 к северу от Сумарокова находится село Талашкино с имением и паровой мельницей кн. М.К.Тенишевой. В народной школе упомянутого Талашкина преподают пчеловодство и хоровое пение.

Верстах в 13 за Рябцевым Риго-Орловский железный путь достигает полустанок Пересны.

Вид из Смоленска на окрестности. (По фотографии Н.Н. Останковича).

К юго-западу от Пересны, верстах в 8, лежит на Орловско-Смоленском шоссе д. Мурыгино с почтовой станцией, а верстах в 15 от Пересны в том же направлении, на р. Сож, — д. Потемкино — одна из вотчин ставшей известной с XVIII в. дворянской фамилии. В окрестностях Потемкина известны залежи охры. К с.-в. от Пересны, верстах в 13, лежит д. Ляхово, известная по бою в 1812 г. Здесь 20 октября дивизия маршала Ожеро сдалась русским отрядам. В этой деревне собираются две ярмарки.

Верстах в 12 за Пересной Риго-Орловская железная дорога выходит из Смоленского уезда в Ельнинский.

Площадь Смоленского уезда равна 2824 кв. верстам. Почти весь уезд холмист: холмы рассекают уезд в разных направлениях, достигая иногда значительной высоты (980 футов). Почва главным образом суглинистая, ближе к Смоленску уже с большим преобладанием глины. Здесь местность покрыта известковыми валунами. По Днепру почва местами представляет чистый песок. Орошение уезда незавидное, так как Днепр тут мелководен, а притоки его сравнительно незначительны (Хмост, Большой и Малый Вопцы). Озер тоже немного; самое большое из них — Купринское, обильное рыбой. Лесу числится в уезде 51 865 десятин (17% всей площади). По переписи 1897 года, всех жителей в уезде было 98 700 человек (0,96% дворян, 0,48% духовенства, 1,2% мещан, 21 02% бывших государственных крестьян, 65 82% бывших владельческих крестьян). При этом главная масса населения (до 90%) — белорусы. По принадлежности земля распределяется так: крестьянской надельной земли 107 429 десятин (38,8%), частной 160 673 десятины (58%), казенной 2014 десятин (0,7%) разных учреждений и обществ 7049 десятин (2,5%); по угодьям — 87 490 десятины пахотной, 610 710 десятин сенокосов и пастбищ. Огородничество, садоводство и пчеловодство мало развиты; только в некоторых помещичьих имениях поддерживаются сады. Кустарная промышленность слабо развита, точно так же слабо развит и отхожий промысел; невелика и заводская промышленность.

Единственная станция Риго-Орловской железной дороги на окраине Ельнинского уезда Починок (в 27 верстах от Рябцева). Эта станция грузит более 1 $^1/_2$ млн. пудов лесных и хлебных грузов.

К востоку от Починка идет большая дорога на г. Ельню, а к западу — на г. Мстиславль. По первой дороге, в 2 верстах от станции Починка, при селе Лучесе, находится конный завод Измайлова, а верстах в 7 от Починка этот тракт оставляет к северу от себя, в версте, на границе Смоленского уезда д. Чижово — родину знаменитого Г.А. Потемкина, кн. Таврического. Верстах в 5 восточнее Чижова, при д. Маврине, расположены винокуренный завод Мишнева, вырабатывающий в год до 15 тыс. ведер спирта, и паровая мукомольная мельница Лыкошева. К ю.-в. от Маврина на расстоянии 7—10 верст, на сплавной р. Хмаре, расположены селения Ново-Ивановское и волостное Хмара, торгующие лесом. Близ первого известна с половины XIX в. железная руда (бурый глинистый железняк). Верстах в 8 от села Хмары, на ю.-в., между поворотом р. Стряной и истоками р. Остря находятся три естественных артезианских колодца. Отходящий к западу от Починка Мстиславский тракт версты через 3 пересекает Орловско-Смоленское шоссе, оставляя на нем к северу, верстах в 4, довольно значительное селение Смоленского уезда Прудки, а к югу на таком же расстоянии — село Шаталовку того же уезда с низшей Плещеевской сельскохозяйственной школой. Верстах в 20 от Починка, на Мстиславской большой дороге, в пределах Рославльского уезда, находится село Черепово. В этом селе замечательна церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, невольно останавливающая наблюдателя как своей оригинальной архитектурой, так равно внутренним благолепием и живописью. Это самая замечательная церковь в Рославльском уезде. Она обошлась созидателю ее Малышеву в 300 тыс. руб. В этом же селе есть и другая церковь, а также лесопильный завод Юкиных. К ю.-в. от Черепова, в том же Рославльском уезде, расположено довольно значительное село Рудня. Верстах в 8 от Черепова, уже в пределах Мстиславского уезда Могилевской губернии, лежит на р. Сож местечко Хиславичи, или Хославичи. Хославичи известны с начала XVI в.: в 1526 г., по грамоте мстиславского кн. Михаила Ивановича, они были приписаны к Спасской церкви в Мстиславле. В 1787 г. имп. Екатерина II обедала в Хославичах. Это лучшее, наиболее населенное и промышленное местечко Мстиславского уезда. Здесь ежегодно бывала ярмарка Глебо-Борисовская, или Успенская, обороты которой в прежнее время были весьма значительны: в 1863 г. товаров было привезено на 254 тыс. руб., а в 1881 г. — только на 90 тыс. руб.; теперь ярмарка еще более упала. В местечке насчитывается до 5100 жителей, в том числе евреев свыше 4700. Хославичи известны по скупке хлеба и льна. Здесь имеются две церкви, народное училище, еврейское училище, волостное правление, становая квартира и почтовое отделение. Верстах в 22 к югу от Хославичей на самой северной окраине Климовичского уезда, на р. Черной Немке лежит местечко Петровичи, имеющее до 2600 жителей, в том числе свыше 900 евреев. Местечко имеет церковь, народное училище и ев-

рейский молитвенный дом, торгует хлебом и пенькой. При Петровичах найден камень с древней непрочитанной надписью.

Возвращаемся к Риго-Орловской железной дороге. В 13 верстах от Починка она входит по границе Ельнинского и Смоленского уездов в Рославльский и достигает затем полустанции Васькова.

Верстах в 9 к ю.-в. от Васькова находится волостное село Ворошилово, где когда-то существовали бумажная фабрика и хрустальный завод. Верстах в 2 южнее Ворошилова при д. Боговки расположен лесопильный завод Рискера.

За Васьковом железный путь достигает ст. Стодолище (в 26 верстах от Починка). Эта станция грузит до 700 тыс. пудов главным образом лесных материалов. За Стодолищем, верстах в 12, лежит ст. Крапивенская, грузящая до 900 тыс. пудов, главным образом лесных материалов.

К востоку от полуст. Крапивенской, верстах в 10, в д. Раковке при р. Острике расположена паровая мельница Проктенкова. К западу от Крапивенской, верстах в 8, при д. Комаровке, видны очень большие курганы.

В 16 верстах от Крапивенской железная дорога достигает ст. Рославль, расположенной у одноименного уездного города и грузящей до 1 100 тыс. пудов хлебных и лесных грузов.

Рославль расположен при реках Становной и Глазомойке. Местоположение города довольно красивое. Речка Становная, перегороженная плотинами в городе и вне его и образующая довольно значительные озера, оживляет местность, а мельницы, устроенные на ней, увеличивают доходы города. Рославль — один из древнейших городов Смоленской губернии. Есть основание относить его построение еще ко времени Св. Владимира, если толковать место из летописи под 988 г. «нача ставити городы... и по Востри» именно в пользу Рославля, так как он один и находился в указанном месте. Есть указание даже в одном характерном прологе на то, что Рославль был дан в удел Ярославу Владимировичу. «Многи же сыны, — говорится там, — им Владимир от различных жен числом дванадцать и посади их по волостем... Ярослава в Рословъ». Но достовернее построение это нужно отнести ко времени Владимира Мономаха, а именно к 1098 г., как и указано в летописи: «заложи город на Востре». В уставной грамоте смоленской епископии 1150 г. мы встречаем Ростиславль. Но ясно, отчетливо он представляется в актах с 1408 г. В этом столетии он попадает в круговорот литовско-московской борьбы. Возвращенный в 1494 г. Москве, он потом вновь перешел к Литве. В 1613 и 1632 гг. русские брали его, но возвращали по Деулинскому и Поляновскому договорам. Окончательно утвержден Рославль за Россией в 1667 г. Замечательно, что Рославль стоял как раз на татарском пути, а потому и должен был быть хорошо укреплен; действительно, до сих пор мы видим там два укрепления: в самом городе — Бурцева гора (название не древнее); по мнению некоторых исследователей, это и есть именно Мономахов город, впоследствии цитадель с местами для пушек. На другой стороне р. Становной, уже за городом, находится другое укрепление — Сотниково городище. В 1812 г. Рославль почти совсем не пострадал: до него доходили лишь мародеры.

Реки Становная и Остер делят город на три почти равные части: Заречье, Юрьевскую гору и среднюю часть — собственно город. С Московско-Варшавским шоссе, в полуверстах от города, пересекается линия Смоленско-Орловского шоссе. Город имеет пять въездов: Московский, Брест-Литовский, Брянский, Мглинский и Смоленский. Главная улица, Брянская, вымощена, прочие — немощены. Церквей семь: Соборная, Успенская, Казанско-Пятницкая, Св. Духа, Воскресенская кладбищенская, Вознесенская, вновь сооруженная Рождества Богородицы и заштатный Спасо-Преображенский монастырь на левом берегу речки Становной, построенный в XIII в. При нем имеется уездное училище, а на правом берегу высится земляной вал. В соборной церкви хранится икона Иверской Божией Матери, привезенная в 1793 г. с Мальты помещиком Василием Сорневым. Два пожара 18 июля 1855 г. и 12 ноября 1857 г. опустошили лучшую часть города; в первый раз сгорело 142 частных дома и были повреждены три церкви; во второй раз сгорело 8 домов. Завоевание Риги и других балтийских портов, основание Петербурга и присоединение Белоруссии лишили Рославля немецкой торговли, почему торговля города вообще упала. Этому способствовало и уменьшение пчеловодства. Герб Рославльского уезда — два улья с золотыми пчелами — служит эмблемой главного прежнего богатства уезда. Но с открытием Порецкой пристани и с возобновлением водяного сообщения с Ригой Рославль получил значение по торговле хлебом. В городе существуют две ярмарки — Сырная, в сырную неделю (продолжается неделю), и Рождественская, с 8 сентября (продолжающаяся тоже неделю). Фабрик и заводов в городе довольно много; из них значительны две маслобойни и два кожевенных завода. Среди учебных заведений находятся мужская и женская прогимназии, духовное и техническое железнодорожное училища. В городе имеются две богадельни и четыре больницы. Население Рославля доходит до 19 тысяч.

Через Рославль, как мы выше упоминали, проходит с с.-в. на ю.-з. Московско-Варшавское шос-

се. На юго-запад от города оно направляется на местечко Кричев и г. Чериков Могилевской губернии. Верстах в 15 от Рославля шоссе оставляет к северу от себя, верстах в 7, на р. Остре волостное село Резаново с винокуренным заводом г-жи Ларионовой. На ю.-в. от шоссе, тоже верстах в 7, при д. Творожской есть женская община с приютом, основанным в 1865 г. Верстах в 22 от Рославля шоссе оставляет к северу от себя, верстах в 3, на р. Остре, село Пустосель с винокуренным заводом наследников Плотникова, производящим 6 тыс. ведер спирта в год. В 25 верстах от Рославля шоссе переходит в Климовичский уезд Могилевской губернии и близ границы оставляет, верстах в 4 к северу, местечко Шумячи. Далее, верстах в 45 от Рославля шоссе оставляет верстах в 8 к югу от себя местечко Милославичи. Наконец, в 60 верстах от Рославля шоссе ответвляет от себя при селе Домашеричи к югу 11-верстную большую дорогу на уездный город Климовичи Могилевской губернии.

Климовичи расположены при ручье Калинищи. Известность Климовичей начинается не ранее XVII в., именно с 1626 г., когда здесь был основан монастырь доминикан. В настоящее время никаких следов этого монастыря не осталось. Не сохранилось о нем даже предания. С 1720 по 1758 г. Климовичи принадлежали роду Беляецких, а в 1758 г. перешли к Голынским. В 1777 г. Климовичи были назначены уездным городом. План города утвержден в 1778 г., а герб дан в 1781 г. На гербе изображена золотая пчела, в знак изобилия в уезде меда. Городской сад занимает более 4 десятин. В городе две православные церкви, из которых одна каменная; кроме того, имеется три еврейские молитвенные школы и ремесленное училище. В городе разного рода промышленных заведений 15 с 28 рабочими. Жителей свыше 5 тыс., в том числе половина евреев. Доходы города достигают 4700 руб.

Верстах в 30 с небольшим к ю.-ю.-в. от Климовичей, у границы Чериковского уезда, на р. Жадунка лежит значительное местечко Костюковичи.

Направляющаяся от Рославля к с.-в. — на Юхнов — часть Московско-Варшавского шоссе в расстоянии верст от 15 до 30 от Рославля оставляет преимущественно к северу от себя ряд достойных упоминания селений. Ближайшее из них к Рославлю, Приселье, имеет стеклянный завод Л.З.Гуревича, основанный в 1874 г. и вырабатывающий оконного стекла в год на 75 тыс. руб. Далее, при д. Надворной, находящейся около самого шоссе, расположен существующий с 1884 г. лесопильный завод Полякова, вырабатывающий на 20 тыс. руб. в год. К северу от Надворного, верстах в 6 находится довольно значительное селение Утехово, версты 3 далее — Красная Слобода, а несколько к востоку — Михайловка. К северу от Михайловки расположена д. Большая Буда. «Буда» — общее название селений, обозначающее смоляной завод, указывающее к распространению здесь в старину перегонки смолы. Около шоссе есть еще Буда Кулешова. Верстах в 9 к с.-в. от Б.Буды, на р. Десна, составляющей здесь границу Ельнинского уезда, расположено село Троянова Слобода. Название селения указывает на его древность: еще в «Слове о полку Игореве» говорится «рища в тропу Трояню», причем, комментаторы «Слова» обыкновенно стараются связать это место с известным Трояновым валом в Бессарабии, между тем как «тропа Трояня» может быть и в рославльских лесах, тем более что под именем упоминаемого в «Слове» несколько раз Трояна, по мнению некоторых новых исследователей, можно подразумевать популярного в древней Руси кн. Олега Гориславича, так как слово «троян» обозначало, по-видимому, человека догадливого, способного, выдающегося по дарованиям. К югу от шоссе лежит село Луги с двумя церквами, известное в окрестностях своей иконой св. Николая Чудотворца, относимой ежегодно с крестным ходом к невдалеке лежащему источнику, вода которого имеет серный запах и считается целебной.

От Рославля к югу идет большая дорога в Черниговскую губернию. На этом пути, в 12 верстах от Рославля, лежит довольно значительное село Гореново. Далее дорога по р. Челкне, притоку Ипути, спускается к этой последней и долиной Ипути направляется в Черниговскую губернию. В 12 верстах за Гореновом, при д. Ворге, имеется стекольный завод Мухина со 160 рабочими, основанный в 1855 г. и вырабатывающий оконного стекла на 68 тыс. руб. в год. За Воргой, верстах в 6, находится довольно значительное селение Рудня, а за последним, верстах в 10 с. Блинные Кучи, кругом которого разбросаны курганы, частью уже подвергшиеся раскопкам. Местное предание приписывает их происхождение литовско-русским стычкам. Самое же название селения, как полагают, произошло от происходивших здесь блинных тризн. К востоку от Блинных Куч, верстах в 6 при д. Скоторже, имеется лесопильный завод Черняка, основанный в 1891 г. и производящий лесу на 25 тыс. руб. Восточнее Скоторжи, верстах в 6, мы встречаем довольно значительное селение с древним названием Сукромля или Сукремль. К с.-в. от Блинных Куч верстах в 12, близ верховьев р. Беседи, при селении Беседке, расположен лесопильный завод Левина и Пенькова, вырабатывающий в год леса на 45 тыс. руб. К ю.-з. от Блиных Куч, на р. Беседи, можно упомянуть еще довольно значительные селения Кузьмичи с д. Луж-

ной. За Блинными Кучами к югу, верстах в 11, находится древнее село Рухань, или Рухонь, находящееся к западу, верстах в 10, от своего волостного, также старинного села Прыщи. К югу от Рухани, верстах в 8, лежит на р. Ипути древнее село Разрытое, называемое ныне местечком Корсикой (по имени владельца). Разрытое в древности называлось Зароем и упоминается под 1154 г. Здесь была граница Смоленского княжества. Кн. Ростислав встретил здесь войска великого кн. Юрия Долгорукого. К западу от Рухани идет проселок верст в 20 с небольшим длиной в местечко Хотимск Климовичского уезда Могилевской губернии. Хотимск лежит при р. Беседи и р. Олишовке и отличается хорошим местоположением. Упоминается местечко в актах возведения на литовский престол Свидригайла в 1430 г. Как городок пограничный Отимск часто подвергался нападениям то русских, то литовцев. Здесь есть древние могильник с насыпями и без насыпей; близ него находят каменные орудия. В Хотимске собираются в году две незначительные ярмарки. В местечке имеются две каменные православные церкви, народное училище, становая квартира, волостное правление, почтовое отделение и два еврейских молитвенных дома. Жителей в Хотимске насчитывается до 3 тыс., в том числе евреев свыше 2200.

Климовичский уезд занимает площадь в 3711 кв. версту с населением 146 тыс. душ (40 жителей на кв. версту). Лесная площадь составляет в нем 41% общей площади (149 тыс. десятин), пашня — 27% (99 т. д.), луга и выгоны — 14 $^1/_2$% (54 т. д.), болота и пески — 17% (62 т. д.). За исключением довольно обширного пятна серых лесных суглинков, находящегося на р. Беседи в центре уезда, Климовичский уезд покрыт песчаными почвами. Основные занятия жителей — земледелие и лесные промыслы. Фабрично-заводская деятельность развита крайне слабо.

За Разрытым по тракту, верстах в 7, к югу можно еще упомянуть старинное местечко Семеричи, а к ю.-в. от последнего, верстах в 6, находится конечная станция Людинской ветви Риго-Орловской железной дороги Косовка, о которой мы говорили во II томе «России».

К югу от Косовки, верстах в 8, на самой границе в Орловской губернии, на р. Надве, находится село Мервинское-Каменец. В селении есть стеклянный завод Соколова, производящий бутылок на 78 тыс. руб. и основанный в 1836 г. Взор путника останавливается любопытной насыпью, идущей по берегу р. Надвы. По преданию, за этой насыпью укрывались когда-то разбойники. Кругом селения рассеяны курганы.

Возвращаемся к Риго-Орловской железной дороге. Верстах в 10 за Рославлем она достигает полуст. Лоски.

К с.-в. от Лосоков, верстах в 3, около д. Азобич, лежит обширное моховое болото, занимающее пространство в несколько десятков квадратных верст. Близ Азобич находили очень интересные вещи каменного века.

Далее, в 23 верстах за Рославлем, находится ст. Ивановская, грузящая более 1 700 тыс. пудов лесных строительных материалов и дров. Станция расположена близ одноименного села с лесопильным заводом Великовского.

К з.— ю.-з. от Ивановской, верстах в 6—7, находится за Орловско-Смоленским шоссе село Жарынь, имевшее в древности более стратегическое значение. Жарынь служила для Рославля передовым оплотом с юга. На это ее боевое значение указывает доселе круглая насыпь — цитадель близ селения. Верстах в 6 к югу от Ивановской лежат почти смежные селения Крупец и Турово. В последнем есть винокуренный завод Крутиковых, выкуривающий до 18 тыс. ведер спирта в год. К ю.-з. от Турова, верстах в 4, при д. Слепцовой, расположен лесопильный завод Левина. В версте далее, при с. Епишеве, некогда существовал свеклосахарный завод. В церкви села Епишева хранится очень древняя икона Божией Матери. Около селения есть насыпь — городок, представляющий интерес для археологов. В 5 верстах к ю.-з. от Епишева при село Тросне-Иванине находится с 1883 г. «Ново-Деребужский» стекольно-хрустальный завод Н.А. Соколова с 350 рабочими и производством бутылок и др. стеклянных изделий на 85 тыс. руб.

В 15 верстах за д. Ивановской, по Риго-Орловской железной дороге, расположена станция Сещинская, грузящая до 1200 тыс. пудов лесных и хлебных грузов.

Станция расположена верстах в 4 от села Сещи, известного по добыче фосфоритов в его окрестностях. Фосфориты добываются и к с.-в. от Сещи при д. Бельской (3 версты), и к ю.-з., близ д. Б.Кочевны (9 верст). К с.-в. от станции Сещинской, верстах в 5, расположено древнее селение Радичи, близ которого производились раскопки гр. Сизовым, которые равно, как и раскопки, производившиеся вообще в южной части Рославльского уезда, указали на любопытный обычай погребения: мужчины полагались головами на восток, а женщины — на запад. О названии самого селения гр. Рокачевский, автор книги «История г. Рославля», записал следующую легенду: некий богатырь Рада перебросил свою секиру по соседству к богатырю Сидорке. Сидорка сделал то же, и оба они пали мертвыми от верных и метких ударов. От них-то и

пошли названия «Радичи» да «Сидорки». Гр. Сизов видит в этой легенде указание на время первой вырубки лесов. Тут же, в 2 верстах на с.-з., лежит село Сеславль, по преданию основанное Рогнедой или же ее сыном Изяславом (Изяславль). На с.-в. от станции Сещинской, верстах в 16, близ границы Смоленской и Орловской губернии, расположено местечко Рогнедино с населением более чем 1200 человек. Рогнедино расположено в очень красивой местности при речках Тучце, Чернявке и Карловце. Несколько торговых и промышленных заведений оживляют это местечко (из их числа упомянем пенькотрепальное производство и маслобойное заведение Казакова, маслобойню братьев Щелкоповцевых, кожевенное производство Корбовского и др.). Главные предметы торговли местечка — хлеб, пенька и постное масло. В местечке две церкви: одна основана еще в XVIII в., другая — в 1842 г. помещицей Соковиной. Главная масса жителей — купцы и мещане других городов. Селение это очень древнее; предание относит его основание ко времени св. Владимира. По словам этого предания, супруга Владимира Рогнеда основала это село, и в честь нее оно и было названо. Предание добавляет, что соседняя местность Лепехи названа так по имени одного из верных слуг Рогнеды Лепехи. Севернее Рогнедина, в 10-верстном расстоянии, находятся древние селения Болохча и Парынь. Парынь лежит в очень красивой, холмистой местности. Селение это очень древнее; вероятно, оно существовало в XII веке. Верстах в 6 на севере от Пацыни лежит село Федоровское; при селе находится земская школа с вечерними занятиями. На севере от Федоровского (в 5—7 верстах) лежат селения Чернея и Особик. Последнее селение расположено по р. Десне и ее притоку р. Гобику и замечательно своей насыпью — городком, где, по преданию, гнездились разбойники.

За Сещинской, верстах в 5—6, Риго-Орловская железная дорога выходит из Рославльского уезда Смоленской губернии в Брянский уезд Орловской губернии, направляясь к станции Дубровка (см. «Россия», т. II).

Площадь Рославльского уезда равна 5503 кв. верстах. Нужно заметить, что это один из самых болотистых уездов во всей губернии, несмотря на возвышенное положение. Болота занимают 43 695 десятин при 223 059 десятинах леса и неудобной земли и 236 158 десятин остальной удобной земли. Лесная площадь в общем составляет 42 ½% всей поверхности уезда. В уезде открыты залежи фосфоритов (впервые проф. Энгельгардтом); несколько небольших заводов заняты их переработкой. Кроме фосфоритов добывают бурый уголь, горный воск, железную руду и др. Земли в руках крестьянских общин 156 814 десятин (пахотной 940 899 десятин), у частных лиц 290 035 десятин (пахотной 35 275 десятин). Из частновладельческих земель дворянам принадлежит 231 647 десятин, купцам — 33 027 десятин, мещанам — 12 546 десятин, крестьянам — 10 452 десятины и владельцам других сословий — 2303 десятины. Почва около Рославля, Сещи и Рогнедина состоит из довольно плодородных суглинков на лёссе, в остальных же частях представлена дерновыми суглинками, супесями,песками и моховыми торфяниками, а по Десне — пойменными почвами; в остальных частях уезда она не особенно плодородна и не способствует развитию сельского хозяйства. Однако конопля и лен находят себе порядочный сбыт. В уезде развито пчеловодство. Из промысловых развиты более всего лесные — гонка смолы и дегтя, заготовка леса, приготовление колес и пр. Жителей в уезде, по переписи 1897 г., 187 тыс. человек (т.е. 34 жителя на кв. версту), причем, большинство — белорусы.

ГЛАВА X

Линии, расходящиеся от Вильни, и Полесские вообще

Д.З.Щендрика и А.П.Сапунова.

Либаво-Роменская железная дорога. — Полесские железные дороги (линии Вильна—Ровно и Брест—Брянск)

Либаво-Роменская железная дорога вступает в Минскую губернию из Виленской в 1 версте за ст. Алехновичами. Верстах в 5 от границы Виленской и Минской губернии железный путь оставляет к западу от себя верстах в 2 ½ село Дубровы.

Дубровы, или Дубровна — родина некогда знаменитого, но угасшего дома Глебовичей. Село расположено при р. Березе. Жителей в нем около 500 чел. Здесь есть православная церковь и начальное училище. Дубровна сделалась известной с половины XV в.; в 1453 г. здесь уже существовала православная церковь, обращенная позже, в 1625 г., владельцем Николаем Глебовичем, виленским каштеляном, в монастырь бернардинов. С прекращением рода Глебовичей село досталось Сапегам, а от них в 1790 г. перешло в род Хмары, минского воеводы.

В 12 верстах за Алехновичами следует станция Радошковичи, грузящая свыше 300 тыс. пудов пре-

имущественно дров и лесных материалов, и расположенная верстах 10 к ю.-з. от одноименного заштатного города Виленской губернии.

В 8 верстах за Радошковичами Либаво-Роменская железная дорога достигает станции Изяславля, грузящей свыше 300 тыс. пудов главным образом лесных материалов и расположенной при одноименном местечке. Незначительное местечко Заславль (некогда — город Изяславль) упоминается в летописи еще Нестором. Расположено местечко между реками Свислочью и Черницей; почва местечка и окрестностей гористая и отчасти каменистая. Заславль — одно из древнейших поселений в земле кривичей, основание которого приписывается св. Владимиру. О возникновении местечка сохранился следующий летописный рассказ. Владимир, приняв христианство, вступил в брак с греческой царевной Анной и должен был оставить всех своих прежних жен, в том числе и прекрасную, более других им любимую Рогнеду, дочь князя полоцкого Рогволода. Рогнеда, прозванная впоследствии Гориславой, жила уединенно близ Киева в селе Предславине. Что побудило ее на месть — неизвестно, но однажды, когда Владимир посетил ее и остался ночевать в Предславии, она напала на него сонного и пыталась умертвить его. Владимир, проснувшись, первым делом хотел убить ее собственноручно, но был остановлен появлением сына Рогнеды Изяслава. Чтобы отдалить опасное соседство Рогнеды Владимир построил в земле кривичей город и поселил там Рогнеду с сыном Изяславом, а город назван был именем Изяслава — Изяславлем. О дальнейшей судьбе Рогнеды остались только предания. Известно, что она позднее приняла христианство, постриглась в Изяславле в монастырь под именем Анастасии и умерла в 999 или 1000 г. Монастырь, в котором проводила последние годы своей жизни Рогнеда, был построен в конце X в. и послужил первым центром, откуда начал распространяться свет христианства в нынешней Белоруссии. На месте этого монастыря, на юг от местечка, за р. Черницей, при минской дороге и находится могила Рогнеды. В 1866 г. случайно был открыт здесь склеп, а в нем был богатый гроб, обитый красной материей. Склеп был засыпан. Место могилы Рогнеды в настоящее время распахано. Сын Рогнеды Изяслав впоследствии именовался кн. Изяславским, а по смерти его город был присоединен к Минскому княжеству. Позже, в 1067 г., при внуке его Всеславе, Заславль вошел в состав Полоцкого княжества и сделался столицей весьма обширного удела, обнимавшего почти всю землю кривичей и долго соперничавшего с Великим княжеством Киевским. В 1127 г. великий кн. киевский Мстислав заключил союз с князьями туровскими, владимирскими, клецкими и городненскими, с дружинами этих князей подступил к Изяславлю и осадил его. Между тем, владевший в это время городом кн. Вячеслав Борисович, женатый на дочери в кн. Мстислава, отправился к своему отцу в Полоцк, но по дороге попал в плен к своему шурину, шедшему из Логойска. Жители Изяславля, узнав о взятии своего князя в плен, обязали клятвенным обещанием осаждающих, что город не будет разрушен. Обещание, однако, не было исполнено, и Изяславль был совершенно опустошен. Затем об Изяславле нет никаких сведений почти в продолжение 150 лет.

В XIV в. Изяславль находился уже под властью Литвы и представлял собой застроенный и довольно укрепленный город. В 1342 г. он был отдан Ольгердом и Кейстутом в удел брату Явнуту, умершему в 1366 г. В 1395 г. здесь, в Изяславле, кн. Витовт получил известие о взятии кн. Юрием Святославичем Смоленска. В 1431 г. город был окончательно разрушен литовскими войсками, шедшими против Свидригайлы из Трок в Минск, и вновь не был возобновлен. В XVI в. Изяславль находился в руках Ивана Глебовича, перейдя в его род по женской линии. Будучи последователем кальвинизма, Иван Глебович из приходского костела устроил кальвинский собор. Кроме того, им же была основана здесь типография, в которой была напечатана библия Симеона Будного Даниилом из Ленчицы. В XVII в. Изяславль достался Сапегам, построившим здесь великолепный дворец (на месте теперешнего дома помещика Хоментовского). Потом город перешел к Пржездзецким, а в 1863 г. — к русскому владельцу Хоментовскому. В литовское время Изяславль стал именоваться Заславлем. Вблизи местечка сохранились до сих пор курганы и окопы. Сохранились также и исторические названия и предания, из которых видно, что Заславль был славяно-русским городом. Судя по рассказам старожилов, за валами, на север от Заславля, было когда-то озеро, которое сравнительно недавно высохло. Это озеро называлось Рогнедь. С именем Рогнеды связано также предание о древнем укреплении, построенном св. Владимиром на правом берегу р. Свислочи, которая омывала его с восточной стороны. Помещается укрепление в пространстве между двумя притоками Свислочи — северным Княгинькой и южным Черницей. Здесь Рогнеда с сыном Изяславом жила до поступления в монахини. Тут сохранилось до последнего времени небольшое укрепление с бастионами. Нет сомнения, однако, что оно более позднего периода, чем первоначальное, так как при его раскопках здесь были находимы литовские монеты. Пространство, занимаемое этим укреплением, пред-

ставляет неправильный четырехугольник, состоящий из вала и рва. Высота вала до 6 сажен, глубина рва — до 4 сажен. Есть еще здесь один небольшой курган к югу от бывшего дворца Сапег, о котором сохранилось предание, что на нем был некогда небольшой замок, и действительно, остатки какого-то укрепления сохранились. В нем будто бы жили две княжны: старшая — красавица, а младшая — безобразная. В старшую влюбился минский князь. Это опечалило младшую, которая также полюбила князя. Чтобы расстроить брак сестры, обратилась к колдунье, жившей над рекою. Получив зелье, она поспешила домой, но, проходя через лес, испугалась какого-то привидения и бросилась с испуга в реку, где и утонула. Вытянутая из воды, она была погребена здесь же своей сестрой. Наконец, на месте, где теперь помещается еврейская каменная корчма, между двумя церквами Рождественской и Преображенской, по преданию, был дворец св. Владимира.

Жителей в Заславле ныне свыше 300 человек. В местечке есть две православные церкви — Преображенская, деревянная, и каменная Рождества Богородицы. Первая церковь находится на месте, где еще при Рогнеде существовал православный храм, построенный, по преданию, св. Владимиром после основания монастыря св. Анастасии (так называлась в крещении Рогнеда). Этот храм при Ягайле Ольгердовиче, первом литовско-польском короле, был обращен в католический, а позже одним из Глебовичей — Иваном, последователем кальвинизма, был передан кальвинистам, но недолго оставался у них: сын Ивана Николай, принявший католическую веру, отдал его католическому духовенству. Позже новым владельцем м. Заславль Казимиром Сапегой и его женой был основан при костеле монастырь для доминиканцев. После третьего раздела Польши (1795 г.) жившие в монастыре доминиканцы были переведены в другие монастыри, а костел был сделан приходским. Потом, лет 25 спустя, он был передан во владение доминиканского монастыря в Минске, а в 1863 г. начальник края гр. М.Н.Муравьев распорядился возвратить православным их давнюю святыню. Храм был переделан внутри и освящен в 1865 г. Внешний же вид его остался прежним, т.е. он имеет и в настоящее время вид костела. В этом храме сохранился напрестольный серебряный крест, на котором вырезаны распятие и евангелисты. Вторая церковь — Рожества Богородицы, находится на южном холме местечка, почти против Преображенской церкви. Она переделана из костела св. Марии, построенного в начале XVII в. Казимиром Сапегой, а в 1868 г. обращенного в православную церковь, причем, наружный вид ее остался прежний — в стиле костелов эпохи Возрождения, но на здании надстроен деревянный купол. Достопримечательностью церкви являются две иконы: Божией Матери киевского письма и пожертвованная в 1868 г. имп. Александром II икона св. Александра Невского с надписью: «Молись, народ русский, за своего православного царя». Наконец, там, где находится ныне дом священника Преображенской церкви, была деревянная церковь, также Преображенская, построенная в XV в. православными и сломанная в 1862 г. После унии, до 1839 г., она была униатской, а потом стала снова православной. По словам Шпилевского, эта церковь сильно отличалась от прочих древних церквей: она имела форму старинного замка с башенками и шпицами; в башенках были устроены комнатки, называвшиеся народом «горенками». В одной из них были заметны на балке следы надписи. Кроме церквей в местечке есть костел и больница на 10 кроватей.

В 13 верстах от ст. Изяславля к западу, при р. Ислочи, на песчаной равнине лежит местечко Раков. Это местечко является торговым пунктом. Жителей в нем 2000 душ. Здесь есть православная церковь, каменная, построенная кн. Сангушкой, костел, построенный в 1824 г., несколько еврейских молитвенных школ и училище. По неделям здесь бывают базары. О доисторическом заселении этого местечка свидетельствуют хорошо сохранившиеся городище, а также курган у р. Ислочи, где находят кремневые орудия. Городище находится среди рощи и имеет вид удлиненной подковы, суженной с северной стороны. В эпоху литовского владычества Раков был владением великих князей. В 1465 г. Казимир Ягеллончик отдал его за услуги одному из Кежгайлов. Затем местечко перешло к Сангушкам. Во время Сангушек Раков был богатым местечком; позднее он принадлежал Соллогубам и получил в 1701 г. от короля Августа II грамоту на учреждение двух ярмарок. До конца XVIII в. здесь происходили подкоморские суды и заседания городских судов. В 1794 г. Раков был секвестирован и отдан имп. Екатериной II гр. Николаю Салтыкову, фельдмаршалу русских войск, который вскоре продал его. В населении местечка преобладают евреи, занимающиеся мелкой торговлей, огородничеством и приготовлением сельскохозяйственных машин — сечкарен, веялок, мельниц и молотилок. Эти изделия имеют сбыт не только в окрестностях, но и за пределами губернии. Начало этого производства относится к 1843 г. Крестьяне занимаются главным образом земледелием, а также гончарным промыслом. Изделия жителей Ракова имеют сбыт и в более отдаленных окрестностях. По дороге из Ракова в Рубежевичи, верстах в 13 от Ракова, у р. Волмы,

левого притока Ислочи, в местности слегка волнистой и плодородной расположено село Волма. Существовавший здесь до 1886 г. старинный костел упразднен. От него осталась только часовня. Костел был построен в 1474 г. Станиславом и Варварой Довкшевичами. В последнее время Волма принадлежала Ваньковичам.

В 9 верстах за ст. Изяславль Либаво-Роменская железная дорога достигает ст. Ратомка (у одноименной речки), грузящей до 170 тыс. пудов лесных материалов и других грузов.

Верстах в 10 от Ратомки на с.-в. (и верстах 15 на север от Минска, на почтовой дороге), у р. Вячи расположено местечко Городок. Название этого местечка показывает, что оно было русско-славянским поселением и что в нем издревле существовало укрепление. Вблизи местечка сохранились остатки сооружений, называемых городищами. Есть основание предполагать, что именно в здешних местах и находился тот городок, о котором упоминается в летописях под 1161 г. при описании усобиц полоцких князей. В настоящее время это местечко называется иногда Городком Сломирецким в отличие его от других городов. На северо-востоке от Городка, верстах в 15, у р. Усвяжа, находится ещё одно селение Городок, называемое Острочицким Городком.

В 16 верстах за Ратомкой Либаво-Роменский железный путь достигает губернского города Минска, где и пересекается с Московско-Брестской железной дорогой.

Верстах в 10 за Минском железная дорога оставляет верстах в 5 к востоку, на р. Свислочи, село Новый Двор с каменной церковью, переделанной из костела, построенного в 1792 г. Прушинскими. В XVII в. это село принадлежало кн. Горским, а затем переходило из рук в руки, пока не было приобретено И.Бунге. В селе есть небольшой дворец, фруктовый сад, мельницы и сукновальня. Местность безлесная, волнистая, имение очень доходное благодаря близости города.

В 19 верстах от Минска железная дорога достигает ст. Михановичи, грузящей свыше 50 тыс. пудов главным образом лесных материалов. За станцией железный путь выходит из Минского в пределы Игуменского уезда.

Минский уезд занимает площадь в 4580 кв. верст с населением в 278 тыс. душ (54 жителей на кв. версту). Около 30% площади уезда (132 тыс. десятин) покрыто лесами, около 47% (204 т. д.) находится под пашней, около 15% (66 т. д.) — под лугами и выгонами, около 7% (32 т. д.) — под песками и болотами. Почва суглинистая, супесчаная и песчаная. Главные занятия жителей — земледелие и лесные промыслы.

Перейдя в Игуменский уезд, Либаво-Роменский железный путь в 20 верстах за Михановичами достигает станции Руденск, грузящей около 1 млн. пудов большей частью дров и лесных строительных материалов.

Верстах в 12 на с.-з. от станции Руденск лежит небольшое древнее местечко Дудичи с православной церковью, сельской школой и больницей. В XVI в. оно было во владении Одаховских, а в 1621 г. Рафаил Одаховский продал его Янушу Быховцу. Под конец XVII в. Дудичи были в залоге у Заранко-Горбовских, а в 1748 г. были приобретены Александрой Заранко, дочерью подчашего Волковысского уезда, которая вышла замуж за Иосифа Прозора, впоследствии витебского воеводу. В 1769 г. Прозор устроил здесь в живописной местности среди парка обширный дворец из дерева. Этот дворец существует и в настоящее время. В 1780 г. Прозор, исполняя волю умершей своей жены, построил также из дерева униатский костел на месте прежнего костела, построенного Заранками. При костеле была основана двухклассная народная школа. Дудичи издавна славились своей чудотворной иконой Божией Матери. В 1766 г. Король Станислав Август пожаловал привилей на торги по понедельникам и три ежегодных ярмарки, а папа Пий VI дал костелу индульгенции раз в месяц. Хотя королевские привилеи точно указали время ярмарок, тем не менее окрестное население собиралось сюда и в храмовые дни, и таким образом установились ярмарки каждый месяц в новолуние, и в настоящее время собирается здесь масса народа, причем торговля очень оживлена. Хлебом здесь не торгуют, скотом очень мало, зато мелкие продукты и домашние изделия, а также земледельческие орудия (как косы, лемехи к сохам и пр.) имеют здесь значительный спрос и предложение. В 1785 г. Дудичи перешли к Станиславу Ельскому. Последний, по примеру Хрептовича и других, заботился о развитии ремесел и земледелия, он вывез из-за границы 20 ремесленников-иностранцев и поселил их в местечке, поручив им обучать своих и окрестных крестьян разным ремеслам. После последнего раздела Польши иностранцы-ремесленники уехали на родину, но остались их ученики, благодаря чему и до сих пор в Дудичах распространены некоторые полезные для населения ремесла. По уничтожении унии в 1839 г. униатский костел был обращен в православную церковь. В Дудичской школе получил первоначальное образование польский историк А.Зданович, родители которого жили в ближайшем к Дудичам застенке Белькевичах. В Дудичском дворце сохранилось немало редкостей, а также комната, в которой в

1812 г. проходивший здесь со своим корпусом кн. Иосиф Понятовский провел два дня.

В 5 верстах от местечка Дудичи, на северо-восток, по дороге в Дукору, лежит при р. Ушанке местечко Узляны (Ужляны), или Поляны, в холмистой местности с довольно плодородной почвой. Оно принадлежало раньше виленским епископам и имеет привилей на торги. Жителей в местечке 600 человек, причем преобладают евреи. В местечке есть православная церковь, синагога и почтово-телеграфное отделение. В 11 верстах от Дудичей на юго-восток расположено село Сергеевичи, достоверно известное с XVI в. Оно принадлежало Збараским, а в XVII в. им владел Януш Радзивилл. В настоящее время это небольшое село с Георгиевской церковью, построенной в 1841 г. помещиком Завишем, и с 25—30 дворами. Жители села занимаются земледелием, добыванием извести и рыболовством. Южнее села Сергеевичей, верстах в 9, лежит на р. Шацке, правом притоке р. Птичи, местечко Шацк. Шацк принадлежит к числу древних поселений, хотя достоверные сведения о нем относятся только к XVI в. Надо думать, что он принадлежал некогда Несвижскому княжеству и был княжеской собственностью, а затем вместе с Несвижем был пожалован в 1492 г. Александром Ягеллончиком Кишкам, от которых перешел к Радзивиллам, а потом в 1879 г., — к Гомулицкому. В местечке есть православная Ильинская церковь, сельская школа и больница. Еврейское население местечка занимается мелкой торговлей и ремеслами. В 1888 г. здесь были установлены недельные торги, а в день св. Илии — годичная ярмарка. В Шацке сохранились следы существовавшего здесь когда-то кальвинского храма. Окрестности местечка богаты известью, глиной и валунами. В 10 верстах к западу от Шацка лежит местечко Хотляны, расположенное в полесской и дикой местности. В XVII ст. местечко принадлежало кн. Головчинским, а в последнее время состояло во владении Грабовских. Это местечко замечательно тем, что в находившийся здесь православный приход (Покровская церковь) униатское учение никогда не проникало. Почва окрестностей плохая, песчаная, но лесов много. В окрестностях есть курганы и валы над болотами.

На с.-з. от станции Руденск, в 11 верствах от железной дороги, лежит небольшое местечко Дукора. В местечке есть 2 православные церкви (из которых одна переделана в 1864 г. из костела), синагога, волостное правление и больница. В числе жителей есть несколько десятков татарских семейств. Татары занимаются выделкой кож и земледелием, крестьяне — тоже земледелием. Само название местечка, происходящее, вероятно, от латинского слова dux, показывает, что оно принадлежало в древнее время к королевским имуществам, а затем перешло в частные руки, а именно к Сапегам, потом к Завишам, и наконец, к Огинским. В начале XVIII в. Дукора составляла часть имений Смиловичских и вместе со Смиловичами и Голоцком составляла особое графство. Под конец XVII в. Дукора находилась в управлении Станислава Монюшки, причем в этом управлении принимал участие и Франтишек Ошторц, сын простого шведского солдата, оставшегося в крае со времени шведских войн. Гетман кн. Николай Огинский, живя расточительно, требовал от администраторов имения все бóльшие и бóльшие суммы. Те, конечно, удовлетворяли его требования, а в конце концов к ним и перешло имущество Огинского. А 1791 г. произошел раздел: Смиловичи достались Монюшке, а Дукора перешла к Ошторпу. Так как в Смиловичах издавно был прекрасный костел, то Монюшко, желая уравнять условия раздела, назначил несколько тысяч на постройку костела в Дукоре и действительно построил его. Сын Ошторпа, Леон Ошторп, вел раскошную и даже расточительную жизнь. Громадный дворец его постоянно был полон гостей. Здесь был цирк с иностранными шутами, хороший оркестр, прославивший Дукору, и пр. Вообще здесь было много излишнего блеска, но участь простого народа была тяжела. В 1851 г. Ошторп, проезжая из Минска в Дукору, утонул в р. Свислочи возле села Пески, провалившись на мосту, который не выдержал тяжести кареты. Затем Дукора перешла к Гартвигам. Дукорский дворец существует в таком же виде и по настоящее время. В нем есть много произведений изящных искусств, главным образом картин, архив и библиотека в несколько тысяч томов. Имение Дукора, будучи в настоящее время только частью прежнего имения, заключает в себе 4500 моргов. Почва хорошая, лугов у р. Свислочь много. В 9 верстах к востоку от местечка Дукора у р. Свислочь, по Игуменской дороге раскинуто село Турец. Вблизи села есть Троицкая церковь, построенная в начале второй половины XVII в. Почва в окрестностях песчаная, на берегах р. Свислочи много лугов. Севернее Турца, верстах в 3, находится село Городище. Когда-то оно принадлежало Сапегам, а в последнее время — Ваньковичам. В имении ведется усовершенствованное хозяйство, есть суконовальни и мельницы. Недалеко от села, среди поля, величественно возвышается дохристианское городище, — немой свидетель давно минувшей исторической жизни.

Севернее местечка Дукора, при почтовой дороге из Минска в Игумен, в 9 верстах от Дукоры, лежит местечко Смиловичи. Оно расположено на р. Вол-

ма, притоке Свислочи. При местечке находится предместье, называемое Татарской Слободой. Жителей в Смиловичах 720 человек, из них половина евреев, которые занимаются мелкой торговлей, мельничеством и огородничеством. В Татарской Слободе живут магометяне, свыше 200 человек. В местечке есть православная Троицкая каменная церковь, костел, мечеть, синагога и 2 молитвенных еврейских дома. Имеются две церковноприходские школы, мужская и женская, почтовая станция, становая квартира, волостное правление, а также суконная фабрика и несколько небольших кожевенных заводов (татарских). Вообще, Смиловичи — торговое и промышленное местечко. Православная церковь существовала здесь с незапамятных времен. В 1668 г. владелец Смиловичей Мариан Огинский построил новую церковь Успения Божией Матери. Упомянутая выше Троицкая церковь перестроена из римско-католического костела в 1867 г. Из достопримечательностей надо отметить в Смиловичах памятник св. Яну, принадлежавший бывшему смиловичскому костелу. Он находится при Минском тракте на расстоянии полуверсты от Смилович и имеет форму круглой колонны со склепом внизу. Когда и кем построен этот памятник — неизвестно: в прежнее время он был предметом религиозного почитания у католиков. Здесь совершались богослужения, на которые собиралась масса народа. В настоящее время памятник потерял свое религиозное значение. Сохранилось предание в народе, что когда-то жившие в Смиловичах родные брат и сестра, принадлежавшие к высшему обществу, состояли между собой в незаконной связи, и у них родился ребенок. Однажды они пошли с этим ребенком к памятнику св. Яна, но мгновенно все трое умерли и были погребены в нарочно устроенном для них склепе в этом памятнике. Происхождение Смиловичей неизвестно, некогда это местечко вместе с соседним имением Дукорой составляло обширное графство и входило в состав имений Бакштанских, которые отчасти перешли к епископам виленским, а остальным владели один за другим Кежгайлы, Сапеги, Завиши и Огинские. В последнее время Смиловичи принадлежали Монюшке. Владелица Марцебелла Завиша, из рода Огинских, покровительствовала миссионерам и устроила здесь в 1767 г. для них великолепный каменный костел с двумя башнями. Впоследствии при этом монастыре было основано учебное заведение для молодых людей, просуществовавшее до 1830 г. В костеле была ценная икона св. Викентия кисти Семена Чеховича. К Монюшке Смиловичи перешли в 1791 г. Один из Монюшков, Александр, был архитектором и художником и задумал выстроить здесь дворец в итальянском стиле, но не окончил его. В настоящее время видны только развалины этого дворца. После смерти Александра Монюшка осталась его библиотека, очень богатая также и художественными произведениями, в числе которых есть портрет поэта Адама Мицкевича работы Валента Ваньковича, представляющий поэта на Чатыре-Даге. В 5 верстах от Смиловичей к востоку находится местечко Ляды, раньше принадлежавшее Сангушкам, а с 1791 г. — Монюшкам. Название Ляды происходит от славянского слова «ляда», которым обыкновенно называют новину после выжигания и выкорчевки леса. Эти «ляды» в древности, однако, не всегда служили для земледелия, а нередко и для насыпки искусственных курганов среди болот и лесов. На вершинах этих курганов очень ясно сохранились следы жертвенников. По введении христианства на таких местах возникали обыкновенно новые христианские храмы. Есть основание думать, что упоминаемое нами село Ляды именно и было в древности одним из таких мест — курганов, на котором был позже построен христианский храм. До сих пор сохранилось предание о появлении здесь около XVII в. св. Девы некоему Владимиру Кирику. Тереза-Роза Завиша, из рода Тышкевичей, жена минского воеводы, первая начала делать пожертвования на этот храм. Позднее Завиши устроили здесь базилианский костел. Папа Пий VI даровал этому костелу право отпускать грехи в дни Благовещения, Рождества Иоанна Предтечи и в день св. Петра и Павла. В 1731 г. король Август II разрешил здесь ярмарки 25 марта и 24 июня. Хотя уния была упразднена в 1839 г., народ собирался сюда в громадной массе в означенные выше праздничные дни и собирается в настоящее время, причем богослужение бывает в эти дни очень торжественно. При монастыре в 1809 г. была четырехклассная школа, находившаяся во владении Виленского университета. В этой школе обучался известный польский историк Александр Зданович. Вскоре школа, впрочем, была закрыта, а несколько лет спустя была открыта духовная семинария, которая также просуществовала недолго. В настоящее время Ляды — грязное и бедное местечко, расположенное на песчаной равнине. При церкви есть православный монастырь и отделение для духовных лиц минской епархии, совершивших проступки, недостойные духовного сана. В последнее время Ляды принадлежали Ельским.

В 20 верствах за Руденском по Либаво-Роменской железной дороге, находится станция Пуховичи, или Марьина Горка, при селе Марьиной Горке, грузящая до 1 млн. пудов лесных и отчасти хлебных грузов. О Марьиной Горке сохранилось много преданий, относящихся к XVI в. Название

«Марьиной» произошло от того, что на этой горе была построена церковь по случаю явления здесь чудотворной иконы Пресвятой Девы Марии. По преданиям, здесь существовало еще в глубокой древности языческое кладбище, где совершались тризны и пляски на большом камне, который стоял посреди горы. В письме одного старца Грозовского монастыря, как говорит Шпилевский в своем «Путешествии по Полесью и Белорусскому краю», сказано, что через этот край проезжал один христианский священник и, увидев такое «осквернение людское», пожелал все это уничтожить и освятил св. водой, отчего гора распалась и камень провалился. Гора действительно имеет вид раздвоенной. По сохранившемуся здесь другому преданию, много лет тому назад один из окрестных поселян тяжко заболел и сколько ни лечился, ничего ему не помогало. Но вот он удостоился увидеть во сне Богоматерь Марию, которая обещала ему, если он поставит крест и дом для молитвы на горе, на которую собирается народ для служения в память бывшего там язычества, он получит исцеление. Поселянин исполнил волю Богоматери и выздоровел, многие другие больные также получали исцеление. Между тем нашлись неверующие люди, которые святотатственно сожгли часовню, но удивление народа и врагов православия еще больше возросло, когда икона Божией Матери оказалась невредимой после пожара. На месте прежней часовни была построена новая, которая подверглась той же участи. В 1812 г. отряд наполеоновской гвардии проник сюда и, надругавшись над святыней, сжег часовню. Многие из этого отряда, как говорят, в тот же день ослепли. В 1814 г. на месте прежней была построена новая деревянная церковь, и с этого времени Марьиногорская церковь сделалась известной не только в уезде, но и во всей Минской губернии. Во время унии Марьина Горка сделалась достоянием униатского духовенства, у которого польско-католическое духовенство всячески старалась отнять ее. По упразднении унии церковь возвратилась в недра православия, и в настоящее время сюда стекаются массы народа на поклонение. Богослужения совершаются в ней в каждое новомесячье (в «молодиковое воскресенье»). Поселение Марьина Горка вместе с селом Новоселками, принадлежало сначала Буржинским, затем перешло к Ратынским, потом — к Крупским, а после 1863 г. было пожаловано министру внутренних дел Макову. С 1880 г. в Марьиной Горке существует низшая сельскохозяйственная школа с образцовой фермой.

Верстах в 2 к западу от Марьиной Горки расположено село Новоселки — древнее и весьма красивое поселение на возвышенном берегу р. Титовки, которая омывает село в длину. Здесь есть бывшая униатская церковь, построенная Ратынскими. Население местечка кроме земледелия занимается пчеловодством и бондарным промыслом. Это имение вместе с Марьиной Горкой было в 1863 г. пожаловано Макову, бывшему впоследствии министром внутренних дел. Верстах в 3 на восток от Марьиной Горки расположено село Блонь на р. Цитовке, р. Свислочи. В селе есть православная Троицкая церковь, построенная в 1821 г., и костел, построенный в 1747 г. С этой местностью связаны воспоминания об известном иезуите Иосифе Баке, стихотворце, популярном в XVIII в. в Польше, устроившим здесь в 1745 г. иезуитскую резиденцию и миссию. Блонь принадлежала в начале второй половины XIX в. Оссовским, а в 1863 г. была секвестрована правительством. До сих пор здесь сохранился костел, построенный в 1748 г.

В 4 верстах к востоку от Блони, у р. Свислочи, при впадении в нее р. Титовки, лежит местечко Пуховичи. Местечко невелико; в нем есть церковь, выстроенная в 1841 г. на месте бывшей здесь униатской церкви, сельская школа, 3 синагоги и много лавок. В конце XVII и начале XIX в. Пуховичи принадлежали Сулистровским и затем в частях — Фрибесам и Эсткам. Часть после них перешла к Вильковичам. Жителей в местечке 860 человек; здесь преобладают евреи, занимающиеся мелочной торговлей, а окрестные крестьяне занимаются выделкой колес, саней, рогож, липового лыка, а также разных хозяйственных принадлежностей из ясеневого, дубового и осинового дерева. В Местечке бывают 4 ярмарки в году: 2 февраля, 9 мая, 6 декабря и в 10-ю неделю по Пасхе. На ярмарках предметами торговли являются главным образом разный скот и лесные изделия. Ширина р. Свислочи у местечка Пуховичи не превышает 12—15 сажен; через реку имеется паромная переправа. До местечка река имеет много мельниц, плотин, мостов и несудоходна, а только ниже Пухович, от д. Берлаж, на лодках перевозится деготь, смола и сплавляется строевой лес малыми плотами приблизительно на расстоянии 70 верст — до местечка Свислочь, где опять мешают сплаву мельничные плотины по реке. В 7 верстах к северу от местечка Пуховичи, при р. Свислочи, раскинуто село Турино с православной церковью Преображения Господня и сельской школой. В XVIII в. Турино принадлежало Сулистровским. Имение заключает в себе до 900 десятин обрабатываемой земли, кроме того, есть еще в имении водные мельницы и сукновальни; жители села занимаются земледелием, а отчасти и рыболовством.

К с.-в. от Марьиной Горки отходит 39-верстная почтовая дорога в уездный г. Игумен, проходящая

через вышеупомянутое местечко Блонь. Игумен расположен при р. Игуменке, притоке Волмы. В XVII в. Игумен назывался местечком, а в 1795 г. был назначен уездным городом Минского наместничества и при издании штатов Минской губернии в 1796 и 1802 гг. остался таковым же. Местность носит угрюмый характер Белорусского Полесья. Город маленький, деревянный, грязный, в нем около десятка улиц. В 1899 г. Игумен сильно пострадал от пожара. Выгорело 137 домов и 125 надворных построек; от пожара причинено было убытка до 130 тыс. руб. Жителей, по переписи 1897 г., числилось 4600 чел. Большая часть жителей — евреи, занимающиеся главным образом мелкой торговлей и ремеслами. Всех ремесленников насчитывается 290 человек. В городе католиков насчитывается до 500 человек, магометан — до 80 человек, а остальные — православные. В торговом отношении Игумен значения не имеет; ярмарок здесь собирается 2. В городе имеется мукомольная мельница с производством в 30 тыс. руб., есть соборная церковь во имя Рождества Божией Матери, деревянная, крестообразная, о трех приделах, построенная на средства казны, костел Св. Креста, синагога и несколько молитвенных еврейских домов, двухклассное уездное училище, приходское училище, одна частная школа и несколько еврейских школ, городская больница на 15 кроватей и тюремная на 9 кроватей. Доходы города достигают 9 $^1/_2$ тыс. руб. Следов древних построек в городе нет. В усадьбе причта соборной церкви находится довольно глубокая яма. Старожилы рассказывают, что эта яма была вырыта французами в 1812 г. для постройки гребли через небольшую р. Игуменку при переправе артиллерии к местечку Березино и р. Березина. Из старинных вещей в соборной церкви остались оловянный восьмиконечный крест и правая половина царских врат с очень старинной резьбой. На ней изображена Божия Матерь в стоячем положении. По преданию, вещи эти остались от существовавшего здесь в XII в. Борисоглебского монастыря. О времени основания города сведений не имеется, и вообще об Игумене исторические данные весьма скудны. Существует предание, что на месте нынешнего глухого озера, находящегося в 3 верстах от города по Бобруйской дороге, а по другим рассказам, на месте соборной церкви, некогда находилось языческое святилище, к которому на поклонение стекались толпы народа. Одна странствующая монахиня-игуменья из Агелонской горы — будто бы внушила соседним христианам устроить здесь церковь или монастырь, в котором вскоре появилась чудотворная икона Божией Матери. Потом за нечестие жителей, вздумавших возобновить прежнее языческое святилище вблизи христианского монастыря, последний провалился, и в ту же ночь образовалось глубокое озеро, окруженное болотами, а чудотворная икона была перенесена в Лядский монастырь, находящийся в 16 в. от Игумена по Минской дороге. Каковы бы эти сказания не были, ясно, что поселение на месте Игумена возникло еще в доисторическое время. Русские названия селений, лежащих вблизи города, напоминающие собой далекую старину, как, напр., Городище, Волоки, Лысая Гора, Турец и проч., приводят к заключению, что Игумен был славяно-русским поселением. В 10 верстах к северу от Игумена находится село Городище, здесь сохранилось много следов каменных построек, а также курганов, валов и рвов, и между жителями сохраняется предание, что здесь именно и был Игумен. В дальнейшей истории Игумена известны следующие факты: до половины XV в. он принадлежал богатому роду Кежгайлов и одним из них, Станиславом Кежгайлом, был подарен в 1447 г. с прилегающими к нему усадьбами виленским епископам и впоследствии входил в состав так называемых «столовых» имений виленского епископа. В начале XVIII в., в 1708 г.. Игумен опять появляется в истории. Именно король шведский Карл XII, чтобы обмануть русские войска, которые старались не допустить шведов переправиться через р. Березину, двинулся на Игумен, но здесь едва не утонул в одном озере, которое в настоящее время уже высохло, потом, однако, он успел пробраться в местечко Березино, а отсюда и на левый берег р. Березины. Во время отечественной войны Игумен не играл важной роли, хотя, впрочем, через него проходили не раз войска различных наций. Герб Игумена изображает в голубом поле серебряный куст цветов, который окружают пять золотых пчел, собирающих мед. По этому гербу можно судить, что главным занятием жителей было пчеловодство. Действительно, игуменский мед еще недавно славился своим качеством, не уступая известным старинным литовским и польским медам.

В 25 верстах к с.-в. от Игумена расположено село Раваничи, известное в геологии по обнажению здесь известняков силурийской системы. К востоку от Игумена идет 49-верстная большая дорога к местечку Березино (Нижнему). В 25 верстах от Игумена тот путь оставляет к югу от себя местечко Богушевичи, расположенное на р. Усе, притоке р. Березины. До 1863 г. оно принадлежало Свенторжецким, с 1875 г. — Чолгунову. Все жители местечка до последнего времени жили на чиншевом праве. В местечке есть православная Крестовоздвиженская церковь, еврейский молитвенный дом и винокуренный завод. Лугов и лесов в окрестностях много, причем леса состоят исклю-

чительно из липы. Это обстоятельство способствовало развитию здесь лаптевого и рогожного промыслов. Выделкой рогож и сдиранием лыка на лапти занимаются как местные крестьяне, так и приезжие, подчас даже издалека, но торговля этими изделиями сосредоточена в руках евреев. В местечке при дороге есть небольшой костел. К востоку от Богушевич, верстах в 8, на берегу р. Березины, расположено село Божин с православной Ильинской церковью. До 1873 г. село было собственностью Ясинских, а в последнее время перешло к Волчанинову. В 12 верстах к ю.-в. от Богушевичей при р. Березине лежит село Якшицы. В селе есть пристань, и оно является торговым пунктом. Здесь выгружаются хлеба и соль, привозимые по Березине снизу, есть здесь также церковь, неизвестно когда и кем построенная, и сельская школа. Церковь была реставрирована в 1853 г. помещиком Кельчевским. В последнее время имение Якшицы принадлежало ген. Сахарову. Население села занимается земледелием и сплавом леса. В 49 верстах от Игумена по большой дороге на р. Березина лежит торговое местечко Березино Нижнее с пристанью. Местечко деревянное, хорошо построенное, прорезывается оно двумя ручьями, на которых построены мосты, на р. Березине имеется паром. В южной части местечка находится двухэтажный каменный дворец гр. Потоцкого на крутом берегу р. Березины, с прекрасным садом. Среди рынка возвышается деревянный костел, построенный в 1641 г. кн. Леоном Сапегой. Костел очень беден. В местечке существуют две православные церкви, синагога и три школы. Жителей насчитывается 3200 человек, в том числе более половины евреев, между которыми есть богатые купцы. Мещане до последнего времени платили вечный чинш по грошу от квадратной сажени. Торговля в местечке процветает: вывозится дерево и смоляные продукты; сплавляются они в порты Балтийского и Черного морей, а пенька — в Ригу. Снизу же привозятся водою соль и разное зерно. С пристани отправляется всех грузов свыше 5500 тыс. пудов и прибывает свыше 70 тыс. пуд. Местечко имело привилей от короля Яна Казимира с 1668 г. на торги и ежегодную ярмарку с 6 по 9 августа. Этот привилей был подтвержден королем Августом III в 1746 г. В 1856 г. Березино принадлежало гр. Потоцким. Земля в окрестностях местечка песчаная, требующая усиленного удобрения, в окрестных лесах идет выработка смолы и выделка рогож. На другом берегу реки, против Березины, находится поселок Слобода, где живет лесничий гр. Потоцкого, а невдалеке у берега находятся известковые разработки. Что касается исторических воспоминаний о местечке Березино, то много о нём сказать нельзя. Оно принадлежало в прежнее время к Любошанскому старостству. В 1708 г. Карл XII, желая обойти Борисов, прошел из Минска через Игумен в Березино, где 16 и 17 июля переправился с армией через реку. От местечка Березино на восток в 10 верстах, за р. Березиной, по дороге к Могилеву, у р. Погащанки, притока Березины, лежит очень древнее местечко Погост с православной церковью св. Петра и Павла, синагогой, еврейским молитвенным домом и народной школой. Жителей в местечке 800 человек обоего пола; в населении преобладают евреи, занимающиеся мелкой торговлей, христиане занимаются земледелием, мещане жили на правах чиншенников. Местность носит характер Полесья: лугов много, в окрестных лесах много дикого зверя. В 7 верстах к с.-в. от Погоста среди глубоких лесов лежит село Кукарево. Оно расположено на правом берегу р. Клевки и принадлежит к весьма древним поселениям. По преданиям, село Кукарево было когда-то городом, но вследствие войн упало, сделавшись селом. Это предание довольно правдоподобно: здесь действительно было какое-то громадное поселение, так как и до сих пор сохранилось много кладбищ языческих и христианских. На последних, по рассказам старожилов, еще в их время сохранились громадные каменные кресты, ушедшие почти наполовину в землю. В 2 верстах от села, при дороге в Погост, лежит небольшой камень, называемый Пястуном. Местные крестьяне не трогают его, так как существует поверье: кто его тронет, потеряет зрение. В 15 верстах к востоку от местечка Погост, у р. Клевы, левого притока Березины, в северо-восточной части Игуменского уезда, расположено небольшое село Приборки, принадлежавшее Юшкевичам. Почва в окрестностях хорошая, лугов достаточно. Река Клева от этого села в весеннее время делается сплавной. В 15 верстах к ю.-з. от Приборок находится среди глухих лесов селение с очень древним славянским названием Дулеба, при одноименной реке, напоминающим известное племя дулебов, живших на Волыни.

В 19 верстах за Пуховичами (Марьиной Горкой) Либаво-Роменская железная дорога достигает ст. Талька, грузящей свыше 700 тыс. пудов лесных грузов, а еще 13 верст далее, при границе Игуменского и Бобруйского уездов, — станции Верейцы, грузящей около 500 тыс. пудов лесных грузов.

К с.-в. от станции, верстах в 9, у р. Свислочи, лежит небольшое местечко Лапичи. Расположено оно в Полесской местности, необыкновенно богатой лесами, в которых значительно преобладают липа и дуб. Крестьянское население местечка занимается обдиранием лыка с липы, выделыванием рогож, полозьев для саней и дуг. В Лапичках

есть приходская церковь. Некогда это местечко принадлежало Незабитовским, потом перешло к правительству, а в последнее время — к Ломачевскому. По дороге из местечка Лапичей в местечко Свислочь (Бобруйского уезда) лежат два поселения: в 8 верстах от Лапичей — незначительное селение Изборск, а дальше, верстах в 15 за Изборском, при р. Свислочи, местечко Холуи. Крестьяне местечка занимаются тканьем рогож из мочала, а евреи — торговлей этим товаром. В местечке есть православная Рождество-Богородичная церковь и еврейский молитвенный дом. Имение принадлежало в 1797 г. Незабитовским.

Игуменский уезд занимает площадь в 8843 кв. версты с населением в 236 тыс. душ (23 жителя на кв. версту). Леса составляют около 45% уезда (385 тыс. десятин), пашни — 23% (200 т.д.), луга и выгоны — 12% (103 т. д.), болота и пески — около 20% (167 т. д.). Почва супесчаная и песчаная, местами распространены тростниковые болота. Главные занятия населения — земледелие, лесные промыслы и сплав.

Перейдя в Бобруйский уезд, железный путь в 9 верстах за Верейцами достигает станции Осиповичи, грузящей свыше 1 млн. пудов лесных грузов.

От станции Осиповичи к ю.-з. отходит 40-верстная лесная железнодорожная ветвь до станции Старые Дороги, расположенной при Московско-Брестском шоссе и грузящей свыше 5 млн. пудов лесных грузов. Приблизительно на полпути эта ветвь пересекает р. Птичь и оставляет к юго-востоку верстах в 15—17, на этой реке, близ Московско-Брестского шоссе село Симоновичи и Заволочины. Имение при последнем селе принадлежало прежде Яксам-Быковским, а затем по женской линии перешло к инженеру ген. Жилинскому, известному осушителю Полесья. В имении есть красивый дом, резиденция владельцев с обширным фруктовым садом и оранжереей, а также винокуренный завод и мельница. Некогда здесь была католическая часовня.

От Старых Дорог Московско-Брестское шоссе направляется на запад к г. Слуцку (47 верст). В пределах Бобруйского уезда оно оставляет к северу от себя в расстоянии 12 верст село Залужье, принадлежавшее некогда Радзивиллам, а в 10 верстах севернее его, на р. Птичи — волостное село Житинь, принадлежавшее тем же владельцам. Верстах в 8 к западу от Залужья лежит село Подоресье, принадлежавшее когда-то кн. Олельковичам, а затем Радзивиллам и, наконец, Витгенштейнам. Имение это заключает в себе до 395 волок. Местность вокруг всех этих сел имеет вполне полесский характер, изобилует зверями, дичью, грибами, ягодами и медом. В окрестностях названных сел развито смолокурение. В 25 верстах от Старых Дорог шоссе переходит из Бобруйского в Слуцкий уезд и оставляет к северу от себя, верстах в 3, бывшее радзивилловское, а затем витгенштейновское село Омховичи, а к югу от шоссе, верстах в 13, лежит местечко Уручье, некогда принадлежавшее кн. Олельковичам, потом Радзивиллам, Витгенштейнам, а в последнее время кн. Гогенлоэ. В местечке есть Николаевская деревянная церковь, построенная прихожанами, католическая каплица, еврейский молитвенный дом и винокуренный завод. Некогда в местечке был стеклянный завод, устроенный кн. Радзивиллом Пане Коханку. Изделия этого завода украшали известный Несвижский замок и прославились на весь край.

К ю.-в. от Уручья, верстах в 20, при р. Орессе, притоке Птичи, лежит местечко Любань. Жителей здесь 500 человек. В местечке есть Преображенская церковь, еврейская школа, а также пристань на р. Оресе, с которой отправляется всех грузов вниз свыше 20 тыс. пудов. Утверждено оно в правах местечка в 1808 г. минским губернским правлением на основании старинных инвентарей. В населении преобладают евреи, занимающиеся мелкой торговлей, покупкой меда, грибов и рыбы.

В 22 верстах от границы Слуцкого уезда, на шоссе при р. Случи, лежит уездный город **Слуцк**, в летописях Случеск, Случек. Время основания г. Слуцка неизвестно. Вероятно, он возник еще в доисторическое время. Первое же упоминание о нем в летописях относится к 1116 г., когда он принадлежал Владимиру Мономаху и был сожжен кн. Глебом Минским. В 1148 он отошел к черниговскому князю Святославу, а несколько лет спустя был возвращен снова киевской линии князей, а именно кн. Владимиру, младшему брату Ростислава, кн. киевского, которого потом изгнали отсюда туровские князья и овладели городом. Около 1270 г. Слуцк вошел в число владений Литвы, но осталось неизвестным, составлял ли он в то время столицу уезда или нет. Через пять лет город подвергся нападению войск Менгли-Гирея с дружинами русских князей. Татары были приглашены галицким князем Львом на помощь против Тройдена, князя литовского. Затем летописи умалчивают о Слуцке почти вплоть до XIV в., когда Витовт отдал своему родственнику кн. Владимиру Ольгердовичу Копыль с окрестностями, к которым принадлежал и Слуцк. В это время Слуцк образовал собой отдельный удел, но значение приобрел он только при сыне Владимире — кн. Александре Олельке, когда Казимир Ягеллончик в 1441 г. подарил городу магдебургское право. Это обстоятельство способствовало развитию города, и он считался в то время одним из важнейших городов Северо-Западного

края. Таким образом, родоначальником последующих Олельковичей надо считать Александра. Дальнейшее развитие города было задержано татарскими набегами: в 1503 г. татарские войска осадили город и сожгли его; в следующем году город снова подвергся нападению татар, но на этот раз татары не успели убежать. Настигнутые кн. слуцким Симеоном у Припяти, они были разбиты наголову. В 1506 г. произошло третье нападение татар на Слуцк. Махмет-Гирей с братьями в день Успения Божей Матери подошел к Слуцку, но крепости, защищаемой женой кн. Симеона княгиней Анастасией, взять не мог, хотя сильно опустошил город. Три года спустя Слуцк был опустошен кн. Михаилом Глинским, мстившим Анастасии за отказ ему в своей руке. В 1579 г. Слуцк был разделен на части между тремя братьями. Следы этого раздела сохранились и до сих пор (Старый город, Тройчаны и Остров). С прекращением мужского поколения кн. Олельковичей София Олелькович вышла замуж за кн. Яна Радзивилла. Таким образом Слуцк перешел в род Радзивиллов и сделался рассадником кальвинизма. Януш Радзивилл построил в предместье Новый Город в 1617 г. кальвинский храм. В это же время здесь поселилось несколько шотландцев, которые значительно расширили городскую торговлю, вывозя свои продукты не только в самые отдаленные места Польши, но даже в Россию и Германию. Затем Радзивиллы ввели в Слуцке муниципальное немецкое право и еженедельные торги, а также держали здесь сильный гарнизон, так что осада Слуцка казаками в 1648 г. и русскими войсками в 1655 г. под предводительством кн. Трубецкого не могла быть успешной, хотя в последнем случае и было опустошено русскими предместье Тройчаны. После перенесенных несчастий город получил много разных привилеев, а также и герб, изображающий в красном поле скачущего всадника в панцире, прикрывающегося щитом и держащего в правой руке меч на размахе. С 1673 г. по 1732 из-за Слуцка велась тяжба между Радзивиллами и Сапегами, окончившаяся в пользу Радзивиллов, а в 1775 г. вследствие пожара и упадка города сейм уволил его от всех податей на десять лет.

В 1778 г. последовало решение сейма о назначении Слуцка главным городом Слуцко-Речицкого уезда. Уезд просуществовал до 1793 г., после чего Слуцк очень недолго принадлежал к Несвижскому уезду Минского наместничества, а с 1795 г. был сделан уездным городом Минской губернии. В 1848 г. Слуцк был приобретен в казну у кн. Витгенштейна за 342 800 руб. Город Слуцк ныне делится на три части: Старый город, Новый город, называемый также Тройчанами, и предместье Остров. Есть, впрочем, и еще одна часть города, известная под названием Школище, заселенная исключительно евреями. Жителей в городе свыше 14 000. В Слуцке имеется 8 православных церквей, мужской монастырь, католический бывший бернардинский костел, две католические каплицы, две кальвинистские церкви (одна устроена еще Янушем Радзивиллом в готическом стиле с изящной башней, другая — малая, существует с 1852 г.), две синагоги и несколько еврейских молитвенных домов. Из упомянутых церквей соборная Успенско-Николаевская построена в 1819 г. прихожанами. На месте этой церкви кн. Олельковичами была построена в 1409 г. замковая Успенская церковь в память победы над татарами. В ней находилась чудотворная икона Божией Матери и при ней были богадельня и церковное братство. Вознесенская церковь построена в 1782 г., а Михайловская неизвестно когда, но в Несвижском архиве было указание, что церковь существовала здесь еще в XIV в. Мужской монастырь носит название Троицкого и находится при р. Случи в предместье Тройчаны. Время возникновения монастыря неизвестно. При монастыре есть церковь с двумя приделами и склепом. Церковь эта также неизвестно кем и когда построена, во время польских волнений 1655 и 1660 гг. была разрушена до основания, а в 1786 г. возобновлена. Достопримечательные предметы в названном монастыре следующие: в правом приделе — нетленные мощи св. мученика младенца Гавриила, пострадавшего от евреев в 1690 г., в том же приделе — нетленные мощи св. Софии, последней княжны Слуцкой—Олельковны, в свинцовой раке, евангелие собственноручно и весьма красиво писанное кн. Юрием Юрьевичем Олельковичем, серебряная позолоченная чаша с финифтяными украшениями, икона вселенских соборов, серебряная таблица с изображением Бога Отца, Сына и Св. Духа 1776 г., пожертвованная Анной Лапицкой. В склепе перед церковью похоронена кн. Мария, супруга Януша Радзивилла, и там же находятся портреты четырех слуцких князей: Александра Олелька, Симеона, Юрия и Александра и синодик с записями имен митрополитов киевских, рода кн. слуцкого Юрия Семеновича Олельки, кн. Константина Острожского и др. Кроме того, в Слуцке прежде было еще два монастыря — Ильинский мужской, а потом женский и Братский Преображенский мужской. Из учебных заведений в Слуцке есть мужская гимназия, духовное училище, приходское училище с женской сменой, толмуд-тора и несколько хедеров, четырехклассное женское училище, несколько частных училищ и публичная библиотека, городская больница на 15 человек и тюремная на 10 человек, а также боль-

ница при духовном училище, две аптеки, столько же мукомольных мельниц, пивоваренный завод и медоваренный. В Слуцке есть волостное правление, съезд мировых судей и слуцкий попечительный о бедных комитет имп. человеколюбивого общества. В торговом отношении город не имеет большого значения, он мало оживлен в виду отдаленности станций железных дорог, и вся городская торговля находится в руках евреев. Торги бывают два раза в неделю — в среду и пятницу. В году бывает 4 ярмарки: 9 мая, в день Св. Троицы, в девятую неделю по Пасхе и на Петра и Павла. Оборот ярмарок незначителен. Жители-мещане занимаются земледелием и достаточно зажиточны. Доходы города достигают свыше 27 500 руб. В городе процветает огородничество и садоводство. Слуцк и его окрестности славятся известными по вкусу и аромату грушами, называемыми слуцкими бэрами.

Остановимся на нескольких лежащих сравнительно недалеко от Слуцка селениях восточной части Слуцкого уезда. В 15 верстах на север от г. Слуцка лежит довольно большое местечко Грецк с Рождественско-Богородичной церковью. Принадлежало оно Радзивиллам и в XVI в. получило права местечка. В 1570 г. в Грецке были учреждены еженедельные торги королем Сигизмундом Августом. В 10 верстах к западу от местечка Грецка, при р. Ушанке, находится местечко Грозово. Расположено оно на довольно высоком месте и имеет несколько порядочных зданий. Жителей здесь свыше 200 человек обоего пола. Из числа жителей более половины евреев, которые, впрочем, живут на особой улице и не имеют права селиться возле монастыря. В Грозове две православные церкви, православный монастырь, костел, два еврейских молитвенных дома, сельская школа, лавки и винокуренный завод. Местечко это чисто русское по началу своего происхождения, что видно из самого названия Грозов, и довольно древнее. В числе актов Минской губернии упоминается завещание подстолины Горватовой от 1748 г., в котором говорится о двух церквах в Грозове — Николаевской и Ирининской и монастыре. Обе эти церкви и монастырь существуют и в настоящее время и, вероятно, были здесь значительно раньше завещания Горватовой. Судя по церковным актам, в которых упоминается о пожертвованиях в пользу грозовских церквей в начале XVII в., надо думать, что эти церкви возникли во всяком случае не позже XVI в. В монастыре есть икона чисто византийской живописи, написанная, без сомнения, в XVII в. Монастырь небольшой, но в нем хорошо и изящно. Раньше этот монастырь находился во владении слуцкой семинарии, а с переводом последней в Минск поставлен в непосредственную зависимость от минской консистории.

В 24 верстах к западу от г. Слуцка при безымянной речке расположено местечко Романово. Жителей здесь 800 человек, две православные церкви и еврейский молитвенный дом. Романово было прежде селом, а с 1718 г. было сделано местечком. В том же году король Август II дозволил учредить здесь торги. Местечко Романово связано воспоминаниями с событиями 1812 г. 2 июля Платов был атакован у Романова семью кавалерийскими полками. Казаки, опрокинув их, гнали до самой неприятельской пехоты, расположенной в пяти верстах от Романова, но неприятель, усилившись здесь значительным подкреплением, заставил казаков отступить к Романову. Казаки, отступая, встретились с отрядом ген. Васильчикова и некоторыми другими полками, и когда неприятель подошел к позиции, он был встречен огнем орудий и атакован с флангов казаками. Дело продолжалось более часа и окончилось отступлением неприятельских войск к местечку Тимковичи.

К с.-з. от местечка Романово верстах в 15, при р. Каменке, лежит местечко Копыль, весьма древнее поселение, окруженное курганами. Найденные в окрестностях каменные и костяные орудия свидетельствуют, что эта местность была заселена уже в ту отдаленную эпоху — каменный век, когда человечество не знало еще употребления металла. В XVI в. Копыль именовался городом. В настоящее время это небольшое местечко, в котором насчитывается до 340 жителей и 41 двор. В местечке находятся православная церковь и каплица, костел, реформаторская церковь, два еврейских молитвенных дома, школа начальная и две еврейские школы. Кроме того, здесь есть пивоваренный завод, две водяные мельницы и лавки. Копыль находится уже в северной, возвышенной части Слуцкого уезда. Начиная от местечка Клецка, через местечко Копыль до местечка Грозово возвышенность раскидывается по всей северной части уезда, образует широкую полосу плодородных холмов и служит водораздельной линией между бассейнами Припяти и Немана. Главное занятие населения Копыля — земледелие. Во время литовского владычества Копыль вместе со Слуцком составлял особое княжество, но, как поселение, он возник гораздо раньше Слуцка. Первым его самостоятельным владельцем был правнук Ольгерда кн. Михаил Олелькович. В XVI в. Копыль несколько раз подвергался нападениям татар. Одно из таких нападений в 1506 г., как мы упоминали выше, было отражено с большим уроном для татар кн. Анастасией Васильевной, женой кн. Олельковича. От Олельковичей Копыль перешел в XVII в. к Радзивиллам. В 1652 г.

Копыль получил от короля Яна Казимира грамоту на магдебурское право. В то же время Копылю был дан герб с изображением в золотом поле охотничьего рога, и в местечке были учреждены ярмарки и еженедельные торги, а так же здешние цехи уравнены в правах с цехами в других городских поселениях. Эти привилегии впоследствии были дважды подтверждены во второй половине XVII в. и в начале XVIII в., причем, в особенности были определены права цехов шапочного, ткацкого и пр., благодаря чему Копыль славился ткацким и шапочным ремеслами. В 20 с небольшим верстах от г. Слуцка на ю.—ю-в. расположено при р. Случи местечко Погост. Некогда местечко принадлежало кн. Слуцким-Олельковичам, с 1617 г. в качестве вена последней из рода княжны Софии перешло во владение кн. Радзивиллов, а позже, тоже в качестве приданого — к кн. Витгенштейнам. Местечко имеет около 78 дворов, главным образом принадлежащих евреям, церковь Иоанна Крестителя и сельскую школу. Местность вокруг местечка отчасти носит характер Полесья, низменная, а отчасти холмистая и безлесная. Имение при местечке состоит из четырех с лишком тысяч десятин. Земля довольно урожайная, лугов надречных и болотистых много. Есть мельница и винокуренный завод. Владелец имения Оттонь Бохвиц сам ведет хозяйство. Жители Погоста занимаются сельским хозяйством и пчеловодством.

На юго-запад от Погоста, верстах в 20, расположено у р. Случи местечко Старобино, окруженное большими болотами. От этого местечка по Случи сплавляют лес и груженые суда. До Старобина на р. Случи построено несколько мельниц и мостов. Из этого местечка отправляется вниз дров и лесных материалов в плотах и на плотах свыше 150 тыс. пудов. Жителей в Старобине свыше 3100 человек. В Старобине есть церковь св. Михаила, училище и почтовая станция. Жители местечка занимаются кроме торговли производством деревянных изделий, арендуют сенокосы по болоту. Правами местечка Старобино пользуется с 1703 г.; в том же году грамотой короля Августа II были учреждены здесь ярмарки и еженедельные торги. Конская ярмарка бывает однажды в год — в первые два дня Масленицы. Некогда Старобино принадлежало кн. Олельковичам, потом Радзивиллам, Витгенштейнам и в последнее время — кн. Гогенлоэ. К с.-з. от Старобина, верстах в 15, лежит с. Заушицы, принадлежавшее прежде кн. Прушинским, а в 10 верстах далее в том же направлении — местечко Визна с православной церковью св. Николая и волостным управлением; здесь была католическая часовня. Принадлежало это местечко некогда кн. Слуцким Олельковичам, а в 1612 г. вошло в состав аллодиальных радзивилловских имений. Позже, лет 50 тому назад, Визна перешла по наследству к кн. Гоненлоэ. В 10 веке к ю.—ю.-з. от Визны лежат селения Большой и Малый Рожины; из них Большой Рожин расположен с правой стороны р. Случи, а Малый Рожин — с левой стороны. В прежнее время эти села принадлежали Радзивиллам, а позже перешли к Витгенштейнам. Местность вокруг селений низменная, безлюдная, лесов и лугов много; в лесах развито в значительном размере производство скипидара; крестьяне занимаются также откармливанием скота на продажу и пчеловодством.

По Московско-Брестскому шоссе, в 35 верстах на запад от г. Слуцка, у р. Морочи, в красивой местности лежит село Киевичи, богатое лугами. До 1863 г. село принадлежало Мочельницким, а затем имение было пожаловано Климову. В имении при селе в значительных размерах ведется земледельческое и молочное хозяйство. В 2 верстах к югу от Киевичей лежит местечко Семежево, у р. Морочи и в ровной и малолесной местности. До 1874 г. местечко принадлежало к клецкому майорату, а потом к несвижскому. В местечке 8 улиц. Посередине местечка возвышается Покровская церковь с тремя куполами, построенная Радивиллами на месте старой в 1720 г. По преданию, Семежево было основано колонистами, и действительно это подтверждается тем, что жители его значительно отличаются от окрестного населения трудолюбием, любовью к порядку и опрятности, нравственностью и способностями к ремеслам. Жители этого местечка крепостными никогда не были и платили чинш на землю. Здесь была прежде церковная школа, а с 1868 г. построено народное училище. Преобладающая масса населения умеет читать и писать. В прежнее время, по рассказам, здесь часть населения занималась дрессированием медведей, а также существовала какая-то школа фокусников. К северу от Киевичей, верстах в 10, лежит местечко Тимковичи, при впадении реки Можи в г. Марочь. В местечке есть две православные церкви и католический костел, построенный в 1647 г. из дерева Л.Сапегой. Тимковичи принадлежали прежде Ходкевичам, потом Сапегам, а с 1874 г. вместе с клецким имением вошли в состав несвижского имения.

Возвращаемся к ст. Осиповичи Либаво-Роменской железной дороги. В 25 верстах к с.-в. от Осиповичей по большой дороге, при впадении р. Свислочи, расположено местечко Свислочь. В местечке две церкви, почтово-телеграфное отделение и пристань, отправляющая более 500 тыс. пудов лесных грузов. Местечко Свислочь довольно древнее, принадлежало к числу королевских волостей.

В 1510 г. земский король Сигизмунд жаловался, что русские пограничные люди проникают в Бобруйск и Свислочь и больше причиняют ущерба, чем татары, которые также делали в то время набеги. Местечко несколько раз упоминается в актах XVI в. В 1535 г. Свислочь была разорена русскими войсками.

За Осиповичами, на Либаво-Роменской железной дороге, в 12 верстах, лежит станция Татарка, грузящая свыше 50 тыс. пудов лесных грузов, а еще в 8 верстах далее — станция Ясень, грузящая свыше 400 тыс. пудов тех же материалов. За Ясенью, в 19 верстах, железный путь достигает уездного города Бобруйска.

Бобруйск расположен при пересечении р. Березины Московско-Брестским шоссе, Могилевско-Бобруйским шоссе и Либаво-Роменской железной дорогой. Станция грузит (вместе со ст. Березиной, расположенной у реки в 4 верстах далее Бобруйской станции) свыше 2350 тыс. пудов главным образом лесных грузов, да пристань на Березине — свыше 150 тыс. пудов тех же материалов. Время основания города неизвестно, но, без сомнения, он издревле был русско-славянским поселением. Первые же исторические известия о Бобруйской волости относится к XV в., а о городе — только к XVI в. Из его истории известны следующие события: в 1502 г. Бобруйск подвергся нападению крымских и аккерманских татар и был совершенно опустошен. Несколько лет спустя Бобруйск был осажден русскими под предводительством знаменитого кн. Михаила Глинского, но по приходу польского короля осада была снята. Эти войны и постоянно причиняемые пограничными русскими отрядами беспокойствия и опустошения, на которые жаловался в своем письме король Сигизмунд великому кн. московскому Васи́лию Ивановичу, а с другой стороны, отягчение жителей разными излишними и незаконными поборами — не могли способствовать росту города, и последний понемногу приходил в упадок. Жители обратились с просьбой к королю, который в 1511 г. дозволил им вносить все подати и платежи непосредственно в казну; это обстоятельство значительно подняло город, и Бобруйск сделался одной из лучших волостей. В XVI в. в Бобруйске был построен Петром Тризной католический костел, а в 1527 г. было положено основание резиденции иезуитов. У них были здесь школы вплоть до изгнания этого ордена, несмотря на то, что резиденция иезуитов была упразднена раньше. В половине XVII в. (1648 г.) город под начальством Поддубича выдержал продолжительную осаду Воловича и Гонсевского, которые, чтобы отомстить городу за то, что он принял сторону казаков, окружили его громадными войсками. Через некоторое время к осаждающим присоединился гетман литовский Януш Радзивилл, и жители Бобруйска решили сдаться. В 1665 г. Бобруйск был разорен казаками и потерял свое значение, оставаясь незначительным местечком до третьего раздела Польши, когда был присоединен к России. Герб г. Бобруйска, пожалованный ему 1796 г., изображает в середине поля мачту и два крестообразно положенных дерева, приготовленных для мачт, указывая на местное производство строительных материалов. До 1795 г. Бобруйск был казенным местечком, а потом был сделан уездным городом Минской губернии. В начале царствования имп. Александра I, по мысли гр. Остермана, в Бобруйске была возведена крепость, имевшая важное значение в 1812 г. На Бобруйскую крепость имп. Николай обратил свое особенное внимание и поставил ее наряду с лучшими крепостями Европы. Крепость построена на возвышении, при самом впадении р. Бобруйки в Березину, в одной версте от города, и состоит из главной крепости, целого ряда бастионов, передовых укреплений — «Фридрих-Вильгельм» и башни «Гр. Остермане». С трех сторон ее окружают предместья, а с четвертой — левый берег Березины с непроходимыми болотами. Жителей в Бобруйске, по переписи 1897 г., числилось 35 200 человек обоего пола, в том числе большая часть евреев. В городе имеется четыре церкви: Николаевская соборная церковь, деревянная, построенная в 1855 г. на счет казны, с богадельней. К этой церкви принадлежит Бобруйская св. мученицы Софии, деревянная, построенная в 1829 г. полковником Розен-Марком, Луковская Николаевская церковь, построенная в 1826 г. прихожанами, и Думановская Георгиевская церковь. Есть католический костел св. Петра и Павла, каменный, построенный в 1615 г. Петром Тризною. Учебных заведений в городе числится одна мужская прогимназия и 15 разных других школ, есть также благотворительное общество. Фабрик и заводов насчитывается 15, в их числе 4 лесопильни, 2 кирпичных завода, 2 мельницы, 2 табачные фабрики, кожевенный завод, мебельная фабрика, винокуренный завод, маслобойный и пивоваренный. Торговля города хлебом и лесом значительная и преимущественно носит отпускной характер. При городе есть пароходная и вообще судоходная пристань на р. Березине; к ней привозится хлеб и соль из южных губерний; хлеб следует далее в Кёнигсберг по рекам и в Либа́ву по Либаво-Роменской железной дороге. Торговля города почти целиком сосредоточена в руках евреев. Городские доходы превышают 73 тыс. руб.

В 43 верстах от Бобруйска на ю.-з., на правом берегу р. Птичи, расположено очень древнее вла-

дельческое местечко Глуск, прежде называвшееся Глуском Домбровицким. Почва вокруг местечка малоплодородная; местность носит характер Полесья и действительно глухая, отчего и произошло, как некоторые думают, название Глуск. Однако несмотря на все это, положение местечка при дорогах, идущх от четырех важных пунктов, а именно Минска, Слуцка, Мозыря и Пинска, а также то обстоятельство, что местечко расположено над сплавной р. Птичью, способствовали его росту и Глуск всегда был торговым пунктом. Первые достоверные известия о Глуске относятся к XV в., когда он был во владении кн. Гольшанских, состоявших в родстве с домом Витовта и имевших здесь укрепленный замок на берегу р. Птичи. Окопы этого укрепления остались и до наших дней. В 1508 г. в Глуске велись переговоры между посланным московского великого кн. Василия Ивановича Шигоно-Поджошным и известным литовским вельможей кн. Михаилом Глинским, решившимся перейти в Москву. В 1525 г. король Сигизмунд дал грамоту, по просьбе жителей, на утверждение в местечке Глуск ярмарки, что значительно подняло местечко. В половине XVI в. Глуск был подарен владельцем кн. Гольшанским королю Сигизмунду Августу, а этот последний подарил его Яну Ходкевичу. Потом им владели пополам Чарторийские и Полубинские, а в XVII в. он принадлежал только Полубинским. В Глуске, по последним данным, живет свыше 5100 человек обоего пола, из которых половина евреев; последние занимаются торговлей скотом, а также фабрикацией так называемого «глусского чая», приправляя его зельем, похожим на чай. Христиане занимаются земледелием и скотоводством, а также рыболовством и пчеловодством. В местечке две церкви — одна православная Воскресенская, построенная прихожанами в 1818 г., и вторая— Богоявленская. Затем есть пять еврейских молитвенных домов, народное училище, три кожевенных завода и довольно много лавок.

На ю.-з. от Глуска, верстах в 25, в южной части Бобруйского уезда лежит село Славковичи с церковью св. Косьмы и Домиана, выстроенной в 1796 г. Принадлежало село некогда Рейтанам. В Славковичах есть ветряные мельницы, а в окрестностях его много болотистых лугов.

От Бобруйска по р. Березине существует пароходство — вверх до г. Борисова, а вниз — до устья р. Березина, т.е. до местечка Горваля. Вверх по Березине, за исключением вышеупомянутого местечка Свислочи, особенно замечательных населенных пунктов нет, а вниз верстах в 40 от Бобруйска расположено местечко Паричи. Жителей в нем свыше 4000 человек, 2 православные церкви, 3 еврейских молитвенных дома, женское духовное училище и при нем образцовая школа, 2 начальных училища, 2 больницы, аптека, винокуренный завод и почтово-телеграфное отделение. Паричи — торговое местечко: здесь ведется главным образом лесная торговля. На р. Березине пристань грузит до 250 тыс. пудов грузов, преимущественно лесных. На ю.-з. от Паричей, верстах в 40, недалеко от границы Мозырского уезда, над озером, образуемом от разлива р. Оховки, притока р. Цны, лежит незначительное местечко Озаричи с Петропавловской православной деревянной церковью, построенной владельцем Царинским в 1762 г. В 1786 г. король Станислав Август привилеем учредил здесь ярмарки. После третьего раздела Польши Озарицкое староство было пожаловано имп. Павлом I тайному советнику Лошкареву. Окрестности местечка носят характер Полесья, низменны; здесь много лугов, процветает рыбная ловля, а также много зверей. Верстах в 22 от Парич, вниз по р. Березине, лежит местечко Чирковичи. В местечке есть православная Петропавловская церковь, деревянная, построенная в 1840 г. помещиками Пущиными. Благодаря близости пристани Горваля на р. Березине. Чирковичи являются сравнительно оживленным торговым пунктом.

За Бобруйском Либаво-Роменская железная дорога близ станции Березины (4 версты) пересекает мостом р. Березину, а затем через 20 верст достигает станции Ковали, грузящей до 250 тыс. пудов лесных грузов. За Ковалями железный путь пересекает мостом р. Олу и, пройдя от Ковалей 20 верст, достигает ст. Красный Берег, грузящей до 300 тыс. пудов лесных грузов и раскинутой при р. Добасне у самой границы Могилевской губернии.

В 8 верстах к северу от станции, при р. Добасне, расположено местечко. Поболово с бывшей униатской деревянной церковью св. Петра и Павла. Жителей в Поболове насчитывается 300 человек обоего пола. Население кроме земледелия занимается рыболовством в Добасне. Есть в местечке еврейский молитвенный дом и собираются 2 ярмарки. Местечко это известно с XVI в. и в то время принадлежало Зенковичам, а в последнее время находилось во владении Пелагеи Малиновской. Во время казацких войн оно не раз было разоряемо. После одного из таких разорений в 1595 г. король Сигизмунд III дал ему право на ярмарки; привилей этот подтвердил король Станислав Понятовский 9 марта 1788 г. Местность в окрестностях Поболова носит характер Полесья — почва плохая, лугов достаточно.

Бобруйский уезд занимает площадь в 10 721 кв. версту с населением в 256 тыс. душ (21 жителей на кв. версту). Под лесами состоит около 43% площади уезда (387 тыс. десятин), под пашней 22% (194

т. д.), под лугами выгонами 12% (104 т. д.), под болотами и песками 22% (198 т. д.). Почва преимущественно песчаная и болотистая; суглинистые участки встречаются очень редко. Главные занятия жителей — лесные и судовые промыслы и в незначительной степени земледелие.

За ст. Красный Берег Либаво-Роменская железная дорога вступает в Рогачевский уезд Могилевской губернии и, пройдя 18 верст, достигает станции Жлобин, где примыкает к ней описанная выше Витебско-Жлобинская железная дорога и пересекает Либаво-Роменскую железную дорогу р. Днепр. Станция Жлобин грузит свыше 400 тыс. пудов преимущественно лесных грузов и отчасти хлеба. Поселение на месте Жлобина существовало еще в языческие времена. Здесь нередко вырывают погребальные урны с пеплом. Мнение некоторых историков, что нынешний Жлобин есть древний Хлепень, в настоящее время отвергается. В XV в. Жлобин принадлежал Ходкевичам. Во время войны великого кн. Ивана III с королем Александром Жлобин был присоединен к Москве, но затем опять отошел к Литве. В 1818 году Жлобин считался местечком. Жителей в Жлобине насчитывается свыше 3100, в том числе свыше 1700 евреев. Жлобин ведет довольно значительную торговлю хлебом, пенькой и льном. В Жлобине есть становая квартира, почтово-телеграфное отделение, народное и железнодорожное училища, православная церковь и пять еврейских молитвенных домов. Близ местечка Жлобина раскинулась так называемая Царская Слобода. Она обязана своим происхождением тому, что бывший наместник Северо-Западного края гр. М.Н.Муравьев, уничтожив бывшие шляхетские околицы, поселил здесь отставных солдат и построил церковь и школы — мужскую и женскую.

К югу от Жлобина верстах в 10, на Днепре расположено село Проскурино, замечательное в археологическом отношении. Здесь сохранились городища, курганы, могильники без насыпей, с погребением в урнах, и находят каменные орудия. К югу от Проскурина, верстах в 8, на Днепре лежит местечко Стрешин с древним городищем. Некоторые ученые в Стрешине видели древний Стрежев, но в настоящее время это мнение отвергается. В конце XIV в. Стрешин был приписан к виленскому каноникату. По присоединении Белоруссии к России Стрешин, принадлежавший виленскому капитулу, был конфискован и пожалован гр. Остерману. В местечке насчитывается до 1800 жителей, в том числе евреев свыше 1100. Торговля местечка — преимущественно мелочная. В Стрешине есть волостное правление, народное училище и каменная православная церковь, в которой на горном месте помещен большой образ, изображающий положение Христа в гробу, присланный гр. Остерманом, которому он был подарен Александром I.

Перейдя мостом р. Днепр у Жлобина, Либаво-Роменская железная дорога через 11 верст достигает станции Хальч, грузящей до 700 тыс. пудов грузов, преимущественно лесных. За Хальчем в 10 верстах находится станция Салтановка, грузящая до 2 млн. пудов лесных грузов, а еще через 18 верст — Буда Кошелевская, грузящая около 90 тыс. пудов лесных грузов, последняя в Рогачевском уезде.

К юго-западу от Буды Кошелевской, верстах в 18, в Гомельском уезде лежит село Чеботовичи, в окрестностях которого было очень развито иночество (ченцы-чернецы). Здесь же находили много оружия — копья, мечи, бердыши (времени казацких войн). К северо-западу от Чеботович, верстах в 8, в Рогачевском уезде лежит селение Смычек, бывшее пограничным пунктом во время польского владычества. Здесь была сторожевая вышка.

В 10 верстах за Будой Кошелевской Либаво-Роменская железная дорога выходит из Рогачевского уезда в Гомельский уезд.

Рогачевский уезд занимает площадь в 6546 кв. верст с населением в 231 тыс. душ (34 жителя на кв. версту). Лесная площадь в нем составляет около 36 $^1/_2$% (225 тыс. десятин), пашня — 25% 181 т. д.), луга и выгоны — 15 $^1/_2$% (95 т. д.), болота и пески — 19% (118 т. д.). Почва уезда большей частью песчаная и только в восточной части супесчаная; по долинам рек Днепр и Друть развиты узкими полосами пойменные почвы. Местами, в особенности в западной части уезда, имеются тростниковые болота. Главные занятия жителей — лесные, судовые промыслы и земледелие.

Перейдя в Гомельский уезд, железный путь попадает в сравнительно безлесные пространства и в 20 верстах от Буды Кошелевской достигает станции Уза, или Семеновка, грузящей всего 2 тыс. пудов хлебных грузов.

Верстах в 2 на ю.-з. от станции расположено село Руденец — бывшее когда-то местопребыванием известного митрополита Сестренцевича. При р. Узе, в 5 верстах к западу от станции Семеновка, лежит местечко Уваровичи. Уваровичи известны еще с конца XV в., когда они неоднократно упоминаются в переговорах. Раскопки курганов в Уваровичах дали типичные славянские погребения с сосудами и восточной монетой 930 года. В 10 верстах к югу от Уварович лежит село Старая Белица, бывшая в течение нескольких лет (с 1773 до 1777 г.) уездным городом; в 1777 г. город отсюда был переведен в Новую Белицу.

Верстах в 8 за Семеновкой Либаво-Роменский путь скрещивается с Петербургско-Киевским шос-

се, а затем в 11 верстах от Семеновки достигает станции Костюковки, грузящей свыше 400 тыс. пудов хлебных и лесных грузов. В 10 верстах за Костюковской железная дорога достигает станции Гомель, при пересечении с Брестско-Брянской линией Полесских железных дорог, грузящей только около 100 тыс. пудов хлебных и лесных грузов, так как главная их нагрузка (свыше 5 $^1/_2$ млн. пудов) происходит на станции Полесских железных дорог.

Гомель, самый южный город Могилевской губернии, расположен при Либаво-Роменской и Полесской железных дорогах и Петербургско-Киевском шоссе, на высоком правом берегу р. Сож, близ впадения в нее р. Ипуть. Гомель принадлежит к числу древнейших поселений радимичей: под именем Гомий, Гомье он упоминается в летописи в половине XII в., а именно в 1142 г. смоленский князь Ростислав Мстиславич напал на Гомий, принадлежавший тогда черниговскому кн. Игорю Ольговичу, и взял этот город вместе с тремя другими городами Гомельской волости, но черниговские князья вернули потом Гомель. После Игоря владельцем Гомеля был князь черниговский Изяслав Давидович, который, сделавшись великим князем киевским, удержал за собой Гомель. Теснимый в Киеве Изяслав в 1159 г. «бежа в Гомьи», в котором и заперся вместе со своей супругой. Некоторое время затем Гомель принадлежал кн. Игорю, герою поэтического «Слова о полку Игореве». Впоследствии Гомель отошел опять к Черниговскому княжеству и подпал под власть Литвы. Гомель вместе со Стародубом образовал удел кн. Патрикия Наримунтовича, племянника Ольгерда. В 1446 г. выехавший в Литву боровский кн. Василий Ярославич получил от короля Казимира в вотчину Гомель. Но кн. Василий вскоре вернулся в Москву, и Гомель в 1452 г. достался кн. Свидригайлу. Позднее этот город явился уже вотчиной кн. Можайских Ивана Андреевича и его сына Симеона. За последним он был утвержден грамотами короля Александра в 1496 и 1499 гг. Но в 1500 г. кн. Симеон, не желая «приступить к римскому закону», к чему принуждал его король, отъехал в Москву. В договоре, заключенном вел. кн. Иваном III с Польшей, было постановлено, чтобы вотчину кн. Симеона «не воевати и не зацепляти ничем». Тем не менее Гомель почти ежегодно подвергался нападениям. В 1535 г. король Сигизмунд Август решил «моцный и обороною способенный Гомей достать, або огнем его спалить». Кн. Радзивилл взял город, чему король очень обрадовался. При заключении мира в 1537 г. Гомель остался за Литвой. Гомель считался в числе королевских волостей, составлял особое староство и пользовался магдебургским правом. В 1649 г. Гомель был взят казаками, причем почти все евреи (до 1500 человек) были вырезаны, но в следующем году Гомель был взят обратно поляками. В 1655 г. город добровольно сдался «полковнику гомельскому» Золотаренку, что, однако, не спасло его от разорения. По Андрусовскому договору Гомель достался Польше. В 1684 г., при гетмане Самойловиче, стоило казакам появиться перед Гомелем, как все гомельские села на левом берегу Сожа отпали от Польши и присоединись к ним. В 1772 г. Гомель в качестве местечка был присоединен к России и пожалован фельдмаршалу гр. Румянцеву, у наследников которого местечко было выкуплено казной, а имение в 1834 г. — кн. Паскевичам. С 1838 г. и сам г. Гомель поступил в беспереобрачное владение кн. Паскевича. В 1773 г. Гомель был назначен уездным городом Рогачевской провинции, но был таковым только до 1777 г., в 1852 г. вновь был назначен городом с переводом туда уездного управления из г. Белицы, который оставлен заштатным и в 1854 г. присоединен к Гомелю в виде предместья. В гербе города, в нижней части щита, изображена в лазуревом поле лежащая рысь. Это прежний герб г. Белицы, в знак того, что «таковых зверей в окрестностях сего города весьма много».

Гомель — самый торговый и лучший из уездных городов Могилевской губернии. Лучшим украшением города служит каменный дворец кн. Паскевича, находящийся на высоком берегу р. Сож. Построен он еще гр. Румянцевым, но Паскевич расширил его и украсил. В нем 64 комнаты, окружен он прекрасным парком и фруктовым садом с богатой оранжереей, у дворца стоит большая бронзовая конная статуя Иосифа Понятовского, племянника короля Станислава Понятовского. Статуя по заказу поляков изваяна Торвальдсеном, а после взятия Варшавы подарена имп. Николаем I кн. Паскевичу. Князь Михаил Чарторыйский, последний гомельский староста, построил новый дубовый замок с бойницами, окружив его деревянной стеной и рвом с подъемными мостами. Остатки земляного вала еще сохранилась. Соборная церковь в Гомеле во имя св. Петра и Павла, воздвигнутая около 1819 г. канцлером Н.П.Румянцевым, украшена снаружи четырьмя портиками с дворическими колоннами, внутри такие же колонны образуют иконостас. В левом его приделе находится могила строителя храма, над которой помещается прекрасный мраморный памятник работы Кановы. Кроме собора возвышается замечательная часовня — усыпальница кн. Паскевичей, исполненная в московском стиле XVII в. На соборной же площади находится красивая часовня в память имп. Александра II, воздвигнутая на средства, собранные по инициативе местного педагогическо-

го персонала. Кроме того, в городе имеются еще три православные церкви, за исключением домовых (во дворце, в гимназии, в духовном училище и в тюрьме), единоверческая церковь, две старообрядческие молельни, католический костел, сооруженный в 1822 г. Румянцевым, и еврейская каменная синагога, сооруженная им же. Кроме мужской гимназии в Гомеле существует женская гимназия, духовное училище, четырехклассное городское, техническое, женское духовное училища, городское приходское училище, народное училище и церковноприходская школа; для еврейских детей имеются три училища. В городе существуют два книжных магазина, две библиотеки и одна типография. Ярмарок в Гомеле собирается три; обороты их простираются в совокупности до миллиона. Ярмарки учреждены еще Румянцевым, которому Гомель много обязан своей торговой известностью. Румянцев первый в России завел здесь мериносовых овец. Гомель торгует лесом, шерстью, пенькой, льняным и конопляным маслом, салом (гомельцы — салоеды). В Гомеле действуют заводы канатный и веревочный, два лесопильных, маслобойные, пивоваренный, мыловаренный, рогожные и спичечные. Жителей в городе насчитывается до 45 тыс., в том числе до 1 $^1/_2$ тыс. раскольников и свыше 25 тыс. евреев. Городские доходы достигают 180 тыс. руб.

В 2 верстах от Гомеля, при старом русле Сожа, расположено село Волотово. Гр. Румянцев поселил здесь немцев-колонистов, в настоящее время совершенно обрусевших. Волотово — древний населенный пункт; здесь находят орудия каменного века. В селе есть церковь, построенная в 1805 г.

Перейдя за станцией Гомелем мостом р. Сож, Либаво-Роменская железная дорога достигает станции Ново-Белицы, грузящей до 60 тыс. пудов лесных и частью хлебных грузов и расположенной при заштатном городе Новая Белица (вернее, предместье Гомеля). Здесь, на опушке леса, называвшегося Кореневской дачей, где стояли два помещичьих дома, в 1777 г. было назначено быть уездному городу, названному по имени бывшего города — Старой Белицы — Новой Белицей. В 1852 г. город был оставлен за штатом и причислен к Гомелю. Жители Н.Белицы занимаются главным образом на фабриках здесь и в Гомеле, а также отхожими промыслами. В Новой Белице существуют две церкви и спичечная фабрика.

В 15 верстах за станцией Ново-Белицей находится станция Зябровка, грузящая до 150 тыс. пудов главным образом лесных и отчасти хлебных грузов.

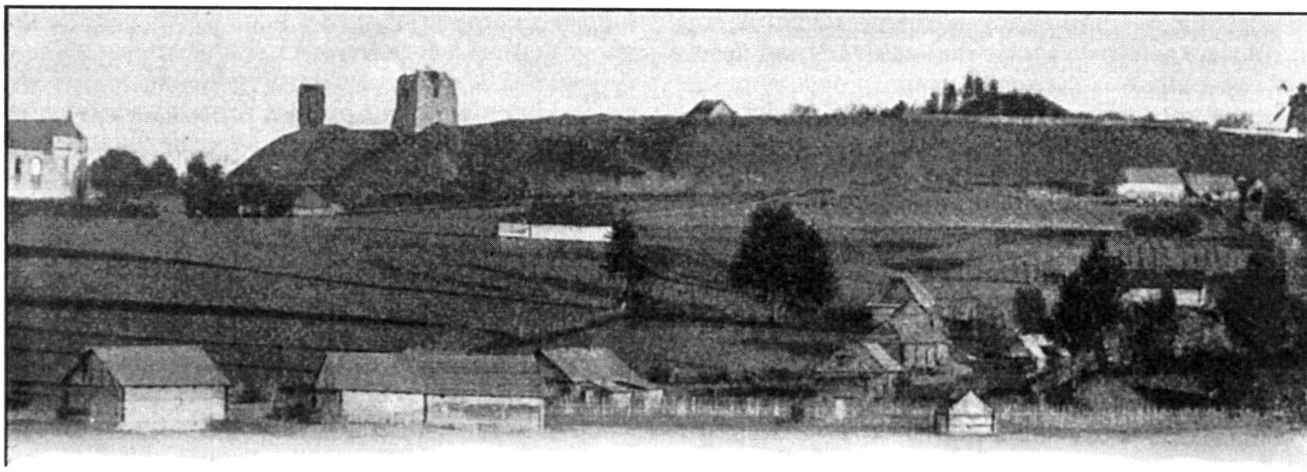
Верстах в 3 от станции к ю.-з., на р. Ути, лежат Прибытки. Здесь находится древняя сосна «Шибеница», у которой во время польского владычества производились разного рода жестокие казни, между прочим, и такие: у преступника разрезали живот и конец кишки прибивали к дереву, а затем ударами кнута заставляли его бегать вокруг дерева; отсюда и произошла поговорка «выматывать кишки». Верстах в 18 к западу от Прибыток, на р. Сож, лежит Скиток, представляющий остатки Терешковского монастыря, основанного в 1690 г. Климовичем, земянином нынешней околицы Терешковичей. Верстах в 5 к ю.—ю.-з. от Скитка лежит село Дятловичи на правом берегу р. Сожа; здесь в русле Сожа находят массу костей ископаемых животных, составивших целый музей у кн. Паскевича и у многих местных любителей. К с.-з. от Дятловичей лежит Кобылье болото — древнее русло Сожа; здесь находят остатки судов, нагруженных воском; ширина болота простирается до 1 $^1/_2$ версты.

В 18 верстах от станции Зябровки лежит последняя станция Либаво-Роменской железной дороги в пределах рассматриваемой области — Тереховка, грузящая свыше 700 тыс. пудов главным образом лесных и хлебных грузов, при довольно крупном одноименном селении.

Верстах в 17 к ю.-з. от станции Тереховки лежит д. Марковичи, пользующаяся у белорусов той же славой, как Пошехонье у великорусов. Здесь была до присоединения Белоруссии к России польская таможня. Верстах в 5 к ю. от Марковичей расположено село Подобрянка — предместье обширного посада Добрянки, расположенного в Черниговской губернии. К в.—с.-в. от Тереховки верстах в 15, лежит обширное село Кузьминичи. Здесь в XVII в. была православная церковь, единственная во всем нынешнем Гомельском уезде, так как остальные были или униатские, или раскольничьи. К ю.-в. от Кузьминич, верстах в 15, лежит село Спровка, бывшее имение гр. Завадовского, первого министра народного просвещения, построившего здесь каменную церковь.

Верстах в 7 за Тереховкой Либаво-Роменская железная дорога входит в пределы Городнянского уезда Черниговской губернии, направляясь к станции Хоробичи.

Вильно-Ровенская линия Полесских железных дорог, перейдя в Лидском уезде Виленской губернии р. Неман, при одноименной станции приближается к границе Новогрудского уезда Минской губерниии, но не вступает в него, а переходит границу Гродненской губернии и идет на протяжении верст пятидесяти вверх по течению р. Молчади (притока Немана) по самой границе Слонимского и Новогрудского уезда, временами отступая от нее версты на 2—5 в Слонимский уезд. Здесь располо-

Развалины старого замка в Новогрудке. (По фотографии Н.Н. Останковича).

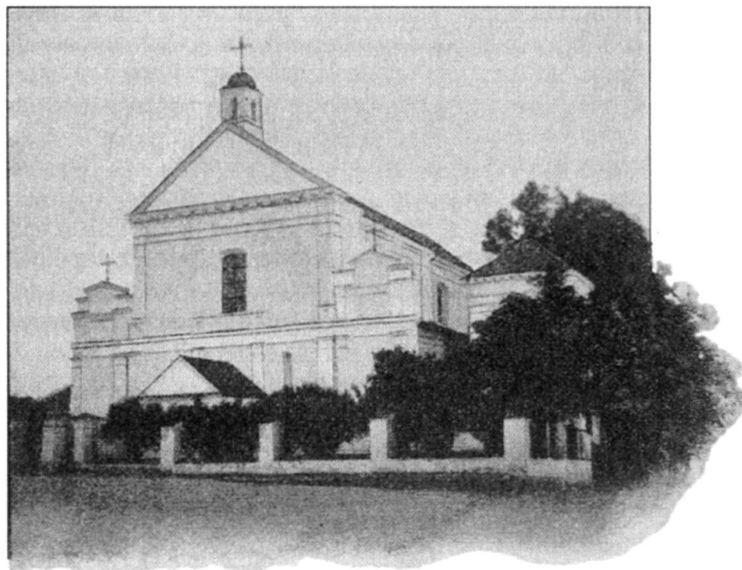
жены станции Новоельня (24 версты от Немана) и Молчадь (25 верст от Новоельни).

Верстах в 27—28 к ю.-в. от станции Неман по почтовой дороге лежит уездный г. **Новогрудок**. Это древний славянский город, известный в русских летописях под названием Новогородка, в литовских документах — Parva Nowogardia и у польских историков — Новогрудек Литовский или Кривицкий. Пространство, занимаемое в настоящее время Новогрудским уездом, носило в древнее время название Черной Руси и в части принадлежало к землям литовским, но основание города, как видно из самого названия, должно быть приписано славянорусам, хотя остается совершенно неизвестным, когда и кем он был основан. По мнению одних, основателем Новогрудка был св. Владимир или сын его Ярослав I; по мнению же других, происхождение города должно быть отнесено к более позднему периоду — именно к началу XII в., причем указывается 1116 г., когда Ярополк, сын Владимира Мономаха, вел войну с кн. минским Глебом Всеславичем. Более же достоверная история города начинается только с половины XIII в., т.е. со времени Миндовга. По литовским преданиям, Рингольд, первый литовский князь, владевший сначала Керновской волостью в собственной Литве, победил друтского князя Дмитрия и овладел Новогрудком. Сын его Миндовг получил в наследство Керново-Новогрудскую волость, к которой принадлежали приблизительно тогда же города Волковыск, Слоним, Здитов и Гродно. Миндовг стремился расширить свои владения и создать одно литовско-русское государство. Для этой цели он посредством Литвы удерживал и приобретал русские владения, а, опираясь на ополчения русских областей, подчинял себе литовцев, но Русь и Литва не могли сразу слиться: они стремились к обособлению, и уже при самом Миндовге его племянники Товтивиль, Вигунд и Тройнат, которые раньше под его руководством утвердились в Полоцке, Витебске и Смоленской земле, попытались отложиться от него, а Миндовг, воспользовавшись этим случаем, изгнал их из уделов. Тогда изгнанные князья стали искать защиты против Миндовга, и Тонтивиль, владевший Полоцком и приходившийся шурином кн. Даниилу Романовичу Галицкому, призвал его на помощь к себе, а сам принял в Риге в то же время крещение и поднял на Миндовга Ливонский орден. К этому же времени ятвяги и жмудь также восстали против Миндовга. Таким образом, в 1252 г. составилась грозная коалиция, в которой приняли участие галицко-волынские князья Даниил и Василько Романовичи. Началась война, и в окрестностях Новогрудка были произведены опустошения. Миндовг, не считая себя довольно сильным для борьбы с этой коалицией, поспешил примириться с Даниилом Романовичем Галицким, возвратив Товтивилу Полоцк, а Даниилу — захваченные русские земли Волковыск и Слоним; с Ливонским же орденом он заключил еще раньше договор, изъявив готовность принять католичество и уступить Ордену некоторые округа Литвы и Жмуди. Магистр Ливонского ордена, со своей стороны, обещал ему выхлопотать у папы титул короля Литвы. В 1250 г. в Новогрудке Литовском было торжественно совершено крещение Миндовга, а вместе с тем и венчание его на царство присланной папой Иннокентием III королевской короной. Хотя Миндовг принял христианство и утвердился на литовском троне, однако русские князья не забывали своих прав на славянские уделы, а поэтому Миндовг должен был постоянно бороться с ними, и спор о верховной власти тем более для него был тяжелым, что завистливый пле-

мянник Миндовга Товтивиль постоянно возбуждал раздоры и соединялся с врагами Литвы. Так, в 1256 г. Товтивиль, помирившись с русскими князьями, начал угрожать Новогрудку, но Миндовг предупредил его встречей с войском под Врутой (ныне м. Городище, недалеко от Новогрудка) и принудил к отступлению.

В 1258 г. кн. галицкий Даниил Романович, добиваясь господства над Русью, устремился под Гродно. Между тем литовцы, со своей стороны, вторглись в пределы его владений, последствием чего был договор между Миндовгом и Даниилом, в силу которого последний отказался от права на Новогрудок и другие славянские уделы в Литве. Этим стремлением к объединению власти в своих руках Миндовг вооружил против себя мелких удельных литовско-русских князей. Против него был составлен заговор, и один из заговорщиков — Тройнат, владетель Жмуди, во время похода Миндовга на брянского кн. Романа убил его в лагере. Еще в начале княжения Миндовга Новогрудком Литовским управлял его старший сын Войшелк, который был известен страшной жестокостью в преследовании врагов своего отца. Во время столкновения с кн. Даниилом Романовичем в 1255 г. Войшелк уступил Новогрудок с уделом своему двоюродному брату Роману Даниловичу Галицкому, сам же переехал в Холм, а затем принял православие, путешествовал на Аеонь, наконец, постригся в монахи и поселился в Лавришевском монастыре у р. Неман, им же основанным. После убийства Тройнатом отца Войшелк бежал в Пинск и здесь оставался некоторое время, не вмешиваясь в происходившие тогда события. Между тем после смерти Миндовга жмудский князь Тройнат, правитель Жмудско-Литовской части государства, убил Товтивила, сторонника русского начала. Тогда Войшелк оставил монастырь и при помощи жителей Пинска в 1265 г. овладел Новогрудским уделом, причем Тройнат погиб от руки подосланных убийц. Потом Войшелк снова удалился в монастырь, передав власть своему зятю Шварку Даниловичу, но последний скоро умер, а Войшелк был убит братом Шварка Львом из ненависти к нему за любовь к Шварку Даниловичу. Тогда литовцы избрали себе в князья Свенторга. Это было в 1268 г., с этого года Новогрудок перешел во власть Литвы и впоследствии потерял значение литовской столицы, уступив это место сначала Трокам, а потом Вильне. Несколько лет спустя кн. галицкий Лев вместе с другими русскими князьями и татарами под предводительством Яруна напал на Новогрудок, но получил мужественный отпор и ограничился только опустошением его окрестностей. Не раз Новогрудок подвергался также нападению тевтонских рыцарей. В 1278 г. татары, помогая южнорусским князьям, окружили Новогрудок, но ушли ни с чем. В 1314 г. Новогрудок был сожжен рыцарями под начальством Генриха фон Плоцкого, но жители спрятались в замке и храбро отражали нападения. Обессиленные безуспешной борьбой и потеряв многих храбрых соратников, рыцари поспешили уйти. В 1340 г. Гедимин, умирая, передал Новогрудок своему сыну Кориату, потом Новогрудок перешел к сыну Ольгерда Дмитрию Корибуту, а от него — к Витовту. При Витовте были возобновлены укрепления города и увеличено его население путем водворения здесь пленных татар, потомки которых сохранились в Новогрудке и доныне. В правление Витовта от 1392 г. по 1430 г. город пользовался, сравнительно с предыдущей его историей, спокойствием и начал улучшаться. В 1415 г. Витовт созвал собор православных западнорусских епископов для избрания киевского и литовского митрополита и установления отдельной иерархии. Необходимость этого избрания заключалась в том, что Витовт находил неудобным, что его православные подданные находятся в зависимости от московского митрополита. В митрополиты был избран Григорий Цимвлак с назначением ему трех кафедр — в Киев, Вильно и Новогрудок.

К концу первой половины XV в. Новогрудок был уже главным городом особого воеводства; в нем собирались земские суды Новогрудского и Брестского воеводств. Во время нашествия перекопских татар на Литву в период с 1503 г. по 1506 г. Новогрудок не раз был опустошаем. В 1511 г. Сигизмунд II пожаловал городу магдебургское право,

Костел в Новогрудке. (По фотографии Н.Н. Останковича).

наделил львом и постановил, чтобы бургомистры, рядцы и присяжники собирались поровну, как из православных, так и из католиков: затем в виду поддержания торговли города было дозволено проезжим купцам продавать здесь только оптом, и в это же время был установлен герб города. В 1564 г., во время войн Ивана Грозного с Польшей русские войска вступили в окрестности Новогрудка. Немного позже завязались здесь сношения короля Сигизмунда Августа с московскими боярами; потом велись переговоры русских послов с панами относительно избрания царя Федора Ивановича на польский престол по смерти Стефана Батория. В 1581 г. Стефан Баторий, устанавливая верховный трибунал в Великом княжестве Литовском, пожелал, чтобы он собирался через каждые два года в течение 20 недель попеременно в Новогрудке и Минске для разбора дел пяти воеводств — Новогрудского, Брестского, Минского, Витебского и Мстиславского. Эти трибунальные съезды впоследствии сильно способствовали развитию города, так как здесь в архивах хранились документы и шляхта съезжалась сюда массами. Для безопасности документов в 1638 г. было исходатайствовано разрешение назначить местом для архива замковую вышку, известную под названием Щитовской. Кроме того, часть документов хранилась и в доминиканском монастыре. В 1662 г., во время нашествия войск царя Алексея Михайловича, часть архива была взята, а другая часть погибла во время пожара в 1871 г. Конец XVI в. ознаменовался провозглашением исповедной унии. Сначала, в 1596 г., местом собора относительно окончательного решения дела о соединении церквей был назначен Новогрудок, но в действительности собор состоялся в Бресте. Несмотря на несогласие большинства, уния была принята, но затем послужила поводом к продолжительным смутам в литовских владениях, а также и к продолжительным войнам с казаками и Москвой, что известным образом отразилось и на Новогрудке. В 1654 г. Новогрудок в числе других городов подпал под власть русских, удерживался ими до 1660 г. и был сильно опустошен войной и моровым поветрием. После ухода русских государственный сейм освободил жителей города от податей на четыре года, а потом и от военных и почтовых повинностей. В великую северную войну Новогрудок подвергся всем случайностям передвижения войск в военное время и понемногу потерял свое значение, а пожар 1751 г. и упразднение трибунала в 1775 г. окончательно ослабили город. В 1795 г. город был присоединен к России, а в 1845 г. был утвержден герб города: щит разделен на две половины, на которых в верхней помещается губернский герб, а в нижней — в красном поле Михаил Архангел, попирающий змия и держащий в правой руке меч, а в левой весы.

Во время Речи Посполитой Новогрудок был главным городом Новогрудского воеводства. В 1796 г., при образовании Слонимского наместничества, он был назначен городом этого наместничества. В следующем году вместо двух губерний Виленской и Слонимской учреждена была одна губерния Литовская и Новогрудок был приписан к этой губернии. В 1801 и 1802 гг. Слонимская губерния была восстановлена под именем Гродненской, и Новогрудок остался уездным городом. Наконец, в 1842 г., при образовании из северных уездов Виленской губернии, губернии Ковенской Новогрудок с уездом отошел к Минской губернии. Город лежит в живописной, очень высокой местности (Новогрудские возвышенности), богатой ручьями, притоками Немана, расходящимися в разные стороны. Жителей в нем, по переписи 1897 г., было 7700 человек, а к 1 января 1900 г. — 7900 человек. В числе жителей — до 1500 человек католиков, свыше 1000 православных, до 1000 магометян, а остальные — евреи. Город занимает 703 десятины и славился некогда своими мартовскими контрактовыми ярмарками, на которые съезжалась масса польской шляхты. В настоящее время эти ярмарки не собираются. В городе есть несколько гостиниц, ресторанов и несколько порядочных магазинов. Несмотря на то, что местоположение города довольно красиво, сам город беден и грязен, с безобразной мостовой. Еженедельно в городе бывают базары, на которых продаются сельские продукты, а 19 марта и в пятницу на 10-й неделе после Пасхи — годичные ярмарки на лошадей и рогатый скот. Оборот каждой ярмарки достигает 10 000 руб. В городе имеются две православные церкви (одна из них — Борисоглебская — основана в глубокой древности, затем более 200 лет была униатской, а потом вновь была обращена в православную), два костела, синагога и 6 еврейских молитвенных школ, деревянная мечеть, трехклассное городское училище, частное двухклассное приходское и частное одноклассное еврейское мужское, городская больница на 30 кроватей, две аптеки и общество для воспитания малолетних сирот дворянского сословия. В 1899 г. на попечении общества было 16 мальчиков. В городе есть завод папиросных гильз с 25 рабочими. Городские доходы достигают около 10 тыс. руб. Из сохранившихся в Новогрудке памятников заслуживают внимания остатки развалин исторического укрепления на высокой горе. Здесь же вблизи находится другая гора, известная под названием могилы Миндовга. Здесь же находится мраморный памятник, устроенный Яном Рудомином в память убитых в битве

под Хотином. Этот памятник представляет в выпуклой резьбе начальника Рудомина, стоящего на коленях, а возле него девять его товарищей по оружию, также стоящих на коленях, с усеченными головами, которые лежат у их ног. Новогрудок был местом крещения поэта Мицкевича.

В 5 верстах от г. Новогрудка, на западе, расположено в живописной местности небольшое село Ловчицы, заселенное татарами. Об этом селе сохранилось предание, что Стефан Баторий подарил его своему любимому ловчему — татарину, откуда и произошло название села. В селе имеется древняя мечеть, и возле нее под сенью вековых дубов находится могила какого-то татарского святого Контуся. По преданию, Контусь был святым и имел необыкновенную силу, переносился отсюда ежедневно на молитву ко гробу Магомета в Медину. Татары даже с самых отдаленных мест Белоруссии ходят в село Ловчицы на поклонение могиле Контуся. Верстах в 22 к с.-в. от Новогрудка, на р. Неман, расположено весьма древнее местечко Любч. Жителей здесь 870 человек, дворов 122, православная церковь, две синагоги, школа, много лавок и еженедельные базары. Первое известие о Любче относится к XV в., когда местечко было подарено великим кн. литовским Александром Казимировичем секретарю его Федору Хрептовичу. Потом в 1528 г. оно перешло через продажу к Альбрехту Гаштольду, виленскому воеводе, а в 1535 г. было опустошено русскими. В 1574 г. Любч достался Яну Кишке, который был поборником протестантизма и устроил здесь типографию в целях распространения его. На книгах типографии Любч называется «Lubeca ad Chonum». В конце XVI в. король Сигизмунд III дал Любчу магдебургское право и герб с изображением в голубом поле серебряной подковы концами вниз; внутри подковы изображены два лося, а вверху подковы и при концах ее — золотые кресты. Владислав IV подтвердил в 1644 г. привилегии, данные Сигизмундом III, и учредил торги и ярмарки. В половине XVII в. Любч сильно пострадал от занятия русскими войсками и моровой язвы; в это же приблизительно время он достался Радзивиллам. От Любча к с.-з. идет дорога на местечко Делятичи. Между Делятичами и Любчем на полдороге находится небольшой фольварк Войново с церковью в честь Божьей Матери. В последнее время Войново принадлежало Наргилевичам. Один из Наргилевичей, умерший в 1886 г., собрал здесь громадную библиотеку — около 20 000 томов главным образом польской литературы. Далее, у р. Неман лежат одно за другим на границе Виленской губернии местечки Детлятичи, Николаев и село Морино. Первые два лежат по левой стороне р. Неман, а Морино — по правой. Детлятичи прежде принадлежали Радзивиллам, а в XIX в. — Витгенштейнам. Почва здесь хорошая, урожайная. В селе Морине есть Троицкая православная церковь, построенная помещиком Поцеем. Жители Морина довольно зажиточны, занимаются земледелием и сплавом леса. Красивый каменный дворец владельца служит украшением окрестностей. Во время разлива Немана село не имеет сообщения с остальными частями уезда. По дороге из села Морина в г. Новогрудок, в 12 верстах от этого города, при слиянии р. Плиссы, впадающей в Неман, и р. Шаровки, в красивой местности с урожайной почвой расположено местечко Вселюб. Жителей здесь до 800 чел., с преобладанием евреев. В местечке есть церковь св. Михаила, построенная в 1840 г. гр. О'Рурк, каменный костел св. Казимира, выстроенный в 1642 г. и перестроенный в 1879 г., синагога, школа, волостное правление и две мельницы. Местечко известно с XV в.; в 1438 г. оно было пожаловано Сигизмундом Кейстутовичем Андрею Немировичу, потом перешло к Станиславу Девойну, который в 1553 г. исходатайствовал себе от короля Сигизмунда Августа право на учреждение здесь ежедневных торгов. К концу XVI в. Вселюб перешел к Радзивиллам, а немного позже — к Поцеям. В 1786 г. король Станислав Понятовский разрешил открыть здесь три двухнедельные ярмарки. Во Вселюбской волости над извилинами Немана лежит красивое древнее село Кривичи; население его занимается земледелием и сплавом леса.

В 25 верстах от станции Новоельня, как мы выше говорили, на Вильно-Ровенской железной дороге еще в Слонимском уезде лежит станция Молчадь.

В 8 верстах к с.-в. от станции Молчадь в Новогрудском уезде лежит небольшое местечко Почепово с бывшей униатской церковью, построенной на средства, пожертвованные Корсаками, и сельской школой. Местность в окрестностях холмистая и безлесная. В верстах 15 на с.-в. от местечка Почепова и в 16 верстах от Новогрудка лежит местечко Валевка. Оно издавна принадлежало Кургам, построившим здесь костел и монастырь для доминиканцев. От Кургов Валевка перешла к Незабитовским, а в 1830 г. — к Крживолуцкому. В 1835 г. костел и монастырь были закрыты. В местечке есть православная Петропавловская церковь и церковноприходская школа. Окрестности местечка богаты курганами, свидетельствующими о древности заселения. Местность лесистая. Верстах в 3 от местечка Валевки, к югу по дороге в местечко Городище, лежит озеро Свитезь с песчаным дном, берегами, покрытыми с трех сторон лесом, а также тростником. Озеро это довольно рыбное: ловятся

в нем щуки, окуни и лини. Раньше оно принадлежало Незабитовским, а в последнее время — нескольким владельцам. По сохранившимся преданиям, на дне озера находятся город и замок, провалившиеся по молитве беззащитных девушек во время нападения на город многочисленных врагов. Окрестные жители указывают здесь на мощенную камнем дорогу в провалившийся город, которая действительно существует и тянется с высокого берега в озеро. Но правдоподобнее, конечно, что здесь был вал, проходивший к озеру, подмываемые озером берега разрушались, и камни падали в озеро. Эти камни в озере, вероятно, и послужили поводом к появлению легенд о провалившихся городе и замке. В 1871 г. Завиша, делая археологические изыскания, нашел здесь кремневые обломки, оббитые человеческой рукой, довольно хорошо обработанные, и прочие остатки каменного века. Сохранилось много рассказов о появлении на озере русалок, называемых свитязянками. Одно из преданий послужило темой поэту А.Мицкевичу для прекрасной баллады под названием «Свитязянка», содержание которой мы здесь сообщаем. Молодой парень влюбился в русалку из оз. Святезь и каждый вечер приходил к ней на свидание:

Каждою ночью в известную пору
В чаще лесной уж гуляют они,
Он-то — охотник из здешнего бора,
Кто же красавица — трудно сказать.

Тщетно узнать бы пытался кто-либо,
Как она явится, как пропадет?
Так появляется лютик средь травки,
Так исчезает ночной огонек.

Затем свитязянка сомневается в любви парня, а он дает клятву, что никогда ее не забудет. Она же говорит ему:

Твердо же помни, мой милый, те клятвы,
Так как кто клятву нарушит свою,
Горе потерпит он в жизни большое,
Душу ему истерзает оно.

Молвив все это, венок надевает,
Прочь от него поспешает уйти,
Быстро кивнув на прощанье головкой,
Скрылась по-прежнему где-то вблизи.

Парень идет за нею...

Вот он по берегу тихо шагает,
Взором блуждающим смотрит вокруг,
Сильный вдруг ветер пронесся по бору,
Поднял вдруг волны на озере том.

Волны бушуют, вздымаются гребни,
О, что за чудо? На гребне волны
Вдруг появилась прекрасная дева,
Свитязь затмившая блеском красы.

Розы нежнейшей, росой окропленной
Было прелестней лицо у нея,
Легче тумана наряд, чуть заметный,
Стан обвивал белоснежный ея.

Увидев красавицу, парень-охотник забыл свою прежнюю любовь и влюбился в свитязянку, которая манила его к себе. Парень сначала не решается, но потом бросается и плывет, доплывает и обвивает ее руками, а в это время красавицу, которая повторила ему упомянутое выше предупреждение:

...Твердо же помни, мой милый, те клятвы...

А далее:

Озеро стонет, все пеной покрылось.
Со злостью кружит и бросает волной;
Темная бездна свой зев раскрывает,
Рядом двоих поглощает она.

Вот и бушуют, и пенятся волны,
Месяц лишь ясный проглянет туда,
Так и блуждают в сияньи две тени —
Он и красавица рядышком с ним.

Пляшет она, и на озере часто
Он под ветвями рыдает тогда.
Знаю его я: охотник он здешний,
Кто же она, — не могу я сказать.

При озере Святезь находится село Миратичи в весьма живописной местности с урожайной почвой. Вблизи села находится высокая гора. Село прежде принадлежало Гацицким.

В 6 верстах за станцией Молчадь Вильно-Ровенский железный путь входит в Новогрудский уезд Минской губернии и в 26 верстах от Молчади достигает узловой станции Барановичи, где пересекается с Московско-Брестской железной дорогой и отделяет от себя к западу Полесскую железную дорогу Барановичи-Белосток.

За Барановичами, в 16 верстах Вильно-Ровенская железная дорога входит из Новогрудского уезда в Слуцкий близ местечка Ляховичи, а далее, в 23 верстах от Баранович, достигает станции Ляховичи, расположенной при пересечении железной дороги по Московско-Варшавском шоссе и грузящей до 350 тыс. пудов хлебных и лесных грузов.

Местечко Ляховичи лежит верстах в 7 к северу от станции, близ полотна Вильно-Роменской железной дороги. О времени возникновения местечка никаких сведений не сохранилось. В XVI в. оно принадлежало к королевским имениям, а позже перешло в частное владение сначала Ходкевичей, затем Сапег и других лиц. Один из Ходкевичей построил в местечке великолепный костел. Этот костел был обновлен следующими владельцами местечка Сапегами, оно потом сгорело, а на мес-

те его снова был построен каменный костел новым владельцем — виленским епископом Игнатием Масальским. В XVII в. здесь был замок под названием «Ляховичская фортеция». Это было одно из сильнейших укреплений того века. Во время казацких войн за Малороссию Ляховичи были четыре раза осаждаемы. В 1660 г. кн. Хованский, московский воевода, шесть месяцев осаждал Ляховичскую крепость, где заперлись гарнизон и жители со своим имуществом, и довел их до крайности. Но в это время подоспели литовские гетманы Сапега и Чарнецкий. У местечка Полонка Новогрудского уезда произошла упорная битва: Хованский был разбит, а его обоз, оставленный у Ляховичей, был захвачен неприятелем. В следующем году литовский государственный сейм в виду понесенного местечком убытка освободил его жителей от податей и повинностей. Во время Северной войны, в 1706 г., в окрестностях Ляховичей стояли русские войска и делали отсюда нападения на Гродно, которое было занято шведами. Карл XII отправлял к Ляховичам двух генералов Траутфетгера и Крейца, которые осадили местечко и 9 мая взяли его штурмом. В 1709 г. Ляховичи еще дважды подвергались осаде и штурму сторонников польского короля Лещинского, защищавших Мазепу, который укрепился в местечке с казаками. В 1793 г. это местечко перешло во владение Коссаковских. Из старинных памятников в Ляховичах остались только следы замка. Местечко деревянное. Жителей в нем свыше 1200 человек, причем большую часть их составляют евреи, есть также и татары — потомки поселенных здесь еще при Витовте татар. В местечке есть православная церковь, синагога, больница, горшечное заведение и много лавок. Здесь собираются три ярмарки в году и происходят еженедельные базары. Почва в окрестностях урожайная, христианское население занимается главным образом земледелием.

По Московско-Варшавскому шоссе, к востоку от станции Ляховичи, верстах в 10, лежит местечко Синявка, расположенное у р. Нача, притока Бобра. Жителей здесь до 500 человек обоего пола; в местечке есть Николаевская церковь, построенная Радзивиллами, сельская школа и почтово-телеграфное отделение. Время основания местечка неизвестно, но достоверно известно, что в начале XVI в. оно уже существовало. Позже оно принадлежало Клецкому майорату Радзивиллов, а потом перешло к Несвижскому майорату. Почва в окрестностях песчаная, местность лесистая. Река Нача сплавная на протяжении 10 верст. В 15 верстах к с.-в. от Синявки по Несвижской большой дороге лежит местечко Клёцк (Клеческ, Клечск). Местечко расположено у р. Лань. Это одно из древнейших поселений. В XI и XII в. Клецк упоминается в летописях как особое княжество в земле дреговичей и был его укрепленной столицей. В половине XIV в. Клецк переходил из рук в руки, пока, наконец, в 1442 г. не подпал под власть Литвы. Затем Казимир IV присоединил его к уделу Михаила, сына Сигизмунда Кейстутовича. После смерти Михаила Клецк вошел в состав королевских имений, но ненадолго. В половине XVI в., после смерти королевы Боны, Сигизмунд Август отдал его во владение Радзивиллам. Последние учредили из этого имения майоратное, что и было утверждено грамотой короля Стефана Батория в 1586 г. В XVI и XVII вв. Клецк и его окрестности не раз были опустошаемы татарами и русскими. В 1503 г. местечко было совершенно разрушено, а в 1506 г. татары потерпели здесь страшное поражение и, по преданию, своими трупами запрудили целое озеро, находившееся у места битвы, названное впоследствии Красным Ставом. Победителям досталась богатая добыча, и ими было освобождено до 40 тыс. пленников. В окрестностях местечка сохранилось много следов курганов и татарских окопов. В память этой победы кн. Николай Радзивилл в 1508 г. построил в Вильне великолепный костел имя св. Юрия. В 1660 г. Клецка не минул кн. Хованский, а в 1706 г. здесь пробыл трое суток шведский король Карл XII, организуя войско, и 10 мая двинулся на Несвиж, защищаемый комендантом Болиманом. Во время Николая Черного в Клецке распространилось учение Кальвина; здесь был кальвинский сбор. Сын Николая Черного, князь Альбрехт отнял у кальвинистов храм и обратил его в католический. Ныне в Клецке до 3000 жителей и 500 домов. Здесь есть две православные церкви (из которых одна каменная — Воскресенская), костел, еврейская синагога, молитвенный еврейский дом, больница на 10 кроватей и собирается 4 ярмарки. Конская ярмарка бывает на десятой неделе после Пасхи. В 1683 г. один из владельцев Клецка Станислав Радзивилл построил здесь каменный монастырь и доминиканский костел и одарил их землей. Развалины этого монастыря, окруженные болотами, сохранились и до настоящего времени. Недалеко от Клецка есть село, называемое Радзивилмонтами, с великолепным дворцом — бывшей резиденцией владельцев.

Московско-Варшавское шоссе, направляясь к западу от станции Ляховичи, оставляет к югу от себя верстах в трех местечко Медведичи, расположенное у р. Бродница, притока Щары. В местечке есть католический костел св. Петра и Павла, деревянный, построенный в 1645 г. епископом виленским кн. Радзивиллом, и волостное правление. В

окрестностях местечка почва годна для обработки, есть также и леса. В 10 верстах к западу от станции Ляховичи шоссе входит в пределы Новогрудского уезда и оставляет к северу от себя верстах в семи село Великие Луки. В пределах Новогрудского уезда к югу от шоссе, в южной части уезда, недалеко друг от друга, расположены три местечка — Остров, Кривошин и Липск, а также село Залужье. Остров — небольшое местечко в 4 верстах к югу от шоссе у р. Мышанки с бывшей униатской церковью. Окрестности Острова населены слабо, низменны, почва песчаная. Прежде местечко принадлежало иезуитам, а с 1781 г. — Еленскому. К ю.-в. от Острова, верстах в 10, у самой границы Слуцкого уезда, лежит местечко Кривошин, между друмя речками Липницей и Марьяновкой, с приходской церковью. В Кривошине преобладают евреи. Здесь был еще сравнительно недавно костел, упраздненный после 1863 г. К ю.-з. отсюда, верстах в 5, у границы старой Пинщины, при дороге из Кривошина в Залужье, у Липницкого канала, проведенного от р. Марьяновка к р. Щара, лежит местечко Липск. Здесь одна православная церковь. Местность кругом полесская, безлюдная. Наконец, село Залужье расположено западнее Липска, верстах в 3, у р. Щара, вблизи границы Пинского уезда, и имеет православную церковь и пристань на Щаре. В этом селе вяжутся плоты, а из г. Пинска и местечка Телехань приходят сюда большие лодки с солью в местные склады, откуда потом и развозятся на лошадях. Население Залужья занимается сплавом и рыболовством. Местность кругом полесская, богатая рыбой и пущами. В конце XVI в. Николай Криштоф Радзивилл, делая пожертвования в пользу иезуитов, дал и селу Залужье, в 1775 г. оно перешло к Потоцким.

Новогрудский уезд занимает площадь в 4539 кв. верст с населением 251 тыс. душ (54 жителя на кв. версту) и в северной своей части представляет значительную возвышенность, центр которой расположен у г. Новогрудка, переходящую около южной границы уезда постепенно в Полесскую низменность. В общем, леса занимают около 39% площади уезда (150 тыс. десятин), располагаясь главным образом в юго-западном и северо-западном углах уезда, а в остальных частях преобладают безлесные пространства. Пашни занимают 41% (207 тыс. десятин), луга и выгоны — 21% (104 тыс. десятин), пески и болота — 7 $^1/_2$% (37 тыс. десятин). Почва в с.-з. и ю.-з. углах уезда песчаная, около Новогрудка — супесчаная, а в остальных частях подзолистая и суглинистая, плодородная. Главное занятие жителей — земледелие; местами по Неману, Щаре и др. рекам развиты сплав и рыболовство.

В 26 верстах за Ляховичами Вильно-Ровенский железный путь достигает последней в пределах Слуцкого уезда станция Ганцевичи, грузящей около 130 тыс. пудов лесных грузов. За этой станцией, перейдя (в 28 верстах) в Минский уезд, железный путь погружается в весьма своеобразную местность, известную под именем Пинского, или Припятского, Полесья.

Припятское Полесье заключает в себе до 8 миллионов десятин, составляющих три уезда — Пинский, Мозырский и Речицкий. В древности оно было заселено славянским племенем дреговичей, жившим своей самобытной жизнью и сохранившим свои племенные особенности. Как сложилась первоначальная жизнь этого племени, как возникли племенные особенности его — об этом никаких достоверных сведений нет. Все пространство Припятского Полесья низменно, болотисто, а в более высоких местах покрыто вековыми лесами. Самая низкая и болотистая часть пространства тянется по долине р. Припяти с наклоном сначала к востоку, а потом в западной части Мозырского уезда — к юго-востоку. Менее всего населена часть Полесья по южную сторону р. Припять между ее долиной и притоками Горынью и Убортью. В этой же части находятся и самые обширные пространства почти сплошных болот. Образование болот объясняется главным образом незначительным уклоном всех водных потоков и речек, вследствие чего происходят отложения ила и песка, загромождающих реки и образующих почву для произрастания трав. Другая причина образования болот — неравномерное распределение речных притоков к р. Припяти. Многие из них, а именно южные, берут начало на возвышенностях вне пределов нашей области и, входя с юга в Полесье с его слабым уклоном, широко здесь разливаются и образуют болота, чаще травянистые, реже моховые. Почва в сухих местах состоит преимущественно из песчанистых отложений, а в болотах выполнена торфом различной толщины — от $^1/_2$ до 3 и более сажен. Под торфом лежат более или менее значительные отложения песка, а глубже залегают пласты глины синевато-серого и желтого цветов с более или менее значительным количеством эрратических валунов. Все эти отложения лежат на более древних образованиях, из которых осадки в виде белого мела, глауконитовых песков и проч. только изредка достигают поверхности земли (у г. Речица, в верховьях Припяти и др. местах). Более всего распространены болота в северо-западном углу Припятского Полесья, в так называемом Заречье. Этим названием именуется вся южная часть Пинского уезда. Таким образом, главными богатствами Припятского Полесья являются реки и леса. Реки обусловли-

вают существование лесов, а леса оберегают влажность почвы и способствуют сохранению рек. Что же касается болот, то они в настоящее время в значительной степени осушены путем проведения каналов, и ценность земель в Полесье вследствие этого сильно поднялась — с 4 руб. за десятину до проведения каналов до 30 по проведении канализации. Проект осушения болот был составлен в 1872 г. ген. И.Жилинским и им же исполнен: сначала осушение производилось в казенных дачах систематически от низовьев рек, но потом оно велось на таких казенных участках, где ожидались значительные выгоды обращения болот в луга, а большие каналы облегчали сбыт казенного леса. Протяжение главных каналов и боковых в 1898 г. составляло 4519 верст, а канализированная площадь к тому же времени дошла до 2 855 000 десятин. Кроме того, образовались многие новые луга, пахоты, огороды, усадебные земли, осушенные лесные пространства. На работы по канализации в тот же период было израсходовано 3 806 000 руб, что составляет расход на одну десятину Полесья 1 руб. 33 коп.

Верстах в 18 к ю.-з. от станции Ганцевичи, при большой дороге в Пинск, лежит довольно значительное село Хотеничи.

Слуцкий уезд занимает площадь в 6835 кв. верст с населением в 261 тыс. душ (35 жителей на кв. версту). Северная половина его довольно возвышенная, сухая и сравнительно малолесистая, удобная для земледелия, южная же принадлежит к Припятскому Полесью, низменная, болотистая и покрыта обширными лесами. Лесная площадь в уезде, в общем, занимает 151 тыс. десятин (26% всей площади уезда), почти столько же — луга и выгоны, 217 тыс. десятин — пашни (37 $^1/_2$%), 60 тыс. десятин (т.е. 10 $^1/_2$%) — болота, пески и вообще неудобные земли. Почва в северной половине уезда — глинистая и частью супесчаная, в южной — песчаная и болотистая. Главные занятия жителей — земледелие и лесные промыслы.

В 24 верстах за Ганцевичами Вильно-Ровенская железная дорога, следуя вниз по течению р. Цна, достигает станции Мальковичи, грузящей около 100 тыс. пудов лесных грузов и расположенной близ одноименного села в безлюдной местности, богатой дичью, рыбой и грибами. За Мальковичами, в 24 верстах, железный путь, следуя течению р. Цна, достигает расположенной в такой же местности станции Дятловичи, грузящей около 10 тыс. пудов лесных грузов. За Дятловичами железная дорога уклоняется от течения Цны и в 13 верстах достигает большой узловой станции Лунинец, расположенной при пересечении с Брестско-Брянской линией Полесских железных дорог и грузящей по последней линии до 6 $^1/_2$ млн. пудов хлебных и лесных грузов. Верстах в 12 за Лунинцом Вильно-Ровенская железная дорога пересекает мостом р. Припять, а далее оставляет верстах в 5 к западу от себя село Стахов.

Село Стахов расположено при р. Припятка, притоке Припяти, в низменной местности, вследствие чего земледелие здесь мало развито, зато развито скотоводство и коневодство, а также рыболовство и постройка лодок и байдарок. В XVI в. Стахов входил в состав Пинского староства. Относительно Стахова сохранилось следующее предание. Существовал в Пинщине некогда владелец кн. Карачевский. Однажды с весьма незначительными силами он, окружив забредшую в Пинское Полесье сотню половцев, уничтожил их. За это ему было отдано в вечное и потомственное владение поле битвы на пространстве, в котором слышен звук охотничьего рожка. От убитых ста половцев Стахов будто бы и получил свое название. Верстах в 7 к юго-западу от села Стахов находится село Плотница. Здесь есть приходская церковь Покрова Богородицы, славившаяся некогда чудотворной иконой Богородицы, сельская школа, волостное правление, а также призывной пункт по воинской повинности. Плотница когда-то принадлежала Скирмунтам, а в первой половине XVIII в. ее приобрели Ядыничи. В 1793 г. она снова была во владении Скирмунтов, а в последнее время принадлежала Холынским и Забачевским. Местность вокруг селения полесская, низменная, почва хорошая, лугов и лесов много.

В 27 верстах за Лунинцем железный путь достигает станции Видибор при одноименном селении, грузящей до 50 тыс. пудов лесных и отчасти хлебных грузов. Село Видибор лежит у безымянной речки, втекающей в долину Припяти без определенного устья. Прежде село принадлежало Ширмам, затем переходило из рук в руки, а впоследствии находилось во владении Мальщицких. В 15 верстах за Видибором Вильно-Ровенская железная дорога пересекает недалеко от станции Горынь, грузящей около 530 тыс. пудов лесных грузов, р. Горынь и уходит в Волынскую губернию, направляясь к станция Высоцк.

Верстах в 5 к с.-в. от пересечения железной дорогой р. Горынь на последней лежит местечко Столин, имеющее около 1650 жителей, о котором мы упоминали выше, по поводу местопребывания здесь еврейского цадика. В местечке есть каменная православная церковь Св.Троицы, построенная в 1815 г. Каэтаном Корженевским, училище, два еврейских молитвенных дома, винокуренный завод, почтово-телеграфное отделение, волостное правление и становая квартира. В местечке сходятся по-

чтовые дороги — волынская со стороны Высоцка, мозырская со стороны Давид-Городка и пинская со стороны Плотницы. Благодаря такому положению Столин является торговым поселением. Евреи занимаются здесь мелкой торговлей, а также торговлей лесом, христиане — земледелием и сплавом. Почва в окрестностях местечка холмистая, урожайная, лесов много, в них гонится деготь. Местечко очень древнее, оно входило в число «городов Горинских», в окрестностях сохранилось много следов древних укреплений. При польском владычестве оно принадлежало к королевским владениям. В XVI в. было во владении кн. Соломирецкого, а в XVII в. считалось городом. В 1759 г. король Август III отдал его в частное владение Поцееву, в последнее время Столин принадлежал Стаховским. Во время войны за Малороссию 22 сентября 1655 г. русские войска под начальством кн. Волконского осадили Столин. Литовское войско выступило из города, началась жестокая битва, литовцы были разбиты наголову.

В 25 верстах от станции Видибор, на возвышенности, орошаемой притоками р. Горынь, в четырех верстах от полотна железной дороги, вблизи границы Волынской губернии, лежит село Смородск с церковью, построенной на средства Корженевских на память Рождества Богородицы. Смородск — древнее поселение, имеющее в окрестностях городища, окопы и курганы. Почва в окрестностях плодородная, лугов много, леса дубовые. Жители села кроме земледелия занимаются также рыболовством и сплавом леса. Некогда Смородск входил в состав королевских имуществ. В XVI в. он принадлежал Соломирецким, а в XIII в. и позже — Корженевским. Вблизи Смородска, несколько выше его, входит в Пинский уезд р. Горынь, берущая начало в Волынской губернии. Пройдя по Пинскому уезду около 60 верст, она подходит к Мозырскому уезду и здесь разделяется на два рукава, впадающие в р. Припять. На границе Пинского и Мозырского уездов течет левый ее рукав, называемый Ветлица, и в этом же уезде впадает в Припять, а правый, называемый Неправда, течет в Мозырском уезде. Глубина Горыни в летнее время изменяется от 1 до 7 футов, а ширина — от 20 до 45 сажен. Горынь сплавна и судоходна только весной. При границе Волынской губернии, на берегу р. Горынь расположено много мелких сел.

На запад от местечка Столин, верстах в 25, посредине между реками Горынь и Стырь, лежит местечко Городно с православной церковью. Местечко очень древнее. В XII в. оно было княжеским уделом, а в XVII в. пострадало за соединение с войсками Богдана Хмельницкого. В окрестностях местечка добывается много отборной глины, из которой местные горшечники изготовляют разную посуду, находящую себе сбыт на Волыни, в Белоруссии и даже в Варшаве. На юго-западе от местечка Городно, верстах в 18, лежит у р. Стубла, притока Стыри, довольно древнее село Сырники. Первое упоминание о нем относится к половине XV в., когда оно было отдано королем Казимиром Ягеллончиком некому Шиловичу, потом оно принадлежало королеве Боне, а в последнее время, кажется, — Скирмунтам. В селе есть православная Дмитриевская церковь, построенная прихожанами в 1821 г. Жителей здесь свыше 300 человек, занимаются они хлебопашеством, рыболовством, сплавом леса, работами по постройке судов, а также скотоводством благодаря обилию лугов.

Верстах в 8 на запад от Сырников, на рукавах р. Стырь лежит древнее местечко Погост, называемое Заречным. Само название показывает, что он находится на так называемом Заречье. Жителей здесь около 350 человек, из них большая часть евреи. В местечке есть православная церковь и синагога, несколько мельниц и винокуренный завод, а также сохранились следы древних валов. Во время казацких войск местечко было несколько раз разоряемо. В XVI в. оно принадлежало кн. Збарасским, потом Нелюбовичам, а по разделе Польши перешло к русскому правительству. Позже местечко было отдано Александром I фельдмаршалу кн. Репнину-Волконскому, который продал его Церпицким. При имении имеется фольварок Губин. Почва в окрестностях хорошая, богатая лугами. Жители местечка занимаются земледелием, сплавом леса и рыболовством. Река Стырь, приток Припяти, берет начало вне пределов нашей области, входит в Минскую губернию с юга и протекает среди болот и лесов. Ниже местечка Погост, вблизи селения Иванчицы, отделяется влево от Стыри рукав, известный под названием Простырь. Этот рукав пересекает Гнилую Припять и затем выше д. Диковичей впадает в р. Струмень в 20 верстах от г. Пинска. Сплав и судоходство по р. Стырь направляется через этот рукав в р. Струмень, а дальше — к Пинску.

Брестско-Брянская линия Полесских железных дорог вступает из Гродненской губернии между станциями Снитово и Юхновичи. Последняя станция, находящаяся уже в Пинском уезде Минской губернии, грузит 25 тыс. пудов большей частью лесных и отчасти хлебных грузов.

К ю.-з. от станции Юхновичи, верстах в 40, по большой дороге в Ровно, у р. Струмень расположено местечко Любешев, или Новый Дольск. Жителей в нем около 1000 человек, две православные церкви, костел, больница, три еврейских молитвенных дома, два кирпичных завода и много лавок.

В местечке бывает три ярмарки в году. В XVII в. местечко принадлежало кн. Дольским. В 1693 г. здесь был построен монастырь пиаров и деревянный костел св. Иоанна Евангелиста. Пиары представляли собой монашеский орден, члены которого сверх обычных обетов принимали еще обет безвозмездного обучения юношества. Орден был основан в 1607 г. После 1863 г. учреждения пиаров в пределах Российской империи были воспрещены. В 1745 г. пиары построили на месте прежнего монастыря великолепную базилику, украшенную фресками работы известного живописца Луки Гибеля. До пришествия пиаров, т.е. до 1693, г. Любешев был селом, а потом стал местечком. Южнее Любешева, в 8 верстах от него, над ручьем, впадающим в долину р. Стохода, лежит село Железницы. В конце XVII в. Серваций и Екатерина Вишневецкие записали это имение в пользу пиаров в Любешеве. Местность в окрестностях села низменная, богатая болотной железной рудой. Верстах в 20 от Любешева на северо-восток, у озера Нобель, лежит бывший древний дреговичский город Нобель, а в настоящее время — местечко с Преображенской церковью и синагогой. Население Нобеля занимается рыболовством в озере и сплавом леса. Первое известие об этом местечке относится к концу XIII в. Во время Миндовга вожди кн. волынского Василия Залислав и Медатрик разбили наголову запершихся в г. Нобель литовцев. Так как город, существоваший на месте нынешнего местечка, находился в конце узкого полуострова, вдающегося в озеро, то литовский отряд не имел возможности развернуться и был совершенно уничтожен, а Русь этой победой много выиграла в глазах своих соседей. Остров, на котором находится местечко, вдается в озеро с северной стороны. Длина озера Нобель достигает 3 $^1/_3$ версты, ширина 2 $^1/_2$ версты, а в окружности оно имеет 12 верст. Хотя озеро и расположено в болотистой местности, но берега его возвышенны, так как оно окружено со всех сторон холмами, за которыми тянутся уже непроходимые болота. Несколькими ручьями оно соединяется с притоками р. Припять, известной здесь под названием Парак. Из озера выходят два потока, которые образуют реку Струмень. К северу от озера Нобель в 3 верстах лежит озеро Омыть. Соединяются озера между собой посредством рукава. Недалеко от местечка Нобель лежит село Невель на притоке р. Припять, называемом Струменем. Местность здесь низменная, малонаселенная. Жителей в селе 150 человек, занимаются они главным образом рыболовством и сплавом леса. В Невеле есть большая униатская церковь, построенная на средства Кургенецких и одаренная ими 2 $^1/_2$ волоками земли; в последнее время имение Невель принадлежало Лапицким. В 1831 г. здесь был разбит отряд польских повстанцев, бывших под предводительством Тита Пуславского.

В 23 верстах за Юхновичами Брестско-Брянский железный путь достигает уездного города Пинск.

Пинск (Пинск, Pinecum) расположен при впадении р. Струмень в Пину. Окрестности его богаты лесами, но чрезвычайно болотисты, почва глинистая и бесплодная. Пинск принадлежит к весьма древним городам Западной Руси, но достоверных данных о его происхождении не имеется. Записки бывшего в Пинске Лещинского монастыря говорят о нем как о городе, существовавшем уже во время св. Владимира, который и был основателем монастыря. Название же Пинск впервые определенно встречается в летописи Нестора под 1097 г., где описывается ослепление Василька Ростиславовича, кн. теребовльского, причем этот город принадлежал в то время к владениям Великого княжества Киевского. Давид Игоревич кн. владимир-волынский, подговорил кн. Святополка захватить Василька, убедив, что последний, уехав в свою вотчину, захватит принадлежащие Святополку волости Туров и Пинск: «Узрушь», — говорит Давид Святополку, — еще ти не займешь град твоих Турова и Пиньска». По поводу ослепления Василька возникла война, причем жители Пинска помогали своему князю и участвовали во взятии города Владимира-Волынского, а потом защищали этот город от осады кн. Давидом Игоревичем. Таковы первоначальные известия о Пинске. Позже, в 1133 г., Туров и Пинск отошли к минскому княжеству Изяслава, сына Мстислава, внука Владимира Мономаха, а в 1158 г. Юрий Долгорукий передал Туров с Пинском своему сыну Борису. Вообще, в течение XII в. Пинск вместе с Туровом несколько раз переходил из руки в руки князей киевских, черниговских и даже переяславских. Тем не менее прямое право на обладание Пинском признавалось за потомками кн. Изяслава Ярославича. В начале того же XII в. появилась на исторической сцене Литва: в 1114 г. под предводительством Зывибунда литовцы опустошили Минское княжество, а позже делали часто набеги и на южные города — Пинск, Туров и Мозырь. Но эти набеги не имели еще характера войны, и только к концу XII — началу XIII в. Литва, усилившись, приобрела значительное влияние на соседние с ней западнорусские княжества. Первые известия о литовском периоде чрезвычайно сбивчивы: одни говорят, будто около 1160 г. литовский кн. Скирмунт одержал победу при р. Ясельде над Мстиславом, кн. волынским и туровским, и присоединил последнее с Пинском к своему государству, а по дру-

гим источникам, в Минске господствовали потомки Владимира Мономаха, но удержали свой удел, подчиняясь то Литве, то князьям волынским и, вероятно, просуществовали до конца XIII в. В половине того века в окрестностях Пинска и других городов появились татарские орды и разрушали все на своем пути: под предводительством Гаюка и Койдана они разорили Пинск, Туров, Мозырь, Клецк, Слуцк, Новогрудок и направились к Минску. Но здесь их встретил с войском литовский и жмудский кн. Скирмунд и разбил наголову у местечка Койданово.

В конце XIII — начале XIV в. Пинск подпал совершенно под власть Литвы. Кто окончательно покорил Пинск, Витенесь (1291—1315 г.) или сын его Гедимин, князь литовский, история умалчивает, но известно, что в 1320 г. уже владел Пинском, Мозырем и значительной частью Волынского Полесья сын Гедимина Наримунт. В 1348 г. Наримунт был убит в битве у р. Стровы. Кто владел в это время Пинском, неизвестно, но несколько лет спустя Пинским княжеством управлял кн. Василий Михайлович, внук Наримунта, умерший в конце XIV в. Наследовал Василию, кажется, сын его кн. Юрий, а далее опять нет никакой возможности разобраться, но ясно, что Пинское княжество не могло быть в это время самостоятельным, так как при Сигизмунде I здесь были наместники. Жители Пинска получили от Сигизмунда некоторые привилеи, которые были подтверждены в 1501 г. великим кн. Александром, привилеем же 1471 г. великий кн. Казимир отдал г. Пинск жене последнего киевского кн. Симеона Олельковича — княгине Марии с детьми «в хлебокормление». В 1523 г. Сигизмунд II отдал город в пожизненное владение своей супруге королеве Боне, память о которой сохранилась во многих привилегиях, пожалованных ею окрестной шляхте, а также в канале, который по ее приказанию был прорыт на расстоянии 6 верст от Пинска к имению Стетичеву. Этим каналом до последнего времени еще пользовались. В 1527 г. город немного пострадал от татар, которые, воспользовавшись суровой зимой, сковавшей Полесье, дошли, опустошая все на своем пути, до самых стен Пинска, но здесь кн. Константин Острожский нанес им сильное поражение. Еще раньше, со времени дарования привилегий королями, а потом во время королевы Боны город начал обстраиваться и расширяться и быстро достиг цветущего состояния. В 1565 г. Люблинская уния связала Литву с Польским королевском и притом против воли Литвы. Сейм решил отделить от Литвы Волынь и Полесье и соединить их с Польшей. Пинск в 1569 г. был назначен уездным городом Брестского воеводства и должен был делить с прочими русскими городами все невзгоды польского господства и унии, но православие здесь пустило глубокие корни, так что при владыке туровском Евфимии (в первой половине XV в.) в Пинске было 15 церквей. В 1581 г. Стефан Баторий дал Пинску магдебургское право и тогда же утвержден был герб Пинска. Права эти были подтверждены и отчасти расширены Сигизмундом III в 1589 и 1592 гг. Однако со времени введения унии спокойствие края нарушилось и долго потом не могло восстановиться при последовавших войнах. Богдан Хмельницкий, двигаясь к Польше, отправил вперед полковника Небабу с отрядом. Последний занял Пинск в 1648 г. Масса окрестного православного населения примкнула к ним, вспыхнуло восстание, грозившее уже всей Литве. Сначала гетман Януш Радзивилл выслал войско к Пинску для усмирения, но начальник отряда не мог убедить жителей города сдаться. Тогда Януш Радзивилл решил подавить это восстание и с сильным отрядом осадил Пинск. Начался штурм города, ужасный своим ожесточением как со стороны нападавших, так и со стороны защищавшихся. Если верить современникам, в это время в Пинске погибло 14 тыс. человек и сгорело 5000 домов, а кроме того два католических костела с монастырями, две православные церкви с монастырями и две униатские церкви. Шесть лет спустя началась война за обладание Малороссией. Московский воевода кн. Волконский отнял Пинск у литовцев и, простояв здесь двое суток, выжег город и отплыл вниз по Припяти. В 1706 г. Пинск еще раз подвергся сильному разорению, когда король шведский Карл XII овладел этим краем. Старостой пинским был тогда кн. Вишневецкий, один из ревностных сторонников короля Августа II. Карл XII после долгих месяцев своего пребывания в Пинске выступил из него и приказал сжечь дворец Вишневецкого и слободы, подведомственные старосте. Несмотря на перенесенные бедствия, выгодное местоположение Пинска и его прежняя обширная торговля способствовали тому, что город быстро оправился после Северной войны и к концу XVIII в., незадолго до присоединения к России Полесья, был значительным торговым городом, хотя, впрочем, и не достигал вторично этой степени благополучия, на какой был в первой половине XVII в. К России Пинск был присоединен в 1795 г. Герб г. Пинска изображает в красном поле золотой лук, натянутый стрелой того же металла со стальным острием. В 1795 г., при устройстве нынешней Минской губернии, Пинск вошел в состав Минского наместничества в качестве уезда и при издании штатов Минской губернии в 1796 и 1802 гг. оставлен уездным городом той же губернии.

При положении города на железной дороге и судоходной реке можно думать, что Пинск должен быть одним из крупных торгово-промышленных городов Западного края. Действительно, он играл не так давно (до 70-х годов XIX в.) важную роль в хлебном движении благодаря, конечно, р. Припять, которая являлась естественной артерией этого движения. Весной и осенью город оживал. Набережная была запружена массой народа, целыми горами мешков с хлебом, бочками с салом и пр. Все это происходило только весной и осенью, а в остальное время года Пинск был глухим полесским городком с грязными улицами. Играя такую важную роль в хлебном движении, Пинск, однако не был складочным местом, и все значение его заключалось в покупке и отправке купленного товара на другие рынки, т.е. это была не хлебная торговля в полном смысле этого слова, а провозная — ряд сделок по купле и продаже провозимых через Пинск произведений в Царство Польское и в города Мемель, Данциг и Кеннигсберг, а также и на юг — в части Волыни и отчасти по Днепру до Екатеринослава. Вследствие этого в Пинске были сосредоточены с одной стороны капиталы, а с другой стороны — он был местопребыванием торгующего класса, и главным образом комиссионеров и случайных, временно занимавшихся лиц — маклеров почти исключительно из евреев. Самым важным предметом привозной торговли был хлеб. Второе место занимало сало. Иные же купцы занимались и тем и другим, причем эти две торговые операции велись в разное время: торговля салом производилась главным образом летом, а к зиме оно было уже продано. Вырученный капитал шел на покупку в течение зимы хлеба для погрузки и транспортирования его ранней весной, а затем вырученные деньги к лету шли на сальную торговлю. В некоторой связи с хлебной торговлей была и лесная. Хлеб и лес иногда покупались вместе: лес являлся средством перевозки, а хлеб — грузом. Главными местами закупки хлеба Пинском были районы пристаней, которые в Пинске называются низовыми (от Киева до Кременчуг), а именно на левой стороне Днепра—Переяславль, Прохоров и отчасти Кременчуг, с правой же стороны — Киев и Ржищев Каневского уезда, а на Десне Остер. Велась также торговля г. Пинском и на Волынь, была более самостоятельна: торговцы ее непосредственно вели торговлю с портами. Самым главным районом был переяславский рынок. Здесь можно было встретить массы комиссионеров из Пинска и др. городов и притом почти исключительно евреев. Что касается, в частности, торговли хлебом, то преобладающей статьей сбыта во всех районах были рожь и ржаная мука, затем шли овес, просо, пшеница и масляничные семена. Хлеб, купленный пинскими торговыми фирмами в низовьях Днепра, доставлялся к верхним районам Припяти, а затем в Пинск, перекупался спекулянтами, причем та или иная часть его оставалась здесь в зависимости от урожаев и покупалась жителями ближайших уездов. Весь же остальной хлебный груз из Пинска следовал затем к местам сбыта по направлениям на Варшаву—Данциг и Ковно—Кенигсберг, проходя по Огинскому и Днепровско-Бугскому каналам.

Главным покупщиком сала из всего Приднепровья являлся также г. Пинск. Перевозилось оно в бочках из елового дерева. Сала, так же как и хлебных грузов, оставалось в Пинске в незначительном количестве для местного потребления на мыльные и свечные заводы, а затем оно следовало по тому же пути, по которому шли и хлебные грузы. Такова была торговля Пинска. Но после проведения Полесских дорог она упала. Существовавший здесь элеватор теперь не действует и, кажется, в последнее время пришел уже в полное разрушение. Жителей в г. Пинске, по данным переписи 1897 г., насчитывалось 28 000 человек обоего пола, а к 1 января 1900 г. это количество возросло до 29 500 человек обоего пола. Большая часть населения — евреи. Православных церквей в городе три, здесь есть мужской Богоявленский монастырь, три каменные каплицы и одна деревянная, костел, основанный в 1396 г. Сигизмундом Кейстутовичем, две синагоги и 26 еврейских молитвенных домов. Одна из церквей г. Пинска — Федоровская соборная каменная преобразована из доминиканского монастыря, переданного в православное ведомство в 1857 г. Затем есть кладбищенская церковь, деревянная, во имя св. Николая, построенная прихожанами в 1823 г. Богоявленский монастырь построен в готическом стиле. Основание его современно началу унии, а с 1848 г. при нем находится духовное училище, переведенное из Ляданского монастыря. Из учебных заведений в г. Пинске на первом месте стоит реальное училище (свыше 200 учеников), потом следуют духовное, приходское, еврейское казенное и несколько частных, а также трехклассное городское. Больницы в Пинске — городская на 15 кроватей и тюремная на 10 кроватей и две еврейские. Аптеки здесь три, а также богадельня при соборной церкви на 9 человек. Фабрик и заводов в городе насчитывается 22 с 1100 рабочими; в показанном числе три лесопильных завода, один маслобойный, спичечная фабрика, две лито-типографии, фабрика сапожных гвоздей, судостроительный завод, мукомольная мельница, пять медоваренных заводов, четыре пивоваренных, две табачные фабрики и завод сухой перегонки де-

рева. Ярмарок бывает в городе ежегодно шесть. Кроме того, есть общество взаимного кредита, две сберегательные кассы и одна банкирская контора. Приход города достигает 46 тыс. руб. На пристани Пинска грузится до 3 000 тыс. пудов хлебных, лесных грузов и сала. Из Пинска начинается пароходство вниз по Пинке и Припяти в Днепр до Киева.

У г. Пинск на берегу р. Пина расположено предместье Лещ с приходской Успенской церковью, построенной в 1744 г. на счет бывшего здесь Лещинского монастыря. В этой церкви находится местночтимая чудотворная икона Спасителя. Основание Лещинского монастыря приписывается св. кн. Владимиру, так что начало этого прихода должно быть относимо к X в. Позже в Лещинском монастыре было базилианское аббатство. Интересна история Леща. В 1260 г. сын литовского кн. Миндовга Войшелк (или Войшелг), принявший православие и основавший Лаврышевский монастырь на берегах р. Неман (в Новогрудском уезде), жил уединенно в этом монастыре. После убийства Миндовга Тройнатом, владельцем Жмуди, Войшелк бежал в Пинск и здесь в Лещинском монастыре остался некоторое время безучастным зрителем современных ему событий, а в 1965 г. оставил монастырь и при помощи пинян овладел Новогрудским уделом, после чего опять удалился в Лещинский монастырь, передав власть своему зятю Шварку Даниловичу. В 1603 г. Лещинский монастырь был перечислен в унию, а в 1839 г. упразднен. Вблизи Леща есть курган, известный под названием могилы Миндовга, но достоверно известно, что Миндовг не здесь похоронен. Другое предместье Пинска — Каролич. Здесь был замок кн. Михаила Вишневецкого. В 1804 г. этот замок вместе с прочими постройками был разрушен Карлом XII в отмщение владельцу кн. Михаилу Вишневецкому, стороннику короля Августа II. В 3 верстах от Пинска, у р. Пина, лежит село Пинковичи с Богородичной церковью. Местоположение села выгодное, почва наносная, плодородная, жители занимаются рыболовством и сплавом леса. У этой же реки, вблизи Пинско-Волынской почтовой дороги, расположено село Стаховичи. Выше села находится последний шлюз на р. Пине. К югу от Пинска, в 12 верстах, в Заречье, недалеко от р. Струмень, лежит село Велятичи с Рождество-Богородичной церковью, построенной Адамом Скирмунтом в 1726 г. Во время весеннего половодья сообщение с Пинском возможно только водой. Население села занимается рыболовством и сплавом леса. Во время удельного периода Велятичи принадлежали князьям Ярославичам Пинским, а с XVIII в. находились в руках Скирмунтов.

В 17 верстах от Пинска, на северо-востоке, лежит древнее славянское поселение Городище. Иван Карл Копец, воевода полоцкий, поселил здесь в 1662 г. бенедиктинов, наделив их приходом. Здесь существовал каменный костел св. Анны с монастырем. Он находился на островке, с одной стороны окруженном р. Ясельда, а с другой стороны — непроходимыми болотами. В 1864 г. этот монастырь был упразднен и Городище с монастырем и костелом было продано. Жители села — все католики. До последнего времени это было единственное село в Пинском уезде с исключительно католическим населением. В 28 верстах к с.-в. от г. Пинска, у р. Ясельды, лежит большое село Поречье, составляющее исконное владение Скирмунтов. В селе есть церковь Рождества Богородицы и сельская школа. Жители Поречья зажиточны. Главные занятия их — земледелие и сплав леса. Число дворов 177, жителей свыше 2800. В «Путешествии по северной части Пинского уезда» М.В.Довнар-Запольский дает подробное описание Поречья. Это одно из наиболее замечательных и важных в экономическом отношении сел Минской губернии. Здесь мы видим весьма редкий в губернии пример успешной фабрично-заводской промышленности в селе, довольно удаленном от города (около 30 верст) и даже не находящемся при станции железной дороги. При слабом состоянии промышленности в нашем крае, даже в больших центрах, имеющих все удобства, представляемые железными дорогами, телеграфами и пр., пример Поречских заводов весьма любопытен. Осматривая имение, поневоле приходится удивляться той настойчивости и энергии, с которой велось и ведется здесь хозяйство уже тремя поколениями помещиков. В то время, когда у нас еще до сих пор мало имений, где бы было введено правильное лесоводство, канализация, лесосеяние и пр., все это давно уже введено в Поречском имении с 30-х годов минувшего столетия. Вводилось оно и раньше, так что в настоящее время можно видеть плоды многолетних усилий. Огромные леса разделены на участки по возрасту и качеству леса. Рубится, конечно, только вполне зрелый лес. Кроме того, леса и болота канализованы, пересечены целой сетью каналов, вливающих свои воды в Ясельду, на берегах которой расположено имение. Каналы приносят огромную пользу имению. Кроме того, что они осушают лес, гарантируя его от чрезвычайной сырости, которая здесь уменьшает во многих местах качественность леса, каналы служат главным образом еще для сплава леса. Они устроены так, что главные жилы их соединяются недалеко от двора имения, и притом каналы проникают в самые отдаленные участки лесов и болот и соединяют их с

двором. Весной можно по этим каналам сплавлять в имение дровяной и строевой лес с вырубленных участков. Нужно заметить, что такая операция значительно сохраняет расходы по имению: заводы поглощают огромное количество топлива и кроме того лес, идущий на продажу, выигрывает в цене, так как он подвозится к сплавной р. Ясельде. Мы уже не будем упоминать о той огромной пользе, которую принесли каналы осушению полей и лугов. Луга в имении также обращают на себя внимание. Они лежат в долине р. Ясельды, занимая огромное пространство в несколько тысяч десятин. Пространство, занятое лугом, совершенно чистое и ровное: ни лозы, ни зарослей где-либо вы не встретите. Культура сенокоса доведена до того, что он обязательно косится два раза в год.

Нельзя не обратить внимание на дороги, проведенные по всему имению в лесах и по лугам. Ввиду низменной местности, дороги насыпаны выше ее уровня и с обеих сторон окопаны канавами. Такое устройство дорог частными владельцами — пример исключительный. Но что самое замечательное в местном хозяйстве владельцев имения Поречья — искусственно засеянные леса. Всякий кусок поля, неудобный для хлебопашества, в имении не пропадает: он засевается лесом. Кроме того, лесосеяние приносит пользу еще и земледелию. Все поля, подвергающиеся наносными песками с соседних песчаных холмов, также обсажены лесом. Лесосеяние ведется здесь уже более 60 лет. Конечно, при таком лесном хозяйстве необходим ученый лесничий и соответствующий штат служащих, что существует уже много десятков лет в имении. Укажем еще на одну замечательную сторону Поречского хозяйства — на заводы и фабрики. Заводов здесь в настоящее время три: винокуренный, кажется, в Минской губернии, в котором гонится очищенный спирт, затем огромная паровая мельница и сыроваренный завод, приготовляющий сыры лучших сортов, недавно открывший свои действия. Странно поражается взор громадными каменными постройками среди векового леса. Среди этих зданий стоит древний каменный палац Скирмунтов, окруженный цветниками. У самого палаца проходит рукав Ясельды — Ясень, на островке которого расположен прекрасный фруктовый сад. С балкона палаца открывается вид на высшей степени живописную долину р. Ясельды, представляющую взору зеленое море лугов. Суконная фабрика в Поречье — одна из старейших в крае, построена в 1837 году. Она сразу была основана на широких началах. Из Германии были вызваны мастера, но рабочие все были из местных крепостных крестьян. Замечательно также, что это едва ли не первая в России фабрика, в которой рабочие принимали участие в прибылях от производства. Кроме того, помещик вызвал из разных имений своих крепостных, поселил их при заводе. Они живут семьями в большом каменном доме. По внешнему виду это третье уже поколение заводских рабочих значительно отличается от крестьян. Большинство их грамотные. При фабрике образовался тип фабрично-рабочего еврея, которые тогда же, при устройстве фабрики, были принимаемые помещиком и поселены при фабрике. Они работают в красильне.

В 1860 г. здесь был построен свеклосахарный завод, но несколько лет тому назад он сгорел и на его месте выстроен винокуренный. Замечательно, что свекловицу для сахарного завода разводили здесь же, на землях Поречья. Большую часть нужного количества возделывал сам помещик, но ее разводили также и соседние мелкие помещики и даже крестьяне для завода. Десятина свекловицы давала здесь доходу им от 150 до 200 руб., как уверяли лица, возделывавшие ее для завода, что подтвердил и сам владелец. Мало того, г. Скирмунт показывал мне превосходнейшие плантации ворсильных шишек. Как известно, эти шишки, которые ничем нельзя заменить на суконных фабриках, выписываются нашими промышленниками из Франции по весьма дорогой цене. Несколько раз обсуждался вопрос о культивировании этих шишек у нас в Южной России и на Кавказе. Но дело до сих пор не подвинулось вперед. Между тем уже в продолжение нескольких лет г. Скирмунт с успехом культивирует это французское растение и успел в этом деле настолько, что его фабрика, совершающая полумиллионный оборот, пользуется ворсильными шишками собственного производства. По расчету г. Скирмунта, десятина шишек дает доходу до 400 руб. Растет два года. Увидеть ворсильные шишки — южное растение — в такой глуши было для меня неожиданной новостью. Разведение свекловицы и ворсильных шишек в селе Поречье служит прекрасным доказательством того, что в нашем крае могло бы с большой пользой привиться разведение и других культурных растений. Табак также в Минской губернии с каждым годом улучшается в качестве. В 25 верстах от Пинска к с.—с.-з., среди лесов, на старой почтовой дороге из Пинска в Минск, лежит местечко Логишин с православной Преображенской церковью, синагогой, европейским молитвенным домом и училищем. Местечко сделалось известным с XVII в., принадлежало Радзивиллам и было богатым старостом. В 1643 г. король польский Владислав IV дал жителям Логишина магдебургское право. В 1634 г. здесь был построен великолепный костел Станиславом Радзивиллом. При той же дороге, по направлению

к северу, лежат одно за другим селения Доброславка (18 верст от Логишина) с Троицкой церковью, построенной неизвестно когда кн. Друцким-Любецким, Плоскино (в 13 верстах от Доброславки) и Хотыничи (в 18 верстах от Плоскина), — последнее недалеко от границы со Слуцким уездом. Село Плоскино лежит в 2 верстах от почтовой станции Бобрик. В селе есть небольшая церковь и была католическая каплица, упраздненная в 1863 г. Имение в последнее время принадлежало Скирмунтам и заключало в себе до 5 $^1/_2$ тыс. десятин. Окрестности села носят характер Полесья, почва песчаная. Село Хотыничи расположено среди болот и лесов, в которых водятся лоси, серны и медведи. В селе есть Михайловская деревянная церковь и почтовая станция. Имение принадлежит гр. Потоцким. На северо-западе, верстах в 12 от Логишина, в 2 $^1/_2$ верстах от Огинского канала, лежит в низменной и малолюдной местности село Озаричи с бывшей униатской церковью, построенной гетманом Михаилом Огинским. Некогда это село принадлежало к королевским владениям, потом перешло к Огинским, а в XIX в. — к Пуславским. Население занимается земледелием и сплавом леса.

Далее на север, в 47 верстах от Пинска, на Огинском канале, при дороге из Пинска в Косово (Гродненской губернии), лежит местечко Телеханы. Жителей здесь 1000 человек, православная церковь Св. Троицы, каменная католическая каплица, синагога, почтово-телеграфная контора и торговая пристань. Церковь построена гетманом Михаилом Огинским, а каплица — Пуславским в 1817 г. Кроме того, в местечке имеется больница на 10 человек и школа дорожных кондукторов. Раньше существовала здесь построенная Михаилом Огинским фаянсовая фабрика. Изделия этой фабрики сначала очень славились, но с переходом фабрики в еврейские руки дела пошли очень плохо, и производство прекратилось. В 1880 г. громадный пожар уничтожил местечко. Телеханы, кажется, принадлежали издавна кн. Дольским, затем перешли к кн. Вишневецким, а в XVIII в. — к кн. Огинским. В 1770 г. гетман Михаил Огинский начал прорытие Телеханского канала, впоследствии названного Огинским, для соединения Щары с Ясельдой. Огинский канал был окончен только в 1799 г. при имп. Павле I. От Огинских Телеханы перешли (были проданы) к Пуславским, во владении которых и находились в течение XIX в. Далее на з.—с.-з., верстах в 10 от Телехан по той же дороге в Косов, лежит местечко Святая Воля с православной церковью и европейской молитвенной школой. Жителей здесь 500 человек. Правами местечко пользуется с 1724 г. по грамоте короля Августа II. Этой же грамотой разрешено было учредить здесь еженедельные торги и ярмарку. К северу от Телехан по каналу лежат села Вулька (3 версты) и Выгоновичи (12 верст). Самое привлекательное — это озера при этих селах. Огинский канал большей частью, особенно в северной своей половине, лежит среди топких торфяных болот. Оба берега его также состоят из торфа, так что по берегу можно проехать только в сухое время. Сам канал в настоящем его виде представляет мало интереса. Летом он сильно мельчает, так что плоты с трудом проходят по нем. Иногда с неимоверными усилиями их тащат по иловатому дну канала. Сам он неширок — сажени две шириной и вполне удобен для судоходства только весной, когда по нему ходят небольшие суда.

Около Вульки находится одноименное озеро круглой формы, имеющее версту в диаметре, через него проходит канал. Это озеро отличается своей глубиной, что весьма редко бывает в болотных озерах. Но еще более интересно следующее озеро — Выгоновское. Оно находится верстах в пяти к северу от села Выгоновичи, лежащего также на канале. Выгоновское озеро верст на 5—15 недоступно с сухого пути. К нему на лошадях подъезжают только зимой. Вся местность кругом озера покрыта топкими торфяными болотами, заросшими почти сплошь низкой лозой и мелким болотным леском, отличающимся от обыкновенного только тем, что он всегда бывает более мелок, неправильной формы с наростями. Проезжают к озеру каналом с одной и другой стороны. Это одно из самых больших озер Минской губернии. Величина его по течению канала достигает 5 верст (с юга на север), а с востока на запад — 7—8 верст. Берега озера кое-где покрыты крестьянскими сенокосами, к которым подъезжают только на лодках. Во время разлива Выгоновское озеро, нередко соединяясь с соседним озером Бобровицким, лежащим на 15 верст к западу от него, на самой границе Гродненской губернии. Но в летнее время оно неглубоко, так что дно часто даже посередине озера бывает аршина на 1,5—2 $^1/_2$. Но зато дно пловатое, низкое. Шест в нем нигде на доходит до твердой почвы. Поэтому оно бывает весьма опасно во время бурь. Волны здесь настолько велики и сильны, что переходящие через него плоты не могут двигаться и стоят иногда по несколько дней посредине его на якоре, движение же на малых лодках почти немыслимо. Замечательно, что лагуна озера, несмотря на болотистую местность, в которой она лежит, представляет собой возвышенное плато, лежащее футов на семьдесят выше уровня Пины у г. Пинска. Вот почему оно питает в продолжение целого лета своими водами обе ветви

канала, проходящего через него. С южной стороны озера находится плотина для удержания его воды, а с северной — шлюз (десятый). Вот как очевидец описывает свою поездку по Выгоновскому озеру: «Подъехав к плотине на лошадях, я пожелал перебраться через озеро к десятому шлюзу. Сторожа не было дома, но, к счастью, три дюжих парня из гонящих плоты переезжали озеро, и я с волостным писарем уселся в лодку и поплыл по озеру. Казалось мне с берега слегка волнующееся озеро несколько угрюмым, но на середине представлялось взору во всей своей красоте, дикой и девственной. Кругом на горизонте синел лес. Скоро скрылся и домик при плотине, и кроме воды и синевы неба ничего не было видно. Изредка только у берегов замечалось какое-то движение: поднимались высоко к небу едва заметные точки и пропадали в синеве летнего дня. Картина была угрюма, но величественна. Чтобы представить себе положение озера, добавлю, что оно кругом мало заселено, верст на 5—15 недоступно летом совершенно, как я уже сказал. Оно стоит на краю болотного пространства, среди которого находится село Радзяловичи. В большой лодке мы переезжали озеро. Трудно забыть лица гребцов. Их было трое, все уроженцы соседнего местечка Мотоля Гродненской губернии. Это были дюжие, коренастые парни, широколицые брюнеты. Сила и здоровье так и били от них. Они все были невысокого роста, широкоплечие; каждый взмах весла, движение лодки — давали чувствовать их силу. Действительно, ни одно занятие не развивает так мускульной силы, как бурлачество. Нашим бурлакам с детства (лет с 15) приходится испытывать неимоверные затруднения, пробовать свои силы. Вскоре мы начали подъезжать к берегу, покрытому массой плотов, которые ждали прохода через шлюз. За ними на берегу виднелся домик шлюзного сторожа. Выгоновское озеро отличается богатыми рыбными ловлями; рыбы вылавливаются здесь на несколько тысяч рублей. Ловля происходит обыкновенно зимой. Я мог убедиться в обилии рыбой озера, потому что почти в полдень в небольшой сетке, в аршин в диаметре, опущенной на длинном шесте между воротами шлюза, оказалось порядочно мелкой рыбы. Богато также озеро и птицей, которую здесь убивают тысячами. За озером канал продолжается до слияния его со Щарой на расстоянии 150 сажен. Щара течет здесь в болотистых, отлогих берегах, почти не населенных. Она круто поворачивает от равнины, где лежит озеро, на северо-запад, что доказывает, что равнина, на которой находится озеро, имеет влияние в распределении речных бассейнов. Подъезжать к берегу озера можно только зимой по льду или вокруг через замершие болота; летом сообщаются лодками по каналу, а весной и осенью, когда зима не установилась или уже кончается, так что, если ни озеро, ни болото не замерзают, сообщение совершенно прекращается, иногда на месяц». На запад от Выгоновского озера, на границе с Гродненской губернии лежит в глухой местности озеро Бобровицкое. Длина его достигает 4 $^1/_2$ версты, ширина — 3 $^1/_4$ версты, а окружность — 13 $^1/_2$ версты. Берега озера низкие, болотистые, лесистые. У озера лежат селения Бобровичи, Вядо и Тупичицы.

За Пинском, в 25 верстах Брестско-Брянская железная дорога достигает станции Парохонск, грузящей до 130 тыс. пудов лесных и отчасти хлебных грузов.

Верстах в 7 к северу от Парохонска лежит небольшое, чистенькое и весьма приятное местечко Погост Загородный. Оно расположено на берегу озера Погост, узкого и длинного. Ширина озера достигает 1 $^1/_2$—2 версты, а длина — 7 верстах. Местечко стоит у самого края его, при устьях р. Бобрик. Замечательны здесь остатки палаца кн. Друцких-Любецких, владельцев местечка. Палац был расположен в стороне от местечка, на самом берегу озера, на значительном возвышении. Возвышение, несомненно, если не все, то частью устроено искусственно. На нем теперь видны остатки громадных каменных зданий, палаца, небольшого костела и служб, кругом раскинулся роскошный старинный парк с каналами и с живописно разбросанными мостиками. Вид на озеро прекрасный: под ногами длинная полоса озера, на краях которого с правой стороны виднеются дымки деревень, и снова леса. Слева и прямо через озеро видно обширное пространство засеянных полей. Но на парке и остатках зданий, приспособленных отчасти для современных нужд хозяйства, видна уже печать запустения: каналы обсыпаются и поросли, дорожки едва заметны, на мостики небезопасно взойти. Все это остатки былого величия. Но погост замечателен еще и в другом отношении. Жители его мало занимаются земледелием и никогда не ходят на сплав. Они исключительно ткачи и гончары.

Верстах в 15 за Парохонском Брестско-Брянский железный путь оставляет верстах в 5 к северу от себя село Лучино. Расположено это село при глухой дороге из Погоста в Кожан-Городок, в наилучшей местности Пинского Полесья, имевший еще недавно с севера и юга непроходимые болота, образуемые реками Бобрик и Цна. В последнее время эти болота были осушены ген. Жилинским через проведение Лунинского канала. Лунин издавна принадлежал князьям Любецким. В селе есть Борисоглебская церковь, построенная в 1824 г. кн.

И.Друцким-Любецким, а вблизи — резиденция владельцев с богатой библиотекой. В окрестностях много лесов, лугов, рыбы и зверей; в лесах гонится смола. Осушение болот увеличило доходность имения.

В 29 верстах от Парохонск Брестско-Брянский железный путь достигает вышеупомянутой узловой станции Лунинец, на которой пересекается с Вильно-Ровенской линией Полесских железных дорог. О нагрузке этой станции мы уже говорили выше. За Лунинцем, верстах в 12, железный путь пересекает р. Цну, довольно значительный левый приток Припяти. В 19 верстах за Лунинцем находится на Брестско-Брянской железной дороге станция Лахва, грузящая до 15 тыс. пудов хлебных и лесных грузов. Она лежит на границе Пинского и Мозырского уездов при древнем местечке того же имени, раскинутом верстах в 8 от р. Припять, у ее левого притока р. Смерти, среди огромных пущ. В Лахве две православные церкви, из которых одна переделана после 1854 г. из костела, построенного, вероятно, Радзивиллами. Здесь есть также еврейский молитвенный дом. Жители Лахвы почти исключительно евреи. Занимаются они мелкой торговлей, а также покупкой и продажей лесного товара и рыбы. В начале XIX в. здесь были фабрики плетеной мебели. Время основания местечка Лахвы неизвестно. Местечко было первоначально королевским имуществом, а позже было пожаловано Казимиром Ягеллончиком в части Кишкам и затем перешло в род Радзивиллов. В 1655 г., во время войны царя Алексея Михайловича с королем Яном Казимиром, царский воевода кн. Волконский разорил Лахву.

Верстах в 7 к з.—ю.-з. от Лахвы лежит при р. Цна значительное местечко Кожан-Городок. Жителей в нем 1215 человек обоего пола. Они занимаются преимущественно торговлей рыбой, а также сплавом леса. Местность, хотя и глубоко полесская, однако очень оживленная торговлей по р. Припять. Здесь есть православная Николаевская церковь, построенная помещиком Щитом в 1818 г., католическая каплица, синагога, два еврейских молитвенных дома, школа, немало лавок и ярмарка. Без сомнения, Кожан-Городок — очень древнее местечко, хотя никаких известий о нем не сохранилось. Вблизи местечка находятся доисторические валы. Местечко принадлежало некогда Подберецким, потом Устрицким и, наконец, Щитам. В 1635 г. здесь был построен Доротеей Подберецкой кальвинский храм. Во время войн короля Яна Казимира с царем Алексеем Михайловичем в 1655 г. Кожан-Городок был занят русскими войсками. Верстах в 20 к югу от станции Ляхва, за Припятью, на островах р. Горыни, притока Припяти, расположено местечко Давид-Городок. При образовании Минской губернии в 1795 г. оно было назначено уездным городом губернии, а в 1796 г., при издании штата Минской губернии, не показано в числе уездных городов. Жителей в местечке около 4000 человек, большая часть которых — евреи. Здешние мещане безземельны и занимаются разведением овощей (преимущественно лука), ловят рыбу в Припяти и Горыни, служат лоцманами на судах, приготавливают ветчину и колбасу, которую и возят в Варшаву и Вильну, скупают сыры на местной сыроварне и возят их даже в Бессарабию, наконец, занимаются постройкой судов. В местечке есть две православные церкви. Кроме того, в Давид-Городке имеется пристань на р. Горынь, с которой отправляются все грузы (в том числе и плоты) вниз 1020 тыс. пудов, а прибывает сверху 55 тыс. пудов. Сведения о происхождении Давид-Городка очень скудны, но во всяком случае ясно, что они принадлежат к весьма древним поселениям. Местность, расположенная по Горыни, была сценой продолжительных военных действий в XI и XII вв., а в летописях мы находим, что в «Погорыни», т.е. в крае, находившемся при р. Горынь, существовало много городов. И если не сохранились все названия этих городов, то это объясняется общим названием этих городов «Городы Погорынские». В настоящее время в этих местах, т.е. в пределах уездов Мозырского и Пинского находится много остатков разных древних сооружений. Сначала этот край принадлежал Великому княжеству Киевскому, а потом — Волынскому. Быть может, в названии местечка сохранилась память о том волынском кн. Давиде Игоревиче, который ослепил Василька, кн. теребовльского, но вероятнее, судя по местным преданиям, что Давид-Городок несравненно древнее и был построен туровским князем, принявшим крещение под именем Давида. Первые вполне достойные сведения о Давид-Городке относятся к началу XVI в. В 1509 г. Давид-Городок входил в состав Пинского княжества, затем король Сигизмунд Август в половине XVI в. пожаловал местечко виленскому воеводе кн. Николаю Радзивиллу Черному. В 1586 г. из этого имения был образован майорат и утвержден грамотой Стефана Батория. В XVII в., во время казацких войск, здешние окрестности много потерпели от волнений, что, конечно, отозвалось в известной мере на Давид-Городке, а в 1655 г. кн. Волконский разбил здесь поляков и сжег местечко. Давид-Городок после этого нескоро оправился и в настоящее время представляет из себя самое заурядное местечко. В 1796 г. Давид-Городку дан был следующий герб: в черном поле посередине поперек изображен вид р. Припять и на ней серебряные

пристани с воротами по сторонам и пристающим сюда золотым судном, нагруженным товаром, связанным в трех тюках.

Оставляемый нами Пинский уезд занимает площадь в 10 427 кв. верст и несколько возвышен и малолесен только в своей западной части, в клину, образуемом течениями рек Пина и Ясельда и известном под именем Загородья, а в остальных — принадлежит к низменности Припятского Полесья и изобилует лесами и болотами. Под лесами в уезде числится около 400 тыс. десятин (т.е. 38 ½% ее площади), под пашнями — около 170 тыс. десятин (16 ½%), под лугами и выгонами — 190 тыс. десятин (18 ½%), под болотами — 270 тыс. десятин (26 ½%). Почва уезда только в возвышенном Загородье супесчаная, а в остальных частях песчаная, или иловато- и торфяно-болотная. Особенно известны непроходимые болота так называемого Заречья под Пинском. Жители уезда (свыше 230 тыс. человек, т.е. около 20 жителей на кв. версту) занимаются земледелием, лесными и судовыми промыслами, а местами — ткачеством и гончарством.

За станцией Лахва железный путь идет уже по Мозырскому уезду и достигает в 26 верстах от нее станция Микашевичи, грузящей до 850 тыс. пудов лесных грузов.

Верстах в 13 к северу от Микашевичей лежит местечко Ленино. Последнее расположено у р. Случь. До XVII в. оно принадлежало кн. Олельковичам поколения Ольгерда. В местечке есть церковь Рождества Богородицы, деревянная, построенная прихожанами, и становая квартира. Верстах в 27 к с.-в. от Ленина, при впадении р. Мерочь в Случь, по дороге в местечко Старобино, расположено село Морочь. Окрестности села безлюдны, глухи и носят характер Полесья; лугов, зверей и рыбы имеется в изобилии. В селе есть Успенская церковь, бывшая монастырская, деревянная, построенная в 1838 г. прихожанами. Здесь был прежде униатский монастырь, время основания которого неизвестно, монастырь был упразднен в 1817 г. Между Лениным и Морочью, у р. Случь, с правой стороны, расположен ряд невысоких холмов. Эта группа холмов является как бы перешейком между болотами, пересекаемыми Ланью и Морочью с одной стороны, и обширными недоступными болотами у озера Князь, или Жид, — с другой.

В 25 верстах за Микашевичами на Брестско-Брянской железной дороге находится станция Житковичи, грузящая до 280 тыс. пудов лесных грузов и расположенная близ одноименного села с православной Троицкой церковью, построенной помещиком Еленским, и сельской школой.

Верстах в 15 на север от станции Житковичи лежит озеро Князь, или Жид. Это наибольшее озеро в Мозырском уезде занимает около 42 кв. верст и очень рыбно. Расположено оно среди болот, поросших лесом, дно песчаное, илистое, берега низкие, неприступные, на версту и более покрыты камышом. Ценность годового улова в озере определяется в 10 000 руб. Здесь водятся главным образом щуки, окуни и ерши. Озеро Князь не соединяется ни с одной водной системой, а с северной стороны принимает в себя малую болотистую речку Яму. В зимнее время окрестные жители занимаются рыбной ловлей. В настоящее время озеро принадлежит нескольким владельцам, а в древнее время было во владении кн. Олельковичей-Слуцких. Во второй половине XVII в. оно перешло к кн. Радзивиллам, а в последнее время принадлежало Витгенштейнам. Среди озера находится много свай и камней под водой, и о них рассказываются разные легенды. Так, рассказывают, что название озера произошло от того, что один из кн. Слуцких, известных под именем Олельковичей, возненавидел своего брата и заточил его в построенный здесь замок. Во время его заточения замок от необыкновенного разлива воды совершенно разрушился, и под его развалинами погиб князь. Другое название озера — Жид — произошло, как говорят, от того, что в озере водится исключительно такая рыба (кошерная), которая употребляется в пищу евреями, именно щука, окунь, ерш, а по другим рассказам — от того, что в замке на озере жила фаворитка одного из Радзивиллов — еврейка, которая так же погибла, как погиб вышеупомянутый легендарный князь. Как бы там ни было, но существующие до настоящего время сваи на большом пространстве озера показывают, что здесь действительно была какая-то древняя постройка. У оз. Князь находится село Пуховичи. Расположено село в местности очень низменной, так что население, питающееся исключительно рыбой, весной, летом и осенью совсем отрезано от сухопутного сообщения. В последнее время здесь была устроена канализация. В Пуховичах есть деревянная Николаевская церковь, построенная тщанием слуцкого Троицкого монастыря и местными жителями. Из других селений вокруг озера Князь можно упомянуть Дьяковичи, Ляховичи и Князь-Озеро. Народ здесь некрасивый, приземистый, рыжий, с небольшой растительностью, но честный и бескорыстный. Говор грубый и представляет смесь малорусского, белорусского наречий и польского языка. Население усердно занимается обработкой земли и унавоживает ее благодаря обилию сенокосов и развитию скотоводства. Зачастую здесь встречается по 50 голов скота на двор. Сеется рожь, гречка,

а больше всего садится картофеля, причем крестьяне ухаживают весьма тщательно за своими полями, пропалывая их от сорных трав. Сплошных полей здесь нет, они разбросаны по островам среди болот. Обыкновенно крестьяне берут сохи на плечи и идут на острова по бревнам, а волы идут по воде. Вспахав на острове землю и засеяв ее, они таким же способом переходят на другой остров и т.д. Все острова связаны переходами, так как лес здесь ничего не стоит. Пройдя на острова, крестьяне делают шалаши и разводят огонь, не угасающий во время их пребывания на островах. Молотится хлеб также на островах, а зимой, когда подмерзнут болота, зерно переносится в селения — в закрома.

Верстах в 20 к ю.-з. от станции Житковичи по большой дороге, на правом берегу р. Припять, в низкой, подверженной наводнениям местности лежит знаменитое в истории Северо-Западной Руси местечко, прежде город, **Туров**, на древних картах Tur, Tiwer, в литовских документах Turowia. Время основания Турова неизвестно; равным образом достоверно неизвестно, откуда именно произошло название Турова. У летописца Нестора рассказывается следующим образом о происхождении Турова. С пришествием в Полоцк кн. Рогволода варяг Тур явился в Туров и распространил свою власть над этим краем. Народное предание указывает здесь Тур-колодезь, в котором будто бы крестился Тур, и Турову гору. Относительно Тур-колодезя сохранилось предание, что при нападении татар он был забросан грудными младенцами, в течение семи лет после этого вместо воды из него било женское молоко. Турова гора, или насыпь, находится вблизи Ильинской церкви; дина ее около $^1/_2$ версты, ширина — от 2 до 3 сажен. Из прочих памятников древности здесь сохранился насыпной вал, обведенный рвами. По его положению можно судить, что в древности это был укрепленный пункт. Затем, по преданию, здесь был дворец, что подтверждается следами городища, и курган Кричев, относящийся, вероятно, к татарской эпохе. Около города был Борисоглебский собор, кафедра здешних епископов, и при нем монастырь, где спасался на столбе св. Кирилл Туровский, а позже, судя по преданиям, был и другой женский монастырь под названием Варваринского, основанный женой Святополка Изяславича. В урочищах Городище и Дворец сохранились остатки древних валов, а относительно урочища Семирядец, находящегося в 5 верстах от Турова, сохранилось воспоминание о древнем каменном кресте, приплывшем по реке. Когда жители хотели остановить крест, река будто бы покрывалась кровью. По другому, весьма правдоподобному мнению, название Турова происходит от названия животного тур, так как в древности здесь водились туры в большом изобилии, и русские князья любили здесь на них охотиться. Но каково бы ни было происхождение названия города, ясно, что Туров принадлежит к числу древнейших городов, существовал уже во второй половине X в. и в начале исторической жизни русского народа был одним из важнейших городов Туровского княжества в Северо-Западной Руси. Это княжество находилось в Припятском Полесье, в земле дреговичей. Начальная летопись кратко определяет территорию этой земли: «А друзи седош межи Припети и Двиною и наркошася дреговичи». Дреговичи с первых же страниц летописи являются отдельным, самостоятельным племенем, жившим своей самобытной жизнью. Как сложилось племя дреговичей, как затем возникли племенные особенности, — на это никаких данных нет. Равным образом нет никаких данных и относительно Туровского княжества, границы которого могут быть указаны только приблизительно: на востоке границы не доходили до рубежа дреговичского племени, так как область дреговичского города Брагина в XII в. входила в состав киевского княжества, а затем южная граница начиналась почти в устье Припяти и продолжалась далее узкой полосой по южному берегу, приблизительно по нынешней границе Волынской губернии с Минской, т.е. до городов Дубна и Луцк; западная граница доходила до Берестья (Брест-Литовска) и Дрогичина. Наконец, область р. Березины, принадлежащая полоцким князьям, была северной границей Туровского княжества и оставалась неизменной до слияния обоих названных княжеств с Литвой. Племенным центром — столицей дреговичской земли и был г. Туров. Впрочем, позже, в XII в., рядом с Туровом выступил уже Пинск, а еще позже и Мозырь.

В XII в. Туров постепенно потерял свое значение и дошел затем до положения обыкновенного местечка. Выше мы сказали, что дреговичи жили сначала самостоятельным племенем, впоследствии, однако, они подпали под власть киевских князей и, вероятно, тогда же и была учреждена в Турове православная епархия, служившая в течение значительного промежутка времени оплотом православия в крае. В начале XI в. св. Владимир выделил в удел Туровское княжество сыну своему Святополку, женившемуся на дочери Болеслава Храброго. Из сыновей Владимира Святополк был старше Вышеслава и Изяслава. Между тем после смерти последнего Владимир перевел на оставшийся новгородский стол Ярослав и таким образом нарушил права Святополка, а киевский стол Владимир думал предоставить любимому сыну

Борису. Святополк, оскорбленный таким отношением к нему, заключил союз с Болеславом, но поход их против Владимира не удался. Святополк был заключен в тюрьму и только потом был выпущен благодаря настояниям Болеслава, однако Владимир держал сына при себе, не давая ему удела. В 1015 г. Владимир умер. Святополк достиг своей цели — сделался киевским князем, подослав к своим братьям убийц, но в это время оставался в живых брат его Ярослав, княживший в Новгороде. Борьба между братьями закончилась победой Ярослава; вместе с другими волостями и Туровская перешла к нему. Еще при жизни своей Ярослав Мудрый разделил свои волости между сыновьями, причем Туровская волость была отдана Изяславу. Ему же после смерти брата Владимира достался и Новгород, а после смерти отца — и киевский столь. В дальнейшей своей истории Туров явился главным городом Турово-Пинской области и подобно всем городам того времени переходил из руки в руки, хотя, впрочем, с половины XII в., т.е. со времени перенесения великокняжеского престола из Киева во Владимир на Клязьме, в Турове утвердилась самостоятельная княжеская линия потомков Изяслава I — Юрий Ярославич и его преемники. В истории Турова интересна его судьба по отношению к Пинску. Первоначально Пинск в политическом отношении был пригородом Турова, не имел большого значения и зависел от Турова, но впоследствии постепенно усиливаясь к концу XII вв. стал самостоятельным уделом одного из Юрьевичей и затем далеко оставил за собой Туров, был значительно укреплен, так что в 1157 г. выдержал трехмесячную осаду весьма сильного войска кн. Изяслава Давидовича. Приблизительно в это же время в Турове возникла кафедра особой епископии, из святителей которой замечателен проповедник св. Кирилл, известный под именем «второго Златоуста». Первым же епископом был Иоаким (1146 г.). Позже, к концу XVI в., здесь насчитывалось 80 церквей. Таким образом, Туров являлся рассадником христианства Полесья. В 1440 г. епархия была перенесена из Турова в Пинск. Что касается затем XII в., то вероятнее всего, что Турово-Пинская область сохранила свою независимость до конца этого века, хотя, без сомнения, находилась под значительным влиянием усилившейся Литвы.

В первой половине XIV в. условия жизни Туровщины изменились: Турово-Пинское княжество вошло в состав литовско-русского государства. Литовцы были древними соседями русских; известны походы Владимира и Ярослава на Литву, относящиеся к 938 и 1038 гг., но это были набеги без особенной системы, и все дело только этим и кончилось. Со стороны литовцев были такие же набеги, окончившиеся только опустошением. Так дело обстояло в XI и почти до конца XII в. К концу XII в. борьба была более упорной, и если в летописи от XII до XIV в. и встречается имя Турова, то всегда при описаниях войн с Литвой. Все эти войны окончились в XIV в. тем, что Туров подпал под власть Литвы. По летописи так называемого Быховца, завоевание Туровской области произошло следующим образом. Мстислав, князь луцкий и пинский, начал борьбу с кн. Скирмунтом, чтобы завладеть Черной Русью. Тогда Скирмунт обратился с просьбой о помощи к кн. Живинбунду, который и послал войско вместе со своим сыном Куковойтом. Союзники разбили наголову Мстислава, и побежденный князь сбежал в Луцк, а Скирмунд занял Пинск и Туров. Есть, впрочем, и другие варианты этого рассказа. Затем Турово-Пинская область перешла в руки Наримунта Гедиминовича. С XV в. Туров принадлежал кн. Глинским, и когда кн. Михаил Глинский перешел на службу к московскому великому кн. Василию Ивановичу, то хотел удержать ее за собой, но Василий признал Туров при заключении мира в 1508 г. достоянием польского короля Сигизмунда, а последний вместе с другими местечками отдал его гетману кн. Константину Острожскому, который и завещал его своей второй жене, уроженной Слуцкой-Олельковичь. В конце XV и в первой половине XVI в. Туров несколько раз подвергался нападениям татар. Особенно большие бедствия были причинены городу их нашествиями в 1502 и 1521 гг. В 1535 г. русские войска под предводительством кн. Федора Овчины-Телепнева-Оболенского опустошили всю Туровщину. Во время унии древний г. Туров как православный, принимал деятельное участие в восстании казаков, за что жестоко пострадал. Гетман Януш Радзивилл в 1649 г. взял город штурмом, после чего устроил здесь резню казаков и жителей, принимавших участие в движении.

Шесть лет спустя, во время войны между Польшей и Россией за обладание Малороссией, русские войска с кн. Волконским во главе появились под Туровом. Туровцы вышли к ним навстречу с иконами и дали присягу царю. После этого Туров пять лет еще оставался во власти русских, а снова был присоединен к России только в 1793 г. Во время присоединения частью Турова владели Соллогубы, а часть, принадлежавшая казне, была отдана в награду ген. Селагинову. Немного позже английские спекулянты купили часть Турова для эксплуатации естественных (лесных) богатств Полесья, но хищнический способ ведения дела повлек за собой приказ имп. Павла о возвращении предпринимателям денег, а часть имения Соллогубов

была взята в казну. После удаления английской кампании русское правительство установило управление туровскими имениями, поручив его местным обывателям, но результаты были не совсем удачными. В последнее время местечко по частям принадлежало нескольким лицам. В настоящее время Туров представляет собой небольшое местечко с деревянными постройкам; разделяется оно на три части: местечко и два предместья — Заятелье и Запесочье. Жителей в местечке 2700 человек. Занимаются они главным образом земледелием, а весной — сплавом леса по Припяти в низовья Днепра. В местечке две церкви. Одна из них Преображенская, деревянная, построенная в 1800 г. прихожанами. Начало этого прихода восходит к очень древним временам: по преданию, храм был первоначально построен еще в 900 г. варягом-христианом Туром. Вторая церковь Ильинская, построенная в 1850 г. на счет казны. Начало этого прихода также скрывается в глубокой древности. При церкви есть училище для крестьянских детей. Кроме того, в Турове есть часовня на кладбище во имя всех святых, католическая каплица, три молитвенных еврейских дома, двухклассная церковная школа, сельская школа, почтовая станция, становая квартира, волостное правление, камера судебного следователя и мирового судьи, паровая мельница и пристань на р. Припять, с которой отправляется всех грузов, считая в том числе и плоты, около 700 тыс. пудов и прибывает более 50 тыс. пудов В Турове бывают две ярмарки в году: 17 января и 29 июня. Жители местечка зажиточны, занимаются земледелием, рыболовством и сплавом леса.

В 5 верстах от Турова, при р. Ствига, в 6 верстах от впадения этой реки в Припять, лежит упомянутое нами выше село Семирядцы. Почва здесь песчаная, население занимается земледелием, рыболовством и сплавом леса. Далее, при дороге в Давид-Городке, лежит село Семигостичи с церковью. Жители села занимаются также земледелием, рыболовством и сплавом леса. Имение принадлежало в последнее время Кеневичам. На севере от станции Семигостичи лежит село Ситница с православной Троицкой церковью. Раньше село принадлежало кн. Витгенштейнам, а от них перешло к кн. Гогенлоэ.

В 31 версте за Житковичами по Брестско-Брянской железной дороге находится станция Копцевичи, грузящая до 350 тыс. пудов лесных грузов.

Верстах в 13 к ю.-з. от Копцевичей, на р. Припять, лежит село Дорошевичи. Имение Дорошевичи, как и лежащее к востоку от него село Снядынь, некогда принадлежало иезуитам, а с конца XVIII в. — Кеневичам. Здесь сохранился архив и много художественных произведений. На р. Припять, в Дорошевичах есть пристань, но особенного значения она не имеет. На запад от Дорошевичей на Припяти лежит пристань Переров, с которой отправляется до 140 тыс. пудов хлебных и лесных грузов. В 20 верстах к востоку от Дорошевичей вниз по р. Припять лежит древнее местечко Петриково. По преданиям, оно получило свое название от своего основателя, который хотел встретиться под именем Петра. Неизвестно, когда Петриков перешел во власть кн. Олельковичей, но надо полагать, что не ранее конца XV в. В Петрикове существовала крепость, построенная кн. Юрием Олельковичем. В 1572 г. местечко досталось в удел Александру, сыну названного выше кн. Юрия, прославившегося в истории победой над татарами под Руткой, а в XVII в. перешло по женской линии к гр. Ходкевичам. Петриковская крепость просуществовала недолго; в 1535 г., во время войны великого кн. Василия IV с Сигизмундом войсками под предводительством кн. Овчины-Телепнева-Оболенского она была уничтожена. Позже еще дважды казаки под предводительством Наливайки разоряли Петриков в 1595—96 гг. В 1776 г. Ходкевичи схлопотали себе привилей у короля Станислава Августа, на основании которого и по настоящее время в Петрикове собираются большие ярмарки для продажи и покупки рогатого скота, лошадей, рыбы и разных домашних изделий два раза в год — 20 июля и 1 октября. В Петрикове есть деревянный костел Благовения, построенный в 1638 г. Криштофом Ходкевичем, виленским каштеляном, и женой его Софией. Две православные церкви, из которых одна — Воскресения, построена в 1846 г., а другая — приходская св. Николая, бывшая униатская, существует с 1772 г. В местечке имеются также сельская школа, становая квартира и еврейская синагога. Имение Ходкевичей заключает в себе 720 волок хорошей земли и много лугов, винокуренный завод и мельницы. Местечку также доставляет значительный доход рыболовство. В Петрикове насчитывается до 400 дворов и свыше 3 000 жителей, которые занимаются главным образом сапожничеством. Вообще они отличаются промышленным и предприимчивым характером, некоторые из них имеют свои берлины и возят на них лес, а многие занимаются и рыбной ловлей. Между жителями кроме евреев есть раскольники, которые переселились сюда со времен Никона, патриарха московского. В Петрикове имеется пристань на Припяти, на которой выгружаются пароходы, идущие снизу. Всех грузов (хлебные и лесные) отсюда отправляется до 100 тыс. пудов, а прибывает сюда до 30 тыс. пудов.

В 33 верстах за Копцевичами, на Брестско-Брянской железной дороге, находится станция

Птичь, при одноименной реке, грузящая до 750 тыс. пудов лесных и отчасти хлебных грузов.

Верстах в 8 к ю.-з. от станции Птичь при р. Припять, лежит упоминаемое в летописи древнее местечко Скригалов. Первоначально Скригалов был королевским владением, а затем перешел в частные руки. В XVIII в. он принадлежал Оскеркам, а в 1874 г. здешнее имение было куплено Карлом Шепеллером. Местечко имеет 102 двора и более 600 человек жителей, почти исключительно евреев. Здесь происходят еженедельные торги, а на основании привилея Станислава Августа от 28 мая 1782 г. собираются две ярмарки (9 мая и 6 декабря). В Скригалове есть деревянная церковь св. Николая, построенная Казимиром Оскерко, а также волостное правление и становая квартира. Жители евреи занимаются торговлей, христиане же — земледелием, рыболовством, разными ремеслами и отчасти сплавом леса. Имение заключает около 760 волок и богато лугами и громадными лесами, почва плодородная. Из исторических воспоминаний осталось известие об опустошении, произведенном в 1497 г. татарами в село Скригалов, причем был убит здесь митрополит киевский Макарий. В Скригалове есть пристань на р. Припять, с которой отправляются все грузы, считая в том числе и плоты (около 500 тыс. пудов). К северу от станции Птичь, верстах в 15, расположено на р. Птичь довольно крупное местечко Копаткевичи, или Копатковичи, в котором есть паромная переправа и водяная мельница. В прежнее время Копаткевичи были королевским имуществом, а потом были отданы в ленное владение Еленских. Здесь есть православная Покровская церковь, построенная прихожанами, а раньше был деревянный католический костел, построенный помощником Еленским в 1796 г. В 1863 г. Копаткевичи были секвестрованы, а в 1868 г. пожалованы генералу Цилову. Выше местечка Копаткевичи, по направлению к северу, невдалеке от р. Птичь лежат на битой дороге деревни Заречка, Копцевичи, Лучицы и некоторые другие деревни. Копцевичи и Лучицы служат весной временными пристанями, с которых отправляются леса и различные лесные материалы.

За станцией Птичь железный путь переходит мостом р. Птичь, а затем в 13 верстах от станции Птичь, близ д. Михновичи вступает в Речицкий уезд, где и достигает в 33 верстах от станции Птичь, станция Мозырь, грузящей около 480 тыс. пудов лесных и отчасти хлебных грузов и расположенной при местечке Коленковичи.

В 12 верстах к ю.-з. от станции Мозырь по почтовой дороге, на правом, возвышенном берегу р. Припять, расположен **Мозырь** — один из древнейших городов Западного края. Первые известия о нем относятся к половине XII в. Кн. Юрий Долгорукий, утвердившись на киевском столе в 1153 г. и заключив мир с Олеговичами Черниговскими, отдал Мозырь с областью Святославу Олеговичу, но вскоре Мозырь перешел обратно к киевскому князю. По этнографическому составу своего населения и принадлежащей к нему области, Мозырь тянул к западу — к Турову и Пинску, ибо всю эту область населяли дреговичи. В древности Мозырь не занимал видного положения. Свою судьбу он делил с Туровом, переходившим от одного князя к другому и не успевшим выделиться в самостоятельное княжение. Бывшие в Турове князья правили им только временно, в зависимости от киевского князя, а иногда от волынского, пока, наконец, не перешли в XIII в. во власть литовских князей. Мозырь представляет собой крайний юго-восточный пункт Белорусского края: к юго-востоку от него находилось киевское княжение и свободолюбивая Украина с ее борьбой с крымскими татарами, казацкими войнами, религиозными волнениями и пр. Этим положением Мозыря определяется его историческая судьба как города, подвергавшегося частым разорениям, и значение его как укрепленного пункта. Так, около Мозыря татары в 1227 г. победили литовцев, потом отряд их в 1241 г. опустошил город. Крымские татары также несколько раз сжигали город: в 1497 и в 1521 г. он был сожжен перекопскими татарами, то же повторилось и в 1534 г. Во время казацких войн Мозырь как королевский город, которым начиналась для украинцев Литва, много раз также подвергался разграблениям. Здесь упорно защищался известный Михненко против огромного королевского войска после того, как занял город, склонив на свою сторону его жителей. Но Януш Радзивилл, подступив со свежим войском, взял город и самого Михненка казнил. В половине XVIII в. Мозырь несколько раз еще подвергался разорениям, так что в конце концов представлял собой одни развалины с немногими жителями, а потому и был освобожден от всех замковых повинностей, которых и платить было некому. Во время частых войн через Мозырь как королевское место проходили вспомогательные войска казаков. Последние, идя на защиту литовских земель, не раз сами же грабили их. Так, в 1595 г. здесь стоял гетман Полоуст, казаки которого причинили много обид и разорений окрестным жителям. Послы Мозырского повета не раз жаловались на убытки и насилие, причиняемые им и всем жителям повета казаками, которые появились здесь не только во время восстаний в большом числе, но также небольшими шайками в мирное время с целью грабежа. Кроме того, сами хо-

лопы Мозырского уезда, хорошо знакомые всегда с положением дел на Украине, убегали туда, примыкали к казацким отрядам и возвращались назад. Чтобы прекратить эти сношения, в разное время было сделано на сеймах несколько постановлений о том, что старосты и державцы королевских имений хватали людей, как приходящих для грабежа из Украины, так и таких, которые отправлялись туда или возвращались оттуда с добычей. В таком смысле было сделано постановление на Волынском сейме 1593 г. вследствие заявления послов Мозырского повета.

В XVIII в. усилились волнения крестьян в некоторых местностях Западной России, особенно на Украине. В окрестностях Мозыря эти бунты отразились волнением крестьян в д. Каменщине и грозили целой Белоруссии. Волнения продолжались несколько лет и были усмирены войсками под начальством виленского воеводы Радзивилла. В середине века в Мозыре был укрепленный королевский замок, расположенный на теперешней Спасской горе, и состоял, по обычаю того времени, из двух частей: собственно замка, занимавшего вершину Спасской горы, и так называемого «паркана», занимавшего прилежащую к горе местность, в которую входили теперешняя церковь св. Николая. С противоположной стороны замок занимал низ подошвы Спасской горы около Михайловского собора и нагорную местность за костелом. Таким образом, замок занимал возвышенную гору, господствующую над Припятью, но неудобство его состояло в том, что против Спасской горы находилась другая возвышенность, отделенная от первой небольшой долиной. В случае нападения неприятель, захватив противоположную гору, мог парализовать действия гарнизона замка. Гора, занятая замком, обрывистая с двух сторон, высота ее над Припятью и рынком доходит до 20 сажен; с западной же стороны от нынешнего Михайловского собора гора менее крутая. С этой стороны был подъемный мост и ров в пять сажен шириной. Собственно замок занимал пространство в длину 63 сажени, а в ширину 28 сажен и состоял из четырех башен в четыре деревянные стены, прочие же части были сделаны в три деревянные стены. Из зданий, находившихся собственно в замке, кроме двух домов в стене, находилась церковь св. Спаса, помещение для городничего и разные кладовые. С восточной и южной стороны местность, где теперь находится церковь св. Николая, местность около Михайловского собора и пространство за костелом были огорожены парканом, т.е. крепким высоким забором, составлявшим передовую часть укрепления. В черте паркана кроме других строений находилась церковь св. Николая. Существование Мозырского замка относится уже к концу XVI в.: в 1552 г. была сделана опись замка, в которой говорится, что замок построен 70 лет тому назад старостой Михаилом Гашным, хотя им мог быть только восстановлен раньше существовавший замок на основании новых систем тогдашнего времени. Вероятно, в Мозыре, как и во всех древнерусских городах, было укрепление и до этого времени.

В половине XVI в., во время управления Мозырем Нарбута, замок был исправлен и переделан. Инвентарь замка указывает на то, что Мозырский замок представлял довольно значительное укрепление: в нем находилось пять больших орудий («дел спижных»), пять сарпатков (орудия меньшего калибра) и 53 гаковницы. Для орудий хранилось около полутораста снарядов и 268 пуль для гаковниц. Пороху хранилось 10 ведер, 2 малые бочки и 10 фунтов, 1 $^1/_2$ бочки серы и 6 кусков свинца, каждый такой величины, что его мог поднять один человек. Таково было состояние замка в половине XVI в. К началу следующего столетия замок пришел в упадок, а потому было постановлено отстроить его заново. По замковому инвентарю можно составить себе понятие о количестве населения г. Мозыря в половине XVI в., а также и о волостях, причисленных к Мозырскому замку. По обычаю, издавна установленному в литовско-русском государстве, для содержания королевских замков должны были работать не только мещане прилегавшего к замку города, но также и приписанные к замку волости, более или менее обширные, смотря по величине замка, и находившиеся под управлением старосты и городничего. К Мозырскому замку были причислены две волости — собственно Мозырская из 28 сел и Бчицкая из 14 сел. Кроме того, к ним для замковых работ присоединялись и крепостные окольных дворян. За исключением старост, городничего и его дьяков, здесь было всего семь шляхетских дворян, два священника (Спасского и Михайловского прихода), четыре пушкаря, заведовавшие всем, что относилось к замковым орудиям, шесть путных слуг, т.е. бояр низшего разряда (панцирных), служивших при замке в качестве курьеров, затем 217 мещанских дворов, 44 дворянских крепостных людей и 7 священнических крепостных. Таким образом, все население состояло из 230 домохозяев и 51 холопа. В фамилиях проименованных лиц преобладает название «Прохожий», что указывает на сборный состав населения города, находившегося на рубеже Белоруссии и Украины. Это незначительное тяглое население города вместе с волостями было обязано замку массой самых разнообразных работ и, кроме того, было обложено поземельным налогом. Вольности мещан состояли лишь в том, что они могли

рубить дрова и строевой лес, а также и косить сено. Пахатной земли у них не было, так что они должны были или покупать землю, или арендовать ее у соседних селян. Впрочем, только 30 мещанских домов имели пахотную землю, за которую платили куничную дань по 7 грошей и 2 пенязя, т.е. около 45 коп. Остальные мещане не имели пахотной земли и платили только «поворотщину», т.е. подворную дань по 1 грошу и 2 пенязя. Из внутренней жизни Мозыря можно отметить борьбу его жителей с униатами в первой четверти XVIII в. В это время, когда уния успела разрастись до наибольших пределов, борьба с ней была невозможна для частных лиц и даже городских общин, если не являлось покровителем в лице какого-нибудь сильного магната. Влияние и средства в польско-литовском государстве имели в то время наибольшее значение, и закон, столь строгий для лиц невлиятельных, мещан и хлопов, для можновладцев не был писан. Такими сильными покровителями православных мозырян явились в первой половине XVIII в. православные тогда Оскерки—Антоний, каштелян новогрудский и сын его Серваций, староста мозырский, владевшие в Мозырском повете большими имениями, как, напр., Копатковичи и др.

В начале XVIII в. в Мозыре утвердились базилиане с Тадеушем Янкевичем во главе с целью проповедования здесь католичества. Базилиане появились здесь, впрочем, и гораздо ранее, но не удержались и, по-видимому, уния здесь до XVIII в. еще не получила развития. Помещица Комаровская в 1620 г. пожертвовала базилианам с деревень Ляховичи и Носовичи сумму в 10 тыс. злотых, какая и была утверждена на сейме. Это пожертвование и дало возможность утвердиться здесь ревностным служителям папы. Но местное население относилось к ним крайне враждебно и нанесло целый ряд оскорблений монахам. Пользуясь поддержкой Оскерков, ландвойт мозырский Опока вступил в открытую борьбу с базилианами. Он выстроил сараи на церковной земле до самого кляштора базилиян, захватил их имения, собрав толпу мозырских рыбаков и крестьян, выловил в монастырских озерах рыбу, забрал с лугов сено и т.д. Он же отнял у них церковь св. Николая и принадлежавшие ей пожалования, приказал сорвать универсал митрополита Афанасия Шептыцкого, потоптать их ногами, и вообще, согласно жалобам базилиан, «позволял схизматикам быть схизматиками». Сильные покровители православия Оскерки даже выступили против базилиан на местных сеймах и однажды поддержали народное возмущение против их официала Янкевича. Последний явился к самому каштеляну новогрудскому, уговаривая его прекратить гонение на унию, но получил от него ответ: «Разве ты хочешь быть Иосафатом?» Если кто-либо из православных священников решался перейти в унию, Оскерки лишали его прихода. Так, священник Михайловской церкви за переход в унию был посажен в тюрьму, из которой вышел, объявив себя православным. Но когда оказалось, что он снова перешел в унию, то Оскерки его изгнали из прихода и города. То же самое они сделали и со священником в собственном их имении Копаткевичи, против которого возмутился сам народ, узнав о переходе его в унию. Вообще, ни унии, ни католицизму в Мозыре не везло, несмотря на все старания ксендзов. Старания эти выразились в том, что несколько раз утверждались монашеские ордена в Мозыре и строились костелы, но миссии их не были удачны. Кроме монастыря базилиан здесь был иезуитский костел в самом городе в 1730-х гг. В 1645 г. здесь утвердились бернардинские монахи старанием какого-то Стефана Лошка, и кроме того, здесь же существовал единственный в Литве монастырь мариавиток, основанный под городом в Кимбаровке ксендзом Бенедиктом Рожанским в 1744 г.

Что же касается административного значения Мозыря, то исторический ход его развития в этом отношении выразился следующим образом. В 1413 г. получило начало Минское воеводство, в состав которого входил Мозырь. В 1500 г. Минское воеводство было разделено на три повета — Мозырский, Речицкий и Минский. По второму разделу Польши Минская губерния в 1793 г. отошла к России; из нее было образовано наместничество Минское из 13 уездов. Одним из уездных городов и был сделан Мозырь. В настоящее время в Мозыре насчитывается 12 300 жителей, из них 4 100 православных, раскольников 70, католиков 620, протестантов более 20, евреев 7 300. По сословиям преобладают в городе мещане — 9 890 человек, крестьяне — 885 человек, купеческое сословие — 315, дворяне — 250, затем следуют прочие сословия. Городские мещане занимаются торговлей, промышленностью и работами на пристани и по сплаву лесных материалов, а также по постройке и починке пароходов. В городе известны 3 церкви; Михайловская соборная, Спасская и Николаевская (все они упоминаются уже в половине XVI в.), католический костел с чудотворной иконой Иисуса Христа, синагога и 10 молитвенных домов. В Мозыре имеется 3 завода — один спичечных коробок, другой пивоваренный и третий спичечный. Рабочих на всех заводах 565. Есть здесь также кузнечно-слесарная мастерская. Из учебных заведений Мозыря следует отметить шестиклассную прогимназию, одноклассное приходское училище с

женской сменой и частное двухклассное женское училище. Затем в городе имеется больница на 15 кроватей, метеорологическая станция, типография, общество вспомоществования учащимся, телеграфная станция и пристань на Припяти, на которую прибывает свыше 100 тыс. пудов хлебных грузов и с которой отправляется 800 тыс. пудов лесных грузов. В городе собирается и две ярмарки — 6 января и 6 августа. Главным предметом ярмарочной торговли служат скот, лошади, хлеб, разные лесные материалы, рыба, смола и скипидар. Прежде Мозырь был торговым городом, а в настоящее время потерял свое значение, хотя и принимает участие в заграничной торговле лесом и хлебом. Дрова, смола и лесные продукты сплавляются к южным портам через Припять и Днепр, а дубовая клепка и строительный материал — через Припять и Огинский канал к балтийским портам. Доходы города достигают 21 $^{1}/_{2}$ тыс. рублей.

В 20 верстах от Мозыря на запад, недалеко от вышеупомянутого местечка Скрыгалова, у р. Прудка, правого притока Припяти, расположено село Скрыгаловская или Михайловская Слобода с церковью, основанной в 1755 г. Казимиром Оскерко, и волостным правлением. В последнее время село принадлежало Казимиру Снядецкому. В имении числится 4245 десятин. В селе есть винокуренный завод. Почва в окрестностях урожайная, обилие лугов. Население занимается рыболовством. Громадные окрестные леса в настоящее время сильно вырублены. На юг от г. Мозыря, на почтовой дороге в Овруч, лежат незначительные селения Михалки (15 верст), Санюки (22 версты) и местечко Ельск, или Каролин (28 верст). Время основания местечка неизвестно. В начале XVI в. оно принадлежало французской семье Спадов, которые прибыли сюда из Франции во время религиозных преследований. Окрестности местечка носят характер Полесья. В местечке есть почтовая станция и Троицкая церковь, деревянная, построенная помещиком Казимиром Оскерко. Далее к югу, верстах в 23 от Ельска, лежит село Кузьмичи с Троицкой церковью, а за ним к западу, верстах в 13 от Кузьмичей, у границы Волынской губернии, расположено село Скородное при р. Славечне. В последнем селе есть приходская церковь св. Дмитрия, сельская школа и почтовая станция. В половине XIV в. Скородное принадлежало Тышкевичам, а в последнее время — Адамовичам. Почва в окрестностях местечка песчаная. Население Скородного занимается гонкой смолы и рыболовством.

Мозырский уезд занимает площадь в 14 196 кв. верст с населением 181 тыс. душ (12 жителей на кв. версту). Площадь его низменна за исключением возвышенного близ Мозыря правого побережья р. Припяти. Почва песчаная и болотистая за исключением возвышенных окрестностей Мозыря, где она серая суглинистая, и окрестностей Турова, где она суглинистая. Леса занимают около 40% всей площади уезда (более 500 тыс. десятин), болота — около 34% (430 тыс. десятин), пашни — около 17% (215 тыс. десятин), луга и выгоны — более 8% (110 тыс. десятин). Главные занятия жителей — земледелие, лесные и судовые промыслы.

К ю.-в. от Мозыря, верстах в 20 вниз по Припяти, в Речицком уезде, недалеко от этой реки с левой стороны ее, при почтовой дороге из Лоева в Мозырь, в красивой местности расположено местечко Юревичи. Это оазис среди глухого и топкого Полесья Речицкого уезда. С 1726 г. литовские иезуиты имели здесь свою миссию и великолепный костел. После иезуитов были бернардины, а с 1866 г. костел был обращен в православную церковь. В 1778 г. местечко получило привилей от короля Станислава Августа.

От Юревичей верстах в 5 на юго-запад, в западной части уезда, за р. Припятью, лежит местечко Барбаров, а южнее, верстах в 12 от Барбарова, — местечко Наровля. Оба местечка служат пристанями на р. Припять. Барбаров расположен при соединении р. Солокучь с Припятью. В местечке находится православная Успенская церковь, построенная помещиком Оскерко и прихожанами в 1779 г., и католическая часовня. Лет 40 тому назад Алексей Горват построил здесь громадный дворец, который славился на всю губернию. В крепостное время в Барбарове смолокурни были главным источником доходов владельцев. Почва в окрестностях состоит из серых лесных суглинков и в сухое лето довольно урожайная, а в мокрое, задерживая излишнюю влагу, причиняет сильный ущерб хозяйству. Зверей и рыбы очень много, а дерево из соседних пущ сплавляется в Одессу, Николаев и прочие порты Черного моря. С Барбаровской пристани вывозится всех грузов вниз до 250 тыс. пудов. Немного (3 версты) южнее Барбарова, по левой стороне р. Припять, на заливах, лежит село Обуховщина, издавна принадлежавшая Обуховичам. Местность здесь богата лугами и рыбой. Имение это теперь куплено крестьянами. Следующее достойное внимания поселение у р. Припять в Речицком уезде — местечко Наровля в 11 верстах к ю. от Барбарова. Жителей здесь около 300 человек. В местечке есть православная Иоанно-Богословская церковь, синагога и училище. На р. Припять имеется пристань; всех грузов, в том числе и плотах, отправляющихся с пристани вверх — свыше 150 тыс. пудов и вниз — свыше 250 тыс. пудов.

На восток от местечка Юриевичи при дороге к Брагину, расположено верстах в 30 местечко Хой-

ники, лежащее в самом сердце Полесья. Некогда Хойники принадлежали кн. Вишневецким, потом кн. Шуйским, а затем через брак по женской линии перешли к Прозорам. До конца XVII в. это местечко находилось в Брагинской волости, а после перехода Брагина от Вишневецких в другие руки оно стало отдельной волостью. В окрестностях Хойников расположены громадные пущи и луга, но все то еще не разработано и ждет деятельного хозяина. В местечке имеются две водяные мельницы и небольшой железоделательный завод. В окрестностных лесах гонится смола. В Хойниках есть Покровская церковь, построенная кн. И.Шуйским, две школы и почтовая станция, а также был и костел. На юго-восток от м. Хойники, верстах в 16, лежит большое село Остроглядь, принадлежавшее некогда кн. Вишневецким. В селе есть сельская школа с 1864 г., церковь с 1779 г. и деревянный костел, построенный в 1626 г. Харлинскими. В 9 верстах от Остроглядов на восток, при дороге из Лоева в Чернигов, при р. Брагинке, расположено местечко Брагин, некогда древнерусский город. Первые летописные известия о Брагине относятся к 1147 г. Из них видно, что этот город входил в состав киевского княжества. В том же году произошла упорная борьба киевского кн. Изяслава Мстиславича с северскими князьями Ольговичами и Давидовичами. Изяслав разорил здесь несколько городов, в отмщение ему князья черниговские разрушили Брагин. Спустя 40 лет, в 1189 г., когда кн. киевский Рюрик Ростиславич женил своего десятилетнего сына на Верхославе, восьмилетней дочери великого кн. Суздальского Всеволода Юрьевича, то, по уверению летописца, при свадьбе молодоженам «дал дары многы и город Брагин». Дальнейшая история Брагина вплоть до конца XV в. неизвестна, во время же господства Литвы он долгое время составлял собственность великих князей. В начале XVI в. местечко вместе с другими приднепровскими городами получило от Сигизмунда грамоту, обеспечивавшую права горожан и дававшую им различные льготы. Так, например, жители вносили подати прямо в казну, а не старостам или державным, которые слишком злоупотребляли своим правом взимания сборов. В конце XVI в. Брагин был пожалован кн. Вишневецким, устроившим свою резиденцию в старом замке. В начале XVII в. Брагин принадлежал еще кн. Вишневецким. В это время произошел случай, имевший чрезвычайно важное значение для России. В 1601 г. при дворе кн. Константина Вишневецкого появился неведомый пришелец Дмитрий Самозванец, потом он перешел в Гощу, а затем к кн. Адаму Вишневецкому, которому и объявил о своем якобы царском происхождении, вызванный на это, по одним рассказам, болезнью, а по другим — оскорблением, нанесенным ему Вишневецким. Таким образом, первый решительный шаг Лжедмитрия был сделан в Брагине. Во второй половине XVII в. Брагин перешел от Вишневецких к Конецпольским, а в начале XVIII в. — к нескольким лицам, которые постоянно расхватывали взаимно свои земли. Во второй половине XVIII в. Брагин приобрели в большей части Рокицкие. В 1648 г., во время казацких войн, Брагин добровольно отворил свои ворота перед вождями Хмельницкого Небабой, Напаличем и Хвеськом, за что и был разрушен поляками совершенно. Жителей в Брагине ныне числится 2700 человек обоего пола. В местечке имеются две православные церкви: одна из них, Николаевская, существовала в Брагине еще во время владения городом Вишневецкими, которые одарили ее землей и основали при ней мужской монастырь, а также позже и женский; другая церковь называется Михайловской. В начале XVIII в. здешние монастыри были перечислены в унию, церкви же присоединились к православию только в начале XIX в. В местечке есть еще еврейский молитвенный дом и сельская школа.

Возвращаемся к станции Мозырь. На север от нее, по большой дороге в Бобруйск, в 23 верстах, лежит село Дымановичи с церковью и сельской школой. Имение, принадлежавшее в последнее время Михайловым, заключает в себе около 14 тыс. моргов земли. В 22 верстах далее по тому же тракту расположено село Евтушкевичи. Имение при этом селе принадлежало в последнее время Горватам, Балицким и Полянским. При селе имеются мельницы и винокуренный завод.

За станцией Мозырь в 36 верстах, на Брестско-Брянской железной дороге, лежит станция Василевичи, грузящая свыше 1200 тыс. пудов лесных и отчасти хлебных грузов. Станция расположена вблизи истоков р. Ведрич, притока Днепра, при селе Василевичи. В селе есть Николаевская церковь, построенная в 1825 г., волостное правление и сельская школа. С 1878 г. в Василевичах существует метеорологическая станция с приспособлениями наблюдений над уровнем окрестных вод. Василевичи по проведении железной дороги начали развиваться и сделались довольно бойким торговым пунктом. В то же время были осушены экспедицией ген. Жилинского болота, окружавшие местечко. Перед осушением болот правительство выручало за луга арендной платы едва 155 руб., после же проведения канализации луга начали приносить до 7000 руб. В окрестностях Василевичей находится самый глубокий в Полесье торфяник, а вблизи него есть глубокие низины или колодцы, известные под названием «зовжинных». В

народе сохранилось предание, что эти колодцы были выкопаны по распоряжению кн. Ольги во время ее похода на древлян.

В 39 верстах за Василевичами Брестско-Брянская железная дорога достигает уездного г. **Речица**, расположенного на правом берегу Днепра. Станция Речица грузит до 1300 тыс. пудов преимущественно лесных и отчасти хлебных грузов. История г. Речицы небогата событиями; известно, что в конце XII в. город, находящийся в земле дреговичей, уже существовал, был укрепленным пунктом и принадлежал к Волынскому княжеству. Затем им овладели черниговские князья, а в 1214 г. он был совершенно уничтожен кн. Мстиславом новгородским. Во время Гедимина Речица вошла в состав литовского государства, а позже не раз бывали у Речицы перекопские татары. По данной Сигизмундом в 1511 г. грамоте днепровским и задвинским городом, Речица в числе других королевских русских волостей получила право вносить дани непосредственно в казну «как бывало за великого князя Витовта». Затем 1561 г. король Сигизмунд дал отдельную гармоту жителям Речицы, в котором было подтверждение прежней грамоты и более точное определение податей и повинностей , а также права суда и торговли. В 1596 г. все эти привелегии были подтверждены и Сигизмундом III. В 1634 г. минский воевода Александр Слушко основал здесь монастырь доминиканцев. Во время войн Богдана Хмельницкого в 1648 г. г. Речицу заняли казаки, но в следующем году Януш Радзивилл, гетман литовский, в окрестностях Лоева разбил казачьи отряды Кричевского и Подобайла. В 1650 г. Речицу занял небаба, но вскоре вынужден был отступить и погиб в битве. После этого гетман сильнее укрепил город и занял его войсками. В 1653 г. в Речице литовское войско имело главную квартиру, а в следующем году двинулось на Оршу и здесь было разбито войсками царя Алексея Михайловича под предводительством кн. Трубецкого. Речица, оставшаяся беззащитной, была зпанята русскими вройсками. В 1796 г. Речица была староством, а потом уездным городом Черниговского наместничества. В 1797 г. она была присоединена к Минской губернии, а в 1802 г. оставлена уездным городом этой же губернии. В 1845 г. был утвержден герб Речицкого уезда, представляющий щит, разделеннный на две половины, причем, в верхней части помещен губернский герб, а в нижней — в белом поле распущенное в левую сторону двухконечное знамя розового цвета, нижний конец знамени несколько длиннее. На знамени изображен всадник в латах, сидящий на коне, обращенном в правую сторону, в правой руке всадника — обнаженный меч, а в левой — щит с изображением на нем двойного креста. Население г. Речицы достигает немногим более 10 000 человек, из нах православных до 37%, евреев — до 57%, а остальные 4% составляют прочие вероисповедания. Что касается состава населения, то наибольший процент составляют мещане — 89%. В настоящее время в городе имеются две церкви: одна, более новая, Успенская, и вторая, существующая с 1723 г. под названием св. Николая, католический костел, синагога и несколько еврейских молитвенных домов, приходсткое училище несколько хедеров, больницы (приказа общественного призрения на 15 кроватей и тюремная на 4 кровати), аптека, еврейское общество подания помощи и пособия бедным и две лесопильни с 53 рабочими. В Речице есть пароходная пристань на Днепре. Город ведет торговлю хлебом и лесом. Вниз по Днепру определяется отсюда свыше 160 тыс. пудов грузов, а прибывает до 1500 тыс. пудов. Из жителей города мещане-христиане живут зажиточно, занимаясь главным образом земледелием, а также рыболовством, сплавом леса и лесных материалов и кормлением свиней. Евреи же занимаются мелкой торговлей ти тоже сплавом леса и лесных прдуктов. доходы города достигают 14 ½ тыс. рублей. Два раза в году в Речице собираются ярмарки к 9 мая и 6 декабря. На них продаются хлеб, лощади и скот. В 1830 г. в Речице родился В.Д.Спасович, известный адвокат, критик и публицист.

Верстах в 30 к с.-з. от Речицы вверх по Днепру, версах в 4 выше впадения в него р. Березины, на правом берегу этой последней реки, лежит при почтовой дороге из Минска в Речицу местечко Горваль. Местечко это прежде принадлежало кн. литовским и часто подвергалось нападениям московских войск. В царствование Ивана Грозного в 1535 г. оно было совершенно разрушено, а во время войн Яна Казимира с царем Алексеем Михайловичем вторично подверглось опустошению. В 1503 г. Александр Ягеллончик заключил перемирье на 6 лет с Иваном III. В этом договоре Горваль в числе других местечек был назван польской территорией и по истечении срока перемирья не подлежал нападениям. В 1648 г. казаки под Горвалем разбили наголову стражника литовского Мирского. Местность вокруг местечка — полесская, но не бедная. Имение состоит из 53 000 моргов земли, в пущах гонится смола и приготавливается скипидар. В настоящее время имение в запустении. В местечке насчитывается свыше 900 жителей, занимающихся главным образом сплавом леса и торговлей, последней преимущественно занимаются евреи. В местечке есть православная церковь, становая квартира, волостное правление, три еврейских молитвенных дома, больница, училище и

довольно много лавок. На основании прежних привилеев здесь еженедельно происходят торги. На пристани в Горвале грузится до 500 тыс. пудов лесных грузов.

Вниз по Днепру, верстах к 30 к ю.-в. от Речицы, расположено местечко Холмич с пристанью и паромной переправой. В местечке имеются две православные церкви, два еврейских молитвенных дома, два винокуренных завода и несколько мельниц. Издавна местечко принадлежало Воловичам, а в последнее время — Рокицким. Благодаря местоположению у реки Холмич является торговым пунктом. Отсюда вывозятся вниз по Днепру лесные материалы и смола, а пароходы снизу привозят соль, зерно и др. предметы первой необходимости; всех грузов отправляется вниз около 750 тыс. пудов. Местечко сделалось известным со времени казацких войн. В 1649 г. гетман Януш Радзивилл разбил здесь казаков, бывших под начальством Подобайла и Кричевского. В 1775 г., 4 июля, после первого раздела Польши в Холмиче был подписан акт разграничения белорусских земель между Польшей и Россией. Ниже Холмича, на Днепре, верстах в 30 от него лежит местечко Лоев, имеющее пароходную пристань на Днепре при впадении в него Сожа, отделяющего здесь Могилевскую губернию от Черниговской. Местечко расположено также при почтовой дороге из Речицы в Чернигов. В Лоеве есть верфь для постройки судов. Жителей здесь насчитывается 1615 человек обоего пола. В местечке имеются две православные церкви, костел, четыре синагоги, школа, семь ветряных мельниц и две водяных, довольно много лавок, почтовая станция и волостное правление. На пристани складываются товары, сплавляемые весной и летом по Днепру, Березине и Сожу, главным образом соль, зерно, лен, масло и клепка. Всех этих грузов отправляется вверх до 70 тыс., вниз — до 160 тыс. пудов, а прибывает снизу до 90 тыс. и сверху — до 15 тыс. пудов. Вообще, Лоев представляет собой торговое местечко, причем, торговля здесь особенно оживлена весной. Торговлей почти исключительно занимаются евреи. О происхождении Лоева история умалчивает, но без сомнения оно было одним из древнейших поселений, так как удобное положение его при большой реке, которая была древним торговым путем «из Варяг в Греки», делало Лоев одним из этапов колонизации. Во всяком случае относительно Лоева известно, что со времен Литвы он находился во власти Польши и в дальнейшей своей истории не раз был разоряем. В 1505 г. местечко было разорено перекопской ордой Махмед-Гирея, ведшего в то время войну с Минским и Слуцким княжествами. На главном сейме 1646 г. Лоев был присоединен к Стародубскому уезду Смоленского воеводства как вознаграждение Литвы за возвращенный Трубчевск. Во время восстания казаков под предводительством Богдана Хмельницкого Лоев был свидетелем кровавой резни. В конце 1648 г. казацкий вождь Подобайло уничтожил его совершенно. Этому не мог помешать бывший там хорунжий Гонсевский, так как отряд казаков под предводительством Кречковского грозил ему с тыла. Между тем старый гетман литовский Станислав Кишка вследствие болезни не мог принять участие в войне и поручил предводительство гетману Янушу Радзивиллу, находившемуся под Речицей. Таким образом начались военные действия. 18 июля 1649 г. Януш Радзивилл двинул из-под Речицы свои войска — пехоту байдаками по Днепру, а конницу и артиллерию сухим путем и пришел к Лоеву в два дня. Гонсевский же с пехотой перебрался на другую сторону Днепра, на месте впадения в него Сожа, и устроил здесь окопы, чтобы облегчить движение шедшего к Лоеву Радзивилла с войсками. Лишь 31 июля Кречковский встретился с войсками Радзивилла. Произошла упорная и кровавая битва, в которой казаки были разбиты наголову. Ниже по Днепру в пределах Минской губернии нет замечательных селений, так как наиболее замечательные — Радуль и Любеч — находятся на левом берегу Днепра в Черниговской губернии. Верстах в 25 от Лоева, при дороге в Любеч, вблизи правого берега Днепра в Речицком уезде, находится село Деражичи с православной церковью, сельской школой, а также с пристанью на Днепре.

Немного выше Деражичей находятся Деражицкая мель, а ниже Деражичей верст на 5, против Любеча, расположено село Глушец. Недалеко от села есть постоянная паромная переправа по дороге из Мозыря в Чернигов и пристань. Верстах в 30 ниже Глушца, недалеко от впадения в Днепр р. Брагинки, находится Копачевская мель и расположено село Старая Иолча. Это село находится на проселочной дороге через Днепр. В нем есть временная паромная переправа и пароходная пристань. Верстах в 30 ниже Старой Иолчи лежит местечко Комарин, также с пароходной пристанью. У местечка есть значительная мель. Верстах в 15 ниже Комарина лежит местечко Верхние Жары, а 5 верстах южнее — Нижние Жары с лесной пристанью. Далее Днепр выходит правым берегом из пределов Минской губернии в Киевскую, направляясь к устью р. Припять.

Речицкий уезд занимает площадь в 11 087 кв. верст с населением 223 тыс. душ (19 жителей на кв. версту) и расположен по правому берегу Днепра и по его притоку Припяти. Местность большей час-

тью низменная. Почва песчаная и болотистая; между Припятью и Днепром, впрочем, есть островок суглинистых и супесчаных почв, а по долинам Днепра и Припяти тянутся полосы пойменных почв. Под лесами 33% площади уезда (364 тыс. десятин), под болотами 33 $^1/_2$% (368 тыс. десятин), под пашнями около 19 $^1/_2$% (216 тыс. десятин), а под лугами и выгонами около 14 % (153 тыс. десятин). Население занимается лесными, судовыми промыслами, рыболовством и земледелием.

Перейдя мостом под г. Речицей р. Днепр, Брестско-Брянская железная дорога входит в Гомельский уезд Могилевской губернии и в 39 верстах от Речицы достигает станции Гомель, расположенной при одноименном уездном городе, где и пересекается с Либаво-Роменской железной дорогой и р. Сож.

Верстах в 20 к с.-в. от станции Гомель вверх по Сожу лежит местечко Ветка, связанное с Гомелем пароходным сообщением. Название Ветка происходит от острова того же имени, образуемого рекой Сож и небольшим отделяющимся от него заливом, составляющим как бы ветвь реки. Местечко это не очень старое, но замечательное по значению своему в истории раскола. Ветковская слобода, которую можно назвать колыбелью старообрядцев здешнего края, возникла во второй половине XVII в., будучи основана старообрядцами, бежавшими от преследований московских властей. Здесь у старообрядцев была церковь, перенесенная впоследствии в Стародуб. Имп. Елисавета Петровна, Петр III и Екатерина II приглашали неоднократно старообрядцев возвратиться на родину и поселиться, где они пожелают, но старообрядцы не слушались. В 1764 г. было повелено ген. Маслову насильно забрать и возвратить беглецов. Маслов нашел здесь до 20 000 человек и разослал их в разные места. Это событие у старообрядцев известно под названием «второй выгонки». Первая же подобная мера была предпринята при имп. Анне Ивановне, в 1735 г. Местечком Ветка считается с 1784 г. Здешние крестьяне занимаются земледелием, и только сравнительно незначительная часть крестьян и мещан живет торговлей и ремеслами, сосредоточенными главным образом между евреями. Местные кузнецы занимаются выделкой якорей, здесь же имеются канатные фабрики. Жителей в Ветке насчитывается до 7600 человек, в том числе свыше 3 $^1/_2$ тыс. евреев. Главные предметы ветковской торговли — хлеб, мука и лесные материалы, а также канаты и якоря. В Ветке есть церковь, два народных училища, становая квартира, почтово-телеграфное отделение и квартира земского начальника.

В двух верстах от местечка Ветка и в 18 от Гомеля, на правом берегу р. Сож, находится местечко Хальч. По преданию, Хальч в начале XVII в. принадлежал Халецким, покровителям первых ветковских поселенцев. Некогда здесь находилась иезуитская миссия. Местечком Хальч был уже в 1784 году. Здесь имеется православная церковь, церковноприходская школа и еврейский молитвенный дом. В окрестностях Хальча есть много доисторических курганов. Жителей в Хальче насчитывается свыше 2 тыс. человек, в том числе свыше 300 евреев. Местечко ведет преимущественно мелочную торговлю. Верстах в 9 к ю.-з. от Хальча, по дороге в Гомель, лежит село Покалюбичи. Граф Н.П.Румянцев построил здесь каменную церковь и училище, существующее до сих пор. Покалюбичи было его любимым летним местопребыванием. В здешнем училище имеется его портрет и хранится мундир фельдмаршала Паскевича, а также несколько реликвий севастопольской осады. Верстах в 45 к северу от Ветки вверх по Сожу, по которому производится пароходное сообщение, расположено местечко Чечерск (Чичерск). Чечерск существовал уже в XII в. и принадлежал тогда к Черниговскому княжеству. В 1157 г. черниговский кн. Изяслав Давидович, сделавшись великим кн. киевским, возвратил Чечерск кн. Святославу Ольговичу. В 1167 г., по смерти Святослава, Чечерск достался сыну его Олегу. С XV в., войдя в состав Литовского княжества, Чечерск неоднократно подвергался нападениям и переходил то в руки Литвы, то Москвы. В 1501 г. Чечерск был отписан Елене Ивановне, супруге великого кн. литовского Александра. В 1621 г. король Сигизмунд III подарил его Сапеге. В 1654 г. Чечерск был взят атаманом Золотаренком. Местечком Чечерск сделался с 1629 г. В этом же году оно получило от короля Сигизмунда III право на устройство торговли и двух ярмарок. В 1773 г. Чечерск был назначен уездным городом Рогачевской провинции и состоял таковым до 1777 г. В 1774 г. Чечерск был пожалован гр. З.Г.Чернышеву, первому наместнику края. Гр. Чернышев привел Чечерск в цветущее состояние. На противоположных концах местечка им были заложены три каменных православных храма и римско-католический костел по планам Растрелли. Здания эти фасадом почти одинаковы. Церковь Рождества Богородицы была освящена в январе 1787 г. в присутствии имп. Екатерины II. В алтаре этой церкви хранится рескрипт императора Александра I, в котором объявлена графине Чернышевой благодарность за сделанное ей значительное пожертвование хлебом русской армии в 1812 г. Живопись во всех храмах итальянской школы. Посреди площади местечка стоит четырехэтажное здание бывшей ратуши с пятью башнями наверху. Построено оно в готическом стиле. В северо-восточной стороне

местечка заметны остатки древнего земляного укрепления, бывшего замка, стоявшего на крутом обрыве над р. Чечерой. Замок был построен в готическом стиле и окружен глубоким рвом и подъемным мостом, теперь здесь раскинулись парк и сад. Первоначальное поселение евреев в Чечерске, которое относится к концу XVII в., находилось на особо отведенном для них месте, так называемом Подоле, расположенном в конце местечка на берегу р. Чечеры. В 1724 г. в Чечерске было всего пять еврейских домов. Теперь же евреи живут в самом местечке. В 1781 г. в Чечерске был великий кн. Павел Петрович с супругой, в 1787 г. — имп. Екатерина II, летом 1850 г. — имп. Николай I с наследником Александром Николаевичем, а осенью 1857 г. — имп. Александр II с супругой. Жителей в Чечерске насчитывается около 2000, в том числе большая часть евреев. Кроме мелочной торговли местечком производится скупка хлеба, пеньки и льна. В Чечерске есть три церкви, костел, городское училище, два народных училища, становая квартира, волостное правление и почтово-телеграфное отделение.

Возвращаемся к Брестско-Брянской линии Полесских железных дорог, оставленной нами при станции Гомель. Из Гомеля она вместе с Либаво-Роменской железной дорогой переходит мостом р. Сож, достигает в 4 верстах от Гомеля Новой Белицы, грузящей до 350 тыс. пудов лесных и отчасти хлебных грузов, а отсюда уже самостоятельно направляется к востоку, параллельно р. Ипуть (впадающей в Сож у Гомеля) вверх по течению и в 19 верстах от Новой Белицы достигает станции Добруш, грузящей около 50 тыс. пудов лесных грузов и расположенной близ одноименного села. Село Добруш, расположенное на р. Ипуть, еще во время польского владычества было фабричным пунктом: здесь изготавливались канаты и паруса. При гр. Румянцеве здесь тоже была парусная фабрика и происходила обработка металлов. Ныне здесь расположена громадная писчебумажная фабрика наследников кн. Паскевича с миллионным оборотом.

По Ипути тянутся обширные леса наследников кн. Паскевича, в которых водятся лоси, кабаны, косули и пр. Вверх по той же Ипути, верстах в 16 к с.-в. от Добруша, на правом берегу реки, лежит д. Демьянки, в окрестностях которой существует урочище Селище, представляющее собой площадь в несколько квадратных верст с остатками каменного века, находимыми по берегу р. Ипуть. Тут же расположена масса курганов со следами обыкновенного погребения и трупосожжения. К северу от этой деревни, верстах в 10, у села Закрутья, расположено так называемое Ревучее озеро, по временам издающее какой-то рев. Вероятно, от него имеется подземное сообщение с р. Ипуть (так называемые карстовые явления). На дне озера лежит еще сохранившийся лес. По преданию, уже в историческую эпоху здесь произошел провал местности.

Верстах в 18 за станцией Добруш Брестско-Брянская линия Полесских железных дорог выходит из Гомельского уезда в Новозыбковский уезд Черниговской губернии, направляясь к станции Злынка.

Гомельский уезд, расположенный по р. Сож и левому побережью Днепра, занимает площадь в 4719 кв. верст с населением в 229 тыс. душ (41 житель на кв. версту). Поверхность его невысокая, ровная. Почва к югу от Сожа и в западной части уезда песчаная с участками болотных почв и пойменными почвами по долинам рек. Около Гомеля и к северо-востоку от него почва частью супесчаная, частью суглинистая, частью серая лесная. Уезд самый безлесный в Могилевской губернии, так как леса занимают только 25% площади (121 тыс. десятин), сохраняясь больше по окраинам уезда. Пашни занимают около 34% площади (158 тыс. десятин), луга и выгоны — 23% (109 тыс. десятин), болота и пески — 17 $^1/_2$% (82 тыс. десятин). Население занимается земледелием и судовыми промыслами. Местами (как, напр., в селе Добруш) развита крупная фабричная промышленность.

Примечание. Сюда не вошли многие сочинения, упомянутые уже в предыдущих томах «Россия», которые включают в себя кроме Верхнего Поднепровья и Белоруссии также и другие области, как например, «Геогр.-статист. словарь Российской империи» и пр. Таким образом, читателю для подобных общих сочинений следует справляться в соответствующих указателях предыдущих томов.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ И ПОСОБИЙ ПО ВЕРХНЕМУ ПОДНЕПРОВЬЮ И БЕЛОРУССИИ

Общая география

Столпянский Н. Девять губерний западнорусского края. Изд. В.Деринера. СПБ, 1866.

Стиернскранц. Военно-статист. обозрение Смоленской губ., 1852.

Долгоруков, кн. В.М. Витебская губерния. Ист.-геогр. и статист. обзор. Витебск, 1890.

Ястремский Ф. Краткий очерк Минской губ. в физ.-геогр. и стат.-эк. отнош. Часть I. Физ.-геогр. очерк. Минск, 1897.

Дембовецкий. Опыт описания Могилевской губ., 2 тома. 1882.

Зеленский. Минская губерния. Материалы по геогр. и стат. России.

Штукенберг И.Ф. Статистические труды. Статья XVI. Смоленская губ. СПБ, 1858.

Цебриков М. Смоленская губ. Материалы для геогр. и статист. России. СПБ, 1862.

Семенов П. Живописная Россия. II. Белорусское Полесье, 1882.

Списки населенных мест. Смоленская губ. 1868.

Очерк работ Западной экспедиции по осушению болот 1873—98 под рук. ген. Жилинского.

Соловьев Я. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губ. Москва, 1855.

Формы земной поверхности, строение земной коры, почвы и ископаемые богатства

Гельмерсен Г. Отчет об исследованиях девонской полосы Средн. России в 1851 г. Вестник Имп. Р. Геогр. Общ., 1852, V, кн. I и Записки ИРГО. 1856, XI. То же на нем. языке в Beitr. z. Kenntn. d. Russ. Reichs. XXI, 1858.

Тилло А. Абсолютная высота истоков р. Днепра и Камы. Изв. ИРГО. 1891.

Киприянов В. Об изменении горизонта воды р. Днепра с 1859 по 1869 г. Труды Общ. Исп. Прир. при Харьк. Унив. 1870. II.

Докучаев В. Способы образования речных долин Европейской России Труды СПБ. Общество Естествоисп. IX, 1878.

Фельдман. Геогност. обозрение Смоленской губ. Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1855, № 11.

Дитмар А. Отчет о геологическом иссл. в 1870 г. в сев. части Смоленской губ. Материалы для геологии России, V.

Дитмар А. Отчет о поездке в Смоленскую и Калужскую губ. для иссл. гран. каменноуг. и девонск. формац. летом 1867 г. Материалы для геол. Росс., II.

Крылов А. Заметки о Смоленской губ. по поводу отчета А.Дитмара. Bull. Soc. Nat. Mosc. 1872, № 1.

Крылов А. Подзолы Могилевской губернии. Записки СПБ. Минералогического Общ. 1873. VIII.

Докучаев В. Геологическое строение берегов р. Качки Смоленской губ.

Докучаев В. Краткие заметки по геологии Смоленской губ. Протоколы СПБ. Общ. Ест. 1872—76. Труды СПБ. Общества Естествознания Т. III—VII.

Никитин С. Геологические наблюдения по линиям Ржев—Вязьма и Ярославль—Кострома. Изв. Геол. Ком. VII. 1888, № 9.

Мертваго А.С. Климово и его хутора Бельского и Духовщинского уездов Смоленской губ., «Сельское Хозяйство и Льноводство», 1891, №№ 6—9.

Анучин Д. Из поездки к истокам Днепра, Зап. Двины и Волги. Сев. Вестник, 1891, № 8.

Blasius. Reise in Europ. Russland. Braunschweig. 1844.

Георгиевский А. К вопросу о подзоле. Материалы по изучению русских почв, IV, 1888.

Криштафович Н. Некоторые гидрогеологические особенности минувшего лета (1897 г.) по наблюд. в Смоленской губ. Ежегодник по геол. и минер., II. Вып. 6—7, 1897.

Никитин С. Геологические наблюдения по Моск.-Винд. ж.д. Изв. Геол. Ком. XVII. 1898.

Никитин С. Каменноугольные отложения Подмосковного края и артез. воды. Тр. Геол. Ком. V, № 5, 1890.

Никитин С. Бассейн Днепра Гидрогеол. иссл. 1894 г. Труды Экспедиции для иссл. ист. гл. рек Евр. России. 1896.

Анучин Д. Верхневолжские озера и верховья Зап. Двины. Исследования 1894—95 гг. Труды Экспедиции для иссл. ист. гл. рек Евр. России, 1897.

Зброжек Ф. Бассейн Днепра. Гидротехнические исследования 1894 г. Труды Экспедиции для исследования истории главных рек Евр. России. 1895.

Гедройц, кн. А. Геологические исследования по Вильно-Ровенской ж.д. Изв. Геол. Ком. IV, 1885 и V, 1886.

Он же. Геологические исследования в губ. Виленской, Гродненской, Минской и пр. Мататериалы по геологии России. XVII, 1895.

Карножицкий А. Геологические исследования в ю.-з. части Витебской и сев. части губ. Минской и Могилевской. Материалы по геологии России. XVII.

Хорошевский. Геологические исследования в Минской губ. Речи и протоколы VI съезда естествоиспытателей и врачей в СПБ. 1880.

Михальский А.О. Отчет о геологических исследованиях вдоль линии строящейся Бологое-Седлецкой ж.д. Известия Геологического Комитета.

Милашевич К. Отчет геологической поездки в Могилевскую губ. Изв. Имп. Общ. Люб. Ест. Арх. и Этн. III. Вып. 2, 1886.

Менделеев Д. и др. Химические исследования почвы Симбирской, Смоленской и др. губерний. Тр. II-го съезда ест. и врач. Москва, 1870.

Ферхмин А. Сообщение о почвах Батищева. Труды Почв. Комис. Имп. Вольн. Эк. Общ. 1889.

Энгельгардт А. Отчет об опытах применения минеральных туков. Журн. С.Х и Лесов. 1892, № 3.

Климат

Воейков А. Климат Полесья. Прилож. к очерку работ Западной экспедиции по осушению болот. 1899.

Очерки климата:

1) Витебской губ. — в соч. кн. В.Долгорукова «Витебская губ.»;

2) Минской губ. — в соч. Ф.Ястремского «Краткий очерк Минской губ.»;

3) Могилевской губ. — в соч. Дембовецкого «Опыт описания Могилевской губ.».

Докучаев В. По вопросу об осушении болот вообще и в частности об осушении Полесья. Отечеств. Записки, 1875. Кн. 9.

Воейков А. Пинское Полесье и результаты его осушения. Изв. ИР Геогр. Общ. XXIX, 1893.

Он же. Поездка по России в 1892 г. Метеорол. Вестн., 1892, № 12.

Растительный мир

Эрн А. Статист. опис. Смоленской губ. в лесн. отнош. Журн. С.Х. и Лесов, 1866, №№ 1 и 2.

Полетаев. Из лесов поднепровских. Журн. С.Х. и Лесов. 1867. XCVI.

Турский М. Басс. Днепра. Иссл. лесоводств. отдела. 1894. Труды Эксп. для иссл. ист. гл. рек Евр. России. 1896.

Антонов А. О флоре Витебской губ. Труды СПБ. Общ. Ест. XIX, 1.

Пашкевич В. Очерк флоры цветковых растений Минской губ. Тр. СПБ Общ. Ест. XIII, 1883.

Чоловский К. Растения Могилевской губ. в соч. Дембовецкого «Опыт описания Могилевской губ.». 1882.

Пачосский И. Растительность Полесья. Труды СПБ. Общ. Ест., 1898.

Кеппень. География распределения хвойных, 1885.

Танфильев Г. Геоботаническое описание Полесья. Прилож. к очерку работ Западной экспед. по осушению болот, 1899.

Он же. Болота и торфяники Полесья, 1895.

Nathorst A. Den arktiska florans utbredning i länderna öster och söder om Osterjön. Imer. 1891.

Он же. Ueb d. gegenwärtigen Standpunkt unserer Kenntniss v. d. Vorkommen fossiler Glacialpflanzen. Bihang Svenska Vetensk. Akad. Handling. XVII. № 5.

Andersson G. Ueb. d. fossile Vorkommen d. Brasenia purpurea in Russland u. Dänemark. Bihang Svenska Vetensk. Akad. Handlingar. XXII. 1896.

Кауфман Н. Московская флора. 2-е изд. под ред. Н.Маевского. Москва, 1889.

Сементовский А. Статистическое описание Витебской губ. в лесном отношении. Труды Имп. Вольн. Экон. Общ. 1862.

Downar N. Enumeratio plantarum circa Mohileviam ad Borysthenem collectarum etc. Москва, 1861—62.

Энгельгардт М. Списки некоторых растений Смоленской губ. Ботан. Зап. изд. Бекетовым и Гоби. I, 1886—87.

Lindemann E. Prodromus florarum Tschernigovianae, Mohilevianae, Minskianae etc. Bull Soc. Nat. Mosc, 1850.

Шмальгаузен И. Флора средней и южной России. 2 тома. Киев, 1895—97.

Животный мир

Raczyński G. Nistoria naturalis curiosa Regni Poloniae. Magni ducatus Lithuaniae annectarumgue provinciarum in tractatis XX divisa. Sandomiriae, 1721.

Eichwald. Naturhistorische Skizze v. Lithauen, Volhynien und Podolien. 1830.

Andrzejowski. Amhibia nostratia seu enumeratio sauriorum, ophidiorum nec non sireniorum in excursionibus per Volhyniam, Podoliam etc. observatorum. Nouv. Mém. Soc. Nat. Mosc. II. 1832.

Tusenhauz. Ornithologia powszechna. Wilno, 1843—46.

Stronczyński. Spis zvierzat ssacych kraju Polskiego i pogranicznych. Warszawa, 1839.

Усов С. Зубр — монография. 1865.

Кесслер. Животные губерний Киевского учебного округа. 1850—56.

Walecki. Matériaux pour la faune ichtyol. de Pologne. Bibliotheca Warszawska, 1864.

Он же. Revue des mammiféres du pays. Biblioth. Warszawska, 1866.

Taczanowski. Ptaki drapiezne Królewstwa Polskiego. Warszawa, 1860.

Холодовский. Жилища бобров в Минской губ. Природа. 1875, № 3.

Из воспоминаний польского охотника. Журн. Ох. и Коннозавод. 1873.

Taczanowski. Liste de vertebrés de Pologne. Bull. Soc. Zool. de France, 1877.

Walecki. Materialy do zoografji Polski. Pamietn. Fizjograficzny. III, 1883.

Wrzesniowski. Encyclopedija Rolnictwa. Warszawa, 1879.

Taczanowski. Liste des oiseaux de Pologne. 1888.

Никольский А. Животный мир Полесья. Прил. к очерку работ Зап. эксп. по осуш. болот. 1889.

Алмазов И. Общий очерк охоты в Северо-Западном крае. «Природа и Охота», 1885, август.

Лоначевский А. Бобры в бассейне Днепра. «Природа и Охота», 1887, февраль.

Вобелг Е. Прилет птиц в Борисовском уезде Минская губ. «Природа и Охота», 1878.

Büchner E. Das allmählige Aussterben des Wiesents, Mém. Ac. Imp. d. Sc. de St-Pbg., XIII sér. III, 1895, № 2.

Сементовский А. Охота и звериные промыслы Витебской губ. Тр. Имп. Вольн.-Эконом. Общ. 1863.

Он же. Убытки населения Витебской губ. от волков и к вопросу о способах истребления их. Пам. книжка Витебской губ. на 1878 г.

С-ъ Л. Дикая кошка — Felis catus ferus. «Природа и Охота», 1878, июль.

«Животные» — краткий очерк, составленный при содействии Н.Арнольда и др. лиц, в книге Дембовецкого «Опыт описания Могилевской губ». Кн. 1. 1882.

Список животных в соч. Зеленского «Минская губ.». Материалы для географии и статистики России.

Археология и история

Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губ. и ее археологическое значение. Минск, 1892.

Завитневич В.З. Из археологической поездки в Припятское Полесье. Чтения Историч. Общества Нестора Летописца. Кн. IV. Киев, 1890.

Он же. Припятское Полесье. Там же. Кн. VI. Киев, 1891.

Он же. Статья в трудах Виленского археологического съезда.

Романов Е.Р. Раскопки в Могилевской губ. Древности. XXIII.

Коялович М. Литовская церковная уния. Т. I. СПБ, 1859.

Чистович И. Очерк истории западнорусской церкви. Части I и II. СПБ, 1882 и 1884.

Он же. Пятидесятилетие (1839—1889) воссоединения с православной церковью западнорусских униатов. СПБ, 1889.

Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. 2-е изд. Н.Батюшкова. СПБ, 1890.

Бобровский П.О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам. СПБ, 1890.

Коялович. Лекции по истории Западной России. 1864.

Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV.

Он же. История русской литературы. Т. I.

Дагикевич М.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885.

Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. I. Киев, 1885.

Taroszewicz I Ubraz Litwy pod wzgledem jej cywilizacji. Вильна. 1844. 3 части.

Статьи Сырокомли (история города Минска) и археологические статьи гр. Тышкевича в издании «Teka Wilénska».

Шолкович. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильна. 2 выпуска.

Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии. СПБ, 1855.

Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1889.

Виленский сборник. Изд. В.Кулина. Вильна, 1869.

Baliński M. i Lipiński T. Starożytna Polska pod wzgledem historycznym, etnograficaznym i statystycznym. Варшава, 1846.

Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов (20 томов и предисловия к ним).

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России (11 томов).

Акты Западной России. Издание Археографической Комиссии (5 томов).

Сапунов А.П. Витебская старина. Т. I и IV. Документы, объясняющие историю Западнорусского края и его отношение к России и Польше. СПБ, 1865.

Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. I. Киев, 1901.

Он же. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

Он же. Западнорусская сельская община в XVI в. СПБ. 1897 (из Ж.М.Н. Пр.).

Он же. Польско-литовская уния на сеймах до 1560 г. Москва, 1897.

Он же. В.Н.Тяпинский, переводчик Евангелия на белорусское наречие. СПБ, 1899.

Он же. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма. СПБ, 1901. (из Ж. Мин. Нар. Пр.).

Он же. Страница из истории крепостного права в XVIII—XIX веках («Русская Мысль», 1904, март — апрель).

Он же. К истории крестьян в Северо-Западном крае (статьи в Вил. Вест. за 1890 г.).

Любович. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Варшава, 1890.

Белорусские древности, изданные А.М.Сементовским. СПБ, 1890.

Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. Изд. Общ. Др. Пис.

Смородский А.П. Столетие Минской губернии 1793—1893. 2-е изд., исправленное и дополненное. Минск, 1893.

Сапунов А. Двинские или Борисовы камни. Витебск, 1890.

Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в. Киев, 1891.

Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

Данилевич В.Е. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV в., Киев.

Леонтович Ф.И. Очерки истории литовско-русского права, образование территории Литовского государства. СПБ, 1894.

Сапунов А. Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии. С рисунками в тексте и 25 отд. прилож. (Оттиск из памятной кн. Витебская губ. на 1903.) Витебск, 1903.

Ясинский М. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1880.

Никитин П. История города Смоленска. Москва, 1848.

Сементовский А.М. Витебск и уездные города Витебской губернии. С тринадцатью политипажами в тексте и портретом архиепископа полоцкого и витебского Василия. СПБ, 1864.

Сапунов А. Река Западная Двина. Историко-географический обзор с картами. Витебск. 1893.

Труды Минского губернского статистического комитета. Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Выпуск I. Минск, 1870.

Сементовский А. Памятники старины Витебской губернии. СПБ, 1867.

Кропотов Д.А. Жизнь гр. М.Н.Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПБ, 1874.

Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д.Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I и Александра II. 4 тома. СПБ, 1882.

Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. 2-е издание. С приложением статьи «Очерк правительственных мер по переселению крестьян после издания Положения 19 февраля 1861 г.». СПБ, 1881.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. I. СПБ, 1888.

Материалы Редакционных Комиссий.

Довнар-Запольский М.В. «Гапон» — повесть в стихах на белорусском языке В.Дунина-Марцинкевича (Очерк из истории белорусской этнографии). Москва, 1889.

Он же. В.Дунин-Марцинкевич и поэма «Тарас на Парнасе». Очерк из истории белорусской этнографии. Витебск, 1896.

Распределение населения по территории, его этнографический состав, быт и культура

Корсаков. Материалы для статистики Российской империи. СПБ, 1841.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 5 вып. 1898—1899. Изд. Ц. Ст. К.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Витебская губерния. 1897. Изд. Ц. Ст. К.

Статистика Российской империи. L. Движение населения Европейской России. Изд. Ц. Ст. К.

Кеппен. Девятая ревизия, исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПБ, 1857.

Население уездов Российской империи по переписи 28 января 1897 г. Изд. Ц. Ст. К.

Население городов Российской империи по переписи 28 января 1897 г. Изд. Ц. Ст. К.

Волости и важнейшие селения Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями МВД по поручению Статистического Совета. Изд. Ц. Ст. Ком. Губернии Литовской и Белорусской областей. СПБ, 1886.

Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПБ, 1901.

Этнографические сборники Императорского Русского Географического общества 1850 г.

Записки Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества за разные годы.

Довнар-Запольский М.В. Статистические очерки Северо-Западного края. Виленский Вестник, 1888.

Тройницкий А.Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Изд. Мин. Вн. Дел. СПБ, 1861.

Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива М. Н. Пр. Т. I и II. СПБ, 1893 и 1897.

Дубровский А.В. Сельские училища в Европейской России и привисленских губерниях. Статистический Временник Российской империи. III. Вып. I. СПБ, 1884.

Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европ. России и 10 привислинских по переписи 20 марта 1880 г. Изд. Ц. Ст. К. СПБ, 1888.

Грамотность детей сельского населения в Смоленской губернии. Изд. Смоленской губ. земской упр. Смоленск, 1900.

Богданович А.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Этнографический очерк. Гродно, 1895.

Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отдел. Этнографии. СПБ.

Романов Е.Р. Белорусский сборник. Могилев и Витебск. 5 выпусков.

Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. I. Под редакцией Н.Харузина (ст. Н.Янчука «По Минской губернии»).

Шейн П.В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. СПБ, 1879.

Он же. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I. Ч. II. Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах и песнях. СПБ, 1887, 1890.

Радченко З. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские) Дятловицкой волости Гомельского уезда. СПБ, 1888.

Довнар-Запольский М.В. Песни пинчуков. Киев, 1895.

Булгаковский Д.Г. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды и пр. СПБ, 1890.

Быт белорусских крестьян. Этнографический сборник ИРГО. Вып. II.

Никифоровский Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии. Старцы. Москва, 1892.

Он же. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895.

Он же. Простонародные приметы и поверья. Суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах Витебской Белоруссии. Витебск, 1891.

Piosnki wiesniacze z nad Niemna i Dzwiny, niektóre przyslowia i idiotyzmy w mowie slawianokrewickiej, z spostrzeżeniami nad nia uezynionemi. Wilno, 1846.

Рубановский И. и Жуковский Э. Этнографический очерк Могилевской губернии (в «Опыте описания Могилевской губернии» Дембовецкого).

Добровольский В.Н. Кисилевские цыгане «Живая Старина». 1897, вып I.

Он же. Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями. «Живая Старина». 1898, вып. III и IV.

Народности Витебской Белоруссии, в кн. «Витебская губерния» под редакцией кн. Долгорукова.

Нравы и обычаи крестьян Смоленской губернии в «Материалах для статистики и географии, собранных офицерами Ген. Штаба. Смоленская губ.» Цебрикова.

Грузинский А.Е. Из этнографических наблюдений в Речицком уезде Минской губ. «Этнографическое Обозрение». 1891. № 4.

Довнар-Запольский М.В. Женская доля в песнях пинчуков. «Этнограф Обозр.».

Он же. Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках. «Этногр. Обозр.». Кн. XVI, XVII, XIX.

Он же. Обычное семейственное право крестьян. Москва, 1897.

Ляцкий Е.А. О нечистой силе. «Этнограф Обозрение».

Tyszkiewicz Hr. E. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.

Соболевский А.И. Опыт русской диалектологии. В. I. СПБ, 1897.

Карский Е.Ф. К вопросу о разработке старого западнорусского наречия. Вильно, 1893.

Он же. Обзор звуков и форм белорусской речи. Москва, 1885.

Он же. Белорусы. Варшава, 1904.

Белорусское наречие — ст. в «Календаре Северо-Западного Края», изд. на 1889 г. под редакц. М.Довнара-Запольского.

Карский Е.Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени.

Сементовский А. Этнографический обзор Витебской губ. в «Сборнике в память первого русского статистического съезда 1870 г.» под ред. Сементовского.

Киркор. Этнографический взгляд на Виленскую губ. Этнографический Сборник ИРГО. Вып. III.

Носович. Белорусские песни. Записки ИРГО. Т. V.

Вольтер Э.А. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губ. СПБ, 1890.

А—р. Заметки о латышах трех инфляитских уездов Витебской губ. «Виленский Сборник» В.Кулина. Вильно, 1869.

Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения России. Этнографический Сборник ИРГО. Вып. V.

Небольсин. Очерки частного быта евреев в «Сборнике в память первого русского статистического съезда 1870 г.». Вып. II.

Никитин В.Н. Еврейские поселения северо- и юго-западных губерний (1835—1890). СПБ, 1894.

Бершадский С.А. Литовские евреи. СПБ, 1883.

Спрогис И.Я. Вступительная статья к XXVIII т. «Актов Виленской комиссии» (Акты о евреях).

Плохинский М.М. Статьи по истории малорусских цыган. «Этнографическое Обозрение».

Статьи, помещенные в «Виленском Вестнике»:

1) Мелкие заметки из жизни белорусов, 1895, №№ 62, 64, 67;

2) Праздник «куста» — в корресп. из Кобрина, 1894, № 135;

3) К этнографии Белоруссии, Романовского, 1895, № 129;

4) Юрьев день в Белоруссии, 1895, № 88;

5) Радуница в Белоруссии, 1895, № 77, 1896, № 74;

6) Пасха у сельчан белорусов, 1895, №№ 73, 74;

7) Благовещение, 1895, № 68;

8) Купала в белорусской деревне, 1895, № 134;

9) Рождественские святки, Демидовича, 1894, № 277 м. 1895, № 3, 1894, № 281;

10) Погребальные обряды белорусов, Довнар-Запольского, 1890, № 197;

11) *Его же.* «Заметки из поездки в Полесье».

Промыслы и занятия населения

Статистика Российской империи. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. СПБ. Вып. XXII. 1896, вып. V, 1898, вып. XXIII, 1893 и вып. XI, 1893.

Статистический Временник Российской империи.

Распределение земель по угодьям за 1881 г., Изд. Ц. Ст. Ком. МВД. СПБ, 1884.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Изд. Ц. Ст. Ком. Вып. V. Губернии Литовской и Белорусской групп. СПБ, 1882.

Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. VI. Средний урожай полевых растений Европейской России за десятилетие с 1881 по 1890 г. СПБ, 1895. Изд. М-ства Земл. и Госуд. Имущ.

Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Изд. М-ства Землед. и Госуд. Имуществ, 1902—04.

Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. Изд. Канцелярии Комитета Министров. СПБ, 1894.

Краткие справочные сведения о некот. русских хозяйствах. Изд. М-ства Земледелия и Госуд. Имуществ.

Рихтер Д.И. Опыт разделения России на экономические и естественные районы. Труды Имп. Вольно-Экон. Общ. СПБ, 1898.

Жигачев Е. Задолженность частного землевладения в России. «Русская Мысль», ноябрь 1892.

Фортунатов. Сельскохозяйств. статистика.

Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. СПБ, 1885.

Ходский Л.В. Земля и земледелец Экономическое и статистическое исследование. СПБ, 1891.

Каблуков Н. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России (очерки по экономии сельского хозяйства). Москва, 1899.

Вес четверти зерна отдельных хлебов в 1888—1889 гг. по показаниям, полученным Центр. Стат. Комитетом МВД при собирании данных об урожаях. Изд. Ц. Ст. Ком. МВД. СПБ, 1901.

Статистика Российской империи. Урожаи в 60 губерниях Европейской России 1891—1900 гг. СПБ.

Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Сборник статей под ред. А.Чупрова и А.Посникова.

Генко Н.К. К статистике лесов Европейской России (по поводу издания «Положения о сбережении лесов от 4 апреля 1888 г.»). СПБ, 1888.

Повременные издания: «Сад и Огород», «Русское Садоводство», «Вестник Имп. Росс. Общ. Садоводства», «Плодоводство» и др.

Сведения о количестве скота в 1900 г. по данным полостных правлений и уездной полиции. Изд. Ц. Ст. К. МВД, 1901.

Кулешов. Крупный рогатый скот. 2-е изд., 1897.

Попов А.А. К вопросу о русском молочном скоте. 1876.

Маковский В.А. Отчет инструктора молочного хозяйства Смоленской губ. за 1900 г. Смоленск, 1900.

Конская перепись в Европейской России. Могилевская губерния по сведениям 1875 г. СПБ, 1876.

Военно-конская перепись 1893 и 1896 г. Изд. Ц. Ст. Ком. МВД. СПБ, 1898.

Мердер И. Сборник сведений о торговле лошадьми в России. С приложением карты конской торговли и пунктов конских ярмарок. СПБ, 1891.

Русанов. Рыболовство и рыбоводство.

Вестник Рыбопромышленности за разные годы.

Бородин Н. Обычное право и закон о рыболовном промысле («Вестник Европы», январь 1899).

Вешняков В.И. Рыболовство и законодательство. СПБ, 1894.

Рыболовство в России за 1900 г. Изд. М-ства Землед. и Госуд. Имущ. СПБ, 1901.

Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. СПБ, 1898. Изд. М-ства Землед. и Госуд. Имущ.

Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России Т. VI, 1900, т. IV, 1897, т. V, 1898. СПБ. Изд. М-ва Землед. и Госуд. Имущ.

Правительственное содействие кустарной промышленности за 10 лет (1888—1898). Изд. отд. сельской экономии и сельскохозяйственной статистики М. З. и Г.И., 1898.

Обзор деятельности земств по кустарной промышленности 1865—1897 гг. Изд. отд. сельской экономии и сельскохозяйственной М. З. и Г. И.

Кустарные промыслы. Текущая статистика за 1895—96 сельскохозяйственный год. Изд. М.З. и Г.И. по отд. сельской экономии и сельскохозяйствен. статистике.

Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России.

Тимирязев Д.А. Историко-статистический обзор промышленности России. Т. I и II. СПБ, 1883 и 1886.

Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за разные годы. Изд. Д-та Торговли Мануфактур М-ства Финансов.

Приложения ко всеподданнейшим отчетам губернаторов за разные годы.

Пути сообщения

Головачов А.А. История железнодорожного дела в России. СПБ, 1881.

Мейен В. Обзор России в дорожном отношении. 1900.

Статистический обзор железнодорожных дорог и внутренних водных путей России с приложением карты путей сообщения и графических изображений. Издание отдела статистики и картографии Мин. Пут. Сообщ., 1900.

Статистический Временник Российской империи. Изд. Ц. Ст. Ком. Материалы для статистики речного судоходства в Европ. России. Ч. I. СПБ, 1872.

Речной флот (паровой и непаровой) по переписи 1895 г. и судостроение в 1892—1896 гг. в Европейской России. Изд. МПС. СПБ, 1898.

Максимович Н.И. Днепр и его бассейн. Киев, 1901.

Статистический сборник Мин. Путей Сообщения. Сведения о водных и шоссейных путях сообщения за разные годы.

То же. Сведения о движении товаров по внутр. водным путям.

То же. Сведения о движении товаров по железным дорогам.

То же. Сведения о железных дорогах.

Списки речных паровых судов Европ. России. Изд. Мин. Путей Сообщения.

Списки речных непаровых судов Евр. России. Изд. МПС.

Официальный указатель железнодорожных и др. пассажирских сообщений.

Перечень внутр. водных путей Европейской России. Изд. Мин. Пут. Сообщ., 1892.

Железные дороги Европейской и Азиатской России по линиям и ветвям, по губерниям и по времени открытия для движения, с указанием строительной длины. Изд. Мин. Пут. Сообщ., 1899.

Сводная статистика перевозок по русским жел. дорогам. Изд. д-та железнодорожных дел Мин. Финансов за разные годы.

Справочные издания и путеводители

Памятные книжки губерний Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской. Издание местных губернских статистических комитетов за разные годы.

Виленский календарь за разные годы. Вильна.

Календарь Северо-Западного Края под ред. М.Довнар-Запольского на 1889 и 1890 гг., Москва.

Карты, атласы и фотографии

10-верстная военно-топографическая карта Европ. России. Листы 13, 14, 15, 16, 27, 28, 29, 30, 43, 44.

3-верстная военно-топографическая карта Европ. России. Ряд VII, лист 6; ряд VIII, лист 6; ряд IX, листы 5—8 и 10; ряд X, листы 5—13; ряд XII, листы 5—13; ряд XII, листы 6—13; ряд XIII, листы 6—13; ряд XIV, листы 5—12; ряд XV, листы 4—11; ряд XVI, листы 4—1; ряд XVII, листы 4—10; ряд XVIII, листы 4—10; ряд XIX, листы 4—10; ряд XX, листы 4—9.

Атлас к очерку работ Западной экспедиции по осушению болот 1873—1898.

Карты, приложенные к сочинению Дембовецкого «Опыт описания Могилевской губернии».

Карты, приложенные к соч. Никитина «Бассейн Днепра. Гидрогеологическое исследование», к соч. Анучина «Верхневолжские озера и верховья Зап. Двины» и др. работам экспедиции, для исслед. источн. главнейших рек Европ. России.

Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени, прилож. к его исследованиям о белорусах.

Атлас судоходных карт р. Днепр. Изд. М-ва путей сообщения.

Лучшие фотографии Верхнего Поднепровья и Белоруссии Н.Н.Останковича в Вильне, Зверинец, Сосновая ул., д. Петрова.

ПЕРЕЧЕНЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Принятые сокращения:
воз. — возвышенность;
в. (вол.) — волость;
губ. — губерния;
д. (дер.) — деревня;
древн. гор. — древний город;
ж.д. — железная дорога;
зашт. гор. — заштатный город;
им. — имение;
мон. — монастырь;
м. — местечко;
мест. — местность;
оз. — озеро;
платф. — платформа;
пог. — погост;
полуст. — полустанок;
пос. — поселок;
почт. ст. — почтовая станция;
предм. — предместье;
прист. — пристань;
прит. р. — приток реки;
р. — река;
рч. — ручей;
разв. — развалины;
с. — село;
сл. (слаб.) — слобода;
ст. — станция;
стекл. зав. — стекольный заовд;
у. — уезд;
у. гор. — уездный город;
ур. (уроч.) — урочище;
фольв. — фольваркк;
хут. — хутор

Аболонье д. Порецкий у.
Абрамовки с. Юхновский у.
Абрамово, с. Дорогобужский у.
Авдеево д. Ельнинский у.
Авраамиев монастырь в Смоленске
Авсеново, почт. ст.
Авхуты см. Алуты
Аглонь пог. Двинский у.
Адамово полуст. Риго—Орловск. ж.д.
Аделиново с. Люцинский у.
Азобичи д. Рославльский у.
Аксюнино д. Бельский у.
Александрия почт. ст. Могилевской губ.
Александрина платф. Ржевско-Вяземской ж.д.
Александровское с. Сычевский у.
Алоньи Горы с. Юхновский у.
Алуты почт. ст.
Алферово ст. Моск—Брестск. ж.д.
Алферова д. Духовщинский у.
Альбрехтово им. Пинский у.
Ананьев ручей
Андреевка с. Юхновский у.
Андреевское см. Княжино
Андроново с. Юхновский у.
Андрусово с. Красненский у.
Антипова д. Бельский у.
Антополь ст. Спб.-Варш. ж.д.
Антополь с. Борисовский у.
Арефьино дер. Смоленский у.
Артемки д. Гжатский у.
Ашо оз.
Бабиновичи зашт. гор. Оршанский у.
Бабичская вол. Витебский у.
Бабич д. Рогачевский у.
Баево д. Бельский у.
Баево м. Горецкий у.
Балажевичи д. Мозырский у.
Балтутино с. Ельнинский у.
Бальбиново ст. Риго-Орл. ж.д.
Бальтин полуст. Риго-Орловск. ж.д.
Бараново с. Дорогубжский у.
Барановичи ст. М.-Бр. и Полесск. ж.д.
Барбаров м. Речицкий у.
Басинь им. Новогрудский у.
Баскаково с. Сычевский у.
Батищево им. Дорогобужский у.
Батуринская вол. Ельский у.
Батуринская вол. Юхновский у.
Батюшково ст. Моск.-Бр. ж. д.
Баушкино с. Дорогобужский у.
Башица почт. ст.
Бебря р.
Бездедовичи им. Лепельский у.
Безсоново с. Вяземский у.
Безыменный ручей
Бервино м. Витебский у.
Береза р.
Березина ст. Либаво-Роменск. ж.д.
Березина р.
Березина р.
Березино Верхнее м. Борисовский у.
Березино Нижнее м. Игуменский у.
Березинская система каналов
Березово д. Ельнинский у.
Берешта оз.
Берешта р.
Берлаж д. Игуменский у.
Беседка д. Рославльский у.

Колесники полуст. Моск.-Бр. ж.д.
Колесники д. Гжатский у.
Колковское болото
Колодищи ст. Моск.-Брест. ж.д.
Колодня полуст. Москов.-Брест. ж.д.
Колоцкая слоб. Гжатский у.
Колоча р.
Колошино полуст. Богоявл.-Смол. ж.д.
Колышня д. Бельский у.
Комарин м. Речицкий у.
Комаровка д. Рославльский у.
Комягино полуст. Москов.-Брест. ж.д.
Конец полуст. Богоявл.-Смол. ж.д.
Коноплевка р. см. Москва р.
Копаткевичи см. Копатковичи
Копатковичи м. Мозырский у.
Копатковичская вол. Мозырский у.
Копачевская мель
Копачи порог
Копацевичи ст. Полесск. ж.д.
Копцевичи д. Мозырский у.
Копылка р.
Копыль м. Слуцкий у.
Копысь з г. Горецкий у.
Корговица р.
Кореличи м. Новогрудский у.
Кореневская дача см. Белица Новая
Коркодиново с. Смоленский у.
Коробец ст. Богоявл.-Смол. ж.д.
Королева д. Юхновский у.
Корсика (Разрытое) м. Рослава
Корсовка ст. Петерб.-Варш. ж.д.
Корытия д. Красненский у.
Косовка ст. Риго-Орл. ж.д.
Кострицы д. Бельский у.
Костюковка ст. Либ.-Ром. ж.д.
Костюково почт. ст.
Костюковичи м. Климовичский у.
Костюковичская вол. Климовичский у.
Котово с. Дорогобужский у.
Коханово почт. ст.
Коханово ст. Моск.-Брест. ж.д.
Коханы с. Ельнинский у.
Колзаки д. Ельнинский у.
Кочевна Старая или Большая д. Рославльский у.
Кочеряга р.
Кошелево с. Рогачевский у.
Кощино им. Смоленский у.
Кошелево д. Сычевский у.
Красицкая ст. Моск.-Брест. ж.д.
Краславль см. Креславка.
Красная Слобода с. Рославльский у.
Красневский у. Смоленская губ.
Копачи порог
Копцевичи ст. Полесск. ж.д.
Копцевичи д. Мозырский у.
Копылка р.
Копыль м. Слуцкий у.
Копысь з г. Горецкий у.
Корговица р.
Кореличи м. Новогрудский у.
Кореневская дача см. Белица Новая
Коркодиново с. Смоленский у.
Коробец ст. Богоявл.-Смол. ж.д.
Красное с. Лепельский у.
Красный Став оз.
Крапивня д. Вяземский у.
Краши м. Новогрудский у.
Кресланка ст. Риго-Орл. ж.д.
Креславка м. Двинский у.
Креславские пороги на р. Зап. Двина
Крайцбургская вол. Двинский у.
Крайцбург м. Двинский у.
Крейбург ст. Риго—Орл. ж.д.
Креста Св. мон. в Смоленске
Крест порог на р. Зап. Двина
Кресты почт. ст.
Кречют см. Кричев
Кривичев см. Кричев
Кривиченка см. Кричевка
Кривичи племя
Кривичи с. Новогрудский у.
Кривой Дуб уроч.
Крипошин м. Новогрудский у.
Кривушка р.
Кричевка реч.
Кричев курган
Кричев м. Чериковский у.
Кричин фольварк Борисовский у.
Крослава см. Креславка
Крохоткино с. Смоленский у.
Круглое м. Могилевский у.
Круглое почт. ст.
Крупец с. Рославльский у.
Крупица им. Минский у.
Крупки м. Сенненский у.
Крупки ст. Моск.-Брест. ж.д.
Крупка р.
Крупошанский ручей
Крутая д. Гжатский у.
Крутиково д. Ельнинский у.
Крушбарск см. Крейцбург
Крыжбор см. Крейцбург
Крынки ст. Риго-Орл. ж.д.
Кубаровская вол. Духовщинский у.
Кубличи м. Лепельский у.
Кузьмичи Рославльский у.
Кузьмичи с. Мозырский у.
Кузьминичи с. Гомельский у.
Кукарево с. Игуменский у.
Куковячин д. Витебский у.
Куксина гора
Кукуевка д. Ельнинский у.
Кулешово д. Вяземский у.
Кульнево-Ильзенберг с. Режицкий у.
Купава р.

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН ЛИЧНЫХ

Август II король польский
Август III король польский
Аврамий преподобный
Ададуров воевода
Адамовичи помещики
Александра Федоровна имп.
Александров коннозаводчик
Александр Глебович кн. смоленский
Александр Невский в. кн.
Александр I имп. русский
Александр II имп.
Александр III имп.
Александр в. кн. литовский и король польский
Алексей Михайлович царь
Альберт епископ
Альбрехт король польский
Андерсен ботаник
Андрерсон Ф.Ф. заводчик
Андрей Васильевич кн.
Андрей Венгерский истор.
Андрей кн. вяземский
Андрей Владимирович кн.
Андрей Горбатый кн.
Андрей Дмитриевич кн.
Андрей Ольгердович кн.
Антошкевич бургомистр
Анучин Д.И. географ
Аркадий преподобный
Арсений епископ полоцкий
Артемий монах
Аршидстиад землевладелец
Аскольд варяжский вождь

Багратион кн. ген.
Бакштанские помещики
Балабан Гедеон еписк. львовский
Балацкие помещики
Бельфур землевладелец
Баранович Илларион намесник униатского митрополита
Баранович Лазарь писатель
Барбанегр. ген.
Барбашев кн.
Барклай-де-Толли кн. ген.
Барышников заводчик
Барятинский кн. воевода
Батенин заводчик
Баторий Стефан король польский
Баур инженер ген.
Бак Иосиф иезуит
Бейлин заводчик
Бландов заводчик
Блимович заводчик
Блудов гр. министр
Без-Корнилович исследователь
Белкевич Стефан см. Сильвестр митрополит
Бешт основатель секты хаседимов
Бибиков ген. министр
Богарне Евгений вице-король
Богдаковы заводчики
Богданов И.М. заводчик
Богданов Григорий дьяк
Богушевский заводчик
Бона королева польская
Борис Васильевич кн.
Борис Всеславич кн. полоцкий
Борис Гинвилович кн. литовский
Борис кн. полоцкий
Боровиковский художник
Боур ген.
Боушев Григорий купеческий сын
Бохвиц Оттон помещик
Борис Юрьевич кн.
Борх гр. историк
Бржуховский Стефан земский судья
Брискер Л.И. заводчик
Брольндский Гедеон архиепископ полоцкий
Брониковский ген.
Брохотские гр. помещики
Бруннов Михаил канцлер
Брюггеноэ Веннемарь магистр ливонского ордена
Брячислав Изяславич кн. полоцкий
Будников заводчик
Будный Симеон кальвинист
Букот Фаддей епископ жмудский
Булгак Иосиф митрополит
Бунге И. помещик
Буржинские помещики
Бутурлин воевода
Быховед Януш помещик
Бычковский Ф.И. заводчик
Беляев историк
Белоус Х.Т. фабрикант
Беляцкие помещики
Бельские кн.
Белосельский кн. воевода

Валуев воевода
Вальковичи помещики
Вальтин фон А.С. землевладелец
Вантропов заводчик
Ваньковичи помещики
Ванькович Валентин художник
Варгафтиг заводчик

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

ВЕРХНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ И БЕЛОРУССИЯ

Полное географическое описание нашего Отечества

Составители: В.П.Семенов (Тян-Шанский),
И.В.Довнар-Запольский, Д.З.Шендрик и др.

Ответственный за выпуск *В.А.Рабков*

Художник *М.Е.Шкурпит*

Художественный редактор *П.Я.Кухто*

Технический редактор *Н.М.Шевель*

Корректоры: *Е.Н.Гордейчик, И.И.Кособуцкая,*
В.А.Кульбицкая, О.М.Лаптева, В.М.Чудакова

Компьютерная подготовка издания: *И.М.Кузьменкова, А.Л.Шелкановцева*

Компьютерный набор: *Р.В.Девочко, Н.Н.Зубкевич, Л.Н.Клепикова,*
Н.В.Митрахович, Т.Н.Саленик, Н.А.Стасевич

Подписано в печать 27.12.2005. Формат 84 ×108 1/16. Гарнитура Ньютон.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 47,88 . Усл. кр.-отт. 97,44.
Уч.-изд. л. 56,68. Тираж 3000 экз. Заказ 66.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларуская Энцыклапедыя»
имени Петруся Бровки» Министерства информации Республики Беларусь.
Лицензия ЛИ № 02330/0056830 от 02.03.2004 г. Республика Беларусь.
220072, г. Минск, ул. Академическая, 15а.

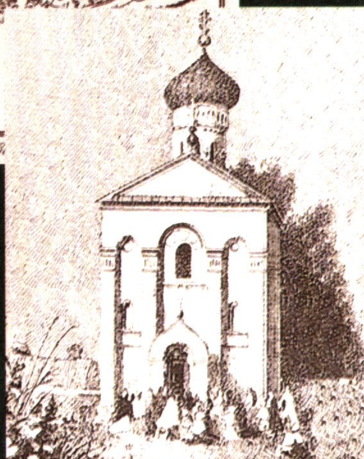
Отпечатано с оригинала-макета заказчика в Открытом акционерном обществе
«Полиграфкомбинат имени Я.Коласа».
Республика Беларусь. 220600, г. Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 985-11-0345-4

Гісторыя Беларусі ў дакументах, манаграфіях, літаратурных помніках

Белорусы…
Кто мы такие? Сколько нам лет-веков, долог ли наш исторический путь, где и когда он начался? Кто были наши предки, как они жили, чем занимались, во что верили, каким богам и силам природы поклонялись? Как отдыхали, веселились, с кем дружили, враждовали? Какими были наши поселения, города, местечки, села, деревни, фольварки, хутора, имения?
Некогда это издание было настольной книгой каждого образованного человека, ибо давало «полное географическое описание нашего Отечества». История возвращается…